

ЖИВАДА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

ЖЖВВ

1918 г.

XLIX г.

№ 21.

изданія.

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія А. М. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРЬЕВА („Великая Французская Революція“). Выданъ 25 мая (12 мая) 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—36 р., на 1/2 г.—18 р., на 1/4 г.—9 р. Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 к.

Главная Контора и Редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Перепечатка иллюстраціи и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Некрасовъ на смертномъ одрѣ.

Н. Крамской.

СОРОКАЛѢТІЕ
КОНЧИНЫ
Н. А. НЕКРАСОВА.

Въ концѣ 1917 года, 27-го декабря, исполнилось сорокъ лѣтъ со дня кончины одного изъ крупнѣйшихъ русскихъ поэтовъ—Николая Алексѣевича Некрасова.

Переживаемыя Россіей исключительныя событія помѣшали „Нивѣ“ откликнуться на эту

знаменательную годовщину своевременно. Но „лучше поздно, чѣмъ никогда“... а потому настоящій номеръ журнала почти цѣликомъ посвященъ Некрасову.

Вспоминая сорокалѣтіе смерти Некрасова, умѣстно будетъ возстановить въ памяти картину послѣднихъ расчетовъ поэта съ жизнью. Умиралъ Некрасовъ, какъ извѣстно, въ невѣроятныхъ мученіяхъ. Покойная жена поэта рассказывала одному изъ изслѣдователей, что она и не предполагала, что на свѣтѣ могутъ быть такія нечеловѣческія страданія, какъ тѣ, какія пришлось испытать ея несчастному мужу. Достаточно сказать, что Некрасовъ отъ невыносимыхъ болей „по цѣлымъ часамъ тянулъ какую-то однообразную ноту, напоминавшую бурлацкую ноту на Волгѣ“ (изъ воспоминаній д-ра Бѣлоголова). Вѣсти о болѣзни поэта широко распространились, черезъ посредство газетъ, по Россіи и возбудили сочувственные отклики среди многочисленныхъ поклонниковъ таланта и направленія поэтической дѣятельности Некрасова. Некрасовъ сталъ получать чуть ли не каждый день изъ разныхъ мѣстъ и глухихъ закоулковъ русской земли массу писемъ и телеграммъ то коллективныхъ, то единичныхъ, изъ которыхъ могъ заключить, какъ высоко цѣнитъ его родина. Въ книгѣ В. Евгеньева-Максимова о Некрасовѣ („Н. А. Некрасовъ“, М. 1914 г.) приведены образцы этихъ писемъ и телеграммъ, извлеченные изъ бумагъ Некрасова.

Среди привѣтствій коллективнаго характера останавливаютъ на себѣ вниманіе адреса четырехъ высшихъ учебныхъ заведеній: Петербургскаго университета, Медико-Хирургической академіи, Харьковскаго университета и Харьковскаго же Ветеринарнаго института.

Изъ груди же благожеланій, исходившихъ отъ единичныхъ лицъ, особенно умилило и растрогало поэта письмо едва ли не самаго благороднаго и самоотверженнаго изъ его друзей, Николая Гавриловича Чернышевскаго, томившагося въ то время въ заточеніи въ тундрахъ далекой Сибири.

„Если,—писалъ Чернышевскій Пышину,—когда ты получишь мое письмо, Некрасовъ еще будетъ продолжать дышать, скажи ему, что я горячо любилъ его, какъ человѣка, что я благодарю за его доброе отношеніе ко мнѣ, что я цѣлую его, что я убѣжденъ: его слава будетъ безсмертна, что вѣчна любовь Россіи къ нему, гениальнѣйшему и благороднѣйшему изъ русскихъ поэтовъ. Я рыдаю о немъ. Онъ, дѣйствительно, былъ человѣкъ очень высокаго благородства души и человѣкъ великаго ума. И, какъ поэтъ, онъ, конечно, выше всѣхъ русскихъ поэтовъ“.

Слова Чернышевскаго успѣли дойти до Некрасова.

— Скажите Николаю Гавриловичу,—отвѣтилъ Некрасовъ едва слышимымъ голосомъ,—что я очень благодарю его; я теперь утѣшенъ; его слова дороже мнѣ, чѣмъ чьи-либо слова...

Оцѣнка Некрасова, какъ поэта, содержащаяся въ приведенномъ сужденіи Чернышевскаго, конечно, страдаетъ преувеличеніями. И тѣмъ не менѣе она представляется чрезвычайно интересной, такъ какъ, съ одной стороны, рисуется размѣры популярности Некрасова среди его современниковъ, съ другой стороны, отражаетъ мнѣніе о Некрасовѣ русской революціонной интеллигенціи, вождемъ и „пророкомъ“ которой былъ Чернышевскій.

Въ наши дни, дни великой русской революціи, дни побѣды демократическаго принципа, было бы вопіющей несправедливостью не откликнуться на годовщину смерти поэта, болѣе, чѣмъ кто-либо другой изъ русскихъ художниковъ слова, сдѣлавшаго для возбужденія въ обществѣ свободолубивыхъ и народолубивыхъ настроеній.

Н. А. Некрасовъ у умирающаго Виссариона Григорьевича Бѣлинскаго.

А. Наумовъ.

Русская интеллигенция въ изображеніи Н. А. Некрасова.

Очеркъ В. Евгеньева-Максимова.

Однимъ изъ наиболѣе острыхъ вопросовъ современности является вопросъ о положеніи русской интеллигенціи. Положеніе это таково, что его съ полнымъ правомъ характеризуютъ словами: „трагедія русской интеллигенціи“. Проповѣдь безответственныхъ демагоговъ создала въ широкихъ массахъ убѣжденіе, что интеллигенція — это та же буржуазія, что она „саботируетъ“ въ отношеніи благихъ завоеваній революціи, и т. д. и т. п. Не стѣбитъ, конечно, всерьезъ полемизировать съ подобными утверженіями: слишкомъ безграмотными и наивными они являются. Но напоминать объ истинной роли интеллигенціи въ лѣтописяхъ русскаго прогресса, объ ея многолѣтнемъ служеніи идеаламъ русскаго освободительнаго движенія и можно и должно. Если народъ узнаетъ объ интеллигенціи правду, одну только правду, нынѣшнее антиинтеллигентское настроеніе, искусственно ему привитое, исчезнетъ „яко воскъ отъ лица огня“, и тогда откроется возможность широкаго сотрудничества между людьми труда мускульнаго и людьми труда умственнаго. Въ такого сотрудничества я не мыслю спасенія для Россіи, выхода ея изъ того тупика, въ которомъ она нынѣ находится. Читатель не забылъ сказки о слѣпомъ и безногомъ. Безпомощные въ отдѣльности, они съ полнымъ успѣхомъ дѣйствовали сообща. Точно также и солидарныя дѣйствія народа, этого мощнаго великана съ зрѣніемъ, притупленнымъ вѣками рабства и темноты, въ которыхъ его намѣренно держали, и интеллигенціи, безсильнаго физически пигмея, сумбѣваго, однако, долговременной тренировкой выработавъ зоркость и остроту умственнаго взгляда, — явились бы надежной гарантіей преодоленія нашей несчастной родиной тѣхъ неминуемыхъ трудностей, которыя современная политическая и социальноекономическая конъюнктура нагромодила на ея пути.

Вѣра въ возможность, болѣе того, въ необходимость солидарныхъ дѣйствій народныхъ массъ и интеллигентскаго меньшинства присуща очень многимъ представителямъ нашей художественной литературы. Однако, врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что едва ли идея сотрудничества народа и интеллигенціи имѣла когда-либо большаго фанатика, чѣмъ Н. А. Некрасовъ. Любимымъ образомъ великаго поэта-гражданина былъ образъ интеллигента, работающаго на нивѣ народной, окруженнаго довѣріемъ и уваженіемъ народныхъ массъ, которыя сознали пользу просвѣтленнаго знаніемъ, согрѣтаго любовью къ „униженнымъ и обиженымъ“ интеллекта.

Прежде чѣмъ иллюстрировать эту сторону общественно-политическаго сгедо Некрасова рядомъ примѣровъ, — въ чемъ и состоитъ главная цѣль этого очерка, — скажу нѣсколько словъ о томъ, какъ представлялъ себѣ поэтъ общественную роль и взаимоотношенія различныхъ классовъ современной ему Россіи. Классамъ правящимъ и эксплуатирующимъ народный трудъ онъ отдалъ всю свою ненависть. Русское вельможество имѣло въ немъ непримиримаго врага, не упускавшаго случая заклеить его эгоизмъ и своекорыстіе. Весьма характерными въ этомъ отношеніи являются общеизвѣстныя строки стихотворенія „Размышленія у параднаго подъѣзда“ о „владѣльцѣ роскошныхъ палатъ“, считающемъ „жизнь завидною упоеніе лестью безстыдною, волокитство, обжорство, игру“, зовущемъ народное благо „щелкоперовъ забавою“ и, въ воздаяніе за свои заслуги, „втихомолку проклятомъ отчизною“. Свѣтскій кругъ, который порождаетъ и воспи-

тываетъ „героевъ“, подобныхъ вышеописанному, характеризуется поэтомъ, какъ „тля... полумертвецъ, развратомъ юности ослабленныя души, невѣжды, если не глупцы“ (стих. „Медвѣжья охота“).

Вельможество, аристократія — это бельэтажъ того зданія, въ которомъ остальные этажи заняты дворянствомъ, чиновничествомъ и буржуазіей въ узкомъ смыслѣ этого слова.

Дворянство Некрасовъ изобразилъ въ незабываемыхъ стихахъ поэмы „Кому на Руси жить хорошо“, въ лицѣ Гаврилы Аванасьевича Оболта-Оболдуева. „Ни въ комъ протаворчія: кого хочу — помилю, кого хочу — казню! Законъ — мое желаніе! Кулакъ — моя полиція! Ударъ искросыпительный, ударъ зубодробительный, ударъ скуловоротъ!.. Трудись! Кому вы вздумали читать такую проповѣдь? Я не крестьянинъ-лапотникъ — я Божіею милостію російскій дворянинъ!“ — вотъ съ удивительною яркостью и экспрессіей выявленная сущность идеологіи російскаго благороднаго сословія. Неудивительно послѣ этого, что оно только и способно „носить ливрею царскую, сорить казну народную“ и ловить мужиковъ „въ крѣпостныя сѣти“.

Объ отношеніи Некрасова къ другому киту русской дореволюціонной государственности, чиновничеству, распространяться нечего... Собраніе его стихотвореній не случайно начинается знаменитой „Колыбельной пѣсней“, за которую такъ взлѣлись на поэта николаевскіе жандармы. Даже о лучшихъ изъ „стаи славныхъ“ російскихъ бюрократовъ только и можно, по мнѣнію поэта, сказать: „добро ты портилъ, зла не удучшалъ“ („Медвѣжья охота“).

Еще мрачнѣе ставятся тонъ некрассовской поэзіи, когда она обращается къ изображенію буржуа-плутократовъ. Всю силу своего страстнаго негодованія противъ нихъ поэтъ излил въ мало оцѣненной еще поэмѣ „Современники“. Въ ней пестрой вереницей проходятъ денежные тузы различныхъ мастей и ранговъ, объединенные всепоглощающимъ стремленіемъ къ наживѣ. Ради наживы всѣ средства одинаково пріемлемы; граница между добромъ и зломъ стерта; „все дозволено“...

Горе! Горе! Хищникъ смѣлый
Ворвался въ толпу!
Гдѣ же Руси неумѣлой
Выдержать борьбу?
Охъ! Горька твоя судьбина,
Русская земля!
У мужickaго алтына
У дворянскаго рубля
Плутократъ, какъ караульный,
Станетъ на часахъ,
И пойдетъ грабежъ огульный,
И случится — кррраахъ!

Въ бумагахъ Некрасова сохранилось любопытное стихотвореніе (въ собраніе его стихотвореній оно не могло войти по цензурнымъ условіямъ), въ которомъ какъ бы подводятся итогъ совокупному воздѣйствію на русскую жизнь привилегированныхъ сословія — чиновничества, дворянства и плутократіи. Вотъ оно:

Администрація — беретъ
И очень скупо выпускаетъ,
Плутократія — деретъ
И ничего не возвращаетъ.

З. Н. Некрасова, жена поэта
(въ семидесятыхъ годахъ).

З. Н. Некрасова, жена поэта
(въ послѣдніе годы ея жизни).

По приглашенію властей
 Дворяне ловятъ демагоговъ;
 Крестьяне отъ земли, кормилицы своей,
 Бѣгутъ подъ бременемъ налоговъ,
 И пропшпаются въ конецъ по кабакамъ,
 И пьянымъ по колѣно море...
 Да будетъ стыдно намъ, да будетъ стыдно намъ
 За ихъ невѣжество и горе!..

Это стихотвореніе проникнуто въ большей своей части великою ненавистью, жившею въ душѣ Некрасова, объектомъ которой, какъ мы видѣли, являлись тѣ общественныя группы, которыя низжили свое благополучіе на угнетеніи и разореніи народныхъ массъ, но въ немъ проявилась также и великая любовь поэта—любовь его къ родному народу. Тысячу разъ былъ правъ великій провидецъ Достоевскій, когда записалъ о немъ въ своемъ „Дневникѣ“ слѣдующія проникновенныя слова: „У него была своя своеобразная сила въ душѣ, не оставлявшая его никогда,— это истинная, страстная, а главное, непосредственная любовь къ народу. Онъ болѣлъ о страданіяхъ его всей душой, но видѣлъ въ немъ не одинъ лишь униженный рабствомъ образъ, звѣрское подобіе, но смогъ силой любви своей постичь почти безосознательно и красоту народную, и силу его, и умъ его, и страдальческую кротость его и даже часть увѣрывать въ будущее предназначеніе его...“

Но любовь къ народу не была единственной любовью Некрасова. Говоря о ней, выдвигая ее, не слѣдуетъ забывать и о другой великой привязанности поэта, которая также красной нитью проходитъ черезъ все его творчество и жизнь. Быть-можетъ, съ не столь поглощающею страстью, но съ неменьшимъ постоянствомъ любилъ Некрасовъ русскую интеллигенцію. Въ его пониманіи ея атрибутомъ являлась не принадлежность къ какому-либо классу или сословію, а неутолимое, на чисто-идеалистической почвѣ возникшее и возросшее стремленіе къ новымъ формамъ общественной жизни, къ новымъ социально-политическимъ идеаламъ и, что особенно важно, къ активной борьбѣ за эти формы, къ активному осуществленію этихъ идеаловъ. Въсѣтъ съ тѣмъ, отношеніе Некрасова къ интеллигенціи, равно какъ и отношеніе его къ народу, не было одностороннимъ, не было однобокимъ. Если, изображая народъ, Некрасовъ не закрывалъ глазъ на его темныя стороны, каковыми въ нѣкоторыхъ случаяхъ являются стихійная жестокость, склонность къ пьянству и разгулу, алчность и корыстолюбіе, то и русской интеллигенціи, при всей своей любви къ ней, поэтъ не задумывался иной разъ бросать въ лицо достаточно суровыя обвиненія. Такъ не оставленъ былъ безъ вниманія Некрасовымъ едва ли не самый главный изъ грѣховъ, тяготѣвшій на очень многихъ представителяхъ интеллигентской среды XIX вѣка, да откровенно говоря, и позднѣйшаго времени,—неумѣнье согласовать слово съ дѣломъ. Типъ Агарина („Саши“), сердцу котораго „доступно и сродно“ все высокое, разумное, свободное, но который чуждъ дающей „силу и власть“ страсти, который „любить сильно, сильнѣй ненавидитъ, а доведись — комара не обидитъ!“—созданъ творческою кистью Некрасова одновременно съ тургеневскимъ Рудинымъ. „Рыцарь на часъ“, „рыцарь добраго стремленія и безпутнаго житія“, крылатыя словечки, такъ мѣтко характеризующія Ахиллесову пятку многихъ представителей русскаго культурнаго общества, пущены въ оборотъ именно Некрасовымъ. И тѣмъ не менѣе поэзія Некрасова, въ значительной части своей, это восторженный дневникъ, пропѣтый въ честь нашей интеллигенціи. Понимая, что упреку въ „рыцарствѣ на часъ“ подлежить далеко не вся интеллигенція, Некрасовъ воздвигъ въ своихъ стихахъ вѣчный и неслѣпый памятникъ героическимъ порывамъ „образованнаго меньшинства“, тѣмъ порывамъ, которые заставляли его ставить все личное—и свободу и самую жизнь—на карту, когда этого требовали интересы общаго, прежде всего, интересы народа. Съ этой точки зрѣнія Некрасовъ подошелъ къ интеллигенціи и двадцатыхъ и сороковыхъ, и шестидесятыхъ, и семидесятихъ годовъ.

Интеллигенція двадцатыхъ годовъ изображена въ его поэмахъ о декабристахъ („Русскія женщины“, „Дѣдушка“), причѣмъ какъ герои, такъ и героини этихъ поэмъ окружены ореоломъ истинной святости, истиннаго подвижничества. „Зрѣлице бѣдствій народныхъ невыносимо, мой другъ; счастье умовъ благородныхъ—видѣть довольство вокругъ“,— вотъ въ чемъ общественно-психологическая причина 14-го декабря 1825 г. Рискуя

на неравную борьбу во имя этого „довольства вокругъ“, пріавъ въ этой борьбѣ вѣнецъ мученичества, декабристы пошли путемъ Христовымъ, а потому поэтъ считалъ себя въ правѣ говорить о нихъ, осужденныхъ и сосланныхъ, въ такихъ выраженіяхъ:

Напрасно чернила его клевета.—
 Онъ былъ безупречнѣй, чѣмъ прежде,
 И я полюбила его, какъ Христа...
 Въ своей арестантской одеждѣ
 Теперь онъ безсмѣнно стоитъ предо мной,
 Величїемъ кроткимъ сіяя.
 Терновый вѣнецъ надъ его головой,
 Во взорахъ любовь неземная...

Холоднѣе отношеніе Некрасова къ людямъ сороковыхъ годовъ, такъ какъ имъ-то, главнымъ образомъ, и было присуще отмѣченное выше неумѣнье согласовать слово съ дѣломъ. Считая и себя повиннымъ въ этомъ грѣхѣ, мучительно казня себя за него въ цѣломъ рядѣ стихотвореній, съ тѣмъ большимъ умиленіемъ душевнымъ останавливался поэтъ на тѣхъ дѣятеляхъ сороковыхъ годовъ, которымъ суждено было исполнить прегрѣшенія своихъ современниковъ, суждено было своею самоотверженною дѣятельностью во имя общественнаго блага „вынести на плечахъ все по-

колѣнье“ („Медвѣжья охота“). Изъ числа этихъ дѣятелей особое вниманіе Некрасовъ удѣлилъ Бѣлинскому и Грановскому. Первому, кромѣ особаго стихотворенія „Памяти пріятеля“ и обще-известныхъ строфъ въ „Медвѣжьей охотѣ“ („Молись твоей многострадальной тѣни, учитель, передъ именемъ твоимъ позволю смиренно преклонить колѣни...“), онъ посвятилъ особую поэму, написанную въ 1855 г., которая почему-то упорно не включается въ такъ называемое „полное“ собраніе стихотвореній Некрасова. Въ этой поэмѣ есть очень яркіе стихи, изображающіе общественную роль Бѣлинскаго, этого благороднѣйшаго представителя русской интеллигенціи, на примѣръ:

Не пощадилъ онъ ни ластенцовъ,
 Ни подлецовъ, ни идиотовъ,
 Ни въ маскѣ жаркихъ патріотовъ
 Благонамѣренныхъ воровъ.
 Онъ всѣ преданія проверилъ,
 Безъ ложнаго стыда измѣрилъ
 Всю бездну дикости и зла
 Куда, заснувъ подъ говоръ лестъ,
 Въ забвеніи истинны и чести,
 Отчизна бѣдная зашла.
 Онъ расточалъ ей укоризны
 За рабство—вѣковой ведугъ

А. С. Некрасовъ, отецъ поэта.

И прокричалъ врагомъ отчизны
 Его—отчизны ложный другъ
 Надъ нимъ ужъ тучи собирались,
 Враги шумѣли, ополчались,
 Но дикій вопль клеветника
 Не помѣшала ему пока...
 Въ немъ силы пуще разгорались...
 И, между тѣмъ какъ передъ нимъ
 Его соратники рѣдѣли,
 Смиряться, пятаясь, вѣмѣля,
 Онъ шелъ одинъ неколебимъ!..
 О! Сколько есть душой свободныхъ
 Смыновъ у родины моей
 Великодушныхъ, благородныхъ
 И неподкупно вѣрныхъ ей,
 Кто въ челоуцкѣ бражѣ видятъ,
 Кто зло клеймятъ и ненавидятъ,
 Чей свѣтель умъ и ясенъ взглядъ,
 Кому разсудокъ не тѣнитъ
 Преданія ржавыя оковы.
 Но всѣ ль они признавъ готовы
 Его учителемъ своимъ?..

Съ неменьшею экспрессіей, чѣмъ Бѣлинскаго, Некрасовъ воспѣлъ великихъ шестидесятниковъ—Добролюбова и Чернышевскаго. Въ ихъ психикѣ поэта болѣе всего поражали способность къ полному самоотреченію („сознательно мирокія наслажденія

ты отвергалъ”, — говорилъ поэтъ о Добролюбовѣ, а въ уста Чернышевскаго вкладывалъ признаніе „невозможности служить добру — не жертвуя собой“) и готовность все, даже самую жизнь, отдать на служеніе родинѣ („какъ женщину, ты родину любишь, свои труды, надежды, помышленья ты отдашь ей“).

Личность М. Л. Михайлова, одного изъ первыхъ избравшихъ тернистый путь революціонной борьбы за народное дѣло, въ свою очередь, вызвала восторженное отношеніе со стороны Некрасова. Записавъ въ альбомѣ близкой Михайлову Л. П. Шелгуновой общезвѣстные слова изъ „Рыцаря на часъ“: „суждены намъ благіе порывы“, Некрасовъ закончилъ свой автографъ прозаическимъ добавленіемъ, обращеннымъ непосредственно къ Михайлову: „Рѣдки тѣ, къ кому нельзя примѣнить этихъ словъ, чьи порывы способны переходить въ дѣло. Честь и слава имъ, честь и слава тебѣ, братъ!“

О Писаревѣ, также яркомъ представителѣ шестидесятыхъ годовъ, поэтъ, подъ впечатленіемъ его смерти, писалъ М. А. Марковичъ: „Писаревъ перенесъ тюрьму, не дрогнувъ нравственно, и, вѣроятно, такъ же вступилъ въ могилу... но вѣдь это исключеніе — пока жизнь представляла болѣе фактовъ противоположнаго свойства...“

Наступившіе вскорѣ семидесятые годы должны были убѣдить Некрасова въ томъ, что безобязанность „передъ дверью тюрьмы и могилы“ перестала быть „исключеніемъ“. Сотни и даже тысячи молодыхъ людей обоего пола поняли, выражаясь словами П. Л. Лаврова, что „всякое цивилизованное меньшинство... несетъ отвѣтственность за всѣ страданія современниковъ, которыя оно могло устранить, если бы не ограничилось ролью представителя и хранителя цивилизации, а взяло на себя и роль ея двигателя“; понявъ же это, не могли не сознать своего долга передъ народомъ: вѣдь тяжелымъ до кроваваго пота народнымъ трудомъ, и ничѣмъ инымъ, созданы были тѣ условія, при которыхъ они, т.-е. „цивилизованное меньшинство“, получили возможность пользоваться всѣми благами какъ внѣшней, такъ и духовной культуры. Вотъ тѣ логическія предпосылки, которыя, оказавъ могущественное вліяніе на психику молодежи, всегда склонной ко всему возвышенному и благородному, заставили ее мучительно задуматься надъ вопросомъ: „какимъ путемъ она можетъ быть наиболѣе полезна народу?“ И постепенно она приходила къ выводу, что существуетъ только одинъ путь: нужно идти въ народъ и жить его жизнью. Молодые люди отправлялись поэтому въ деревню, какъ врачи, фельдшера, народные учителя,

волостные писаря. Чтобы еще ближе соприкоснуться съ народомъ, многие пошли въ чернорабочіе, кузнецы, дровосѣки. Дѣвушки сдавали экзаменъ на народныхъ учительницъ, фельдшерницъ, акушерокъ и сотнями шли въ деревню, гдѣ беззаветно посвящали себя служенію бѣднѣйшей части народа. У всѣхъ ихъ не было никакой еще мысли о революціи, о насильственнымъ переустройствѣ общества по опредѣленному плану. Они просто желали обучить народъ грамотѣ, просвѣтить его, помочь ему какимъ-нибудь образомъ выбраться изъ тьмы и нищеты и въ то же время узнать у самого народа, каковъ его идеалъ лучшей социальной жизни“ (Кропоткинъ).

Судьба лишила Некрасова возможности съ должной полнотой и блескомъ воспить народническое движеніе семидесятыхъ годовъ, съ одной стороны, по цензурной трудности касаться столь „сомнительной“ темы, съ другой, вслѣдствіе того, что 1876—1877 годы, т.-е. какъ разъ въ то время, въ которое могли опредѣлиться и выкристаллизироваться въ поэтическія формы впечатлѣнія поэта отъ дѣятельности народниковъ, были годами медленнаго и мучительнаго угасанія Некрасова. Тѣмъ не менѣе, въ поэзіи Николая Алексѣевича мы находимъ все же довольно значительное количество откликовъ на народническое движеніе. Попытка изобразить дѣятеля въ чисто-народническомъ духѣ была сдѣлана Некрасовымъ въ poemѣ „Кому на Руси жить хорошо“. Дьячковскій сынъ Григорій Добросклоновъ, страстно убѣжденный въ томъ, что „доля народа, счастье его — свѣтъ и свобода, прежде всего“, мечтающій всю жизнь посвятить „для счастья убогаго и темнаго родного уголка“ — это уже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ типичный народникъ-семидесятникъ.

Еще ярче черты этого послѣдняго должны были сказаться въ задуманномъ, но не написанномъ стихотвореніи о земскомъ врачѣ Ершовѣ. Вотъ что мы знаемъ о предположавшемся содержаніи его (цитирую малоизвѣстный отрывокъ изъ бумагъ Некрасова):

„Ершовъ былъ хорошій человекъ, полезный народу въ своемъ углу. Задѣлъ, по неосторожности, надѣвая шубу въ волостномъ правленіи, за висѣвшій въ присутствіи портретъ, уронилъ его, враги донесли, и его куда-то заслали.“

Разсказываетъ дьячокъ-заика. Какъ начнетъ, такъ и дуетъ безъ передышки, а какъ законится, такъ часъ не дожدهшься продолженія. Такой и размѣръ я старался подобрать:

Онъ попалъ въ нашу мѣстность
Прямо съ школьной скамейки;
Воплощенная честность,
За душой ни копейки.
Да ему и не нужно!
Поселился онъ въ банѣ,
Жилъ съ крестьянами дружно,
Вѣлъ, что ѣли крестьяне.

Пауза. Затѣмъ разсказъ, какъ принималъ народъ, какъ лѣчилъ, на какой лошади и въ какой телѣгѣ ѣздилъ:

А лѣчилъ какъ успѣшно!
Звали Ершика повсюду;
Ѣдилъ къ барамъ не сбѣшно,
Къ мужику — ту жъ минуту
Ни почему темень ночи,
Ни почему непогода.
Богъ открылъ ему очи
На страданья народа.

Дало имъ его земство, но онъ съ нимъ поругался:

Безъ мундира просторнѣй,
Безъ оклада честиѣе,
Человѣка задорнѣй,
Человѣка прамѣе
Не выдаѣ я...

Самъ Господь умудряетъ
Человѣка инова
И уста раскрываетъ
На громовое слово...

Дальше ничего нѣтъ, заикнулся...“

Тѣмъ и кончается эта замѣтка о задуманной пьесѣ. Не такъ давно авторомъ этихъ строкъ былъ найденъ отрывокъ, изображающій дѣятельность ветеринарнаго врача во время эпизоотии. Въ уста врача поэтъ вкладываетъ слѣдующій потрясающій разсказъ, рисующій народолюбивое настроеніе разсказчика:

Умреть жена у пахара —
Другую заведетъ,
Умреть и та — онъ жещтлетъ
На третей.. Не бѣда!

Н. А. Некрасовъ. Снимокъ съ рѣдкаго фотографическаго портрета поэта, относящагося къ 50-мъ годамъ.

И. А. Некрасовъ со своей любимой собакой.

Умреть ребенокъ—хишня
 Кроха живымъ останется;
 Коровушка падеть—
 Все не бѣда, а поль-бѣды.
 Бѣда непоправимая,
 Когда валиться лошади
 У пахарей начнутъ.
 Зарывъ свою коровушку,
 „Не плачь жена! Поправимся,—
 Мелентій говоритъ,—
 Богъ милостивъ! Съ саврасушкой
 Побольше поработаемъ.
 Убытокъ наведемъ“.
 Чѣмъ свѣтъ идетъ за лошадю,
 Пришелъ и оробѣлъ:
 Саврасъ его, какъ вкопанный,
 Стоитъ, понуривъ голову,
 И дышитъ тяжело.
 Пощупалъ горло... Господи!
 Точь-въ-точь, какъ у буренушки,
 Всю шею разнесло!..
 Повелъ домой саврасушку;
 Какъ пьяный, самъ шатается,
 И лошадь, словно пьяная,
 Шагаетъ вяло, медленно...
 У кѣтки привязавъ
 Коня, Мелентій вымолвилъ
 Глухимъ, негромкимъ голосомъ:
 „Что дѣлать намъ теперь?“
 Пришла жена съ ребятами,
 Пришелъ столѣтній дѣдушка,
 Взглянули на саврасушку—

И зарыдали все...
 Я тутъ какъ тутъ, по должности
 Врача ветеринарнаго
 Наѣхалъ.. Вся семья,
 Вжмолившись, въ ноги бросилась:
 „Не самъ ли Богъ послалъ тебя?
 Спаси!“ Досталъ я снадобье,
 Чтобъ растирали опухоль;
 Конь поспокойнѣй сталъ,
 Да ненадолго... Случаевъ
 Выздоровленья не было
 Въ разгаръ эпизоотии...
 Савраска захрипѣлъ,
 Упалъ... Онъ долго корчился,
 Отъ боли землю грызъ;
 Потомъ заржалъ пронзительно
 И вытянулся... „Кончился“,—
 Крестьяннѣ прошепталъ...
 На всю семью несчастную
 Нашелъ столбнякъ; какое-то
 Поистинѣ ужасное
 Молчаніе; потомъ
 Всеобщее рыданіе
 Жены, сестеръ, хозяйна,
 Слепой столѣтней бабушки,
 Да мальчика трехлѣтняго,
 Котораго саврасушка
 Еще вчерашнимъ вечеромъ
 Деревней прокатилъ...
 Потомъ позгласъ хозяйна

И. А. Некрасовъ на прогулкѣ.

Къ сосѣдямъ, празднымъ зрителямъ:
 „Эй! Братцы! Помогите
 Свезти савраску за версту
 И въ сажень яму выкопать,—
 Начальство такъ велитъ
 Миѣ не на чемъ свезти его,
 Нѣтъ мочи яму выкопать,
 Ослабь я... помогите!“
 Отказъ. „Помочь мы рады бы,
 Да заразиться боязно,
 У насъ свои скотинушка...“
 — „И ладно! Эй, жена!
 Сестра! Ну, принимайтесь,
 У насъ ужъ падаютъ некому
 И вирамы!“ Савраску бѣднаго,
 Вооружась лопатой,
 Семья поволокла.

И Григорій Добросклоновъ, и лѣкарь Ершовъ, и ветеринарный врачъ — это народники начального періода движенія, того періода, когда оно не успѣло еще, подъ вліяніемъ дикихъ правительственныхъ репрессій противъ его участниковъ, принять ясно выраженный революціонный характеръ. Однако, вступленіе народнической молодежи на путь революціонной борьбы не только не заставило потускнѣть симпатіи къ ней поэта, но скорѣе обострило ихъ. Вѣдь Некрасовъ являлся однимъ изъ главныхъ возбудителей народническихъ настроеній семидесятыхъ годовъ, на что, кстати сказать, совершенно категорически указываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ столь компетентный свидѣтель, какъ Н. А. Морозовъ. Могъ ли поэтъ при такихъ условіяхъ „молчать“, когда увидѣлъ, какое неимоверно тяжелое бремя взвалили на свои некрѣпкія плечи молодые участники движенія, его послѣдователи и ученики, болѣе того, его духовныя дѣти? Разумѣется, нѣтъ!—и вотъ Некрасовъ пишетъ стихотвореніе „Молодые лошади“, въ которомъ содержится призывъ къ обществу поспѣшить на помощь молодежи, источающей свои силы въ тщетныхъ попыткахъ сдвинуть сонедшіи съ рельсовъ грузный вагонъ русской государственности. Этому стихотворенію, благодаря его аллегорической формѣ, удалось пройти черезъ цензурные фильтры. Зато нечего было и думать напечатать задушевный откликъ Некрасова на процессы 50-ти (Бардиной, Любатовичъ, Фигнеръ, Петра Алексѣева)—стихотвореніе „Смолкли честные, доблестно павшіе“, потрясающими красками рисующее реакціонную оргію послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра II.

Не увидѣло свѣта и другое стихотвореніе Некрасова, написанное имъ подъ впечатлѣніемъ происходившаго въ январѣ 1877 г. процесса участниковъ казанской демонстраціи, во время которой на улицахъ Петрограда впервые зарѣяло красное знамя „земли и воли“. Стихотвореніе это, переданное мнѣ виднымъ дѣятелемъ революціоннаго народничества С. И. Кривенко, я приведу полностью:

Есть и Руси чѣмъ гордиться,
 Съ нею не шутитъ!
 Только славнымъ поклониться
 Далеко вѣти.
 Вестминстерское аббатство
 Родины твоей—
 Міръ подземнаго богатства
 Снѣговыхъ стеней.

Оба указанная стихотворенія проникнуты безотраднѣйшей тоской, что и воплотилось естественно, такъ какъ въ нихъ поэтъ отзывался на факты, говорившіе объ утратахъ и жертвахъ, понесенныхъ борцами за народное дѣло. Но у Некрасова шевелилась мысль

о возможности побѣды, въ его творческомъ сознаніи сложился торжественный гимнъ въ честь побѣдоносной революціи. Увидѣть торжество дорогихъ его сердцу идеаловъ Некрасову не удалось, и отъ задуманнаго имъ гимна сохранился только черновой набросокъ:

Такъ залой, о, поэтъ! Чтобы всѣмъ матерямъ *)
 По Руси по святой, по глухимъ деревнямъ,
 Было слышно, что врагъ сокрушенъ, полоненъ,
 А твой сынъ невредимъ.— и побѣда за нимъ;
 Не велитъ унывать, посылаетъ поклонъ.

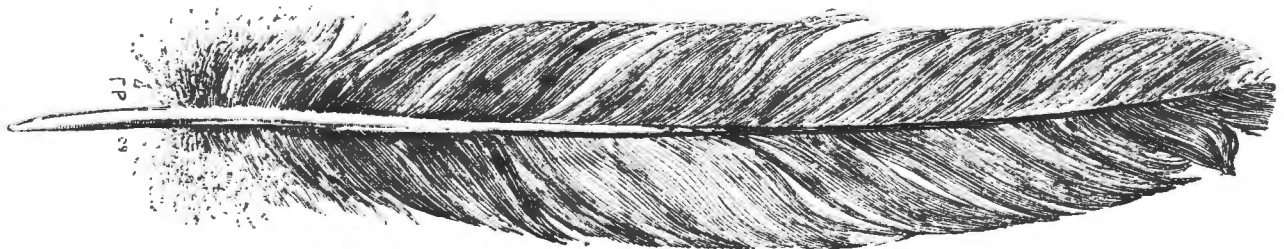
Едва ли не самымъ замѣчательнымъ стихотвореніемъ Некрасова съ содержаніемъ, навѣяннымъ народническимъ движеніемъ, является „Отрывокъ“ 1877 г.:

И сбросила мертвица оковы
 Друзей, семьи, родного очага,
 Ушла туда, гдѣ чтутъ пути Христовы,
 Гдѣ стерегутъ оплошнаго врага, и т. д.

Некрасовъ, несомнѣнно, имѣлъ въ виду крайнее лѣвое крыло народничества, а именно тѣхъ народниковъ, которые однимъ изъ законныхъ средствъ политической борьбы считали терроръ. И думаю, что иначе объяснить выраженіе „стеречь оплошнаго врага“ невозможно. Отсюда видно, какимъ было бы отношеніе Некрасова къ народолюбцамъ, до начала дѣятельности которыхъ ему не пришлось дожить. Они-то именно и „стерegli оплошнаго врага“, но въ то же время „чтили пути Христовы“. „Крещенъ въ православіи, но православіе отрицаю, хотя ученіе Христа признаю“.—отвѣчалъ глава народолюбцевъ Желябовъ на предложенный ему вопросъ о вѣроисповѣданіи. „Богъ — это правда, любовь, и въ этомъ смыслѣ я съ чистою совѣстью говорю о Богѣ, въ котораго вѣрю“.—слова другого вождя народолюбцевъ М. Л. Михайлова.

Приведенныхъ примѣровъ и ссылокъ съ избыткомъ достаточно, чтобы судить о восторженно-благоговѣнномъ отношеніи Некрасова къ поколѣнію семидесятыхъ годовъ. Некрасовъ не могъ не благоговѣть, не могъ не умиляться душой, созерцая общественныя выступленія дѣятелей, которые благо народное ставили выше всего на свѣтѣ. И русская интеллигенція, выдѣлившая изъ своихъ рядовъ этихъ дѣятелей, представлялась ему тѣмъ именно общественнымъ классомъ, который поможетъ народу сбросить нуты и политическаго, и экономическаго, и социальнаго рабства, который укажетъ народу дорогу къ лучшему будущему. Въ своихъ мечтахъ о томъ времени, когда наступитъ „воплощеніе счастья народнаго“, Некрасовъ отводилъ почетную роль интеллигенціи, чьи самоотверженныя усилія должны приблизить это время. Могъ ли предполагать поэтъ, что свѣтлые дни русской революціи, сдѣланные столь близкимъ, столь возможнымъ это долгожданное и страстно желанное „воплощеніе счастья народнаго“, будутъ омрачены гоненіями на интеллигенцію, которыя, въ концѣ концовъ, поведутъ къ тому, что между нею и народомъ ляжетъ глубокая пропасть?.. Конечно, мысль объ этомъ не приходила ему въ голову, а если бы и пришла, онъ постарался бы отогнать ее, какъ ни съ чѣмъ несообразную. Но нежданное и негаданное свершилось: наше время поставлено лицомъ къ лицу, какъ и указывалось выше, съ антиинтеллигентскими настроеніями широкихъ массъ. Вотъ почему одной изъ насущнѣйшихъ задачъ данного момента является широкая популяризація Некрасова. Пусть демократическій читатель, знакомясь съ Некрасовымъ, самымъ народолюбивымъ изъ русскихъ поэтовъ, научится по его стихамъ любить и уважать русскую интеллигенцію, пусть онъ пойметъ, что, любя народъ, нельзя не любить той общественной группы, которая, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, видѣла свое главное назначеніе въ служеніи народу.

*) Речь идетъ о матеряхъ, чьи сыновья томятся въ Петропавловской кѣрпости.

Неизданное письмо Н. А. Некрасова къ сестрѣ.

Здравствуй, милая Аня, здравствуй, Генрихъ Ст. Покуда пишу ламъ только, что я здоровъ, принялся за свои дѣла, дѣла идутъ изрядно,—завтра или на-дняхъ ѣду съ однимъ морскимъ офицеромъ въ Кронштадтъ и послѣ вамъ напишу.

А теперь прощайте — будьте оба здоровы и веселы и пишите ко мнѣ къ Владимірской въ Поварскую улицу въ домъ Тулубьева, № кв. 7-й. Гдѣ вы теперь — въ городѣ, въ Пулятинѣ-Грешневѣ, или идете въ походъ?

Жалю, что не могу послать тебѣ, Аня, извѣстную матерію. Теперь я просто безъ гроша. Затѣялъ предпріятіе въ десять тысячъ, имѣя только четыре, и всякую копейку, какая есть, принужденъ отдавать на бумагу, на печать, на картинку и на всякія другія принадлежности. Все это изговется только къ январю, и тогда только начнутся деньги, то есть законное вознагражденіе за трудъ и за рискъ. Впрочемъ, дѣло идетъ усѣбно, потому что я привлеку къ себѣ въ долю по этому предпріятію г. Языкова, своего

А. А. Буткевичъ, сестра Н. А. Некрасова.

короткаго знакомаго, имѣющаго капиталъ, и чего недостаетъ денегъ беру у него, разумеется, въ ожиданіи будущихъ благъ, которыя, впрочемъ, очень вѣрны. Прощайте, пишите ко мнѣ. Я васъ люблю.

Н. Некрасовъ.

19 октября 1845 г.

Если принять во вниманіе, что число разысканныхъ и напечатанныхъ писемъ Некрасова періода 1840—1845 гг. чрезвычайно невелико (какихъ-нибудь 5—6 писемъ), то приведенный, не появившейся доселѣ въ печати, автографъ письма поэта отъ 19-го октября 1845 г. нельзя не признать рѣдчайшей и драгоцѣннѣйшей находкой. Ею мы обязаны Анатолию Федоровичу Кони, которому и приносимъ нашу глубокую благодарность.

Письмо Некрасова обращено къ Аннѣ Алексѣевнѣ Буткевичъ, сестрѣ поэта и едва ли не самому близкому ему человеку (портретъ ея воспроизведенъ здѣсь, на этой страницѣ), и ея мужу Генриху Станиславовичу Буткевичъ. Грешнево — родовое имѣніе Некрасовыхъ. „Затѣя“, о которой говоритъ здѣсь Некрасовъ, — изданіе альманаха „Петербургскій Сборникъ“.

В. Евгеньевъ-Максимовъ.

Здравствуй милая Аня,
Здравствуй Генрихъ Ст.
Покуда пишу ламъ только,
что я здоровъ, принялся
за свои дѣла, дѣла идутъ
изрядно — завтра или на-
дняхъ ѣду съ однимъ морскимъ
офицеромъ въ Кронштадтъ
и послѣ вамъ напишу.
А теперь прощайте — будьте
оба здоровы и веселы и пи-
шите ко мнѣ къ Владимі-
рской въ Поварскую улицу
въ домъ Тулубьева № кв. 7-й.
Гдѣ вы теперь — въ городѣ
или идете въ походъ?
Жалю, что не могу послать
тебѣ, Аня, извѣстную матерію
Теперь я просто безъ гроша
Затѣялъ предпріятіе въ 10 тысячъ
имѣя только четыре и всякую
копейку отдаю на бумагу и
на всякія принадлежности.

Здравствуй милая Аня,
Здравствуй Генрихъ Ст.
Покуда пишу ламъ только,
что я здоровъ, принялся
за свои дѣла, дѣла идутъ
изрядно — завтра или на-
дняхъ ѣду съ однимъ морскимъ
офицеромъ въ Кронштадтъ
и послѣ вамъ напишу.
А теперь прощайте — будьте
оба здоровы и веселы и пи-
шите ко мнѣ къ Владимі-
рской въ Поварскую улицу
въ домъ Тулубьева № кв. 7-й.
Гдѣ вы теперь — въ городѣ
или идете въ походъ?
Жалю, что не могу послать
тебѣ, Аня, извѣстную матерію
Теперь я просто безъ гроша
Затѣялъ предпріятіе въ 10 тысячъ
имѣя только четыре и всякую
копейку отдаю на бумагу и
на всякія принадлежности.

19 октября
1845

Н. Некрасовъ

Н. А. Некрасовъ и цензура.

Очеркъ В. Евгеньева-Мансимова.

Одну изъ наиболее трагическихъ страницъ въ жизненной книгѣ Н. А. Некрасова составляетъ отношеніе къ нему отечественной цензуры. Цензурное вѣдомство съ удивительнымъ постоянствомъ въ теченіе цѣлаго сорокалѣтія искажало и уродовало своимъ безпощаднымъ пресомъ свободолубивыя вдохно-

венія „музы мести и печали“. Въ особой статьѣ (она составила послѣднюю главу въ моей книгѣ о Некрасовѣ) мнѣ уже приходилось останавливаться на тѣхъ, прямо-таки превосходящихъ всякое вѣроятіе преслѣдованіяхъ, которымъ подвергали російскіе цензоры, эти истинные „палачи слова“, Некрасова. Особенно уси-

„Некрасовъ и цензура“. Запрещенная цензурой иллюстрація къ стих. Некрасова „Орина—мать солдатская“, изъ альбома рисунковъ А. Лебедева.

„Некрасовъ и цензура“. Иллюстрація къ поэмѣ Некрасова „На Волгѣ“, изъ альбома рисунковъ А. Лебедева.

лились эти преслѣдованія въ послѣдніе два года жизни Некрасова. Въ концѣ 1876 года цензура вырѣзала изъ „Отечественныхъ Записокъ“ одну изъ лучшихъ главъ поэмы „Кому на Руси жить хорошо“ — „Пиръ на весь міръ“; въ мартѣ 1877 г. сестрѣ поэта пришлось усиленно хлопотать объ ускореніи выпуска въ свѣтъ „Послѣднихъ пѣсень“ и успокаивать путемъ личныхъ объясненій разыгравшуюся мнительность аргусовъ Цензурнаго Комитета. Однако едва ли не самой характерной для отношенія къ Некрасову цензурныхъ инстанцій является впервые извле-

каемая мною изъ архивной пыли исторія съ изданіемъ рисунковъ художника Лебедева на темы некрасовскихъ стихотвореній: ужъ слишкомъ цинично-откровенны тѣ мотивы, которыми руководствовался въ данномъ случаѣ Цензурный Комитетъ въ своихъ запрещеніяхъ.

Альбомъ Лебедева подъ заглавіемъ: „Кое-что изъ Некрасова“, кромѣ рисунка на обложкѣ, изображавшаго „музу мести и печали“ въ образѣ женщины съ лирой, на берегу бушующаго моря, и портрета самого поэта, которымъ открывался альбомъ, заклю-

чалъ въ себѣ въ своемъ первоначальномъ видѣ одиннадцать рисунковъ-иллюстрацій: „Власть“ (№ 1), „Тройка“ (№ 2), „Крестьянскія дѣти“ (№ 3), „Морозъ красный носъ“ (№ 4), „Дешевая покупка“ (№ 5), „На Волгѣ“ (№ 6), „Похороны“ (№ 7), „Филантропъ“ (№ 8), „Огородникъ“ (№ 9), „Свадьба“ (№ 10) и „Орина—мать солдатская“ (№ 11). Содержаніе каждого рисунка пояснялось соответствующими стихотворными отрывками, напечатанными на особыхъ листахъ тонкой бумаги, предшествовавшихъ рисункамъ.

Цензурный Комитетъ, разсмотрѣвъ рисунки, наложилъ запретъ на дѣльныхъ четыре изъ нихъ, а именно на рисунки къ стихотвореніямъ „Огородникъ“, „Орина мать солдатская“, „Свадьба“ и „Филантропъ“^{*)}. Лебедевъ не пожелалъ помириться съ этимъ рѣшеніемъ и обжаловалъ его въ Главное Управленіе по дѣламъ печати. Главное Управленіе затребовало у Комитета объясненій (въ отношеніи отъ 22-го декабря 1877 г. за № 6107; см. „Дѣло С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета 1877 г. по рисункамъ художника Лебедева къ сочиненіямъ Некрасова: началось 24-го декабря 1877 г.; окончилось 24-го марта 1878 г.). Комитетъ отвѣтилъ подробнымъ донесеніемъ (отъ 13-го января 1878 г. за № 62), нѣкоторыя мысли котораго представляютъ собою настоящіе перлы, достойные если не гоголевской, то, во всякомъ случаѣ, щедринской кисти. Приведемъ его полностью:

„Вѣдѣствіе предложенія Г. У. по д. п. отъ 22-го декабря за № 6107 Комитетъ имѣетъ честь представить слѣдующія объясненія на жалобу художника Лебедева.

Изъ числа рисунковъ къ стихотвореніямъ Некрасова Комитетомъ признаны неудобными:

1) Огородникъ. Извѣстный рассказъ Некрасова о любовной связи мужика-огородника съ дочерью помѣщика, — связи, кончившейся для крестьянина позорной ссылкой, — самъ по себѣ тенденціозенъ. Въ рисункѣ Лебедева еще рельефнѣе выступаетъ глубокая рознь и враждебность сословій, ровно какъ и вопіющая несправедливость приговора, постигшаго крестьянина.

2) Орина—мать солдатская. Послѣ восьмилѣтней разлуки солдатъ возвращается домой на побывку, но не на радость матери: его мучитъ смертельный недугъ. Умирая въ бреду, онъ обращается съ какой-то невысказанной мольбой къ своему командиру. Комитетъ находитъ крайне неудобнымъ, въ особенности теперь, при патриотическомъ настроеніи всего общества, такъ рельефно выставлять гибельныя послѣдствія военной службы.

3) Подпись къ рисунку, изображающему „Бурлаковъ“ — потому, что въ ней одинъ изъ рабочихъ высказывается, что ему хотѣлось бы лучше умереть къ утру, чѣмъ томиться въ этой работѣ. Такое желаніе указываетъ на тяжкія невыносимыя условія, въ которыя будто бы поставлено наше рабочее сословіе.

4) Рисунокъ къ стихотворенію „Свадьба“ представляетъ совершаемый въ церкви брачный обрядъ лицами, которыхъ связала случайная безразличная связь, и которымъ поэтъ въ приведенныхъ стихахъ сулитъ самую безотраднѣйшую семейную жизнь. Въ такомъ сопоставленіи будущаго семейнаго горя и непоправимости зла, вслѣдствіе посредничества церкви, слышится упрекъ установленному церковью брачному союзу.

5) Рисунокъ къ стихотворенію „Филантропъ“ — вслѣдствіе того, что художникъ придалъ изображенію филантропа служебную обстановку государственнаго сановника.

При извѣстномъ направленіи поэзіи Некрасова къ порицанію существующихъ условій быта про-

стого народа и сопоставленію его съ высшими сословіями, Комитетъ считалъ своею обязанностью отнестись съ особою осторожностью къ иллюстраціямъ, усиливающимъ впечатлѣніе стихотвореній. (Подписи председателя Комитета А. Петрова и секретаря Н. Пантелѣева).

Эта смѣхотворная мотивировка столь рѣшительной мѣры, какъ запрещеніе четырехъ рисунковъ, даже Главному Управленію показалась малоубѣдительною, и оно рѣшило нѣсколько умѣрить пылъ своего подначальнаго органа.

„Советъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, — читаемъ мы въ отношеніи Гл. Упр. отъ 20-го февраля за № 1073, — разсмотрѣвъ представленіе С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета за № 62, по поводу дозволенія имъ къ печати препровождаемыхъ при семъ рисунковъ художника Лебедева къ стихотвореніямъ Некрасова, находилъ вполне правильнымъ запрещеніе рисунка къ стихотворенію „Орина—мать солдатская“, остальные же полагаютъ дозволить со слѣдующими ограниченіями:

Въ рисункѣ къ стихотворенію „Огородникъ“ нижнюю вѣтвь, изображающую преступниковъ, отправляемыхъ по этапу въ Сибирь, уничтожить, а низъ рисунка закончить одною среднею картиною, измѣнивъ при этомъ и текстъ къ рисунку.

Въ рисункѣ къ стихотворенію „Филантропъ“, для устраненія официальной обстановки, которую придалъ изображенію художникъ, уничтожить у филантропа свѣтлыя пуговицы и у выводящихъ бѣднаго чиновника—погоны, кантъ на рукавѣ и свѣтлыя пуговицы.

Рисунокъ къ стихотворенію „Свадьба“, для устраненія всякихъ нежелательныхъ толковъ о значеніи брака, разрѣшить безъ текста.

„Некрасовъ и цензура“. Иллюстрація къ стих. Некрасова „Огородникъ“, изъ альбома рисунковъ А. Лебедева, запрещенная цензурой и „исправленная“ художникомъ.

^{*)} Всѣ „запретныя“ рисунки Лебедева помѣщены въ настоящемъ № „Нивы“; это даетъ возможность всякому судить о степени „объективности“ и „безпристрастия“ цензуры того времени.

Что же касается текста, приложенного к рисунку „На Волгѣ“, то, по мнѣнію Совѣта, онъ безвреденъ, и обыкновенному выраженію „лучше умереть“ едва ли можно придавать то тенденціозное значеніе, которое усматриваетъ Комитетъ“. (Подпись за начальника Главнаго Управленія Ѳ. Веселаго).

Такимъ образомъ, какъ видитъ читатель, въ данномъ случаѣ рѣчь можетъ идти только о нѣкоторомъ „умѣреніи пыла“, ибо и позиція Главнаго Управленія является въ достаточной степени твердокаменной по части „охраненія основъ“, какъ понимали это охраненіе люди въ мундирахъ Цензурнаго вѣдомства. Само собой разумѣется, „основы“ нисколько не страдали отъ рисунковъ Лебедева, но рисунки эти популяризировали Некрасова, Некрасовъ же былъ патентованный „потрясатель“, а потому интересы охраненія требовали, елико возможно, притѣснить Лебедева.

Небезынтересно замѣтить, что въ вопросѣ о пояснительной надписи къ рисунку „На Волгѣ“ на практикѣ восторжествовала все-таки точка зрѣнія Комитета, а не Главнаго Управленія, такъ какъ надпись была измѣнена, и испугавшія Комитетъ слова бурлака „лучше умереть“ были изъ нея выброшены.

Мнѣ думается, что рассказанный эпизодъ имѣетъ значеніе и безотносительно къ Некрасову, необычайно ярко свидѣтельствуя, до какихъ геркулесовыхъ стодновъ нелѣпости можетъ доходить власть, призванная „вязать и разрѣшать“ произведенія живого человѣческаго творчества, въ области ли художественнаго слова, въ области ли художественной иллюстраціи, безразлично.

Эти геркулесовы стодпы нелѣпости являются обыкновенно слѣдствіемъ не столько персональной злонамѣренности, сколько слѣдствіемъ ложности и несостоятельности принципа, положеннаго въ основу дѣятельности всякой цензуры, какую бы форму она ни принимала, какими бы лозунгами ни прикрывалась.

„Некрасовъ и цензура“. Иллюстрація къ стихотворенію Некрасова „Свадьба“, изъ альбма рисунковъ А. Лебедева.

Чудо

Рассказъ Н. Тихонова.

I.

Семень Ивановичъ Клокачевъ былъ одинокимъ человѣкомъ и, какъ всѣ одинокіе, эгоистомъ. Но эгоизмъ его имѣлъ нѣкоторую долю благородства. Такъ на него находили минуты тонкой грусти и любви, и тогда онъ звалъ всѣхъ людей—братьями, оплакивалъ съ ними свои и ихъ горести, готовъ былъ идти и бороться со всѣми врагами человѣчества, готовъ былъ отдать первому встрѣчному свой кошелекъ и „последнюю“ рубаху... Но такъ какъ такія минуты находили на него обыкновенно тогда, когда онъ отдыхалъ на диванѣ послѣ обѣда, или ночью, во время безсонницы, то поэтому кошелекъ и „последняя“ рубаха оставались тамъ, гдѣ лежали.

У Семена Ивановича было много знакомыхъ, которые относились къ нему съ уваженіемъ и, встрѣчаясь на улицѣ, всегда спрашивали:

— Ну, какъ ваше здоровье, какъ ваши дѣла?—добавляя неизмѣнно:—а погода-то сегодня—ничего...

— Погода-то ничего,—отвѣчалъ онъ,—здоровье хорошее, а насчетъ дѣла—такъ мы, знаете, зондируемъ почву...

„Зондировать почву“—было его любимымъ выраженіемъ. И когда онъ говорилъ какому-нибудь просителю: „вы подождите, батенька, я вотъ въ слѣдующую субботу поѣду по вашему дѣлу... зондировать почву, такъ сказать“,—то проситель сразу

проникался къ нему уваженіемъ и жаль руку особенно грубко и благодарно...

И потомъ Клокачевъ вѣрилъ въ чудо... Точно сказать, что онъ подразумевалъ подъ этимъ словомъ, онъ не могъ, такъ какъ сущность этого чуда, по его мнѣнію, нельзя было передать словами. Но это чудо должно было прийти и измѣнить его жизнь по-новому, сбѣлать изъ него другого человѣка, ничего общаго не имѣющаго съ прежнимъ Семеномъ Ивановичемъ и его знакомыми...

II.

И онъ самъ пробовалъ идти навстрѣчу этому чуду. Зондировать почву для этого чуда стало цѣлью его жизни. Сначала онъ попробовалъ влюбиться и долго ухаживалъ за одной дѣвицей, которая была красива, мило смѣялась, пѣла цыганскіе романсы и даже читала Метерлинка... Но разъ она сказала какую-то сочную глупость, и Семень Ивановичъ покраснѣлъ, не зная самъ почему, всталъ, сухо попрощался и ушелъ. И дома онъ легъ на диванъ, началъ думать о своей любви и понялъ, что ему не нужна ни эта дѣвица ни ея цыганскіе романсы...

Тогда онъ обратился къ книгамъ. Онъ рѣшилъ, что въ книгахъ можно отлично зондировать почву для этого неуловимаго чуда, которое, какъ нѣкоего Мефистофеля, вдругъ удастся ему вызвать изъ мрака небытія заклятьями философскихъ формулъ.

И онъ писалъ длинные, скучные списки нужныхъ ему сочиненій, въ каталогахъ и указателяхъ справлялся и выбирать самыя мудрыя названія, и потомъ долго ходилъ по магазинамъ, принося домой цѣлыя кипы томовъ, связанныхъ тонкими бечевками, завернутыхъ въ желтую плотную бумагу, пахнущую типографскою краскою и сыростью.

И когда эти связки наполнили его комнату и лежали на комодѣ, на столѣ, подъ кроватью,—онъ нашелъ, что теперь можно приступить и къ дѣлу.

Садясь пить чай или обѣдать, онъ бралъ наугадъ первый изъ попавшихъ подъ руку томовъ, прочитывалъ не спѣша такое далекое для него и торжественное заглавіе, въ родѣ: „Антисемитизмъ и коллективизмъ, и ихъ вліяніе на экономическое и общественное развитіе Итальянскаго Королевства во второй половинѣ XIX вѣка“ —не спѣша разрѣзалъ первыя десять страницъ, прочитывалъ аккуратно каждую первую верхнюю строчку на каждой страницѣ—и бросалъ книгу на кровать, а самъ бралъ вечернюю газету.

Но прислуга, убиравшая комнату, вѣрно, считала Семена Ивановича ученымъ человѣкомъ, болѣе ученымъ, чѣмъ глупый докторъ изъ двадцать восьмого номера, который всегда навеселѣ, приводитъ ночью женщинъ, пишетъ рецепты на спиртъ за деньги и анаемски ругаетъ прислугу, постоянно упрекая ее въ кражѣ чего-нибудь.

Разъ въ газетѣ Семенъ Ивановичъ прочелъ, что образовалось общество искателей новой вѣры, членъ котораго прочтетъ въ слѣдующее воскресенье лекцію объ этомъ необыкновенномъ обществѣ и объ открытомъ имъ необыкновенномъ Богѣ.

Семенъ Ивановичъ послѣ двухъ часовъ дня нарочно съѣздитъ на далекую улицу, гдѣ находился домъ, въ которомъ должна была читаться лекція, взялъ себѣ билетъ въ двадцать пятомъ ряду и пришелъ на лекцію за полчаса до начала. Тамъ онъ сѣлъ на свое мѣсто, всѣмъ существомъ готовый воспринимать то, что началъ говорить низкимъ, визгливымъ голосомъ человѣкъ въ сюртукѣ, съ узкимъ, постылымъ лицомъ и не мигавшими глазами... Сначала онъ старательно вникалъ въ темную, переполненную специальными выраженіями, рѣчь лектора, два раза вынималъ платокъ и сморкался, одинъ разъ вытеръ выступившій потъ на лбу, а потомъ съ нимъ случилось что-то такое смѣшное и глупое, что, когда онъ вспомнилъ объ этомъ позже, ему всегда становилось холодно, хотя бы это и было дѣтнимъ полднемъ.

Онъ погрузился въ какую-то сладкую нирвану, гдѣ ему было приятно и легко, и гдѣ слышалось журчаніе какихъ-то невѣдомыхъ рѣкъ и жужжаніе невидимыхъ пчелъ, и онъ уже думалъ, что его существо вступило въ сферу долгожданнаго чуда, какъ вдругъ какіе-то неприятные толчки коснулись его боковъ, и чей-то голосъ произносилъ упорно и насмѣшливо:

— Господинъ! Господинъ! Проснитесь. Все уже... Конечъ... Господинъ! Господинъ!

И Семенъ Ивановичъ проснулся. Его поразили опустѣвшій залъ, будто смѣявшійся пустыми мѣстами и полупогашеннымъ свѣтомъ, и сторожъ, маленький, курносый, въ затаасканной тулупѣ съ оборванными пуговицами и желтыми, провалившимися щеками. И ему было неловко и стыдно, когда онъ вышелъ на улицу, и ему казалось, что всѣ на него показываютъ пальцами и дразнятъ высунутыми языками. Придя домой, онъ сердитымъ ударомъ ноги отбросилъ книги поглубже подъ кровать и, посмотрѣвъ въ зеркало, сказалъ:

— Врутъ газеты... Вотъ что значить зондировать почву.—Пошелъ, и что же? Пустяки, болтовня... даромъ деньги берутъ.

Такъ онъ и говорилъ своимъ знакомымъ, когда его спрашивали о необыкновенномъ обществѣ и о необыкновенномъ Богѣ...

„Некрасовъ и цензура“. Иллюстрація къ стихотворенію Некрасова „Филантропъ“, изъ альбома рисунковъ А. Лебедева, запрещенная цензурой и „исправленная“ художникомъ.

III.

Вагонъ трамвая прыгалъ и визжалъ, какъ собака, которую заставили тащить тяжело нагруженную телѣжку. Семенъ Ивановичъ стоялъ посрединѣ вагона, стиснутый обычной трамвайной публикой и разсматривалъ своего сосѣда, щуплаго и нервнаго господина, все время кусавшаго губы и моргавшаго рѣсницами, будто собиравшагося съ минуты на минуту заплакать. И когда къ нему протиснулась кондукторша и сказала деревяннымъ голосомъ: „пожалуйста вашъ билетъ“,—господинъ засуетился, заерзалъ на мѣстѣ, полѣзъ въ одинъ карманъ, потомъ въ другой, почему-то пристально уставился на Семена Ивановича острыми, злыми глазами и сказалъ упавшимъ голосомъ:

— Кошелекъ вытащили, ей-Богу, вытащили...

— Бьютъ ихъ мало!—сказалъ смуглый господинъ съ черной, будто углемъ нарисованной эспаньолкой.

— Какъ вы сказали?

— Бьютъ ихъ мало, воровъ-то—на мѣстѣ надо было бы класть. Тогда разучились бы...

— И не говорите,—вторила ему тощая дама съ огромной муфтой и черной мѣховою шляпой,—у моей матери недавно боа отрѣзали, и тутъ же воръ и оказался въ вагонѣ, не успѣвъ уйти...

— Да, а что вы думаете... Онъ и сейчасъ не ушелъ. Обыскать бы надо кое-кого,—отвѣтилъ смуглый господинъ и тоже пристально посмотрѣлъ на Семена Ивановича.

„Неужели я такъ похожъ на вора,—подумалъ онъ,—что они всѣ на меня такъ смотрятъ?“—и вдругъ къ своему ужасу онъ почувствовалъ, какъ чья-то рука осторожно кладетъ въ его карманъ какую-то вещь... Произошло движеніе... Кто-то кого-то толкнулъ, рука вернулась обратно въ толпу, а въ карманѣ у себя

онъ нацупалъ чужой, украденный кошелекъ. И ему стало страшно и стыдно, будто онъ самъ укралъ. И, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, не замѣчая подозрительныхъ взглядовъ окружающихъ, смотрѣвшихъ на его внезапно измѣнившееся лицо, онъ рѣзко повернулся и сталъ протискиваться къ выходу, наступая на ноги, толкая пассажировъ, упираясь руками въ чьи-то плечи и животы, такъ что раздалась протестующіе возгласы. А онъ усилилъ работу локтями и говорилъ взволнованно и быстро:

— Пропустите, ахъ, да пропустите же...

И чувствовалъ, что сейчасъ случится что-то нелѣпое, грубое, неожиданное... И вдругъ за его спиной раздался рѣзкій, визгливый голосъ обокраденнаго господина: „держи, держи, держи!“ И ему вторилъ другой—женскій, пискливый, съ перерывами, дрожавшій на одной ногѣ вскрикъ: „воръ, воръ, воръ!“...

И весь вагонъ поднялся на ноги, застучалъ, заволновался, наполнился негодующими отрывками фразъ, и у самого порога на плечи Семена Ивановича легла чья-то крѣпкая рука, вцѣпившаяся въ него, и хриплый голосъ сказалъ:

— Неча тутъ разговаривать!

Трамвай остановился...

IV.

... Сначала шло немного... Одинъ солдатъ съ немолодымъ, густо заросшимъ волосами лицомъ держалъ Семена Ивановича подъ руку и старался шагать съ нимъ въ ногу, другой провожатый, человекъ въ драповомъ пальто, шелъ мелкими спѣшащими шагами, теребя пуговицу, висѣвшую на двухъ ниткахъ, и все повторялъ слѣдовавшимъ за ними человѣкамъ двадцати:

— Ну, что надо? Ну, что надо? Вора не видали?

Семень Ивановичъ потерялъ всякую возможность соображать. Ему казалось, что ничего не случилось, что онъ продолжаетъ ѣхать въ трамваѣ, скоро выйдетъ черезъ двѣ остановки, войдетъ къ себѣ въ подъѣздъ, поднимется на третій этажъ и будетъ завтракать. И ничего ужаснаго не могло съ нимъ случиться, потому что улицы, по которымъ его вели, были ему съ дѣтства знакомы, люди, которые шли за нимъ, были обыкновенными людьми, какихъ много на всѣхъ углахъ и у всѣхъ магазиновъ. И ему совсѣмъ не было понятно, что—онъ, и только онъ, является героемъ этой процессіи, къ которой присоединились новые и новые любопытные, шумѣвшіе торопливыми голосами и шедшіе спотыкающимися, нетвердыми, чего-то боящимися ногами.

И ему даже не хотѣлось говорить... Не хотѣлось поворачивать голову, а итти, итти все впередъ, чувствовать, какъ промокъ сапогъ на правой ногѣ, потому что калоша осталась тамъ у трамвая, и смотрѣть ясными свѣтлыми глазами на такое знакомое небо, солнце и дома...

На набережной, у бѣлаго горбатаго моста, отъ фонаря отдѣлился высокій широкоплечій матросъ съ рыжимъ шрамомъ у праваго уха, съ колючей щетиной небритыхъ волосъ, и сказалъ громко и властно: „стой!“

V.

Торговались недолго... Толпа шумѣла, топталась на снѣгу, кричала, перебивая голоса гамомъ, и когда, наконецъ, молодой солдатъ и матросъ повели Семена Ивановича къ пустой красной стѣнѣ, между двухъ домовъ,—онъ понялъ, что ему нужно что-то сказать.

Въ это время до него донеслись слова изъ толпы, густо обступившей набережную. Кто-то сказалъ:

— Разъ кошелекъ нашли. чего ужъ тутъ... Что съ ними церемониться...

— Такъ имъ и надо, извергамъ-то, — поддержалъ его бабій голосъ,—а то срамъ, до чего дошли. Среди бѣла дня грабать.

Семень Ивановичъ остановился. И все стало ему ясно съ такой безошибочной очевидностью, что онъ нашелъ въ себѣ силы оттолкнуть матроса и, тяжело дыша, зачѣмъ-то снять шапку. Толпа зашумѣла снова. Матросъ ждалъ, что онъ намѣренъ дѣлать...

— Братцы,—началъ Семень Ивановичъ тихо,—товарищи...—но въ горлѣ что-то першило, что-то мѣшало, что-то задерживало дыханіе, и слова были какими-то неполными, будто въ нихъ чего-то не доставало.—Товарищи... такъ вѣдь нельзя... нельзя, я... нужно вѣдь...

Дальше на языкѣ было: „Зондировать почву, зондировать почву“, но этого нельзя было сказать, а больше ничего кромѣ этого сказать онъ не могъ. И онъ стоялъ, разинувъ безмолвный ротъ, жадно глотая пересыхающую слюну и морозный воздухъ, какъ рыба, выброшенная на ледъ.

Матросъ воспользовался перерывомъ въ его рѣчи и сказалъ грубо, толкая въ спину:

— Ладно... знаемъ уже... Идемъ!

Толпа гудѣла. И Семень Ивановичъ понялъ, что онъ больше не скажетъ ни слова, что все кончено... И онъ погрузился въ себя. И мысли завертѣлись, какъ будто его бросили въ длинную и узкую трубу, и лента различныхъ видовъ и словъ обертывалась со страшной быстротой. И ему вспомнились почему-то могилки его отца и матери на Волковомъ кладбищѣ, смуглый господинъ съ эспаньолкой, и все это смѣнялось навязчивымъ и упорнымъ: „зондировать почву, зондировать почву...“

Его приставили къ стѣнѣ, и, когда онъ протянулъ одну руку назадъ, ища опоры, онъ встрѣтилъ холодную, мокрую плоскость камня и инстинктивно ее отдернулъ...

„Да какъ же такъ? Да почему же?“—подумалъ онъ, взглянувъ на окружившихъ его и не вѣря тому, что должно произойти сейчасъ, черезъ минуту... И снова спокойствіе столбняка охватило его. И ему совсѣмъ перестало быть страшно, когда матросъ вынималъ со строгой осторожностью изъ кармана черное, полированное тѣло револьвера. И, посмотрѣвъ еще разъ на толпу, Семень Ивановичъ почему-то вспомнилъ балаганы, о которыхъ въ дѣтствѣ рассказывала ему его нянька, подслѣповатая, хромая старуха Агаѣя, (и потомъ какой-то вульгарный, хватающій за сердце тоскливый мотивъ уличной пѣсенки воровался въ его сознаніе и забарабанилъ всѣми звуками: „Кого любила, съ тѣмъ помру... Кого любила, съ тѣмъ помру“...

Сонъ длился. Матросъ поднялъ черное дуло, и оно было зловѣщее и хищное, какъ глазъ смертоносной птицы. И вдругъ, самъ не зная почему, Семень Ивановичъ шагнулъ впередъ, широко перекрестился два раза, второй разъ поспѣшнѣе перваго, и вытнулъ по сторонамъ руки, какъ будто ловилъ невидимую стѣну...

И потомъ что-то хрустнуло въ морозномъ воздухѣ, точно быстро переломили тугую палку изъ ольховаго дерева—и мостъ сразу сдѣлалъ скачокъ въ воздухъ, сдѣлался еще больше горбатымъ, сломался и повисъ надъ головой. И потомъ стало темно...

Семень Ивановичъ закрылъ глаза и какъ-то не сразу грузно качнулся и сѣлъ у стѣны на мокрый снѣгъ, и разноголосый гулъ толпы превратился постепенно въ торжественную, ровную, властную пѣсню, какъ будто большое, громкое море ласкало его тѣло, заливая его волнами прибоя на песчаныхъ низкихъ отмеляхъ... И шумъ этотъ становился все тише и тише, все пріятнѣй, все ласковѣй.

И когда онъ въ послѣдній разъ ужаснымъ напряженіемъ раскрылъ глаза, онъ не увидаль уже ни моста, ни толпы, ни матроса съ револьверомъ,—ничего, кромѣ неровнаго куска бѣлаго, бѣлаго неба... и на этомъ клочкѣ неба онъ увидаль чудо, то чудо, какого онъ не видалъ всю жизнь: солнце смѣялось; широкимъ и громкимъ смѣхомъ смѣялось холодное, круглое солнце...

И его вѣки безсилно, но благодарно опустились...

Тишина.

Дай мнѣ платокъ, идемъ скорѣй:
Окованъ дремой тихій садъ,
Таится кто-то межъ вѣтвей,
Струять жасмины аромать.

Идемъ скорѣй! Тамъ надъ рѣкой
Насъ ждетъ забытая скамья,
Тамъ вѣтеръ шутить съ осокой,
Кручинится, клонясь, верба.

Тамъ золотымъ мечомъ луна
Разсѣкла дрожь рѣки живую,
Тамъ сладкой жутью тишина
Шепнетъ намъ сказку огневую...

Осенняя гамма.

Сегодня лѣсъ шумитъ грозой осенней...
И сердце сладкою тоской сжимаетъ

Шумъ листвы,
Дрожь травы.

Сегодня лѣсъ дрожитъ красой янтарной...
И сердце огненной тоской сжимаетъ

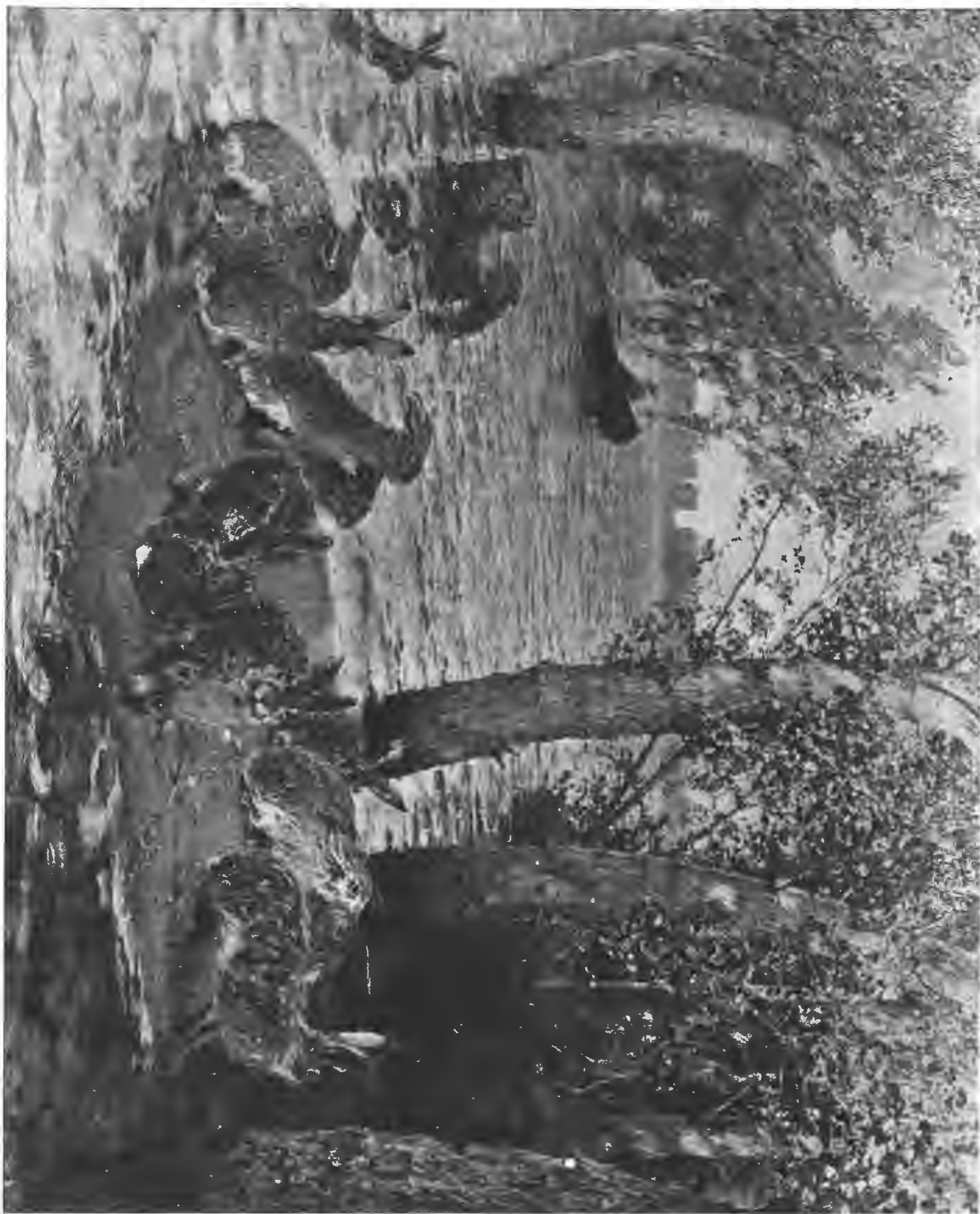
Мѣдъ листвы,
Грусть травы.

Сегодня лѣсъ поетъ канонъ печальный...
И сердце смертною тоской сжимаетъ

Стонъ листвы,
Смерть травы.

С. Мезерницкая.

Иллюстрація къ стих. Н. А. Некрасова "Дядя Мазай и зайцы".

Я. Веберъ.

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Сорокалѣтіе кончины Н. А. Некрасова.—Русская интеллигенція въ изображеніи Н. А. Некрасова. Очеркъ В. Евгеньева-Максимова.—Неизданное письмо Н. А. Некрасова къ сестрѣ.—Н. А. Некрасовъ и цензура. Очеркъ В. Евгеньева-Максимова.—Чудо. Разсказъ Н. Тихонова.—Тишина. Осенняя гамма. Стихотворенія С. Язерницкой.
Р И С У Н К И: Некрасовъ на смертномъ одрѣ. Н. Крамской.—Н. А. Некрасовъ у умирающаго Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго. А. Наумовъ.—З. Н. Некрасова,

жена поэта (2 портр.).—А. С. Некрасовъ, отецъ поэта.—Н. А. Некрасовъ (3 портр.).—А. А. Буткевичъ, сестра Н. А. Некрасова.—«Некрасовъ и цензура». Иллюстраціи изъ альбома рисунковъ А. Лебедева къ произведеніямъ Н. А. Некрасова: «Орница-мать солдатская», «Бурлаки», «Огородникъ», «Свадьба», «Филантропъ». — Иллюстрація къ стих. Н. А. Некрасова «Дядя Мазай и зайцы». Я. Веберъ.
Къ этому № прилагается «Полнаго собранія сочиненій М. Горькаго» книга 18.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

Библиотека "Руниверс"

ЖИЗНЬ

1918 г.

XLIX г.

изданія.

№ 22.

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРЬЕВА („Великая Французская Революція“).

Выданъ 1 июня (19 мая) 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—36 р., на 1/2 г.—18 р., на 1/4 г.—9 р. Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 к.

Главная Контора и Редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Открыта подписка на „НИВУ“ 1918 г.

Съ приложеніемъ 52 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, въ которыхъ войдетъ:

А. И. ГЕРЦЕНЪ (первая серія книгъ)

В. КОРОЛЕНКО (запрещенныя военною цензурою сочиненія)

М. ГОРЬКІЙ (вторая серія книгъ)

П. БЕРАНЖЕ (полное собраніе ПЬСЕНЪ)

Проф. Н. КАРЬЕВЪ. (Исторія Французской Революціи съ иллюстраціями).

Дуэль.

Весенняя выставка въ Академіи Художествъ 1918 г.

Г. Савицкий.

Житейскія встрѣчи и воспоминанія.

А. Э. Кони.

I.

„Нѣтъ интереснѣе и глубже драмы—
какъ жизнь человѣческая, а величай-
шій художникъ и драматургъ—самъ
Господь Богъ!“
(А. А. Фетъ въ письмѣ къ В. С. Со-
ловьеву).

Лѣтомъ 1908 года, отбывъ, вслѣдствіе обострившихся страданій сердца, трехнедельное пребываніе въ одной изъ Берлинскихъ клиникъ (Klinik des Westen), я поселился въ пансіонъ Hundekehle въ очаровательномъ предмѣстьѣ города—Груневальдѣ. Вѣковой, отлично содержимый лѣсъ, прорѣзанный улицами съ изысканными виллами, удобное и быстрое сообщеніе съ Берлиномъ, живописныя озера и здоровый крѣпительный воздухъ составляютъ несомнѣнные достоинства этой мѣстности, еще недавно бывшей заброшеною и безлюдною. Маленькій пансіонъ Hundekehle былъ содержимъ хмуримъ нѣмцемъ, весь день до вечера проводившимъ время въ городѣ за своими дѣлами, которыя шли, по видимому, очень неудачно. Онъ возвращался къ раннему ужину, всегда тревожный и часто подавленный какой-то тяжелой заботой. Къ обѣду собиралось все немногочисленное населеніе пансіона. За столомъ велась оживленная бесѣда съ тѣми взаимной предупредительностью и вниманіемъ другъ къ другу, которыми отличаются обыкновенно небольшой собранія людей, вынужденныхъ временно жить вмѣстѣ и не связанныхъ ни дѣловыми ни семейными отношеніями. Тутъ обыкновенно господствуютъ миръ и „въ человѣцѣхъ благоволеніе“, которыхъ совершенно не знаютъ ни обостренная борьба за существованіе ни — очень часто — семейный очагъ, гдѣ синій огонекъ ненависти и отвращенія то и дѣло прорывается наружу между углями принудительнаго сожителства. „Но въ разговоръ веселый не вступаю“ и отвѣчая лишь на обращаемые къ ней вопросы со скромнымъ спокойствіемъ, сидѣла за нашимъ столомъ въ полномъ смыслѣ слова очаровательная молодая американка. Ея каштановые волосы красивыми складками обрамляли чистый нѣжный лобъ, собираясь сзади въ великолѣпную густую свернутую косу, изъ-подъ которой темными выющимися змѣйками вырывались на лебединою шею. Изысканное очертаніе рта, нѣжный румянецъ и немного сдвинутыя, какъ бы отъ строгой думы, брови дополнялись чудесными темно-голубыми глазами, подъ длинными, загнутыми къверху рѣсницами. Во взглядѣ этихъ глазъ, чуждомъ какого-либо кокетства и смотрявшемъ на собесѣдника всегда прямо и сосредоточенно, былъ постоянно отблескъ грустной задумчивости, такъ соответствовавшій всей ея повадкѣ, исполненной скромнаго достоинства, и даже ея костюму, ревниво скрывавшему стройность и красоту ея молодого тѣла. До обѣда она не выходила въ небольшой садикъ при пансіонѣ, а послѣ этого сидѣла обыкновенно гдѣ-нибудь въ его уютнѣ или у окна, внимательно читая книгу. Иногда это была Библия, судя по тисненому золотому кресту на переплетѣ. Къ ужину она появлялась рѣдко, по большей части уходя изъ дому. Чѣмъ она занималась—никто не зналъ, тѣмъ болѣе, что и хозяйка пансіона, озабоченные своими дѣлами, не отличались обычно въ этомъ отношеніи любознательностью. Но впечатлѣніе, производимое ею на всѣхъ насъ, было одинаково свѣтлое и возвышенное. Отъ нея вѣяло цѣломудріемъ и чистотой. Казалось, что ея присутствіе безусловно устраняетъ возможность какой-либо двусмысленности или игривой шутки: ея взглядъ невольно долженъ былъ сковывать буйно-веселыя и легкомысленныя уста. Глядя на нее, подчасъ думалось, что она проводитъ о себя время въ какомъ-нибудь тихомъ и вмѣстѣ плодотворномъ трудѣ, проникнутая чувствомъ таинственнаго смысла жизни, которое до ступни и понятно лишь чистымъ сердцамъ, и что въ городѣ она отдаетъ себя какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ, невѣдомымъ толпѣ, но осязательнымъ для тѣхъ несчастливцевъ, на которыхъ льетъ свой свѣтъ ея великодушное и стыдливое сердце. Голосъ послѣдняго сказывался и въ ея нѣжной заботѣ о товарищѣ ея одинокаго существованія—небольшой собачкѣ изъ породы таксъ, которая безъ словъ понимала всякое ея движеніе и каждое выраженіе ея лица. А существованіе это было, дѣйствительно, одинокимъ: никогда не приходилось видѣть приходъ къ ней кого-либо и полученіе ею писемъ, или слышать объ этомъ. Что-то загадочное окружало ее: быть-можетъ, какое-либо, глубоко видѣвшееся въ ея душу, горе, скорбь о безвозвратной потерѣ или слишкомъ раннее дѣйствительное знакомство съ мнимыми радостями и достоверными скорбями жизни. Несмотря на всю свою сдержанность, наша американка не могла не чувствовать того невольнаго уваженія къ себѣ, которое она внушала всѣмъ присутствующимъ. Это сказывалось въ томъ чувствѣ молчаливой признательности, которое сквозило въ ея глазахъ, когда она вступала въ нашъ тѣсный разноплеменный кружокъ или его остав-
ляла...

И вдругъ она тихо и почти незамѣтно покинула пансіонъ Hundekehle, не оставивъ сама своего адреса хозяину, забывшему въ

своей постоянной озабоченности его у нея спросить. Дня черезъ два послѣ этого одинъ изъ моихъ знакомыхъ, котораго я посѣтилъ въ Central-Hôtel'ѣ, уговорилъ меня провести съ нимъ часть вечера въ одномъ изъ многочисленныхъ cafés-concert Берлина, очень рекламированномъ мѣстною ежедневною мелкою прессою. Мнѣ не хотѣлось отказывать ему, хотя я по давнему опыту зналъ всю непривлекательную сторону этого рода развлеченій, съ безголосыми исполнителями циническихъ пѣсенекъ и тяжеловѣсныхъ куплетовъ на злобу дня, со спертымъ воздухомъ отъ сигарнаго дыма и пивныхъ испареній, съ обычной публикой, преимущественно изъ иностранцевъ, смотрящихъ на эстраду съ платояднымъ интересомъ. Такъ было и въ томъ cafés-concert, куда мы зашли въ одной изъ боковыхъ узкихъ улицъ, пересѣкающихъ наиболее оживленную часть Friedrichstrasse вблизи Bahnhof'a. Мои ожиданія не были обмануты. И тутъ какой-то толстый господинъ во фракѣ кривлялся и напѣвалъ сплывмъ голосомъ въ quasi-комическомъ видѣ про свои неудачи при посѣщеніи Байрейта; и тутъ два клоуна, вымазанные „подъ негра“, играли на гармоникахъ необыкновеннаго размѣра, колотя ими другъ друга по головамъ и спинѣ и скаля зубы своего ярко-краснаго рта; и тутъ, наконецъ, дѣвочка лѣтъ десяти, одѣтая горничной, въ чепчикѣ и передникѣ, съ корзинкой и метелкой въ рукахъ, пѣла дѣтскимъ голосомъ скабрзные куплеты о томъ, какъ за нею ухаживаетъ, и представляла въ лицахъ своихъ черезчуръ предпримчивыхъ поклонниковъ. А господа „проѣжающіе“ одобрительно хлопали и смотрѣли на несчастнаго ребенка, по выраженію Гонкура, d'un oeil paternellement infâme. Я уже собрался распротяться съ моимъ спутникомъ и посѣпить на трамъ, идущій въ Груневальдъ, какъ музыка исполнила ригурнель, и на эстраду выбѣжала, начиная на ходу англійскую пѣсенку, шансонетная пѣвица въ туго обтянутомъ трико тѣлеснаго цвѣта на ногахъ и какомъ-то подобии очень короткой и очень открытой одежды. Улыбающееся напускною веселостью и обращенное съ вызывающею привѣтливостью къ публикѣ лицо и въ особенности глаза, такіе знакомые, поразили меня. Что-то вчужѣ больно заняло въ сердцѣ. „Боже мой!—сказала я себѣ,—неужели это она? Не можетъ быть!“ Не довѣряя своимъ глазамъ, я быстро перешелъ на очистившееся мѣсто у столика передъ самой эстрадой. „Да! это ея глаза, ея чудесные волосы, ея стройный станъ, нынѣ такъ откровенно обнаженный, и, наконецъ, это ея голосъ...“ Пропѣвъ первый куплетъ, она легкой походкой, въ тактъ музыки, развязно прошла по сценѣ и начала второй. Ея взглядъ, съ безразличной ласковостью бродившій по залѣ, остановился на мнѣ. Мнѣ показалось, что ея голосъ слегка дрогнулъ, и что она взглянула на меня страдальчески—и укоризненно. Но тотчасъ же ея пѣсенка полилась съ еще большимъ оживленіемъ въ звукахъ и мимикѣ... „Такъ вотъ она, наша дѣвственная богиня... такъ вотъ откуда ждешь ея вѣрный пѣсь, насторожившись у дверей, поздно вечеромъ“,—говорилъ я себѣ, и печальная картина только-что видѣннаго мною съ жестокою реальностью разбивала недавнее гармоническое воспоминаніе.

II.

Хотя сравненіе судьбы съ кошкой, которая играетъ съ человѣкомъ, какъ съ мышкой, и избито, тѣмъ не менѣе оно невольно приходитъ въ голову, когда припоминаешь случаи, къ сожалѣнію, нерѣдкіе, когда несчастія упорно скопляются надъ человѣкомъ, оставляя лишь маленькія паузы просвѣтлѣнія и надеждъ, разрушеніе которыхъ можетъ пережить одна лишь все выносящая чело-
вѣческая природа.

Ко мнѣ, какъ предсѣдателю благотворительнаго общества судебного вѣдомства, пришла однажды вдова судебного слѣдователя одного изъ Окружныхъ Судовъ съ просьбою содѣйствовать полученію ею какого-либо пособия въ виду ея совершенно безвыходнаго положенія, которое по провѣркѣ оказалось дѣйствительно исклчительнымъ по той ироніи судьбы, о которой я сейчасъ говорилъ.

Дѣвушкой 17 лѣтъ вышла она замужъ за молодого юриста, только-что назначеннаго судебнымъ слѣдователемъ въ одинъ изъ уѣздныхъ участковъ. Дѣятельная жизнь мужа, хозяйственное умѣние жены и взаимная искренняя любовь создали для нихъ счастливую и полную надеждъ на будущее жизнь. Но черезъ три года, простудившись при переправѣ во время дохода черезъ рѣку, слѣдователь умеръ, оставивъ вдову съ двумя дѣтми безъ всякой казенной и эмеритальной пенсіи. Молодая женщина рѣшила бороться за существованіе свое и своихъ птенцовъ, давала грошовые уроки, переписывала бумаги, обшивала дѣте и съ величайшимъ трудомъ, преждевременно постарѣвъ и согнувшись, провела ихъ обоихъ черезъ гимназію. Ко времени окончанія ими съ большимъ успѣхомъ курса судьба ей впервые улыбнулась: она получила мѣсто въ Москвѣ въ одномъ изъ страховыхъ обществъ. Старшій сынъ поступилъ въ университетъ, а младшій вступилъ въ военную службу вольноопредѣляющимся въ одинъ изъ „дешевыхъ“ армейскихъ полковъ, стоявшихъ

Зимний день в Петроградѣ.

Весенняя выставка в Академіи Художествъ 1918 г.

И. Грабовскій.

на Сѣверномъ Кавказѣ. Но улыбка судьбы была мимолетна. Молодой студентъ сталъ подозрительно кашлять и черезъ полгода ушелъ изъ жизни навсегда. Вся любовь и упованія глубоко раненаго материнскаго сердца сосредоточились на младшемъ сынѣ. Къ этому присоединилась искренняя дружба съ юной сослуживицей по страховому обществу, круглой сиротой, умѣвшей осуществлять относительно бѣдной женщины слова Шиллера о „исцѣляющей всѣ раны, любимой и нѣжной рукѣ дружбы“.

Когда съ далекаго Кавказа пріѣхалъ въ кратковременную побывку сынъ, онъ оцѣнилъ душевныя качества той, которая умѣла понять и раздѣлить горе его матери, и горячо полюбилъ ее. Она отвѣчала ему тѣмъ же, и было рѣшено, что, выдержавъ экзаменъ на офицера, онъ выйдетъ въ отставку и, получивъ обѣщанное ему мѣсто въ томъ же страховомъ обществѣ, женится, при чемъ они заживутъ одною семьею, связанною общностью чувства и служебныхъ занятій. На этотъ разъ, казалось, судьба развѣтываетъ предъ бѣдной вдовой-труженицей радуго неприхотливаго счастья. Вскорѣ пришло и извѣстіе о томъ, что сынъ произведенъ въ офицеры, но не можетъ тотчасъ уйти изъ полка и пріѣхать къ матери и невѣстѣ, такъ какъ полковой казначей вслѣдствіе тяжелаго нездоровья долженъ уѣхать въ двухмѣсячный отпускъ за границу, и, по просьбѣ сослуживцевъ, ихъ новый товарищъ вынужденъ на краткій срокъ принять на себя исполненіе его скучныхъ обязанностей.

А черезъ три мѣсяца сынъ писалъ матери, что онъ погибъ, такъ какъ по неопытности и крайнему довѣрію онъ принялъ полковую кассу „на слово“, не обезпечивъ себя никакимъ примѣннымъ актомъ. Мнимо-больной казначей оказался бѣжавшимъ за границу, прихвативъ съ собою, конечно на путевыя издержки, четырнадцать тысячъ рублей. Военскій уставъ въ этомъ отношеніи очень категориченъ и не допускаетъ тѣхъ подраздѣлений виновности по отношенію къ казенному имуществу, которыя знаетъ наше Уложеніе о наказаніяхъ. Объективная виновность была налицо въ видѣ недостатка суммы, а объясненія обвиняемаго не могли устранить примѣненія къ нему суровой кары закона. Судебный приговоръ разбивалъ его служебную карьеру и ложился на него тяжелымъ матеріальнымъ взысканіемъ, пополнить которое не было ни силъ ни возможности. Будущее представилось несчастному въ столь мрачныхъ краскахъ, что, пріидя изъ судебного засѣданія домой, онъ выстрѣлилъ себѣ въ сердце. Но онъ не зналъ хорошенько, гдѣ именно въ груди помѣщается этотъ мячикъ, которымъ жизнь столь часто играетъ со злобой и беспощадной рѣзвостью. Какъ многіе, онъ полагалъ, что сердце находится въ томъ мѣстѣ, къ которому такъ эффектно прикла-

дываютъ руку оперные теноры и провинціальныя трагикки. Пуля прошла мимо навзлеть, пробивъ окружающіе покровы и причинивъ тяжкую, грозящую смертью рану. Удрученная горемъ и страхомъ мать, вмѣстѣ съ невѣстой, полетѣла на Кавказъ, получивъ не безъ труда шестинедѣльный отпускъ. На другой день пріѣзда къ одру умирающаго сына она почувствовала себя дурно: у нея появились сильнѣйшая головная боль и бредъ, а на другой день обнаружилия всѣ признаки сыпного тифа. Цѣлый мѣсяць провела ошеломленная новымъ горемъ дѣвушка между двумя дорогими существами, стоявшими на краю могилы, проводя ночи безъ сна, борясь съ надвигавшеюся на нихъ смертью всѣми силами своего слабого организма и горячаго сердца—и, наконецъ, одержала побѣду. Судьба снова обернула къ нимъ свой благосклонный ликъ: по представленію высшаго начальства, принявшаго во вниманіе житейскую сторону дѣла и извинительную по бытовымъ условіямъ и обычаямъ довѣрчивость осужденнаго, онъ былъ помилованъ. Между тѣмъ срокъ отпуска истекъ, и нужно было торопиться въ Москву. Но оправившійся настолько, что уже могъ сидѣть, сынъ настойчиво желалъ, чтобы изстрадавшаяся за его жизнь дѣвушка была съ нимъ немедленно обвѣнчана. Назначенъ былъ день свадьбы, произведено оглашеніе, и невѣста отправилась къ исповѣди послѣ вечера, накануне предстоящаго причастія. Почти одновременно съ ея возвращеніемъ домой пришелъ въ ихъ квартиру исповѣдовавшая ее священникъ и, отвѣдя въ сторону едва оправившуюся отъ своей болѣзни мать офицера, сообщилъ ей, что не можетъ совершить обряда вѣнчанія, такъ какъ невѣста во время исповѣди держала себя въ высшей степени странно, не отвѣчала на предлагаемые вопросы или говорила явныя несообразности, убѣдившия его, что она „не въ своемъ умѣ“. „Мнѣ тутъ нечего дѣлать,—сказалъ онъ въ заключеніе,—здѣсь мѣсто доктору“. Пораженные этимъ заявленіемъ женихъ и его мать только тутъ, какъ это часто бываетъ, отдали себѣ ясный отчетъ въ томъ, что уже нѣсколько дней, какъ невѣста уклоняется отъ всякой бесѣды, по цѣлымъ часамъ сидитъ задумавшись и какъ-то безразлично относится ко всему, что совершается вокругъ, что, по ихъ мнѣнію, объяснялось чрезвычайнымъ утомленіемъ и естественною сосредоточенностью передъ такимъ рѣшительнымъ и безповоротнымъ шагомъ, какъ вѣтушеніе въ бракъ. На другой день былъ приглашенъ врачъ, который нашель, что „дѣло не ладно, и пахнетъ душевною болѣзью“, но такъ ли это, онъ, не будучи специалистомъ, рѣшить не можетъ, а совѣтуетъ безотлагательно обратиться къ опытнымъ психіатрамъ въ Москвѣ или Петербургѣ. Собравшись изъ послѣднихъ средствъ въ

Петербургъ вмѣстѣ съ больною, все болѣе и болѣе начинавшею походить на автомата, жертва новой ироніи судьбы поклалась сыну, по его настойчивому требованію, написать всю правду о томъ, что скажутъ столичные психіатры. Два заслуженныхъ врача по душевнымъ болѣзнямъ, подвергнувъ привезенную дѣвушку тщательному изслѣдованію и наблюденію, рѣшили, что, вслѣдствіе превосходящаго ея силы нравственнаго и физическаго переутомленія и душевныхъ потрясеній, она заболѣла помѣшательствомъ и впала въ неизлѣчимое состояніе, которое будетъ быстро прогрессировать и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ обратится въ полнѣйшее слабоуміе, безсознательное даже по отношенію къ нормальнымъ проявленіямъ животной природы человѣка. Можно себѣ представить, что пережила несчастная мать, сопоставляя этотъ научный приговоръ съ даннымъ сыну клятвеннымъ обѣщаніемъ. Но дѣлать было нечего, и горькая истина была написана сыну слезами и кровью измученнаго сердца. Казалось бы, что испытанія, ниспосланныя судьбою, дошли до своего предѣла. Но это было не такъ... Въ отвѣтъ на письмо съ Кавказа пришла телеграмма товарища сына, въ которой извѣщалось, что на этотъ разъ послѣдній вѣрно опредѣлилъ мѣсто, гдѣ находится сердце. Переполненная душевно-болными казенныя больницы не принимаютъ хрониковъ, а содержаніе таковыхъ въ частныхъ лѣчебницахъ не по силамъ людемъ съ ограниченными средствами. Въ чужомъ и незнакомомъ, холодномъ и бездушномъ городѣ, на заднемъ дворѣ многоэтажнаго дома, похожемъ на глубокой колодець, почти безъ воздуха и свѣта ютилась несчастная женщина, у которой все что могло бы доставить радость жизни, было въ невозвратномъ и жестокомъ прошломъ, а въ настоящемъ была нищета вслѣдствіе увольненія изъ страхового общества изъ-за просрочки отпуска, да на рукахъ безпріютная круглая сирота, замѣнявшая членораздѣльные звуки бессмысленнымъ мычаніемъ и потерявшая способность управлять своими физическими отправлениями.

Судьба завершила свою игру кошки съ мышкой..

III.

Во время пребыванія моего въ Груневальдѣ въ 1908 году въ одномъ изъ его обширныхъ лѣсовъ случилось трагическое по своей обстановкѣ происшествіе. Бѣдная дѣвушка-учительница, жившая частными уроками, собралась въ воскресный день in's Gr\u00fcne. Ей было трудно и очень утомительно ходить, потому что, вслѣдствіе какого-то несчастія, постигшаго ее въ ранней моло-

дости, у нея были ампутированы ноги до колѣнъ и замѣнены искусственными. Опираясь на палку, она передвигалась хотя и медленно, но довольно свободно; однако все-таки это была не обыкновенная ходьба, а работа, вызывавшая скорую усталость. Утомленная, она, незамѣтно для себя, проспала крѣпкимъ сномъ подъ деревомъ до быстро наступавшихъ сумерекъ (дѣло было въ концѣ августа). Ее разбудили два типичныхъ берлинскихъ хулигана, потребовавшихъ отдать имъ всѣ деньги и вещи.

Сопротивляться было невозможно, звать о помощи было бесполезно и опасно. Она отдала имъ часы съ цѣпочкой.—желанный плодъ долгихъ сбереженій,—и всѣ бывшія при ней деньги. Но негодяямъ показалось этого мало: они пожелали снять съ нея верхнее платье и обувь, при чемъ, разувая ее, узнали, что у нея искусственныя, со сложнымъ механизмомъ, ноги. Съ наглымъ смѣхомъ отвязали и забрали они ихъ, бездеремонно перевертывая свою жертву, и удалились въ надвигавшемся мракѣ, въ которомъ яркимъ заревомъ отражались безчисленные огни Берлина и раздавался шумъ частыхъ поѣздовъ мѣстнаго трамвая.

Несчастливая дѣвушка, испуганная и обезсиленная, отъ ужаса не могла ни двинуться ни кричать. Да это было бы и бесполезно, такъ какъ входы, ведущіе въ лѣсъ, огражденный провололочной изгородью, заперлись съ закатомъ солнца, и въ лѣсу наступало таинственное и жуткое молчаніе ночи. Отъ страха она утратила представленіе о томъ направленіи, въ которомъ она пришла къ мѣсту грабежа, и куда можно было бы ползти въ темнотѣ—она не знала, да и каждая попытка въ этомъ смыслѣ причиняла ей тяжкія страданія, еще болѣе подкашивавшія ея силы. Такъ прошла ночь.

Утромъ раздались свистки фабрикъ и заводовъ, отдаленный грохотъ пригородныхъ поѣздовъ и круговой желѣзной дороги, и снова застучал трамвай по Груневальду. Попытки кричать и звать на помощь не приводили ни къ чему. Мѣсто, гдѣ она была ограблена, оказалось довольно глухимъ и рѣдко посѣщаемымъ. Такъ прошелъ цѣлый день, и снова наступила ночь. Мучимая голодомъ и терзаемая своей беспомощностью, несчастная дѣвушка окончательно обезсилѣла и была найдена лишь утромъ четвертаго дня лежащею въ состояніи, близкомъ къ умопомѣшательству. Она успѣла, однако, рассказать свою исторію и по дорогѣ въ больницу скончалась.

Печальная судьба этой дѣвушки приводитъ мнѣ на память трагическую судьбу нѣсколькихъ молодыхъ людей, погибавшихъ въ виду и близкомъ разстояніи отъ Петербурга, въ апрѣлѣ 1866 года.

Нева прошла тогда довольно поздно, и четыре молодыхъ человѣка—ровесники и добрые пріатели, изъ которыхъ одинъ былъ впоследствии членомъ обновленнаго Государственнаго Совѣта по выборамъ отъ земства—рѣшили покататься по взморью на большой парусной лодкѣ.

Это было во вторникъ на Страстной недѣлѣ. Закусивъ съ утра и намѣреваясь вернуться къ обѣду, они при легкомъ попутномъ вѣтрѣ отбѣхали довольно далеко, но затѣмъ вѣтеръ, переѣхавъ направленіе, задуть съ большой силой. Лодка летѣла обратно, какъ на крыльяхъ, но передъ самымъ Петербургомъ, вблизи такъ называемой Гавани, съ чрезвычайной стремительностью врѣзалась въ одну изъ мелей, которыми въ этомъ мѣстѣ богато устье Невы. О дальнѣйшемъ движеніи подъ парусомъ нечего было и думать, тѣмъ болѣе, что налетѣвшій шквалъ грозилъ сломать мачту, такъ что парусъ пришлось поспѣшно убрать. Подъ влияніемъ сильныхъ порывовъ вѣтра лодка врѣзалась въ песчаное и илистое дно еще глубже. Молодые люди пробовали сниматься съ мели, отпихиваясь багоромъ и дѣйствуя веслами, но всѣ ихъ усилія оказались тщетными: одно весло сломалось, а багоръ переломился. Между тѣмъ смеркалось, и вскорѣ наступила ночь, которую очень проголодавшіеся мореплаватели провели въ тревожномъ снѣ, прижавшись на двѣ лодки другъ къ другу и укрывшись парусомъ.

Къ утру вѣтеръ стихъ, и они снова принялись за бесплодныя усилія стащить лодку съ мели. Около полудня, невдалекѣ отъ нихъ, прошелъ первый пассажирскій пароходъ въ Кронштадтъ. Молодые люди кричали ему о помощи и махали платками. Вновь поднявшійся очень холодный вѣтеръ уже со стороны Невы задушалъ и относилъ въ сторону ихъ крики, а на маханье платками, сочтенное за привѣтствіе съ открытіемъ навигаціи, нѣкоторые изъ пассажировъ парохода отвѣчали имъ тѣмъ же.

Мать.

Весенняя выставка въ Академіи Художествъ 1918 г.

О. Нестеровъ.

Голодъ и холодъ заставили неудачныхъ мореплавателей рѣшиться на крайнее средство. Разувшись и раздѣвшись снизу по поясъ, они вошли въ воду и, облегчивъ тѣмъ лодку, пробовали ее сдвинуть съ мели руками. Но это имъ не удалось, несмотря на всѣ усилія. Изнеможенные они вернулись въ лодку и, немного отдохнувъ, подъ вечеръ рѣшились снова испытать этотъ способъ спасенія себя изъ неожиданной тяжелой неволи, а если это опять окажется неисполнимымъ, то попробовать двинуться пѣшкомъ вдоль мели, чтобы, приблизившись къ берегу, добиться какой-нибудь помощи. Но и это имъ не удалось. Гонимый вѣтромъ изъ Невы, пошелъ ладожскій ледъ. Тонкія льдины, — такъ называемое сало, — нецѣдно рѣзали имъ ооченѣвшія ноги, и съ однимъ изъ нихъ отъ сильнаго истощенія стало дѣлаться дурно, и пришлось вернуться назадъ. А между тѣмъ изъ близкаго Петербурга вѣтеръ доносилъ не только звонъ ко всенощной, но и дребезжаніе дробежъ, тогда еще не знавшихъ резиновыхъ шинъ.

Такъ наступилъ третій день. Ледъ продолжалъ идти сплошной массой, загромаждая все видимое пространство. Наиболѣе слабый изъ четырехъ лежалъ въ лодкѣ неподвижно, и жизнь его угасала. Къ вечеру, когда изъ города доносился колокольный призывъ къ слушанію 12-ти Евангелій, она угасла совсѣмъ.

Трое оставшихся въ живыхъ, полузамерзшіе, истощенные голодомъ и подавленные смертью товарища, лежа въ лодкѣ рядомъ съ его трупомъ, провели третью ночь. Постепенно они впали въ полную апатию, перешедшую почти въ безсознательное состояніе, и лежали рядомъ съ покойнымъ товарищемъ подъ парусомъ, который грозилъ обратиться для нихъ въ смертный саванъ. Къ утру ледоходъ прекратился, и засіяло весеннее солнце.

Два типичныхъ гаваньскихъ чиновника, быть-можетъ, въ халатахъ, подпоясанныхъ носовыми платками, — какъ это описывалъ когда-то Генслеръ въ своихъ даровитыхъ очеркахъ, — вступили, гуляя по берегу, въ споръ о томъ — бѣлѣется ли въ лодкѣ, неподвижно стоявшей въ двухстахъ саженьяхъ отъ берега, прошлогодній, не успѣвшій еще растаять, снѣгъ, или это свернутый парусъ. Споръ окончился рѣшеніемъ отправиться, лавируя по очистившемуся водному пространству, къ таинственной лодкѣ. Они нашли въ ней трупъ и трехъ молодыхъ людей въ медленной предсмертной агоніи.

А между тѣмъ, въ виду ихъ исчезновенія, родители одного изъ нихъ подняли большую тревогу и наняли пароходъ, который долженъ былъ искать пропавшаго сына, и уже два дня какъ полиція принимала всевозможныя мѣры, чтобы напасть на слѣдъ ихъ таинственнаго исчезновенія. Никому не могло прійти на умъ, что, такъ сказать, въ двухъ шагахъ отъ столицы, видя и слыша ея близкое соседство, одинъ изъ нихъ уже погибъ, а остальные погибаютъ отъ холода, голода и истощенія.

IV.

Въ бытность мою студентомъ въ Москвѣ я получилъ урокъ въ домѣ одного зажиточнаго московскаго обывателя, жившаго въ той безпечальной матеріальной обстановкѣ, которая въ послѣдствіи, подъ вліяніемъ „дворянскаго оскуднѣнія“, стала встрѣчаться все рѣже и рѣже. Глава семейства — человекъ лѣтъ тридцати, проводившій время въ гигиеническихъ прогулкахъ, чтенія книгъ по естественнымъ наукамъ и благодушныхъ бесѣдахъ „о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе“, — повидимому, былъ твердо увѣренъ въ своемъ экономическомъ положеніи и имъ меньше всего интересовался. Его жена, одинаковыхъ съ нимъ лѣтъ или на нѣсколько лѣтъ моложе, вела такую же безпечную жизнь, посѣщала типичскіе кружки просвѣщенныхъ людей, которыми въ началѣ 60-хъ годовъ еще была богата Москва, и очень увлекалась легкой французской беллетристикой, не исключая и нѣкоторыхъ мемуаровъ довольно откровеннаго свойства.

Мои учениками были — прелестная, тонкая и хрупкая, съ чудесными темно-сѣрыми выразительными и какими-то радостными глазами, 12-лѣтняя Лиза и два ея меньшихъ бойкихъ и живыхъ брата.

Я съ удовольствіемъ занимался съ ними, замѣчая въ нихъ недюжинныя способности, и проводилъ послѣ урока нѣкоторое время въ quasi-научной бесѣдѣ съ ихъ отцомъ, иногда въ присутствіи матери, задумчиво и мечтательно глядѣвшей на находящійся передъ окнами бульваръ. Къ сожалѣнію, мое преподаваніе продолжалось не долго: черезъ полгода, послѣ урока, меня пригласила къ себѣ вдругъ очень осунувшаяся хозяйка дома и съ растеряннымъ видомъ объявила мнѣ, что они должны прекратить домашнее обученіе дѣтей и рѣшили хлопотать о пріемѣ дочери въ институтъ. Въ отвѣтъ на мой вопросительный взглядъ ея губы задрожали, и со слезами въ голосѣ она мнѣ

Портретъ Е. В. Успенской.

Весенняя выставка въ Академіи Художествъ 1918 г.

Н. Сергѣевъ

сказала, что они разорены вслѣдствіе полной безхозяйственности мужа. И, дѣйствительно, вскорѣ они какъ-то ступсывались и сошли со сцены московской жизни.

Прошло 22 года. Однажды раннимъ зимнимъ утромъ мой слуга сказалъ мнѣ, что приходила какая-то дама съ сопровождающимъ ее офицеромъ, настойчиво хотѣла меня видѣть и на заявленіе его, что я еще не всталъ, сказала, что будетъ ходить противъ моего дома и просить выйти ей сказать, какъ только я буду въ состояніи ее принять. Приглашенная черезъ 1/4 часа ко мнѣ, дама оказалась высокой, стройной блондинкой съ красивыми чертами лица, на которомъ виднѣлась большая тревога и даже испугъ. „Вы меня не узнаете?“ — „Нѣтъ“. — „Я — Лиза, ваша московская ученица“. — „Вотъ неожиданная встрѣча! Но что съ вами? Ваши руки дрожатъ, и вы едва стоите на ногахъ“. — „Я очень устала, а кромѣ того у меня ужасное несчастье, и вы одинъ можете мнѣ помочь“. И она рассказала мнѣ, что ея отецъ поступилъ на службу, былъ назначенъ на юго-западъ Россіи, и уже много лѣтъ о немъ ни слуху, ни духу. Одинъ изъ братьевъ умеръ, другой лишилъ себя жизни. Мать нашла себѣ пріютъ у родственниковъ, а она уже лѣтъ десять какъ вышла замужъ за артиллерійскаго офицера, служащаго въ одномъ изъ техническихъ учрежденій военнаго министерства въ окрестностяхъ Петербурга. „Мы, — говорила она, — получаемъ очень небольшое содержаніе и едва сводимъ концы съ концами, да и то потому, что у насъ нѣтъ дѣтей. Небѣды двѣ тому назадъ внезапно къ намъ пріѣхала погостить моя мать, съ которою мы не видались уже нѣсколько лѣтъ, и которой вовсе не ожидали. Она нѣсколько удивила насъ критическимъ отношеніемъ къ нашей скромной обстановкѣ, своими костюмами и поведкой, въ которыхъ сказывалось сильное желаніе молодиться, несмотря на ея возрастъ, вамъ извѣстный. Проживъ у насъ недѣлю и постоянно жалуюсь

На то, что у нас скудно, она внезапно уехала в Петербург и заявила померь в дорогой и роскошной гостинице. Третьяго дня к нам, в нашу труппу, приехали посланный от хозяина гостиницы с требованием, чтобы мы взяли мою мать обратно, потому что она, в течение нескольких дней пребывания в отеле, накупила духов и разных косметиков больше, чем на двести рублей, приказав доставить это на дом и поручив конторке уплатить за эти покупки, внося их стоимость в извлекаемый ей счет, — заказывала себе ежедневно дорогие обеды с шампанским и ликерами и стала себя так держать с мужской прислужкой, что та стала ее избывать и жаловаться на ее пристрастия. Мы побхали немедленно с мужем к ней и нашли ее в очень возбужденном состоянии, говорящую разными циническими двусмысленностями и заявляющую, что она выходит замуж и на днях вступает с разными официальными лицами, знакомыми ей по Москве. Мы пригласили доктора, который напел... — говорящая залпнула, ее бледное лицо густо покраснело, — особенно вида сумасшествия, при котором женщина теряет всякий стыд в своем отношении к мужчинам. Для этого есть специальное название, которого я не запомнила. Он сказал, что это состояние может пройти, но что в настоящее время оно чрезвычайно обострилось и может грозить опасностью ей и окружающим, так как иногда сопровождается припадками бешенства. Почему ее необходимо немедленно поместить в дом умалишенных. Мы объездили все больницы этого рода в Петербурге, но ни в одной казенной не оказалось свободной вакансии, и нам везде отказали в прием мой бедной матери. В частных же лечебницах требуют такую сумму в месяц, которая для нас совершенно немислима. Тут мы вспомнили о вас и подумали, что, по вашему служебному положению, вы, быть-может, окажете нам помощь в этих трудных и безвыходных для нас обстоятельствах.

Участвуя в течение шестнадцати лет в качестве прокурора, председателя суда и почетного мирового судьи во свидетельствовании душевно-больных в особом Присутствии губернского правления, я был знаком со старшими врачами полиции (которые прежде назывались штатг-физиками) и в особенности в последние годы с А. Г. Багалиным. Я предложил моей посетительнице немедленно побхать со мной к последнему, и гоголевский рассказ о городничем, для которого в церкви место нашлось, осуществился только под другим наименованием. Место нашлось, и несчастная нимфоманка была в тот же день под каким-то вымышленным предлогом водворена в лечебницу.

Дня через три "бедная Лиза" снова пришла ко мне и, по-прежнему, в разстроенном виде. Оказалось, что хозяин гостиницы прислал настойчивое требование об уплате ему всего слдующего с ее матери за помещение и содержание, а также улаченного по счетам в парфюмерные магазины. Его претензии доходили до 500 рублей. Между тем, собрав все, что было возможно, бедная чета не могла ему уплатить больше 200 р., и он угрожал скандалом, обращением к начальству мужа и всякими неприятностями, к числу которых, конечно, относилась и огласка всего происходившего с разными пикантными и постыдными подробностями, с указанием на то, что дочь и зять объявили развратную женщину сумасшедшей, чтобы не платить по счету. Опять потребовалась моя на этот раз уже денежная помощь. К счастью, у меня оказалась свободная получасовая за некоторую литературную работу недостающая до 500 рублей сумма. Моя бывшая ученица, приняв ее с горячей благодарностью, заявила мне, что ни она ни ее муж ни в каком случае не желают получать ее безвозвратно, а при первой возможности, вбродно, не близкой, возвратят мне ее, зная, что она трудовая.

Прошло еще двенадцать лет. Однажды, когда я шел, задумавшись, по слд тяжелого сенатского заседания, мне наперерз с другой стороны тротуара пошла высокая полная дама далеко за 40 лет, так называемая belle-femme, в дорогой бархатной ретонде, подбитой каким-то пушистым бильным мехом. Подоидя ко мне вплотную, она сказала: "Опять не узнаете?! Вд, я — Лиза". Между этой Лизой и тем — милдой, задумчивой дльчой время моего студенчества и испуганной свалившимся несчастьем молодой, изстрадавшейся женщиной — была поразительная разница. Даже внимательно взглядываясь в остановившую меня даму, я с трудом улавливая в ней слабый слд прошлых образов. Передо мною стояла унитанная, зажаточная женщина, видимо довольная жизнью. "Ах, я так перед вами виновата. Вд за мной еще старый долг, и я часто думаю о том, что как стыдно его вам до сих пор не возвратят. Но то, да се, да разные мелкия хлопоты все мшались. Но вот, слава Богу, я вас встртила. Скажите, гд вы живете, и я завтра привезу". На мой отвт, что я давно забыл об этих деньгах и прошу ее не беспокоиться, она воскликнула: "Ах, что вы! Вы думаете, может-быть, что я и теперь нуждаюсь? Несколько. Я, вд, овдовла года два назад, и, представьте себе, мой муж до месяца до смерти получил наследство от своего дальнего родственника и завинил все это мне. У меня тысяча пятнадцать годового дохода, и я советм одна. Нтъ, нтъ, не огорчайте меня — позвольте завтра привезти", и, высвободив из ретонды красивую полную руку с

пальцами, унизанными драгоценными кольцами, она крпко пожала мою. На другой день она была у меня, и, по ее настойчивому желанию, я через несколько дней посетил ее в прекрасной квартир в бельэтаж, убраной с большой, но безвкусной роскошью, с тою массою ненужных фарфоровых и бронзовых вещей и стнных украшений, которая свойственна помещением людей, не привыкших к богатству и не умьющих им разумно распорядиться. Мы вспомнили старину, и я узнал, что бедная жертва печальной болзни совершенно выздоровла через полгода, вернулась к родным, стала очень набожною и несколько лет назад тихо скончалась.

Недл через дв я получил от моей новой знакомой — называю ее новой, потому что она ничем не напоминала себя самую при прежних наших встречах — записку, в которой она самым настойчивым образом просила меня назначить день, когда я могу к ней прийти в четыре часа, прибавляя, что ей крайне необходимо меня видеть, и что от моего посещения зависит ршение очень важного в ее жизни вопроса. Когда я несколько замедлил отвтом, будучи очень занят, — послдовало второе письмо с еще боле горячей мольбой. Придя в назначенный мною день, я был несколько удивлен встретившей меня обстановкой. В комнате было накурено какими-то духами, в столовой длались приготовления к большому обеденному столу. Едва я усеяся в ярко освещенной гостинице близ хозяйки, роскошно одтой и обутой, как явился лакей во фрак, чулках и башмаках с пряжками, очевидно, взятый ad hoc, и принес на маленьком столике чайный сервиз. Когда он ушел, хозяйка быстрым движением закрыла за ним дверь и сказала мне слдующее: "Мне так нужно вас видеть! Вы единственный человек, оставшийся мне от далекого прошлого. Я на вас смотрю, как на родного, и вам могу сказать все откровенно. Видите ли, я так привыкла быть вмст с мужем и в особенности не оставаться ночью в одиночестве, что, вот уже два года, мучусь тем, что я одна. Днем я бываю у знакомых, в магазинах, вечером в театрах, концертах и на вечерах в гостях. Но когда наступают ночь и я остаюсь одна, мною овладевает страх, и я боюсь, сама не знаю, чего. Я разыскала здсь свою старую гувернантку и пробовала класть старушку в своей спальне на ночь, но и это не помогло. Просто — не знаю, что длат!" — Она на минуточку отоглянулась, замялась, взглянула на меня доверчивым взглядом и, ласково положив свою руку на мою, сказала: "Мне нужен... ну, вы понимаете, мне нужен муж. И вот я ршилась обратиться к вам". — "То-есть — как ко мне! — невольно воскликнул я, ошеломленный таким заявлением, — если вы имете в виду меня, то я, к сожалнию, не могу себя предоставить в ваше распоряжение. Я уже в том возрасте, когда не думают боле о браке". — "Ах, нтъ! — сказала она с протестующим видом, — вы думаете, что я... что вы... ах, нтъ. Я бы не ршилась никогда об этом и помышлять. Какая я вам жена. Да вы бы меня и не полюбили: я слишком стала удручной в последнее время. Но, вд, вы ко мне относитесь дружески, не правда ли? И мне нужна одна ваша услуга. У меня — как бы это сказать — три жениха! И я не знаю, на ком остановиться. Их пригласила всех сегодня обедать, — от этого у меня так и парадно, — и очень вас прошу: посмотрите и послушайте их и скажите, кого мне выбрать. Как скажете, так я и поступлю".

Мне стоило большого труда убднить ее не настаивать на такой оригинальной просьбе, исполнение которой поставило бы меня в особенно цекотливое и смшное в собственных глазах положение. "Боже мой, но что же я буду длат одна?! Ну, не хотите помочь вашей старой маленькой Лизе и посмотреть, так посоветуйте, по крайней мре, вообще, кто из них боле подходящий. Один — моряк, контр-адмирал, вдовец. Я была с его покойной женой подругой по институту. У нее остались дв дочери — тоже институтки, векор оканчивающ курс. Умирая, она меня просила выйти за ее мужа и замнить ее дочерям, в особенности, когда он окончат курс. Он очень хороший человек и ко мне всема расположен. Второй, — служащий по интендантству, статский совтник, но на линии генерала. Он человек богатый, имет большое имние внутри России и взрослого сына. Было бы приятно быть за ним замужем. Но только я боюсь этого самого сына, который уже теперь из каких-то расчетов относится ко мне недоброжелательно. А третий — доктор, молодой, из Западнаго края, недавно со мной познакомившийся, который очень мне нравится и говорит, что любить меня безумно, только он на десять лет моложе меня. Ну, скажите же, будьте добры, на ком остановиться? Войдите в мое положение. Вд каждый поджидает отвта. За кого вы бы вышли замуж на моем мст?"

Мне было и смшно, и жалко бедную женщину. Я не ршилась сыграть в некотором роде роль новаго Улисса, отвергнув всех претендентов, но сказала: "Я бы ни за кого не вышла замуж, будучи далеко не первой молодости и имя материальное обезпечение и полную независимость. Но уж если ршение должно быть неотложно принято, то я, теоретически говоря, остановилась бы на моряке. Не говоря уже о том, что морские офицеры в огромном большинстве прямые и благородные люди, такой исход был бы исполнением трогательного

материнскаго завѣта вашей подруги. Вы сдѣлали бы доброе дѣло, руководя первыми шагами вашихъ падчерицъ въ общественной жизни и заботясь о нихъ во всѣхъ случаяхъ, когда отцу это невозможно или затруднительно. Интенданта слѣдовало бы оставить за флагомъ, такъ какъ сомнительно, чтобы тѣ удобства брачной жизни, которыя онъ можетъ вамъ доставить, могли совершенно искупить тѣ неприятели, съ которыми можетъ быть сопряжена ваша жизнь подъ однимъ кровомъ съ взрослымъ пасынкомъ, который уже теперь, по вашимъ словамъ, точить на васъ зубы, какъ на опасную соперницу по части наслѣдства. О страстно влюбленномъ докторѣ нечего и говорить. Десять лѣтъ разницы очень опасная вещь, особенно въ виду того, что женщины въ физическомъ отношеніи старѣютъ гораздо скорѣе мужчинъ. И, кромѣ того, убѣждены ли вы, что вы лично, а не ваша обстановка и ея источникъ — причина быстрой влюбленности этого врача, заставляющая его замуривать глаза на свою значительную сравнительно съ вами молодость? — „Ахъ, — сказала она, — какъ вы это хорошо и ясно разобрали. Я послѣдую вашему совѣту. Но, все-таки, останьтесь обѣдать“.

Я категорически отказался, а черезъ недѣлю получилъ

записку, въ которой значилось: „Я выхожу замужъ за интенданта. Будьте добры, не откажите быть моимъ посаженнымъ отцомъ“.

Не будучи любителемъ церемоніальной роли шаферовъ и посаженныхъ отцовъ, я уклонился отъ этого предложенія. Боязнь оставаться одной — de dormir les bras vides, какъ сказалъ бы Мопассанъ — была, очевидно, очень сильна въ моей оригинальной знакомой, и свадьба была сыграна скоропалительно, такъ что уже черезъ десять дней я имѣлъ удовольствіе принимать у себя новобрачныхъ и созерцать крашенные волосы и усы „молодого“.

Прошло снова нѣсколько лѣтъ, и я неожиданно получилъ слѣдующую записку: „Ужасное несчастье! Опять у меня умеръ мужъ. Придите раздѣлить мое горе и посовѣтовать, что мнѣ дѣлать“...

Занятія и нездоровье помѣшали мнѣ исполнить это желаніе, и я долженъ былъ ограничиться письменнымъ выраженіемъ соболѣзнованія и предложеніемъ написать мнѣ, какого рода совѣтъ отъ меня требуется, обѣщая дать его по силѣ моего разумѣнія. Отвѣта я не получилъ, и что случилось съ злополучной Пенелопой — не знаю. Надѣюсь, что она если не requiescit in pace, то, во всякомъ случаѣ, ея тревоги прошли, и она dormit in pace.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Закатъ.

Былъ мирный часъ, давно воспѣтый словомъ,
Прославленный на полотнѣ картинъ:
Горѣлъ закатъ на облакѣ лиловомъ,
И замеръ звукъ межъ лиственныхъ вершинъ.
Поникло солнце. Плавно золотилась
Въ заливѣ свѣтломъ теплая вода...
Вдругъ близъ меня чуть внятно огласилось:
„Знакомый видъ, а нравится всегда!“...

1887.

То вслухъ мечталъ мой спутникъ мимолетный
Въ лучахъ зари, съ улыбкой беззаботной
Покая взоръ на огненной каймѣ.
Его въ живыхъ ужъ не было къ зимѣ.
И каждый разъ при заревѣ заката,
Когда блеститъ вечерняя вода,
Мнѣ все звучитъ, какъ тихій голосъ брата—
„Знакомый видъ, а нравится всегда!“...

С. Андреевскій.

Съ визитомъ.

Весенняя выставка въ Академіи Художествъ 1918 г.

Е. Малешевская.

Книга „Исходъ“, глава XIV.

Весенняя выставка въ Академіи Художествъ 1918 г.

Барельефъ М. Манизера.

„И погнались за сынами Израилевыми Египтяне, и встѣ кони съ колесницами фараона, и всадники, и все войско его“... (стр. 9)

Вѣчный Странникъ.

Католическая легенда.

Александра Амфитеатрова.

— Я иду, но — навстрѣчу успокоенію. Ты же иди — иди, не зная отдыха, впредь до Моего второго пришествія, когда узришь Меня одесную Отца Моего, пришедшимъ судить осудившихъ Меня.

Такими словами Христосъ осудилъ человѣка, который не позволилъ Ему, въ крестномъ пути, отдохнуть на скамьѣ своего дома.

Какъ звали этого человѣка? Одни говорятъ: Агасееръ, — и это самое частое имя. Другіе зовутъ его Лакедемомъ, третьи — Картофиласомъ.

Христосъ сказалъ, и Лакедемъ, Агасееръ или Картофиласъ тотчасъ же пошелъ — пошелъ безъ остановки. Выходя изъ воротъ Иерусалима, онъ встрѣтилъ ангела гнѣва. И ангелъ сказалъ ему:

— Ты отказалъ въ отдыхѣ Сыну Человѣческому, — тебѣ отказано въ отдыхѣ до Его возвращенія. Иди! Простись съ Иерусалимомъ, ты его больше не увидишь. Простись съ долиной Иосафата, ты соединишься съ отцами своими лишь въ день Последняго Суда.

Сказавъ это, ангелъ отмѣтилъ чело Лакедема знакомъ, отгоняющимъ смерть. И исчезъ.

А Лакедемъ, иди и иди, съ изумленіемъ видѣлъ, что онъ ступаетъ непрерывно по двумъ крестикамъ, прокладывающимъ дорогу, въ какую бы сторону онъ ни направился. Одинъ крестикъ изъ пяти монетъ, другой изъ пяти цвѣтковъ. Напрасно старался онъ ступать мимо: крестики притягивали ноги его, подобно магнитамъ, появляясь все новые и новые — съ каждымъ шагомъ. Но оглянувшись Лакедемъ назадъ: не увидѣлъ ни одного! Нагнулся, чтобы снять ихъ съ дороги, — рука ничего не схватила, а видѣть ихъ онъ продолжалъ ясно. Такъ они влекли его впередъ и впередъ, не давая ему останавливаться. И когда онъ пробовалъ остановиться, земля начинала горѣть подъ его ногами, какъ раскаленное желѣзо. Лишь ночью имѣлъ онъ покой, днемъ шелъ безпрерывно. Считая Христа магомъ, а себя жертвою злыхъ чаръ, онъ обращался къ гадателямъ и волшебникамъ, прося ихъ снять колдовство, но они были безсильны.

Когда Лакедемъ узналъ о паденіи Иерусалима, о которомъ было ему сказано, что онъ своего родного города никогда уже больше не увидитъ, онъ подумалъ было, что наказаніе его близится къ концу. Но годы все шли, а ничто не мѣнялось: онъ шелъ и шелъ, ступая по своимъ крестикамъ изъ монетъ и цвѣтковъ, и земля попрежнему раскалялась подъ его ногами, какъ скоро онъ приостанавливался для передышки. Его одежда и обувь не изнашивались, онъ не болѣлъ и не старѣлся, хотя съ его ухода изъ Иерусалима прошло уже сто лѣтъ. Кругомъ родились, умирали, болѣли, измѣнялись, — онъ шелъ все тотъ же, какъ въ первый день странствія, не мѣняясь. Только худѣлъ да костенѣлъ, да обрасталъ бороною.

Вначалѣ его странствіе имѣло пріятныя стороны. Онъ былъ доволенъ сознаніемъ своего безсмертія, въ немъ горѣло любопытство къ громадности міра, котораго величія и разнообразія онъ, невѣжественный ремесленникъ, раньше и не подозревалъ.

Но вскорѣ его начало тяготить одиночество. У него не осталось никого близкаго. У него не было никакого имущества, кромѣ ничтожной суммы, нужной для ежедневнаго пропитанія. Когда, черезъ сто лѣтъ, все кругомъ измѣнилось, и уже не осталось у Лакедема на землѣ ни одного ровесника, и весь родъ потомковъ его и потомковъ родни и друзей его вымеръ, онъ впалъ въ отчаяніе и началъ призывать смерть. Она не хотѣла прійти. Лакедемъ думалъ обмануть своего Судію, наложивъ на себя руки. Пытался уморить себя голодомъ. Но ѣлъ пѣлый мѣсяць. Но, въ замѣтъ, ночной сонъ его въ это время сдѣлался такимъ глубокимъ и живительнымъ, что онъ рѣшительно не чувствовалъ голода и слабости. Онъ попробовалъ отказаться и отъ сна, но эта борьба оказалась ему не по силамъ.

Отчаявшись уморить себя, Лакедемъ надѣялся, что мѣсяць голодовки принесетъ ему, по крайней мѣрѣ, ту пользу, что изъ монетъ, которыя ежедневно появлялись въ его поясѣ на пропитаніе, скопилась за это время порядочная сумма. И теперь онъ, съ ея помощью, будетъ въ состояніи нѣсколько измѣнить свою убійственно однообразную жизнь. Горькое разочарованіе! Ощупавъ поясъ, Лакедемъ нашелъ лишь все тѣ же пять монетъ, что находилъ всякимъ утромъ.

Съ каждой новой луной на него наплывало отчаяніе. Онъ бросался въ рѣки и озера, но вода не принимала его, со дна пропастей онъ вставалъ невредимымъ. Такъ же напрасно искалъ онъ погибели въ сбѣгахъ на развалинахъ приступомъ взятыхъ городовъ. Участвуя въ бояхъ, онъ никогда не былъ даже раненъ. При взятіи Константинополя турками Лакедемъ дрался поочередно на обѣихъ сторонахъ, равнодушный къ обѣимъ, но ни мечи христіанъ ни мусульманскія сабли не причинили ему ни малѣйшаго вреда.

Въ Домиціаново гоненіе Лакедемъ явился въ Римъ, объявилъ себя христіаниномъ и былъ присужденъ къ смерти. Но топоръ палача иступился объ его шею. Его топтали слонъ, желѣзный молотъ и свинцовая палица обрушивались на его голову, яды и раскаленные угли глоталъ онъ, — все напрасно: оставался неуязвимъ.

Бросился въ кратеръ вулкана и тотчасъ же вылетѣлъ оттуда вмѣстѣ съ лавою и камнями. Кровью плача, яростно призывая смерть, онъ видѣлъ, какъ она, величавая, равнодушная, проходила мимо, не удостоивая его даже взглядомъ.

Въ Персіи Лакедемъ опрокинулъ идола бога солнца. За это его зарыли въ землю до ушей, — земля извергла его. Его хотѣли посадить на колъ, — желѣзный колъ сломался. Тогда его присудили къ висѣлицѣ. Но едва петля коснулась его костистой шеи, подъ ногами Лакедема вновь показались манящіе крестики, и онъ пошелъ, пошелъ, увлекая за собою и самую висѣлицу. Отъ нея вскорѣ не осталось и кусковъ, а онъ былъ и шелъ все тотъ же, — страшный, невредимый, неизмѣнный.

Безсмертіе, котораго онъ не понималъ, привело его къ гордости. Замѣтивъ, что всѣ, съ кѣмъ онъ входилъ въ общеніе, вскорѣ

Книга „Исходъ“, гл. XIV.

Весенняя выставка въ Академіи Художествъ 1918 г.

Барельефъ М. Манизера.

„И простеръ Моисей руку свою на море“... (стр. 27).

умирали, онъ началъ считать себя высшимъ существомъ—посланникомъ Божіимъ, воплощеннымъ ангеломъ смерти. Съ этого времени сердце его разгорѣлось ревнивою злобою противъ Христа.

Онъ возсталъ противъ Христова ученія. Онъ посящалъ и наущалъ гонителей, которые принимали его за сверхъестественное существо. Онъ былъ другомъ Симона-волхва и злочестиваго Арія.

Онъ способствовалъ всѣмъ ересямъ, помогалъ расколамъ, и когда падало одно злоученіе, спѣшилъ изобрѣсти другое. Тамъ творилъ онъ и разрушалъ, разрушалъ и творилъ.

Иногда ему начинало казаться, что онъ-то самъ и есть безсмертный Мессія. Но только, заколдованный вражескою злобою, онъ забылъ про свое собственное могущество. А между тѣмъ достаточно было одного его мановенія, чтобы сбросить колдовство. Тогда онъ бросался въ еврейскія общины Голуса и начиналъ въ нихъ свою проповѣдь. Многочисленные лже-Мессіи, собиравшіе евреевъ подъ стягъ объединенія то въ Іеменѣ, то въ Сициліи, то въ Испаніи, то въ Салоникахъ, и губившіе ихъ своимъ обманомъ въ отчаяніи глубокихъ разочарованій, были не иные кто, какъ все тотъ же Вѣчный Жидъ, Агасверъ-Лакедемъ-Картофиласъ.

Евреи отвергли и прокляли его, — и онъ, отвѣтно, возненавидѣлъ евреевъ и принялся мстить имъ. Это онъ явился къ сицилійскимъ евреямъ подъ именемъ и видомъ Моисея и убѣдилъ ихъ плыть въ Палестину во срѣтеніе близко грядущаго Мессіи, а, выйдя въ открытое море, утопилъ всѣхъ за нимъ послѣдовавшихъ. Это онъ наглумился надъ багдадскими евреями, посуливъ имъ священную „ночь перелета“ въ Іерусалимъ, когда они, напрасно ожидавшіе на кровляхъ своихъ домовъ, скоро ли начнется великое чудо, были безжалостно ограблены до послѣдней нитки въ покинутыхъ жилищахъ своихъ. Это Лакедемъ уговорилъ и погубилъ іеменскаго пророка, іудея Абдуллаха, внушивъ ему требовать отъ халифа Моавія, чтобы тотъ отрубилъ ему голову, а онъ, Абдуллахъ, зная въ себѣ Мессію, черезъ три дня воскреснетъ... И—самое злое: это онъ изобрѣлъ и пустилъ клевету объ употребленіи евреями христіанской крови. И легенды Инсбрука гласятъ, будто, чтобы придать клеветѣ вѣроятіе, Лакедемъ въ 1462 году самъ переодѣлся раввиномъ и совершилъ свѣршное убійство, распявъ на деревѣ трехлѣтнее дитя. А въ 1475 году повторилъ такое же звѣрство въ Тренно. Такъ мстилъ онъ сразу и христіанамъ и евреямъ, возжигая между ними подозрѣнія и ненависть. тѣбюція и до нашихъ дней. Но почти всегда ковы его рупатся беззлавно—ложь ниспровергается, истина торжествуетъ. Изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій Лакедему особенно ненавистно римско-католическое. Въ XIII и XIV вѣкахъ онъ усердно порабаталъ для ересей, спасая отъ преслѣдованій враговъ папскаго престола.

Въ 1252 году Лакедемъ пришелъ изъ Страсбурга въ Гамбургъ. Когда тамъ не хотѣли вѣрить его древности, онъ попросилъ справиться въ городской регистраціи 1052 года. Тогда выяснилось, что онъ уже проходилъ 200 лѣтъ тому назадъ. Онъ проходитъ между людьми чаще, чѣмъ думаютъ, но его трудно узнать потому, что онъ прекрасно владѣетъ языкомъ всякой страны, въ которую является.

Такъ, мало-по-малу, вывѣтрившись изъ Лакедема всѣ человѣческія чувства. И сдѣлался онъ недоступенъ никакому иному голосу и зову, кромѣ эгоизма. Онъ не прочь будить состраданіе въ людяхъ, жалующься на одиночество, но сердце его такъ же косявлено, какъ его шея, такое же каменное, какъ его грудь, о которую

удары притупляются, будто о гранитную скалу. Однако и у него есть слабое мѣсто.

Четыреста лѣтъ онъ не плакалъ и не молился, не зналъ смѣха, и если пытался улыбнуться, то губы его кривила столь ужасная гримаса, что онъ дѣлался похожъ на дьявола и распугивалъ однимъ видомъ своимъ всѣхъ встрѣчныхъ на своемъ пути. Въ началѣ пятаго столѣтія корабль, на которомъ плылъ Лакедемъ, потерпѣлъ крушеніе у береговъ Египта. Изъ всѣхъ плывшихъ Лакедемъ одинъ спасся и зашелъ къ благочестивому пустынноику, обитавшему въ прибрежной пещерѣ. Отшельникъ неизвѣстно какъ узналъ Лакедема, сталъ за него молиться и его приглашалъ къ тому же, но безуспѣшно. Тогда отшельникъ сказалъ Лакедему:

— Неси покорно свое наказаніе. Ты страшный образецъ отрицанія любви Христовой. Но настанетъ день, когда и ты опомнишься. А до того времени знай, что Тотъ, Кто простилъ палачамъ своимъ, простилъ отреченіе св. Петру и простилъ бы предательство самому Іудѣ, если бы тотъ раскаялся, простить и тебѣ, когда ты смиришься, Сердце твое высохло. Лишь слезы могутъ размягчить его. Ты прольешь ихъ трижды. Въ первый разъ это будутъ слезы ярости, во второй разъ—слезы гордости, а въ третій—слезы состраданія. Тогда растопится сталь твоего сердца, ты познаешь любовь и получишь возможность умереть.

Католики думаютъ, что слезы ярости и слезы гордости Лакедемомъ уже пролиты. Отъ ярости онъ плакалъ въ Провансѣ, когда крестоносцы, благословленные папою Иннокентіемъ III, вырѣзывали еретиковъ-альбигойцевъ. Отъ гордости — въ Парижѣ, когда великая французская революція осквернила свою побѣду сентябрьскими убійствами и залила столицу просвѣщенія кровью неповинною...

Въ шестнадцатомъ столѣтіи Лакедемъ показывался особенно часто. Онъ внимательно слѣдилъ за реформаціей и былъ недоволенъ, когда замѣчалъ умѣренность въ ея ходѣ и достиженіяхъ.

Пятнадцать вѣковъ наложили на Лакедема печать свою. Въ этомъ возрастѣ онъ былъ старцемъ гигантскаго роста, бѣлая борода обвивала станъ его пятнадцать разъ, ротъ открывалъ лошадинные зубы, способные пережевывать даже сѣно, на рукахъ ногти—какъ желѣзные когти, все тѣло—какъ сталь, а ноги... На Маттельбергскомъ ледникѣ остался отпечатокъ его ступни — въ полтора локтя. На безсмертномъ вѣку своемъ онъ посятилъ Маттельбергъ трижды. Въ первый разъ еще засталъ тамъ большой городъ.

— Когда я вернусь въ эти мѣста,—сказалъ Лакедемъ,—вмѣсто улицъ и домовъ здѣсь будетъ дикій лѣсъ, а въ слѣдующій мой приходъ не останется ничего, кромѣ снѣговъ и льда.

Безсмертный самъ, Лакедемъ подслуживается смерти, доставляя ей новыя жертвы, потому что онъ яростный убійца и истязатель. Началъ онъ палачествовать истребленіемъ всѣхъ прикосновенныхъ къ смертной казни Исуса. Этими онъ воображалъ купить милосердіе Христа, котораго онъ ненавидитъ, но считаетъ великимъ волшебникомъ и судить о Немъ по своимъ собственнымъ страстямъ. Лакедемъ затянулъ петлю на горлѣ самоубійцы Іуды и задушилъ Каіафу, когда узналъ, что Вителій лишь отрѣшилъ его отъ должности.

Однажды, въ заіорданской пустынѣ, разбойникъ, подстерегавшій путниковъ, зазривъ идущаго Лакедема и метнулъ въ него камень.

Лакедемъ даже не взглянулъ въ ту сторону.

Разбойникъ пустилъ стрѣлу. Она пролетѣла мимо.

Разбойникъ разбѣжался, догнавъ прохожаго и съ размаха ударилъ кинжаломъ въ спину. Тогда только повернулся Лакедемъ.

— Варавва?!—воскликнулъ онъ.

— Лакедемъ?!—въ ужасѣ призналъ его разбойникъ.

И въ тотъ же мигъ костлявая рука Лакедема сдавила ему горло. Короткая борьба,—и Лакедемъ опять, мѣрнымъ огромнымъ шагомъ гиганта, замелькалъ по пустыни, оставляя за собою бездыханный трупъ Вараввы,—злѣдья, жизнь котораго, на судѣ Пилатовомъ, предпочтена была жителями Иерусалима жизни Иисуса Христа!

Лакедемъ выслѣдилъ Иродіаду у береговъ Мертваго моря и утопилъ ее въ асфальтъ. Ея тѣнь поднимается изъ моря каждое 29-е августа: день усѣкновенія главы Иоанна Предтечи.

Однажды, переходя по льду замерзшій Дунай, Лакедемъ нагналъ юную еврейку, такую же бродягу, какъ и онъ самъ. При видѣ ея она поблѣднѣла и затрепетала, а онъ долго шелъ рядомъ съ нею, злорадно наблюдая, какъ она блѣднѣетъ и дрожитъ изъ страха передъ нимъ... Потомъ сказалъ:

— Здравствуй, Саломея! Не протанцуешь ли ты мнѣ тотъ танецъ, за который царь Иродъ подарилъ твоей матери Иродіадѣ голову Иоанна Крестителя?

— Вся дрожа, Саломея отвѣчала:

— Царь Иродъ умеръ сыльнымъ въ Лионѣ, а мать моя пропала безъ вѣсти. Оставимъ въ покоѣ ихъ память.

Лакедемъ возразилъ:

— Танцуй, Саломея. Если протанцуешь, я укажу тебѣ дорогу къ твоей матери.

Устрашенная, очарованная его пристальнымъ взглядомъ, Саломея начала танецъ... Когда она забылась, увлеклась, разошлась, Лакедемъ тоннулъ по льду... Подъ его могучей пятой ледъ раздался, и устремившися на утопающую Саломею льдины отрѣзали ей голову... Туловище пошло ко дну, а голова покатила по рѣкѣ, все еще скача и прыгая, будто продолжая проклятый танецъ... И эту страшную танцующую голову ежегодно видитъ кто-нибудь въ приднѣвскихъ мѣстахъ, все въ ту же кровавую годовщину 29-го августа.

Наказанный Тиберіемъ, лишенный должности, изгнанный, Пилатъ тоже долго блуждалъ по землѣ, какъ бродяга: искалъ покоя и не могъ найти. Его всюду узнавали. Въ отдаленнѣйшихъ городахъ и въ самыхъ глухихъ деревушкахъ, куда онъ никогда прежде не заглядывалъ, о существованіи которыхъ не подозревалъ, въ мѣстахъ, гдѣ, казалось, не могли слышать даже имени его,—всюду, чуть только онъ появлялся, дѣти показывали на него пальцами и восклицали:

— Вотъ онъ—Пилатъ-судія!

Сперва его это удивляло, затѣмъ начало смущать, наконецъ привело въ ужасъ. Его жена, родомъ изъ Галліи, владѣла таинственнымъ знаніемъ друидессъ. Она предсказывала мужу эту кару, когда просила его не выдавать Христа ярости священниковъ и черни. Пилатъ, вѣдь, и не прочь былъ спасти Его, но уступилъ возмущенію толпы, потому что, во-первыхъ, имѣлъ при себѣ слишкомъ мало солдатъ, во-вторыхъ, опасался доноса на себя кесарю. Однако, совершенно для Пилата неожиданно, тутъ-то кесарь и опалился на него.

Жена повезла Пилата въ Галлію, но чудо, преслѣдовавшее ихъ всюду, запугало, наконецъ, и ее. Она покинула супруга и укрылась у друидессъ на островѣ рѣки Сены.

Одинокій и несчастный Пилатъ добрался до Вьенны—близъ Лиона, гдѣ умеръ Иродъ. Тамъ дѣти встрѣтили бывшаго іудейскаго прокуратора все тѣми же криками:

— Вотъ онъ—Пилатъ-судія!

Онъ поселился у одного римлянина, съ которымъ былъ въ тѣсной дружбѣ въ свои счастливые дни. Скоро онъ убѣдился, что и тутъ все знающъ объ его несчастіи, и всѣмъ онъ въ тягость. Онъ дошелъ до такого отчаянія, что пробовалъ утопиться въ одномъ лѣсномъ озеркѣ близъ Вьенны, но вода не захотѣла принять его. Покинулъ Вьенну и отправился искать могилы въ Гельвеціи.

Онъ слышалъ когда-то отъ кого-то, что есть близъ Люцерна таинственное озеро, которое поглощаетъ свою добычу безвозвратно. Большого труда стоило ему взобраться на гору, господствующую надъ озеромъ. Печально стоялъ онъ на утесѣ надъ бездною, окруженный унылою горною осенью, которая, повыгнавъ птицъ и огонивъ деревья отъ лиственнаго шума, водворила на горныхъ высотахъ мертвенную тишину... Но вдругъ и здѣсь Пилатъ услышалъ отчетливый голосъ:

— Вотъ онъ—Пилатъ-судія!

Сперва Пилатъ подумалъ, что слухъ обманулъ его крикомъ какой-нибудь хищной птицы. Но, оглянувшись кругомъ, увидѣлъ человѣка, быстро направлявшагося къ нему. Іудейская одежда пришельца напомнила Пилату его прошлый грѣхъ, и, въ стыдѣ и ужасѣ, римлянинъ низвергся съ горы въ озеро...

Но и это озеро упорствовало принять его. Онъ только окунулся, а не могъ погрузиться. Какъ вдругъ, барахтаясь въ водѣ, Пилатъ почувствовалъ на плечахъ своихъ тяжесть: это сѣлъ на него человѣкъ въ іудейской одеждѣ, котораго онъ только-что видѣлъ. То былъ Вѣчный Странникъ—Лакедемъ. Подъ его тяжестью Пилатъ перевернулся семь разъ, и тогда, наконецъ, воды озера съ ревомъ сомкнулись надъ его головою.

Но умеръ ли онъ,—кто знаетъ? Гора съ тѣхъ поръ зовется горою Пилата, а озеро подверглось заклѣтѣю. Ужасающія бури волнуютъ его по ночамъ, адскія тѣни пляшутъ на немъ. Разъ въ годъ появляется на берегу и Пилатъ, въ одѣяніи судіи. И кто его увидитъ, умретъ.

Если кто изъ прохожихъ броситъ что-нибудь въ озеро, оно вздымаетъ свои черныя волны, заливаяетъ окрестности, производитъ страшныя разрушенія. Въ XV вѣкѣ посѣщать берега Пилатова озера можно было не иначе, какъ съ формальнаго разрѣшенія люцернскаго магистрата, и, подѣ страхомъ наказанія, воспрещалось бросать въ воду что бы то ни было.

Когда на Констанцскомъ соборѣ судили Яна Гуса, одинъ епископъ, произнося въ церкви проповѣдь, обратилъ вниманіе на страннаго слушателя, сидѣвшаго шагахъ въ десяти отъ него. То былъ старецъ преклонныхъ лѣтъ съ большою, совершенно бѣлою бородой. Каждый разъ, какъ упоминалось имя Христа, онъ склонялъ голову, но скорѣе съ робкою приниженностью, чѣмъ благоговѣнно. А когда проповѣдь касалась евангельскихъ событій, старикъ поднималъ глаза вверхъ, какъ бы припоминая прошедшее.. При этомъ онъ то стоналъ, то билъ себя въ грудь...

„Этотъ старецъ,—подумалъ епископъ,—или великій страдалецъ, или великій грѣшникъ“.

Онъ приказалъ служкѣ, по окончаніи проповѣди, привести старика къ трапезѣ.

Послѣ разпросовъ оказалось, что это не кто иной, какъ Лакедемъ. Онъ рассказалъ епископу всю свою исторію и поспѣшно откланялся, извиняясь, что больше не въ силахъ оставаться на одномъ мѣстѣ, ноги его горятъ, какъ на раскаленныхъ угляхъ.

Всѣ участники этой трапезы вскорѣ умерли.

Въ 1466 году Лакедемъ появился въ Брюсселѣ и былъ приглашенъ къ столу Филиппа Добраго. Пажы замѣтили, что гость ничего не ѣлъ и все, что подавалось, бросалъ

Лѣтнемъ саду (20-е годы).

Весенняя выставка въ Академіи Художествъ 1918 г.

Г. Сасицкій.

подъ столъ. На немъ была восточная одежда. Поязка на лбу скрывала таинственный ангельскій знакъ отверженія отъ смерти. Въ разговорѣ гость часто подтверждалъ свою сверхъестественную древность, рассказывая событія, случившіяся много вѣковъ тому назадъ, съ подробностями, которыя могли быть извѣстны лишь очевидцу. Онъ описалъ дворецъ Карла Великаго въ Ахенѣ, палатку св. Людовика въ Тунисѣ, нравы Генриха-Птицелова въ старости. Филиппъ видѣлъ его дважды на разстояніи одного года и умеръ послѣ второго свиданія. Сынъ его также встрѣтилъ Лакедема однажды, — передъ тѣмъ, какъ погибнуть при осадѣ Нанси.

Во время осады Мюнстера Вѣчный Странникъ явился снова, предшествуемый молвою, подъ именемъ еврея Исаака. Онъ принималъ живѣйшее участіе въ избраніи короля, онъ внушилъ Іоанну Лейденскому мысль объ его высокомъ назначеніи, о томъ, что онъ будетъ новымъ Соломономъ, — мало того, Мессіей. Онъ установилъ въ Новомъ Сіонѣ многоженство, назначивъ самому королю шестнадцать королевъ. Онъ же покушался на жизнь Франца Вальдека, при помощи молодой еврейки Сары, новой Юдееи, какъ ее называли.

Когда его схватили и хотѣли пытать, всѣ старанія связать его или сковать остались безуспѣшны. Онъ рвалъ веревки, растягивалъ и разбивалъ оковы. Тиски разлетѣлись въ куски. Попробовали пытать его водою. Когда влило было ему въ ротъ черезъ воронку уже два ведра воды, онъ надулся, дунулъ и выплюнулъ всю воду высокимъ фонтаномъ. Наконецъ было рѣшено Сару повѣсить, а Исаака растерзать, привязавъ къ хвостамъ четырехъ дикихъ лошадей. Казни должны были совершиться одновременно. Но въ ту минуту, когда палачъ уже готовился стянуть на шеѣ Сары смертную петлю, одинъ за другимъ лопнули два ремня, прикрѣплявшіе Лакедема къ конямъ. Двѣ остальные лошади поволокли его прямо къ висѣльницѣ. Палачъ и всѣ присутствовавшіе въ страхѣ разбѣжались. Вѣчный Странникъ ухватился за столбъ, остановилъ коней, обрѣзалъ ремни ножомъ палача, ими же обраталъ лошадей, схватилъ Сару, самъ съѣлъ на одного коня, ее посадилъ на другого — и были таковы! — ускакали въ Мюнстеръ.

За три дня до взятія Мюнстера Исаакъ исчезъ, и вскорѣ погибли всѣ видѣвшіе его.

Затѣмъ зловѣщая тѣнь Вѣчнаго Странника мелькаетъ то въ той, то въ другой мистической сектѣ XVII и XVIII вѣка... у масоновъ, розенкрейцеровъ, иллюминатовъ... Въ послѣдній разъ Лакедема видѣли на улицахъ Парижа въ тѣ грозные сентябрьскіе дни, когда старымъ глазамъ его суждено было испустить вторыя предсказанныя ему слезы — слезы гордой радости... Его узнаютъ въ томъ невѣдомомъ страшномъ старикѣ, который, въ сентябрьскихъ убійствахъ, шелъ во главѣ пиканосной толпы избивателей знати и клира. Вооруженный громадною дубиною, онъ безжалостно глушилъ ею швейцарцевъ, королевскихъ гвардейцевъ, аристократовъ и, въ особенности, поповъ... Билъ на смерть — и при каждомъ ударѣ напоминалъ историческія преступленія католицизма:

- Это—за альбигойскія войны!
- Это—за костеръ тампьеровъ!
- Это—за Варооломеевскую ночь!
- Это—за драгонады Людовика XIV!..

Говорятъ, именно этотъ самый загадочный старикъ-санкюлотъ, неистовствуя въ тюрьмѣ L'Abbaye, предложилъ мадемуазель де-Сомбрейлъ, когда она умоляла пощадить ея отца, выпить испугательный тостъ на погибель аристократовъ—и подаль ей, вмѣсто вина, стаканъ свѣжей человѣческой крови...

Зловѣщее вліяніе Вѣчнаго Странника—предсказывать скорую смерть каждому, кто его видѣлъ—никогда еще не оправдывало себя такъ выразительно, какъ въ террорѣ французской революціи. Гильотина покончила со всѣми его очевидцами—и съ тѣми,

Въ Лѣтнемъ саду (20-е годы).

Г. Савицкій.

Весенняя выставка въ Академіи Художествъ 1918 г.

кого онъ призывалъ убивать, и съ тѣми, кто были его сочувственниками и товарищами въ убійствахъ...

Когда горячка гильотины начала слабѣть и ножи убійствъ при-
тупились, невѣдомый старикъ невѣдомо и исчезъ.

Гдѣ блуждаетъ онъ сейчасъ — страшный и жалкій — Вѣчный Странникъ, не прощаемый и не прощающій Лакедемъ?

Если вѣрить писателямъ и поэтамъ романтическаго прошлаго вѣка, то въ XIX столѣтіи онъ измѣнилъ своему характеру и сдѣлался изъ человѣконенавистника филантропомъ... Такимъ явился онъ Эженю Сю, чтобы отразиться въ его знаменитомъ романѣ „Вѣчный Жидъ“...

Несомнѣнно, это новое направленіе приближаетъ Лакедема къ ожидаемому третьему моменту его слезъ — слезъ состраданія... Гдѣ-то застанетъ Вѣчнаго Странника это благодѣтельное, прекрасное мгновеніе?

Правду говоря, если Лакедемъ, дѣйствительно, жаждетъ и ищетъ повода пролить слезы состраданія, то странно будетъ, если мы не увидимъ его въ наши дни въ нашемъ злополучномъ отечествѣ. Потому что болѣе удобнаго и вызывающаго къ тому случая ужъ, конечно, не имѣлъ Вѣчный Странникъ за всю свою почти двадцативѣковую жизнь!..

✱ ✱
✱

Я танцовщица изъ Севильи,
И мною самъ король плѣненъ.
Старинныхъ кружевъ для мантильи
Съ своимъ пажомъ прислалъ мнѣ онъ.
Рѣсницы юноши—какъ стрѣлы,
Глаза темнѣе, чѣмъ агаты.

Движенья быстры и несмѣлы,
Но гордъ и смѣлъ открытый взглядъ.
Другъ къ другу юность насъ толкнула,
А страсть сказала всѣ слова.
Его цѣлуя, я швырнула
Ему подъ ноги кружева...

Наталія Грушко.

Старатели.

Повѣсть недавнихъ дней.

Н. Тихонова.

I

„Когда артистъ играетъ Мефистофеля, онъ долженъ имѣть черный плащъ, рога и дьявольскій хохоть, когда священникъ служить обѣдню, онъ долженъ имѣть ризу и важную сосредоточенность въ жестахъ и выраженіи лица, но когда председателю полкового комитета, да еще кавалерійскаго полка, нужно ѣхать на важное засѣданіе, онъ фрижды обязанъ имѣть френчъ, хотя бы и съ чужого плеча...“

Такъ совершенно искренно думалъ товарищъ Зейманъ, ходившій короткими, сильными шагами по своей маленькой, но чистой комнаткѣ въ курортѣ П. Комната выходила въ садъ, гдѣ запыленные клумбы, разбитыя оранжереи и сломанныя или срубленныя деревья говорили о тѣхъ былого величіи, а вороны, сумрачныя и тоже чѣмъ-то удрученныя, клевали какія-то черносинія ягоды, находили ихъ невкусными и улетали съ визгливо-жалобнымъ и встревоженнымъ крикомъ. Въ комнатѣ стояли кровать, столъ, два стула и плетеный диванъ. На кровати лежала пашка и револьверъ съ разсыпанной обоймой, на столѣ—альбомъ для стиховъ, гдѣ чередовались стихотворенія модныхъ авторовъ съ разудалыми кавалерійскими пѣсенками, старыми чахоточными романсами и стихами на мѣстномъ языкѣ. Стулья были свободны,

Голландочка.

Весенняя выставка въ Академіи Художествъ 1918 г.

М. Диллонъ.

и Зейманъ шагаль отъ окна къ двери такъ осторожно, что не задѣвалъ ихъ ни длинными блестящими шпорами ни длинными загорѣлыми руками, которыми имѣлъ привычку жестикулировать, когда говорилъ самъ съ собой. При людяхъ же онъ всегда былъ сдержанъ, уходилъ въ себя и обыкновенно принималъ какую-нибудь одну позу. Положимъ, въ выборѣ позъ онъ не былъ разнообразенъ.

Пройдя разъ двадцать отъ стола къ двери и обратно, онъ круто повернулся послѣдній разъ, звякнулъ шпорами, вышелъ изъ комнаты, постоялъ на порогѣ балкона, сохраняя невозмутимыми сѣрые, большіе глаза и круглое, загорѣлое лицо, потомъ рѣзко сталъ подыматься по лѣстницѣ во второй этажъ такимъ твердымъ шагомъ, что каждая ступенька болѣзненно стонала и скрипѣла. Поднявшись во второй этажъ, Зейманъ постучалъ въ одну изъ дверей.

— Это ты, Зейманъ?—послышался изъ-за дверей сонный, негромкій голосъ.—Входи, только дверь притвори, а то у меня окно открыто. Сквозняку нагонитъ!

— А ты все спишь!—сказалъ Зейманъ, вступая торжественно въ комнату.—Да они все спятъ еще,—добавилъ онъ, бросая взглядъ на вторую кровать, гдѣ лежалъ секретарь комитета, Ивановъ, закутанный съ головой въ одеяло,—ну, и лѣнтяи, ну, и лѣнтяи! А я къ вамъ по дѣлу. Вставай, Мирцевъ, я подожду. Въдь скоро одиннадцать...

— Развѣ можно спать, когда ты явишься!—воскликнулъ секретарь, высовывая изъ-подъ подушки взлохмаченную голову.—Идешь, какъ каменная глыба... Ты знаешь, когда ты поднимаешься къ намъ сюда, наверхъ, нѣмцы у Икскюля начиваютъ ураганную стрельбу. Они думаютъ, что это тяжелую артиллерию подвозятъ...

— Брось острить—все равно глуше не будешь...
— Я съ тебя, дорогой, примѣръ беру... Ты же говоришь: они все спятъ. А кто это „все“? Я, кажется, всегда здѣсь сплю одинъ: никого не привожу...

— Ну, къ чорту, оставь,—прервалъ его Мирцевъ,—такъ ты хочешь что-то сказать... Ахъ, да, чего это ты самъ поднялся такую рань? И вымылся, и вычистился и чуть-что не въ походъ. Ну, говори, а я буду одѣваться...

— Дѣло въ томъ, что сегодня,—медленно и твердо началъ Зейманъ,—у меня будетъ очень важное совѣщаніе о дѣлѣ, которое касается и нашего полка. Совѣщаніе это—безусловная тайна, и если я о немъ все же васъ ставлю въ извѣстность, то потому, что считаю это необходимымъ. Положимъ, о немъ узнаете еще завтра или сегодня ночью... А къ тебѣ я зашелъ вотъ почему: мнѣ нуженъ твой френчъ. А то, знаешь ли, неудобно: тамъ будутъ и нашъ „Ишакъ“, и корпусный, и искольцы, такъ что... да ты самъ понимаешь...

— Бери, мнѣ не жалко,—сказалъ Мирцевъ, натягивая сапоги,—но ты самъ-то знаешь что-нибудь опредѣленное или нѣтъ? Въдь если это—тайна, то тебя не стѣдуетъ больше и разспрашивать, потому что не нужно. Разъ тайна—да еще вылунившаяся изъ своего яйца съ утра,—то, значитъ, послѣ обѣда, даже во время обѣда мы ее узнаемъ: у насъ въдь все новости и военныя тайны разносятся съ кашей...

— И да и нѣтъ. Пока ничего не могу сказать. Такъ я беру френчъ... Я тороплюсь на побѣздъ въ 11—50, а то со слѣдующимъ поздно. У меня, кромѣ совѣщанія, еще дѣла въ городѣ...

— Не давай ему, Валька, френча,—замѣтилъ Ивановъ, зѣвая и протянувъ руку за папиросами,—онъ въдь жениться собирается и тебя надуваетъ. И экстренность ночная того же сорта. Ей-Богу. Я тоже хорошо освѣдомленъ...

— Ну, и дуракъ же ты,—обратился къ нему уже на порогѣ удивившій Зейманъ,—колоссальный дуракъ. А все-таки и съ тобой мнѣ придется переговорить серьезно...

— О, ради Бога! Когда я не выспался, я всегда серьезенъ.

— Не смѣйся! Я назвалъ тебя лѣнтяемъ и не беру слова назадъ. Ты въдь посмотри, какъ ты все запустилъ: журналовъ не ведешь, протоколовъ за двѣ недѣли нѣтъ, газетъ не рассылаешь. Только и сдѣлалъ, что весь нашъ табакъ выкурилъ да весь шоколадъ въ лавкѣ съѣлъ. Теперь за консервы принялся. Это развѣ порядокъ? Чертъ побори такого секретаря!

— Да что же я могу подѣлать, разъ я—анархистъ. Благородство анархиста не можетъ терпѣть рутины. А это рутинна: все эти протоколы, бумаги, чернила. И ты не злился напрасно. Почитай лучше Штирнера...

— Въ самомъ дѣлѣ, вставай,—сказалъ Мирцевъ, когда Зейманъ ушелъ,—я уже готовъ, вмѣстѣ умываться пойдемъ, ведро поддержишь...

Черезъ часъ они сидѣли на балконѣ своей дачи и пили чай. Солнечное яркое лѣтнее утро знойно заглядывало въ широко раскрытыя окна, въ здоровыя, загрубѣвшія лица, въ стаканы съ крѣпкимъ, настоявшимся чаемъ.

Мирцевъ читалъ передовую статью въ столичной газетѣ, а Ивановъ нумеровалъ полученныя изъ канцеляріи бумаги. По

улицѣ къ морю проѣхали голые всадники на лошадяхъ безъ сѣделъ, пробѣжала рыжая, шмурыгая собака, громко и беспорядочно облаявъ лошадей, прошли три солдата съ парусиновыми ведрами, и потомъ долго кружилась тонкая, острая, горячая, дымная пыль, заволакивая низкіе заборы и сломанные кусты.

Зейманъ шелъ къ станціи длиннымъ и узкимъ перелѣскомъ, поросшимъ брусникой и заваленнымъ кучами конскаго навоза. Когда-то это была улица моднаго курорта. Теперь виллы съ ободранными стѣнами, разбитыми крышами, инвалидами-трубами и проломленными полами, на которыхъ лежали грязные обрывки портянокъ, бумагъ, матерій, картона являли картину мерзостнаго запустѣнія. Отель въ 75 комнатъ стоялъ, какъ высокій, длинный, пустой сарай, и только вѣтеръ ночью порывисто хлопалъ непритворенными дверьми, и кое-гдѣ надало разбитое еле державшееся стекло, съ маленькимъ, дробнымъ звономъ.

А зато справа доносился большой, мощный гулъ моря, гулъ верхушекъ сосенъ, высокіхъ, красныхъ сосенъ, смотрѣвшихъ съ безмолвной снисходительностью на покой оскорбленнаго человѣческаго жилища. Какое дѣло было желтымъ широкимъ отеламъ, деревьямъ и морю до того, что на берегу не стало больше грохота оркестровъ, купальнъ, нарядныхъ бань, еще болѣе нарядныхъ господъ, безопасно разряженныхъ лодокъ, всего того гомона, который приноситъ человѣкъ во всякое мѣсто, гдѣ онъ ставитъ свой домъ, сажаетъ свой садъ и заводитъ граммофонъ жалкаго, но громкаго существованія. Облака равнодушны сами по себѣ, море величественно безъ тушъ и скелетовъ, затянутыхъ въ трико, и увеселительныхъ яхтъ, а сосны прекрасны даже тогда, когда подъ ними нѣтъ парочки въ бѣлыхъ костюмахъ, съ цвѣтками въ рукахъ...

Даже маленькій веселый вокзалъ былъ наказанъ строго и больно за свою веселость и безопасность прежней жизни. Бомба съ аэронала разрушила его въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и сквозь бреши заглядывало внутрь то голубое, ликующее, лѣтнее небо, какое смѣялось и сверкало на крыльяхъ двухъ самолетовъ, лѣтвшихъ куда-то быстрыми и упругими движеніями.

II.

Командиръ N. корпуса, генералъ-лейтенантъ Сѣдлецкій и начальникъ ...дивизіи генералъ-майоръ Растягинъ были школьными товарищами, бѣгали вмѣстѣ по коридорамъ громаднаго кадетскаго корпуса, оба вышли въ одинъ годъ въ офицеры, и одинъ остался въ Петроградѣ, а другой уѣхалъ на Кавказъ лѣчить свое немного разстроенное здоровье и жениться. Передъ самой войной, жена у Растягина умерла, —сынъ умеръ еще раньше, — и поэтому генералъ съ радостью принялъ командованіе стрѣлковой бригадой... Человѣкъ суровый, прямой, называвшій вещи своими именами, не боявшійся смерти, строгій до ужаса къ подчиненнымъ, — натура, переносившая легко и морозы и жары, три раза контузии и рану въ плечо отъ шрапнельной пули, онъ втянулся и сталъ тѣмъ боевымъ генераломъ, который всегда ѣдетъ быстро-быстро на замыганномъ, низкомъ, исключенномъ жеребчикѣ въ сопровожденіи высокаго адъютанта, обязательно высокаго, въ противоположность генеральской маленькой фигурѣ, доѣзжаетъ до второй линіи окоповъ, слѣзаетъ съ лошади, кряхтя и отплеиваясь, и идетъ въ окопъ, по коѣнню въ грязи, по дорогѣ здороваясь со своими „внучатами“, „ребятами“, „орлами“, какъ онъ зоветъ стрѣлковъ, и скуластыя лица темнѣютъ благодарной ретивостью, и сквозь здоровые бѣлые зубы сибирскихъ молодцовъ звучитъ какъ-то нагло и громко, громче, чѣмъ требуетъ приличіе: „здравія желаемъ“... Къ осени 1916 года дивизію перебросили на Двину, во взморью, и она здѣсь выдержала крѣпкіе львиные, зимніе бои, показала геройство и пустила кровь герману, хотя и у самой осталась „рожа въ пуху“, какъ смѣялся генералъ, говоря съ „земляками“ на отвоеванныхъ у неприятеля окопахъ...

Но съ того времени, когда случилось „это“, непредвидѣнное, непонятое, несмысленное имъ, онъ сталъ по возможности уединяться, притворяться больнымъ, именно притворяться, потому что онъ отъ природы обладалъ здоровьемъ богатнымъ, не хворалъ почти никогда и былъ крѣпокъ, какъ „мороженый дубъ“, какъ говорилъ онъ всякому, кто ранѣе спрашивалъ о его здоровьи.

Февральскіе дни 1917 г.

Весенняя выставка въ Академіи Художествъ 1918 г.

И. Гинцбургъ

И долго, долго, цѣлыми ночами лежалъ онъ и думалъ; отсылалъ адъютанта спать, гасилъ свѣтъ, раздѣвался, ложился въ постель и думалъ: о себѣ, о своемъ старческомъ пути (было ему уже 54 года), о столицѣ, въ которой находились его родственники, о своей покойной женѣ, объ единственномъ сынѣ, который умеръ пяти лѣтъ отъ роду, простудившись въ одинъ морозный, трескучій вечеръ, о своихъ „землякахъ“, находящихся сейчасъ на отдыхѣ около города, вспоминалъ ихъ темныя, скуластыя, точно изъ стараго завитреннаго дерева, лица, ихъ широкія, добродушныя улыбки, ихъ мужицкія, сочныя, грубыя, колкія, увѣсистыя, какъ камни, рѣчи, дробный, тяжелый, темный, какъ ихъ глаза, смѣхъ, и мысль его неизмѣнно возвращалась къ себѣ и къ тому, что случилось со страной въ этотъ баснословно короткий промежутокъ времени. О себѣ онъ думалъ: „Боже, какъ я уже старъ, мнѣ 54 года, да, только 54 года; другіе въ эти годы еще стараются молодѣть, и имъ удается; какія-нибудь развалины и тѣ подмазываются подъ жизнь и красятся, и румянятся, и бодрятся, и бросаютъ костыли, чтобы ходить самими и держаться незамѣтно за стѣны...“

А олъ свѣжъ съ виду, закаленъ, неутомимъ, и ему даже говорить, что сѣдина идетъ къ нему восхитительно, восхитительно, — да, такъ точно сказала ему одна знакомая полковница, но можетъ-быть, она только сказала комплиментъ, въ которомъ не было ничего отъ сердца.

А онъ самъ знаетъ, что на душѣ у него темно и страшно, и отъ этого темнаго и страшнаго онъ не можетъ спать. И онъ знаетъ, насколько онъ старъ. Когда онъ ходитъ по окопамъ, смотреть въ глазки пулеметныхъ гнѣздъ, отбрасываетъ ногой спутанную, колючую проволоку, шутитъ подъ грохотъ упавшаго „чемодана“ — ему тогда 25 лѣтъ, да, да, не больше... И тогда онъ можетъ закричать „ура“ и, какъ мальчишка, бѣжать до усталости и хрипоты, вытаптывая тяжелыми ногами мокрый, проваливающийся снѣгъ, — но когда онъ возвращается на отдыхъ, ложится въ постель и гаситъ свѣтъ, и его сбѣдая голова уходитъ въ мягкую грудь подушекъ, о, тогда невидимая и ужасная тяжесть опускается на его маленькое, сморщенное тѣло, и чей-то голосъ — точно голосъ покойной жены — шепчетъ ему нѣжно и кротко, какъ это было когда-то: „ну, спи, спи, мой хорошій — ты очень усталъ и тебѣ нужно отдохнуть“, — или это чей-то знакомый, гулкій, зычный голосъ, который кричитъ на всю комнату, не боясь тишины: „спи, старикъ, спи, — тебѣ сегодня 120 лѣтъ, 120 лѣтъ, и ты живешь уже вторую жизнь... вторую, чужую жизнь... Ты захватилъ эту вторую жизнь и не по праву живешь. Усни же, усни, иначе эти 120 лѣтъ еще увеличатся вдвое, втрое, вчетверо...“

Что это такое? Онъ приподнимается, облакачивается на подушки, потомъ тихо освобождаетъ одну ногу изъ-подъ одеяла,

потом другую, и идет къ окну, которое освѣщено луною. И, проходя мимо зеркала, взглядываетъ быстро и какъ-то кося въ стекло, и ему видна сгорбавшаяся, низенькая, тусклая фигурка въ бѣломъ, надъ которой дрожатъ какъ подъ отчаянной тяжестью что-то исповински большое и темное. И онъ садится у окна за синей, пахнувшей пылью и старыми духами, шторой,—и, закрывъ лицо руками, думаетъ...

Все стало по-другому. И солнце стало другое, и небо, и люди, и его адъютантъ, и письма, которыя приходятъ къ нему изъ города, и его „земляки“, взрослые, бородааты дѣти. И напрасно адъютантъ притворяется, называя его „ваше превосходительство“, и напрасно солдаты огвѣчаютъ, какъ всегда, свое горланное привѣтствіе, — въ этомъ притворствѣ есть какое-то безпокойство и насмѣшка у адъютанта, а солдаты таятъ что-то въ себѣ такое, чего онъ раньше не замѣчалъ...

И зачѣмъ еще встрѣтилъ онъ своего школьнаго товарища, этого зроста, тоже принявшаго какой-то глупый, новый, непонятный тонъ, генераль-лейтенанта Сѣдлецкаго, у котораго сегодня должно состояться тяжелое и чрезвычайное собраніе по вопросу, который измучилъ Растягина за два послѣднихъ дня; можетъ-быть, отъ этого постарѣлъ онъ еще больше...

III.

Генераль-лейтенантъ Сѣдлецкій былъ человѣкомъ той неопредѣленной въ обычное время группы людей, которая всегда отличается острой, почти болѣзненной опредѣленностью возрѣній лишь въ окончательныхъ фазахъ господствующаго порядка. Генераль-лейтенантъ Сѣдлецкій вдѣлъ красную розу въ петлицу; эту розу ему бросили въ офицерскомъ собраніи, гдѣ онъ сказалъ свою первую революціонную рѣчь, — приказалъ называть себя просто генераломъ, раньше приказа по военному вѣдомству; сказалъ три или четыре захватывающія, по новизнѣ и красотѣ, рѣчи, которыя, какъ говорили потомъ, были составлены его племянникомъ, студентомъ-юристомъ, прапорщикомъ изъ вольноопредѣляющихся, — выписалъ для своей дивизіи (онъ тогда еще командовалъ дивизіей) на 1000 рублей революціонной литературы изъ Петрограда, и сталъ ждать...

Ждать ему пришлось не долго. Прежній командиръ N. корпуса былъ господиномъ правилъ „временъ Очаковскихъ и покоренія Крыма“, постольку, поскольку они касались его службы, да къ тому же былъ изъ русскихъ нѣмцевъ со звучнымъ именемъ, и его заставили очень скоро ретироваться.

Генераль-лейтенантъ Сѣдлецкій былъ приглашенъ занять его мѣсто. Искосоль напечаталъ лестную статью съ похвалами храброму генералу. Потомъ появилось дополнительное постановленіе комитета той дивизіи, которой онъ раньше командовалъ, и въ этомъ постановленіи говорилось о прямыхъ и великихъ качествахъ его благородной души, о его дѣяніяхъ по службѣ, геройствѣ и братскомъ обращеніи съ подчиненными, — и слава его была упрочена.

Самъ же онъ ничего не имѣлъ противъ печатныхъ оиміамовъ, сладкихъ резолюцій и своего новаго поста. Онъ мѣтилъ еще выше, и его умная голова была бы безусловно вполнѣ на мѣстѣ и за столомъ Главкосява.

Когда онъ встрѣтился съ Растягинымъ, онъ увидѣлъ сразу задумчивую злобу упрямаго старика противъ всего новаго, попробовалъ въ долгой и горячей бесѣдѣ обследовать всѣ дальніе углы души бывшаго одноклассника, и когда убѣдился, что эту тѣлгу нельзя поставить изъ канавы на дорогу, потому что у нея всѣ колеса разбиты, — онъ махнулъ рукой и сказалъ:

— Знаешь что я тебѣ предложу, только чуръ — не пеняй на меня и не лаясь; дѣло твое старое, собирай свои кости и убѣжай, потому что иначе худо будетъ. И даже, можетъ, очень худо... Такъ вотъ: я, конечно, по-товарищески, безъ зла, а потому что чувствую...

Растягинъ поглядѣлъ на него бокомъ и, ничего не сказавъ, поднялся и ушелъ.

— Вотъ сумасшедшій, — бросилъ Сѣдлецкій, — вотъ сумасшедшій. Этакъ вѣдь онъ можетъ и мнѣ игру испортить. Придется за нимъ поглядывать.

Но пока Растягинъ держался своей загадочной молчаливой позиціи, его дивизія отдыхала отъ оконной работы, и все носило характеръ мирнаго бытія.

И вдругъ прилетѣла нелѣпая исторія, первая ласточка, какъ язвительно называлъ Сѣдлецкій это извѣстіе: первая ласточка изъ той стаи неизбѣжныхъ неприятностей, которыхъ не понималъ этотъ старый упрямецъ Растягинъ. По случаю этой исторіи и было назначено срочное собраніе у корпуснаго сегодня вечеромъ...

IV.

Засѣданіе было назначено на половину девятого вечера, но всѣ запоздали, такъ что около десяти часовъ у Сѣдлецкаго сидѣли лишь Растягинъ, комиссаръ его дивизіи, поручикъ Камба, и начальникъ штаба корпуснаго, подполковникъ Заіонцкій. „Безъ искосольца начать нельзя, — подумалъ Сѣдлецкій, сидя за письменномъ столомъ, — да и кавалеристовъ нѣтъ“.

Онъ вышелъ въ приемную и здѣсь увидѣлъ молодого человѣка средняго роста, державшагося браво и прямо, и, казалось, еще

болѣе желавшаго быть бравымъ и молодцеватымъ. При видѣ его, генераль нѣсколько растерялся, такъ какъ молодой человѣкъ безшумно, но грузно шагнулъ къ нему, щелкнулъ шпорами и откомендовался:

— Зейманъ, предсѣдатель полковаго комитета драгунскаго полка, честь имѣю явиться...

— А... да, — сказалъ Сѣдлецкій, снова осматривая драгуна съ головы до ногъ, нѣсколько приятно удивленный его машинной граціей, — слыхалъ, слыхалъ, доблестный полкъ, прошу...

И онъ провелъ Зеймана въ свой кабинетъ, куда черезъ пять минутъ явился и начальникъ кавалерійской дивизіи, генераль майоръ Исаковъ, человѣкъ, имѣвшій темное лицо, всегда готовые анекдоты, истинный смыслъ которыхъ тоже были темными для окружающихъ, что не мѣшало однако имъ улыбаться на его остроты въ знакъ почтительнаго уваженія къ золотымъ зигзагамъ генеральскихъ погонь. За свои анекдоты да за глупые приказы по дивизіи его давно уже прозвали „Ишакомъ“. Правда, была еще одна группа поклонниковъ его недостатковъ, именовавшая его Исакомъ, но привилось какъ-то первое; и когда спрашивали: „ну, какъ здоровье нашего „Ишака“? или: „а слышали, что еще выдумалъ нашъ „Ишакъ“?, — то это было равно понятно и офицерамъ и гусарамъ, и кашеварамъ и телефонистамъ всей дивизіи.

Знать про свое прозвище и самъ Исаковъ, но отмалчивался, и когда свирѣпѣлъ, то его темное лицо становилось совсѣмъ чернымъ, щеки какъ-то раздувались, губы толстѣли немощно, а маленькіе, свинные глаза были колки и тонки, какъ концы его густо нафабранныхъ усовъ. Кромѣ всего этого онъ былъ еще человѣкомъ желчнымъ, а тутъ къ тому же попалъ въ дурацкое положеніе: нѣсколько дней назадъ, во время утренняго завтрака, который онъ всегда раздѣлялъ съ адъютантомъ, послѣдній рассказывалъ ему, по обыкновенію, свѣжій политическій анекдотъ (любя самъ анекдоты, генераль требовалъ такой же любви и отъ своихъ подчиненныхъ, не ниже, конечно, поручика; съ корнетами онъ разговаривалъ рѣдко, а на прапорщиковъ только смотрѣлъ строго и внушительно.) Адъютантъ кончилъ анекдотъ, генераль засмѣялся и сказалъ:

— Ну, а что же дальше? Что еще?

— Что еще, ваше превосходительство, — ахъ, да—совсѣмъ забылъ: вчера въ городѣ я встрѣтилъ одну только-что прѣхавшую сестру милосердія (сестры милосердія—это была вторая и предпослѣдняя слабость „Ишака“; послѣдней его слабостью былъ спиртъ, который онъ истреблялъ въ неограниченномъ количествѣ, добывая его по милости старшаго медицинскаго врача дивизіи Гнусаина). — Такъ вотъ,—продолжалъ офицеръ,—эта сестричка, это такой деликатесъ, что, ей-Богу, я ухаживалъ за ней цѣлый вечеръ. И она скоро прѣдетъ сюда... Достала пропускъ и знаете,—тутъ главное: она хочетъ васъ видѣть!

— Шутить, братецъ?

— Смѣю ли, ваше превосходительство, — да, наконецъ...—засуетился адъютантъ,—къ обѣду она будетъ обязательно здѣсь. Разрѣшите взять ее подъ охрану вашего превосходительства... Мигомъ соорудимъ обѣдъ. Можно и не въ собраніи. У меня на дачѣ отличный поваръ...

Генераль крикнулъ, крѣпко затянувшись старой, душистой сигарой, нафабрилъ усы такъ жирно, что они должны были у незнающаго человѣка вызвать недоумѣнный вопросъ: что это такое жирное бѣло генераль, что весь жиръ остался на усахъ?— два раза поглядѣлъ въ зеркало и еще разъ крикнулъ, вспомнилъ свои конкерскія похождения и почувствовалъ себя совсѣмъ хорошо... „Значитъ, еще повоемъ, чортъ возьми, разъ женщинамъ еще нравилось... Да еще заочно!“ Но дѣло приняло совсѣмъ плохой оборотъ. Сестра милосердія прѣхала къ обѣду, не опоздала ни на минуту, но она оказалась дочерью генерала. Правда, онъ не могъ думать про нее то, что она прѣдетъ, потому что она работала на пунктахъ Краснаго Креста на Солнечной Горѣ, и теперь прѣхала, не предупредивъ его... Она рассказала, какъ познакомилась съ его адъютантомъ на вокзалѣ, какъ немного, совсѣмъ немного мистифицировала его, а прѣхала она всего на недѣлю, взявъ отпускъ, потому что боевъ нѣтъ, а не имѣла времени предупредить, потому что бѣжала съ подругой, эвакуированной въ Скольѣ.

Исаковъ слушалъ ее холодно, и съ каждымъ словомъ лицо его темнѣло и темнѣло, и языкъ тяжелѣлъ, и неприятная холодная ломота появлялась въ плечахъ и подъ коѣлками. Какъ будто кто-то долго и упорно гонялъ его на кордѣ въ пыльномъ и дульномъ манежѣ, и пыль набралась ему въ глаза, въ ротъ, въ носъ и мѣшаетъ дышать. Въ такомъ гнетущемъ состояніи прѣхалъ онъ на совѣщаніе.

Слѣдомъ за нимъ явился командиръ артиллерійскаго дивизиона, подполковникъ Фугастовъ, человѣкъ всегда веселый, здоровый, опредѣленно и коротко говорившій о своихъ политическихъ убѣжденіяхъ:

— Вотъ что хотите, то и дѣлайте, а я убѣжденный монархистъ! Вотъ ставьте къ первому забору и разстрѣляйте, а передѣлать мою шкуру нельзя, въ такой родился...

Солдаты любили его за его откровенную грубость, за то, что онъ пилъ съ ними, называлъ ихъ свиньями, и никогда не трусилъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Цвѣтокъ самоубійць.

Какъ надъ прахомъ казенныхъ растеть мандрагора,—
На могилахъ людей, испытующихъ рокъ,
Вырастаетъ блестящій, опасный для взора
Одинокій и жуткій цвѣтокъ.
Только крикнетъ сова, старыхъ склеповъ колдунья,
На зеленый огонь, на могилу, приди—
И сорви тотъ цвѣтокъ въ первый часъ новолунья
И храни у себя на груди...

И мудрѣй Соломона, пышнѣй Аладина
Жизнь пройдешь ты, повѣривъ мечтѣ,—
Лишь во снѣ будетъ сниться ночная долина
И огонь на могильной плитѣ...
Но страшись: если зло овладѣетъ тобою,
Жгучій ядъ смертоносной тоски—
Ты умрешь одинокимъ, забытымъ судьбою,
Отъ своей же руки!

Н. Т.

Изъ прошлаго европейской международной политики.

I. Вестфальскій миръ.

Война и революція заставили самые широкіе круги русскаго общества заинтересоваться многими такими вопросами, которые еще недавно считались удѣломъ однихъ специалистовъ. Русскому человѣку приходится чуть не ежедневно опредѣлять свое отношеніе къ сложнѣйшимъ проблемамъ государственнаго права, политической экономіи и международной политики. Даже оставаясь въ роли просто любознательнаго наблюдателя историческихъ событій, пестрой чередой развертывающихся передъ нимъ, онъ долженъ обладать извѣстнымъ запасомъ фактическихъ свѣдѣній и научныхъ познаній, которыми не всегда снабжаетъ его школа и которыя нелегко извлечь изъ популярныхъ книжекъ и справочниковъ. Въ особенности это справедливо въ примѣненіи къ международной политикѣ. До войны область международной политики была для огромнаго большинства русскихъ гражданъ, въ полномъ смыслѣ слова, „книгой за семью печатами“. Старый режимъ ревниво оберегалъ ее отъ „простыхъ смертныхъ“, и въ общемъ мы, безъ особыхъ протестовъ, мирились съ такимъ положеніемъ вещей. Но теперь, когда внѣшняя политика Россіи дѣлается именемъ русскаго народа, всякій русскій обязанъ умѣть сознательно судить о ней и стремиться оказывать на нее сильное вліяніе. Ничто такъ не поможетъ ему въ этомъ, какъ историческое освѣщеніе нѣкоторыхъ основныхъ началъ современнаго международного порядка.

Мы представляемъ себѣ всѣ современныя культурныя государства объединенными въ одно „международное общеніе“, въ одну великую „семью государствъ“. Всѣ члены этой „семьи“, независимо отъ ихъ размѣровъ, богатства и политической мощи, признаются равными передъ лицомъ международного права, подобно тому, какъ внутри современнаго государства всѣмъ его гражданамъ, богатымъ и бѣднымъ, красивымъ и некрасивымъ, талантливымъ и бездарнымъ, приписывается равенство передъ закономъ. Правовое равенство государствъ является неизблемой основой международного порядка. Только съ момента общаго признанія этого начала становятся возможными правильныя сношенія между государствами и закладывается фундаментъ международного общенія.

Поэтому возникновеніе международного общенія и дѣйствующаго въ его предѣлахъ международного права относится къ сравнительно поздней исторической эпохѣ. Господствующее въ наукѣ ученіе начинаетъ биографію современнаго международного порядка отъ Вестфальскаго мира, подписаннаго въ 1648 году. Древность не знала подлиннаго международного права. Древнему Востоку присуща была идея избраннаго Богомъ народа, который всякаго чужестранца почиталъ „невернымъ“ и уже по одному этому не могъ поддерживать съ другими народами сношеній, покоящихся на равноправіи сторонъ. Древній Римъ ставилъ себѣ цѣлью не международное общеніе, а мировое господство, такъ же несомѣстимое съ международнымъ правомъ. Жизнь средневѣковой феодальной Европы была отмѣчена безконечнымъ дробленіемъ народовъ и территорій на множество мелкихъ „вотчинныхъ“ государствъ и господствомъ „кулачнаго права“.

Могилы самоубійцы.

В. Котарбинскій.

И только на переломѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, когда понемногу сложились въ своихъ главныхъ чертаняхъ современныя европейскія государства и рядомъ съ Германской имперіей образовались сильныя, способныя отстаивать свою независимость монархіи, Англія, Франція, Испанія, Швеція, создалась почва для зарожденія международного права. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ возникла и сдѣлала замѣтные успѣхи наука международного права. А въ серединѣ XVII вѣка Европа была поражена невиданнымъ дотолѣ зрѣлищемъ международного конгресса, на который съѣхались представители едва ли не всѣхъ европейскихъ государствъ, за исключеніемъ Россіи, Англіи и Польши, для подписанія мирнаго договора. Такъ и на этотъ разъ война содѣйствовала сближенію народовъ и оживленію сношеній

между ними. Тридцатилетняя война подвергла Европу чудовищному опустошению. Но она имела один положительный результат огромной важности: она дала жизнь современному международному строю.

В XVI вѣкѣ вся Европа была потрясена реформаціоннымъ движеніемъ, которое, будучи религіознымъ по существу, имѣло и крупныя политическія послѣдствія. Борьба между католичествомъ и протестантизмомъ вылилась въ цѣлый рядъ вооруженныхъ столкновеній въ испанскихъ Нидерландахъ и во Франціи. Въ началѣ XVII столѣтія вспыхнула тридцатилетняя война въ Германіи. Императоръ Фердинандъ II, въ качествѣ защитника католической церкви, поднялъ въ Чехіи гоненіе на протестантовъ. Чехи возмутились, и въ маѣ 1648 года въ Прагѣ была произведена торжественная „эксфенестрація“,—изъ оконъ ратуши, согласно „доброму старочешскому обычаю“, выкинули ратмановъ и ихъ писцовъ. Это послужило сигналомъ къ возстанію. Чехи вооружились, объявили Фердинанда низложеннымъ съ чешскаго королевскаго престола и выбрали королемъ курфюрста пфальцскаго, Фридриха V, зятя англійскаго короля Іакова I. Началась тридцатилетняя война.

По мѣрѣ того какъ расширялась территорія военныхъ дѣйствій и въ войну вовлекались все новыя и новыя государства, она понемногу утрачивала свой религіозный характеръ. Отдѣльные государственные дѣятели вмѣшивались въ войну и примыкали къ той или другой сторонѣ по чисто-политическимъ соображеніямъ. Такъ въ 1630 году въ Помераніи высадился „снѣговой король“ Густавъ-Адольфъ шведскій. Онъ выступилъ на защиту протестантовъ и былъ, можетъ-быть, однимъ изъ наиболее идейныхъ участниковъ войны. Но это не помѣшало тому, что къ Густаву-Адольфу примкнула Франція, съ которой онъ заключилъ въ 1631 году соглашеніе о финансовой субсидіи. Франція была правовѣрной католической страной, ея король почитался „первороденнымъ сыномъ римско-католической церкви“, и политикой ея руководилъ князь церкви, кардиналъ Ришелье. Но Ришелье считалъ выгоднымъ для интересовъ Франціи ослабленіе Австріи и потому поддерживалъ вождя протестантовъ.

Ликвидация тридцатилетней войны затянулась на очень продолжительный срокъ. Первые попытки завязать мирные перего-

воры относятся еще къ 1634 году, съ 1640 года переговоры фактически велись, и въ 1645 году предварительныя условія мира были установлены, но еще три года ушло на подготовительныя совѣщанія, на пререканія о церемоніяхъ конгресса, о томъ, кому первому вѣхъ въ городъ и войти въ залъ, какъ разсѣсться за столомъ, какъ титуловать другъ друга участникамъ конгресса. Только совершенное истощеніе воюющихъ странъ побудило бросить послѣднія колебанія и приступить къ подписанію мира. Окончательныя переговоры велись параллельно въ Оснабрюкѣ и въ Мюнстерѣ Вестфальскомъ, въ виду невозможности соединить въ одномъ собраніи уполномоченныхъ протестантской Швеціи и римскаго папы. 6-го августа 1648 года въ Оснабрюкѣ былъ подписанъ миръ между императоромъ, съ одной стороны, и Швейцаріей и протестантскими государствами Германіи съ другой. 17-го сентября въ Мюнстерѣ былъ подписанъ миръ между императоромъ и Франціей, при участіи прочихъ католическихъ государствъ. Наконецъ 24-го октября 1648 года оба договора были соединены въ одинъ актъ Вестфальскаго мира, подписанный въ Мюнстерѣ всѣми государствами, представленными на конгрессѣ.

Главнѣйшія постановленія Вестфальскаго мирнаго трактата сводились къ слѣдующему. Было провозглашено принципиальное равноправіе обонхъ вѣроисповѣданій, католическаго и протестантскаго. Всѣ государства Германіи, число которыхъ доходило до 35, были признаны независимыми. Швейцарія и Нидерланды, уже до того отстоявшія свою государственную самостоятельность, получили формальное признаніе Франціи и Швеціи, имѣ, какъ побѣдители, были присуждены территоріальныя приращенія.—Швеціи досталась Померанія, Франціи—Эльзасъ. Но особое значеніе Вестфальскаго мира исторія видитъ въ самомъ фактѣ созыва перваго обще-европейскаго конгресса, на которомъ были сообщены обсуждены и рѣшены основныя вопросы текущей международной политики. Съ тѣхъ поръ такія періодическія собранія международнаго характера стали привычнымъ явленіемъ европейской жизни, и идея великой „семьи народовъ“ получила свое реальное воплощеніе.

Проф. К. Соколовъ.

* *
*

Я помню. Это было. За границей. Лѣтомъ...
Мы познакомились. И цѣлый день вдвоемъ,
Бывало, ссорились на пляжѣ. За крокетомъ...
А вечерами Грига шли мы слушать въ домъ...
Былъ въ нѣжныхъ бликахъ фонъ далекаго чертога.
На подоконникѣ грустилъ цвѣтокъ луны...
И повѣряли мы, бывало, долго, много
Другъ другу юношескихъ думъ святыя сны...
Но вотъ, прочтя вчера въ газетѣ съ жутью строки

О томъ, что ты убить—мой дальній, давній другъ,
Воспоминаній сны вдругъ стали такъ глубоки!
И былъ покой сплошнымъ зяньемъ мукъ...
Приди ко мнѣ, какъ встарь, съ своимъ простымъ
отвѣтомъ
И разомкни кольцо жестокихъ, скорбныхъ дрѣмъ...
Какъ, помнишь? Въ Иль-де-Франсѣ. За границей.
Лѣтомъ...
Гдѣ вечерами Грига шли мы слушать въ домъ...

Павель Орѣшниковъ.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за „Ниву“ сего 1918 г., къ 1 іюня слѣдуетъ внести **не менѣе 26 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса, **во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ 7-го іюля — съ 27-го нумера.** Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копію печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ** и **непремѣнно указывать**, что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **1 рубль** и **печатный адресъ.**

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Житейскія встрѣчи и воспоминанія. А. Ф. Странникъ. Католическая легенда. Александра Амфитеатрова. — Вѣчный Наталіи Грушко. — Старая. Повѣсть недавнихъ дней. Н. Тихонова. — Цвѣтокъ самоубійцы. Стихотвореніе Н. Т. — Изъ прошлаго европейской международной политики. Проф. К. Соколова. 1. Вестфальскій миръ. — Стихотвореніе Павла Орѣшникова. — Заявленіе.

РИСУНКИ: Весенняя выставка въ Академіи Художествъ 1918 г. Работы Г. Савицкаго, И. Грабовскаго, Ф. Нестерова, Н. Сергѣева, Е. Малешевской, М. Манизера, М. Диллонъ, И. Гиндбурга. — Могла самоубійца. В. Котарбинскій.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Герцена“ книга 9.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

Библиотека "Руниверс"

ЖИЗНЬ

1918 г.

№ 23.

XLIX г.

издания.

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРЬЕВА („Великая Французская Революція“).
Выданъ 8 июля (28 мая) 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—36 р., на ½ г.—18 р., на ¼ г.—9 р. Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 к.

Главная Контора и Редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Открыта подписка на „НИВУ“ 1918 г.

Съ приложеніемъ 52 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, въ которыя войдетъ:

А. И. ГЕРЦЕНЪ (первая серія книгъ)

В. КОРОЛЕНКО (запрещенныя военною цензурою сочиненія)

М. ГОРЬКІЙ (вторая серія книгъ)

П. БЕРАНЖЕ (полное собраніе ПЬСЕНЪ)

Проф. Н. КАРЬЕВЪ. (Исторія Французской Революціи съ иллюстраціями).

Пастушка.

Жанъ-Франсуа Милле.

Пѣвецъ тихаго труда.

(Жанъ-Франсуа Милле).

Картины великаго французскаго художника Милле въ значительной части посвящены изображенію крестьянской жизни. Въ письмахъ къ своему другу Сенсе онъ говоритъ, что въ живописи его главнымъ образомъ интересуется человѣческая ея сторона; какъ и всѣ романтики, онъ не могъ себя представить пейзажъ безъ человѣка. И на его картинахъ люди придаютъ пейзажу настроеніе, дополняютъ его и срастаются съ нимъ. Объ этомъ также Милле упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Люди должны срастись съ пейзажемъ такъ, чтобы одно безъ другого было немислимо“, и гармонія эта поражаетъ на его картинахъ.

Какъ же рисуется онъ людей?

Ничего индивидуальнаго какъ въ лицѣ, такъ и въ фигурѣ. Не одно опредѣленное лицо ставилъ онъ своимъ объектомъ, а человѣка вообще, человѣка, какъ типъ, и только штрихами отмѣчалъ онъ этотъ типъ, за которымъ видимъ мы тысячи и миллионы людей.

Величавы, спокойны, почти всегда за работой люди въ его изображеніи. Онъ видѣлъ людей только трудящимися, только грязными, а сказали бы, тихими, не говорящими, а безъ суеты дѣлающими нѣчто важное. Веселья не найти на картинахъ Милле; онъ отмѣчаетъ эту сторону своей живописи, говоря, что радость только въ тишинѣ, въ спокойствіи.

Счастливы трудящіеся, когда онъ отдыхаетъ, когда хоть на время прекращается его непосильный трудъ.

Съ ранняго дѣтства наблюдалъ художникъ крестьянскую жизнь со всеми ея невзгодами, такъ какъ самъ былъ сыномъ крестьянина изъ маленькой нормандской деревушки Груши. Но не только этимъ объясняется направленіе его живописи. И до Милле въ разные періоды было много художниковъ крестьянскаго происхожденія. Получая художественное образованіе въ городахъ, эти художники совершенно отрывались отъ своей родины и писали въ томъ стилѣ, какой господствовалъ тогда въ большихъ художественныхъ центрахъ.

Милле сравнительно поздно сталъ систематически обучаться живописи и разстался съ деревней почти взрослымъ человекомъ.

Но и онъ не сразу нашель себя. Только въ 1848 году появился на Парижской выставкѣ его „Святель“, и съ тѣхъ поръ придерживался онъ постоянно

„Пѣвецъ тихаго труда“—
Жанъ-Франсуа Милле.

Автопортретъ.

до 1848 года писалъ онъ въ историческомъ стилѣ, бывшемъ тогда академическимъ, и сценки въ стилѣ рококо. Трудно сказать, почему такъ поздно сталъ онъ тѣмъ Милле, какимъ достался онъ исторіи искусства. Академія награждала и выдѣляла исключительно представителей историческаго направленія.

Борьба за существованіе заставляла считаться съ вкусами публики (покупателей).

Вся же натура Милле, всѣ его помыслы и стремленія были проникнуты крестьянскимъ мировоззрѣніемъ, и онъ, съ трудомъ пробивая себѣ путь къ безбѣдной жизни, добился въ концѣ концовъ того, чтобы его признали такимъ, какимъ онъ былъ, и чтобы не требовали отъ него подчиненія господствовавшимъ тогда теченіямъ въ живописи.

Въ изображеніи крестьянской жизни внесъ онъ новое освѣщеніе, значительно разнящееся отъ манеры изображенія ея его предшественниками.

Христіанская живопись изрѣдка допускала изображеніе крестьянъ. Они играли дополняющую роль.—въ преклоненныхъ позахъ, молитвенно сложивъ руки, стояли они предъ святыней.

О чемъ-то характерно крестьянскомъ здѣсь говорить не приходится.

Голландцы XVI и XVII вѣковъ писали не крестьянъ, а мужиковъ. Мы, конечно, въ данномъ случаѣ не касаемся эстетической цѣнности картинъ старыхъ голландцевъ.

Художники, какъ Брейгель и т. п., воспринимали чисто-коми-

ческую сторону крестьянской жизни. Грубость, цинизмъ, необузданность мужиковъ — вотъ основной тонъ этихъ картинъ, Ярмарочныя, свадебныя и другія сцены, гдѣ мужики пляшутъ, напиваются, обжираются и т. д. Въ XVII и XVIII столѣтіи наблюдается переломъ въ оцѣнкѣ крестьянской жизни какъ со стороны художниковъ, такъ и общества. Пресытившаяся придворная знать ищетъ обновленія своихъ рафинированныхъ чувствъ въ пастушескихъ идилліяхъ. Художники пишутъ такія идиллическія сценки изъ крестьянской жизни, но это не настоящіе крестьяне, а переодѣтые дамы и кавалеры.

Подъ влияніемъ идей Вольтера и Руссо въ крестьянской жизни видѣли золотой вѣкъ человечества. Добродѣтельные пейзажи и пейзажи должны были служить примѣромъ развращенному дворянству. Такими идеями были проникнуты и художники.

И Милле первый нашель правильный, естественный подходъ

къ изображенію крестьянской жизни, несмотря на одностороннее освѣщеніе ея художниками какъ предшествовавшихъ эпохъ, такъ и современной. Милле тѣмъ самымъ положилъ начало новому направленію въ искусствѣ. Наиболее яркимъ его постводителемъ является Израэльсъ. И въ этомъ историческомъ значеніи Милле въ искусствѣ.

„Въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ“, — царственно звучитъ во всѣхъ картинахъ Милле. Но не наказаніе Божіе видитъ онъ въ трудѣ, а сущность человечества и его поэзію. Спокойны, величавы и серьезны въ гармоніи съ величіемъ природы люди на его картинахъ. Ритмичны ихъ движенія и выражаютъ настроеніе такъ непосредственно, что дали Мутеру право сравнить Милле съ Джотто.

Онъ заставляетъ прочувствовать красоту природы и, какъ импрессионистъ, умѣетъ сказать все только нѣкоторыми намеками.

Расположеніе фигуръ на его картинахъ поражаетъ своей естественностью; ничего лишняго, что могло бы отвлечь зрителя отъ самаго главнаго. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно взглянуть на такія картины, какъ „Angelus“, „Святель“, „Пастушка“, воспроизводимыя здѣсь, на стр. 353—360.

До 1863 года критика единогласно признавала талантъ

Милле, и не было ни одного случая, когда бы она осталась имъ недовольна.

Когда же Милле выставилъ своего „Человѣка съ заступомъ“ и „Отдыхающаго виноградяра“, онъ впервые столкнулся съ непониманіемъ критики. Эти картины вызвали взрывъ негодованія въ художественной средѣ. Обвиняли Милле въ томъ, что онъ намѣренно изобразилъ отталкивающее безобразіе, что человѣкъ у него сталъ походить на животное. Но у Милле не было ничего преднамѣреннаго въ этихъ картинахъ; онъ постоянно наблюдалъ крестьянъ за работой и, какъ натуралистъ, вѣрно изобразилъ то, что особенно поразило его чуткое сердце.

Въ 1867 году на всемірной выставкѣ въ Парижѣ онъ получилъ золотую медаль.

Послѣдніе годы жизни посвятилъ онъ почти исключительно пейзажу. Этому способствовало на первый взглядъ обстоятельство чисто-случайнаго характера. Во время франко-прусской войны Милле, не чувствуя себя въ безопасности въ Барбизонѣ, со своей семьей переѣхалъ на родину, въ Груши. И тутъ-то сказала его натура истаго пейзажиста. Воспоминанія дѣтства нахлынули на его душу, и каждый уголокъ родной деревни и берега моря хотѣлъ онъ воспѣть въ своихъ произведеніяхъ.

Въ одномъ изъ писемъ его читаемъ мы: „О, вы, безконечныя дали, которыя такъ часто давали пищу моей дѣтской фантазіи, удастся ли мнѣ когда-нибудь хотя бы намекнуть на всю вашу красоту?“

Картины Милле близки и дороги намъ, потому что онъ поетъ о трудѣ и трудящихся, которымъ принадлежитъ будущее.

Сѣятель.

Жанъ-Франсуа Милле

На 354-й страницѣ воспроизведенъ автопортретъ художника, этого „тѣснаго человѣка“, какъ окрестили его товарищи, когда онъ учился въ Парижѣ.

Жанъ-Франсуа Милле родился 4-го октября 1814 г. въ Груши. Рисовать онъ сталъ рано, но только на 18 году жизни отецъ нашелъ нужнымъ отправить его учиться. Начать онъ систематически учиться живописи въ ателье художника Мушени въ Шербургѣ. Мушень сразу оцѣнилъ гениальность своего ученика и послѣ двухмѣсячнаго обученія его посоветовалъ писать безъ руководства, а главнымъ образомъ изучать старыхъ голландцевъ и фламандцевъ въ Шербургскомъ музеѣ. Усердно копировалъ онъ картины въ музеѣ; но смерть отца на нѣкоторое время выбила его изъ колеи, онъ покинулъ Шербургъ, пробылъ на родинѣ до тѣхъ поръ, пока бабушка не настояла на его возвращеніи въ Шербургъ, гдѣ онъ на этотъ разъ сталъ работать у художника Ланглуа. Все время, проведенное въ Шербургѣ, онъ использовалъ для пополненія своего развитія. Читалъ Гомера, Шекспира, Гёте („Фаустъ“), Байрона, Вальтеръ Скотта, Купера, изъ французовъ особенно любилъ онъ Гюго и Шатобриана. Поэты воодушевляли его, но рисовать онъ продолжалъ такъ, какъ онъ самъ понималъ, и никогда не измѣнялъ онъ своей манеры.

Ланглуа настолько хорошо оцѣнилъ своего галантливаго ученика, что счелъ нужнымъ выхлопотать ему стипендію въ городскомъ управленіи Шербурга. Въ прошеніи онъ указалъ на славную будущность Милле.

Въ январскій вечеръ очутился Милле въ Парижѣ. Удивительно непосредственно передаетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ впечатлѣніе, произведенное на него шумнымъ, блестящимъ, холоднымъ городомъ. Съ тоской вспоминалъ онъ въ тѣ минуты свой родной домъ и близкихъ своихъ, оставшихся на родинѣ.

Много неприятностей пришлось ему, неопытному, почти юношѣ, перенести первое время въ Парижѣ, но восторги, пережитые имъ въ Луврѣ, заставляли его забывать обо всѣхъ жизненныхъ мелочахъ. Изъ всѣхъ сокровищъ Лувра особенно много говорили его душѣ итальянскіе примитивы и Микель Анджело.

Послѣ долгихъ сомнѣній отправился онъ къ славившемуся тогда художнику Полю Делярошу. Былъ принятъ, усердно работалъ у него и постепенно свыкъ со всѣмъ укладомъ парижской жизни. Въ 1838 году онъ оставилъ ателье Деляроша навсегда, въ полномъ убѣжденіи, что у Деляроша ему ничего не удалось приобрести.

Съ этого года Милле сталъ совершенно самостоятельно заниматься живописью. До 1841 года велъ онъ въ Парижѣ настоящую жизнь художника со всѣми ея радостями и невзгодами.

Жилъ онъ вмѣстѣ съ товарищемъ-художникомъ Луи Марблль, сыномъ состоятельныхъ родителей, работали они вмѣстѣ, вмѣстѣ читали и спорили, и несходство ихъ характеровъ, разница въ воспитаніи все увеличивали ихъ дружбу.

Стипендія шербургская была отнята, и Милле самъ долженъ былъ думать о средствахъ къ существованію. Въ это время ему приходилось писать картины въ стилѣ Буше и Ватто и продавать ихъ по 20—30 франковъ.

Въ 1841 году Милле вернулся на родину; въ Шербургѣ онъ женился, но спустя три года жена его умерла. Въ слѣдующемъ году Милле женился снова. Его вторая жена была интеллигентна и чутка, и всѣ 30 лѣтъ ихъ совместной жизни была истиннымъ товарищемъ и другомъ своего мужа.

Сначала они жили въ Парижѣ; слава Милле тогда только зарождалась; въ 1849 году они покинули Парижъ и навсегда переселились въ Барбизонъ. Здѣсь Милле сразу попалъ въ кругъ жившихъ тамъ уже ранѣе художниковъ.

Въ Барбизонѣ художникъ со своей многочисленной семьей жилъ въ самой примитивной, почти крестьянской обстановкѣ.

Продуктивно работалъ Милле въ Барбизонѣ, благодаря цѣлому ряду удачно сложившихся обстоятельствъ. Роскошная природа, окружающая этотъ городъ; по одну сторону дивный лѣсъ, куда Милле часто отправлялся и отдыхалъ тамъ душой, по другую — поле, гдѣ художникъ нерѣдко часами наблюдалъ крестьянъ за ихъ работой, тѣсный кругъ художниковъ, обосновавшихся въ Барбизонѣ, среди которыхъ находился и близкій впоследствии другъ его Руссо, дружная его семья—все вмѣстѣ создавало ту атмосферу, которая прекрасно влила на творчество Милле.

Въ 1866—1868 годахъ ѣздилъ онъ въ Виши вмѣстѣ со своей больной женой. Въ 1868 году путешествовалъ по Эльзасу и Швейцаріи въ сопровожденіи своего друга и биографа Сенсье. Всѣ эти побѣдки, а также побѣдка на родину въ 1870 году, сильно повлияли на Милле; онъ сталъ больше посвящать свои работы пейзажу.

Въ 1868 году Милле получилъ за художественныя заслуги орденъ Почетнаго Легіона; радость его была велика еще и потому, что общество единодушно признало справедливость такой награды.

Послѣдніе годы жизни художника прошли радостно; онъ пользовался матеріальнымъ благополучіемъ; кромѣ того, государствомъ поручена была ему роспись церкви святой Женевьевы, что дало ему огромное нравственное удовлетвореніе.

Но лишения, перенесенныя Милле въ началѣ его художественной дѣятельности, сказались на старости лѣтъ. Начиная съ 1870 года, онъ часто хворалъ и цѣлыми недѣлями не былъ въ состояніи работать. 20-го января 1875 года Милле не стало.

Наслѣдство, оставленное имъ міру, огромно. Новое поколѣніе, народившееся уже за почти полвѣка, протекшіе съ его кончины, высоко оцѣнило его великое художественное значеніе. Его картины украшаютъ крупнѣйшіе музеи и картинныя галлерей Европы и Америки; за честь обладанія его картинами спорятъ правительства, расцѣпывая ихъ въ миллионы франковъ. И такимъ великимъ и недосягаемымъ перейдетъ Милле и въ грядущія поколѣнія, какъ истинный сынъ народа, воспѣвавшій въ яркихъ, нетлѣнныхъ образахъ красоту и святость труда.

О. Г. Евгеніевъ.

Отдыхъ.

Жанъ-Франсуа Милле.

Житейскія встрѣчи и воспоминанія

А. О. Кони.

(Окончаніе).

V.

Лѣтомъ 1865 года я пріѣхалъ въ Петербургъ, полный самыхъ свѣтлыхъ надеждъ и упованій. Курсъ въ Московскомъ университетѣ только-что былъ оконченъ. Мои кандидатское сочиненіе „о правѣ необходимой обороны“ вызвало оставленіе меня при университетѣ по кафедрѣ уголовного права. Мнѣ предстояла поѣздка за границу для приготовления къ занятію кафедры, и будущее развѣтывалось передо мною, какъ рядъ годовъ, исполненныхъ любимого труда и служенія наукѣ. Къ этому присоединялась la joie de vivre, которая нерѣдко свойственна началу третьяго десятилѣтія въ жизни человѣка. Я поселился въ меблированныхъ комнатахъ на второмъ дворѣ дома на Литейной, недалеко отъ Невского, и первыя двѣ недѣли пребыванія въ Петербургѣ, куда пріѣхали и нѣкоторые изъ моихъ ближайшихъ друзей по университету, были для насъ сіюшнимъ праздникомъ. не въ смыслѣ кутежа конечно, но въ томъ труднѣе передаваемомъ чувствѣ молодости, энергіи и душевнаго расцвѣта, которое заставляло насъ ко всему окружающему относиться съ какою-то тайною и многозначительною радостью. Мы бѣдили по окрестностямъ, посѣщали родныхъ другъ друга, изучали Петербургъ въ подробностяхъ и катались по Невѣ. Въ душѣ у каждого изъ насъ жила горячая любовь къ родицѣ и готовность отдать ей всѣ силы на тѣхъ поприщахъ, которыя открывались великими реформами Александра II. Мысли о какой-либо „карьерѣ“ были намъ въ это время совершенно чужды. Хотѣлось лишь работать и быть полезнымъ въ какой бы то ни было роли, хотя бы самой скромной. Мы были всѣ немножко славянофилами, и любовь къ Москвѣ и ея старинѣ переплеталась въ нашемъ сердцѣ съ восторгами предъ Судебными Уставами, со свѣтлой вѣрой въ будущее русскаго народа и съ растроганнымъ чувствомъ, навѣяннымъ двумя послѣдними историческими событіями: трагическою смертью президента Линкольна и трогательной кончиной въ Ниццѣ юнаго наследника престола, надъ головою котораго вились лучшія надежды.

Счастлирое, невозвратное время! Какъ быстро оборвала жизнь лепестки цвѣтовъ, распустившихся въ нашей душѣ! И гдѣ они теперь, друзья юныхъ лѣтъ: Ключевскій, Куликовъ, Кириничи-

ковъ, Бормотовъ, Гизетти и другіе! Vadite ad superos—transite ad inferos—ubi jam fueri...

Однажды вечеромъ, придя домой съ какой-то прогулки, я почувствовалъ себя дурно, а къ утру уже лежалъ безъ сознанія и въ бреду. У меня оказался сильнѣйшій возвратный тифъ. Когда черезъ нѣсколько дней я пришелъ въ себя, то увидѣлъ сидящаго у моей постели изящно одѣтаго молодого человѣка съ добрымъ лицомъ, мягкой улыбкой и привѣтливымъ взглядомъ, пзъ-подъ черепаховыхъ очкови. Это былъ М. И. Л—чъ, тоже воспитанникъ Московскаго университета, молодой докторъ медицины, приведенный ко мнѣ товарищемъ моимъ, заставшимъ меня въ бреду, въ уныломъ одиночествѣ меблированныхъ комнатъ.

Убѣдившись въ опасномъ состояніи товарища по университету, Л—чъ по нѣскольку разъ въ день пріѣзжалъ ко мнѣ навѣдываться, просиживалъ у моей постели цѣлыя часы и въ буквальномъ смыслѣ слова спасъ меня. Конечно, ни о какомъ вознагражденіи я не рѣшался съ нимъ и заговаривать, понимая, что его уходъ за мною былъ товарищеской услугой подъ влияніемъ добраго порыва. Я былъ очень доволенъ моимъ возвращеніемъ къ жизни и выздоровленіемъ, которое при разумномъ уходѣ моего врача наступило очень быстро. Но потомъ, въ теченіе многихъ лѣтъ и не разъ, я искренно укорялъ его за эту услугу. Умереть тогда, когда нѣсколько мгновеній жизни занграла предо мною всѣми цѣбтами радуги, какое это было бы счастье, и отъ сколькихъ горькихъ разочарованій и угнетающихъ душу сомнѣній я бы избавился!

Съ этихъ поръ я былъ связанъ съ Л—чемъ узми искренней дружбы. Это былъ человѣкъ большой душевной деликатности, добрый безъ сентиментальности, услужливый безъ назойливости, всѣмъ интересовавшійся и привязывавшійся къ своимъ пациентамъ, какъ къ роднымъ. Мнѣ два раза приходилось покидать Петербургъ до 1871 года, и каждый разъ, возвращаясь, я находилъ у него неизмѣнно радушный пріемъ и самую искреннюю о себѣ заботу. Я рѣдко встрѣчалъ людей, которые такъ умѣли бы радоваться чужою радостью и скорбѣть чужою скорбью. Какъ врачу, и притомъ специалисту по женскимъ болѣзнямъ, ему были открыты многія язвы и тайныя рапы спокойной и счастливой, повидимому, жизни его пациентокъ, и онъ являлся для многихъ изъ нихъ не только врачомъ, но утѣшителемъ, совѣтникомъ и помощникомъ. Какъ юристу и притомъ прокурору, мнѣ не разъ приходилось давать ему разъясненія на вопросы, приподымавшие кусокъ завѣсы съ чьей-нибудь семейной драмы. Соприкосновеніе съ этой стороной жизни не сдѣлало его, однако, пессимистомъ. Напротивъ, чѣмъ чаще встрѣчались случаи, когда была нужна его не только врачебная, но и моральная помощь, тѣмъ оживленнѣе и хлопотливѣе онъ становился, радуясь возможности быть полезнымъ. Въ медицинскомъ мірѣ онъ пользовался заслуженнымъ уваженіемъ; среди пациентовъ—искреннею любовью.

Мнѣ пришлось быть у него пациентомъ еще разъ въ жизни. Въ 1879 году въ январѣ скончался мой отецъ послѣ почти двухмѣсячной агоніи. Я простудился на его похоронахъ, и у меня сдѣлался тифъ, осложненный двумя обостреніями. Первое изъ нихъ было довольно комическаго свойства. Въ послѣдніе два мѣсяца жизни отца при немъ была сестрою милосердія сестра Краснаго Креста С—ва, феноменально глупая женщина, несмотря на то, что происходила изъ старинной фамиліи, давшей нѣсколькихъ выдающихся по уму людей, и воспитывалась въ институтѣ. Когда я заболѣлъ, послали за ней, и докторъ Шершевскій, рѣшившійся дѣйствовать посредствомъ, такъ называемаго обрывающаго лѣченія, прописалъ мнѣ, будучи поклонникомъ энергическихъ средствъ, холодную ванну и большое количество каломеля въ три приема. Когда принесли порошокъ, моя сестра милосердія раскрыла мнѣ ротъ и всыпала въ него все сразу, залитъ все двумя глотками селтерской воды изъ чашки съ краснымъ крестомъ и традиціоннымъ носикомъ. Я ничего не сознавалъ и дѣйствовалъ автоматически. Черезъ нѣсколько дней я пришелъ въ себя и снова увидѣлъ у своей постели Л—ча, какъ шестнадцать лѣтъ назадъ. Онъ заботливо давалъ мнѣ глотать маленькіе кусочки льду. Когда я заговорилъ здраво, онъ обрадовался и сказалъ: „ну, слава Богу, сознаніе вернулось, а то ты все бредилъ и говорилъ по-итальянски. Я у тебя уже съ двухъ часовъ. Теперь семь. Я ѣду обѣдать и вернусь часа черезъ два“. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, поцѣловалъ меня въ лобъ и уже въ дверяхъ, обернувшись, сказалъ мнѣ: „а ты знаешь, какая у тебя температура вотъ уже цѣлыя сутки? 41, 5“.—„А это много?“—спросилъ я. Онъ молча вынулъ изъ кармана термометръ (минималный) и поднесъ къ моимъ глазамъ. Термометръ кончался цифрой сорокъ два. Тогда я припомнилъ, что взялъ съ него когда-то слово предупредить меня, если я буду умирать,—и все понялъ. Сознаніе близкой смерти не испугало меня. Я даже испыталъ при мысли объ этомъ какое-то щемяще-сладкое чувство, и вся жизнь моя прошла передо мной, какъ въ калейдоскопѣ. Но я былъ предсѣдатель Окружнаго Суда, и у меня находились разныя дѣ-

Кормленіе куръ.

Жанъ-Франсуа Милле.

ловья бумага и производства. Кроме того, надо было распорядиться исполнением некоторых предсмертных желаний моего отца и, наконец, сделать кое-какие личные распоряжения, ибо я, как и большинство русских людей, жил вопреки мнению Спасовича, который говаривал: „я понимаю, что можно умереть без завещания, но не понимаю, как можно жить без завещания“. Поэтому сознание близкой возможности смерти придало мне необходимую энергию. Я нашел в себе силу встать с постели и с помощью слуги и сестры милосердия добраться до кабинета и почти два часа просидеть за письменным столом. Затем мне стало дѣлаться дурно, и я был отведен на свой одр. Этот внезапный подъем сил совпал с кризисом или, быть-может, даже вызвал его. К утру температура значительно упала, и я оказался auf dem Wege der Genesung, как любят говорить немецкие врачи. Но дня через два утром я почувствовал у себя вместо языка большой кусок войлока, поворачивавшегося с трудом и торчавшего изо рта. Оказалось, что у меня сильнейший стоматит, вызванный не только огромным приемом сразу каломели, но и тем, что послѣ него не был промыт и выполоскан рот, вследствие неопытности или небрежности сестры милосердия. С этим отвратительным недугом пришлось провозиться несколько дней. Затем выздоровление пошло дальше, но внезапно было прервано известием о тяжелой несчастии и болѣзни моего брата, сведшей его затем в могилу. Ослабленный организм не перенес этого нового испытанія, и со мною случилось нечто в родѣ нервного удара, поразившаго лѣвую руку и отнявшаго у меня языкъ. Надо было видѣть въ это время Л—ча! Онъ не отходилъ отъ меня; отложивъ въ сторону всякое самолюбие, привозилъ ко мне различныхъ врачей и подчинялся всемъ ихъ указаніямъ, какъ дѣлалъ бы это простой студентъ-ассистентъ, а не врачъ, имѣющій самъ обширную практику. Когда моя натура взяла свое, и слѣды нервного удара исчезли, мне пришлось пережить много тяжелыхъ минутъ. Л—чь это звалъ и съ чуткостью любящей женщины сторожилъ и угадывалъ горестное состояние моей души, внезапно вырастая передо мною то съ какой-нибудь новой книгой, то съ рассказомъ о послѣднихъ открытіяхъ въ области медицины, то съ фруктами и цвѣтами, то съ требованіемъ побѣхать съ нимъ прокатиться. Въ послѣднемъ случаѣ онъ возъ меня въ своемъ экипажѣ (это было въ началѣ марта) въ Ботанический садъ и тамъ, поддерживая меня (я еще слабо стоялъ на ногахъ), водилъ меня по этому естественному резервуару кислорода или сидѣлъ со мною тамъ продолжительное время. Вслѣдствіе я узналъ, что онъ на эти часы совершенно устранялъ свои многочисленные визиты, относилъ ихъ на утро или на вечеръ. Его письма ко мне за это время, его инструкции моему слугѣ носили на себѣ явный отпечатокъ глубокой и нѣжной заботливости. Все это еще болѣе закрѣпило нашу дружбу. Но у него была семейная рана, касаться которой можно было лишь очень осторожно, до того она была болѣзненна. Georges Sand говоритъ: „l'honneur est comme une île flottante; une fois parti d'elle, on n'y revient jamais“. Вполнѣ согласный съ этимъ афоризмомъ, я не разъ имѣлъ случай убѣдиться въ жизни, что такое же значеніе, какъ честь, имѣетъ и цѣльность въ человѣкѣ, и судьба жестоко наказываетъ въ общемъ прекрасныхъ людей за то, что они въ томъ или другомъ случаѣ жизни изнасиловали свое чувство и принесли его въ жертву соображеніямъ удобства, выгоды или полезности. То же случилось и съ бѣднымъ Л—чемъ. Его прекрасная практика развивалась постепенно, — но считаемиы почему-то необходимыми принадлежности практикующаго врача: лошади, экипажъ, дорогая квартира и роскошная домашняя обстановка могли прійти, конечно, не вдругъ и не сразу. Онъ жилъ съ недостаткомъ, но скромно, и былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ одной французской женщиной-трудящейся, безкорыстной и очень къ нему привязанной. Однако растлѣвающая условия и требованія среды подѣйствовали и на него... Въ 1871 году, перейдя въ Петербургъ изъ Казани, я нашелъ его только-что женившимся на дочери одного купца, слышней очень богатой невѣстой. У него, дѣйствительно, была прекрасная квартира на Фонтанкѣ, лошади и богатая, но безвкусная обстановка. Будучи очень занятъ первое время, я видѣлъ его жену лишь мелькомъ, но весной 1872 года въ Карлсбадѣ познакомился съ нею во всей ея прелесть. Маленькаго роста, дурно сложенная и, кажется, немного кривоногая, съ лицомъ, напоминавшимъ глупую и злую птицу, съ крикливымъ голосомъ, она производила неприятное впечатленіе, которое еще усугублялось тѣмъ, что она красилась самымъ грубымъ образомъ и имѣла какую-то смѣшную, прыгающую походку. Глубокая необразованность и невѣжество

Раннее утро въ полѣ.

Жанъ-Франсуа Милле.

въ самыхъ элементарныхъ свѣдѣніяхъ дополнялись въ ней чрезвычайною самоудѣянностью и полнымъ отсутствіемъ такта. Мужа любила она страстно, но безтолково, заставляя ежедневно страдать его самолюбие; она при всѣхъ лѣзла къ нему цѣловаться и называла его даже при малознакомыхъ людяхъ „мой голубь“ и „Гуля“. Эта любовь была связана съ безумной ревностью, которая заставляла ее выходить изъ всякихъ границъ приличія. Стоило мужу упомянуть въ ея присутствіи имя какой-либо молодой женщины, какъ она, будь то въ гостиной или за званымъ обѣдомъ, раздражалась по поводу этой женщины самыми непристойными прозвищами, выходками и характеристиками. Можно себѣ представить положеніе акушера и врача по женскимъ болѣзнямъ при наличности такой спутницы жизни! Бѣдный Л—чь рассказывалъ мнѣ, что она подсматривала въ щелку дверей, когда у него бывалъ амбулаторный приемъ больныхъ, а въ случаѣ побѣдки его съ визитомъ къ какой-нибудь изъ пациентокъ, возбуждавшихъ ея ревность, нерѣдко бѣжала за его экипажемъ на извозчикѣ, сторожила у дверей, и, когда ей казалось, что визитъ продолжится слишкомъ долго, безцеремонно звонила и вызывала его подъ какимъ-нибудь вымышленнымъ предлогомъ. И этотъ домашній адъ продолжался десять лѣтъ, при чемъ наказаніе за принесеніе своей свободы въ жертву суетнымъ удобствамъ жизни становилось съ каждымъ днемъ сильнѣе, ибо глупая, животная любовь одной и загаенный гнѣвъ и отчаяніе другого сталкивались и обострялись на вопросахъ воспитанія единственной дочери. На этомъ ребенкѣ, на маленькой Олѣ, онъ сосредоточилъ всю ту силу любви, которая при нормальныхъ отношеніяхъ должна была быть раздѣлена между женою и дочерью.

Блѣдокурая, почти съ пепельными волосами, Оля чрезвычайно напоминала отца лицомъ и манерами, и они оба другъ въ другѣ души не чаяли. Съ начала 80-хъ годовъ супруга Л—ча сдѣлалась окончательно несносной, такъ что, отпустивъ вечеромъ Олю спать, отецъ стремился уйти изъ дому ко мнѣ или въ одну дружескую ему семью или даже въ клубъ, лишь бы только не оставаться со своей дряжайшей половиной. Онъ почти никогда не говорилъ о ней, но мы всѣ по его подчасъ раздраженному и вмѣстѣ угнетенному виду и явному желанію забыться въ бесѣдѣ понимали смыслъ этихъ Lieder ohne Worte. Только разъ, весной 1880 года, онъ послѣ долгаго молчанія сказалъ мнѣ: „какъ страшно ловить себя на мысли о желательности смерти близкаго человѣка, который сдѣлался несчастіемъ цѣлой жизни и грозитъ быть такимъ же и для другого существа“. — „Надо гнать такую мысль! — воскликнулъ я ему, — и нести свой крестъ“. — „Да я и несущу и гоною!“ — воскликнулъ онъ. „Несущу и гоною“, — прибавилъ онъ упавшимъ голосомъ, и губы его запрыгали отъ сдержанныхъ рыданій. Въ это же время онъ пристрастился къ рыбной ловлѣ и сталъ тѣмъ лѣточью для этого вѣдять при первой возможности на Имадру, гдѣ лѣточью обыкновенно жила его семья. Лѣтніе мѣсяцы 1881 года я проводилъ въ Гельсингфорсѣ, нанявъ тамъ въ Брунспаркѣ дачу вмѣстѣ съ семейю нашихъ общихъ друзей Н—ыхъ и довольно часто бѣдилъ въ Петербургъ въ засѣданія Барановской комиссіи по выработкѣ общаго желѣзнодорожнаго устава. Въ началѣ іюля я пріѣхалъ за этимъ въ Петербургъ и утромъ зашелъ къ Л—чу. У него былъ приемъ, но онъ не хотѣлъ меня отпускать и даже собирался отло-

жить приемъ, на что я, конечно, не согласился, пообщавъ ему прийти вечеромъ послѣ засѣданія ужинать въ сельскохозяйственный клубъ. Послѣ ужина, за которымъ онъ былъ очень оживленъ, онъ пошелъ меня провожать на мою квартиру въ домъ Елисеѣва на Воскресенскомъ проспектѣ, вспоминая дорогой годы нашей молодости и студенческое житье въ Москвѣ. Подойдя къ дому, онъ просилъ меня еще не входить, и мы довольно долго, несмотря на очень позднее время, бродили подъ навѣсомъ, шедшимъ вдоль всего дома, выходявшаго на три улицы, и продолжали задушевную бесѣду о пережитомъ. Я нѣсколько разъ собирался разстаться съ нимъ, шуточно указывая на то, что насъ, въ виду недавняго событія 1-го марта, могутъ заподозрѣть въ какой-нибудь конспираціи. Но Л—чъ умолялъ меня побыть „еще немножечко“ съ нимъ. „Богъ знаетъ,—сказалъ онъ мнѣ,—когда мы опять такъ увидимся?“—„Развѣ ты собираешься меня скоро похоронить? Это послѣ того, какъ ты дважды мнѣ спасъ жизнь, о чемъ я тебя, однако, вовсе не просилъ?“—отвѣчалъ я, смѣясь. Но онъ даже не улыбнулся и сказалъ задумчиво: „нѣтъ! зачѣмъ же тебя?! Но, знаешь, у меня какое-то предчувствіе, что тебя я больше не увижу... Ну, прощай!“... Это было, дѣйствительно, наше послѣднее свиданіе.

10-го іюля онъ собрался на нѣсколько дней на Иматру къ именинамъ своей дочери, запасшись игрушками, конфетами и рыболовными принадлежностями. Предъ отъѣздомъ онъ зашелъ къ старушкѣ Н—ой, belle сoeur Западно-Сибирскаго генерал-губернатора, которую лѣчилъ уже много лѣтъ. Не заставъ ее дома, онъ оставилъ ей письмо съ указаніемъ, что надо дѣлать въ

его кратковременное отсутствие въ случаѣ наступленія обычныхъ у нея припадковъ. Письмо кончалось слѣдующими словами: „вы не повѣрите, какъ я счастливъ, что могу на нѣсколько дней вырваться изъ противнаго и душнаго Петербурга! Будьте здоровы! Искренно преданный вамъ, утопающій въ волнахъ Иматры, Л—чъ“. Заставъ завтрашнюю именинницу спящею, онъ поручилъ женѣ положить къ утру у ея кровати игрушки и конфеты, а самъ, поужинавъ, отправился въ небольшой лодкѣ со слугою гостиницы Меньшиковымъ—опытнымъ рыболовомъ—на рыбную ловлю. Эта ловля производилась въ четверти версты выше водопада, недалеко отъ берега, при чемъ лодка прикрѣплялась къ мѣсту небольшимъ якоремъ. Сильное теченіе въ этомъ мѣстѣ, стремившееся къ водоскату, обусловливало обильный ходъ крупной рыбы, называемой на мѣстѣ „лохъ“. Начиная свѣтать, но сѣверная ночь была очень свѣжа и росиста, такъ что Л—чъ надѣлъ теплое пальто и калоши. Ловля была чрезвычайно удачна. Попадались все крупныя экзemplары. Когда вокругъ уже стала пробуждаться жизнь, Л—чъ сказалъ Меньшикову: „ну, довольно! Ѣдемъ на берегъ. Впрочемъ, нѣтъ! Я закину еще разъ удочку на счастье Оли“. На этотъ разъ попалась громадная рыба. Меньшиковъ рассказывалъ впоследствии, что онъ ни разу въ своей рыболовной практикѣ не видалъ ничего подобнаго. Огромный лохъ упирался изо всѣхъ силъ, а Л—чъ сталъ горѣть нетерпѣніемъ поскорѣе узрѣть свою добычу и не сталъ утомлять рыбу, притягивая и отпуская лесу, а началъ безостановочно наматывать послѣднюю, такъ что наконецъ изъ воды показалась голова громаднаго лосося, который употреблялъ послѣднія усилія, чтобы освободиться, чему способствовало его почти горизонтальное положеніе, въ которомъ онъ находилъ точки опоры для сопротивленія. Тогда, по словамъ Меньшикова, нетерпѣливый Л—чъ рѣшился тянуть рыбу не вдоль, а прямо вверхъ, и для этого всталъ въ лодкѣ. Уже тѣло рыбы было наполовину надъ водою, когда она сдѣлала послѣднее отчаянное усиліе, ударила хвостомъ въ бортъ лодки и такъ рванулась, что оборвала лесу и ушла. Л—чъ потерялъ равновѣсіе, пошатнулся и, падая въ воду, опрокинулъ лодку. Онъ не потерялъ, однако, присутствія духа, окликнулъ Меньшикова, и нѣсколько секундъ они плыли недалеко другъ отъ друга къ берегу въ надвигавшемся густомъ утреннемъ туманѣ. Меньшиковъ явственно слышалъ, какъ Л—чъ тяжело дышалъ и охалъ. До берега было очень близко, но туманъ совершенно раздѣлил обоихъ пловцовъ, и, уцѣпившись за береговые кустарники, Меньшиковъ услышалъ вздохи уже въ направленіи, удалявшемся отъ берега. Онъ хотѣлъ крикнуть: „сюда! сюда!“, но, обезсиленный, лишился на нѣсколько минутъ чувствъ, а когда пришелъ въ себя, никого на берегу не было. Поднявъ безплодный крикъ, онъ бросился въ гостиницу, до которой, благодаря необходимости разныхъ обходовъ, пришлось добираться чуть не цѣлый часъ. Поднялась тревога, и собравшіеся на берегу увидѣли ужасное зрѣлище: уцѣпившись руками за острый камень, выдавшійся надъ самымъ мѣстомъ перелома Вуоксы, гдѣ она изъ озероподобной быстрой рѣчки переходитъ въ крутой и узкій водоскатъ, боролся съ брызгами и пѣною несчастный Л—чъ, и боролся уже по расчету времени цѣлый часъ! Добраться до камня, хотя бы и на лодкѣ, и подать какую-либо помощь не было никакой возможности... Такъ продержался онъ еще цѣлый часъ. Наконецъ, очевидно, силы его оставили; онъ взмахнулъ руками и исчезъ въ пучинѣ.

Его тѣло было найдено лишь черезъ 8 дней въ тридцати верстахъ ниже водопада, распухшее, обезображенное, со слѣдами глубокихъ ушибовъ, совершенно обнаженное, кромѣ одной ноги, на которой уцѣплялся сапогъ. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ я подарилъ ему часы—подношеніе мнѣ одного изъ моихъ

Вязальщица.

Жанъ-Франсуа Милле.

учениковъ по окончаніи слушанья имъ моихъ лекцій по законовѣднію. Вокругъ шеи моего несчастнаго друга висѣла перекрученная нѣсколько разъ толстая золотая цѣпочка и на ней—эти часы.

Жена погибшаго сначала совершенно потерялась и въ отчаяніи телеграфировала мнѣ въ Гельсингфорсъ о немедленномъ прїѣздѣ по случаю страшнаго несчастія съ мужемъ и о привозѣ доктора. Я съ трудомъ отыскалъ бездушнаго мѣстнаго врача, который послѣ долгихъ ломаній и условій наконецъ соизволилъ мнѣ назначить прїйти черезъ нѣсколько часовъ въ кафе на бульварѣ, чтобы выслушать его окончательное рѣшеніе о томъ, поѣдетъ онъ или нѣтъ, несмотря на предложенное ему „какое угодно“ вознаграженіе. Въ три часа была, однако, получена вторая телеграмма, въ которой говорилось, что докторъ не нуженъ, и что Л—чъ погибъ безслѣдно. Я съ особымъ удовольствіемъ послалъ раздумчивому врачу въ его кафе три рубля мелкими деньгами, написалъ, что считаю нужнымъ его вознаграждать за утраченное время на размышленіе о томъ, слѣдуетъ ли ему поѣхать помочь товарищу по профессіи. Господинъ докторъ принялъ мою мелочь и, сосчитавъ, приказалъ меня поблагодарить.

Въ 6 часовъ вечера я выѣхалъ въ Выборгъ, куда прибылъ часа въ 4 ночи и немедленно, подъ проливнымъ дождемъ, отправился на лошадахъ на Иматру. Меня встрѣтилъ несмолкаемый шумъ и рокотъ водопада и угрюмыя молчаливыя лица обитателей гостиницы. Несчастная жена погибшаго вела себя замѣчательно сдержанно и только, оставаясь со мною наединѣ, предавалась отчаянію. Маленькую Олю, которой было 9 лѣтъ, перевели въ другія комнаты, на другомъ концѣ зданія, объявивъ ей, что отецъ привезъ ей игрушки, а самъ долженъ быть уѣхать за границу по вызову заботлившей „великой княгини“. Бѣдную дѣвочку необходимо было щадить, такъ какъ она зимою перенесла менингитъ, и сильное огорченіе могло на ней отразиться гибельно. Вслѣдъ за мною прїѣхалъ хорошій знакомый Л—чей нотариусъ С—овъ съ женой. Съ подавленными слезами и въ какомъ-то болѣзненномъ полуснѣ мы провели два дня, дожидаясь, по просьбѣ вдовы, не найдется ли тѣло мужа. Погода была все время пасмурная и холодная, и, сидя на берегу водопада, я невольно уносился мыслями въ прошлое... наше общее прошлое съ безвременно погибшимъ другомъ. Иногда мнѣ казалось, что все происшедшее лишь какой-то тяжелый сонъ. Хотѣлось думать, что то, что я вижу передъ собой, есть лишь продолженіе совершенной весной этого же года поѣздки на Иматру съ моими маленькими родственниками, которыхъ забавлялъ своими разсказами и анекдотами бодрый и румяный молодой человѣкъ—будущій статсъ-секретарь, министръ финансовъ и предсѣдатель совѣта министровъ. То вѣдомалось мнѣ величественное горное ущелье въ Рагацѣ, въ Швейцаріи, въ которомъ шумитъ и бурлитъ Тамина, а надъ нею наклонена скала, плачущая вѣчно падающими каплями, по преданію въ томъ мѣстѣ, гдѣ съ дороги сорвались въ бурную рѣку съ экипажемъ и погибли три молодые англичанки, и я невольно вспоминалъ конецъ чьихъ-то слышанныхъ мною по этому поводу стиховъ:

Надъ мѣстомъ гибели печальнымъ
Скала, склоняся, слезы льетъ,
И мрачнымъ хоромъ погребальнымъ
Тамина грозная реветъ.

Но—увы!—все это было не сонъ. Вмѣсто Тамини ревелъ Иматра, и гдѣ-нибудь въ ея глубинѣ вертелся въ водоворотѣ и бился о камни группъ дорогого мнѣ человѣка. На третій день мы уговорили вдову поѣхать съ нами до Выборга, и такъ какъ она была не въ силахъ вернуться въ свою городскую квартиру, то я предложилъ ей поселиться въ моей части дачи въ Брунспаркѣ, намѣриваясь самъ переѣхать окончательно въ Петербургъ.

Мы выѣхали въ дилижансѣ и въ виду присутствія Оли старались держать себя бодро и даже шутить. Но впечатлительный и даже наблюдательный ребенокъ чувялъ что-то неладное. Она пытливо смотрѣла намъ по очереди въ глаза и нетерпѣливо спрашивала: почему вы что-то скрываете? Зачѣмъ вы уѣхали съ Иматры? Вѣдь папа сказалъ, что мы останемся тамъ до августа, онъ хотѣлъ прїѣхать на цѣлую недѣлю и взять меня съ собою удить рыбу. Зачѣмъ же онъ уѣхалъ, не простясь со мною и не поцѣловавъ меня, какъ всегда это дѣлалъ? Ахъ, зачѣмъ вы меня обманываете? Мнѣ такъ страшно! Я такъ боюсь сойти съ ума“. Мы молча переглядывались и вслухъ глгали передъ нею. На одной изъ станцій я сталъ доказывать вдовѣ, что нельзя держать болѣзненнаго ребенка въ состояніи подобнаго нравственнаго напряженія, что скрыть отъ нея истину невозможно, и что не нынче—завтра она ее все-таки узнаетъ, и что лучше ее подготовить и сказать ей все. Въ слезахъ, въ присоединеніи къ общему горю и въ ласковомъ участіи къ себѣ всѣхъ она найдетъ нѣкоторое утѣшеніе, не терзаясь внутренно сомнѣніями и пред-

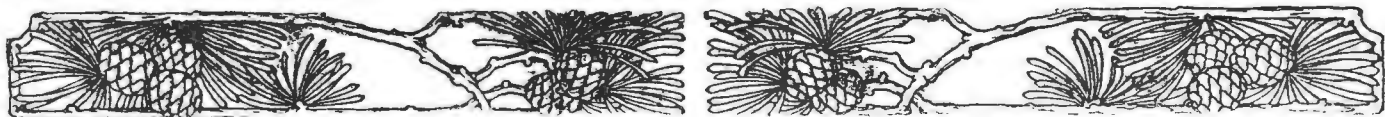
Церковь въ Кревиллѣ.

Жанъ-Франсуа Милле

положеніями. Со мною согласились всѣ и лишь просили меня принять на себя тяжелую обязанность открытія Олѣ жестокой правды. Было рѣшено, что на большой станціи Риттиарви я, въ ожиданіи отплытія парохода, пойду съ Олей гулять. Такъ и было сдѣлано. Я предложилъ ей итти собирать грибы, и когда она развеселилась, найдя нѣсколько таковыхъ, я сказалъ ей: „ну, теперь пора возвращаться,—и взялъ ее за руку.—Знаешь, Оля, а вѣдь мы получили о папѣ нехорошія вѣсти“. Ея ручонка вздрогнула въ моей. „Телеграфируютъ, что онъ серьезно заболѣлъ за границей, куда его вызвали“. Она устала на меня испуганными глазами. „Быть-можетъ, папа долго къ намъ не вернется. Отъ его болѣзни трудно излѣчиваются. Быть-можетъ, Богъ позоветъ его къ себѣ. Но если это случится, тебѣ не слѣдуетъ убиваться и горько плакать. Папа, вѣдь, не исчезнетъ. Онъ только станетъ для насъ невидимъ, но самъ будетъ видѣть все. Если ты будешь добрая, прилежная и хорошая дѣвочка, онъ будетъ радоваться и молить Бога дать тебѣ счастье, а если онъ увидитъ, что ты разстраиваешь свое здоровье, плача о немъ, то ему будетъ больно, и онъ будетъ страдать“. Она крѣпко сжала мою руку своими похолодѣвшими пальчиками и долго молчала, а потомъ голосомъ, звука котораго я не могу забыть, спросила: „дядя, вѣдь папа не умеръ!“ Мнѣ оставалось сказать: „да, умеръ“, и задача, возложенная на меня, была бы исполнена. Но тутъ я почувствовалъ все значеніе выраженія „прилипъ языкъ къ гортані“... Утвердительный отвѣтъ былъ уже на моихъ устахъ. Нѣсколько разъ, раскрывая ихъ, я былъ увѣренъ, что произнесу его, и каждый разъ смыкалъ ихъ въ молчаніи. И, наконецъ, отвернувъ свое лицо отъ бѣднаго ребенка и глотая слезы, я вновь солгалъ ему, сказавъ фальшиво-ободрительнымъ тономъ: „о, нѣтъ, не умеръ“. Когда мы вернулись, всѣ смотрѣли на насъ вопросительно. „Расскажите сами, я не могу“, — сказала я матери, отвѣдя ее въ уголь. Бѣдная дѣвочка узнала истину на другой день по прибытіи въ Гельсингфорсъ.

Вдова была жалка своими слезами о мужѣ, порывами неподдѣльнаго отчаянія и суежной заботой о модныхъ траурныхъ туалетахъ. По просьбѣ и согласно однажды высказанному мнѣ не разъ желанію покойнаго, я сдѣлался опекуномъ Оли. Когда пришлось привести въ извѣстность имущество, оказалось, что свои личныя средства, весьма небольшія, а также 60 тысячъ, взятые въ приданое за женой, онъ внесъ на храненіе въ Государственный банкъ подъ одну общую расписку, выданную съ указаніемъ, что имъ внесенъ принадлежащій ему капиталъ. Такимъ образомъ, наследницей этого приданаго, въ суммѣ 45 тысячъ, являлась Оля, а на долю ея матери приходилось всего 15 тысячъ. Узнавъ объ этомъ, убитая горемъ вдова прилетѣла ко мнѣ и сдѣлалась совершенно неузнаваема. Куда дѣвались всѣ вопли и слезы о „бѣдномъ Гулѣ“!—„Онъ меня ограбилъ, — въ негодованіи говорила она,—онъ меня нищей сдѣлалъ. Нѣтъ! Каково! Мои деньги записалъ на свое имя. Вотъ плата за мою любовь“ и т. д.

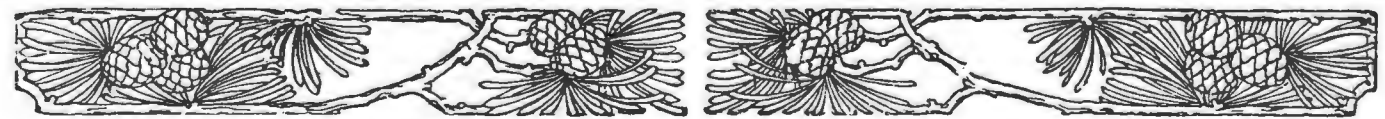
Я ее старался успокоить, доказывая, что это было сдѣлано, конечно, лишь для удобства, чтобы не брать отъ нея каждый разъ довѣренности на полученіе % по купонамъ, но она возобладала, кипѣла и говорила, что не оставитъ этого дѣла такъ и будетъ защищать свои права судомъ. Тогда я заявилъ ей, что хогя мнѣ лично и извѣстно, что ея мужемъ было получено за нею 60 тысячъ приданаго, при чемъ онъ ни копейки изъ этого

„Angelus“.

Жань-Франсуа Милле.

не истратить, а довольствовался для ихъ общихъ расходовъ лишь 1/10, но я, какъ опекунъ, обязанъ ограждать интересы малолѣтней и буду настаивать объ утверженіи Оли въ правахъ наследства на всю слѣдующую ей по закону сумму. Неутѣшная вдова пришла въ отчаяніе и стала меня умолять ее не губить и не спорить противъ ея иска, который въ ея представленіи, подъ вліяніемъ чьихъ-то совѣтовъ, сложился въ совершенно опредѣленные очертанія. Мнѣ было на нее досадно и непріятно смотрѣть, особливо когда она на мой совѣтъ воспитать дочь такъ, чтобы та сама пожелала раздѣлиться съ ней по справедливости, когда достигнетъ совершеннолѣтія.—со злобнымъ пафосомъ начала кричать, что она не желаетъ жить изъ милости у дочери, что дѣти всегда бывають неблагодарны, и что дочь, которой было всего девять лѣтъ, можетъ ее пустить просить милостыню. „Если я судомъ ничего не добьюсь,—прибавила она,—то у меня есть знатные знакомые, и я черезъ нихъ буду просить Государя заступиться за несчастную ограбленную женщину“. Положеніе вещей было пренепріятное. Съ одной стороны было очевидно, что она не уговорится, „зробима стязанья лихорадкой“, и что ея отношенія къ дочери будутъ этимъ навсегда отравлены. Съ другой стороны я зналъ, что фактически она права, а юридически я долженъ былъ оградить имущественные интересы подолеичной въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ застала смерть отца. Дня черезъ два я вызвалъ къ себѣ злополучную вдову и предложилъ ей слѣдующую комбинацію: пусть она предъявитъ свой искъ къ опекуну, т. е. ко мнѣ, и укажетъ двухъ, извѣстныхъ намъ свидѣтелей, которые подтвердятъ, что знаютъ о принадлежности ей сорока пяти тысячъ, а я признаю этотъ искъ, и деньги будутъ ей присуждены; но я сдѣлаю это лишь при томъ условіи, что утромъ въ день засѣданія получу отъ нея дарственную запись на имя ея дочери въ суммѣ именно этихъ денегъ, при чемъ дочь будетъ обязана выдавать ей пожизненно 1/2 процентовъ съ этой суммы, такъ что до самой своей смерти она будетъ получать равный съ дочерью доходъ, не считая остающихся въ ея собственности 15 тысячъ.—„Я этого требую отъ васъ потому,—сказалъ я ей,—что въ виду вашего отношенія къ памяти мужа, отношенія, столь чуждаго въ настоящее время любви и уваженія, я могу опасаться, что вы выйдете замужъ за какого-нибудь восточнаго человѣка, служащаго въ конвоѣ, и онъ пуститъ въ трубу и васъ, и ваше состояніе“. Повидимому, образъ восточнаго человѣка подѣйствовалъ на нее отрезвляющимъ образомъ, и она согласилась исполнить то, что я ей предлагалъ. Такъ и было сдѣлано.

Затѣмъ прошло нѣсколько лѣтъ мирнаго житья матери съ дочерью, которая выросла въ изящную, стройную и хрупкую блондинку. Когда ей минуло 17 лѣтъ, она сдѣлалась невѣстой гвардейскаго офицера. Въ день объявленія ея невѣстой, на дачѣ въ Павловскѣ, молодежь вздумала танцовать послѣ обѣда. Невѣста была, по разсказамъ, очаровательна своимъ оживленіемъ и красотою счастливой юности. Она вальсировала съ женихомъ съ увлеченіемъ, но вдругъ послѣ нѣсколькихъ туровъ остановилась и зашаталась съ искаженнымъ лицомъ и поникшей головой. Женихъ послѣднимъ посадилъ ее на диванъ, всѣ встревоженно окружили ее, но она уже была мертва вслѣдствіе разрыва сердца. Это случилось въ день ея именинъ 11-го іюля, ровно черезъ восемь лѣтъ послѣ трагической смерти отца. На несчастную осиротѣлую мать было тяжело смотрѣть. Она опустилась, забросила свои наряды и лицевою живопишемъ и стала, какъ говорятъ, искать забвенія въ неумѣренномъ употребленіи пива. Ея старое желаніе вернуть себѣ приданое, когда-то такъ искажившее дни ея жгучей скорби по мужѣ, исполнилось: она сдѣлалась наследницей своей дочери. Исполнилось и мое предсказаніе объ окончательной судьбѣ этого приданого: года черезъ три послѣ смерти Оли она имѣла несчастье познакомиться съ большимъ прожекторомъ и аферистомъ, и онъ уговорилъ ее отдать почти все свое состояніе на предпріятіи имъ разработку какихъ-то копей, которая и поглотила безслѣдно почти все, что она имѣла. Съ бѣдностью пришли недуги, и она угасла какъ-то незамѣтно для всѣхъ, когда-то знавшихъ ее и любившихъ ее мужа. Черное крыло смерти смело и бѣднаго Л—ча и его жалкую и, въ сущности, несчастную жену, и нѣжный, едва распустившійся цвѣтокъ—Олю, но память о немъ не умерла въ сердцахъ тѣхъ, кто его зналъ. Они собрали между собой сумму для постановки памятника на его могилѣ, гдѣ подъ бѣлымъ мраморнымъ крестомъ внутри красивой мраморной рѣшетки высѣчено:

Волной похищенный твой прахъ
Намъ отдала пучина злая,
Сюда придетъ къ тебѣ въ слезахъ
Душа душъ твоей родная.

Говоря о Л—чѣ, я невольно рисую себѣ образъ его близкаго друга Дмитрія Михайловича Н—ва и упоминаютъ выше сестры милосердія С—ой, и „воспоминаніе передо мной свой длинный развиваетъ свитокъ“.

Дмитрій Михайловичъ не получилъ высшаго образованія и не имѣлъ опредѣленной профессіи. Обладая недурными средствами, живымъ и предпримчивымъ умомъ и большой энергіей, онъ переходилъ отъ одного занятія къ другому,—любилъ сельское хо-

зяйство, архитектуру. Жажда практической дѣятельности сливалась въ немъ съ крайнимъ идеализмомъ и съ вѣрою въ людей, несмотря на частыя и горестныя въ нихъ разочарованія. Высокій, стройный, съ открытымъ выраженіемъ добраго лица, онъ постоянно увлекался какимъ-нибудь дѣломъ и клалъ въ него все свои силы. Это былъ человѣкъ, многого достигшій путемъ самообразованія, тонкій цѣнитель искусства и литературы, и очень пріятный собесѣдникъ. Послѣднимъ большимъ его предпріятіемъ была постройка или, вѣрнѣе, перестройка прекраснаго дома одного придворнаго на Дворцовой набережной. Онъ разсчитывалъ получить отъ этого довольно крупный заработокъ, весьма не лишній при подраставшихъ дѣтяхъ, и велъ всю перестройку на свой счетъ, не обезпечивъ себя настоящими безспорными документами. Ко времени окончанія перестройки собственникъ дома оказался весь въ долгахъ и не могъ вернуть Н—ву даже собственнаго затраченнаго имъ капитала. Это ставило послѣдняго тѣмъ болѣе въ тяжелое положеніе, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ арендовалъ въ одной изъ линій Васильевскаго острова домъ, принадлежавшій двумъ наследникамъ.

Трагическая смерть Л—ча, разочарованіе въ расчетѣ на заработокъ, проигрышъ предъявленнаго противъ собственника дома въ Окружномъ Судѣ иска—все это подѣйствовало удручающимъ образомъ на Н—ва. Онъ сталъ замыкаться въ себѣ и загрустилъ, тщательно однако стараясь скрыть отъ нѣжно любимой жены печальное положеніе своихъ дѣлъ. Я былъ почти увѣренъ, что Судебная Палата рѣшитъ дѣло въ его пользу, но очень его обнадеживать по весьма понятнымъ соображеніямъ не рѣшался. Мало-по-малу имъ овладѣла мысль, что онъ окончательно разоренъ, и что его дѣти будутъ нищими. Въ то же время произошли два мелочныхъ обстоятельства, которыя въ его жизни сыграли роковую роль. Онъ просилъ отсрочки предстоящей арендной платы за домъ и встрѣтилъ полное согласіе наследника, но сестра послѣдняго, очень въ свое время превознесенная за свой либерализмъ, гуманность и ученость, была неумолима и не хотѣла ничего слышать, несмотря на горячія просьбы Н—ва. Послѣдній былъ человѣкъ очень самолюбивый, и напрасныя униженія въ роли просителя истерзали его гордое сердце. Онъ какъ-то весь потемнѣлъ и осунулся. Какъ разъ въ это же время въ номерѣ бань, помѣщавшихся во флигелѣ арендуемаго дома, студентъ вскрылъ себѣ жилы въ теплой ваннѣ, и Н—ву пришлось присутствовать при первыхъ дѣйствіяхъ полиціи по этому дѣлу: при вынутіи трупа изъ ванны, медицинскомъ осмотрѣ и т. д. Видѣнная имъ картина произвела на него какое-то гипнотизирующее впечатлѣніе. Онъ все говорилъ о ней и постоянно возвращался къ запискѣ студента, въ которой стояло лишь два слова: „тяжело жить!“

Въ хорошій февральскій день я получилъ отъ него утромъ телеграмму: „Необходимо васъ видѣть, будьте дома въ 10 час. вечера“. Я ожидалъ его съ тревогой и встрѣтилъ упрекомъ за загадочность такой телеграммы. Но онъ, весело смѣясь, сказалъ мнѣ: „а загадочность въ томъ, что вы какъ-то говорили, что никогда не катились на Петербургской тройкѣ, и я увѣренъ, что если бы вамъ это прямо предложить, вы бы непременно отказались. Вотъ мы и рѣшили взять васъ обманомъ. Теперь ужъ дѣлать нечего: тройка у подвѣзда, и въ ней ждетъ насъ Женечка (жена)“.

Подвѣзка по островамъ, среди опушенныхъ инеемъ деревьевъ, была очень пріятна, тѣмъ болѣе, что Н—въ былъ въ отличномъ расположеніи духа, острить и шутилъ. Онъ настоялъ на томъ, чтобы заѣхать ужинать въ какой-то загородный ресторанъ, и за ужиномъ потребовалъ бутылку шампанскаго. Чокаясь со мной и съ женой, онъ сказалъ каждому изъ насъ шуливо-нѣжную рѣчь. Затѣмъ супруги доставили меня домой. На другой день въ засѣданіи Судебной Палаты мнѣ принесли телеграмму Е. А. Н—вой: „муж скончался, ради Бога пріѣзжайте“. Я засталъ покойнаго уже на столѣ, съ тѣмъ жесткимъ выраженіемъ сдвинутыхъ бровей и сжатыхъ губъ, которое, какъ я замѣтилъ, такъ свойственно самоубійцамъ. Да онъ и былъ самоубійцей... Послѣ завтрака онъ ушелъ въ кабинетъ и въ то время, когда рядомъ въ комнатѣ шумѣли и рѣзались дѣти, а жена вышла затѣмъ-то по его порученію въ спальню, онъ выстрѣлилъ себѣ прямо въ сердце изъ большого револьвера... Въ карманѣ его сюртука оказалось письмо на имя жены, написанное три дня назадъ, въ которомъ онъ, глядя крайне мрачно на будущее, упрекалъ себя въ разореніи дѣтей и, прося у нея прощенія, поручалъ передать мнѣ свой привѣтъ и просьбу быть ей помощникомъ и руководителемъ въ дѣлахъ и любить его дѣтей. Письмо было съ нимъ неразлучно всѣ три дня, и съ этимъ смертнымъ приговоромъ въ карманѣ онъ забѣжалъ ко мнѣ, катался на тройкѣ и творилъ тризну по самому себѣ...

Черезъ двѣ недѣли Судебная Палата (не подъ моимъ предсѣдательствомъ) рѣшила дѣло въ его пользу.

Я уже говорилъ о томъ, что Вѣра Андреевна С—ва не отличалась особымъ умственнымъ развитіемъ. Все въ ея фигурѣ, начиная съ вѣчно растрепанной волосъ и кончая смѣшнымъ ротикомъ „сердечкомъ“ и желтыми глазами, носило на себѣ какой-то отпечатокъ глупости. Легковѣрью и доверчивости ея не было границъ. Она совершенно не понимала шутокъ и рѣшительно все принимала за чистую монету. Во время моей болѣзни я въ

штутку сочинял про нее невѣроятныя по своей неправдоподобности исторіи и разсказывал ихъ при ней тогдашнимъ друзьямъ моимъ Андреевскимъ. Она срывалась съ мѣста, падала предъ Андреевской на колѣни и, трагически воздѣвъ руки къ небу, обращаясь къ ней, восклицала: „клянусь вамъ всѣмъ святымъ, я такъ никогда не говорю (или не дѣлала)!“ Она была очень услужлива и усердна, имѣя способность просыпаться при каждомъ шорохѣ. Иногда я ее просилъ пойти пройтись и подышать воздухомъ, и тогда она надѣвала передъ зеркаломъ шляпу и, собравъ свое „сердечко“ въ маленький комочекъ, показывая на шляпу, говорила съ наивнѣйшимъ видомъ и восторженнымъ голосомъ: „chapeau!“ Это слово, да еще „ma cousine“ остались у нея, кажется, единственнымъ наслѣдіемъ изъ институтскаго французскаго багажа. Растеряха она была чрезвычайная и ухитрилась потерять изъ кармана въ Гостиномъ дворѣ гонораръ за двухмѣсячный уходъ за отцомъ, данный мною ей въ двойномъ размѣрѣ вмѣстѣ съ запонками съ изображеніемъ краснаго креста. Читать она не любила, но на мои предположенія, что ей скучно сидѣть безъ дѣла, когда большой дремлетъ или спитъ, она у меня попросила дать ей романовъ—такихъ, — прибавила она стыдливо, — гдѣ было бы много препятствій для любви, и дѣйствовали непременно короли“.

Предъ самой смертью мой отецъ пришелъ въ себя. Увидѣвъ сестру милосердія, онъ сказалъ ей: „какое отрадное явленіе! Подойдите сюда, дайте вашу руку“, и, положивъ щеку ей на ладонь, вздохнулъ въ послѣдній разъ. Это обстоятельство начала эксплуатировать Вѣра Андреевна по моимъ выздоровленіямъ. Я сталъ довольно часто получать отъ нея письма, написанныя мелкимъ красивымъ почеркомъ, въ которыхъ предъявлялась просьба о денежной помощи, и въ концѣ всегда прибавлялись стереотипныя фразы: „вспомните, что вашъ отецъ умеръ у меня на рукахъ“ и „даю вамъ честное слово дворянки, что прошу въ послѣдній разъ и возвращу на-дняхъ“. Дворянское званіе, которымъ она очень кичилась, не удѣряло ее, однако, отъ постепеннаго нравственнаго паденія. Вѣроятно, въ ея практикѣ было нѣсколько приключеній въ родѣ случая съ моимъ каломелемъ, и таковая все суживалась. Что заставило ее разстаться съ мужемъ, я не знаю, но только разъ, совершенно неожиданно, ко мнѣ явилась какаля-то захудалая дѣвочка въ обтрепанномъ ситцевомъ платьѣ и старыхъ стоптанныхъ калошахъ, надѣтыхъ прямо на чулки, и принесла письмо, въ которомъ Вѣра Андреевна, сообщая мнѣ, что отецъ мой умеръ у нея на рукахъ, объясняла, что подательница письма—ея дочь, выписанная ею изъ имѣнія, и снова давала „честное слово дворянки“. Я попросилъ дѣвочку написать мнѣ свой адресъ, и оказалось, что она неграмотная, а было ей лѣтъ 14.

Вслѣдъ затѣмъ въ просьбахъ о пособіяхъ слова „я нуждаюсь“ замѣнились „мы нуждаемся“. Однажды я встрѣтилъ ее на улицѣ. Неряшливый нарядъ, мутные глаза и винное дыханіе поразили меня, такъ что, когда черезъ нѣсколько дней я снова получилъ письмо „дворянки“, то послалъ свой оброкъ (къ которому за 12 лѣтъ привыкъ, какъ къ чему-то неизбѣжному) съ курьеромъ, поручивъ ему приглядѣться къ обстановкѣ, въ которой живетъ Вѣра Андреевна. Вернувшись, онъ положилъ конвертъ нераспечатаннымъ на столъ. „Что это значитъ? Вы не отдали?“— „Помилуйте, да, вѣдь, никакъ невозможно! Онѣ сидятъ за столомъ, — извините, — въ нехорошемъ видѣ-сь, и съ ними молодой юнкеръ нараспашку-сь, а предъ ними бутылка водки и селедка. Я какъ увидѣлъ это безобразіе, такъ пакета съ деньгами и не отдалъ.“— „А дочка тамъ была?“— „Никакъ нѣтъ-сь. Ея и видимости нѣтъ“. Я все-таки послалъ деньги, написавъ, что это въ послѣдній разъ. Тогда просьбы о деньгахъ смѣнились просьбами о присылкѣ калошъ, резиновой накидки—такъ какъ иначе не въ чемъ выйти—сахару, чаю, варенья и т. д., такъ что я уже самъ былъ вынужденъ переложить эту натуральную повинность въ денежную. Последнее, какъ казалось, письмо я получилъ въ январѣ 1892 г. Въ немъ „сестрица“ извѣщала меня, что лежитъ очень больная „чехоткой“ въ больницѣ, не имѣя ни чая ни сахара, и т. д. Я вручилъ подательницѣ этого письма—какой-то странной набѣленной женщицѣ съ подвязанной щекой и съ сильнымъ запахомъ эвѣра—небольшую сумму денегъ, а черезъ нѣсколько дней утромъ она пришла снова. „Какъ, опять?“—невольно сказалъ я, выйдя къ ней въ гостиную. — „На этотъ разъ въ послѣдній!—вздыхая, сказала мнѣ подвязанная щека, — Вѣра Андреевна приказала вамъ долгу жить“. — „Когда?“— „Вчера днемъ, завтра надо хоронить, а нечѣмъ“. — „А гдѣ?“— „Еще сами не рѣшили“...

Сердце мое невольно жалось. Вотъ онъ, конецъ одного изъ многочисленныхъ случаевъ дворянскаго моральнаго оскуднѣнія! И бѣдная Вѣра Андреевна предстала предо мной не назойливой попрошайкой, а несчастной институткой, невооруженной для борьбы съ жизнью ничѣмъ, кромѣ болѣе чѣмъ сомнительнаго „честнаго слова“. Теперь она отстрадала, быть-можетъ, за грѣхи предковъ. „А гдѣ дѣвочка?“— „А дѣвочку давно вернули въ деревню“. — „То-есть, къ кому же именно?“— „А право не знаю“. Выразивъ сожалѣніе, что по случаю сенатскаго засѣданія я не могу прѣхать отдать послѣдній долгъ усопшей, тѣмъ болѣе, что мѣсто погребенія еще неизвѣстно, я вручилъ печальной вѣстницѣ посильную сумму на приличныя похороны.

Прошло мѣсяцевъ восемь. Я только-что переѣхалъ на новую квартиру, и первое письмо, мною полученное на ней, поразило

меня: конвертъ былъ надписанъ знакомымъ мнѣ почеркомъ С—ой, а внутри находилось обычное письмо съ просьбою о пособіи и съ утѣшительнымъ увѣреніемъ дворянки. Я вложилъ письмо въ другой конвертъ вмѣстѣ съ записочкой, въ которой написалъ, что такъ какъ она умерла почти годъ назадъ, была мною оплакана и погребена при содѣйствіи ея посланной, то я, боясь вступить въ сношеніе съ загробнымъ міромъ, не могу исполнить ея просьбу. Пославъ письмо съ посылнымъ, я надѣялся, что получу отвѣтъ, разъясняющій мое недоразумѣніе, указывающій, напримеръ, на то, что незнакомка сама сочинила исторію о смерти и воспользовалась данными мною деньгами; но—увы!—и такого отвѣта я не получилъ. У несчастной женщины не хватило ума, чтобы придумать какое-нибудь объясненіе, и она молчаливо созналась въ своемъ наивномъ вымогательствѣ. Потомъ нѣсколько разъ она вспоминалась мнѣ, и мнѣ хотѣлось узнать, что съ нею, но адресный столъ всегда отвѣчалъ: на жительствѣ не значится.

Быть-можетъ, она оставила Петербургъ и уѣхала въ полуразрушенное, грязное и нищенское „дворянское гнѣздо“ въ какомъ-нибудь медвѣжьемъ углу, или—еще вѣроятнѣе—скончалась „завсамдѣлъ“, какъ говорятъ дѣти.

VI.

„Въ природѣ, другъ Горацио, есть много вещей, которыя и не снились нашимъ мудрецамъ“. Въ моей жизни не разъ бывали случаи, когда можно было убѣдиться, на основаніи личнаго опыта или воплѣтъ достовѣрныхъ разсказовъ, въ справедливости словъ Гамлета. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ.

Въ Петербургѣ много лѣтъ жилъ и практиковалъ специалистъ по мужскимъ болѣзнямъ старческаго возраста, умный и душевно-теплый докторъ Иванъ Эдуардовичъ А—тъ, бесѣда съ которымъ всегда доставляла мнѣ особое удовольствіе, изобличая въ немъ глубоко и разносторонне образованнаго человѣка. Мы познакомились у умирающаго К. К. Грота и нерѣдко видались. Въ 1900 или 1901 году онъ неожиданно зашелъ ко мнѣ и сообщилъ почти невѣроятныя, съ точки зрѣнія обыденной врачебной этики, фактъ. Находя, что при чрезвычайно разившейся и богатой практикѣ онъ не имѣетъ времени и возможности слѣдить за развитіемъ науки и боится обратить свое знаніе въ ремесло, А—тъ рѣшился оставить практику и Петербургъ и поселиться въ тихомъ уголкѣ Финляндіи—Саксаніемі около Борго. Сказано—сдѣлано, и съ тѣхъ поръ мнѣ приходилось видѣть этого почтеннаго человѣка лишь въ рѣдкіе и краткіе пріѣзды его въ Петербургъ, когда онъ неизмѣнно заходилъ ко мнѣ. Въ послѣдній разъ онъ былъ у меня поздней весной 1906 года. На мой вопросъ о здоровьѣ жены его, очень нервной и впечатлительной — онъ — искренній позитивистъ—разсказалъ мнѣ слѣдующее: „жена слаба и нервна по-прежнему, и съ нею происходятъ трудно объяснимыя вещи. Прошло лѣто и осень мы провели въ Пиринеяхъ, въ Vagnières de Bigorges, гдѣ познакомились и дружески сошлись съ молодымъ и очень симпатичнымъ португальцемъ изъ Коимбры. Мы полюбили его, какъ сына, свѣдѣли на память группой и первое время по возвращеніи получали отъ него нѣжныя письма. Но затѣмъ переписка съ его стороны внезапно прервалась, и мы съ грустью стали думать, что и по отношенію къ нему осуществилась нѣмецкая поговорка: „aus den Augen, aus den Sinn“. Однажды, уже въ концѣ февраля, жена проснулась рано утромъ, встревоженная сновидѣніемъ. Она видѣла, какъ наяву, большую комнату съ венеціанскимъ окномъ, изъ котораго открывался видъ на необозримое море; у стѣны стояла кровать и на ней лежалъ исхудалый и умирающій любимый нами португалецъ. Онъ нѣсколько разъ взглядывалъ на висѣвшую на стѣнѣ нашу группу, затѣмъ потянулся, затрепеталъ, закатилъ глаза, тяжело вздохнулъ и скончался. „Съ нимъ произошло что-нибудь ужасное!“—говорила мнѣ взволнованная жена. Я ее успокаивалъ, какъ могъ, а затѣмъ по дѣламъ уѣхалъ въ Гельсингфорсъ. Когда я поздно вечеромъ вернулся, она мнѣ показала нарисованнымъ ею то, что она видѣла во снѣ, утверждая, что ей начинаетъ казаться, что это былъ не сонъ, но что она дѣйствительно присутствовала при смерти португальца, до такой степени были реальны всѣ подробности видѣннаго ею и глубоко врѣзавшагося въ ея памяти. Черезъ двѣ недѣли мы получили письмо отъ неизвѣстнаго намъ друга нашего португальца. Онъ извѣщалъ насъ, что молодой человѣкъ, заболѣвшій скоротечною чихоткой, быстро разрушившей его организмъ, скончался въ Оporto, куда былъ порезезень, и, умирая въ полной памяти, вспоминалъ съ любовью о насъ, просилъ простить его невольное молчаніе и долгу не сводилъ съ нашей группы глазъ, пока ихъ не смежила смерть—въ утро того самаго дня, когда моя жена видѣла свой вѣщій сонъ. Зная, что мы любилъ покойнаго, авторъ письма прилагалъ къ послѣднему фотографическій снимокъ съ усопшаго, сдѣланный черезъ полчаса послѣ его смерти. На этомъ снимкѣ было изображено токъ въ токъ все, что нарисовала моя жена за двѣ недѣли передъ тѣмъ...“

Мой старый сослуживецъ, Евгений Ѳедоровичъ Д. Р., человѣкъ правдивый и серьезный, разсказалъ мнѣ удивительный случай изъ своей жизни, подтвержденный затѣмъ во всѣхъ подробностяхъ и его женой. Когда они были въ 1873 году объявлены женихомъ и невѣстой, то по чьему-то совѣту, съ шутилой недовѣр-

Надъ Донцомъ.

Я. Броваръ.

живостью побѣхали къ старухѣ-гадалкѣ на кофейной гушѣ, жившей гдѣ-то на краю города и не бравшей лично денегъ, а прошившей класть ихъ въ церковную кружку. Старуха сказала имъ, что первое время жизни ихъ будетъ счастливо, но что затѣмъ, лѣтъ черезъ семь, она со страхомъ видитъ ихъ въ огнѣ и водѣ. Вода заливааетъ ихъ со всѣхъ сторонъ, а огонь проходитъ между ними, и они становятся какъ бы мертвыми, и все кругомъ горитъ, хотя въ концѣ концовъ все обойдется благополучно. Прошло около семи лѣтъ. Д. Р. въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ былъ въ Петербургѣ товарищемъ оберъ-прокурора кассационнаго сената и нанялъ себѣ дачу въ Финляндіи за Выборгомъ, расположенную на мысѣ, выдающемся въ море и образовавшемъ нѣчто въ родѣ полуострова, соединеннаго съ материкомъ короткимъ и неширокимъ перешейкомъ. Въ одинъ душный лѣтній вечеръ небо заволокли свинцовыя тучи, поднялась гроза, море заволновалось и стало яростно бить въ берега, загрохоталъ почти ежеминутно громъ, и засверкала молнія. Дѣтей уложили спать. Д. Р., сидѣвшій съ женою въ главной комнатѣ дачи, не могъ дозваться прислуги, пошелъ въ кухню и людскую и тамъ нашелъ всѣхъ служачихъ столпившимися въ ужасѣ и чуть не въ ожиданіи свѣтопреставленія. Успокоивъ ихъ, какъ умѣлъ, онъ вернулся назадъ къ встревоженной женѣ и едва успѣлъ войти въ комнату, какъ она бросилась къ нему, протягивая руки. Въ ту же минуту ослѣпительно блеснула молнія, надъ головами съ яростнымъ трескомъ зазвучалъ громъ, и въ открытую порывомъ вѣтра дверь балкона довольно медленно вкатился большой свѣтящійся фіолетовый шаръ. Онъ покатился въ разстояніи полудтора аршина отъ пола вдоль стѣны, затѣмъ отдѣлился отъ нея и прямо направился на стоявшихъ посреди комнаты супруговъ и прошелъ между ними. Когда Д. Р. пришелъ въ себя, онъ лежалъ на землѣ безъ силъ и весь разбитый. Недалекъ лежала въ такомъ же положеніи жена. Вокругъ суетилась съ охами и ахами прислуга, плакали въ ужасѣ дѣти, а море, залитъ совершенно перешеекъ, образовало островъ, на которомъ ярко пылала обывага пламенемъ дача. Когда она загорѣлась, обоихъ, вынесенныхъ затѣмъ, супруговъ нашли на полу, отброшенными на далекое разстояніе другъ отъ друга и не подававшими первое время признаковъ жизни.

Ссылка на доктора А—та вызываетъ меня на воспоминаніе о разсказѣ извѣстнаго англійскаго писателя и выдающагося газетнаго корреспондента Макензи Уоллеса, съ которымъ я встрѣчался въ концѣ 70-хъ годовъ у баронессы Э. Ф. Раденъ. Обыкновенно разговоры о привидѣніяхъ и другихъ страшныхъ исторіяхъ возникаютъ въ особыхъ условіяхъ и соответствующемъ настроеніи. Темный осенній или зимній вечеръ, вой вѣтра, стучащій въ окна дождь, тлѣющіе въ каминѣ угли—вотъ обычные атрибуты благодарной обстановки для подобныхъ разсказовъ. Но ничего подобнаго не было, когда я слушалъ повѣствованіе Макензи Уоллеса въ уютномъ и ярко освѣщенномъ кабинетѣ баронессы Раденъ, въ присутствіи умной хозяйки, извѣстнаго профессора доктора Эйхвальда и моего профессора и впоследствии друга Бориса Николаевича Чичерина. Англичанинъ спокойно и подробно разсказывалъ намъ отомъ, какъ собираются осенью въ Англии и Шотландіи, по приглашенію владѣльцевъ старыхъ замковъ, ихъ хорошіе знакомые для охоты на лисицъ, и какимъ комфортомъ и удобствами бываетъ обставлено это пользованіе тонкимъ и разумнымъ гостепримствомъ англійской знати. Описавъ свое послѣднее пребываніе въ замкѣ одного изъ шотландскихъ перовъ, имя котораго я забылъ, Макензи Уоллесъ задумался и, помолчавъ, сказалъ: „со мною тамъ было удивительное происшествіе, котораго я себѣ рѣшительно не могу объяснить. Жена хозяина замка, гдѣ я гостилъ,—очень нервная женщина и вслѣдствіе этого большая ненавистница табачнаго дыма и запаха. Поэтому, несмотря на массу всякаго рода удобствъ и любезную предусмотрительность хозяевъ, каждому гостю приходится курить только въ отведенной ему комнатѣ. Не скрою, что я ожидалъ возможности удалиться въ эту комнату вечеромъ не безъ нетерпѣнія и, оставшись одинъ, надѣвъ домашній костюмъ, усаживался въ кресло и съ наслажденіемъ закуривалъ сигару, просиживая такъ иногда болѣе часу и уносясь мыслями вслѣдъ за облачками дыма въ далекое прошлое или неясное будущее. Во второй вечеръ, когда я успѣлъ курить въ довольно позднее время, — вслѣдъ за боемъ часовъ, возвѣстившихъ полночь, я услышалъ, что дверь въ соседнюю съ моею комнату шумно растворилась, и кто-то вошелъ или, вѣрнѣе, вбѣжалъ въ нее и сталъ быстро ходить, судя по звукамъ, въ одномъ направленіи. Затѣмъ пришедшій съ быстрымъ движеніемъ на постель, которая сильно заскрипѣла, и

стала раздвигаться. Вслушиваясь, я убедился, что это была женщина, ибо до меня явственно долетали шуршание юбок, треск распускаемой шнуровки и звук брошенных въ угол комнаты башмаков. Когда соседка улеглась в постель, немного на ней поворочавшись, раздалась сначала ея вздохи, а потом плач, скоро перешедший в рыдания, которыми она, повидимому, старалась заглушить подушкой, но которые, несмотря на это, по временам вырывались с особой силой. Так продолжалось целый час. Наконец все утихло. На утро я позабыл о соседке, но вечером опять повторилось то же самое. На мой вопрос о соседке — слуга смѣшался, а потом рѣшительно сказал мнѣ, что никакой соседки у меня нѣтъ, ибо комната эта совсемъ необитаема и служить лишь складомъ для разныхъ вещей. И, дѣйствительно, вѣчеромъ, простившись съ хозяевами, такъ какъ я уѣзжалъ съ разсвѣтомъ, я замѣтилъ, подойдя къ дверямъ соседней комнаты, что онѣ не только заперты на ключъ, но что въ солидные желѣзные скобы, придѣланные снаружи, продѣтъ не менѣе солидный замокъ. Но каково же было мое удивленіе, когда обычная исторія плача и рыданій повторилась въ третій разъ и притомъ съ особенной силой. Сосѣдка нѣсколько разъ вставала и, отыскавъ свои башмаки, начинала метаться по комнатѣ, стуча каблуками, всплескивая, повидимому, въ отчаяніи руками и бормоча безсвязныя слова, похожія то на мольбы, то на ругательства.

„Все это происходило осенью. Зиму я провелъ въ дѣловыхъ путешествіяхъ по Европѣ, а весною очутился въ Италиі, гдѣ встрѣтился во Флоренціи съ однимъ изъ общихъ знакомыхъ моихъ и лицъ, у которыхъ я гостилъ. Разспрашивая меня о моемъ пребываніи въ замкѣ, онъ поинтересовался знать,

въ какой комнатѣ я помѣщался, и, когда я описалъ ему мѣсто ея расположенія въ замкѣ, то онъ замѣтилъ, что, вѣроятно, наливъ гостей вызвалъ необходимость дать мнѣ комнату рядомъ съ la chambre haütée. Тутъ только припомнилъ я о своей соседкѣ, но, не подавая никакого вида, просилъ разъяснить мнѣ, что это за chambre haütée. И собесѣдникъ мой разсказалъ, что въ замкѣ есть комната, въ которой много лѣтъ назадъ лишила себя жизни обольщенная сыномъ одного изъ прежнихъ владѣльцевъ замка горничная, и что съ тѣхъ поръ, по временамъ, она невидимо приходитъ на мѣсто своихъ послѣднихъ слезъ, страданій и смерти и наводитъ ужасъ на окружающихъ своимъ неосызаемымъ пребываніемъ, стонами, слезами и рыданіями. Это происходитъ всегда въ опредѣленный часъ, соответствующій времени ея смерти. Комната заперта навсегда, но нѣсколько разъ въ году въ ней происходитъ какъ разъ то, что я слышалъ. Это продолжается нѣсколько дней, и затѣмъ наступаетъ временный перерывъ, очень непродолжительный.“ — „Конечно, — прибавилъ, кончая свой разсказъ Макензи Уоллесъ, — можно было бы совсемъ уничтожить комнату, съ которой связаны печальныя воспоминанія и тревожная, полная таинственнаго ужаса, дѣйствительность. Но вы знаете, какъ мы цѣнимъ и хранимъ все, что завѣщено намъ прошлымъ... Да и въ чемъ ручательство, что и послѣ необходимой перестройки не будутъ въ той или иной формѣ продолжаться посѣщенія несчастной самоубійцы?..“

Черезъ 30 слишкомъ лѣтъ я снова встрѣтился съ Макензи Уоллесомъ у покойнаго А. Д. Свербеева, и мы стали вспоминать давно прошедшее. Я напомнилъ ему разсказъ его о загробныхъ посѣщеніяхъ замка — и онъ повторилъ мнѣ свое старое повѣствованіе, уполномочивъ меня, если я его запишу, назвать его имя.

Старатели.

Повѣсть недавнихъ дней.

Н. Тихонова.

(Продолженіе).

„Искосолецъ запоздалъ, — думалъ между тѣмъ Сѣдлецкій, — можно было бы начинать собраніе, а его нѣтъ. Ужъ эти молодые изъ раннихъ. Да, кстати, кто это долженъ изъ нихъ прійти? Лучше бы Магаловъ, этого знаю вдоль и поперекъ — натура легкая, а то пришло бы молодчика съ амбиціей, такъ еще скандалъ будетъ. Вонъ моя пава разнюнилась... И надо жъ, чтобы это въ его дивизиі произошло“, — и онъ зорко осматривалъ Растягина.

Старику было дѣйствительно не по себѣ. Онъ то потиралъ блѣдныя, худыя руки, то односложно перекидывался со своимъ комиссаромъ, поручикомъ Камба, то смотрѣлъ въ окно и совсемъ уже неприлично, черезъ каждыя двѣ минуты, вытаскивалъ большой блѣдый платокъ и то протираля ими очки, то вытиралъ мелкій потъ на маленькомъ бѣломъ лбу...

Вдругъ дверь распахнулась и пропустила въ комнату молодого человека въ поношенной гимнастеркѣ, съ волосами, стоявшими ежомъ на головѣ, съ нѣсколько длиннымъ носомъ и негориловыми, несвойственными его юному возрасту, движеніями. Онъ обошелъ всѣхъ, почти не представляясь, такъ какъ его хорошо уже знали въ арміи. Это былъ искосолецъ Кургановъ, талантливый молодой пропагандистъ, храбрый юноша, дважды раненый, пострадавшій „при старомъ режимѣ“... Словомъ, у него было все то, что дало ему право выдвинуться на одно изъ первыхъ мѣстъ въ Искосолѣ. Растягинъ посмотрѣлъ на него внимательно и сурово, и немного вяло пожалъ молодую, мягкую руку Курганова.

— А мы васъ только и ждемъ, — сказала Сѣдлецкій. — Можно приступить, не правда ли? — обратился онъ къ Курганову.

— Конечно, — отвѣтилъ послѣдній, — это собраніе чисто-дѣловое, и, обладая собранными матеріалами, намъ необходимо лишь прійти и къ скорѣйшему рѣшенію, такъ какъ уже извѣстно всѣмъ, что дѣло не терпитъ отлагательствъ...

— Дѣлать, такъ дѣлать, — бросилъ Фугастовъ, — чорта съ два, не люблю разговоровъ. Я съ нѣмцемъ разговариваю только по прямому проводу: баахъ и тамъ...

— Я предлагаю, — снова сказалъ Сѣдлецкій, — просить васъ все-таки сначала огласить всѣ свѣдѣнія. Никто противъ не будетъ?

— Я согласенъ, — буркнулъ, темнѣя, Исаковъ.

— Послушаемъ! — сказалъ Фугастовъ.

— Итакъ... — Кургановъ нѣсколько подвинулся въ креслѣ, подвинулъ къ себѣ портфель, вынулъ оттуда два блокнота, тетрадь и кипу исписанныхъ бумагъ, и обвелъ собраніе задумчивымъ взглядомъ. Кургановъ носилъ очки и имѣлъ манеру вглядываться въ окружающихъ передъ тѣмъ, какъ начать говорить. Глаза у него были маленькіе, умные, и говорилъ онъ быстро-быстро, такъ что нужно было привыкнуть, чтобы понимать все до послѣдняго слова.

— Итакъ, — началъ онъ уже не останавливаясь, голосомъ ровнымъ и значительнымъ, — обнявъ всѣ свѣдѣнія, говоряща о происшедшемъ въ N. дивизиі случаѣ, мы должны констатировать, что передъ нами въ высшей степени нежелательный инцидентъ, который необходимость требуетъ разрѣшить самымъ быстрымъ и, можетъ, даже не безболѣзненнымъ способомъ; дѣло въ слѣ-

дующемъ: N. пѣх отная дивизиі — я коснусь только фактовъ, играющихъ главную роль, — находилась на отдыхѣ за городомъ P. Что происходило тамъ, на отдыхѣ, какъ они жили, и какая преступная пропаганда, — я считаю ее преступной, — оказала свое разлагательное вліяніе на ихъ умы, но въ тотъ моментъ, когда имъ были объявлены приказъ о выступленіи на позиціи, въ секторѣ C., они отказались выступать... Увѣщанія собственнаго комиссара, его убѣдительныя и образныя рѣчи не возымѣли дѣйствія, какъ равно и всѣ усилія команднаго состава, который натолкнувшись на слѣбое непониманіе и темное сознание некультурныхъ, дезорганизованныхъ массъ. Тогда Искосоль, вынужденный обратитъ вниманіе на этотъ случай, послалъ двухъ агитаторовъ, товарищей Кузьмина и Пено, въ дивизию. Но толпа солдатъ, заставившая уйти своихъ офицеровъ, не стала слушать и агитаторовъ, ихъ забросали грязью и камнями, и они подъ крики: „Долой Искосоль! Долой войну!“ принуждены были вернуться... Тогда, когда средства словеснаго уговора уже не могли дѣйствовать на умы, пришлось прибѣгнуть къ силѣ... До сихъ поръ въ дивизиі приказъ исполнили только три полка, четвертый упорствовалъ въ своемъ заблужденіи и наотрѣзъ отказался выступить...

Кургановъ на минуту умолкъ. Тогда раздался тихій голосъ Растягина:

— Разрѣшите мнѣ... разрѣшите мнѣ добавить, господинъ... — говорилъ онъ, сбившись на послѣднемъ словѣ, такъ какъ на него устремилось общее вниманіе, — господинъ...

„Ну, пропалъ старикъ! — мелькнуло у Сѣдлецкаго. — Сейчасъ брикнетъ: господинъ социалистъ или что-нибудь почище. — Да и болень, кажется, къ тому же...“

Дѣйствительно, Растягинъ какъ-то ослабъ, сгорбился п, сжимая ручку кресла, тѣмъ же голосомъ, какимъ началъ, закончилъ:

— Господинъ комиссаръ, разрѣшите мнѣ два слова.

— Пожалуйста, — обратился въ его сторону Кургановъ. — Вы по мотивамъ отказа полка выступить? Пожалуйста...

— Я былъ у нихъ, — продолжалъ Растягинъ, — я былъ и говорилъ съ ними, и они, — голосъ его сдѣлался еще тише, — и они согласны... Они пошли на позиціи... Я самъ, я самъ видѣлъ, вотъ, господинъ комиссаръ!

— Да, да, — поспѣшилъ возобновить свою рѣчь Кургановъ, — вы совершенно правы... И я позволю себѣ продолжать дальше. Итакъ, когда мѣры увѣщанія и кротости, такъ сказать, были исчерпаны, Искосоль послалъ въ полкъ ультиматумъ: или немедленно исполнить приказаніе или вынести на себѣ всю тяжесть его неисполненія. Полкъ пошумѣлъ, погалдѣлъ, и рѣшилъ подчиниться. Намъ сообщили, что полкъ, какъ только-что сказалъ господинъ генералъ, выступилъ на позиціи. Выступило всего три батальона, четвертый долженъ былъ остаться въ резервѣ. Путь полка до позиціи ознаменованъ цѣлымъ рядомъ происшествій, о которыхъ у насъ скопилось солидная литература, — онъ насмѣшливо указалъ на портфель, — проходя черезъ городъ, они били стекла, сбѣгали въ воздухъ, нугали угрозами мирныхъ жителей, крали съѣстные припасы, отнимали разныя вещи, ограбили нѣсколько торговыхъ

яблоками, напиросами и табаком, выйдя за город, они проходили по направлению к позициям, как банда, не повинующаяся приказаньям и просьбам, и все усилія комиссара и членовъ полкового комитета не привели ни къ чему; къ утру слѣдующаго дня погромные успѣхи продолжались. Сожжены два дома, похищены свиньи, утки, гуся, куры, медъ, ограбленъ какой-то ювелирный магазинъ, и около З — фа найдены три трупа, исколотые штыками и избитые прикладами; эти три человѣка убиты, должно-быть, въ дракъ, за которой послѣдовали убійство и грабѣжъ. Ознакомившись со всѣми подвигами, Искосоль послалъ экстренно донять полкъ т. Кузьмина и меня, но мы только могли своими глазами прослѣдить путь славнаго похода, а самый полкъ, какъ намъ сообщили позже, вечеромъ того же дня благополучно занялъ назначенный участокъ позицій въ секторѣ С., распредѣливъ два батальона въ окопахъ, а третій съ обозомъ оставивъ во второй линіи окоповъ. Но здѣсь выяснились новыя подробности. Мы не успѣли вздохнуть свободно, какъ исторія вступила въ новый фазисъ. Еще лежали передъ нами факты возмутительнаго поведенія полка, какъ налицо оказались факты еще болѣе вопіющіе. Но теперь уже вся честь скандала принадлежала третьему батальону, стоящему въ резервѣ. Третьяго-дня вечеромъ стало извѣстно, что этотъ третій батальонъ арестовалъ обозныхъ, захвативъ провіантъ и кухни, и отказался дать хлѣба и пропустить кухни въ передовую линію. Солдатамъ, занимавшимъ окопы, пришлось идти просить хлѣба въ сосѣднюю дивизію, которая дала въ долгъ нѣкоторое количество хлѣба, но люди остались безъ обѣда и безъ ужина... Третій батальонъ заявилъ, что онъ силой не дастъ ни куска хлѣба, ни ложки щей, ни щепотки чаю своимъ товарищамъ. „Мы не хотимъ воевать,—пускай насъ уведутъ отсюда“... Кромѣ того, всѣ запасные патроны и пулеметы и ленты къ нимъ въ его рукахъ, и онъ угрожаетъ вооруженнымъ сопротивленіемъ всякому, кто попытается прійти разговаривать съ нимъ. Въ такомъ положеніи это дѣло находится сейчасъ, но дальше находится не можетъ. Мы должны принять все мѣры, пусть даже жестокия, но устранить это возмутительное явленіе, пока оно не грозитъ настоящимъ бѣдствіемъ. Я пока ончилъ и прошу высказываться...

— Дѣло ясно, — густо и громко произнесъ Фугастовъ, — тутъ и задерживать обсужденіемъ нечего!

— Я со своей стороны могу только добавить, — заговорилъ торопливо и не совсемъ ясно поручикъ Камба, — я только-что пріѣхалъ въ дивизію и не могъ еще разобраться въ настроеніи, а главное въ причинахъ, вызвавшихъ это безобразіе. Но я говорилъ съ ними, какъ и господинъ генераль, съ ихъ депутатами, которые частью очень толковые, но въ массѣ это очень не продуктивные работники, и они не могли ничего подѣлать. Дѣло ясно, какъ замѣтилъ сейчасъ господинъ полковникъ, и, къ сожалѣнію, приходится принять неотвратимое, хотя и жестокое рѣшеніе...

— Именно жестокое, — подхватилъ, раздувая щеки, Исаковъ, — нужно пресѣчь, это — дезорганизация, и я совсемъ не хочу, чтобы и мои славные кавалеристы были захвачены этимъ пораженческимъ духомъ. Это измѣна, и считаю это измѣной, и это должно караться, какъ измѣна...

— Позвольте слова, — сказалъ, вставая съ твердой и надменной физиономіей Зейманъ, обращаясь къ собранію. — Являясь представителемъ кавалерійской дивизіи, я могу заявить, что дивизія до послѣдняго драгуна стоитъ и стояла на стражѣ интересовъ родины и революціи...

И онъ съль, забронированный собственнымъ величіемъ, и его сѣрые глаза сдѣлались еще сѣрѣе...

— Bravo, — сказалъ вразумительно Исаковъ, — я очень радъ, — и, официально обернувшись, онъ пожалъ руку Зейману, — очень радъ и прошу: благодарите драгунъ отъ моего имени, а я потомъ... прикажамъ...

— Извиняюсь, — продолжалъ съ быстротой Кургановъ, — теперь, когда ясны все предшествующія событія, намъ нужно въ экстренномъ порядкѣ принять мѣры. Я скажу, что Искосоль уже имѣетъ рѣшеніе. Искосоль предлагаетъ сейчасъ же издать приказъ о расформированіи третьяго батальона, а не всего полка. Это будетъ хорошимъ устрашеніемъ, но, чтобы мы не опоздали, надо дѣйствовать быстро. Мнѣ кажется, что голосовъ противъ не будетъ...

— Расформировать, — Фугастовъ ударилъ рукой по столу, — разъ, два и готово, нечего церемониться... мы, артиллеристы, всегда беремъ вѣрный прицѣлъ съ трехъ разъ...

— Больше ничего не остается, — пробормоталъ по своей привычкѣ говорить неясно Камба, — я согласенъ... больше нечего ждать: расформировать...

— Первый случай въ арміи, — рывкнулъ Исаковъ, — гм... неприятно... тяжело, но отсѣчь гнилой членъ необходимо. Армія должна быть здорова, какъ лошади перваго эскадрона... э-э, не правда ли? — обратился онъ къ Зейману.

— Драгуны всегда къ услугамъ господина генерала, и потому у насъ не было ничего подобнаго...

— Одну минуту, — проговорилъ своимъ сладкимъ голосомъ Заиницкій (онъ пѣлъ очень и очень хорошо романсы и Марсельезу специально разучилъ на случай), — я ужъ приготовилъ приказъ о расформированіи, но тамъ пустое мѣсто, потому что намъ остается найти части для этой экспедиціи...

Онъ приостановился, сладко вздохнулъ и смолкъ, играя золотымъ карандашомъ отъ записной книжки.

Кургановъ снялъ очки и прищуренными глазами обводилъ всѣхъ присутствующихъ, какъ бы ища отвѣта на этотъ вопросъ

— Извиняюсь, — продолжалъ съ быстротой Кургановъ, — теперь, когда ясны все предшествующія событія, намъ нужно въ экстренномъ порядкѣ принять мѣры. Я скажу, что Искосоль уже имѣетъ рѣшеніе. Искосоль предлагаетъ сейчасъ же издать приказъ о расформированіи третьяго батальона, а не всего полка. Это будетъ хорошимъ устрашеніемъ, но, чтобы мы не опоздали, надо дѣйствовать быстро. Мнѣ кажется, что голосовъ противъ не будетъ...

— Расформировать, — Фугастовъ ударилъ рукой по столу, — разъ, два и готово, нечего церемониться... мы, артиллеристы, всегда беремъ вѣрный прицѣлъ съ трехъ разъ...

— Больше ничего не остается, — пробормоталъ по своей привычкѣ говорить неясно Камба, — я согласенъ... больше нечего ждать: расформировать...

— Первый случай въ арміи, — рывкнулъ Исаковъ, — гм... неприятно... тяжело, но отсѣчь гнилой членъ необходимо. Армія должна быть здорова, какъ лошади перваго эскадрона... э-э, не правда ли? — обратился онъ къ Зейману.

— Драгуны всегда къ услугамъ господина генерала, и потому у насъ не было ничего подобнаго...

— Одну минуту, — проговорилъ своимъ сладкимъ голосомъ Заиницкій (онъ пѣлъ очень и очень хорошо романсы и Марсельезу специально разучилъ на случай), — я ужъ приготовилъ приказъ о расформированіи, но тамъ пустое мѣсто, потому что намъ остается найти части для этой экспедиціи...

Онъ приостановился, сладко вздохнулъ и смолкъ, играя золотымъ карандашомъ отъ записной книжки.

Кургановъ снялъ очки и прищуренными глазами обводилъ всѣхъ присутствующихъ, какъ бы ища отвѣта на этотъ вопросъ

На Украинѣ.

Н. Пимоненко.

— Я дам батарею, — ответил Фугастов, — для такого дѣла дамъ. Грязное, правда, да нужное... Ничего не пропишешь!

— Я съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ! — басилъ, сбѣря отъ какой-то затаенной радости Исаковъ, — но мнѣ хотѣлось бы знать мнѣніе, ваше мнѣніе... Да, — снова повернулся онъ къ Зейману, — какъ вы думаете: побѣдъ?

Зейманъ всталъ снова. Онъ не могъ говорить сидя. Ему всегда нужна была поза. На этотъ разъ онъ проговорилъ, напирая на каждый слогъ:

— Какъ предсѣдатель полкового комитета драгунскаго полка, я счастливъ сказать, что полкъ выступитъ куда угодно, когда служба революціи потребуетъ отъ него засвидѣтельствовать вѣрность провозглашеннымъ принципамъ! Драгуны приложатъ все усилія къ тому, чтобы показать, что они достойны возлагаемой на нихъ задачи...

Онъ кончилъ, опустил на мѣсто, положивъ руку на колѣни, какъ автоматъ, выбросившій очередную открытку или плитку шоколада.

«Онъ мнѣ положительно нравится, — подумалъ Сѣдлецкій, — это въ старомъ духѣ. И неужели онъ — революціонеръ? Но какъ онъ говоритъ! Машинна! Рубить, а не говорить...»

— Хорошо, — снова запѣлъ Заіоницкій, — значитъ батарея и полкъ драгунъ... теперь добавимъ... вы разрѣшите, господинъ генералъ?

— Да, да, конечно! — торопясь, уронилъ Сѣдлецкій, — я думаю: добавьте три броневыхъ автомобиля и... кого же еще? — пѣхоты не стѣнитъ... Она устанетъ, да и не къ чему, — хотя, нѣтъ, пишете, все-таки пригодится роту, больше не надо, часть потомъ обозначимъ, только сегодня же нужно разослать приказъ...

— Знаю, я уже собственно готовъ, — Заіоницкій, стоя, заносилъ въ свою книжку записи, — все въ порядкѣ: артиллерія, кавалерія, пѣхота... всѣхъ родовъ оружія.

— Пишите: аэропланы, — забурлил Фугастовъ, — пусть летаютъ... имъ это полезно. Все, что ли? Отпустите душу на покаяніе. А приказъ пришлите... Да я заранѣе все приготавливаю.

— Э... нѣтъ, виноватъ, виноватъ, — громко крикнулъ Заіоницкій, — нельзя уходить — я и забылъ: тамъ такая мѣстность, позиція подъ угломъ, подъ нѣмецкимъ обстрѣломъ, нужно разобрать диспозиціи подробно... Прощу остаться.

— Да, ужъ до конна, чтобы безъ лишннихъ туманностей, — сказалъ Сѣдлецкій, — А, что ты хочешь, дорогой? — обратился онъ къ вставшему ему навстрѣчу Растягину. Въ первую минуту онъ испугался за него. Растягинъ былъ блѣдный, потъ струился по его лбу, глаза лихорадочно блестя.

— Иванъ Николаевичъ, я пойду... извини... Вы тутъ разбирайтесь одинъ, а я пойду тамъ. Я пойду, что-то, что-то, голова — голова того, — и онъ хотѣлъ улыбнуться, но жалко сgrimасничалъ.

— Конечно, конечно, — не зная, почему, сказалъ Сѣдлецкій, — я сейчасъ распоряжусь. Тутъ такъ душно въ самомъ дѣлѣ. Лучше выйти. Тамъ въ столовой отдохни, дружище, и потомъ — мы тутъ обойдемся. Ты прилягъ даже... а то лучше... сейчасъ, — онъ отворилъ дверь въ столовую, пропустилъ впередъ Растягина и закричалъ: — Ивановичъ! Ивановичъ! Дай-ка генералу чаю съ коньякомъ, знаешь, тамъ въ буфетѣ, на второй полкѣ. Только начатъ... Славный коньякъ, — добавилъ онъ, — у тебя лихорадка, какъ разъ согрѣешься.

И, оставивъ Растягина въ столовой, онъ вернулся въ кабинетъ, гдѣ голосъ Фугастова гремѣлъ, какъ дѣлный взводъ трубачей въ день эскадроннаго праздника.

— Знаю, знаю это чортова логово, ловушка, сдохнешь тамъ за три копейки. Бьетъ безъ прицѣла съ трехъ сторонъ, гладко, какъ собачья шкура. Чуть вдребезги меня не разнесло. Ну, ладно, валяйте...

И голосъ Заіоницкаго пѣлъ ласково и внушительно.

— Все, все мы примемъ во вниманіе... и прошу васъ сюда, взгляните вотъ: отсюда до...

И его бѣлые холеные пальцы ловко бѣгали по картѣ, испещренной снимки и красными помѣтками.

А Сѣдлецкій, склоняясь черезъ плечо Курганова, говорилъ своимъ авторитетнымъ генеральскимъ тономъ:

— Нужно простить старика... потрясеніе. Волновался... а тутъ еще такое, да въ его дивизи. Это больно, это его и сломило. Вѣдь онъ, знаете, туда бѣжалъ... онъ тамъ передъ ними на колѣняхъ стоялъ, Христомъ Богомъ просилъ, заклиналъ... И пошли они туда, на позиціи, потому... Тяжело ему — да, да, конечно, — спохватывался онъ, — и всѣмъ сейчасъ нелегко!..

— Да, — говорилъ черезъ минуту Сѣдлецкій, — вы все-таки сегодня же, сейчасъ же оповѣстите всѣхъ, Заіоницкій... Телефонogramму, и подробно... и, пожалуйста: секретно! Я знаю: вы пострадаете!

V.

Растягинъ выпилъ залпомъ полстакана коньяку и тутъ уже явственно почувствовалъ, что онъ боленъ. Онъ сѣлъ у стола, оперя на руку и оперя такъ безпомощно, точно все его тѣло сразу лишилось всякой силы, кровь ушла изъ него, и живой осталась только рука, маленькая, сухая рука, похожая скорѣе на руку какого-нибудь схимника, чѣмъ на руку генерала. И Растягину она показалась такой. А тяжесть, та тяжесть, которая давила его каждую ночь, увеличилась, и голова болѣла странно: то въ ней пробѣгала жгучій, острый пламень, кровь горячій

струей била въ уши и въ глаза, то ледяные пальцы схватывали мозгъ, на лбу выступала потъ, и по синимъ сбѣгала внизъ холодная, ледяная змѣйка, и комната начинала качаться, какъ палуба парохода...

И хотя за стѣной говорили, и говорили громко, ему казалось, что онъ сидитъ одинъ въ громадной, брошенной квартирѣ, изъ которой всѣ ушли, и съ которой что-то должно случиться, и съ нимъ — тоже... Потолокъ обвалится на него, стѣны ли подойдутъ и сожмутъ, или пожаръ сожретъ и его и это зданіе, — но что-то должно случиться... „Поскорѣе, скорѣе“, — просилъ онъ невѣдомое, и никто не отвѣчалъ ему, и только муха, обыкновенная муха, безшумно, не смѣя жужжать, носилась по комнатамъ. Пустая комната дышала какимъ-то короткимъ и страшнымъ дыханіемъ. И онъ вслушался въ это дыханіе и понял, что это дышитъ не комната, а часы, большіе настольные часы, на которые оперся бронзовый рыцарь, уставившій въ походѣ. Онъ положилъ щипъ къ ногамъ, снялъ шляпу и смотритъ на генерала и говоритъ: „такъ тебѣ, такъ тебѣ!..“ И вдругъ рыцарь поднялся на пальцахъ, прошлепал по дифферблату и что-то сбѣгалъ со стрѣлками, и стрѣлки побѣжали быстро-быстро, и большая нагоняла маленькую и не могла нагнать, и было похоже, точно большая змѣя гонялась за ящерицей, и хвосты ихъ защемяли рыцаря концомъ своего цита, и смѣется, и подмигиваетъ маятнику, который выстукиваетъ: „такъ тебѣ, такъ тебѣ!..“ и никогда стрѣлки не догонятъ одна другую, и никогда маятникъ не остановится выстукивать свое: „такъ тебѣ!“ И хочетъ встать генералъ и протянуть руку къ часамъ и остановить ихъ, сорвать эти досадныя бѣгущія стрѣлки, сломать нелѣзнаго рыцаря... и просыпается...

Снова сонъ... Ахъ, какъ тяжело. Рука его, которая поддерживала голову, лежитъ на колѣняхъ, шея затекла, голова опустилась на холодную клеенку, корою покрытъ столъ. Онъ поднимается, смотритъ на окно, и снова ему кажется, что кто-то большой и темный подбѣгаетъ къ окну, приложится большимъ, плоскимъ, сверкающимъ лицомъ къ стеклу, засмѣется чему-то, и снова отпрыгнетъ въ тьму, и снова появится, и снова исчезнетъ. И всякій разъ у него разныя лица: то это смѣется его жена, и онъ узнаетъ ея голубые глаза, мягкій овалъ подбородка и даже знакомую прядь волосъ на лѣвомъ вискѣ, то это его сынокъ, смѣющийся, радостный, но какой-то неподвижный — такимъ онъ лежалъ въ гробу, — то это Фугастовъ, бѣдный, съ желтымъ шрамомъ на лбу, со сломанной папиросой въ дырявыхъ зубахъ, хохочущій хрипло, будто не хохочетъ, а откашливается... И снова все... Пустая, холодная, непривѣтливая комната... Да гдѣ же люди? За что его оставили здѣсь? Почему онъ ушелъ оттуда? Ему что-то надо сбѣгать, — а онъ забылъ, что! Онъ выпинаетъ еще полстакана горячаго чаю съ коньякомъ, понемногу чувствуетъ себя лучше... Голоса за стѣной движутся къ двери, потомъ дверь раскрывается, входитъ первымъ Сѣдлецкій и говоритъ уже обыкновеннымъ, чуть усталымъ голосомъ:

— А теперь послѣ трудовъ праведныхъ... по стаканчику чаю, на дорогу... прошу, — и онъ жестомъ дополняетъ приглашеніе.

— Ну, какъ, другъ? Коньякъ-то ничто? А я думалъ, надудитъ. Ужъ очень за дешево купилъ, по случаю. А здоровье-то у тебя неважное... Я же говорилъ...

И Растягинъ слушаетъ его, и чей-то голосъ, неприятный и тихій, точно во снѣ, говоритъ ему на ухо: „поскорѣе, скорѣе“, — и отъ этого становится холодно, и комната, какъ палуба парохода, начинаетъ колыхаться...

VI.

Фугастовъ сразу же отказался отъ чая и ушелъ. За нимъ последовалъ Исаковъ, торопившійся съ послѣднимъ поѣздомъ вернуться въ Б., гдѣ квартировалъ Зейманъ, получивъ нужныя свѣдѣнія, тоже послѣднимъ откланяться: Заіоницкій остался сидѣть въ кабинетѣ, сбѣря еще разъ замѣтки и приводя въ порядокъ разбросанныя карты.

Въ столовой нѣсколько минутъ всѣ пили чай молча. Кургановъ выпилъ второй стаканъ, повернулся на стулѣ и уже готовъ былъ прервать молчаніе, какъ вдругъ Растягинъ, делая и не мигая смотрѣвшій на него свинцовыми, мутными глазами, кивнулъ какъ-то не то утвердительно, не то просто смѣшно головой въ его сторону и спросилъ твердымъ голосомъ, какимъ говорить всѣ больные, которыхъ одолеваетъ лихорадка; голосъ твердый, а въ немъ чувствуется, треплется изломъ, блѣзненный и тяжелый:

— Ну, а какъ же тамъ ваше „коллекціонное“ министерство?

При этихъ словахъ Камба бросилъ разсматривать себя въ самоварѣ, подавился слюною и взглянулъ на генерала... Сѣдлецкій переглянулся съ Кургановымъ, и послѣдній понялъ этотъ взглядъ. Поэтому, пропустивъ мимо ушей явно странное выраженіе „коллекціонное“, онъ принялъ вызовъ, поправилъ очки и началъ быстрымъ темпомъ свою импровизацію:

— Господинъ генералъ! Я съ удовольствіемъ смогу удовлетворить ваше любопытство. Достойныя свободы тотъ, кто умѣетъ ее отстаивать! Мы до сей поры были достойны ея. Правда, вѣснлицы, тюрьмы и сибирскія тундры — не важный фонъ для нашихъ прошлыхъ триумфовъ, но все же это были триумфы. Социализмъ, какъ ученіе, въ жизненности котораго сомнѣваться не приходится, по крайней мѣрѣ, въ настоящій моментъ, долженъ охраняться и распространяться не отъ верховъ къ низамъ, а отъ низовъ къ верхамъ, потому что, при выборности всѣхъ служи-

тели власти, низы оудуть ставить и поддерживать своих людей. Такой властью является настоящее коалиционное правительство... Правда, народ наш, нужно сознаться, недостаточно подготовлен не только къ воспріятію высших степеней свободы, но даже и самых простых форм культуры. Это понятно: забиты, загнаны, темны, какъ земля, по которой ходятъ, косматы, какъ дѣса, гдѣ гроба себѣ рубятъ, и не умны во многомъ: это необходимо сказать прямо: во многомъ не умны. Сдержанности нѣтъ, и сознание отсутствуетъ, чуть что — и пугачевщина! Пропастъ тамъ глубокая, пропасть здѣсь еще глубже, а посредникъ узкая тропочка: этой тропочкой провести Россію — задача этого, какъ вы сказали, „коллекціоннаго“ правительства и есть. И вы правильно сказали, по-народному, и народъ такъ назоветъ „коллекціонное“, потому что мы дѣйствительно коллекцію теперь собираемъ, коллекцію честныхъ и умныхъ людей. А честный человекъ въ Россіи — штука рѣдкая! Что же касается рѣзкости этой переломной, такъ только такъ и можно матушку-Русь на путь истинный вывести. А если раскочивать ее — такъ еще тысячу лѣтъ жди — не дожденся, потому что за это время столько еще уединиковъ откроютъ, да кабаковъ поставятъ, да перевѣшаютъ и въ Нарымскихъ несахъ стеноятъ. А что рѣзкость, такъ и Петръ понялъ, что только уздой желѣзной да на дыбахъ — и можно что-нибудь сдѣлать. Вотъ вѣдь жила когдато Египеть, славная страна, ужъ такая мудрая, что не даромъ эта мудрость „дымоу египетской“ называется, такая прекрасная, что тамъ даже двѣ вѣры было: одна для народа, а другая — для правителей его: потому что, видите ли, кто погулялъ — тому и вѣра погуляла, а кто умнѣе — тотъ съ дураками явнаться не будетъ. И многимъ жилось тамъ хорошо, сладко и приятно: положимъ, они еще больше, чѣмъ о земномъ, о загробномъ заботились, а народъ, чтобы изъ провиненія не выходилъ, съ голоду сдыхалъ да камни таскалъ, — въ потъ лица трудился, — здоровѣннѣйшія такія глыбы, десятками лѣтъ, чтобы царямъ гробницы покрасивѣе да получше оставилъ, чтобы всѣ будущіе народы смотрѣли и дивились: вотъ, молъ, это — послушаніе, вотъ, молъ, это любовь къ царю, вотъ это смиреніе: поискать такого. И нѣтъ теперь ни этого народа, ни костей его, ни духу его, а пирамиды стоятъ и удивленіе, удивленіе вызываютъ, а у нихъ чувствительныхъ людей — такъ и умиленные слезы. Такъ и у насъ этакій русскій Египеть жилъ, и не будь революціи, долго еще поживалъ бы да пирамиды строить — только русскія, не изъ камней да гранита египетскаго, съ иероглифами, а изъ тѣлъ своихъ опозоренныхъ, загубленныхъ безмысленно, а скрѣплялъ не цементомъ, а стенами, слезами да собственной кровью. И потому этотъ народъ-богоносецъ Бога-то носить, вѣрно, на спицахъ своей, а на его Богѣ сидѣли еще любители, и оттого Богъ сталъ такимъ тяжелымъ и немилостивымъ, и потому два пути и были у этого великаго народа: или хамство, бунтарское, огненное, великое, низкое, лакейское, слезливое, собачье хамство, или юродство, тихое, темненькое, смиренное, пророческое, ханжеское юродство. Вотъ такъ и всѣ его лучше представителю... Что подѣлать: мы живемъ не у толіями, а тѣмъ, что есть... Да, мы — юроды и хамы были и будемъ, если не захотимъ быть людьми... Вотъ это-то задача и есть наша, порядокъ, такъ сказать, перваго и послѣдняго засѣданія о землѣ русской, о народѣ-богоносцѣ, о послѣдователяхъ его, иванушкахъ-дуракахъ... Вотъ и все, господинъ генераль!

Онъ замолчалъ, увлекшійся, заалѣвшійся, нервно сжимая бледно-голубыми, молодыми пальцами.

— Гм... — сказалъ Сѣдлецкій. — я почти съ вами согласенъ. Правда, во многомъ не то, но основное — да, это почти вѣрно...

Онъ сказалъ это просто потому, чтобы загладить нѣсколько сильное впечатлѣніе, произведенное рѣчью Курганова.

Растягинъ, слушавшій очень внимательно, даже похолодѣвшій, даже поздоровѣвшій сразу отъ нахлынувшихъ мыслей, отодвинулъ пустой стаканъ, какъ будто онъ загромождалъ отъ него говорившаго, и выпалилъ:

— Хорошо, молодой человекъ, отлично! Только, только, скажите мнѣ, какъ же это вы съ такими дураками да на такое дѣло поднялись... Вѣдь горбатаго одна могила исправитъ... Вѣдь опредѣленные дураки-то, такъ какъ же? Могила имъ, значитъ? Не понимаю... Не ясно... Потрудитесь объяснить...

VII.

Курганецъ пронзилъ генерала длиннымъ, упорнымъ взглядомъ, хрустнулъ пальцами и продолжалъ, какъ будто не сказалъ перерывъ этимъ все, а объявилъ перерывъ на пять минутъ:

Изъ прошлаго европейской международной политики.

II. Начало „политическаго равновѣсія“.

Господство права во внутренней жизни государства покоится не на одномъ только признаніи гражданами обязанности его велѣній. Могушественнымъ его оплотомъ является государственная власть. Принимая на себя разрѣшеніе въ судебномъ порядкѣ всѣхъ спорныхъ правовыхъ вопросовъ и, въ случаѣ нужды, принудительное осуществленіе права, государство становится верховнымъ стражемъ праваго порядка. Въ первобытныхъ обществахъ дѣло обстоитъ иначе. Тамъ, за отсутствіемъ суда, каждый

— Объяснитесь? Извольте, господинъ генераль, объясниться. Вотъ, напримѣръ, англичане... Многому у нихъ намъ поучиться слѣдуетъ, а сълы у нихъ одинъ великій человекъ, Карлейль, вѣроятно, слышали: такъ онъ сказалъ: „въ Англій двадцать восемь миллионовъ жителей, по большей части дураковъ“. А между тѣмъ, многие и многие съ этимъ не согласны, да хотя бы и первый... Это я къ тому, что всѣ мнѣнія вообще субъективны, что же касается мною высказанныхъ, то я отъ словъ не откалывалось: были русскіе Иванами-дураками, а нужно имъ стать Иванами-умниками. Нужно перевоспитать сознание, нужно пройти эту узкую тропу между бездіями, между православіемъ и язычествомъ, и попадешь въ царство разума... Вотъ куда! Я не собираюсь бросать на томъ, что дураки — дураками останутся, нѣтъ, нужно обучать, нужно свѣту пустить, нужно бросить лучину да за электричество взяться. Вотъ хотя бы война... Изъ-подъ пальки дрались, изъ-подъ пулемета, или другимъ обманомъ, что тамъ говорить, вамъ это извѣстно такъ же хорошо, какъ и мнѣ... А мы добьемся, что за идею будутъ драться, за истину — съ чистой душой, и не ночью, не ночью, а днемъ. Труденъ этотъ путь, но другого нѣтъ. Противорѣчій много, и не можетъ ихъ не быть, потому что слишкомъ долго ступались лбами да спотыкались о собственные ноги... Сейчасъ они звѣрами шли, а пойдутъ людямъ — на чистоту, а если среди нихъ окажется такіе, какъ вотъ ты, о которыхъ мы сегодня говорили, то это только къ лучшему: худую траву изъ поля вонъ. Вотъ если всѣ они не смогутъ, ну, скажемъ, въ силу своей исторической привычки, что ли, на чистоту идти, — и всѣ будутъ такими, какъ ты, — тогда конецъ... Мертвая точка! Штиль, и штиль на 1000 лѣтъ, до новаго пожара, а можетъ-быть, его и не будетъ: что разъ сгорѣло, то во второй разъ поджечь трудно... а отъ этого сегодняшняго и угольковъ не уцѣлѣть. Сами заточутъ, чтобы не обжечься... Вотъ что я могъ вамъ разъяснить, господинъ генераль. А за дураковъ я увѣренъ. Они на полнотный не пойдутъ, потому что воображать, что такое умъ и свобода... Неужели царей защищали, а себя защищать откажутся? Нѣтъ, кажется, этого не будетъ. А теперь... Вы что-то хотите сказать?

— Я? Нѣтъ, ничего, — сказалъ Сѣдлецкій. — Пожалуйета.

— Простите, — волнуясь заговорилъ Растягинъ, прежнее болѣзненное ощущеніе снова завладѣвало имъ, — по-стариковски... я ужъ такъ, попросту...

— Да? — остановился вопросительно Кургановъ, глядя на Камбу, не спускавшаго съ него глазъ.

— Сколько вамъ лѣтъ? — спросилъ Растягинъ, немилосердно краснѣя.

— Двадцать три! — быстро отвѣтилъ громко и отчетливо Кургановъ, точно отвѣчалъ по перекличкѣ. — двадцать три съ хвостикомъ. Хвостикъ три мѣсяца... Но я долженъ проститься, къ сожалѣнію. Я еще бы поговорилъ съ вами, господинъ генераль, вы, я вижу, подробно интересуетесь вопросомъ, но — онъ взглянулъ на часы, — я обязался сегодня еще успѣть забѣжать во фракцію. Мы, знаете, цѣлый партійный отдѣлъ разрабатывали. На городскихъ выборахъ бороться будемъ. Имѣю честь откланяться...

„Уфф...“ — вздохнулъ про себя Сѣдлецкій, когда онъ ушелъ, — наконецъ-то сдаль этого бегемота... Двадцать три года! Въ Наполеоны мѣтить. Ну, что жъ, а мы будемъ, какъ у нихъ тамъ, Лафайетами, что ли...“

Камба тоже поднялся уходить. Онъ попрощался съ Растягинымъ, сказавъ, что завтра поѣдетъ съ нимъ вмѣстѣ на позиціи, въ автомобиль. Когда онъ шелъ въ эту ночь по темнымъ улицамъ, онъ закуривалъ папироску за папироской, заглядывая подъ шляпы интересныхъ блондинокъ (блондинками кишілъ городъ) и говорилъ самъ съ собой: „сегодня ты слышала хорошій урокъ, Камба, урокъ, какъ нужно обращаться съ человекомъ, который хочетъ горячаго объясненія. А такъ какъ ты, Камба, учишься не зря и всему, то это тебѣ пригодится!“

И онъ не шелъ, а летѣлъ по пустынямъ, перулкамъ, наркомъ, переполненнымъ гуляющими парами, съ быстротой фокусника выкуривалъ папиросы и чувствовалъ себя такъ, точно до отказа набился такого вкуснаго, такого сладкаго блюда, отъ котораго онъ не будетъ спать сегодня...

Счастливымъ Камба! Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ этой ночи онъ былъ разстрѣлянъ въ своемъ родномъ Воронцовскомъ переулкѣ, въ прекрасномъ городѣ Одессѣ, какъ контръ-революціонеръ! Миръ праху твоему, бѣдный Камба!..

(Окончаніе слѣдуетъ).

самъ своими средствами отстаивалъ или возстановлявалъ свое право, и право было правомъ сильнаго. Съ правовой точки зрѣнія, прогрессъ и заключается въ томъ, что съ развитіемъ государства все надежнѣе обезпечивается право вѣхъ и клѣдаго, и внутренняя жизнь человѣческихъ обществъ постепенно упорядочивается и замирается.

Международное общеніе до сихъ поръ не знаетъ стоящей надъ отдѣльными государствами власти, которая обезпечивала бы господство международнаго права. Въ нормальныхъ условіяхъ международное право исполняется просто потому, что люди, на-

правляющие деятельность государства, признают его ведение обязательными и подчиняются имъ. Но въ случаѣ возникновенія спора о правѣ между государствами, нѣтъ такого учрежденія, которое могло бы принять этотъ споръ къ своему разсмотрѣнью, и такой власти, которая могла бы принудительно осуществить вынесенное рѣшеніе. Правда, въ новѣйшее время между различными государствами часто заключаются соглашения о передачѣ тѣхъ или иныхъ спорныхъ дѣлъ на рѣшеніе третейскаго суда. Но обязательность самыхъ этихъ соглашеній ничѣмъ не обезпечена, да и приведеніе въ исполненіе третейскаго рѣшенія всецѣло зависитъ, въ конечномъ счетѣ, отъ доброй воли государствъ. Человѣчество издавна стремится къ „организаци“ международнаго общенія, идеаломъ котораго было бы созданіе обязательнаго суда и принудительной власти. Но идеаль этотъ все еще дѣло далекаго будущаго, а пока общество государствъ остается обществомъ неорганизованнымъ и „анархическимъ“, въ которомъ сохраняется въ неприкосновенности право насилія и войны.

Естественно однако, что, за отсутствіемъ твердой организованной защиты международнаго права, человѣческая мысль неустанно ищетъ какого-либо руководящаго начала въ международныхъ отношеніяхъ, которое до извѣстной степени возмѣщало бы этотъ недостатокъ существующаго строя. Со времени Вестфальскаго мира въ качествѣ такого начала было выдвинуто начало „политическаго равновѣсія“. Идея „политическаго равновѣсія“ по существу очень проста и понятна. Всякому ясно, что величайшая опасность для международнаго права заключается въ непомѣрномъ усиленіи одного какого-либо государства за счетъ другихъ. Если бы все входящія въ составъ международнаго общенія государства были приблизительно одинаковой величины и силы, они, взаимно другъ друга „уравновѣшивая“, уважали бы обоюдныя права и избѣгали бы нарушать миръ. Напротивъ, наличность среди нихъ одного государства подавляющей силы угрожала бы разрушить самое основаніе международнаго общенія и вернуть человѣчество къ порядкамъ „мировыхъ имперій“ древности. Идея „политическаго равновѣсія“ и сводится къ тому, что всякому государству приписывается право или даже обязанность, на свой страхъ и рискъ, или въ союзѣ съ другими государствами сопротивляться всякимъ способамъ вплоть до войны непомѣрному расширенію какого-нибудь одного государства.

Установленное Вестфальскимъ миромъ „равновѣсіе“ очень скоро нарушилось. Германія была совершенно истощена бѣдствіями тридцатилѣтней войны и не могла сопротивляться возраставшему могуществу Франціи. Франція искусно использовала это положеніе вещей и, особенно въ царствованіе Людовика XIV, путемъ цѣлаго ряда кровопролитныхъ и побѣдоносныхъ войнъ закрѣпила свое преобладаніе въ Европѣ. Въ 1667—1668 гг. Людовикъ воевалъ съ Испаніей за „бельгійское наслѣдство“. Съ 1672 по 1678 годъ тянулась война между Людовикомъ, дѣйствовавшимъ въ союзѣ съ Англіей и Швеціей, и Голландіей, которую поддерживали Германія, Данія, Испанія и Бранденбургъ. Обѣ эти войны окончились успѣшно для Франціи, благодаря побѣдамъ французскихъ полководцевъ и ловкости французскаго дипломата, умѣвшей сдѣлать смуту и вражду въ рядахъ противниковъ. Съ 1689 г. Франція опять въ войнѣ съ Германіей, на сторонѣ которой образовалась могущественная коалиція изъ Англіи, Голландіи, Бранденбурга, Швеции, Даніи, Испаніи и Саксоніи. Душою этой коалиціи былъ король англійскій Вильгельмъ. Еще въ бытность свою правителемъ Голландіи Вильгельмъ Франскій правильно оцѣнилъ угрозу европейскому порядку, таившуюся въ

гегемоніи Франціи, и поставилъ себя задачей борьбу за восстановленіе нарушеннаго „равновѣсія“. Опытъ первой коалиціи оказался еще неудачнымъ. Людовикъ и на этотъ разъ разъединилъ своихъ враговъ и заключилъ съ ними въ 1697 году въ Риевикѣ выгодный миръ, послѣ чего даже Вильгельмъ отошелъ отъ коалиціи и вступилъ съ Франціей въ сепаратное соглашеніе. Но въ 1700 году опять вспыхнула обще-европейская война за „испанское наслѣдство“. Дѣло въ томъ, что по смерти бездѣтнаго короля Карла II, согласно его завѣщанію, испанскій престолъ долженъ былъ перейти къ внуку Людовика XIV, Филиппу Анжуйскому. Людовикъ XIV, стремясь къ соединенію коронъ Испаніи и Франціи, поддержалъ своего внука, но противъ него составила новая коалиція изъ Германіи, Англіи, Голландіи, Пруссіи, Португаліи и Савойи, и несчастная для Франціи война затянулась на цѣлыхъ 13 лѣтъ. Она закончилась рядомъ мирныхъ договоровъ, послѣдовательно подписанныхъ въ Утрехтѣ (1713 г.) и въ Раштаттѣ и Баденѣ (1714 г.). По Утрехтскому миру за Филиппомъ Анжуйскимъ была сохранена испанская корона. Но во имя справедливаго равновѣсія силъ было установлено, что Испанія и Франція никогда не могутъ быть соединены подъ властью одного монарха. Такъ начало „политическаго равновѣсія“ получило свое официальное международное признаніе.

Пораженіе въ войнѣ за „испанское наслѣдство“, а затѣмъ и кончина въ 1715 году короля Людовика XIV положили предѣлы расширенію Франціи, и нѣкоторое „равновѣсіе“ дѣйствительно вновь установилось въ Европѣ.

Въ наши дни начало „политическаго равновѣсія“ подвергается суровой критикѣ. Указываютъ, что оно лишено всякой определенности, допускаетъ различныя толкованія и часто служитъ лишь предлогомъ для оправданія наступательныхъ и захватныхъ войнъ. Во всемъ этомъ есть много справедливаго. Дѣйствительно, начало „политическаго равновѣсія“ очень растяжимо, и каждое государство можетъ злоупотреблять имъ, вкладывая въ него выгодное для себя содержаніе. Съ расширеніемъ рамокъ международнаго общенія за предѣлы Европы и развитіемъ колониальной политики такіа злоупотребленія стали особенно часты. Во имя „политическаго равновѣсія“ уничтожаются цѣлыя государства, по принципу „компенсаціи“ захватываются обширныя колониальныя территоріи и устанавливаются „сферы вліянія“. Но въ то же время нужно имѣть въ виду, что до сихъ поръ международное право не замѣнило начало „политическаго равновѣсія“ никакимъ другимъ болѣе определеннымъ и отчетливымъ руководящимъ принципомъ, и что такая замѣна предполагаетъ предварительное установленіе международной организациі съ обязательнымъ судомъ и принудительнымъ исполненіемъ судебныхъ рѣшеній. Конечно, когда такой судъ будетъ налицо, когда въ немъ самое слабое государство будетъ находить управу на самое сильное, международное общеніе изъ анархическаго состоянія перейдетъ въ состояніе организованное, и о „политическомъ равновѣсіи“ просто забудутъ. Но пока оно еще сохраняетъ свою цѣнность въ глазахъ человѣчества.

Въ историческихъ движеніяхъ, совершавшихся подъ знаменемъ борьбы за „политическое равновѣсіе“, отъ времени до времени все же находилъ себя исходъ естественный и законный бунтъ народовъ противъ притязаній на мировое господство. Такой бунтъ представляла собой въ началѣ XIX вѣка борьба Европы съ Наполеономъ I. Такимъ бунтомъ является, по существу, и настоящая мировая война, отъ исхода которой зависить судьба германской мировой гегемоніи.

Проф. К. Соколовъ.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за „Ниву“ сего 1918 г., къ 1 іюня слѣдуетъ внести **не менѣе 26 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса, **во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ 7-го іюля—съ 27-го нумера.** Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копію печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ** и **непремѣнно указывать**, что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **1 рубль** и **печатный адресъ.**

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Пѣснь тихаго труда. (Жанъ-Франсуа Милле), О. Г. Евгеніева.—Житейскія встрѣчи и воспомнанія. А. Ф. Коми. (Окончаніе).—Старатели. Повѣсть недавнихъ дней. Н. Тихолова. (Продолженіе).—Изъ прошлаго европейской международной политики. Проф. К. Соколова. II. Начало „политическаго равновѣсія“.—Заявленіе.

РИСУНКИ: Жанъ-Франсуа Милле, Автопортретъ и семь картинъ.—Над Домомъ. Я. Броваръ.—На Украинѣ. Н. Пимоненко.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Герцена книга 10.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

Библиотека "Руниверс"

ЖЖВА

1918 г.

№ 24.

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 52 книги „Сборника“, содержащих сочинения А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРЬЕВА („Великая Французская Революция“).

XLIX г.

издания.

Выданъ 15 июня (2 июня) 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—36 р., на ½ г.—18 р., на ¼ г.—9 р. Цѣна этого № (безъ полож.)—40 к., съ перес. 50 к.

Главная Контора и Редакция: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Женщины и женскій вопросъ времени французской революціи.

Очеркъ проф. Н. И. Карьева.

(Съ 10 портр. и 3 рис.).

I. Свѣтскіе салоны во Франціи XVIII вѣка.

Въ темѣ настоящаго очерка нужно различать двѣ стороны. Одною является участіе женщинъ въ революціи, уже давно обращавшее на себя вниманіе ея историковъ, другою—вопросъ о томъ, что сдѣлала или, по крайней мѣрѣ, намѣревалась сдѣлать революція для осуществленія равноправія, бывшаго однимъ изъ наиболее популярныхъ лозунговъ революціи. Далѣе, говоря объ участіи женщинъ въ революціи, можно имѣть въ виду и массовыя народныя выступленія, въ которыхъ видную роль часто играли женщины низшихъ классовъ общества, и тѣ исключительныя женскія индивидуальности, которыя оставили послѣ себя особыя слѣды въ исторіи движенія. Относительно фактовъ перваго рода мы ограничимся здѣсь только напоминаніемъ, что въ

нѣкоторыхъ массовыхъ выступленіяхъ народная толпа заключала въ себѣ особенно много женщинъ, и что это бывало большею частью тогда, когда движеніе вызывалось голодомъ, какъ то было 5—6 октября 1789 года или 20 мая 1795 года („возстаніе 1 преріаля III года“). То были чисто-стихійныя вспышки, и для насъ довольно безразлично, къ какому полу принадлежали возставшія толпы. Правда, кромѣ того, среди женщинъ были нѣкоторыя какъ бы особенно революціонно настроенныя, въ родѣ знаменитыхъ „рыночныхъ дамъ“ или не менѣе знаменитыхъ „трикотѣзъ“, наполнившихъ собою галереи разныхъ собраній, принимавшихъ участіе во всякихъ демонстраціяхъ, присутствовавшихъ при казняхъ и т. п., но и это все были простыя статистики революціи. Исключеніе стовитъ сдѣлать только для тѣхъ массовыхъ выступленій женщинъ, когда онѣ являлись на

Г-жа Рекамье.

(Дувръ).

Давидъ.

сцену, как защитницы прав и интересов своего пола, когда, другими словами, онъ для насъ являются участниками специально женскаго движенія.

Когда историки говорят о женщинахъ французской революціи, какъ это мы видимъ еще у историковъ середины XIX вѣка — французца Мишле или нѣмца Шлоссера, они имѣютъ въ виду именно отдѣльныя личности, въ родѣ г-жи Роланъ или Шарлотты Кордэ, имена которыхъ попали даже въ учебники исторіи. Въ событіяхъ эпохи прославилось нѣсколько болѣе или менѣе выдающихся женщинъ, но это было возможно лишь благодаря тому, что во Франціи уже давно вообще и въ частности въ XVIII вѣкѣ женщины привыкли играть очень видную роль въ общественной жизни и даже въ политикѣ.

Въ то время, какъ тогдашняя нѣмка была почти исключительно привязана къ своимъ тремъ К (Kinder, Kirche und Küche, т. е. дѣтямъ, церкви и кухнѣ), французенка царила въ свѣтскихъ собраніяхъ и участвовала въ культурной жизни своего времени. Началось это съ королевскаго двора еще первой половины XVI вѣка, и исторія знаетъ цѣлый рядъ женщинъ, пользовавшихся фаворомъ монарховъ и оказывавшихъ вліяніе на политику. Въ XVI столѣтіи особымъ женолюбиемъ прославились Францискъ I и Генрихъ IV. Для послѣдующаго времени слишкомъ известны имена госпожъ Лавальеръ, Монтепанъ и Ментенонъ, фаворитокъ Людовика XIV, и г-жъ Помпадуръ и До-Барри, обладавшихъ сердцемъ Людовика XV. Дамы считались въ XVI—XVIII вѣкахъ лучшимъ украшеніемъ королевскаго двора, а королевскій дворъ былъ, особенно при Людовикѣ XIV, средоточіемъ утонченной художественной и умственной культуры.

Тѣмъ, чѣмъ въ XVII вѣкѣ былъ версальскій дворъ „короля-солнца“, въ слѣдующемъ столѣтіи сдѣлались свѣтскія гостиныя, „салоны“ аристократическихъ дамъ, жившихъ въ своихъ роскошныхъ особнякахъ, „отеляхъ“. Въ этихъ салонахъ у радушныхъ хозяекъ собиралось избранное общество, въ которомъ появлялись видные писатели, ученые, художники, равно какъ и государственные люди. Здѣсь велись разговоры на философскія, литературныя и политическія темы, обсуждались новыя произведенія поэтическаго содержанія и театральныя пьесы, произносились приговоры надъ событиями политической жизни, и вообще вырабатывалось общественное мнѣніе по разнымъ вопросамъ, занимавшимъ тогдашнюю Францію. Салоны продолжали существовать и послѣ того, какъ началась революція, сдѣлавшись своего рода маленькими клубами.

Нѣкоторые парижскіе салоны сыграли свою историческую роль. Однимъ изъ первыхъ, еще въ XVII вѣкѣ, былъ салонъ маркизы Рамбуле, въ отелѣ которой собирались такіе писатели, какъ Корнель, Сюдери, Малербъ и др. Въ XVIII вѣкѣ мѣстами встрѣчь философовъ были салоны жены маркиза Бово, герцогини д'Эгильонъ, г-жъ Дюдефанъ, Леспинасъ и др., часто упоминаемые въ курсахъ исторіи литературы или въ біографіяхъ тогдашнихъ писателей. Въ то же время французскія женщины довольно часто и не безъ успѣха выступали на литературное поприще и вообще отличались образованностью и начитанностью, позволявшими имъ принимать участіе въ серьезныхъ разговорахъ, которые въ другихъ странахъ считались исключительнымъ достояніемъ мужскаго общества. Немудрено поэтому, что дѣятель начавшейся въ 1789 году революціи охотно посѣщали дружескіе кружки такихъ дамъ, какъ жена министра Некера, жена математика и философа Кондорсе, знаменитой г-жи Роланъ, тоже бывшей женою министра, и нѣкоторыхъ другихъ менѣе известныхъ дамъ того времени, въ родѣ г-жъ Жанлисъ, Гельвеціусъ, Тальма, Панкукъ и т. д. Былъ въ тѣ времена довольно хорошо посѣщавшійся салонъ и у г-жи Богарнэ, будущей императрицы Жозефины, при чемъ и у нея, какъ и въ другихъ салонахъ, много говорили о свободѣ и о равенствѣ. Нѣкоторые изъ этихъ салоновъ существовали еще до начала революціи.

Хозяйки этихъ салоновъ и сами были иногда писательницами, какъ, напр., г-жа Роланъ, дочь г-жи Неккеръ, известная по фамилии своего мужа, какъ г-жа Сталь, тоже имѣвшая свой салонъ, или г-жа Жанлисъ. Нѣкоторыя изъ названныхъ нами дамъ находились въ дружескихъ отношеніяхъ съ такими дѣятелями революціи, какъ Сьейесъ, Байльи, Демуленъ, Вриссо, Кондорсе, Верньо и др. Но особенно важное политическое значеніе получило, какъ известно, салонъ г-жи Роланъ, по имени которой въ шутку называли жирондистское министерство, существовавшее весной 1792 года, министерствомъ г-жи Роланъ. Это былъ какъ бы главный штабъ всей партіи жирондистовъ.

Во время террора свѣтская жизнь въ Парижѣ должна была

прекратиться. Г-жа Неккеръ перестала собирать у себя по вторникамъ своихъ привычныхъ гостей, а ея дочь, г-жа Сталь, открыла свой вліятельный политическій салонъ только уже послѣ 9 термидора, начавъ собирать у себя многихъ выдающихся дѣятелей эпохи. Революционный терроръ 1792—1794 годовъ не дѣлалъ никакого различія между мужчинами и женщинами, когда одинаково предавались смерти какъ тѣ, такъ и другіе. Пали головы не только представительницы стараго режима, начиная съ принцессы де-Ламбаль, погибшей во время сентябрьской рѣзни 1792 года, когда ея голову на пикѣ выставили передъ окнами королевской тюрьмы (Тампль), не только самой королевы и сестры Людовика XVI Елизаветы, но и головы женщинъ революціоннаго лагеря. Достаточно вспомнить о казни г-жи Роланъ, второй жены Демулена (Люсилъ) и т. п. Возобновить свою дѣятельность свѣтскіе салоны могли лишь въ эпоху Директоріи, когда, однако, началась общая реакція, отразившаяся и на характерѣ собраній у гостеприимныхъ свѣтскихъ дамъ, въ родѣ г-жи Таллиенъ *). Только салонъ г-жи Сталь сохранялъ идейный характеръ, сдѣлавшись въ консульство Наполеона Бонапарта центромъ либеральной оппозиціи противъ его политики, пока сама хозяйка салона не вынуждена была покинуть Парижъ. Даже государственный переворотъ 18 брюмера, совершенный генераломъ Бонапартомъ, не обошелся безъ содѣйствія салона г-жи Тальма, жены знаменитаго трагическаго актера эпохи: отсюда будущій владыка Франціи направлялъ свой переворотъ.

Таковы главные факты, касающіеся участія французскихъ женщинъ эпохи въ политической жизни. Склонный къ морализаціи и нѣсколько ворчливый нѣмецкій историкъ Шлоссеръ въ своей небольшой работѣ о женщинахъ французской революціи высказался неодобрительно объ этой роли женщинъ въ политикѣ. „Достаточно, — писалъ онъ, — самаго поверхностнаго знакомства съ французской исторіей, чтобы знать, что во Франціи женщины всегда вмѣшивались въ государственныя дѣла, и притомъ совершенно открыто, а не втихомолку, какъ въ другихъ странахъ. Вліяніе это придавало характеру націи и ея исторіи такую форму, что даже революція не могла это уничтожить... Не подлежитъ сомнѣнію, что отъ женскаго вліянія жизнь французской націи потеряла серьезный характеръ, и французы приучились относиться ко всему какъ-то легко и поверхностно. Въ обществѣ распространились воззрѣнія и убѣжденія, которыя не дѣйствовали бы такъ вредно, если бы

публика не принимала, какъ оракульскія изреченія, приговоры салоновъ, произносившіеся слишкомъ поспѣшно и необдуманно. Господство высшаго свѣта не прекратилось даже съ наступленіемъ революціи, несмотря на серьезность тогдашняго настроенія и направленія умовъ“. Въ этихъ строкахъ историкъ-стародумъ немножко смѣшиваетъ вліяніе женщинъ и господство высшаго свѣта и недостаточно различаетъ между такими женщинами, какъ королевскія фаворитки, въ родѣ г-жи де-Помпадуръ, или хозяйки салоновъ при Директоріи, въ родѣ г-жи Таллиенъ, съ одной стороны, и такими идейными женщинами, какими были г-жи Роланъ и Сталь. Революція выдвинула рядъ женщинъ-гражданокъ, тогда какъ раньше рѣчь можетъ идти только о женщинахъ-куртизанкахъ. Г-жи Роланъ и Сталь были именно женщинами новаго типа, которыя сознавали, что открытая политическая дѣятельность не можетъ быть только монополіей мужскаго пола. Восемнадцатый вѣкъ выдвинулъ въ роли политическихъ дѣятельницъ, прекрасно справлявшихся со своими задачами, такихъ государынь, какъ Марія-Терезія въ Австріи и Екатерина II въ Россіи. Если въ салонахъ Роланъ и Сталь охотно собирались политическіе люди эпохи и даже подчинялись вліянію этихъ женщинъ, то потому, что цѣнили ихъ умъ, ихъ таланты, ихъ энергію.

Знакомство съ такими женщинами и могло, напримѣръ, внушить Кондорсе ту мысль, что, получай женщина такое же образованіе, какъ и мужчина, ей доступны были бы и тѣ роды дѣятельности, которые были въ исключительномъ обладаніи мужчинъ, въ томъ числѣ и дѣятельность общественная. Г-жи Роланъ и Сталь имѣли объ солидное образованіе и сами были недюжинными писательницами. Въ то же время объ онѣ проявили достаточную твердость характера. Первую изъ нихъ въ шутку даже прямо называли единственнымъ мужчиной въ своей партіи. Ея мужъ и бывший въ числѣ ея друзей Кондорсе сами покончили съ собою, чтобы избѣжать казни, но г-жа Роланъ мужественно взшла на эшафотъ, хотя ей была доставлена возможность кончить самоубійствомъ.

* См. мой трудъ: „Великая французская революція“ (Приложеніе къ „Нивѣ“ с. г.), стр. 331.

II. Участіе женщинъ въ политическихъ клубахъ революціи.

Въ годы великой революціи женщины участвовали не только въ массовыхъ народныхъ выступленияхъ и въ жизни свѣтскихъ салоновъ, но и въ дѣятельности многочисленныхъ политическихъ клубовъ, образовавшихся въ первые же годы революціи и игравшихъ такую роль въ событіяхъ эпохи. Подобно тому, какъ мужчины организовались въ общества политическихъ единомышленниковъ, дѣлали это и женщины.

Когда Кондорсэ поднялъ вопросъ о политическихъ правахъ женщинъ, — о чемъ у насъ еще будетъ рѣчь впереди, — вопросъ этотъ сдѣлался предметомъ обсуждения въ печати, въ салонахъ и въ клубахъ. Изъ послѣднихъ такъ называемый Серкль-Сосьяль („Общественный кружокъ“), собиравшій на свои засѣданія сотни слушателей и имѣвшій свой печатный органъ, началъ даже устраивать особые женскіе кружки подъ названіемъ „общества друзей истины“ (собственно, *podrugs-amies*). Этотъ же клубъ постановилъ напечатать и распространить рѣчь нѣкоей госпожи Альдерсэ, родомъ голландки, которая особенно усердно агитировала въ этомъ направленіи и даже мечтала о томъ, чтобы объединить въ общенациональный союзъ всѣ патриотическія общества гражданокъ. Лѣтомъ 1791 года та же госпожа Альдерсэ напечатала брошюру „Призывъ къ французенкамъ объ улучшеніи нравовъ и о необходимости вліянія женщинъ въ свободномъ правленіи“, откуда мы узнаемъ, что такія общества основались въ Бордо и въ другихъ городахъ.

Чисто-женскіе клубы основывались и позднее. Напримѣръ, лѣтомъ 1793 года возникло Общество революціонныхъ гражданокъ-республиканокъ города Парижа подъ предѣлательствомъ сначала гражданки Рузо, потомъ гражданки Шампионъ. Это общество навлекло на себя, однако, неудовольствіе Конвента и якобинцевъ. Одна изъ парижскихъ секцій донесла Комитету общей безопасности, что нѣкоторыя женщины, входившія въ эту организацию, появлялись на улицахъ одѣтыми въ мужской костюмъ и оскорбляли другихъ женщинъ, требуя, чтобы и онѣ одѣвались такъ же; изъ-за этого происходило нарушеніе уличнаго порядка. Членъ названнаго Комитета Амаръ сдѣлалъ Конвенту докладъ, въ которомъ защищалъ политическія права исключительно однихъ мужчинъ и предложилъ запретить какія бы то ни было женскія сообщества. Амару возражалъ членъ Конвента Шарлье, находившій, что и женщинамъ надо предоставить право мирно собираться, разъ женщины тоже принадлежатъ къ человѣческому роду, и разъ мыслящія существа имѣютъ право входить между собою въ общеніе. Съ другой стороны, извѣстный Базиръ поддерживалъ предложеніе Амара, находя, что женскія сообщества опасны, какъ очаги контр-революціи. Конвентъ согласился съ этимъ и вотировалъ декретъ, уничтожавшій женскіе клубы. Женскія собранія были предметомъ и враждебныхъ карикатуръ.

Случаи, когда женщины мѣняли костюмъ своего пола на мужской, были вообще довольно часты. Въ 1792 и 1793 годахъ было не мало такихъ, которыя одѣвались по-мужски и поступали добровольцами въ армію. Изъ времени революціи дошло много изображеній такого рода. Въ свое время особенно прославились двѣ молоденькія сестры Фернигъ, участвовавшія въ сраженіяхъ при Вальми, Жеммапъ и Неервиндѣнъ. Существовали во время революціи (еще въ 1790 году) и отряды амазонокъ.

Исключительно женскія организации во Франціи, впрочемъ, не получили большого развитія. Гораздо больше было случаевъ, имѣвшихъ притомъ и болѣе важное значеніе, когда женщины не отдѣлялись отъ мужчинъ и дѣйствовали съ ними вмѣстѣ. Въ 1790 году возникли такъ называемыя „братскія общества обоихъ половъ“. Центромъ, ихъ объединявшимъ, былъ клубъ кордельеровъ, а однимъ изъ ихъ лозунговъ было требованіе отмены принятаго Учредительнымъ Собраніемъ раздѣленія гражданъ на активныхъ

Г-жа Сталь,
дочь г-жи Неккеръ.

участвовавшихъ въ политическихъ выборахъ, и пассивныхъ, которые были лишены этого права. Въ этихъ братскихъ обществахъ, буржуа и рабочіе со своими женами, дочерьми и сестрами собирались для взаимнаго просвѣщенія относительно правъ челоѣка и гражданина, конституціи и т. п. Французскій историкъ Оларъ приписываетъ этимъ собраніямъ большое значеніе въ дѣлѣ пропаганды идеи всеобщаго избирательнаго права, которое и было установлено постѣ паденія королевской власти въ 1792 году^{*)}. Одно такое общество собиралось въ томъ же зданіи, гдѣ засѣдали и якобинцы. Въ его собраніи, происходившемъ въ началѣ февраля 1791 года, бывшія на немъ женщины принесли присягу, что ни одна изъ нихъ никогда не будетъ женою „аристократа“. Въ числѣ членовъ были госпожа Робертъ, о которой рѣчь будетъ дальше, и госпожа Роланъ, хотя и не сразу рѣшившаяся примкнуть къ чисто-народному обществу.

Общества обоихъ половъ мало-по-малу начали и дѣйствовать, выступая съ петиціями и адресами, наблюдая за дѣятельностью органовъ власти и доводя до свѣдѣнія, кого слѣдовало, обо всѣхъ непорядкахъ и т. п. Въ кружкѣ госпожи Робертъ, принимавшей особенно дѣятельное участіе въ этой организаціи, родилась, а потому, въ маѣ 1792 года, и осуществилась мысль объ учрежденіи центрального комитета братскихъ обществъ. Предѣлательствомъ этого комитета сдѣлался мужъ госпожи Робертъ. Между прочимъ, въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ при помощи этихъ обществъ велась агитація въ парижскихъ секціяхъ о необходимости отмены раздѣленія гражданъ на активныхъ и пассивныхъ. Они же участвовали въ знаменитой петиціи о низложеніи Людовика XVI, которая подписывалась на Марсовомъ полѣ 17 іюля 1791 года. На праздникъ въ память убитыхъ 10 августа 1792 года процессія изъ женщинъ несла эту петицію въ особомъ ковчегѣ.

Эти братскія общества обоихъ половъ существовали, впрочемъ, почти во всѣхъ парижскихъ секціяхъ и въ другихъ городахъ. Къ сожалѣнію, протоколы засѣданій этихъ обществъ не сохранились, если только они велись. Изъ газетъ того времени мы узнаемъ, что женщины играли въ нихъ большую роль. „Честь самой интересной части челоѣческаго рода, — писали въ одной газетѣ, — до сихъ поръ она принимала мало участія въ революціи; до сихъ поръ насчитывалось мало женщинъ-патриотовъ, но вотъ теперь прекрасный полъ на ея сторонѣ, и, конечно, дѣло пойдетъ (ça ira)“. При всей своей демократичности и при большомъ участіи въ этихъ обществахъ лицъ женскаго пола ни одно, однако, не требовало распространенія избирательнаго права и на женщинъ, хотя требованіе всеобщаго избирательнаго права и было однимъ изъ ихъ лозунговъ. Находясь въ тѣсной связи съ клубомъ кордельеровъ, братскія общества на первыхъ порахъ не пользовались сочувствіемъ якобинцевъ, когда самъ Робеспьеръ былъ еще монархистомъ. Когда упомянутый центральный комитетъ, находившійся подъ предѣлательствомъ Робера, предложилъ якобинскому клубу прислать своего делегата, тотъ на это не пошелъ.

Если то, что можно назвать феминизмомъ французской революціи, т. е. чисто-женское движеніе и въ исключительныхъ интересахъ женщинъ было очень слабо, то, наоборотъ, совмѣстная работа обоихъ половъ была очень интенсивна, притомъ одинаково и въ салонахъ и въ клубахъ. Правда, наиболѣе извѣстные клубы, т. е. якобинскій, кордельерскій и т. п., были учреждены чисто-мужскими, но вотъ эти самыя братскія общества гражданъ обоего пола и были политической ареной для выступленія женщинъ. Не нужно притомъ думать, чтобы тѣ женщины, которыхъ мы могли бы называть настоящими феминистками революціонной эпохи, шли очень далеко въ защитѣ женскаго равноправія. Если братскія общества, раньше якобинскаго клуба ставшія на республиканскую точку зрѣнія и проявившія большой демократизмъ, не требовали уравниванія

Графиня Жанлисъ.

^{*)} A. Aulard. Le féminisme pendant la révolution française. Revue politique et littéraire, 1898, N 12.

политических прав обоих полов, то такие феминистки, как известная нам госпожа Альдерст, тоже довольствовались очень немногим. В марте 1791 года она, например, предложила организацию, в состав которой входила, выразить Национальному Собранию благодарность за то, что оно даровало женщинам «гражданское существование».

Участие женщин вместе с мужчинами в братских клубах особенно поощрялось теми деятелями революции, которые хотѣли из французенок сдѣлать гражданок-патриоток. Вот почему женщинам были широко открыты двери въ тѣ «народныя общества» отдѣльных секцій, которыя замѣняли въ известные дни недѣли ихъ дѣловыя собранія. Вотъ почему женщинамъ отводились и особыя роли въ разныхъ республиканскихъ праздникахъ, въ родѣ, напримеръ, торжества въ честь Верховнаго Существа, на которомъ фигурировали процессіи и хоры матерей, молодыхъ дѣвушекъ и т. п. *). Упомянутое выше нерасположеніе Конвента къ исключительно женскимъ обществамъ объясняется опасеніемъ, какъ бы ими не воспользовалось духовенство въ цѣляхъ контр-революціи при томъ вліяніи, какимъ оно пользовалось особенно въ женской средѣ. Когда крайніе революціонеры стали совершать прямыя насилія надъ католическою церковью, вскорѣ вызвавшия религиозную реакцію, во многихъ мѣстахъ въ первыхъ ея рядахъ дѣйствительно шли женщины. Но до наступленія этого момента женская половина населенія городовъ была настроена революціонно, хотя, конечно, далеко не все пускались въ такія крайности, какъ пресловутыя трикотѣзы или посѣтительницы столь часто происходившихъ казней.

III. Нѣсколько женскихъ фигуръ революціонной эпохи.

Можно составить цѣлый альбомъ портретовъ женщинъ, игравшихъ ту или другую индивидуальную роль въ исторіи французской революціи. Въ ихъ ряду было не мало и жертвъ революціи не только среди представительницъ стараго порядка, какъ Марія-Антуанета, сестра Людовика XVI m-me Elisabeth, принцесса Ламбаль, но и среди тѣхъ, которыя, какъ госпожа Роланъ или Шарлотта Кордэ, всею душою стояли на сторонѣ преобразования Франціи на началахъ свободы, равенства и братства. Нашлось бы, конечно, въ этомъ альбомѣ и мѣсто для женщинъ, пережившихъ революцію, и опять-таки двухъ категорій: въ то время, какъ однѣ, — очень немногія, впрочемъ, — оставались вѣрными принципамъ 1789 года, другія сдѣлали карьеру своимъ переходомъ на сторону сокрушителя революціи — Наполеона I. Къ первой категоріи принадлежала, какъ известно, дочь Неккера госпожа Сталь, пресѣдовавшаяся Наполеономъ, а послѣ его паденія написавшая книгу въ защиту революціи; во главѣ женщинъ второй категоріи мы видимъ госпожу Богарнэ, которая, благодаря своему браку съ генераломъ Бонапартомъ, сдѣлалась впоследствии императрицей Жозефиной и сохраняла свое мѣсто около новаго владыки Франціи до его брака съ австрійскою принцессою, приходившеюся близкою родственницею казенной Маріи-Антуанеты.

Ни одна, хотя бы и самая краткая исторія французской революціи не можетъ обойтись безъ упоминанія именъ госпожи Роланъ и Шарлотты Кордэ *).

Первая известна, какъ «нимфа Эгерія», вдохновительница тѣснаго кружка жирондистовъ, именемъ которой обозначали первое министерство ея мужа. Ея салонъ былъ, какъ выражались, бюро общественнаго мнѣнія, и ея перу принадлежало письмо жирондистскаго министерства королю, вызвавшее его отставку. Известна и ея печальная судьба, известны и предсмертныя ея слова: «Какія преступленія совершаются во имя свободы!» Она глубоко вѣрила въ обновленіе Франціи революціей и, между прочимъ, еще будучи дѣвушкой, пыталась получить премию за сочиненіе на заданную Безансонской академіей тему: «Какимъ образомъ воспитаніе женщинъ можетъ способствовать улучшенію челоуѣчества?» Статья вышла не особенно удачно, но интересно, что этотъ вопросъ занималъ госпожу Роланъ еще въ очень молодые годы.

Шарлотта Кордэ получила большую известность за убіеніе Марата, какъ «тирана». Воспитавшись на античныхъ классикахъ, она особенно преклонялась передъ Брутомъ, освободившимъ отечество свое отъ челоуѣка, который покусился на его республиканскую свободу. Кромѣ уваженія къ республиканскому идеалу античнаго міра, съ г-жею Роланъ она раздѣляла горячее сочувствіе къ жирондистамъ. Она также проявила передъ смертью твердость духа, между прочимъ, написавъ воззваніе къ французскому народу, въ которомъ объяснила мотивы своего поступка. Ея героическая личность и трагическая судьба вдохновили, какъ известно, не одного писателя и художника, что еще болѣе способствовало известности ея имени не въ одной притомъ Франціи.

Очень популярно и имя г-жи Сталь, больше, впрочемъ, какъ писательницы. Дочь Неккера, начавшая еще дѣвочкою на двѣнадцатомъ году слушать разговоры посѣтителей салона своей матери, она уже въ возрастѣ 15 лѣтъ писала замѣчанія на отчетъ

своего отца о французскихъ финансахъ, бывшій причиной его отставки, и дѣлала выдержки изъ «Духа Законовъ» Монтескьѣ, снабжая ихъ своими собственными разсужденіями. Когда вспыхнула революція, ей, только не задолго передъ тѣмъ перемѣнившей, по случаю выхода замужъ за шведскаго посланника при французскомъ дворѣ, свою дѣвичью фамилію Неккеръ на новую — Сталь-Гольштейнъ, было всего двадцать три года, но уже тогда ея собственный салонъ приобрѣлъ большую известность, какъ одинъ изъ наиболѣе блестящихъ. Послѣ сентябрьскихъ убійствъ она покинула Парижъ и Францію и жила сначала въ Англии, потомъ въ Швейцаріи. Въ это время она издала анонимную брошюру «Размышленіе женщины о процессѣ королевы», гдѣ стремилась вызвать жалость къ судьбѣ злосчастной Маріи-Антуанеты. Въ 1796 году, уже въ годы реакціи, г-жа Сталь получила возможность вернуться въ Парижъ и снова открыть свой салонъ, который посѣщались нѣкоторыми видными политическими дѣятелями, какъ Сьейессъ, Талейранъ, Гарра, а изъ болѣе молодыхъ Бенжаменъ Констаномъ. Такъ какъ дочь Неккера, оставшаяся вѣрною идеѣ свободы, сдѣлала изъ своего салона какъ бы центръ оппозиціи противъ политики перваго консула, она была выслана изъ Франціи (1802). При Наполеонѣ она вообще подвергалась постояннымъ пресѣдованіямъ, а послѣ его паденія написала «Разсужденія о главныхъ событіяхъ французской революціи» (1818), первоначальною цѣлью которыхъ было оправдать политику Неккера, но сочиненіе потомъ превратилось въ настоящую апологію французской революціи, давшей Франціи свободу и благосостояніе. Этою своею книгою г-жа Сталь въ сильной степени содѣйствовала перемѣнѣ во взглядахъ французскаго общества особенно на первый періодъ революціи, когда во Франціи сдѣлана была попытка установленія конституціонной монархіи.

Другой женщиной-писательницей эпохи была графиня Жанлисъ. Она была очень близка къ родственнику королевскаго дома, герцогу Филиппу Орлеанскому, который во время революціи отрекся отъ своего фамильнаго имени и сталъ называться «гражданиномъ Эгалитэ» (т.-е. Равенство). Онъ даже сдѣлалъ ее воспитательницей своихъ дѣтей, изъ которыхъ одинъ царствовалъ потомъ (1830—1848) во Франціи подъ именемъ Людовика-Филиппа. Она писала педагогическія сочиненія и дѣтскія книжки, романы и историческія повѣствованія и оставила большіе мемуары, гдѣ изложила свои воспоминанія и наблюденія о французской революціи. Въ первые годы революціи она бывала въ яacobинскомъ клубѣ и вела знакомство съ нѣкоторыми дѣятелями того времени; въ числѣ ея друзей были мэръ Парижа Петіонъ, генераль Дюмурье и др.

Г-жа Жанлисъ съ г-жей Роланъ не были единственными женщинами, написавшими свои воспоминанія о французской революціи.

Выше уже называлось имя г-жи Робертъ, жены адвоката и члена Конвента, одного изъ самыхъ раннихъ республиканцевъ во Франціи, участвовавшего въ кордельерскомъ клубѣ и бывшаго секретаремъ Дантона, когда тотъ былъ министромъ. Урожденная Кераліо, г-жа Робертъ имѣла свой салонъ, гдѣ возникъ первый республиканскій кружокъ, и играла видную роль въ «братскихъ обществахъ обоихъ половъ». Дочь ученаго публициста и писательницы, г-жа Робертъ сама писала романы и историческія сочиненія. Большая демократка, она добивалась того, чтобы члены братскихъ обществъ говорили другъ другу «ты» и величали другъ друга «братъ» и «сестра», вмѣсто обычныхъ «господинъ» и «госпожа», еще раньше, чѣмъ вошло въ употребленіе обращеніе со словами «гражданинъ» и «гражданка». Къ ея республиканской пропагандѣ въ другихъ кругахъ относились сначала неодобрительно: ея политическую роль въ исторіи революціи выяснили сравнительно лишь недавно (Оларъ).

Такой же демократкой была Олимпія де-Гужъ. Это была ея дѣвичья фамилія, которую она вернула себѣ по смерти своего мужа (нѣкоего Обри). Сама писательница, между прочимъ, защищавшая революцію и въ сочиненіяхъ своихъ и въ рѣчахъ, она играла особенно замѣтную роль въ организаціи чисто-женскихъ обществъ, но предложеніе своихъ услугъ для защиты Людовика XVI передъ судомъ Конвента погубило ее самою: она погибла на эшафотѣ. Она пыталась-было спасти себя отъ казни указаніемъ на свою беременность, но послѣдняя оказалась ея выдумкою. Быть-можетъ, и этотъ эпизодъ повредилъ женскимъ клубамъ во мнѣніи о нихъ Конвента.

Очень яркую женскую революціонную фигуру представляла собою Анна Теруанъ-де-Мерикуръ. Собственно, она называлась Терванъ и была родомъ изъ деревни Маркуръ, откуда и возникло ея звучное имя. Отецъ ея былъ зажиточный земледѣлецъ, помѣстившій ее въ одномъ монастырѣ, гдѣ она получила нѣкоторое образованіе, но, едва достигнувъ 17 лѣтъ отъ роду, она бѣжала изъ дома своихъ родителей съ молодымъ дворяниномъ, прельстившимся ея красотой. Такъ началась ея жизненная карьера. Въ началѣ революціи, когда ей было 27 лѣтъ, она уже имѣла въ Парижѣ свой салонъ, и ее знали такія лица, какъ Мирабо, Петіонъ, Дантонъ. Послѣдующая ея жизнь была полна приключеній. Она участвовала въ событіяхъ 1789 года. 5-го октября она мчалась верхомъ на лошади впереди толпы, шедшей въ Версаль, а на другой день сопровождала переѣздъ королевской семьи въ Парижъ, стараясь на сей разъ защищать ее отъ оскорбленій. Въ слѣдующемъ году это ей припомнили, но, въ-время предупреденная, что ее собираются арестовать, она бѣжала за границу, попала въ Германію и тамъ была арестована по сообщенію парижскихъ роялистовъ, какъ «кровожадная предводительница

*) Вспоминимъ еще госпожу Майльяръ, изображавшую богиню Разума, о чемъ упоминается въ моей «Великой французской революціи» (Приложеніе къ «Нивѣ»), стр. 283, см. тамъ же о праздникѣ Верховнаго Существа (стр. 365).

**) Въ моей «Великой французской революціи» стр. 224, 226—227, 279—280 и 281.

„Свободная парижанка“.

французских людоедов“. Однако, император Леопольд II, пожелавший ее видеть, приказал ее отпустить, после чего она опять появилась в Париж, где вернула себе прежнюю популярность. Теруань-де-Мерикур сочинила себе экстравагантный костюм античной амазонки, обшившая себя всяким оружием и любила показываться на улицах верхом на высокой лошади. Не лишенная ораторских способностей, она нередко обращалась к толпе с бурными речами и обыкновенно имела успех. 10-го августа, в день падения королевской власти, она стояла во главе толпы, в которой было много женщин. Тут ей подвернулся один монархический журналист Сюло, очень непочтительно отзывавшийся о ней в печати, и она закатила ему пощину, после чего толпа его убила, а его голову носила воткнутой на пик. Однако, к сентябрьским убийствам Теруань-де-Мерикур отнеслась с негодованием, которого не скрывала, что лишило ее значительной доли ее прежней популярности. 31-го мая 1793 года, когда произошло народное движение на Конвент против жирондистов, она ринулась говорить толпе в защиту этой партии, но это вызвало против нее бурю негодования. Так называемая „трикотажная Робеспьера“ даже напали на нее и жестоко ее отхлестали. На несчастную женщину эта расправа подбавляла так мучительно, что она помешалась и окончила потом свою исполненную приключений жизнь в сумасшедшем доме.

Во втором периоде революции, когда при общей реакции на первый план выдвинулись погоня за деньгами и жажда увеселений, начали господствовать легкость нравов и мелочные интриги, и на общественной сцене стали играть роль женщины другого, нежели прежде, типа, которых больше или меньше все были куртизанки. Это было время, когда царила в своем салоне знаменитая Тереза Кабаррюсь, по мужу г-жа Таллиен, сумевшая превратить своего мужа, бывшего членом Конвента и Совета пятисот, в одного из родоначальников термидорианской реакции. Ей очень покровительствовал директор республики Баррас, а сама она думала только о нарядах, о балах и других увеселениях*). С нею была дружна вдова генерала, родом креолка, Жозефина Богарне, ставшая потом императрицей. Такие салоны, как салон г-жи Сталь, сдѣлались совсем не по времени, когда супруг г-жи Богарне при помощи военной силы захватил власть над Францией.

Новому направлению общественной жизни соответствовали и новые дамские моды: о тогдашних костюмах можно говорить, как о чем-то, в чем женщины являлись больше раздѣтыми или, по крайней мере, полураздѣтыми, нежели одѣтыми. Была в ходу по этому поводу злая шутка: если раньше господствовали люди *sans culottes* — „без колоты“ (санкюлоты, не носившие коротких штанов, доходивших только до колен), то теперь наступило царство ходящих „без рубашек“. В этом, впрочем, видѣли чуть ли не восстановление простоты республиканских нравов.

В годы Директории большую известность в светском обществе приобрѣла еще г-жа Рекамье. Совсем молоденькая, красивая, умная, богатая, она примкнула к кружку г-жи Сталь. У нея также был салон, посещавшийся выдающимися людьми того времени, но на нее не действовали тогдашние соблазны: она не только отвергла все искания Люсьена Бонапарта, брата будущего владыки Франции, но и его самого, когда он был уже императором. За это Наполеон тогда выслал ее из Франции. Впоследствии она также отказала прусскому принцу Августу, предложившему ей вступить с ним в законный брак. Известно, что в нее был влюблен также знаменитый скульптор Канова, сдѣлавший потихоньку

от нея ся бюст, который он превратил потом в изображение Дантовой Беатриче. От г-жи Рекамье тоже остались воспоминания об ее эпохе.

IV. Политическія права женщин во время революции.

Мы видѣли, какое участие принимали французскія женщины в революции 1789 года, и всемъ известно, что на ее знамени были начертаны лозунги свободы и равноправія. Примѣнены ли были эти лозунги к самимъ женщинамъ? Вотъ разсмотримъ этотъ вопросъ мы и займемся, при чемъ коснемся сначала политическихъ правъ женщинъ, а потомъ перейдемъ къ гражданскимъ законамъ, относящимся къ семейственнымъ и имущественнымъ правамъ женщины.

Вопросъ о правахъ первого рода в эпоху великой революции былъ едва только поставленъ. Просвѣтительная литература XVIII вѣка, изъ которой революція почерпнула свои принципы, об этомъ молчала. Только накануне революции, в 1788 году, Кондорсе в своемъ политическомъ планѣ заговорить о необходимости дать женщинамъ право участвовать въ выборахъ представителей. „Благодаря этому, — писалъ онъ, — женщины не были бы лишены политическихъ правъ (*droit de cité*), отсутствие которыхъ противно справедливости, хотя и освящено почти всеобщей практикой. Основанія, позволяющія ихъ устранять отъ занятія общественныхъ должностей, но очень легко опровергаемы, не могутъ оправдывать отнятія у нихъ права, пользование которымъ столь просто, и которое мужчины получаютъ не отъ принадлежности къ своему полу, а въ качествѣ мыслящихъ и чувствующихъ существъ, каковое у нихъ является общимъ съ женщинами“. Кондорсе называетъ исключение женщинъ изъ пользования избирательнымъ правомъ только *почти* всеобщимъ, потому что во Франціи дворянки, владѣвшія феодальными помѣстьями („*фьефами*“), имѣли все-таки право участвовать, хотя бы черезъ доверенныхъ лицъ мужского пола, въ выборахъ въ провинціальныя собранія и въ муниципальныя, а королевскій регламентъ 24-го января 1789 года о выборахъ въ Генеральные Штаты давалъ право вдовамъ, несовершеннолѣтнимъ замужнимъ и дѣвкамъ, обладавшимъ фьефами, передавать свои голоса замѣстителямъ изъ дворянскаго сословія, и такимъ же правомъ должны были пользоваться женскіе монастыри и религіозныя общины при выборахъ депутатовъ отъ духовенства.

Голосъ Кондорсе былъ тою первою ласточкою, которая, по пословицѣ, еще не дѣлаетъ весны. Передъ созывомъ Генеральныхъ Штатовъ, превратившихся въ Учредительное Собраніе, не было недостатка въ брошюрахъ и петиціяхъ въ защиту женщинъ, но въ нихъ не было ни слова о политическихъ правахъ: просили только объ облегченіи положенія женщины въ семьѣ, о лучшемъ женскомъ образованіи и т. п. Наказы 1789 года, составившіеся исключительно мужчинами, тоже не заикались о чемъ-либо, подобномъ дарованію женщинамъ избирательныхъ правъ.

Кондорсе возобновили обсужденіе вопроса, напечатавъ въ 1790 году статью подъ заглавіемъ „О допущеніи женщины къ участию въ правѣ гражданина“ (*Sur l'admission de la femme au droit de la cité*). Въ ней Кондорсе ссылался на уже обнаруженную тогда „Декларацию правъ чловѣка и гражданина“ и говорить, что, „спокойно“ исключая женщинъ, Национальное Собраніе совершило „актъ тираніи“. „Для того, чтобы это оправдать, — писалъ онъ, — нужно было бы или доказать, что естественныя права женщинъ не являются безусловно такими же, какъ и права мужчинъ, или показать, что женщины не способны ими пользоваться. Однако, — продолжалъ онъ, — права мужчинъ выте

Изъ Парижа въ Версаль, 5-го октября 1789 г.

Карикатура

*) См. о ней на стр. 323 и 384 моей „Великой французской революціи“.

каютъ единственно изъ того, что они представляютъ собою существа, одаренныя чувствованіями и способныя пріобрѣтать нравственныя понятія и о нихъ разсуждать, а такъ какъ женщины обладаютъ тѣми же качествами, то у нихъ должны быть и равныя права. Или ни одно человѣческое существо не имѣетъ никакихъ настоящихъ правъ, или всѣ имѣютъ одни и тѣ же права, и тотъ, кто подаетъ голосъ противъ права кого-либо, каковы бы ни были его религія, цвѣтъ кожи и полъ, тѣмъ самымъ отрывается отъ собственныхъ правъ“.

Тѣмъ, которые ссылались на физическую природу женщинъ, Кондорсэ возражалъ такъ: почему бы въ такомъ случаѣ не лишать избирательнаго права мужчинъ, подверженныхъ, положимъ, подагрѣ каждую зиму? А если ссылаются, — говоритъ дальше Кондорсэ, — на умственное превосходство мужчинъ, то „за исключеніемъ очень небольшого класса весьма просвѣщенныхъ мужчинъ, существуетъ полное равенство между женщинами и всѣми остальными мужчинами: если поставить этотъ классъ особо, бѣдшая или меньшая одаренность распредѣляется равномерно между обоими полами. Однако, такъ какъ было бы совершенно нелѣпностью дать только одному лишь классу очень просвѣщенныхъ людей право быть настоящими гражданами и признавать лишь за ними способность для занятія общественныхъ должностей, то ради чего исключать женщинъ, а скорѣе не тѣхъ мужчинъ, которые въ умственномъ отношеніи ниже большаго числа женщинъ?“ Кондорсэ ссылался при этомъ на нѣкоторыхъ женщинъ, которыя въ общественныхъ дѣлахъ стояли бы значительно выше приставленныхъ къ этимъ дѣламъ мужчинъ. Въ отношеніи къ „нѣжнымъ и домашнимъ добродѣтелямъ“ онъ ставилъ женщинъ даже выше мужчинъ.

Кондорсэ устранялъ еще одно возраженіе. Говорятъ, что хотя

„Богиня Разума“—артистка г-жа Майльяръ, на празднествѣ въ честь Верховнаго Существа.

Тереза Кабарюсъ, по мужу—Таллиенъ.

женщины и любятъ „разсуждать“, но не руководятся въ своихъ дѣйствіяхъ „разсудкомъ“. „Это наблюденіе невѣрно, — говоритъ онъ, — правда, онѣ не руководствуются мужскимъ умомъ, но у нихъ есть зато свой женскій умъ. Такъ какъ, вслѣдствіе дурныхъ законовъ, ихъ интересы иные, чѣмъ у насъ, и многія вещи для нихъ имѣютъ другое, нежели для насъ, значеніе, онѣ могутъ, отнюдь не нарушая разумности, опредѣлять себя другими принципами и стремиться къ другимъ цѣлямъ. Для женщины столь же разумно заниматься своею наружностью, какъ было разумно для Демосеена заботиться объ усовершенствованіи своего произношенія и своихъ жестовъ“.

Опровергаль Кондорсэ и тотъ аргументъ, что у женщинъ слабо чувство справедливости. Съ вѣрностью этого наблюденія онъ соглашался, но видѣлъ причину разницы „не въ природѣ, а въ воспитаніи, въ общественныхъ условіяхъ. Ни первое ни вторыя не пріучали женщинъ къ пониманію того, что справедливо, а только того, что честно. Отстраненныя отъ дѣлъ, отъ всего, что рѣшается на основаніи строгой справедливости и положительныхъ законовъ, женщины занимаются какъ разъ вещами и дѣйствуютъ по отношенію какъ разъ къ вопросамъ, рѣшаемымъ врожденною честностью и чувствомъ. Поэтому несправедливо, для отказа женщинамъ въ пользованіи ими своими естественными правами, приводить мотивы, имѣющіе видъ реальности лишь потому, что женщины не пользуются этими правами“: вѣдь если принимать въ расчетъ такіе резоны, то скоро, пожалуй, нужно будетъ признавать гражданами только ученыхъ юристовъ. Изъ ссылокъ на то, что у женщинъ много времени уходитъ на хозяйство и на дѣтей, допустимо дѣлать лишь тотъ выводъ, что предпочтительнѣе ихъ не выбирать, но отнюдь не тотъ, чтобы ихъ лишать права быть выбираемыми.

Въ заключительной части своего разсужденія Кондорсэ предлагалъ „опровергнуть его не шутками и возгласами“, а по существу, т. е. доказательствомъ въ пользу существованія такой естественной разницы между мужчиной и женщиной, которая законнымъ образомъ обуславливала бы исключеніе одного пола. „Равенство правъ, устанавливаемое между мужчинами въ нашей новой конститу-

Шарлотта Кордэ.

то же случится и по отношению къ равноправію обонхъ половъ”.

Этотъ вызовъ Кондорса не породилъ большого количества отвѣтовъ. Только въ началѣ 1791 года въ одной газетѣ („Les Révolutions de Paris“ Прюдома) появилась статья, озаглавленная „О вліяніи революціи на женщинъ“, авторъ которой указалъ, что получилъ отъ женщинъ массу писемъ съ требованіемъ равноправія, но что самъ онъ съ этимъ несогласенъ, убѣжденный въ дурномъ всегда вліяніи женщинъ въ политическомъ отношеніи. Въ доказательство своего тезиса онъ ограничился ссылками на одну изъ фаворитокъ Людовика XV (Дю-Барри) и на Марію-Антуанету, да на парижскихъ дамъ, которыя падали въ обморокъ, нервно заболѣвали и преждевременно разрѣшались отъ бремени при видѣ отрубленныхъ и надѣтыхъ на пики головъ въ іюль и въ октябрѣ 1789 года. Политика не дѣло „второго пола“, но авторъ тѣмъ не менѣе пригласилъ женщинъ изъ народа, умѣвшихъ быть гражданками въ „национальной драмѣ“, принять участіе въ отраженіи вѣшняго врага „храбростью и хитростью, желѣзомъ и ядомъ“.

Если пресса почти совсѣмъ, какъ гозорится, „замолчала“ статью Кондорса, то о ней много говорили въ салонахъ и въ клубахъ, но часто только для того, чтобы выразить несогласіе съ требованіемъ женскаго равноправія. „Тронъ женщины,—говорилъ, наприимѣръ, одинъ ораторъ въ Серклѣ-Сосьяль,—находится въ ея семьѣ. Ея слава въ дѣтяхъ, воспитанныхъ ею для государства. Корнелия не была ни сенаторомъ, ни консуломъ, ни военачальникомъ, а только матерью Гракховъ“. Когда въ томъ же клубѣ въ защиту женскаго равноправія заговорилъ какой-то ораторъ съ громкой фамиліей Руссо, ему не позволили продолжать, несмотря на то, что какая-то иностранка взывала къ французской галантности и нашла сочувствіе со стороны бывшихъ въ собраніи женщинъ. Ораторъ предполагаетъ, что эта иностранка была уже упоминавшаяся Альдерсъ (по мужу Этта Пальмъ). Однако, и сама она, какъ мы видѣли, не очень-то далеко заходила въ своемъ феминизмѣ. Въ апрѣлѣ 1792 года она явилась въ Законодательное Собраніе съ женской депутаціей, просившей для женщинъ одинаковаго образованія съ мужчинами, одинаковаго срока гражданскаго совершеннолѣтія въ 21 годъ и равноправія дочерей съ сыновьями, а также разрѣшенія разводиться. О дарованіи политическихъ правъ женщинамъ не заходило и рѣчи.

Вопросъ объ одинаковомъ образованіи для мужчинъ и женщинъ тоже былъ поставленъ на очередь Кондорса, который много работалъ надъ организаціей во Франціи школьнаго дѣла. Вообще это былъ одинъ изъ первыхъ, поднявшихъ новый социальный вопросъ, который въ XIX вѣкѣ получилъ специальное наименованіе женскаго. Его политическія и философскія идеи раздѣляла и его жена Софія, урожденная де-Груши. Эта женщина, какъ мы видѣли, имѣла свой салонъ и дружила, кромѣ того, съ г-жей Роланъ, посѣщая и ея салонъ. Слѣдуетъ еще прибавить, что ею былъ сдѣланъ переводъ на французскій языкъ „Теоріи нравственныхъ чувствъ“ Адама Смита, и что она написала „Восемь

дѣи вызвало рядъ краснорѣчивыхъ декламаций и нескончаемыхъ насмѣшекъ,—прибавляетъ Кондорса,—но никто до сихъ поръ не могъ возразить противъ него по существу и, конечно, не въ слѣдствіе недостатка въ талантѣ и въ рвеніи. Осмѣливаюсь думать, что

писемъ о симпатіи“, адресованныхъ ею извѣстному Кабанису, приходившемуся ей зятемъ.

Въ эпоху революціи вообще уже было нѣсколько женщинъ, проявившихъ способность къ умственному труду, и потому неудивительно, что могла возникнуть мысль о предоставленіи женщинамъ такой же возможности пріобрѣтать научныя знанія, какая была доступна мужчинамъ. Эпоха реакціи, послѣдовавшей во второй половинѣ девятидесятихъ годовъ, оказалась очень неблагоприятной для женскаго образованія, но то же самое, какъ мы сейчасъ увидимъ, случилось и съ положеніемъ женщины въ семьѣ.

V. Женщина въ гражданскомъ правѣ 1789—1804 годовъ.

Переходимъ къ области гражданскаго права, къ семейному и имущественному положенію французской женщины въ эпоху революціи.

При старомъ порядкѣ во Франціи не было общихъ для всей страны гражданскихъ законовъ. Въ данномъ отношеніи королевство раздѣлялось на двѣ большія области: югъ былъ областью „писаннаго (римскаго) права“, сѣверъ — областью „права обычнаго“, хотя и послѣднее тоже было писаннымъ и содержалось въ цѣломъ рядѣ сборниковъ этого права, въ такъ называемыхъ „кутюмахъ“, въ слѣдствіе чего его лучше называть кутюмнымъ. Это были законы средне-вѣкового, феодальнаго происхожденія, притомъ не во всемъ сходные между собою въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Франціи. Однимъ изъ пунктовъ различія между писаннымъ и кутюмнымъ правомъ было положеніе женщины.

Въ области писаннаго права положеніе женщины было хуже, чѣмъ тамъ, гдѣ дѣйствовало право кутюмное. Въ первой сохранялся строго римскій принципъ отцовской и мужней власти: мужчина былъ неограниченнымъ домовладыкою, подъ вѣчною опекою котораго находились и дѣти, хотя бы совершеннолѣтнія, и сама мать семейства, тогда какъ въ провинціяхъ второй категоріи право ставило во главѣ семьи одинаково и

Г-жа Роланъ.

Г-жа Теруанъ-де-Мерикуръ.

отца и мать. Далѣе, писанное право признавало раздѣльность имущества супруговъ, т.-е. и принесеннаго женщиной въ семью приданаго, но владѣлица его не могла имъ распорядиться безъ согласія мужа, по кутумному же праву устанавливалась общность имущества супруговъ съ момента ихъ вступленія въ бракъ, при чемъ управление общимъ имуществомъ должно было происходить по обоюдному согласію обоихъ. Однако, и здѣсь жена не могла брать на себя никакихъ обязательствъ безъ разрѣшенія мужа.

Общимъ правиломъ для обоихъ частей Франціи было все-таки большее или меньшее неравенство мужчины и женщины. Въ той или другой формѣ надъ женою тяготѣла власть мужа, а въ наследственномъ правѣ установлены были неравные доли сыновей и дочерей. Существовали и нѣкоторыя ограниченія въ другихъ правахъ. Напримѣръ, женщина не имѣла права выступать свидѣтельницей во всѣхъ дѣлахъ, касающихся гражданскаго состоянія (быть свидѣтельницей чьего-либо бракосочетанія и т. п.).

Однимъ изъ желаній, заключавшихся въ наказахъ депутатамъ 1789 г., было объединеніе Франціи въ правовомъ отношеніи: во всемъ государствѣ должны были быть одни и тѣ же гражданскіе законы. Во время революціи французамъ не удалось достигнуть этой цѣли; общій гражданскій кодексъ они получили только черезъ пятнадцать лѣтъ, уже въ консульство Наполеона Бонапарта, именно въ 1804 году. Однако, и въ теченіе этого времени законодательныя учрежденія издавали отдѣльные законы, которые должны были какъ объединить всю націю однимъ общимъ правомъ, такъ и преобразовать отдѣльныя правовыя нормы на новыхъ началахъ.

Извѣстно, что основныя принципы новаго права были изложены въ знаменитой „Декларации правъ челоука и гражданина“, первый же параграфъ которой гласилъ: „люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ“. Провозглашая свободу челоуческой личности и ея равноправіе, законодательная власть не могла не примѣнить этого принципа къ юридическимъ нормамъ, касающимся гражданъ обоего пола. Старая отповская власть римскаго права революціей была отмѣнена по отношенію къ сыновьямъ и дочерямъ, достигшимъ совершеннолѣтія, за каковое было принято возрастъ въ 21 годъ. Въ правахъ на наследство сыновья и дочери въ силу требованія равноправія тоже уравнивались. Изъ двухъ противоположныхъ принциповъ исключительнаго главенства въ семьѣ отца и равноправія обоихъ супруговъ революціонное законодательство стало на сторону второго. И въ другихъ отношеніяхъ это законодательство благоприятствовало гражданскому равноправію женщины и ея освобожденію отъ семейнаго деспотизма.

Особое значеніе въ данномъ отношеніи имѣли законы о гражданскомъ бракѣ и о разводѣ.

Революціонное законодательство въ вопросѣ о бракѣ стало на точку зрѣнія различія въ бракѣ двухъ сторонъ: религіозной, поскольку по ученію церкви бракъ есть таинство, и гражданской, поскольку онъ является договоромъ, создающимъ извѣстныя правовыя отношенія. Первая сторона касается церкви, для государства же и его законовъ важна только вторая сторона. Брачушцы могутъ давать религіозное освященіе своему союзу по законамъ своей вѣры (католической, протестантской, иудейской), но государство видитъ въ нихъ только гражданъ, заключающихъ

между собою договоръ по общему для гражданъ одного и того же государства закону.

Собственно говоря, обязательность церковнаго брака была установлена для католиковъ только Тридентскимъ соборомъ (1545—1563), но тогда же и въ слѣдующемъ столѣтіи стала вводиться и форма гражданскаго брака въ нѣкоторыхъ протестантскихъ странахъ (въ Голландіи, въ Шотландіи, временно въ Англіи). Во Франціи обязательность церковнаго брака была подтверждена королевскимъ закономъ 1579 года, а послѣ отмѣны Нантскаго эдикта 1598 года о вѣротерпимости (что произошло въ 1685 году) даже протестанты должны были вѣнчаться католическими священниками. Только при восстановленіи вѣротерпимости за два года до революціи протестантамъ было разрѣшено регистрировать свои браки у гражданскихъ чиновниковъ.

Учредительное Собраніе провозгласило бракъ простымъ гражданскимъ договоромъ, а Законодательное декретомъ 20 сентября 1792 г. опредѣлило и главнѣйшія условія заключенія гражданскихъ браковъ.

Главное отличіе гражданскаго брака отъ церковнаго въ юридическомъ отношеніи заключалось въ его расторгимости, т.-е. въ допущеніи разводовъ. Законодательство католической церкви на этотъ счетъ необычайно строго. Она признаетъ, что самимъ Христомъ установлена нерасторгимость брачнаго союза, и по ея ученію даже прямая супружеская невѣрность можетъ быть основаніемъ только для тѣлеснаго разлученія (séparation de corps) или разлученія отъ стола и ложа, при чемъ брачный союзъ все-таки остается въ силѣ. Разъ, однако, во Франціи бракъ былъ объявленъ прежде всего гражданскимъ договоромъ, прежняя нерасторгимость его отпала, что и было признано упомянутымъ декретомъ 20-го сентября 1792 года.

Допущенія разводовъ требовали во Франціи нѣкоторыя брошюры, изданныя въ началѣ революціи. Если въ наказахъ 1789 года это требованіе встрѣчается сравнительно рѣдко, то потомъ въ Учредительное Собраніе стали поступать объ этомъ петиціи. Въ числѣ мотивовъ признанія законности разводовъ, кромѣ ссылки на то, что они, не противорѣча Евангелію, вытекаютъ изъ принципа свободы договоровъ

Жозефина Богарне въ Мальмезонѣ. (Лувръ).

Прудонъ.

и т. п., былъ и специальный доводъ: освобожденіе женщины отъ мужского деспотизма. Законъ 20-го сентября 1792 года различалъ разводы по опредѣленнымъ поводамъ, по взаимному согласію, по требованію одного изъ супруговъ и по несогласію характеровъ (incompatibilité d'humeur). Противъ принятія этого третьяго пункта возражали съ той точки зрѣнія, что онъ только создастъ благовидный предлогъ для мужей, которые пожелаели бы отдѣливаться отъ состарившихся женъ. Законодательное Собраніе не убѣдилось этимъ аргументомъ противъ указаннаго пункта, и онъ былъ принятъ. Противъ легкомысленныхъ разводовъ по второму и третьему пунктамъ законъ принялъ нѣкоторыя мѣры въ видѣ родственныхъ увѣщаній въ теченіе опредѣленныхъ для каждаго случая сроковъ. Конвентъ въ 1793 году пошелъ еще дальше, устранивъ всю первую категорію разводовъ и до-нельзя упростивъ процедуру разводовъ по несогласію характеровъ. Разлученіе супруговъ безъ развода, за ненадобностью этого института при существованіи развода, было уничтожено.

Въ эпоху Директоріи, когда во Франціи замѣчалось общее паденіе нравовъ, число разводовъ въ городахъ по самымъ ничтожнымъ невѣркамъ поводамъ выросло до невѣроятныхъ цифръ. Въ VI году республики (1797—1798) въ Парижѣ состоялось

больше разводов, чѣмъ было заключено браковъ. И нѣсколько позднѣе, въ X году республики (1801—1802) на три тысячи браковъ приходилось девятьсотъ разводовъ. Гражданскій кодексъ 1804 года возстановилъ категорію разводовъ по опредѣленнымъ поводамъ и отмѣтилъ разводы по несходству характеровъ, послѣ чего число разводовъ стало быстро падать (до одного на 1270 браковъ во всей Франціи и 75 на то же число въ Парижѣ за періодъ 1806—1815 гг.).

Въ настоящее время во Франціи дѣйствуетъ законъ о разводѣ 1884 года, послѣ періода почти въ семьдесятъ лѣтъ, когда закономъ 1816 года разводъ былъ отмѣненъ. Статья гражданскаго кодекса о разводѣ по взаимному согласію, впрочемъ, тогда не была возстановлена. Жестокое обращеніе или тяжкое оскорбленіе принято было и въ 1804 и въ 1884 году въ число поводовъ для развода.

Возможность развода вытекала изъ самаго характера гражданскаго брака, какъ договора между двумя свободными сторонами: это было средствомъ самозащиты для женщины, какъ стороны слабѣйшей. Что касается до дѣтей, то законъ 1792 года отдавалъ сыновей отцу, дочерей матери въ случаяхъ развода по взаимному согласію и по несходству характеровъ, а въ остальныхъ случаяхъ судьбу дѣтей рѣшалъ совѣтъ родственниковъ.

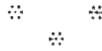
Что касается до имущественныхъ отношеній супруговъ, то брачное право революціи приняло принципъ не писаннаго, а кутюмнаго права, т. е. общность имущества, но съ огражденіемъ правъ жены на ея приданое, объявивъ, что никто изъ супруговъ не является исключительнымъ распорядителемъ собственности семьи. Въ своемъ законодательствѣ по этому вопросу Конвентъ хотѣлъ стоять на той точкѣ зрѣнія, что женщина такъ же дѣеспособна, какъ и мужчина, что въ свободной странѣ держать ее дальше въ порабощеніи недопустимо, что мужнина власть есть созданіе деспотическихъ правительствъ, и что возстановленіе женщинъ въ ихъ естественныхъ правахъ только создастъ новыхъ защитницъ революціи и республики. Всего этого требовала „философія“, но юристы были противъ единообразнаго и принудительнаго закона, предпочитая, чтобы имущественныя отношенія супруговъ регулировались ихъ брачными договорами съ сохраненіемъ, во всякомъ случаѣ, первенства мужа, но и съ гарантіями

въ пользу жены. Окончательнаго рѣшенія Конвентъ такъ и не принялъ, оставивъ его своимъ преемникамъ.

Если первыя три представительныя собранія (Учредительное, Законодательное и Конвентъ) находились въ вопросахъ права подъ влияніемъ философіи, то въ эпоху общей реакціи при Директоріи было сильное стремленіе къ возстановленію принциповъ стараго права. Завершеніе возвратъ къ старому праву нашель въ гражданскомъ кодексѣ, долго носившемъ названіе Наполеонова.

Болѣе всего во время этой реакціи пострадало положеніе женщины. У нея были отняты право быть членомъ родственнаго совѣта и быть опекуней (если только она не мать или не бабушка опекаемыхъ), право являться свидѣтельницей нѣкоторыхъ правовыхъ актовъ и т. п. Равноправіе половъ въ брачномъ союзѣ было отвергнуто еще въ проектѣ кодекса, составленномъ въ 1796 году. Юристы въ это время уже стояли на той точкѣ зрѣнія, что главенство мужа въ интересахъ семьи соотвѣтствуетъ естественному порядку: природа создала мужчину и женщину такими, что, физически и духовно болѣе слабая, женщина нуждается въ покровительствѣ и руководительствѣ мужчины, а это требуетъ съ ея стороны повинновенія мужу, какъ это и было прямо сказано въ кодексѣ. Жена была не только подчинена мужу этимъ кодексомъ, но и объявлена недѣеспособною, такъ какъ всѣ ея правовыя дѣйствія стали требовать согласія мужа. Обязывая обоихъ супруговъ быть вѣрными другъ другу, кодексъ дѣлалъ, однако, различіе между невѣрностью жены и невѣрностью мужа. Первая была признана безусловнымъ поводомъ для требованія мужемъ развода, тогда какъ женѣ было предоставлено право требовать развода только въ томъ случаѣ, если невѣрный супругъ держитъ свою возлюбленную въ одномъ домѣ съ женою. Точно также законъ признавалъ извинительнымъ убійство мужемъ жены на мѣстѣ преступленія, но не мужа женою. Наконецъ, мужъ получалъ право засадить невѣрную жену въ тюрьму, тогда какъ мужъ, державшій наложницу въ своемъ домѣ, отдѣлывался только штрафомъ. Однимъ словомъ, въ кодексѣ Наполеона женское гражданское равноправіе пошло на смарку, что, впрочемъ, вполне соотвѣтствовало и въ политической жизни замѣнѣ принципа свободы принципомъ неограниченной власти.

Я—ничья, я—своя и свободна, какъ степь,
И въ душѣ такъ же пусто, какъ въ ней...
Спали съ рукъ кандалы—эта ржавая цѣпь
Пережитой ошибки моей...
Мнѣ такъ холодно жить, опостылѣлъ мнѣ свѣтъ,
Я не знаю, что дѣлать съ собой...

Оборвался мой путь, потерялся мой слѣдъ,
И возврата нѣтъ въ край голубой...
Пусто, холодно... будетъ еще холоднѣй—
Темнота настаесть, и кругомъ тишина...
Нѣту на небѣ звѣздъ, на землѣ нѣтъ огней—
Я—ничья, я—своя, я—одна!..

О. Ушакова.

Старатели.

Повѣсть недавнихъ дней.

Н. Тихонова.

(Окончаніе).

VIII.

По длинному, узкому, скучному, построенному на сваяхъ черезъ безконечное болото-озеро, мосту раннимъ утромъ двигалась колонна конницы. Это шель походнымъ порядкомъ драгунскій полкъ, вызванный на расформированіе.

Полкъ подняли рано, люди еще не раскачались послѣ короткаго сна, и наскоро вымытыя лица пахли свѣжестью и легкимъ утреннимъ вѣтромъ, сѣномъ и тѣмъ особымъ запахомъ, какой приобѣтаютъ люди, лошади и вещи, находящіеся уже нѣсколько часовъ въ дорогѣ. Молчаніе прерывалось тихимъ звономъ стремянъ, ударявшихъ о стремяна сосѣда, и шапекъ, колотившихся о неподобранные какъ слѣдуетъ противогазы. Но скоро послышались съ разныхъ сторонъ голоса съ самыми разными вопросами и заявленіями, бѣжавшіе по колоннѣ. Кто просилъ закурить, кто спрашивалъ, который часъ, сколько верстъ прошли...

Потомъ послышался голосъ задиры, тонкій и лукавый, съ усмѣшкой спрашивающій кого-то:

— Да ты изъ запасливыхъ, товарищъ,—самогонку съ собой прешь, это чтобъ веселѣе?

— Держи карманъ узенькимъ кверху: самогонка? Этой самогонкѣ 25 цѣлковыхъ цѣна... Спиритикомъ называется!

Но задира не унимался:

— Слушай, а ты знаешь, куда мы ѣдемъ?

— Митаву братъ!—отвѣтилъ ему другой голосъ, здоровый и синый.—Развѣ не знаешь? „Ишакъ“ въ приказѣ написалъ, чтобы взяли...

— Митаву, не Митаву, а вотъ какъ уѣдемъ далеко — прощай твоя нѣмка!

— Какая нѣмка?

— А что на недѣлѣ прѣѣзжала: пиши, пропало.

— Куда ей дѣться! Останется цѣла, шкура, подождетъ.

— Станетъ она ждать такого перца. Гусары перехватятъ. Ха-ха-ха! Плакали тогда твои денежки. Поди, впередъ далъ?

— Я вотъ тебѣ дамъ впередъ, чтобы не дразнился. Опять „Ласточка“ хромаетъ. Смотри, доведешь лошадь, что содохнетъ. Лѣнь тебѣ лишній разъ на проѣзду съѣздить. Учили васъ мало... Попался бы мнѣ подъ руку, я бы тебѣ Москву показалъ...

— Не шали, дядя. Не замаживай попусту, споемъ лучше, брось эти свои тренди-бренди, заживемъ скоро хорошо, а не заживемъ—помирать будемъ—еще лучше... Ну, затягивай...

— Убирайся къ дьяволу! Что, лошадь держать не можешь?.. Куда лѣзешь: что ряды путаешь? Вотъ пройду случайно нагайкой, такъ узнаешь!.. Эй, вы тамъ, мертвые, заснуди... Имъ кричать: рысью, а они, не ѣли сегодня, не слышать. Пошевеливайтесь!

И колонна переходила въ рысь...

Мирцевъ ѣхалъ позади всѣхъ, вмѣстѣ съ командой связи, оглядываясь кругомъ и пока оставался доволенъ. Картина, окружающая его, была по-своему хороша. На огромномъ пространствѣ раскинулось озеро-болото, съ широкими коридорами свѣтлой воды между зеленыхъ, плотныхъ камышей, сверкая желтыми кубшинками и какими-то незнакомыми ему фиолетовыми цвѣтками на длинныхъ, вьющихся стебляхъ. Небо было большое, бѣлое, спокойное, а далеко впереди темнѣли стѣны лѣса, обступая желтые, гладкіе бугры, на которыхъ бѣгали высокія, черныя птицы, взлетали со слабымъ крикомъ и снова садились, задѣвая камыши плоскими крыльями. Направо виднѣлись недоѣланные окопы съ блиндажами, наскоро заброшенными словыми вѣтвями ходами сообщеній, у которыхъ стѣнки обвалились, съ амбразурами, въ отверстіе которыхъ улыбалось бѣлое, чистое, свѣжее, только-что спиленное дерево... А колючая проволока, неразвита, кругами лежала на скалахъ, выложенныхъ неаккуратно сырымъ, зеленѣющимъ дерномъ. А налѣво, въ сторонкѣ стоялъ одинокій крестъ, сдѣланный изъ двухъ палокъ, перевязанныхъ крестъ-накрестъ бечевкою... Ни надписи, ни вѣнка, ни фуражки... Что это за одинокая могила? Но Мирцевъ чувствовалъ себя сегодня прес-

восходно. Довольство переполняло все его существо такъ, что онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ по сторонамъ, улыбался грубымъ и колкимъ словамъ, самъ просилъ закурить у сосѣдей, суровыхъ, длинноусыхъ драгунъ, перекидываясь короткими замѣчаніями съ вахмистрами и офицерами, обгонявшими его, съ наслажденіемъ приподымался и опускался въ сѣдлѣ, трепалъ мохнатые уши своего жеребца, заставляя его рысить на шагу, и безъ всякаго раздраженія думалъ объ Ивановѣ, съ которымъ имѣлъ утромъ короткую стычку...

Когда начались сборы въ экспедицію и Мирцевъ побѣждалъ братья оружіе, запасаться хлѣбомъ, сахаромъ и чаемъ, на всякій случай, и собирать выюкъ, Ивановъ поймалъ его на балконѣ и сказалъ:

— Такъ вы, значить, съ Зейманомъ поѣдете! И довольно. Я останусь здѣсь...

— Какъ? Почему?

— Да у меня нѣтъ никакой охоты по болотамъ таскаться. Я не новичокъ, слава Богу, знаю эти прелести... Я останусь, да у меня и дѣла. Вы вернетесь не раньше вечера, а къ вечеру я буду дома...

— Какъ же ты говоришь, что ты останешься, а самъ собираешься улѣзнуть... Вѣдь у тебя столько дѣла. Ей-Богу, заворчатъ скоро на комитетъ. А все изъ-за тебя.

— Брось дурака валять. Что я, ничего не дѣлаю, что ли? Вонъ вчера пришли трое изъ эскадрона въ отпускъ. Мигомъ настроилъ тутъ же при нихъ бумаги, съелъ къ адъютанту, и все сдѣлалъ. Всѣ довольны будутъ. Что, меня не знаютъ, что ли? Главное—быстрота, что зря сидѣть, тянуть бѣса за хвостъ. Дѣлай все при нихъ и скоро, и поймутъ, въ чемъ комитетъ заключается. Я эту премудрость сразу постигъ!

— Ну, а куда же ты отправишься? На станцію шататься?

— Что мнѣ тамъ дѣлать! Элиза уѣхала...

— Такъ ты заберешься куда-нибудь, а кто здѣсь останется?

— Никто! Запремъ дачу...

— Запремъ, а кто отвѣчаетъ за имущество?

— Ну, — имущество! Пусть моего Штирнера крадутъ, новаго куплю, а у тебя что? Френчъ твой у Зеймана, а новые штаны на себя надѣнь, вотъ и все... Хозяйство, подумаешь... А бумаги? Кому онѣ нужны? Да вѣдь мы запремъ все, и ключъ съ собой возьмемъ. О чемъ зря говорить-то... Вы сами не знаете, когда вернетесь. Я ѣду... Ничего не будетъ. Я при старомъ режимѣ три раза въ „полетахъ“ былъ, а тутъ буду переимониться... Заворчатъ, пусть ворчатъ... Они сами ничего не дѣлаютъ. Даже ящикъ денежный лѣнь караулить, а на посты ѣздить, такъ и я былъ на этихъ постахъ. Цѣлый день въ морѣ барахтаются, а на вышкахъ безъ штановъ, въ однихъ шинеляхъ стоятъ. Тоже трудъ.

Кончили на томъ, что дачу заперли, ключъ оставили хозяйкѣ дачи, латышкѣ, жившей рядомъ. Мирцевъ уѣхалъ съ полкомъ, а черезъ три часа послѣ этого Ивановъ ѣхалъ въ поѣздѣ въ Р. и вмѣстѣ съ остальной публикой спорилъ съ большеротымъ солдатомъ, съ лицомъ, испорченнымъ оспой и шрамами, горяча защищавшимъ „Окопную Правду“ всей силой упорнаго, тяжелаго сознанія... Отъ солдата пахло черноземомъ, полемъ и сѣномъ, и онъ былъ больше похожъ на мужика, чѣмъ на солдата еще и потому, что на его гимнастеркѣ не было погонь...

IX.

— А, здравствуйте, съ добрымъ утромъ!—раздался возгласъ, и высокій всадникъ съ пушистыми рыжими усами поѣхалъ рядомъ съ Мирцевымъ.

— Товарищъ Шестовъ—и васъ съ тѣмъ же!—улыбнулся Мирцевъ.—Что это вы отстали?

— По дѣлу, по дѣлу—все дѣла да случаи,—вотъ справлялся какъ же быть съ кухнями... Съ собой не взяли, вернуться къ обѣду невозможно—ѣздить узнавать... Чтобы людей безъ ѣды не оставлять. Съ утра вѣдь подыались и поѣсть не успѣли. А кон-

Повѣяло прохладой.

И. Горюшкин-Сорокопудовъ

сервовъ и въ поминъ нѣтъ... Потому: интендантская доставка Когда въ городѣ стоймъ—пожалуйте по банкѣ, а какъ въ походѣ —грызи сухари... Люди!

— Ну, а что же, узнали?

— Узналъ. Кухни нагоняютъ насъ и будутъ ждать на подорогѣ. Тамъ на обратномъ пути и привалъ сдѣлаютъ. А гдѣ же ваши товарищи, Комитетъ нашъ прославленный?

— Зейманъ впереди, за Янычаровымъ ѣдетъ, гордь и прямъ. какъ и подобаетъ предсѣдателю. Доволенъ мерзавецъ...

— Видѣлъ, видѣлъ. А Ивановъ?

— Ивановъ? — зажмурилъ глаза Мирцевъ, — за почтой отправился... въ Искосоль тоже надо... Пришлось оставить. А вы вѣдь тоже депутаты? Ну, а ваши депутатскіе успѣхи?

— Успѣхи? Это у меня-то? Избавьте, никогда у публики успѣхомъ не пользовался. Сызмалолѣтства не знаю, что это слово значитъ. И знаете: не люблю я, скажу вамъ, этихъ... извините за выраженіе, — онъ кивнулъ на ѣхавшихъ впереди солдатъ, — а вмѣстѣ съ тѣмъ нате пожалуйте: первый ихъ защитникъ, полковой депутатъ, какъ же! А знаете, какъ я опредѣляю эту личностъ?

— То-есть? — не понялъ Мирцевъ, — какую личностъ?

— Да вотъ полкового депутата-то: это эскадронное чучело для уколовъ шкюю... Мѣшокъ соломенный, ничего своего. Все за нихъ... и старайся, и распинайся, и хлопочи, и кланчи, — а тутъ создай тебѣ въ спину, въ бокъ, въ голову — только труха летитъ...

— Да что вы? Вы преувеличиваете, — засмѣялся Мирцевъ, — ей-Богу, не нахожу сходства...

— Не находите? А помните исторійку-то съ коврами, съ сукнами?

— Ну, помню...

— Ну, такъ вотъ вамъ. Послали нашихъ голубчиковъ складъ изъ пожаръ охранять, они и сохранили его... А какъ вернулись — у каждаго по коври да по одѣялу. Узнали наши доброжелатели и попросили на цугундерь... „Охранители порядка? Складъ отъ грабежа караулите, пользу родинѣ приносите... А съ собой что принесли? А что это тамъ у васъ подъ нарами да подъ сѣдлами припрятано? Потники новые, да? А не желаете ли вы съ этими потниками да среди бѣды дня въ Искосоль прогуляться?“ Оправдали репутацию, законники, блюстители... Позоръ! позоръ! Кто распинаться пошелъ, кто водопады цѣлые изливалъ тамъ, кто шутилъ, а у самого кошки внутри скребли, вотъ такія огромныя... Моя милость ночью въ Искосоль способы изыскивала...

— Да, да, да, — слыхалъ эту исторію.

— И сегодняшняя исторія мнѣ не нравится...

— Вещь прискорбная, но необходимая, къ сожалѣнію... А потомъ, я скажу, небезполезная... Имя полка подымется. Это хорошо. — Мало хорошаго. Ничего, когда драгуны какую-нибудь тамъ пѣхотишку расформировываютъ, а вотъ когда шѣхота будетъ у драгунъ порядокъ наводитъ, вотъ тогда...

— Ну, этого-то никогда не будетъ...

— Не будетъ? Что они изъ другого гѣста сдѣланы? Одна глина. И тѣ ярославскіе, и тѣ — пошехонскіе: земляки. Только одинъ пѣхотникъ деревъ, а другой на лошади. А шкура-то у нихъ одна и мысли одѣ... Близо ихъ знаю, всѣхъ до одинаго... Спали вмѣстѣ по окопамъ да халупамъ не даромъ, въ развѣдкахъ терлись да въ бою, въ цѣпи вылеживали... До послѣдняго перва ихъ знаю...

— И что же? Вы боитесь за нихъ?

— Признаюсь: не увѣрен!

— Но сейчасъ это первья по дисциплинѣ части въ арміи. И посмотрите: комитеты ведутъ здоровую политику, и солдаты здраво смотрятъ на вещи...

— До поры до времени! Знаете, приходилось мнѣ сталкиваться съ преступнымъ міромъ, потому что причастенъ къ нему до нѣкоторой степени, бывший земскій врачъ, такъ вотъ я скажу вамъ одну вещь: если воръ, выжита неоправданная, судившійся безъ конца и знающій тюрьмы, какъ свою мамашу, да захочетъ что-нибудь такое ужасное со злобы сдѣлать: пойдеть и воробья убьетъ; ей-Богу, и попадется сразу и за воробья на каторгу пойдеть, — вотъ и вся его злоба, а если человѣкъ добродѣтельный, да съ изюминкой совѣсти, съ чувствомъ личности да съ знаніемъ, уважаемымъ и почтеннымъ, на грѣхъ пойдеть — бѣгите лучше, — такого натворить, что вы ротъ разинете и въ соляной столбъ обратитесь. Вотъ и наши ребята, святые поддѣцы эти, они тоже у васъ всѣхъ, и въ Искосоль, и у пѣхоты, и у артиллеріи, и у жителей добродѣтельными считаются... А добродѣтели ихъ показная, ложная, гроша мѣднаго не стоитъ... Принципы ихъ: грабежъ, настоящій грабежъ, тотъ, случай коего вы наблюдали, вѣрно, неоднократно, да какой грабежъ? Нѣмцу плѣнному свой послѣдній кусокъ хлѣба отдаетъ, а со своего все сдеретъ, и рубашку вмѣстѣ съ кожей, — не замѣтитъ...

— Я слушаю, — сказалъ Мирцевъ, разбирая поводья и чувствуя, какъ онъ весь полонъ здоровьемъ, силой, и вспоминая, что сегодня придутъ письма изъ дому, и когда онъ вернется, его ждетъ цѣлый рядъ удовольствій: обѣдъ, сонъ, письма, газета... и поэтому онъ охотно слушать Шестова, ухмыляшагося въ усы и вытягивашаго насмѣшливо подбородокъ. — Вы очень наблюдательны и прозорливы, если хотите, хотя нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ...

— Въ томъ и бѣда! Ну, да этого не поправишь... А ихъ фразеологія: внизъ по магушкѣ по Волгѣ... Прислушайтесь... И страшно

вамъ станеть за Маркса, Каутскаго, Бебеля, или просто за нашего брата-идеалиста, какъ услышите этотъ прогнозъ, этотъ рефренъ разухабистый: внизъ по магушкѣ по Волгѣ. И талантливо это у нихъ выходитъ... Ругаться мастера, школа чувствуется. Восторгъ и трепетаніе... Душа радуется... Да что тамъ, и самъ грѣшнень — въ другой разъ пропущу...

— Да, но вѣдь наша и ихъ идеологія?..

— Ихъ идеологія? Драгунская, съ желтымъ кантомъ, со шпорами. И гласитъ всѣми буквами: воруй, да не попадайся... Какъ на щитѣ у рыцарей: Богъ и мое право! — Воруй, да не попадайся...

— Это хорошо, — захохоталъ Мирцевъ, — серьезно, вы большой наблюдатель. Любой народникъ позавидуетъ: вамъ бы писать надо... Но какъ же тогда вы живете съ ними?

— Живу? Сроднился — зубами рвите, не оторвете. И помирать вмѣстѣ будемъ. Ужъ что-то, а это пополамъ. Что же я безъ нихъ дѣлать буду?... Скоты, негодяи — а милѣй дѣтей собственныхъ. Въ этомъ и все. Въ этомъ и смыслъ моей жизни, тоже поганой, и тоскливой, и мутной, заключается...

— А вы женаты?

— Сынъ въ Петроградѣ въ гимназію бѣгаетъ. Тоже — революционеръ будущій...

Въ этотъ моментъ отъ головы колонны раздался крикъ, повторенный всѣми: „стой! слѣзай!“ Всадники остановились и начали спрыгивать на землю. Съ этого мѣста дальше пошли въ пѣшемъ строю...

X.

Когда человѣкъ бываетъ поглощенъ какой-нибудь одной идеей, да еще такой, на которой онъ строитъ собственное существованіе, то взглядъ его на окружающее становится очень одностороннимъ. Все, что онъ дѣлаетъ худого или хорошаго, все связано неразрывно съ наполняющей его идеей, все понятно и близко только въ связи съ ней, и, наоборотъ, то, что не приближается къ ней или несогласно, то становится ему враждебнымъ прямо или косвенно, безъ малѣйшей возможности оправданія.

Такъ строгій къ себѣ Кургановъ былъ строгъ ко всѣмъ людямъ безъ различія. И когда онъ всталъ между разбросанными блиндажами и шалашами, въ лѣсу, среди солдатъ третьяго батальона, онъ не задумался надъ тѣмъ, съ чего начать и чѣмъ кончить.

— Искосольцы пріѣхали! — закричалъ при видѣ автомобиля приземистый, худой солдатъ и началъ звать, какъ бы радуясь неожиданному развлеченію. — Эй, ребята, сбѣгай сюда, Липатовъ, зови взводы-то, искосольцы пріѣхали... Митинга будетъ. Кличъ людей-то...

На безмолвной до сихъ поръ площадкѣ началась возня; изъ низкихъ дверей, изъ-за кустовъ, изъ-подъ тѣлѣгъ, палатокъ, кучъ сѣна выползали бурья, желтыя, сонныя фигуры, отряхивавшіяся и оглядывавшіяся по сторонамъ съ недоувѣріемъ... Положимъ, большинство сохраняло философское спокойствіе и невозмутимую флегматичность.

— На митингу, эй, вы, на митингу идите! — звалъ первый солдатъ, которому видимо просто нравилось слушать свой голось. — Выходи, до одинаго!

Наконецъ за кучками взводовъ, собравшихся вокругъ автомобиля, показались и начальство: пять или шесть прапоровъ, безусыхъ, загорѣлыхъ, съ лѣнивыми движеніями разбуженныхъ не во-время людей. Одинъ изъ нихъ подошелъ къ Курганову и сталъ ему что-то шопотомъ говорить.

— Да, да, не задержу, — быстро отвѣтилъ ему тотъ. — Всѣ ли пришли? Я буду съ ними говорить... Всѣ ли здѣсь? — повторилъ онъ громко.

— Всѣ, кажись, — нерѣшительно отвѣчали передніе; изъ-за спины ихъ уже раздалась другіе, темные голоса, притворявшіеся злыми: — Чего тутъ разговаривать-то... Не во-время пріѣхали... Пускай оглобли поворачиваютъ... Не нужно намъ ихъ... Лучше бы убирался по-доброу, по-здорову...

Но Кургановъ не слышалъ, или не хотѣлъ слышать эти слова... Онъ всталъ на сидѣнье автомобиля и, покрывая рожь и отдѣльные голоса, заговорилъ. И говорилъ онъ такъ рѣшительно и рѣзко, что невольно отодвинулись передніе и смолкли крикуны...

— Товарищи! Худой миръ лучше доброй ссоры. Это говорили вамъ тѣ, кто хотѣлъ сдѣлать и кому было выгодно сдѣлать васъ обезличенными животными. Съ тѣми вы боялись ссоры и предпочитали всегда худой миръ. Теперь мы пришли къ вамъ, выборные отъ васъ же, призванные защищать вашу свободу, вашу честь, вашу жизнь! И мы сказали вамъ: что у васъ на душѣ? Откройте... И если у васъ радость — мы раздѣлимъ съ вами радость, и если страданіе — попытаемся исцѣлить это страданіе. Если васъ обидѣли — кто вашъ обидчикъ, укажите — и мы его накажемъ вашимъ же именемъ, именемъ народа; если васъ оскорбили, оскорбители понесутъ кару, жестокою и справедливую. Вотъ о чемъ мы хотѣли съ вами говорить, вотъ какъ мы хотѣли слить наши пути въ общемъ устремленіи къ великому дѣлу, но что, скажете, вмѣсто этого мы нашли? Наше дѣло требуетъ равнаго отношенія къ себѣ отъ каждаго сознательнаго, требуетъ жертвы, требуетъ отреченія отъ страха за собственную шкуру... и если вы, товарищи, назвали себя воннами революціи — чѣсть вамъ и слава, но если вы, назвавъ себя такъ, думаете и дѣйствуете иначе, и я скажу прямо: думаете и дѣйствуете подло, то

и разговор тогда будет другой. Свобода знает, как любить своих героев и как наказывать изменников. И вы...

— Слыхали уже, довольно! Заткни ротъ-то... Изменники—тоже. А самъ-то кто? Кто тебя знает. Зелень еще других-то облаивать... Хорошо поешь...— Толпа заволновалась, зашумѣла, как звѣрь, оскаливающая зубы и недовольный...

— Вздуть его! — раздался чей-то вскрикъ, и въ ту сторону обратился Кургановъ, поднимаясь на носкахъ и желая рассмотреть кричавшаго.

Офицеры равнодушно смотрѣли на происходившее. Они были заранее предупреждены и потому ожидали со скукой, когда же наконецъ вырвутъ ихъ изъ этого проклятаго тусклаго логова, изъ среды этихъ чужихъ имъ расходившихся, выброшенныхъ изъ дисциплины людей, не понимающихъ самыхъ простыхъ и ясныхъ вещей. Спутники Курганова невольно взялись за револьверы, чтобы по первому знаку защитить товарища, на котораго напирала толпа...

— Товарищи, все, что вы сдѣлали, недостойно солдатъ русской революционной арміи, а потому я буду кратокъ! Искосолъ въ согласіи съ команднымъ составомъ рѣшилъ васъ расформировать. Поэтому я — онъ возвысилъ голосъ — совѣтую не думать о бесполезномъ сопротивленіи, а построиться по взводамъ и выступить въ походномъ порядкѣ въ городъ Р., гдѣ подстрекатели и провокаторы будутъ преданы суду, а остальные отправлены по другимъ полкамъ...

Въ отвѣтъ на это солдаты бурно зашевелились, раскололись на группы, и нѣкоторые изъ этихъ группъ съ угрожающими криками и жестами остались около автомобиля, а другія устремились въ блиндажи за оружіемъ.

— Не дадимся, не дадимся! Врешь! — кричали они, на ходу разстегивая подшумки. — Посмотримъ, кто кого... Драться будемъ!

Но когда они добѣжали до блиндажей, тамъ ихъ ждала неожиданная картина... Всѣ винтовки и пулеметы были собраны въ кучи, и у этихъ кучъ стояли спѣшенные драгуны съ винтовками на изготовку. Пѣхотинцы остановились. Болѣе зазорные и горячіе изъ нихъ попытались приблизиться къ оружію, но высокой, краснощекій вахмистръ второго эскадрона кричалъ имъ насмѣшливо:

— Оглетай, отлетай въ сторону! Гуляй до лясу, бисовы хлопцы! Да не спрячетесь все равно, дурачины, — добавлялъ онъ, — и тамъ найдемъ!

Драгуны улыбались его хохлацкому неправильному языку, его нарочито смѣшнымъ ругательствамъ и самоувѣренному тону, и отгоняли пѣхотинцевъ прикладами и нагайками.

Зейманъ на красивой черной лошади подъѣхалъ къ Курганову и спросилъ:

— Я думаю, можно строить? Эскадроны подтянулись, и два здѣсь по эту сторону, а тѣ спѣшились за болотомъ, потому что у нѣмцевъ поднялся привязной шаръ. Могутъ увидѣть. Полковникъ Янычаровъ тамъ съ генераломъ Растягинымъ обсуждаютъ, какъ провести „этихъ“...

— Да, съ ними конечно! Мы поѣдемъ прямо къ мосту, знаете, гдѣ штабъ, и тамъ подождемъ... А вы поспѣшайте...

— Одну минуто: ихъ можно отправить пѣшкомъ подъ конвоемъ драгунъ?

— Да, до штаба!

— А дальше?

— А дальше... Не хотите ли вы сказать, что мы ихъ будемъ гнать, какъ скотъ, пѣшкомъ въ городъ? Я вызвалъ грузовики, и тамъ, у штаба, мы ихъ посадимъ. А теперь командуйте... Дѣ оружіе захватите, ничего не оставляйте... И людей по спискамъ проверьте. Офицеры, конечно, свободны!..

XI.

Черезъ полчаса все было приведено въ порядокъ. Насколько раньше рѣзки и вспыльчивы и склонны къ дракѣ были многіе изъ солдатъ третьяго батальона, настолько теперь они тихо и

На Черномъ морѣ.

А. Шильдеръ.

спокойно шли въ свои блиндажи и землянки, собирали нехитрые пожитки, сломанные бѣлые чайники, недогрызанные сухари, какую-то пеструю и грязную рвань, плевали на земляной полъ, глухо сморкались въ клѣтчатые, сѣрые, затасканные платки и строились, смотря въ землю хмурыми, бѣгающими глазами. И становились они похожи одинъ на другого, и съезживались быстро, и спины ихъ выгибались, какъ горбы, и руки ихъ падали покорно по бокамъ, и походка приобрѣтала безразличіе и лѣнь.

— Куда это, земляки, собрались? — гаркнулъ весело молодой драгунъ, гардуя на сѣромъ упрямомъ жеребцѣ по дорогѣ навстрѣчу взводамъ. — Никакъ на деревню съ дѣвками пѣсни пѣть?

— Навоевались, съ насъ будя! — отвѣтили ему вразъ нѣсколько человекъ, и отвѣтили почти весело.

— А гдѣ бы здѣсь воды испить? — спросилъ драгунъ, продолжая гарцевать.

— А вонъ тамъ, за будкой, направо колодець — только, слышь, не хороша вода-то...

— Ничего, не попремъ, — драгунъ поѣхалъ рысью между березами.

Наконецъ взводы построились, пересчитались, и въ эту минуту къ мѣсту происшествія подошли еще два эскадрона. Зейманъ посоветовался съ командиромъ полка, полковникомъ Янычаровымъ, и они рѣшили сначала миновать дорогу, находившуюся въ линіи обстрѣла нѣмецкой батареи, рысью съ первымъ и вторымъ эскадронами, а третьему и четвертому конвоировать пѣхоту до штаба дивизіи.

Первые два эскадрона благополучно миновали крупной рысью опасное мѣсто и скрылись въ лѣсу. Зейманъ ѣхалъ вторымъ, за командиромъ полка, и держался на лошади, какъ на застѣданіяхъ:

надменно и прямо. Правда, это не удавалось ему с такой отчетливостью, как на стулѣ, но френчъ и новое сѣдло, а также отсутствие винтовки и пики подчеркивали привилегированное положение всадника. Когда къ нему обращались командиръ полка или адъютантъ, онъ отвѣчалъ имъ, заставляя лошадь на мѣстѣ переступать ногами, слегка согнувъ голову и вытянувъ губы, что придавало еще болѣе сосредоточенное и отвѣтственное выражение его лицу.

Зейманъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые задаются цѣлью останавливать на себѣ вниманіе общества. Ничто такъ не льститъ имъ, какъ похвала общественнаго мнѣнія. Если они глупы, то къ концу жизни забобѣваютъ маніей величія, если умны—могутъ стать министрами.

Сегодня Зейманъ былъ очень доволенъ. И тѣмъ, что онъ на виду у цѣлаго отряда, у цѣлой тысячи людей, и тѣмъ, что у него независимый и гордый видъ, и тѣмъ, что онъ ѣздитъ и распоряжается, какъ помощникъ начальника экспедиціи (экспедиція была поручена Янычарову), и тѣмъ, что ему можно приказывать и смотрѣть свысока на эту жалкую пѣхоту и спрашивать блестящихъ корнетовъ о разныхъ вещахъ, со снисходительной улыбкой...

Это была обыкновенная военная дорога, простая и суровая въ простотѣ своей. Пролегала она по болоту, ровному и открытому неприятелю, и часто слышала она короткіе и злые грохоты батарей, и рѣже—крики погибавшихъ нечаянно и страшно. Ъхали и шли по ней люди, торопились и волновались, или тащились, перегруженные амуницией и заботами, каждый съ собственной своей горестью, своей вѣрой и любовью, и вдругъ разбѣгались, падали, и потомъ уносили маленькіе, черные, такіе жалкіе, не стоящіе вниманія, трупы куда-то въ лѣсъ, и только вѣтеръ любовно и нагло наклонялся надъ лужами крови и, заглянувъ въ нихъ, надувать свои пухлыя, холодныя щеки и сердито толкалъ сухія, маленькія деревца, елки, поставленныя плотными рядами по ту сторону дороги, которая была обращена къ нѣмцамъ, чтобы имъ не было видно войскъ, идущихъ къ окопамъ.

По этой дорогѣ и шли третій и четвертый эскадроны въ пѣшемъ строю, наклонивъ пики, чтобы ихъ блескъ не выдалъ присутствія кавалеріи; драгуны шли, веди за собой усталыхъ, изморенныхъ лошадей, протягивавшихъ морды къ узкимъ, пыльнымъ елкамъ. Дорога была избита и изъѣжена и исхожена, а потому ноги тонули въ мягкой глинѣ, въ мелкихъ колдобинахъ и ямахъ; пѣхотинцы-пѣльняники двигались посрединѣ, и всѣ ряды сильно растаялись; не сѣбишли, шли нога за ногу. Потъ обливалъ виски и щеки, и лобъ, пить хотѣлось такъ, что Мирцевъ нѣсколько разъ въ раздумьѣ останавливался у канавы, гдѣ на днѣ, желтомъ и покрытомъ какими-то гнилыми листьями и камешками, тускло блестѣла зеленая вода. Но всякій разъ отвращеніе побѣждало, и онъ снова принимался отмѣривать шаги, таща спотыкающуюся лошадь, тоже смотрѣвшую съ вождѣльнѣмъ на мутныя лужи въ канавѣ.

Такъ иги приходило больше версты. Вдругъ гдѣ-то за спиной раздавался одинокій, случайный выстрѣлъ и потомъ гулкое шипѣніе приближавшагося снаряда... Люди замедлили шаги, головы поднялись вверхъ... Шипѣніе приближалось.

„Убѣеъ, — подумалъ Мирцевъ, — увидѣли... Если правильно прицѣлъ возьмутъ—никто цѣлымъ не уйдетъ!“

Что-то большое и горячее ударило въ болото шагахъ въ 70-ти отъ идущихъ. Снарядъ захлебнулся въ грязи и со страннымъ зкукомъ: чвашшш... утонулъ въ болотѣ... Второй и третій упали далеко впередъ... Потомъ наступило молчаніе. Головы опустились. Но въ движеніяхъ шедшихъ уже замѣтна была нервность. Многие подтащили ближе лошадей, укоротили поводья, вдѣли мундштуки, надѣли на себя винтовки, которыя несли въ рукахъ, и зло поглядывали на пѣхоту...

Мирцевъ инстинктивно отошелъ къ елкамъ, какъ будто это могло спасти или скрыть его отъ снаряда. Пѣхота осталась совершенно спокойной. Только одинъ, съ козлиной, рваной бородежкой, солдатъ, черныи, какъ уголь, отъ пыли, копоти и загара, язвительно прокустѣлъ:

— Эхъ, хорошо бы... Попалъ бы нѣмецъ... Насъ бы побилъ, да и жандармамъ атамъ досталось бы... Эхъ, хорошо бы... Все одно!

И больша онъ ничего не прибавилъ и заковылялъ дальше, такой же черныи и усталый.

Мирцевъ посмотрѣлъ на него, и ему стало неловко. Такъ было хорошо до сихъ поръ, такъ ладно все шло; довольство оставалось, несмотря на зной, усталость, голодь, жажду... Пускай онъ и голодець, и охота пить, и погамъ больно отъ непривычки ходить такъ много по такой дорогѣ, и отъ долгой ѣзды, — полдень уже миновалъ, — но все это хорошо само по себѣ, потому что такъ нужно... Кому? Въ этомъ онъ задумался бы дать отвѣтъ... Но сейчасъ, когда онъ приглядѣлся къ этимъ шагающимъ съ нимъ вмѣстѣ людямъ, въ его умѣ шевельнулась тяжелая, нудная и некрасивая мысль, отъ которой вдругъ стало неловко.

„Боже мой, — думалъ онъ, — неужели это люди? Вѣдь вотъ драгуны—любю посмотрѣть: молодець къ молодцу, гордые, ловкіе,— что бы тамъ ни говорили Шестовъ, самоувѣренные, даже наглые— но и малость эта подкупаетъ и располагаетъ въ ихъ пользу.— а это что? Стадо, стадо сѣрыхъ звѣрей, ни у кого нѣтъ ничего

яркаго, выдающагося, даже просто человѣческаго, точно поднялась и идетъ по дорогѣ цѣлая поляна пней,—пней, заросшихъ мхомъ, покрытыхъ вѣковой пылью, дремой дремучаго лѣса, пескомъ и глиной многихъ буръ, прахомъ сваленныхъ и сгнившихъ старыхъ дубовъ и осенъ. Идутъ эти пни и молчатъ и что-то несутъ подъ сѣрыми, ужасными одеждами—что? неужели такое же, какъ у него, молодое, полное сердце?.. И клонятся внизъ страшныя молчаливыя головы, и кажется, что не мысли въ черепахъ, а какіе-то тяжелые камни, которые давятъ книзу, и оттого глаза такъ бездушны и тусклы, и оттого ноги спотыкаются, какъ палка въ рукахъ слѣпца... И какъ они молчатъ... Но еще стало страшнѣе и неожиданный, когда одинъ изъ нихъ заговорилъ съ Мирцевымъ: было это уже въ лѣсу, когда миновали дорогу, и драгуны сѣди на лошадяхъ, а „пѣльняники“ шли, окруженные ими... Ближайшій къ Мирцеву пѣхотинецъ замедлилъ шагъ и спросилъ:

— А что, товарищъ, вась-то развѣ не утѣсняють? — и Мирцевъ, поймавъ эти слова, такъ дернулъ поводья, что лошадь задрала вверхъ голову и остановилась.

Онъ не отвѣтилъ и отвернулся. Онъ думалъ о другомъ, назойливомъ, гнетущемъ чувствѣ, которое вползло въ его душу вмѣсто прежняго здороваго довольства.

Точно въ празднично убранную залу съ роскошно сверкающимъ столомъ, коврами, картинами, вазами и занавѣсками вползло темное, косматое чудовище, липкими и грязными лапами испачкало серебро и порвало ткани, заслонило перепончатыми, черными крыльями свѣтъ въ окнахъ, вымочило лучшіе фрукты и сладости въ зеленой отвратительной иѣнѣ и слюнѣ и очаровало всѣхъ нарядныхъ, красивыхъ гостей холоднымъ, бездоннымъ взглядомъ. И, можетъ-быть, этого призрака, идущій ровнею съ его лошадей, ничего не сказалъ. Ему почувдилось? Но приблизилось на близкое мгновеніе лицо того, и запомнилъ на всю жизнь Мирцевъ простыя и величавыя, точно глубоко задумавшіяся, черты его, человѣческія, ясныя черты подъ черной, грубой, шелудивой корой завѣтреннаго дерева... И такъ это было неожиданно, точно овца, отдѣлившаяся отъ стада, заговорила съ пастухомъ человѣческимъ голосомъ. И жажда, и голодь, и усталость сразу упали на Мирцева, и онъ задрожалъ отъ горькаго и постыднаго упрека, который бросилъ ему кто-то въ самое святое-святыя его существа...

Угрызеніе не угрызеніе, тоска не тоска, но что-то большое и суровое укололо его сердце, и этотъ укольъ будетъ мучить его и день, и ночь, и завтра, и долго потомъ, пока не захочетъ онъ узнать всю правду объ этихъ людяхъ, показавшихся ему пнями ч животными...

XII.

Растягинъ проснулся только на развѣтѣ, спалъ крѣпко; на ночь онъ выпилъ малины, накрылся двумя одеялами и шинелью, и утромъ, выйдя на улицу, надѣлъ шинель въ рукава, несмотря на то, что день предвѣщалъ быть жаркимъ. Вмѣстѣ съ нимъ въ автомобиль сѣлъ Камба, склонный много говорить о дѣловыхъ мелочахъ сегодняшняго дня, но когда онъ увидѣлъ, что генералъ еще чувствовалъ недомоганіе, то сразу ушелъ въ себя и сталъ все высматривать и запоминать по своей всегдашней привычкѣ.

Автомобиль быстро и солидно катился съ моста на мостъ, съ горки на горку, рѣзалъ воздухъ голосистой сиреной, подпрыгивалъ на обочинахъ, шуриша подъ изволокъ, а генералъ молчалъ и думалъ; онъ вспомнилъ вчерашнее свое состояніе, бесѣду съ Кургановымъ и рассердился, даже покраснѣлъ...

„Вотъ вѣдь нагналъ мальчишка какого тумана. Сидѣлъ и лилъ, какъ медъ, а я слушалъ“. И столько у него нашлось сейчасъ возраженій, острыхъ и мучительныхъ, и вѣскихъ, именно такихъ, какими нужно было осадить этого искосольца... „Ворона, ворона, поддался, и ничего сказать не смогъ... еще объяснить подробнѣе попросилъ“...

Меньше всего старался онъ думать о томъ, зачѣмъ и куда ѣдетъ. И когда мимо него прошли броневые автомобили, грузовики и кавалеристы, онъ осмотрѣлъ ихъ безъ всякаго вниманія, любезно поздоровался съ Янычаровымъ, что-то сказалъ Фугастову, куда-то торопившемуся, и только когда увидалъ Курганова, оглядѣвъ его съ ногъ до головы, точно сфотографировалъ, и сразу успокоился... И совсѣмъ не хотѣлось больше вспоминать вчерашнее...

„Вотъ, если бы мой Боря былъ живъ теперь, тоже былъ бы такихъ лѣтъ, какъ Кургановъ, и тоже на войнѣ со мною, и офицеромъ, какъ Камба... фу, какая мерзость,—и неужели, неужели онъ говорилъ бы такъ, какъ этотъ Кургановъ — такъ пламенно, съ такой вѣрой, его тихій, послушный, любимый Боря... И какъ бы кончилъ? Какъ всѣ они, особенные, кончаютъ. Не такъ, какъ обыкновенно, какъ вотъ онъ, генералъ Растягинъ...“

Автомобиль остановился, и тутъ онъ увидѣлъ солдата третьяго батальона. Они пробѣгали и строились, и не обращали на него вниманія; между ними и генеральскимъ автомобилемъ стояли тѣсными рядами драгуны. Растягинъ сталъ глядѣть на солдатъ, съ томительными и болѣзненными мыслями, которыя опять вернулись къ нему, и опять начала расти лихорадка, и пальцы задрожали въ карманахъ, задрожали холодной дрожью, несмотря на то, что кругомъ дышалъ жгучій, душный полдень... И когда

трое или четверо из стрѣлковъ посмотрѣли въ его сторону, ему вдругъ стало стыдно, такъ стыдно, что захотѣлось высочить изъ автомобиля и бѣжать въ кусты, засунуть голову въ зеленую, густую чащу, и смотреть, смотреть туда въ зелень и тихій мракъ лѣса, забывая все: себя, окружающихъ, „тѣхъ“, что строятся на дорогѣ...

Онъ закрылъ глаза и началъ ошущию застегивать разстегнувшуюся верхнюю пуговицу шинели... Камба куда-то ушелъ. Шоферъ разговаривалъ съ драгунскимъ вахмистромъ, и бѣлые зубы его сверкали, какъ перламутръ, и отъ нихъ все его смуглое лицо было красно и мягко.

Растягинъ опустилъ голову на грудь; странныя, далекия картины пронеслись опять въ его воспаленномъ мозгу... „Опять бредъ“, — подумалъ онъ: ему казалось, что онъ идетъ въ толпѣ сѣрыхъ, безликихъ шинелей куда-то далеко-далеко, и онъ знаетъ ихъ всѣхъ, всѣхъ, и знаетъ, что они думаютъ и куда идутъ, и отъ этого радостно и спокойно на его сердца. И сквозь какой-то дымъ и громъ они бѣгутъ впередъ, и онъ съ ними, и они чему-то рады, и пляшутъ и поютъ закигательно и звонко, и онъ видитъ село, богатое, красивое село, и украшенныя цвѣтами и лентами дѣвушки танцуютъ какой-то милый давно знакомый танецъ... И онъ идетъ по селу, между солдатъ, и тутъ пьетъ сладкую воду, густой медъ, холодный квасъ, тамъ пробуетъ щи, жирныя щи со свиной, которая всегда такъ хороша на походѣ, потомъ хохочетъ съ какимъ-то высокимъ парнемъ и сватаетъ ему невѣсту—и вдругъ кто-то тянетъ его за плечи и начинаетъ вторить его хохоту, и село проваливается куда-то внизъ, какъ на сценѣ, и солдаты бросаютъ танцы, пѣсни и котелки, и бѣгутъ испуганной толпой строиться...

Онъ открываетъ глаза... Шоферъ хохочетъ непринужденно, смахивая еловой вѣткой пылъ со своихъ новыхъ желтыхъ ботинокъ, Камба идетъ къ автомобилю въ сопровожденіи Янычарова и какого-то драгуна и двухъ офицеровъ, — а стрѣлки уже построились, и пристраиваются торопливо и серьезно только за последние...

Что-то коротко и неясно, холодно и строго докладываютъ ему Янычаровъ и Камба, онъ качаетъ головой и молчаливо соглашается. Потомъ Камба садится опять съ нимъ рядомъ, и автомобиль трогается. Вдуть по фронту третьяго батальона.

И тутъ генералъ движеніемъ человѣка, забывшаго спросить о чемъ-то главномъ, привстаетъ въ автомобиль и смотритъ, смотреть прямо въ землистыя сѣрыя лина и хочетъ, кажется, разрѣшить какую-то загадку, неумолимую и грозную, и потомъ со вздохомъ опускается на сидѣнье и снова молчитъ и думаетъ...

И опять летятъ мосты за мостами, перелѣски за полями, повороты шоссе, и генералъ смотритъ по сторонамъ и видитъ: лѣса не тѣ, что были, стоятъ углубленные, тихіе, привѣтливые, такіе, какими они были въ его далекомъ дѣтствѣ; поля—тоже простыя, спокойныя, дышашія расцвѣтомъ и тепломъ, сельскія, мирныя, а не тѣ, что видѣлъ онъ въ эти ужасные годы безжалостной и страшной жизни; облака величавы и неподвижны, какъ будто не на небѣ они, а нарисованы въ соборномъ куполѣ, вокругъ фигуры Бога-Саватова,—дорога, старая, деревенская, лѣтняя дорога, на которой вотъ покажется нищій въ драномъ зипунѣ, съ обожженнымъ солнцемъ лицомъ, съ жидкими космами посѣдѣвшихъ отъ старости волосъ, и попроситъ милостыньки, или телѣга съ горшками, съ мужикомъ, вѣдущимъ на ближнюю ярмарку, съ бабой, подгоняющей мочальнымъ жгутомъ корову, пеструю, съ большими лиловыми глазами и крутыми бедрами, корову — и странно, когда изъ-за угла выскакиваетъ и пропадаетъ въ пыли фигура согнувшася къ рулю мотоциклиста, въ кожаной, бѣлой отъ пыли, курткѣ...

И хорошо думается на просторѣ: все было и снова будетъ... И нѣтъ границъ міру, какъ нѣтъ конца власти Господина міра, и сладко погрузиться въ прошедшее, и не страшно будущее... Вотъ эти поля, лѣса, облака, дороги, они вернулись къ нему... И многое еще вернется—такъ всегда бываетъ передъ концомъ... Онъ не чувствовалъ такъ, какъ сегодня, долгіе-долгіе годы, а теперь почувствовалъ близко и беззлобно, точно вѣдетъ онъ домой, на хорошій, дружный праздникъ, и ничего не можетъ съ нимъ случиться худого, потому что кто-то, Мудрый и Чувствующій и Взвѣшивающій все, простилъ ему прежнюю грѣшную, тяжелую и горькую жизнь, и оттого такимъ легкимъ стало тѣло, и такъ горячо сердце, точно молодая кровь опять брызнула въ него, и не нужно глядѣть по сторонамъ и пугаться, и думать,—а закрыть глаза, успокоиться, и ждать, ждать, ждать... и сквозь закрытыя вѣки чувствовать, какъ летятъ поля, лѣса, мосты, повороты...

А Камба смотрѣлъ на генерала, углубившагося въ себя, и говорилъ себѣ мысленно: „запомни все, запиши въ своемъ умѣ, Камба, будешь дѣтямъ рассказывать, какъ ты генераловъ раздѣлывалъ, за собой возилъ, и творилъ исторію, Камба... Исторію! Сильно сказано... Это бываетъ не каждый годъ и не со всякимъ... Ничего не упусти, Камба... Большихъ денегъ это все потомъ будетъ стоить... Запомни же все, мудрый, умный Камба... Ты будешь историческимъ человѣкомъ... Дѣдъ былъ веревочникомъ, плетъ сѣти для рыбаковъ и лѣстницы на корабляхъ, отецъ — чиновникъ—плететъ мелкія и гнусныя кляузы въ своихъ бумагахъ въ судѣ, а ты, Камба, ты плетешь нити исторіи, ты берешь узловатыя жилы жизни и въ нихъ вплетаетъ тонкія, алыя ленты красивой фантазіи, которую ты несешь въ жизни!“

XIII.

Когда драгуны поздно вечеромъ этого дня возвращались въ свою стоянку, въ курортъ Г., и проѣзжали станцію, имъ пришлось остановиться у будки, чтобы пропустить поѣздъ.

— Ба, Зейманъ!—закричалъ плотный, бравый пограничникъ, подходя къ председателю комитета, — а я къ тебѣ собирался сегодня вечеромъ... Ну, какъ, удачно?

— Все исполнено въ точности... А на засѣданіе культурно-просвѣтительной комиссіи я смогу пріѣхать только послѣзавтра. Можетъ-быть, найдете возможнымъ перенести его на другой день...

— Плюнь, вонъ онъ о чемъ. Отложимъ—да и все. Все равно половина народу не соберется, а вотъ что я тебѣ скажу: слѣзай съ лошади, садись въ поѣздъ и ѣдемъ къ намъ въ М.?

— Это зачѣмъ?

— Да у насъ вечеръ, такой шикарный, увидишь: водевильчикъ, клоуны, куплеты, конфетти,—и, приблизившись, пограничникъ сказалъ, подмигивая: — летучая почта, и барышни, такія, братъ, тамъ—заглядѣнье, специально написали...

— Что ты говоришь: для вечера? И ты хочешь, чтобы я поѣхалъ?

— Ну, конечно, поддержи компанію. И цѣна билета три цѣлковыхъ.

— Да я усталъ, какъ собака... Такую даль...

— Да вѣдь не верхомъ, въ поѣздѣ. Такъ и быть: съ одной познакомлю, благодарить будешь...

— Ну, ладно,—сейчасъ, только освобожусь отъ лошади... Господинъ вахмистръ! Господинъ вахмистръ!

— Я!—отозвался, подвѣзжая, съ иглочки одѣтый блондинъ тотъ, что шутилъ по-хохлацки на позиціяхъ.—Что вы хотите?

— Возьмите, пожалуйста, лошадь. Я долженъ по дѣлу сейчасъ ѣхать въ М....

— Хорошо! Захаровъ, эй, Захаровъ—возьми лошадь, поведешь въ поводу... Она нашего эскадрона? Ахъ это „Змѣйка“?..

— Да!

— Ну, такъ хорошо... Счастливо!

Зейманъ и пограничникъ бросились бѣгомъ на станцію къ остановившемуся поѣзду. Полкъ длинной, извивающейся змѣей вползъ въ улицу курорта...

XIV.

Когда Растягинъ вошелъ въ свою квартиру, за нимъ послѣдовалъ и Камба.

— Господинъ генералъ!—заторопился онъ,—мнѣ нужно срочно передать вамъ нѣкоторыя бумаги; тутъ немного вопросовъ: о производствѣ въ унтеръ-офицерскій чинъ „випе“ прибывшихъ пополненій, о награжденіи Георгіевскими крестами, о выдачѣ кормовыхъ денегъ и командировочныхъ...

— Хорошо!—глухо отвѣтилъ Растягинъ,—вы подождите, пожалуйста, въ столовой. Я велю вамъ дать чаю, а я позавтракаю. И потомъ мнѣ сильно нездоровится.

Да, опять онъ едва стоялъ на ногахъ, держась за спинку стула. Камба взглянулъ на него и чуть-чуть испугался. И въ самомъ дѣлѣ помретъ старикъ—возьметъ да и помретъ. И онъ даже отодвинулся къ двери, будто генералъ уже падаетъ на него мертвой, безжизненной массой...

Камбѣ въ столовую принесли хлѣба, масла и стаканъ чаю. Онъ съ аппетитомъ поѣлъ, чмокая губами, поднялся и сталъ ходить по комнатѣ. Въ кабинетѣ у генерала было тихо. Наконецъ Камбѣ послышалось, что Растягинъ его зоветъ. Онъ прислушался. Ему снова послышался голосъ. Онъ взялся за ручку двери, секунду постоялъ въ нерѣшимости и потомъ сразу, прямо и быстро вошелъ и остановился, притворивъ за собою дверь.

Генералъ стоялъ у стола, блѣдный, изможденный, сразу постарѣвшій и сторбившійся, и смотрѣлъ въ окно упорнымъ, страдальческимъ взглядомъ. Камба подошелъ неслышно къ нему и посмотрѣлъ въ окно на зрѣлище, къ которому приковалось вниманіе генерала.

На площади передъ домомъ слѣзали съ грузовиковъ темныя, знакомыя фигуры „расформированныхъ“ стрѣлковъ. Ихъ окружали новые конвоиры: казаки. Вдали держались любопытные, собравшись кучками... Можно было предположить, какъ остро шипѣли ихъ языки, и какія язвительныя шутки переходили изъ устъ въ уста, съ гаденымъ, тихимъ смѣшкомъ... Юморъ обывателей—какъ колесная мазь—дешева, густа и съ запахомъ...

— Что, что...—началь-было Камба, но въ эту минуту Растягинъ повернулся къ нему, схватилъ его за рукавъ, притянулъ къ окну, и гнѣвно и строго, голосомъ громкимъ и рѣзкимъ, какимъ онъ всегда произносилъ выговоры, голосомъ, испугавшимъ Камбу, сказалъ первые слова:

— Что вы съ ними сдѣлали, а?—Онъ захлебнулся, и слѣдующія слова вырвались почти со стономъ:—Вѣдь я не могу на нихъ смотрѣть. Вѣдь я плачу... душой плачу. Вѣдь любилъ я ихъ, чертей косматыхъ, грязь эту сѣрую, непромѣшанную... А теперь? Что имъ сказали про меня? Зачѣмъ насъ разъединили, зачѣмъ никто правды не скажетъ!.. О томъ, что у меня погоны съ зигагами—это запомнилъ, что я лампасы красныя ношу—тоже запомнилъ, а что я душу имѣю—забыли? Кричатъ, что ихъ дѣло—свобода, гордость, чистота, а что это: тоже гордость, тоже чистота? Какой ложью вы

оправдываетесь, какими словами очиститесь? Как изворачиваться будете?... Воевать не хотите! Измѣнники! Врете, все врете,—закричал онъ,—они дрались, какъ львы, какъ герои, какъ мученики, кому хотите скажу, Богу въ глаза скажу, меня отъ смерти спасали, гибли—ахъ, какъ они гибли! А подъ Шавлями, подъ Августовомъ, подъ Праснышомъ, что они дѣлали... какъ они были велики! Я жизни съ ними не пожалѣю... И все... все съ ними... А теперь? Обманомъ, предательствомъ ихъ покрыли, а вѣдь на нихъ пыль только, потъ и кровь ихъ... да какъ же ныли не быть—столько версты они проходили въ недѣлю, сколько другой во всю жизнь свою не сдѣлаютъ, да какъ же не вспотѣть отъ труда—третій годъ, третій годъ,—и каждый такой годъ стодитъ двадцати-тридцати лѣтъ,—работаютъ безъ отдыха, а кровь,—кровь всегда дорога, а ихъ кровь безцѣнна, какъ жертва, понимаете ли, какъ жертва—ихъ кровью другіе спасутся... Да, да... Не смѣйтесь, вы...

Камба не смѣялся. Онъ поблѣднѣлъ самъ, нервно дергалъ плечомъ и искалъ словъ, которыми нужно отвѣтить этому старику. Онъ самъ поразился, самъ понялъ чутьемъ, что передъ нимъ происходитъ. И онъ сказалъ, и слова его были не похожи на обыкновенныя слова—и не часто такъ говорилъ Камба и такимъ тономъ:

— Генераль, генераль! Я всегда уважаю чужое горе, я понимаю, тяжело... ахъ, да развѣ вы не видите... но... генераль, я не могу... но я долженъ...

Растягинъ печально растянулъ губы и взглянулъ на Камбу тяжелымъ взглядомъ:

— Я... Уходите... слышите, уходите. И не беспокойтесь... Я завтра же подамъ рапортъ о болѣзни...

И онъ снова отвернулся и сталъ дрожащими руками собирать разсыпанныя по столу бумаги. „Конецъ,—сказалъ онъ себѣ,—да, это необходимо!“ Точно подымался онъ, таща тяжелыя сани къ вершинѣ горы, и добрался и теперь летитъ оттуда внизъ съ такой быстротой, что нельзя даже соображать и больно думать, и знаешь, что вдребезги разобьется онъ и мертвымъ ляжетъ внизъ, тамъ, въ неизвѣстной ему и страшной и сладостной странѣ.

XV.

Мирцевъ поужиналъ въ командѣ связи, прошелся на пляжъ, полежалъ на пескѣ и пришелъ домой, когда было уже совсѣмъ темно. Взявъ ключъ отъ хозяйки, онъ поднялся на верхній этажъ, зажегъ свѣчу и сталъ раздѣваться. Наверху было три комнаты: одна изъ нихъ—маленькая, съ однимъ окномъ, была темна и непривѣтлива. Въ ней стояла кровать съ продранными матрацомъ и желтый бѣлѣвой шкапъ, въ которомъ валялись сломанныя корзины, бутылки изъ-подъ красного вина и всякій хламъ... Мирцевъ сегодня нуждался въ одиночествѣ. Поэтому онъ легъ спать въ этой комнатѣ, предварительно заперевъ дверь на крючокъ, а такъ какъ крючокъ запертъ неплотно, то загородилъ дверь еще двумя стульями и табуреткой. Потомъ накрылся съ головой одеяломъ и заснулъ.

Черезъ три часа послѣ того, какъ Мирцевъ легъ, пришелъ Ивановъ. Убѣдившись, что дверь въ маленькую комнату закрыта, онъ нашелъ это обыкновеннымъ, зажегъ у себя зеленую, кривую лампу, съ разбитой подставкой, державшейся, какъ онъ говорилъ, на честномъ словѣ, вынулъ изъ кармана коробку сардинъ, притащилъ съ балкона квадратный жестяной чайникъ съ холоднымъ чаемъ, отыскалъ на оякѣ горбушку хлѣба и раздѣлся... Раздѣвшись, досталъ изъ шкапчика книжку и углубился въ чтеніе, сидя на кровати болтая ногами, прихлебывая чай и жуя хлѣбъ съ сардинами.

На лѣстницѣ послышались чьи-то ровные, медленные шаги. Въ комнату вошелъ Шестовъ.

— Одинъ!—сказалъ онъ, садясь у стола,—а я тоже сидѣлъ, сидѣлъ на своемъ чердакѣ, дай, думаю—спать неохота—пойду, газеты почитаю сегодняшнія... Получены?

— Вонъ тамъ, за ротаторомъ...

Шестовъ отыскалъ газеты, снова сѣлъ и увидаль сардины.

— Я одну украду?—спросилъ онъ.—А это что?—онъ взялъ книжку,—а, старый знакомый. Когда-то, давно, изъ-подъ полы читалъ...

— Да? „Рѣчи бунтовщика“... Кропоткинъ. Мое любимое,—отвѣчалъ Ивановъ.—Берите сардинки. Сейчасъ я хлѣба дамъ. Кружку для чаю возьмите на столѣ, бумагами гдѣ-то завалена, а сахаръ, навѣрно, съ собой есть...

— Спасибо!

Шестовъ сѣлъ сардинку, выпилъ кружку чаю... Нѣсколько времени сидѣли, не разговаривая. Оба читали: одинъ книжку, другой—газеты... Вдругъ лѣстница снова задрожала. Кто-то шелъ, увѣренно и крѣпко ступая. Ивановъ засмѣялся:

— Вотъ нашъ колосъ Мемнона претя. Сейчасъ его разыграемъ. Дѣйствительно, это былъ Зейманъ.

— Что ты глядишь: поздно пришелъ?—спросилъ онъ, смотря на секретаря.—А гдѣ Мирцевъ?

— Я ничего,—отвѣчалъ Ивановъ,—ты знаешь, что у меня часовъ не существуетъ. Анархисты по своему временнисчисленію живутъ. Мирцевъ храпитъ уже: затаскали молодчика по болотамъ.

— Ну, прочитай газеты, гнусно все,—сказалъ Шестовъ, подымаясь.—Пойду спать—можетъ, приснится что-нибудь получше.

— Посидите, поговоримъ,—остановилъ его Зейманъ.—Я вамъ расскажу кое-что интересное...

— Политическое?—заинтересовался Ивановъ.

— Ну, конечно...

— Тогда проваливай къ себѣ въ комнату объясняться. Миѣ мѣнать будешь спать...

— Вотъ дуракъ... Идемте, товарищъ Шестовъ.

— Покойной ночи—эвакуируйся...

Секретарь подкового комитета сладко зѣвнулъ два раза, прошепелъ босыми ногами по комнатѣ, закрылъ окно, затушилъ лампу, легъ подъ одеяло и, засыпая, долго сосалъ крѣпкій, большой кусокъ сахару. Снизу доносились тихіе голоса Шестова и Зеймана... Далекое было слышеніе глухой, однообразный шумъ моря. Стекла чуть-чуть дрожали испуганно и тихо... И если вѣлушиться, то можно было бы уловить другой дальній и минутами почти непрерывный гулъ: это шла артиллерійская подготовка. Нѣмцы готовились наступать... И всѣ уже знали, когда надъ курортомъ пропылыло темное сигарообразное тѣло цепелина, летѣвшаго на сѣверо-востокъ... Отъ одного особенно рѣзкаго залпа, когда дрогнуло все окно, Ивановъ проснулся, поднялся на постели, сказалъ: „вотъ черти, спать не даютъ!“—и повернулся на другой бокъ...

XVI.

Черезъ три дня, въ газетѣ „Р... Вѣстникъ“ въ хроникѣ была помещена краткая замѣтка о томъ, что „въ ночь на 30-е іюля выстрѣломъ въ голову покончилъ съ собой генераль-майоръ Растягинъ. Смерть наступила мгновенно. Покойный не оставилъ никакой записки. Причина самоубійства не установлена.“—Другихъ поясненій не было.

Въ томъ же номерѣ газеты былъ опубликованъ приказъ о томъ, что командованіе особой арміей поручается генераль-лейтенанту Сѣдлецкому.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условіямъ расрочки подписной платы за „Ниву“ сего 1918 г., къ 1 іюня слѣдуетъ внести **не менѣе 26 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса, **во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ 7-го іюля—съ 27-го номера.** Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копию печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ и непремѣнно указывать**, что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **1 рубль** и **печатный адресъ.**

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Женщины и женскій вопросъ время французской революціи. Очеркъ проф. Н. И. Карѣва.—Ститвореніе О. Ушаковой.—Старатели. Повѣсть недавнихъ дней. Н. Тихонова. (Окончаніе).—Заявленіе.
РИСУНКИ: Десять портретовъ и три рисунка къ очерку проф. Н. И. Ка-

рѣва „Женщины и женскій вопросъ время французской революціи“.—Повѣсть прокладой. И. Горюшкинъ-Сорокопудовъ.—На Черномъ морѣ. А. Шильдеръ.

Къ этому № прилагается „Великая Французская Революція“ профессора Н. И. Карѣва, книга 4.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

Библиотека "Руниверс"

ЖИЗНЬ

1918 г.

XLIX г.

№ 25.

изданія.

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРЬЕВА („Великая Французская Революція“).
Выданъ 22 июня (9 июля) 1918 г. Подписная цена съ дост. и перес. на годъ—36 р., на 1/2 г.—18 р., на 1/4 г.—9 р. Цена этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 в.

Главная Контора и Редакция: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Перепечатка иллюстраціи и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Открыта подписка на „НИВУ“ 1918 г.

Съ приложеніемъ 52 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, въ которыя войдетъ:

А. И. ГЕРЦЕНЪ (первая серія книгъ)

В. КОРОЛЕНКО (запрещенныя военною цензурою сочиненія)

М. ГОРЬКІЙ (вторая серія книгъ)

П. БЕРАНЖЕ (полное собраніе ПЪСЕНЪ)

Проф. Н. КАРЬЕВЪ. (Исторія Французской Революціи съ иллюстраціями).

Лѣто.

Луиза Абемма.

Новый рассказ Глѣба Ив. Успенскаго.

Всѣ сочиненія Г. И. Успенскаго по декрету о государственномъ издательствѣ объявлены государственной монополіей по 31-о декабря 1922 года. Настоящій рассказъ опубликовывается въ «Нивѣ» съ разрѣшенія комиссаріата Народнаго Просвѣщенія.

Правительственный Комиссаръ лит.-изд. отдѣла *И. И. Лебедевъ-Полянский*.

Печатаемъ ниже рассказъ Г. И. Успенскаго „Очень маленькій человекъ“, являясь непосредственнымъ продолженіемъ помѣщенного въ № 2 „Отечественныхъ Записокъ“ 1874 г. рассказа того же имени *), имѣетъ совершенно самостоятельное значеніе. Читателю публики онъ до сихъ поръ не былъ извѣстенъ, такъ какъ майская книжка „Отечественныхъ Записокъ“ того же 1874 г., въ которой онъ долженъ былъ впервые увидѣть свѣтъ, была сожжена по постановленію Комитета Министровъ. Изъ недоступнаго раніе издѣлюющаго дѣла Канцеляріи Главнаго управленія по дѣламъ печати по изданію журнала „Отечественныя Записки“ (№ 53; началось 9-го сентября 1865 г.) видно, что поводъ къ столь суровой репрессіи былъ данъ нижеприведенными статьями майскаго номера: „Очень маленькій человекъ“ (страницы изъ одной записки) Г. Успенскаго, „Рекрутскій наборъ“ (замѣтки провинціального адвоката) В. Кроткова и „Литературныя и журнальныя замѣтки“ Н. К. Михайловскаго. „Криминальность“ рассказа Успенскаго устанавливалась въ отзывѣ наблюдавшаго за „Отечественными Записками“ цензора Лебедева въ такихъ выраженіяхъ:

„Этотъ небольшой отрывокъ, составляющій продолженіе описанія путешествія на волжскомъ пароходѣ, отличается крайнею тенденціозностью. Въ немъ авторъ, по поводу встрѣчи на пароходѣ съ бывшимъ ученикомъ своимъ въ школѣ, выставляетъ одну изъ тормозящихъ общественное развитіе пружинокъ всякаго рода регламентаціи, не дающія человеку развиться согласно своему призванію и наклонностямъ.“

„Говоря о простомъ народѣ, авторъ указываетъ на его безвыходное положеніе и инсценируетъ на туеядство и бесполезность людей обезпеченныхъ. Такъ, касаясь устройства народныхъ школъ и системы преподаванія въ оныхъ, авторъ съ сарказмомъ замѣчаетъ (стр. 47), что знаменитыя этого дѣла съ часами въ рукахъ высчитали, минута въ минуту, всѣ малѣйшія крупинки времени, остающіяся у народа отъ ежегодной и ежедневной работы для собственнаго пропитанія, для оплаты благочинія, благолѣпія, и что такого свободнаго времени съ часами въ рукахъ насчитали они около полтора года во всю мужицкую жизнь, а количество времени, назначаемое для образованія мужика, то же, что полтора аршина для прогулки или полтора глотка воздуха для легкихъ. Это порція науки на полчаса свободнаго времени, оставшагося у бѣднаго брата между рубкой лѣса и ожиданіемъ сотскаго, который черезъ полчаса придетъ брать родителя этого самаго брата въ темную, за эту самую порубку (стр. 48). Феда, бывшій ученикъ автора, нравственно возрожденный послѣ тяжелыхъ уроковъ жизни, задается намѣреніемъ „дѣлать пользу“. Онъ раздѣляетъ людей на полезныхъ и вредныхъ. Противоположая однихъ другимъ, онъ говоритъ: „Бѣдный работаетъ, но богатый только получаетъ, почему? Это невозможно! Развѣ бѣдный тоже не человекъ? Скажите пожалуйста! Кто вамъ это сказалъ? Нѣтъ, бѣдный тоже человекъ, я вамъ могу это вполне доказать“, — и приходитъ къ заключенію, что всѣхъ бесполезныхъ людей слѣдуетъ искоренять, потому что отъ нихъ вредъ (стр. 50). Со всѣми этими сужденіями авторъ вполне согласенъ и не только не опровергаетъ, но называетъ ихъ азбучными истинами.“

Уже одинъ этотъ отзывъ даетъ достаточное основаніе предполагать, что рассказъ Успенскаго „Очень маленькій человекъ“ представляетъ незаурядный интересъ.

Рассказъ „Очень маленькій человекъ“ имѣетъ крупное автобіографическое и общественное значеніе. Автобіографическое значеніе его обуславливается содержаніемъ первыхъ страницъ рассказа, гдѣ Глѣбъ Ивановичъ говоритъ о послѣдующихъ его по временамъ „моментахъ ясности въ сознаніи“ и о судорожныхъ заботахъ въ эти моменты о семьѣ (ср. съ отзывомъ Н. К. Михайловскаго во второмъ томѣ „Послѣднихъ сочиненій“: „въ этомъ безбрежномъ житейскомъ морѣ была маленькая горсточка людей, которая требовала особеннаго его вниманія, передъ которою онъ болѣзненно чувствовалъ свою отвѣтственность: семья. Его категорическій императивъ— „надо“, такъ часто, къ его великому горю, разрѣшавшійся „ахинеей“ и „чепухой“, но никогда въ немъ не замолакавшій, въ значительной степени обуславливался его отношеніемъ къ женѣ и дѣтямъ. Случай, когда категорическій императивъ, вытекающій изъ другихъ источниковъ, враждебно сталкивался съ тѣмъ, что „надо“ ради семьи, доставляли ему величайшія мученія“).

* В сочиненіяхъ Г. И. Успенскаго эта первая, такъ сказать, часть рассказа „Очень маленькій человекъ“ перепечатывается по тексту № 2-го „Отеч. Зап.“ безъ всякихъ переиравъ (если не считать опущенныхъ въ одномъ мѣстѣ нѣсколькихъ строкъ), подъ заглавіемъ „Изъ записокъ маленькаго человека“ (въ изданіи „Нивы“, т. III), распадаясь на три главы: „Читатель“, „Воспомнаніе“ и „На пароходѣ“.

Автобіографичны также отрывки, въ которыхъ въ очень пролическомъ тонѣ упоминается о попыткахъ автора сдѣлать „что-нибудь“ для „отечества“, въ частности, объ его педагогическихъ занятіяхъ съ крестьянскими дѣтьми. Здѣсь чувствуется уже осужденіе того, что впоследствии повелось называть „малыми дѣлами“.

Изъ воспомнаній А. И. Иванчина-Писарева (см. „Былое“ 1907, № 10) мы знаемъ, что болѣзненно чуткій, болѣзненно совѣстливый писатель готовъ былъ иной разъ осуждать и свою литературную дѣятельность за то, что она казалась ему далекой отъ настоящаго дѣла, каковымъ онъ считалъ дѣло борца-революціонера. Вотъ какія рѣчи приходилось отъ него слушать Иванчину: „— Ну, что я?— Пишу ради лавочки! Иной разъ и хочется размахнуться, да вспомнишь прачку, мясника, шляпку съ перомъ для Алексея Вас., и начнешь строчить: „Солнце склонялось къ западу... По небу катилось облако... точно бревно—къ плотамъ на Волгу!“ Вотъ Бакунинъ или Лавровъ пишутъ, не считаясь съ тѣмъ, будетъ ли *légume* къ завтраку“...

Еще рѣшительнѣе высказывается Успенскій въ одномъ не опубликованномъ письмѣ къ В. М. Соболевскому, редактору „Русскихъ Вѣдомостей“, подъ впечатлѣніемъ встрѣчи съ болгарскими революціонерами:

„Да! надобно дѣйствовать и дѣйствовать прямо! Ты—писатель (думаю о немъ), сочувствуешь и тому-то и тому-то? Ну, такъ докажи. Бѣда тебѣ будетъ? Плохо? До этого намъ вѣтъ дѣла. Мы вѣдь не боимся разстрѣливать подлецовъ, и не боимся ваши, которые ненавидятъ подлецовъ,—умирать. Ты долженъ быть не зайцемъ, боющимся всего этого. Если вы, писатели, пишете то-то и то-то,—то на дѣлѣ пожалуйте!.. Это все вѣрно, правда сущая. Но я уже напуганъ. Вздохну, обдумаю, немного укрѣплюсь и, повѣрьте, сдѣлаю такъ! Если я не сдѣлаю такъ, то все—чепуха, вся жизнь—вздоръ, сочиненіе, пустякъ, презрѣнные пустяки... Боже мой, какъ мнѣ опротивѣлъ здѣсь Толстой. Какой смрадъ!“

Отзывки того же настроенія даютъ себя знать и въ рассказѣ „Очень маленькій человекъ“, въ особенности въ томъ мѣстѣ его, гдѣ авторъ, взволнованный словами Феда о необходимости „искоренять“ людей, приносящихъ не пользу, а вредъ, потому что допускать „этого нельзя“, раздражается слѣдующей тирадой: „Послѣдняя фраза была сказана съ такимъ убѣжденіемъ, что я не посмѣлъ засмѣяться, хотя и дѣйствительно было чему. Господи,—подумать я,—такія ли вещи я могу еще понимать и говорить о пользѣ!.. Сколько я знаю относительно существующаго „вреда“ и какъ отлично и убѣдительно могу я изложить безличнейшія мысли мои по этому поводу,—а между тѣмъ и чувствовалъ и знать, что мое „этого нельзя“ ровно ничего не значитъ, тогда какъ Фединъ слово вполне живое, нераздѣльное съ нимъ и поэтому непремѣнно что-нибудь значить, а для него, для его развитія значить очень много“.

Отсюда видно, какъ въ „Очень маленькомъ человекѣ“ автобіографическій мотивъ сливается съ мотивомъ общественно-публицистическимъ. Гражданскій смыслъ этого рассказа заключается, мнѣ думается, съ одной стороны, въ отрицательномъ уже противопоставленіи дряблымъ либераламъ интеллигентскаго лагеря нарождающагося типа революціонера-„искоренителя“, вышедшаго изъ народной среды, цѣльнаго въ своихъ стремленіяхъ и умѣющаго идти до конца, а съ другой въ указаніи на то, что народная жизнь сложилась такъ, что рассчитывать на благоворность однихъ только культурныхъ воздѣйствій на народъ, какова, напримѣръ, педагогическая дѣятельность въ сельской школѣ, не приходится: школьная учеба для задавленнаго нуждой, влачащаго свои дни въ атмосферѣ непрерывнаго каторжнаго труда мужика не приноситъ тѣхъ результатовъ, какіе она могла бы принести при другихъ условіяхъ; для даннаго времени „потребенъ“ не сельскій учитель, а агитаторъ-пропагандистъ, въ родѣ обратившаго Феда на путь истинный фабричнаго механика Семена Сергѣевича. Семенъ Сергѣевичъ сдѣлалъ изъ Феда не только „искоренителя“, т.-е. революціонера, но и социалиста, такъ какъ привилъ ему сознание ненормальности того общественнаго порядка, при которомъ „бѣдный работаетъ, но богатый только получаетъ“, при которомъ „первыя фабриканты“ являются и „первыми кровопійцами“. Особое значеніе указанная революціонная и социалистическая тенденція рассказа приобретаетъ въ силу того, что „Очень маленькій человекъ“ долженъ былъ появиться въ печати какъ разъ въ то время, когда революціонное движеніе приняло форму массоваго „хожденія въ народъ“ съ агитационными и пропагандистскими дѣлами. Къ ранней веснѣ 1874 г. примѣрно, къ марту мѣсяцу, относятся первыя попытки въ этомъ направленіи. Въ нашемъ распоряженіи нѣтъ конкретныхъ данныхъ, которыя позволяли бы категорически утверждать, что Г. И. Успенскій зналъ о частію уже начавшемся, частію подготовлявшемся выступленіи

С. Милорадовичъ.

Троицнъ день.

народниковъ, но, принимая во вниманіе жгучій интересъ писателя къ современнымъ теченіямъ, а также широту и разносторонность круга его знакомствъ, надо думать, что онъ былъ въ курсѣ разыгрывающихся событій. Если это такъ, то „Очень маленькій человекъ“ является непосредственнымъ откликомъ на эти событія, — откликомъ, цѣлью котораго было выразить народникамъ сочувствіе, а тому пути, который они избрали, полное одобреніе...

Крамольный духъ, вѣявшій со страницъ „Очень маленькаго человека“, обратилъ на себя, какъ мы видѣли, вниманіе цензуры, которая чуть ли не съ начала литературной дѣятельности Успенскаго привыкла смотрѣть на него, какъ на писателя въ высокой степени „неблагонадежнаго“. Одинъ изъ первыхъ сборниковъ рассказовъ Успенскаго, изданный еще въ 1871 г., навлекъ на него, по докладу того же цензора Лебедева, обвиненіе „въ желаніи выставить несчастное и безпомощное положеніе простого народа, изнывающегоъ подъ гнетомъ вышшаго обезпеченнаго класса и администраціи, которая богатѣетъ на счетъ народа. Этимъ путемъ возбуждается въ народныхъ массахъ ненависть противъ имущественнаго класса, вражда одного сословія противъ другого, что составляетъ нарушеніе законовъ о печати, предусмотрѣнное статьею 1036 Улож. о наказаніяхъ“ (изъ дѣла Главн. Упр. 1871 г. за №133). Противъ Успенскаго тогда же было возбуждено судебное преслѣдованіе, впрочемъ, не достигшее своей

цѣли, такъ какъ его пришлось прекратить по силѣ Высочайшаго повелѣнія 7-го июня 1872 г. Тѣмъ не менѣе зубъ противъ Успенскаго у гг. цензоровъ, очевидно, остался, и они сквитались съ нимъ на „Очень маленькомъ человекѣ“.

Въ заключеніе считаю нужнымъ отмѣтить, что напечатанный въ томъ же 1874 году рассказъ Успенскаго „Хорошая встрѣча“ представляетъ собою попытку вернуться къ темѣ „Очень маленькаго человека“. Въ „Хорошей встрѣчѣ“, правда, рѣчь идетъ о бывшемъ ученикѣ автора Васѣ, близко напоминающемъ Оедю изъ „Очень маленькаго человека“, при чемъ Вася, подобно Оедѣ, встрѣчается и разговариваетъ съ авторомъ на пароходѣ, но посвященный Васѣ эпизодъ „Хорошей встрѣчи“ (см. „Русскія Вѣдомости“ 1874 г., отъ 31-го декабря), во-первыхъ, болѣе чѣмъ въ два раза короче рассказа, вырѣзаннаго цензурой изъ майской книжки „Отеч. Записокъ“ и, во-вторыхъ, лишень того „канупера“ („кануперомъ“, по словамъ Некрасова, цензора называли „вредныя мысли“, открываемыя ими въ литературныхъ произведеніяхъ), за который надъ „Очень маленькимъ человекомъ“ и разлилась цензурная гроза. Велѣдствіе этого „Хорошая встрѣча“ (въ особенности первая половина рассказа — „Русск. Вѣд.“ 29-го декабря 1874 г.) должна быть разсматриваема скорѣе, какъ особый рассказъ, хотя и съ родственной „Очень маленькому человеку“ фабулой.

В. Евгеньевъ-Максимовъ.

Очень маленькій человекъ.

(Страницы изъ однѣхъ записокъ).

IV *).

Рассказъ старика о „Промыслѣ“ произвелъ на публику довольно сильное впечатлѣніе; по окончаніи его, нѣсколько голосовъ изъ разныхъ угловъ ѣхавшей толпы подтвердило сразу, что все это правильно, вѣрно, и торопилось пояснить тетѣ или другой памятный фактъ своей жизни наблюденіями, не уступавшими иной разъ въ точности и отчетливости наблюденіямъ старика... Въ каждомъ углу, подъ каждымъ полшубкомъ и шугаеми, обнаруживались жизненныя теоріи, если не всегда достаточно справедливыя, то навѣрное пережитыя и крѣпко обдуманныя.

Послѣднее обстоятельство именно и было мнѣ дорого.

Съ большимъ аппетитомъ вслушивался я въ живую искренность излагаемой моими спутниками чепухи, когда неожиданно услышалъ мое имя, произнесенное кѣмъ-то въ толпѣ.

Я оглянулся.

Передо мной стоялъ молодой мальчикъ лѣтъ шестнадцати, одѣтый такъ, какъ одѣтъ всякій крестьянскій мальчикъ, причащающійся жить въ городѣ: на головѣ, обстриженной подъ гребенку, была какая-то пуховая конусообразная шляпа, принадлежавшая, очевидно, другой, болѣе обширной головѣ, ибо только растопыренныя уши да нозь мальчика удерживали ее въ стремленіи упасть прямо ему на плечи; красная рубашка съ косымъ воротомъ, подпоясанная тоненькимъ ремнемъ, и сюртукъ, по размѣрамъ родной братъ шляпѣ, — вотъ какой былъ костюмъ мальчика.

— Неужто не узнали? — произнесъ онъ и, сознавая, что шляпа, сидящая на носу, не можетъ помочь мнѣ взглянуть въ его лицо, онъ приподнял ее и улыбающимися глазами глядѣлъ на меня.

— Оедя! — воскликнулъ я, припоминая нѣчто знакомое въ чертахъ его лица. — Неужели Оедя?

— Я-съ...

Всмотрѣвшись пристальнѣе, я дѣйствительно узналъ въ немъ Оедю, одного изъ лучшихъ учениковъ кратковременно существовавшей подъ моимъ руководствомъ школы.

Мысль объ этой школѣ являлась у меня четыре года тому назадъ, въ одинъ изъ тѣхъ моментовъ ясности въ сознаніи дѣйстви-

тельности, которые по временамъ посѣщали меня. Въ такія минуты я замѣчалъ, и не только замѣчалъ, но видѣлъ весьма ясно, что я отецъ семейства, что вотъ эту щепку или кирпичъ пустилъ мнѣ въ голову мой собственный сынъ; что другой ребенокъ, который, очевидно, сидитъ у меня на шеѣ, ибо ноги его свѣшиваются мнѣ на грудь, и который, судя по частымъ ударамъ въ мой затылокъ, ударамъ, сопровождаемымъ крикомъ — н-но-о! — очевидно, куда-то ѣдетъ, — что это тоже мой ребенокъ, равно какъ и третій, который безпомощно вопіетъ подъ диваномъ, выснувъ оттуда свое маленькое, сплошь измазанное ягодами лицо... Увидѣвъ это и убѣдившись, что я отецъ, я не могъ не видѣть, что мнѣ дѣйствительно надо объ нихъ позаботиться, ибо такъ ли, сякъ ли, а вѣдь это будущіе люди... Въ такія минуты я замѣчалъ и потолка, которые грозятъ паденіемъ, замѣчалъ и сарай раскрытые, словомъ, начиналъ видѣть все, что бы мнѣ слѣдовало видѣть, и чего я не замѣчалъ, будучи постоянно заслоненъ отъ этой дѣйствительности либо книгой, либо большущей газетой. Иногда въ такія минуты на меня находилъ даже какой-то испугъ, трепеть: я ясно видѣлъ, что дѣла запущены ужасно, что надо хлопотать и поправлять ихъ сію минуту, ни на часъ не откладывая дѣла... Съ быстротою молніи завяжи денегъ, я посылая за плотниками — подпирать потолокъ, за кормомъ собакамъ и лошадямъ, за чулками, башмаками дѣтямъ и т. д. и т. д.; но вдругъ случится что-нибудь за границей, какъ говорила моя тетя, и глядишь, — я опять не замѣчаю, что творится подъ носомъ, не слышу, — хотя плотники своими топорами потрясаютъ все до основанія, — не вижу, что вымытые и приодѣтые ребята давно ужъ толкуются вокругъ меня съ новыми азбуками и просятъ учиться, что кто-то изъ нихъ, не добившись толку и выдравъ пзъ азбуки всѣ картинки, предпочелъ снова ѣхать на моей шеѣ, ѣхать куда-то очень далеко и очень скоро, ибо пруть сѣдока хлесталъ не только по затылку, но и по газетному листу, который у меня передъ носомъ.

Не одни, впрочемъ, домашнія семейныя дѣла и необходимости озадачивали меня въ такія рѣдкія минуты полной ясности сознанія; очень часто сознаніе это распространялось и вообще на отечество, которое для меня, какъ для деревенскаго жителя, являлось въ видѣ этихъ босыхъ женщинъ, плепающихъ по грязи подъ проливнымъ дождемъ, съ промокшими ребятами у груди, въ видѣ лачугъ, съ вылѣзающимъ на улицу зипуномъ вмѣсто окна, скотины, напоминающей во худобѣ самыхъ породистыхъ борзыхъ собакъ, лишенной однако прыти послѣднихъ, словомъ, въ видѣ бѣдности и невѣжества, искать которыхъ никогда далеко не приходится... Подъ вліяніемъ испуга, я воображалъ все ужасно быстро, и поэтому естественно, что едва мнѣ приходилъ въ голову вышеупомянутые признаки отечества, какъ я съ ужасомъ чувствовалъ,

* Какъ указано во вступительномъ очеркѣ критика В. Евгеньева-Максимова (на стр. 386 внизу), этотъ впервые появившійся въ печати изъ-подъ запрета цензуры рассказъ Глѣба Успенскаго представляетъ вполне самостоятельное произведеніе. Но въ виду того, что онъ въ то же время является продолженіемъ уже напечатаннаго рассказа Глѣба Ив. Успенскаго „Изъ записокъ маленькаго человека“, состоящаго изъ трехъ главъ, мы обозначаемъ начало этого новаго для русскаго читателя рассказа главою IV.

Троицынъ день въ деревнѣ.

В. Сычковъ

что нужно дѣлать сейчас же... Съ тою же быстротою, вслѣдъ за тѣмъ, я не могъ не сообразить, что дѣлать всего, что именно нужно — невозможно, потому-то, потому-то и потому-то сто тысячъ разъ. Оставалось хоть „что-нибудь“ — надежное прибѣжище и тихое пристанище такихъ пугливыхъ душъ, какъ моя. Изъ довольно значительнаго числа разныхъ „что-нибудь“, переполняющихъ всѣ учрежденія, заботящихся о бѣдномъ братѣ, ничто, разумѣется, не разработано съ такою тщательностью, какъ народная школа и наука. „Что-нибудь“ въ этой сферѣ доведено до размѣровъ почти „ничего“, а съ виду кажется почти серьезнымъ дѣломъ. Знатоки этого дѣла, съ часами въ рукахъ, о чемъ они не безъ гордости упоминаютъ сами, высчитали, минута въ минуту, всѣ малѣйшія крупицы времени, остающіяся у народа для самого себя отъ ежегодной и ежедневной работы для собственного пропитанія, для оплаты благочинія, благолѣпія ими... Такого свободного времени съ часами въ рукахъ насчитано, кажется, около полутора года, и того меньше, во всю мужицкую жизнь; ни капельки не задумываясь объ этакой ужасной тѣснотѣ, ибо полтора года на науку во всю жизнь то же, что полтора аршина для прогулки или полтора глотка воздуха для легкихъ — поборники „чего-нибудь“ сумѣли изобрѣсти такую экономную науку, которая за ничтожную цѣну пополняетъ это полуторааршинное пространство биткомъ, сверху донизу; но такъ какъ эти поборники ужасно озабочены, чтобы бѣдный народъ зналъ все, и зналъ бы такъ, чтобы знанія эти умѣстились въ полуторааршинномъ пространствѣ, не повредивъ ничего изъ того, что народъ обязанъ исполнять въ пользу благочинія, благолѣпія и т. д., то всѣ знанія приготовлены такъ, какъ готовятся консервы. Вотъ что-то величиной съ булавочную головку: это порція науки на полчаса свободного времени, оставшіяся у бѣднаго брата между рубкой лѣса на продажу для уплаты недоимокъ и ожиданіемъ сотскаго, который черезъ полчаса придетъ брать родителя этого самого брата, за эту самую порубку. Невелико зернышко, но чего только нѣтъ въ немъ; во-первыхъ, естественныя науки: что-то о крокодилѣ. Рассказано дѣло въ трехъ строкахъ, чтобы не терять времени, которое, какъ знаетъ уже читатель, очень дорого: того и гляди придетъ сотскій сажать. Крокодилъ, въ Египтѣ пирамиды, фараоны. Вотъ, примѣрно, все дѣло — здѣсь выпущены только предлоги и кой-какіе глаголы. Но въ этой крупинкѣ съ булавочную головку не одинъ естественныя науки, здѣсь еще и грамматика, тоже очень-очень крошечная. Подлежащее — крокодилъ, а сказуемое для краткости опущено; здѣсь есть и исторія, — фараонъ (фараоны были цари, и одинъ изъ нихъ утонулъ); здѣсь есть и арифметика (пересчитайте всѣ собственныя имена. Сколько? — Два! — А если прибавлю три ноли? — Пять тысячъ! — А четыре? — А пять?); здѣсь есть и Законъ Вожій и священная исторія и много-много другого рода знаній, часто удовлетворяющихъ прямо невѣжеству, частью имѣющихъ въ виду цѣли просвѣтительныя, и все это въ одной крупинкѣ, и все это точно на почтовыхъ.

Промоздкій грузъ науки такимъ образомъ приспособленъ, приведенъ къ возможности пройти сквозъ нглее ухо. Второпяхъ, разумѣется, и я ухватился за этого рода науку. Народныя бѣды были такъ велики, а времени такъ мало, что я принялся гнать, какъ говорится, по всѣмъ по тремъ. Показавъ, напримѣръ, букву А на доскѣ, я, чтобы не терять времени и пользоваться свободной минутой, чтобы тронуть и воображеніе учащихся, которому среди недоимокъ и прочихъ заботъ, разумѣется, ходу нѣтъ, я спрашивалъ почти тотчасъ же, на что она похожа. Если мнѣ не отвѣчали (что въ самомъ дѣлѣ довольно трудно, ибо, на что же она похожа, какъ не на А?), я старался придумать что-нибудь самъ, напримѣръ: дуга похожа на А, отъ дуги переходилъ къ упряжи, отъ упряжи къ кожѣ, отъ кожи къ кожевенному мастерству, такъ что иной разъ, когда на слѣдующій день я выставлялъ ту же букву и спрашивалъ, что это такое, то отвѣты были самые разнообразные: одинъ говорилъ „кисло“, другой „мастерство“, третій начиналъ что-то въ родѣ „кисло... кисло...“, стараясь припомнить, по всей вѣроятности, кислородъ, о которомъ тоже шла рѣчь вчера.

Фея, котораго я встрѣтилъ теперь на пароходѣ, одинъ только прежде всѣхъ привыкъ опоминаться среди этой бѣшеной скачки въ пользу бѣдныхъ братій. Онъ почти одинъ только изъ всѣхъ моихъ учениковъ могъ отвѣчать мнѣ, что на доскѣ написано А,

когда оно было написано, и не путался во мракѣ обилія свѣдѣній, которыя я приплеталъ, желая въ самое короткое время сдѣлать какъ можно больше „чего-нибудь“. Это была умная, внимательная и понятливая крестьянская головка, успѣхи которой могли бы пробудить въ душѣ самаго невѣрующаго соотечественника вѣру въ существованіе вокругъ него самыхъ живыхъ душъ. Внимательный, серьезный взглядъ его умненькихъ глазъ, ясно выражавшій жажду знать, одинъ только, сколько помню, поддерживалъ меня среди толпы другихъ моихъ учениковъ, большею частью совершенно не переваривающихъ обилія и разнообразія духовной пищи, мною имъ преподносимой. Фея являлся въ школу раньше всѣхъ, уходилъ всѣхъ позже; у меня родилась было мысль заняться исключительно имъ однимъ, чтобы сдѣлать „что-нибудь“ (разумѣется, „что-нибудь хорошее“) для одного, но, къ моему удивленію, онъ безжалостно разрушилъ мои планы насчетъ его будущности, вдругъ какъ-то осовѣлъ, раскись, утратилъ напряженность внимательности къ моимъ урокамъ и скоро исчезъ изъ школы совсѣмъ. Это меня несказанно удивило и огорчило. Мнѣ стало скучно въ школѣ безъ такого цѣнителя, какого я ощущалъ во время своихъ лекцій въ Феѣ, и этого было достаточно, чтобы это предпріятіе на пользу общества приняло тотъ оборотъ, который принимали всѣ мои предпріятія на пользу собственного дома.

Скоро школа закрылась.

Встрѣтившись теперь съ Федей, я замѣтилъ, что юношеское лицо его носило тотъ же оттѣнокъ задумчивой сосредоточенности, какой бывалъ у него когда-то въ школѣ.

— Гдѣ ты теперь? — спросилъ я его послѣ того, какъ, поздравившись, мы отошли къ сторонѣ и сѣли.

— У Семень Сергѣича теперь... Тутъ — недалеко на Волгѣ село будетъ. Немудрово — знаете?.. Семень Сергѣичъ тамъ на фабрикѣ механикъ... Я при немъ...

— Что же ты дѣлаешь?..

— Покуда еще только начинаемъ... Я вотъ къ матери ѣздилъ, билетъ брать, — думаю, тутъ у Семена Сергѣича останусь..

— Что же этотъ Семень Сергѣичъ хорошій человекъ?

— Страсть! — съ увлеченіемъ сказалъ Фея. — Что онъ для меня дѣлаетъ, такъ это только подивиться... Какимъ я къ нему пришелъ, и что я сталъ? Теперь же по крайности я могу со временемъ дѣлать людямъ пользу.

— Что жъ, это хорошо! — пробормоталъ мой языкъ, привыкшій въ томъ обществѣ, изъ котораго я ушелъ, болтать ничего не значащаго слова.

— Потому что, — продолжалъ Фея, съ прежнимъ одушевленіемъ и увѣренностью, — я такъ думаю, что надо жить на пользу другимъ... Вы не повѣрите, сколько есть несчастнаго народу изъ свѣтѣ... То ему надо помочь...

— Какъ же ты можешь?

— Буду дѣлать пользу!

Нельзя было не улыбнуться при видѣ несомнѣнности, съ которою была произнесена эта фраза.

— А тѣ, — продолжалъ Фея, — которые есть не полезные люди, тѣхъ надобно искоренять, потому что отъ нихъ вредъ... Ежели бы я прежде объ этомъ зналъ, то другое бы было, а то сколько лѣтъ прошло за напрасно, теперь только сталъ входить въ смыслъ...

Лицо Феи сдѣлалось совершенно серьезнымъ.

— Я бы ужъ давно, — продолжалъ онъ, — могъ бы что-нибудь искоренить, а теперь, можетъ-быть, еще года три надо дожидаться... А три года, — это вѣдь сколько времени-то! Къ тому времени страсть сколько народу можетъ погибнуть за напрасно, потому что я, сколько ни гляжу, не вижу старанія на пользу ни откуда, но болѣе есть народу, который поступаетъ не на пользу. Этого нельзя!

Послѣдняя фраза была сказана съ такимъ убѣжденіемъ, что я не посмѣлъ засмѣяться, хотя и дѣйствительно было чему. Господи, подумалъ я, такія ли еще вещи могу я понимать и говорить о пользѣ. Сколько знаю я относительно существующаго „вреда“ и какъ отлично и убѣдительно могу я изложить безчисленныя мысли мои по этому поводу, — а между тѣмъ я чувствовалъ и зналъ, что мое „этого нельзя“ — ровно ничего не значить, тогда какъ Фею — слово виолнѣ живое, нераздѣльное съ нимъ

и поэтому непременно что-нибудь значить, а для него, для его развития значить очень много. Этого нельзя было не видеть и не слышать, глядя и слушая, как он говорит. Я не смѣлся поэтому, когда Федя въ дальнѣйшемъ разговорѣ принялся излагать болѣе подробные взгляды свои на существующій вредъ, высказывая ихъ въ формѣ тѣхъ же азбучныхъ, такъ сказать, изреченій: „Бѣдный работаетъ, но богатый только получаетъ, почему? Этого невозможно. Развѣ бѣдный тоже не человѣкъ? Скажите пожалуйста! Кто это вамъ сказалъ? Нѣтъ, бѣдный тоже человѣкъ, это я вамъ могу вполне доказать, да“, — и т. д. и т. д.

Слушала, слушала я эти азбучныя, но вполне искреннія слова, и образъ деревенскаго Федя, того, который съ босыми ногами сидѣлъ у меня въ школѣ, размѣры его тогдашняго пониманія, и Федя теперешній, съ теперешними потребностями мысли, — совсѣмъ оказывались непохожими другъ на друга. Какъ случилась такая перемена?

— Отчего ты бросилъ школу?—прервала я его.

Федя остановился не сразу: онъ еще нѣсколько секундъ продолжалъ договаривать свои азбучныя фразы, не имѣя возможности остановиться, такъ какъ высказать то, что владело всей его душой, ему было необходимо. Договаривая, онъ смотрѣлъ на меня какъ-то странно, какъ на человѣка, который тоже „неполезный“, должно-быть. Но окончивъ и успокоившись, онъ произнесъ:

— Отчего я тогда пересталъ въ школу-то ходить?..

— Да. Вѣдь ты отлично учился...

— Скучно стало!—сказала онъ, улыбаясь мнѣ прямо въ глаза.

Мнѣ даже стало неловко:—„скучно“, вотъ результатъ всѣхъ моихъ хлопотъ на пользу отечества. Это не много.

— Скучно?—зачѣмъ-то переспросилъ я. — Отчего же?

— Не по мнѣ было... Я ужъ такой уродился: что мнѣ не надо, мнѣ сейчасъ скучно. Вѣдь я почему въ школу къ вамъ пошелъ? Мнѣ битву съ кабардинцами хотѣлось прочитать самому... Къ намъ въ избу хаживалъ Андрюшка,—знаете, воръ извѣстный былъ въ нашихъ мѣстахъ; онъ хаживалъ къ намъ по осени, либо зимой, когда вору плохо, и что же? За лѣто онъ всѣхъ обворуетъ, цѣлое лѣто за нимъ гоняются съ дубинами, сторожатъ,—и попадись,—убили бы, а зимой придетъ, и ничего, потому что онъ отлично сказки рассказывалъ... Въ избѣ темно-темно, скучно-скучно, а Андрюшка какъ начнетъ свою канитель, всѣ такъ и притаятся... Глядишь, отъ сосѣда пришла за чѣмъ-нибудь баба, а стала слушать Андрюшку, да такъ и сидитъ съ горшкомъ на колѣняхъ часа два... Цѣлую зиму его и прокормятъ. Къ веснѣ мужики начинаютъ подумывать, какъ бы его связать да представить въ тюрьму, но онъ всегда уйдетъ такъ, что не успѣютъ опомниться... Вотъ этотъ-то Андрюшка и корень всему дѣлу... Страсть какъ я любилъ его сказки... Въ избѣ у насъ ужъ какая жизнь? Тамъ охъ, тутъ о-о-охъ, скука! А какъ придетъ Андрюшка да начнетъ рассказывать, такъ башка и загорится вся... Какой-нибудь великанъ ѣдегъ... срубилъ у змѣи двѣнадцать головъ, искоренилъ, я очень радъ; хватъ, а намѣсто двѣнадцати пятьдесятъ выросли, тутъ насъ всѣхъ ровно варомъ обдастъ, что тутъ дѣлать? Чистая бѣда. И когда тотъ справится—такъ ужъ какъ хорошо-то!.. Тутъ Андрюшкѣ—что хочешь! Словно бы онъ самъ ото всего этого отбился... Ну, вотъ отъ этого мнѣ и вошло въ умъ учиться, думаю, самъ примусь обо всемъ объ этомъ читать—больше узнаю; вотъ я и пошелъ въ школу... Мнѣ хотѣлось выучиться читать... Какъ я выучился азбукѣ, такъ мнѣ и стало скучно у васъ...

Лѣтомъ.

Геза Ферраро.

— Однако,—проговорилъ я, чувствуя себя слегка задѣтымъ за живое,—вѣдь я кромѣ азбуки въ то время говорилъ уже то, чему вотъ ты теперь только начинаешь учиться...

— То-то не такъ я былъ въ то время налаженъ... Не шло мнѣ тогда ваше въ душу... Мечта дѣйствовала... Конечно, что всякій человѣкъ долженъ поступать по разуму и не позволять себѣ потакать въ разныхъ тамъ пустякахъ... Отъ этого можетъ быть другимъ не польза, но вредъ (Федя произнесъ нѣсколько фразъ такого рода и доказалъ справедливость своихъ мнѣній), но въ то время у меня орудовала мечта. Чтобъ жгло бы внутри, вотъ... Я ужъ ждалъ не дождался, когда выучился читать,—а выучился и бросилъ школу... Потому мнѣ стало скучно... У меня въ головѣ одно, а вы, извините, какъ начнете пхать туда...

— Знаю, знаю!—сдавался я безъ боя. „Пхать“!—неизгладимо мелькнуло у меня въ головѣ.

— Особливо помню подъ Свѣтлый день... (вѣдь я ушелъ отъ васъ подъ Свѣтлый день, на шестой недѣлѣ)... Мы всѣ мальчики этотъ день любимъ,—сами судите, сколько тутъ чудесъ случилось. Такъ, бывало, сердце и изнываетъ, какъ начнешь думать объ этомъ... Я думалъ, вы расскажете все, все подробно, а вы какъ начали пхать...

— Знаю! Помню!—второй разъ съдлся я и не безъ краски въ лицѣ представилъ себѣ этотъ урокъ, приноровленный заботливыми педагогами ко дню такого большого праздника.

Я представилъ себѣ, какъ ко мнѣ собралась толпа дѣтей, ждущихъ, что я расскажу имъ объ этомъ праздникѣ не такъ, какъ дома, въ избѣ, рассказываетъ имъ старуха, а со всѣми

подробностями, со всіми чудесами, такъ весело гармонирующими съ пробуждающею весной.

И что же дѣлать я для удовлетворенія желаній, съ которыми пришли ко мнѣ эти люди? По всей вѣроятности я, дорожа временемъ, рассказалъ всю исторію въ трехъ строкахъ и, не удовлетворивъ сотой доля любопытства моихъ слушателей, перешелъ къ извлеченію изъ этихъ трехъ строкъ того обилія знаній и свѣдѣній, которыми никто не интересовался... А между тѣмъ мнѣ надо бы было тогда знать, что дѣлается въ душѣ моихъ слушателей, я долженъ бы былъ отвѣтить на вопросъ этихъ душъ, а не „пхать“, какъ говоритъ Федя... Впрочемъ, припомнилось мнѣ, вѣдь съ часами въ рукахъ вычислано, что у этихъ мальчишекъ, будущихъ мужиковъ, рѣшительно нѣтъ времени не разглагольствованія...

Послѣднее соображеніе не убавило однако конфуза, который я испытывалъ подъ влияніемъ рѣчей Федя. Кое-какъ замявъ воспоминанія его относительно урока, послѣ котораго онъ окончательно оставилъ школу, я поспѣшилъ спросить его:

— Куда же ты дѣлся, когда оставилъ школу?..

— Мнѣ даже удивительно это сказать вамъ теперь, куда я дѣлся... Какъ я выучился читать, то принялся за чтеніе. Отецъ меня, разумеется, колотилъ, я озлился... Дѣло было лѣтомъ... Однажды я порѣшилъ, что больше дома жить не буду. Нельзя... И попалъ мнѣ въ это время Андрюшка-воръ... Что жъ въ думаєте? Сманилъ вѣдь! Мнѣ было тринадцать лѣтъ, какъ я пошелъ съ нимъ. Пошелъ я потому, что былъ сердитъ, а Андрюшка, ежели воровалъ, то тоже не просто, а потому, говорить, что тоже „сердитъ“ былъ. „Сегодня,—говорить,—вотъ куда поидемъ, къ Илюшкѣ-кабашнику въ Старые Хохлы,—я на него еще съ прошлаго года сердитъ“. Въ ту пору мнѣ представлялось, будто всѣ его дѣла справедливы, вотъ я и присталъ къ нему и приказанія его исполнялъ. Потому вѣрно выходило...

Такая школа, замѣнившая собою ту, которую Федя только-что бросилъ, признаюсь, несколько не разъяснила возможности появленія въ немъ тѣхъ идей, какія онъ высказывалъ теперь на пароходѣ.

— Какъ же потомъ?

— Ну, а потомъ очень натурально попались въ кражѣ, попали въ острогъ.

Я не удивился этому

— Тутъ, я вамъ скажу, мнѣ было вполне превосходно.

Этому я не могъ не удивиться.

— Въ острогѣ,—превосходно!?—воскликнулъ я.

— Рѣдкостная была жизнь! Я говорю вѣдь правду, мнѣ отъ васъ скрывать нечего, я вамъ за азбуку вѣкъ благодаренъ... Но вѣрно говорю, отлично!..

— Да почему же? Что жъ тамъ кормятъ, держатъ хорошо?

— Вотъ,—кормь! Нашли что! Я говорю—весело. Это было мнѣ въ ту пору по душѣ. Какъ самъ я шляется съ Андрюшкой, то я плуціей народъ звалъ, я ихъ такъ понималъ, какъ себя... Отъ этого они меня приняли хорошо. Конечно, я все перенесъ съ перваго началу, меня и били и на лицо мнѣ сажали, но я не сержусь, со всіми то же бываетъ... Это какъ экзамень... И главное, что мнѣ было весело, это я вамъ скажу, фальшивая монета! Ей-ей. Весьма было интересно! Въ первый разъ я тутъ занялся прилежно... Дома по хозяйству, признаться, меня не тянуло; ну, что за интересъ цѣлый день, напимѣръ, вколачивать гдѣ-нибудь колъ?—окромъ, что измучаешься, ничего нѣтъ. Или въ лѣсъ ѣхать,—вырубилъ на гривенникъ, а проѣдешь туда да назадъ—сутки... Не по характеру мнѣ это, потому пользы нѣтъ, хоть цѣлый годъ изо дня въ день ѣзди въ лѣсъ да колы вколачивай—все бѣдность... Ее лучинкой не подпрешь, не поправишь... Это я еще тогда чуялъ, отъ этого мнѣ и скучно было... А тутъ, когда я при фальшивой монетѣ состоялъ совсѣмъ другое; тутъ я за свою братію стоялъ,—первое, а второе, что надѣлаемъ пятиалтынныхъ, всего накупимъ... Я такъ тогда понималъ, что не грѣхъ обманывать лавочниковъ, они богатые, и много народу, что въ острогѣ сидѣли, были на нихъ сердиты и меня подстроивали. А я въ то время былъ согласенъ съ ними... И они меня страсть какъ любили... Когда я вышелъ изъ острога...

Я подумалъ, что вотъ, наконецъ, гдѣ должна быть разгадка.

— ...Такъ заскучалъ, такъ зарыдалъ...

— Но какъ же ты,—не вытерпѣлъ я,—сдѣлался такимъ, каковъ ты теперь?

— Да все же черезъ фальшивую монету! Ежели бы не она, я бы, кажется, прямо въ родительскій домъ ушелъ, былъ бы простымъ работникомъ, возилъ бы воду, не имѣлъ понятія. Но черезъ фальшивую монету я получилъ большую пользу.

— Это очень любопытно. Расскажи, пожалуйста.

— Это я вамъ сейчасъ скажу. Видите, когда мы поддѣлывали мелочь, мы ее, надо говорить прямо, поддѣлывали искусно. Это ужъ говорить нечего. Былъ одинъ изъянь въ нашей работѣ,—звонъ; звуку не было. Ежели такъ ее взять въ руку, настоящая вполне, а ежели объ стойку брякнуть, въ ней тону нѣтъ. Видите. Когда я вышелъ изъ острога, мнѣ и пришла въ голову мысль: понаду назадъ,—то-то, думаю, мнѣ обрадуются...“ А еще въ острогѣ слышалъ я, что очень хорошее средство—стекло пускать въ свинецъ; мы пробовали пускать, только нѣтъ, не выходило... Вотъ я и принялся искать человѣка знающаго. Долго ли, коротко ли, говорить мнѣ, „сходи вотъ къ такому-то, онъ можетъ“... Вотъ и пошелъ я. „Скажите, ваше благородіе, сдѣлайте молодость,—говорю я,—не знаете ли, какимъ манеромъ звонъ въ свинцѣ дѣлать и сколько на какую часть свинцу класть?“ — „А зачѣмъ это тебѣ, другъ любезный?“ — „А, говорю, въ монету фальшивую...“ Тотъ и обомлѣлъ. „Какъ въ фальшивую монету?“ И глаза вытаращилъ. А я, признаться, не совсѣмъ аккуратно понималъ, что такое фальшивая, что не фальшивая... Мнѣ хотѣлось нашей братіи острожной угодить. „Какъ, каналья этакая, говорить, въ фальшивую монету? Да кто ты? Да что ты такое?“ — „Я, говорю, изъ острога“... и все рассказала барину, а баринъ этотъ и есть Семень Сергѣичъ... Какъ рассказала я ему, онъ даже словечка не промолвилъ и не обругалъ... Вотъ онъ-то и перевернулъ у меня все въ умѣ... „А что, ежели за тею пятиалтынный посадятъ, а то и въ Сибирь сошлютъ невиннаго человѣка? Что жъ ты пользу этимъ ему сдѣлаешь?“ Съ этой точки онъ меня и пробралъ... Я два дня, кажется, слезъ не осушалъ, какъ съ мыслями сообразился да поповому и деревенскому и острожную жизнь разобралъ...

Федя замолкъ, молчалъ и я.

— Вотъ моя жизнь, Андрей Ивановичъ! — прибавилъ Федя. — Конечно, я дурное дѣлалъ, но я не понималъ; какъ у меня душа говорила, такъ я и дѣлалъ... А теперь всей моей душой не вредъ, но пользу хочу оказать, а зло искоренить... И искореню! — закончилъ онъ, сверкнувъ полными слезъ глазами.

V *).

Второй день моего путешествія и пребыванія на пароходѣ подходилъ къ концу. Остановились на гладкой поверхности возлѣ плота и барки и стоимъ неподвижно; только широкій и высокій валъ паровой волны, незамѣтно подбѣжавъ подъ неподвижно стоящую плотъ, коробилъ его съ одного угла на другой, вмѣстѣ съ десяткомъ человѣкъ народу, усѣвагося безъ шапокъ вокругъ чашки съ вечерней ѣдой. Вылетавшіе изъ паровой трубы клубы дыма подолгу висѣли во влажномъ и начинавшемъ холодѣть воздухѣ. На мачтахъ остановившихся на ночлегъ баржъ засвѣтились огоньки... Хорошо былъ этотъ вечеръ, потому особенно, что на душѣ у меня было тоже хорошо и покойно, чему особенно много способствовалъ рассказъ Федя, разъяснившій мнѣ и въ моемъ прошломъ и въ томъ, на что я теперь, въ теченіе этого дня смотрѣлъ и что слушалъ, — очень многое.

Я не намѣренъ передавать здѣсь въ подробности все, что я переслушалъ, находясь съ ранняго утра до теперешняго тихаго вечера въ толпѣ. Я могу сказать положительно, что всѣ рассказы и разговоры, слышанные мною въ толпѣ, если не касались барышей, „дѣлъ“ и т. д., блистали самою неподдѣльною дикостью и мракобѣсіемъ; чего только я не наслушался здѣсь! Если бы записать всю эту дикость и мракобѣсіе, отдѣливъ тщательно отъ разсужденій о практическихъ дѣлахъ, то читатель бы подумалъ, что я представляю ему домъ сумасшедшихъ, а не обыкновенный пароходъ, наполненный обыкновенными пассажирами. Я знаю

* Эту главу слѣдуетъ разсматривать, какъ подводную итогъ предшествующимъ главамъ, т. е. первой, второй и третьей главамъ разсказа „Изъ записокъ маленькаго человѣка“ и здѣсь напечатанной четвертой главѣ.

А. Ченцовъ.

Въ празникъ.

многих из очень развитых соотечественников, которые, проехав версты три-четыре тысячи по русской землѣ, чувствовали себя словно в дремучем лѣсу, не находили человѣка, съ которым бы можно было сказать слово, хотя сотни тысячъ народу прошло и проѣхало мимо нихъ, и рады были радешеньки, когда, наконецъ, гдѣ-нибудь въ пустынѣ отыскивали нумеръ „Сына Отечества“, являвшійся при такихъ обстоятельствахъ истиннымъ благодѣтелемъ, потому что, въ самомъ дѣлѣ, трудно себя представить, о чемъ только и какъ разговариваютъ эти сотни тысячъ чукѣ, армяковъ, лисьихъ шубъ и т. д., не говоря уже о дикости понятій, въ которыхъ къ тому жъ и разобрать еще съ непривычки ровно ничего невозможно, самый языкъ, которымъ говорятъ эти народы, преграждаетъ всякій путь и надежду на какое-либо понимание ихъ сумасшедшей чепухи.

Вотъ, наиримѣрь, кто-то изъ этихъ людей произнесъ слово „прокламація“, а другой сказалъ „съ прокламаціями“ и захохоталъ. Тотъ, кто захотѣлъ бы принять это слово въ томъ смыслѣ, какой оно должно имѣть, — очень скоро долженъ бы былъ почувствовать себя не совсѣмъ ловко: „Гдѣ прокламаціи?“ Отвѣчаютъ: — „Въ буфетѣ!“ Въ буфетѣ сидятъ два кушца, играютъ въ шашки, одинъ человѣкъ спитъ, одинъ умывается, — а прокламаціи вѣтъ какъ нѣтъ. „Гдѣ же онѣ?“ — „А вотъ, — говоритъ съ заганеннымъ смѣхомъ буфетчикъ, указывая на того, кто умывается, — онъ съ самаго утра такъ-то полощется; ужъ чего-чего не было: вынулъ этикіе щипцы не щипцы, ножи не ножи какіе-то, эво сколько, — какъ принялся выдѣлывать эти самыя прокламаціи, — Боже милосердый!.. и въ носъ къ себѣ лѣзетъ и за погтемъ роется... Купецъ тутъ рядомъ съ нимъ спалъ, такъ весь даже въ мылѣ проснулся.“

Вотъ какимъ языкомъ разговариваютъ эти люди, — но, несмотря на то, что языкъ этотъ верхъ безобразія, что идеи переполнены дикости и мракобесія, — вѣра въ нихъ и настойчивость, съ которою они проводятся этими армяками, лисьими шубами и полушубками въ жизнь, достойны полнаго удивления и доказываютъ, что между этими армяками, лисьими шубами и полушубками существуютъ массы сильныхъ натуръ, могучихъ характеровъ. Какъ, наиримѣрь, послѣдовательно осуществляетъ въ жизни свои странныя идеи старикъ, рассказывавшій о неопалимой купинѣ. Съ какой искренностью вслыхнули стыдомъ щеки дѣвушки, послѣ того, какъ ея взгляды на казанскаго мѣшанина близи разбиты вдребезги сѣденькимъ старичкомъ. Глядя на эту искренность, можно было сказать съ полной увѣренностью, что послѣ афронта, нанесеннаго дѣвушкѣ старичкомъ, взгляды ея ужъ будутъ не тѣ, что были, а несравненно лучше... Точно также бы, если въ жизни старика, такъ неразрывно сплоченной съ указаніями неопалимой купины, произошло что-нибудь разбивающее стройность и цѣлость его теорій, онъ не сталъ бы придумывать пустяковъ и софизмовъ, а, можетъ-быть, либо умеръ, зачахъ, не видя болѣе почвы подъ своими ногами, либо взялся за что-нибудь другое, что точно такъ же уяснило бы ему все, какъ прежде уясняла неопалимая купина. „Дай попробую, узнаю, — говорилъ онъ въ своемъ рассказѣ, — сама она или не сама хочетъ ко мнѣ? Какъ цѣна?“ — „Два съ половиной“. — „Рубъ, хочешь бери!“ Съ него взяли рубъ, — стало-быть, сама! И, дѣйствительно, все пошло какъ по маслу... Ну, а если преображенскій батюшка запросилъ не рубль, а, наиримѣрь, рубль шесть гривенъ. Оказалось бы, что „не сама“, что во всей этой исторіи есть какая-то фальшь, что-то неладно; оказалось бы, что и „въ напутствіе“ и „въ срѣтеніе“, въ сущности, ровно ничего не значатъ, что подрядъ удачный попался не по Божьей волѣ, а, можетъ-быть, по наущенію дьявола и т. д. и т. д. Я живо представляю себѣ состояние духа несчастнаго купчины, послѣ этого огорашивающаго рубля шести гривенъ; все семейство его ходитъ на цыпочкахъ, потому что онъ сердитъ; все ему „не такъ“, потому что это „не такъ“ сидитъ въ немъ; всѣ домашніе и служащіе оказываются обманщиками и ворами потому, что онъ обманутъ самъ и волюнѣ падуть дьяволомъ... Наконецъ — запой и появленіе уже настоящихъ бѣсовъ.

„Но, — приходило мнѣ въ голову, — всѣ эти удивительные характеры, всѣ эти люди съ необыкновенно прочными вѣрованіями, вѣруютъ все-таки же въ самую подлинную чепуху и, кромѣ непродоходимаго невѣжества, ничѣмъ, въ сущности, не могутъ пора-

довать внимательный взглядъ наблюдателя. Что же тутъ хорошаго? При такомъ характерѣ да при такомъ невѣжествѣ какой чепухи не сумѣетъ сдѣлать такой человѣкъ со своимъ ближнимъ?“ Такія соображенія, несмотря на очевидную основательность, не особенно тревожили меня въ настоящую минуту. Припоминая похождения Феда, я убѣждался, что сфера невѣжества и дикости вовсе необязательна для хорошо сформированнаго характера. Мальчикъ, который ушелъ изъ школы воровать, воръ, сидящій въ острогѣ, фальшивый монетчикъ, ужъ это ли не потерянное существо, ужъ это ли не человѣкъ, который болѣе другихъ способенъ наброситься на васъ и схватить за горло? А на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ другое. Строго повинуваясь указаніямъ своей мысли, онъ вышелъ самъ собой на настоящую дорогу, прямо къ свѣту... Этотъ путь къ свѣту не заказанъ никому изъ массы чукѣ, армяковъ, лисьихъ шубъ; этотъ путь даже неизбеженъ для всѣхъ ихъ, и если области невѣжества и умственного вздора остаются для нихъ обязательными, то причину необходимо искать не въ нихъ...

Рассказъ Феда, хотя и отчасти, указываетъ на эту причину. Выраженія „мнѣ стало скучно, я хотѣлъ, мнѣ не шло въ душу“, выраженія, которыми былъ переполненъ его рассказъ, невольно пришли мнѣ въ голову... Повинуясь этому настойчивому „я“, онъ бросаетъ школу, — учрежденіе, несомнѣнно, полезное, особенно въ сравненіи съ поддѣлкой фальшивыхъ пятиалтынныхъ, и идетъ воровать. Какъ это могло случиться? Стоить только припомнить намѣренія, съ которыми Федя шелъ въ школу, и сравнить съ тѣми, которыя со своей стороны имѣла школа, чтобы понять, что общаго между тѣми и другими не было ничего, что Федя долженъ былъ непременно бросить школу, если хотѣлъ сохранить свою самостоятельность, если не хотѣлъ пустить въ душу того, что не шло туда само собой. Слѣдовательно, путь къ свѣту, предлагаемый школой, угрожалъ Федѣ потерю нравственной самостоятельности и заставилъ его уйти, быть воромъ, шататься по чужимъ амбарамъ, по острогамъ.

Что дѣлать! Должно-быть, только въ этой темнотѣ, въ этихъ темныхъ углахъ, гдѣ не видно ни капли свѣту, и возможна эта нравственная самостоятельность! Развѣ старикъ со своей купиною не напоминаетъ филина на церковной колокольнѣ, забившагося отъ людей въ такую высь и такую трещину, куда до него не дохватитъ ни одинъ камень? Быть-можетъ, и эта трещина сохраняетъ его нравственный міръ такимъ, какимъ онъ самъ считаетъ его лучше и удобнѣе для себя. Иначе вообще, почему же эти характеры прячутся по мурьямъ, по острогамъ, гнѣздятся гдѣ-нибудь въ темномъ углу, какъ совы, которыя видятъ только въ темнотѣ? Ихъ тутъ не трогаютъ и не мѣшаютъ имъ быть самими собою...

И опять образованные люди купріяновской свалки пришли мнѣ на память. Всѣ они, безспорно, исповѣдывали лучшія идеи, чѣмъ эти чуйки, лисья шубы, армяки; всѣ они шли въ своемъ развитіи по болѣе торнымъ путямъ, — и что же? есть ли въ нихъ хоть тѣнь той силы въ своихъ убѣжденіяхъ, которою обладаютъ невѣжественныя лисья шубы. Вспомните процессъ, и вы убѣдитесь, что онъ служитъ самымъ прочнымъ доказательствомъ отсутствія вѣры въ эти убѣжденія. Неужели же въ развитіи ихъ не было тѣхъ благоприятныхъ условий, какія Федя нашелъ въ своей странной жизни, или купецъ - филинъ, воспитывающій себя въ глухой трещинѣ подъ колокольней? Я припомнилъ ходъ своего развитія, развитія моихъ знакомыхъ и товарищей, и убѣдился, что на торныхъ путяхъ къ свѣту нѣтъ въ нашей сторонѣ возможности сохранить свой характеръ и личность.

Федя ушелъ, какъ только ему „не пошло въ душу“... Кто изъ насъ, изъ всѣхъ этихъ „купріяновцевъ“, уходилъ когда бы то ни было отъ этого „не идетъ въ душу“. На торныхъ путяхъ нѣтъ никакихъ средствъ уберечь эту бѣдную душу на собственную пользу. Едва она попала сюда, какъ тотчасъ же начинаются надъ нею эксперименты, не ставящіе ее въ грошъ и имѣющіе въ виду цѣли, ей вовсе постороннія. Находясь еще въ школѣ, она приучается то думать объ извѣстныхъ вещахъ, то не думать, потому что это кому-то нужно. И затѣмъ, эти акціи и реакціи мысли, независяція отъ васъ, начинаютъ дѣйствовать безъ остановки во всю послѣдующую жизнь. Поставленный въ необходимость разъ двадцать въ жизни переменить направленіе мысли, человѣкъ теряетъ къ ней всякій аппетитъ и можетъ завѣщать своему

сыну только то, что всё эти мысли, въ сущности, вздоръ, потому что завтра могутъ быть другія. И прочнымъ и неизмѣннымъ остается только то, что дѣлаетъ человѣка очень, очень маленькимъ.

Мнѣ пришло въ голову и припомнилось множество населяющихъ русскую землю людей, жертвъ этихъ внезапныхъ акцій и реакцій мысли, отъ самихъ людей независящихъ, и я бы непремѣнно теперь же представилъ ихъ читателю, если бы не произошло слѣдующее.

Пароходъ, описывая полукругъ и жалобно гудя въ ночной тишинѣ, сталъ подходить къ пристани.

На склонѣ горы темнѣли барки и блѣли церкви. Нѣсколько огоньковъ свѣтилось на пристани.

— Село Немудрово! — сказали капитанъ.

— Немудрово! — раздавалось по каютамъ, гдѣ лакеи будили заспавшіяся народъ, которому нужно было здѣсь вытѣзать.

Я не спалъ.

— Прощайте, Андрей Ивановичъ! — сказали, появляясь съ узелкомъ подъ мышкой, Федя.

— Куда ты?

— Я здѣсь вытѣзаю...

— Развѣ здѣсь твой Семенъ Сергѣичъ?

— Какъ же, здѣсь... У того купца онъ на фабрику... у сѣдога, что вы давеча слушали... Первый фабрикантъ и первый кровопіецъ... А вы куда ѣдете?

Этотъ вопросъ заставилъ меня подумать, куда собственно я ѣду. Оказалось, что, садясь на пароходъ, я не взялъ даже билета.

Удаленіе Оеди и скука одинокой ѣзды на пароходѣ, притомъ еще неизвѣстно куда, навели меня на мысль сойти въ Немудровъ...

Я такъ и сдѣлалъ.

И хотя это обстоятельство прервало на нѣкоторое время нить моихъ мыслей, зато, ознакомившись съ жизнью большого фабричнаго села, я могу теперь разсказать не только о старыхъ моихъ знакомыхъ, но и о положеніи цѣлой деревни, испытывавшей на своемъ вѣку тѣ же самыя, хоть и не нужныя ей, но настойчиво приводимыя въ исполненіе постороннія вліянія.

Глѣзь Успенскій.

Когда-то.

(Изъ дневника стараго идеалиста).

Со мною ты у камелька сидѣла,
У тихо догораваго огня,
И все вокругъ мерцало и алѣло,
И былъ такъ сладостно настроенъ я.
Въ тебя я вѣрилъ, я тебя любилъ,
Свободную любовь я свято чтить

Когда-то.

Но года не прошло, какъ виновато
Мнѣ улыбнулась ты. Свершился рокъ:
Любовь растоптана была и смята,
Какъ брошенный на улицѣ цвѣтокъ...
Свободную потомъ я полюбилъ
Науку, и ее я свято чтить

Когда-то.

И въ храмъ ея торжественный вступилъ я,
Но торжищемъ тотъ оказался храмъ.
Въ немъ старую лишь истину открылъ я:
Наука рабская нужна рабамъ...

Тутъ я избралъ себѣ иной удѣлъ,—
Писателемъ свободнымъ быть хотѣлъ

Когда-то.

Удары злые сверху, сбоку, снизу
Мнѣ наносили врагъ, и братъ, и шутъ,
Священную пришлось мнѣ сбросить ризу,
Какъ ветоши изодранный лоскутъ...
Тогда народъ свободный полюбилъ,
Ему я пламенной душой служилъ

Когда-то.

Но осквернилъ онъ все, что было свято:
Науку, слово, самого себя,—
Все, все теперь растоптано и смято.
И вотъ живу на склонѣ лѣтъ, скорбя,
Съ вопросомъ горькимъ на нѣмыхъ устахъ:
Когда жъ мы вспомнимъ о былыхъ богачъ?..

Когда-то?

Р. И. Сементковскій.

Волжскій богатырь.

Очеркъ А. С. Панкратова.

I.

Богъ его знаетъ, откуда онъ пришелъ на Волгу. Ходила молва, что Велдуга—родина Игната Столбова. Лицо у него было простое, крестьянское. По виду онъ смолочуръ изъ Керженскихъ лѣсовъ или плотовникъ изъ того же глухого мѣста. Самъ онъ не любилъ говорить о своемъ прошломъ. И всѣмъ казалось, что не было у него этого прошлаго. Всѣ знали Игната Столбова, какимъ онъ сложился уже на Волгѣ. Лишь Ипать, баканщикъ съ Кривой Косы, когда выпивалъ лишнее, то болталъ:

— Помню я Игошку-то!.. Какъ же! Разухабистый былъ малый. Пришелъ изъ деревни босой, можно сказать—нищій. Лишь гармошка-дивенка была за плечами. Поступилъ сторожемъ на конторку въ Чебоксары. Потомъ, глядимъ, лавочку открылъ. И пошелъ, и пошелъ въ гору... А я тогда только-что изъ яйца—Господи благослови—вылупился, мальчонкой на баканъ попалъ. Хаживали мы съ покойнымъ—царство небесное!—Прохоромъ къ Игошкѣ въ лавку за сѣмечками. Сидитъ онъ, бывало, на табуреткѣ, въ гармошку играетъ, сѣмечки грызетъ, а около него цѣлый содомъ дѣвокъ. Веселый былъ, любопытный... Но играть онъ играетъ, а свой антиресь соблюдаетъ...

Старикъ долго могъ болтать. Это была его любимая тема. Но слушали его мало. А вѣрили еще меньше. Всѣмъ казалось страннымъ, что Игнатъ Столбовъ—самъ Игнатъ Столбовъ!—въ лавочкѣ сѣмечками торговалъ. Не вѣрили и другому слуху, что будто былъ онъ когда-то простымъ крочникомъ. А слухъ шелъ оттого, что десять пудовъ поднималъ онъ, какъ перышко. Схватить кого, бывало, въ гнѣвъ—гнѣвный всегда былъ, упаси Боже!—такъ

лучше бы того человѣка мать не родила. Изуродуетъ или въ Волгу броситъ. Широкая спина Столбова и его могучій кулакъ,—силу котораго знала вся Волга,—дѣйствительно какъ будто намекали на его крочничество. Но былъ ли онъ когда крочникомъ—Богъ его знаетъ. И лучше, бывало, не заводить разговора объ его прошломъ. Насупится Игнатъ, немилостиво посмотритъ на любопытнаго или ударитъ широкой пятерней по столу такъ, что посуда задребезжитъ въ шкалу, или—что бывало не разъ—опуститъ кулакъ на спину вопрошателя и сразу молча прекратитъ разговоръ... У него долго не поговоришь!

Но по всему было видно, что онъ сынъ деревни. Надоѣло ему, видимо, смолу курить или плоты гонять по Керженцу, захотѣлось подышать волжскимъ просторомъ. Natura сызмальства богатая: въ плечахъ косая сажень, ударитъ, мокро останется, въ душѣ родникъ живыхъ, не использованныхъ силъ. Куда ихъ дѣвать? Душно бываетъ такимъ людямъ въ деревнѣ. Тѣсно, какъ въ гробу. Крылья обиваются и слабнуть, какъ у соловья въ клѣткѣ. Въ деревнѣ нищета, староста обижаютъ, мужикъ-мироѣдъ полосу запахиваетъ. Нѣтъ ни выхода ни просвѣта. Весь міръ въ одной полосѣ земли. Всѣ надежды и упованія въ ней. А земля вездѣ „не родючая“. Маета, а не жизнь. Бился, можетъ-быть, и Игнатъ. Да во-время понялъ, что свѣтъ не клиномъ сошелся. Бросилъ полосу, простился съ роднымъ угломъ, поплакалъ въ сердцѣ своемъ,—и пришелъ на Волгу. Тутъ ширь, просторъ. Дѣла хоть отбавляй.

Но куда пойти Игнату Столбову? Простора на Волгѣ много, но кромѣ промышленности и наживы денегъ—нѣтъ другой дороги. Русскому богатырю всегда были „всѣ пути заказаны“.

Пошелъ и Игнатъ по натоптанной дорожкѣ. Не пошелъ, а бросился, съ головой ушелъ въ кипучую волжскую дѣятельность. Жизнь сразу же поняла, что передъ ней не дожинная натура и отдалась ему безъ сопротивления. Игнатъ шелъ, какъ завоеватель. Гдѣ брать умомъ, смекалкой, гдѣ счастьемъ, удачей—всегдашними спутниками богатой природы. Игнатъ шелъ, не оглядываясь. Отъ лавочки къ магазину, отъ магазина къ оптовой хлѣбной торговлѣ. Шли годы, имя Столбова расплывалось по Волгѣ. Загудѣли столбовскіе пароходы. Столбовъ сталъ своимъ человѣкомъ на биржѣ. Ветлужскій мужикъ сдѣлался королемъ кормилицы-рѣки...

II.

Лѣтъ двадцать тому назадъ Игнатъ Столбовъ былъ въ большой славѣ. Его имя было нарицательнымъ. Въ Поволжѣ говорили: „богатъ, какъ Столбовъ“, „сильнѣе, какъ Столбовъ“. Вездѣ и всюду были его лабазы, пристани, лавки, конторы. Отъ Твери до Астрахани и на Каспій до Персін. Громадные караваны его мокшанъ и бѣлянъ тянулись по Волгѣ, Камѣ и Бѣлой. Свистали и дымили буксирные пароходы. И на всемъ, что принадлежало Столбову, была его печать—огромная, сдѣланная по одному образцу вывѣски. На каждой стояли только два слова: „Игнатъ Столбовъ“. Эти вывѣски были издала видны, поражали своей рельефностью и запоминались навсегда.

Столбовскія суда волжане угадывали за много верстъ. Чуть-чуть на зеленомъ фонѣ луговъ или лѣса обрисуеться труба, они уже говорили:

— Это столбовскій!

— Почему?

— По всему видно. Такихъ трубъ нѣтъ ни у кого.

Все у Столбова было широкое, крѣпкое, сильное. Какъ самъ онъ. Не любилъ онъ ничего маленькаго. И никогда не былъ доволенъ ничѣмъ.

— Крупнѣе надо! Чтобы вся Волга сбѣжалась смотрѣть!—говорилъ онъ.

Сидѣлъ онъ однажды въ трактирѣ надъ волгой и смотрѣлъ, какъ тихо шелъ его караванъ баржъ съ хлѣбомъ. Былъ мраченъ съ перепоя.

— Мразь какая-то, — стукнулъ онъ вдругъ кулачищемъ по столу, — не видать въ нихъ Игната Столбова!

Призвалъ мастера и сказалъ:

— Можешь ли построить баржу на 200 тысячъ пудовъ?

Обыкновенно самая сильная волжская баржа можетъ принять только 40 тысячъ пудовъ.

— Могу, Игнатъ Потопычъ, — отвѣтилъ мастеръ, — только Волга не выдержитъ.

— Выдержитъ, строй въ мою голову!

Построили необыкновенную баржу, широкую, вместистую. Столбовъ радовался:

— Это моя!..

Стали вести ее внизъ. Вели долго съ большими препятствіями. Сколько денегъ это стоило! Сколько взятокъ Столбовъ передавалъ, проводя несуразную посудину черезъ заставы и кордоны. Но онъ ни передъ чѣмъ не останавливался. Ъхалъ за баржей и радовался: „Моя, столбовская!“ Наконецъ кое-какъ довели баржу-Голіава до Каспія. Случилось, что море было тихое, и баржа проскочила до Баку. Но изъ Баку ее не выпустило портовое начальство: „опасно“. Столбовъ ходатайствовалъ, но успѣха не имѣлъ. Поругался и плюнулъ. А скоро и забылъ о своей затѣѣ. Такихъ странныхъ, несуразныхъ затѣй у него было много.

Столбовы, должно-быть, въ свое время вылили Царь-пушку и Царь-колоколь...

Пароходы Столбова были огромные, сильные. И названія онъ давалъ имъ подходящія: „Геркулесъ“, „Самсонъ“, „Двухтрубный“ и т. п.

Когда шелъ караванъ столбовскихъ баржъ по Волгѣ, — движенье приостанавливалось: „ни прохода, ни проѣзда“.

— Почему не пропускаютъ? — спрашивали плотовичники гдѣ-нибудь подъ Чернымъ Яркомъ.

— Игнатъ Столбовъ идетъ сверху, — отвѣчали имъ.

Этимъ сказано все. Если Игнатъ Столбовъ идетъ, значить другимъ пройти уже нельзя. Волги не хватаетъ. Плоты жались къ берегу и выжидали, когда пройдетъ столбовская „гуча“. А она шла тихо и долго. Какъ будто не хлѣбъ везла на баржахъ, а войско несмѣтное переправляли во вражескую землю. Съ баржъ неслись пѣсни.

Самъ Столбовъ сопровождалъ караванъ на своемъ пароходѣ. Остановить пароходъ. Пойдетъ на капитанскій мостикъ и радуется: „Это по-моему, по-столбовски!“ Увидитъ, что дальняя баржа отстаеетъ, начнетъ кричать. Голосъ густой, бархатный, рупора не надо. Далеко Столбовъ слышенъ по рѣкѣ:

— О-го-го-го-го! Не отставай! Подтянись! Оооооо!..

И слушаетъ съ радостью, какъ эхо прибрежнаго лѣса передаетъ его команду. Но особенно гулко разносилось по Волгѣ его бранное слово. Красный отъ гнѣва и натуги Столбовъ неистово махалъ руками и гудѣлъ такія слова, что все кругомъ пряталось. Въ такія минуты страшно было взглянуть на Столбова.

Похожъ онъ былъ на свои баржи и пароходы. Самсонъ. Пятёрня—пудовикъ, ударить—въ землю вроеетъ. А ударить ему въ минуты гнѣва ничего не стоитъ. Все на свѣтѣ забываетъ. Сколько

людей на Волгѣ было близко знакомо съ его рукой! Попадетъ къ нему подъ горячую руку какой-нибудь волжскій „мерзавецъ“ и свѣта не взвидитъ. Столбовъ насупится, покраснѣетъ, кольнетъ ему въ сердце иголка совѣсти. Если избитый дѣйствительно мерзавецъ, Столбовъ вынетъ бумажникъ, броситъ ему „катенку“ и скажетъ:

— Брысь! Знай впередъ Игната Столбова!

А если обидитъ хорошаго человѣка, тяжело чувствуетъ свой поступокъ. Мрачнѣетъ, глядитъ въ сторону, потомъ соберется съ духомъ и прогудитъ:

— Прости! Себя не помню... Дьяволъ я, а не человѣкъ.

И слеза повиснетъ на его сдѣющихся усахъ...

III.

Семьи у Игната Столбова не было. Была одна жена, которой онъ не любилъ. У глупой, эгоистической Натальи, притавшей деньги въ чулокъ, не было ничего общаго со Столбовымъ. Онъ сошелся съ ней „подъ пьяную руку“ и заплатилъ за позоръ. Но женщина положила деньги въ карманъ и все-таки пришла къ нему и осталась жить. У Столбова не хватило мужества сразу разорвать связь. Прошли мѣсяцы и годы, и Наталья фактически стала хозяйкой въ его домѣ. Онъ не протестовалъ. Никогда ни одного слова любви не слышала она отъ своего „хозяйина“. Но отъ этого нисколько не страдала. Любилъ ей было не надо. Вся жизнь ея состояла въ томъ, чтобы утаивать отъ Столбова копейки и копить. Ночью она залѣзала къ нему, пьяному, въ бумажникъ и крада деньги. Онъ замѣчалъ, но молчалъ и лишь въ пьяномъ гнѣвѣ, когда билъ ее и гвалъ изъ дома, говорилъ: „Стерва ты! Дура! Воровка! Куда деньги колишь? Кому отдашь? Въ могилу съ собой возьмешь?“ Она нарочно попадалась ему на глаза, когда онъ былъ пьянъ. Пусть ударитъ, но зато утромъ, когда хмель вылетитъ и Столбовъ станетъ человѣкомъ, она придетъ къ нему и начнетъ плакать... Столбовъ не выноситъ женскихъ слезъ... Чтобы прекратить ихъ, сунетъ ей въ руку сто рублей... Та брала и сразу же „входила въ роль“. Мстила ему за вчерашнее. Начинала ругать, иногда даже била его. Знала она хорошо, что Столбовъ съ похмелья слабый человѣкъ и лишь беззвучно смѣется, когда она маленькими кулачками ударяетъ, какъ въ стогъ сѣна, въ его широкую спину. Если брань ему надоѣдала, онъ начиналъ хмуриться. Тогда Наталья мгновенно испарялась.

Такъ прожили они, чужіе, всю жизнь. Въ глубинѣ своей души Столбовъ мечталъ о любви умной, чуткой женщины, которая могла бы пересоздать его, направить на одно хорошее, отвлечь отъ самодурства. Такую женщину онъ искалъ всю жизнь. Но его всегда окружала армія жадныхъ, заглядывающихъ въ его толстый карманъ и подставляющихъ свою спину подъ его кулакъ, людей. Лишь однажды въ его жизни блеснула звѣздочка. Но и ее не удалось удержать Столбову.

Ъхалъ онъ въ Пермь и случайно познакомился съ молодой, маленькой, худенькой женщиной. Кто она—Столбовъ не зналъ. Въ ея ровныхъ, спокойныхъ словахъ и движеніяхъ, въ открытыхъ дѣтскихъ глазахъ онъ увидалъ ровную силу, которая можетъ остановить его гнѣвную рѣчь и пьяную руку. Они долго говорили, и женщина раскрыла ему новый міръ простыхъ, братскихъ отношеній и искренней любви. Она ѣхала къ любимому человѣку въ Ишимъ. Онъ былъ сосланъ туда. Рассказывала о лишеніяхъ ссыльныхъ.

— И вы будете голодать?—спросилъ Столбовъ.

— И я,—просто отвѣтила она.

— Зачѣмъ же вы ѣдете?

— Какъ зачѣмъ? Я его люблю...

Столбовъ почувствовалъ тогда, что его богатство и слава легли на него тяжелымъ камнемъ, гнули его къ землѣ и мѣшали жить. Жизнь одного накопленія представилась маленькой, ничтожной жизнью, которой не стоить жить. Худенькая знакомая довѣрчиво глядѣла ему въ глаза, спокойно говорила о своемъ ребенкѣ и каждымъ правдивымъ словомъ властно манила его къ себѣ... Они подѣзжали уже къ Перми, какъ просвѣтлѣвшій Столбовъ вдругъ сказалъ:

— Хорошій вы человѣкъ.

Она смущенно улыбнулась:

— Всѣ такіе...

— Останьтесь со мной,—говорилъ Столбовъ.—На всю жизнь. Я очень богатъ, но одинокъ. Душу мою согрѣть некому... Жить оттого тяжело, невыносимо. Полюбите меня!

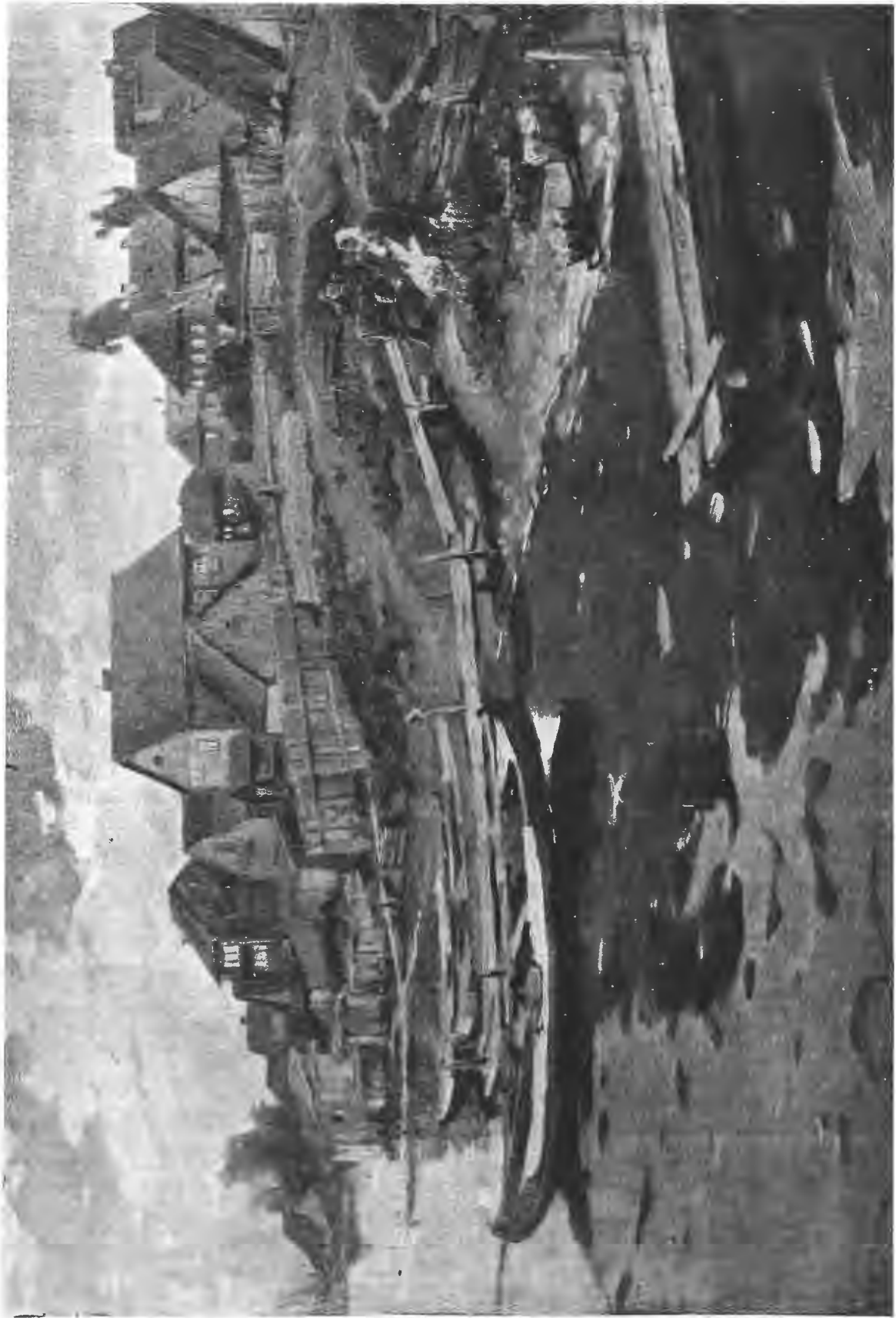
Онъ былъ готовъ умолять ее, стать на колѣни, цѣловать ея ноги, плакать. Но маленькая женщина взяла его руку и пожала ее крѣпко. Потомъ притянула, какъ ребенка, къ себѣ и поцѣловала въ лобъ.

— Прощайте,—сказала она со слезами въ голосъ,—въ васъ Божья искра есть. Господь пошлетъ вамъ женщину лучше меня! И смѣшалась съ толпой.

Столбовъ заперся въ каютѣ и плакалъ, какъ ребенокъ...

Въ другой разъ онъ со своей пестрой шумной компаніей пьянствовалъ на плоткахъ. Прибилась къ нимъ женщина. Откуда она пришла, никто не зналъ. По виду какъ будто „ночная бабочка“. Пѣла она пѣсни, хохотала, много пила шампанскаго.

Столбовъ,—который былъ въ томъ періодѣ, когда вино лилось въ него, какъ вода, не опьяняя,—замѣтилъ, что сквозь смѣхъ у нея сквозило отчаянье и слезы. Въ концѣ безумной ночи, когда

К. Вещиловъ.

Начало ночи.

все кругомъ было пьяно и хотело, женщина, уткнувшись въ свои колѣни, рыдала. Столбовъ вдругъ почувствовалъ, что около него рвалась на части погубленная душа. Ему хотѣлось протянуть руку помощи, полюбить эту женщину, сдѣлать изъ нея человека, но... что-то остановило его отъ этого шага: безобразный ли видъ пьяной компаніи, свои ли муть душевная или еще что, но Столбовъ глухо молчалъ. Въ душѣ его копались черныя, грязныя муки сомнѣній...

Когда женщина уѣзжала, Столбовъ было-вскинулъ руками, хотѣлъ остановить, позвать, но... не сдѣлалъ этого.

— Можетъ-быть, тамъ было мое счастье? Почему знать?—говорилъ онъ много разъ послѣ.

Мечталъ и о ребенкѣ.

— Я смотрѣлся бы въ него, какъ въ зеркало, и то, что осталось во мнѣ хорошаго, отдать бы ему...

Но судьба отняла отъ него всякую надежду на потомство и оставила его вдвоемъ съ Натальей.

Рано поэтому посѣтила Столбова тоска. И какая тоска! Въ этомъ богатрѣ все было въ превосходной степени: и разгуль, и дѣловитость, и печаль... Когда послѣ кипучей работы наступали дни сомнѣній и сознанія своего одиночества,—Столбовъ становился неузнаваемъ. Сѣрый, мрачный, онъ скрывался изъ дома и изъ города, гдѣ жилъ. Ѣхалъ куда-нибудь въ степь, въ монастырь, на Каспій. Какъ будто кто гналъ его... Тамъ безудержно пилъ и безобразничалъ до тѣхъ поръ, пока не наступало время отдохнуть его измученному тѣлу...

IV.

Съ годами Столбову жить становилось тѣснѣе и тѣснѣе. Воля была мала для него. Росли богатство и слава, но жизнь суживалась. Какъ будто росъ и ширился только онъ, а окружающая жизнь старѣла, мельчала. Онъ, какъ безумный, метался по Волгѣ, ница выхода своимъ бурнымъ силамъ. И баржи, и пароходы, и амбары „такіе, какъ ни у кого“. А дальше что? Во что перелить себя, вложить свою силу, свободу, ширь? Онъ завязалъ торговлю съ Персіей и Бухарой. А дальше Персія и Бухары для Игната Столбова были конецъ свѣта. Ити некуда. Узокъ и ничтоженъ мѣръ...

Столбовъ, какъ раненый звѣрь, въ бѣшенствѣ ломалъ клѣтку. У него были товарищи, астраханскій купецъ Ивановъ—тоже Геркулесъ, съ бурными порывами и изломанной душой. Оба друга мерзевали одинаковую тягость ограниченной жизни и молотомъ били въ крышку ея.

— Не жизнь, а гробъ,—говорилъ Столбовъ Иванову.—Скучно, Леонть, охъ, какъ скучно! Хотѣлось бы мнѣ со скуки вылить Волгу на головы проклятыхъ скаредовъ, строящихъ, какъ мы съ тобой, лавки, забазы, пароходы...

— Да, Игнатъ... А вѣдь намъ завидуютъ. Говорятъ,—богачи. А мы хуже нищихъ. Эй-Богу, хуже!

Это была ихъ обычная тема, когда оставались они одни. При другіхъ оба друга молчали. Много презрѣнія скрывали они въ себѣ къ окружающимъ ихъ ничтожнымъ людишкамъ.—„Не стѣбитъ душу раскрывать! Не поймутъ! Скажутъ, съ жиру бѣсятся!“

— Господи!—жаловался Ивановъ.

Онъ много говорилъ и часто вздыхалъ. Былъ онъ сентименталенъ, слезливъ, но душу имѣлъ живую, искренно страдающую.

— Идетъ купецъ... Вижу я его и думаю: знаю я тебя, голубчикъ, на душѣ твоей камень, хоть и выглядишь ты весело... Какой ты богачъ? Иной всю жизнь людей обманываетъ, грѣха на душу наберетъ столько, что больше некуда. А для чего? Невѣдъ домъ построишь.—Ну, построишь; кажись, можно бы и успокоиться. Нѣтъ, продолжаетъ обманывать—нужно другой домъ строить. Ни радости, ни ласки, ни покоя мы не видимъ. Цѣлый вѣкъ мечемся, а для чего—сами не знаемъ. Родятся, растутъ дѣти,—мы не видимъ... Ангелокъ радость свою показываетъ, улыбается свѣту, а намъ некогда посмотреть, нужно ѣхать по дѣлу. Проживемъ въ такой бѣлой горячкѣ жизнь, и какъ станемъ подводить балансы, ахъ и не знаемъ—зачѣмъ жиди? Неужели затѣмъ, чтобы дома строить? Да пропади они пропадомъ... Хочется мнѣ крикнуть всей торговой Руси-матушкѣ: „остановись! Христомъ Богомъ молю, остановись, пока не поздно. Брось наживу, посмотри въ душу, чѣмъ живешь она?..“

Подолгу они бесѣдовали такъ. И все чаще и чаще имъ приходила въ голову мысль—бросить все богатство и уйти куда-нибудь.

Столкнувшись они однажды со старикомъ-странникомъ. Брелъ тотъ изъ Соловокъ на Донъ и остановился отдохнуть у сельскаго трактира. А Столбовъ и Ивановъ кутили здѣсь съ тоски. Перепили все село. Съ утра до вечера около чайной лавки пьлись и „труны“ упившихся.

Увидалъ Столбовъ старика и говоритъ:

— Иди сюда, пьянъ будешь!

Но старикъ посмотрѣлъ на него строго и молча прошелъ въ чайную.

Столбовъ за нимъ:

— Выпьемъ, что ли, старина?

Опять странникъ не сказалъ ему ничего, лишь посторонился, даль пройти Столбову. Тотъ захохоталъ и сталъ тащить его за рукавъ. Старикъ побѣднѣлъ вдругъ и тихо проговорилъ:

— Спасибо, дорогой братъ, не пьян я!

Столбовъ удивился этой вдругъ веселѣвшей блѣдности на лицѣ оборваннаго старика и его словамъ, которыя показались ему странными, необычными. Онъ не привыкъ къ нимъ. Стѣдно стало ему своего смѣха. Оставилъ онъ рукавъ старика и молча сталъ смотрѣть на странника. А старикъ вдругъ ласково засмѣялся и тоже сталъ глядѣть на Столбова своими добрыми глазами. И показалось тогда Столбову, что онъ глядитъ къ нему въ душу и видитъ насквозь всю его грязь. Стали они говорить. Подсѣлъ Ивановъ.

— Что, други мои, отъ себя самихъ уйти хотите?—спросилъ ихъ странникъ и опять ласково-ласково улыбнулся.—Нельзя уйти-то никакъ...—продолжалъ онъ.—Вотъ въ чемъ наше горе-то человеческое. За собой мы тащимъ всю нашу обузу-то... Грѣхи, соблазны, развратъ и роскошь... И если отъ сердца своего ты не оторвешь ихъ, то хоть взлети на небо, или спустишься на дно морское, а все ты будешь тотъ же—со страстями, съ печалью и тоской...

Купцы слушали молча.

— Что же надо, старикъ?

— Что надо? Ты не сдѣлаешь того, что надо.

— Можетъ, сдѣлаю?..

— Тогда хорошо будетъ. Верни къ себѣ радость простой Божьей жизни. Не гонись за деньгами и славой людскою... Назнанку выверни всю свою жизнь! Все, чѣмъ живъ,—брось! Когда опростишься, скажешь: какъ легко, хорошо!..

— А ты, старикъ, бросить?

Странникъ не сразу отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Сталъ рыться въ котомкѣ и тихо, серьезно, со скрытымъ надрывомъ проронилъ:

— Можетъ, и я что-нибудь брошу...

Поздно разошлись они. Столбовъ и Ивановъ уѣхали съ первымъ пароходомъ. Столбову казалось, что онъ нашелъ какой-то якорь. Осталось только бросить его, и—онъ спасенъ. Но онъ долго не бросалъ этого якоря.

V.

Долго еще видѣли Столбова въ его обычной волжеской обстановкѣ. То онъ думаетъ и работаетъ надъ какимъ-нибудь новымъ крупнымъ торговымъ дѣломъ: строить большую гостиницу въ приволжскомъ городѣ, скупаетъ все рыбные промысла въ Дербентѣ, беретъ громадную поставку хлѣба. То—надѣветъ ему работа—гдѣ-нибудь въ устьѣ Каспія на плоту пьетъ шампанское въ обществѣ своей пестрой, всегда случайной компаніи. Ревутъ они, пьяные, звѣриннымъ ревомъ, пугаютъ рыбу, птицъ и сторожей. А когда угаръ доходитъ до послѣднихъ предѣловъ, Столбовъ плачетъ пьяными слезами.

А завтра другая картина. Вдвоемъ съ Ивановымъ ѣдутъ они въ маленькой плетенкѣ по пыльной дорогѣ куда-то въ сторону отъ Волги. Куда? Лица у нихъ совсѣмъ другія, съ другимъ настроеніемъ. Уже трезвыми глазами они смотрятъ на мѣръ Божій.

— Куда же васъ доставить, купцы?—спрашиваетъ ямщикъ,—къ игумену или въ гостиницу?

Онъ въ монастырь.

— Схимника отца Пансія можно видѣть?—спрашиваютъ они у привратника.

О Пансіи они слышали на Волгѣ отъ какого-то странника. Послѣ пьянства прѣхали послушать святые рѣчи праведнаго человека. Принялъ ихъ Пансіей, долго бесѣдовалъ съ ними въ своей кельѣ-гробу. Купцы пеновѣдались и причастились въ монастырскомъ храмѣ.

Черезъ недѣлю они уже у „Макарія“. Сидятъ пьяные, отуманенные въ отдѣльномъ кабинетѣ какого-нибудь „Фоли-Бержера“, и хочется опять имъ сдѣлать что-нибудь необычное, о чемъ бы заговорили на биржѣ и по всей Волгѣ. Слышится гитара, и хоръ цыганъ поетъ имъ свои за душу хватающія пѣсни. Кругомъ разсѣлась темная компанія людей, которымъ за четвертную можно мазать лицо горчицей или „тонить“ ихъ въ Волгѣ. Какъ всегда, грустно на душѣ у купцовъ.

— Искупаемъ, Игнатъ!—спрашиваетъ Ивановъ.

— Валай!

— Тащи ванну!—кричитъ Ивановъ.

Всѣ уже знаютъ, въ чемъ дѣло. Начинается хохотъ. Льетъ шампанское въ ванну. Ивановъ выбираетъ красивую цыганку.

— Ну!—приказываетъ ей.

Она въ платьѣ съ визгомъ бросается въ ванну, ложится и поетъ оттуда свои пѣсенки.

А Столбовъ наклоняется къ Иванову:

— Скучно, Леонть, жить на свѣтѣ!

— Скучно, Игнатъ!..

Однажды въ одномъ монастырѣ около Царицына случился пожаръ. Туда помчались царицынскіе пожарные. Но на дорогѣ передъ ними внезапно выросъ громадный человекъ. Пьяный, расгребанный, съ блуждающими глазами.

— Стой! Ни съ мѣста!—остановилъ онъ, схвативъ подъ уздцы коренника.

— Кто ты такой?

Взглядѣлись.—Ивановъ.

— Это мы подождли монастырь! Что, славно горитъ?

Праздничныя игры.

М. Бабуть.

Подбѣжалъ Столбовъ, такой же дикій, пьяный. Пріятели пили, и безумная мысль залетѣла къ нимъ въ голову—поджечь монастырь.

— Въ этомъ монастырѣ не Богу молятся, а чорту служить,— говорили они,—хорошее дѣло сдѣлаемъ, если сожжемъ.

Подожгли.

Дѣло замаяли—купцы откупились деньгами.

Одинъ разъ столбовская баржа сѣла на мель противъ большого машиностроительнаго завода. Столбовъ поѣхалъ снимать баржу. Былъ онъ въ это время въ полосѣ разгула. Какъ пріѣхалъ, — позвалъ рабочихъ завода снимать баржу. Назначилъ хорошую плату. Тѣ знали Столбова и пошли къ нему, а заводъ бросили. Столбовъ выставилъ имъ водку:

— Пей, сколько хочешь!

Споилъ рабочихъ окончательно. Круглыя сутки на баржѣ сидѣли и пили. Заводъ пересталъ работать. Администрация завода бросилась къ полиціи. Но полиція знала щедрость Столбова и ничего не хотѣла предпринимать. Тогда администрація отпирала къ Столбову посольство:

— Сдѣлай милость, Игнатъ Потапычъ, уѣзжай, заводъ сталъ! Убытки!

Кое-какъ Столбова увезли.

Такъ шла жизнь безпокойнаго волжскаго миллионера. Безъ пути, безъ дороги, „черезъ пень—колоду“. Уже старѣтъ онъ началъ, а между тѣмъ все еще не могъ рѣшиться „бросить якорь“. Но въ его опустошенную душу, — чѣмъ больше сѣдѣла его голова, тѣмъ чаще, — стали залетать властные зовы. Онъ знаетъ, что ничего сильнаго, огромнаго, широкаго сдѣлать было уже нельзя, — все сдѣлано имъ. Тогда невольно онъ заглянулъ въ глубь души и понялъ, что тамъ у него непочатый край, дѣятельная цѣлина. Тамъ большой просторъ. Тамъ надо начать стройку.

Въ концѣ концовъ ему стали противны и работа и разгулъ. Все надоѣло до омерзѣнія. Копилъ зачѣмъ-то деньги. Всю жизнь не переставая, безъ отдыха, спѣша, строилъ. Но для чего? Нанималъ сторожей, чтобы охранять постройки. Самъ безпокоился и ходилъ по ночамъ проверять, на мѣстахъ ли сторожа. Зачѣмъ все это? Какъ это мелко, гадко, ничтожно... Недостойно человѣка. Столбовъ ходилъ сѣрый, молчаливый и твердилъ про себя:

— Пора! Давно пора!

VI.

Всю ночь шепталась съ кѣмъ-то Волга. Изъ бурной впадины рѣки доносился шорохъ. Тамъ несмѣтная вражеская армія тихо готовилась къ нападенію: передвигала полки, укрѣпляла позиціи. Когда дуть вѣтеръ, онъ въ сонный городъ доносилъ то звуки тихихъ, прощальныхъ пѣсень, то заглушенный мотивъ похоронной молитвы...

Съ разсвѣтомъ планы обнаружались. И внизъ по рѣкѣ въ ужасѣ побѣжали беспорядочныя толпы льдинъ. Въ узкихъ мѣстахъ онѣ грызли другъ друга, подымались на ноги, что-то зло-вѣщее шептали другъ другу на ухо, цѣбовались передъ смертью и, обезсиленные, падали въ сѣрую могилу рѣки.

А солнце жестоко смѣялось и пронзало острыми лучами несчастныхъ бѣглецовъ. Оно уже съ утра послало своихъ гонцовъ будить землю и людскую совѣсть, тревожить застоявшіяся тѣни, плавить черствую корку зимы. И лучи напоили воздухъ хмелемъ тепла и горячими бросали на землю свои жаркіе поцѣлуи.

Столбовъ проснулся, прислушался и понялъ, что замороженную землю кто-то властный наполнилъ безпокойнымъ гомономъ. Вотъ откуда-то прилетѣла пѣсня. Такая широкая, вольная. Звукъ то дрожать въ тоскѣ по чѣмъ-то родномъ, давно потерянномъ, то крѣпнуть гордые, могучіе, полные власти и силы. Кто-то огромный тихо жаловался на судьбу. Прощался и горько плакалъ. Откуда-то ворвались далекіе удары паденія и громкій, радостный крикъ побѣды.

Завылъ въ груди у Столбова. Старыя, растревоженные раны, знакомыя муки... Острое чувство напряженности, придавленности. Внутри его кто-то говорилъ: „Ты мой навѣки. Не выйдешь изъ этого дома. Поздно! Умрешь миллионеромъ съ пустой душой“. — „Нѣтъ, — спорилъ съ нимъ кто-то другой, — оторвусь отъ этой проклятой жизни, уйду!“

Молніей освѣтился весь его жизненный путь. Что сдѣлано? Строилъ лабазы, пароходы, лавки... А любилъ ли? Никого въ жизни. Никого не приласкалъ, никогда не пролилъ чистой слезы. Вѣчно раскаивался, но продолжалъ жить такъ же.

Вдругъ, какъ огнемъ, кто-то выжегъ въ его памяти далекую картину. Онъ, молодой, здоровый, полный жизни и надеждъ, у плетня родного дома. Свѣтитъ ясная, простая, какъ счастье молодости, луна. На его груди плачетъ Дуняша. Милая, дорогая дѣвушка! Гдѣ теперь она? Жметъ къ нему, краснѣя отъ стыда, счастливая лаской, и шепчетъ: „Любишь ли, золотой?“ Онъ цѣ-

дует ее десятый, сотый, тысячный разъ, обнимаетъ за станъ, хоронитъ свои руки въ длинныхъ рукавахъ ея пинсовой кацавейки и шепчетъ, шепчетъ... Ветла наклонилась надъ ними, и вътеръ тихо шелестить ей листьями.

Какъ хорошо было въ эту послѣднюю ночь! И какъ безконечно далеко все это! Точно чужой сонъ, хорошо рассказанный. А дальше? Дальше пошло длинное кладбище. Жизни онъ не запомнить. Была просто клокота. Къ Дунайшъ съ Волги не вернулся...

Ушла жизнь, какъ летучая мышь, пролетѣла... И вотъ онъ, старый и одинокій... солнце зоветъ людей къ ласкѣ и любви. А онъ забылъ, какъ ласкаютъ, не знаетъ, какъ любить...

— Пора,—сказалъ онъ и выпрямился.

Въ глазахъ сіяла рѣшимость. Онъ одѣлся, помолился передъ иконой и тихо вышелъ изъ дома, не посмотрѣвъ даже,—какъ онъ всегда дѣлалъ,—запертъ ли денежный ящикъ. Вошелъ въ контору, созвалъ всѣхъ служащихъ и сказалъ имъ:

— Прощайте, ребята! Не поминайте лихо!

— Куда вы?

Онъ молча махнулъ рукой въ пространство.

— Тамъ свидимся!

Указалъ на небо.

Загѣмъ такъ же тихо, торжественно, съ лицомъ причастника, спустился къ Волгѣ. Поклонился ей, своей матери, низко, поцѣловалъ родную землю и пошелъ изъ города.

Больше его не видали.

Въ тотъ же день весь городъ узналъ:

— Столбовъ исчезъ.

— Что это значитъ?

Объяснили просто:

— Неплательщикъ! Банкротъ!

— Мы думали, онъ на миллионѣхъ сидитъ! Вотъ и вѣрь послѣ этого людямъ!

Биржа волновалась. Всѣ разводили руками. Могъ ли кто предполагать крахъ?

Кредиторы бросились къ имуществу. Объявили конкурсъ. Какъ пивки, начали они сосать миллионы Столбова. Сосали, сосали и,

когда насосались, то подвели итогъ: осталось нѣсколько сотъ тысячъ чистыхъ денегъ. Наталы задротала эти деньги въ чулокъ.

— Что же это значитъ? — изумились купцы.—Никакого краха не было. Почему же Столбовъ бросилъ дѣло?

VII.

Въ это время бѣдно одѣтый, запыленный, сѣдой странникъ шелъ пѣшкомъ, направляясь на Старый Аѳонъ. Никто бы не узналъ въ немъ миллионера Столбова. Онъ уже привыкъ къ пѣшему хожденію и лишениямъ. Лицо его и весь обликъ стали простыми, крестьянскимъ. На Аѳонъ шелъ не Столбовъ, а простой смолокуръ изъ Керченскихъ лѣсовъ. И взглядъ его сталъ другимъ — взглядомъ ранней молодости: ласковымъ, веселымъ, открытымъ. Милліоны и торговая слава были веригами Столбова. Сбросилъ онъ съ себя эти вериги, и легко, радостно сбѣгалось ему.

Деньгъ съ собой онъ не взялъ. Дорогой питался Христовымъ именемъ. Нѣсколько разъ нанимался работникомъ къ крестьянамъ. Такъ медленно двигался онъ. Наконецъ достигъ Старого Аѳона и поступилъ въ послушники. Но не выдержала пскуса бурная душа Столбова. Когда онъ ближе познакомился съ жизнью „тихой обители“, то увидалъ, какіе ничтожные людишки одѣты въ черныя иноческія рясы. Въмѣсто праведности онъ нашелъ въ монастырѣ такой грѣхъ, о которомъ не знаютъ даже въ міру. Не стерпѣлъ Столбовъ. Однажды, разгорячившись, въ кровь избилъ нѣсколькихъ монаховъ, переломалъ много мебели, кинулъ монастырю въ глаза крѣпкое волжское укоризненное слово и ушелъ съ Аѳона.

Но на Волгу не вернулся. А пошелъ опять пѣшкомъ по Россіи. Прошелъ ее снизу доверху и затворился въ Соловкахъ.

Говорятъ, тамъ въ Соловкахъ онъ и умеръ. Но на Волгѣ не вѣрятъ его смерти. Много розказней ходитъ о немъ.

— Ушелъ Столбовъ жизнь свою грѣшную змалывать передъ престоломъ Господа... Но, думаютъ волжане, придетъ онъ предъ смертью къ матери-рѣкѣ, чтобы проститься съ ней... и около нея умереть. Любятъ волжане свою Волгу.

Такъ жила и окончила дни свои одна богатая русская натура.

Троицынъ день.

Вся въ цвѣту голубая сирень,
Вся въ цвѣту.

Славословить сіяющей день
Красоту.

День великъ, въ храмахъ служба идетъ,
День великъ.

Триединый предъ нами встаетъ
Божій ликъ.

Въ честь Его—всюду вѣтки березъ,
Въ честь Его,—

Лѣтній праздникъ народу принесъ
Торжество.

Такъ легко на душѣ, такъ свѣтло,
Словно въ ней

Разлетѣлось, разсѣялось зло
Съ тьмой страстей.

Вся въ цвѣту голубая сирень,
Вся въ цвѣту.

Славословить сіяющей день
Красоту.

И возносить цвѣтовъ голубыхъ
Өиміамъ,—

Чистый свѣтъ упованій земныхъ
Къ небесамъ!

Леонидъ Афанасьевъ.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условіямъ разсрочки подписной платы за „Ниву“ сего 1918 г., къ 1 июня слѣдуетъ внести **не менѣе 26 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной суммы, благоволятъ поэтому **озаботиться немедленно присылкою** слѣдующаго взноса, **во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ 6-го іюля—съ 27-го нумера.** Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копію печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ** и **непремѣнно указать**, что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **1 рубль** и **печатный адресъ.**

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Новый разсказъ Глѣба Ив. Успенскаго. Очеркъ В. Евгеньева-Максимова.—Очень маленький человекъ. (Страницы изъ одѣхъ записокъ). Разсказъ Глѣба Успенскаго,—Когда-то. Стихотвореніе Р. И. Сементковскаго.—Волжскій богатырь. Очеркъ А. С. Панкратова.—Троицынъ день. Стихотвореніе Леонидъ Афанасьева.—Заявленіе.

РИСУНКИ: Лѣто. Луиза Абемма.—Троицынъ день. С. Милорадовичъ.—Троицынъ день въ деревнѣ. Ф. Сычковъ.—Лѣтомъ, Геза ферраро.—Въ праздникъ. А. Чепцовъ.—Начало ночи. К. Вещиловъ.—Праздничныя игры. М. Бабуть. Къ этому № прилагается „Великая Французская Революція“ профессора Н. И. Карѣева, книга 5.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

Библиотека "Руниверс"

ЖИВЪ

1918 г.

XLIX г.
издания.

№ 26.

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРЬЕВА („Великая Французская Революція“).
Выданъ 29 Іюня (16 Іюня) 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—36 р., на ½ г.—18 р., на ¼ г.—9 р. Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 к.

Главная Контора и Редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Перепечатка иллюстраціи и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Открыта подписка на „НИВУ“ 1918 г.

Съ приложеніемъ 52 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, въ которыя войдетъ:

А. И. ГЕРЦЕНЪ (первая серія книгъ)

В. КОРОЛЕНКО (запрещенныя военною цензурою сочиненія)

М. ГОРЬКІЙ (вторая серія книгъ)

П. БЕРАНЖЕ (полное собраніе ПЪСЕНЪ)

Проф. Н. КАРЬЕВЪ. (Исторія Французской Революціи съ иллюстраціями).

Въ тихой заводи.

Н. Игнатьевъ.

„Посаженыя дѣти“.

Шутка въ 1 дѣйстви.

И. Н. Потапенко.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Ирина Михайловна Вандовская, 34 л.

Сергій, ея сынъ, 17 л.

Максимъ Петровичъ Лужанинъ, подъ 40 л.

Наталья, его дочь, 16 л.

Горничная.

Дѣйствіе происходитъ на дачѣ близъ Петербурга въ началѣ августа. Фасадъ двухъэтажной деревянной дачи выступаетъ террасой съ лѣвой стороны. Передъ террасой цвѣточная клумба, дальше деревья и кусты. Съ правой стороны, ближе къ авансценѣ, гамакъ, садовая скамейка, плетеное кресло. На террасѣ дачная плетеная мебель и столъ.

I.

Вандовская на террасѣ, надъ столомъ, кроитъ матерію. Наталья лежитъ въ гамакѣ. Сергій сидитъ около гамака въ креслѣ, съ книгой въ рукахъ. При открытіи занавѣса онъ громко читаетъ.

Сергій (читаетъ). „Но потомъ, когда она осталась одна въ своей комнатѣ, съ нервнымъ волненіемъ шагая изъ угла въ уголъ, она говорила себѣ: „нѣтъ, нѣтъ, я больше не могу. Опъ никогда не будетъ мнѣ. Я должна уйти...“ (Останавливается). А Наташа, кажется, изволить почивать?

Наталья (притворяясь спящей). Я? Ничего подобнаго. Пожалуйста, не выдумывай и продолжай. Но, можетъ-быть, мы мѣшаемъ Ирину Михайловну?

Сергій. Мама, мы тебѣ мѣшаемъ? Ты тамъ дѣлаешь что-нибудь глубокомысленное?

Вандовская. О, да... Ужасно. Крою кофточку для Наташи.

Наталья. Для меня? Боже мой! Я не знаю, куда дѣваться отъ благодарности. Зачѣмъ вы беспокоитесь, милая Ирина Михайловна?

Вандовская. Да вѣдь у тебя некому это сдѣлать. Максимъ Петровичъ кофточекъ кроить не умѣетъ. А ты, Сережа, читай дальше. Я вѣдь тоже слушаю. И непременно хочу знать, что стало съ героемъ и героиней.

Наталья. Они, навѣрно, женятся. Иначе они не были бы героями.

Сергій. По-твоему, жениться—это геройство?

Наталья. Ну, ты начнешь придираться. Почему я знаю? Я никогда не женилась... Читай, пожалуйста.

Сергій (читаетъ). „Видѣть его всегда, говорить съ нимъ, работать вмѣстѣ, и никогда не прикасаться къ нему, никогда не слышать трепетное бѣненіе его сердца, сознавая, что это сердце бьется для меня. Это невыносимо. О, я готова была нести самый тяжкій трудъ, я могла бы...“

Вандовская (смотритъ вдаль, направо). Кажется, кто-то подѣбхалъ...

Наталья. Это навѣрно папа. Его часть.

Вандовская. Да, это Максимъ Петровичъ. (Оставляетъ работу). Ахъ ему не сладко съ пакетами. (Спускается по ступенькамъ террасы). Мы всегда навязываемъ ему миллионъ покупокъ... (Входитъ справа, въ клубнѣ, Лужанинъ, неся въ обѣихъ рукахъ множество свертковъ, а подъ мышкой портфель). Вотъ я теперь вижу, какъ это было съ моей стороны безсовѣстно. Давайте сюда, Максимъ Петровичъ! (Отбираетъ у него часть свертковъ).

II.

Лужанинъ. Нѣтъ, не беспокойтесь. Это совѣмъ не тяжело, увѣряю васъ.

Сергій (подбѣгаетъ къ нимъ, отбираетъ все свертки у обоихъ). Давайте сюда. У меня вѣдь двѣнадцать рукъ. (Уноситъ свертки на террасу).

Лужанинъ. Фу-у! Вотъ теперь чувствую, что дѣйствительно была тяжесть... Добрый день, Ирина Михайловна! (Цѣлуетъ ея руку). Я сегодня уѣхалъ, когда вы еще спали, и, право, соскучился, будто недѣлю не видался.

Вандовская. Вы приобрѣли дурную привычку, Максимъ Петровичъ.

Лужанинъ. Конечно, привычка, но только не дурная. А гдѣ же моя дочь?

Наталья. Я здѣсь, мой отецъ! О, прости свою преступную дочь! Такъ удобно лежать, и лѣнь подниматься...

Лужанинъ (подходитъ къ ней и цѣлуетъ ея). Ну, лежи, раз-умѣется, прощану.

Вандовская (заботливо). Вы, должно-быть, устали. Максимъ Петровичъ и голоденъ... А обѣдъ только черезъ часъ.

Лужанинъ. Нѣтъ, не голоденъ. Но усталъ дѣйствительно. Сегодня на службѣ было какъ-то особенно утомительно и душно.

Вандовская. Ахъ, Боже мой... Такъ пойдѣте на террасу. Посидите. Тамъ прохладно.

Лужанинъ. Представьте, не могу. Долженъ сейчасъ отнести пакетъ на дачу нашего вице-директора. Онъ нездоровъ, и меня попросили.

Вандовская. Но это безобожно! Право, вы свалитесь съ ногъ... Ну, такъ знаете что? Въ такомъ случаѣ и я пройду съ вами.

Лужанинъ. Вотъ прекрасно! Это такъ мило, что, право... мнѣ кажется, я на ходу отдохну. Погодите-ка... (Достаетъ изъ портфеля пакетъ). Вотъ этотъ пакетъ. А портфель поручаю тебѣ, Сережа. (Сергій беретъ портфель и относитъ его на террасу). Вы позволите предложить вамъ руку? (Предлагаетъ руку).

Вандовская. Ну, конечно. (Беретъ руку). Дѣти, позаботьтесь, чтобы Шура накрыла на столъ. (Вандовская и Лужанинъ уходятъ направо вълубь и скрываются).

III.

Сергій. Ну, вотъ. Ты понимаешь, Наташа?

Наталья. Не совѣмъ. Но я обѣщаю понять, когда ты мнѣ скажешь.

Сергій. Ну, какая же ты! Вѣдь мы уже говорили объ этомъ.

Наталья. Да мы съ тобой только и дѣлаемъ, что говоримъ. И кажется, уже обо всемъ переговорили.

Сергій. Нѣтъ, ты посмотри: моя мама весь день ждала его, и лицо у нея было такое скучное. А когда онъ явился, она вся оживилась и даже вотъ не вытерѣла и пошла провожать его.

Наталья. А мой родитель весь расцвѣлъ, когда Ирина Михайловна захотѣла проводить его.

Сергій. А ты замѣтила, какъ онъ обрадовался, когда она дала ему руку?

Наталья. Еще бы, онъ даже чуть-чуть подпрыгнулъ отъ радости.

Сергій. Ну, и что же, по-твоему, изъ этого слѣдуетъ?

Наталья. Изъ этого слѣдуетъ, что наши милые родители влюблены другъ въ друга.

Сергій. Дальше?

Наталья. А дальше: что наша священная обязанность поженить ихъ. И вотъ я буду у моего отца посаженой матерью, а ты у своей мамы посаженнымъ отцомъ.

Сергій. Слушай, Наташа, ты вотъ все балаганишь, а вѣдь это серьезно, и мы должны обсудить это какъ слѣдуетъ.

Наталья. А что жъ, я готова.

Сергій. Но только ты, пожалуйста, выйди изъ гамака.

Наталья. А развѣ нельзя мыслить серьезно, лежа въ гамакѣ?

Сергій. Совершенно невозможно. Мнѣ по крайней мѣрѣ въ гамакѣ сейчасъ же хочется спать.

Наталья. Вотъ и неправда: великій Ньютонъ лежалъ подъ деревомъ, когда упало на землю яблоко, и онъ въ ту же минуту открылся... Вотъ не знаю... бинномъ Ньютона, что ли...

Сергій. Во-первыхъ, не бинномъ, а законъ тяготѣнія, а во-вторыхъ, и не Ньютонъ... И намъ нельзя терять время, потому что они каждую минуту могутъ вернуться. Вставай!

Наталья (неохотно поднимается и спускаетъ ноги). О, Господи, какъ это трудно женить и выдавать замужъ своихъ отцовъ и матерей. (Входитъ изъ гамака). Ну, говори...

Сергій. Да вѣдь совершенно же ясно. Твой папа овдовѣлъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, и, въ сущности, тебя воспитала моя мама. И мы съ тобой всегда были, какъ братъ и сестра...

Наталья. Это ужасно трогательно, то, что ты говоришь. Я готова заплакать...

Сергій. Ну, не перебивай, пожалуйста. Я говорю, что мы—братъ и сестра, слѣдовательно, никогда не влюбимся другъ въ друга.

Наталья. О, это навѣрное. За это я ручаюсь.

Сергій. А, значитъ, бракъ нашихъ родителей ни въ чемъ не задѣваетъ нашихъ интересовъ.

Наталья. Удивительно, какъ это у тебя все одно изъ другого вытекаетъ. Я давно бы уже сбилась.

Сергій. Это потому, что мужскому уму свойственна логика, а женщина живетъ интуиціей...

Наталья. А что это за птица такая—интуиція?

Сергій. А это значитъ—такъ вотъ, ни съ того ни съ сего... Какъ пробка изъ бутылки: хлопъ и выпалила!

Наталья. Ну, это ужъ ты оставь. Женщина въ наше время завоевала всѣ передовыя позиціи... Э-э... Гм... А вотъ чего, не знаю

Сергій. То-то вот... Завоевала, а не знаешь. Эх, ты, завоевательница!

Наталья. Постой, постой. А сфюффражистки?

Сергій. Оставим их в покои. Я продолжаю. Моя мама овдовела лѣтъ восемь назад и съ тѣх порь одинока. И вот эти двое людей—милыхъ, добрыхъ, умныхъ, съ прекрасными характерами, встрѣчаясь каждый день, влюбленно смотрят другъ другу въ глаза и сами себѣ не рѣшаются признаться, что любят друг друга. Вѣдь это же нелѣпость. Они страдают и чувствуют себя одинокими и въ то же время не могут дня прожить другъ безъ друга. Вѣдь не случайно же это, что въ городѣ наши квартиры въ одномъ домѣ—мы во второмъ, а вы въ третьемъ этажѣ, и дачу мы всегда снимаемъ двухъэтажную, для двухъ нашихъ семействъ. Эти люди просто созданы другъ для друга, и это нашъ священный долгъ—убѣдить ихъ или даже просто заставить обвѣнчаться.

Наталья. Нѣтъ, ты постой. Ты забылъ самое главное. Наши родители вѣдь люди небогатые. Мой папа служитъ, получаетъ что-то около двухсотъ рублей и изъ нихъ еще долженъ откладывать. Онъ каждый мѣсяцъ откладываетъ мнѣ на приданое по пятнадцати рублей; а твоя мама проценты получаетъ—тоже что-то около этого. И ты подумай: мы съ папой платимъ за квартиру шестьдесятъ рублей и вы столько же, а тогда можно жить въ одной квартирѣ за семьдесятъ пять рублей. То же и дача. Зачѣмъ намъ два этажа? Мы прекрасно можемъ помѣститься въ одномъ. Нѣтъ, ты только подумай, какая экономія! Тогда и на приданое мнѣ можно откладывать вдвое, втрое больше.

Сергій. Однакоже, и направленіе у тебя, нечего сказать... Вотъ такъ эфирное созданіе!

Наталья. А что жъ такое? Ты самъ сказалъ: интуиція. Вотъ тебѣ и интуиція.

Сергій. Хороша, чортъ возьми, интуиція. Насчетъ увеличения приданого. А впрочемъ, дѣйствительно это доводъ. Ну, да, конечно, и экономія. Ну, однимъ словомъ, мы должны во что бы то ни стало женить ихъ.

Наталья. И тогда ужъ мы будемъ не „какъ братъ и сестра“, а настоящие братъ и сестра. Это будетъ еще трогательнѣе.

Сергій. Да, да, должны. Но только какъ это сдѣлать?

Наталья. Ага! А ну-ка, умъ мужчины, которому свойственна логика, придумай-ка.

Сергій. Ничего не могу придумать.

Наталья. Выступаетъ на сцену интуиція. Пробка изъ бутылки,—хлопъ и выпалила. Ха-ха-ха...

Сергій. Ну, что же, что же?

Наталья. Да вѣдь ясно же. Они любятъ другъ друга, они только никакъ не могутъ заговорить объ этомъ. Такія натуры. Ну, понимаешь: твой папа былъ другомъ дѣтства моего покойнаго папы, а моя покойная мама товарка по гимназій твоей мамы. И имъ кажется неловкимъ—заговорить о любви. Двадцать лѣтъ были друзья, и вдругъ—любовь. Это какъ бываетъ во всѣхъ біографіяхъ знаменитыхъ людей: родители заставляли его идти по инженерной части, и онъ былъ плохимъ инженеромъ, но счастливый случай открылъ въ немъ гениальныя способности художника. Вотъ мы съ тобой и должны быть для нихъ этимъ счастливымъ случаемъ.

Сергій. Но какъ, какъ?

Наталья. А вотъ какъ: ты убѣди свою маму въ томъ, что мой папа влюбленъ въ нее. Ужъ на это-то у тебя хватитъ свойственной мужскому уму логики. Что онъ страдает, не спитъ изъ-за этого по ночамъ, у него можетъ отъ этого сдѣлаться чахотка. А и своему папѣ, какъ двадцать—два четыре, докажу, что твоя мама просто безъ памяти влюблена въ него. Ужъ я-то сумью сдѣлать это при помощи свойственной женскому уму интуиціи. Ну, а потомъ ужъ они сами заговорятъ объ этомъ и до чего-нибудь договорятся.

Сергій. Ты думаешь, заговорятъ?

Наталья. Непремѣнно. Изъ жалости... Вѣдь и въ романахъ всегда начинается съ жалости. Какъ же: она узнаетъ, что ему грозитъ чахотка. Не можетъ же она, его истинный другъ, остаться къ этому равнодушна. Ну, вотъ мы съ тобой друзья, и положимъ, ты узналъ бы, что у меня чахотка,—вѣдь ты началъ бы приставать ко мнѣ, какъ надоѣдая муха:—„ахъ, отойди, тутъ сквозной вѣтеръ! Ахъ, прикрой ноги пледомъ, здѣсь сыро...“ (За сценой голосъ Лужанина: „о, нѣтъ, ни малѣйшей усталости... я отдохнулъ вполне...“) Вотъ видишь, онъ уже отдохнулъ!.. Ну, хорошо, я его ушло переодѣться, а ты поговори со своей мамой, а потомъ... (Входятъ подъ руку Лужанинъ и Вандовская).

IV.

Лужанинъ. Ну, вотъ мы и проплись... Отлично! Какой чудный воздухъ сегодня!

Вандовская (смотря на террасу). Какъ? До сихъ поръ не накрыть столъ? Ну, ужъ придется мнѣ самой позаботиться.

Сергій. Но, мама, еще рано, и это успеется...

Наталья (подходитъ къ Лужанину и осматриваетъ его). Ай, папа... ты весь въ нилы... И пятна какія-то... Одно, другое, третье... Ай, ай, гдѣ это ты такъ? Да это просто неприлично. Тебѣ нужно сейчасъ же переодѣться.

Лужанинъ (смущенно осматриваетъ себя). Неужели? Въ самомъ дѣлѣ... Кажется... Я сейчасъ схожу на верхъ и переодѣнусь... Извините, Ирина Михайловна. (Подымается на террасу).

Вандовская. Поскорѣе возвращайтесь и будемъ обѣдать.

Лужанинъ. Да, черезъ десять минутъ буду готовъ. (Уходитъ въ дачу и подымается на верхъ).

Наталья. А я погуляю въ садикѣ. У меня, знаете, иногда бываетъ потребность въ одиночествѣ! (Уходитъ за дачу).

V.

Вандовская. Ну, надо похлопотать объ обѣдѣ. (Ищется къ террасѣ).

Сергій. Это успеется. Мнѣ надо поговорить съ тобой, мама.

Вандовская. Можетъ-быть, потомъ, Сережа? Я обвѣчала Максиму Петровичу обѣдъ.

Сергій. Это не долго. Притомъ же разговоръ будетъ какъ разъ о Максимѣ Петровичѣ, и это очень, очень серьезно...

Вандовская (объежившись). Что такое? Ты съ нимъ поговорилъ? Онъ тебя чѣмъ-нибудь обидѣлъ? Хотя я не могу себѣ представить... Ахъ, это было бы для меня очень горько.

Сергій. О, что ты, мама! Ты знаешь, что я отношусь къ Максиму Петровичу, какъ къ родному. Нѣтъ, совсѣмъ другое. (Беретъ ее за талию и ведетъ къ креслу). Ты успокойся и садись вотъ тутъ. (Усаживаетъ въ кресло).

Вандовская. Ты меня пугаешь, Сережа.

Сергій. Пугаться не зачѣмъ, а все-таки это серьезно, и надо обратить вниманіе.

Вандовская. Да что же? Что? Не мучь меня...

Сергій. Видишь ли... Ты знаешь, что съ Наташей мы друзья, и она ничего отъ меня не скрываетъ.

Вандовская. Ну, ну?

Сергій. И оказывается, что Максимъ Петровичъ боленъ. И ему даже грозитъ чахотка.

Вандовская (съ сильнымъ волненіемъ). Да что ты? Можетъ ли это быть? Да вѣдь это же ужасно. Но откуда? Онъ раньше былъ здоровъ.

Сергій. Видишь ли, мама, мнѣ не особенно удобно говорить. По всей вѣроятности, это его тайна. Но, разъ я узналъ, я не могу скрыть отъ тебя. Онъ уже нѣсколько лѣтъ страдаетъ... Онъ не спитъ по ночамъ и постоянно думаетъ объ одномъ и томъ же и даже, случается, бредитъ... Ну, однимъ словомъ, онъ влюбленъ...

Вандовская (явно задумавъ). Вотъ какъ! Въ кого же?

Сергій. Но это же ясно: въ тебя.

Вандовская. Ахъ, что ты, что, ты Сережа! Мы съ нимъ старые друзья... Онъ другъ дѣтства твоего покойнаго отца... И не могу даже подумать...

Сергій. Ну, а я такъ ясно вижу это. Онъ постоянно ищетъ твоего общества, нѣжно смотритъ тебѣ въ глаза...

Вандовская. Сережа...

Сергій. Это мои наблюденія, мама. Но это же тебя ни къ чему не обязываетъ. Конечно, ты могла бы выйти за него замужъ, и онъ навѣрно былъ бы прекраснымъ мужемъ и обо мнѣ заботился бы, какъ отецъ. И изъ двухъ семействъ образовалось бы одно, такое дружное, какихъ навѣрно еще нигдѣ и не бывало. Но я совсѣмъ не къ тому. Я только хочу, чтобы ты обратила вниманіе на его состояніе. Ты подумай: челоуѣкъ близокъ къ чахоткѣ, а у него дочь, Наташа, которая еще даже не кончила гимназій. Вѣдь можетъ случиться катастрофа.

Вандовская (вскликиваясь). Боже мой... Я просто не знаю, что дѣлать. Какъ ты разстроилъ меня! Я готова расплакаться. (Слышны шаги спускающагося по лестницѣ Лужанина).

Сергій. Успокойся, мама. Максимъ Петровичъ идетъ сюда. Ты не должна разстраивать его своимъ волненіемъ.

Вандовская. Да, да, я буду спокойна. Я лучше уйду. (Входитъ Лужанинъ).

VI.

Лужанинъ. Ну, вотъ я и готовъ... Развѣ не скоро?

Вандовская. Ахъ, а у насъ еще не готовъ обѣдъ... Я сейчасъ похлопочу. (Быстро идетъ на террасу).

Лужанинъ. Но зачѣмъ вамъ беспокоиться, Ирина Михайловна? Ну, право, я предпочелъ бы...

Вандовская. Нѣтъ, нѣтъ... Пора уже... Я сейчасъ. (Уходитъ).

VII.

Лужанинъ. Сережа, милый... Что это съ твоей мамой? Она такъ взволнована. Мнѣ показалось, что у нея голосъ дрожалъ... И глаза...

Сергій. Нѣтъ, это такъ... Ничего особеннаго. (Изъ сада входитъ Наталья).

Лужанинъ. А я замѣтилъ... И меня это странно огорчаетъ.

Наталья. Что тебя огорчаетъ, папа?

Лужанинъ. Да вотъ... Сейчасъ здѣсь была Ирина Михайловна. Я вошелъ. И она какъ-то быстро удалась и такая взволнованная, огорченная.

Сергій. Ахъ, я совсѣмъ забылъ... Мнѣ нужно до обѣда написать письмо товарищу. (Идетъ къ террасѣ).

Бъда стъгнась.

И. Гороховъ.

На Украйні. Въ страду.

Ф. Козачинскій.

Наталья (*тихо см.*). Я все слышала. Ты былъ геніаленъ. (*Громко*)
Кланяйся отъ меня твоему товарищу.
Сергѣй. Но онъ тебя не знаетъ.
Наталья. Ну, какъ-нибудь тамъ... отъ очаровательной незна-
комки, что ли.
Сергѣй. Какая скромность!.. (*Уходитъ въ домъ*).

VIII.

Лужанинъ (*съ волненіемъ ходитъ по сценѣ*). Я не понимаю,
что такъ могло разстроить Ирину Михайловну. Я очень без-
покоюсь.

Наталья. Какой ты странный, папа. Впрочемъ, говорить, что
всѣ мужчины такіе...

Лужанинъ. Что ты болтаешь? Какіе же мужчины?

Наталья. А вотъ такіе: они заняты своими дѣлами, ну, тамъ
на службѣ, или торговлей, — и не видятъ того, что происходитъ,
можетъ-быть, уже нѣсколько лѣтъ подъ самымъ ихъ носомъ. А
вдругъ случайно замѣтятъ и страшно удивлены...

Лужанинъ. О чемъ ты говоришь? Что такое дѣлается подъ но-
сомъ? Нѣсколько лѣтъ?

Наталья. Ну, конечно. Вотъ ты только-что замѣтилъ, что Ирина
Михайловна разстроена, а не видѣлъ, что она уже давно сама
не своя. И похудѣла, и щеки ея поблѣднѣли, и глаза часто бы-
ваютъ заплаканы.

Лужанинъ. Гм... Развѣ? Да, пожалуй... Въ самомъ дѣлѣ...

Наталья. Вотъ то-то и есть. А ты только-что замѣтилъ; и еще
называешь себя другомъ. Какая же это дружба? Вотъ мы друзья
съ Сережей, такъ ужъ я знаю всѣ его даже тайныя помышленія,
а онъ мой. А ты... Женщина можетъ страдать годы, а ты ничего
не замѣчаешь.

Лужанинъ. Да нѣтъ, постой, ты объясни толкомъ. Почему она
страдаетъ?

Наталья. Ахъ, такъ ты и этого не замѣтилъ? Ну, ужъ не по-
нимаю, гдѣ были твои глаза. Ты не видишь, что Ирина Михай-
ловна вотъ уже сколько лѣтъ безумно влюблена?

Лужанинъ (*съ тревогой*). Что? Ты думаешь, она влюблена? Но
въ кого же? Кто этотъ счастливецъ?.. Э-э... ну, да... я говорю:
въ кого?

Наталья. Ха-ха-ха-ха... Въ кого? Въ тебя, мой дорогой роди-
тель! Этотъ счастливецъ — ты. Но онъ, какъ всѣ счастливцы,
эгоистъ и ничего не хочетъ замѣчать.

Лужанинъ. Ахъ, что ты? Что ты? Ты съ ума сошла, Наташа.
Ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ.

Наталья. Ну, да, да, конечно: вы съ ея мужемъ были друзьями
дѣтства, моя мать была подругой Ирины Михайловны по гимназій,
а вы съ нею старые друзья, и такъ далѣе... Все это я прекрасно
знаю. Но вѣрно также и то, что она тебя давно уже любить,
ужасно страдаетъ, не спитъ по ночамъ, плачетъ, худѣетъ, ея
нервы въ конецъ разстроены, она близка къ помѣшательству.
Она даже иногда бредитъ и въ бреду произноситъ твое имя.
Да, да. Это не разъ слышала Сережа и все это рассказалъ мнѣ...
И подумай, папа, женщина со дня на день съ замираніемъ сердца
ждетъ, что ты это, наконецъ, замѣтишь... и... ну, я не знаю...
вызовешь ее на объясненіе, что ли... Не можетъ же она первая
объясниться въ любви.

Лужанинъ (*растерянно*). Какъ это странно! Поразительно! Я не
смѣлъ даже думать.

Наталья (*обнимаетъ его за талию*). Ахъ, папа, милый, дорогой,
я думаю, что, если бы вы поженились...

Лужанинъ. Ты окончательнo съ ума сошла, Наташа. Неужели же
ты не понимаешь...

Наталья. Ничего и не хочу понимать. Ты только подумай: у
насъ была бы одна семья. Ирина Михайловна стала бы моей
второй матерью... О, я свято чту память моей мамы, но ея уже
нѣтъ, а мнѣ такъ иногда хочется материнской ласки... И
о тебѣ она будетъ заботиться. И жить мы станемъ въ одной
квартирѣ, а лѣтомъ въ маленькой дачкѣ. Ты подумай, какая
экономія будетъ! Вѣдь у насъ у всѣхъ тогда денегъ станетъ
вдвое больше, и мы будемъ богачами. А главное, главное, — что
Ирина Михайловна перестанетъ страдать, и, значитъ, женившись
на ней, ты поступишь, какъ истинный другъ!

Лужанинъ. Ну, ты окончательнo заговорила меня... Я просто не
знаю, какъ и быть. (*На террасу входятъ Вандовская и горничная
съ посудой*).

IX.

Вандовская. Поставьте здѣсь. Я сама накрою. А вы поскорѣе
приготовьте закуску. Да не забудьте про клюквенный квасъ.
Максимъ Петровичъ любить его.

Горничная. Слушаю-съ, барыня. (*Ставитъ на столъ посуду и
уходитъ*).

Сергѣй (*за сценой*). На-та-ша-а!

Наталья. Ау!

Сергѣй (*за сценой*). Приди ко мнѣ на минутку!

Наталья. Иду! (*Убѣгаетъ на террасу и въ домъ*).

X.

(*Вандовская возится на террасѣ около стола, волненіе ея
проявляется въ звонъ посуды. Лужанинъ въ нерышительности
ходитъ по сценѣ*).

Лужанинъ (*подходитъ къ террасѣ, нерышительно*). Ирина Ми-
хайловна... Я могу васъ... обезпокоить?.. На два слова...

Вандовская (*прекращаетъ возню съ посудой*). Максимъ Петро-
вичъ... Я тоже хотѣла вамъ... два слова. (*Сходитъ съ террасы*).

Лужанинъ. Вы хотѣли?.. Такъ я... я къ вашимъ услугамъ...

Вандовская. Нѣтъ, ужъ лучше вы говорите то, что хотѣли.

Лужанинъ. Позвольте мнѣ уступить вамъ первенство...

Вандовская. Но право... Я ужъ и не знаю... (*Идетъ къ скамейкѣ*).

Сядемте. (*Садится на скамейку. Лужанинъ садится въ кресло*).

Ну, такъ вотъ... Да... Видите ли... Я узнала... То-есть мнѣ пока-
залось, что вы... страдаете и... какъ это сказать?.. что причиной
этого страданія... То-есть, конечно, не навѣрно... и даже, я думаю,
что этого нѣтъ... Но будто причиной являюсь я...

Лужанинъ. А развѣ вы, Ирина Михайловна, могли сомнѣваться
въ томъ, что всякое наше огорченіе глубоко трогаетъ меня и —
да, конечно, доставляетъ искреннее страданіе...

Вандовская. Позвольте... Вы говорите: огорченіе?

Лужанинъ. Да, да, для меня нѣтъ большаго горя, какъ быть
причиной хотя бы даже малѣйшаго огорченія... И если я былъ
недостаточно внимателенъ и такъ долго не замѣчалъ, то это
просто потому, что я не смѣлъ допустить даже мысли...

Вандовская. Вы не смѣли допустить мысли? Но я именно хочу
сказать, что мнѣ тоже подобная мысль не приходила въ голову...

Лужанинъ. Простите, я что-то не понимаю... Мнѣ кажется, что
мы запутались и говоримъ о разномъ. Вы что собственно имѣете
въ виду?

Вандовская. А вы?

Лужанинъ. Нѣтъ, первенство все-таки принадлежитъ вамъ, Ирина
Михайловна...

Вандовская. О, это не такъ легко высказать, Максимъ Пе-
тровичъ.

Лужанинъ. Полноте, между такими друзьями, какъ мы...

Вандовская. Можно быть самымъ искреннимъ другомъ и вы-
сказать такую догадку, которая помимо вашего желанія оскор-
битъ другого.

Лужанинъ. Ваша догадка оскорбить меня? Нѣтъ, этого я не
могу себѣ представить.

Вандовская. И чтобы этого не случилось, пускай рѣчь идетъ
не о васъ, а, положимъ, обо мнѣ. Ну, вотъ, положимъ, вы ка-
кимъ-нибудь образомъ узнали, что я много уже лѣтъ страдаю,
ни сплю ночей, болѣю, близка къ чахоткѣ...

Лужанинъ (*схватываетъ ея руку*). Дорогая Ирина Михайловна!
Что вы говорите? Меня даже отъ словъ этихъ бросаетъ въ хо-
лодъ...

Вандовская. Нѣтъ, постойте. Это вѣдь только предположеніе. Да,
такъ не сплю ночей, болѣю, близка къ чахоткѣ, и причина всего
этого — тайная, невысказанная любовь къ вамъ... Если бы вы
узнали это, какъ вы поступили бы?

Лужанинъ. Я? Да Боже мой... Я бросился бы къ вашимъ но-
гамъ, цѣловалъ бы ваши колѣни и умолялъ бы васъ стать моей
женой.

Вандовская. Да? Въ самомъ дѣлѣ? Такъ, значитъ, вы...

Лужанинъ. Ну, а если бы вы узнали, что, допустимъ, — это,
конечно, предположеніе, — я изнервничался, изстрадался, близокъ
къ сумасшествію, и все это по причинѣ многолѣтней, тщательно
скрываемой любви къ вамъ... Какъ поступили бы вы?

Вандовская. Я ни на минуту не задумалась бы стать вашей
женой.

Лужанинъ. Ирина Михайловна, такъ вѣдь это же выходитъ...
Изъ этого съ очевидностью слѣдуетъ, что мы... Я не смѣю этого
высказать...

Вандовская. Смѣло высказывайте, Максимъ Петровичъ.

Лужанинъ. Что мы любимъ другъ друга...

Вандовская (*встаетъ*). Да, такъ выходитъ... (*Въ это время Сергѣй
и Наталья тихою входятъ на террасу и на цыпочкахъ
спускаются въ садъ*).

XI.

Лужанинъ. И если изъ этого слѣдуетъ выводъ?

Вандовская. Дѣлайте выводъ, Максимъ Петровичъ!

Лужанинъ. То мнѣ остается только предложить вамъ быть моей
женой.

Вандовская. И я, конечно, согласна! (*Протягиваетъ ему руку,
онъ беретъ и цѣлуетъ*).

Наталья. Дорогие родители, мы васъ благословляемъ! (*Обнявъ
обѣихъ и поцѣлуи*).

Занавѣсъ.

Загробное мщение.

Баллада.

Как-то трое изловили
На дорогѣ одного
И жестоко колотили,
Беззащитнаго, его.
Съ переломанною грудью
И съ разбитой головой
Онъ сказалъ имъ: „люди, люди,
Что вы сдѣлали со мной?
„Не страшны ни Богъ ни черти,
Но клянусь въ мой смертный часъ.
Притаясь за дверью смерти,
Сторожить я буду васъ.
„Что я сдѣлаю—о, Боже—
Съ тѣмъ, кто въ эту дверь вошелъ!..“
И закинулся прохожий,
Захрипѣлъ и отошелъ.
Черезъ годъ одинъ разбойникъ
Умеръ, и дивился поплъ,
Почему это покойникъ
Все никакъ не входитъ въ гробъ.

Весь изогнуть, весь скорюченъ,
На лицѣ тоска и страхъ,
Оловянный взоръ измученъ,
Капли пота на вискахъ.
Два другихъ блѣднѣе стали
Стираннаго полотна,
Видно, много есть печали
Въ царствѣ неземнаго сна.
Протекло четыре года,
Умеръ наконецъ второй.
Ахъ, не видѣла природа
Дикой мерзости такой!
Мертвый глухо вылъ и хрипло,
Ползаль по полу, дрожа,
На лицо его налипла
Мутной сукровицы ржа.
Ужъ и кости обнажались,
Смрадь стоялъ—не подступить,
Все онъ вылъ, и не рѣшались
Гробъ его заколотить.

Третій, чувствуя тревогу
Нестерпимую, дрожитъ
И идетъ молиться Богу
Въ отдаленный тихій скитъ.
Онъ года хранить молчанье
И не ѣсть по сорокъ дней,
Исполняя обѣщанье,
Спитъ на ложѣ изъ камней.
Такъ онъ умеръ, нетревожимъ;
Но никто не смѣлъ сказать,
Что предъ этимъ чистымъ ложемъ
Довелось ему видать.
Всѣ блѣднѣли и крестились,
Повторяли; „горе намъ!“
И въ испугъ расходились
По трущобамъ и горамъ.
И вокругъ скита пустаго
Тернь поднялся и волчцы...
Не творите дѣла злого,—
Мстятъ жестоко мертвецы.

Н. Гумилевъ.

Рукотворный рай.

Турецкая легенда *).

А. В. Амфитеатрова.

Четверо было на землѣ, пытавшихся низвергнуть Божество, четверо гордыхъ, величавшихся быть богами.

Первый—Нимродъ, проклятiе Всевышняго да будетъ надъ нимъ!

Второй—Навуходоносоръ, проклятiе ему!

Третий—Фараонъ, проклятiе ему!

Четвертый—Шаддадъ, сынъ Аада, трижды проклятiе ему, ибо изъ всѣхъ четырехъ онъ самый дерзновенный.

Жилъ-былъ царь Аадъ, и было у него два сына: Шаддидъ и Шаддадъ. Когда Аадъ умеръ, сыновья, по взаимному согласiю, заняли его престолъ и сдѣлались царями. Были они жестоки, жадны, воинственны. Все наследство, которое оставилъ имъ отецъ, обратили въ деньги, а на деньги собрали несмѣтное войско и объявили войну всѣмъ царствамъ и народамъ земли отъ востока до запада. Удача неизмѣнно сопутствовала ихъ оружию. Копыта ихъ коней прозвучали во всѣхъ столицахъ мiра. Сколькихъ царей и владыкъ владчили они, побѣдители, рабами, въ цѣпяхъ, за своими колесницами!.. Скоро, очень скоро Шаддидъ и Шаддадъ сдѣлались царями всего земнаго круга и дали ему свои законы.

Но вотъ однажды Шаддидъ заболѣлъ: услышалъ зовущiй голосъ Того, Кто Единный не умираетъ.

Тогда собралъ онъ тысячи тысячъ своихъ воиновъ, конныхъ и пѣшихъ, въ щетинѣ копiй и блистанiи мечей. А также всѣхъ царей, плавившихъ ему дани, и своихъ сатраповъ-наместниковъ, и богатырей-военачальниковъ, покорившихъ ему мiръ.

И повелѣлъ онъ вынести предъ очи ихъ всѣ свои богатства и сокровища, опустошивъ кладовыя казны своей даже до послѣдняго сундука.

И сказалъ:

— Все, что вы видите, всѣ эти горы золота и серебра, все мое богатство — богатство мiра — отдамъ я тому изъ васъ, кто продлитъ земную жизнь мою хотя бы на одинъ лишь день.

Но никто не подалъ голоса, никто не поднялъ глазъ, и всѣ стояли въ молчанiи. Молчали тысячи тысячъ воиновъ, молчали покоренные данники-цари, молчали сатрапы-наместники, молчали богатыри-военачальники, покорившие весь земной мiръ.

И умеръ Шаддидъ-ибнъ-Аадъ, котораго люди звали Великимъ, и дворецъ его сдѣлался обителью смерти. И тогда, съ кончиною брата, остался одинъ царь, одинъ владыка на землѣ — Шаддадъ, сынъ Аада.

На конюшняхъ его стояло десять тысячъ коней, рожденныхъ кровными кобылицами отъ вѣтровъ пустыни, и конюхами къ нимъ приставлены были плѣнные цари.

Въ его трапезной залѣ былъ столъ сандаловаго дерева, за который ежедневно садились двѣ тысячи царей: тысяча кривыхъ на лѣвый глазъ и тысяча кривыхъ на правый, ибо другого глаза они были лишены за ослушанiе Шаддаду. Нынѣ всѣ они одинаково слѣпы въ своихъ могилахъ!

Въ его гаремѣ было двѣ тысячи дѣвственницъ царской крови, красота которыхъ затмевала полную луну и заставляла ее блѣднѣть отъ зависти.

Его жены родили ему несмѣтное потомство: тысячи принцевъ, мужествомъ равнявшихся львамъ.

Что же считать сокровища Шаддада, если подъ властью его склонили головы всѣ цари и народы, отъ мѣста рожденiя зари востока до мѣста угасанiя зари западной?

И забылъ Шаддадъ, какъ умиралъ такой же могущественный братъ его Шаддидъ. И казалось ему, что могущество его вѣчно, и жизни его не будетъ конца.

Тогда-то возгордился Шаддадъ, сынъ Аада, тогда-то возомнилъ онъ о себѣ, будто онъ—божество. Истинно, истинно слово Корана: „Не должно человѣку полагаться лишь на свой разумъ, но да молится онъ о вразумленiи Господу своему!“

Собралъ Шаддадъ на совѣтъ пророковъ, мудрецовъ, ученыхъ и книжниковъ того вѣка и объявилъ имъ, что намѣренъ провозгласить себя богомъ.

Тогда изъ среды пророковъ выступилъ Елисей, — мiръ ему, и да будетъ надъ нимъ благословенiе Аллаха!.. — и сказалъ:

— Сынъ Аада! Развѣ ты не знаешь, что въ мiрѣ есть Богъ, мiръ сотворившiй и мироуправляющiй, который мертвыхъ оживляетъ и живыхъ умерщвляетъ, бесконечно всемогущiй во всѣхъ дѣлахъ и вещахъ? Ибо сказано есть въ Коранѣ: „Благословенъ Тотъ, въ чьихъ рукахъ всемогущество, Кто творецъ и владыка всѣхъ вещей, Направитель жизни и смерти, ибо вамъ не дано знать, которая изъ нихъ лучше исполняетъ дѣлъ бытiя!“

Шаддадъ, проклятiе ему, отвѣтилъ:

— Тотъ, о комъ ты говоришь, Богъ на небѣ, а я Богъ на землѣ. И здѣсь моя божественность такъ же властвуетъ надъ жизнью и смертью.

Елисей, благословенiе надъ нимъ, возразилъ:

— О, сынъ Аада! Или невѣдомо тебѣ, что будетъ день воскресенiя? Тогда всѣ благочестивые, соблюдавшiе вѣру, поклоненiе и страхъ Божiй, войдутъ въ рай Всевышняго, гдѣ уготованы имъ вѣчныя наслажденiя и богатства, каждая крупинка которыхъ дороже всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ сокровищъ земли. И, какъ сказано въ Коранѣ: „Не отдѣльно, не каждый въ одиночку и самъ по себѣ, но всѣ вмѣстѣ будутъ жить въ общей радости и пребудутъ въ ней вѣчно“. Для нечестивыхъ же и подобныхъ тебѣ, о, Шаддадъ, Всевышнiй наполнилъ огнемъ геенну. О, царь! вспомни слово Корана и „бойся того огня, которому растопкой будутъ люди и камни!“

За эту рѣчь Шаддадъ приказалъ умертвить Елисея. Но пророкъ, мiръ ему, скрылся отъ палачей своихъ. Такъ Богъ явилъ

*) Преданiе о рукотворномъ раѣ изложено въ двадцать пятой главѣ турецкаго богословскаго сѣчпенiя „Кыркъ Сюаль“ („Сорокъ вопросовъ“), заключающаго въ себѣ отвѣты Мухаммеда на космогоническiе вопросы, которые задавали ему представители иудейскихъ общинъ Мекки и Йемена. Народность и широкая распространенность легенды утверждаются тѣмъ обстоятельствомъ, что она, частично, нерѣдко скрывается въ поэзии мусульманскихъ народовъ. Ея нѣтъ въ сказкахъ „Тысячи и одной ночи“, но имя ея героя и созданнаго имъ фантастическаго города упоминается часто. Науримѣръ, см. ночи 321, 772, 807, 812, 993.

Шаддаду, что онъ не властенъ надъ жизнью и смертiю человѣка. Но Шаддадъ, проклятiе ему, нимало тѣмъ не вразумился, а сказала пророкамъ и ученымъ, стоявшимъ предъ престоломъ его:

— Судь Божiй на небѣ, а на землѣ мой. Рай Божiй когда-то будетъ, а я для послушныхъ мнѣ устрою рай, не медля.

И рѣшилъ Шаддадъ:

— Да будетъ сооруженъ на землѣ точно такой же рай, какъ обѣщанъ Аллахомъ въ Коранѣ—на небѣ.

Собралъ Шаддадъ со всего лица земли семьдесятъ тысячъ самыхъ искусныхъ мастеровъ. Выбралъ изъ ихъ числа десять тысячъ самыхъ лучшихъ, способныхъ и опытныхъ строителей и послалъ ихъ во всѣ концы земли искать мѣстность, гдѣ климатъ былъ бы всего мягче, вода всего слаще, трава и деревья зеленѣе, птицы пѣвучѣе, цвѣты благоуханнѣе.

— Тамъ да будетъ заложена моя новая столица—Рай!

Долго искали и совѣщались мастера и, наконецъ, пришли къ соглашенiю, что лучшая мѣстность въ мiрѣ—та часть Сирiи, гдѣ нынѣ находится городъ Дамаскъ. Ибо воздухъ въ ней чистый, стремящiйся съ горъ водопады родятъ быстрыя рѣки, вода въ мѣру прохладная и сладкая. Шаддадъ одобрилъ выборъ мастеровъ и отдалъ въ ихъ распоряженiе семьсотъ тысячъ рабочихъ.

— А теперь,—сказалъ онъ мастерамъ,—говорите, какiе материалы потребны вамъ для созданiя рая?

Мастера сдѣлали смѣту и отвѣчали:

— Намъ нужно сто тысячъ разъ сто верблюжьихъ вьюковъ золота *). Столько же серебра. Столько же драгоценныхъ камней: алмазовъ, сапфировъ, перловъ, бирюзы, коралловъ, изумрудовъ, топазовъ и другихъ. Столько же алая, сандала, мускуса и тому подобныхъ пряностей и благовонiй. Столько же розоваго масла, лилейнаго масла, маселъ изъ гвоздики, нарцисса, ромашки, кунжута, иудейскаго краснаго дерева ервана, а также всѣхъ душистыхъ маселъ, которыя добываются въ Индiи. И, наконецъ, для того, чтобы мѣсить жидкости, соединяющiя твердое къ твердому, намъ нужны чаны изъ такихъ-то и такихъ-то сортовъ мрамора, сосуды изъ такихъ-то драгоценныхъ камней. А чтобы раздѣлять твердое отъ твердаго, намъ нужны строительные инструменты изъ золота, платины, серебра и закаленной бронзы.

Проклятый Шаддадъ сказалъ:

— Мнѣ принадлежитъ весь мiръ. Власть моя всюду и надъ всѣми. Поэтому даю вамъ полномочiе: собирайте нужныя вамъ средства со всѣхъ странъ и народовъ мiра, какимъ вамъ угодно способомъ. Исполняя волю Шаддада, нечестивые мастера его, да изгладитъ Аллахъ имена ихъ, принявъ повсюду захватывать сокровища и свозить ихъ въ назначенное мѣсто.

Сначала они обобрали всѣ цѣнности въ своей странѣ.

Затѣмъ отправили людей въ Римъ и Европу—вывести оттуда все серебро и прочiе металлы.

Опустили водолазовъ на дно морское и извлекли великое множество перловъ изъ раковинъ, Аравiйское море дало имъ кораллы, Китай и Кохинхина—драгоценныя камни.

Перестрѣляли серны на горахъ, чтобы изъ-подъ шеи ихъ добывать мускусъ.

Собрали со всего мiра мраморы, алоевое дерево, благовонiя, сандалъ, гвоздику, шафранъ,—все, что дорого стоило и, по расчету, требовалось для постройки.

А прежде чѣмъ приступить къ ней, проложили въ горахъ галлерей, чрезъ которыя мѣстность сдѣлалась доступною десяти полезнымъ вѣтрамъ изъ странъ Iемена и Сирiи. И можно было, по произволу, наслаждаться ихъ дуновениемъ и прекращать его, когда оно дѣлалось излишнимъ. Вырыли десять каналовъ, широкихъ, какъ рѣки, и течениемъ ихъ образовали внутреннее море. Собрали со всего мiра чертежниковъ и живописцевъ. Использовали всѣ ихъ таланты и всю ихъ фантазiю для плановъ и орнаментовъ. И только тогда начали строительство рая.

Прежде всего выстроили дворецъ, съ безчисленнымъ множествомъ залъ, павильоновъ, комнатъ, сверкающихъ окнами, соединенныхъ золотыми и серебряными лѣстницами. Въ каждомъ залѣ—трены, рубленные изъ цѣльныхъ драгоценныхъ камней. Въ каждомъ кускѣ—тахты, усыпанныя алмазами, вперемежку съ сапфирами, изумрудами и перлами. Дворецъ окружили рошею изъ алоевыхъ деревьевъ, вмѣстителями для мускуса и ямами, наполненными опиумомъ,—такъ, чтобы каждое движенiе воздуха окуривало дворецъ благоуханiями. Справа отъ дворца проведены были золотые каналы, которые днемъ должны были принимать солнечный свѣтъ, а ночью освѣщать дворецъ отраженными лучами. Сады наполнили золотыми и серебряными деревьями, съ листьями изъ топазовъ и изумрудовъ, съ плодами изъ всевозможныхъ алмазовъ, перловъ, рубиновъ и яхонтовъ. Разсыпались по садамъ также изъ золота и драгоценныхъ камней сдѣланные фiалки, нарциссы, гиацинты, гвоздика, тюльпаны, жасмины, базилики, ерваны. На деревья посажены искусственные птицы, опять—таки изъ драгоценнѣйшихъ камней. Но внутренность ихъ оставлена была пустою, чтобы вѣтеръ, дудъ, извлекалъ изъ нихъ звуки, какъ изъ духовыхъ инструментовъ,—и тогда садъ наполнялся хоромъ голосовъ, слагавшимъ гармонию седьмого неба, отъ которой вмещающiе приходили въ веселiе и восторгъ. Между дворцомъ и садомъ устроено было конское ристалище, съ мѣстами, подобными престоломъ. Всюду проведены

были рѣки и каналы, обставленные прекраснѣйшими вазами... Да, словомъ, на описанiе чудесъ сада Ирема *)—ибо такъ называли строители сооружаемую столицу—напрасно тратить время и трудъ, потому что кратко изобразить жизнь и красоту рая человѣку не дано возможности. Но... сказано есть въ Коранѣ:

— Развѣ ты не былъ свидѣтелемъ того, какъ поступилъ Господь Богъ твой съ аадiйцами, обитателями Ирема, города великолѣпныхъ зданiй, подобныхъ которымъ не жили люди въ странахъ земли?

Сто лѣтъ строили мастера столицу для Шаддада и, когда постройка приблизилась къ концу, спросили царя:

— Не будетъ ли отъ тебя еще какихъ приказанiй?

Шаддадъ, проклятiе ему, сказалъ:

— Да будетъ построенное вами раемъ для моихъ подданныхъ. Для себя же я желаю рая въ раю. Посреди сада Ирема выстройте мнѣ крѣпость, посреди крѣпости расширьте дворъ, посреди двора возвысьте дворецъ, посреди дворца поднимите надъ кровлею круглый шатеръ, посреди шатра поставьте для меня престолъ.

Да будетъ онъ изъ красныхъ рубиновъ и зеленыхъ изумрудовъ, а по сторонамъ его да встанутъ литые изъ золота и камнями осыпанные павлины, голуби и черныя орлы. Окружите престолъ благоуханiями—такъ, чтобы каждый вѣтерокъ окуривалъ его сладчайшимъ ароматомъ. Вокругъ моего шатра постройте еще тысячу подобныхъ же шатровъ, поставьте въ нихъ слоновъ и прочiихъ домашнихъ животныхъ. Истройте къ нимъ тысячу кухонь, въ которыхъ рабы мои будутъ готовить кушанья для обитателей рая. Соберите со всего мiра красивѣйшихъ мальчиковъ и дѣвочекъ: да будутъ они прислужниками и гурiями въ моемъ раю.

Еще сто лѣтъ строили мастера, и, наконецъ, все было исполнено, какъ того желалъ Шаддадъ.

Тогда Шаддадъ, да будетъ онъ проклятъ, разослалъ во всѣ концы земли глашатаевъ, и они оповѣстили всѣ народы всѣхъ странъ:

— Царь Шаддадъ повелѣваетъ вамъ явиться въ садъ Иремъ со всѣми вашими божествами для великаго праздника.

Когда народъ собрался, Шаддадъ назначилъ день своего переселения въ устроенный имъ земной рай.

Загрѣзали барабаны, загрѣзли трубы,—съ перваго дня бытiя своего мiръ не слыжалъ столько воинственнаго шума.

Положныя носилки Шаддада возвышались на спинахъ двухъ въ ногу ступавшихъ слоновъ. Вокругъ Шаддада шла его отборная дружина, въ нѣсколько сотъ тысячъ воиновъ, за которыми слѣдовали тѣмъ турiй, рабовъ и неисчислимыиъ обозъ вьючныхъ животныхъ. Завечерѣло,—и походъ остановился на ночевку всего въ пяти верстахъ отъ Ирема, потому что Шаддадъ желалъ вступить въ рай утромъ.

Новѣзугу самуюночь Всевышнiй послалъ на Шаддада своего ангела. Только одинъ крикъ испустилъ ангелъ,—и стала буря.

Только однимъ порывомъ вѣтра дохнула она,—и всѣ погибли.

Вотъ что значить стихъ Корана:

— Лишь однажды былъ гласъ,—и погасли!

Но садъ Иремъ, слишкомъ прекрасный, чтобы быть разрушеннымъ, Господь охранитъ отъ гибели. Онъ лишь скрылъ его отъ глазъ человѣческихъ, такъ что никто изъ проходящихъ не сталъ видѣть его.

Такую премудрость открылъ славный пророкъ Мухаммедъ, да будетъ надъ нимъ миръ и благословенiе Господне, другу своему Абдуллаху-ибнъ-Саламу, иудею. А послѣ этихъ словъ пророка Абдуллахъ-ибнъ-Саламъ спросилъ его:

— О, благословенный! Съ того времени, какъ скрытъ Иремъ, удавалось ли кому видѣть его?

Славный пророкъ, миръ и благословенiе надъ нимъ, отвѣтилъ:

— Для всѣхъ людей Всевышнiй откроетъ Иремъ только въ послѣднiй день мiра. Но одному изъ моихъ послѣдователей, по имени, какъ ты, Абдуллаху, выпало однажды счастье не только видѣть Иремъ, но и привезти оттуда на своемъ верблюдѣ цѣлый вьюкъ драгоценныхъ камней.

Вотъ какъ это случилось.

Въ дни великаго халифа Магави, зотъ арабъ Абдуллахъ потерялъ своего верблюда и выѣхалъ на поиски его въ пустыню. Блуждая туда и сюда, внезапно набрелъ онъ на стѣну такой необычайной длины, что, въ какую сторону онъ ни смотрѣлъ, не видно было конца ея. Бѣдучи вдоль стѣны, Абдуллахъ достигъ воротъ, оказавшихся открытыми. Выѣхалъ, и предъ глазами его развернулось зрѣлище чудесной зеленой равнины, которая тянулась вдаль—до горизонта, замкнутого какъ бы синею завѣсою. Но когда Абдуллахъ взглянулъ въ завѣсу, онъ увидѣлъ, что это преграждаетъ ему зрѣнiе, поднимаясь отъ земли до неба, стѣна изъ голубого хрустала. Равнина же, покрытая бѣгущими ручьями, казалась счастливейшею изъ долинъ, какiя когда-либо воспѣвались поэтами, потому что въ пространствѣ ея купы розъ, базилики, нарциссовъ и жасмина чередовались съ апельсинными рощами, а на деревьяхъ гнѣздились, воркуя, стонущiя горлицы, и соловьи рокотали трелями въ нескончаемыхъ пѣсняхъ любви...

И по мѣрѣ того, какъ Абдуллахъ въѣзжалъ въ равнину, открывалась ему въ глубинѣ ея столица, невиданная въ мiрѣ, въ ослѣпительномъ сверканiи золота и драгоценныхъ камней. А когда Абдуллахъ взглянулъ себѣ подъ ноги, то увидѣлъ, что земля здѣсь—золотой песокъ, а камешки—изумруды и рубины. И когда онъ оглянулся на ворота, въ которыя вошелъ, то уви-

*) Верблюжь вьюкъ—15 пудовъ.

*) Такъ у турокъ. Въ „Тысячѣ и одной ночи“:—„Арамъ на колоннахъ“.

дѣл, что они сдѣланы изъ агата. А всѣхъ воротъ въ стѣнѣ было семь, какъ въ раю, и всѣ они были изъ разнаго драгоценнаго матеріала: агатовыя, яшмовыя, коралловыя, рубиновыя, изумрудныя, серебряныя, золотыя. И стѣны, которыя они прорѣзали, также были сложены изъ золотыхъ и серебряныхъ кирпичей.

Такъ, войдя въ городъ чрезъ агатовыя ворота, продвигался Абдуллахъ понемногу впередъ да впередъ, призывая имя Аллаха, и дивился улицамъ, окаймленнымъ алебастровыми портиками дворцовъ и садами, изъ которыхъ дышалъ воздухъ, сладкій, какъ молоко, вытекали ручьи, напитанные ароматами. Но одинъ дворецъ даже и здѣсь, въ этомъ царствѣ неутомимо соперничающей красоты, выделялся великолѣпиемъ и изяществомъ, безмолвно прославлявшими искусство и вкусъ гениальнѣйшаго изъ строителей: кому, кромѣ Аллаха, вѣдомо его имя? Террасы, обведенныя перилами изъ разноцвѣтнаго хрусталя, опирались на тысячи золотыхъ колоннъ и примыкали къ стѣнамъ, выложеннымъ мозаикою изумрудовъ и сапфировъ. Всѣдки, шатры, кіоски, скамьи, — все, до послѣдняго ничтожнѣйшаго предмета, слитое изъ золота, сверкающее драгоценными камнями!.. Ни въ сказкѣ сказать ни перомъ описать нельзя красоты, представившейся глазамъ Абдуллаха!..

А внутри дворца Абдуллахъ нашелъ еще малый садъ съ почвою, благовонною, какъ мускусъ, и орошенною тремя ручьями: одинъ текъ чистымъ виномъ, другой медомъ, третій розовою водою. И если большіе сады, которые опоясывали дворецъ цвѣтами и листьями всѣхъ древесныхъ и злачныхъ породъ, можно было опредѣлить, согласно ихъ великолѣпію, безуміемъ растительности, то малый садъ слѣдовало назвать прелестью мудрости. Здѣсь было только четыре вида цвѣтовъ, но зато подобными имъ глазъ человѣческой уже не ласкался послѣ первыхъ дней творенія.

Первымъ цвѣткомъ была роза. Но цвѣли тамъ не обычныя розы садовыхъ кустовъ, а священные красавицы-розы, потомцы и сестры той, что цвѣли въ небесномъ раю до несчастной минуты, когда грозный ангелъ изгналъ Адама и Еву на небо Дунья. Роза — пламя радости, роза — утренняя заря, роза — жизнь, роза — алость, роза — бархатъ, свѣжая, какъ безпорочная дѣвственница, обольстительная, какъ прекраснѣйшая изъ гурій. Въ ея вѣнчикѣ дремалъ пурпуръ, предъ которымъ блѣдны и тусклы мантіи королей. Ароматъ ея заставлялъ трепетать сердце, какъ вѣтеръ, ибо шепталъ душѣ: упейся мною! — и окрылялъ тѣло, ибо ободрялъ его: забудь все, оторвись отъ земли!

Второй цвѣтокъ былъ тюльпанъ. Но намъ кажутся прекрасными и тюльпаны какого-либо султанскаго цвѣтника, а тамъ гордо поднимали свои прямые стебли настоящіе старинные тюльпаны, возросшіе изъ крови дракона. И краски ихъ спорили съ кубкомъ вина и пылающимъ очагомъ. Говорили вину:

— Мы сильнѣе тебя: опьяняемъ смертнаго черезъ взглядъ одинъ, не касаясь губъ!

Говорили огню:

— Мы сильнѣе тебя: ты горюшь и сгоришь, а мы горимъ, не старая.

Третій цвѣтокъ былъ гиацинтъ. Не гиацинтъ нашихъ скромныхъ садовъ, а тотъ, которому лилія — дочь, а лебедь — соперникъ. Но когда бѣлый лебедь выходитъ изъ воды, вѣжливый, благоуханный, хрупкій гиацинтъ говоритъ ему:

— Не спорь. Я бѣгѣ.

И четвертый цвѣтокъ была гвоздика. Не та, о, вовсе не та гвоздика высокихъ террасъ и плоскихъ крышъ, которую молодыя дѣвушки поливаютъ изъ леекъ, но гвоздика, подобная пылающему шару восходящаго солнца, вся раскаленная его лучомъ и жаромъ, — огненный кубокъ аромата, вмѣстившій легучую душу перца. Та гвоздика, древнюю сестру которой пожертвовалъ царь джиновъ Сулейману-бенъ-Доуду, чтобы онъ украсилъ волосы царицы Балкисъ. Та гвоздика, изъ которой Сулейманъ извлекалъ викиеръ долголѣтія, бальзамъ мудрости, воду жизни и противоядіе противъ всѣхъ отравъ.

Таковъ былъ малый садъ. А посреди его возвышалась круглая сѣнь, высѣченная изъ дѣльнаго изумруда, и подъ сводомъ ея стоялъ тронъ изъ червоннаго золота, украшенный рубинами и жемчугомъ... Но никто никогда не сидѣлъ на томъ тронѣ — и не сядетъ вовекъ! Аллахъ акбаръ!

При зрѣлищѣ всѣхъ этихъ чудесъ Абдуллахъ пришелъ въ такое изумленіе, что сталъ сомнѣваться въ собственномъ существованіи:

— Живъ ли я или умеръ? Вѣдь подобнаго города не можетъ быть на лицѣ земли. А между тѣмъ это не можетъ быть и раемъ, такъ какъ въ рай не пускаютъ живыхъ, а я не чувствую себя умершимъ. Быть-можетъ, все это не болѣе, какъ мой сонный бредъ?

Не зная, наяву онъ или во снѣ, Абдуллахъ снялъ со своего верблюда всѣ сумы и бурдюки, наполнилъ ихъ драгоценностями, сколько животное могло поднять и увезти, и выѣхалъ изъ города. Отъѣхавъ немного, онъ оглянулся, но ничего уже не увидалъ: стѣна исчезла, предъ глазами Абдуллаха разстилалась голая степь. Онъ смутился, не разбѣялся ли призракъ также и драгоценности, которыхъ онъ набралъ въ свои сумы, но, осмотрѣвъ ихъ, убѣдился, что нѣтъ, все дѣло. Тогда Абдуллахъ возблагодарилъ Всевышняго и сказалъ:

— О, счастье! Мой верблюдъ теперь сдѣлалъ ста тысячъ верблюдовъ!

Когда Абдуллахъ прибылъ домой, въ Йеменъ, онъ явился къ шейху своего народа и рассказалъ подробно все, что съ нимъ произошло въ пустынѣ. Шейхъ съелъ нужнымъ донести дѣло халифу Магавію. Похваливъ шейха за сообщеніе, халифъ поже-

Въ раю. Вѣсти съ земли.

Карикатура Синуса.

лалъ видѣть Абдуллаха. Шейхъ отправилъ Абдуллаха со всѣми его сокровищами къ Магавію. Халифъ принялъ араба хорошо, но не скрылъ недовѣрія къ его приключенію въ пустынѣ.

— Сынъ Адама, — возражалъ онъ, — не въ состояніи осуществить средствами здѣшняго міра тѣ чудеса, о которыхъ ты повѣствуешь. Единственный, кто былъ бы способенъ на то, — царь Сулейманъ-бенъ-Доудъ, да сохранитъ онъ благоволеніе Аллаха вовекъ! Ибо онъ имѣлъ власть надъ міромъ какъ людей, такъ и духовъ.

Но Абдуллахъ настаивалъ на истинѣ своего разсказа и сказалъ:

— Однако, халифъ, я могу показать тебѣ перстень съ тѣмъ самымъ гербомъ, который красуется на виднѣнныхъ мною дворцахъ.

— Дай, — сказалъ Магавію, — я посмотрю.

Абдуллахъ подалъ халифу перстень съ огромной жемчужниной. Магавію бросилъ перстень на полъ и раскололъ его. Тогда по всему дворцу разлился ароматъ удивительной пріятности: такихъ духовъ халифъ никогда еще не обонялъ и даже не воображалъ, чтобы могли быть подобныя. Онъ началъ вѣрить Абдуллаху и удивлялся то до блѣдности, то до румянца, когда тотъ описывалъ ему чертоги, виднѣнные въ таинственномъ градѣ пустыни. Однако, чтобы провѣрить правду Абдуллаха до конца, халифъ спросилъ своихъ придворныхъ:

— Не найдется ли человѣка, который могъ бы подтвердить существованіе города, о которомъ разсказываетъ намъ этотъ арабъ?

— О, халифъ, — отвѣчали придворные, — если есть такой человѣкъ, то, конечно, это проріцатель Каабы.

Когда проріцатель Каабы приведенъ былъ предъ лицо халифа и выслушалъ предложенные ему вопросы, онъ отвѣтилъ:

— Конечно, все, сообщенное Абдуллахомъ, есть истина. Мѣсто, имъ виднѣнное, и посѣщенное, есть рай Шаддада-ибнъ-Аада и носитъ названіе „Сада Ирема“.

Магавію, да будетъ надъ нимъ милость Аллаха, услышавъ, что сказалъ проріцатель, исполнился благоговѣнія. Возблагодаривъ Бога за творимыя Имъ въ мірѣ чудеса Его, халифъ приказалъ украсить Абдуллаха и проріцателя Каабы великолѣпными одеждами. Абдуллаху же, сверхъ того, онъ разрѣшилъ владѣть всѣми драгоценностями, которыя онъ добылъ въ пустынѣ. А въ знакъ высокаго почета и уваженія, далъ ему отнынѣ полную самостоятельность во всѣхъ дѣлахъ, освободивъ его изъ-подъ руки какихъ бы то ни было властей. Такъ что съ того времени арабъ зажилъ счастливо, не зная ничего вмѣшательства въ свою жизнь.

Аллахъ акбаръ! Нѣтъ въ мірѣ величія, которое въ глазахъ Его не было бы пылинкою изъ праха.

Великъ Господь! И нѣтъ въ мірѣ пылинки, которую воля Его не могла бы вознести изъ праха на предѣлы высшаго величія!

Вотъ все, что мы знаемъ о рукотворномъ раѣ Шаддада-ибнъ-Аада. Но всевѣдущій Аллахъ знаетъ больше насъ.

Голосъ изъ глубины Россіи.

Разсказъ Ы. Никонова.

I.

Владиміръ Сергѣевичъ Сайгатскій, поэтъ и журналистъ, придя въ обычный часъ въ редакцію, опять нашелъ на своемъ столѣ изящный голубой конвертъ.

Это становилось, наконецъ, занимательнымъ. Голубые конверты все болѣе и болѣе дразнили его воображеніе. Они приносили съ собою частичку какой-то ясности, свѣжести и граціи, словно занесенные вѣтромъ нѣжные лепестки георгины.

Получивъ такой лепестокъ въ первый разъ, Сайгатскій распечаталъ его довольно равнодушно. Онъ привыкъ къ всевозможнымъ посланіямъ и, въ частности, къ дамскимъ. Ему, какъ извѣстному поэту, писали многіе и отовсюду. Одни изъ его корреспондентовъ и корреспондентокъ, просто, заявляли о своемъ существованіи и писали, повидимому, только ради горделиваго сознанія, что вотъ, молъ, мы переписываемся съ извѣстнымъ литераторомъ. Другіе (и такихъ было болѣе всего!) просили и требовали денегъ, упрекая его въ богатствѣ и скарденности. („И куда вы дѣваете вашъ гонораръ?—писалъ одинъ, совершенно неизвѣстный ему раздраженный господинъ.—Вѣдь вы должны зарабатывать адски много!“) Третьи (этихъ было тоже не мало) расточали хвалы и комплименты и въ заключеніе, какъ будто между прочимъ, предлагали „высказать авторитетное мнѣніе“ о прилагаемыхъ пробахъ пера, при чемъ такія пробы представляли

собою иной разъ дѣлыя тетрадици. Наконецъ попадались и откровенныя амурныя посланія.

Голубое письмо Сайгатскій причислилъ-было къ этой последней категоріи и вскрылъ его съ чувствомъ легкаго презрѣнія. Однако внѣшность и содержаніе письма (равно какъ и послѣдующихъ писемъ) были не совсемъ заурядны и заставили обратить на себя особое вниманіе.

Конверты и бумага были нѣжно-голубого цвѣта и очень изящны. Отъ нихъ вѣяло ароматомъ тонкихъ духовъ—и въ воображеніи Владиміра Сергѣевича, благодаря имъ, какъ-то сразу создался образъ красивой молодой женщины въ голубомъ платьѣ. Имя его корреспондентки тоже было оригинально и красиво: ее звали Маріанна Владиміровна Шуйская. Но главнымъ образомъ незаурядны были содержаніе, тонъ и стиль ея писемъ.

Они изобличали въ ней нѣчто большее, чѣмъ простую интеллигентность.

„Вѣроятно, вы считаете неприличнымъ и страннымъ такой способъ заводить знакомство.—читалъ сейчасъ Сайгатскій.—Но знакомство ли это? Я никогда не видала да, вѣроятно, никогда и не увижу васъ... И для васъ я, просто, лишь голосъ изъ глубины Россіи—и только. Я—одна изъ очень многихъ, разбѣянныхъ по Россіи невѣдомыхъ вамъ душъ—и всѣ вмѣстѣ мы составляемъ тотъ общій голосъ, который призналъ васъ выдающимся поэтомъ и невольно обращается къ вамъ, какъ къ самой чистой и лучшей красотѣ и радости жизни. Если бы я была менѣе религіозна, я сказала бы, что это—молитвенное обращеніе...“

„Я для васъ—блѣдный и незначительный мазокъ въ той пестрой картинѣ, которую представляетъ собою „читающая публика“. Даже менѣе того: я, просто, голубой конвертикъ... Но какъ бы незначительна и невѣдома для васъ я ни была, все-таки нѣчто сближаетъ насъ, и это нѣчто—ваши сочиненія. Вы ихъ пишете, а я читаю и люблю ихъ. И вотъ теперь я все-таки пишу вамъ, какъ своему знакомому...“

„И вы не можете представить, какое наслажденіе и счастье для меня—писать вамъ, бесѣдовать съ вами. Хотя вы не отвѣчаете и не отвѣтите мнѣ, но мнѣ довольно и того, что вы, быть-можетъ, читаете мои письма...“

— Очень мило!—промолвилъ Сайгатскій,—и очень литературно!..

„Вы для меня яркій свѣтильникъ!—читалъ онъ далѣе.— Не думайте, что это—шаблонная фраза... Нѣтъ, это „истинная правда“, какъ говорятъ дѣти. И къ этому свѣтильнику невольно тянется моя душа, какъ душа всякаго живого, страдающаго и почти всегда одинокаго въ своемъ страданіи человѣка. И это тѣмъ легче для меня и тѣмъ безобиднѣе для васъ, что мы абсолютно не знаемъ и не видимъ другъ друга. Я пишу свои нескромныя строчки въ какое-то ясное и свѣтлое пространство изъ далекой-далекой, темной ямы. Я выскажу вамъ все, что у меня на душѣ, и мнѣ это не будетъ ни тяжело, ни стыдно, а васъ ни къ чему не обязываетъ... Вы пройдете мимо моего существованія, никогда меня не увидите и не узнаете, и „голосъ изъ глубины Россіи“ такъ и останется голосомъ. Но этотъ голосъ все-таки обращался къ вамъ... Вы, быть-можетъ, его замѣтили, и въ этомъ для него огромное удовлетвореніе и утѣшеніе...“

— Очень мило!—повторилъ Сайгатскій, отрываясь отъ письма, и задумался.

Его серьезно заинтриговала эта корреспонденція... Первые письма г-жи Шуйской были тоже интересны, но болѣе обыденны. Въ нихъ она говорила объ его произведе-

Прошлое и оудущее

Н. Хартоновъ.

няхъ, тонко разоирала ихъ и передала свои впечатлѣнія по поводу его творчества. И только. Но въ этомъ послѣднемъ письмѣ она какъ бы пріоткрывала уголокъ своего сердца по отношенію къ нему лично... Начиная походить на приготовленія къ признанію, на тонкую работу привлеченія его вниманія сотнями незримыхъ, но крѣпкихъ паутинокъ, сплетенныхъ ловкою женскою рукою въ изящное и легкое „голубое“ кружево. Въ позѣ заговорилъ „слабый человѣкъ“, склонный къ изящной и безвредной для своего общественнаго положенія авантюрѣ. Но въ немъ заговорилъ также и художникъ: ему пріятно было видѣть это кружево, которое къ тому же могло послужить матеріаломъ для его собственныхъ художественныхъ произведеній.

Но кто была она?

„Навѣрное, у нея грубый мужъ,—думалъ Сайгатскій,—какой-нибудь провинціальный толстосумъ—тупой и пошлый человѣкъ, взявшій ее въ жены за красоту и заточившій ее въ глухой могилѣ безцвѣтнаго и пошлаго существованія... Или, быть-можетъ, она молодая дѣвушка, дочь разорявшагося богача, получившая прекрасное воспитаніе и попавшая теперь въ гувернантки, въ тупую и грубую семью... Надо написать ей что-нибудь... потеплѣе!—рѣшилъ онъ.—Надо одобрить ее и побудить къ дальнѣйшему...“

Онъ, дѣйствительно, написалъ ей небольшое, но прочувствованное посланіе, изложенное въ стилѣ такъ называемой сердечной простоты (я, молъ, вовсе не великій человѣкъ и не знаменитость, а, просто, славный малый, слегка утомленный и избалованный жизнью... Но это ничего).

Результатъ однако оказался нѣсколько неожиданный: голубые конверты не только не принесли ему ожидаемаго *déclaration d'amour* и соответствующихъ нѣжностей, но—гораздо хуже—совсѣмъ перестали появляться...

Сайгатскій ждалъ отвѣта каждый день,—и съ каждымъ днемъ все нетерпѣливѣе. Когда онъ думалъ о таинственной голубой дамѣ и объ ея послѣднемъ кружевномъ посланіи, въ его воображеніи ярко вставала красивая фигура молодой женщины. Онъ самъ не замѣтилъ, какъ прочно укоренился въ его мозгу этотъ образъ, озаренный имъ же самимъ придуманнымъ ореоломъ...

—Что же она ничего не отвѣчаетъ?—безпокоился онъ.—Не могла же она обидѣться!..

Онъ послалъ ей второе письмо—еще болѣе прочувствованное и, какъ ему казалось, искреннее.

Спустя нѣсколько дней, прѣдя въ редакцію, онъ невольно вздрогнулъ: на столѣ опять сивѣлъ лепестокъ, оторвавшійся отъ далекой георгины.

„Зачѣмъ вы писали мнѣ?—съ изумленіемъ прочелъ онъ.—Ваше письмо больно укололо меня. Я не ждала и не просила снисходительной улыбки мимоходомъ, а вы послали мнѣ, именно, такую ненужную, натянутую улыбку... Вамъ, вѣроятно, подумалось: надо поблагодарить эту наивную провинціалочку за ея вниманіе!—И вы рѣшили покормить меня ласковымъ письмомъ, подобно тому, какъ кормятъ лакомствомъ маленькихъ дѣтокъ, когда они хорошо ведутъ себя... Вы человѣкъ вѣжливый и деликатный, но вы все-таки сдѣлали мнѣ больно. Вамъ слѣдовало понять, что безмолвно пройти мимо меня—было бы гораздо лучше и милѣе для меня, потому что безмолвіе въ такихъ случаяхъ болѣе сердечно (ибо оно искренно), чѣмъ натянутая, колющая и,—простите меня, но это правда,—искренняя вѣжливость по моему адресу... Будьте невѣжливы и не вносите диссонанса въ мою почти безмолвную, „глухую“ исповѣдь... Если вы хотите отвѣчать мнѣ, то лучше отвѣтьте какою-нибудь хорошою повѣстью или стихотвореніемъ... И отвѣтьте ими не мнѣ лично, а всѣмъ намъ—голосамъ изъ глубины Россіи...“

„Вотъ странно!—изумился Сайгатскій.—Какъ однако она чутка

Настоящее. Война, анархія и голодъ.

Карикатура Тэдди.

и щепетильна! Во всякомъ случаѣ, очевидно, что она—человѣкъ не совсѣмъ обыкновенный... Но что же она, наконецъ, такое? Расчетливая, хитрая кокетка, или, дѣйствительно, прямое, не выносящее ни малѣйшей фальши, искреннее существо? И почему она запрещаетъ мнѣ писать? Развѣ ужъ я такъ былъ неискренень?*

Владиміръ Сергѣевичъ почувствовалъ, что въ немъ возникаетъ какое-то импульсивное, противорѣчивое настроеніе.

„А, вотъ, и напишу еще и еще разъ! А не то, возьму, да еще и самъ къ ней прѣйду!..“

II.

Эта бѣглая, неожиданно возникшая мысль столь же неожиданно укоренилась въ головѣ Сайгатскаго. Ему серьезно пришло на умъ: почему бы не увидѣть таинственной голубой дамы, Марианны Владиміровны, въ живомъ образѣ?

И чѣмъ болѣе онъ думалъ объ этомъ, тѣмъ большую трогательность и значительность принимала въ его глазахъ эта мысль. Въ самомъ дѣлѣ, если между писателемъ и читателемъ существуетъ серьезная духовная связь, если связь эта уже приняла опредѣленную форму, то, казалось бы, было бы такъ естественно, умно и красиво—осуществить ее въ реальномъ общеніи.

„Надо быть ближе къ читателю!—думалъ Сайгатскій, чувствуя какую-то поэтически-возвышенную нѣжность при этой мысли.

Но въ то же время его навѣщала и другая лукавая мысль о томъ, что таинственная Марианна Владиміровна, вѣроятно, молодая, красивая, и что не грѣхъ поддержать и культивировать всю эту писательско-читательскую идиллію и въ нѣсколько иномъ, болѣе фривольномъ смыслѣ.

Въ деревнѣ. За тканьемъ.

Поэтъ и „слабый человекъ“ боролись въ этихъ двухъ направленияхъ, и второе — игривое направление въ концѣ концовъ даже возобладало. Богатая фантазія талантливаго поэта чрезвычайно живо представляла тѣмный паркъ, голубую лунную ночь, голубое (впрочемъ, можно и не голубое!) платье и стройную женскую фигуру... Правда, съ одной стороны, было какъ будто немного невѣроятно, чтобы сразу такъ ужъ все и возникло — и лунная ночь и стройная фигура... Но, съ другой стороны, Сайгатскому приходилъ въ голову извѣстный анекдотъ Мопассана о нѣкоемъ проворномъ литераторѣ, который въ теченіе 24 часовъ успѣлъ благополучно завершить серьезнѣйшій романъ съ одною дотогѣ совершенно ему неизвѣстной интеллигентной и благовоспитанной дѣвицей...

„Въ самомъ дѣлѣ, отчего не прокатиться? — думалъ онъ. — Теперь же, кстати, и погода хорошая!“

Погода, дѣйствительно, установилась хорошая. Наступили теплые майскіе дни и лунныя ночи. Невольно тянуло на просторъ и мечталось о веселой сумятицѣ желѣзнодорожной ѣзды, о поэтической ѣздѣ въ дребезжащемъ тарантасѣ по цвѣтущей проселочной дорогѣ, о новыхъ пейзажахъ, о новыхъ людяхъ...

И вотъ однажды послѣ обѣда Сайгатскій какъ-то внезапно собрался, уложилъ небольшой чемоданъ, надѣлъ изящный дорожный вестонъ и отправился въ городъ Орѣховъ.

Ѣзда предстояла довольно серьезная: нужно было ѣхать цѣлую ночь по желѣзной дорогѣ, а затѣмъ четыре версты на лошадахъ. И избалованному поэту пришлось на первыхъ порахъ испытать нѣкоторые разочарованія.

Съ измятой физиономіей, съ шумомъ и болью въ головѣ послѣ безсонной ночи Сайгатскій вышелъ на другой день утромъ на маленькую, захудалой станціи.

Н. Харитоновъ.

Сіююшее весеннее утро, зеленые дуга, начинавшіеся уже у самой станціи, звонъ колокола, доносившійся откуда-то ясными, успокаивающими волнами — вся эта идиллическая картина мирнаго заолустья настроила было Сайгатскаго снова на хорошей ладъ, но подвернулись новыя неприятели.

Судя по прежнимъ столичнымъ похождениямъ, онъ полагалъ, что четыре версты отъ станціи до города — суцѣ пустыки, о которыхъ и говорить нечего. Что стоило, напримеръ, проѣхать четыре версты отъ Стрѣльны или Петергофа? Бойкія лошади, гладкое, какъ полотно, шоссе, масса извозчиковъ на станціи.

Но здѣсь было совсѣмъ не то. Прежде всего, на станціи не оказалось извозчиковъ. У станціоннаго подѣзда стояла лишь „собственная“ сытая лошадка, запряженная въ солидную свѣже-лакированную бричку. Въ бричку вскорѣ сѣлъ такой же сытый и солидный батюшка и, собственноручно права лошадкой, уѣхалъ. А затѣмъ, какъ усердно ни осматривался Сайгатскій, онъ не видѣлъ ни на станціи ни дальѣ ни одной лошади...

„Однако, чертъ возьми, не пѣшкомъ же итти! — подумалъ онъ. — Надо навести справки.“

Онъ подошелъ къ запыленному начальнику станціи, жарившемуся на солнцепекѣ, и изложилъ ему свое желаніе.

— Трудно теперь лошадей найти! — вздохнулъ начальникъ станціи, разсматривая свои запыленные сапоги. — Мужики теперь всѣ на подѣ...

— Какъ же пассажиры у васъ? Вѣдь ѣздить же на чемъ-нибудь?

— Пассажиры у насъ, извините, все больше на собственныхъ ѣздить. Вонъ давеча батюшка поѣхалъ. Что не сказались? Подвезъ бы васъ съ удовольствіемъ.

— Почему же я зналъ?

— Да вѣдь онъ въ одномъ поѣздѣ съ вами пріѣхалъ!

Въ деревнѣ. На пашнѣ.

М. Грековъ.

Сайгатскій замолчалъ, соображая, какъ ему быть.

— Да, вонъ, Микешка никакъ околачивается!—вдругъ оживился начальникъ станціи.—Онъ самый и есть! Вотъ онъ, пожалуй, вась и отвезеть!

Онъ окликнулъ и поманилъ нѣкоего человѣка. Тотъ проворно подбѣжалъ, и Сайгатскій узналъ въ немъ вздохмаченнаго и обдерганнаго парня, который какъ разъ предъ тѣмъ ходилъ за нимъ по станціи по пятамъ и побѣдалъ его глазами. Владиміръ Сергѣевичъ подумалъ тогда, что парень собирается устроить ему какую-нибудь непріятность, и старательно уклонялся отъ него. Но парень явно преслѣдовалъ Сайгатскаго и даже повергъ его въ безпокойство. И только когда Сайгатскій подошелъ къ начальнику, подозрительный парень исчезъ. Владиміръ Сергѣевичъ объяснилъ это исчезновеніе страхомъ парня предъ представителемъ власти и былъ очень доволенъ... И вотъ

— Ну, ладно! Слыхали!—равнодушно прервалъ начальникъ. Не давайте ему больше пяти рублей — за глаза довольно. Все равно побѣдетъ. Зря вѣдь болтается.

Микешка, очевидно, лишь для поддержанія собственного достоинства продолжалъ торговаться. Сайгатскому надоѣло это. Онъ посулилъ лишній цѣлковый—и споры прекратились. Микешка снялъ шапку и сталъ совать ее въ руки Сайгатскому.

— Зачѣмъ? На что мнѣ?—удивился послѣдній.

— Бери скорѣй! Держи! А я побѣгу запрягать!

— Послушай! Зачѣмъ же мнѣ твоя шапка?—кричалъ Сайгатскій, внѣ себя отъ изумленія.

— Это въ родѣ какъ бы залогъ!—пояснилъ начальникъ, усѣвшись съ прежнимъ скучающимъ видомъ на солнцепекѣ.—Ничего, возмите! Это значитъ, чтобы вы спокойны теперь были, что онъ не убѣжитъ куда...

ТАБАКЪ

Въ городѣ за работой. Коммерціи совѣтники и совѣтницы.

Карикатура Пѣма.

сейчасъ этотъ самый субъектъ и долженъ былъ его везти въ городъ...

— Можешь, Микеша, господина въ городъ свезти?—спросилъ начальникъ.

— Можемъ!—отвѣтствовалъ Микеша и, улыбнувшись, прибавилъ:—А вѣдь я давно за вами, баринъ, хожу! Вижу, баринъ посторонній... Ъхать охотится... Спросить хотѣлъ, да оробѣлъ я... Сайгатскій сконфузился.

— Сколько возьмешь?—спросилъ онъ.

Парень мигнулъ, словно испугавшись, всѣмъ лицомъ и храбро промолвилъ:

— Десять цѣлковыхъ!

— Экъ, хватить! Десять цѣлковыхъ!—изумился начальникъ.— Да ты и не видывалъ еще такихъ денегъ!

— Какъ это не видывалъ? Слава Тебѣ, Господи!—обидѣлся Микеша.—Не лыкомъ, небось, шиты!

— Ухнулъ бы ужъ прямо четвертню... Все едино врать-то!

— Врать мы не желаемъ!—возразилъ парень.—Я цѣбну понимаю, какъ она быть должна... Лишняго не требую...

— Нечего форсить-то! Скинь, бери любую половину, да бѣги—запрягай!

— Изъ какихъ же это средствѣвъ скидывать-то? Теперь время какое? Мужики на полѣ... Поди-ка, достань лошадей въ другомъ-то мѣстѣ!

Въ этихъ разговорахъ и событіяхъ прошло болѣе часа. Солнце поднялось уже высоко и стало припекать совсѣмъ по-лѣтнему. Съ лошадей Микешка возился тоже около часа... А когда, наконецъ, онъ подбѣжалъ къ станціи, то пришлось еще возиться съ укладкой и усаживаньемъ. Экипажъ оказался простой плеткой, безъ сидѣнья и даже безъ подстилки, такъ что необходимо было еще сѣздить за соломкой и дерюгой, чтобы устроить хоть сколько-нибудь пристойное для извѣстнаго поэта сѣдалище.

„Хорошъ я буду сегодня къ вечеру!“—со злобою подумалъ Сайгатскій, когда наконецъ побѣжали. Солнце палило такъ сильно, что онъ чувствовалъ, какъ у него уже загораетъ кожа на носу. Какъ на грѣхъ, онъ забылъ свой зонтикъ.—„Съ какой физиономіей я предстану предъ ней?“—думалъ онъ, пытаясь устроить нѣкоторую защиту изъ носового платка. Но платокъ сѣзжалъ, и носъ, а за нимъ и лобъ и щеки загорали неумолимо и безнадежно.

Экипажъ подбрасывало по избитой, неровной дорогѣ съ глубокими выдавленными колеями засохшей грязи. Сѣдалище изъ наскоро взбитой соломы сползло Сайгатскому подъ колѣни, а спина его, то и дѣло, больно стучалась о края плетенки. Къ довершенію бѣды, откуда-то взялись какія-то очень скромныя по вѣшности, но очень зло кусающіяся мухи. Онъ съ тупымъ упорствомъ прилипали къ рукамъ и затылку и тяжело шлепались на темную матерію пальто. Сайгатскій сначала ожесточенно истре-

Деревенская нянька.

А. Рябушкинъ.

блялъ ихъ, но мухи, повидимому, снова воскресали, нисколько не уменьшаясь въ количествѣ, — и онъ наконецъ махнулъ на все рукой и мрачно предоставилъ себя на растерзаніе судьбѣ.

— Сколько версты до города? — спросилъ онъ, стараясь оттолкнуть нахально лѣзшій къ нему на колѣни чемоданчикъ. — Четыре, что ли?

— Эвона! Какія жъ четыре? — удивился Микеша, поверачивая къ Сайгатскому свое широко улыбающееся лицо. — Всѣ двѣнадцать будутъ!

— Какъ такъ!.. Что ты пустяки городишь? — воскликнулъ Владиміръ Сергѣевичъ.

— Нѣтъ, не пустяки! Въ другую пору, дѣйствительно, четыре версты, а теперь всѣ двѣнадцать.

— Почему?

— Мы лѣтомъ, вонъ, по той дорогѣ ѣздимъ, такъ оттуда четыре версты будетъ. А теперь, видишь, рѣчка Орѣховка разлилась, — проѣзду и нѣту!

— Гдѣ же она разлилась? Разливъ-то вѣдь ужъ кончился?

— Разливъ-то, оно, пожалуй, и кончился, — согласился возница. — Да вотъ, вишь ты, мостъ еще не налаженъ... А въ бродъ не переѣдешь: вода еще не смирна.

— А дорога все время такая плохая будетъ? — съ тоскою спросилъ Сайгатскій.

— Лучше этой не бываетъ!

Добравшись до околицы встрѣчной деревеньки, Микеша остановилъ лошадь и, слѣзши съ козелъ, остановился въ задумчивости.

— Ты чего? — спросилъ Сайгатскій.

— Да вотъ, вишь ты, мостъ-отъ, можетъ, уже налаженъ... Не повернуть ли назадъ? Что зря двѣнадцать-то версты тащиться?

— Что же ты раньше-то думалъ?

— Гдѣ все-то сообразить? Да ничего! Крюка самого махонькаго дали — и двухъ версты не будетъ!

Онъ взобрался на козлы и нерѣшительно повернулъ назадъ.

— Ты узналъ бы у кого-нибудь насчетъ моста, — посоветовалъ Владиміръ Сергѣевичъ. — Что зря соваться?

— Какъ не узнать? Узнаемъ! Зря не сунемся! Не беспокойся! Онъ, въ самомъ дѣлѣ, остановилъ на пути бабу и сталъ допрашивать ее:

— Тетка! Мостъ въ Кривошековѣ налаженъ, что ли, али нѣтъ?

— Надо-быть, налаженъ! Ребята третьеводни ходили — сказывали, рубять...

— Мостъ-отъ налаженъ! — радостно доложилъ парень Сайгатскому, хотя тотъ и самъ слышалъ отвѣтъ бабы.

— А ты, милый, до Кривошекова лугами поѣзжай! — посоветовала баба вдогонку. — Косогоромъ, слышь, не переѣдешь!

Парень крикнулъ:

— Почему не переѣдешь? — Но отвѣта уже нельзя было слышать, да и баба куда-то пропала.

— Ну, лугами, такъ лугами... Грязно тамъ, не дай Богъ, ну да ничего, переѣдемъ.

Поѣхали лугами.

Плетенка, колыхаясь, спустилась съ косогора и погрузилась въ цѣлое море невысокой, но уже густой травы. Впереди свѣтлѣла серебряная, тонкая, словно лезвіе ножа, рѣчка, а за нею сверкали церковные кресты, и маячили въ туманѣ испареній бѣлые дома и красныя крыши города Орѣхова. Солнце жарило невыносимо, и Сайгатскій чувствовалъ, что носъ и щеки у него уже сгорѣли, и теперь начинаетъ сгорать шея. Лошадь пошла шагомъ, такъ какъ дороги не было. вмѣсто нея всюду была трава,

а подъ травой липкая, густая грязь, которая очень скоро облѣпила колеса и превратила ихъ въ черные распухшіе комья, съ трудомъ барахтавшіеся въ травѣ.

— Ну, братъ, мы такъ недалеко уѣдемъ! — произнесъ Сайгатскій, тщетно стараясь поудобнѣе усесться въ колыхавшейся плетенкѣ.

— Ничего! Доѣдемъ какъ-нибудь! — успокаивалъ возница. — Все легче, чѣмъ двѣнадцать версты тащиться! Вонъ онъ — Орѣховъ-то! Рукой подати! А вонъ и Кривошековская заимка! — показалъ онъ влѣво, гдѣ чернѣли у рѣчки невысокіе амбары. — Вѣдь и взаправду построили мостъ-отъ! Гляди-ка! — вдругъ обрадовался онъ. — Ну, дай Богъ здоровья бабѣ! Не оманула!

Но когда добрались до заимки и рѣчки, чрезъ которую, дѣйствительно, бѣлѣлъ свѣже-настланый мостъ, на берегу около моста вдругъ выросъ дѣтина съ дубиной и, подойдя къ плетенкѣ, грозно крикнулъ:

— Вороти назадъ!

— Какъ такъ? Почему? — запротестовали и Микеша и Сайгатскій.

— Нѣту вамъ тутъ ходу! — еще грознѣе закричалъ дѣтина. — Вы, черти, наши луга помяли! Бить васъ надо за это!

— Какіе-такіе ваши луга? — закричалъ въ свою очередь Микеша. — Луга крестьянскіе, общественные, а не ваши!

— Господина Поспѣлова луга, а не общественные!

— Ишь, чортъ! — понизивъ тонъ, промовилъ парень. — Поспѣловъ, стало-быть, ужъ купилъ! И мостъ-отъ, видно, евоный сталъ!

— Поѣзжай назадъ! — оралъ дѣтина, потрясая палкой. — Убейтесь, пока цѣлы, а не то морды набью!

— Почему же мы знали? — возражалъ Микеша. — Насъ баба сюда послала...

— Послушай, милый другъ! — миролюбиво обратился къ свирѣпому стражу Сайгатскій. — Пропусти насъ проѣхать! Я поблагодарю тебя...

— Поѣзжай назадъ! — твердилъ тотъ, словно ошалѣлый.

— Послушай! — разсердился Владиміръ Сергѣевичъ. — Вѣдь ежели мы поѣдемъ назадъ, то еще больше помнемъ траву! Вамъ же лишній убытокъ!

На сторожа этотъ аргументъ, повидимому, подѣйствовалъ.

— Поди, спроси у хозяина! — заявилъ онъ, отходя отъ плетенки. — Вонъ онъ въ амбарушкѣ сидитъ. Коли пустить, поѣзжай! Мнѣ наплевать!

— Сходи ты! — предложилъ Сайгатскій. — Куда же мнѣ тащиться туда? Скажи, что я уплачу, коли нужно...

— А мнѣ что за охота тащиться? — возразилъ сторожъ. — Не мнѣ ѣхать, а вамъ... Поди самъ и хлопочи!

Чувствуя, что хладнокровіе окончательно покидаетъ его, Сайгатскій попытался-было послать Микешу, но тотъ тоже заупрямился.

— Нѣтъ, баринъ, ужъ лучше подите вы! Мнѣ онъ только шею наостыляетъ и не пропуститъ ни за что! А васъ побоятся...

И какъ ни уламывалъ его Сайгатскій — ничего подѣлать съ нимъ не могъ и, взбѣшенный и измороженный жаромъ и этимъ нелѣпнымъ приключеніемъ, отправился за полверсты къ указанной амбарушкѣ, на поклонъ къ Поспѣлову.

Спусти полчаса, послѣ долгихъ переговоровъ и пререканій, выслушавъ отъ Поспѣлова выговоръ за помятые луга, Владиміръ Сергѣевичъ получилъ наконецъ разрѣшеніе на проѣздъ, и Рубяковъ былъ переѣденъ.

— И свинья же этотъ Поспѣловъ! — отводилъ душу Микеша, стегая съ досады лошадь, — то-есть такая свинья, что мочи нѣтъ!

И когда онъ спроворилъ луга эти самыя? Понять нельзя!—Чисто чортъ, а не человѣкъ!

— Ну, ужъ и ты тоже хорошъ!—сердился Сайгатскій.—Зря—говорить—не сунемъ! А самъ зря полѣзъ, ничего не зная!..

— Я, баринъ, не виноватъ!—оправдывался парень.—Это все баба сфальшивила... Этакое оманство, прости Господи!.. Ну, ужъ попадетъ она мнѣ, я ее поучу!.. Ужъ я взыщу съ нея!

„И понесло же меня!“—мысленно каялся бѣдный поэтъ, испытанный столько огорченій отъ своей погони за фантастическимъ видѣніемъ „голубой дамы“.

Но дѣлать ужъ было нечего. Плетенка уже гремѣла по улицамъ города Орѣхова, и Сайгатскому теперь оставалось одно: мужественно нести всѣ послѣдствія затѣянной авантюры.

III.

— Это что такое. Гостиница? — мрачно спросилъ онъ возницу, когда тотъ остановился у воротъ убогаго одноэтажнаго зданія, обнесеннаго по карнизу для какой-то надобности затѣйливой рѣзной оброчкой, почернѣвшей и обсыпанной отъ ветхости.

— Такъ точно! Гостиница „Полтава“.

— Другой нѣтъ?

— И другая есть. Да только похуже!

— Ну, чортъ съ вами! Неси чемоданъ!

Сайгатскій разговаривалъ теперь съ окружающими гораздо болѣе простымъ тономъ: какъ Чичиковъ съ Коробочкой. Къ такой перемѣнѣ тона его побуждала простота обстановки и лицъ, а главное, закипавшій въ немъ гнѣвъ на всѣхъ и на все, изъ-за испытанныхъ имъ дорожныхъ неприятностей.

„Номеръ“, куда привели его, конечно, оказался подъ стать общему виду гостиницы. Поэтъ безгласно косился, не зная, куда съѣсть, куда положить шляпу. Его настроеніе еще болѣе ухудшилось, когда онъ поглядѣлъ на себя въ зеркало.

Солнце такъ разукрасило его физиономію, что онъ не узналъ себя. Верхняя половина его лба была ярко-блѣлая, а пониже, словно территория враждебнаго государства, за рѣзкою демаркаціонною линіею начиналось красное пространство, принимающее на скулахъ и на носу багровый, воспаленный цвѣтъ. Кожа на носу сильно саднѣла и какъ будто даже трескалась... Глаза были мутны и красны, и весь habitusъ былъ таковъ, словно Сайгатскаго только-что извлекли изъ „мертвецкой“ послѣ товарищескаго обѣда... И все существо его было насквозь пропитано бѣдой пылью, которая преслѣдовала его отъ послѣдовекъ владычній вплоть до „Полтавы“...

„Не особенно изящный pendantъ къ голубой дамѣ!“ — поморщившись, подумалъ онъ и началъ съ остервенѣніемъ мыться и чиститься.

Однако послѣ того, какъ онъ умылся и напилъ чаю со сливками и недурно пообѣдалъ, онъ немного отошелъ. И снова сталъ съ нѣкоторымъ трепетомъ думать о предстоящей встрѣчѣ съ г-жей Шуйской.

Теперь надо было навести справки, какъ отыскать ее. Сайгатскому было извѣстно покуда только то, что она живетъ въ какомъ-то „Копаевѣ“—должно-быть, помѣстьѣ.

— Далекъ отсюда „Копаево“?—спросилъ онъ полового, подававшего ему умыться.

— У самаго города. Извозчикъ живо домчать.

Сайгатскій хотѣлъ было спросить, что, собственно, за штука такая „Копаево“, но рѣшилъ, что гораздо интереснѣе узнать это на мѣстѣ.

Послѣ долгихъ приготовленій, одѣвшись въ свѣжій костюмъ и надушившись, онъ послалъ за извозчикомъ и опять побѣжалъ по улицамъ Орѣхова.

— Куда жъ ты везешь меня?—спросилъ онъ, когда извозчикъ, выѣхавъ за городъ, повернулъ къ какимъ-то унылымъ, казарменнаго вида зданіямъ съ длинной фабричною трубой.—Это что тамъ такое?

— А вотъ, это самое „Копаево“ и есть... Спичечная фабрика, стало-быть!

— Вотъ тебѣ нѣ!—невольно вырвалось у Сайгатскаго.—Не особенно поэтическая рамка для голубой дамы!..

И съ новымъ разочарованіемъ онъ мрачно побрѣлъ по широкому и пустынному фабричному двору, отпустивъ извозчика.

„Вотъ тебѣ и паркъ!—думалъ онъ.—Вотъ тебѣ и залита луннымъ свѣтомъ аллея! Фантазія-то, повидимому, не оправдывается... Но какъ отыскать ее? Кого бы спросить?“

Какъ на грѣхъ, на дворѣ не видѣлось ни одной живой души. Кругомъ было идилически-тихо, и только гдѣ-то шелкалъ мѣрными, шипящими ударами локомотивъ. Сайгатскій прошелъ по всему двору и вышелъ на какой-то другой дворъ, заваленный ящиками и бочками.

Настроеніе, расхоложенное обстановкой, опять стало у него падать... Однако надо же было довести начатое до конца.

— Послушай!—подманилъ онъ появившееся, наконецъ, живое лицо—вздохмаченнаго и чумазаго мальчишку лѣтъ десяти-двѣнадцати.—Гдѣ у васъ тутъ живетъ г-жа Шуйская?

Мальчуганъ съ удивленіемъ оглядѣлъ невѣдомаго, шикарно одѣтаго господина и ничего не отвѣтилъ.

— Гдѣ живетъ г-жа Шуйская?—сердито повторилъ Владиміръ Сергѣевичъ.

— Нигдѣ не живетъ!—промолвилъ наконецъ мальчишка.

— Что за вздоръ! Я навѣрно знаю, что она живетъ здѣсь! Марианна Владиміровна Шуйская?

— Такой на фабрику нѣту!—заявилъ мальчишка и побѣжалъ дальше.

— Это какая-то мистификація!—разгнѣвался Сайгатскій.—Или это болванъ вретъ, или она ввела меня въ заблужденіе... Но съ какой цѣлью? Почему?

Онъ повернулся, чтобы уйти обратно. Потомъ рѣшилъ зайти справиться въ конторѣ. Но вдругъ мальчишка, уже отбѣжавшій на другую сторону двора, остановился и крикнулъ:

— Вамъ не учительшу ли надо?

— Кого?—крикнулъ Сайгатскій.

— Учителюшу!!

— Да иди сюда, дуралей, ближе!—Ничего не слышу!

— У насъ учительшу Марьяной зовутъ,—объяснилъ мальчуганъ.—Она робята учитъ. Такъ она живетъ не здѣсь. Вы не туда попали. Надо дальше пройти въ усадьбу. Вонъ за садомъ, у рѣчки. Подите туда; только собаки какъ бы не порвали. У нихъ собаки злощія!..

Мальчуганъ вывелъ Сайгатскаго за ворота и показалъ, куда ити. Вздолнованный упоминаніемъ о собакахъ, Владиміръ Сергѣевичъ шелъ не торопясь. Но мало-по-малу сомнѣнія опять разсѣялись, настроеніе возвысилось, и снова начала разыгрываться фантазія.

„Стало-быть, такъ все это, дѣйствительно, и есть: садъ, роскошная усадьба богатаго фабриканта... А она—обѣдѣнная барышня изъ интеллигентной семьи, принужденная жить въ гувернанткахъ... Или же она жена директора и скуки ради учитъ здѣшнихъ ребятишекъ?..“

И воображеніе снова стало рисовать ему волшебную картину: луна, серебристый туманъ весенняго вечера, жгучіе глаза и стройная фигура, робко склоненная предъ неожиданнымъ гостемъ, прiletѣвшимъ къ ней, какъ Демонъ къ Тamarѣ.

И, увлеченный этимъ видѣніемъ, презирая опасныхъ собакъ, Владиміръ Сергѣевичъ прибавилъ шагу. Спусти минуту предъ нимъ открылся великолѣпный барскій домъ, окруженный тѣнистымъ садомъ, чугунная кованая рѣшетка, ворота со львами. Домъ стоялъ на горѣ; внизу подъ горою серебрилась рѣчка, а за ней свѣтлѣла широкая водная гладь не то озера, но то пруда.

Задумалась.

А. Маковскій.

„Вотъ онъ гдѣ, мой „голосъ изъ глубины Россіи!“ — подумалъ размягченный и растроганный поэтъ.—Вотъ въ какой поэтической оправѣ звучитъ онъ, этотъ милый, такъ странно позвавший меня голосъ! И какъ хорошо, что онъ звучалъ и звалъ меня не напрасно!.. Сквозь преграды, по трудному тернистому пути, я прихожу сюда на его зовъ...“

Между деревьями мелькнула стройная женская фигура въ свѣтломъ платьѣ. Солнце на мгновенно освѣтило ее, а затѣмъ она снова ушла въ сумракъ аллеи. За нею пробѣжалъ, играя съ собачкой, мальчикъ лѣтъ 5—6, съ длинными волосами, въ англійскомъ костюмѣ, съ голыми руками и колѣнками.

— Дора! Не шали съ Лулу! Дора!—прозвучалъ ясный, мелодичный женскій голосъ.

„Она!“ — пронеслось въ головѣ у Сайгатскаго, и сердце его забилось... Вѣдь это звучалъ „голосъ изъ глубины Россіи!“..

Съ бьющимся сердцемъ позвонилъ онъ у массивной дубовой двери.

— Вамъ кого?—спросила, отворяя ему, невысокая, чисто одѣтая пожилая женщина, повидимому, экономка, съ сѣдьющими локонами и пріятнымъ благообразнымъ лицомъ.

— Марианну Владиміровну Шуйскую!

— Вы по школьному дѣлу, что ли?—спросила она.—Пожалуйста, пройдите въ школу. Я сейчасъ приду туда. Тамъ и побесѣдуемъ. Здѣсь неудобно!

— Какъ туда? Почему вы туда придете?—спросилъ, недоумѣвая Сайгатскій.—Мнѣ, собственно, нужно самой Марианну Владиміровну!

— Это я!

— Вы?!..

— Ну, да! Я!

— Марианна Владиміровна?! Шуйская?!..

Почтенная женщина изумленно взглянула на Владиміра Сергѣевича и даже слегка отодвинулась: такое недоумѣніе, растерянность и даже испугъ выразились на лицѣ незнакомаго, такого пріятнаго и изящнаго господина. Она, повидимому, не прочь была даже подумать, что предъ нею сумасшедшій...

— Что жъ вы такъ удивляетесь, милостивый государь?—съ достоинствомъ произнесла она.—Ну да! Я—Марианна Владиміровна Шуйская, учительница здѣшней фабричной школы... По дѣламъ я принимаю въ школѣ. Пожалуйста туда, если вамъ угодно...

Въ головѣ у Сайгатскаго вертѣлись вихремъ мысли: „Не можетъ быть! Это не она! Это ошибка, обманъ, мистификація...“

— Хорошо! Я приду!—промолвилъ онъ, не отдавая хорошенько отчета въ томъ, что онъ говоритъ, и, какъ ошаренный, вылетѣлъ за ворота...

— Это не она! Это другая!—повторялъ онъ, все еще не вѣря, что его голубая дама какимъ-то волшебствомъ превратилась въ старуху.—Надо узнать въ точности!..

Но узнавать было нечего... Все было ясно и понятно...

„И почему я вообразилъ, что она молода и красива, когда ни слова о возрастѣ не было сказано?—думалъ Сайгатскій, уходя крупными шагами отъ коварной усадьбы, отъ обманувшаго его поэтического видѣнія.—Съ чего мнѣ взбрело это въ голову? И какъ угораздило меня такъ влопаться?“

— Фу, какъ глупо!—отдувался онъ, чувствуя, что все лицо его горитъ, и что онъ весь покрылся испариной отъ стыда и досады.—Боже мой, до чего глупо!.. Ф-фу, ты, Боже мой!

Онъ со всѣхъ ногъ шагаль по старой дорогѣ, обратно въ городъ. Гдѣ-то лаяли и выли собаки, но онъ уже не думалъ о нихъ. Вотъ и фабрика, казарменные зданія, ворота...

— И она ждетъ меня сейчасъ въ школѣ!.. Фу, какъ глупо!—бормоталъ, сжимая кулаки и тяжело дыша, Владиміръ Сергѣевичъ. Ему не хватало воздуха; что-то тяжелое, нудное, глупое сидѣло внутри его и распирало его.

Фабрика осталась позади. Извозчиковъ нигдѣ не было видно. На зеленыхъ, цвѣтущихъ окрестности маленькаго городка опускался ароматный, проникнутый кроткою ласкою уходящаго солнца вечеръ...

— Нѣтъ, вѣдь какъ глупо-то!—вдругъ пробормоталъ Сайгатскій, снова до такой степени пораженный нелѣпостью своего приключенія, что даже пришлось на мгновеніе остановиться.—Вхвать, чортъ знаетъ куда, при, чортъ знаетъ, какихъ скверныхъ условіяхъ, перенести всякія неприятели—и такой сюрпризъ!.. Уфъ!.. Ф-фу-у-у!..

— А все она!—вдругъ разсердился онъ на голубую даму.—Пишетъ всякіе турусы на колесахъ, людей смущаетъ... Въ монастырь тебѣ итти, а не голубыя письма писать!..

И, словно издѣваясь надъ его галантными похождениями, за его спиною, тамъ, гдѣ видѣлись зданія „Копая“, вдругъ комически-жалостно извѣлъ фабричный гудокъ.

Сайгатскій не выдержалъ и погрозили ему кулакомъ.

Спусти два часа онъ уже снова трясся въ какомъ-то чрезвычайно сомнительномъ экипажѣ на станцію и, гнѣвно перекоряясь съ ямщикомъ, торопилъ его, чтобы не опоздать къ поѣзду.

Далеко впереди, въ тьмѣ и туманѣ сырой майской ночи пронесся какой-то тонкій и жалостный звукъ. Сайгатскій испуганно встрепенулся.

— Что это такое?—тревожно спросилъ онъ ямщика.

— Никакъ машина!—сконфуженно отвѣтилъ тотъ и принялся съ какимъ-то безнадежнымъ видомъ усиленно погонять лошадей.

П о к о с ь .

Шелковыми, лукавыми
Лучами зелена,
Проходитъ солнце травами
До самаго плетня.
Окошечки растворены,
Что, шустрия, глядятъ,
И песь ворчитъ изморенно
Подъ шутками ребятъ.
И въ травахъ, то стихающихъ,
То буйныхъ, какъ прибой,
Собралися, играючи

Работники гурьбой.
Играючи, взвизгиваетъ
Змѣистая коса,
Какъ будто подрѣзаются
Невѣсты волоса...
И ликъ земли украшенной
И плачетъ и поетъ,
А въ небѣ кремль стобашенный
И бѣлый хороводъ.
Мелькаютъ руки ржавыя
И спины, какъ одна,

Работушка исправая—
Отъ вѣка ты вольна!
Въ работѣ стыдно скромничать
И грѣхъ озорничать...
Но близко, близко полдничать:
Вздохнуть и полежать...
А даль, какъ безконечная:
Лѣса, луга, стада...
Великая, извѣчная
Крестьянская страда!

Н. Хитоновъ.

З А Я В Л Е Н І Е .

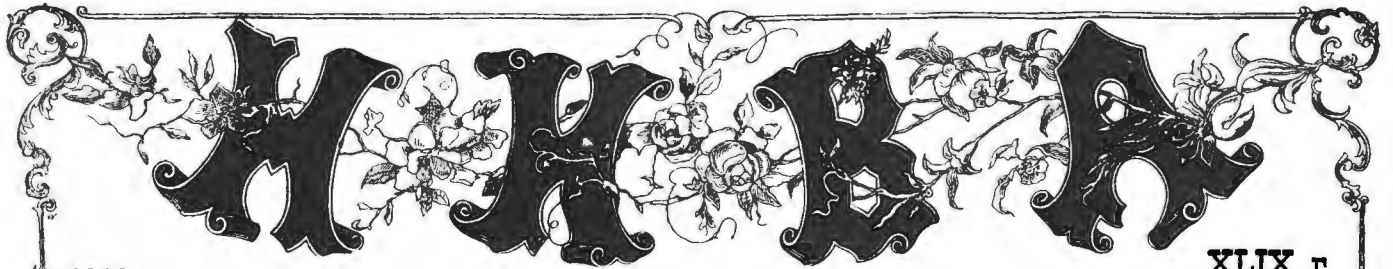
По условіямъ разсрочки подписной платы за „Ниву“ сего 1918 г., къ 1 іюня слѣдуетъ внести **не менѣе 26 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной суммы, благоволятъ поэтому озоботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса, **во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ 6-го іюля—съ 27-го нумера.** Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копію печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ** и **непремѣнно указать**, что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **1 рубль** и **печатный адресъ.**

Содержаніе. ТЕКСТЪ: „Посажены дѣти“. Шутка въ 1 дѣйствіи. М. Н. Потапенко. — Загробное ищенье. Стихотвореніе Н. Гумилева.—Рукотворный рай. Турецкая легенда. А. В. Амфитеатрова.—Голосъ изъ глубины Россіи. Разсказъ Б. Николаева.—Покосъ. Стихотвореніе Н. Хитонova.—Заявленіе.

РИСУНКИ: Въ тихой заводѣ. Н. Игнатьевъ.—Бѣда страшная. Н. Гороховъ.—На Умарѣй. Въ страду. Ф. Козачинскій.—Въ райо. Вѣсти съ земли. Карикатура

Синуса.—Пршдое и будущее. Н. Харитоновъ.—Настоящее. Война, анархія и голодъ. Карикатура Тэлла.—Въ деревнѣ. За тканьемъ. Н. Харитоновъ.—Въ деревнѣ. На пашнѣ. М. Грековъ.—Въ городѣ за работой. Коммерція совѣтники и совѣтницы. Карикатура Пэма. Деревенская нянька. А. Рябушкинъ.—Задумалась. А. Маковский. Къ этому № прилагается „Полное собраніе сочиненій М. Горькаго“ книга 19.

1918 г.

№ 27.

XLIX г.

изданія.

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРЬЕВА („Великая Французская Революція“).
Выданъ 6 июля 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—36 р., на 1/2 г.—18 р., на 1/4 г.—9 р. Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 к.

Главная Контора и Редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Дмитрій Ивановичъ Писаревъ.

(Нъ пятидесятилѣтію его кончины).

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, 4-го іюля 1868 г., внезапно оборвалась жизнь одного изъ крупнѣйшихъ представителей русской публицистической критики—Дмитрія Ивановича Писарева.

Писаревъ погибъ совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, 27 лѣтъ отъ роду. И въ 27 лѣтъ онъ сумѣлъ приобрести широкую популярность среди своихъ современниковъ, сдѣлаться, поистинѣ, „властителемъ думъ“ второй половины шестидесятыхъ годовъ. Крайности философскаго сredo, тенденціозность нѣкоторыхъ литературныхъ мнѣній Писарева, конечно, неоспоримы. Однако, они съ избыткомъ искупаются огромнымъ, брызжущимъ талантомъ его. Писаревъ никогда не оставляетъ равнодушнымъ: ни тогда, когда мы съ нимъ соглашались, ни тогда, когда мы всѣми силами души протестуемъ противъ его взглядовъ. Въ отточенномъ, увлекательномъ слогѣ Писарева, въ самой манерѣ его излагать свои мысли есть что-то волнующее, будирующее. Точно какой-то смерчъ живыхъ, яркихъ образовъ, остроумныхъ, пусть нерѣдко парадоксальныхъ мыслей налетаетъ на васъ—вотъ первое впечатлѣніе отъ статей Писарева. Не даромъ Писаревъ былъ и остается любимцемъ молодежи. Молодежь цѣнитъ Писарева за тотъ духъ жизни, который вѣетъ съ каждой страницы его писаній. Глубоко ошибаются тѣ черезчуръ строгіе, на нашъ взглядъ, „цѣнители и судьи“, которые считаютъ чтеніе Писарева „вреднымъ“ чтеніемъ. Крайностей, парадоксовъ у Писарева, конечно, не занимать стать, но вѣдь въ крайности и парадоксы не впадаетъ лишь тотъ, кто не холодеетъ и не горячитъ, кто, иначе говоря, ко всему глубоко безразличенъ и равнодушенъ. Отъ крайностей и парадоксовъ освободиться очень легко—достаточно приобрести извѣстную умственную зрѣлость; отъ безразличія и равнодушія несравненно труднѣе избавиться. Послѣдователемъ Писарева въ наше время, конечно, немыслимо сдѣлаться человѣку съ установившимся міросозерцаніемъ; но пройти черезъ полосу „писаревщины“, хотя бы видоизмѣненной, почти неизбѣжно для каждаго, чья мысль работаетъ пылливо и не удовлетворяется готовыми трафаретами.

Присмотримся, однако, поближе къ основнымъ чертамъ литературной физиономіи безвременно угасшаго критика.

Писаревъ постоянно называлъ себя и своихъ единомышленниковъ „мыслящими реалистами“. Какое содержаніе онъ вкладывалъ въ этотъ терминъ—разъясняетъ его статья „Реалисты“. Основное различіе между реалистами и всѣми не-реалистами, эстетиками, напримѣръ, заключается, по мнѣнію Писарева, въ существованіи у реалистовъ одной высшей руководящей идеи и въ отсутствіи ея у не-реалистовъ. Это—идея общей пользы или общечеловѣческой солидарности, являющаяся однимъ изъ основныхъ законовъ человѣческой природы, частныя нарушенія котораго порождаютъ почти всѣ страданія человѣчества. Идея общей пользы сводится къ положенію, что „сознательный и глубоко разсчитливый эгоизмъ зрѣлаго челоука“ предписываетъ ему работать на общую пользу, такъ какъ, во-первыхъ, „человѣку для его собственнаго благосостоянія необходимо общество другихъ людей“, и такъ какъ, во-вторыхъ, „чѣмъ успѣшнѣе развивается

общество, тѣмъ пріятнѣе живетъ каждому изъ его членовъ“. Порождаемая эгоистическими стремленіями работа реалистовъ на общую пользу только въ томъ случаѣ будетъ продуктивной, если реалисты не погрѣшатъ противъ закона „экономіи умственныхъ силъ“, т. е. будутъ „брататься только за тѣ работы, которыя могутъ принести обществу дѣйствительную пользу“... Но, чтобы

*Дѣло разрушенія идьлано; дѣло созиданія будетъ
впередѣ и займетъ собою не одно поколѣніе*

Д. Писаревъ

соблюдать такую эконоцию, надо, прежде всего, уяснить себя до полной ясности, что полезно обществу и что бесполезно. Изъ всѣхъ возможныхъ сферъ дѣятельности занятія естествовѣдѣніемъ представляются Писареву наиболѣе продуктивными, такъ какъ, „только одни естествоиспытатели, раздвигаютъ предѣлы науки новыми открытіями, работаютъ для человѣчества вообще, безъ отношенія къ отдѣльнымъ національностямъ и къ различнымъ условіямъ мѣста и времени“. Если естествознаніе надежнѣйшій другъ каждому послѣдователю реалиста, то эстетика является его здѣшнимъ врагомъ. „Эстетика и реализмъ,—говоритъ Писаревъ,—находятся въ непримиримой враждѣ между собой... реализмъ долженъ радикально истребить эстетику, которая въ настоящее время отравляетъ и обезсмысливаетъ всѣ отрасли нашей научной дѣятельности... эстетика есть самый прочный элементъ умственного застоя... „Эстетика, безотчетность, рутинна, привычка, это все совершенно равносильныя понятія. Реализмъ, сознательность, анализъ, критика и умственный прогрессъ—это также равносильныя понятія, діаметрально-противоположныя первымъ“.

Стремленіе „истребить эстетику“ и руководило Писаревымъ, когда онъ писалъ своихъ „Реалистовъ“. Безпопачно расправившись съ искусствами пластическими, тоническими и мимическими, онъ соглашается, однако, сдѣлать нѣкоторое исключеніе для поэзіи. Поэты, по его мнѣнію, имѣютъ право на общественное вниманіе, но для этого они должны стремиться къ тому, чтобы, подобно другимъ „мыслящимъ реалистамъ“, приносить „обществу и человѣчеству дѣйствительную и несомнѣнную пользу“. Этого они достигнутъ, если окажутся способны удовлетворить слѣдующимъ условіямъ: „Истинный, полезный поэтъ,—говоритъ Писаревъ,—долженъ знать и понимать все, что интересуетъ самыхъ лучшихъ, самыхъ умныхъ и самыхъ просвѣщенныхъ представителей его вѣка и его народа. Понимая вполне глубокой смыслъ каждой пульсаціи (біенія) общественной жизни, поэтъ, какъ человѣкъ страстный и впечатлительный, непременно долженъ всѣми силами своего существа любить то, что кажется ему добрымъ, истиннымъ, прекраснымъ, и ненавидѣть святой и великой ненавистью ту огромную массу мелкихъ и дрянныхъ глупостей, которая мѣшаетъ идеямъ истины, добра и красоты облекаться въ плоть и кровь и превратиться въ живую дѣйствительность. Эта любовь, неразрывно связанная съ той ненавистью, составляетъ и непременно должна составлять для каждого поэта душу его души, единственный и священный смыслъ его существованія и всей его дѣятельности. „Я пишу не чернилами, какъ другіе,—говоритъ Берне,—я пишу кровью моего сердца и сокомъ моихъ нервовъ“. Такъ и только такъ долженъ писать каждый писатель. Кто пишетъ иначе, тому слѣдуетъ шить сапоги и печь кулебяки“.

Предъявляя такія требованія къ истиннымъ поэтамъ, Писаревъ заявляетъ, что въ Россіи „ихъ нѣтъ, никогда не было, никогда не могло быть—и, по всей вѣроятности, долго еще не будетъ“. Исторія русской литературы представляется Писареву своего рода аравійской пустыней, такъ какъ въ прошломъ „у насъ были или зародыши поэтовъ, или пародіи на поэта“. Зародыши поэтовъ Писаревъ считаетъ Лермонтова, Гоголя, Полежаева, Крылова и Грибоѣдова; къ числу же пародій относитъ Пушкина и Жуковского. Зародыши, по словамъ Писарева, заслуживаютъ нашего уваженія уже потому, что не могли развернуться вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ („силы-то у нихъ были, но не было ни впечатлѣній ни простора“); пародіи же на поэта никакого снисхожденія со стороны Писарева не вызываютъ. „Такъ какъ эти господа,—заявляетъ критикъ,—уже теперь ничѣмъ не связаны съ совершеннымъ развитіемъ нашей умственной жизни, то мы можемъ надѣяться, что ихъ прославленныя имена скоро забудутся, или, по крайней мѣрѣ, превратятся для русскихъ людей въ такіе же пустые звуки, въ какіе ужъ давно превратились имена Ломоносова, Сумарокова, Державина и всякихъ другихъ бардовъ прошлаго столѣтія“. Свой легкомысленный и несправедливый приговоръ Писаревъ обвѣщаетъ подтвердить особой статьей о Пушкинѣ, даже историческое значеніе котораго онъ отрицаетъ, находя, что создателемъ новой литературы является не Пушкинъ, а Гоголь.

Свое обвѣщаніе Писаревъ постарался выполнить. Въ статьѣ „Пушкинъ и Бѣлинскій“ онъ задался неблагодарной цѣлью раз-

вѣнчать величайшаго русскаго поэта, доказывая попутно неосновательность тѣхъ похвалъ, которыя достаются по его адресу величайшій русскій критикъ. Главная ошибка Писарева заключалась въ томъ, что онъ примѣнилъ публицистическій методъ къ литературному матеріалу, который требовалъ совершенно иныхъ критическихъ приемовъ. Выхватывая отдѣльныя произведенія, стараясь показать ихъ несоотвѣтствіе съ міросозерцаніемъ мыслящихъ реалистовъ, Писаревъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы выставить Пушкина смѣшнымъ и ничтожнымъ кропотелемъ пустыхъ стипсовъ. Въ своемъ полемическомъ увлеченіи Писаревъ могъ серьезно доказывать, что Онѣгинъ—двойникъ Пушкина, а это давало ему основаніе съ торжествомъ утверждать, что умственный и нравственный уровень „мсквича въ Гарольдовомъ плащѣ“ и поэта тождественны. Гораздо снисходительнѣе Писаревъ отнесся къ Бѣлинскому, котораго онъ выставляетъ жертвой стола ненавистнаго ему эстетическаго взгляда на явленія литературы и жизни. „Читатель долженъ помнить,—говоритъ Писаревъ въ оправданіе Бѣлинскаго,—что онъ стоитъ на рубежѣ двухъ противоположныхъ міросозерцаній, и въ его могучей личности совершается мучительный переходъ къ тому строю понятій, съ которыми даже до настоящей минуты не успѣли еще освоиться и помириться солидные люди нашей литературы. Во время такого перехода, колебанія, ошибки и внутреннія противорѣчія оказываются неизбежными даже и для самыхъ сильныхъ и здоровыхъ умовъ“.

Основываясь на изложенномъ совершенно ошибочномъ отзывѣ о Пушкинѣ, было бы все-таки большимъ заблужденіемъ полагать, что Писаревъ совсѣмъ былъ лишенъ критическаго чутья. Онъ, безусловно, обладалъ имъ, но нерѣдко насильственно заглушалъ его, побуждаемый тенденціознымъ желаніемъ „быть самымъ послѣдовательнымъ русскимъ писателемъ“, т.-е. ни въ чемъ не отступать отъ основъ своего міросозерцанія. Наличие критическаго чутья Писаревъ доказалъ отдѣльными очень мѣткими и здравыми сужденіями своихъ статей о Гончаровѣ, Тургеневѣ и Писемскомъ („Базаровъ“, „Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ“, „Женскіе типы въ романахъ и повѣстяхъ Писемскаго, Тургенева и Гончарова“). Въ особенности удался Писареву характеристика Базарова и нѣкоторыхъ тургеневскихъ героинь, напримѣръ, Аси, Натальи. Тѣмъ не менѣе, и на этихъ статьяхъ лежитъ отпечатокъ присущей Писареву тенденціозности. Весьма произвольна, напримѣръ, его оцѣнка произведеній Гончарова. Обрушившись на автора „Обломова“ за его уравновѣшенность и спокойную объективность, Писаревъ заявляетъ, что въ романахъ Гончарова онъ замѣчаетъ „только тщательное копированіе мелкихъ подробностей и микроскопически тонкій анализъ, и не видитъ въ нихъ „ни глубокой мысли, ни искреннаго чувства, ни примодушныхъ отношеній къ дѣйствительности“. Голословно также утвержденіе Писарева, что изъ современныхъ ему лириковъ заслуживаютъ вниманія только Некрасовъ и Майковъ.

Классическимъ примѣромъ тѣхъ неправильныхъ мнѣній, которыя подъ вліяніемъ увлеченія высказывались иногда талантливый юноша-критикъ, на ряду съ „развѣнчаніемъ“ Пушкина, является отзывъ Салтыковъ-Щедринъ („Цвѣты невиннаго юмора“). Полныя глубокаго общественнаго смысла произведенія наиболѣе серьезнаго изъ нашихъ сатириковъ, по мнѣнію Писарева, полезны только въ гигиеническомъ отношеніи, такъ какъ „безпредметный и безцѣльный смѣхъ Щедрина“, убаюкивая и располагая ко сну, способствуетъ пищеваренію. Статья заканчивается совѣтомъ-пожеланіемъ, чтобы Щедринъ занялся компіляціями по естественнымъ наукамъ.

Какъ ни малоосновательны многія изъ критическихъ оцѣнокъ Писарева, все-таки его литературная дѣятельность принесла пользу русскому обществу. Помимо отмѣченнаго уже свойства его писаній будить мысль, проповѣдуемая имъ теорія общественной солидарности настоячиво указывала, какъ мы видѣли, на необходимость работы на пользу общую. Культъ естествознанія, этой основы міросозерцанія мыслящихъ реалистовъ, являлся полезнымъ противовѣсомъ тому блужданію въ дебряхъ метафизики, которое занимало время людей сороковыхъ годовъ, отрывая ихъ отъ жизни, дѣлая ихъ лишними въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

В. Евгеньевъ-Максимовъ.

Писаревъ въ тюрьмѣ.

Биографъ Писарева совершенно справедливо замѣчаетъ, что именно во время заключенія его въ крѣпости „развернулись всѣ лучшія стороны писаревской души и таланта. Какъ это ни изумительно, однако, таковъ фактъ, что лучшія статьи написаны имъ здѣсь, что здѣсь ни на минуту не прекращалась работа его мощнаго духа“.

Въ виду этого, тюремный, такъ сказать, періодъ жизни Писарева пріобрѣтаетъ особое значеніе.

Что же привело Писарева въ тюрьму? Не что иное, какъ „вольнлюбивыя мечты“, которыя чуть ли не со временъ Радищева становятся неизбѣжнымъ атрибутомъ общественнаго міровоззрѣнія лучшихъ русскихъ писателей. Писательство, поскольку оно является не ремесломъ, а проявленіемъ творческаго дара,—едва ли не высшаго изъ доступныхъ человѣку даровъ,—требуетъ

внутренней свободы, свободы духа. Эта внутренняя свобода не находится, конечно, въ непосредственной зависимости отъ условій окружающей общественности. Но разъ отличительной чертой этой послѣдней становится угнетеніе однихъ другими, т.-е. правящими „верхами“ управляемыхъ „низомъ“, то въ душѣ писателя, наблюдателя и изобразителя окружающей общественности, въ силу органически присущаго ей свободолюбія, не можетъ не возникнуть рѣзко протестующаго настроенія. Тысячу разъ правъ быть Полонскій, когда сказалъ:

Писатель, если только онъ
Есть нервъ великаго народа,
Не можетъ быть не пораженъ,
Когда поражена свобода.

не пожелать. Так как заработка ему было еще мало для содержания пѣлаго семейства, то я снова отправилась въ деревню, и онъ остался изнывать одинъ; но бодро переносилъ онъ свое заключеніе, оживленный мыслью о работѣ. Въ іюлѣ 1864 г., когда онъ уже довольно заработалъ, онъ просилъ меня снова прѣхать, что я и сдѣлала немедленно, старшая же моя дочь, чтобы не обременять брата, осталась въ гувернанткахъ и только тогда присоединилась къ намъ, когда ее удостовѣрили, что она можетъ имѣть самостоятельную работу и тѣмъ содержать себя, что и было дѣйствительно. Дѣло моего сына рѣшилось только въ ноябрѣ 1864 г., значить, онъ до рѣшенія дѣла просидѣлъ въ крѣпости два года и четыре мѣсяца. Рѣшено было тѣмъ, что онъ долженъ просидѣть еще въ крѣпости до іюля 1867 г., а выпущенъ онъ былъ (по случаю милостиваго манифеста на бракосочетаніе Его Высочества Наслѣдника) 18-го ноября 1866 г.; семь мѣсяцевъ было ему прощено. Во все время заключенія до извѣстной исторіи Каракозова, когда сыну моему снова было запрещено писать, онъ содержалъ себя и семейство своими заработанными деньгами“...

Нѣтъ надобности распространяться, въ какомъ высокомъ нравственномъ ореолѣ рисуется этотъ отрывокъ Писарева. „Проповѣдникъ чувственности и эгоизма“, „свирѣпый нигилистъ, не признающій-де никакихъ моральныхъ устоевъ“—и вдругъ не только не хочетъ пользоваться чьей бы то ни было матеріальной поддержкой въ наиболее трудный моментъ своей жизни, но, находясь въ тюрьмѣ, т.-е. въ самомъ безпомощномъ состояніи, которое возможно только вообразить, помогаетъ своимъ близкимъ..

Познакомившись съ нравственнымъ обликомъ Писарева, мы не заподозримъ въ преувеличеніяхъ Некрасова, отозвавшегося на смерть Писарева слѣдующимъ трогательнымъ стихотвореніемъ, посланнымъ имъ близкой Писареву М. А. Марковичъ (Марко-Вовчокъ):

Не рыдай такъ безумно надъ нимъ,
Хорошо умереть молодымъ!
Безпощадная пошлость ни тѣни
Положить не успѣла на немъ,
Становись передъ нимъ на колѣни,
Украшай его кудри вѣнкомъ!
Передъ нимъ преклониться не стыдно;

Вспомни, сколько папъ въ борьбѣ,
Сколько разъ уже было тебѣ
За великое имя обидно!
А теперь его слава прочна:
Подъ холодною крышкою гроба
На нее не наложить пятна
Ни ошибка, ни сила, ни злоба...
Не хочу я сказать, что твой братъ
Не былъ гордою волей богатъ,
Но, ты знаешь, кто ближняго любить
Больше собственной славы своей,
Тотъ и славу сознательно губить,
Если жертва спасаетъ людей.
Но у жизни есть мрачныя силы—
У кого не слабѣли шаги
Передъ дверью тюрьмы и могилы?
Долговѣчность и слава—враги
Русскій гений издавна вѣнчаетъ
Тѣхъ, которые мало живутъ,
О которыхъ народъ замѣчаетъ:
„У счастливаго недруги мрутъ,
У несчастнаго другъ умираетъ...“

Подъ стихотвореніемъ Некрасовъ сдѣлалъ знаменательную приписку, свидѣтельствующую о степени его любви и уваженія къ личности Писарева: „Писаревъ перенесъ тюрьму, не дрогнувъ (нравственно), и, вѣроятно, такъ же бы вступилъ въ эту могилу, которая здѣсь разумѣется, но вѣдь это исключеніе—покуда жизнь представляла болѣе фактовъ противоположнаго свойства, и потому-то мысль приняла такое направленіе“.

Писаревъ, безусловно, заслуживаетъ такого къ себѣ отношенія, а потому въ дни пятидесятилѣтія его смерти русское общество должно почтить его память, какъ память не только выдающагося представителя современной литературы, но и какъ память чистаго и благороднаго человѣка.

В. Евгеньевъ-Максимовъ.

Сонный прудъ.

Весенняя выставка въ Академіи Художествъ 1918 г.

А. Кайгородовъ.

Итальянское Каприччио.

Рассказ Н. Черешнева *).

I.

Плетневъ смотрѣлъ въ настежь раскрытое окно и не видѣлъ ни танувшей къ окну дѣвущей буйно-разросшейся сирени ни угасавшаго за озеромъ солнца, что бронзово-краснымъ румянцемъ теплилось еще на бѣломъ подоконникѣ, послѣдней лаской прильнуло къ пышнымъ лиловымъ шапкамъ сирени.

Въ душѣ было то изнѣженно-лѣнливое, полумечтательное оцѣпенѣніе, когда такъ не хочется ни о чемъ думать ни двигаться, и безъ конца хочется сидѣть вотъ такъ, заложивъ ногу на ногу, локоть руки положить на ручку покойнаго кресла, подпереть щеку ладонью, смотрѣть въ окно и ничего не видѣть.

Господь его знаетъ, — тихій ли румяный вечеръ навѣвалъ это оцѣпенѣніе, или было это то оцѣпенѣніе, въ которомъ лѣнливо дремлетъ передъ грозой раскаленная зноимъ необъятная степь, когда — минута-двѣ, и стелются уже земнымъ поклономъ серебряные ковчиги.

Была въ этомъ оцѣпенѣніи какая-то безотчетная, не дошедшая еще до сознанія, растерянность и такое же безотчетное желаніе, чтобъ дольше продолжалось это оцѣпенѣніе, и въ этомъ желаніи какъ будто слышался уже неотвратимый отвѣтъ, какъ слышатся вдали глухіе и неясные еще въ своей тревогѣ раскаты приближающагося грома.

Порой доносилось изъ сада теплое грудное контральто, навѣвавшее одну и ту же фразу изъ Итальянскаго Каприччио Чайковскаго, — и всякій разъ сегодня звукъ этого голоса былъ для Плетнева призывно-волнующимъ, какъ раннее вешнее утро, алой кровью брызнувшее на клейкую зелень тополей, на старыя ступени террасы.

Плетневу было уже за сорокъ, были уже сѣдые виски, были серебряныя пряди въ порѣдѣвшихъ черныхъ волосахъ, расчесанныхъ прямымъ проборомъ, и серебряный иней надвигавшейся старости какъ-то странно-привлекательно гармонировалъ съ молодежаво-бритымъ лицомъ, съ юношески-темными и блестящими еще глазами.

Недѣли двѣ, какъ онъ пріѣхалъ въ имѣніе къ брату, отказавшись на лѣто отъ всякихъ концертовъ. Хотѣлось отдохнуть отъ вѣчныхъ переѣздовъ изъ города въ городъ, отъ пыльных вагоновъ и станционныхъ буфетовъ, провести лѣто въ старомъ родномъ гнѣздѣ, половить карасей въ старомъ тинистомъ пруду.

Въ этой комнатѣ онъ родился, провелъ беззаботное дѣтство, жилъ здѣсь, когда пріѣзжалъ на лѣто изъ гимназіи, а потомъ и изъ консерваторіи. Здѣсь отдыхалъ потомъ и отъ шумныхъ утомительныхъ концертовъ, когда уже сталъ извѣстностью, и эта комната всегда манила его къ себѣ тихимъ неуязвимымъ уютомъ далекаго дѣтства.

И теперь Плетневъ снова въ своей комнатѣ, передъ знакомыми кустами сирени и необычайной и желанной новью кажется ему здѣсь, въ тихомъ уютѣ его стараго гнѣзда, и это изнѣженно-лѣнливое полумечтательное оцѣпенѣніе, съ которымъ такъ не хочется расставаться, и эта смутная, сладко волнующая растерянность.

Чуть слышно скрипнула старая бѣлая дверь, бредетъ въ комнату древняя Петровна, нянька всѣхъ Плетневыхъ, ветхая старуха съ набожно-строгимъ изжелта-восковымъ лицомъ, съ той неуловимой добротой на немъ, какая бываетъ написана на лицахъ лишь у старыхъ, мирно доживающихъ свой вѣкъ, нянекъ.

Плетневъ уже знаетъ, зачѣмъ пришла нянька: заправить и зажечь на ночь лампадку, какъ зажигаетъ она ее теперь каждый вечеръ, — такъ любить Плетневъ, любить призрачно-блѣдный свѣтъ зеленого стекла, напоминающій о далекомъ, невозвратномъ дѣтствѣ.

— Иди-ка, батюшка, чай кушать, — говоритъ Петровна, старческими жилистыми руками осторожно перепуская черный шнурокъ лампадки, и ея голосъ, кажется Плетневу, звучитъ такимъ же роднымъ, какимъ звучалъ ему и тамъ, въ безмятежно-миломъ дѣтствѣ.

Но не хочется ни подниматься ни итти на террасу, гдѣ сейчасъ собрались за вечернимъ самоваромъ и родные и сѣзжа-

вшіеся уже лѣтніе гости стараго дома, не хочется ни говорить ни отвѣчать на возможные вопросы, никого видѣть, и онъ преситъ:

Портретъ художника Ив. Колесникова.

Весенняя выставка въ Академіи Художествъ 1918 г.

В. Загрьевъ.

— Няня; ты принеси мнѣ чай сюда, — и, стыдась передъ ней своего бездѣлья, беретъ со стола первую попавшуюся на глаза книгу, — томикъ Чехова, — перелистываетъ нѣсколько страницъ „Чайки“ и дѣлаетъ видъ, что погружается въ чтеніе.

— Сейчасъ, батюшка... — беретъ старуха стаканчикъ лампадки и мелкими шаркающими шагами уходитъ изъ комнаты, и Чеховъ забываетъ, а за окномъ, на террасѣ, — это Лола явилась къ чаю, — снова беззаботно звенитъ знакомая мелодія Итальянскаго Каприччио.

Невольно блеснули-улыбнулись глаза милому голосу, какъ будто вспомнилъ Плетневъ какую-то давно позабытую прелестную сказку своей юности, еще мигъ — и на лицѣ свѣтится уже какая-то ласка, робкая и застѣнчивая, какъ пробивающійся сквозь сѣрыя облака несмѣлый лучъ осенняго солнца.

II.

Часа два назадъ, когда на террасѣ всѣ нѣжились въ послѣобѣденной лѣни, а Плетневъ курилъ въ гамакѣ сигару, къ нему подошла Лола, подруга младшей сестренки, и съ обычной на ея лицѣ, какъ будто чему-то изумленной сіяющей улыбкой попросила:

— Леонидъ Петровичъ, сыграйте, пожалуйста, Итальянское Каприччио Чайковскаго.

— Хорошо, Лола, только вечеромъ, когда спрячется солнце, когда придутъ въ садъ ночныя тѣни и заволокутъ просвѣты

* В № 18 п 19 „Нива“ с. г. помѣщены портретъ и біографія автора и по-смертный его рассказъ „Паль“. Помѣщаемъ здѣсь второй рассказъ покойнаго писателя, отдавшаго свою молодую жизнь за родину въ бою на французскомъ фронтѣ.

между деревьями...—говорил Плетневь как будто молча соглашавшейся с нимъ синеглазой Лолѣ.—Будутъ весеннія сумерки...

— А я хочу сейчасъ...—смѣются синіе лучистые глаза.

— А если я не стану играть?—улыбается Плетневь.

— Тогда я на васъ разсержусь, или нѣтъ, стойте...—задумалась Лола, улыбнулась застѣнчиво-теплой улыбкой.—Я васъ поцѣлую, вы и согласитесь...

— Развѣ что такъ!—соглашается Плетневь.—Только поймите же, что играть сейчасъ Каприччио вовсе не годится.

— Значитъ, вы хотите, чтобъ я васъ поцѣловала?—опустила Лола длинныя черныя рѣсницы.

— Пожалуйста...—шутитъ Плетневь, а дѣвчьи загорѣлыя руки уже обняли его шею, красныя, какъ спѣлая смородина, губы тянутся къ его щекѣ,—съ террасы кто-то заглядываетъ въ тѣнь тополей, и на террасѣ слышится веселый хохотъ, а Лола и Плетневь взглянули другъ на друга и смутились, и сами не знаютъ, почему смутились.

— Ну, что же я съ нимъ поцѣлаю, если онъ не хочетъ играть?—покраснѣла и смѣется, оправдывается передъ кѣмъ-то Лола.—И почему это я не могу его поцѣловать? Я его очень люблю и съ удовольствіемъ поцѣлую еще,—съ дѣтскимъ задоромъ говорить она.

— Продолжайте, синьора, продолжайте,—кричитъ съ террасы племянникъ Плетнева, толстый и румяный кадетъ Волька.

— Да, и поцѣлую,—и снова обхватила руками шею, еще два раза звонко поцѣловала Плетнева въ щеку, поцѣловала какъ-то дѣтски-беззаботно и холодно, и при новомъ взрывѣ хохота убѣжала черезъ террасу въ гостиную.

— Ну, что жъ, надо теперь итти играть,—поднимается на террасу, смущенно разводивъ руками Плетневь.

— Играйте, Леонидъ Петровичъ, играйте,—встрѣчаетъ Плетнева, покровительственно хлопываетъ его по плечу румяный Волька.

Опять скрипнула дверь. Плетневь перелистываетъ страницу Чехова и, не оборачиваясь, говоритъ:

— Поставь, няня, сюда...

— Вы на меня разсердились, Леонидъ Петровичъ, что я заставила васъ играть послѣ обѣда?—подходить къ нему застѣнчивая Лола, остановилась передъ нимъ, какъ-то дѣтски-виновато и умоляюще смотритъ ему въ глаза синими лучистыми звѣздами.

— Лола, кто это вамъ сказала?—спрашиваетъ Плетневь и самъ радостно смотритъ ей въ глаза, какъ будто давно уже ждалъ Лолу, и вотъ она пришла, розоволицая красавица съ золотымъ хмелемъ волосъ, со спѣлой смородиной дѣвчьиныхъ губъ.

— Мнѣ? Викторъ Петровичъ...—смотритъ Лола какъ-то недоумѣвающе на Плетнева, какъ будто спрашивая, кто же еще другой могъ это сказать.

— Ахъ, братъ?

Ну, да. Онъ говоритъ, что вы потому и чай пить не идете, что не въ духѣ, и что въ этомъ виновата я, заставила васъ играть противъ воли. Да, да,—увѣряетъ Лола.—Только вы тогда и вида не подали, что разсердились.

— Какая вы наивная. Онъ пошутилъ, Лола. Да вѣдь вы и сами, должно-быть, чувствуете, что я не сержусь.

— Серьезно?—сіяетъ Лола.—Ей-Богу, вы такой милый, что мнѣ хочется обращаться съ вами, какъ съ братомъ. Я своего брата очень люблю,—сказала и почему-то смутилась, опять опустила черныя рѣсницы.—Ну, хорошо, пойдемте чай пить.

— Пойдемте чай пить,—улыбается Плетневь, поднимается съ кресла.—Съ вами я на край свѣта...—дружески обнимаетъ Лолу за талию, и они идутъ на террасу.

III.

Вечеромъ, когда давно уже закатилось солнце и на блѣдно-зеленомъ весеннемъ небѣ пламенно-алой широкой лентой горѣла еще вечерняя заря, Лола и Плетневь шли подъ руку къ озеру, темными силуэтами четко вырисовываясь на аломъ фонѣ зари.

Шли и молчали, и на лицахъ ихъ, казалось, лежало то же вечернее благословенное молчаніе, что было розлито и во всей природѣ,—въ аломъ пожарѣ зари, въ вечерне-полномъ ароматѣ сирени, въ крѣпкомъ запахѣ тополей, даже въ робкомъ посвистѣ начинавшихъ свою вечернюю переключку соловьевъ.

Шли безъ думъ, безъ заботъ, не зная, куда и зачѣмъ шли. Шли, потому что хорошо было итти. Шли, потому что какая-то странно-ласковая, неясная близость, рождавшаяся между ними въ этотъ вечерній часъ, какъ будто влекла ихъ куда-то все дальше и дальше.

Безмятежно-чистымъ, непередаваемымъ спокойствіемъ вѣяла на Плетнева близость этой

семнадцатилѣтней дѣвушки, и онъ какъ будто нѣжился къ этому спокойствію, какъ будто боялся нарушить словами всю молчаливую прелесть теплаго майскаго вечера.

Шли и молчали, и молчаніе, странно, казалось неудобнымъ. Почему? Лола сбоку взглянула на Плетнева, улыбнулась, спросила:

— Леонидъ Петровичъ, почему вы не хотѣли играть Итальянское Каприччио послѣ обѣда?

— Днемъ?—радъ Плетневь нарушенному молчанію.—Мнѣ кажется, Лола, что Итальянское Каприччио, это—венеціанская ночь. Вотъ ея знойная синяя темнота, огни, полусвѣщенныя гондолы. Гдѣ-то слышится пѣсни мандолинъ. И кажется, что въ этой ночи ключомъ бьетъ какая-то цѣльная, кипучая жизнь, гдѣ любить, поють, томятся и изнемогаютъ въ любви, и эта пѣвучая темнота, кажется, такъ и дышитъ страстными глубокими вздохами, манитъ въ свой знойный водоворотъ. И когда играешь это Каприччио вечеромъ, когда въ окна смотреть ночная темнота, воображенію работаетъ какъ-то интенсивнѣе, какъ-то легче переносятся къ этой ночи и самъ, забывъ все на свѣтѣ, томимъ жаждой вотъ такой же полной, яркой жизни, весь отдавшись обаянію этого смуглаго юга. Понимаете?—спрашивалъ онъ молча слушавшую Лолу.—Днемъ же какъ-то разсѣиваешься и чувствуешь, что получаешься уже не то... Я очень люблю это Каприччио.

Минута молчанія, и Лола дѣтеки-просто говоритъ:

— Я тоже его люблю, только раньше я его не понимала. Вы не сердитесь, что заставила васъ играть днемъ.

— Господь съ вами,—такъ же просто говоритъ Плетневь.

Они идутъ по широкой проѣзжей дорогѣ по берегу озера. И озеро недвижно, замерло въ вечернемъ молчаніи. Пламенно-алая заря отражается въ спокойной поверхности воды, и озеро кажется въ спокойной поверхности воды, и озеро кажется темнорумянымъ. Какъ толпа темныхъ сказочныхъ великановъ, склонились надъ озеромъ старыя, темныя въ сумеркахъ, ивы.

Идутъ и молчатъ, и Плетневь невольно-ласково думаетъ:

„Милая дѣвушка, какъ хорошо итти съ тобой рядомъ, и какимъ чудеснымъ спокойствіемъ вѣетъ твоя близость. Такимъ же спокойствіемъ вѣютъ, должно-быть, на вѣрующаго человѣка бѣлыя монастырскія стѣны. Такимъ же спокойствіемъ дышитъ и ранняя весна, когда бодрымъ апрѣльскимъ утромъ выйдешь въ прозрачно-зеленый садъ...“

— А вы любите русскую весну?—прерываетъ, какъ будто читаетъ Лола мысли Плетнева.

— А развѣ можно ее не любить?—спрашиваетъ онъ и, не

Коробейникъ.

II. Субботинъ.

Весенняя выставка въ Академіи Художествъ 1918 г.

получая отвѣта, снова молчить, думаетъ про себя: „И ты такая же милая ранняя весна. Въ тебѣ, какъ въ сказочной Снѣгуркѣ, не проснулось еще Ярилно тепло, тебя не томятъ еще неясныя, беспокойныя желанья, и вся ты дышишь этимъ славнымъ бодрымъ утренникомъ“.

— Пойдемте домой, становится прохладно, — предлагаетъ Лола. — Теперь можно играть Каприччио?

Тянетъ съ озера просыпающейся влажной свѣжестью. Вспыхиваютъ въ блѣдно-зеленомъ ясномъ небѣ робкія звѣзды. Тихій сумракъ майской ночи глубоко дышитъ томными вздохами сирени, крѣпкимъ и густымъ запахомъ вечернихъ тополей.

Въ гостиной стараго барскаго дома темно, огней еще не зажгали, и въ окна смотрятъ темнѣющія весеннія сумерки. Плетневъ открываетъ рояль, а Лола садится на подоконникъ, прислонилась къ косяку, вечерне-притихшая и молчаливая. Въ сумеркахъ они едва различаютъ другъ друга.

IV.

Вотъ она, знойная изсиня-темная ночь съ блестяще-черной, какъ чернила, водой каналовъ, съ огнями домовъ, съ пѣснями мандолинъ и тѣмъ разжигающимъ кровь сладковолнующимъ трепетомъ ночного юга, что будитъ изиѣженно-тайныя грезы о любовной нѣгѣ.

И снова Плетневъ слышитъ въ крови жгучій и властный голосъ юга, видитъ проплывающія куда-то гондолы, снова сознаетъ въ себѣ эту неудержимую жажду жизни, что бродитъ еще въ немъ своимъ бунтующимъ хмелемъ, жажду любить и умирать въ любви, и снова воскресать и трепетать ея горячимъ, ликующимъ трепетомъ.

Плетневъ, дѣйствительно, любилъ Итальянское Каприччио и игралъ его съ какимъ-то сдержанно-богатымъ и тонкимъ темпераментомъ, — самъ порывъ, онъ какъ будто сдерживалъ въ себѣ этотъ порывъ и, играя сейчасъ для присмирѣвшей на подоконникѣ Лолы, стремился къ ней какой-то новой, странно-чистой и несознаваемой еще мыслью.

Кончилъ играть, далъ стихнуть послѣднимъ аккордамъ и поднялся, идетъ къ Лолѣ.

— Какъ вы хорошо играете, — простодушно искренно говоритъ она. — Благодарю васъ.

— Вотъ теперь вы меня можете поцѣловать, — шутитъ Плетневъ.

— Могу, — звонко смѣется Лола и цѣлуетъ его, а онъ невольно вздрагиваетъ въ неожиданномъ поцѣлуѣ, и кажется ему, что чѣмъ-то и чистымъ и нѣжнымъ касается его этотъ бѣглый поцѣлуй, и отъ сознания этой чистоты на душѣ у него дѣлается легко и свѣтло.

— Какой вы еще ребенокъ, Лола, — искренно говоритъ онъ, положивъ руки ей на плечи.

— А что? — настораживается Лола, осторожно беретъ Плетнева за плечико пиджака. — Развѣ я сдѣлала что-нибудь дурное?

— Нѣтъ, вовсе нѣтъ, — серьезно говоритъ Плетневъ. — Вы ничего дурного не сдѣлали, а все-таки вы ребенокъ, большой, чистый ребенокъ, и мнѣ какъ-то легко быть съ вами. Пойдемте бродить по саду, — предлагаетъ ей руку, и они спускаются по старымъ скрипучимъ ступенямъ террасы въ садъ.

Догорѣла заря. Сильнѣй ступаютъ тѣни, прядутъ свое вечернее покрывало, заволочу просвѣты между деревьями, затянули сумракомъ старыя разросшіяся аллеи, — а надъ садомъ свѣтло. Безоблачно блѣдно-зеленое небо, и рѣдкія звѣзды свѣтятъ въ немъ робко и ясно, какъ крошечкіе глаза молодой монахини.

Тихо бредутъ по саду и лишь изрѣдка перекидываются незначущими фразами. Тихій вечеръ заворожилъ ихъ своимъ свѣтлымъ очарованіемъ, когда такъ не хочется ни говорить ни думать, и думы приходятъ сами-собою, лѣнивыя и невозмутимыя въ своей лѣни.

— О чемъ вы думаете? — спрашиваетъ Лола Плетнева.

— О чемъ? — какъ всегда, переспрашиваетъ Плетневъ, подумавъ немного. — Я думаю о томъ, что мнѣ хорошо съ вами. Все въ васъ дышитъ чистотой и ясностью, и вы какъ будто заражаете этимъ и меня, — говоритъ онъ теплымъ искреннимъ баскомъ. — И я чувствую, что какъ-то благодаренъ вамъ и за это ваше спокойствіе и за эти даже ваши поцѣлуи, вѣдь и они полны того же спокойствія. Впрочемъ, не будемъ лучше объ этомъ говорить.

— Почему? — поднимаетъ глаза, смотритъ Лола на Плетнева.

— Почему? Потому что это чувство интимное, а всякая интимность только тѣмъ и прекрасна, что она проходитъ въ нашей

На выставку. (40-е годы).

Весенняя выставка въ Академіи Художествъ 1918 г.

Е. Малешевская.

жизни тихо, неслышно, пожалуй, даже робко, какъ тихая застѣнчивая красавица. Она не любитъ ни свѣта, ни словъ, ни признаній.

— Я понимаю васъ, — говоритъ Лола, и они снова, какъ братья съ сестрой, молча бредутъ по саду, нѣжатся въ свѣтломъ очарованіи теплаго вечера. Громче свищутъ въ темномъ саду соловьи, не смолкая и звеня, летятъ ихъ весеннія пѣсни.

V.

Раннимъ утромъ Плетневъ проснулся съ какой-то беззаботною легкой радостью, съ неясно-свѣтлой радостью въ душѣ. Распахнуть окно въ садъ, — стелется по свѣтлому озеру легкой туманъ, — и снова легъ въ кровать, долго нѣжилась въ тишинѣ старой усадьбы.

Взошло уже солнце, и на всемъ лежать его румяно-золотые тона, они ласкаютъ взглядъ и наполняютъ душу ощущеніемъ, похожимъ на расцвѣтшее счастье. Призамолкъ старый садъ, какъ будто замеръ, старикъ, въ своей утренней молитвѣ, стоитъ и не шелохнется.

Смотритъ въ комнату сверкающе-розовое утро, голубѣетъ безоблачно-раскрывшееся небо, доврчиво дышатъ лиловые грозди серени, тянетъ въ окно бодрящимъ холодкомъ, — все, какъ вчера, и все въ какомъ-то новомъ сіяніи, какъ будто Господь улыбнулся сегодня весеннему утру, благословилъ его, и утро заиграло Господней улыбкой.

Тихій трепетъ неуловимой, нечаянной радости волнуется Плетнева, и ему кажется, что никогда еще въ его жизни не было такого божественнаго утра, и никогда еще не чувствовалъ онъ себя такимъ легкимъ и беззаботно-жизнерадостнымъ.

Вспоминается вчерашній вечеръ, эта неясно-прекрасная вечерняя интимность, поцѣлуи Лолы, при мысли о которыхъ Плетневъ какъ будто чувствуетъ на своей щекѣ легкой шекочущий холодокъ, это бѣглое прикосновеніе алыхъ дѣвичьихъ губъ.

„Милая Снѣгурка, — съ какой-то цѣломудренно-благоговѣнной чистотой думаетъ онъ. — Ты прекрасна и безгрѣшна, какъ это

майское утро. Въ тебѣ его свѣжестъ и чистота, въ тебѣ его благодатная тишина. И въ глазахъ твоихъ его чистое и безоблачное, какъ твоя душа, небо. Господь съ тобой..“

Нѣтъ, помнитъ Плетневъ и еще одно такое же утро, но оно было такъ давно, что въ суголокѣ жизни, въ вѣчныхъ переѣздахъ изъ города въ городъ стерлось изъ памяти, потускнѣло и теперь, такъ странно, улыбнулось вдругъ изъ дали прошлаго.

Онъ былъ гимназистомъ, и первая любовь постигла его въ этой же комнатѣ. Было такое же благословенное утро, когда онъ однажды проснулся, счастливый и влюбленный, такъ же распахнулъ окно въ старый садъ, не одѣваясь, бросился на подоконникъ и долго лежалъ на немъ, кудрястый, загорѣлый юноша, искалъ счастье въ лепесткахъ сирени.

Да, да, это было, было уже такое утро въ жизни Плетнева. Было утро первой юношеской любви. Теперь онъ припоминаетъ его, какъ живое, встаетъ оно въ его памяти, цвѣтетъ своимъ воспоминаніемъ, дышитъ благоухающимъ очарованіемъ первой любви.

Тогда впервые постигла Плетнева любовь. Это она приласкала для него весеннее утро, заставила раскрыться небеса. Что же случилось теперь, что такъ же лучезаренъ садъ, такъ же доверчиво дышатъ сирени, и такъ же тепло и ясно смотреть въ комнату утро, искрится и переливается румяно-золотыми тонами?

Просьба сыграть Итальянское Каприччіо и поцѣлуй Лолы, когда онъ отказывался его играть, — и только. Вечеръ въ саду, навѣянное вечеромъ молчаніе и снова Каприччіо въ темной гостиной стараго дома, и новый [неожиданный поцѣлуй, и эта неясная дружеская интимность, когда какъ-то безсознательно влечетъ къ человѣку..

„Тогда была любовь, а теперь... — и опять легкимъ раздраженіемъ чувствуется эта странная, несознаваемая еще растерянность. — Неужели и теперь Господь посѣтилъ меня любовью?“ — спрашиваетъ самъ себя и не можетъ и не смѣетъ повѣрить свѣтлой возможности, гонитъ отъ себя эти мысли, не хочетъ даже думать объ этомъ.

Хочется лежать и думать о дѣвущкѣ съ алыми губами, радостно думать о томъ, что эта дѣвушка заглянула ему въ душу синими лучистыми звѣздами глазъ, заглянула и какъ будто завожила его нечаянной радостью, стала вдругъ такъ странно дорога ему.

Дорога, какъ проснувшееся воспоминаніе о далекомъ и невозвратномъ утрѣ, какъ старая и полузабытая, какимъ-то чудомъ сохранившая свой ароматъ прелестная сказка юности, — дорога, какъ плыви́вшая его дѣвчья чистота, бѣлоснѣжная и сверкающая, какъ крыло чайки въ солнечно-водномъ утреннемъ просторѣ.

VI.

За утреннимъ чаемъ Плетневъ встрѣтился съ Лолой, дружески ей улыбнулся и протянулъ руку, и она улыбнулась ему милой, слегка виноватой улыбкой, какъ бы за что-то извиняясь, и эта улыбка опять напомнила ему далекое утро и счастье въ лепесткахъ сирени.

А послѣ чаю онъ верхомъ на Соколѣ поѣхалъ за почтой на станцію. Дорога шла лѣсомъ, тѣмъ весеннимъ лиственнымъ лѣсомъ, гдѣ невольно сдерживаешь лошадь, опускаешь поводья и ѣдешь шагомъ, такъ же невольно отдаваясь обаянію свѣжаго сомнѣнаго утра.

И въ лѣсу были все тѣ же думы, съ которыми Плетневъ и проснулся, думы о чистой и милой дѣвущкѣ, которая стала ему вдругъ такъ близка и дорога, что одно ея имя, одна мысль о ней наполняютъ его душу свѣтлымъ и ласковымъ трепетомъ.

Съ почты онъ привезъ Волькѣ письмо съ адресомъ, нацарапаннымъ дѣтски-круглымъ, неустановившимся еще почеркомъ. Товарищъ Вольки, Сережа Морозовъ, извѣщалъ его, что наконецъ-то онъ ѣдетъ къ нему въ гости и проситъ встрѣтить его утромъ на станціи.

— Ура-а, нашего полку прибыло! — заоралъ румяный Волька и пустил козла, и тутъ же, повернувшись къ Лолѣ, съ серьезной физиономіей говоритъ ей: — Да, Лола, а вы знаете, завтра утромъ ко мнѣ въ гости пріѣзжаетъ Сережа Морозовъ?

— Ахъ, да... — полувопросительно, полуудивленно откликнулась Лола и покраснѣла, опустила глаза, разматриваетъ шелковый красный галстукъ своей бѣлой матроски.

— Да, да, — какъ ни въ чемъ не бывало, увѣряетъ ее Волька. — Вотъ и письмо отъ него. Между прочимъ, онъ проситъ передать вамъ его привѣтъ, что я и исполню.

— Ну, оставь, Волька... — какимъ-то убитымъ голосомъ взмолилась Лола и совсѣмъ переконфузилась, мнетъ въ рукахъ свой красный галстукъ, — а за столомъ со всѣхъ сторонъ смотреть на нее смѣющиеся ласковые взгляды, какъ будто всѣ уже знаютъ какую-то тайну Лолы и сочувствуютъ этой тайнѣ.

Но у Плетнева отъ этой сцены остался въ душѣ затаенно-безпокойный осадокъ. Въ это ясное майское утро Лола какъ будто вошла въ его жизнь, стала неотдѣлимой, неотъемлемой частью его души, — и теперь ея лицо, алымъ макомъ вспыхнувшее при имени Серджи Морозова, поразило его какой-то странной, тупой болью.

День былъ солнечный и теплый, съ пробуждавшимся уже ликующе-молодымъ зноемъ, и весь день Плетневъ не могъ забыть отъ этой тупой боли, безпокойный осадокъ въ душѣ отъ утренней сцены съ письмомъ давалъ себя чувствовать при каждомъ появленіи Лолы, при каждой мысли о ней.

Какъ утромъ, хотѣлось отдаться этой весенней сказкѣ съ ея дѣвичьей чистотой и безмятежностью, — и желанная сказка, казалось, то приближалась къ нему, то удалялась, какъ будто дразнила его, а съ полемъ тянуло теплымъ вѣтромъ, куда-то безпокойно-манящимъ и сладко-волнующимъ вѣтромъ, къ Плетневу вошла Лола, какъ-то застѣнчиво потупилась, позвала:

— Леонидъ Петровичъ, пойдѣте гулять.

— Куда? — улыбнулся и просвѣтлѣлъ Плетневъ, самъ не зная, зачѣмъ задать этотъ вопросъ, и чувствуя, что онъ всюду пойдетъ за Лолой, стоитъ ей только позвать его съ собой.

— Куда хотите, — какъ-то вяло, безразлично отвѣтила Лола и нетерпѣливо, дѣтски-капризно протянула: — Ну, въ садъ, въ поля...

— Пойдемте, пойдѣте, — и снова бредутъ они по саду, какъ вчера, тихіе и молчаливые. Какъ вчера, колдуютъ надъ ними весеннія сумерки, и ласково и сладко дышатъ сирени, и тянетъ съ озера просыпающейся влажной свѣжестью.

Вышли изъ сада, перешли по ветхому бревенчатому мостику черезъ тихую рѣчушку, что впадаетъ въ озеро, поднимаются на

Тетя.

Г. Шендзиковская.
Весенняя выставка въ Академіи Художествъ 1918 г.

зеленый косогорь, гдѣ начинаются поля, разстилаются необозримыя весеннія дали. Сильнѣе опанхнулъ теплый вѣтеръ, какъ будто поцѣловать, затронуть въ душѣ своей лаской старыя забытыя струны.

Идутъ подь руку и молчать, и, какъ вчера, Лола спрашиваетъ:

— О чемъ вы думаете?

VII.

— Я?—переспрашиваетъ Плетневъ.—Я думаю о томъ, что встрѣчаются въ жизни такіе люди, съ которыми чувствуешь себя какъ-то необыкновенно легко. Какимъ-то невыразимымъ, умиротворяющимъ спокойствіемъ они дышатъ на васъ, какъ будто влекутъ къ себѣ какой-то неуловимой, молчаливо-прекрасной лаской. И мнѣ такъ кажется почему-то и такъ хочется этому вѣрить, что такимъ именно человѣкомъ для меня являетесь вы.

Молчитъ Лола.

А теплый беззаботный вѣтеръ, а свѣтлыя сумерки, а ласкающая близость этой молчаливой сегодня дѣвушки волнуютъ и нѣжатъ Плетнева, тихо вздрагиваютъ въ душѣ старыя забытыя струны, звенятъ какой-то отжитой, все забывающей, нѣжностью.

— Я не знаю, что за чувство я испытываю къ вамъ. Я думалъ объ этомъ утромъ и ни до чего не додумался, и думать бросилъ, весь отдался его тихой ласкѣ. Послѣ вчерашняго вечера вы стали мнѣ удивительно близки, какъ-то невыразимо дороги, какъ будто вы заглянули въ мою душу, пахнули на нее такимъ сказочнымъ очарованіемъ, такой благоухающей чистотой... Простите, васъ не стѣсняетъ этотъ разговоръ?—спрашиваетъ онъ, боится, что его слова спугнуть ту неуловимую интимность, что сблизила его вчера съ Лолой.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста...—тихо отелкивается Лола.

— Я чувствую, что меня влечетъ къ вамъ, ловлю себя на мысли, что я полонъ вами и этой чистотой, которой вы такъ меня заражаете,—говоритъ Плетневъ вчерашнимъ теплымъ голосомъ.—Я не знаю, что это за чувство. Любовь? Дружба? Нѣтъ, мнѣ кажется, не любовь и не дружба, нѣтъ. Здѣсь что-то другое, чему у меня нѣтъ имени, нѣтъ словъ, но что наполняетъ меня какимъ-то прекраснымъ порывомъ къ вамъ, какимъ-то, какъ сказалъ одинъ поэтъ, свѣтомъ первоблаженнаго стыда. Любовь — самое эгоистическое чувство, а здѣсь... Я не знаю, я готовъ, кажется, для васъ на все, что хотите, чтобъ вы улыбнулись счастливо и нѣжно, чтобъ передъ вами настезь распахнулись двери какого-то невѣдомаго рая, и вся ваша молодая жизнь расцвѣла бы, заблагоухала рѣдкимъ ароматнымъ цвѣткомъ. Мнѣ кажется, что, если бы вы даже спросили у меня мою жизнь, я благословилъ бы ваше желаніе и, не задумываясь, не спрашивая, зачѣмъ она вамъ нужна, радостно, съ готовностью отдалъ бы вамъ и свою жизнь.

Молчитъ Лола, ни слова не сказала въ отвѣтъ.

— Любовь — чувство эгоистическое, требовательное,—говоритъ Плетневъ послѣ нѣкотораго и сладко и тревожно волнующаго молчанія.—Любовь дарить, но и беречь, а между тѣмъ я ничего отъ васъ не хочу, ничего не жду и если хочу чего, такъ это только вашей близости, вотъ такихъ вечеровъ съ вами. Но странно, вотъ сегодня, когда на террасѣ заговорили о Серѣжѣ Морозовѣ, когда,—вы простите меня за откровенность и не сердитесь,—вы смутились и покраснѣли при этомъ имени, мнѣ... можетъ-быть, я и ошибаюсь, но мнѣ показалось, что...

Молчитъ Лола, только ниже опустила золотистую головку.

— Нѣтъ, не будемъ объ этомъ говорить...—какъ будто спохватился, испугался чего-то Плетневъ.—Расскажите мнѣ лучше что-нибудь о Серѣжѣ Морозовѣ. Какой онъ, что онъ изъ себя представляетъ? Вы простите мнѣ это любопытство... — и не успѣлъ онъ договорить, какъ Лола его перебила:

— Нѣтъ, нѣтъ, не спрашивайте меня. Не надо... — освободила руку, повернула назадъ, быстро пошла къ дому.

— Лола... Лола, постойте... Куда же вы?—недоумѣваетъ, спрашиваетъ ее Плетневъ, смотритъ вслѣдъ удаляющейся дѣвушкѣ, смутно бѣлѣющей въ сумракъ своей матроской, кричитъ ей: — Лола, ну, извините меня...

Не откликается Лола или не слышитъ, уходитъ все дальше и дальше, вотъ скрылась подь косогоромъ, а Плетневъ все еще стоитъ на одномъ мѣстѣ. Теплый вѣтеръ тихо обвѣваетъ его, цѣлуетъ-обжигаетъ своимъ порывистымъ дыханіемъ нахмурившееся лицо.

Морской пляжъ.

Весенняя выставка въ Академіи Художествъ 1918 г.

Н. Сергѣевъ.

VIII.

„Ну, зачѣмъ только я заговорилъ о Морозовѣ? Какое мнѣ дѣло? И какъ это глупо вышло...“—раздраженно думаетъ Плетневъ.

Глаза смотреть устало и нехотя, и опять тревожить эта тупая, неясная растерянность, — такое чувство, какъ будто свершилось что-то досадно-непоправимое, что непроходимой пропастью легко теперь между нимъ и Лолой.

Медленно спускается онъ съ косогора, возвращается домой, усталый и изнѣженный теплымъ вѣтромъ. Спускаются сумерки, — какъ вчера, затягиваютъ своимъ мгlistымъ покрываломъ просвѣты между деревьями сада, такъ же свѣтло и ясно небо надъ усадьбой, но уже нѣтъ вчерашняго чувства свѣтлой интимности, и сегодняшнее утро кажется такимъ далекимъ и странно-чуждымъ.

На террасѣ накрыто къ ужину. Разливая вокругъ мягкой полусвѣтъ, горитъ на столѣ лампа подь молочно-бѣлымъ абажуромъ, но ни за столомъ ни на террасѣ никого нѣтъ. Въ гамакѣ, подь темными тополями, напѣваетъ Волька кому-то дѣтскую пѣсенку:

Шли, шли, шли,
Да пироги наши,
Съѣли да поѣли,
Да опять пошамъ.

У террасы, когда Плетневъ поднимается на нее, его окликаетъ знакомый голосъ:

— Леонидъ Петровичъ, вы не сердитесь на меня, что я ушла отъ васъ?—говоритъ Лола, и при свѣтѣ лампы Плетневъ видитъ, какъ она улыбается, и легкая застѣнчивость дрожитъ и алѣетъ въ этой улыбкѣ

— Господь съ вами...— несмѣло-радостный, съ смутной, внезапно вспыхнувшей новой надеждой на близость къ Лолѣ, говоритъ Плетневъ, съ улыбкой всматривается въ милое дѣвичье лицо съ сияюще-потемнѣвшими сейчасъ звѣздами. — Я и не думалъ сердиться.

— Серьезно? У меня такое чувство, какъ будто я васъ чѣмъ-то оскорбила, а я, ей-Богу, и не думала... Такъ дико вышло... — покраснѣла Лола, наклонила головку, замаялась и вдругъ весело разсмѣялась, просто и дружески протянула Плетневу руку: — Знаете, что: не будемте, пожалуйста, объ этомъ говорить. Ну, чѣмъ же я виновата, что мнѣ нравится Сережа Морозовъ?

— Да Богъ съ вами...— смѣется и Плетневъ, пожимая маленькую теплую руку Лолы.—Желаю вамъ всего хорошаго.

— Такъ вы не сердитесь на меня. Хорошо? — спрашиваетъ она, спускаясь съ террасы и, не дожидаясь отвѣта, уходитъ по главной аллеѣ къ озеру. Одна. Зачѣмъ? Одиночества ли ей хочется, или манить ее куда-то это весеннее безпокойство, что алой краской покрываетъ сегодня ея лицо, — Господь ей судья.

Плетневъ стоитъ на террасѣ и смотритъ вслѣдъ удаляющейся Лолѣ, смутно маячить въ темнотѣ бѣлая матроска, — и опять у него на душѣ и свѣтло и просторно,—значить, есть, есть что-то между нимъ и ею, что заставляеть ее идти къ нему и рассказывать свою весеннюю тайну.

„Весна моя“.—думаетъ Плетневъ, и маняще вспыхиваетъ въ памяти сегодняшнее утро, но мигъ—и тихая грусть, какъ сожалѣніе о чѣмъ-то невозвратно-утраченномъ, легкой тѣнью ложится на лицо. Уходитъ въ свою комнату, ищетъ одиночества и томится въ немъ, грустный и усталый, съ неспокойной тяжестью въ душѣ.

Кротко мерцаетъ передъ старыми, потемнѣвшими отъ времени, образами лампадка, наполняетъ комнату зеленовато-призрачнымъ свѣтомъ, уютномъ далекаго дѣтства, и тѣни прошлаго, какъ призраки, какъ будто дрожать и рѣвуть въ призрачномъ свѣтѣ.

Какъ будто въ прошломъ прошелъ Плетневъ мимо какихъ-то горячихъ сказочныхъ ключей, что били чистой струей живой воды, не извѣдалъ ихъ сказочной силы и теперь, когда далеко уже ушелъ отъ волшебныхъ ключей молодости, вспомнилъ о нихъ, и сожалѣніе о невозвратно-утраченномъ прошломъ ноющей болью отзывается въ душѣ.

Передъ глазами стоитъ и не отходить притихшая и смущенная дѣвушка, такая близкая и такая далекая Плетневу, и кажется ему, что въ ней одной кроется для него разгадка этой неизбывно-тревожной тайны, что такъ волнуетъ его своей неразгаданностью, заражаетъ мучительно-сладостной жадной жизни.

IX.

Позднимъ вечеромъ Плетневъ, по обыкновенію, долго игралъ на роялѣ. Въ гостиной было темно, и двѣ свѣчи на пюпитрѣ рояля горѣли въ ней пугливо и одиноко. Лола, какъ вчера, сидѣла на подоконникѣ. Окно сегодня было открыто, и въ гостиную, ни на минуту не смолкая, несся соловьиный посвистъ.

Плетневъ игралъ и безпокойно не зналъ, о чѣмъ думала Лола, и казалось ему, что недалеко отъ него томится въ весеннемъ колдовствѣ дѣвичья душа, просыпается въ ней весеннее тепло, и навстрѣчу этому теплу, какъ весенняя музыка, какъ ликующая пѣсня весны, несся сегодня звенящій соловьиный посвистъ.

— Какъ бы я хотѣла такъ играть... — подходя къ роялю и блестя изъ темноты глазами, говоритъ Лола, когда Плетневъ закрылъ клавиатуру. — Уже поздно, пора спать, — прибавила тутъ же, занятая уже какой-то другой мыслью.

— Ну, пойдемте, побродимъ немного передъ сномъ по саду,—говоритъ Плетневъ.

— Пойдемте,—какъ-то вяло и нехотя соглашается Лола.—Только не долго,—и Плетневъ снова чувствуетъ какой-то уколъ въ сердце, какъ будто Лола хочетъ остаться одна съ своей весенней тайной, тяготеетъ имъ и если все-таки идетъ съ нимъ, то исключительно изъ простой вѣжливости.

„Нужно отказаться отъ этой прогулки“, — оскорбительно чувствуетъ онъ свою навязчивость и, какъ ядовитымъ ароматомъ, дышитъ близостью къ Лолѣ, уже обезсиленный и отравленный этой близостью, рабски привязанный къ этой дѣвушкѣ.

Идутъ и молча думаютъ свои думы. Какъ-то болѣзненно работаетъ воображеніе, и Плетневъ пытается представить себя, каковъ изъ

себя Сережа Морозовъ, и ему кажется, что это милый блочурый юлоша, гибкій и стройный. что у него такіе же синіе глаза, что онъ, какъ мальчикъ, влюбленъ въ Лолу, можетъ-быть, первой любовью.

А Лола? И Лола любитъ его, — такая она сегодня неузнаваемая и неспокойная, какъ будто сегодняшнее письмо смутило ея безмятежность, поманило за собой, какъ этотъ теплый, безпричинно и тревожно волнующій вѣтеръ, и вотъ она томится теперь, обвѣянная колдовскими чарами весенней тревоги.

Темно въ саду, только небо, какъ вчера, виситъ надъ усадьбой блѣдно-зеленое и безоблачное. Робко мерцаютъ въ вышинѣ рѣдкія серебряныя звѣзды. Типина въ саду, только буйнымъ, ликующимъ посвистомъ гремятъ соловьи.

— Ахъ, да, я и забылъ... — говоритъ Плетневъ. — Мнѣ нужно написать еще два большихъ письма, — лжетъ онъ, чтобъ найти какой-нибудь предлогъ и оставить Лолу. — Пойдемте теперь домой.

— Вы идите, пожалуйста, а я еще поброжу немного. Доброй ночи, — тихо говоритъ Лола и идетъ дальше.

— Доброй ночи...

Странная слабость и лѣнь разливаются по тѣлу, чувство какой-то тяжести давить Плетнева, какъ будто онъ страшно усталъ, изнемогъ подъ этой тяжестью, хочетъ покоя, хочетъ забыться и уснуть въ этомъ покоѣ,—и нѣтъ ни покоя ни сна.

Мысль о Лолѣ ни на минуту не отпускаетъ отъ себя, острѣе чувствуется неприятный осадокъ письма, и яснѣе видитъ Плетневъ дѣвическій весенній мятелъ, слышитъ его чистоту и тревожный, мучительно-знакомый трепетъ расцвѣтающихъ грезъ.

Усталость и тоска охватываютъ Плетнева, онъ садится на первую попавшуюся скамейку и въ этой тоскѣ, съ внезапнымъ ужасомъ, вдругъ познаетъ, что онъ любитъ Лолу.

Да, да, это такъ, такъ. Любить Лолу, какъ не любилъ еще никогда и никого въ мірѣ что Лола — сказочное мажево, кото-

Въ храмѣ. Весенняя выставка въ Академіи Художествъ 1918 г. П. Михайловъ.

рое долго еще будет стоять передь нимъ во всемъ своемъ обманчиво-манящемъ блескѣ, и онъ будетъ рваться къ нему, и марево будетъ оставаться маревомъ, призрачнымъ и неуловимымъ.

Лола — это послѣдняя яркая греза его жизни, за которой больше не будетъ ничего сильнаго и захватывающаго, Лола — соломинка, за которую хватается утопающій, какимъ чувствовалъ себя сейчасъ Плетневъ, и безъ Лолы для него нѣтъ больше ни жизни ни спокойствія.

X.

Шорохъ легкихъ шаговъ по песку аллеи заставляетъ Плетнева вздрогнуть и поднять голову, — въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него проходитъ Лола, идетъ къ дому, идетъ тихо, съ низко опущенной головой, — и онъ боится пошевелиться, малѣйшимъ шорохомъ выдать свое присутствіе, боится спугнуть очарованіе тайной встрѣчи.

Прошла — и глубокій вздохъ вырывается изъ груди, какъ будто душно Плетневу въ ночной свѣжести, какъ будто эта тоска давитъ и душитъ его, а сердце въ такомъ страхѣ тянется къ Лолѣ, какъ къ избавительницѣ отъ этого страха, какъ въ сказкѣ, гдѣ бы умерла, растаяла бы эта тоска.

Любовь, какъ несознаваемая прежде растерянность, какъ безсознательно-радостный порывъ, незнакомая и робкая прежде гостья, не называвшая своего имени, вдругъ скинула передь нимъ свое таинственное покрывало, и Плетневъ увидалъ странное и прекрасное лицо бога любви, и упалъ духомъ.

Что жъ дѣлать теперь, когда онъ чувствуетъ, что никогда ему не встрѣтитъ въ Лолѣ того чувства, какимъ сейчасъ полонъ онъ, и никогда Лола не будетъ ждать его такъ спокойно и тревожно, какъ ждетъ она сейчасъ Сережу Морозова?

Долго сидѣлъ въ саду, искалъ выхода нахлынувшей тоскѣ и не находилъ выхода, видѣлъ лишь одно, что тянетъ его къ Лолѣ, хочется ее видѣть, — какъ воды усталому изнемогающему отъ жары путнику, хочется ее робкихъ и бѣглыхъ поцѣлуевъ.

Ночью, когда старый домъ давно уже спалъ, Плетневъ долго сидѣлъ въ своей комнатѣ, погруженный въ раздумье, обезсиленный, казалось, пронесшимся надъ нимъ весоннимъ вихремъ, думалъ о своей любви и старался не думать.

Въ комнатѣ было душно и жарко, лампа подъ зеленымъ абажуромъ сильно нагрѣвала воздухъ, не давали прохлады настѣжь открытыя окна, — и Плетневъ опять ушелъ въ садъ, до разсвѣта бродить въ его тишинѣ, растерянный и подавленный этой ночью.

Онъ думалъ о молодой разбуженной любви, и думы были полны чистаго благоговѣнія передь молодымъ чувствомъ, уже ясно видѣлъ онъ теперь это чувство въ Лолѣ.

Не смолкая, тепло и свято, казалось, горѣла въ немъ такъ неожиданно вспыхнувшая любовь къ Лолѣ, грѣла своимъ тепломъ, нѣжила давно позабытымъ тонкимъ ароматомъ, вся обвѣянная тоской своей нераздѣленности, угасающими красками заката его жизни.

Алымъ золотомъ вспыхнула заря, поблѣднѣло ночное небо, растаяли въ вышинѣ кроткія звѣзды, когда Плетневъ ушелъ изъ сада. Было уже свѣтло въ комнатѣ, и свѣтъ лампадки казался такимъ желтымъ и раздражающе неуютнымъ. Легъ спать, утомленный безсонной ночью, озябшій въ начинавшемся утренникѣ.

Взошло солнце. На конюшнѣ нетерпѣливо вздрагивали колокольчики запрягаемыхъ лошадей: Хмурый и заспанный Волька, наскоро умывшись и поевшаяся на утреннемъ холодкѣ, накинувъ на плечи кадетскую шинель, шелъ къ конюшнѣ, чтобъ ѣхать на станцію.

Звонъ колокольчиковъ сквозь сонъ донесся до Плетнева, не разбудилъ его тревожнаго сна, прозвучалъ въ немъ, далекій и заморающій. Рѣзко дрожали въ чистомъ воздухѣ пѣтушья крики. Розово-золотой пылью струилось въ старый садъ солнце, бросало длинныя израсна-черныя тѣни.

XI.

Приѣхалъ Сережа Морозовъ, стройный смуглый юноша, съ мальчишески-бойкими темно-кариими глазами, съ чуть затемнѣвшимися пушкомъ усомъ, съ открытымъ и неутраченнымъ еще дѣтскихъ очертаній лицомъ и неисчезнувшими еще дѣтскими ямочками на кругломъ подбородкѣ и щекахъ, дрожавшихъ при смѣхѣ.

Встрѣтились съ Лолой на террасѣ за утреннимъ чаемъ, оба густо покраснѣли, а потомъ весело разсмѣялись и сами не знали, надъ чѣмъ, и этотъ безпричинный, жизнерадостный смѣхъ долетѣлъ въ комнату Плетнева, отогналъ отъ него тяжелый сонъ.

Сережа Морозовъ приѣхалъ, и въ этомъ для Плетнева было какое-то какъ будто совершившееся непоправимое несчастье, слѣды котораго исчезаютъ лишь съ годами, какъ медленно растающая рана, шрамъ отъ которой остается все же на всю жизнь.

Плетневъ не выходилъ изъ своей комнаты и весь день пролежалъ въ постели, — послѣ безсонной ночи въ саду, въ ночной свѣжести, сегодня у него было лихорадочное состояніе и какая-то отвратительно-тягучая общая слабость. Нервничалъ, когда къ нему приходили справляться объ его здоровьѣ, — и его оставили одного.

Улица въ Эрзерумѣ.

П. Смурковичъ.

Весенняя выставка въ Академіи Художествъ 1918 г.

Лола чувствовала, что ей нужно сходить къ Плетневу, что ему приятно будетъ видѣть ее, но какая-то нерѣшительность охватывала ее, какъ будто она чувствовала себя въ чѣмъ-то виноватой передь нимъ и не могла побороть въ себѣ этой виноватости.

Плетневъ былъ доволенъ, что его никто не беспокоитъ, и весь отдался одиночеству, закрывалъ глаза и притворялся спящимъ, даже когда приходила прислуживавшая ему Петровна и, увидавъ, что онъ спитъ, уходила снова, — и онъ снова оставался со своими думами.

Думы были все тѣ же, беспорядочныя и бьющіяся, какъ накрытыя сѣтью птицы. Яснѣе, чѣмъ вчера, чувствовалъ Плетневъ, что полюбилъ Лолу сильно и безповоротно, и еще яснѣе видѣлъ, что никогда больше не зацвѣтетъ ужъ для него давно отцвѣтшая сказка юности.

Два дня пролежалъ онъ въ постели и лишь на третій вышелъ на террасу къ завтраку и весь завтракъ просидѣлъ молчаливый и вялый, съ поблѣднѣвшимъ и осунувшимся лицомъ, съ темными полукругами подъ лихорадочно блестящими глазами.

Въ темныхъ глазахъ стояла эта большая и безпокойная тоска, цѣликомъ заполонившая человѣка, и всѣ это почувствовали, и при видѣ Лолы, просидѣвшей весь завтракъ смущенной и виноватой, всѣ какъ-то безъ словъ поняли причину этой тоски.

И дни пошли за днями, теплые и солнечно-яркіе. Гостей было полно въ домѣ, въ саду слышались смѣхъ и оживленные голоса, мелькали среди зелени цвѣтныя пятна дѣтвора и звенѣлъ ихъ несмолкаемый гомонъ, но старый домъ какъ-то сумрачно и тяжело смотрѣлъ на эту беззаботно рѣзвившуюся дѣтвора.

Въ старомъ домѣ была тишина, какъ будто тамъ лежалъ и умиралъ какой-то всѣмъ близкій, тяжелый больной, — не слышно было ни громкихъ голосовъ ни смѣха, какъ будто всѣ молча сговорились беречь покой больного, а онъ искалъ и не находилъ этого покоя.

Плетневъ чувствовалъ этотъ безмолвный уговоръ и тяготился имъ, тяготился окружающими его людьми, и самыми утомительными часами для него были завтракъ и обѣдъ, когда неудобно было молчать и обращать на себя вниманіе и такъ же неудобно, мучительно было чувствовать общую къ себѣ предупредительность.

Часами просиживалъ онъ въ своей комнатѣ или надолго уходилъ изъ дому въ поля, и всюду шла за нимъ его тоска, неотступная и безпокойная, какъ ночная человѣческая тѣнь на пожарѣ, — преслѣдовали все тѣ же мысли, звенѣли ему серебрянымъ смѣхомъ юности, манили поцѣлуями дѣвственно алыхъ губъ.

И. Г. Церетелли. Барельеф А. Улина
Весенняя выставка в Академии Художеств 1918 г.

Лола уже не подходила к нему, как прежде, не звала его гулять и как будто даже избегала его,—не слышал он и ее теплого смеха, она белыми часами бродила с Сережей Морозовым по саду, и Плетнев встречал их обоих только за столом.

Однажды, выходя в сад, он встретил Лолу на террасе, она связывала над столом большой букет белой сирени и не замечала, как вышел Плетнев, а он стоял и смотрел на нее и в первый раз видел в ней что-то неуловимо-новое, что сквозило в каждом ее движении, в блеске ее сиявших синих глаз.

— Это новое было в ней так прекрасно и юно, что Плетнев стоял, как зачарованный, но Лола почувствовала на себе его взгляд, испуганно взглянули ее глаза и закрылись дрогнувшими ресницами, вся она как-то съежилась и потухла, а он хотел что-то сказать, но нахмурил брови и ушел в сад.

XII.

Лола стояла перед ним в новом, безумно-влекущем к себе свите, как будто весна наградила ее своим ласковым теплом, и она, как цветок, пышно расцвела в этой ласке,— и на Плетнева с новой силой повяла своим ароматом беспощадная любовь.

Усталый, обезсиленный, возвращался он в этот день домой, и дома его встретила та же тишина, тот же плыв его неразделенной любви, и этот плыв становился все тягостней и невыносимей.

Жажда покоя и жажда сказки волновали его, неизбежно-глубокой тоской смотрели из глаз, и ночью, безсонной лунной ночью, когда эта тоска была как-то особенно тяжела, он решил бежать из старого дома с его назойливой тишиной.

В эту ночь он снова бродил по саду, стараясь утомить себя и долгой ходьбой вызвать сон, и неожиданно услышал недалеко от себя, должно-быть, на скамейке под белыми кустами сирени, звонкий и невольно выдавший себя поцелуй,—вздрыгнул и замер, невольно затаил дыхание.

— Милая Лола...—слышится из темноты тихий и ясный в тишине, как будто извечный голос.—Я люблю тебя.

— Тише, тише... Здесь кто-то ходит,—встревоженно говорит Лола, и уже не слышать их голосов.

Бьется сердце, колотится в груди, и Плетнев осторожными воронками крадущимися шагами пробирается вдоль зеленой стны аллеи подальше от белых кустов, сворачивает в новую аллею, торопливо уходит домой.

Далеко за полночь сидит он за письменным столом, влюбленный и одинокий, грезит невольно-подслушанным поцелуем и изнемогает от влюбленной тоски. Длинная, безсонная тянется ночь. Так же побдно и буйно, как и накануне приезда Сережи Морозова, звенят соловьи.

— Теперь я понимаю, что значит безысходная тоска,—думает Плетнев.—Нужно бежать отсюда, иначе сойдешь с ума,—

и решает бежать на юг, к морю, чтобы как-нибудь разсяться от этой тоски, не видеть Лолы, никогда не встречаться с нею, постараться забыть звездное сияние ее раскрывшихся к любви глаз.

Решение принято, и Плетнев несколько успокоился, но что-то говорить ему, что долго он не забудет еще Лолы, что и там, вдали от нее, где бы ни был он, долго еще будет он тосковать и рваться к ней, и издали благословлять ее, как последнюю благоухающую сказку своей одинокой скитальческой жизни.

На другой день, когда он объявил о своем отъезде, никто не уговаривал его остаться, никто не удивился его внезапному отъезду, как будто иначе и быть не могло.

Съ вечерним поездом Плетнев уехал на Кавказ, и в сердечности его проводов была какая-то досадная неловкость и та же предупредительность, как к больному человеку. Густо покраснела при прощаньи и не смела поднять глаз Лола.

А новой ночью, стоя на площадке вагона первого класса, Плетнев как будто прощался с родным небом, и звезды родного неба, далекие весенние звезды, светили ему грустно и ласково. Луна заливала своим серебристо-мягким сиянием бжавшие навстречу поезде поля, и они казались странно-неживыми и пустынными.

Воскресли в памяти с большой резкостью и недавние дни в старой усадьбе и недавние поцелуи Лолы, чистые и робкие цветы девически нетронутой еще души,—вспыхнуло в душе итальянское Каприччио, зазвенело-запыло в стук вагонных колес.

Море звуков, извечно-страстное море звуков охватывало Плетнева своей южной, знойной и неумолимой нгой, и его душа билась и трепетала в этом море, как подстреленная птица,—вся тоска, вся мучительный и проклятый вопль перед страшным и прекрасным лицом бога любви!

Геракль.
Г. Манизеръ.
Весенняя выставка в Академии Художеств 1918 г.

Плѣнный.

Тамъ, дома, на окнахъ—спокойныя шторы
И въ грустной истомѣ застывшій рояль...
Любимыя книги. Мечты. Разговоры...
И осени бурной Святая Печаль...
А въ нѣжномъ уютѣ изящной гостиной—
Нарциссы, въ холодномъ объятіи вазъ...
Знакомая мебель, портреты, картины
И... нѣга любовью взволнованныхъ
глазъ...

Но — я промѣнялъ тишь мечтаній и
комнатъ

На холодъ озявшихъ отъ вѣтра ночей...
И вѣрю, что любить, и вѣрю, что помнить
Меня полудрема глубокихъ очей...

Подъ знакомъ тревоги, въ лихой по-
единокъ

Врубился... и ярость сковала меня...
Какъ противъ татарина — сказочный
инокъ,

Сражался я въ жарѣ слѣпого огня...
Свистѣли шрапнели и лязгали сабли,
Но, слѣдуя зову—впередъ и впередъ—
Я пламенно бился, и силы ослабли,
Разсудокъ сковало безсилъе, и—вотъ:
Я—рабъ у врага, я—заложникъ, я—
плѣнный...

Тоскую отъ боли, волнующей тьмы...
Слезами и кровью кроплю только стѣны
Меня оковавшей (надолго ль?) тюрьмы...
Здѣсь ночью мерещатся дикіе взоры
Причудливо странныхъ, какъ тѣни,
химеръ...

А дома, на окнахъ—спокойныя шторы...
А родину кутаетъ траурный флеръ...

Павель Орѣшниковъ.

Въ старину. Весенняя выставка въ Академіи Художествъ 1918 г. Е. Малгешевская.

Темная вода.

Калмыцкая легенда.

Антоня Амнуэля.

I.

Въ то знойное бѣлое лѣто много скитался я по пескамъ и зеленымъ Калмыцкой степи, перебирался верхомъ черезъ зыбучіе барханы, въ тяжеломъ дощаникѣ переплывалъ тихую тутъ Волгу,—и, помню, сладко дремалось мнѣ тогда подъ мѣрный стукъ его уключинъ чудесной, грезовой, полуденной дремой, и слышалось, сквозь серебристое сіянье ея, журчанье и пѣвучій клекотъ воды подъ носомъ и глухія, однообразныя нѣсны калмыковъ, бронзовыхъ благодушныхъ великановъ въ синихъ бешметахъ съ громадными круглыми рукавами, похожими на абажуры.

Подолгу гостилъ я въ „хурулѣ“¹⁾, гдѣ былъ у меня большой пріятель — „гелюнгъ“²⁾ Чимидъ Санджіевъ, человекъ со скучастымъ и морщинистымъ лицомъ старой обезьяны, цвѣтомъ подобнымъ потертому пятаку, съ подстриженными съдыми усами и синимъ бритымъ черепомъ. Былъ онъ малоподвиженъ, строгъ, загадоченъ въ восточномъ молчаніи своемъ, и древностью, Азіей, Тибетомъ въяло на меня отъ его долгополага „лапшика“³⁾ и желто-верхой „джатакѣ“⁴⁾. Непрестанно сосредоточенно курилъ онъ трубку; отъ нея тянулся синий дымъ, и все казалось мнѣ, что это—внимамъ передъ безстрастнымъ ликомъ того тихаго, уводящаго отъ міра, божества, которому молится гелюнгъ въ прохладномъ сумракѣ между колоннъ „цацы“⁵⁾.

Почти все духовенство хурула кочевало лѣто за Волгой—въ зеленыхъ степяхъ. А въ хурулѣ сушились на солнцѣ, какъ осеннія дыни на бахчахъ, только старики, да корчили лодырей работники. Теперь Чимидъ былъ тутъ старшимъ, но даже это не

¹⁾ Хурулъ—такъ въ Астраханской губ., гдѣ происходитъ дѣйствіе разсказа, зовутъ калмыцкіе ламалестскіе монастыри.

²⁾ Гелюнгъ—калмыцкій монахъ.

³⁾ Лапшикъ—одежда духовенства, широкій халатъ съ длинными рукавами, ярко-краснаго цвѣта.

⁴⁾ Джатакъ—легкая лѣтная шапка духовнаго лица изъ темной матеріи съ краснымъ или оранжевымъ верхомъ.

⁵⁾ Цаца—кумирня, молельня въ монастырѣ.

измѣнило его. Дальше ужъ некуда было итти въ строгой важности, въ многозначительной неподвижности. Да и что могло нарушить душевный устой этого старика, давно ушедшаго отъ міра, убившаго въ себѣ зовы его?

Но порой по вечерамъ, когда въ лиловомъ сумракѣ тонула Волга, а на далекихъ степныхъ ерикахъ сладостно и полусонно посвистывали какія-то невидимыя птички, когда хрустальныя звѣзды дремотно мигали въ черномъ бархатѣ неба, а росистая степь дышала горьковатымъ ароматомъ ночной прохлады,—старый Чимидъ, краснѣя огонькомъ трубки, передавалъ мнѣ ученія древнихъ „хобуши-номъ“⁶⁾, ихъ тибетскія сказанія, или неторопливо рассказывалъ мнѣ старыя степныя легенды.

Такъ рассказалъ онъ мнѣ и о „темной водѣ“, которая налита въ сердцѣ людскомъ, скрытая въ тайномъ углу его, и порой заливаешь самые свѣтлые, самые жаркіе огни.

II.

Спалъ я на сѣнѣ, на чаканкѣ, подъ навѣсомъ, возлѣ распятого дома Чимида,—и поздно проснулся въ тотъ день. Наканунѣ съ работниками ѣздить на дальній „хошъ“⁷⁾, и долго пропутались мы потомъ по степнымъ дорогамъ. Солнце уже горячимъ лучомъ било въ глаза, и чувствовалось—мухи ползаютъ по губамъ. Онѣ всегда знаютъ, кто крѣпко спитъ.

По-утреннему блестящая голубая парча безгранно вскидывалась надо мной. Орлы крестами вкрапывались въ нее и плавали медленно, кругами. Коротки были тѣни отъ цацы, а сами онѣ дико и пестро блестяли рѣзными крышами, золотымъ переплетомъ карнизовъ, точеными столбами у входовъ. За ними въ просторѣ степномъ уже дрожало знойное марево серебристой вуалью, а степь шуршала, стрекотала, звенѣла тысячами голо-

⁶⁾ Хобуши-номъ—тибетская священная книга; въ нее записаны правила религіи, поученія, заповѣди, религиозныя мненія и т. д.

⁷⁾ Хошъ—овечье пастбище съ закономъ.

совь, дышала сухимъ горячимъ дыханьемъ полуденнаго часа.

Еще сквозь сонъ, въ послѣднія сладкія минуты его, слышалъ я около себя тихіе гортанные голоса, будто голуби ворковали. А проснувшись, увидалъ картину.

Недалеко отъ меня, на чаканкѣ, посланной прямо на землѣ, на самомъ солнцепекѣ сидѣли, поджавъ ноги, одинъ противъ другого, Чимидъ и другой калмыкъ, свѣтскій, еще молодой, съ широкимъ, безусымъ и неподвижнымъ лицомъ, сильно вспотѣвшій и мокрый, но не снимавшій своего „хони-арсунъ-девиля“⁸⁾. И напряженно застывшая фигура его, и какъ будто нѣсколько испуганное лицо, и даже этотъ тяжелый мѣховой тулупъ, который такъ неуклюже топорщился у него на спинѣ, выражали только громадную благоговѣйную почтительность. Между ними замѣчательно сильно и угарно дымилъ самоваръ, стояли чашки, а на ситцевомъ новомъ платкѣ лежало угощенье: красныя, липкія конфетки „малинка“, сухая вобла и твердокаменные баранки. И по

Перелетъ.

Весенняя выставка въ Академіи Художествъ 1918 г.

В. Эмме.

тому, что калмыки пили чай по-русски, я понималъ, что тутъ Происходить нѣчто важное и торжественное, скорѣе всего—родственное свиданіе. Такъ оно и оказалось.

— Долго спишь, Антонка, — сказалъ мнѣ гелюнгъ съ суровой ласковостью, едва улыбаясь и не выпуская изо рта трубки. — Вставай. Солнце давно гуляетъ.

Я всталъ, изъ глинянаго рукомоиника умылся холодной водой, пахнувшей иломъ, и подошелъ къ калмыкамъ.

Молодой еще издали застѣнчиво и привѣтливо улыбался мнѣ, и по этой улыбкѣ и по выраженію его лица я понималъ, что онъ ни звука не говоритъ по-русски. И когда я, подойдя, сказалъ ему „менде“, онъ отвѣтилъ мнѣ такъ, точно необыкновенно обрадовался моему знанію единственнаго калмыцкаго слова:

— Менде, менде... Ирхан танъ эрджи бяна би... (Здравствуй. Милости просимъ).

Пока я пилъ чай съ баранками, Чимидъ разсказалъ мнѣ, что это—его братъ Бубейка; пріѣхалъ онъ изъ дальняго Эркетеневскаго улуса—повидаться, привезъ угощенье. Пріѣхалъ онъ не одинъ, а съ матерью. Но женщинамъ нельзя ходить за святую ограду монастыря,—она тамъ... Онъ сурово и неопредѣленно кивнулъ головой куда-то въ степь, и мнѣ почувствовалось, что не очень доволенъ онъ моими вопросами... Да и вообще гелюнгу не подобаетъ помнить родныхъ и близкихъ,—онъ уже отдалъ себя другой жизни... И только такъ, слабость наша... Да и они лѣзутъ.

— Будешь еще чай пить?—внезапно перебилъ онъ себя, замѣтивъ, что я кончилъ.

Я поблагодарилъ и отказался. Тогда онъ съ тѣмъ же неприступно суровымъ и недовольнымъ видомъ сталъ собирать угощенье, завертывать его въ платокъ. А Бубейка, точно сконфузившись своего долгаго визита, торопливо поднялся, сталъ вытирать руками мокрое лицо, одергивать тулупъ. Чимидъ отнесъ приношенія домой и вернулся.

Тогда Бубейка вдругъ сорвалъ съ головы шапку, лицо его потемнѣло,—это значило, что онъ покраснѣлъ,—и съ рѣшительнымъ видомъ заговорилъ, дѣлая, видимо, громадные усилія для того, чтобы перебороть свою мучительную робость.

— Нѣтъ,—рѣзко и сурово отвѣтилъ гелюнгъ, отвертываясь.

Бубейка, убеждая, прижималъ шапку къ груди и продолжалъ говорить торопливо, захлебываясь.

— Нѣтъ,—коротко бросалъ гелюнгъ.

Въ воркующемъ, голубиномъ голосѣ Бубейки появились умоляющія, звонкія нотки отчаянія, онъ почти рыдалъ.

— Чего онъ хочетъ?—спросилъ я.

— Э, чего хочетъ...—Чимидъ недовольно и пренебрежительно махнулъ рукой.—Мать хочетъ, чтобы я пришелъ, показался.

— Такъ ступай,—посоветовалъ я, забывъ о строгомъ законѣ.

⁸⁾ Хони-арсунъ-девиля — мужской тулупъ изъ бараньей шкуры, прямого покрою, чаще всего бѣлый съ цвѣтными сафьяновыми укашаніями.

За это, видно было, онъ разсердился и на меня тоже. Не знаю, что понималъ тутъ Бубейка, но онъ обратился ко мнѣ и сталъ говорить что-то быстро, жалобно и моляще. И Чимидъ наконецъ согласился.

Запахнувъ широкій красный лапшикъ, низко надвинувъ на глаза шапку и все не выпуская изъ зубовъ трубки, медлительнымъ и важнымъ шагомъ журавля пошелъ онъ къ валу, окружающему монастырь. Вотъ именно за этотъ валъ, за эту границу святого монастыря и не могла переступить простая „бабага“ грѣшнаго міра. Я смотрѣлъ издали, а Бубей бѣгомъ обогналъ брата и закричалъ, вызывая мать.

Чимидъ остановился далеко отъ вала и всталъ неподвижно съ тѣмъ же суровымъ, равнодушнымъ и пренебрежительнымъ лицомъ, похожій на красное изваяніе, такое дикое въ горячемъ, радостномъ серебрѣ солнечнаго блеска. Ослѣпительнъ былъ этотъ дрожащій блескъ, подъ нимъ свѣтло и пріятно зеленѣла степная трава, за ней знойно желтѣли пески, какъ матовая мѣдь...

А изъ-за вала, изъ-за груды утрамбованной земли поднялась старуха—точно тоже кусокъ этой темной земли, живая куча тускло-пестрыхъ тряпокъ. Издали видѣлъ я ея коричневое, глинистое лицо, сътъ глубокихъ морщинъ, узоровъ старости, выжженныхъ суровымъ бытомъ и безпоощадными лучами солнца, выточенныхъ знойными или морозно-жгучими вѣтрами, а среди нихъ едва замѣтные, тоскливые и покорные глаза животнаго. Она посмотрѣла на сына—такого недостижимаго, далекаго, такъ близко подошедшаго къ прекрасному и таинственному Буддѣ,—и опустилась на колѣни.

Было знойно и тихо, кузнечики свистѣли въ просторѣ степи, и отъ нихъ только глубже и мягче казалась горячая тишина. И внезапно, какъ будто мягко лопнула жильная струна, старуха заплакала, заголосила.

Гелюнгъ стоялъ все такъ же статуино-неподвижно, смотрѣлъ куда-то за валъ, въ степь, а старуха тянула длинную, жалобную волчьую ноту и, всхлиывая, быстро бормотала какія-то выстраданные слова...

Но Чимидъ сдѣлалъ рукой знакъ отпущенія, повернулся и пошелъ. Бубейка, путаясь въ своемъ длинномъ тулупѣ, догналъ брата со счастливымъ и довольнымъ лицомъ и, наклонившись, на ходу такъ быстро и крѣпко поцѣловалъ его черную руку, что щелкнуло, какъ изъ ружья.

III.

Вечеромъ, по непремѣнному обычаю своему, сидѣли мы на крыльчикѣ дома, пахнушемъ свѣжимъ тесомъ, курили зловонный табачишко и мирно бесѣдовали по-степному: очень неторопливо и съ большими перерывами. Но по нѣкоторымъ признакамъ видѣлъ я, что не совсѣмъ спокоенъ святой пріятель мой.

Безъ всякой попытки съ моей стороны узнать что-либо, внезапно разсказалъ онъ мнѣ о себѣ. Родомъ онъ изъ Эркетеневскаго улуса—далеко отсюда. Пятеро было ихъ—дѣтей. Хорошо было въ дѣтствѣ бродить по степи, кочевать по разнымъ

„аймакамъ“⁹⁾, колыхаясь, будто въ люлькѣ, на горбу верблюда. Тогда все другое было: жарче лѣтомъ, холоднѣй—зимой. И травы были зеленѣе. И время шло быстрѣй. А семи лѣтъ отдали его сюда въ хуруль „манджинкомъ“, послушникомъ...

Онъ опять помолчалъ, попыхивая трубкой, вспоминая, или думая что-то свое, и совсѣмъ внезапно и будто даже сердито сказалъ:

— А бабу нельзя звать. Не понимаешь? Сестра, мать — все равно.

Я зналъ, что это запрещаетъ „Дасасила“, и все же спросилъ:

— Почему?

— А такъ. Баба темную воду поднимаетъ.

— Какую темную воду?

— А такую.

Все-таки я не понялъ ничего, но промолчалъ. А онъ, оживившись, какъ только могъ оживиться этотъ погусторонній человекъ, спросилъ, уже лаская меня привѣтливими нотами голоса и объщавишемъ новой легенды:

— Хочешь, расскажу про темную воду?

— Что жь, я всегда хочу знать, что сочиняютъ люди, свооодные отъ литературы и равнодушные къ искушенію, придуманному Гуттенбергомъ.

И онъ сталъ рассказывать, непередаваемо коверкая русскій языкъ:

— Темная вода налита въ душу человекъ, но скрыта на днѣ ея, невидима ни ему ни близкимъ его. Дальнимъ не видно тоже. Но придетъ день, она поднимется и зальетъ все. Это—большая бѣда, но правда. Знаешь, какъ ручей... Звенитъ ручей. Если онъ совсѣмъ чистый, значитъ, вся грязь и муть обильная на днѣ его, не совсѣмъ,—значитъ, еще держится. Чѣмъ чище, тѣмъ больше темной воды. Понимаешь? Помѣшай палкой въ мутной водѣ и не сразу поймешь, что стала она еще мутнѣй, ибо малое поднялось со дна. Помѣшай въ чистомъ, какъ слеза,—станетъ онъ темнымъ, такимъ мутнымъ, что даже страшно сѣблается. Такъ и съ человекомъ. Понимаешь? Чѣмъ бѣлѣе лицо его, чѣмъ чище душа, тѣмъ глубже, значитъ, темная вода въ немъ, и больше, и страшнѣй, когда она хлынетъ. Это понять надо. Ты подумай и пойми.

IV.

— А теперь я тебѣ скажу о ханѣ Аюкѣ¹⁰⁾. Былъ такой ханъ въ нашей степи, не такъ давно — только двѣ сотни лѣтъ прошло. Самъ великій лама, что живетъ въ Лхасѣ, въ джонгѣ¹¹⁾, прислалъ ему печатъ и грамоту: назвать ханомъ.

Былъ тогда у русскихъ замѣчательный царь Петръ, большой человекъ. И онъ тоже уважалъ хана: когда оставилъ свою страну и похвально учиться, какъ хорошей бакша¹²⁾, въ Тибетъ, послалъ къ Аюкѣ слугу: шибко просилъ охранять границу.

Никого и ничего не боялся ханъ Аюка. Былъ бунтъ въ Астрахани, и ходилъ ханъ помогать русскому воеводѣ, а потомъ передумалъ, самъ разрушилъ слободы астраханскія—Ямгурчевъ, Царевъ,—и много привезъ тогда Аюка сладкихъ армянскихъ ягодъ, персидскихъ ковровъ и персіянокъ привезъ онъ тоже. Были у нихъ глаза черные, а лица бѣдные и золотисты, какъ песокъ рѣчной, промытый водой и высушенный солнцемъ.

Былъ Аюка свѣтлымъ ручьемъ въ степи Калмыцкой, и журчалъ онъ по всему простору ея, по всѣмъ улусамъ—Эркетеневу, Богопохурову, Манычамъ, по всѣмъ племенамъ — по зюграмъ, дербетамъ, хойтамъ—и доходила слава его до Кумы и на сѣверъ—до Сибири, гдѣ живутъ братья наши. Свѣтло было лицо его. Свѣтло было на душѣ. И жилъ онъ широко и вольно—въ трудѣ, войнахъ и охотахъ, когда недѣлами не сходили съ его руки остроглазые соколы. И самъ былъ онъ, какъ соколъ, безъ почтенія и страха жилъ вольный ханъ вольнаго народа—и были кругомъ него веселье и радость.

Все темное прогналъ онъ изъ дней жизни своей; только пряталось оно въ душѣ его, самому непримѣтное, и думалось людямъ: нѣтъ ласковѣе, нѣтъ добрѣе и сердечнѣе свѣтлаго хана Аюки.

И ни въ чемъ не отказывалъ себѣ ханъ, ни въ какой радости, ибо печаль и неудовлетворенное желаніе темнятъ золото сердца человекъскаго и хрусталь души его.

Лучшіе кони играли въ табунахъ хана, лучшіе бараны наѣдали хвосты въ хошахъ — съ Черныхъ земель, отъ Кумы прггоняли ихъ, лучшіе верблюды бурились на лугахъ, персидскими коврами устилалъ онъ „ишк-геръ“¹³⁾ свою, а горды серебромъ покрывали сабли и пищали его. А когда молился ханъ Аюка, то гелюнги играли передъ нимъ въ „зюлги“¹⁴⁾ серебряныя, и падалъ онъ ницъ передъ „бурханами“¹⁵⁾ и „дарциками“¹⁶⁾, сдѣланными въ Тибетѣ въ святой обители Громовой Свињи-Ваджра Варахра.

⁹⁾ Аймакъ — территория степи, принадлежавшая опредѣленной группѣ родовъ, на которые дѣлятся калмыки.

¹⁰⁾ Ханъ Аюка (1672—1734 гг.) — очень популярный въ степи ханъ, въ свое время пользовался громаднымъ вліяніемъ. Тогда Петербургъ считался съ нимъ, Петръ Великій велъ дружественную политику, Китай и Тибетъ посылали къ нему посольства. Лѣтомъ 1722 года, отправляясь въ Дербентскій походъ, Петръ Великій былъ у него въ гостяхъ.

¹¹⁾ Джонгъ — дворецъ въ Лхасѣ, гдѣ живетъ тибетскій далай-лама.

¹²⁾ Бакша — начальникъ хурула, ученый монахъ.

¹³⁾ Ишк-геръ — кошмарная калмыцкая кибитка.

¹⁴⁾ Зюлга — длинная труба, употребляемая гелюнгами при богослуженіи.

¹⁵⁾ Бурханъ — протонародное названіе божества, идолъ.

¹⁶⁾ Дарцикъ — икона, картинное изображеніе божества, тибетскаго письяма въ яркихъ краскахъ и безъ перспективы.

И женщинъ любилъ ханъ Аюка, и онѣ приносили радость ему. Были въ кибиткахъ его и персіянки и женщины изъ-за моря и съ горъ Арменіи — съ темными глазами и пушистой кожей, очень робкія и стыдливыя, были и наши калмычки, были и дикія марджа „кара-гашъ“, были и русскія полонянки — бѣлыя и большія, тихія и молчаливыя.

А когда встрѣтилъ онъ простую рыбачку — бѣдную дѣвушку Эльзетъ¹⁷⁾, то и ее взялъ въ кибитку свою и любилъ равно со всѣми. И дальше больше, ибо всегда больше любимъ мы тѣхъ, кто приноситъ намъ печаль.

А случилось это такъ — совсѣмъ просто.

V.

— Гулялъ на охотѣ ханъ Аюка. Былъ съ нимъ цорентъ-Дондукъ, сынъ его, долго прожившій на землѣ, и Досангъ, внукъ, наследникъ ханства, по обычаю старому, и другой внукъ Дондукъ-Омбо, нѣжный, какъ дѣвушка, любимецъ его и воспитанникъ, найоны¹⁸⁾, зайсанги¹⁹⁾ и воины.

Изъ ильмена возлѣ Ахтубы выгоняли они лебедей, и соколы въ небѣ били ихъ; надъ степью звенѣли крики лебедей и колокольчики соколовъ. А сверху легкій пухъ и перья падали, точно отъ облаковъ отрывались. Но одного лебеда не могъ взять ханскій соколъ — сильныя крылья понесли бѣдую птицу — хана птицу — надъ озеромъ, надъ камышами, дальше, за барханы, — къ Ахтубѣ. Снизу слышалъ ханъ, какъ гнѣвно кричитъ его соколъ, и пустилъ за нимъ аргамака. И вотъ одинъ остался онъ среди степи, будто заколдовалъ его бѣлый ханъ-птица, его и сокола, и вель за собой. Но видѣлъ ханъ Аюка: приближается берегъ Ахтубы, — а за Ахтубу улетѣли лебедь и соколъ, — и всталъ на берегу. Горѣло сердце его. Хотѣлось догнать — увидать, какъ упадутъ на зеленую траву лебедь и соколъ, въ крови и перьяхъ, въ смертномъ бою. Готовъ былъ вмѣстѣ съ конемъ броситься въ воду.

И вотъ тутъ-то увидалъ онъ Эльзетъ. Подъ берегомъ сидѣла дѣвушка въ лодкѣ, чинила сѣтъ, плѣсенку плѣла. Крикнулъ ханъ Аюка, велѣлъ перевезти себя. Испугалась она, бросила сѣтъ, подала лодку, — видно, узнала хана. Бросилъ коня ханъ, вскопилъ въ лодку, самъ сталъ широко махать веслами, и быстрой рыбой метнулась лодка къ серединѣ рѣки. Но чѣмъ ближе подходила она къ тому берегу, тѣмъ тише двигалась: все смотрѣлъ ханъ въ лицо Эльзетъ и забывалъ и лебедя, и сокола, и охоту, и всѣхъ женщинъ своихъ, жившихъ въ богатыхъ кибиткахъ его.

Хороша, какъ свѣтлая луна, была Эльзетъ. Широко, спокойно было лицо ея и радовало глазъ, какъ степь весной, щеки розовѣли смугло, какъ тыквы на бахчахъ, а въ нихъ прятался носикъ, совсѣмъ будто птенчикъ въ гнѣздѣ. А такъ черны, такъ малы были глазки дѣвушки, будто у жаворонка, что смотрѣлъ и радовался Аюка и не могъ оторваться — и совсѣмъ опустили весла въ рукахъ его.

Спросилъ ханъ, какъ зовутъ ее, гдѣ живетъ, съ кѣмъ, кто есть въ семьѣ ея. И тихимъ голосомъ пугливо рассказала она все: живетъ со старымъ отцомъ, мать умерла, былъ у нея братъ, но еще давно взялъ его русскій начальникъ, отправилъ куда-то, сказалъ, будто къ самому царю. Все внимательно слушалъ Аюка, качалъ головой, и опять была радость въ нестарѣющемъ сердцѣ его и нѣжность къ дѣвушкѣ этой, точно къ мышкѣ полевой.

И скоро, скоро послѣ этого дня надѣла Эльзетъ одежды, какія носятъ только женщины шелковый „цедгыкъ“²⁰⁾ и „терликъ“²¹⁾, и шелкъ для нихъ привезенъ былъ изъ страны, гдѣ „множество одѣжныхъ въ бѣлое“ — Дѣла гарь, съ золотыми петлями, „бель“²²⁾, съ золотой парчей и вышивкой изъ серебра — „зекъ“²³⁾ на терликѣ, и красные „госонъ“²⁴⁾, и мѣшки для косъ — „шеверикъ“²⁵⁾, черныя и золотыя „тококъ“²⁶⁾ къ концамъ ихъ привѣсила. И жила она въ радости и покоѣ. И множила радость хана Аюки.

Но не зналъ онъ: въ ту минуту, когда до небесной ясности очистилъ онъ ручей души своей, подниматься сталъ черный иль со дна его, ибо ничто не пребываетъ въ неизмѣнности. Просила выхода темная вода изъ тайниковъ сердца его. Ибо забылъ свѣтлый ханъ, что завѣщано не отдавать души и сердца своихъ въ руки женщины и не смотрѣть долго въ глаза ея. Ибо темной водой заливаетъ глаза, и уже другимъ, невиданнымъ становится міръ. Такъ было. Слушай, слушай, братъ.

Занятый русскій царь тогда войной пошелъ — въ Дербентскій походъ — и въ гостяхъ былъ у хана Аюки. Можетъ, кичился передъ ханомъ. Но богатъ, богатъ былъ русскій царь. Много шло съ нимъ коней и всадниковъ, хорошіе батыри, а другіе пѣшкомъ шли, и рушницы были у нихъ дальнобойныя: привезъ онъ,

¹⁷⁾ Эльзетъ — собственное имя, очень рѣдкое, въ переводѣ значитъ „свѣтлая“.

¹⁸⁾ Найоны — глава рода.

¹⁹⁾ Зайсангъ — дворянинъ.

²⁰⁾ Цедгыкъ — длинная безрукавка, съ низко вырѣзаннымъ воротникомъ, но съ петлями, которыя на груди не застегиваются, а служатъ только какъ украшеніе и для вдѣвания платка.

²¹⁾ Терликъ — нижній кафтанъ, носимый подъ цедгыкомъ, уже какаго-нибудь иного, отличнаго отъ цедгыка, цвѣта.

²²⁾ Бель — петли для платковъ.

²³⁾ Зекъ — вышивка золотомъ, серебромъ или шелкомъ, нашиваемая на терликъ.

²⁴⁾ Госонъ — женскіе сапоги на высокихъ каблукѣхъ изъ красной козлиной кожи.

²⁵⁾ Шеверикъ — калмычки прячутъ косы въ длинныя шелковыя мѣшки, которыя и называются шеверикъ. Терликъ и цедгыкъ носить только замужнія женщины.

²⁶⁾ Тококъ — металлическія украшенія, подвѣшиваемыя къ концамъ шеверлика.

царь, пушки съ собой, и много было найоновъ и зайсанговъ съ нимъ и всё въ одеждахъ пестро-богатыхъ и въ золотѣ и съ дорогимъ оружіемъ, и много другихъ людей, и дѣльныхъ и бездѣльныхъ, ученыхъ и воиновъ, иныхъ земель. И былъ даже калмычинъ среди нихъ, простой калмыкъ, какъ мы, только лицомъ чистый и нарядно одѣтый: степные черные волосы свои скрывалъ онъ, носилъ чужіе, бѣлые, будто много лѣтъ уже прожилъ на землѣ. А звали его Шобгуръ.

Ай, настали тутъ въ ханскомъ становищѣ веселые дни. Все-таки лестно было хану, что сидитъ у него высокой гость. И занятный русскій царь на все смотрѣлъ глазами зоркими — радовался. Оба они были большіе, грузные, совсѣмъ верблюды, оба — сильные и смѣлые, оба — могучіе и далеко славные. То-то занятно было имъ поѣхать на крѣпкихъ коняхъ по зеленой степи, попить теплой аръки, посмѣяться! Хо! Занятно было.

VI.

— Въ тѣ дни шли въ веселомъ становищѣ хана только большія охоты, шумные пиры, красивые праздники. И про все, про всё дѣла свои забыть ханъ въ тѣ дни.

Такая душа была у него. Всю отдавалъ онъ ее тому, чему отдавалъ, ибо только тогда всѣмъ свѣтомъ горѣла она, ничѣмъ не омраченная. И сильной рукой отводилъ отъ головы своей мудрый ханъ то, что его отъ дѣла отвести можетъ.

На войнѣ гналъ онъ робость, на охотѣ — жалость, въ неудачѣ — уныніе, въ горѣ — память о немъ. О тѣхъ, кто обидѣлъ его, забывалъ онъ скоро. Но и о тѣхъ, кого любилъ, забывалъ тоже. Ибо память такая омрачаетъ жизнь и отводитъ отъ радостнаго дѣла дня. И даже тѣхъ полонянокъ, съ которыми дѣлил онъ радость дней своихъ, не любилъ горячо ханъ сердцемъ своимъ, хотя и веселье и милостивъ съ ними былъ, чтобы не было печали, когда придетъ смерть ихъ и ядъ охлажденія.

Но объ одномъ забыть ханъ: если вошла уже въ сердце любовь къ женщинѣ, то вошли съ ней и темная ненависть, и жадный страхъ, и ядовитая ревность.

И въ тѣ дни даже объ Эльзетѣ забыть ясный, сильный и справедливый ханъ.

И только ночью вспомнилъ. Тихо всталъ съ ковра своего, вышелъ изъ кибитки и пошелъ одинъ среди покоя и сна. Уже совсѣмъ ночь была, спала степь, спали птицы на ильменахъ, спали верблюды въ степи и овцы на хошахъ, и въ кибиткахъ ханскихъ спали всѣ воины и слуги, найоны и зайсанги, монахи и гости, и видѣли хорошіе сны. Не спала только луна, свѣтила ясная — бѣлое молоко лилось надъ степью.

И преисполнилось сердце стараго хана тишиной и любовью, и сталъ думать онъ, что новый парчевый цегдыкъ подаритъ онъ утромъ Эльзетѣ и „бючлячи“²⁷⁾ черной лисы. Тихо подошелъ онъ къ кибиткѣ Эльзетѣ. И всталъ неподвижно. И такъ тяжело и больно стало ему, будто свинець упалъ на сердце. Потемнѣло отъ гнѣва лицо хана. И пересталъ видѣть онъ все: и степь, и луну, и становище свое, ибо темная вода хлынула изъ сердца и залила глаза его соколиные, и видѣлъ онъ только то, что видѣлъ.

На самомъ свѣту, возлѣ кибитки своей, на богатомъ коврѣ, на подушкахъ сидѣла Эльзета, а съ ней — русскій калмычинъ — бѣлоголовый Шобгуръ. Близо сидѣли они и говорили любовно, гладилъ ея руки онъ, она ему свои на плечи клала, и, какъ звѣзды, сияли радостью глаза ея.

Раненымъ лебедемъ закричалъ великій ханъ, волкомъ бросился на нихъ. Махнулъ большимъ ножомъ и, ничего не вида, ударилъ имъ Эльзетѣ. И упала она прямо на нарядный кафтанъ Шобгура, безъ словъ и безъ стога, будто голубь, раненый стрѣлой.

Хотѣлъ ханъ и Шобгура ударить, но сердце не выдержало. Темно стало въ глазахъ его, шумно въ головѣ, пропали силы, и самъ упалъ онъ, будто трава слабая, будто ребенокъ, что долго плачетъ на рукахъ матери своей. А какой крѣпкій былъ ханъ!

Пришли люди, отнесли въ кибитку хана, и всю ночь и день пролежалъ онъ тамъ, совсѣмъ одинъ — никто не смѣлъ войти къ нему. Только вечеромъ ужъ пріѣхалъ къ нему самъ лама — самъ великій старый лама народа Калмыцкаго — и вошелъ и долго пробылъ и сказалъ горькую правду ему, мудрому и неразумному, забывшему законъ отдаленія отъ женщины.

А правда въ томъ была, что вѣдъ роднымъ братомъ Эльзетѣ приходился Шобгуръ. Это его, Шобгура, въ дни дѣтства взялъ русскій начальникъ и отослалъ къ царю. А теперь нашла Эльзетѣ брата своего и пребывала съ нимъ въ чистой радости. Вотъ какъ случилось.

Но тихъ, печаленъ сталъ съ тѣхъ поръ великій ханъ Аюка. Одиннадцать лѣтъ прожилъ онъ потомъ, но развѣ могла быть такъ же свѣтла и радостна жизнь его, если хоть разъ поднялась въ сердцѣ темная вода?

Вотъ что было. И это — правда. Какъ же хочешь ты, чтобы радостью исполнился человекъ, да еще гелюнгъ, при видѣ женщины и бѣжалъ къ ней? Вѣдь это она отводитъ насъ отъ вѣчной тишины и темной водой благодатный свѣтъ духа нашего заливааетъ

²⁷⁾ Бючлячи — женская лисья шапка.

Всадникъ.

Въ гранитномъ городѣ, гдѣ новы
Преображенныя мечты,
Есть всадникъ темный и суровый.
Видѣнье дикой красоты.
Въ огнѣ предсмертныхъ вдохновеній
Простеръ онъ руку на закатъ,
Гдѣ крики страха и смятеній
Сливались съ пѣсней баррикадъ...
Онъ видѣлъ все и слушалъ жадно.
Кто могъ сказать, что билось въ немъ?
На что рѣшился беспощадный
Титанъ съ разъяреннымъ конемъ?..
Но онъ молчалъ и терпѣливо
Смотрѣлъ на синюю Неву—
Сто лѣтъ проспалъ—не снилось диво,
Проснулся—диво наяву!
... И только полночь раздѣлила
Часы, летѣвшіе во снѣ,
Нашелъ онъ дерзостную силу
И засмѣялся на конѣ...
То былъ ли смѣхъ ночного страха,
Зловѣщій, темный и больной?
Грозилъ ли онъ огнемъ и плахой?
Дѣлилъ ли вызовъ со страной?

Отъ смѣха дрогнулъ конь уснувшій,
Сердито голову поднялъ,
Какъ будто сонъ давно минувшій
Въ пустую вѣчность провожалъ.
Лишь разъ смѣялся призракъ скальный,
Лишь разъ смотрѣлъ онъ черезъ сны
Туда, гдѣ силуэтъ печальный
Туманной крѣпостной стѣны,
На мигъ грознѣе, выше, строже,
Какъ будто вспоминалъ года,
И вновь застылъ, теперь, быть-можетъ,
Уже умершій навсегда!
Пустынна площадь... Камень много,
Такъ много знаетъ, но молчитъ,
Нева съ проснувшейся тревогой
Стучится въ неживой гранитъ,
И вѣтеръ, зыбля на каналахъ
Лучи ночного багреца,
Играетъ флагомъ темно-алымъ
На крышѣ плѣннаго дворца;
И подъ луною—жутко-бѣлый,
Въ узорѣ остраго вѣнца,
Молчитъ гигантъ заледенѣлый,
Съ надменнымъ ликомъ мертвеца!

Н. Багрянцевъ.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Дмитрій Ивановичъ Писаревъ. (Къ пятидесятилѣтію его кончины). В. Евгеньева-Максимова. — Писаревъ въ тюрьмѣ. В. Евгеньева-Максимова. — Письмо Д. И. Писарева къ Некрасову. — Итальянское Каприччіо. Рассказъ Н. Черешнева. — Пѣнный. Стихотвореніе Павла Орѣшниковъ. — Темная вода. Калмыцкая легенда. Антопа Амгузля. — Всадникъ. Стихотвореніе Н. Багрянцева.

РИСУНКИ: Портретъ Д. И. Писарева. — Автографъ письма Д. И. Писарева къ Н. А. Некрасову. — Весенняя выставка въ Академіи Художествъ 1918 г. Работы А. Кайгородова, В. Зѣрева, П. Субботина, Е. Малешенской, Е. Шендиконской, Н. Сергѣева, П. Михайлова, П. Смуковича, А. Уланя, Г. Манисера, В. Эмме. Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій М. Горькаго“ книга 20.

ЖЖВА

1918 г.

XLIX г.

изданія.

№ 28.

Выходитъ ежедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія А. М. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. МАРЬЕВА („Великая Французская Революція“).

Выданъ 13 іюля 1918 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—38 р., на 1/2 г.—18 р., на 1/4 г.—9 р.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 к.

Главная Контора и Редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Перепечатка иллюстраціи и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Китаевъ монастырь.

Между бѣлыми песками,
Будто въ грудяхъ серебра,
Тихо плещуть подъ горами
Волны синія Днѣпра.

А съ горы, двумя горбами
Заслонивъ лазурь небесь,
Надъ текучими водами
Наклонился темный лѣсъ.

Въ томъ лѣсу, огнемъ пылая,
Какъ вечерняя заря,
Рдѣють, въ зелени мелькая,
Десять главъ монастыря.

И въ святой его оградѣ,
Подъ охраной темныхъ плитъ,
Въ чуждой смертному оградѣ,
Много схимниковъ лежить.

Вотъ одинъ—гласить могила—
„Спаль въ гробу пятнадцать лѣтъ“.
Что за вѣра! Что за сила!
И тебѣ ль награды нѣтъ?!

Но пускай неумолима
Безотвѣтная судьба:
Все же подвигъ—ваша схема,
Ваша долгая борьба!

Что предъ вами Днѣпръ и горы,
Голубыя небеса,
Густолиственные боры
И кудрявые лѣса?!—

Мимолетныя картины,
Шутка легкая Творца,—
Вы же—духа исполины—
Дѣти вѣчнаго Отца!

18 іюля 1878 г.

С. Андреевскій.

Крестный ходъ.

Пеѣдвижная выставка 1918 года.

В. Маковскій.

Законъ.

Разсказъ Ивана Островного.

I

Яблоки, яблоки... Ихъ обожали въ нашемъ семействѣ. Это было, должно-быть, въ крови.

Нашъ огромный садъ былъ полонъ яблокъ. Плодовъ собирали цѣлыя горы и чего только съ ними не дѣлали! Сушили, вялили на солнцѣ, мариновали, квасили вмѣстѣ съ капустой, варили варенье, компоты, сохраняли ихъ въ сухомъ помѣщеніи свѣжими.

И въ домѣ постоянно пахло яблоками, и этотъ запахъ былъ для всѣхъ насъ такъ же необходимъ, какъ воздухъ, который былъ имъ пропитанъ.

А когда они цвѣли въ началѣ мая, тогда казалось, что въ саду день и ночь происходитъ какой-то таинственный праздникъ. Кривыя, корявыя вѣтви, еще недавно казавшіяся такими неуклюжими, сплошь одѣвались въ нарядныя бѣлыя одежды. Листья еще не появились, и потому всюду одна только чистая бѣлизна.

Сладкій аромат пронизываетъ воздухъ и опьяняетъ недавно прилетѣвшихъ съ зимовья птицъ, и—пьяныя—онѣ носятся надъ садомъ и заливаются на всѣ голоса.

А внизу изъ едва оттаявшей влажной земли тянется къ бѣлымъ цвѣтамъ нѣжно-зеленая травка.

Запахъ яблокъ не прекращался въ нашемъ домѣ всю зиму, но, съ приближеніемъ весны, въ немъ замѣчался какъ бы какой-то мереломъ, какъ будто изъ него исчезала душа. Пахло компотомъ, вареньемъ, слышался кислотоватый запахъ сушеныхъ яблокъ, но не чувствовался уже живой аромат „антоновки“, которая дольше не могла выдержать. То, что осталось еще, попортилось и было отдано свиньямъ.

А когда приходила весна и яблони въ саду вдругъ начинали походить на невѣсты, нарядившіяся къ вѣнцу, наступало запретное время. Какимъ-то страннымъ образомъ въ царство яблокъ вѣдрялось понятіе грѣха.

Да, вотъ послѣ многодневнаго праздника желтѣли брачныя одежды яблонь, и увядшіе лепестки падали на землю, а на мѣстѣ ихъ появлялась нѣжная завязь плодовъ. За нею тщательно ухаживалъ садовникъ Прохоръ.

Съ утра до вечера, изъ глубокаго колодца, при посредствѣ безконечной цѣпи, составленной изъ сплюснутыхъ ведеръ, да при помощи пары тощихъ, ни на что другое уже негодныхъ, старыхъ лошадей, выкачивалась вода.

Изъ ведеръ она выливалась въ широкій бассейнъ, а оттуда, по множеству развѣтвявшихся по всему саду канавокъ, тихо журча, струилась по легкому скату, орошая по пути корни деревьевъ.

Хорошо взрытая земля жадно поглощала влагу, отъ которой паливались юные плоды, распухали, крѣпли, незамѣтно превращаясь въ молодыя яблоки.

И не успѣешь опомниться, какъ они уже превратились въ настоящія яблоки, налились сокомъ, окрасились румянцемъ, округлились въ формахъ.

Сколько сортовъ, и не перечестъ. Продолговатая, круглая, сплюснутая, ярко-красная и блѣдно-желтая; кислая и сладкая, упорная, не желающая поспѣвать раньше осени, и легкія скороспѣлки, почти готовыя уже въ іюль.

Прохоръ знаетъ всѣ ихъ мудренныя названія и любить проплывать свои познанія. Но въ моихъ глазахъ это пустыя звуки. Всѣ яблоки хороши, всѣ обладаютъ одинаковой способностью доставлять мнѣ наслажденіе, и всѣ ихъ я готовъ истреблять съ одинаковымъ аппетитомъ.

Но въ томъ-то и дѣло, что это было нельзя, это было запрещено, это былъ грѣхъ. Почему это былъ грѣхъ, я не зналъ, но всѣ рѣшительно всѣ подтверждали это.

Мой отецъ слишкомъ рѣдко бывалъ дома, чтобы я могъ освѣдомиться объ его мнѣніи на этотъ счетъ. Да къ тому же и вообще онъ представлялся мнѣ существомъ почти недостижимымъ.

Онъ былъ всегда поглощенъ своими сложными дѣлами. Онъ арендовалъ землю у трехъ помѣщиковъ и все въ разныхъ мѣстахъ.

Мы жили при большомъ селѣ Балканы. Да, такъ оно почему-то называлось, хотя лежало совсѣмъ не на Балканскомъ полуостровѣ, а въ южной части Харьковской губерніи. А отецъ всегда былъ въ разлѣздахъ. Онъ сбывалъ и пожиналъ и тамъ и здѣсь, и лю-

билъ за всѣмъ присматривать самолично. У него были стада овецъ, и это тоже требовало отъ него заботъ.

И все лѣто я видѣлъ его только по воскресеньямъ, когда онъ

Базаръ.

Миниатюра (въ натуральную величину) И. Колесникова. Передвижная выставка 1918 года.

прѣзжалъ раннимъ утромъ и оставался уже цѣлый день и ночь, а въ понедѣльникъ печезалъ раньше восхода солнца.

Зимой же у него были развѣзды другого рода,—то въ Харьковъ, то въ Полтаву, то въ Одессу, то въ Екатеринославъ. Хлѣбъ, подсолнухи, овечья шерсть и множество другихъ предметовъ, все это нужно было пристроить, да въ-время, да по наилучшимъ цѣнамъ.

Казалось, что человекъ этотъ не жилъ, а только хлопоталъ. Съ нимъ ни о чемъ и говорить нельзя было, какъ только о косаряхъ и жницахъ, о пастухахъ и овцахъ, объ урожаѣ.

Потомъ я узналъ, что въ этомъ и была его жизнь. Что его кипучая натура въ этихъ разнообразныхъ дѣлахъ находила своего рода творческое вдохновеніе, и что, словомъ, онъ отъ такой жизни не только не страдалъ, а наслаждался ею.

Но моя мать и въ особенности бабушка, которая ужъ навѣрное знала все, что можно и чего нельзя,—такая у нея была голова—вся бѣлая, а лицо все въ морщинахъ,—рѣшительно утверждали, что ѣсть яблоки до Спаса, то-есть до 6-го августа, грѣхъ.

Я привыкъ безусловно вѣрить всѣмъ правиламъ, какія преподавали мнѣ эти двѣ почтенныя женщины, къ тому же я былъ привязанъ къ нимъ и не могъ даже представить себѣ, чтобы онѣ могли ошибаться.

Наконецъ, это подтверждали рѣшительно всѣ,—и косари, и жницы, и машинистъ Рыдзинъ, возившійся съ паровой молотилкой,—вслѣдствіе чего лицо и руки у него всегда были черныя отъ сажи, а бѣлки глазъ, благодаря этому, приобрѣтали демоническій характеръ,—и даже самъ садовникъ Прохоръ, человекъ несомнѣнной учености, знавшій множество самыхъ мудреныхъ словъ, которыми онъ называлъ деревья, плоды, цвѣты и травы. Грѣхъ и только. До Спаса яблоки ѣсть грѣхъ. Этотъ законъ висѣлъ надъ моей головой и, скажу прямо, причинялъ мнѣ великія страданія.

Можетъ-быть, ни въ комъ изъ нашей семьи такъ ярко не была выражена страсть къ яблокамъ, какъ именно во мнѣ. Одинъ запахъ ихъ приводилъ меня въ сладостный трепетъ. И мнѣ было предоставлено, даже рекомендовалось цѣлыя дни проводить въ саду, гдѣ были широкія аллеи и можно было бѣгать, сколько угодно, и гдѣ на развѣсистыхъ вѣтвяхъ яблонь висѣло неисчислимое множество плодовъ.

Своей солидной тяжестью они тянули книзу вѣтви, часто касаясь моей головы и плечъ, а инныя прямо бѣзли въ ротъ.

Но грѣхъ, грѣхъ... Ради грѣха я долженъ былъ отворачиваться отъ нихъ.

Часто они не выдерживали собственной тяжести, отрывались отъ вѣтви и съ гулкимъ звукомъ падали на землю.

Когда же случалось, что по саду пронесется вихрь, сперва въ одну сторону, потомъ въ другую, потомъ начать крутить и

вертеть во все стороны, и вздрагивают и раскачиваются старья яблоки, и стволы их трещат, как мачты на кораблях во время бури,—тогда тяжелые яблоки десятками, сотнями громяются на землю. Сперва отрываются от ветвей спелые, а вслед за ними летят и такие, которым по-настоящему еще надо висеть да висеть, да наливать сладким соком.

Они тут, у меня под ногами, целые кучи их,—вкусных, манищих, соблазняющих, но есть их все-таки нельзя, грех.

После бури выбегают из дома работницы, разстилают рядна и забирают в них нападшие яблоки. О, я видел, как они прятали их себе за пазуху и как затѣм, отвернувшись, где-нибудь в угол, подносили их ко рту, и их белые острые зубы вонзались в свежее, сочное, ароматное мясо плода.

В такие минуты я чувствовал оскомину и зависть, но я твердо знал, что легкомысленные работницы, очевидно, не знают истинных правил и грешат, просто грешат и за это будут наказаны в свое время. Я же твердо держался правил, преподанных мне матерью и мудрой бабушкой. Страдал, но держался.

Но зато в день Спаса, 6-го августа, я с лихвой бывал награждаем за терпение. В этот день было самое трудное испытание, так как нужно было еще целомудренно выстоять в церкви обѣдню.

Еще спасибо местному батюшке,—он любил обѣдню начинать рано, а служил ее ускоренным темпом. Но церковь в этот день представляла для меня последний, но зато и самый мучительный соблазн.

Были обычай, что бабы-прихожанки приносили с собой узелки—просто обыкновенные платочки, в которых содержались яблоки. Их приносили для свячения, но значительную часть вынимали и складывали посреди церкви,—это был дар церковному причту. И там лежала огромная куча самых разнообразных яблок, спелых, сочных и ароматных.

Запах от них наполнял церковь. Напрасно с ним пытался соперничать ладан от кадильницы, в вид облака распространявшийся по церкви. Он был безразличен побороту этого живого аромата, дружно испускаемый разом несколькими сотнями только что сорванных и сорванных с дерева плодов.

И я не выдерживал. Когда мне надоело стоять в церкви, я выходил в ограду, где весело проводили время деревенские парни и дивчата. Бездонные карманы шаровар у парней были полны яблоками, и ими они одаляли дивчат.

Потом они начинали перебрасываться яблоками, как мячами, завязывалась игра, раздавался смех и визг.

Меня, конечно, знала вся деревня, и когда я появлялся в своей коротенькой куртке и коротких штанишках, с большим накрахмаленным воротником, с благообразно причесанными волосами на голове, то сейчас же все спешило засвидетельствовать мне свое расположение, и со всех сторон ко мне протягивались руки, предлагавшие каждая по яблоку.

И мои карманы вдруг распухали, и ходить становилось тяжело. Я старался уменьшить эту тяжесть, жадно истребляя яблоко за яблоком. Ведь теперь уже не было в этом греха.

Идя домой из церкви, я жевал яблоки. Дома я забирался в сад и целый день предавался этой яблочной оргии. Теперь уж над моей головой не висел дамоклов меч греха, меня только предостерегали, чтобы я не слишком набрасывался на яблоки и не испортил себе желудок.

Но это уже был не закон, а только совет, который можно было и не исполнить. К вечеру у меня повыпалась температура, щеки мои дѣлались блѣды, я терял аппетит, и начиналось формальное расстройство желудка, которое подымало на ноги весь дом и все же мешало спать ночью.

И это повторялось ежегодно в праздник Спаса, 6-го августа.

II.

Мне было десять лет, когда созрела мысль о том, чтобы меня отдать в город, в гимназию.

Но до сих пор как-то никто не думал

о посвящении меня в таинства науки. Я рос на воле. Все заботились о моем здоровье и усердно внушали мне разные, необходимые всякому человеку, правила жизни.

Правда, я умел читать и даже писать, хотя последнее было в высшей степени условно, так как представлялось головоломной задачей разбирать мои письма. Я умел кой-как обращаться с цифрами, но очень слабо. И всему этому я научился почти случайно.

Но, в сущности, в голове моей стоял ничем ненарушаемый мрак. И когда созрела мысль об отдаче меня в гимназию, естественным ее последствием было приглашение в деревню искусного мудреца, который приготовил бы мою голову к восприятию школьной науки.

И такой мудрец нашелся. Он приехал и поселился у нас среди зимы, и на обязанности его лежало к половине августа обработать мою голову примитивно к программе первого класса гимназии.

До приезда его я порядочно-таки побаивался этого нового элемента в моей жизни. То, что я до сих пор слышал от окружающих меня людей о науке, не внушало мне ни малейшей симпатии к этой почтенной особе. Сухая, строгая, требовательная, немолчаливая и серьезная-пресерьезная.

Мне казалось, что и этот человек, который должен наднях приехать, такой же точно, как она. Он представлялся мне длинным, тонким, с желтым вытянутым лицом, на котором ни разу в жизни не играла улыбка, с толстыми, скрипящим голосом.

И вот он приехал. Не знаю, как это назвать: разочарование в смысле ожиданий, но вместе с тем изумление и прямо таки очарование тем, что оказалось. Ничего похожего на мое представление.

Супруги.

Передвижная выставка 1918 года.

В. Маковский.

Иванъ Степановичъ Костенко, кievскій студентъ, лѣтъ двадцати двухъ, средняго роста, тонкій, но какой-то неуклюжій, хотя очень подвижной, даже вертлявый. Лицо некрасивое—въ веснушкахъ, но милое, сразу мнѣ понравилось. Маленькіе свѣтлые усики, голубые глаза, прямые бѣлесоватые волосы, длинные, сами, безъ прически, стремившіеся назадъ.

Одѣтъ онъ былъ не въ формѣ, а въ коричневомъ пиджакѣ, въ общемъ благоприличномъ, но, какъ видно, первомъ попавшемся, кушленномъ въ магазинѣ готовыхъ вещей.

Прежде всего изумило меня то обстоятельство, что въ немъ отсутствовала даже тѣнь какой бы то ни было строгости и серьезности. Онъ какъ-то сразу завеселилъ меня. Какъ только увидѣлъ, сказалъ:

— Ахъ, вотъ этотъ самый мальчикъ? Вася?

Взялъ меня обѣими руками подъ мышки и приподнял на воздухъ. Онъ былъ очень крѣпкій и сильный. Черезъ полчаса мы съ нимъ уже бѣгали по садовой дорогѣ и играли въ свѣжки и въ первый же день отлично познакомились.

Вечеромъ я долго-долго не могъ заснуть. Я былъ весь какъ-то приятно возбужденъ. Всѣ мои представленія, до крайней мѣры въ этой области, перевернулись.

Прежде всего, гдѣ же наука? Ничего, хотя сколько-нибудь похожего на нее, то-есть на мое представление о ней, я не видѣлъ въ Иванѣ Степановичѣ. Ни малѣйшей сухости, ничего назойливо-повелительнаго, милый, премилый товарищъ, отлично играетъ въ свѣжки. Знаетъ множество смѣшныхъ штукъ, ловко прыгаетъ, и съ нимъ такъ весело и смѣшно. Я цѣлый день заливался смѣхомъ.

Объ ученіи не было сказано ни слова. Но это понятво—первый день, нельзя же такъ сразу огорчить человѣка.

И вотъ, когда я доходилъ въ своихъ мысляхъ до этого момента, то мнѣ становилось немного страшно. Вотъ,—думалъ я,—завтра появится на сцену наука, и мой Иванъ Степановичъ сразу переѣмнится, станетъ скучнымъ, серьезнымъ и суровымъ. Мнѣ уже было жаль лишиться сегодняшняго Ивана Степановича.

Но я и не лишился его. На слѣдующій день мы занимались наукой, но въ этихъ занятіяхъ тоже не было ничего похожего на мои ожиданія. Иванъ Степановичъ и это умѣлъ дѣлать весело и мило.

Даже на что ужасъ ариеметика—скучная, важная наука, а онъ и съ нею обращался какъ-то по-своему. Задачи выдумывалъ смѣшныя; эти купцы, продающіе апельсины, зайцы, про которыхъ почему-то извѣстно съ точностью, сколько они верстъ и саженой пробѣжали туда, а сколько обратно, и разные другіе ариеметическіе персонажи, всѣ были такіе же веселые, какъ онъ, и дѣлали свои дѣла съ прибаутками и со смѣхомъ.

И наука, благодаря этому, входила въ мою голову какъ-то незамѣтно. Я почти не улавливалъ, когда кончался урокъ и начиналась игра. Онъ незамѣтно переводилъ одно въ другое, и одно было похоже на другое.

Великолѣпнаго репетитора послала мнѣ судьба. Но кромѣ всего другого, Иванъ Степановичъ совершенно незамѣтно передѣлывалъ мои твердо установившіяся понятія. Долженъ сказать, что въ этомъ отношеніи я былъ точной копіей даже не матери, а главнымъ образомъ моей бабушки.

Помню, когда зима подходила къ концу, какъ-то передъ вечеромъ мы стояли за воротами, я и Иванъ Степановичъ. Онъ поднял голову и сказалъ:

— Ба, новорожденный мѣсяць!

Я взглянулъ и увидѣлъ тоненькій серпъ луны и вдругъ стремглавъ бросился въ калитку и въ домъ. Черезъ минуту я уже вернулся, а Иванъ Степановичъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на меня.

— Куда это вы бѣгали? Я думалъ, что у васъ разстроился желудокъ, но для этого вы слишкомъ скоро вернулись.

Я разсмѣялся.

— О, нѣтъ, это совсѣмъ не то. Но я же увидѣлъ новый мѣсяць, а когда увидишь новый мѣсяць, то надо сейчасъ же подержаться за что-нибудь золотое. Вотъ я и сбѣгалъ. У папы въ кабинетѣ, на столѣ, есть разрѣзальный ножикъ и на немъ золотыя буквы папинаго имени...

— Ахъ вы, бабушка Дарья Матвѣевна!—промолвилъ Иванъ Степановичъ и покачалъ головой.

Дарьей Матвѣевой звали мою бабушку, и мнѣ показалось, что онъ какъ бы неодобрительно произнесъ это имя.

— Отчего я бабушка?—спросилъ я.

— Оттого, что думаете, какъ бабушка.

— А развѣ это нехорошо думать, какъ бабушка? Развѣ бабушка думаетъ нехорошо?

— Нѣтъ, бабушка думаетъ хорошо—для бабушки. Ей семьдесятъ лѣтъ, значитъ, она шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ составляла свои понятія. Тогда многіе еще серьезно думали, что надо держаться за золото, когда видишь новую луну. А теперь, когда вы начинаете жить, Вася, уже такъ нельзя думать. Намъ съ вами это уже не годится.

— Почему не годится?

— Нѣтъ, вы лучше объясните мнѣ, почему это годится!

— Я не умѣю объяснить.

— Я вамъ помогу. Вотъ вы побѣжали и подержались за золото. Почему именно за золото?

Товарищъ. (Въ Крыму).

В. Маковскій.

Передвижная выставка 1918 года.

— Потому что тогда у меня всегда будетъ много золота. Такъ говорить бабушка.

— А прошлый мѣсяць, когда была новая луна, вы тоже держались за золото?

— Пройдя мѣсяць, нѣтъ. А вотъ два мѣсяца назадъ—да, я былъ съ паной и когда увидѣлъ новую луну, подержался за цѣпочку его часовъ—она золотая.

— Ну, и что же? Много у васъ было послѣ этого золота?

— Какого золота?

— Все равно, какого. Деньгъ или такъ, въ другомъ видѣ.

— Не было никакого.

— Значитъ, это ни къ чему не повело, что вы подержались за цѣпочку?

Я всталъ въ задумчивость. Приходилось сдѣлать выводъ: ни къ чему.

— А вы очень жадете, чтобы у васъ было много золота?—спросилъ Иванъ Степановичъ.

— А зачѣмъ? Мнѣ не нужно золота, я и не люблю золотыхъ вещей. По-моему, сталь красивѣе—она такая темная и блеститъ.

— Такъ зачѣмъ же въ такомъ случаѣ вамъ держаться за золото?

— Такъ это же бабушка...

— Ну, бабушка, должно-быть, любить золото, ей это и подходитъ, а вамъ, милый мой Вася, ни къ чему...

Я былъ разбитъ, это было ясно. Въ другой разъ—это было уже весной—въ саду рабочіе окапывали деревья. Иванъ Степановичъ раньше меня ушелъ въ садъ, я зачѣмъ-то задержался въ домѣ.

Когда я пришелъ въ садъ, то сразу даже не разглядѣлъ его. Потомъ увидѣлъ, что онъ рядомъ съ рабочими, съ лопатой въ рукахъ, преусердно вскапываетъ землю.

— Что вы дѣлаете, Иванъ Степановичъ?—воскликнулъ я почти съ ужасомъ.

— Окапываю дерево, Вася.

— А развѣ это можно?

— Но вѣдь вы же видите, что я это дѣлаю, значитъ, можно.

Я пожалъ плечами и молча глядѣлъ на его работу. Поработавъ съ четверть часа, онъ прислонилъ лопату къ дереву, снялъ фуражку и вытеръ свой вспотѣвшій лобъ.

— Великолѣпно чувствую себя. Это лучше всякой гимнастики,—сказалъ онъ.—Вотъ бы вамъ, Вася, поработать такимъ образомъ. Вы стали бы тогда живѣе. Только вамъ надо лопатку полегче.

— Мнѣ нельзя, Иванъ Степановичъ,—убѣжденно сказалъ я.

— А почему же?

— Такъ. Потому что я не работникъ. Мнѣ это не годится.

— А—а!.. Ну, на этотъ разъ вы ужъ не бабушка, а Прохоръ, садовникъ Прохоръ...

— Почему я Прохоръ?

— Ну, да. Это же онъ думаетъ, что „павычу не годится работать, какъ всякому работнику“.

— Да, онъ такъ говорилъ.

— А почему же, собственно, не годится?

— А такъ... Не годится.

— Гм... Значить, вы просто повѣрили Прохору. Но вамъ вѣрно страшно хочется покопать землю лопатой?

— Хочется. Еще какъ!

— И, кромѣ того, это полезно для здоровья.

— Да, полезно.

— А какой вредъ отъ этого ожидается?

— Я не знаю... Можетъ-быть, мозоли?...]

— Ну, это вредъ маленькій, и его можно не допустить. Надо только умѣючи держать лопату. Вотъ у меня мозолей нѣтъ. И такъ: польза большая, удовольствіе огромное, а вредъ маленькій, и даже совсѣмъ можно безъ вреда. Что же остается отъ Прохора?

— А почему же Прохоръ такъ говорить?

— Почему? Объ этомъ надо подумать. Я думаю, вотъ почему...

И онъ прочиталъ мнѣ маленькую лекцію. Прохору было за пятьдесятъ лѣтъ. Онъ былъ мальчикомъ, когда было еще крѣпостное право. Тогда баринъ и барскія дѣти считали себя какими-то божествами, и крѣпостные люди, надъ которыми они были властны, тоже такъ считали ихъ. И тогда думали, что барину, какъ нѣкоему божеству, не годится работать наравнѣ съ крѣпостнымъ мужикомъ, человѣкомъ низшей породы, рабомъ. Теперь давно уже нѣтъ рабовъ, и работу всѣ перестали считать рабскимъ дѣломъ. Теперь всѣ работаютъ и за работу не презираютъ, а уважаютъ. Но Прохоръ смотритъ на все такъ, какъ научился смотрѣть тогда, въ дѣтствѣ, въ крѣпостныя времена, иначе не можетъ и г. д.

И подобныя вещи случались на каждомъ шагѣ. Сперва мнѣ было не легко разставаться со своими понятіями, я немного упрямился, хотя въ концѣ концовъ Иванъ Степановичъ побѣждалъ. А потомъ это стало дѣлаться легко, и, послѣ полугодовой жизни вмѣстѣ, Иванъ Степановичъ порядочно-таки переделалъ мою голову, не говоря уже о томъ, что онъ, почти незамѣтно для меня, началъ ее тѣмъ познаніями, которыя были необходимы для моего поступленія въ гимназію.

III.

Однакожь, изъ всѣхъ моихъ убѣжденій самое твердое было то, которое касалось яблокъ. Можетъ-быть, это происходило отъ того, что убѣжденіе это принесло мнѣ уже не мало мученій, такъ какъ каждый годъ въ теченіе лѣта я мучилъ себя воздержаніемъ отъ яблокъ, находясь среди яблокъ и постоянно искушаемый ими.

Совершенно такъ же было и теперь. Когда я опытнымъ глазомъ замѣтилъ, что нѣкоторыя отдѣльныя яблоки начинаютъ поспѣвать, мнѣ страшно захотѣлось сорвать одно изъ нихъ и съѣсть. Но я, разумѣется, воздержался, и это была жертва, это было серьезное лишеніе.

Уже въ саду около яблонь носился своеобразный упонительный запахъ поспѣвающихъ плодовъ, щеко-тавннй обоняніе. Но мнѣ просто не приходила въ голову мысль, что можно нарушить „законъ“, такъ крѣпко засѣвшій въ моемъ мозгу. И вотъ однажды, прйдя въ садъ, я увидѣлъ Ивана Степановича, сидѣвшаго на камнѣ и въ засосѣ уплетавшаго яблоко. Я подошелъ, остановился и отъ изумленія ничего не могъ сказать. Помилуйте, мой учитель—и вдругъ такое явственное нарушеніе „закона“.

А онъ поднималъ голову и весело взглянулъ на меня.

— А, Вася! Представьте, какъ мнѣ повезло! Я открылъ цѣлое дерево скороспѣлокъ, на немъ почти уже всѣ яблоки поспѣли, и какія вкусныя! Хотите?

И онъ, вынувъ изъ кармана яблоко, совалъ мнѣ его подъ самый носъ. Но я не поднималъ руки и не взялъ предложенное яблоко. Я сказалъ:

— Иванъ Степановичъ, какъ же это? Вѣдь это нельзя...

— Что это? Развѣ у васъ такая строгость? Всѣ яблоки на счету? Ну, этого не можетъ быть. Ихъ тутъ такая масса.

— Нѣтъ, не на счету, а... Это нельзя же. Раньше Спаса это грѣхъ.

Иванъ Степановичъ отвелъ руку съ недоѣдненнымъ яблокомъ ото рта, наклонилъ голову и сказалъ:

— Мое вамъ почтеніе, бабушка Дарья Матвѣевна! Я на этотъ разъ обидѣлся.

— Нѣтъ, это не только бабушка, но и мама и всѣ...

— Такъ что объ этомъ ужъ нельзя и говорить?

Я на это не отвѣтилъ. Я просто не зналъ, какъ мнѣ быть. Убѣжденіе въ недозволённости ѣсть яблоки такъ рано (это было около двадцатаго іюля) сидѣло во мнѣ такъ крѣпко, что я просто началъ сомнѣваться въ самомъ даже Иванѣ Степановичѣ, и казавшійся до сихъ поръ незабываемымъ его авторитетъ въ моихъ глазахъ какъ будто начиналъ блекнуть. Я просто отошелъ отъ него и сѣлъ на другомъ камнѣ.

— Слушайте, Вася, вы не сердитесь?— сказалъ Иванъ Степановичъ.

— За что?— спросилъ я.

— Да вотъ за то, что я ѣмъ яблоки.

Я пожалъ плечами. Я не сердился, а скорѣй негодовалъ.

— А вы напрасно сѣли на камнѣ, Вася, это вредно.

— А вы же сидите тоже на камнѣ.

— Это разница. Я человѣкъ взрослый, крѣпкій, кожа у меня толстая, нервы воловьи, и я не избалованъ. А вы еще ребенокъ,— нѣжный и не особенно крѣпкій. Вы можете простудиться. Встаньте, голубчикъ, и пересядьте на скамью, вотъ же она, за деревомъ.

Это было вѣрно, то, что онъ говорилъ, и я всталъ и пересѣлъ на скамью.

— Вотъ видите, Вася,— заговорилъ опять Иванъ Степановичъ, я сказалъ вамъ, что вредно сидѣть на камнѣ и сейчасъ же доказалъ вамъ это, и вы поняли, согласились со мной и пересѣли. А вы заявляете, что яблоки до Спаса нельзя ѣсть и не хотите доказать этого. Это съ вашей стороны, нехорошо. Можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ нельзя, а я вотъ дѣлаю. А если вы мнѣ докажете, то я перестану ѣсть.

Портретъ дочери—артистки М. Н. Кузнецовой.

Н. Кузнецов.

Передвижная выставка 1918 года.

— Как я могу доказать? Это — грѣхъ!
 — Что? Доказывать — грѣхъ?
 — Нѣтъ, яблоки ѣсть до Спаса.
 — Вы не можете доказать?
 — Нѣтъ.
 — А сами вы понимаете, почему нельзя?
 — Что же понимать? Нельзя. Я понимаю, что нельзя.
 — То-есть вы не понимаете, а вѣрите, что нельзя.
 — А какъ же я могу не вѣрить, когда всё вѣрятъ?
 — Позвольте, Вася, я не вѣрю, значить, уже не всё
 — Ну, можетъ-быть, вы одинъ...
 — Все равно, если дажо одинъ, то, значить, не всё. И я говорю, что яблоки ѣсть можно во всякое время, и никакого грѣха нѣтъ, если они спѣлыя и не испорченныя. Ну, сами разсудите, Вася: на Спаса яблоки можно ѣсть, да? И тоже, конечно, только спѣлыя и не испорченныя? Но вѣдь это яблоко, вотъ которое я вамъ предложилъ, — въ день Спаса будетъ такое же, оно не перемѣнится, значить...
 — А почему же бабушка, и мама, и всё...
 — А вы знаете, Вася, что евреи не ѣдятъ свинины?
 — Да, я знаю. Такъ это же свинина, совсѣмъ другое.
 — Конечно, другое, а почему они не ѣдятъ?
 — Потому что имъ запрещено закономъ.
 — А почему же запрещено закономъ? Они живутъ такъ же, какъ и мы, и у нихъ такіе же желудки, какъ у насъ. Могли бы отлично справиться со свининой, а вотъ имъ запрещено, а намъ нѣтъ.
 — Я не знаю.
 — Я вамъ расскажу. Свинина — такое мясо, что скоро портится, особенно въ жаркомъ климатѣ. Притомъ въ немъ бываютъ трихины, финны и разныя другія болѣзни. А древніе евреи жили въ жаркой странѣ и, кромѣ того, отличались нечистоплотностью, они ѣли, не разбирая, и отъ свинины, которая быстро портилась, заболѣвали. Вотъ Моисей, который былъ умный человѣкъ, взялъ да и запретилъ имъ вовсе ѣсть свинину. Но для тѣхъ евреевъ, которые живутъ въ нашей странѣ, это запрещеніе уже потеряло смыслъ. Страна у насъ не жаркая, мясо, прежде чѣмъ пустить въ продажу, въ городахъ осматриваютъ, и, если оно испорченное или болное, не позволяютъ продавать. Но евреи держатся старыхъ законовъ, которые не измѣнились со временъ Моисея, и потому выходитъ такая нелѣпость: то, что для насъ питательно и полезно, для нихъ считается вреднымъ.
 — Такъ что же изъ этого? — спросилъ я, не удавливая связи между яблоками и евреями. — Гдѣ жъ тутъ яблоки?
 — Яблокъ тутъ, очевидно, нѣтъ, — отиѣтилъ Иванъ Степановичъ. — Но это похоже; съ яблоками произошло то же самое.

Крестьяне, и вообще люди необразованные и неосторожные, обыкновенно не разбираютъ и объѣдаются яблоками, когда они еще не зрѣлы, и разстраиваютъ себѣ пищевареніе. И ничѣмъ ихъ удержать нельзя. Такъ вотъ умные люди и придумали, что это грѣхъ, а грѣхъ, это — необразованный человѣкъ понимаетъ. Вотъ и вошло въ сознаніе, что грѣхъ, и всё стараются воздержаться, потому что за грѣхъ бываетъ наказаніе. Но если человѣкъ хорошо отличаетъ спѣлое яблоко отъ незрѣлаго и не объѣдается, то это никакъ не можетъ быть грѣхомъ. А есть еще и другая причина — для крестьянъ. Въ давнія крѣпостныя времена ребятишки и парни ночью забирались въ помѣщичій садъ и воровали яблоки. За это ихъ потомъ жестоко сѣкли. А если виновные не отыскивались, то случилось, что всю деревню сѣкли поголовно. А послѣ Спаса, когда уже всё яблоки созрѣли, ихъ хозяинъ срываетъ и пряталъ. Вотъ и явилось убѣжденіе, что воровать яблоки опасно, потому что за это бьютъ. Ну, а потомъ стали называть грѣхомъ.

— Почему вы это знаете? — спросилъ я, въ глубинѣ души находя его объясненіе правдоподобнымъ.

— Я не знаю. Но такъ думаю. А вы знаете что сдѣлайте. Вася? Вы пойдите къ вашей мамѣ, — къ бабушкѣ, пожалуй, не ходите, она очень ужъ стара и не сообразитъ, — а къ мамѣ, и скажите ей, что Иванъ Степановичъ ѣстъ спѣлыя яблоки и утверждаетъ, что ѣсть до Спаса яблоки, которыя вполнѣ поспѣли, не опасно и не вредно, и не грѣхъ. А если мама скажетъ вамъ, что грѣхъ, вы спросите: почему, и гдѣ это написано, что грѣхъ?

Мнѣ не очень-то хотѣлось идти къ моей матери. Я зналъ, что она не любитъ отвѣчать на вопросы: почему?

Но съ другой стороны Иванъ Степановичъ, который такъ вкусно ѣлъ на моихъ глазахъ яблоко, раздражилъ меня, и у меня явилась смутная надежда, что, можетъ-быть, изъ всего этого въ концѣ концовъ получится и для меня разрѣшеніе съѣсть яблоко.

И я пошелъ и рассказалъ матери, что Иванъ Степановичъ ѣстъ яблоки скороспѣлыя, которыя совсѣмъ созрѣли и очень вкусны.

— Ну, милый, — сказала мнѣ мать, — Иванъ Степановичъ взрослый человѣкъ, это его дѣло. Мы не можемъ запретить ему ѣсть яблоки.

— А мнѣ нельзя? — спросилъ я и прибавилъ: — Они совсѣмъ, совсѣмъ поспѣли.

Должно-быть, на лицѣ моемъ выразалась мучительная жажда поѣсть яблокъ, потому что мать какъ-то снисходительно улыбнулась и спросила:

— А тебѣ очень хочется?

— Очень, — отвѣтилъ я. — Они такія вкусныя на видѣ, и Иванъ Степановичъ ѣсть ихъ; и онъ говоритъ, что грѣшно, когда незрѣлыя, чтобы не разстроить желудокъ... А эти же зрѣлыя...

— Ну, что съ тобой подѣлаешь! — сказала мать. — Съѣшь, пожалуй. Не велика бѣда. Только, ради Бога, не объѣдайся. Сколько Иванъ Степановичъ пзволить, не больше. Хорошо?

— Хорошо, — отвѣтилъ я, чувствуя и радость отъ предстоящаго удовольствія и въ то же время что-то похожее на грусть, какъ будто въ сердцѣ моемъ разрушилось что-то, казавшееся крѣпкимъ и прочнымъ.

— Только вотъ что, — сказала мнѣ мать, когда я уже повернулся, чтобы бѣжать обратно въ садъ, — лучше, чтобы этого никто не видѣлъ, особенно работницы. Онѣ увидятъ и сейчасъ же начнутъ все объѣдаться... И не говори бабушкѣ...

Я побѣжалъ въ садъ и нашелъ Ивана Степановича на томъ же камнѣ. Онъ, должно-быть по лицу моему догадался, что я принесъ благоприятный результатъ.

— Ну, что? — спросилъ онъ. — Кажется, разрѣшили?

— Можно, — отвѣтилъ я.

— А! Ну, вотъ вамъ яблоко.

Я взялъ яблоко и сейчасъ же принялся грызть его съ упоеніемъ.

— Мама сказала, сколько вы позволите, Иванъ Степановичъ. Она боится, чтобы я не объѣлся.

— Резонъ. Три штуки, однако, можно.

— Только три? — сразу разохотившись, про молвилъ я.

— На первый разъ довольно, — сказалъ Иванъ Степановичъ.

— И еще мама сказала, что надо такъ ѣсть, чтобы никто не видѣлъ, а особенно работницы, потому что онѣ сейчасъ же, если увидятъ, начнутъ объѣдаться... И бабушкѣ не говорить.

— Вотъ, вотъ! Ну, такъ значить — это уже не законъ?

Я сидѣлъ на скамейкѣ, ѣлъ яблоко и отъ удовольствія быстро болтали ногами, которыми не доставали до земли, и, признаюсь, испытывалъ такое наслажденіе, что въ эту минуту мнѣ было все равно, какъ разрѣшится этотъ вопросъ. Однако, все-таки было ясно, что правда на сторонѣ Ивана Степановича.

А на Спаса я былъ въ церкви, и когда выпшелъ въ ограду и парни начали дарить мнѣ яблоки, я принималъ, чтобы не обидѣть ихъ, но ужъ отнесся къ этому довольно равнодушно.

Лакей.

Передвижная выставка 1918 года.

В. Маковскій.

Латюдъ — узникъ Бастиліи.

Разсказъ Е. Фортунато.

I.

Стѣны были грязныя, съ масляными пятнами, окна съ засиженными мухами стеклами; къ нимъ скатывался косою потолокъ, какъ всегда въ мансардахъ; два-три стула, убогія столы, кровати за ситцевыми занавѣсками неопредѣленнаго цвѣта, приѣдающій на одну сторону комодъ съ чернѣющими оголенными замочными скважинами и спертый, душной воздухъ грязныхъ помѣщеній. И это называлось комнатою „меблированнаго дома Шармеле“, въ дѣйствительности не комната, а каморка, жалкій притонъ.

— Сорвалось! — худощавый брюнетъ со злобой бросилъ на полъ письмо.

— Отказываетъ? — спросилъ его товарищъ, приготавливавшій какую-то смѣсь въ аптекарской ступкѣ.

— Пишетъ, что сама безъ денегъ, еле-еле пробивается шитьемъ, и работы мало.

И, глядя на подпись матери, брюнетъ, гримасничая, думалъ: „Отчего она всегда подписывается „Жанна д'Обресси“, когда я знаю, что она никогда не была замужемъ?“

— Данри, Бенгъ, завелись у васъ деньги? Идемте кутнуть! — кричали дѣвичьи голоса изъ коридора.

— Ни гроша! — отозвались друзья, и Данри, брюнетъ, получившій отъ матери письмо, ексвозь стиснутые зубы процѣдилъ:

— Проваливайте! Не мало мы съ вами денегъ потратили.

Голоса умолкли. Постепенно замирали легкіе дѣвичьи шаги въ коридорѣ. Упорхнули „веселыя созданія“ кутить съ кѣмъ-то другимъ.

Данри подошелъ къ зеркалу и внимательно осмотрѣлъ себя.

Двадцать три года, но на видъ ему можно дать больше. Нужда не краситъ. Длинные сѣрые штаны обтягиваютъ ноги, такой же жилетъ плотно охватываетъ талію. Онъ хорошо сложенъ, хотя и небольшого роста. Красная куртка съ полами оживляетъ блѣдное лицо.

Онъ самодовольно усмѣхается, энергично встряхиваетъ длинными темными волосами.

Право, онъ очень недуренъ, и желѣзная воля чувствуется въ чертахъ его лица. Оспины противныя подпортили, — сильная оспа у него была, кожа изъѣдена ею. Но женщины любятъ его и съ оспинами на лицѣ. Въ этомъ усѣхѣ у женщинъ, можетъ-быть, его несчастье? Изъ-за женщинъ, изъ-за кутежей онъ сейчасъ сидитъ безъ гроша и изъ нижняго этажа перебрался въ эту мансарду...

— Какая несправедливость! — хлопнулъ Данри кулакомъ по столу. — Я долженъ жить въ такой грязи...

— Чего ты чванишься? — засмѣялся Бенгъ. — Отчего это такъ тебѣ не подходитъ, а мнѣ подходитъ? Ты фельдшеръ, я помощникъ фармацевта, мы на одной ступени...

— Нѣтъ, большая разница, — продолжалъ горячиться Данри, —

всѣмъ извѣстно, что ты Бенгэ, что твои родители простолюдины, ихъ еще многіе помнятъ. А я...

— А ты что же? Непринятый маркизъ?

Данри заносчиво взглянулъ на него:

— Можеть-быть, и маркизъ... Пре свое прошлое знаю только я, — многозначительно добавилъ онъ. — Во всякомъ случаѣ мать моя изъ дворянской семьи, всѣ ея родные — офицеры...

Бенгэ, хихикая, снова склонился надъ ступкой.

Наступило довольно долгое молчаніе.

— И какая подлость, что онъ отказался уплатить мнѣ шесть-сорокъ семьдесятъ восемь ливровъ! — остановился передъ своимъ пріятелемъ Данри, широко размахивая руками.

— Кто? — оторвался отъ работы Бенгэ.

— Главный интендантъ нашей арміи во Фландриі, Морю де-Семель... Вѣдь солдаты обворовали меня при осадѣ Бергъ-опъ-Зоома... Да, да, все до нитки, только рубаху оставили, и деньгами взяли 678 ливровъ. Нашъ военный комиссаръ Гиньяръ дела-Гардъ любому подтвердитъ это, а вотъ интендантъ отказался уплатить...

Бенгэ смотритъ на Данри съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ. Думаетъ: „Вѣдь все это мы съ нимъ вмѣстѣ придумали, вмѣстѣ сочинили письмо къ интенданту, и дѣло лопнуло только потому, что этотъ самый Гиньяръ отказался поставить свою подпись подъ заявленіемъ Данри... Вмѣстѣ все выдумали, а онъ теперь вѣрнѣе, какъ будто это такъ было на самомъ дѣлѣ, и меня же увѣряетъ, что это такъ... Фантазеръ!“

Данри продолжаетъ громить начальство.

— Я считался образцовымъ фельдшеромъ, я могъ сдѣлаться знаменитымъ хирургомъ, я четыре года былъ въ арміи маршала Ноайля, и у меня великолѣпная аттестація отъ военнаго комиссара...

— Это правда, — киваетъ головой Бенгэ, — аттестатъ я самъ видѣлъ.

Опять легкіе женскіе шаги по коридору. Распахнулась дверь. Въ мансарду ворвалась ватага „веселыхъ созданій“.

— Идемте съ нами въ кафе, мы платимъ за васъ... Ночью на бульварахъ заработаемъ... Вотъ наша новая подруга! Намъ безъ васъ скучно, идемте!

— Если принять во вниманіе, что мы изъ-за васъ сейчасъ сидимъ безъ гроша... — подумалъ вслухъ Бенгэ, вставая, — идемте, я готовъ...

Но онъ остановился, съ удивленіемъ разглядывая новую обитательницу мебелированного дома Шармеле.

— Сапристи, какалъ пышная! И знаете, господа, на кого она похожа? Ты не находишь, Данри?

— Какъ я могу тебѣ отвѣтить, когда не знаю, что ты хочешь сказать?

— Она похожа на маркизу... На всеильную маркизу Помпадуръ...

Данри смотритъ, прищурившись.

— Пожалуй, ты правъ... Что-то общее, судя по портретамъ.

— Одно лицо, увѣряю тебя... Только наша красотка моложе... Вотъ бы ту маркизу прикѣпить, а эту на ея мѣсто?.. Мы съ тобой пошли бы въ гору... — Бенгэ хохочетъ.

— Вы ловкіе, устройте заговоръ на ея жизнь, — совѣтуетъ одна изъ дѣвушекъ. — Наша Лизетта васъ своими милостями не оставитъ.

— Ты думаешь, это такъ легко, дурочка? У насъ въ анткѣ рассказывали, какъ маркиза осторожна... При ней неотлучно находится ея личный врачъ, онъ пробуетъ всѣ кушанья, которыя ей подають, онъ ѣздитъ съ ней въ театръ и тамъ приготавливаетъ ей лимонадъ, такъ она боится отравы... Чувствуетъ, что многіе хотять ея смерти.

„Симулировать заговоръ на ея жизнь и самому же раскрыть передъ ней этотъ заговоръ, спасти ее отъ смерти... Какими щедротами она за это осыплетъ!“ — думаетъ Данри.

— Вотъ помоги Лизеттѣ съѣсть на мѣсто Помпадуръ, она тебя своимъ хирургомъ сдѣлаетъ, — продолжаетъ смѣяться Бенгэ. — Ты такъ хвастаешься своими познаніями... Будешь лейбъ-хирургомъ фаворитки короля.

— Идемте, идемте, милые мои, — торопятъ дѣвушки. — мѣ все это дорогой обсудимъ...

Но одна изъ нихъ быстро нагибается, увидѣвъ брошенное на полъ письмо. Кричитъ съ ревнивыми нотками въ голосъ:

— Женскій почеркъ!

— Оставь, — вырываетъ у нея Данри письмо изъ рукъ, — это отъ моей матери...

Но она успѣваетъ прочесть подпись:

— „Жанна д'Обресси“... Отчего же тебя зовутъ Данри?

— Онъ самъ себя такъ назвалъ, — хихикаетъ Бенгэ, — его имена Жанъ-Анри... Вышло Данри, и звучитъ красиво...

Но Данри уже сердится:

— Идите безъ меня, мнѣ заниматься надо, куда я не пойду...

Протесты, восклицанія, но шумная компанія увлекаетъ за собой Бенгэ, и комната пустѣетъ.

Данри, широко размахивая руками, ходитъ взадъ и впередъ изъ угла въ уголъ.

Деньги, деньги...

Развѣ онъ рожденъ для нищеты? Отецъ его, конечно, посылъ одно изъ знатныхъ именъ Франціи... Сколько разъ допытывалъ онъ у матери, кто ее соблазнилъ, чей онъ незаконный сынъ, — не захотѣла сказать. Много плакала при немъ, и молодой онъ ея не помнитъ, видно, это былъ запоздалый романъ...

„И все-таки ума-разума не набралась, — злобно думаетъ Данри, — не сумѣла заставить его жениться...“ — и онъ рветъ письмо матери въ клочки.

Всѣ родные отъ нея отвернулись... Сама виновата. Испортила и себя и ему жизнь.

— Но я въ нищетѣ не погрязну! — встряхиваетъ онъ головой, и опять фантазія его работаетъ.

Если бы узнать навѣрное какую-нибудь придворную интригу, раскрыть заговоръ противъ всеильной маркизы. Она умѣетъ мстить, но умѣетъ и награждать: отъ одного ея милостиваго слова обезпечена карьера на всю жизнь.

Данри разсматриваетъ себя въ зеркало. Онъ такъ правится женщинамъ, до сихъ поръ онъ „услѣввалъ“ въ жизни все черъ женщинъ.

Морепа, изгнанный министръ... Вотъ кто ненавидитъ маркизу, вотъ кто способенъ на все...

Но вѣдь если заговора нѣтъ, можно его придумать, можно подстроить все такъ ловко, что она несомнѣнно повѣритъ, не даромъ она такъ боится покушенія

на свою жизнь, не разстается съ докторомъ, держать всегда при себѣ всѣхъ противоядія.

Онъ пошлетъ ей отравленные конфеты и одновременно съ этимъ предупредитъ ее объ угрожающей ей опасности.

Нѣтъ, не конфеты... Цвѣты... А еще лучше маленькую адскую машинку, чтобы непременно былъ взрывъ...

И, когда онъ спасетъ ее отъ смерти, его имя прогремитъ по всему Парижу... Пусть черъ ненавидитъ его за спасеніе фаворитки, онъ будетъ близокъ къ всеильной маркизѣ, близокъ къ самому королю, и тогда, тамъ на родинѣ, въ Монтаньякѣ, отецъ навѣрное признаетъ его и, можеть-быть, даже женится на матери.

Довольно нищеты! Съ семнадцати лѣтъ онъ бьется ея жизнью, когда, можеть-быть, имѣетъ всѣ права на роскошь. Еще нѣсколько дней, недѣль, и прощай этотъ грязный притонъ полупочтеннаго Шармеле.

Данри садится къ столу и, обхвативъ голову обѣими руками, задумывается, какъ лучше выполнить свой планъ.

Овцы.

Передвижная выставка 1918 года.

Г. Савицкий.

II.

„Si ce n'était la place la plus forte, du moins la plus redoutable de L'Europe“ *).
(Essais sur Paris — Sainte Faux (Bastille)).

Посылка готова. Четыре колбочки тончайшего стекла наполнены взрывчатым составом. Состав они мастерили съ Бенгэ вдвоем и провѣрили его силу. Колбочки шейки связаны вмѣстѣ и всѣ прикрѣплены къ крышкѣ коробки. Когда станут ее открывать, отъ сотрясенія будетъ неминуемый взрывъ. Вреда онъ большого не сдѣлаетъ, но сильно напугаетъ.

Коробку со своей адской машиной Данри тщательно зашилъ въ холстъ. Написалъ на немъ:

„Прошу вскрыть пакетъ безъ свидѣтелей“.

Потомъ вторая покрывка, тоже тщательно зашланная, и на ней адресъ:

„Маркизъ Помпадуръ, въ Версаль, во дворецъ“.

Солнце врывается въ мансарду. Весело разбѣгаются по полу его лучи. Весна въ полномъ разгарѣ. Конецъ апрѣля.

Данри одѣлся очень тщательно, долго разсматривалъ себя въ зеркало. Рѣшается его судьба.

— Идешь?— не безъ страха спрашиваетъ его Бенгэ.

— Да, сначала въ главный почтамтъ, а оттуда прямо махну въ Версаль предупредить обь опасности. Теперь въ модѣ тайные доносы... Обезпечена моя карьера, обезпечена, дружище!

Выходятъ они вмѣстѣ. Бенгэ идетъ на работу въ аптеку.

— Помни, никому ни слова,—напутствуетъ его Данри.

Бенгэ киваетъ головой. Своихъ совѣтовъ не даетъ, знаетъ, что Данри все равно никого не послушаетъ.

И въ аптекѣ за работой все время думаетъ о немъ. Завидуетъ его энергій, предприимчивости. Сердится на себя, что не принялъ активнаго участія во всемъ этомъ дѣлѣ. И, вернувшись домой, ждетъ Данри съ громаднымъ нетерпѣніемъ.

По переулку гремятъ колеса фіакра. Останавливаются у невзрачнаго подъѣзда меблированного дома Шармеле.

Бенгэ высунулся изъ окна. Смотритъ и не вѣритъ. Изъ фіакра выходитъ Данри съ гордо поднятой головой. Какъ раскутился! Значитъ, деньги завелись? Кричитъ сверху:

— Удачно?

Данри не смотритъ на него, торопится въ подъѣздъ.

И въ мансардѣ, плотно затворивъ двери, рассказываетъ:

— Все разыгралъ какъ по нотамъ. Посылку отослалъ. Черезъ какой-нибудь часъ былъ во дворѣ и съ соответствующимъ случаю перепуганнымъ лицомъ рассказалъ о подслушанномъ въ почтамтѣ разговорѣ на жизнь маркизы и о какой то адской машинѣ.

— Самой маркизѣ?—привскочилъ Бенгэ.

— Положимъ, не маркизѣ, но это все равно... Одному изъ ея приближенныхъ. Его называли Бурбилюномъ.

— Повѣрили?

— Точно ты не знаешь, какъ я умѣю рассказывать. Повѣрили и благодарили. Э, дружище, карьера моя обезпечена!—Данри, какъ мальчишка, бѣгаетъ и прыгаетъ по комнатѣ, хлопая въ ладоши.

Засыпаютъ пріятели въ самыхъ радужныхъ мечтахъ.

На слѣдующій день Данри опять вызываетъ въ Версаль во дворецъ.

— Я тамъ свой человѣкъ теперь,—говоритъ онъ, уходя, и само-довольно улыбается.

Вечеромъ кинитъ еще больше, полонъ впечатлѣній. Одна мысль у него выталкиваетъ другую, недосказанную до конца, самъ себя перебиваетъ.

— Посылку вскрывалъ лейбъ-медикъ Кенэ... Со всѣми предосторожностями, конечно. Миѣ говорили, что взрывъ былъ все-таки порядочный... На дворѣ слышали... Я радъ, что былъ взрывъ... Я теперь всѣхъ тамъ знаю... По крайней мѣрѣ по виду... Тридцать разъ меня самымъ любезнымъ образомъ разспрашивали, и въ концѣ концовъ я далъ пространное письменное показаніе, какъ, гдѣ и что слышалъ... Надѣ было хорошенко припомнить, что я имъ рассказывалъ, чтобы не перепутать...

*). „Если это не была самая сильная крѣпость, то во всякомъ случаѣ самая страшная крѣпость во всей Европѣ“

На Волгѣ.

Передвижная выставка 1918 года.

А Лаховскій.

Оба, какъ школьники, хохочутъ.

— А ошибокъ не надѣлалъ въ своемъ показаніи?—спрашиваетъ.

Бенгэ.—Ты въ грамматикѣ не очень-то силенъ...

— Литературнымъ слогомъ написалъ...

Подъ утро стукъ въ дверь.

— Отворите! По приказу короля вы арестованы.

Вскакиваютъ лохматые, перепуганные; бояся другъ на друга взглянуть; бояся спросить. Полицейскій офицеръ приказываетъ Данри одѣваться. Тутъ же обыскиваютъ комнату.

Бенгэ, красный, какъ кумачъ, старается спрятать ступку съ остатками взрывчатого состава, которымъ они начинали колбы. Бормочетъ какія-то извиненія. Его никто не слушаетъ. Данри уводятъ подъ конвоемъ.

Карета со спущенными шторками. Въ ней полумракъ. Лишь въ маленькую щелочку съ края заглядываютъ едва родившіеся розовые солнечные лучи. Такой же яркій ликующій весенній день сулятъ они.

— Куда меня везутъ?—спрашиваетъ Данри, и никто ему не отвѣчаетъ.

Въ этомъ вѣчномъ молчаніи, которымъ окружаютъ плѣнника, особенная утонченная пытка.

Молчаніе невыносимо для впечатлительнаго, экспансивнаго человѣка, и Данри чувствуетъ, что у него каждый нервъ дрожитъ. Онъ дуетъ на шторку, чтобы сдѣлать просвѣтъ пошире и что-нибудь видѣть.

Онъ узнаетъ предметъ Сентъ-Литванъ. И что это тамъ впереди?.. Высокія мрачныя башни... Неужели? Да, Бастилія. Онъ узналъ.

— Не можетъ быть! Это, вѣрно, только допросъ, и меня отпустятъ?—кричитъ онъ своимъ спутникамъ.

Безстрастные молчаливыя лица смотрятъ на него.

На мгновеніе останавливается экипажъ. Слышно, какъ раскрываются тяжелыя желѣзные ворота.

— По приказу короля!—кричитъ полицейскій офицеръ.

И съ дязгомъ цѣпей, съ оглушительнымъ трескомъ падаетъ подъемный мостъ, обычно всегда поднятый. По нему вѣзжають на первый дворъ.

Потомъ опять мостъ черезъ дворъ, гдѣ пропускаютъ подъ строжайшимъ контролемъ. Мостъ спускають только послѣ условнаго крика: „Везу!“ И второй дворъ.

Данри вышелъ изъ экипажа. Башни Бастиліи теперь совсѣмъ близко. Со всѣхъ сторонъ обступили онѣ его, мрачныя, поросшія мхомъ, изъѣденныя временемъ. Зловѣщіе призраки былого, вышедшіе изъ мутной воды ровей. На высокой зубчатой стѣнѣ, соединяющей башни, фигуры часовыхъ.

Раскаленный засогоявшийся воздухъ опалалъ гортань. Ни одной свѣжей струи не проникало въ этотъ сжатый высочайшими стѣнами дворъ.

Данри съ ужасомъ осматривается, но его торопятъ, ведутъ въ залу Совѣта.

„Это только допрос,—мысленно утѣшаетъ онъ себя,—сейчасъ выпустятъ“.

Но никто не допрашиваетъ, никто вообще не разговариваетъ съ нимъ, кратко приказываютъ вынуть все изъ кармановъ, ловкіе пытливые пальцы скользятъ по его тѣлу, обыскиваютъ, нѣтъ ли оружія, ножа, вообще чего-нибудь недозволенного. Одежда его сложена при немъ же въ пакетъ, перевязана шнуромъ, запечатана.

Онъ съ любопытствомъ разглядываетъ печать: три цвѣтка лиліи подъ королевской короной, внизу на ленточкѣ надпись: „Королевскій замокъ Бастилія“.

На немъ новая казенная одежда. Тюремщикъ ведетъ его въ камеру.

— Башня Свободы, № 47,—говоритъ кто-то.

И вздрагиваетъ сердце Данри,—башня Свободы, значитъ, его освободятъ!

— Когда, когда меня освободятъ?—пристаетъ онъ къ тюремщику,—вѣдь это башня Свободы.

— Такъ называется, потому что заключеннымъ въ ней позволяютъ иногда на свободѣ гулять по двору,—равнодушно поясняетъ тотъ, и дверь камеры захлопывается.

Двѣ двери, и какія толстыя, съ задвижками, окованы желѣзомъ. Подъ ударомъ его кулака даже не дрогнули. Полъ кирпичный. Крошечное окно съ желѣзной рѣшеткой. Снаружи оно большое, но постепенно суживается, проходя черезъ толстую стѣну, и въ камеру выходитъ въ видѣ щели (meurtrière).

И все-таки въ эту щель видно голубое небо, виденъ тоже кусочекъ предмѣстья Сентъ-Антуанъ и главные ворота при вѣздѣ въ Бастилію, на нихъ массивные часы.

Что это, случайность, насмѣшка или утонченная пытка? Данри горько смѣется. На часахъ двѣ закованныя въ кандалы фигуры, по циферблату бѣгутъ ихъ цѣпи вмѣстѣ со стрѣлками и сплетаются неразрывнымъ узломъ.

Узники ни на мгновение не должны забывать своей участи.

Холодокъ пробѣгаетъ по спинѣ Данри, несмотря на страшную жару.

Но онъ встряхиваетъ головой. Обычная самоувѣренность не покинула его.

Пусть на часахъ вѣчные узники. Его это не касается. Онъ здѣсь, конечно, только на два, на три дня.

И съ любопытствомъ осматриваетъ кровать за зеленой драпировкой, нѣсколько стульевъ, кувшинъ съ водой, оловянный под-свѣчникъ, стаканъ.

На стѣнѣ углемъ нарисована женская головка. Въ углу нервнымъ почеркомъ написано: „Бастилія создана не для того, чтобы

наказывать, а для того, чтобы мучить“ („La Bastille n'est pas faite pour punir, elle est faite pour torturer“).

Смѣется. И чужимъ, колкимъ, неприятнымъ кажется ему его собственный смѣхъ, отскакивающей отъ стѣны.

Весь день Данри бѣгаетъ по камерѣ, чего-то ожидая. Поданный ему обѣдъ оказался ему вкуснымъ и обильнымъ, но изъ самодлюбія Данри едва прикасается къ нему.

— Надо пораньше лечь спать они не дали мнѣ сегодня выспаться...

Ложится, засыпаетъ и почти тотчасъ же вскакиваетъ. Каждую четверть часа на дворѣ бьютъ въ колоколь. Это тоже утонченная пытка.

Данри, блѣдный, босой, лежитъ на подоконникѣ своего узенькаго окошечка-щели.

Свободы, свободы!.. Онъ задыхается, ему страшно. Величайшее благо въ жизни—свобода.

И опять бьютъ въ колоколь, не давая даже во снѣ забыться. И содрогаются плечи Данри въ рыданияхъ. Обезсиленный, жалкій, онъ бьется головой о подоконникъ.

Безконечной и мучительной тянется эта первая ночь въ тюрьмѣ.

III.

Это уже не жизнерадостный, предприимчивый фантазеръ Данри, самоувѣренный, ловкій, наглый, и не плачущій юноша, почти ребенокъ, какимъ онъ былъ въ первую ночь по заключенію въ тюрьму.

Это звѣрѣкъ, перепуганный, озлобленный звѣрѣкъ, потерявшійся въ лабиринтѣ ловушекъ и совершенно сбитый съ толка.

Четыре раза его водили на допросъ и всѣ четыре раза говорили, что выпускаютъ, но потомъ снова заключали въ тюрьму. Онъ лгать сначала, защищался съ жаромъ, повторяя все прежде придуманное. Ему не вѣрили. Тогда на допросѣ 15-го іюня онъ рѣшился рассказать всю правду.

Задыхаясь отъ волненія, разрывая на себѣ рубаху, онъ говорил о борьбѣ съ нуждой, о стремленіи во что бы то ни стало выбиться въ люди и о роковомъ замыслѣ, который въ минуту отчаянія пришелъ ему въ голову, какъ единственный способъ пробить себѣ дорогу.

Онъ колотилъ себя въ грудь и плакалъ, прося снисхожденія.

Его выслушали, не прерывая, и не повѣрили.

Тогда съ перепуганными бѣгающими глазами, съ поджатыми губами онъ замкнулся въ безусловномъ молчаніи, и ни одного слова отъ него добиться уже не могли.

Двадцать перваго іюня ночью при фантастическомъ свѣтѣ факеловъ его вывели изъ камеры на дворъ, посадили въ карету и куда-то повезли.

Опять онъ слышалъ оклики стражи и лязгъ цѣпей спускаемаго моста, но ничего уже не спрашивалъ, сидѣлъ, забывшись въ уголь, перепуганнымъ озлобленнымъ звѣрѣкомъ и не вѣрилъ въ возможность освобожденія.

Венсенская тюрьма. Тоже когда-то королевскій замокъ, прекрасное зданіе въ чисто-готическомъ стилѣ. И такая же камера, и такое же крошечное окно щелью, и какія же окованныя желѣзомъ тяжелыя несокрушимыя двери.

— Нельзя придавать такого громаднаго значенія чисто-мальчишеской выходкѣ,—говорилъ судьямъ лейбъ-медикъ Кенз, вскрывавшій посылку Данри и много разъ посѣтившій его въ заключеніи.—Все это сдѣлано было такъ наивно, такъ ребячески, и онъ попался такъ глупо, даже не додумался до того, чтобы измѣнить почеркъ. Тѣми же круглыми дѣтскими буквами писалъ адресъ на обложкѣ посылки и свое дознаніе во дворцѣ. Ему двадцать три года, господа, это еще ребенокъ, пощадите его!

Но судьи думали иначе. Черный кабинетъ во главѣ съ всемогущей маркизой искали нити заговора и были въ немъ увѣрены.

— Пусть назоветъ своихъ сообщниковъ, пусть предастъ того, кто направлялъ его руку, и мы вернемъ ему свободу. Онъ несомнѣнно агентъ ихъ заговора, правда, наивный и неумѣлый, но за нимъ скрываются другіе, и намъ надо знать, кто... Заставьте его говорить!

Данри молчалъ.

Въ Венсенскую тюрьму, какъ и въ Бастилію, заключали лишь избранныхъ, знатныхъ преступниковъ, простолудины не допускались туда.

Въ обѣихъ этихъ тюрьмахъ годами томилась люди, свершившіе особо важное преступленіе, выходящее изъ рамокъ обыденнаго, и всѣ тѣ, кто по своему рожденію или по своему общественному положенію не могъ быть заключенъ въ обыкновенную тюрьму наравнѣ съ ворами и негодьями.

Мэръ города Парижа такъ выражался въ своемъ письмѣ къ д'Аржансону про Бастилію:

„Этотъ субъектъ весьма сомнительнаго происхожденія не заслуживаетъ чести быть заключеннымъ въ Бастилію“ („Cet individu de médiocre condition ne mérite pas assez de considération pour être mis à la Bastille“).

Мересье тоже говорилъ въ такомъ же родѣ про Бастилію: „Народъ боится тюрьмы Шателе больше, чѣмъ Бастилію. Бастилія ему не страшна, потому что она для него чужая, она внѣ его компетенціи“ („Le peuple craint plus le château que la Bastille. Il ne redoute pas cette dernière, parce qu'elle lui est comme étrangère“).

Ильичъ. Передвижная выставка 1918 года. В. Маковский.

Въ Бастилію и въ Венсенскую тюрьму вельможи приѣзжали со своими лакеями, нѣкоторые имѣли разрѣшеніе завести тамъ свою мебель и пользовались полнымъ комфортомъ. Тѣ, у кого не было своихъ личныхъ средствъ на жизнь, считались пенсіонерами короля и стоили казнѣ не мало. Такъ, на содержаніе обыкновеннаго плѣнника полагалось три ливра въ день. На буржуевъ съ извѣстными именами — пять ливровъ въ день. Писателямъ, адвокатамъ и лицамъ другихъ свободныхъ профессій полагалось десять ливровъ въ день. Членамъ парламента — пятнадцать ливровъ въ день. Придворнымъ — тридцать шесть ливровъ въ день. А содержаніе заключеннаго въ Бастилію кардинала де-Рогана обходилось въ 120 франковъ въ день.

Данри былъ тоже пенсіонеромъ короля и по распоряженію начальника полиціи Беррьера пользовался въ Венсенской тюрьмѣ нѣкоторыми льготами. Ему даны были перья, чернила, бумага, онъ сдѣлалъ себѣ дудку и игралъ на ней; ему разрѣшали по два часа ежедневно гулять на дворѣ.

Начальникъ тюрьмы, маркизъ де-Шаселе, вначалѣ очень удивился, что къ нему прислали „какого-то неизвѣстнаго Данри“, но потомъ, послѣ разговоровъ съ лейбъ-медикомъ Кенэ, принялъ въ заключенномъ участіе и старался облегчить ему жизнь. Пять изысканно приготовленныхъ блюдъ за обѣдомъ, три блюда за завтракомъ, десертъ, вино. Но величайшаго блага въ жизни — свободы онъ былъ лишень и, какъ ему казалось, лишень по людской несправедливости. Льготы, которыми онъ пользовался, и исключительное положеніе пенсіонера короля развивали въ немъ все большее и большее самолюбіе; фантазія работала неустанно, кружилась голова. Дерзкимъ и требовательнымъ сталъ онъ со сторожами, но лишь молчаніемъ отвѣчали они ему.

„Я считаю Данри исключительно нервнымъ субъектомъ и не поручусь, что онъ не сойдетъ съ ума!“ — писалъ лейбъ-медикъ Кенэ начальнику полиціи Беррьеру и всюду, гдѣ могъ, говорилъ, что жестоко наказывать за мальчишескую выходку долгими мѣсяцами тюрьмы.

Но судъ обоихъ парламентовъ того времени не шутилъ въ цинкахъ „ложнаго доноса о заговорахъ“. Такіе случаи карались смертною казнью.

И лейбъ-медику Кенэ отвѣчали, что Данри своимъ доносомъ ставилъ на карту жизнь министра Морепя.

„Мы всѣми силами стараемся не озлоблять его. Надѣмся, что доброе и снисходительное отношеніе разомкнетъ наконецъ его уста, и онъ признается во всемъ. Прошу васъ, побывайте у него опять, можетъ-быть, онъ вамъ скажетъ всю правду, которую до сихъ поръ скрываетъ отъ меня“, — такъ писалъ Беррьеръ тому же Кенэ.

И въ зимній несчастный вечеръ, когда въ трубахъ тюрьмы злобѣще завывалъ вѣтеръ, когда особенно грозными и неприятными казались высокой башни съ зубчатыми стѣнами, когда тревожно и назойливо звенѣлъ во дворѣ колоколь, не давая забыться. — Данри рыдалъ на плечѣ Кенэ, повторяя:

— Что же мнѣ дѣлать, когда у меня нѣтъ и не было сообщника. Вы сами мнѣ сказали, что моего товарища Бенгэ отпустили еще въ іюнѣ за неимѣніемъ уликъ. Никакого заговора нѣтъ, клянусь вамъ честью, вѣдь мнѣ бы легче было свалить вину на другого, этой цѣной я могъ бы купить себѣ свободу... Свободу! Боже мой! — онъ рвалъ на себѣ волосы, — выйти въ широкое поле, итѣ, кричать, бѣгать, говорить съ кѣмъ хочешь и знать, что тебѣ не подслушиваютъ... Что же мнѣ дѣлать, что же мнѣ дѣлать?..

И вдругъ, отстранившись отъ доктора, оборвавъ въ груди рыданіе, онъ какъ-то испуганно сталъ всматриваться въ уголь. Съ виноватой улыбкой признался:

— Почудилось, что она тугъ... Да, маркиза. Знаете, докторъ, мнѣ иногда кажется, что она колдунья, что я опутанъ ею... Злая волшебница, подожившая свой даръ въ мою колыбель и сгубившая мнѣ жизнь...

И опять дрожали его плечи отъ рыданій. Только съ лейбъ-медикомъ Кенэ онъ говорилъ такъ откровенно.

По совѣту Кенэ онъ приблизительно то же самое написалъ начальнику полиціи Беррьеру: — что у него нѣтъ и не было сообщника, и что онъ говоритъ истинную правду, такъ какъ ему легче было свалить вину на другого и тѣмъ освободить себя.

Пасмурный день.

Передвижная выставка 1918 года.

А. Шильдеръ.

Беррьеръ въ свою очередь посоветовалъ ему написать маркизѣ Помпадуръ и взялся передать ей письмо.

Позднее ночью, со вспухшими отъ слезъ глазами, кончалъ Данри свое посланіе къ маркизѣ.

Авантюристъ по натурѣ, во всемъ преслѣдующій свои личные выгоды, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ исключительнымъ фантазеромъ и искренно вѣрилъ своимъ выдумкамъ.

Данри писалъ, и самъ безъ слезъ не могъ читать своего письма:

„Маркиза!

„Если голодь и нищета толкнули меня на скверный поступокъ противъ васъ, вѣрите, я не хотѣлъ вамъ зла, Богъ мнѣ въ томъ свидѣтель. О, если бы Его божественная доброта раскрыла передъ вами мою душу! Вы бы увидѣли тогда, какъ я раскаиваюсь въ случившемся. Вы бы увидѣли, сколько слезъ я пролилъ за эти 188 дней, глядя на желѣзныя рѣшетки тюрьмы, и вы бы сжалились надо мной. Именемъ Господа Бога умоляю васъ, маркиза, да смягчится вашъ гнѣвъ при видѣ моего раскаянія, моихъ страданій и слезъ. Господь вознаградитъ васъ за такое ваше челолюбіе.“

„Вы всеильны. Все въ вашей власти. Въ вашей власти вліять на величайшаго изъ коронованныхъ лицъ всего земнаго шара, на Божьяго помазанника и любимаго нашего короля. Я вѣрю, что онъ великодушенъ, а не жестокъ. Отъ истинный христіанинъ.“

„Если Господь мнѣ поможетъ добиться отъ васъ великодушнаго рѣшенія вернуть мнѣ свободу, я лучше умру съ голоду, чѣмъ вторично пойду по ложному пути.“

„Всѣ мои надежды возложены на доброту вашей христіанской души. Не оставьте моей просьбы, не отталкивайте меня, не бросайте меня во власть моей горькой судьбы.“

„Я вѣрю въ васъ, маркиза, и знаю, что Господь снизойдетъ до милости исполнить мою горячую мольбу о томъ, чтобы сблизилъ всѣ ваши сокровенныя желанія. Отъ всего сердца буду молиться объ этомъ каждый день.“

„Съ глубокимъ раскаяніемъ, достойнымъ пощады, имѣю честь быть маркиза, вашимъ покорнѣйшимъ и смиреннымъ слугой“

„Данри“ *).

Письмо dokonчено. Ближнѣе разсвѣтъ. Всматриваясь въ розоватую полоску неба на востокъ, Данри опять улетѣлъ на крыльяхъ своей богатой фантазіи.

Маркиза сжалилась и простила. Король приблизилъ его къ себѣ, тронутый его страданіями. Безвинно осужденныхъ плѣнниковъ вознаграждаютъ пожизненной рентой, и ему, конечно, назначать такую. Онъ предъявить къ правительству искъ за всѣ понесенные имъ въ тюрьмѣ убытки и будетъ богатъ.

Начальникъ полиціи Беррьеръ лично передалъ письмо заключеннаго Данри маркизѣ Помпадуръ, но письмо это осталось безъ отвѣта.

*) Францъ Фулкъ Брентаво. „Архивы Бастиліи“.

IV.

Казематы Бастилии были на 19 футов ниже уровня земли и только на пять футов выше дна окружающего Бастилию рва. Крошечное окошечко выходило в этот ров, где кроме мутной воды ничего не было видно. Печки в казематах не было. Сырость плесенью покрывала стены. Камень, с набросанной на него соломой, — в видѣ лежа Кусок хлѣба и кувшинъ съ водой на обѣдъ и ужинъ.

Въ казематы заключали только за особо тяжкую вину. И въ такомъ казематѣ томился долгие мѣсяцы закованный въ цѣпи Жанъ Данри.

Его вина? Онъ бѣжалъ изъ Венсенской тюрьмы.

Во время обычной прогулки по двору увидѣлъ черного пуделя, который мордой толкнулъ калитку, и она неожиданно для Данри оказалась раскрытой. Искушеніе было слишкомъ велико, онъ бросился бѣжать, благополучно миновалъ стражу, бѣжалъ, пока хватило силъ, и въ изнеможении упалъ уже около Сент-Дени.

Свобода, величайшее благо въ жизни! И рядомъ съ нею мрачный призракъ голода. Жить было не на что. Никто не хотѣлъ держать его у себя, Бенгз онъ въ Парижѣ не нашелъ, ютился по два, по три дня въ гостиницахъ или ночевалъ въ притонахъ. И когда отъ голода тошнило, онъ вспоминалъ великолѣпные обѣды Бастилии и горючилъ своимъ случайнымъ слушательницамъ, дѣтямъ улицы:

— Я былъ пенсионеромъ короля.

Одинъ только мѣсяцъ свободы и борьбы съ нуждой, а потомъ опять тюрьма. Но онъ не винитъ доктора Кенэ, которому рѣшился написать, прося о денежной поддержкѣ послѣ мучительной голодовки. Послѣ этого письма его арестовали, но не Кенэ предать его, письма доктору не доставили, — агенты тайной полиціи перехватили его.

Казематъ и кандалы, какъ наказаніе за тяжкую вину — побѣгъ изъ тюрьмы. И рядомъ съ Данри въ такихъ же казематахъ были заключены сторожа Венсенской тюрьмы, когорыхъ обвинили въ недосмотрѣ, когда онъ бѣжалъ.

Кенэ и здѣсь принималъ въ немъ участіе. По заключеніи въ тюрьму Данри очень недолго оставался въ казематѣ; Кенэ хлопоталъ, чтобы его перевели въ комнату, и ему опять дали бумаги и чернила.

Безчисленное множество писемъ написалъ Данри въ этотъ періодъ: то были посланія къ матери и безконечныя просьбы къ королю и къ маркизѣ Помпадуръ. И все это оставалось безъ отвѣта. Какая-то нервная жажда дѣятельности овладѣла имъ. Начальникъ полиціи Беррьеръ тоже очень снисходительно къ нему относился, разрѣшилъ ему прогулки, и за это Данри послалъ ему имъ самымъ приготовленное лѣкарство отъ подагры.

Но чѣмъ внимательнѣе относился къ нему начальство, тѣмъ упорнѣе вставала въ его головѣ мысль, что, значить, онъ выдающее лицо, значить, есть причины такъ нянчиться съ нимъ, а изъ этого вытекало, что онъ имѣетъ право требовать, — давала себя знать душа авантюриста. Онъ комбинируетъ все выгоды и невыгоды своего положенія, день ото дня держалъ себя развязнѣе, былъ заносчивъ со служащими и негодовалъ, что маркиза Помпадуръ ничего не отвѣчаетъ на его просьбы и письма.

Ему давали книги. И вотъ однажды въ припадкѣ раздраженія онъ написалъ на поляхъ одной изъ книгъ:

Sans esprit et sans agréments,
Sans être ni belle, ni neuve
En France on peut avoir le premier des amants,—
La Pompadour en est la preuve.

(Безъ ума и безъ очарованія, безъ красоты и безъ молодости можно стать фавориткой короля. Примѣръ — Помпадуръ *)

На обязанности сторожей было подслушивать все разговоры заключенныхъ, подслушивать даже ихъ бредъ во снѣ и доносить начальству. Все вещи, которыя побывали у узниковъ въ рукахъ, тщательно осматривались, и, конечно, сторожа, ненавидѣвшие Данри за то, что изъ-за него томился въ казематахъ ихъ товарищи, тотчасъ же замѣтили четверостишіе на поляхъ книги и доложили объ этомъ смотрителю тюрьмы Жану Лебелю.

Лебель, самолюбивый, обидчивый, не терпѣлъ посторонняго вмѣшательства въ свои порядки и въ душѣ негодовалъ на то, что по протекціи Беррьеря и лейбъ-медика Кенэ Данри такъ скоро

Раешникъ-потѣшникъ.

Передвижная выставка 1918 года.

П. Субботинъ.

перевели изъ каземата въ камеру, когда бывали случаи, что за побѣгъ изъ тюрьмы карали смертной казнью и непремѣнно ужъ долгими мѣсяцами въ казематѣ.

Онъ обрадовался дерзкому четверостишію и поспѣшилъ передать его самой маркизѣ Помпадуръ. И тогда уже послѣдовала строгая кара безъ всякихъ послабленій. Кандалы на рукахъ и на ногахъ. Подушечный казематъ, пропитанный сыростью, нестерпимо душный лѣтомъ, невыносимо холодный зимой.

„У меня такая потребность кого-нибудь любить, и я такъ вамъ благодаренъ за ваше участіе. Вѣрю, что вы сдѣлаете все возможное, чтобы облегчить мою участь“, — писалъ Данри лейбъ-медику Кенэ, когда ему разрѣшили наконецъ перо и чернила.

Восемнадцать мѣсяцевъ въ казематѣ! Онъ самъ себя удивлялся, что выноситъ ихъ сравнительно легко, и воображеніемъ своимъ распалаялъ свои страданія.

„Умирать и нечего не оставитъ своимъ близкимъ, — невыносимо, — писалъ Данри опять тому же Кенэ. — Я на грани смерти, и, думаю, вы не сомнѣваетесь, какъ я васъ люблю. Но вѣдь я нищій, у меня ничего нѣтъ, они сдѣлали меня нищимъ. Что могу я вамъ оставить? За все сдѣланное мнѣ добро я завѣщаю вамъ свой трупъ для скелета, а сейчасъ прилагаю при семь писемъ кусочекъ моей рубахи. Одежда мучениковъ покоитъ вѣковъ испѣляла всякаго рода недуги. Моя одежда теперь, конечно, тоже будетъ обладать такой чудодѣйственной силой. Носите этотъ кусочекъ полотна всегда на себѣ, и я увѣренъ, что вы больше не будете хворать“.

Растроганный этимъ письмомъ съ явными слѣдами слезъ, Кенэ скорѣй послѣ этого добился, чтобы Данри опять перевели въ камеру, и его помѣстили въ камерѣ № 1751. Въ то время Беррьеръ доложилъ королю, что, если заключенному не дадутъ слуги или товарища, вообще не предоставятъ возможности съ кѣмъ-нибудь разговаривать, — онъ несомнѣнно сойдетъ съ ума, и тогда ужъ заговоръ, котораго онъ по неопытности испугался и тѣмъ выдалъ себя, останется нераскрытымъ.

И вотъ, по приказу короля, къ Данри былъ приставленъ слуга, блѣдный, золотушный, безмолвный субъектъ, согласившійся раздѣлить участь заключеннаго, чтобы не голодать при безработицѣ. Сторожа рѣдко когда слышали его голосъ. онъ почти всегда молчалъ, но зато у Данри теперь было передъ кѣмъ говорить и онъ часами ораторствовалъ. Излюбленными темами онъ избралъ тайну своего рожденія, несомнѣнное колдовство маркизы Помпадуръ и свое значеніе при дворѣ.

— Все они тамъ меня боятся, — говорилъ онъ, уставившись въ неподвижное лицо своего слуги. — Я могу сдѣлать такія разоблаченія про маркизу и про министровъ, что вся Европа содрогнется. Оттого они держатъ меня въ тюрьмѣ... Или не вѣрите?

Онъ трясъ слугу за плечо.

Тотъ ничего не слышалъ, а если слышалъ, то не понималъ. При встряскѣ однако бормоталъ:

— Вѣрю, вѣрю... Какъ же не вѣрить?... — и опять смогрѣлъ туго и бессмысленно.

Но хорошее питаніе не пошло впрокъ слугѣ. Отъ недостатка воздуха или еще отъ какихъ-то причинъ онъ замѣтилъ хирѣть съ каждымъ днемъ.

Данри замѣчалъ его нездоровую блѣдность, вялость, алагію.

*) „Révues des deux Mondes“, Octobre 1886—L'atude.

— Лежите и спите, мнѣ ничего не надо!—говорилъ онъ.

Но именно спать слугѣ не давалъ Данри, неумолчно разсказывалъ, захлебываясь въ своихъ словахъ. У него развилась такая потребность говорить, что онъ даже ночью иногда вставалъ, подхланилъ къ постели слуги, будилъ его и начиналъ ораторствовать.

Такъ однажды ночью ему приснился страшный сонъ: злая колдунья Помпадуръ проникла въ ихъ камеру черезъ печку, склонилась надъ кувшиномъ съ водой и что-то подсыпала туда.

— Какъ вы думаете, это можетъ быть или нѣтъ?—трясъ Данри слугу за плечо.—Я уже проснулся и все еще видѣлъ ея обликъ и не могу сейчасъ разобрать, гдѣ кончался сонъ, гдѣ началась явь.

Слуга слабо стоналъ,

— Да говорите вы, чортъ возьми! — вышелъ изъ терпѣнія Данри, — вопросъ, полагаю, достаточно серьезный... Это можетъ быть, что она приходила къ намъ сюда?

Больной окончательно проснулся. Понялъ или отвѣтилъ насбумъ:

— Нѣтъ, никто не приходилъ...

— Ахъ, если никто не приходилъ, значитъ, и въ воду ничего не подсыпано? Ну-ка выпейте стаканчикъ!

— Но мнѣ не хочется...

— Пейте, пейте...—и, насильно запрокинувъ голову больного, Данри влилъ въ его запекшіяся уста полстакана воды.

— Вы, можетъ-быть, не вѣрите, что она колдунья? — широкий жести рукой.

Слуга молчалъ.

— Я росъ богатымъ и счастливымъ ребенкомъ, единственный сынъ у родителей. Все было великолѣбно въ нашемъ родовомъ замкѣ, меня баловали, каждое мое желаніе исполняли. На бѣду отцу пришло въ голову свезти меня въ Версаль. Говорятъ, я тамъ заснулъ, и маркиза Помпадуръ долго смотрѣла на меня спящаго. Вотъ тогда она впервые околдовала меня... Я бросилъ ученіе. Отецъ сердился, мать плакала. Забилъ себя въ голову непременно идти санитаромъ въ экспедицію на Рейнъ... Я, конечно, можетъ-быть, сама маркиза совѣмъ иначе отнеслась бы ко мнѣ, если бы... Ну, вы понимаете... Но я всей душой преданъ королю и, когда бывалъ во дворцѣ... Да, все по поводу этого злосчастнаго заговора... Когда бывалъ во дворцѣ, не обращалъ на нее вниманія, какъ на женщину, вотъ она и метитъ сейчасъ... Всѣ онѣ одинаковы въ этихъ вопросахъ! Не вѣрите? Ахъ, да говорите вы, чортъ возьми!

И, приподнявъ лежащаго за плечи, онъ повернулъ его лицо къ себѣ

Болталась голова на тонкой, какъ ниточка, шеѣ, оловянные, застывшіе глаза, не мигая, смотрѣли на что-то страшное, расширенные ужасомъ

Слуга былъ мертвъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Новина.

Разсказъ Конст. Лоптина.

I.

Пришелъ и канунъ перваго Спаса послѣ іюля жаркаго, страднаго. Сельскій батюшка въ саду поливаетъ яблони. Расчудесно это у него устроено,—сколько ужъ разъ похвалился передъ гостями и паствой,—изъ колодца выливаетъ бадью въ жолобъ деревянный, собственноручно сколоченный; и вода чистѣйшая, холоднѣйшая струилась въ его огородъ, журчала, сверкала и текла въ бочку, поставленную на торецъ. Наполняя бочку онъ утромъ, а подъ вечеръ, какъ вотъ и сейчасъ, поливалъ согрѣвшейся водой яблони.

Стояла обычная въ страдную пору сухмень, и яблоньки отца Евгенія страдали—валилась, замѣтно даже для глазъ, листва.

Ну, а хочешь отъ плодовъ земныхъ вкусить, такъ и потрудись. И отецъ Евгеній трудился,—ведеръ двадцать уже вылилъ подъ яблоньки. Усталъ и стоитъ, отирая платкомъ лицо покраснѣвшее, потное. Хотя уже предвечеріе полное, но солнце освѣщаетъ все ослѣпительно: и жнивье, колюче топорщащееся на полѣ недалеомъ съ необрунными еще кой-гдѣ крестцами изъ ржаныхъ сноповъ, и сложенные изъ сноповъ же у гумна пучатки, сытыя одонья, и крышу свѣже покрытую у того гумна съ раскрытыми воротами, гдѣ копошится сельчанинъ Степанъ Сатовъ. Солома вездѣ—соломенное это царство.

„Правильный мужикъ: всегда озабоченъ и въ дѣлахъ своихъ твердъ. И хотя нужда его не обходитъ,—вотъ и теперь плавить рожъ, чтобы новины добыть: старая, значитъ, хлѣба не хватило,—а все же у него все въ порядкѣ“,—опѣиваетъ батюшка Сатова.

Видно отсюда его съ завязанной платкомъ шеей, чтобы усомъ ржанымъ не кололо. Надастъ на козла вскинутый высоко надъ головою снопъ, и отъ него дождемъ сыплются зерна ржанія по земляному чистому току. Этого-то уже не видно отсюда, но батюшка знаетъ по опыту собственному — случалось плавить рожъ и ему.

А завтра вотъ эти самыя зерна Степанъ соберетъ въ кувшинчикъ глиняный и въ церковь понесетъ освящать, какъ всѣ пахари дѣлаютъ это въ праздникъ перваго Спаса.

Да, правильный трудъ, святой, угодный Богу: чистый и непогрѣшимый трудъ — отъ земли и солнца человѣкъ кормится плодами рукъ своихъ.

Обрадовался отецъ Евгеній пришедшей въ голову мысли, принялъ ее, какъ наитіе свыше, рѣшилъ: завтра объ этомъ онъ скажетъ труженикамъ во время служенія церковнаго.

И тутъ же осѣнила отца Евгенія радость чистѣйшая творчества.

Захотѣлось пойти и положить на бумагу слова простыя, родившіяся неудержимо не въ головѣ, а въ самыхъ нѣдрахъ, казалось, существа отца Евгенія.

А и уходитъ изъ огорода въ домъ не хотѣлось. Хорошо тутъ, въ тѣни отъ кудрявой, тихо шелестящей листвы яблони, смотрѣть на синее, синее небо.

А какимъ густымъ запахомъ спѣлой ржи тянетъ отъ копенъ и отъ жнивья—благодать.

На огородѣ освѣщена въ упоръ капуста: темною зеленью со свѣтлыми жилками просвѣчиваютъ листья, и сизыми пятнами смотрять они же тамъ, гдѣ свѣтъ падаетъ сверху. Мотыльки порхаютъ надъ ними.

„Однако, что жъ я бездѣйствую?“—и батюшка пошелъ на задворку, громыхнулъ ведеркомъ, сунутымъ въ уголь, и сталъ подниматься на крыльцо. Въ эту минуту густой звукъ вечерняго

Хвосты.

Передвижная выставка 1918 года.

В. Маковскій

колокола доплыть за восемь верст изъ Ковшова.

Отецъ Евгений снялъ шляпу, умренно перекрестился:

„Вечерній звонъ,—хорошо“.

Ковшово—село торговое, большое; тамъ собирались служить всенощную. Отецъ Евгений ограничивался утреней,—село его маленькое и занято страдными заботами.

И пока шагаль черезъ кухню въ свою залу, протекали въ головѣ слова святыхъ, хорошихъ, вечернимъ же звономъ навѣянные.

— Боже, ущедръ ны, благословни ны, просвѣти лице Твое!

Мать-попадья чего-то ворочается на кухню.

— Смотри, отецъ,—какой малины въ лѣсу мы набрали.

Отецъ Евгений заглядываетъ въ посудину—въ бѣломъ фаянсъ сочная, душистая, восхищаетъ взоръ малина.

— Божій даръ,—батюшка кладетъ щепотку въ ротъ, улыбается.

Въ палисадникѣ переднемъ ливня сирени просвѣчена солцемъ; подъ нею мелькаетъ розовый бантикъ Клавдіи, дочери.

„Ну, пусть ихъ, ужъ я пойду, потружусь“. И онъ повѣсилъ свою шляпу и сталъ умываться водой холодной, освѣжающей.

А потомъ пошелъ въ залу, сѣсть къ столу, досталъ бумаги и сталъ накидывать свое „обращеніе къ пастырь въ день перваго Спаса“.

Напряженіе мысли не утруждало сейчасъ отца Евгения, какъ это случалось въ другой разъ. Мысли приходили легко, волновали радостно—только. За открытымъ окномъ въ палисадникѣ слышался дѣвичій говоръ и смѣхъ. И онъ теперь ласкалъ только слухъ, такъ же, какъ и визгъ рѣвнившихъ въ поднебесьѣ стрижей, подчасъ пронесившихся стайкой подъ самыми окнами.

Дѣло хорошо подвигалось.

Въ прикрытую дверь комнаты шлепалась съ той стороны дѣтская ручка, и голосъ внука капризно и настойчиво пищалъ:

— Дидя, кой,—и оянтъ:—дидя, кой,—открой, значить.

Батюшка уже собирался открыть, но тутъ неожиданно явилась удачная мысль, и хотѣлось ее скорѣе набросать на бумагу.

А за дверью внукъ уже плакалъ—видимо, кто-то оттаскивалъ его за ручку отъ двери. Отецъ Евгений не стерпѣлъ, поднялся.

— Ну что, малыши, къ дѣдѣ захотѣлъ? Ну, иди, иди.

У малышка заплаканная рожица основательно вымазана маминой.

Увидя „дидю“, онъ просіялъ, запросился на руки.

Матушка, замѣтивъ неписанную на столѣ бумагу, запротестовала:

— Такъ вѣдь онъ же тебѣ помѣшаетъ.

— Не помѣшаетъ, вотъ посажу себѣ на колѣни, онъ и поспитъ; пусть хоть бородой моею займется, онъ любитъ дѣдину бороду трепать.

— Ну, какъ же такъ, вонъ и эти сороки тоже въ палисадникѣ трещатъ безъ умолку—надо имъ сказать.

— Не надо, мать, очень тебя прошу—никто мнѣ не мѣшаетъ. Просто Богъ послалъ мнѣ удачныя мысли, и я ужъ справлюсь съ этимъ дѣломъ безъ всякихъ помѣхъ.

— А какъ же, помнишь, на Вербоное воскресенье ты такъ же писалъ, такъ раздражался тогда на насъ.

— Да, было, было,—припоминалъ батюшка,—вѣрно, это отъ постаного вкупшенія, или такъ что-нибудь не по наитію я тогда писалъ. А когда по наитію, то ничто не помѣха.

И отецъ Евгений написалъ свободно, легко все, что хотѣлъ.

Но когда перечелъ, сдѣлалъ много поправокъ, и все-таки, казалось ему, выходило это какъ-то не то, что такъ ярко представлялось въ умѣ въ тотъ моментъ, когда стоялъ онъ подъ яблоней. И внукъ тормозилъ къ тому же. Да и жарко было держать его. Какъ будто показался онъ ему тяжелымъ теперь.

И съ облегченіемъ услышалъ звонъ чайной посуды за дверью.

„Это вотъ во благовременіе“.

Съ большимъ облегченіемъ всталъ отъ стола, когда позвали пить чай. „Ну, это потому“...

За столомъ шутили съ дочерью и подругой ея, епархіалкой же, дочерью дьячка. Гости застѣнчиво улыбаются, розовѣла. „Молодое растеть“,—любовался неволью на нихъ отецъ Евгений. У нихъ какой-то между собою секретъ: взглянуть другъ на дружку и разсмѣются. Отецъ Евгений снисходительно улыбается, а мать „одергиваетъ“ дочку:

— Ну, что еще за смѣхъ?..

— Семинары-то васъ и не узнаютъ, комплименты будутъ вамъ говорить,—подшучиваетъ отецъ Евгений.

— Мы ихъ и не увидимъ,—возражаетъ, улыбаясь, Клавдія.

— Ну, какъ это чтобы не увидѣться, поди, уже есть какіе-нибудь тамъ съ усиками на примѣтъ. Ну, встѣ хотя бы Глоріозовъ.

Петръ—строитель Петербурга.

Передвижная выставка 1918 года.

В. Кучумовъ.

— Глоріозовъ, папа, остался на второй годъ.

— Вотъ это плохо. Можетъ-быть, по вашей винѣ?

Епархіалки смѣются.

— Если все по нашей винѣ, такъ намъ пропадать,—защищается дочь.

Шутили, а мысль о неудавшемся какъ будто словѣ тревожила отца Евгения. И оттого не казались уже душистой малина. И баранки, поданные къ чаю, казались черствы. Да и самый чай показался дешевой. И въ то же время въ безпокойствѣ этомъ было что-то такое, чего не промѣнялъ бы ни на что. И мысль эта угнѣпала.

„Ладно, осилимъ“...—вздыхалъ отецъ Евгений.

И послѣ чаю онъ работалъ надъ словомъ, какъ никогда. Работалъ до тѣхъ поръ, пока почувалъ, что надо оторваться. Вѣдь сегодня нужно творить обычную въ канунъ литургіи молитву.

Когда онъ подыялъ голову и взглянулъ въ окно,—увидѣлъ позолоченный закатнымъ свѣтомъ крестъ церкви и золотисто-зеленое, свѣтлое надъ горизонтомъ, прирѣчными кустами прикрытымъ, небо и вскинувшееся какъ-то къверху необычной формы непельно-сизое облако, сквозь которое мутно голубѣло просвѣтами вѣжное вечернее небо.

II.

Первый Спасъ—праздникъ мужицкій. Если многіе другіе праздники характеръ несутъ всенародный—какъ Троица, Пасха, то первый Спасъ—чисто-крестьянскій. И въ обиходѣ крестьянской жизни онъ—нѣчто такое же нерушимое, какъ крещеніе и вѣнчаніе человека. Мужикъ въ этотъ день извѣка освящаетъ рожь-новину, идетъ въ церковь съ такимъ же дѣловитымъ видомъ, какъ на базаръ или въ волость. Зато и праздникъ этотъ ярко-картиненъ. Со всего прихода стекаются въ церковь старъ и младъ съ бурачками, кувшинчиками, плошками, чашками съ насыпанной въ нихъ рожью-новиной, обмолоченной на гумнѣ между дѣла изъ первыхъ сноповъ. И въ церкви эта посудинка съ рожью и свѣчечкой въ нее воткнутой даетъ свой колоритъ этому празднику. Передъ службою, когда соберется въ церкви достаточно народу, идетъ тамъ шопотъ, ровный, дѣловой. И народъ послѣ жаркой страды, немовѣрныхъ трудовъ, кажется вышедшимъ изъ великой битвы какой-то, которая сожгла имъ кожу, подсушила ихъ, намозолила, исцарапала руки. Но зато теперь, послѣ понесенныхъ трудовъ, они внутренно, душой стали мягче, добрѣе и особенно тутъ въ церкви въ торжественный день освященія новины.

Но вотъ батюшка, въ короткій промежутокъ между утреней и обѣдней побывавшій дома, спѣшно приходитъ и начинаетъ служить. Обѣдня идетъ своимъ чередомъ.

Передъ концомъ сторожъ выноситъ на амвонъ аналой. Батюшка выходитъ изъ алтаря съ листочками въ рукахъ. Дѣловито надѣваетъ очки. Предстоящее слово его немножко волнуется—онъ такъ и не нашель вчера, казалось, то нужно, что явилось ему такъ просто въ мысляхъ, переживаніяхъ подъ яблоней. А тутъ еще батюшка, кося глазъ на лѣвый клиросъ, гдѣ помѣщается хоръ, видитъ тамъ „дачниковъ“, какъ называютъ мужики горожанъ, прѣзжихъ на лѣто. Какъ-то еще эти примутъ его слово? „Но съ Богомъ“...

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Братіе, празднуемъ мы сегодня день перваго Спаса. Возлюбилъ Спаса нашего и Матерь Его Пречистую русскій народъ. И всегда въ дѣлахъ рукъ своихъ призываетъ Его на помощь. Такъ и сегодня. Собралъ съятель жатву и хочетъ сѣять снова зерно. И вотъ, чтобы преуслѣть трудъ его, возсылаютъ молитву къ Спасу своему о помощи. И будемъ надѣяться, братіе, молитва наша будетъ услышана, ибо видитъ Спасъ нашъ трудъ народа Своего, въ погѣ лица добывающаго хлѣбъ свой по завѣту, издревле Богомъ данному. Трудъ

крестьянина—трудъ угодный Ему, и потому пренебрегать имъ мы не должны. Въ послѣднее время многие изъ крестьянства бросаютъ ниву свою трудовую, чтобы найти примѣненіе силамъ своимъ въ городахъ. Проѣзжая селениями, теперь часто видишь заколоченныя досками окна домовъ и покривившіяся безпризорно избушки. И невольно сжимается сердце, какъ подумаешь, что обитатели ихъ гдѣ-то теперь далеко жмутся съ семьями своими въ тѣснотѣ городской, лишеныя солнца, приволья родного, труда привычнаго лишеныя. Не бросаютъ привычной рукой въ землю кормилицу зерна, а дѣлаютъ что-то другое, чужое, что велать имъ наемники. Не въ осужденіе имъ говорю это (батюшка покосился на лѣвый клиросъ), а въ напоминаніе, что не должны они думать, что трудъ ихъ лучше, нужнѣе труда крестьянскаго. Многообразна жизнь государственная и многія отрасли труда этимъ самымъ вызывается. И притокъ туда силъ новыхъ требуетъ постоянно—часть ихъ даетъ и крестьянство. Но только, братіе, помните, что и вашъ трудъ почтенный и не хуже всякаго другого вида труда—а посему безъ нужды мѣнять его на какой-либо другой не слѣдуетъ...

Батюшка говорилъ хорошо, проникновенно, просто. И произвелъ впечатлѣніе не только на простое мужицкое сердце, но и на тѣхъ, отбившихся отъ крестьянскаго дѣла, но не порвавшихъ съ нимъ связи, что были на лѣвомъ клиросѣ и частью разсыпаны между молящимися въ церкви. Слово его всемъ безъ исключенія понравилось и, главное, пошло къ сердцу и разуму многихъ. Батюшка это не то что замѣтилъ, но какъ-то почувствовалъ. И это его удовлетворило, успокоило.

Послѣ обѣдни съ лицами улыбающимися, радостными, исхудалыми и опаленными солнцемъ въ только-что пережитой страдѣ, сняли со стѣнъ предназначенныя для крестнаго хода иконы, хоругви, крестъ. Къ хоругвямъ пристроились франтоватые здоровяки, а иконы брали дѣвушки, попарно держа ихъ за обочины. Ребятамъ достались крестъ и иконы потяжелѣе.

Подъ пестрый радостный звонъ колокольный съ пѣніемъ тропули изъ церкви по берегу. Пройдя вдоль села немного, спустились по отлогому мѣсту на рѣку. У берега плотъ, на плоту столъ, покрытый парчевымъ старенькимъ покровомъ, на столѣ чаша съ рѣчною водою и на ней кропило. Пѣвчіе съ дьячкомъ размѣщаются на берегу подъ кустомъ. Подальше на берегу стоятъ хоругви, иконы. За ними толпа молящихся. Ихъ много и вверху, надъ спускомъ къ рѣкѣ. Оттуда видны поля за рѣкой. Они

ждутъ. Завтра пахарь ихъ вскроетъ плугомъ желѣзнымъ, забьетъ рожью. Батюшка на плоту возглашаетъ, читаетъ Евангеліе. Пѣвчіе поютъ. Муха назойливо пристаётъ къ дьячку, садясь ему на голову; онъ сердится, отгоняя ее, а пѣвчіе исподтишка улыбаются.

Батюшка снялъ свою скуфейку, и здѣсь на солнцѣ видно, что на маковкѣ у него волосы темны, и концы ихъ выпцѣбли, выпцѣвла и бородка. И носъ обожженъ солнцемъ. Возлѣ священника съ одного бока стоитъ сторожъ церковный, а съ другого мальчуганъ лѣтъ девяти со славными дѣтскими глазами, большими, голубыми, застѣнчиво улыбающийся. Онъ въ большихъ сапогахъ, въ мѣшковато сидящемъ на немъ пиджакѣ, уши его оттопырены, отъ фуражки, должно-быть, но въ лицѣ его милое что-то, чистое, дѣтски-застѣнчивое.

Когда батюшка началъ читать Евангеліе, кто-то съ берега подослалъ къ нему другого мальчонку, тотъ что-то ему пошепталъ, и мальчикъ взялся рукой за подвѣшникъ такъ же, какъ это сдѣлалъ уже раньше его съ другого бока сторожъ—должно-быть, этого требовалъ обычай.

Освятить воду въ чашѣ тоекратнымъ погруженіемъ въ нее креста, батюшка кропитъ ею рѣку. Чистые, свѣтлые брызги возвращаются въ тихое спокойное лоно рѣки. Нѣкоторые попадаютъ мальчугану въ лицо, и онъ, мило улыбаясь, морщится.

Изъ-за рѣки съ поля стайкой перебираются въ прибрежные кусты воробьи. На поверхности рѣки расплываются круги отъ играющихъ въ водѣ рыбокъ. Тихо шелестятъ тростинки. За рѣкой надъ кручей отъ набѣжавшаго вѣтра покачиваются розовыя стрѣлы иванъ-чая и желтыя гроздыя дикой рябинки.

Послѣ молебствія поднимаются въ гору, по дорогѣ пѣвчіе поютъ заглушаемое звономъ колокольнымъ „Спаси, Господи, люди Твоя“. Въ церкви происходитъ маленькая суетня, получается какое-то общее обрядовое дѣйство. Косматыя головы наклоняются не спѣша надъ своимъ зерномъ, отходятъ, даютъ мѣсто другимъ. Потомъ держать въ рукахъ загорѣлыхъ съ искривленными отъ работы пальцами посудинки съ новиною и воткнутой въ нее зажженной свѣчкой.

Священникъ читаетъ молитву, просить Бога: „отверзи сокровища нѣдръ Твоихъ земныхъ и небесныхъ“. Потомъ окропляетъ новину. Такъ въ неизмѣнномъ своемъ тихомъ и прекрасномъ круговоротѣ творится жизнь въ этомъ маленькомъ уголкѣ великой нашей мужицкой страны.

Вѣчные холостяки.

Въ началѣ прошлаго столѣтія въ Парижѣ возникъ кружокъ, немало интриговавшій парижское общество. Ничего не было извѣстно ни о цѣляхъ этого кружка ни о мѣстѣ, гдѣ онъ собирался. Названіе членовъ: „неуязвимые“—оставляло обширное поле для предположеній. Но прежде всего бросалось въ глаза, что всѣ члены принадлежали къ лучшимъ фамиліямъ, и въ средѣ ихъ вовсе не было женатыхъ. Постепенно однако загадка разъяснилась. Сначала всѣ были введены въ заблужденіе относительно истинныхъ цѣлей кружка тѣмъ усердіемъ, съ которымъ члены его на балахъ и въ обществахъ ухаживали за дамами; но впоследствии было замѣчено, что ни одно изъ этихъ ухаживаній не завершилось свадьбой. Тайна кружка открылась: онъ состоялъ изъ холостяковъ, рѣшившихъ во что бы то ни стало оставаться холостыми.

Кружокъ состоялъ изъ убѣжденных холостяковъ, поставившихъ себя цѣлью охранять своихъ ближнихъ отъ узъ Гименея и убѣждать ихъ въ прелестяхъ холостой жизни. При этомъ кружокъ раздѣлялся на двѣ партіи: одни были отъявленныя Донъ-Жуаны, ставившіе себя въ обязанность ухаживать за каждой хорошенькой женщиной; другіе, напротивъ того, съ высокомъформнымъ презрѣніемъ взирали на всю прекрасную половину рода человѣческаго. Въ одномъ только пунктѣ обѣ партіи шли рука объ руку: бракъ абсолютно не допускался, и всѣ члены кружка считали себя неуязвимо забронированными отъ прелестей брачной жизни.

Чтобы не обидѣть ни той ни другой партіи, президентомъ общества былъ избранъ поклонникъ, а вице-президентомъ—ненавистникъ женщинъ. Первый, Эмиль Молларъ, несмотря на всю свою приверженность идеѣ

кружка, не могъ противостоять противъ обаятельности женской красоты. Онъ готовъ былъ клясться въ вѣчной любви всемъ женщинамъ на свѣтѣ, но жениться не согласился бы ни на одной. Напротивъ того, вице-президентъ, лейтенантъ флота и закадычный другъ Молларъ, Лашезъ былъ отъявленный ненавистникъ женщинъ. Для него было просто непонятно, какимъ образомъ такой неглупый человѣкъ, какъ его другъ Молларъ, могъ находить удо-

Тверская „коза“. Эскизъ.

Передвижная выставка 1918 года.

П. Субботинъ.

вольстве въ обществѣ женщинъ. Но такъ какъ крайности сходятся, то и обоихъ главныхъ членовъ кружка „неуязвимыхъ“ связывала нѣжвѣйшая дружба; не даромъ же они сходились въ главномъ вопросѣ, составившемъ основную идею кружка, а именно въ отрицаніи брака.

Кружокъ въ началѣ процвѣталъ. Хорошенькія женщины, возмущенныя оскорбительнымъ къ нимъ отношеніемъ „неуязвимыхъ“, вскорѣ поняли, что съ ненавистниками женщинъ лучше всего бороться хитростью, и стали относиться къ нимъ съ особенной любовью. Хитрость удалась. Нельзя играть безнаказанно съ огнемъ. За короткое время большинство вѣтреныхъ мотыльковъ уже обожгло себѣ крылышки о пламя огненныхъ цвѣтковъ, вокругъ которыхъ они кружились. Все больше и больше рѣдѣлъ кружокъ „неуязвимыхъ“, и Молларъ съ Лашезомъ съ трепетомъ ожидали дня, когда они останутся единственными представителями союза.

И дѣйствительно, въ одинъ прекрасный день Молларъ и Лашезъ остались въ кружкѣ одни. Но еще съ большимъ жаромъ исповѣдывали они свою идею. Когда дамы, поддразнивая, спрашивали Моллара, сколько у него осталось приверженцевъ, онъ ударялъ себя въ грудь и гордо отвѣчалъ: „Только одинъ: но зато оба мы вѣрны нашей идеѣ!“ Оба друга не допускали и мысли о распаденіи кружка и всѣми силами старались поддержать его честь, одинъ — направо, а другой — влево. Молларъ въ всѣхъ случаяхъ выражая къ нимъ полнѣйшее пренебреженіе. Когда вскорѣ послѣ того Лашезу пришлось уйти въ море и на долгое время покинуть Парижъ, друзья возобновили взаимную клятву. Какое же было отчаяніе бѣднаго моряка, когда, вернувшись черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ узналъ, что самъ президентъ измѣнилъ своей клятвѣ и... женился.

Долго боролся съ собой Лашезъ, — повидаться или нѣтъ съ клятвеннымъ преступникомъ. Наконецъ желаніе узнать, какія причины могли навлечь на друга „несчастье“, взяло верхъ.

Моряка ввели въ изящно убранную комнату. Старый другъ его сидѣлъ въ покойномъ креслѣ и курилъ сигаретку. Лашезъ, еле сдерживая въ себѣ тягостныя къ другу, холодно пожалъ ему руку и спокойно спросилъ:

— Ты женатъ?

— Да!.. Уже два года.

— И ты очень несчастливъ, конечно? — продолжалъ морякъ убожденнымъ тономъ.

— Напротивъ: очень счастливъ.

— Не можетъ быть. Совершенно невозможно!.. Ты не хочешь сказать мнѣ правды?

— Напротивъ, говорю тебѣ истинную правду. Вотъ видишь ли. Какъ только ты уѣхалъ, счастье повернуло мнѣ спину, какъ будто вмѣстѣ съ тобой исчезла моя счастливая звѣзда. Когда я въ одинъ прекрасный день подсчиталъ свои долги, они оказались настолько велики, что я не могъ выцутаться безъ помощи отца. Отецъ, конечно, не совсѣмъ милостиво принялъ мои признанія и объявилъ, что впредь не будетъ платить за меня ни копейки. Мало того, онъ значительно сократилъ ту сумму, которую раньше давалъ въ мое распоряженіе. Я не зналъ, что дѣлать. Кредиторы прямо грозили посадить меня

— И ты настолько унизился, что ради презрѣннаго металла...

— Подожди, другъ мой!.. Не будь несправедливъ ко мнѣ, — перебилъ Молларъ пріятеля. — Въ одно прекрасное утро отецъ позвалъ меня къ себѣ. „Другъ мой, — сказалъ онъ мнѣ, — я согласенъ еще разъ заплатить твои долги, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы ты женился“. Поставь себя въ мое положеніе!.. Ты знаешь, что золотая свобода для меня дороже всего, и вдругъ мои кредиторы хотѣли лишитъ меня этой свободы. Поэтому, скрѣпя сердце, я далъ свое согласіе, но съ твердымъ намѣреніемъ остаться такъ или иначе вѣрнымъ клятвѣ. Я хотѣлъ только воспользоваться данной мнѣ передышкой, чтобы какъ-нибудь высвободиться изъ петли. Но отецъ, очевидно, все подготовилъ заранее. Черезъ недѣлю я былъ уже представленъ мадемуазель Маріаннѣ де-Саси. Въ душѣ я рѣшилъ сдѣлать все отъ меня зависящее, чтобы она отказала мнѣ. Но, что ты хочешь? Когда я увидѣлъ это нѣжное созданіе, которое до вѣрчиво, такими полудѣтскими глазами смотрѣло на меня, мнѣ стало жаль ее. Я не рѣшился поступитъ съ нею жестоко. И чѣмъ больше я смотрѣлъ на нее, тѣмъ болше она мнѣ нравилась. Темные глаза; хорошенькій ротикъ; гордо вырванные брови; свѣжій, цвѣтуцій цвѣтъ лица; изящная фигура; однимъ словомъ, я нашелъ ее прелестной.

Морякъ издалъ какое-то мычаніе, мало выражавшее сочувствіе. Но Молларъ сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ.

— Я сталъ ухаживать за ней. Но, по своему легкомыслию, все еще надѣялся, что какой-нибудь добрый геній выведетъ меня изъ отчаяннаго положенія. Наконецъ, откладывая свадьбу стало долѣе невозможно, такъ какъ отецъ объявилъ, что только послѣ свадьбы заплатить мои долги, а кредиторы могли съ минуты на минуту потерять терпѣніе и посадить меня въ тюрьму. Наконецъ тягостный день насталъ; я съ ужасомъ готовился подставить шею подъ супружеское ярмо. На лѣстницѣ, ведущей въ мерю, собралась нѣкоторые старые пріятели, которыхъ я въ былое время упрекалъ въ измѣнѣ. Они саркастически пожимали мнѣ руку. Меръ сказала небольшую рѣчь и прочелъ статьи закона. Потомъ спросилъ торжественно:

— Согласны ли вы взять здѣсь присутствующую Маріанну де-Саси себѣ въ жены?

— Въ залѣ царилъ такая тишина, что былъ слышенъ полетъ мухи.

— Нѣтъ!.. — отвѣчалъ я громко.

— Ты не можешь себѣ представить наступившаго волненія. Невѣста и другія дамы попадали въ обморокъ; отецъ мой и отецъ невѣсты яростно бросились на меня. Но я быстро протѣснился сквозь пораженную толпу и далъ тягу.

— Молодецъ!.. — проговорилъ морякъ.

— Не хвали, я не заслуживаю этого, — возразилъ Молларъ. — Рѣшимость сказать „нѣтъ“ явилась у меня только влѣдствіе полученнаго на лѣстницѣ извѣстія, что...

— Ну?

— ...что отецъ утромъ заплатилъ мои долги. Чтобы избѣжать перваго взрыва негодованія, я счелъ необходимымъ укрыться къ отцу, который хотя и сердился на меня, но въ душѣ, кажется, восхищался твердостью моего характера. Такимъ образомъ я снова повелъ прежнюю жизнь, но на нѣсколько болѣе скромную ногу, какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный день, мнѣ доложили, что меня желаетъ видѣть одинъ офицеръ.

— Я являюсь отъ имени моей кузины Маріанны де-Саси, — началъ красивый офицеръ. — Вы нанесли ей глубокое оскорбленіе. Изъ вашего поступка въ мерю можно заключить, что вы считали мою кузину недостойной носить ваше имя.

— И не думалъ! — отвѣчалъ я и подробно рассказалъ молодому человѣку, какія причины вызвали мой образъ дѣйствій.

— Теперь я понимаю ваше поведеніе, — отвѣчалъ кузенъ моей бывшей невѣсты, — но тѣмъ не менѣе долженъ сказать, что вы поступили не по-рыцарски. Если бы кузина и согласилась простить васъ, то оскорбленіе во всякомъ случаѣ пало бы на всю нашу семью. А потому семья имѣетъ право требовать отъ васъ удовлетворенія.

— Я къ вашимъ услугамъ, — возразилъ я.

— Завтра вы должны еще разъ просить у дяди руки моей кузины. Она не сомнѣвается, что родители ея снова дадутъ согласіе; но на этотъ разъ она скажетъ „нѣтъ“ на обычный вопросъ мера. Такимъ образомъ оскорбленіе будетъ взаимно.

„Я боялся, что мнѣ предстоитъ поединокъ съ воинственнымъ кузеномъ Маріанны или съ кѣмъ-либо другимъ изъ ея родственниковъ, и эта перспектива вовсе не улыбалась мнѣ. Поэтому предложенное имъ простѣйшее рѣшеніе вопроса чрезвычайно понравилось мнѣ. На слѣдующій же день, съ необходимыми извиненіями, я возобновилъ свое предложеніе родителямъ Маріанны; оно было принято, и мѣсяцъ спустя мы снова стояли въ мерю.“

„На обращенный ко мнѣ вопросъ, я громко отвѣтилъ „да“, хотя мысль о готовящемся скандалѣ не мало смущала меня.“

„Меръ обратился съ злопучнымъ вопросомъ къ моей нареченной невѣстѣ. Она, прежде чѣмъ отвѣтить, твердо взглянула на меня своими кроткими глазами. О!.. Она смотрѣла настоящимъ ангеломъ въ своемъ подвѣчномъ нарядѣ, и я горько сожалѣлъ, что этотъ ангелъ не будетъ моимъ — и я почувствовалъ, что слезы подступаютъ къ моимъ глазамъ. Вдругъ она произнесла громко:

— Да!

„Сознаюсь, я чуть-чуть...“

— Не сватался съ нею? — перебилъ морякъ.

— Нѣтъ, чуть-чуть не вскрикнулъ отъ радости.

— Да, — проговорилъ Лашезъ послѣ краткаго молчанія, и тяжелый вздохъ вырвался изъ его груди. — Нѣтъ силъ бороться съ женской слабостью...“

Вскорѣ рѣшилъ проблему пола“ и Лашезъ: одинъ въ полѣ не воинъ.“

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Китаевъ монастырь. Стихотвореніе С. Андреевскаго. — Законъ. Разсказъ Ивана Островнаго. — Латюль — узникъ Бастали. Разсказъ Е. Фортунато. — Новина. Разсказъ Константина Лоптина. — Вѣчные холостяки.

РИСУНКИ: Передвижная выставка 1918 г. Работы В. Маковского, И. Колес-

никова, Н. Кузнецова, И. Владимірова, Г. Савицкаго, А. Лаховскаго, А. Шмидера, П. Суботина, В. Кучумова.

Къ этому № прилагается „Полнаго ообраія сочиненій А. И. Герцена“ книга II.

ЖИЗНЬ

1918 г.

XLIX г.
издания.

№ 29

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРЬЕВА („Великая Французская Революція“).
Выданъ 20 июля 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—36 р., на 1/2 г.—18 р., на 1/4 г.—9 р. Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 к.

Главная Контора и Редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Осенняя луна.

Луна осенняя надъ желтыми листьями
Уже готовящихъ свой зимній сонъ деревь
Похожа на ночной чуть слышимый напѣвъ,
Въ которомъ прошлыхъ дней мы прежніе, мы сами
Мы были цѣльными, мы стали голосами,
Расцвѣтами цвѣли, и стали ждущій сѣвъ,
Госквемъ о любви, къ землѣ отяготѣвъ,

Поющую луну мы слушаемъ глазами.
Среброчеканная безмолвствуетъ рѣка,
Восторги лѣтнихъ дней какъ будто истощили
Теченье этихъ водъ въ играньи влажной пыли.
И стынеть, присмирѣвъ, безгласная тоска.
Себя не утоливъ отъ бывшихъ изобилій,
Слѣдимъ мы, какъ скользятъ мгновенія въ вѣка.

К. Бальмонтъ.

Голодь.

Петербургская выставка 1918 г.

Г. Савицкий.

Латюдь—узникъ Бастилии.

Разсказъ Е. Фортунато.

(Окончаніе).

V.

Конѣцъ февраля 1756 года. Въ одной изъ камеръ Бастилии, находящейся въ башнѣ Сокровищъ (tour du Tresor), двое почти догولا раздѣтыхъ узниковъ склонились надъ работой. Въ камерѣ очень холодно, но они не чувствуютъ этого, оба взволнованы, оба жестикулируютъ.

Это Данри и его товарищъ по заключенію Антуанъ д' Аллегръ, инженеръ.

Д' Аллегръ уже шесть лѣтъ томится въ тюрьмѣ за письмо къ Помпадуръ съ какимъ-то самымъ невиннымъ совѣтомъ. Говорятъ тоже про другое анонимное письмо, написанное главному камердинеру всеисильной маркизы, въ которомъ камердинеру сулили 100.000 экю, если онъ отравитъ свою госпожу.

Д' Аллегръ очень уменъ, образованъ и до крайности нервенъ. Онъ клеймилъ маркизу Помпадуръ уже въ тюрьмѣ своими ядовитыми сарказмами. Она не можетъ этого ему простить, и, говоря, онъ заключенъ пожизненно.

Д' Аллегръ беспокойный узникъ. Умъ его все время неустанно работаетъ; онъ пишетъ сочиненія о гидравлическихъ работахъ, проектируетъ, онъ требуетъ картона и инструментовъ для своихъ чертежей, говоритъ о своихъ знаменитыхъ открытіяхъ. Онъ вспыльчивъ и жестокъ. Служебный персоналъ измученъ имъ и считаетъ его во многомъ ненормальнымъ. За малѣйшее неисполненіе своей просьбы онъ грозитъ самоубійствомъ, поднимаетъ такой скандалъ, что по всей тюрьмѣ разносятся его вопли, и такъ настойчивъ, что всегда добивается своего. Въ припадкѣ раздраженія онъ однажды убилъ нагрубившаго ему сторожа, но это дѣло замаяли. Д' Аллегра считаютъ опаснымъ и еще надѣются получить отъ него многія важныя разоблаченія, поэтому ублажаютъ его и дали ему въ товарищи Данри, чтобы имъ обоимъ не такъ было скучно.

Они удивительно подошли другъ къ другу, и служебный персоналъ Бастилии вздохнулъ наконецъ нѣсколько спокойнѣе, когда соединились два самые требовательные и раздражительные узника.

Всѣ знаютъ ихъ. Офицеры гарнизона Бастилии часто и подолгу съ ними разговариваютъ. Д' Аллегръ въ совершенствѣ знаетъ высшую математику, изучилъ механику, умъ его всесторонній и изворотливый, онъ все схватываетъ на лету.

— Его приятно слушать, это такой блестящій фейерверкъ,—говорятъ офицеры.

— А что представляетъ собою Данри?

— Данри,—это второй томъ д' Аллегра.

И вотъ теперь оба тома соединились вмѣстѣ.

Данри подъ сильнымъ влияніемъ своего новаго друга. Познакомившись, они вначалѣ еще больше беспокоили служебный персоналъ разными сообщая придуманными выходками. Потомъ совершенно измѣнили обхожденіе, стали изумительно вѣжливы и какъ-то затихли. И о нихъ забывали, они больше никому не мѣшали.

— Черезъ два-три дня,—говоритъ д' Аллегръ.

Данри торжественно киваетъ головой.

Черезъ два-три дня они будутъ свободны. Восемнадцать мѣсяцевъ упорнаго, неустаннаго труда. Восемнадцать мѣсяцевъ они все подготавливаютъ къ бѣгству, и теперь уже близокъ этотъ желанный день.

Оба ходятъ голые не потому, чтобы имъ нечего было надѣть. Какъ пенсионеры короля, они требуютъ постоянно новыхъ комплектовъ бѣлья. Недавно еще писали просьбы министру, чтобы имъ прислали рубашекъ и какъ можно больше платковъ, и просьбы ихъ были удовлетворены. Они ходятъ голые, чтобы бѣлье не изнашивалось, каждый кусочекъ полотна нуженъ имъ. Между двойнымъ поломъ хранятся въ люкѣ ихъ сокровища,— всѣ необходимые инструменты, которыми они подготавливали путь къ спасенію, 1.400 футовъ веревочной лѣстницы, веревки скрученны изъ бѣлья, разрѣзаннаго на полоски, и деревянная складная верстанка въ двѣсти ступеней, сдѣланная изъ дровъ, которая имъ подагались на отопленіе. Оттого въ камерѣ такъ холодно.

Восемнадцать мѣсяцевъ они работали ночи напролетъ и свои инструменты называли условными именами, на случай, если ихъ подслушаютъ. Врядъ ли хватало бы такой настойчивости у Данри, если бы не твердость воли д' Аллегра.

Въ побѣгѣ онъ видитъ единственный способъ спасенія и страстно жаждетъ свободы. Изобрѣтательности его нѣтъ границъ, это онъ все придумалъ, вычислилъ и рассчиталъ. Онъ выберется на вершину башни Сокровищъ черезъ дымовую трубу. Въ ней двѣсти футовъ вышины, и вся она была перегорожена желѣзными рѣшетками. Теперь эти препятствія для нихъ не существуютъ. Но какой адскій трудъ! Прутья рѣшетокъ были вдѣланы въ кирпичныя стѣны, и все замазано цементомъ. Когда не хватало воды, приходилось этотъ цементъ размачивать слюнами и потомъ выковыривать особаго рода долотомъ. Приходилось работать въ темнотѣ, скрюченнымъ, ползкомъ, придерживаясь одной рукой, чтобы не упасть. За долгую ненастную ночь, когда въ трубѣ

зловѣще завывалъ вѣтеръ, удавалось разрушить пространство пемента въ какой-нибудь палецъ толщины. Ложились спать уже на разсвѣтѣ, измученные, нахолодавшіеся, но съ вѣрой въ близкую свободу.

Вначалѣ были долгіе споры, при чемъ убѣждалъ всегда д' Аллегръ. Теперь все обдуманно до мельчайшихъ подробностей. Рѣшетки всѣ вынимаются изъ трубы и вставлены теперь только для вида, на случай внезапной ревизіи. Путь свободенъ. Они поднимутся по трубѣ на вершину башни, д' Аллегръ уже былъ тамъ нѣсколько разъ. Поднимутся, захвативъ съ собою складную верстанку и по ней спустятся въ ровъ, тамъ впаивъ до другого берега, и тогда останется одно препятствіе,—наружная стѣна, окружающая ровъ.

— Камень въ основаніи этой стѣны у воды долженъ быть рыхлымъ,—рѣшаетъ д' Аллегръ. — Она построена еще при Карлѣ V, когда Бастилія, какъ крѣпость, была защитой при въѣздѣ въ городъ отъ вторженія англичанъ. Камень известковый, вода за эти сотни лѣтъ разрыхлила его, мы легко въ немъ продѣлаемъ брешь и такимъ образомъ проберемся черезъ стѣну.

— Можно было бы опять подняться по лѣстницѣ на стѣну и потомъ спуститься,—заикнулся Данри.

— Да, если будетъ темно... Но-все таки это опасно... Вѣдь тамъ на бастіонахъ стоятъ часовые, насъ легко замѣтятъ, а внизу во рву у стѣны никто не увидитъ...

И рѣшено сдѣлать брешь въ стѣнѣ. Развѣ только при исключительно благоприятной для побѣга погодѣ можно попробовать по лѣстницѣ вскарабкаться на стѣну и потомъ спуститься.

Д' Аллегръ все предвидѣлъ. Заранѣе приготовленъ непромокаемый мѣшокъ изъ клеенки, вытребованныхъ у доктора для компрессовъ, въ него они возьмутъ по смѣнѣ бѣлья и сухую одежду,—придется перебираться впаивъ черезъ рвы.

— Вода во рвахъ иногда пересыхаетъ...

— Но иногда, наоборотъ, наполняетъ рвы до краевъ, я все это давнымъ-давно изучилъ...

И Данри соглашался.

Съ какимъ трудомъ сдѣлали они необходимые инструменты изъ желѣзныхъ скобокъ складнаго стола, изъ перекладинъ кровати. Въ одну изъ разрѣшенныхъ прогулокъ по бастіонамъ они случайно нашли оставленныя землекопачами лопаты и заступы и потомъ ночью, выбравшись черезъ трубу, съ опасностью жизни унесли ихъ къ себѣ.

Орудія эти были передѣланы и приспособлены къ ихъ нуждамъ. Такъ завелась у нихъ пила, стамески, совочки, ножи—соковыща, которыми они съ любовью прятали на развѣтѣ между двойнымъ поломъ, вынувъ изъ своего пола нѣсколько кирпичей.

Восемнадцать долгихъ мѣсяцевъ! Смѣнялись времена года, и все тотъ же упорный трудъ.

Работая на сквознякѣ въ трубѣ, Данри нажилъ себѣ ревматизмъ и очень страдалъ.

— Что значитъ физическая боль, когда душа горделиво стремится ввысь!—утѣшалъ его д' Аллегръ, — а главное: мы никому не обязываемся, вся наша сила вотъ!—онъ стучалъ себя по лбу.

Бѣлье выцѣпывали по ниткамъ и изъ нихъ скручивали веревки. Все не хватало, поневолѣ приходилось ходить голыми. Носильное бѣлье они считали своей собственностью. Изъ казеннаго постельнаго бѣлья и полотенецъ никогда цѣликомъ ничего не брали.

— Мы не унизимся до кражи!—заявлялъ д' Аллегръ.

Но если бы сторожа были внимательнѣе, они замѣтили бы, что за эти полтора года каждый разъ, что плѣнники сдавали простыни и полотенца въ стирку, эти „казенные“ предметы становились короче.

И теперь все готово.

— Это будетъ 25-го февраля, черезъ три дня,—рѣшаетъ д' Аллегръ.

И, въ благоговѣйномъ молчаніи кивая головой, Данри соглашается съ нимъ.

Имъ на умъ не приходитъ, что на свободѣ ждутъ ихъ лишенія, нищета. Кажется, что постѣ ихъ нечеловѣческаго труда не можетъ быть уже такихъ мизерныхъ препятствій въ жизни, какъ деньги. Весь свѣтъ будетъ изумленъ ихъ изобрѣтательностью, искусствомъ ихъ побѣга.

— Какъ нужно было страдать, чтобы на все это вѣшиться!—хватается за голову д' Аллегръ.

И рыданія не даютъ Данри говорить.

Они отвыкли спать за эти неустанныя ночи работы. Сейчасъ имъ нечего дѣлать, но вотъ сидятъ, не ложатся.

Д' Аллегръ то и дѣло вскакиваетъ, его всего дергаетъ, такъ онъ нервенъ.

— Но они не смѣютъ считать насъ ворами и меззавцами!—вскрикиваетъ онъ.—я имъ напишу письмо.

— Офицерамъ?—догадывается Данри.

— Офицерамъ, смотрителю тюрьмы, сторожамъ. всѣмъ, кто здѣсь останется и будетъ пораженъ нашимъ побѣгомъ.

Латюдь—узникъ Бастили.

(Музей Карнавалѣ).

Вестье.

И, взявъ большой лист бумаги, д'Аллегрэ тщательно выводит прощальный привѣтъ: „Мы уходимъ, но ничего не уносимъ съ собой, можете въ этомъ убѣдиться. Намъ не надо вашего добра. Мебель въ цѣлости. Бѣлье тоже. Мы изорвали только старыя, никуда негодныя простыни, а новыя въ сохранности, просимъ провѣрить. Если не хватитъ полотенецъ, можете найти ихъ за рвомъ на томъ берегу. Мы уносимъ нѣсколько штукъ, чтобы оберечь свое тѣло.“

„Non nobis, Domine, non nobis, sed nomine Tuo da gloriam.“

„Scito cor nostrum et cognosce semitas nostras“.

(„Не намъ слава, Создатель, не намъ, а имени Твоему. Взгляни въ наши сердца и узришь пути наши“ *).

— Вотъ! — радостно поднимаетъ д'Аллегрэ озаренное улыбкой счастья лицо.

Данри кидается въ его объятія и рыдаетъ.

VI.

„Jugez de mes peines par mes plaisirs“.— Duchesse du Maine **).

Опять казематъ Бастилии и крошечное окопечко-щель, выходящее на мутную воду рва. Сейчасъ, лѣтомъ, вода эта загнила. Отвратительнымъ удушливымъ воздухомъ наполненъ казематъ.

И все-таки Данри полулежитъ на подоконникѣ, вглядываясь въ мутную воду невидящими глазами. Руки въ кандалахъ на этомъ каменномъ подоконникѣ хоть немного отдыхаютъ, и не такъ нестерпимо ноютъ ноги. Онъ смотритъ въ окно и машинально высчитываетъ его ширину. Тамъ, у наружной стѣны, оно начинается гораздо болѣе широкимъ отверстіемъ и замѣтно суживается, превращаясь въ щель.

Но умъ работаетъ только нѣсколько мгновений, потомъ опять полная апатія. Въ такомъ состояніи Данри томится день и ночь съ тѣхъ поръ, какъ послѣ удачнаго побѣга и трехъ мѣсяцевъ свободы его арестовали въ Амстердамѣ.

Полтора года приготовленій къ бѣгству! Въ какомъ нервномъ напряженіи они жили, какъ блистательно выполнили свой планъ! И для чего? — Для того, чтобы опять-таки попасть въ тюрьму изъ-за борьбы съ нищетой.

Онъ считалъ себя въ безопасности въ чужой странѣ, но побѣгъ его вызвалъ сенсацию, о немъ говорила вся Европа, власти вошли въ соглашеніе съ правительствами другихъ странъ. Когда онъ явился въ банкъ получить двѣсти ливровъ, высланныхъ ему матерью, его арестовали.

д'Аллегрэ былъ арестованъ почти тотчасъ же послѣ бѣгства. Но, говорятъ, онъ опять написалъ дерзкое письмо маркизѣ Помпадуръ.

Сейчасъ у Данри нѣтъ защитниковъ, съ нимъ поступаютъ очень строго. Многое измѣнено въ режимѣ заключенныхъ послѣ ихъ побѣга, посажены въ казематы сторожа. Большія перемены въ служебномъ персоналѣ.

„И ни одному живому существу на свѣгѣ нѣтъ до меня дѣла“, — думаетъ Данри.

Эта мысль его особенно угнетаетъ, не даетъ покоя, лишаетъ сна. Впрочемъ, онъ предпочитаетъ не спать. Снится всегда самое ужасное изъ недавнихъ переживаній: когда его арестовали тамъ, въ банкѣ въ Амстердамѣ, и окружили со всѣхъ сторонъ, онъ пробовалъ сопротивляться, его возмутило, что французскія власти распорядились въ чужой странѣ, что даже на нейтральной почвѣ ненавистная ему маркиза Помпадуръ можетъ быть всемогущей. Онъ вырывался отъ нихъ, и они били его палками и этими ударами подгоняли, когда вели по улицѣ.

Били его, аристократа по рожденію, человѣка исключительно способнаго, какимъ онъ привыкъ себя считать, и какимъ находилъ его д'Аллегрэ... И вотъ отъ одного особенно сильнаго удара по затылку онъ потерялъ сознаніе. Этотъ ударъ до сихъ поръ чувствуетъ онъ и наяву и во снѣ.

Снится тоже возбужденная бушующая толпа на улицѣ. Законнаго въ кандалы его ведутъ среди озвѣрѣвшихъ людей. Такъ было на самомъ дѣлѣ. И ни одного слова участія, отовсюду брань, оскорбленія. Какъ легко всѣ повѣрили заявленію, что такого негодяя, какъ онъ, ни одна страна не имѣетъ права приютить!

Портретъ брата художника.

Передвижная выставка 1918 г.

И Рѣпинъ.

— И ни одному живому существу нѣтъ дѣла до меня! — съ воплемъ вырывается изъ груди Данри.

Онъ закрываетъ глаза. Минуты, часы? Время такъ нестерпимо тянется. Онъ все забылъ, не можетъ сосчитать, сколько недѣль, мѣсяцевъ томится онъ въ этомъ вонючемъ казематѣ. И вздрагиваетъ отъ сознанія, что кто-то пристально на него смотритъ. Раскрываетъ глаза и въ глубинѣ окна у наружной стѣны видитъ большую, пушистую, коричневатую крысу.

Живое существо. Тогда, когда онъ чувствовалъ себя такимъ нестерпимо одинокимъ!

Измученное лицо Данри широко, по-дѣтски улыбается. Крыса не изъ пугливыхъ, не убѣгаетъ, когда онъ шевельнулся и зазвенѣли кандалы. Судьба сжалилась надъ нимъ и посылаетъ ему друга.

Данри идетъ за своей недоѣденной порціей хлѣба и, хотя крыса убѣжала, увѣренъ, что она вернется опять.

Въ эту ночь Данри послѣ долгихъ мѣсяцевъ спитъ наконецъ крѣпко, спокойно и безъ грезъ.

Крыса вывела его изъ апатіи. Опять въ немъ проснулась энергія, предприимчивость, заронились мысли въ головѣ, опять онъ сталъ требовательнымъ и беспокойнымъ, считая, что всѣ виноваты передъ нимъ.

Крысу онъ очень скоро приручилъ, она ѣстъ хлѣбъ изъ его рукъ, всакиваетъ на его ложе, онъ почесываетъ ей спинку, она привела къ нему свою самку, онъ изучаетъ ихъ нравы, смѣется, когда они дерутся и играютъ.

Объ этой новой странной дружбѣ стало извѣстно всей Бастиліи. Крысу приходятъ смотрѣть офицеры гарнизона Бастиліи, смотритель тюрьмы, о ней рассказываютъ даже вновь назначенному начальнику полиціи Сартину.

Но забавы съ крысой уже не удовлетворяютъ Данри. Проснувшаяся энергія требуетъ исхода.

Онъ, какъ д'Аллегрэ, будетъ писать научныя сочиненія, проекты, сдѣлается знаменитымъ. Онъ найдетъ способъ познакомить со

* Мемуары Латюда.

** „Судите о моихъ страданіяхъ по моимъ развлеченіямъ“.

своими трудами народъ. Его сочиненія отпечатываютъ въ Англіи, и они сдѣлаютъ его безсмертнымъ.

Данри требуетъ бумаги и чернилъ, но ему отказываютъ. Онъ не останавливается передъ этимъ: изъ пражки штановъ дѣлаетъ себѣ что-то въ родѣ ножа, изъ рыбьей кости—перо. Изъ хлѣбнаго мякиша лѣпитъ дощечки, смачивая ихъ слюной, и на нихъ пишетъ... кровью.

Всѣ пальцы его исколоты придуманнымъ имъ ножомъ, онъ выпускаетъ изъ нихъ кровь, они воспалены и нестерпимо болятъ. Но кровь замѣняетъ чернила, а чернила надо такъ много!

Данри копитъ кровь въ стаканѣ и разбавляетъ ее водой. Пишетъ сначала письма, жалобы и просьбы всѣмъ, кому только можно, потомъ на такихъ же дощечкахъ пишетъ свои научные труды.

Сартину докладываютъ объ этихъ кровью исписанныхъ дощечкахъ, и онъ разрѣшаетъ ему дать бумагу, чернила и перья.

Онъ приказываетъ также перевести Данри въ другой казематъ, когда вода при разливѣ начинаетъ заливать его полъ.

Данри продолжаетъ кормить цѣлую семью крысъ, приручилъ тоже голубей, зоветъ ихъ по именамъ. Они охотно къ нему прилетаютъ, подъ его игру на дудкѣ что-то выплывають на полу. Одновременно съ этимъ онъ пишетъ свои мемуары и два научныхъ труда: о томъ, какъ выстроить въ Парижѣ хранилища для зерна и хлѣба, чтобы этими запасами спасти населеніе въ случаѣ надвинушагося голода, и о томъ, какъ преобразовать армию и по-новому вооружить ее.

Вновь назначенный начальникъ Бастиліи графъ де-Жюмиллякъ заинтересовался необычнымъ узникомъ и добился разрѣшенія перевести его изъ каземата въ камеру.

Всѣ облегченія своей участи Данри принимаетъ, какъ должное. Къ нему внимательны, — потому что его боятся. О, онъ можетъ теперь сдѣлать такія разоблаченія про жизнь въ Бастиліи, что имъ всѣмъ не поздоровится! И когда проходятъ порывы озлобленія, онъ требуетъ къ себѣ духовника.

Является иезуитъ Гриффе, осторожный, ловкій, умный. На его обязанности выпытывать тайны заключенныхъ и потомъ доносить о нихъ агентамъ чернаго кабинета.

Въ Данри онъ видитъ человѣка исключительнаго и увѣренъ, что главные нити заговора Данри до сихъ поръ скрываетъ. Но ему ничего не удастся отъ него выпытать, и онъ проповѣдуетъ смиреніе, смиреніе прежде всего.

Подъ вліяніемъ проповѣдей духовника Данри опять думаетъ о своемъ злѣйшемъ врагѣ—маркизѣ Помпадуръ уже безъ злобы. Онъ по-дѣтски радуется, что къ нему въ окно прилетѣли два бѣлыхъ голубка рѣдкой красоты, и съ громадной настойчивостью и терпѣніемъ начинаетъ приручать ихъ, — это будетъ его подарокъ маркизу.

Голуби прелестны. Не мало труда онъ положилъ на нихъ. Черезъ тюремное начальство онъ добивается возможности послать ихъ маркизу Помпадуръ.

Пишетъ при этомъ письмо, полное достоинства, очень сдержанное. Ни упрековъ ни жалобъ, и лишь въ концѣ многозначительно подписывается:

„Данри, заключенъ въ Бастиліи одиннадцать лѣтъ за мальчишескую выходку“.

Начальникъ полиціи Сартинъ все чаще и чаще прѣзжаетъ въ Бастилію и навѣщаетъ Данри. Онъ очень уменъ, можетъ быть очаровательнымъ и держитъ себя съ заключеннымъ такъ просто, что Данри даетъ ему совѣты и разсуждаетъ, сколько король уплатитъ ему за его проектъ о новомъ вооруженіи армии.

Кормить его попрежнему очень хорошо, но онъ требуетъ большаго припасовъ, потому что у него очень много звѣрей. Семейство крысъ увеличилось на 28 штукъ, цѣлыя стаи голубей разгуливаютъ у него по полу, ѣдятъ хлѣбъ, пьютъ изъ блюдечекъ, лачкаютъ.

Служители злятся на это. Надоѣлъ Данри тоже офицерамъ своими безконечными требованіями. Всѣ ворчатъ на него, что вѣтъ отъ него покоя.

— Да перебейте вы всѣхъ этихъ голубей, вѣдь у насъ же не птичникъ!—приказалъ дежурный офицеръ сторожу.

Данри сидитъ за столомъ съ перомъ въ рукахъ. Вокругъ него прыгаютъ и воркуютъ его любимцы. Огня раскрыты; холодно; но для голубей онъ не закрываетъ ихъ, и въ эту морозную ночь такъ красиво свѣтитъ луна.

Данри растроганъ. Всѣмъ несчастнымъ хотѣлъ бы онъ облегчить ихъ участь. Онъ думаетъ о вдовахъ и сиротахъ убитыхъ на войнѣ воиновъ. Если бы обезпечить ихъ пожизненной пенсіей? Государство могло бы это сдѣлать. Мало ли какія новыя статьи дохода можно придумать! Напримѣръ, если увеличить оплату почтовыхъ знаковъ хотя бы на три денье, это совершенно ни для кого не обременительно, а отъ этого образуется громадный капиталъ, на который можно учредить великое дѣло, и убитые герои будутъ спокойны за своихъ близкихъ въ своей загробной жизни.

Скрипятъ тяжелыя двери. Входятъ два сторожа. Шумно и спѣшно закрываютъ окна. Начинаютъ ловить голубей.

— Что вы? Зачѣмъ? — отрывается отъ бумаги Данри. — Оставьте!

Сначала не отвѣчаютъ, потомъ бормочутъ:

— Приказано всѣхъ ихъ перебить... Не птичникъ у насъ...

И кровью наливаются глаза Данри, когда онъ видитъ, какъ птицы бьются въ рукахъ сторожей.

— Самъ, самъ!—изступленно кричитъ онъ и душитъ своихъ любимцевъ скрюченными пальцами, какъ звѣрь, кидается на нихъ съ безумными глазами, потомъ, съ пѣной у рта, падаетъ на полъ, потерявъ сознание.

Перепуганные служители докладываютъ начальству, что заключенный Данри сошелъ съ ума.

VII.

Тюремный режимъ смягченъ для узника Данри, хотя онъ опять въ казематѣ. По настоянію Сартина ему разрѣшены ежедневныя прогулки по бастионамъ. Онъ не гуляетъ, а бѣгаетъ, громко поетъ, нервный до крайности.

„Я не бродячій пёсъ и не проходимецъ, я такой же человѣкъ, какъ вы, — пишетъ онъ Сартину, — распорядитесь, чтобы меня перевели изъ каземата въ камеру“.

Сартинъ не сердится на эту дерзость, улыбается и, когда Данри переводятъ въ камеру, приходитъ его навѣстить.

— Все работаете?—съ любопытствомъ бѣгаютъ глаза министра по грудамъ бумагъ.

— Да, сейчасъ я пишу большой научный трудъ объ истинной причинѣ прилива и отлива океана.

— А мемуары свои уже написали?

Данри улавливаетъ нѣкоторую тревогу въ голосѣ Сартина.

— Написалъ. Хотѣли бы прочесть? Или, можетъ-быть, желаете откупиться, чтобы попрежнему никто ничего не зналъ о жизни въ Бастиліи? Я дешево не отдамъ, мнѣ надо быть богатымъ...

— Ну, поговоримъ въ другой разъ,—смѣется Сартинъ и уходитъ.

Вкрадчивый и мягкій, онъ со всѣми ужбеть ладитъ, пропускаетъ дерзости Данри мимо ушей и попрежнему къ нему благоволитъ.

А Данри опять бунтуетъ. Что ни день, то новыя требованія. Онъ всѣхъ утомятъ. Его имя мелькаетъ чуть не во всѣхъ рапортахъ дежурныхъ офицеровъ.

Маіоръ Шевалье докладываетъ начальству, что заключенный Данри становится буйнымъ, поднять невообразимый скандалъ изъ-за того, что въ постный день ему къ ужину подали яйца, артишоки и шпинатъ, требовалъ, чтобы немедленно вечеромъ послали на рынокъ за рыбой.

„Онъ пересыпаетъ свою рѣчь такими ругательствами, какихъ не слышали стѣны Бастиліи, — заканчиваетъ Шевалье свой рапортъ,—полагаю, что ему мѣсто не въ Бастиліи, а въ Бисетрѣ, рядомъ съ простолудинами“.

И черезъ нѣсколько дней послѣ этого тотъ же Шевалье писалъ:

„Сегодня Данри швырнулъ блюдо съ дичью сторожу въ лицо, за то, что дичь была не шпигованной“.

Было что-то неукротимое въ характерѣ узника, и ни долгіе годы тюрьмы, ни болѣзни, ни страданія не могли сломить его. Наоборотъ, самоцѣннѣе его все развивалось, и онъ становился все требовательнѣе.

Комиссаръ Рошебрюкъ въ рапортѣ своемъ докладывалъ начальнику тюрьмы:

„Заключенный Данри требуетъ темно-синій халатъ съ красными полосками. Искали такую матерію въ 12 магазинахъ и нигдѣ не можемъ ее найти. Думаю, что пора сократить причуды этого узника“.

Но у начальника полиціи были свои планы, и онъ причуды Данри не сокращалъ, а поощрялъ, надѣясь, что умѣлой тактикой лучше своихъ предшественниковъ сумѣетъ выпытать тайну Данри. Пусть съ тѣхъ поръ прошли долгіе годы, но король скучаетъ, и короля надо развлекать сенсационными дѣлами. Рошебрюкъ пытался отыскать искры заговора подъ пелюхомъ былого.

— Вы считаете мою вину передъ королемъ очень большой?—пытливо всматривается Данри въ лицо начальника полиціи.

— Какъ я могу о ней судить, когда вы мнѣ ничего не рассказываете?

— Но въ дѣйствительности вѣдь вины нѣтъ никакой; они передо мной виноваты... Пришлите мнѣ адвоката и писца, я долженъ приготовить къ суду.

И эти причуды исполнены. Но въ самомъ скоромъ времени писецъ проситъ уволить его отъ работы при заключенномъ Данри.

„Данри желаетъ,—пишетъ онъ,—чтобы я три недѣли жилъ при немъ и не только днемъ, но и ночью записывалъ все, что онъ будетъ мнѣ говорить, при чемъ заявилъ, что ему надо будетъ подробно описать 180 случаевъ, когда его околдовали. Кромѣ того онъ показалъ мнѣ груды бумагъ, исписанныхъ такимъ псчеркомъ, котораго невозможно разобрать, и говоритъ, что эти бумаги надо переписать для него въ ближайшіе дни. Я считаю долгомъ заявить, что не могу взять на себя всей этой работы“.

Адвокатъ былъ у Данри только одинъ разъ и, выйдя изъ его камеры, заявилъ начальнику тюрьмы, что заключенному мѣсто не въ Бастиліи, а въ домѣ для умалишенныхъ въ Шарантонѣ.

— Когда онъ меня спросилъ, вѣрю ли я въ колдовство, и настойчиво утверждалъ, что нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что

маркиза Помпадуръ и ея братъ де-Марины колдунъ и колдунья,— я, конечно, разсмѣялся, а онъ злобно накинудся на меня и съ пѣной у рта заявилъ мнѣ, что, вѣроятно, демонъ уже вселился въ меня, оттого я такъ къ нему отношусь.

Въ сентябрѣ 1764 года, перебирая бумаги по дѣлу узника Данри, Сартинъ нашелъ трогательное письмо матери Данри, Жанны д'Обреси, написанное еще въ 1759 году.

Она умоляла освободить ея несчастнаго сына или чѣмъ-либо смягчить его участь.

Сартинъ съ этимъ письмомъ пріѣхалъ въ Бастилію.

Данри въ этотъ день съ утра былъ занятъ.

Онъ обдумывалъ посланіе къ Помпадуръ, на этотъ разъ не униженное и смиренное, а настойчивое и требовательное.

Довольно онъ терпѣлъ изъ-за этой женщины! Если даже здѣсь въ тюрьмѣ онъ на особомъ счету, чѣмъ могла бы быть его жизнь на волѣ! Онъ былъ бы знаменитъ своими научными трудами, богатъ, знатенъ...

— Вотъ трогательное письмо отъ вашей матери съ мольбой о нашемъ освобожденіи, трудно читать его безъ слезъ.

— Да, мать меня очень любить, но отецъ еще больше любилъ,— гордо поднялъ голову Данри.

И пока начальникъ полиціи сидѣлъ у него и что-то говорилъ, онъ все время думалъ объ этомъ неизвѣстномъ, мучительно желанномъ для него отцѣ.

Ушелъ Сартинъ. Опять одиночество. Пора идти на прогулку. Письмо къ Помпадуръ лежитъ не подписанное.

Ахъ, если бы онъ зналъ имя своего отца, если бы могъ имъ гордиться, смѣло назвать его передъ всѣми...

Кажется, никогда еще такъ страстно не хотѣлось ему знать тайны своего рожденія, какъ въ эти минуты.

Съ такими мыслями вышелъ Данри на бастионы.

Его сопровождали обычно сторожа, но они въ этотъ вечеръ отстали. Было тихо и прохладно. Городъ засыпалъ, молчала тюрьма. Опершись на ружье, часовой поднялъ лицо къ заго-

Портные.

Передвижная выставка 1918 г.

А. Лаховскій.

И, обмакнувъ перо въ чернила, онъ однимъ смѣлымъ росчеркомъ написалъ:

„Всему есть предѣлъ. Я двѣнадцать лѣтъ томлюсь въ тюрьмѣ за оказанную вамъ услугу, не забывайте, что я вѣдь васъ же спасъ тогда. Я требую освобожденія и уплаты мнѣ 60.000 ливровъ за всѣ понесенные мною убытки. Прошу сдѣлать распоряженіе безъ промедленія. Всему есть предѣлъ.“

„Въ заключеніе скажу вамъ: берегитесь! Когда закованные изъ-за васъ въ кандалы люди наконецъ будутъ свободны и выйдутъ изъ тюремъ, они повѣдаютъ о вашихъ жестокостяхъ всему свѣту, и вы станете ненавистны всей вселенной, будете прокляты не только на землѣ, но и на небѣ.“

Онъ не успѣлъ подписаться, когда дверь растворилась, и вошелъ Сартинъ.

Какъ всегда, изысканно вѣжливый и мягкій, Сартинъ въ обѣ руки взялъ руку заключеннаго.

— Какъ настроеніе, какъ здоровье?

— Какое же можетъ быть здоровье въ тюрьмѣ!—рѣзко отвѣтилъ Данри.

— И, если подумать, что свобода зависитъ отъ васъ. Не понимаю вашего упорства. Отдайте намъ ваши бумаги, раскройте всѣ нити заговора...

— Я сказала, что этого не сдѣлаю, и не сдѣлаю...—стукнулъ Данри кулакомъ по столу.

рающемся звѣздами небу и показался Данри какимъ-то особенно симпатичнымъ.

— Скажите, откуда вы родомъ?—спросилъ онъ.

Часовой взглянулъ на него большими, наивными, дѣтскими глазами.

— Я изъ Монтаньяка, сударь...—и не было презрѣнія въ его голосѣ, съ которымъ такъ часто говорили всѣ въ Бастиліи съ заключенными.

— Изъ Монтаньяка! Мы съ вами земляки.—Данри протянулъ ему руку.—На звѣзды любуетесь?

— Смотрю... Былъ у меня любимый начальникъ, скончался онъ въ Седанѣ, года три тому назадъ... Тоже нашъ съ вами землякъ изъ Монтаньяка, драгунскимъ полковникомъ былъ герцога Орлеанскаго полка, какъ и я. Очень звѣзды любилъ, бывало, и въ трубу смотреть и такъ... Шутить, что въ каждой звѣздочкѣ живетъ душа умершаго, и близкому она подмигнетъ, когда онъ про него вспомнить... Вотъ я и смотрю. Я часто о немъ вспоминаю... Хорошій былъ человекъ!

— Какъ его имя, фамилія?—взволнованно спросилъ Данри.

— Полковникъ Анри Виссекъ де-Латюдъ, кавалеръ ордена Св. Людовика.

И, когда часовой отошелъ, Данри бросилъ въ сгущающуюся черноту ночи:

— Это мой отецъ.

И точно камень у него съ души свалился. Все сразу стало ясно и легко.

Онъ сократилъ свою прогулку, почти бѣгомъ вернулся къ себѣ въ камеру, плакалъ, смѣялся, глядя на себя въ зеркало.

Виссекъ? Нѣтъ, Мозеръ звучнѣе и красивѣе. Мозеръ—это названіе помѣстья, принадлежащаго барону де-Фонтэ, родственнику Анри де-Виссека. Вѣдь Данри съ дѣтства знаетъ это имя. И что же удивительнаго! Всѣ въ его роду тоже офицеры, отсюда знакомство матери съ маркизомъ де-Латюдъ. Часовой, кажется, не назвала его маркизомъ? Но онъ долженъ быть маркизомъ, такъ красивѣе звучить...

Данри взялъ перо и подписался подъ письмомъ Помпадуръ:

„Анри Мозеръ д'Обресси“.

Потомъ легъ спать. Но тотчасъ же вскочилъ и переправилъ:

„Анри де-Мозеръ д'Обресси“.

Теперь они другимъ языкомъ заговаряютъ съ нимъ!

И сонъ его былъ спокойный и радостный.

На утро онъ былъ совершенно увѣренъ во всемъ имъ выдуманномъ. Письмо къ Помпадуръ переписалъ, поставилъ вмѣсто 60.000 ливровъ уплаты за причиненные ему убытки 150.000 ливровъ и подписался:

„Виконтъ Анри де-Мозеръ де-Латюдъ“.

И съ этого дня онъ никому не позволялъ себя называть иначе, какъ Латюдъ, и дѣйствовалъ съ такой изумительной настойчивостью, что, когда вынужденный настроеніемъ общества, король Людовикъ XVI по настоянію министра Бретейля 24-го марта 1784 года подписалъ указъ объ освобожденіи изъ тюрьмы Латюда съ назначеніемъ ему 400 ливровъ пенсїи въ годъ, онъ въ указѣ этомъ назвалъ его „виконтъ Анри Мозеръ де-Латюдъ“.

VIII.

„Бастилія не была взята, она отдалась“ („La Bastille ne fut pas prise, elle se livra“),—такъ говорить про знаменательное со-

бытіе 14-го іюля 1789 года историкъ Мишля, а Марать въ своихъ запискахъ такъ характеризуетъ взятіе Бастиліи: „Бастилія, плохо защищенная, была взята нѣсколькими солдатами и толпой какихъ-то проходивцевъ, среди которыхъ было много напихъ дезертировъ, нѣмцевъ и никому неизвѣстныхъ личностей, събѣжавшихся изъ провинціи. А истинные парижане, въ качествѣ любопытныхъ, смотрѣли на это зрѣлище“.

Ясный лѣтній день. Рѣдкіе выстрѣлы. Гарнизонъ Бастиліи—82 инвалида и 32 солдата швейцарскихъ войскъ—почти не защищался. Начальникъ тюрьмы маркизъ де-Лонэ самъ раскрывъ ворота тюрьмы осаждающимъ, которые, по всей вѣроятности, никогда не рѣшились бы выломать ихъ. Толпа была сильно разочарована, найдя въ тюрьмѣ только семь заключенныхъ, изъ коихъ было два безумца Вайтъ и Тавернье, одинъ садистъ графъ де-Солажъ, отъ котораго отрелись даже ближайшіе его родные, и четыре самыхъ обиденныхъ преступника, отбывавшихъ наказаніе за подлоги. Правда, что Тавернье толпа вынесла изъ каземата, куда онъ спрятался отъ выстрѣловъ, на рукахъ и съ торжествомъ долго носила его по бушующимъ улицамъ Парижа, но въ тотъ же день главари убѣдились въ его ненормальности и поторопились запрятать его въ домъ для умалишенныхъ въ Шарантонъ.

Толпѣ нужны были легенды о мученикахъ, орудія пытки, слѣды страданій, доказательство тирании властелиновъ.

Въ Бастиліи 1789 года она ничего этого не нашла. Тюрьма сама по себѣ доживала свои послѣдніе дни и, конечно, была бы упразднена, какъ была уже упразднена Венсенская тюрьма, если бы неожиданно не вспыхнула революція.

Изъ архивовъ видно, что при взятіи Бастиліи было убито только 98 человекъ, изъ коихъ нѣкоторые были убиты своими же при безпорядочности дѣйствій. Въ числѣ этихъ 98 лишь 18 было женатыхъ и 5 отцовъ семействъ, всѣ остальные—бездомные бродяги.

Но Бастилія, это былъ нарывъ, который долженъ былъ вскрыться, онъ лопнулъ, и вслѣдъ за гноемъ полилась яркая свѣжая кровь, обновившая наболѣвшія язвы стараго тѣла Франціи и возродившая ее.

Вотъ почему былъ громадный энтузіазмъ въ народѣ, вотъ почему, уже послѣ взятія крѣпости, охваченная первой пролившейся кровью толпа въ теченіе двухъ дней громила архивы Бастиліи, и съ зубчатыхъ вершинъ когда-то грозныхъ вѣжовыхъ башенъ, какъ стаи растерзанныхъ птицъ, летѣли во рвы ворохи разорванныхъ въ клочки бумагъ и документовъ громадной исторической цѣнности.

Вѣдь въ одной изъ залъ Замка хранилась вся исторія Бастиліи съ 1659 года, и очень немногія изъ этихъ бумагъ удалось спасти.

И въ эти дни радости, граничащей съ безуміемъ, когда вскинувшаяся на дыбы чернь не хотѣла видѣть дѣйствительности, а жила легендами, къ грудамъ полуразрушенной тюрьмы, къ этимъ взорваннымъ мостамъ, къ этимъ засыпаннымъ изорванными въ клочья бумагами рвамъ, прїѣхалъ Латюдъ.

Латюдъ при первомъ извѣстіи о взятіи Бастиліи поторопился сбросить съ себя пудренный парикъ и расшитый мундиръ виконта, которымъ онъ такъ гордился, и предсталъ передъ толпой, какъ страдалецъ за благо народное, какъ одна изъ жертвъ произвола фаворитки короля, его министровъ и всей камарильи.

Онъ быстро учелъ въ умѣ выгоды своего положенія и не захотѣлъ упустить этого блестящаго по своимъ переживаниямъ дня.

Латюдъ, тридцать пять лѣтъ томившійся въ парижскихъ тюрьмахъ! Можно себѣ представить, какими оваціями встрѣтила его толпа.

Латюдъ уже пять лѣтъ былъ на свободѣ и жилъ у супруговъ Легро. Мадамъ Легро неустанными просьбами и визитами ко всемъ властямъ добила его освобожденія. На его сторонѣ добрая половина общества, недовольная королемъ, онъ со дня своего освобожденія герой дня, любимецъ парижанъ.

Въ приемной недавно скромныхъ мѣщанъ Легро толпится чуть не вся аристократія Франціи, чтобы познакомиться съ знаменитымъ Латюдомъ, пожалть ему руку, высказать ему свое участіе.

Кромѣ казенной пенсїи, пожалованной ему королемъ, онъ получаетъ пенсїю въ 600 ливровъ отъ герцогини Калоннъ, такую же пенсїю въ 600 ливровъ отъ герцогини Кингстонъ, 500 ливровъ отъ президента Дюпари, 300 ливровъ отъ герцога Аиень. Народная подписка въ его пользу покрыта всеми извѣстными именами не только Франціи, но и Европы... Наконецъ сбылись его мечты,—онъ богатъ и знаменитъ.

Но сейчасъ, при видѣ разваливъ тюрьмы, гдѣ

За лошадми.

Передвижная выставка 1918 г.

И. Ткачовниковъ. Но сейчасъ, при видѣ разваливъ тюрьмы, гдѣ

онъ столько страдалъ, втихъ мрачныхъ, поросшихъ мхомъ камней, какъ бы впитавшихъ въ себя тысячи затаенныхъ вздоховъ, безсвязныхъ слова молитвъ, проклятій, стоны и слезы, слезы безъ конца,—Латюдь искренно взволнованъ. Онъ плачетъ, когда ему торжественно вручаютъ хранившуюся въ тюрьмѣ знаменитую веревочную лѣстницу, которую онъ долгіе мѣсяцы сооружалъ вмѣстѣ съ Антуаномъ д'Аллегромъ, подготавливая свое невѣроятное бѣгство.

Передаютъ ему еще другіе документы, свидѣтели его долгихъ страданій.

Вотъ письмо окулиста Дежана къ начальнику тюрьмы.

64-лѣтній Латюдь дрожащими руками раскрываетъ пожелтѣвшіе листы.

Онъ громко читаетъ письмо толпѣ и плачетъ. И многіе рыданіями отзываются на его слова:

— „Милостивый государь, по вашему приказу я нѣсколько разъ посѣтилъ указанного вами узника въ Бастилію, выслушалъ внимательно его рассказъ, хорошенько все обсудилъ и, освидѣтельствовавъ его глаза, пришелъ къ заключенію, что нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ почти потерялъ зрѣніе, — онъ уже сорокъ мѣсяцевъ томится въ казематѣ безъ воздуха и солнца, закованный по рукамъ и по ногамъ. При такихъ исключительныхъ страданіяхъ нельзя воздержаться отъ слезъ, и слезы погубили его зрѣніе“.

На площади передъ Бастиліей много любопытныхъ. Дамы пріѣзжаютъ въ своихъ экипажахъ взглянуть на разрушенную тюрьму. Много знати, переодѣтой простолюдинами. Всѣмъ имъ извѣстна исторія Латюдя, для нѣкоторыхъ тоже ясна его личность авантюриста, и такіе говорятъ:

— Рапортъ окулиста Дежана придуманъ имъ самимъ, Дежанъ никогда не подавалъ этого рапорта, всѣмъ близко стоящимъ къ дѣлу это доподлинно извѣстно.

На скептиковъ машутъ руками, шикаютъ:

— Этотъ старикъ тридцать пять лѣтъ томился въ парижскихъ тюрьмахъ! Стноилъ въ нихъ всю свою молодость, всю свою жизнь. Одной этой цифры 35 лѣтъ достаточно, чтобы даже камни взывали къ небу о возмездіи.

А Латюдь продолжаетъ, захлебываясь отъ рыданій, и въ эти мгновенія самъ искренно вѣрить, что именно Дежанъ все это писалъ:

— „Зима 1756—1757 года была исключительно суровая, Сена замерзла, и именно въ эти сильнѣйшіе холода вышеназванный заключенный находился въ крошечномъ подземномъ казематѣ съ двумя окопечками (meurtrières) безъ стеколъ, даже безъ ставней, чтобы можно было ихъ закрыть. Законанный въ ручные и ножные кандалы, онъ круглые сутки, день и ночь томился на каменномъ ложѣ, едва прикрытомъ соломой. День и ночь въ лицо ему дулъ леденящій вѣтеръ, а вы сами знаете, какъ пагубно дѣйствуетъ на зрѣніе такой холодный вѣтеръ, особенно когда человѣкъ спитъ“.

Взрывъ негодованія прервалъ слова Латюдя. Какой-то дикій ревъ, угрозы и проклятія.

Но поспеенно стихаетъ, устаютъ ненавидѣть отходчивое сердце черни, и снова безмолвная, благоговѣнно слушаетъ толпа дальнѣйшее чтеніе Латюдя:

— „Заключенный не въ силахъ былъ дольше выносить такіа страданія и искать смерти, лишь въ ней одной видя избавленіе отъ своихъ мукъ. Онъ сто тридцать три часа буквально ничего не проглотилъ, тогда ему насильно инструментами раскрыли стиснутыя имъ челюсти и заставили принять пищу. Такъ вопреки его желанію его вернули къ жизни. Но, истомленный страданіями, онъ не хотѣлъ отказаться отъ рѣшенія умереть, взял кусочекъ стекла и перерѣзалъ имъ артерію, всю ночь онъ истекалъ кровью и, вѣроятно, такъ бы кончилъ свое существованіе, если бы утромъ не пришли сторожа и ему не была бы оказана медицинская помощь. Но громадная потеря крови истощила всѣ его силы, въ немъ больше нѣтъ жизненной теплоты, и полнота его обманчивая, это опухлость, а не полнота“ *).

Слѣдуютъ техническія названія, цѣлый перечень болѣзней, но толпа ждетъ только этихъ понятныхъ ей криковъ страданія, радуется имъ и рыдаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ.

Латюдь кончилъ чтеніе. Какъ святыню, цѣлуетъ пожелтѣвшіе

Въ семьѣ чужая. Передвижная выставка 1918 г. И. Творожниковъ.

листки. И къ нему тянутся руки: всѣ хотятъ приложиться къ этимъ словамъ сторонняго свидѣтеля его страданій.

Но довольно слез! Теперь дни торжества, побѣды надъ тиранией, дни яркіе, буйные.

Латюдь опять владѣетъ собой и входитъ въ новую роль.

Ему за шестьдесятъ лѣтъ, но онъ очень бодръ, у него крѣпкій организмъ, нельзя подумать, что онъ столько перенесъ. Съ чистоюношеской легкостью, двумя-тремя прыжками взбирается онъ на груды навалившихся другъ на друга камней, чтобы быть надъ толпой у всѣхъ на виду.

И громовымъ голосомъ безъ дрожи и слезъ, голосомъ вождя и диктатора, кричитъ онъ толпѣ:

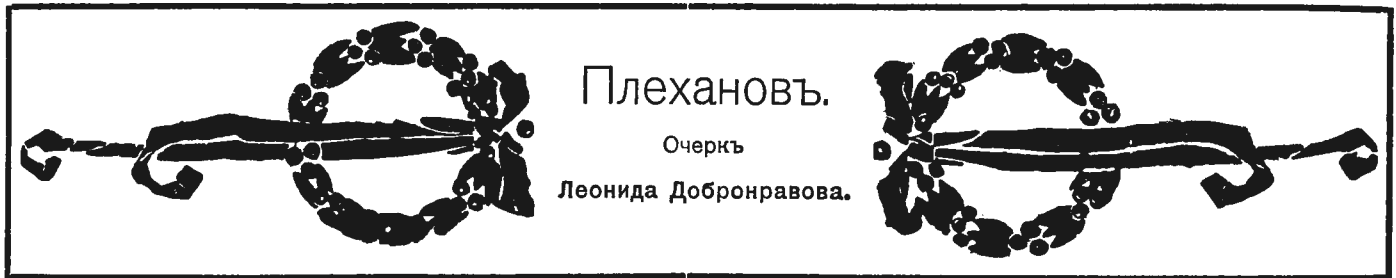
— Французы! Я, кажется, заслужилъ право сказать вамъ истинную правду въ лицо, и если вы дорожите завоеванной вами свободой, вамъ пріятно будетъ слышать эту правду. 35 долгихъ лѣтъ размышляя я въ мрачныхъ казематахъ надъ произволомъ деспотизма и наглостью тирановъ. Отъ всего сердца громкими криками взывалъ я о мщеніи. И вотъ вся Франція, возмущившись, съ неподдающимся описанію великолѣпнымъ порывомъ, возстала, будучи не въ силахъ дольше терпѣть, опрокинула этотъ деспотизмъ и раздавила его. Чтобы нація освободилась отъ яга, надо только, чтобы она пожелала этой свободы... Вы это доказали. Но чтобы сохранить завоеванную свободу, надо быть достойными ея. И въ этомъ теперь ваша задача“.

Оглушительные аплодисменты и крики покрыли его рѣчь. Женщины кидали ему свои украшенія, цвѣты. Толпа подняла его на руки и съ торжествомъ понесла по шумнымъ улицамъ Парижа, гдѣ, какъ громадная рѣка, пѣнилась и клочкотала прорвавшая всѣ преграды, вылившаяся наружу народная мощь.

И, яркое, прекрасное, смотрѣло съ лазореваго неба солнце, одинаково лаская своими живительными лучами и деспотизмъ монархіи, и идейную красоту зачатковъ революціи, и кровавый ужасъ террора.

* Письмо Дежана.—Мемуары Анри Мозеръ де-Латюдя съ предисловіемъ Георгія Бергена.

Плехановъ.

Очеркъ

Леонида Добронравова.

I.

Въ первый разъ я увидѣлъ его на Финляндскомъ вокзалѣ, ночью, когда вышелъ онъ изъ вагона, возвратясь на родину послѣ сорокалѣтняго изгнанія.

При звукахъ Марсельезы, которую игралъ военный оркестръ, при громкихъ крикахъ „ура“—онъ стоялъ съ букетомъ красныхъ розъ, поднесенныхъ ему, глядя куда-то поверхъ головъ окружившей его толпы.

Мнѣ показалось, что смотреть онъ въ свое прошлое, отдѣленное отъ этого дня сорока годами.

Онъ былъ растроганъ. Его сухое, сдержанное лицо свѣтилось внутреннимъ какимъ-то сияніемъ.

Онъ, казалось, ничего не видѣлъ, не слышалъ.

Его со всѣхъ сторонъ приветствовали; кто-то поцѣловалъ ему руку.

Съ большимъ трудомъ можно было проводить его въ тѣсной толпѣ и усадить въ автомобиль.

Онъ шелъ, держа прямо свой станъ, нимало не похожій на старика. Дорожная усталость, затѣвившая его глаза, не могла побѣдить его бодрости. Движенія его были легки, повороты головы энергичны и молоды.

Въ немъ не было ничего русскаго. Онъ похожъ былъ на иностранца, точнѣе, на европейца, прїѣхавшаго въ Россію.

Первые дни и первые недѣли его пребыванія на родинѣ прошли въ приемахъ депутацій, министровъ и частныхъ лицъ, являвшихся приветствовать его, прїѣхавшаго „черезъ смерть“.

Загѣмъ онъ переѣхалъ на дачу въ Царское Село, почувствовавъ недомоганіе и отъ петербургской суеты и отъ петербургскаго климата.

Но, живя въ Царскомъ, онъ руководилъ газетой „Единство“, будучи главнымъ ея редакторомъ.

Каждый день, обсудивъ содержаніе слѣдующаго нумера, мы, члены редакціи, отправляли въ Царское къ Плеханову секретаря редакціи или кого-нибудь, болѣе свободнаго изъ нашихъ товарищей, или кто вызывался съѣздить—съ матеріалами для нумера.

И каждый день аккуратно Плехановъ присылалъ свою очередную статью.

Плехановъ сожалѣлъ, что нездоровье мѣшаетъ ему жить въ Петербургѣ, и что онъ вынужденъ редактировать газету, не выѣзжая изъ Царскаго Села.

Часто была въ редакціи жена его, Р. М. Плеханова, передавая его желанія относительно той или иной стороны редакціоннаго дѣла.

Однажды, послѣ засѣданія, когда я простался съ нею, она сказала:

— Почему вы не прїѣзжаете къ намъ, товарищъ Добронравовъ? Прїѣзжайте въ это воскресенье, Жоржъ будетъ радъ васъ видѣть.

Я поблагодарилъ, попросилъ кланяться Георгію Валентиновичу, но въ воскресенье не поѣхалъ, боясь стѣснить ихъ и не желая нарушить ихъ воскреснаго отдыха: я зналъ, что Плехановъ работаетъ всю недѣлю, устаевъ отъ побѣдителей, и что единственный день отдыха для него воскресенье.

Но въ то же воскресенье вечеромъ ко мнѣ заѣхалъ мой близкій другъ, вернувшійся изъ Царскаго отъ Плеханова.

— Почему вы сегодня не были въ Царскомъ? Васъ тамъ ждали. Георгій Валентиновичъ...

Онъ передалъ отзывъ Плеханова обо мнѣ, слишкомъ незаслуженный мною и для меня радостный.

Мы условились поѣхать въ Царское вдвоемъ.

II.

Однажды, въ концѣ мая, придя въ редакцію на засѣданіе, я услышалъ отъ пивецара:

— Георгій Валентиновичъ прїѣхали.

Засѣданіе уже началось.

Въ огромной комнатѣ съ венеціанскимъ окномъ, наполненной солнечнымъ свѣтомъ, засѣдала редакція.

За столомъ, посрединѣ, сидѣлъ Плехановъ, сложивъ на листѣ лежавшей предъ нимъ бумаги сухія свои руки.

Я сѣлъ рядомъ, на свободный стулъ.

Въ комнатѣ было солнечно-весело, въ воздухѣ играли золотыя пылинки. Слышенъ былъ городской полуденный шумъ, глухо долетавшій сквозь закрытыя окна.

Разговоръ шелъ о покупкѣ въ Америкѣ типографскихъ машинъ для газеты.

Плехановъ внимательно слушалъ докладчика, наклонивъ голову съ гладко зачесанными волосами, съ четкимъ породистымъ профилемъ.

Густыя, черныя брови его, нависавшія надъ глазами, придавали его лицу немного суровый оттѣнокъ. На лбу выступали надбровные бугры—шишки мыслителя.

Онъ спросилъ, какъ скоро могутъ доставить машины.

Голосъ его ясный, звучный,—голосъ оратора, съ твердыми, четкими интонаціями; произношеніе безукоризненно; ничего въ этомъ голосѣ, я бы сказалъ, обывательскаго, обиходнаго, но какая-то собранность чувствовалась въ немъ.

Одѣтъ онъ былъ съ изысканной простотой; бѣлоснѣжный воротникъ, повязанный старомоднымъ галстукомъ, бѣлоснѣжныя манжеты.

Въ его движеніяхъ, во всемъ его обликѣ сквозила породистость. По внѣшности это былъ выдержанный, строгій аристократъ.

Поэтому странно прозвучало обращеніе къ нему предсѣдателя собранія:

— Товарищъ Плехановъ, слово принадлежитъ вамъ.

Онъ сталъ говорить о машинахъ съ холоднымъ спокойствіемъ человѣка, вынужденнаго говорить о мало для него интересныхъ предметахъ, но о которыхъ говорить необходимо.

Кто-то изъ сидѣвшихъ перебилъ его.

Онъ замолчалъ и, не глядя въ ту сторону, откуда раздался голосъ, отчетливо сказалъ:

— Виновать, я еще не кончилъ.

Сказавъ то, что онъ хотѣлъ сказать, онъ сталъ чертить карандашомъ по бумагѣ. При одномъ изъ нажимовъ карандашъ сломался. Плехановъ неторопливо досталъ изъ кармана сѣрый, замшевый, продолговатый чехольчикъ, вынулъ изъ него ножикъ, очинилъ карандашъ и, вытеревъ ножъ, спряталъ его въ карманъ.

Такова аккуратность европейца, вошедшая у него въ привычку.

Вопросъ о машинахъ былъ исчерпанъ; предсѣдатель объявилъ перерывъ.

Плехановъ повернулся ко мнѣ.

— Здравствуйте, товарищъ Добронравовъ!

Я пожалъ его тонкую, сухую, крѣпкую руку.

— Скажите, вы просматриваете провинціальные газеты? Въ нихъ должно быть много интереснаго матеріала.

Я отвѣтилъ, что, дѣйствительно, матеріала тамъ очень много, но пользоваться имъ для газеты невозможно, такъ какъ размѣры ея не позволяютъ освѣщать провинціальную жизнь такъ, какъ слѣдовало бы это дѣлать.

— Да, конечно, это очень жаль, но я имѣю въ виду другое... У васъ нѣтъ желанія написать статью на основаніи этого газетнаго матеріала? Я самъ подумывалъ это сдѣлать, но у меня сейчасъ нѣтъ свободнаго времени.

Я поблагодарилъ его, но у меня тогда тоже не было времени, и я сослался на небольшіе размѣры газеты, говоря, что статья, судя по матеріаламъ, можетъ быть велика.

— Это ничего не значить,—возразилъ Плехановъ,—ее можно будетъ печатать фельетономъ, въ нѣсколькихъ нумерахъ подъ рядъ. Но, можетъ-быть, у васъ есть другая тема?

Я сказалъ, что меня, по правдѣ, прельщаетъ иная тема: наша революція и рѣчь Достоевскаго на пушкинскомъ праздникѣ.

— Не совѣтую вамъ заниматься сейчасъ Достоевскимъ, въ особенности Достоевскимъ „Дневника писателя“. Много туманной мистики. Мы должны исходить не изъ мистическихъ предпосылокъ, но изъ реальныхъ фактовъ, опредѣляющихъ социальное бытіе.

— Достоевскій и „Дневника писателя“—для меня реальный фактъ.

— Разумѣется, я этого не оспариваю. Но я говорю примѣнительно къ политическимъ обстоятельствамъ текущаго времени. На насъ надвигается контръ-революція. Давайте же освѣщать ея причины. Это имѣетъ широкій общественный интересъ. Итакъ, подумайте о статьѣ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы ее написали. А о Достоевскомъ поговоримъ. Прїѣзжайте въ Царское.

Нашъ разговоръ прервали: надо было продолжать засѣданіе.

III.

Какъ-то въ воскресенье я поѣхалъ въ Царское.

День стоялъ свѣтлый, горячій, іюньскій. Въ вагонахъ духота и тѣнота; люди ѣхали красные, распаренные жарою.

Дача, гдѣ жилъ Плехановъ, стояла въ боковой тѣнистой аллеѣ.

что тянулась длинным, глубоким коридором от самого вокзала.

Ворота дачи были открыты.

Поднялся я на деревянное крыльцо, читаю на мѣдной, солнцем зажженной дощечкѣ—не то „Вахрамѣевъ“ не то „Варсонофѣевъ“.

Въ открытое окно въ первомъ этажѣ выглянула горничная:

— Вамъ кого?

— Мнѣ къ Плехановымъ.

— Во второмъ этажѣ.

Я поднялся по лѣстницѣ.

У парадной двери, на стѣнѣ, прибитая висѣла карта театра военныхъ дѣйствій. Линія нашего фронта обозначена была чернымъ пинуркомъ, прикрѣпленнымъ къ картѣ булавками.

Въ кабинетѣ Плеханова было не жарко, тѣнисто отъ деревьевъ, закрывавшихъ окна. Вдоль одной стѣны, во всю ширину ея,

Я отвѣтилъ, что, мнѣ кажется, это происходитъ вслѣдствіе малого интереса среди широкой публики. Публика ищетъ вѣшней занимательности, вѣшней интересности. Ибсенъ же слишкомъ глубоко и высоко, воспринимать его надо активно.

— Вамъ приходилось по этому поводу разговаривать съ артистами?

— Да, я говорилъ съ Качаловымъ. Онъ находитъ, что Ибсенъ брался за разрѣшеніе неразрѣшимыхъ проблемъ, и это считаетъ его недостаткомъ.

Плехановъ улыбнулся:

— Представьте, люди до сихъ поръ не дойдутъ до мысли, что у Ибсена многому можно да и надо поучиться. Помимо того, что онъ превосходно освѣщаетъ психологію различныхъ классовъ, онъ обладаетъ высшимъ свойствомъ активности духа и активности дѣйствія, то-есть именно тѣмъ, чего намъ, русскимъ, недостаетъ.

Георгій Валентиновичъ Плехановъ. (†30 мая 1918 г.).

стояла высокая полка съ книгами, завѣшенная синимъ колпачкомъ. Перпендикулярно къ междуоконному простѣнку стоялъ большой рѣзной письменный столъ. На столѣ въ величайшемъ порядкѣ разложены были книги,—Софокль, Еврипидъ, Мольеръ.

Плехановъ свои досуги посвящалъ большой работѣ о театрѣ.

На стѣнахъ висѣли въ старинныхъ рамкахъ фотографіи.

Поджидая Плеханова, я взялъ со стола книгу; это былъ Мольеръ. Но не перевернулъ я двухъ страничекъ, какъ въ кабинетъ вошелъ Георгій Валентиновичъ.

Онъ казался бодрымъ и оживленнымъ.

— Читаете Мольера?—спросилъ онъ, кивая на книгу, которую я держалъ въ рукахъ,—хорошій авторъ. Очень показательный, выразительный для своей эпохи.

Георгій Валентиновичъ сѣлъ въ кресло къ столу.

— Жаль, что теперь некогда, некогда, совершенно некогда заниматься театромъ. Очень интересна: области! Исторія театра открываетъ много новаго и тонкаго, на первый взглядъ даже незамѣтнаго, въ исторіи социальныхъ отношеній. Вы кого изъ драматурговъ ставите выше? Я разумью современныхъ драматурговъ.

— Ибсена,—отвѣтилъ я.

— Ибсенъ... Ибсенъ,—проговорилъ Плехановъ про себя, какъ бы вспоминая что-то,—Ибсенъ... Да, это очень сильный, очень выразительный писатель... Въ Россіи его, кажется, мало даютъ на сценѣ. Чѣмъ вы это объясняете?

Драмы его построены съ большимъ мастерствомъ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ ни одного драматурга, равнаго по силѣ Ибсену.

— У насъ, вообще, нѣтъ драматургіи. Есть пьесы.

— Да, да,—оживленно сказалъ Плехановъ,—это любопытная и многозначительная черта. Я думаю, она объясняется разностью общественныхъ условий, различнымъ социальнымъ строемъ. Но это сказывается не только на развитіи драматургіи, какъ таковой, но и на игрѣ актеровъ. Возьмите, напримѣръ, Францію. Тамъ даже искусство актера отличается ненатуральностью, ходульностью. Отъ этого недостатка,—недостатка, разумеется, на нашъ взглядъ,—не свободны даже большіе французскіе артисты, въ родѣ Сарры Бернаръ. Сначала смотрѣть на нихъ просто неприятно. Надо привыкнуть. А эта напыщенность объясняется аристократическимъ происхожденіемъ французской трагедіи, наложившей сильный отпечатокъ на всю театральную технику послѣдующихъ поколѣній.

IV.

Къ нему кто-то пріѣхалъ по дѣлу. Онъ попросилъ меня перейти въ гостиную, рядомъ. Здѣсь было свѣтлѣе, нежели въ кабинетѣ. Въ бѣлыхъ чехлахъ стояла мебель. У стѣны—старомодный рояль на тонкихъ ножкахъ. На кругломъ столикѣ предъ диваномъ лежала книга „50-лѣтіе И. Д. Сытина“.

Въ открытую дверь видна была веранда, исполосованная жаркими солнечными лучами. На столѣ лежалъ ворохъ газетъ.

Во всей обстановкѣ дачи не было того, что называется на обиходномъ языкѣ уютомъ, когда чувствуется, что между вещами и хозяевами квартиры существуетъ какая-то таинственная связь. Впрочемъ, здѣсь этого не могло быть просто потому, что дача была нанята съ мебелью.

Пожалуй, такая отвлеченная, безличная обстановка именно въ стилѣ Плеханова, который—весь устремленіе поверхъ головы сегодняшняго дня къ будущему, въ даль.

Его нельзя представить соединеннымъ съ определеннымъ бытомъ, съ отстоявшимся, замершимъ укладомъ. Онъ—безбытенъ, внѣ предметовъ, внѣ всего осязательнаго, связывающаго. Отъ него не вѣетъ ничѣмъ интимнымъ, житейскимъ. Въ немъ нѣтъ ни капельки „домашняго“.

Быть-можетъ, это врожденное свойство его; быть-можетъ, это слѣды его работы, его житейскаго и жизненнаго опыта. Кто много видѣлъ, много испыталъ и многое знаетъ, тотъ всегда немного холоденъ и спокоенъ спокойствіемъ мудрости; въ такихъ людяхъ есть немного отъ Эклезіаста. Все отстоялось въ душѣ, уравновѣшено, ясно, сведено къ твердымъ заключеніямъ, отлито въ неизблемую уже форму.

Такое же точно впечатлѣніе выносили я отъ встрѣчъ съ другими людьми, устремленными къ единой, немного отвлеченной, по времени достиженія, цѣли, — учеными и аскетами. Въ нихъ чувствуется ясно ихъ лишенная внѣшней оболочки сущность, чуждая нашему дню, съ его горемъ, радостью, пѣснями, звуками, цвѣтами, запахами, со всѣмъ тѣмъ, изъ чего складается наша такая прекрасная и такая ужасная жизнь.

Но ими стоитъ и держится жизнь.

Проводивъ своего гостя, Плехановъ пришелъ ко мнѣ.

Лицо его показалось мнѣ утомленнымъ, я хотѣлъ попрощаться, но онъ удержалъ меня:

— Посидите, потолкуемъ.

Онъ спросилъ, что я пишу теперь. Почему не печатаю беллетристики?

Разговоръ перешелъ на литературу вообще.

— Я не поклонникъ нынѣшняго „красиваго“ направленія,— Плехановъ улыбулся, но тотчасъ же сталъ серьезенъ,— теперь очень стараются о внѣшности произведеній. Это, разумѣется, нужно, противъ этого я не возражаю, но плохо, когда все вниманіе писателя устремлено на внѣшность, въ ущербъ содержанию. Содержаніе опредѣляетъ форму, а не наоборотъ, и это въ какой угодно области. Русская литература имѣетъ свои особые пути развитія, и въ этомъ развитіи содержаніе играетъ огромную роль. Имъ опредѣляется традиція. Внѣ традиція нѣтъ искусства, какъ прекраснаго, животворящаго начала. Есть забота, развлеченіе...

— Граціозная ненужность,—напомнилъ я слова Толстого.

— Именно! Граціозная ненужность! Толстой былъ совершенно правъ! Развѣ можно „Иліаду“ читать для развлечения? Или „Войну и миръ“? Или „Преступленіе и наказаніе“? Читая нашихъ классиковъ, мы выносимъ что-то для себя драгоценное, духовный опытъ. Конечно, благодаря формѣ произведенія, конечно! Но, говоря о Толстомъ, напримѣръ, смѣшно говорить только о формѣ, не касаясь тѣхъ вопросовъ, какіе выведены имъ... Вотъ интересная и глубокая тема: прослѣдить эволюцію нашей литературы со стороны содержанія. Кто изъ нынѣшнихъ писателей можетъ пройти черезъ такую „пробирную палатку“, не потерявъ своего лица? Двое, трое. Остальные сливаются... Последніе годы я присматривался къ новымъ писателямъ. Или воспроизведеніе быта, не согрѣтое мыслью и чувствомъ, провинціального быта, сдѣланное съ ужимками, со словечками, съ жеманствомъ, или подражаніе французскимъ новеллистамъ, но безъ ихъ тонкости и граціи. Одинъ подражаетъ Франсу, другой Мопассану. Третій, въ родѣ Арцыбашева, помѣшанъ на эротическихъ приключеніяхъ. Но у насъ нѣтъ своего Мопассана, своего Франса.

— И слава Богу, что нѣтъ,—сказалъ я.

— Совершенно вѣрно! Превосходно, что нѣтъ! Пока еще мы можемъ—мы должны быть самостоятельными. Когда у насъ изсякнетъ свое творчество—появятся писатели, которымъ въ заслугу будутъ ставить: „помилуйте, онъ пишетъ, какъ Франсъ“. Франсъ превосходить, а этого не отрицаю, у него можно научиться техникѣ, но черпать вдохновеніе надо только въ родной жизни.

Плехановъ помолчалъ, закрывъ глаза.

Лицо его поблѣднѣло, осунулось. Подъ глазами сгустились тѣни. Замѣтно было, что онъ утомленъ.

Я хотѣлъ встать и попрощаться, но онъ снова заговорилъ. Ко-снулись участія въ газетахъ и журналахъ внѣшнѣ съ иначе мыслящими.

— У насъ очень узко смотреть на это, я знаю. Я привыкъ въ Европѣ къ болѣе широкому и терпимому отношенію. Разумѣется, съ „пораженцами“ совмѣстное сотрудничество невозможно. Вчера мнѣ передавали, что нѣкоторые мои старые товарищи, пробѣжавшіе черезъ Германію, хотятъ повидаться со мной. Я просилъ имъ сообщить, что видѣть ихъ мнѣ тяжело, а потому не надо этого свиданія. Я даже написалъ письмо объ этомъ въ редакцію „Единства“. Сегодня же отошло его.

При прощаньи Плехановъ спросилъ:

— А какъ статья о контръ-революціи? Пишется?

— Не пишется,—сказалъ я.—Времени нѣтъ.

— Надо написать. Вообще, надо писать. Не хотите беллетристики печатать до поры до времени—не печатайте. Дѣйствительно, время для беллетристики неподходящее, но статья должна писаться. Непремѣнно должны писать!

— Я не политикъ.

— Ничего не значить. Однако, объ упраздненіи Государственной Думы написали и въ нѣсколькихъ органахъ статью цитировали. Я слѣдилъ. Итакъ, о контръ-революціи—за вами.

V.

Съ каждымъ днемъ выяснялось, что Плехановъ въ революціонной Россіи „пришелся не ко двору“.

Каждый день бывшіе его ученики рѣзво гарцовали на страницахъ газетъ, обыывая своего стараго учителя всякими нехорошими словами.

Пріѣхавшій на родину съ жаждой работы, Плехановъ обреченъ былъ на бездѣйствіе. Его государственныи умъ, зорко опредѣлявшій и точно опредѣлявшій слѣдствія всѣхъ событій, происходившихъ въ тѣ дни, не понадобился ни Временному Правительству ни Совѣту.

Противъ Плеханова тѣсно соединилось „сплоченное большинство“, это понятно: критика его была разрушительна и ѣдка.

И онъ очутился въ одиночествѣ.

Ему приписывали слова, какихъ онъ не произносилъ, мысли—никогда не бывшія его мыслями. Впрочемъ, это было не ново; такъ съ нимъ поступали всегда, выступалъ ли онъ, какъ литературный критикъ, въ качествѣ ли социолога или главы политической группы.

Сложная и стройная его теорія экономического матеріализма превращалась, при содѣйствіи опытныхъ въ этихъ дѣлахъ лицъ, въ служеніе капиталу.

Призывавшій къ совмѣстной работѣ съ буржуазіей для отпора внѣшнему врагу и для созиданія новой Россіи, Плехановъ былъ объявленъ продавшимся „капиталистамъ и помѣщикамъ“.

Не стану перечислять всѣхъ нелѣпостей, какія распространяли о немъ, затемняя истинный его обликъ въ сознаніи широкихъ массъ.

Заключенный своей болѣзью въ Царскомъ, онъ не могъ принимать непосредственнаго участія въ политической борьбѣ; онъ ограничился лишь писаніемъ передовыхъ статей въ газету „Единство“, вскрывая много неуразумныхъ противорѣчій въ тогдашней политической жизни и освѣщая послѣдствія событій даже тѣмъ, кто творилъ эти событія, не понимая ихъ значенія и смысла.

Мнѣ случалось видѣть въ редакціи „Единства“ разныхъ лицъ, различнаго положенія, возраста, происхожденія. Они приходили поговорить съ Плехановымъ, отъ него услышать отвѣтъ на тѣ проклятые вопросы общественной жизни, какіе выдвигала дѣйствительность.

— Можно видѣть Георгія Валентиновича?

— Принимаетъ ли Георгій Валентиновичъ?

— Попросите Георгія Валентиновича принять меня.

Имъ говорили, что Георгій Валентиновичъ боленъ, живетъ въ Царскомъ, а здѣсь никого не принимаетъ.

Нѣкоторые не вѣрили, медлили уходить, подходили то къ одному, то къ другому члену редакціи и, понизивъ голосъ, таинственно спрашивали:

— А, можетъ-быть, Георгій Валентиновичъ меня приметъ? А? Попросите его.

Запомнился мнѣ пожилой полковникъ, его красное лицо, растерянная рѣчь:

— Какъ же такъ? Мнѣ завтра надо ѣхать на фронтъ. А мнѣ надо поговорить съ Плехановымъ.

Онъ съ особеннымъ удареніемъ произносилъ „надо“.

Бывали въ редакціи и очень подозрительныя лица. Они спрашивались, ежедневно ли бываетъ здѣсь Плехановъ, въ которомъ часу пріѣзжаетъ, когда уѣзжаетъ. Они не высказывали желанія видѣть его, собирая лишь свѣдѣнія для кого-то нужныхъ.

Плехановъ бывалъ въ редакціи, но на короткое время и очень рѣдко.

VI.

Въ тотъ день, когда получили мы извѣстіе о наступленіи полковъ „18 іюня“, Плехановъ пріѣхалъ въ Петербургъ.

Онъ словно посвѣжѣлъ, окрѣпъ, помолодѣлъ.

Я видѣлъ его въ редакціи, гдѣ взволнованно говорилъ онъ о томъ, что необходимо устраивать митинги, разъяснять смыслъ наступленія, поддерживать общій подъемъ, укрѣплять надежду на возрожденіе и воскресеніе Россіи.

Говоря пламенныя слова, онъ оставался прежнимъ Плехановымъ, сдержаннымъ и скупымъ въ жестакъ; но эта манера еще сильнѣе подчеркивала смыслъ его воодушевленныхъ словъ, сосредоточивала вниманіе на нихъ.

Только варианціи четкаго, яснаго голоса и блескъ его глазъ говорили объ его волненіи. Нѣсколько часовъ спустя, онъ говорилъ у Казанскаго собора, какъ и сорокъ лѣтъ назадъ.

— Если я спрошу васъ, какой сегодня день, вы отвѣтите, что сегодня понедѣльникъ. Но это неправда. Сегодня воскресенье, потому что сегодня воскресла Россія!

Онъ говорилъ, стоя среди знаменъ, плакатовъ и флаговъ, го-

ворить о любимой Россіи, говорилъ, какъ любящій ее сынъ и какъ гражданинъ.

Этотъ день былъ днемъ надеждъ, днемъ порыва.

Въ вечернемъ засѣданіи редакціи онъ сидѣлъ молча, утомленно облокотясь на спинку стула. Казалось, день отнялъ все его силы; всю свою энергію вложилъ онъ въ свою рѣчь въ собора. Мертвенныя тѣни легли на его осунувшемся лицѣ.

Можно было подумать, что онъ не слышитъ того, что говорятъ его товарищи, столько сосредоточеннаго уединенія было въ нахмуренныхъ его бровяхъ и въ выпуклостяхъ лба.

Но рѣдкіе взгляды изъ-подъ нависшихъ бровей говорили объ его вниманіи.

Всѣ слѣдующіе дни мы жили въ какомъ-то повышенномъ настроеніи, въ ожиданіи воистину чуда—воскресенія Россіи.

Читали только телеграммы изъ Ставки, говорили только о военныхъ дѣйствіяхъ, слѣдили по картѣ за продвиженіемъ нашихъ войскъ.

Но постепенно, съ каждымъ днемъ стали раздаваться иные голоса, и какъ-то незамѣтно подошло второе юлія—начало юльскаго возстанія.

Съ утра до вечера раздавались выстрѣлы, по улицамъ мчались грузовые моторы, переполненные вооруженными людьми. Проѣзжали кареты Краснаго Креста, развоза по больницамъ раненыхъ.

Городъ былъ полнъ злобщихъ слуховъ.

Въ день возстанія я отправился въ редакцію, слыша по пути непрерывныя выстрѣлы. Кое-гдѣ падали раненые и убитые.

Въ редакціи было многолюдно и тревожно.

Когда я вошелъ въ кабинетъ секретаря, секретарь въ телефонъ говорилъ Плеханову о томъ, что происходитъ въ городѣ, и просилъ его не выѣзжать изъ Царскаго, чтобы не подвергаться опасности.

Копчивъ разговаривать, секретарь пожалъ плечами.

— Развѣ онъ слушаетъ! Онъ сегодня пріѣдетъ на засѣданіе. Надо всѣхъ собрать.

Вечеромъ пріѣхалъ Плехановъ.

Онъ былъ спокоенъ, какъ всегда; ни тѣни волненія на лицѣ, въ голосѣ, въ движеніяхъ.

Онъ вошелъ и молча поздоровался со всѣми. И въ этомъ спокойствіи таилось высшее краснорѣчіе: онъ пріѣхалъ, чтобы въ минуту опасности быть вмѣстѣ со всѣми, и это такъ понятно и обыкновенно, что объ этомъ не стоить говорить.

Началось засѣданіе.

Очевидцы кровавыхъ столкновеній рассказывали о томъ, что видѣли на улицахъ, сообщали о настроеніи массъ.

Всѣ, кромѣ Плеханова, были взволнованы.

Онъ слушалъ, наклонивъ голову, слушалъ спокойно, со спокойствіемъ чловека, знающаго напередъ все, что ему расскажутъ, знающаго, что все, что произошло, произошло именно такъ, какъ должно произойти.

Когда всѣ высказались, началъ говорить онъ.

Онъ говорилъ, что бываютъ минуты, когда трудно сохранять спокойствіе, но что спокойствіе необходимо; оно проясняетъ наши мысли и предохраняетъ насъ отъ ошибокъ. Это спокойствіе можетъ дать намъ только полное и глубокое сознаніе дѣлей нашей работы. Цѣль далека, трудно достижима, но тѣмъ большее спокойствіе необходимо, чтобы не сбиться съ пути и не сдѣлать ошибокъ, въ которыхъ придется потомъ раскаиваться. Одинъ ложный шагъ часто губитъ съ трудомъ добытые плоды многолѣтнихъ завоеваній. Какъ бы ни сложились въ будущемъ обстоятельства—наша позиція остается неизмѣнной: полное объединеніе всѣхъ силъ страны вокругъ одной общей цѣли — спасенія отечества и сохраненія свободы, которой угрожаетъ смертельная опасность отъ всевозможныхъ политическихъ авантюръ.

Старые революціонеры знаютъ, что значить методъ въ борьбѣ, и какихъ результатовъ онъ достигаетъ. Никогда не надо идти впередъ, не закрѣпивъ завоеванныхъ позицій. Пусть насъ упрекаютъ въ томъ, что мы идемъ медленно, но мы идемъ вѣрно. Это — единственный путь, по которому мы придемъ туда, куда надо.

Въ тѣ минуты, когда Плехановъ говорилъ это, въ минуты крайней взволнованности, рѣчь его показалась мнѣ сухой, отвлеченной. И только спустя много дней выяснилось все ея значеніе, весь ея смыслъ, продиктованный долгимъ опытомъ и наблюденіемъ, дающимъ мудрость.

— Не надо увлекаться, — сказалъ мнѣ Плехановъ, когда мы разговаривали во время перерыва. — Путь социальной реформы, социальнаго переустройства исчисляется столѣтіями. Предъ нами опытъ Европы. Будьте осторожны съ внезапными революціонерами. Они всегда ужасно непримиримы. Никогда не забывайте Теофила Готье. Онъ ненавидѣлъ буржуазію, какъ никто, но между тѣмъ онъ же съ неистовымъ восторгомъ привѣтствовалъ побѣду буржуазіи надъ пролетариатомъ въ 1871 году. Что бы ни говорили, наша русская революція—революція буржуазная. Мы находимся въ той стадіи общественнаго развитія, когда, безъ помощи буржуазіи, свобода обречена на гибель. Нѣкоторые же склоны думать иначе и думаютъ, что социальное переустройство совершится такъ легко и просто, какъ у Гоголя—помните?—вареники сами прыгали сначала въ сметану, а потомъ въ рогъ Пацюка.

Въ тѣ минуты, когда Плехановъ говорилъ это, въ минуты крайней взволнованности, рѣчь его показалась мнѣ сухой, отвлеченной. И только спустя много дней выяснилось все ея значеніе, весь ея смыслъ, продиктованный долгимъ опытомъ и наблюденіемъ, дающимъ мудрость.

— Не надо увлекаться, — сказалъ мнѣ Плехановъ, когда мы разговаривали во время перерыва. — Путь социальной реформы, социальнаго переустройства исчисляется столѣтіями. Предъ нами опытъ Европы. Будьте осторожны съ внезапными революціонерами. Они всегда ужасно непримиримы. Никогда не забывайте Теофила Готье. Онъ ненавидѣлъ буржуазію, какъ никто, но между тѣмъ онъ же съ неистовымъ восторгомъ привѣтствовалъ побѣду буржуазіи надъ пролетариатомъ въ 1871 году. Что бы ни говорили, наша русская революція—революція буржуазная. Мы находимся въ той стадіи общественнаго развитія, когда, безъ помощи буржуазіи, свобода обречена на гибель. Нѣкоторые же склоны думать иначе и думаютъ, что социальное переустройство совершится такъ легко и просто, какъ у Гоголя—помните?—вареники сами прыгали сначала въ сметану, а потомъ въ рогъ Пацюка.

VII.

Мнѣ кажется, во время пребыванія Плеханова въ Россіи у него было два, только два пріятныхъ дня.

Первый — когда ступилъ онъ на родную землю.

И второй—когда въ Петербургѣ состоялась всероссійская конференція группы „Единство“.

Со всѣхъ концовъ Россіи съѣхались представители провинціальныхъ плехановскихъ ячеекъ, чтобы увидѣть и услышать учителя своего и руководителя.

Сначала засѣданія происходили въ Петербургѣ; члены конференціи знакомились другъ съ другомъ, обсуждали свое отношеніе къ текущимъ главнымъ вопросамъ — о войнѣ, о Временномъ Правительствѣ, объ интернаціонализмѣ и т. д.

Разнаго общественнаго положенія, разнаго возраста, — они всѣ были одинаково серьезны, всѣ придавали большое значеніе своему съезду; вступивались въ рѣчи ораторовъ съ напряженнымъ вниманіемъ.

Последнее собраніе конференціи было назначено въ Царскомъ, на дачѣ Плеханова.

Я опоздалъ на утренній поѣздъ, съ которымъ уѣхали члены конференціи. Удалось мнѣ выѣхать въ Царское въ два часа.

Когда я поднялся по знакомой лѣстницѣ, на площадкѣ, возлѣ карты, стояли и курили нѣсколько членовъ конференціи.

Двери въ квартиру Плеханова были открыты: входили и выходили.

Я попалъ къ перерыву.

Что-то школьное, студенческое напомнили мнѣ курившіе на площадкѣ люди. Такъ когда-то, въ перерывѣ двухчасовой лекціи знаменитаго профессора, мы курили въ университетскомъ коридорѣ, вступая въ горячіе споры.

И тутъ точно такъ же спорили о марксизмѣ, о социализмѣ, о политикѣ, ссылаясь на слова Плеханова, только-что ими слышанныя.

Ко мнѣ подошелъ одинъ изъ членовъ конференціи, земскій дѣятель изъ глубокой провинціи, пожилой чловекъ, съ темнымъ, болѣзненнымъ лицомъ.

— Какъ я вамъ завидую! — сказалъ онъ взволнованно.

Я спросилъ, почему.

— Еще бы! Вы часто можете слышать Георгія Валентиновича. Вы знаете, я сижу и слушаю его — и такъ мнѣ все ясно становится, понятно, опредѣленно. Слушаешь и... и какъ-то самъ вырастаешь. Видишь то, чего не видѣлъ. Понимаешь то, что было до сихъ поръ запутанно, туманно. Теперь меня не собьешь ничѣмъ... Если бы не семья, переѣхалъ бы сюда, чтобы поближе къ нему быть. Честное слово! Сколько онъ знаетъ! Ай-ай-ай, сколько знаетъ! И видишь, какъ мало мы знаемъ... Далъ бы Богъ здоровья Георгію Валентиновичу — пріѣхалъ бы онъ къ намъ, чтобы наши всѣ увидѣли его и послушали!

Плехановъ захватилъ всѣхъ членовъ конференціи.

Я пришелъ въ гостиную. Стулья тамъ были составлены полукругомъ; посрединѣ стоялъ столъ.

У оконъ, на верандѣ, въ кабинетѣ стояли и сидѣли, разговаривая негромко, участники конференціи.

Понемногу гостиная стала наполняться народомъ; перерывъ подходилъ къ концу.

И снова вспомнилась мнѣ студенческая аудитория, съ ея разговоромъ и шумомъ въ ожиданіи прихода профессора.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ сосѣдней комнаты вышелъ Плехановъ.

Я не видѣлъ его недѣли двѣ, и перемѣна въ его лицѣ поразила меня. Глаза ввалились, на вискахъ темнѣли впадины. Носъ заострился; надъ втянутыми щеками выступили скулы.

Оттого ли, что на дворѣ было пасмурно и сырой день уныло смотрѣлъ въ окна, какъ безнадежный больной, — лицо Плеханова имѣло мертвенный, землистый отблѣнокъ.

Болѣзнь и тревога дѣлали свое дѣло.

Но голосъ его попрежнему былъ звученъ, ровенъ и твердъ.

Плехановъ говорилъ о тактикѣ политической борьбы, приводилъ примѣры изъ западной жизни; онъ одушевился, блеснулъ двумя-тремя тонкими остроумиями, а я, слушая его, впервые произнесъ про себя то слово, какое такъ не подходило ко всему его облику: „старикъ“.

Да, теперь я видѣлъ старика, который упадкомъ силъ и ухудшеніемъ здоровья черезъ полчаса, черезъ часъ заплатитъ за свою одушевленную рѣчь.

Да, это былъ старый, одинокій боецъ, умѣвшій однако показать свое фехтовальное искусство. Онъ, видимо, воодушевлялся тѣмъ вниманіемъ, какое отражалось на лицахъ его учениковъ, и слова его накалялись внутреннимъ огнемъ.

Не рѣчь произносилъ онъ: это были призывы вождя, звавшего всѣхъ сплотиться тѣсно, потому что только единеніе при достиженіи цѣли и въ борьбѣ рождается побѣда.

Плехановъ далъ блестящій смыслъ всей своей идеологіи и рѣзко очертилъ тѣ практическіе выводы, какіе изъ нея слѣдуютъ.

Послѣ рѣчи его благодарилъ отъ лица всѣхъ собравшихся одинъ изъ участниковъ конференціи. Слова его были нестройны, растеряны, но крѣпкое чувство звучало въ нихъ.

— Георгій Валентиновичъ, мы этого никогда не забудемъ! Спасибо вамъ! Глубокое спасибо!

VIII.

Какой закалъ надо имѣть и какое страстное желаніе внушить свою идею, чтобы не охладѣть, не остыть, не махнуть рукой, но, больному, проводить цѣлый день въ засѣданіи и говорить въ теченіе нѣсколькихъ часовъ!

Мнѣ было грустно уѣзжать изъ Царскаго. Что-то подсказывало мнѣ, что я въ послѣдній разъ вижу Плеханова.

Да, *такого* Плеханова я видѣлъ послѣдній разъ. Мы еще встрѣчались послѣ этого, но *такого* Плеханова я больше не видѣлъ.

Вскорѣ случилось одно обстоятельство, о которомъ говорить сейчасъ еще не время, но которое навлекло на меня сильное неудовольствіе Плеханова.

Въ одинъ изъ послѣднихъ июльскихъ дней мнѣ дали знать, чтобы я немедленно поѣхалъ въ Царское Село.

Съ первымъ же удобнымъ поѣздомъ я отправился.

Нашъ разговоръ продолжался около двухъ часовъ.

Плехановъ волновался, говорилъ долго, красиво, убѣдительно. Говорилъ по поводу того обстоятельства, какое вызвало мой приѣздъ, и по поводу газеты: съ уходомъ изъ редакціи Н. И. Юрданскаго — Плехановъ считалъ его талантливѣйшимъ журналистомъ — редакціонное дѣло шло кое-какъ, безпорядочно, случайно.

Плехановъ, жившій послѣднее время безвыѣздно въ Царскомъ, не имѣлъ полного представленія о томъ, что происходило въ газетѣ, или же имѣлъ представленіе, не соответствовавшее настоящему положенію вещей.

Въ этотъ разъ было очень трудно говорить съ нимъ. Его нельзя было волновать, поэтому о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ приходилось умалчивать и не возражать на нѣкоторыя его утвержденія, которыя онъ измѣнилъ бы, если бы ему можно было рассказать все.

Въ томъ же вопросѣ, какой волновалъ его больше всего, отъ меня требовалось только подчиненіе волѣ большинства, т.-е. его волѣ, ибо его воля была волей большинства.

Подчиниться же я по совѣсти не могъ, такъ какъ въ этомъ вопросѣ большинство было не право.

— Подчиненіе дисциплинѣ—это долгъ! — говорилъ Плехановъ съ глубокимъ убѣжденіемъ.

Я знаю, что для Плеханова эти слова значили очень много. Я былъ свидѣтелемъ, какъ самъ онъ подчинился волѣ большинства въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ правъ былъ онъ.

Этого подчиненія я не выразилъ.

Я помню его удивленный, суровѣющій взглядъ; помню его нахмуренныя брови. Въ такомъ суровомъ настроеніи ни до этого ни послѣ я его не видѣлъ. Но такъ, какъ было, такъ должно было быть.

Во второй разъ, когда по этому же самому вопросу надо было мнѣ снова быть въ Царскомъ, я не поѣхалъ, чтобы не нарушать въ своей душѣ того образа Плеханова, какой жилъ въ ней.

Мой другъ передалъ мнѣ его слова обо мнѣ:

— Добронравовъ, вѣроятно, поладилъ бы съ анархистами.

Я не знаю, поладилъ бы я съ анархистами или нѣтъ, но отзывъ Плеханова для меня интересенъ потому, что онъ гармонируетъ со всѣмъ его складомъ. Онъ—въ стилѣ Плеханова. Для него, какъ для строго дисциплинированнаго человѣка, неподчиненіе дисциплинѣ—даже чисто-теоретическое, какъ было въ данномъ случаѣ—равнялось проявленію анархизма.

IX.

Настали октябрьскіе дни.

Плехановъ былъ опасно боленъ. Но въ болѣзнь, во въ жару не забывалъ онъ ни на минуту, что его могутъ арестовать, и всѣ ночи проводилъ готовый къ внезапному обыску и аресту.

Его обыскивали нѣсколько разъ, несмотря на то, что обыскивающимъ говорили объ его тяжелой болѣзнь, обыскивали грубо, безцѣльно.

Зачѣмъ? Почему? Кому это было нужно?

Здоровье его ухудшалось съ каждымъ днемъ.

Его перевезли въ Петербургъ, въ больницу.

Онъ угасалъ медленно, незаметно, забытый даже тѣми, кто при имени Плеханова дѣлалъ глубокомысленное лицо:

— На него наша надежда!

Но чѣмъ ближе подходилъ онъ къ своему гробу, тѣмъ величавѣе становился его образъ въ глазахъ людей, ушедшихъ съ путей, начертанныхъ его вѣщею рукою.

Его умираніе съ твердымъ и яснымъ сознаниемъ долга напоминало мнѣ гибель капитана, тонущаго во время катастрофы на своемъ кораблѣ, не желая покинуть его.

Въ немъ было что-то напоминавшее мучениковъ, погибающихъ за вѣру, считая ее одну правой и святой.

Его религіей было счастье пролетаріата, которому отдалъ онъ всю свою жизнь, всю силу, паюость, умъ, энергію, всего себя.

Быть-можетъ, живя на чужбинѣ, вдали отъ волненій, оскорбленій, непониманія, онъ жилъ бы еще многіе годы, ибо въ немъ жила сила всенобѣждающаго духа.

Но онъ не выдержалъ при вѣсти о свободѣ и приѣхалъ „черезъ смерть“, чтобы найти смерть на родной землѣ, гдѣ должна была начаться для него новая жизнь.

Для него, которому нужны были просторы огромной работы, судьба приготовила сначала четыре стѣны царскосельскаго уединенія, а затѣмъ темную могилу на Литераторскихъ мосткахъ Волкова кладбища.

Приѣхавъ въ Россію, онъ очутился въ положеніи того человѣка, который, придя на балъ танцовать, встрѣтилъ тамъ однихъ безногихъ и хромыхъ.

Плехановъ своею судьбою подтвердилъ правило, ставшее, къ сожалѣнію, закономъ, о пророкѣ, не имѣющемъ славы въ своемъ отечествѣ.

X.

Нѣсколько лѣтъ назадъ Плехановъ писалъ:

„Страшнѣе гибели можетъ быть одно: *неудача того дня, которому отдался всѣмъ своимъ сердцемъ и всѣмъ своимъ помысламъ* (курсивъ Плеханова). И даже не полная неудача, не окончательное крушеніе надеждъ, связывавшихся съ этимъ дѣломъ, а хотя бы простое сознаніе того, что торжество дѣла, казавшееся близкимъ, уходитъ въ неопредѣленное будущее. При извѣстномъ настроеніи подобное сознаніе несомнѣнно страшнѣе смерти. И когда оно навязывается человѣку жизнью,—т.-е. когда жизнь разбиваетъ слишкомъ оптимистическія представленія о близости побѣды,—тогда оно способно внести отчаяніе даже и въ очень сильную душу. Вотъ почему участники освободительнаго движенія пролетаріата не должны обольщать себя слишкомъ розовыми надеждами; они должны избѣгать излишняго оптимизма!..“

Эти слова и эти мысли могутъ освѣтить намъ то душевное состояніе, какое пережилъ Плехановъ. Онъ испыталъ вѣчто болѣе страшное, чѣмъ гибель; но у него это страшное предшествовало гибели.

Ему суждено было до дна испить чашу горя.

Только послѣ смерти его люди вдругъ вспомнили, что есть, вѣрнѣе, былъ Плехановъ, и что онъ былъ ихъ учителемъ.

И тѣ, кто травилъ его при жизни, къ нему мертвому понесли свое сочувствіе и свою запоздалую любовь.

Наше это, русское? Или же общечеловѣческое?

Не знаю. Одно знаю, что нехорошее.

Горькій вложилъ въ уста одного изъ своихъ героевъ:

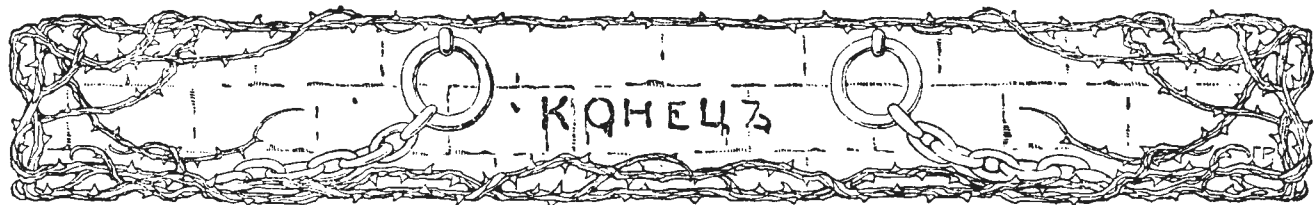
„— Всѣхъ мы убиваемъ! Которыхъ пулями, которыхъ словами; всѣхъ мы убиваемъ дѣлами нашими. Гонимъ людей со свѣту въ землю и не видимъ этого и не чувствуемъ... а вотъ, когда бросимъ человѣка смерти, тогда и поймемъ нашу вину передъ нимъ. Станетъ жалко умершаго, стыдно передъ нимъ и страшно въ душѣ... вѣдь и насъ такъ же гонять, и мы въ могилу пригото- влены!..“

Умеръ Плехановъ—и потянулись депутація, понесли вереницы вѣнковъ, ораторы стали произносить пламенные рѣчи, какъ бы желая посмертнымъ почетомъ загладить свое прежнее равнодушіе.

Трудно предсказывать будущее, но, быть-можетъ, смерть Плеханова напомнитъ людямъ его завѣты, быть-можетъ, черезъ его могилу враждующіе протянутъ другъ другу руки и соединятъ ихъ въ братскомъ пожатіи.

Петербургъ пышно встрѣтилъ Плеханова тринадцатъ мѣсяцевъ назадъ и пышно проводитъ его къ мѣсту вѣчнаго упокоенія.

Я не видѣлъ Плеханова въ гробу, и потому въ моей памяти живетъ онъ такимъ же, какимъ увидѣлъ я его впервые, когда ступилъ онъ на родную землю послѣ сорокалѣтняго изгнанія: при звукахъ Марсельезы, которую игралъ оркестръ, при громкихъ крикахъ „ура“—стоитъ онъ съ букетомъ красныхъ розъ, поднесенныхъ ему, глядя блестящими глазами куда-то поверхъ головъ окружившей его толпы, словно смотритъ онъ въ свое далекое прошлое, отдѣленное отъ этого дня сорока годами изгнанія

Человѣкъ, который никого не убилъ.

Легенда С. Аничковой.

I.

Это было въ очень давнія времена, въ дни гибели Содома и Гоморры. Поверженные гнѣвомъ Господнимъ, эти мѣста грѣха дымилась во прахъ.

Изъ пылающихъ развалинъ селенія, расположеннаго невдалекѣ отъ погибшихъ городовъ, въ обгорѣлой одеждѣ, съ обожженнымъ лицомъ и бородой, вышелъ человѣкъ. На рукахъ его лежало завернутое въ покрывало новорожденное дитя.

Испуганная огненной стихіей, кинувшаяся вслѣдъ за мужемъ отъ преслѣдовавшаго ихъ облака удушливаго горячаго пепла, женщина упала и умерла, не успѣвъ взглянуть на рожденнаго ею сына, и Асомъ, поспѣшно обернувъ младенца материнскимъ покрываломъ, бѣжалъ отъ проклятыхъ Богомъ городовъ.

Онъ не зналъ, куда приведетъ его судьба, но осиротѣвшій ребенокъ былъ голоденъ и своимъ жалобнымъ крикомъ заставлялъ отца учащать шаги.

Когда багровое отъ огненной пыли солнце опустилось за горы, Асомъ вошелъ въ лежащій у ихъ подножія небольшой городокъ. Тамъ обрѣлъ онъ пріютъ и заботу о новорожденномъ и навсегда остался у гостепримныхъ жителей.

II.

Асомъ, какъ и обитатели сожженныхъ городовъ, былъ обремененъ грѣхами. Жестокій и беспощадный, онъ не зналъ жалости ни къ людямъ ни къ животнымъ: истязалъ и убивалъ рабовъ, загонялъ непосильной работой беззащитныхъ муловъ. Но лишь теперь, когда постигъ гнѣвъ Божій Содомъ и Гоморру, онъ впервые понялъ весь ужасъ своей грѣховной жизни.

Въ его воспоминаніи прошли безумныя оргіи, прославившія его имя далеко за предѣлами, зоднаго города, предъ нимъ предстала, бѣжавшая за нимъ, цѣплявшаяся за его одежды жена... Онъ оттолкнулъ ее, и она упала, засыпаемая пепломъ. Тамъ осталась погребенной вся его жизнь. Долгія безсонныя ночи проводилъ онъ въ мучительномъ раскаяніи. Искупителемъ совершенныхъ имъ грѣховъ Асомъ рѣшилъ сдѣлать своего сына: сдѣлать изъ него праведника — такого, какого еще не вѣдалъ міръ.

Асомъ сталъ воспитывать душу маленькаго Авелаха, чтобы сердце его не знало жестокости, чтобы никогда онъ никому не причинилъ зла ни сознательно ни неволью.

Покуда мальчикъ былъ въ колыбели, это не требовало особыхъ усилій, но когда дитя подросло, забота о томъ, чтобы нога его даже случайно не раздавила ползущее по землѣ насекомое, или, чтобы, играя, по свойственной дѣтямъ жестокости, ребенокъ не вздумалъ ловить и мучить животныхъ, становилась все сложнѣе и труднѣе.

Но желаніе искупить свои грѣхи было у Асома такъ велико, что онъ успѣшно преодолевалъ всѣ трудности, и Авелахъ росъ, не зная вкуса животной пищи, не испытавъ наслажденія побѣ-

Иллюстрація къ легендѣ „Человѣкъ, который никого не убилъ“. (Гл. I).

Г. Манизеръ.

гать по шелковистой душистой травѣ. Смуглыя ножки ребенка никогда не касались земли, а худенькія ручки не погружались, въ игрѣ, въ золотистый песокъ...

Авелахъ росъ узникомъ, но, повидимому, не страдалъ отъ этого, такъ какъ съ первыхъ сознательныхъ мгновений своей жизни привыкъ къ внушаемой ему отцомъ мысли, что призванъ искупить грѣхи человѣчества.

— Сынъ мой, — говорилъ Асомъ, — міръ погибаетъ отъ того, что наполненъ убійцами. Какъ одинъ праведникъ могъ спасти отъ Божьяго гнѣва Содомъ и Гоморру, такъ одинъ человѣкъ, никогда не лишившій жизни другого существа, можетъ спасти міръ. Въ душѣ каждаго изъ насъ живетъ бессознательная, переливающаяся въ наши жилы вмѣстѣ съ кровью предковъ, жестокость и жажда уничтоженія, но никто не пытался побѣдить ихъ. Ты будешь первымъ, и имя твое будетъ благословенно во вѣкахъ.

И, съ каждымъ годомъ, дѣлаясь сознательнѣе, Авелахъ все съ большимъ вниманіемъ прислушивался къ словамъ отца и съ возрастающей вѣрой въ слышанное, уже строго слѣдилъ за собой, чтобы не совершить „убійства“. Правда, въ дѣтствѣ „кровь предковъ“ сказывалась въ немъ желаніемъ помучить пойманное насекомое, правда, временами и нынѣ въ душѣ его вспыхивала какая-то темная, неопредѣленная жажда разрушенія, росло какое-то мятежное, буйное чувство, но онъ умѣлъ подавлять его молитвою и постомъ.

Дни и годы устремлялись въ вѣчность. Изъ задумчиваго, блѣднаго юноши Авелахъ превратился въ мудраго, зрѣлаго мужа, ставшаго единственной отрядой одряхлѣвшаго Асома, радовавшагося, что сынъ его уже почти осуществилъ задуманное имъ искупленіе.

Но случилось нежданное. Однажды Авелахъ хотѣлъ подоить приведенную отцомъ ослицу; та заупрямилась, и, какъ ни приступалъ онъ къ ней, животное отталкивало его, не давая ему возможности взяться за переполненные молококомъ сосцы.

Отъ длительныхъ усилій кровь бросилась въ голову Авелаха, и вдругъ... онъ по-

Иллюстрація къ легендѣ „Человѣкъ, который никого не убилъ“. (Гл. II). Г. Манизеръ.

чувствовать, как знакомая, темная сила овладевает его душой.

Неиспытанная досель ярость охватила его с такой силой, что он задохнулся и, схватив острый посох отца, уже занес его над головой непокорной ослицы.

Но это длилось лишь мгновение: рассудок победил, и измученный страшным усилием воли, бледный от волнения, Авеллах отпрянул от ослицы и в изнеможении упал замертво на свое жесткое ложе.

* *
* *
*

И. Н. П—о.

Я иду по веранде пустынной,
Чуть касаясь до каменных плит;
День ненужный, и скучный и длинный,
Словно ужь меж камнями, скользнуть.
Я иду и не чувствую тѣла,
Полный кубокъ свободы мнѣ данъ;

Вся душа у меня опустѣла,
Словно послѣ грозы океанъ.
Онъ вздымаетъ валовъ своихъ гривы,
Безучастный къ стенаньямъ земли,
А на днѣ его спятъ молчаливо
Погребенные имъ корабли.

Наталія Грушко.

Мудрая природа.

Разсказъ А. Волковичъ-Вель.

Ее звали Розой, и в молодости, действительно, она была красавицей—розой.

Ужасно сказать „была“... „Да... была красавицей... была.“—часто, вздыхая, думала она, внимательно разглядывая въ зеркалѣ свое утомленное лицо... всѣ его печальные минусы и нежелательные плюсы.

Минусы эти начали сказываться съ ея нѣкогда роскошной, рѣдкостной, а теперь—увя!—голько рѣденькой шевелюры, но и все слѣдующее за этой шевелюрой шло въ унисонъ съ ней: блоснѣжный лобъ получилъ тоже очень неприятный минусъ: онъ потерялъ именно эту блоснѣжность и сталъ желтѣть, а какъ плюсъ—получилъ глубокия, продольныя морщины; съ бровями тоже было неладно: онѣ порѣдѣли, это какъ минусъ, а какъ плюсъ—волосъ ихъ сталъ длиннѣе, что было очень некрасиво. Персики-щечки потеряли, какъ минусъ, пухъ персика, а приобрѣли, какъ плюсъ—совсѣмъ нежелательныя впадины посередкѣ; но всего чувствительнѣе такія перемены отразились въ глазахъ, въ ея карихъ искрометныхъ глазахъ—теперь глаза эти потускнѣли: минусъ ихъ сказался въ потерѣ огня, а плюсомъ была утолщенность вѣкъ, отчего глаза стали меньше. Красивый прежде носикъ потерялъ свое классическое очертаніе, но въ плюсъ онъ вытянулся и казался великъ; что же касается пухленькаго пунцоваго рта, то о немъ даже и вчужѣ грустно вспомнить.

Къ тому же злое время, добравшись наконецъ до, вѣрно, давно уже намѣченной имъ жертвы, съ ожесточеніемъ испарало это нѣкогда прекрасное лицо, и царапины эти—иначе морщины—не заживали, а съ каждымъ годомъ дѣлались все глубже и глубже.

Экъ—красавица не могла смириться передъ этой неизбѣжностью разрушенія и чувствовала себя глубоко несчастной.

Однажды въ прекрасный августовскій вечеръ, особенно прекрасный на прекрасной Ривьерѣ, подъ ея темно-синимъ небомъ, точно спустившимся на землю, Розѣ было какъ-то особенно тяжело.

Въ огелѣ она занимала комнату, изъ оконъ которой былъ виденъ садъ и роскошная вилла, гдѣ проживали въ то лѣто какіе-то русскіе бары. Тамъ былъ вѣчный праздникъ, а въ тотъ вечеръ, когда ей было такъ тяжело на душѣ, садъ виллы горѣлъ тысячами огней, гремѣла музыка, и видно было, какъ въ большой залѣ весело мелькали пары, какъ вальсъ смѣнялся мазуркой, мазурка котильономъ, а въ антрактахъ случалось, что подходилъ кто-нибудь къ роялю, и Роза ясно слышала изъ своей комнаты каждое слово романсовъ и арій, которые тамъ пѣли: „Оседлаю коня, коня быстро... я помчусь, догоню свою молодость“.

Роза пугливо поднялась съ постели и, схватясь за грудь, пошла къ окну...

— Довольно, довольно,—шептала она; и точно въ отвѣтъ на ея мольбу пѣвецъ уступилъ свое мѣсто другому.

„А изъ рощи, рощи темной, пѣснь любви несется“,—началъ ласково и вкрадчиво бархатный теноръ.

Роза бросилась на постель и заплакала безотрадными, жгучими слезами...

А кругомъ все наслаждалось, все ликовало... Счастливыя парочки понеслись опять подъ звуки вальса, и въ саду тоже замелькали пары, и Роза, снова подойдя къ окну, видѣла, какъ онѣ сливались иной разъ въ долгомъ блаженномъ поцѣлуѣ. „Да... они молоды—значитъ, они правы,—вздыхала она.—Ахъ, жизнь... жизни!.. Пиръ жизни!“

Она сѣла на постель и, раскачиваясь и скрестивъ руки на груди, тихо и жалобно стонала. Старость беззлѣйная... безобразная старость!.. Ужасно!..

Подъ утро, задремавшій чуткимъ старческимъ сномъ Асомъ очнулся отъ какихъ-то странныхъ, несшихся отъ ложа Авелаха, стоновъ. Въ недоумѣніи направился онъ къ сыну и увидѣлъ его... съ вонзеннымъ въ сердце остриемъ посоха.

— Отецъ! — успѣлъ прошептатъ умирающій наклонившемуся къ нему въ ужасѣ Асому.—Отецъ, ты заповѣдалъ мнѣ не убивать ни одного живого существа, но ты перелилъ въ мои жилы кровь убійцы. Я не могъ поборотъ живущей въ моемъ сердцѣ жестокости и, чтобы не убить другого, убилъ себя.

Ей припомнились слова ея хорошаго знакомаго, который часто повторялъ: „Повѣрьте: природа это—сама мудрость, и всѣмъ съ закономъ возможно подчиниться—она сама дастъ лѣкарство отъ горя... сама“.

— А вотъ я не могу подчиниться... я страдаю... для меня нѣтъ исхода... Можетъ-быть, для другихъ онъ и есть, а для меня его нѣтъ... нѣтъ... — шептала она теперь, и настоящее ей казалось невыносимымъ.

Отчасти она была права. Утѣшеніе старости—ласки семьи. Но семьи у нея никогда не было—она была разводка и безъ дѣтей... Что же тогда у нея есть?.. Что?.. Главное, можетъ-быть, ей было тяжело то, что она была только старѣющая красавица, но еще не старуха... Въ этомъ возрастѣ она знала людей, которые увлекались общественной дѣятельностью и жили сильно духовной полной жизнью... А чѣмъ она будетъ увлекаться?.. Чему она отдастъ длинные, скучные дни, безконечныя досуги?.. Духовная жизнь ея никогда не занимала. Она всегда была отъ нея въ сторонѣ. Ахъ... Если бъ она была бѣдна, ей было бы тогда еще много легче.

И она вспомнила знакомыхъ служащихъ женщинъ: гувернантокъ, учительницъ—у всѣхъ у нихъ былъ такой озабоченный видъ, что о „скукѣ“ тутъ не могло быть и рѣчи. Но чѣмъ ей наполнить свою жизнь? Чѣмъ?

И ей казалось, что она, все еще блестящая и прекрасная, точно сошла съ разубранныхъ подмостковъ и очутилась на краю бездны.

Она стояла надъ ней не столько испуганная, сколько озадаченная и, недоумѣвая, озиралась кругомъ. Какъ она можетъ быть здѣсь, а не тамъ, на пиру жизни!.. Ужасно... ужасно... и это томленіе—вѣдь оно будетъ вѣчно, развѣ можно помириться, что ты отцвѣла, какъ цвѣтокъ, да... да... какъ цвѣтокъ! Слетѣли всѣ лепестки, исчезъ аромат, и черный стебель внушаетъ только отвращеніе... Ахъ!

Она повалилась на подушку и заплакала:

— Никогда я съ этимъ не помирюсь... никогда!—шептала она.— Мудрая природа! Гдѣ твои лѣкарства?..

И вдругъ ей показалось, что кто-то приблизился къ ея двери. Она насторожилась и широко раскрыла глаза. Въ комнатѣ были ангелы.

— Природа разрушаетъ тебя,—сказалъ онъ ей мягкимъ, ласковымъ голосомъ,—природа тебя и успокоитъ. Я къ тебѣ приведу твою сестру, она дастъ тебѣ успокоеніе.

— У меня нѣтъ сестры,—удивилась Роза.

— Нѣтъ, а будетъ,—улыбнулся ангелъ.—Только знай, она очень жалка, твоя сестра, не пугайся ея, а прими съ благодарностью, какъ посланницу милости Божіей...

— Милость Божія!—вскрикнула Роза.—Здоровье... сила... красота...

Ангелъ покачалъ головой:

— Отецъ нашъ Небесный знаетъ лучше насъ, что намъ надо,—молвилъ онъ и скрылся, а на его мѣстѣ появилась какая-то странная фигура.

Она скорѣй вползала въ комнату, чѣмъ шла, и, направляясь къ Розѣ, хваталась, чтобы не упасть, за всѣ предметы, которые были на ея пути.

Роза испуганно отодвинулась отъ края кровати и прижалась къ стѣнѣ.

Жалкая, закутанная фигура, тяжело дыша, еле добралась до этой кровати и тутъ вдругъ, жалобно взглянувъ на Розу, издала какой-то протяжный звукъ и заключила ее въ свои объятія.

— Кто ты?.. Кто ты?..—испуганно спрашивала Роза.

— Я—Слабость... Слабость...—шептала въ отвѣтъ та странная фигура и нѣжно цѣловала Розу и въ губы и въ глаза...

— Слабость...—повторяла за ней Роза и, равнодушно взглянувъ на ярко освѣщенную въ саду виллу и мелькающія въ ней пары, она вытянулась на постели и, предвкушая блаженство сладкаго сна, улыбаясь, прошептала:—Да, да, понимаю. Ангелъ привелъ сестру старости... слабость... Ахъ!.. хорошо!.. Никому не завидую!.. Хорошо!..

И послѣ того она прожила еще нѣсколько лѣтъ, и ей дѣйствительно жилось очень хорошо. Слабость дала ей полный отдыхъ отъ всѣхъ мучившихъ ее волненій.

— Мнѣ известны даже острия наслажденія,—улыбался, говорилъ иной разъ Роза.—Это предвкушеніе покоя... Жажда его и, наконецъ, самъ покой, если почему-нибудь мнѣ пришлось устать.

Роза такъ сжилась со своей старостью, сестра которой, слабость, совершенно атрофировала всѣ ея прежнія несбыточные желанія и стремленія, что она теперь хотѣла только долго жить, и страхъ смерти все чаще и чаще сталъ посѣщать ее.

— Я давно не завидую молодости,—говорила она,—ей свое, а мнѣ—свое...—но вотъ смерть... ожиданіе ея... Ахъ!.. Ужасно!

И съ каждымъ днемъ этотъ „ужасъ“ все больше и больше овладевалъ ею. Она ужъ плохо спала по ночамъ, а днемъ плакала и жаловалась на этотъ страхъ. Напрасно близкіе утѣшали ее, говоря, что неизвѣстно, кто раньше и кто позже. Роза горько улыбалась.

— Толкуйте себя,—отвѣчала она,—для молодыхъ это сюрпризъ, а для меня—законъ. Я вотъ лежу и все представляю себя: какъ я начну холодѣть... какъ посинѣютъ мои ногти... Ужасъ!.. Ужасъ!.. И фантазія моя разыгрывается такъ всю ночь... И томлюсь безсонницей, я себя представляю, какъ въ мою комнату вошелъ гробовщикъ... какъ я лежу въ гробу, а иной разъ даже и то мнѣ въ голову идетъ... вотъ... вотъ—непрѣменно меня схоронять живой!..—и Роза плакала и говорила:—Ахъ, Господи!.. И нѣтъ вѣдь лѣкарства отъ этихъ думъ. Ужъ если смерть необходима, надо бы тоже, чтобъ она была и желанна. Говорятъ: мудрая природа, а какая жъ это „мудрость“, если человѣкъ не можетъ покориться ея законамъ...

Роза повторяла это очень часто всѣмъ, кто только снисходилъ къ ея тоскѣ и соглашался ее слушать; днемъ это были ея исключительные разговоры... ночью ея единственная дума, и вдругъ такъ же ночью, однажды, какъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ, дверь ея спальни открылась, и на порогѣ показался свѣтлый ангелъ.

— Ты смерть?.. Смерть?..—въ испугѣ вскрикнула Роза.
— Нѣтъ, я твой ангелъ,—услышала она въ отвѣтъ,—я вижу твое малодушіе... вижу, что ты близка къ отчаянію, и я здѣсь, чтобы спасти тебя.

Роза бросилась передъ нимъ на колѣни.
— Вылѣчи меня отъ моего страха,—умоляла она,—отъ страха смерти—я ужасно страдаю... Ахъ, кажется, этотъ страхъ страшнѣе самой смерти.

— Ты права,—улыбнулся ангелъ.—Смерть не страшна—страшно только ея ожиданье, а я вотъ тебѣ облегчу это ожиданье—больше того, въ этомъ ожиданіи ты найдешь и покой свой и радость.

Роза испугалась.
— Нѣтъ, нѣтъ... только не ожиданье смерти!—вскрикнула она.—Только не ожиданье.

— Успокойся,—тихо сказала ангелъ.—Ты теперь не будешь ждать ее въ одиночествѣ, я пошлю къ тебѣ твою старшую сестру—младшая облегчила тебѣ жизнь, старшая облегчитъ смерть.

Ангелъ скрылся, а въ открытую дверь спальни Розы съ ужасными стопами и раздирающимъ душу крикомъ вошла, шатаясь, какая-то темная фигура. Роза хотѣла спрятаться въ постель, но та, которую ангелъ называлъ сестрой оя,—сестрой старости—подползла къ ея постели, повалилась на подушки рядомъ съ ней и, простираясь, обняла ее.

И въ ту же минуту Роза почувствовала себя больной, но страхъ смерти всеѣмъ исчезъ.

— Господи!..—часто шептала она потомъ.—Возьми меня скорѣй къ Себѣ... Господи!.. Господи!.. Скорѣй!.. Скорѣй!..

Съ этими возгласами она просыпалась и засыпала и, наконецъ, въ одну ночь—заснула навѣкъ.

Лицо ея приняло выраженіе величаваго спокойствія, блаженства, что Господь услышалъ ея молитву... пресѣкъ ея дни, послалъ желанную смерть.

Возвращеніе.

Наклонитесь къ этимъ безконечнымъ,
Въ ноги небу брошеннымъ полямъ,—
И, подъ вѣтромъ ласковымъ и встрѣчнымъ,
Вы себя обнимете безпечнымъ,
Улыбнетесь брошеннымъ годамъ!
Зашумятъ, поклонятся знакомо
Заволнуютъ дали безъ межей,
И рѣка подъ досками парома.

Лѣсъ въ цвѣту, и тихій голосъ грома,—
Юныхъ пѣсень мягче и свѣжѣй!
Какъ отрадно радостнымъ казаться,
Слышать вѣсть зеленаго Гонца,
И съ душой божественной сливаться,
Слыша гимнъ природы вѣчныхъ святцевъ:—
Блудный сынъ вернулся въ домъ Отца!

Н. Тихоновъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разорочки, подписная плата за „Ниву“ 1918 года должна быть внесена **полностью къ 1-му августа сего года**. Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ поэтому гг. подписчиковъ, не внесшихъ сполна подписныхъ денегъ, озаботиться **немедленною присылкою** остальной причитающейся съ нихъ суммы **во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала**. Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копию печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ и непремѣнно указывать, что деньги высылаются въ доплату за получаемый уже журналъ**.

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **1 рубль и печатный адресъ**.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Останія луна. Стихотвореніе К. Бальмонта.—Латюль — узникъ Бастили. Равсказъ Е. Фортунато.—Плехановъ. Очеркъ Леонида Добролюбова.—Человѣкъ, который никого не убилъ. Легенда С. Анничковой.—Стихотвореніе Наталіи Грушко.—Мудрая природа. Равсказъ А. Волковичъ-Вель.—Возвращеніе. Стихотвореніе Н. Тихонова.—Заявленіе. РИСУНКИ: Передвижная выставка 1918 г. Картины Г. Савицкаго, И. Рѣпина,

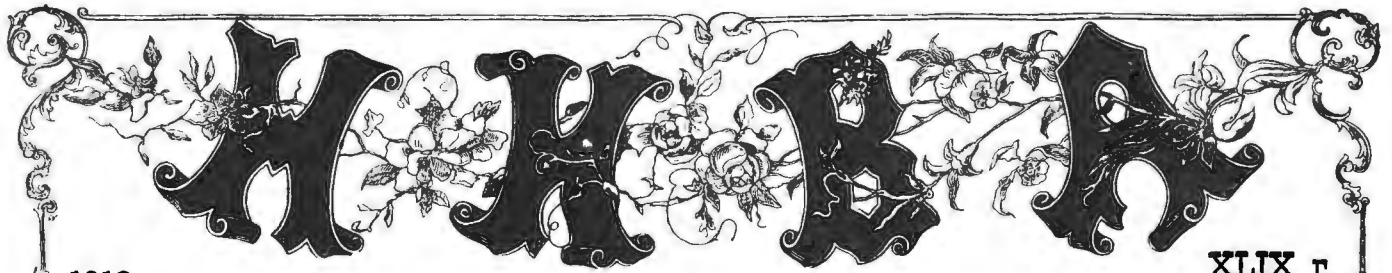
А. Лаховскаго, И. Творожникова.—Латюль—узникъ Бастили. (Музей Карпавалэ). Вѣстье.—Георгій Валентиновичъ Плехановъ. († 30 мая 1918 г.).—Иллюстраціи Г. Манисера къ легендѣ С. Анничковой „Человѣкъ, который никого не убилъ“.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Герцена“ книга 12.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

1918 г.

№ 30.

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 52 книг „Сборника“, содержащих сочинения А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. М. КАРЬЕВА („Великая Французская Революция“).

XLIX г.
издания.

Выданъ 27 июля 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—36 р., на 1/2 г.—18 р., на 1/4 г.—9 р. Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 к.

Главная Контора и Редакция: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Литературное наследіе Апухтина.

(Юмористическія стихотворенія, впервые появляющіяся въ печати).

Очеркъ П. В. Быкова.

Нѣсколько завсегдатаевъ ресторана „Братья Пивато“ на Морской, въ Петербургѣ, собрались „en petit comité“ вечеркомъ и тайкомъ другъ отъ друга зѣвали. Ужинъ еще не былъ поданъ, но пріатели прошли уже раза два по маленькой, и тѣмъ не менѣ финь-шампань не наладилъ бесѣды; разговоръ какъ-то не клеился. И вдругъ стулья сразу задвигались, пріатели повскакали съ мѣстъ,—и совершилось превращеніе. Вошелъ небольшого роста гость необычайной толщины и внесъ кислородъ остроумія, котораго здѣсь такъ не доставало.

— Что такъ поздно?—упрекнули его.

— Да, вотъ, заслушался музыки—и застрялъ у Мендельсонечки! Это онъ такъ называлъ одну свою знакомую виртуозку, которую звали Софіей, обожавшую творенія Мендельсона. И до- бавилъ:

— Тамъ была и очаровательная Адвокатенька.

А такое имя онъ далъ Екатеринѣ,—особѣ, вышедшей замужъ за присяжнаго повѣреннаго.

Вошедшій былъ въ бодромъ, хорошемъ настроеніи, что называется, въ ударъ—и одинъ изъ его друзей, всегда усердно записывавшій его экспромпты и *beauх-mots*, едва успѣвалъ это дѣлать. Остроумецъ, душа общества былъ не кто иной, какъ поэтъ Апухтинъ. Когда всѣ заняли мѣста за столомъ, онъ сказалъ меланхолично:

Сидимъ мы тѣсною семьей,
Еще тѣснѣй стоятъ бутылки...
Не порѣдѣтъ ли нашъ строй,
Когда въ полу прильнуть затылки?

Угличь.

Передвижная выставка 1918 г.

К. Горбатовъ.

Остроуміе рѣдко покидало поэта. Юмористическіе экспромпты лились у него неудержимо, въ видѣ безобидной салонной критики, сравненій, каламбуровъ, и въ дружескомъ кружкѣ и въ чопорномъ обществѣ, и когда онъ входилъ куда-нибудь, всѣ ждали, что онъ скажетъ, что онъ броситъ мимоходомъ, словно невзначай. Въ домѣ, хозяинъ котораго, очень любившій поэта и имѣвшій отношеніе къ Лицею—въ интимной бесѣдѣ съ поэтомъ высказалъ свое равнодушіе къ предпраздничнымъ наградамъ, Апухтинъ сказалъ:

Что слава намъ?—любовь артиста,
Иль орденъ Бѣлаго Орла,
Или поклоны лицейста
Чуть не назъ cadaго угла?

Юмористическая жилка сказалась въ Апухтинѣ довольно рано. Когда онъ учился въ Училищѣ Правовѣднія, тамъ онъ слышалъ толки и споры о славянофилахъ, повторявшіеся и въ домѣ Хвостовой, собиравшей его стихи, и въ ея завѣтную тетрадь пятнадцатилѣтній поэтъ экспромптомъ написалъ на мотивъ лермонтовскаго „Отворите мнѣ темницу“—„Желаніе славянина“:

Дайте мнѣ нарядъ суровый,
Дайте мурмолку мою,
Неуклюжій столъ дубовый
И дубовую скамью.
Дайте съ лукомъ буженины,
Псовъ ужасныхъ на цѣпяхъ
Да лубочныя картины
На некрашенныхъ стѣнахъ.
Дайте мнѣ большую полку
Всевозможныхъ древнихъ книгъ,
Голубую одноколку,
Челядинцевъ верховыхъ.
Пусть увижу въ домѣ новомъ
Золотую старину,
Да въ кокошникѣ парчевомъ
Бѣлобрысую жену.
Чтобъ подруга дорога
Все сидѣла бы одна,
Полотенца вышивая
У закрытаго окна.
А на пиръ съ лицомъ смиреннымъ
Выходила бы она
И огромный кубокъ съ „пѣннымъ“
Вышивала бы до дна...

Когда же начали появляться въ нашихъ журналахъ въ изобиліи переводы изъ Гейне, и преподаватель словесности предложилъ Апухтину—не переведетъ ли онъ что-нибудь изъ этого поэта такое, что характеризовало бы капризную его музу. Къ концу класса Апухтинъ, улыбаясь, подалъ преподавателю такую пародію.

Вечеръ длится, тихъ и ясенъ,
Колокольчикъ дребезжитъ,
А баронъ Рожеръ фонъ-Классенъ
Въ замокъ Мозельбургъ спѣшить.
Люди спать; востокъ прекрасенъ,
Солнце всходитъ за горой,
А баронъ Рожеръ фонъ-Классенъ
Возвращается домой.

Въ другой разъ товарищу своему, писавшему стихи и просящему Апухтина сказать по его адресу экспромптъ, поэтъ продекламировалъ.

Чудный гений! Въ тьму пучинъ
Бросилъ стихъ свой исполнень...
Шею вывернувъ пегасу,
Музу вздѣвши на арканъ,
Въ тропы лбомъ, спиной къ Парнасу
Мощный скачетъ великанъ.

И тому же товарищу въ альбомъ онъ написалъ въ классѣ экспромптъ:

Не лпши въ водѣ черниломъ,
Мухъ безменомъ не лови.
Не толки предъ другомъ милымъ
Въ стучкѣ рѣчи о любви.
Въ воду только грязь забьется,
Муха дальше отлетитъ;
Другъ, какъ муха, отвернется,
Какъ чернило, загрязнитъ.

У Хвостовой читали чей-то переводъ поэмы Байрона „Паризина“. Апухтина спросили, какъ ему нравится этотъ переводъ. Семнадцатилѣтній поэтъ моментально отвѣтилъ:

О, что бы сказалъ творецъ безсмертный „Паризина“,
Увидѣвъ образъ свой у этой образины?

Тамъ же онъ сочинилъ экспромптомъ эпиграфю одному изъ живыхъ товарищей по Училищу, недалекому малому, косоглазому, недоброжелательному:

Се, Спарскій погребень: зсмля не имать срама—
Глядѣлъ онъ косо въ мѣръ, а въ дураки—прямо.

Поэтъ усердно посѣщалъ балы, рауты, вечера и вносилъ своимъ присутствіемъ много оживленія. Попалъ онъ случайно въ одинъ домъ, куда, главнымъ образомъ, вводились знаменитости. Тогда онъ только-что окончилъ курсъ и помѣстилъ нѣсколько стихотвореній въ „Современникъ“ и другихъ изданіяхъ. Хозяйка дома, которой его представили, заподозрѣвшая и въ немъ какую-либо знаменитость, скороговоркой спрашивала его: „Vous jouez? Vous chantez?“ („Вы играете? Вы поете?“). Апухтинъ съ тою же скоростью и комическою серьезностью отвѣчалъ: „Non, madame, je nage!“ („Нѣтъ, сударыня, я плаваю!“).

Зная, гдѣ будетъ Апухтинъ, многія барышни и барыни брали съ собою альбомы. Поэтъ съ готовностью и безъ усталы вписывалъ въ нихъ свои стихи. Одной родственницѣ онъ написалъ:

Вчера на чудномъ, свѣтломъ балѣ,
Отъ вальса быстро уставъ,
Вы, невзначай и задрожавъ,
Свою перчатку разорвали.
И я подумалъ: о, мой Богъ!
(А на душѣ такъ было сладко)
Я былъ бы счастливъ, если бы могъ
Быть той разорванной перчаткой!

Поэтъ нашелъ это стихотвореніе достойнымъ тетради своего друга Г. П. Карцова и продиктовалъ ему этотъ стишокъ вмѣстѣ съ другимъ, посланнымъ въ Москву извѣстной въ свое время поэтессѣ Каролинѣ Карловнѣ Павловой, послѣ прочтенія ея поэмы „Кадриль“, напечатанной въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ Каткова:

Я прочтала, я прочтала
И перечитывала три раза
И наизусть припоминала
Страницы вашего рассказа.
Какія рѣзны, что за стиль!
Восторга слезъ я льяла не мало,
И сердце страстно танцовало
Подъ вашъ плѣнительный „Кадриль“.
Теперь въ душѣ одно желанье:
О, если бы гдѣ-нибудь, въ собраньи,
Или на балѣ, встрѣтить васъ
Всю окруженную цвѣтами,
И провести въ бесѣдѣ съ вами
Хотя одинъ ничтожный часъ;
О ходѣ русскаго прогресса
Тираду длинную сказать,
О Пушкинѣ потолковать...
И послѣ... съ вами, поэтесса,
Одну кадрили протанцовать!

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ по рукамъ долго ходило сатирическое стихотвореніе Апухтина „Плачь Юстиніана“, написанное поэтомъ подъ живымъ впечатлѣніемъ посѣщенія суда присяжныхъ. Заимствуемъ его изъ той же тетради Г. П. Карцова, съ поправками автора:

Ночью вчера, задремавъ очень рано,
Въ грезахъ увидѣлъ я Юстиніана.
Въ мантии длинной, обшитъ собольемъ,
Такъ говорилъ онъ, сверкая очами:
„Русь дорогая, тебѣ ли я вижу?
Что съ тобой? Ты не уступишь Парижу.
Есть учрежденія въ тебѣ мировыя,
Рельсы на Невскомъ, суды окружные:
Чтобъ не отстать отъ рутинѣ заморской,
Есть въ тебѣ даже надзоръ прокурорскій,
То, что въ другихъ образованныхъ странахъ.
Есть и присяжные... въ длинныхъ кафтанахъ.
Въ судьи ученыхъ тебѣ и не надо,
Судьямъ въ лаптяхъ ты, родимая, рада.
Имъ ужъ не мѣсто въ конторѣ питейной —
Судать и рядать весь мѣръ на Литейной.
Вѣчно во всемъ виноваты дворяне,
Это присяжные знаютъ заранѣ:
Свистнуть начальника въ рожу полезно,
Это крестьянскому сердцу любезно.
„Вотъ молодець!—говорятъ они хоромъ.—
„Стоитъ ли думать надъ такимъ вздоромъ?“
Если жъ нельзя похвалить его гласно,
„Онъ сумасшедшій!—рѣшать всѣ согласно,—
„Но не надолго ума онъ лишился,
„Треснулъ—и тотчасъ опять пѣлся!“
Публика хлопаютъ, и въ наказанье
Шлютъ ее вонъ,—подъ конецъ засѣданья.
Злы у васъ судьи, но злѣй адвокаты;
Рѣдко кто чешется: всѣ демократы!
Какъ я люблюсь на всѣ эти секты,
Я, написавшій когда-то панкеты.
Какъ бы министры мои удивились,
Знавшіе весь „corpus juris civilis“,
Если бы изъ дальней родной Византии
Вѣтеръ занесъ ихъ на сѣверъ Россіи.
Тамъ, въ Византии, сравненный съ Минервой,

Древній Псковъ.

Передвижная выставка 1918 г.

К. Горбатовъ.

Законодатель считался я первый;
Здѣсь же остаться мнѣ первымъ ужъ трудно:
Здѣсь сочинить законы Зарудный!
Смолкъ императоръ при имени этомъ,
Словно ужаленный острымъ ланцетомъ,
И, въ подтвержденіе великой печали,
Слезы изъ глазъ его вдругъ побѣжали.
Чтобъ усыпить его силой пѣлебной,
Далъ я прочесть ему „Вѣстникъ Судебный“,
Самъ же прочесть объ урусовскомъ дѣлѣ,—
И, къ удивленью, проснулся въ постели.
Видно, не даромъ все это видѣнье!
Было ужасно мое пробужденіе:
Солнце въ глаза ужъ смѣялось мнѣ рѣзко,
Отъ мрובהго лежала повѣстка,
И осторожно, какъ нѣкіе воры,
Въ спальню входили ко мнѣ кредиторы.

Къ этому же времени относится нѣсколько экспромптовъ Апухтина, каковы, напримѣръ: „Сенатору Кастору Лебеву“, причастному къ литературѣ, автору „Записокъ“, полезному общественному дѣятелю:

Ты весь свой вѣкъ служилъ, отечество любя,
Но если и теперь любовь та не погасла,
Дозволь Россіи выжать изъ тебя
Хоть рюмочку кастороваго масла.

Или „по случаю паденія князя Суворова съ лошади въ Ниццѣ“. Тамъ особенно много говорилъ Апухтинъ экспромптовъ и писалъ стихотвореній на случай, и русскихъ и французскихъ:

Какъ сражены мы этимъ слухомъ,
Намъ Италійскій генералъ:
Тамъ, гдѣ твой дѣдъ не падалъ духомъ,
Ты даже съ лошади упалъ...

Гораздо менѣе добродушна надпись Апухтина „Къ портрету А. Н. Сѣрова“, знаменитаго композитора и музыкальнаго критика котораго поэтъ недолюбливалъ:

О музыкѣ судя лѣтъ сорокъ вкось п вкрывъ,
Надъ Ростиславомъ онъ отпраздновалъ побѣду.

Сначала выпустилъ Юдию,
Потомъ Рогнеду.

Изъ музыканта онъ вдругъ педагогомъ сталъ.
Но въ педагогіи покрясая вѣчнымъ сражомъ:

Шаховъ воспитанье далъ
Онъ этимъ дамамъ.
Одна Владиміра хотѣла уморить,
Другая пьянаго прельстила Олоферна,—
И обѣ такъ привыкли выть,—
Что даже скверно.

Упоминаемый здѣсь Ростиславъ—псевдонимъ писателя Теофила Матвѣевича Толстого, автора романа „Болѣзни воли“, нашу мѣвшаго въ свое время и вызвавшего отзывъ критика Писарева Ѳ. М. Толстой долго былъ музыкальнымъ рецензентомъ, извѣстенъ и какъ композиторъ.

Недолюбливалъ поэтъ и священника одной изъ нашихъ иностранныхъ посольскихъ церквей, протоіерея Константина Лукича Кустодіева за его фразерство. Послѣ рѣчи Кустодіева по поводу двухсотлѣтняго юбилея Петра I, поэтъ сказалъ экспромптъ, записанный у Г. П. Карцова подъ заглавіемъ „Злопамятность духовенства“:

Петръ I не любилъ поповъ. Построивъ Питеръ,
Онъ патриарха сократилъ...
Черезъ двѣсти лѣтъ ему Кустодіевъ пресвитеръ
Своею рѣчью все отмѣтилъ.

Эта двухсотая годовщина рожденія Петра вызвала у Апухтина нѣсколько стихотвореній исключительно юмористическаго характера. Вотъ одно изъ нихъ, наиболѣе яркое:

Двѣсти лѣтъ тому назадъ
Созволилъ царь родиться...
Разъ, пріѣхавши въ Карлсбадъ,
Вздумалъ шпруделя напитокъ.
Двадцать восемь кружекъ въ рядъ
Въ плотку царственную влились...
Вотъ какъ русскіе лѣчили
Двѣсти лѣтъ тому назадъ.
Много натворивъ чудесъ,
Онъ процарствовалъ счастливо...
Борода не „surgemäss“ —
Разрѣшилъ за кружкой пива:
Съ трескомъ бороды летать...
Пытки, казни... Все въ смятеніи...
Такъ вводилось просвѣщеніе
Двѣсти лѣтъ тому назадъ!
А сегодня въ храмъ святой
Незлопамятны, смиренны,
Валить русскіе толпой

И, кофнопреклоненны,
 Всѣ въ слезахъ, благодаритъ
 Вседержителя благого,
 Что послалъ царя такого
 Двѣсти лѣтъ тому назадъ...

Это написано въ Карлсбадѣ, гдѣ Апухтинъ лѣчилъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Здѣсь ходило по рукамъ и его шуточное стихотвореніе „Споръ“—какъ прощальный привѣтъ князю А. О. Голицыну, пародія на лермонтовское стихотвореніе подъ тѣмъ же заглавіемъ:

Какъ-то разъ предъ соимомъ важнымъ
 Всѣхъ богемскихъ горъ
 Былъ со шпруделемъ отважнымъ
 У Мюльбрунна споръ:
 „Не пройдетъ, смотри, и вѣка, —
 Говоритъ Мюльбруннъ, —
 Какъ намъ всѣмъ отъ чловѣка
 Будетъ карачунъ.
 Богатѣ годъ отъ году
 Нашимъ же добромъ,
 Нѣмецъ вылижетъ всю воду
 Пополамъ съ жидомъ.

Бродятъ вѣчнымъ привидѣньемъ
 Прежніе князьки;
 Остальные боизливо
 Спятъ, покой дѣня...
 Нѣтъ, не пѣмцу съ кружкой пива
 Покорить меня!“
 „Не хвались еще заранъ, —
 Возразилъ Мюльбруннъ, —
 Тамъ, на сѣверѣ, въ туманѣ...
 Посмотри, хвастунъ!“
 Тайно вѣстію печальной
 Шпрудель былъ смущенъ
 И, плеснувъ, на сѣверъ дальній
 Взоры кинулъ онъ.
 И туда въ недоумѣньи
 Смотритъ, полный думъ,
 Видитъ странное движеніе,
 Слышитъ звонъ и шумъ:
 Отъ Саратова отъ града,
 По чугунокъ въ рядъ,
 Вплоть до самаго Карлсбада
 Поѣзда летятъ.
 Устраивая всѣ препоны,

Провинція 30-хъ годовъ.

Передвижная выставка 1918 г.

В. Кучумовъ.

Ужъ и такъ къ намъ страху мало
 Чувствуетъ народъ:
 Гдѣ орелъ парилъ, бывало,
 Нынче динстманъ преть!
 Гдѣ кнѣзь ты, такъ прекрасенъ
 Сядетъ сплекумантъ,
 Берегися: охъ, опасенъ
 Этогъ фатерландъ“.
 — „Ну, бояться и не буду, —
 Шпрудель отвѣчалъ.—
 Посмотри, какъ разомъ всюду
 Нѣмецъ измѣлчалъ.
 Изъ билетовъ лотерейныхъ
 Сшивъ себѣ кошаакъ,
 Въ пререканіяхъ семейныхъ
 Дремлетъ австриакъ.
 Юнъ лѣтами, сердцемъ старецъ,
 Важенъ и блудливъ,
 Сномъ глубокимъ спитъ баварецъ,
 Вагнера забывъ.
 Есть одно у нѣмцевъ нми
 Имя то—Берлинъ;
 Надо всѣмъ онъ надъ ними
 Полный господивъ;
 Но и тамъ въ чаду канкана
 Бранный кличъ затихъ...
 Лавры Вѣрта и Седана
 Успляютъ ихъ.
 Пруссакъ, хоть онъ всеисилень,
 Дальше не пойти:
 Можеть вѣдъ durch Gottes Willen
 Все произойти...
 А кругомъ, пылая мщеніемъ
 И казной легкой,

Быстры, какъ стрѣла,
 Стройно катятся вагоны,
 Коимъ нѣтъ числа.
 Въ каждомъ по два адъютанта,
 Флаги и шатры,
 Для служанокъ „Элефанта“
 Цѣнные дары.
 Маркитантки, офицеры
 Сѣла по чинамъ.
 Разныхъ націй кавалеры,
 Губернаторъ самъ:
 И, зубри уставъ военный,
 Зазубривъ мечи,
 Изъ Зубриловки почтенной
 Ъдутъ усачи...
 И, испытанный трудами
 Жизни кочевой,
 Ихъ ведетъ, грози очами,
 Генералъ сѣдой...
 И, томимъ зловѣщей думой,
 Полный черныхъ сповъ,
 Шпрудель сталъ считать угрюмо —
 И не счелъ враговъ.
 „Можеть-быть, свершится чудо.
 Стану высыхать... —
 Прошепталъ онъ.—А покуда
 Дамъ себя я знать!“
 И, кипи въ налитой кружкѣ,
 Грозенъ и великъ,
 Онъ ганноверской старушкѣ
 Обварилъ языкъ.

Тамъ же, въ Карлсбадѣ, онъ написалъ каламбурный экспромптъ по поводу назначенія Михаила Николаевича Лонгинова началь-

На рѣкѣ.

Передвижная выставка 1918 г.

Н. Бажинъ.

никомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Лонгиновъ — известный библиографъ, порнографъ и ярый врагъ свободы слова.

Ниспославъ вѣкій вожь на пишущую бранью,
Быль губернаторомъ немного лѣтъ въ Орлѣ...

какъ Беранже, въ минуты облегченія... „Шутить, весь вѣкъ шутить, какъ васъ на это станеть?“ — повторялъ ему стихъ Грибоѣдова одинъ изъ пріятелей. — „Думаю, что останюсь... когда меня будутъ хоронить!“ — отвѣчалъ, не моргнувъ глазомъ, Апухтинъ.

Подъ чужимъ знаменемъ.

Разсказъ А. Хирьякова.

Я получилъ въ дѣтствѣ очень деликатное воспитаніе и, не смотря на это, долженъ былъ служить въ конторѣ.

Да, я служилъ въ конторѣ и отъ 9 до 5 часовъ щелкалъ на счетахъ и вписывалъ различныя цифры въ огромныя, толстыя книги, однимъ своимъ видомъ внушавшія уваженіе посѣтителемъ. Очень недалеко отъ меня сидѣла хорошенькая барышня и стучала на машинкѣ.

Во время перерыва, который полагался для завтрака, мы иногда бесѣдовали о послѣднихъ театральныхъ новинкахъ, судебныхъ процессахъ, о политическихъ событіяхъ, о новыхъ стихотвореніяхъ, которыя надо было чувствовать, но не всегда можно было понять, однимъ словомъ, о всѣхъ тѣхъ вопросахъ, о которыхъ могутъ разговаривать молодые люди, слѣдящіе за теченіемъ событий. Ее звали Полина Мартыновна. Настоящее ея имя было Палагея или Пелагея, но почему-то это считается неблагозвучнымъ и замѣняется Полиной. Кромѣ Полины Мартыновны и меня въ конторѣ были и другіе служащіе. Но, по молчаливому соглашенію, какъ-то установилось, что оказывать преимущественное вниманіе — я избѣгаю пошлаго слова: ухаживать, которое и звучитъ нелѣпо и устарѣло — можно было своимъ ближайшимъ сосѣдкамъ, не внося такимъ образомъ лишней суеты и путаницы въ спокойное теченіе конторскихъ дѣлъ.

У Полины Мартыновны, кромѣ меня, былъ лишь одинъ сосѣдь, а именно помощникъ главнаго бухгалтера Касъ — высокій блондинъ съ блѣдно-голубыми глазами, какъ у заснувшаго судака, и съ удивительно соннымъ выраженіемъ лица. За глаза его обыкновенно называли „нашъ нѣмецъ“, или Квасъ, или Указъ, однимъ словомъ, прижѣняли къ его фамиліи свойственное русскому человѣку остроуміе, кто сколько могъ. Въ глаза же его называли по имени и отчеству и мѣтили съ нимъ только служебные разговоры, такъ какъ нѣмецъ держалъ себя нѣсколько сухо, давая понять, что при всемъ своемъ доброжелательствѣ онъ все-таки помощникъ главнаго бухгалтера.

Встрѣчаясь съ Полиной Мартыновной, онъ улыбался ей болѣе любезной улыбкой, чѣмъ другимъ, т.-е. на болѣе долгій срокъ подтягивалъ вверхъ верхнюю губу, обнажая длинныя желтыя рѣзцы, и называлъ ее Полиной Мартыновна или „барышня“. Со мной онъ былъ, пожалуй, тоже бо-

лѣе разговорчивъ, чѣмъ съ другими, быть-можетъ, потому, что я сидѣлъ ближе, и намъ приходилось обмѣниваться справками.

У Полины Мартыновны была знакомая артистка частнаго дра-

На желѣзнодорожномъ пути. Передвижная выставка 1918 г. И. Творозжниковъ.

матического тсагра, через которую она иногда доставала даровые билеты, этими билетами Полина Мартыновна надбляла и меня и Каса, так что никто не мог упрекнуть ее, что она отдает кому-либо предпочтение. Хотя долженъ сказать безъ ложной скромности, что она чувствовала ко мнѣ болѣшую симпатию, такъ какъ въ отсутствіи Каса называла его не только нѣмцемъ, но и колбасой, что едва ли можетъ свидѣтельствовать объ особенно нѣжныхъ чувствахъ къ надбляемому такимъ прозвищемъ человѣку.

Мнѣ иногда удавалось доставать даровые билеты въ циркъ, гдѣ у меня былъ знакомый служащій, и я, конечно, дѣлился этими билетами съ Полиной Мартыновной, и какъ-то неудобно было не брать съ собою и Каса.

Сонный Касъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ дѣлалъ улыбку, показывая желтые зубы, и иногда прибавлялъ:

— Я тоже когда-нибудь достану какіе-нибудь билеты.

— Отъ конки?—спрашивала Полина Мартыновна.

— Нѣтъ,—съ удивленіемъ протягивалъ Касъ и потомъ, уловивъ насмѣшку, опять улыбался и добавлялъ:—Какая вы насмѣшница, Полинъ Мартыновна. Нѣтъ, я буду доставать такихъ билетовъ, чтобы можно было повеселить себя.

Мы напрасно ждали этихъ билетовъ. Да, признаться, мы мало вѣрили въ то, что Касъ можетъ достать билеты въ какой-нибудь театр или подобное учрежденіе, такъ какъ онъ былъ слишкомъ солиденъ для этого.

Но вотъ однажды,—это было въ концѣ Великаго поста,—является Касъ и съ торжествующимъ видомъ заявляетъ, что онъ досталъ такіе билеты, о которыхъ мы никакъ не догадаемся, но которые могутъ доставить довольно порядочное удовольствіе.

— Я догадываюсь,—заявила тотчасъ Полина Мартыновна.—Эти билеты въ балаганы на Марсовомъ полѣ. Что жъ, я демократка, хотя и внѣ партій, и люблю раздѣлять съ народомъ его удовольствія.

— Фуй, Полинъ Мартыновна,—возмутился Касъ,—балаганы, фуй, это же кабакъ для чернаго народа. Тамъ не артисты, а фиглярство, а вмѣсто декораций Богъ знаетъ какая мальба.

— Можеть-быть, это билеты на пасхальную заутреню?—высказалъ я предположеніе.

Лицо Каса сдѣлалось внушительно серьезнымъ, и онъ напомнилъ, что, во-первыхъ, онъ лютеранинъ, а во-вторыхъ... Онъ долго не могъ придумать, что можно сказать во-вторыхъ, и наконецъ точно выжалъ изъ себя:

— А во-вторыхъ, это совсѣмъ не это.

— Ну, Адольфъ Михайловичъ, скажите,—пристала Полина Мартыновна.—Вы же сами говорите, что мы не догадаемся. Скажите!

— Сказать?—Касъ таращилъ свои рыбы глаза и дѣлалъ видъ, что веселится.

— Скажите, ну будьте паянъка. Скажите.

— Ну хорошо, хорошо. Это билеты, это билеты на небольшой прогулка на пароходъ въ Стокгольмъ и обратно. О!..

— Адольфъ Михайловичъ... Адольфъ Михайловичъ, да вы съ ума сошли.

— Почему?

— Да вѣдь сколько это будетъ стоить?

— Ничего не будетъ стоить, билетъ даровой туда и обратно тоже даровой. Кушать? Ну, это надо платить. Но вы вѣдь и здѣсь кушаете.

— А паспорта? Вѣдь это по 15 рублей.

— Паспорта?—Лицо Каса сдѣлалось длиннѣе обыкновеннаго, и онъ, несмотря на чистокровное нѣмецкое происхожденіе, сдѣлалъ истинно русскій жестъ—сталъ чесать у себя въ затылкѣ.—Паспорта. Я совсѣмъ забывъ о паспортахъ. Ай-ай-ай.

— Полина Мартыновна,—сказалъ я,—вы когда-нибудь бывали за границей?

— Никогда.—При этомъ она вздохнула.

— И я никогда.—Изъ сочувствія къ Полинѣ Мартыновнѣ я тоже вздохнулъ. За компанію вздохнулъ и Касъ и еще разъ почесалъ затылокъ.

— А случай какой!—сказала Полина Мартыновна, вздыхая.—Вѣдь вся Святая въ нашемъ распоряженіи и часть Страстной недѣли можно прихватить.

— Въ воскресенье мы могли бы уже быть въ Стокгольмѣ,—добавилъ я, не будучи въ состояніи удержаться отъ вздоха.

— Разумѣется, въ воскресенье мы бы уже гуляли тамъ,—подтвердилъ Касъ не безъ вздоха,—или сидѣли бы гдѣ-нибудь въ саду и пили настоящій шведскій пуншъ, такъ сказать, на мѣстѣ, на мѣстѣ преступленія. Нѣтъ, я не то хотѣлъ сказать. На преступномъ мѣстѣ. Ну, вы понимаете, на мѣстѣ, гдѣ онъ, гдѣ онъ дешевый.

— Адольфъ Михайловичъ,—рѣшительнымъ голосомъ произнесла Полина Мартыновна,—вы себѣ лѣтній костюмъ заказали?

— Нѣтъ, я обыкновенно покупаю готовый и думаю дѣлать это послѣ Пасхи. Время еще есть.

— А вы?—обратилась ко мнѣ Полина Мартыновна.

— Нѣтъ, я еще собираюсь.

— И я себѣ ничего не дѣлала къ лѣту. Итакъ, мы можемъ приобрести себѣ костюмы за границей, а тамъ они гораздо дешевле и лучше. И вотъ вамъ, господа, паспорта, и купитесь.

— Окупятся ли?—недовѣрчиво замѣтилъ я.

— Полинъ Мартыновна,—сказалъ Касъ,—вы гениальная жепщина.—И онъ посмотрѣлъ на нее съ большимъ уваженіемъ.

Черезъ нѣсколько дней мы втроемъ уже нѣбли удовольствіе видѣть, какъ за нами молденно исчезали на горизонтѣ форты кронштадтской крѣпости.

Море было гладкое, какъ зеркало. Пароходъ былъ чистенькій, какъ игрушка. Мы уже чувствовали себя за границей и, сидя послѣ обѣда на палубѣ, прихлебывали маленькими глотками, вмѣстѣ съ кофе, и ароматный шведскій пуншъ, о которомъ мечталъ Касъ. Настроеніе было приподнятое. Мы чувствовали себя, какъ дѣти, вырвавшіяся на свободу, и, приближаясь къ свободной странѣ, мы невольно разговаривали болѣе свободнымъ языкомъ, чего мы себѣ никогда бы не позволили въ Петербургѣ. Отчасти этому способствовалъ и національный напитокъ свободной страны.

— Я—внѣ партій,—повторяла Полина Мартыновна,—потому что я не хочу подчинять свою индивидуальность какимъ бы то ни было партійнымъ соображеніямъ. Но я очень лѣвая, я крайняя лѣвая, гораздо лѣвѣе кадетовъ.

— И я тоже лѣвый,—задумчиво произнесъ Касъ,—я очень и чрезвычайно лѣвый. Я долженъ вамъ прямо говорить, что я изъ этихъ...

— Изъ кого изъ этихъ?—переспросила Полина Мартыновна.

— Ну, вы знаете... изъ тѣхъ...

— Изъ революціонеровъ?—подсказалъ я.

— Нѣтъ,—отмахнулся Касъ,—нѣтъ.

— Изъ кадетъ?

— Да нѣтъ, что вы! Изъ этихъ... ну вотъ, встѣ на языкѣ вертится... такая двойная фамилья...

— Соціаль-демократы?

— Ну вотъ, вотъ я изъ нихъ,—сказалъ съ достоинствомъ Касъ и налилъ себѣ по этому случаю еще пуншу.

Мнѣ стало досадно, что Касъ такъ важничаетъ. Пуншъ и на меня оказывалъ свое героическое дѣйствіе, и я, для чего-то поднимая свою шляпу и вставъ со стула, тряхнулъ головой и рѣшительно произнесъ:

— А я, если говорить правду, я максималистъ.

Въ этотъ моментъ мимо насъ проходилъ господинъ среднихъ лѣтъ, типичный образецъ финляндскаго гражданина. Плотный, загорѣлый, точно вырубленный топоромъ изъ дубоваго корня, съ маленькими голубыми глазками, отъ которыхъ лучилась съѣ добродушныхъ морщинокъ. Борода его грязно-бураго цвѣта, чуть-чуть начавшая сѣдѣть, росла, конечно, не тамъ, гдѣ она растетъ у другихъ людей, а вылѣзала изъ шеи, отгѣняя, точно вѣеромъ, крѣпкія челюсти.

Этотъ господинъ давно уже поглядывалъ на насъ, гуляя изъ конца въ конецъ по палубѣ. Теперь же, находясь такъ близко, онъ принялъ мой жестъ со шляпой за привѣтствіе и потому, точно въ отвѣтъ на мое заявленіе, что я максималистъ, онъ приятно улыбнулся и, подойдя вплотную и приподнимая свою шапочку, произнесъ нараспѣвъ:

— А я Тиканенъ, Петръ Тиканенъ. Торгую раской и расильную фабрику пмѣю. Тиканенъ,—и онъ всѣмъ намъ протягивалъ свою вытянутую дощечкой ладонь.

— Что за Тиканенъ?—спросилъ, насупившись, Касъ, не понимая ничего.—Что за Тиканенъ?—Въ этомъ словѣ ему почувствовалось что-то обидное.

— Тиканенъ,—добродушно улыбался, отвѣчалъ финляндецъ,—это моя фамилія. Моего отца звали тоже Тиканенъ. А самое лово Тиканенъ, это лово носить такая тичка, маленькая тичка.

— Ничего не понимаю,—бормоталъ Касъ.

— Да что тутъ понимать?—вмѣшалась Полина Мартыновна, которой финляндецъ сразу ужасно понравился.—Господинъ Тиканенъ—фабрикантъ красокъ, а самое слово Тиканенъ значитъ маленькая птичка. Не хотите ли присѣсть къ намъ, господинъ Тиканенъ? Можно вамъ предложить кофе?

Отъ кофе Тиканенъ отказался и спросилъ себѣ обычный финляндскій напитокъ тоди—смѣсь коньяку съ кипяткомъ, и мы продолжали мирно бесѣдовать, подвигаясь съ каждымъ поворотомъ пароходнаго винта все дальше и дальше на западъ.

Знакомство съ маленькой „тичкой“ Тиканенъ намъ оказалось весьма полезнымъ. Никто изъ насъ ни слова не зналъ по-шведски, и Тиканенъ велъ за насъ все объясненія, указалъ намъ недорогую и хорошую гостиницу, когда мы прибыли въ Стокгольмъ, даже выбрать намъ комнаты и, обѣщая навѣстить насъ на другой день и показать городъ, распростился.

На другой день,—это было по нашему стилю пасхальное воскресенье,—я еще въ постели привѣтствовалъ Каса:

— Адольфъ Михайловичъ, Крестовскій островъ!

— Какъ такъ Крестовскій островъ? Почему Крестовскій островъ?—недоумѣвалъ Касъ.

— Да развѣ вы не знаете, что одинъ иностранникъ путешественникъ, побывавшій въ Петербургѣ во время Пасхи, потомъ рассказывалъ, что у русскихъ существуетъ очень странный пасхальный обычай: когда двое встрѣчаются, то одинъ говоритъ: „Крестовскій островъ“, а другой отвѣчаетъ: „Васильевскій островъ“, и послѣ этого они три раза цѣлуются.

— А почему Васильевскій островъ?—спросилъ, ничего не понимая, Касъ.

Пришлось объяснить ему, что иностранецъ принялъ слова „Христосъ воскресъ и вистину воскресъ“ за названія Крестовскій островъ и Васильевскій островъ.

Касъ наконецъ понялъ и даже засмѣялся.

— Какъ глупо, — сказалъ онъ, — зачѣмъ же ему не объяснили какъ слѣдуетъ? Знаете, — добавилъ онъ, наморщивъ лобъ, — я немного полежу. Я, кажется, совсѣмъ нездоровъ. Такъ плохо, точно я лежу на умирающей ордѣ.

— На смертномъ одрѣ, вы хотите сказать?

— Ну да, не все ли равно? Вы скажите Полинь Мартиновнѣ, что я встану позже, это все шведскій пуншъ. Кажется, я вчера слишкомъ нализалъ себя. Передайте, пожалуйста, отъ меня Полинь Мартиновнѣ: Васильевскій островъ. Нѣтъ, не Васильевскій, Крестовскій островъ. Какъ глупо, Боже мой, какъ глупо!

Касъ обернулъ себѣ голову полотенцемъ и повернулся къ стѣнѣ.

Я умылся, привелъ себя въ должный видъ и вышелъ изъ номера, и, подойдя къ двери Полинь Мартиновны, слегка постучалъ.

Дверь сейчасъ же отворилась, и на порогѣ показалась сама Полина Мартиновна, совсѣмъ готовая, въ шляпѣ и перчаткахъ.

— Ну, что же вы? — набросилась она на меня, — я уже сколько времени васъ жду. А Касъ гдѣ?

— Касъ не совсѣмъ хорошо себя чувствуетъ. Онъ потомъ придетъ. — Потому? Мы не можемъ его ждать. Мы должны какъ слѣдуетъ использовать наше время. Въ конъ вѣки разъ попали въ культурную страну... Идемте въ городъ. Осматривать.

— Да вы что-нибудь ѣли?

— Нѣтъ, да это успеется. Мы гдѣ-нибудь.

— Зачѣмъ же гдѣ-нибудь, когда это можно сдѣлать сейчасъ же здѣсь. А тѣмъ временемъ, можетъ-быть, и птичка Тиканень подойдетъ. Онъ намъ можетъ быть очень полезенъ. А можетъ-быть, и Адольфъ Михайловичъ...

— Противный, — бросила Полина Мартиновна, — это у него, вѣрно, отъ пунша. Обрадовался.

Чувство товарищества и деликатное воспитаніе, полученное мною въ дѣтствѣ, не позволяло мнѣ подтвердить подозрѣнія Полинь Мартиновны, но я долженъ признаться, что ея негодование привело меня почему-то въ хорошее настроеніе.

Мы подкрѣпили свои силы, а Тиканень не появлялся. Полина Мартиновна волновалась.

— Не для того мы прѣѣхали сюда, чтобы торчать въ гостиницѣ, — сказала она, — пойдете хоть на часокъ. Взглянемъ, какой народъ здѣсь живетъ. Увидимъ хоть физиономіи.

Мы пошли. Что вамъ сказать про городъ? Говоря откровенно, я ожидалъ большаго. Въ сущности, ничего особеннаго. Городъ, какъ городъ. Чистый, это отнять нельзя отъ него, но чтобы какія-нибудь удивительныя зданія, замѣчательныя памятники, ничего подобнаго. Фонтанъ одинъ дѣйствительно хорошъ, да и то куда же ему съ нашимъ Петергофскимъ сравняться. Если бы я не получилъ въ дѣтствѣ очень деликатнаго воспитанія, то сказалъ бы, какъ любить выражаться одинъ изъ нашихъ служащихъ: „кишка тонка“.

Гуляли это мы съ Полинь Мартиновной; она всѣмъ восхищается. Ну, а когда барышня, къ которой вы чувствуете нѣкоторую склонность, чѣмъ-нибудь восхищается, то вы волей-неволей должны восхищаться, чтобы не показаться безчувственнымъ. Потому что, если вы покажетесь бозчувственнымъ, то ваше дѣло конченное, вамъ крышка. И скажу болѣе, вы должны показать Монбланы восхищенія, побить рекордъ восторженности, чтобы такимъ образомъ оказаться впереди ея восхищенія, чтобы вышло такъ, что она какъ будто за вами слѣдуетъ въ своихъ восторгахъ. Да, господа, когда чувствуешь такое-этакое влеченіе, приходится быть очень тонкимъ дипломатомъ. Вѣдь вотъ, напримѣръ, я на пароходѣ заявилъ, что я максималистъ. Ну, какой я максималистъ на самомъ дѣлѣ? Если говорить правду, такъ я даже и не знаю, что это такое максималистъ. Знаю только, что это ужъ лѣвъ лѣваго, у самой, значить, стѣнки. А сказалъ я это, чтобы Касу носъ утереть. Онъ заявилъ, что онъ социаль-демократъ, хотя я отлично знаю, что онъ въ коммерческомъ училищѣ только до пятого класса дошелъ и никакой внутренней политикой не интересовался. Ну, а разъ онъ такія слова говоритъ, такъ я же ему! Пусть Полина Мартиновна видитъ, какая между нами разнища.

Совѣтъ всея Руси.

Передвижная выставка 1918 г.

А. Максимовъ

Такъ вотъ гуляли мы, хотимъ ужъ домой возвращаться, посмотрѣть, не пришелъ ли Тиканень. Какъ вдругъ въ одной изъ улицъ большая толпа народа, какое-то знамя колышется, всѣ бѣгутъ, и слышна музыка и пѣніе, и долженъ вамъ сказать, что такой захватывающій мотивъ, столько въ немъ силы и бодрости, что сами ноги насъ понесли въ ту сторону, откуда раздавались эти звуки.

Переглянулись мы съ Полинь Мартиновной и сразу поняли, въ чемъ дѣло. Хватаетъ она меня за руку, глядитъ въ глаза и шепчетъ:

— Это народное волненіе?

— Да, — говорю.

— Такъ идемъ впередъ, прижмемъ.

— Конечно, идемъ, — говорю, — что бы тамъ ни было. Впередъ.

— Мы должны, — говоритъ Полина Мартиновна, — стать на сторону народа, идти съ нимъ вмѣстѣ подъ однимъ знаменемъ. Какъ гремитъ этотъ гимнъ!

— Удивительно, — говорю я, — какая сила. Впередъ!

— Да, впередъ, впередъ. Я надѣюсь, что стрѣлять не будутъ. Какъ вы думаете?

— Разумѣется, не будутъ, — отвѣчаю я ей, а самъ думаю: „хорошо, если не будутъ, а кто же знаетъ, какіе у нихъ здѣсь порядки на этотъ счетъ“. Бѣжимъ мы это впередъ, а меня чѣмъ дальше, тѣмъ все больше сомнѣніе разбираетъ: того и гляди, попадемся. влѣземъ въ грязную исторію.

— Знаете что, Полина Мартиновна, — говорю я, — надо принять мѣры предосторожности.

— Какія? Зачѣмъ?

— Можетъ-быть, и будутъ стрѣлять, такъ будемъ идти около стѣны, а не посреди улицы.

— Развѣ такъ безопаснѣе? — спрашиваетъ Полина Мартиновна, а сама блѣднѣетъ.

— Разумѣется. Вы видите, толпа идетъ посрединѣ улицы. Если будутъ стрѣлять, то въ нее. Около домовъ всегда безопаснѣе.

Все-таки идемъ. Ужъ довольно близко нагоняемъ толпу. Вдругъ: бацъ, бацъ!

— Выстрѣлы! — вскрикнула Полина Мартиновна, поблѣднѣла и запаталась. Едва я успѣлъ ее подхватить.

— Что съ вами? Вы ранены?

— Нѣтъ, ничего, такъ...

— Вы испугались?

— Что за вздоръ! — Отшатнулась отъ меня и такъ посмотрѣла, что не дай Богъ никому. — Совсе не испугалась, а просто у меня сдѣлалось сердцебіеніе. Мы слишкомъ скоро шли.

— Можетъ-быть вернемся?

— Вы сами, значить, боитесь? А на меня хотите свернуть. Идемъ впередъ.

— Я боюсь? Полина Мартиновна, мнѣ не привыкать, — сказалъ я и залпнулся немного. Къ чему, собственно говоря, не привыкать? Къ народнымъ волненіямъ, или къ баррикадамъ, или къ выстрѣламъ? Никогда ничего такого не испытывалъ. — Я, —

говорию, — Полина Мартыновна, могу только за васъ бояться, а за себя я никогда и ничего не боюсь. Впередъ, такъ впередъ.

И снова мы понеслись впередъ. И намъ было и жутко и въ то же время пріятно отъ сознанія своей храбрости, хотя мы и шли около стѣны, и сквозь эти сложныя ощущенія какъ будто слабо проникало сознаніе, что въ бѣжавшей впереди и около массъ народа совсѣмъ не было замѣтно никакого безпокойства.

Вдругъ опять раздаются нѣсколько выстрѣловъ, и мы невольно остановились. Въ этотъ самый моментъ я вдругъ замѣчаю, что навстрѣчу намъ движется неуклюжая знакомая фигура.

— Тиканень! Полина Мартыновна, смотрите, Тиканень!

Въ это время Тиканень насъ замѣтилъ и подошелъ къ намъ.

— Господинъ Тиканень, — бросилась къ нему Полина Мартыновна, — скажите, что это такое?

— Растуйте, бариня, растуйте, — привѣтствовалъ насъ Тиканень, спокойный и улыбающійся.

— Что это такое? — спрашиваетъ взволнованнымъ голосомъ Полина Мартыновна, указывая на толпу. — Какіе-то выстрѣлы. Въ кого это стрѣляли?

— Это не рѣляли, это мальсиски лопуски росали, онѣ лопали, тосно рѣляли.

— Мальчишки бросали хлопущки? Ну, а этотъ народъ и знамя, что это такое?

— Это рубасисный расникъ.

— Что такое?...

— Рубасисный расникъ. Это сякій котъ рубасисны раснюють.

— Праздникъ трубочистовъ, — мрачно перевожу я Полинѣ Мартыновнѣ, и мы, не глядя другъ на друга, точно сговорившись, поворачиваемъ въ сторону нашей гостиницы, гдѣ насъ ожидаютъ за обѣденнымъ столомъ ожившія и повеселѣвшія Кася.

Благодаря любезности Тиканена, намъ удалось посмотреть почти всѣ достопримѣчательности шведской столицы. Такъ какъ я получилъ въ дѣтствѣ очень деликатное воспитаніе, то я и старался показать Тиканену, что восхищенъ рѣшительно всѣмъ, что онъ намъ показывалъ, хотя онъ, въ сущности, вовсе не шведъ, а финляндецъ. Полина Мартыновна какъ-то завяла и, осматривая всѣ диковинки, точно исполняла обязанность. Кася ходилъ гордо, какъ побѣдитель, на все смотрѣлъ свысока и, почему-то проникшись русскимъ патриотизмомъ, неизмѣнно повторялъ:

— У насъ лючше. У насъ, въ Петербургѣ лючше.

Только передъ шведскимъ цуншемъ признавалъ себя побѣжденнымъ и говорилъ, что такого и въ Петербургѣ, пожалуй, не

достанешь, а если и достанешь, то придется очень дорого заплатить.

На обратномъ пути на пароходѣ онъ старался влить въ себя какъ можно больше этого напѣтка, такъ что иногда это отражалось на его походкѣ болѣе чѣмъ замѣтно. Но такъ какъ погода измѣнилась къ худшему и насъ качало, то онъ приписывалъ все погодѣ — и легкое головокруженіе и измѣненіе въ походкѣ, и даже самъ, послѣ возвращенія, рассказывалъ у насъ въ конторѣ, что была такая качка, что онъ не сохранилъ равновѣсія и упалъ на весь четверникъ.

Изъ чувства справедливости я долженъ замѣтить, что качка была самая маленькая, а что Кася просто, какъ онъ выражался, нализалъ себя шведскимъ цуншемъ.

Бодрящій вѣтеръ, ибнистыя волны привели меня въ приподнятое настроеніе, и я сталъ говорить Полинѣ Мартыновнѣ о томъ неизгладимомъ чувствѣ, которое охватываетъ человѣка, когда онъ бодро встрѣчаетъ опасность рядомъ съ любимымъ существомъ. Я говорилъ, что, переживъ разъ такое настроеніе, хочется всегда, всю жизнь идти рука объ руку. Но тутъ она, которая все время сочувственно кивала мнѣ головой съ растрепавшимися отъ вѣтра прядями волосъ, неожиданно перебила меня вопросомъ:

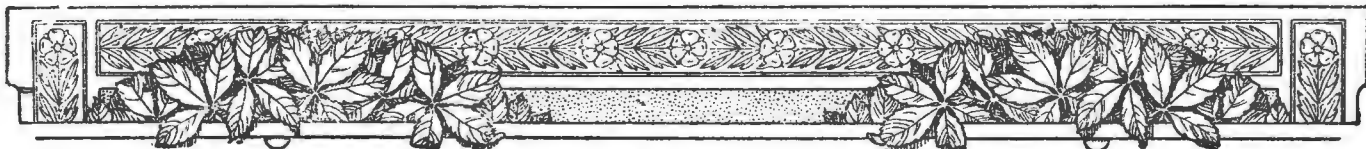
— Какъ вы думаете, — спросила Полина Мартыновна, — пойдетъ ли та коричневая лента, которую я купила, къ моей дѣтней шляпѣ, или ее лучше оставить для кофточки, а шляпу отдать передѣлать? Знаете, немного ѣздить поля и переменить одѣлку. Вѣдь соломка еще очень хорошая. Какъ вы думаете?

Я не помню, что я ей отвѣчалъ. Но у меня было такое чувство, точно изъ Ледовитаго океана внезапно приплыла ледяная гора и стала между нами... Ахъ, да что говорить. Послѣ всѣхъ ласковыхъ словъ и взглядовъ, которыми мы обмѣнивались, послѣ всѣхъ разговоровъ о сходахъ вѣкусовъ и родствѣ душъ, послѣ всего этого она все-таки вышла замужъ за Каса, — за того самаго Каса, котораго называла и нѣмцемъ и колбасой и даже обезьяной.

И все-таки она вышла за него, а не за меня. У нихъ хорошая квартира. Кася принимаетъ дѣятельное участіе въ какихъ-то подрядахъ и, вѣроятно, хорошо зарабатываетъ.

Полина Мартыновна давно оставила службу въ нашей конторѣ. Я встрѣчаю ее иногда въ театрахъ. Она всегда шикарно одѣта и милостиво киваетъ мнѣ головой. Она теперь уже не говоритъ о томъ, что она лѣвая, но считаетъ себя просто индивидуалисткой.

Если бы я не получилъ въ дѣтствѣ очень деликатнаго воспитанія, я сказалъ бы, что она просто свинья.

Въ финскихъ шхерахъ.

И. Владиміровъ.

Константинополь.

Церковь Ая София.

Константинополь постигло страшное несчастье: городъ сдѣлался жертвою огня на протяженіи 2½ милліонъ квадр. метровъ; сгорѣло 8.000 домовъ въ старой части города—Перъ, стариннѣйшихъ построекъ, свидетелей былой славы и величія Блистательной Порты. Въ кровавомъ заревѣ міровой войны это тяжкое бѣдствіе не произвело такого потрясающаго впечатлѣнія, какое должно было быть, но мы сочли все же интереснымъ ознакомить читателей съ картинами Константинополя и его живописными окрестностями.

Бѣлая рука.

Турецкая сказка.

Великій визирь Мустафа-папа былъ уже старикъ, когда его младшій сынъ Ахмедъ-бей достигъ восемнадцатилѣтняго возраста. Отдавшій всего себя ревностному служенію падишаху и странѣ, великій визирь оставался почти чужимъ своему подрастающему сыну, и Ахмедъ привыкъ во всѣхъ вопросахъ обращаться къ матери, нѣжно его любившей. Рѣшивъ, что настала пора жениться, Ахмедъ сталъ просить мать найти ему жену

— Я поговорю объ этомъ съ папой,—сказала мать.

— Не дѣлай этого,—возразилъ Ахмедъ.—Папѣ некогда думать о своемъ сынѣ; онъ укажетъ мнѣ первую попавшуюся дѣвушку изъ богатой, знатной семьи, вотъ и все; а я могу быть счастливымъ только съ такой женой, какая мнѣ понравится.

— А какая тебѣ нравится?—спросила мать.

— Моя жена должна быть высокаго роста, съ бѣлымъ цвѣтомъ лица, съ голубыми глазами, розовыми губами, съ зубами, какъ жемчужины, и пышными бѣлокурными волосами.

Мать улыбнулась и сказала:

— Въ красивыхъ дѣвушкахъ нѣтъ недостатка, и среди нихъ есть многія, которыхъ я охотно выбрала бы въ невѣстки; но всѣ онѣ маленькаго роста, съ красивыми черными глазами и темными волосами; такую же, какъ ты желаешь, можно найти только у торговца невольницами.

— Я не желаю невольницы и не желаю блѣдной турчанки. Я хочу имѣть жену съ бѣлымъ лицомъ, свѣтлыми глазами и свѣтлыми волосами, которую родители добровольно выдадутъ за меня. Другой жены я и знать не хочу. Найди мнѣ такую по сердцу!

Сердце матери не знало отказа. Она разослала опытныхъ, преданныхъ ей, слуганокъ въ поиски за невѣстой по мысли и по сердцу своего сына, но всѣ старанія ея долгое время оставались тщетными. Наконецъ къ ней явилась одна старуха,

знавшая всѣхъ дѣвушекъ въ Стамбулѣ, и сказала, что ей посчастливилось найти невѣсту для Ахмедъ-бея. Прекрасную Эминэ никто не знаетъ, она живетъ со своимъ отцомъ-вдовцомъ, ведетъ хозяйство и никуда не показывается. Ей пятнадцать лѣтъ. Отецъ ея—бѣдный плотникъ.

— Если то, что ты говоришь, правда,—сказала жена великаго визиря старухѣ,—ты получишь богатое вознагражденіе.

— Пойдемъ со мной,—отвѣчала сваха,—и суди сама.

И жена великаго визиря отправилась со старухой; та повела ее въ одинъ изъ сѣверныхъ кварталовъ Стамбула, въ Айваньсарай. Онѣ вошли въ небольшую хижину, окруженную садомъ, гдѣ ихъ вѣжливо привяла прекрасная Эминэ. Она не только обладала всѣми достоинствами, о которыхъ говорила сваха,—была высокаго роста, съ голубыми глазами и золотистыми волосами,—но и была благовоспитана и привѣтлива. Жена великаго визиря объяснила ей причину своего визита. Эминэ вѣжливо отвѣтила, что счастлива сдѣлаться женой знатнаго человека, что она никогда не думала, что судьба готовитъ ей такое счастье. Чтобы закрѣпить ихъ разговоръ, жена великаго визиря надѣла на пальчикъ Эминэ дорогое кольцо и сказала:

— Этимъ я выбираю тебя въ жены моего младшаго сына, Ахмедъ-бея. Онъ добръ, ласковъ и навѣрное полюбитъ тебя.

Ахмедъ-бей былъ очень обрадованъ, когда мать сказала, что нашла ему невѣсту по душѣ, и просилъ какъ можно скорѣе назначить обрученіе; но черезъ нѣсколько дней онъ явился къ матери съ новыми мыслями, съ другими настрѣеніями. Очень смущенный, онъ откровенно сознался матери, что послѣ бесѣды съ товарищами, которые вмѣстѣ съ нимъ занимались въ Высокой Портѣ, пріучаясь къ обязанностямъ высшихъ чиновниковъ, онъ рѣшилъ отказаться отъ выбранной ему невѣсты. И онъ рассказалъ, что заставило его измѣнить свое рѣшеніе.

Родственник Ахмеда, Омерь-бей, сын богатаго паши, считавшийся среди товарищей самым умным и разсудительным, сказалъ, что молодой человекъ, желающій пойти далеко по службѣ, не долженъ брать себѣ въ жены дочь простыхъ, незнатныхъ родителей. Омерь привелъ нѣсколько историческихъ примѣровъ, какъ люди совершенно незначительные достигали высокихъ должностей и почестей благодаря именитой роднѣ жены. Товарищи удивлялись учености и начитанности Омера и принимали все, что онъ говорилъ, за неоспоримую истину.

Ахмедь-бей вспомнилъ о дочери плотника, съ которой долженъ былъ обручиться, и дерзнулъ робко возразить своему родственнику, что красоту и добродѣтель надо цѣнить въ женѣ больше, чѣмъ богатство и знатность. Слова его были встрѣчены смѣхомъ, и мягкій Ахмедь, придававшій большое значеніе тому, что скажутъ или подумаютъ другіе, оробѣлъ и рѣшилъ, что обрученіе его съ Эминой большая глупость. Пока онъ шелъ изъ Высокой Порты въ свое жилище, эта мысль все глубже укоренялась въ немъ, и, придя домой, онъ тотчасъ же отправился въ гаремъ, къ матери, и тутъ же объявилъ, что онъ всесторонне обдумалъ ея планъ женитьбы на Эминѣ и пришелъ къ твердому убѣжденію, что бракъ съ дочерью ремесленника для него невозможенъ, что онъ поступилъ необдуманно и проситъ мать разстроить этотъ бракъ.

Слова Ахмеда потрясли душу матери. Эмина успѣла снискать ея расположеніе, и ей хотѣлось видѣть Эмину женой Ахмеда. Но тщетно восхваляла она бѣлокурую красоту Эмина, пренебрежительно отзываясь о чопорныхъ чернокудрыхъ дочеряхъ пашей и другихъ именитыхъ турокъ. — Ахмедь стоялъ на своемъ: онъ и слышать уже не хотѣлъ о женитьбѣ на дочери плотника. Матери пришлось уступить, но у нея не хватило мужества самой объявить о нарушеніи слова молодой дѣвушкѣ, которая такъ довѣрчиво отнеслась къ ней, и съ которой она простилась почти какъ съ дочерью. Она позвала старуху-сваху и дала ей много денегъ, чтобы вознаграждать Эмина.

— Скажи ей, что Ахмедь не можетъ жениться; ему надо еще долго ждать, пусть отецъ Эмина ищетъ себѣ другого зятя. Теперь это будетъ ему не трудно, — у его дочери будетъ богатое приданое.

Сваха добросовѣстно выполнила данное ей порученіе. Эмина горько плакала, и отецъ ея, возвратясь вечеромъ съ работы,

нашелъ ее въ слезахъ. Онъ былъ благочестивый, но вспыльчивый человекъ и, узнавъ о причинѣ огорченія дочери, пришелъ въ такую ярость, что поклялся именемъ Аллаха смыть незаслуженный позоръ и немедленно выдать Эмина за перваго человека, котораго онъ встрѣтитъ на молитвѣ утромъ въ мечети. Нѣсколько часовъ спустя, когда гнѣвъ его улегся, онъ раскаялся въ данной клятвѣ, но было поздно: онъ поклялся именемъ Аллаха, возврата не было. Эмина была такъ потрясена и подавлена своимъ горемъ, что отнеслась совершенно равнодушно къ своей дальнѣйшей судьбѣ.

На слѣдующій день, на разсвѣтѣ, плотникъ отправился въ мечеть. У входа онъ встрѣтилъ высокаго статнаго человека, закутаннаго въ темный плащъ. Лица его нельзя было хорошо рассмотреть въ полутьмѣ храма. Отецъ Эмина замѣтилъ лишь, что у незнакомца была черная борода, блѣдное лицо и большіе, спокойные, черные глаза.

— Подари мнѣ нѣсколько минутъ вниманія! — попросилъ его плотникъ, отвѣсивъ вѣжливый поклонъ и прижимая руки къ груди.

Незнакомецъ молча кивнулъ головой. Отойдя въ отдаленный, темный уголъ мечети, онъ остановился и сказалъ тихимъ голосомъ:

— Говори!

Плотникъ безъ утайки разсказалъ все, что случилось въ его домѣ за послѣдніе два дня, и опять гнѣвъ овладѣлъ всѣмъ его существомъ, и онъ тутъ же въ мечети повторилъ данную клятву и тутъ же спохватился.

— Аллахъ хочетъ наказать меня и посылаетъ мнѣ навстрѣчу такого знатнаго человека, что самому мнѣ кажется смѣлымъ и дерзкимъ предложить ему въ жены дочь мою.

Незнакомецъ взялся лѣвою рукой за подбородокъ и нѣкоторое время задумчиво молчалъ. Въ темнотѣ плотникъ замѣтилъ, что рука у незнакомца узкая, бѣлая, тонкая; особенно выдѣлялась она своей близкой на черной бородѣ его.

— Твоя дочь непорочна и прекрасна? — спросилъ онъ наконецъ.

— Въ этомъ не сомнѣвайся, когда самъ отецъ говоритъ тебѣ это, — отвѣчала плотникъ.

— Жена великаго визира согласна была взять твою дочь въ жены своему сыну?

— Да.

Константинополь.

Ворота во дворецъ султана (Долма-Бахче) на Босфорѣ.

Константинополь.

*Церковь Айя Софія
(съ западной стороны).*

— Но почему же она раздумала?
— Не знаю; но, вѣроятно, она сама жалѣла насъ, потому что прислала мнѣ со свахой деньги на приданое Эминѣ.

Незнакомецъ снова долго молчалъ, потомъ сказалъ:

— Клятва твоя священна. Аллахъ поможетъ тебѣ исполнить ее. Будь завтра утромъ въ этотъ же часъ на этомъ самомъ мѣстѣ. Я буду ожидать тебя и скажу тебѣ свое рѣшеніе. Возьми вотъ это, — и онъ подалъ плотнику маленькій, тяжелый, шелковый кошелекъ, — на эти деньги уברי комнату твоей дочери, чтобы принять меня, ея будущаго супруга.

Съ этими словами незнакомецъ удалился. Плотникъ остался еще нѣкоторое время въ мечети, сотворилъ благодарственную молитву и съ радостной душой вернулся домой. Ничего не скрывъ онъ отъ дочери своей. Эминѣ выслушала отца съ молчаливой покорностью.

Константинополь.

Ипподромъ, обелискъ и Айя Софія.

Настало утро, и на томъ же мѣстѣ въ мечети засталъ отца Эминѣ незнакомецъ.

— Привѣтствую тебя, моего будущаго тестя. Сегодня вечеромъ позови имама, въ присутствіи духовнаго лица мой свидѣтель дастъ отъ моего имени необходимыя обѣщанія. Ты сдѣлаешь то же отъ имени своей дочери, но знай и помни: никто изъ присутствующихъ на свадебномъ празднествѣ нашемъ не увидитъ моего лица; и сама Эминѣ увидитъ его только тогда, когда я самъ назначу; я буду приходить къ ней въ полночь и покидать ее до восхода солнца; но если она будетъ ласкова и терпѣлива, она въ свое время узнаетъ, кто былъ тотъ неизвѣстный, за кого ты выдалъ ее. Обо всемъ для нея необходимымъ будешь заботиться ты, а давать это необходимое буду я. Самъ ты долженъ отказаться отъ своей обычной работы, долженъ оставаться дома съ дочерью, охранять и оберегать ее для меня. Да благословитъ Аллахъ союзъ, котораго Онъ самъ желалъ, пославъ меня вчера на твоёмъ пути, во исполненіе клятвы твоей.

Все было сдѣлано такъ, какъ приказалъ незнакомецъ. Эминѣ и отецъ ея покорно согласились на всѣ условія и считали себя вполне счастливыми, потому что вмѣстѣ съ таинственнымъ супругомъ въ ихъ хижину вошло благосостояніе. Когда знатный незнакомецъ приходилъ ночью, постучавъ три раза въ дверь, всюду гасили свѣтъ, и онъ впотьмахъ шель на женскую половину, гдѣ его ждала Эминѣ. Въ ея молодомъ сердцѣ, конечно,

Константинополь.

Византійскія стѣны.

жило страстное желаніе увидѣть лицо своего повелителя, но когда Эминѣ однажды, въ минуту счастливаго свиданія, рѣшилась высказать его, мужъ мягко, но рѣшительно отвѣтилъ, чтобы она не жертвовала своимъ счастьемъ изъ-за пустого женскаго любопытства, а ждала бы того часа, который онъ ей назначитъ.

— Вѣдь ты счастлива? — спросилъ онъ.

— Блѣдны слова для выраженія моего счастья, — отвѣчала Эминѣ.

— Ну, такъ будь довольна.

— Я довольна. Прости мнѣ мою глупость.

Онъ ласково погладилъ Эминѣ, а она взяла его руку въ обѣ свои и почтительно и нѣжно поцѣловала ее.

— Какая у тебя маленькая и нѣжная рука, — сказала она. — Я не знала, что у большого, сильнаго мужчины могутъ быть такія тонкія, бѣлыя руки.

Однажды Эминѣ узнала отъ своей служанки, что Ахмедъ-бей, сынъ великаго визиря, обручился съ дочерью богатаго пашы, и скоро будетъ ихъ свадьба. Эминѣ въ первое же свиданіе попросила у своего супруга позволенія поздравить невесту. Ей очень хотѣлось увидѣть ту, которую Ахмедъ-бей, бывший нѣсколько дней ея женихомъ, выбралъ себѣ въ жены. Мужъ Эминѣ охотно разрѣшилъ, и молодая женщина отправилась въ домъ невесты въ тотъ день, когда, по старому турецкому обычаю, онъ открытъ для всѣхъ желающихъ принести поздравленія. Тамъ она встрѣтила жену великаго визиря. Мать Ахмедъ-бея была смущена этой встрѣчей, но молодая женщина сумѣла придать разговору такое мягкое, сердечное направленіе, что жена визиря, очарованная ею, пригласила Эминѣ на слѣдующій день на свадебный пиръ.

— Приду, — отвѣчала Эминѣ, — если только мой супругъ и повелитель разрѣшитъ мнѣ это.

— Онъ сдѣлаетъ все, что ты пожелаешь, — отвѣтила мать. — Какой мужъ могъ бы отказать тебѣ въ просьбѣ!

Потомъ она спросила у молодой женщины имя ея супруга, но Эминэ отвѣчала уклончиво:

— Имя ничего не скажетъ тебѣ. Ты все равно не знаешь его.

Жена великаго визиря не могла оторвать взора отъ красоты Эминэ. Некрасивой и незамѣтной казалась въ сравненіи съ нею смуглолицая Рефіз, новая избранница ея сына Ахмедъ-бея.

Вечеромъ Эминэ разсказала супругу о своемъ посѣщеніи невѣсты Ахмеда. Не скрыла она и того, что позвана на свадебное торжество.

— Любопытство мое удовлетворено, съ твоего милостиваго позволенія,—сказала Эминэ,—теперь, когда и видѣла Рефізъ-ханумъ, у меня нѣтъ особеннаго желанія присутствовать на завтрашнемъ торжествѣ. Поэтому прошу тебя рѣшиться, принять ли мнѣ приглашеніе матери Ахмедъ-бея или нѣтъ.

— Прими приглашеніе, — услышала она ласковый отвѣтъ супруга. — Я хочу, чтобы на этомъ празднествѣ ты была одѣта не хуже другихъ. Завтра утромъ я пришлю тебѣ праздничныя одежды и драгоценности; ихъ привезетъ тебѣ служанка, которая поможетъ тебѣ одѣться.

Платья и драгоценности, присланныя на другой день, были такъ богаты и красивы, что, когда ихъ разложили въ ея маленькой комнаткѣ, Эминэ не вѣрила своимъ глазамъ. Она стала нерѣшительно спра-

Константинополь.

Видъ на Босфоръ и крѣпость Румели-Гиссаръ.

Константинополь.

Леоръ Голубиной мечети.

шивать прибывшую съ ними прислужницу-негрятянку, всѣ ли дорогія шелковыя одежды, всѣ ли золотыя кольца и браслеты съ самоцвѣтными камнями предназначены ей, Эминэ, дочери простого плотника. Прислужница казалась пѣмой и только утвердительно кивала головой. Затѣмъ она искусно помогла молодой женщинѣ убрать волосы, надѣть платье и драгоценности, и Эминэ преобразилась: вмѣсто скромной дочери плотника была прекраснѣйшая изъ султанш. Когда она появилась въ гаремъ великаго визиря, все смолкло. Всѣхъ затмила Эминэ своею красотой. Когда всѣ гости усѣлись по мѣстамъ, мать Ахмеда не могла скрыть волненія. Она пошла въ маленькую потайную комнатку, откуда, изъ-за занавѣски, можно было видѣть всѣхъ сидѣвшихъ, и позвала къ себѣ сына. Блѣдная и дрожащая, она сказала Ахмеду:

— Посмотри, чего ты лишился. Смотри, вонъ она сидитъ, напротивъ окна. О, Ахмедъ, какъ ты былъ глупъ!

Женихъ бросилъ долгій взглядъ на Эминэ, и красота ея очаровала его. Блѣдный, какъ смерть, подошелъ онъ къ матери и проговорилъ едва слышно:

— Я женюсь на Эминэ. Не желаю смуглолицей дочери паши! Эминэ не возвратила тебѣ кольца, которое ты дала ей. Имъ ты обручила меня съ нею, значитъ, она осталась моею невѣстой. Я потребую ее себѣ въ жены. Отецъ мой, великій визирь, устрой мнѣ это. Я буду молить объ этомъ самого султана.

Мать старалась успокоить его. Онъ, какъ безумный, повторялъ одно и то же:

— Прогони Рефіз. Не могу ее видѣть. Эминэ — невѣста моя.

Пришлось позвать великаго визиря. Отецъ спокойно и хладнокровно сказалъ:

— Будь по-твоему. Если ты не хочешь жениться на Рефізъ-ханумъ, я постараюсь уговорить пашу, ея отца, освободить тебя отъ слова, даннаго Рефізъ-ханумъ. А можешь ли ты отнять Эминэ у мужа, объ этомъ мы спросимъ судью. Теперь ступай къ себѣ и не выходи никуда до завтрашняго вечера. Тогда я дамъ тебѣ отвѣтъ.

Послѣ обильнаго угощенія всѣмъ гостямъ пришлось объявить, что изъ-за внезапной болѣзни невѣсты пиръ оконченъ.

Бѣдную Рефіз, тринадцатилѣтнюю дѣвочку, которая едва ли понимала, что съ нею будетъ, отвели обратно въ гаремъ матери. Великій визирь переговорилъ съ пашою, паша утѣшилъ его доводами и принялъ всѣ условія, не желая сориться съ могущественнымъ сановникомъ.

Переговоривъ съ пашой, великій визирь приказалъ позвать къ себѣ кади (судью) и разсказалъ ему все.

Каді сразу стало ясно, что у Ахмеда нѣтъ правъ на Эминэ:

Константинополь.

Ворота, ведущія во дворъ султанскаго дворца.

кольцо, которому Ахмедъ вздумалъ придавать такое большое значеніе, даже не было вытребовано обратно отъ Эминэ, и она съ полнымъ правомъ могла считать его своею собственностью, наравнѣ съ деньгами, подаренными ей отцу; бракъ Ахмеда съ Эминэ не состоялся; Эминэ вышла замужъ, и Ахмедъ и не думалъ протестовать противъ этого. Но, какъ человѣкъ хитрый и осторожный, кади не желалъ навлекать на себя гнѣвъ великаго визиря. Хитро улыбаясь, онъ сказалъ:

— Дѣло твоего сына, папа, не подлежитъ сужденію простого кади. Его можетъ рѣшить только высшій судья—шейхъ-уль-исламъ.

Великій визирь понялъ хитрость кади и понесъ свое неправое дѣло на судъ шейхъ-уль-ислама. Но и тотъ не желалъ нажать себѣ опаснаго врага.

— Случай, который папа повергаетъ на мой судъ,—сказалъ онъ,—можетъ быть рѣшенъ однимъ только падишахомъ.

Огорченный великій визирь пошелъ къ султану.

Когда визирь все изложилъ, султанъ сказалъ:

— Я самъ буду судьей между Ахмедомъ и Эминэ. Но для того, чтобы вынести правильное рѣшеніе, я хочу выслушать обѣ стороны. Пусть Ахмедъ-бей и Эминэ-ханумъ предстанутъ предо мной завтра утромъ. Всѣ мои высшіе сановники и высшіе придворные чины пусть присутствуютъ при этомъ.

Константинополь.

Главная улица въ Галатѣ на пути къ дворцу султана.

На слѣдующее утро, въ назначенный часъ, сто высшихъ придворныхъ сановниковъ собралось подъ открытымъ небомъ, на площади передъ сералемъ. Они стояли полукругомъ передъ трономъ, надъ которымъ былъ высокій балдахинъ изъ тяжелыхъ темныхъ тканей. Завѣсы надъ трономъ были кругомъ спущены, и только стоявшіе у трона могли разглядѣть священную особу калифа. Царица глубокая тишина. И вдругъ, какъ будто изъ-подъ земли, появились два великана и стали одинъ по правую, другой по лѣвую сторону трона. Оба были въ блестящихъ мундирахъ султанской гвардіи, съ большими ятаганамъ. Они стояли лицомъ къ присутствующимъ, неподвижные, какъ два изваянія. Изъ-за балдахина вышелъ дворцовый маршалъ султана. Среди глубокой тишины раздался его спокойный голосъ:

— Судъ открытъ. Пусть истецъ явится и объявить свою жалобу!

Ахмедъ-бей, дрожа отъ страха и смущенія, приблизился къ балдахину и остановился передъ дворцовымъ маршаломъ.

— Можешь говорить,—сказалъ маршалъ.

Ахмедъ всю ночь готовился къ этому моменту; но все, что онъ сказалъ теперь, не говорило въ его пользу. Когда онъ кончилъ, дворцовый маршалъ молча повернулся и съ почтительнѣйшимъ поклономъ подошелъ къ трону султана. Вернувшись къ Ахмеду, маршалъ сказалъ:

— Отвѣчай теперь на вопросы, которые я буду задавать тебѣ, коротко и точно. Понялъ?

— Да.

— Требовалъ ты обратно кольцо, которое мать твоя дала Эминэ-ханумъ?

— Нѣтъ.

— Поручалъ ты своей матери расторгнуть обрученіе твое съ Эминэ-ханумъ?

— Да... но...

— Довольно.

Когда Ахмедъ, понявшій, что ему не удалось убедить султана, сконфуженно удалился, наступила снова тишина, и

Константинополь. *Сераскеріатская башня (военное министерство) съ Галатскаго моста.*

среди нея опять раздался спокойный голосъ придворнаго маршала:

— Пусть явится обвиняемая!..

Изъ-за ширмы, стоявшей рядомъ съ балдахинномъ, появилась закрытая покрываломъ Эминэ-ханумъ. Опустивъ глаза въ землю, подошла она къ тому мѣсту, гдѣ ждалъ ее дворцовый маршалъ. Она стала отвѣчать на задаваемые ей вопросы тихимъ, но яснымъ голосомъ. Допросъ длился не долго, потому что уже раньше изъ отвѣтовъ Ахмеда стало ясно, что Эминэ не заслуживаетъ ни малѣйшаго упрека за свое замужество, и что притязанія Ахмеда на ея руку совершенно неосновательны. Когда все это было еще разъ доказано, маршалъ спросилъ:

— Какъ зовутъ твоего супруга, Эминэ-ханумъ, и кто онъ такой?

— Я не знаю его имени и не знаю, кто онъ. Знаю только, что онъ добръ, и что я съ нимъ счастлива.

И она откровенно рассказала, на какихъ условіяхъ состоялся ихъ бракъ, и какъ сложилась дальнѣйшая ея супружеская жизнь.

— Итакъ, ты никогда не видала въ лицо своего супруга?

— Никогда. Но я и не стремлюсь больше къ этому. Доброта моего супруга такъ велика, что никакой человѣческой обликъ не можетъ быть ея достоинъ.

— Значить, ты не узнала бы его, если бы встрѣтилась съ нимъ?

— Голосъ его тихъ и иѣженъ. Можетъ-быть, я узнала бы его по голосу.

Константинополь.

Видъ на Золотой Рогъ съ Галатской башни

Константинополь. *Крѣпость на европейскомъ берегу Босфора, въ самой узкой части его.*

— А нѣтъ ли другихъ признаковъ, по которымъ ты могла бы узнать его?

Эминэ покраснѣла до корней волосъ; потомъ отвѣтила тихимъ голосомъ:

— По рукамъ я навѣрное узнала бы его. Онѣ такія бѣлыя, нѣжныя и тонкія, какихъ не можетъ быть ни у кого другого.

Маршалъ снова подошелъ къ султану и черезъ мгновение опять вернулся къ Эминэ.

— Изъ всего, что ты сказала, а также судя по богатому наряду, въ которомъ ты присутствовала на пиру въ гаремѣ жены великаго визиря, надо заключить, что супругъ твой знатенъ и богатъ. Можетъ-быть, онъ находится здѣсь среди присутствующихъ? Осмотри руки всѣхъ, чтобы убѣдиться.

Эминэ немедленно подошла къ первому изъ стоявшихъ, взглянула мелькомъ на его руку и тотчасъ пошла дальше

отъ одного къ другому. Глаза ея были такъ низко опущены, что никто не могъ даже видѣть цвѣта ихъ. Мимо всѣхъ большихъ и грубыхъ рукъ она проходила, не останавливаясь, когда же ей протягивали маленькую руку, она осторожно брала ее, но тотчасъ же опускала, какъ будто прикосновеніе было ей неприятно. Быстро обошла она весь полукругъ и вернулась къ дворцовому маршалу.

— Моего супруга нѣтъ между присутствующими,—проговорила она оспокойно.

— А всѣ ли руки ты осматрѣла?—спросилъ маршалъ.

Эминэ бросила короткій взглядъ на руку говорившаго, державшую маршалскій жезлъ. То была сильная мужская рука, но совсѣмъ не та, которую она искала. Эминэ невольно улыбнулась и повторила:

— Моего супруга нѣтъ между присутствующими.

— Такъ посмотри и эту руку,—сказалъ маршалъ, отступая въ сторону.

Завѣсы балдахина слегка раздвинулись, и всѣ присутствующіе увидѣли при ослѣпительномъ свѣтѣ солнца бѣлоснѣжную, узкую, маленькую руку. Эминэ съ минуту стояла пораженная, потомъ нерѣшительно прикоснулась къ рукѣ и тотчасъ же опустила ее на колѣни, запечатлѣвъ на рукѣ тихій

Константинополь. *Мраморная мечеть на берегу Мраморнаго моря.*

поцѣлуй. И, среди мертвой тишины, раздался ея дрожащій голосъ:

— Это рука моего господина и повелителя.

Тогда султанъ вышелъ изъ-подъ темнаго балдахина подъ открытое небо, оставивъ свою правую руку въ рукахъ Эминэ. Онъ тихо привлекъ молодую женщину къ себѣ и гордымъ, счастливымъ взглядомъ окинулъ присутствующихъ.

— Сегодня счастливый день, — сказалъ онъ, — потому что я нашелъ искренно любящую меня душу. Поэтому я буду милостивъ. Тебя, Мустафа-паша, я прощаю за то, что ты поддерживалъ неправое дѣло своего сына. Я не могу тебя только оставить своимъ великимъ визиремъ, потому что ты доказалъ, что взглядъ твой пересталъ быть зоркимъ, и ты не смогъ различить истину. Но я расстаюсь съ тобой не въ гнѣвъ, потому что, благодаря твоей слѣпотѣ, я позналъ красоту Эминэ. Ты же, Ахмедъ, сынъ Мустафы, самъ безвозвратно лишилъ себя большого счастья. Пусть это будетъ тебѣ наказаніемъ за то, что ты не сумѣлъ оцѣнить его, когда оно было въ твоихъ рукахъ...

Константинополь. *Галлипольскій маякъ.*

Первая въ Россіи женщина-докторъ всеобщей исторіи.

(Съ портр. и рис. на стр. 479 и 480).

21 (8) апрѣля въ Петроградскомъ университетѣ происходилъ первый въ Россіи публичный диспутъ женщины для пріобрѣтенія ученой степени доктора всеобщей исторіи. Если не считать дарованія почетнаго докторства (по русской исторіи) Харьковскимъ университетомъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, А. Я. Ефименко, то подобнаго событія еще не было въ жизни русскихъ университетовъ.

Защитила въ этотъ день диссертацию Ольга Антоновна Добіашъ-Рождественская, три года тому назадъ за другую свою ученую работу получившая степень магистра всеобщей исторіи и уже давно преподающая этотъ предметъ на Высшихъ Женскихъ Курсахъ (съ 1907 года), а за послѣдніе годы и въ университетѣ (въ званіи приватъ-доцента).

На диспутъ, происходившій въ одномъ изъ самыхъ просторныхъ университетскихъ помѣщеній, собралась многочисленная публика, очень замѣтную часть которой составляла женская учащаяся молодежь.

По окончаніи диспута, послѣ объявленія докторантки достойною искомой степени, г-жѣ Добіашъ-Рождественской были принесены привѣтствія деканомъ историко-филологическаго факультета, директоромъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ, председателемъ Историческаго Общества при университетѣ и делегатомъ Общества для доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ и прочитанъ былъ адресъ отъ ея ученицъ, поднесшихъ ей букетъ розъ. Публика привѣтствовала диспутантку горячими рукоплесканіями.

Новый докторъ всеобщей исторіи — дочь бывшаго профессора Нѣжинскаго института Добіаша, родомъ чеха, а фамилію Рождественская носитъ по мужу, профессору физики въ университетѣ. Родилась она въ 1875 году и высшее образованіе получила въ 1895—1899 годахъ на петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ, гдѣ специализировалась въ области средневѣковой исторіи Запада подъ руководствомъ проф. И. М. Гревса, но кромѣ того она довольно долгое время (около двухъ лѣтъ) прожила въ Парижѣ, гдѣ работала подъ руководствомъ двухъ тамошнихъ профессоровъ-медіэвистовъ (специалистовъ средневѣковой исторіи) Ланглюа и Лота. Тамъ же она пріобрѣла степень доктора, но это, какъ извѣстно, приравнивается у насъ лишь къ простому окончанію курса въ высшемъ учебномъ заведеніи, такъ что по возвращеніи на родину г-жа Добіашъ-Рождественская должна была еще держать магистерскій экзаменъ и представить двѣ диссертации.

Первую изъ нихъ (на степень магистра) она защитила въ 1915 году, темой же ея были средневѣковой церковный приходъ во Франціи. Уже въ этой работѣ г-жа Добіашъ-Рождественская обнаружилла и специальную ученость, и умѣніе разбираться въ первоисточникахъ, и способность къ историческимъ построеніямъ. Для докторской своей диссертации она темою взяла „Культъ архангела Михаила въ латинскомъ средневѣковѣ“, при чемъ вслѣдствіе дороговизны печатанія книгъ въ наши дни выпустила свой трудъ въ литографированномъ видѣ, собственноручно „перестукавъ“ его на пишущей машинкѣ. Въ этой новой диссертации она еще въ большей степени проявила и свою эрудицію, и умѣніе обращаться съ источниками, и широту размаха.

Архангелъ Михаилъ былъ однимъ изъ наиболее чтимыхъ святыхъ на Западѣ, и г-жа Добіашъ-Рождественская слѣдитъ за почитаніемъ его на протяженіи восьми столѣтій (V—VIII), за построеніемъ въ его честь храмовъ, за хожденіемъ на богомолье къ нѣкоторымъ его святынямъ, за появленіемъ о немъ легендъ, и все это дѣлается ею въ связи съ главными теченіями исторіи Запада отъ эпохи переселенія народовъ до эпохи крестовыхъ

походовъ. Между прочимъ, она опровергаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ германскихъ ученыхъ, по которому культъ архангела Михаила непосредственно смѣнилъ культъ языческаго бога Меркурія, находя, что для такого утвержденія нѣтъ достаточныхъ оснований: культъ Меркурія прекратился задолго до распространенія почитанія архангела Михаила на Западѣ. Другое дѣло — дѣйствительное скрещеніе образовъ языческаго бога и еврейскаго ангела на Востокѣ, гдѣ вообще происходилъ въ первые вѣка нашей эры такъ называемый религиозный синкретизмъ. На Востокѣ,

т.-е. въ Египтѣ и въ Передней Азій, на сдѣлавагосл христианскимъ архангела Михаила перенесены были нѣкоторыя черты греческаго Гермеса, которому на Западѣ соотвѣтствовалъ Меркурій. Г-жа Добіашъ-Рождественская остановилась также и на превращеніи, въ сознаніи христианъ, Михаила изъ ангела еврейскаго народа въ заступника и вождя христианъ, даже въ спеціальнаго покровителя средневѣковой имперіи на Западѣ, хотя послѣднее и кажется недостаточно обоснованнымъ.

Въ своемъ странствованіи отъ Палестины и вообще Востока до береговъ Ламанша на крайнемъ Западѣ и въ теченіе дѣлныхъ вѣковъ образъ архангела Михаила не могъ не измѣняться и не осложняться новыми чертами. Г-жа Добіашъ-Рождественская слѣдитъ за этою земною биографіею архангела, останавливаясь и на благочестивыхъ сказаніяхъ о немъ въ латинской ли легендѣ или въ національной поэзіи. Одна изъ этихъ легендъ, возникшихъ на Востокѣ и перенесенныхъ на Западъ, была усвоена и русскою древнею письменностью подъ названіемъ „Чуда Михаила Архистратига въ Хонѣхъ“; ее можно найти въ Четвы-Минеяхъ подъ 6 сентября. Но на Западѣ возникли и самостоятельныя сказанія о чудесахъ архангела Михаила, пріуроченныя къ двумъ главнымъ его западнымъ святынямъ, бывшимъ мѣстами паломничества: къ Монте Гаргано въ южной Италіи и Монъ

Сень-Мишель у нормандскаго берега Франціи (рис. на стр. 480).

Кромѣ большой начитанности въ источникахъ и пособіяхъ, О. А. Добіашъ-Рождественская проявила еще особый, интимный интересъ къ своему сюжету и, можно сказать, сама почувствовала настроенія, съ какими создавался интересующій ее образъ. Книга написана легкимъ, красивымъ и образнымъ стилемъ.

Все это было отмѣчено на диспутѣ и выступавшими на немъ официальными оппонентами, — бывшимъ учителемъ докторантки, проф. И. М. Гревсомъ, разбиравшимъ диссертацию со стороны ея западно-европейскаго содержанія, и проф. А. А. Васильевымъ, который подошелъ къ ней преимущественно со стороны соприкосновенія ея съ исторіей Византіи.

Кромѣ двухъ русскихъ диссертаций, изъ коихъ первая была переработкою французской, О. А. Добіашъ-Рождественская написала нѣсколько небольшихъ ученыхъ работъ и статей въ „Новомъ Энциклопедическомъ словарѣ“, а до вступленія преподавательницей въ высшую школу не мало потрудились и въ средней школѣ (въ женскихъ гимназіяхъ Таганцевой и Стоюниной) и принимала длительное участіе въ учительскомъ союзномъ движеніи.

Наука и высшее преподаваніе могутъ еще ожидать отъ новаго доктора и плодотворныхъ ученыхъ трудовъ и участія въ образованіи кадровъ молодыхъ научныхъ силъ. Между прочимъ, г-жа Добіашъ-Рождественская принадлежитъ къ числу рѣдкихъ у насъ специалистовъ по техническимъ дисциплинамъ, необходимымъ при изученіи средневѣковыхъ латинскихъ рукописей.

Н. К.

Первая въ Россіи женщина-докторъ исторіи
Ольга Антоновна Добіашъ-Рождественская.
Портретъ работы художника Г. Верейскаго.

Монъ Сень-Мишель (Гора св. Михаила), средневѣковый монастырь на островѣ въ Ламаншѣ, около берега Норманди, съ главными зданіями XIII—XV вѣковъ. Во время отлива вода между островомъ и берегомъ уходитъ, и сообщеніе между ними дѣлается возможнымъ безъ лодокъ. Къ очерку „Первая женщина-докторъ всеобщей исторіи“ на стр. 479.

* *
*

Храмъ Твой, Господи, въ небесахъ,
Но земля тоже Твой пріютъ,
Расцвѣтаютъ липы въ лѣсахъ,
И на липахъ птицы поютъ.
Точно благовѣсть Твой, весна
По веселымъ идетъ полямъ,
А весною на крыльяхъ сна
Прилетаютъ ангелы къ намъ.
Если, Господи, это такъ,
Если праведно я пою,

Дай мнѣ, Господи, дай мнѣ знакъ,
Что я волю понялъ Твою.
Передъ той, что сейчасъ грустна,
Появись, какъ Незримый Свѣтъ,
И на все, что спроситъ она,
Ослѣпительный дай отвѣтъ.
Вѣдь отраднѣй пѣнія птицъ,
Благодатнѣй ангельскихъ трубъ
Намъ дрожанье милыхъ рѣсницъ
И улыбка любимыхъ губъ.

Н. Гумилевъ.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условіямъ разорочки, подписная плата за „Ниву“ 1918 года должна быть внесена **полностью къ 1-му августа сего года**. Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ поэтому гг. подписчиковъ, не внесшихъ сполна подписныхъ денегъ, озаботиться **немедленною присылкою** остальной причитающейся съ нихъ суммы, **во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала**. Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копию печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ и непремѣнно указывать, что деньги высылаются въ доплату за получаемый уже журналъ**.

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **1 рубль и печатный адресъ**.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Литературное наследіе Анухтина. (Юмористическія стихотворенія, впервые появляющіяся въ печати). Очеркъ П. В. Быкова. — Подъ чужимъ знаменемъ. Разсказъ А. Хирьякова. — Бѣлая рука. Турецкая сказка. — Первая въ Россіи женщина-докторъ всеобщей исторіи. Очеркъ Н. И. — Стихотвореніе Н. Гумилева. — Заявление.
РИСУНКИ: Передвижная выставка 1918 г. Картины К. Горбатова, В. Кучумова, И. Творожникова, А. Максимова. — Въ фискальхъ штергахъ. И. Владиміровъ. —

Константинополь (14 рис.). — Первая въ Россіи женщина-докторъ исторіи О. А. Дебашъ-Рождественская. Портретъ работы художника Г. Верейскаго. — Монъ Сень-Мишель (Гора св. Михаила), средневѣковый монастырь на островѣ въ Ламаншѣ около берега Норманди. (Къ очерку „Первая въ Россіи женщина-докторъ всеобщей исторіи“).
Къ этому № 2 прилагается „Полнаго собранія сочиненій М. Горькаго“ книга 21.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

Библиотека "Руниверс"

ЖЖВА

1918 г.

XLIX г.

издания.

№ 31.

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 52 книг „Сборника“, содержащих сочинения А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. МАРЬЕВА („Великая Французская Революция“).

Выданъ 3 августа 1918 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—36 р., на 1/2 г.—18 р., на 1/4 г.—9 р.

Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 к.

Главная Контора и Редакция: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Квартира № 66.

Разсказъ Г. Яблочкова.

I.

Недавно кончившій академію инженеръ Терентьевъ, предполагая ѣхать въ Америку, сдѣлалъ объявленіе, что онъ желалъ бы познакомиться съ образованнымъ американцемъ или англичаниномъ. Въ сбѣнѣхъ на уроки русскаго языка онъ желалъ практиковаться по-англійски. Между прочими письмами онъ получилъ также слѣдующую, написанную очень неровнымъ почеркомъ, открытку: „Милостивый Государь! Былъ бы счастливъ, если бы вы оказали мнѣ честь посѣтить меня, тѣмъ болѣе, что разстояніе невелико: мы съ вами обитатели одного и того же дома. Я живу въ квартирѣ № 66. Дома цѣлый день. Итакъ, въ надеждѣ на личное свиданіе остаюсь съ почтеніемъ З. Перфильевъ“.

Приблизительно черезъ недѣлю, выйдя нѣсколько раньше обыкновеннаго на улицу, Терентьевъ вспомнилъ объ этомъ письмѣ и рѣшилъ разыскать квартиру № 66. Она оказалась во второмъ дворѣ, въ углу. Поднявшись по узкой и грязной лѣстницѣ на пятый этажъ, онъ очутился передъ клеенчатой дверью, къ которой прибита была карточка: „Зиновій Никаноровичъ Перфильевъ“. Ниже карточки былъ кусокъ бумаги съ надписью: „Открывайте дверь. Она незаперта“.

Послѣдовавъ этому приглашенію, Терентьевъ вошелъ въ комнату, представлявшую собою, повидимому, кухню, такъ какъ чѣ ней имѣлась плита и по полкамъ была разставлена посуда.

Въ комнатѣ не было никого, кромѣ двухъ кошекъ, свернувшихся на стульяхъ, и нѣсколькихъ котятъ, кувыркающихся на полу. Широкая дверь, въ видѣ арки, вела въ слѣдующее помѣщеніе, откуда и раздался немедленно вопросъ:

— Кто тамъ?

Терентьевъ назвалъ себя.

— А-а-а!.. — съ выраженіемъ пріятнаго изумленія пропѣлъ голосъ.— Очень радъ! А я уже думалъ, что вы не придете. Входите, пожалуйста, сюда, господинъ Терентьевъ, и извините меня, что я лежу. Это, такъ сказать, мое постоянное занятіе.

Вторая комната была довольно велика, бѣдно обставлена и не имѣла другихъ дверей. У противоположной стѣны стояла большая кровать съ приставленнымъ къ изголовью столомъ, и на кровати лежалъ человекъ. Онъ лежалъ на спинѣ и былъ покрытъ одѣяломъ, образовывавшимъ большую выпуклость на мѣстѣ его живота. Къ этой выпуклости было пристроено нѣчто въ родѣ пропитра, на которомъ помѣщалась газета.

Когда Терентьевъ подошелъ, лежавшій медленно и, повидимому, съ большимъ трудомъ повернулъ голову, сильно скосивъ глаза, а затѣмъ осторожно приподнялъ положенную поверхъ одѣяла руку. Когда Терентьевъ пожалъ ее, онъ, сморщивъ лицо, крикнулъ: „Ай!“ — и въ тотъ же моментъ лежавшій подъ одѣяломъ котенокъ стрѣлой ринулся съ кровати, опрокинулъ

Неожиданная преграда. Въ горахъ Кавказа.

Выставка польскихъ художниковъ въ Петроградѣ 1918 г.

Ю. Коссакъ (отецъ).

пюпитръ съ газетой и умчался въ уголь, волоча за собой длинный шнурокъ.

— Каналья! Негодяй! — злобно крикнулъ лежащій и, морщась отъ боли, тянулъ шнурокъ, привязанный, какъ оказалось, къ его правой рукѣ.

Котенокъ отчаянно мяукалъ и упрался. Лежащій, которому движенія причиняли, очевидно, сильную боль, также выкрикивалъ на разные голоса: „Ай! Ай!“ Это заставило сконфуженнаго Терентьева вмѣшаться и сказать:

— Позвольте, я помогу...

Онъ поднялъ пюпитръ съ газетой и снова приставилъ его къ выпуклому животу. Залѣзъ подъ кровать, разыскавъ спрятавшася въ самомъ темномъ углу бѣгсаца и подворилъ его на кровать. Котенокъ былъ шершавый, худой, со вздутымъ, какъ пузырь, животомъ, съ нѣтъно торчащими ушами и растерянной мордой.

— Ахъ, благодарю васъ!.. — съ чувствомъ произнесъ лежащій и, прижавъ преступника лѣвымъ локтемъ, принялся съ наслажденіемъ бить его по мордочкѣ правой рукой, при чемъ избиваемый издавалъ безнадежное мяуканье, а избивавшій, самъ мучась отъ боли, яростно выкрикивалъ:

— Ай! Ай! Ай!..

Наказавъ, какъ слѣдуетъ, котенка, лежавшій плачевнымъ голосомъ произнесъ:

— Вы не можете себѣ представить, господинъ... господинъ... простите, позабылъ вану фамилію! — какъ мучить меня это отвратительное животное. Малѣйшее движеніе причиняетъ мнѣ адскую боль. Прошу васъ, садитесь на стулъ. Такъ мнѣ удобнѣе будетъ васъ видѣть.

Терентьевъ усѣлся на стулъ, стоявшій въ ногахъ кровати, такъ что, дѣйствительно, его собесѣднику можно было глядѣть, не поворачивая головы, и нѣкоторое время они молча разсматривали другъ друга.

Передъ Терентьевымъ лежалъ мужчина неопредѣленнаго возраста, большой, грузный и съ широкимъ, скуластымъ, безъ всякой почти растительности, лицомъ, съ котораго зорко смотрѣли маленькіе, хитрые глазки. Онъ былъ покрытъ старымъ и грязнымъ одѣяломъ и даже, повидимому, не однимъ, а двумя или тремя. Подъ нимъ видна была пожелтѣвшая простыня, и отъ него распространялся застарѣвшій запахъ втираній и мазей.

— Вы и есть господинъ Перфильевъ? — спросилъ, переходя къ цѣли своего визита, Терентьевъ.

— Къ сожалѣнію!.. — отвѣтилъ лежащій. — Хотя чрезвычайно желалъ бы перестать имъ быть. Тотъ самый Перфильевъ, который написалъ вамъ письмо.

— Вы хорошо говорите по-англійски?

— Какъ вамъ сказать? — блеснувъ лукавыми глазами, отвѣтилъ лежащій. — Конечно, при моемъ способностяхъ, я говорилъ бы хорошо, если бы согласился учить этотъ языкъ въ дѣтствѣ. Но я ненавиждѣю его отъ всей души и каждый разъ, когда покойная матушка покупала англійскій учебникъ, кралъ его и закапывалъ въ огородѣ. Теперь я очень сожалѣю объ этомъ. Но зато я знаю французскій языкъ, межеваніе и бухгалтерію. Знакомъ также съ мыловареніемъ и сухой перегонкой дерева. Это васъ не устраиваетъ?

Терентьевъ невольно засмѣялся.

— Вы спросите, конечно, — словоохотливо продолжалъ Перфильевъ, — зачѣмъ же я пригласилъ васъ къ себѣ? Я вамъ это сейчасъ объясню. Уважаемый Николай Петровичъ! Вы видите, что я такое? Несчастный калѣка, лишенный рукъ, ногъ, шеи, лежащій на постели, какъ гнилая колода, и притомъ, какъ вы видите, лежащій совершенно одинъ. Нужно же мнѣ какъ-нибудь жить? Ну-съ, вотъ я и пишу письма по всѣмъ объявленіямъ, когда кто-нибудь ищетъ что-нибудь, хотя бы немного подходящее для меня. Согласитесь сами, — что теряю я? Письмо стоить нѣсколько копеекъ, но часто оно приноситъ мнѣ посѣщеніе новаго человѣка, а иногда даже настоящее знакомство. И что теряетъ тотъ, кто приходитъ ко мнѣ? Онъ здоровый человѣкъ и можетъ сейчасъ же уйти. Я же, во всякомъ случаѣ, даю ему возможность сдѣлать доброе дѣло. Вѣдь это чего-нибудь да стоить? И наконецъ, со своей стороны, я готовъ на все: дѣлайте со мной, что хотите. Конечно, танцовать я не могу!.. Скажите, правъ я или нѣтъ?

— Вы совершенно правы, господинъ Перфильевъ, — отвѣтилъ заинтересованный Терентьевъ. — И конечно, никто не станеть васъ осуждать. Но скажите, чѣмъ же вы больны?

— Собственно говоря, — устремивъ глаза въ потолокъ, самодовольно отвѣтилъ Перфильевъ, — я могу даже гордиться: у меня чрезвычайно рѣдкая болѣзнь. Медицина называетъ ее Arthritis deformans, что означаетъ: обезображивающій ревматизмъ. При этой болѣзни суставы сначала воспаляются, а затѣмъ превращаются въ нѣчто, подобное камню, что имъ не мѣшаетъ, однако, чрезвычайно сильно болѣть. Другая черта: болѣзнь эта медленно, но вѣрно захватываетъ все суставы тѣла, постепенно они твердѣютъ, каменѣютъ: ихъ можно только сломать, но не согнуть. Причины болѣзни неизвѣстны. По-моему, нервныя потрясенія и бурная жизнь... Это было восемь лѣтъ тому назадъ, уважаемый Николай Петровичъ! — вздохнувъ, продолжалъ онъ. — Сначала у меня заболѣло лѣвое колено, потомъ лѣвая ступня, потомъ правое колено и правая ступня, — и какъ видите, постепенно дошло до рукъ,

до спинного хребта и до шеи. Теперь я не могу шевельнуть ни одну часть тѣла безъ того, чтобы не заревѣть отъ боли. Къ счастью, процессъ остановился и даже идетъ назадъ: я чувствую, что руками дѣлается лучше. Но ноги — мои бѣдныя ноги ужасны! Хотите посмотреть? Поднимите одѣяло. Это любопытно.

Терентьевъ приподнял одѣяло и увидалъ двѣ тонкія, какъ палки, ноги, согнутыя въ колѣняхъ и лежащія на подточенныхъ грязныхъ подушкахъ. Что это были за жалкія и ужасныя ноги! Колѣни представляли собою два багровыхъ, глянцевитыхъ шара, а искривленные ступни были похожи на поджатые когти хищной птицы. Правая нога, лежащая у стѣны, была обвязана какими-то шкурками, обращенными мѣхомъ внутрь.

— Не правда ли, ужасный видъ? — освѣдомился Перфильевъ и просиявшимъ тономъ прибавилъ: — Уважаемый Николай Петровичъ! Мнѣ стыдно просить васъ, но что же мнѣ дѣлать? Почешийте мнѣ лѣвый бокъ! Вотъ здѣсь лежить кусочекъ сукна.

Добродушный Терентьевъ съ готовностью схватился за суконку, а Перфильевъ закатывалъ глаза, вздыхалъ, кряхтѣлъ и стоналъ отъ наслажденія, говоря: „Выше! Правѣе! Еще чуть-чуть выше. Вотъ такъ!“

— Благодарю васъ! — съ чувствомъ произнесъ онъ. — Это было огромное наслажденіе. Да!.. Въ моемъ положеніи научаешься терпѣть. Это мѣсто чесалось у меня уже часа три.

— Но скажите, пожалуйста, господинъ Перфильевъ, — спросилъ изумленный Терентьевъ, — неужели вы живете совершенно одинъ?

— Конечно, нѣтъ! — воскликнулъ онъ. — Я бы черезъ недѣлю умеръ тогда отъ голода или отъ другихъ причинъ. Вѣдь вы же видите, что я безпомощенъ, какъ новорожденный младенецъ! Нѣтъ, уважаемый Николай Петровичъ, я потерялъ вѣру почти во все, но я убѣжденъ, что добрые люди есть. За мной ухаживаетъ одна дѣвушка, моя дальняя родственница. Мои родные давно забыли обо мнѣ, и вотъ уже пять лѣтъ она одна самоотверженно заботится обо мнѣ.

— Она живетъ съ вами же? — спросилъ Терентьевъ.

— Да, она живетъ здѣсь. Но мы бѣдны. У насъ не хватаетъ средствъ, и она вынуждена служить. Въ этомъ-то и бѣда!.. У меня есть ужасная часть дня, отъ восьми утра и до семи вечера, когда я остаюсь совсѣмъ одинъ. Тутъ-то вотъ и должна помогать моя переписка.

— Ну и что же? Помогаетъ?

— О, да! Въ Петербургѣ есть много незанятыхъ людей и среди нихъ не мало имѣющихъ доброе сердце. А есть и такіе, которымъ я могу быть прямо полезенъ. Напримѣръ, сегодня въ четыре часа ко мнѣ придетъ молодой французъ, и мы будемъ съ нимъ практиковаться по-русски. Часамъ къ шести зайдетъ одинъ бонна, которой я написалъ, что больной ребенокъ нуждается въ уходѣ. Этимъ больнымъ ребенкомъ оказался, разумеется, я, но добрая барышня простила мнѣ мою ложь и навѣщаетъ меня раза два въ недѣлю. Вечеромъ придетъ химикъ, котораго я выудилъ такимъ же образомъ, а завтра придетъ ученица драматическихъ курсовъ и будетъ учить со мной свою роль. Есть люди! Конечно, нужно бы больше. Но мы не теряемъ времени и пишемъ. А вотъ и Настасья Семеновна! Я слышу ее шагъ. Она приходитъ всегда въ это время, чтобы накормить меня.

II.

Въ комнату вошла женщина лѣтъ двадцати пяти, бѣдно одѣтая, съ обыкновеннымъ рыхлымъ лицомъ, на которомъ затаенно блестѣли маленькіе, каріе глазки. Она полеснула въ кухню принесенные свертки, молча поздоровалась съ Терентьевымъ и принялась хлопотать: зажгла машинку, поставила на огонь кастрюлю и застучала посудой, что немедленно привело въ сильнѣйшее волненіе всѣхъ кошекъ и котятъ.

— Письма опустила? — нараспѣвъ спросилъ Перфильевъ, скашивая по направленію къ ней глаза.

— Да, да... — коротко отвѣтила она.

— Шкурки принесла?

— Не готовы еще. Будутъ только завтра вечеромъ.

— Пафнутія нѣтъ?

— Не видала. У дверей его не было.

— Посмотри еще. Онъ, навѣрное, уже ждетъ.

Женщина нетерпѣливо подошла къ двери, открыла ее и начала звать: „Ке!.. Ке!.. Ке!..“ Откуда-то издали послышалось радостное мяуканье, топотъ четырехъ лапъ, и въ комнату галопомъ влетѣлъ громадный котъ, совершенно черный, безъ малѣйшей отмѣтины, со страшными зелеными глазами.

Здравъ кверху хвостъ, онъ съ мурлыканьемъ потерялся о платокъ женщины, за что получилъ отъ нея злобный пинокъ, продолжалъ же самое съ ножками кровати и салогами Терентьева, прошепелъ, выгнувшись дугой, вдоль стѣны, затѣмъ хлонулся на полъ около кровати, вытянулъ лапы и улѣтся на боку, всей своей позой выражая полное наслажденіе жизнью.

— Пафнутія!.. Пафнутія!.. — нѣжно позвалъ его Перфильевъ, и котъ, поднявъ голову, вѣжливо отвѣтилъ ему: „Курль! Курль!..“ послѣ чего съ большимъ видомъ довольства перевалился на другой бокъ.

— Какъ поживаешь, Пафнутія? — тоненькимъ голосомъ говорилъ Перфильевъ, страшно скашивая глаза, и странный котъ, снова поблагодаривъ его на своемъ языкѣ, поднялся на лапы,

дѣловито направился къ стоящему у стѣны вѣнскому стулу, изогнулся въ видѣ вопросительнаго знака и, зацѣпивъ спиной за нижній обручъ, съ шумомъ поволокъ стулъ къ себѣ. Продѣлавъ это упражненіе нѣсколько разъ, онъ вернулся на старое мѣсто и съ довольнымъ видомъ принялся кататься на спинѣ. Терентьевъ съ невольнымъ интересомъ смотрѣлъ на него.

— Да! — съ гордостью говорилъ Перфильевъ, — Пафнугій — замѣчательный котъ. Настасья Семеновна познакомилась съ нимъ на другомъ концѣ Петербурга, онъ пришелъ за ней сюда, поднялся до нашей квартиры, принялъ предложенное угощеніе и остался ночевать. Но на слѣдующее же утро ушелъ, устроился на чердакѣ и живетъ самостоятельно, приходя къ намъ только столоваться два раза въ день. Онъ утонченно вѣжливъ, воспитанъ, отвѣчаетъ на всѣ вопросы, любитъ атлетическія упражненія и пользуется колоссальнымъ успѣхомъ у кошекъ, вѣроятно, за то, что относится къ нимъ чрезвычайно внимательно и деликатно. Такъ, онъ замѣтилъ, напримѣръ, что мы съ Настасьей Семеновной чувствуемъ нѣкоторую слабость къ этимъ животнымъ, и приводитъ къ намъ лучшихъ изъ своихъ женъ. Вы вѣдь замѣтили двухъ кошекъ, а также котятъ? Это все его семья. Однако извините, уважаемый Николай Петровичъ. Я попрошу васъ на минуту выйти. Мы съ Настасьей Семеновной займемся моимъ туалетомъ.

Поджавъ губы, Настасья Семеновна стояла уже съ затаеннымъ видомъ около постели. Дверная арка задержалась занавѣской, и, сидя въ кухнѣ, Терентьевъ слышалъ возню, тяжелые вздохи, какъ при усиліяхъ поднять что-то грузное, и раздраженные вскрики: — Ай! А-я-я-яй!.. Боже мой, что это за руки!..

Черезъ десять минутъ Настасья Семеновна, выйдя изъ комнаты, коротко сказала: „Теперь можно опять туда...“ и снова, при громкомъ мяуканьи кошекъ и котятъ, принялась жарить и варить. А еще черезъ четверть часа Терентьевъ присутствовалъ при завтракѣ своего новаго знакомаго.

Настасья Семеновна принесла сначала большую сковородку съ яичницей, завѣсила подбородокъ и грудь Перфильева салфеткой и ложку за ложкой принялась вкладывать въ него пищу. Перфильевъ широко раскрывалъ ротъ, жадно жевалъ и поспѣшно глоталъ, покрываясь крупными каплями пота. Онъ забылъ все окружающее, все его существо выражало необычайное, ни съ чѣмъ несравнимое наслажденіе, и Терентьеву казалось, что онъ даже видитъ, какъ жирные куски, скользнувъ черезъ горло, пласть за пластомъ ложатся въ его желудкѣ, отчего, колыхаясь при каждомъ глоткѣ, постепенно вздувался его выпуклый животъ.

За яичницей послѣдовали бутерброды съ сыромъ и ветчиной, и въ заключеніе Настасья Семеновна приставила къ губамъ Перфильева чайникъ съ какао, содержимое котораго такъ же быстро перелилось въ обширный желудокъ больного.

— Охъ! — замирающе-тожно вздохнулъ онъ затѣмъ, послѣ того, какъ былъ вытертъ потъ, облившій все его лицо. — Вы видите, уважаемый Николай Петровичъ, что каждое удовлетвореніе потребностей сопряжено въ моемъ положеніи со страданіями...

Эти страданія вызывали въ немъ, очевидно, склонность ко сну, потому что, багровый и сытый, какъ удавъ, онъ началъ все чаще и чаще смежать совѣщяющіе глаза...

— До свиданья, уважаемый Николай Петровичъ!.. — еле слышно простоналъ онъ, когда Терентьевъ поднялся, чтобы уходить. — Надѣюсь, мы видимъ васъ не въ послѣдній разъ. Не правда ли?..

Настасья Семеновна, окруженная мяукающей кошачьей стаей, молча дождавшись въ кухнѣ остатки пира своего больного.

III.

Дѣйствительно, приятно дѣлать добро. Дней черезъ шесть послѣ перваго визита Терентьевъ перешелъ черезъ дворъ, поднялся на пятый этажъ и открылъ дверь квартиры № 66, а затѣмъ началъ заходить туда регулярно разъ, а не то такъ два раза въ недѣлю. Ему нравилась неунывающая калѣка Перфильевъ, умный котъ Пафнугій и даже затаившая въ себѣ какія-то мысли Настасья Семеновна.

Въ первые же дни Терентьевъ встрѣтилъ тамъ молодого француза и химика, о которыхъ говорилъ Перфильевъ, затѣмъ ученицу драматическихъ курсовъ, дѣвицу поразительнаго безобразія, но очень эксцентричную и любящую мужское общество, атлетическихъ формъ, но чрезвычайно застѣчивую массажистку, двухъ студентовъ, какую-то даму, хлопочущую о пенсін, колоссальныхъ размѣровъ сибирскаго купца и много другихъ.

Квартира № 66 почти никогда не оставалась безъ гостей, и постель Перфильева представляла собою центръ, вокругъ котораго собирались самые разнообразныя люди. Со всѣми онъ велъ длинные разговоры, обо всѣхъ зналъ самыя интимныя подроб-

Этюдъ.

В. Коссакъ (сынъ).

Выставка польскихъ художниковъ въ Петроградѣ 1918 г.

ности и всѣмъ подавалъ самые хитроумные совѣты, за результатами которыхъ внимательно слѣдилъ. Всѣхъ онъ встрѣчалъ радостными восклицаніями: „А-а-а!.. Господинъ такой-то!..“ — или: „Госпожа такая-то... Садитесь, садитесь! Ну, что новаго?“ Внимательно выслушивалъ, переспрашивалъ, съ глубокомысленнымъ видомъ устремлялъ глаза въ потолокъ и начиналъ со вкусомъ говорить.

Однажды, когда они съ Терентьевымъ оказались одни, онъ съ большимъ чувствомъ и даже со слезами рассказалъ ему свою биографію, изъ которой выяснилось, что за свою жизнь онъ успѣлъ поочередно быть землемѣромъ, судебнымъ приставомъ, смотрителемъ тюрьмы, управляющимъ имѣніемъ, бухгалтеромъ на винокуренномъ заводѣ, ходоатемъ по дѣламъ. Всегда имѣлъ огромное количество враговъ, былъ дважды женатъ, былъ за свое благородство дважды отданъ подъ судъ, долго страдалъ, снова работалъ и велъ новую борьбу, пока эту кипучую жизнь не прервала въ самомъ разгарѣ коварно подкрывшаяся жестокая болѣзнь.

Терентьевъ узналъ затѣмъ и причину его бодрого настроенія. Дѣло въ томъ, что болѣзнь уже не пугала его. Презирая официальную медицину, онъ ревностно изучалъ старыя лѣчебники и открылъ вѣрное средство излѣчить свой ревматизмъ. Въ чемъ состояло это средство, онъ, разумеется скрываетъ, и это было понятно, потому что это средство должно было не только излѣчить его, но и доставить ему славу и деньги. Но оно существовало, и лѣченіе имъ составляло стержень, вокругъ котораго вращалась вся жизнь квартиры № 66.

Терентьевъ зналъ, что Перфильевъ дѣлательно натирался вонючими мазями, отъ которыхъ приходили въ отчаяніе лежащія съ нимъ котата. Ему не разъ приходилось присутствовать при томъ, какъ его массировали то атлетическая дѣвица, то неизвѣстные массажисты и массажистки, при чемъ онъ вылъ, визжалъ и хрюкалъ, какъ исполинскій кабанъ, задыхающимся голосомъ повторяя: „Продолжайте! Продолжайте! Ничего...“ Нѣсколько разъ добродушному Терентьеву, вмѣстѣ съ какимъ-нибудь другимъ случившимся гостемъ, при неистовомъ ревѣ, отъ котораго дрожали стѣны, приходилось сажать Перфильева въ горячую, какъ кипятокъ, ванну, и онъ снова видѣлъ его жалкія, скрюченныя, со

вздувшимися суставами руки и ноги и огромный жиреотъ, — но все это было не то.

Главное дѣлалось тайно, невидимо ни для кого, когда квартира № 66 таинственно замыкалась отъ всего міра. Это было несомнѣнно, потому что нѣсколько разъ Терентьеву приходилось взбираться на всѣ пять этажей, убѣждаясь, дернувъ дверь, въ томъ, что она заперта изнутри, и читать затѣмъ незамѣченную раньше бумажку съ надписью: „Извините. Войти нельзя“. И достаточно было видѣть, съ какимъ торжествующе-загадочнымъ лицомъ говорилъ ему Перфильевъ: „Погодите, уважаемый Николай Петровичъ, погодите! Скоро мы прогуляемся съ вами подъ ручку по Невскому!“, чтобы исчезли всякія сомнѣнія въ томъ, что онъ, дѣйствительно, былъ на вѣрномъ пути.

Что особенно поражало Терентьева въ квартирѣ № 66, такъ это необыкновенное обиліе кошекъ. Онѣ лежали на постели больного Перфильева, спали на стульяхъ и креслахъ, подвергались подъ ноги, когда онъ направлялся во вторую комнату. Нѣсколько разъ при немъ Настасья Семеновна, возвращаясь со службы, бросала на полъ новый экземпляръ, довольно неласково заявляя при этомъ: „Ну, вотъ тебѣ еще одна дрянь!“, на что Перфильевъ сейчасъ же съ живѣйшимъ интересомъ кричалъ: „Дай сюда! Дай сюда!“—и наконецъ однажды онъ самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ Пафнугій привелъ свою подругу, убѣдительно отрекомендовавъ ее на своемъ языкѣ и, когда ему было предложено угощеніе, деликатно отступилъ въ сторону, предложивъ его новой гостьѣ.

Терентьевъ обратилъ также вниманіе и на то обстоятельство, что кошки смѣнялись съ необыкновенной быстротой, точно квартира № 66 являлась для нихъ станціей, гдѣ онѣ отдыхали, приводили себя въ порядокъ и слѣдовали затѣмъ по своимъ дѣламъ дальше. Неизмѣнно являлся только одинъ черный котъ Пафнугій, сдѣлавшійся, повидимому, вполне членомъ семьи. И дѣйствительно, это былъ такой пріятный и благородный котъ, что его нельзя было не любить. Онъ положительно плѣнилъ сердце Терентьева. Проходя по двору дома, онъ часто встрѣчалъ его сидящимъ на карнизѣ, или на крыльцѣ, или около сорного ящика. Когда онъ звалъ его: „Пафнугій! Пафнугій!..“, онъ вѣжливо отвѣчалъ, соскакивалъ со своего мѣста и подходилъ. Но онъ избѣгалъ излишней короткости. Потершись съ мурлыканьемъ о ноги Терентьева, онъ бросалъ на него взглядъ, какъ бы говоря: „Не будемъ нѣжничать. Къ чему?“ и, поднявъ палкой хвостъ, уходилъ по своимъ дѣламъ.

IV.

Такъ прошло мѣсяца два. Занятый другими дѣлами, Терентьевъ какъ-то болѣе двухъ недѣль не былъ въ квартирѣ № 66. Очевидно, его отсутствіе было замѣчено, потому что онъ получилъ однажды записку, гдѣ было сказано: „Уважаемый Николай Петровичъ! Что васъ не видно? Скучаемъ безъ васъ, особенно Валя (такъ звали безобразную ученицу драматическихъ курсовъ, съ которой почему-то старался сблизить его Перфильевъ). Ждемъ васъ съ нетерпѣньемъ“.

Терентьевъ отправился въ квартиру № 66 на слѣдующій день передъ обѣдомъ, часа въ два. Поднявшись на пятый этажъ, онъ привычнымъ жестомъ открылъ дверь, шагнулъ черезъ порогъ и остановился. Изъ второй комнаты неся сдавленный не то визгъ, не то ревъ. Терентьевъ кинулся дальше, распахнулъ опущенную портьеру и остолбенѣлъ.

Шипя отъ боли, но испытывая, повидимому, громадное наслажденіе, ревматикъ Перфильевъ держалъ своей рукой за тонкую бечевку, которую медленно и съ несомнѣннымъ удовольствіемъ на зломъ лицѣ тянула сидящая на стулѣ у его изголовья Настасья Семеновна. Бечевка была перекинута черезъ крюкъ на потолокъ, и на концѣ ея, растопыривъ когтистыя лапы, выкашивъ желтые глаза и распахнувъ зубастую пасть, извиваясь, какъ червь, поднимался со сдавленнымъ ревомъ вверхъ черный котъ Пафнугій.

Почтенная чета была такъ поглощена своимъ дѣломъ, что не замѣтила ни стука дверей ни появленія Терентьева. Только его негодующій крикъ заставилъ ихъ оглянуться и выпустить изъ рукъ бечевку, отчего котъ Пафнугій грохнулся на полъ. Перерѣзавъ петлю на его шеѣ было для Терентьева дѣломъ одной секунды, послѣ чего Пафнугій съ невѣроятной быстротой вылетѣлъ черезъ оставленную открытой дверь на лѣстницу, а Терентьевъ остановился предъ Перфильевымъ и всѣмъ своимъ существомъ выразилъ возмущенный вопросъ.

Настасья Семеновна, съ грохотомъ захлопнувъ дверь, сердито стучала въ первой комнатѣ посудой, а больной, вращая смущенными глазами, смотрѣлъ въ потолокъ. Было нѣсколько мгновений тяжелого молчанья.

Затѣмъ, испутивъ огорченный вздохъ, Перфильевъ патетически произнесъ:

— Да.. Это очень непріятно, уважаемый Николай Петровичъ! Я чувствую, что вы возмущены.

Терентьевъ молчалъ.

— Конечно, было бы лучше, если бы этого не зналъ никто,— продолжалъ Перфильевъ, еще сильнѣе скосивъ на него глаза.— Но разъ вы случайно попали на эту непріятную сцену, я вынужденъ объяснить вамъ все...

Терентьевъ молчалъ, все еще не будучи въ состояніи прійти въ себя. Бѣдный Пафнугій!..

Портретъ жены художника.

Ю. Рудницкій.

Выставка польскихъ художниковъ въ Петроградѣ 1918 г

— Не думайте, что я такъ звѣрски жестокъ, чтобы наслаждаться мученіями животныхъ. И если я рѣшился пожертвовать этимъ милымъ котомъ, котораго люблю не меньше, чѣмъ вы...

— Зачѣмъ вамъ надо было вѣшать Пафнугія? — вырвалось наконецъ у Терентьева.

— Уважаемый Николай Петровичъ! Я именно и хочу вамъ объяснить! У Пафнугія необыкновенно хорошій мѣхъ.

— Ну, такъ что же?

— Я вамъ скажу все. Въ этомъ состоитъ мой секретъ лѣченья.

— Въ томъ, что вы вѣшаете кошекъ?

— Нѣтъ. Я лѣчусь кошачьимъ мѣхомъ... Уважаемый Николай Петровичъ! Это и есть мое открытіе, о которомъ я вамъ говорилъ. Ничто не дѣйствуетъ на больные суставы такъ цѣлбно, какъ электричество кошачьяго мѣха. Я уже достигъ прекрасныхъ результатовъ, а у Пафнугія необыкновенный, несравненный мѣхъ. Терентьевъ молчалъ.

— Вы видите, уважаемый Николай Петровичъ, что я имѣлъ основаніе поступать такъ, какъ поступалъ. Вы спросите: отчего я не покупаю готовыхъ шкуроекъ? Увы! Во-первыхъ, онѣ должны быть свѣжи, а во-вторыхъ, я не достаточно богатъ. Я вынужденъ былъ устроить кошачій заводъ и постепенно добывать мѣха.

Терентьевъ молчалъ. Перфильевъ былъ правъ! Но въ его воображеніи встала цѣлая картина. Вотъ почему такъ безслѣдно исчезали кошки! Ему стало противно.

— Да... — сокрушенно прибавилъ Перфильевъ, точно уловивъ его мысли. — Это непріятно и тяжело. Но что дѣлать? Я хочу быть здоровымъ, уважаемый Николай Петровичъ...

Онъ былъ правъ. Но зачѣмъ у него было такое звѣрски-наслаждающееся лицо, когда онъ смотрѣлъ, какъ вертѣлся въ петлѣ Пафнугій? Этого Терентьевъ не могъ простить.

— Надѣюсь, мы видимъ васъ не въ послѣдній разъ? — жалобно сказалъ Перфильевъ, протягивая скрюченную руку, когда Терентьевъ собрался уходить. Этого Терентьевъ самъ не зналъ. Онъ зналъ только одно: что Пафнугій потерявъ теперь для людей навсегда. Кошки не прощаютъ такихъ вещей.

Дѣйствительно, Пафнугій окончательно порвалъ всѣ сношенія даже съ нимъ.

Нѣсколько разъ встрѣчая его на дворѣ, Терентьевъ самымъ заискивающимъ голосомъ звалъ его: „Пафнугій! Пафнугій!..“, но все было напрасно. Не двигаясь, Пафнугій холодно и непроницаемо смотрѣлъ на него, и въ глубинѣ его желтыхъ глазъ можно было читать затаенную мысль: „Шалишь, братъ! Не надуешь больше“...

V.

Терентьев уѣхалъ, не повидавъ больше Перфильева, и вернулся въ Петербургъ только мѣсяцевъ черезъ шесть. За время отсутствія онъ позабылъ о квартирѣ № 66 такъ основательно, какъ будто не зналъ ея никогда. Это бываетъ. Его голова все время была поглощена совѣмъ другимъ.

Только очутившись снова въ томъ самомъ домѣ и даже въ той самой комнатѣ, гдѣ онъ жилъ полгода тому назадъ, Терентьевъ вспомнилъ все: и ревматика Перфильева, и Настасью Семеновну, и черного кота Пафнугія, и еще и еще...

Прежде всего ему пришлось встрѣтиться съ Пафнугіемъ; спускаясь съ крыльца, Терентьевъ увидѣлъ однажды, какъ онъ, большой, толстый и степенный, — очевидно, ему недурно жилось, — неторопливо шель, задравъ кверху хвостъ и пробираясь отъ подвала къ помойной ямѣ. Вѣроятно, онъ предполагалъ тамъ немножко подзакусить.

Изъ этой встрѣчи не вышло ничего. Пафнугій только обернулся, искоса посмотрѣлъ и невозмутимо прослѣдовалъ дальше, не обращая вниманія на нѣжный зовъ. Терентьевъ не ошибся: Пафнугій навсегда потерялъ вѣру въ людей.

Однажды вечеромъ Терентьевъ столкнулся въ воротахъ съ Настасьей Семеновной, бѣжавшей мимо него. Онъ окликнулъ ее, но она торопливо шмыгнула дальше, не чувствуя, повидимому, никакой охоты его узнавать. Перфильева, конечно, онъ встрѣтить не могъ. Каждый день, просыпаясь утромъ, онъ говорилъ себѣ:

— Надо, надо наконецъ къ нему сходить!..

Но онъ вставалъ, его захватывали въ свое колесо разнообразныя дѣла, и онъ откладывалъ визитъ до слѣдующаго дня. И только черезъ нѣсколько недѣль, уже имѣя въ карманѣ желѣзнодорожный билетъ, онъ перешелъ наконецъ дворъ, поднялся на пятый этажъ, остановился у двери квартиры № 66, прочиталъ неизмѣнную надпись: „Открывайте дверь. Она незаперта“ и вошелъ.

— Кто тамъ? — послышался жалобный голосъ, который онъ едва узналъ.

Перфильевъ лежалъ въ прежнемъ положеніи, на прежней кровати. Его потная голова, вокругъ которой гудѣлъ черный рой мухъ, глубоко ушла въ желтую отъ грязи подушку, глаза смотрѣли въ потолокъ, и руки были сложены поверхъ одѣяла, на груди.

Терентьева поразилъ его страдальческій видъ. Перфильевъ даже не сдѣлалъ попытки повернуть къ нему лицо, а только косился, насколько могъ, глаза и съ усиліемъ приподнял правую руку. Дрожа и прыгая, она толчками начала приближаться къ рукѣ Терентьева, но онъ перехватилъ ее по дорогѣ и, осторожно пожавъ, бережно положилъ на старое мѣсто. Онъ сѣлъ на стулъ, поставивъ его такъ, чтобы больному было удобнѣе видѣть его, и нѣсколько секундъ они молча глядѣли другъ на друга. И неожиданно желтое калмыцкое лицо Перфильева жалко сморщилось, дернулось и задрожало. Перфильевъ всхлипнулъ, и изъ его глазъ свѣтлыми струйками побѣжали слезы.

Это было тяжело. Это было даже страшно: передъ Терентьевымъ плакала сама безнадежность.

— Вотъ... — проговорилъ Перфильевъ, всхлипывая и давясь, — уважаемый Николай Петровичъ!.. Въ какомъ положеніи вы находите меня..

— Вамъ хуже? — спрашивалъ Терентьевъ. — Временное ухудшеніе?

— Нѣтъ! — отвѣтилъ онъ, чуть-чуть приоткрывая губы. — Не временное... Болѣзнь дѣлаетъ свое дѣло... Безъ остановки... Потрогайте вотъ тутъ, около моего уха...

Терентьевъ осторожно прикоснулся къ тому мѣсту, которое онъ указалъ. Тамъ чувствовалась подъ кожей не то опухоль, не то наростъ.

— Вы видите? — говорилъ онъ. — Уже пораженъ челюстный суставъ. Скоро я не смогу ни жевать ни говорить...

Терентьевъ молчалъ. Перфильевъ тоже молчалъ, глядя на него.

— За что?.. — проговорилъ онъ потомъ, и изъ глазъ его опять потекли слезы.

— Будьте такъ любезны!.. Вытрите мнѣ лицо, — попросилъ онъ, заплакавшись, и, помолчавъ, продолжалъ:

— Да-да!.. Постепенно меня покинули все... И скоро покинетъ также Настасья Семеновна...

— Какъ! — съ испугомъ воскликнулъ Терентьевъ, — Настасья Семеновна?

— Да!.. Я вамъ все расскажу, уважаемый Николай Петровичъ! — снова всхлипнувъ, продолжалъ Перфильевъ. — Я такъ давно ни съ кѣмъ не говорилъ. Кругомъ меня все враги. Конечно, я не стану скрывать: у меня есть крошечный капиталъ. Я все время былъ ослѣпленъ. Настасья Семеновна ухаживала не за мной, а за нимъ. Будьте такъ любезны, — вытрите мнѣ лицо... И вотъ она требуетъ теперь, чтобы я отдалъ все деньги ей. Иначе она не будетъ ухаживать за мной... Конечно, она не сдѣлала бы этого сама, но она сошлась съ однимъ негодяемъ, который, разумеется, любить не ее, а тѣ деньги, которыя она можтъ получить отъ меня. Онъ убѣждаетъ ее купить одну колбасную лавку, а меня они возьмутъ къ себѣ. Но посудите сами, уважаемый Николай Петровичъ, могу ли я согласиться на это? Я, безпомощный, без-

защитный калѣка. Они могутъ сдѣлать со мною все. Могутъ убить, отравить, уморить голодомъ — все, что угодно. Этотъ человекъ способенъ на все...

— А вы знаете его?

— О, да! Онъ приходитъ сюда каждый день. Онъ обѣдаетъ здѣсь. Онъ и сейчасъ придетъ. И вы не можете себѣ представить, уважаемый Николай Петровичъ, какія униженія мнѣ приходится переносить!.. Мое упорство выводитъ ихъ изъ себя, и эта женщина потеряла всякій стыдъ. Очень часто ея любовникъ остается здѣсь ночевать... Но, кажется, они идутъ. Будьте такъ любезны, — вытрите мнѣ хорошенько лицо и глаза...

Они, дѣйствительно, шли. Растворилась дверь, и Терентьевъ увидѣлъ Настасью Семеновну, а за ней высокаго, костистаго, понураго мужчину, взглянувъ на котораго онъ подумалъ: „О, да!.. Этотъ, дѣйствительно, способенъ на все“, — столько низости и угрюмага звѣрства удалось природѣ отпечатлѣть въ его маленькихъ глазкахъ, провалившемся ртѣ и далеко выпятившейся впередъ нижней челюсти. Настасья Семеновна едва поздоровалась съ Терентьевымъ, а мужчина не поздоровался вовсе. Усѣвшись въ первой комнатѣ у стола, онъ принялся, глядя исподлобья, барабанить пальцами по столу. Было видно, что они не ожидали застать здѣсь никого.

Ожесточенно гремя посудой, Настасья Семеновна что-то ворчала себѣ подъ носъ, Перфильевъ лежалъ, растерянно бѣгая глазами, и Терентьевъ поднялся, чтобы уходить. Но, устремивъ на него умоляющій взглядъ, больной жалобно произнесъ:

— Уважаемый Николай Петровичъ! Я васъ очень прошу. Оставайтесь еще немного...

Въ ту же минуту что-то съ грохотомъ полетѣло въ сосѣдней комнатѣ на полъ, а еще черезъ минуту Настасья Семеновна, съ подвязаннымъ фартукомъ, съ пылающимъ лицомъ, появилась въ дверяхъ.

— Ну, что! — закричала она. — Ты увливаешь? Не хочешь говорить? Такъ не думай — я ничего не боюсь! Я и при постороннихъ буду говорить.

Перфильевъ жалобно глядѣлъ на Терентьева.

— Чего ты молчишь? — кричала Настасья Семеновна. — Думаешь, и меня заставишь молчать? Довольно! Намолчалась ужъ. Шесть лѣтъ молчала, теперь хочу говорить. Отвѣчай, согласенъ или нѣтъ! Больше мнѣ некогда ждать.

— Настасья Семеновна!.. — простоналъ наконецъ Перфильевъ. — Но почему же непременно сейчасъ?

— Не хочу я больше ждать! — взвизгнула она. — Довольно! Наждалась. Не мы одни. Тамъ и другіе покупатели есть...

Садовница.

Алиса Берсона.

Выставка польскихъ художниковъ въ Петроградѣ 1918 г.

Стрѣлокъ. Скульптурный эскиз. М. Блохъ.
Выставка еврейскихъ художниковъ въ Петроградѣ 1918 г.

Понурый мужчина поднялся, подошелъ къ двери и глухимъ голосомъ, сильно двигая нижней челюстью, началъ бунчать:

— Зиновій Никанорычъ! Соглашайтесь! Дѣло выгодное—другого такого не найти. А мы съ Настасьей Семеновной будемъ васъ беречь, какъ родного отца.

Бѣдный Перфильевъ растерянно бѣгалъ глазами, потомъ умоляюще проговорилъ:

— Настасья Семеновна!.. Прошу васъ, дайте мнѣ подумать. Черезъ недѣлю я вамъ скажу...

— Никакихъ недѣль не хочу!—топнувъ ногой, закричала она.— Даже дня не дамъ! Вотъ тебѣ скажъ: или соглашайся сейчасъ, или сейчасъ же уйду. Пропадай пропадомъ! Сгнивай на своей кровати. Чтобъ я еще стала ждать! Шесть лѣтъ жила, какъ за ребенкомъ ходила, съ ложки кормила, всякую гадость переносила, издѣвки терпѣла, и ждать еще! Не хочу больше ждать: сейчасъ же уйду. Тошнитъ меня давно. Самъ только жралъ, спать да кошке давить, а я, какъ каторжная, работала. Да мало того! Больной, больной, въ гробъ смотреть, а у самого всякія гадости на умѣ. Довольно! Противно! Лучше сейчасъ же уйду!..

Терентьевъ услышалъ странный звукъ. Бѣдный Перфильевъ, всхлиывая и давясь, безнадежно рыдалъ подъ эти безжалостныя слова. Съ возмущеніемъ Терентьевъ проговорилъ:

— Настасья Семеновна! Какъ вамъ не стыдно! Вѣдь передъ вами больной, несчастный человѣкъ. Пожалуйте его!..

— Что-о!..—закричала она, наступая на него.—А ты кто такой? Чего ты здѣсь сидишь? Чего тебѣ тутъ надо? Это моя квартира! Я за нее плачу. Вонъ! Вонъ! Сейчасъ вонъ! Чтобъ духу твоего здѣсь не было. Семень, гони его вонъ!

— Уважасмый Николай Петровичъ!—кричалъ Перфильевъ.— Лучше уходите! Оставьте меня. Я боюсь, что они могутъ васъ оскорбить.

Нижняя челюсть и жилистые кулаки понураго Семена приняли

явно угрожающій видъ, и Терентьевъ предпочелъ уйти. И пока онъ отступалъ, забирая свою шляпу, пальто и палку, разъяренная мегера все время, топая ногами, орала на него: „Вонъ! Вонъ!“, а когда онъ уже спускался съ лѣстницы, вдогонку ему летѣла далеко непривѣтливая фраза:

— И чтобы духу твоего здѣсь больше не было, дрянъ!..

VI.

Несчастный Перфильевъ растерзалъ сердце Терентьева. На слѣдующій же день ему пришлось уѣхать изъ Петербурга, но теперь онъ его не забылъ. Наоборотъ, онъ все время стоялъ у него въ памяти и иногда прямо не давалъ жить. Терентьевъ хотѣлъ даже ему написать. Но подумалъ: о чемъ? О томъ, что его несчастье огромно, бессмысленно, не нужно и т. д.? Но все это Перфильевъ, навѣрное, самъ продумалъ гораздо лучше и глубже, лежа шесть лѣтъ въ своей постели, въ особенности теперь, когда его земному странствію подходило, повидимому, конецъ. Онъ ему не написалъ.

Но, вернувшись черезъ три мѣсяца въ Петербургъ, онъ на слѣдующій же день отправился въ квартиру № 66.

Карточка Перфильева висѣла на старомъ мѣстѣ. Но не было уже бумаги съ надписью: „Открывайте дверь. Она не заперта“. Поэтому Терентьевъ позвонилъ. Ему открыла незнакомая пожилая женщина, немедленно вернувшаяся къ оставленному ею чулку, и еще съ порога Терентьевъ услышалъ что-то монотонно читающій, басистый и гулкій голосъ. Когда онъ вошелъ во вторую комнату, со стула поднялся высокій человѣкъ въ засаленномъ, наглухо застегнутомъ сюртукѣ, съ испитымъ, елейнымъ лицомъ, кашлянувъ въ руку и, сложивъ на засунутомъ пальцѣ Евангеліе, отступилъ на шагъ въ сторону.

Перфильевъ лежалъ въ прежней позѣ, сложивъ на груди узловатыя, вздувшіяся кисти рукъ. Его ушедшая въ подушку голова была сильно откинута назадъ, и изъ его полукрытого рта торчала большой кусокъ пробки, что давало ему нелѣпое сходство съ огромнымъ младенцемъ, сосущимъ рожокъ.

Не надо было никакихъ словъ. Было ясно, что эта пробка не давала возможности челюстямъ окостенѣть при стиснутыхъ зубахъ.

— Зд-австуйте! — невнятно произнесъ Перфильевъ, слегка шевельнувъ въ видѣ привѣтствія скрюченными пальцами и устремивъ на Терентьева страшные, напряженные глаза—единственное, что жило еще на его неподвижномъ лицѣ. Потомъ, помолчавъ, прибавилъ:

— Ско-о конецъ.

Терентьевъ осторожно погладилъ его по рукѣ.

— А Настасья Семеновна прогадала!—произнесъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, и въ его глазахъ мелькнуло выраженіе торжества.

— А что съ ней?—спросилъ Терентьевъ, но Перфильевъ не отвѣтилъ ничего и съ сосредоточеннымъ видомъ поднялъ глаза къ потолку.

— Имъ причиняетъ боль, если они много говорятъ,—осторожнымъ басомъ пояснилъ человѣкъ въ сюртукѣ.—Поэтому они теперь больше молчатъ.

— А что касается до этой женщины,—продолжалъ онъ, помолчавъ,—то, разумѣется, Господь Богъ быстро наказалъ ее. Ея любовникъ уже черезъ мѣсяцъ оставилъ ее, и она въ самомъ жалкомъ состояніи приходила сюда, горько рыдая и умоляя принять ее обратно. Но Зиновій Никанорычъ слишкомъ много отъ нея перестрадалъ и не могъ ей болѣе довѣрять.

— А какъ же вы познакомились съ Зиновіемъ Никанорычемъ?—спросилъ Терентьевъ.

Человѣкъ въ сюртукѣ, закрывъ рукой ротъ, громко кашлянулъ: „Эх-мъ!“ и отвѣтилъ:

— Узнавъ отъ дворника о печальномъ положеніи болячаго, безжалостно покинутого безсердечной женщиной,—а мы съ сестрой квартируемъ здѣсь же, въ этомъ домѣ,—я посѣтилъ его во исполненіе заповѣди Христа, оказалъ ему необходимыя услуги и прочиталъ исторію многострадальнаго Юва. Господь смягчилъ сердце грѣшника, направилъ его на путь покаянія и внушилъ ему желаніе слушать святое слово. Мы съ сестрой поселились здѣсь, уважаемъ за болячимъ, облегчаемъ его страданія и подготовляемъ къ безмятежному концу.

— Я... имъ оставлю все...—неожиданно пояснилъ Перфильевъ, на мгновеніе опустивъ глаза на Терентьева, затѣмъ снова молча устремилъ ихъ въ потолокъ.

— Эх-мъ!..—гулко кашлянулъ человѣкъ въ сюртукѣ и смнренно возвелъ глаза къ небу.

— До свиданья!—сказалъ Терентьевъ Перфильеву, посидѣвъ еще съ четверть часа. Но Перфильевъ не отвѣтилъ ничего. Онъ лежалъ, глядя въ потолокъ, съ пробкой, торчащей изо рта, и было неизвѣстно, дремалъ ли онъ или былъ поглощенъ своими мыслями. Терентьевъ осторожно погладилъ его по рукѣ и ушелъ.

Гость.

Рассказ С. Свириденно.

Никогда еще не приходилось Васе Трофимову, молоденькому студенту-технологу второго курса, встречать Светлый праздник так невесело, так несогласно со своими надеждами и мечтами, как в этот год. В посту он заболел инфлуэнцей. Болѣзнь затянулась; и вмѣсто того, чтобы на Страстной уѣхать изъ Петербурга и попасть къ празднику въ свой милый родной приволжскій городъ, онъ уже больше двухъ недѣль лежалъ въ постели, возясь съ „неприятными осложнениями“, какъ выражался докторъ, не позволявшій ему встать... Вася терялъ терпѣнiе, бранился, посылалъ къ чорту и осложнения и своего доктора; но такъ какъ чувствовалъ онъ себя дѣйствительно очень нехорошо и къ тому же, подобно многимъ рѣдко хворающимъ людямъ, отличался большою мнительностью, то все-таки исполнялъ всѣ врачебныя предписанiя, изъ которыхъ самымъ тяжкимъ было категорическое распоряженiе: и не думать вставать съ постели, а тѣмъ паче уѣзжать, пока не наступитъ окончательное выздоровленiе...

Вася чувствовалъ себя одиноко и тоскливо. Почти всѣ товарищи разъѣхались къ празднику. Среди оставшихся у Трофимова не было близкихъ друзей, и къ нему рѣдко заходили. По цѣлымъ днямъ онъ не видалъ иногда никого, кроме врача и своей хозяйки, милой суетливой старушки, у которой онъ уже вторую зиму нанималъ комнату.

Чѣмъ ближе подходилъ праздникъ, тѣмъ становилось грустнѣе. Тамъ, дома, шли теперь усиленные приготовления къ Пасхѣ, веселыя домашнiя хлопоты. Вся семья была въ сборѣ: къ старикамъ-родителямъ прiѣхала изъ Москвы замужняя сестра съ дѣтьми и мужемъ, изъ деревни явился неизмѣнный праздничный гость, одинокой дядя Митя, старый холостякъ, проводившій Святую съ семьей брата... Только Васи и не было—всеобщаго любимца и баловня семьи, безъ котораго и всей семьѣ быть, какъ говорится, праздникъ не въ праздникъ. А въ особенности испорченъ былъ праздникъ для самого Васи; и ему впервые приходилось лишиться этой радостной, съ дѣтства любимой поры. Вася любилъ Пасху. Любилъ и потому, что вѣровалъ, — хотя далеко не „по катехизису“, но горячею и прочною вѣрою глубоко-религiозной природы, — и потому также, что ему, какъ многимъ, было мило все, связанное со Светлымъ Воскресенiемъ: и трепетный подъемъ духа въ пасхальную ночь, и красивый крестный ходъ вокругъ стараго неуклюжаго собора, сверкающій тысячами огнями свѣтъ, таинственно мерцающими на упругихъ складкахъ медленно плывущихъ по воздуху хоругвей, тепло озаряющими людскiя лица, мягко румянящими древнiя, бѣлыя, соборныя стѣны... и ночное возвращенiе домой,—въ темнотѣ, когда Пасха случалась ранняя,—христосованiе и розговнiе дома, среди общаго веселаго оживленiя за праздничнымъ столомъ, нагруженнымъ безчисленными куличами и пасхами... Вечеръ Страстной субботы всегда былъ для Васи лучшимъ вечеромъ въ году. Теперь его сердце сжималось при мысли, что придется провести этотъ вечеръ одному, въ чужомъ городѣ, въ чужой квартирѣ.

Но совершенно неожиданно для Трофимова оказалось, что ему не суждено остаться одному въ Страстную субботу. Въ этотъ день явился къ нему посыльный съ запиской отъ Корчагина, его однокурсника и земляка, жившаго въ Петербургѣ у своихъ столичныхъ родственниковъ. Записка была слѣдующаго содержания:

„Голубчикъ Вася, прости великодушно, что я, несмотря на твою хворь, обращаюсь къ тебѣ за товарищеской услугой. Не можешь ли приютить у себя на сегодняшнюю ночь земляка, которому некуда дѣваться? Это мой старый знакомый, нѣкто Боголюбовъ, пресимпатичный типъ и къ тому же гениальная голова. Его угораздило прiѣхать по дѣламъ въ этотъ проклятый Питеръ, и вдобавокъ прибыть сюда именно въ такой нарочито-неподходящiй день. Все утро мы съ нимъ тщетно ищемъ комнаты.

Можно подумать, что всѣ квартирныя хозяйки заколдованы, или что у нихъ у всѣхъ куличи не удались, и онѣ поэтому освириѣпли... нигдѣ ничего нѣтъ! Либо все занято, либо такiя конуры, что и на одну ночь влѣзть страшно. Боголюбовъ собрался все-таки полѣзть въ одну изъ такихъ конуръ; но я еще надѣюсь спасти его отъ сей пагубы. Къ себѣ взять я его не могу,—потому что у меня на бѣду никакого „къ себѣ“ не существуетъ, а существуетъ тантишка, которая взъѣтся. Не разрѣшишь ли подкинуть товарища на эту ночь къ тебѣ? Завтра освободится единственная приличная комната, которую мы видѣли во время нашихъ поисковъ, такъ онъ туда переберется,—а сегодня ему, очевидно, такъ и не найдется пристанища. Ты обладаешь тремя сокровищами, какiя не часто достаются на долю столичному студіозу: порядочной хозяйкой, просторной комнатой и турецкимъ диваномъ. Извини, ради Бога, за беспокойство; мнѣ немного совѣстно тебя, большого человѣка, тревожить, но Боголюбовъ тебя не стѣснитъ, къ тому же я подумаю, что и тебѣ будетъ прiятнѣе встрѣчать праздникъ не въ полномъ одиночествѣ... Этотъ землякъ—человѣкъ замѣчательный, и ты будешь въ восторгѣ отъ него. Если согласишься, будемъ очень благодарны, онъ и я. Итакъ, какъ поется въ романсѣ, „я приговоръ твой жду“, и ты мнѣ сей приговоръ пришли съ посыльнымъ; ему заплачено туда и назадъ. Привѣтъ!

„Твой Влад. Корчагинъ“.

Трофимовъ отвѣтилъ утвердительно, и вечеромъ къ нему явился прiѣзжiй.

— Я боюсь, что мы съ Корчагинымъ черезчуръ ужъ безцеремонно злоупотребляемъ вашею любезностью,—привѣтливо говоритъ гость, пожмая руку приподнявшемуся на постели Васѣ,—нашъ общiй прiятель обрадовался случаю сбыть меня вамъ, хотя я сильно стѣснялся вламываться такимъ образомъ къ большому человѣку...

— Нѣтъ, нѣтъ, я право очень доволенъ, что вы пришли! Мнѣ тутъ, признаться, такъ сиротливо одному...

— Ну, тѣмъ лучше. Я постараюсь, чтобы мое общество не доставило вамъ неудобствъ, а оказалось чѣмъ-нибудь полезно. Прежде всего позвольте у васъ немного похозяйничать и для начала зажечь вонъ ту лампу, потому что ваша свѣчка сейчасъ догоритъ...

Не дожидаясь отвѣта, гость подошелъ къ столу, удивительно быстро нашелъ спички среди разбросанныхъ на столѣ вещей (у Васи всегда былъ беспорядокъ, даже когда онъ не хворалъ, и

Шопень.

Выставка еврейскихъ художниковъ въ Петроградѣ 1918 г.

М. Блохъ.

спичечницы систематически затеривались) и ловкими, осторожными руками, ни разу не звякнув стекломъ, зажечь лампу. Мягкой безшумной походкой онъ вернулся къ постели больного и легко опустился въ старое скрипучее кресло, которое на этотъ разъ не издавало ни звука.

Теперь, когда въ комнатѣ стало свѣтлѣе, Трофимовъ съ плохо скрываемаго удивленіемъ присматривался къ наружности посетителя. Уже съ перваго взгляда, при невѣрномъ освѣщеніи единственной свѣчи, онъ обратилъ вниманіе на красоту этого человѣка; теперь она поразила Трофимова. Черты гостя отличались идеальной, классическою правильностью и тою изящною, нѣжною утонченностью очертаній, которая такъ чаруетъ взглядъ въ твореніяхъ старыхъ итальянскихъ мастеровъ. Высокій лобъ, безукоризненный овалъ щекъ и подбородка, каждая линия этого замѣчательнаго лица—носили отпечатокъ глубокаго внутренняго благородства, проникнуты были гармоніей и прелестью. Черные, съ синеватымъ блескомъ, волосы вились отъ природы крупными кольцами, какъ на нѣкоторыхъ портретахъ флорентинской школы. Черныя брови, очень тонкія, очень длинныя, съ плавнымъ, строгимъ изгибомъ, казались проведенными кистью какого-нибудь великаго мастера—отчетливо, почти рѣзко, но въ идеальнѣйшемъ соотвѣтствіи со всѣми чертами. Длинныя прямыя рѣсницы тоже были черныя; и тѣмъ неожиданнѣе оказывалось впечатлѣніе, производимое громадными, дивными глазами—синими, какъ свѣтлые сапфиры, какъ южное небо въ весенній день. Цвѣтъ лица былъ матово-блѣдный, безъ всякой болѣзненной желтизны, ровно красвою блѣдностью древняго мрамора; среди этой блѣдности мягко выдѣлялись нѣжно окрашенныя губы, яркія, но не грубыя, съ прекрасными, гармоничными очертаніями. Гость не носилъ ни усовъ ни бороды, и это придавало его чертамъ еще большее сходство съ красивѣйшими образцами флорентинской живописи. Однако это сходство относилось только къ красотѣ, а не къ національному отпечатку; безусловно „не русское“ лицо его не имѣло въ себѣ ничего характернаго для какой бы то ни было національности. Это былъ идеальнѣйшій типъ безусловно красивой человѣчности, не принадлежащій ни къ какой народности и одинаково сродный каждой изъ нихъ въ томъ, что было у каждой наиболѣе прекраснаго.

— Я радъ случаю познакомиться съ вами, Василій Григорьевичъ. Мнѣ Корчагинъ много говорилъ о васъ.

Вася обратилъ теперь вниманіе и на голосъ Боголюбова, негромкій, но необыкновенно звучный и отличавшійся такою привлекательною выразительностью, что даже эта банальная фраза прозвучала у него обаятельно и глубоко.

Только тутъ Трофимовъ вспомнилъ, что онъ не знаетъ, какъ зовутъ собесѣдника.

— Простите, — улыбнулся онъ, — мнѣ вѣдь Корчагинъ такъ и не сообщилъ вашего имени и отчества...

— И отлично сдѣлалъ,—живо возразилъ тотъ,—это, пожалуй, чудачество съ моей стороны, но я терпѣть не могу, чтобы меня называли по имени и отчеству. Дѣло въ томъ, что у меня такое имя, которое звучитъ удивительно нелѣпо въ соединеніи съ какимъ бы то ни было отчествомъ...

— То-есть неблагозвучно? — съ улыбкой спросилъ Вася, котораго позабавило и удивило это заявленіе со стороны, какъ ему казалось, серьезнаго человѣка.

— Нѣтъ, именно нелѣпо. Вы сами согласитесь съ этимъ, когда я вамъ скажу, что меня зовутъ ни болѣе ни менѣе, какъ „Ангель“... Или, какъ говорятъ славянофилы: „Ангель“. Со всякимъ отчествомъ „Ангель“ звучитъ въ высшей степени нескладно, и я предпочитаю не слышать по своему адресу этого ни съ чѣмъ несообразнаго обращенія.

„А къ нему идетъ это имя“, — подумалъ Трофимовъ.

Ему живо представилось, какую хорошею моделью для изображенія небожителя могла бы служить эта классическая голова съ крупными кудрями, правильнымъ вѣнцомъ лжившимися вокругъ нея. Съ такими кудрями дѣйствительно зачастую рисуютъ ангеловъ... Боголюбовъ вдругъ улыбнулся, посмотрѣвъ на Васю зоркимъ, пронизательнымъ взглядомъ, точно угадавъ его мысли. И Вася сейчасъ же мысленно возразилъ самому себѣ: „Нѣтъ, неправда, вовсе это къ нему не идетъ!“ Слишкомъ острый, пыльный умъ глянулъ на него изъ этихъ большихъ, необычайно красивыхъ глазъ; слишкомъ много было насмѣшливой живости въ обаятельной улыбкѣ... „Но какъ онъ красивъ! — невольно опять подумалось ему, — я еще никогда не видалъ такого прекраснаго лица... и такого умнаго вмѣстѣ съ тѣмъ. Такъ рѣдко случается, чтобы исключительная красота соединялась съ отпечаткомъ ума!“

Трофимову скоро пришлось увѣриться, что впечатлѣніе, полученное имъ, не было ошибочно. Гость непринужденно завязалъ съ нимъ разговоръ на какую-то отвлеченную тему, и Вася черезъ нѣкоторое время пришелъ къ убѣжденію, что говоритъ не только съ умнымъ человѣкомъ, но съ человѣкомъ рѣдкаго, выдающагося ума. Повидимому, „гениальная голова“, о которой писалъ Корчагинъ, на этотъ разъ не оказывалась гиперболею увлекающагося и щедрого на эпитеты юноши. Вася скоро началъ чувствовать робкое почтеніе къ своему собесѣднику, соединявшееся съ постепеннымъ возрастающимъ удивленіемъ. Все, что говорилъ этотъ человѣкъ о давно извѣстныхъ вещахъ, — о правдѣ, о нравственности, о наукѣ, — отличалось глубокою оригинальностью и неотразимою убѣдительною.

Поэтесса Анна Ахматова.

Натанъ Альтманъ.

(Собств. А. В. Руманова).

Выставка еврейскихъ художниковъ въ Петроградѣ 1918 г.

Онъ выражалъ свои мысли сжато и ясно, яркимъ и простымъ языкомъ, производившимъ сильное впечатлѣніе на Трофимова, который, подобно большинству своихъ сверстниковъ, говоритъ очень любилъ, но совершенно не умѣлъ. Когда Вася, пораженный смѣлостью взглядовъ собесѣдника, начиналъ возражать ему, тотъ схватывалъ на лету его мысли, сразу улавливалъ самую сущность возраженія, и спорилъ спокойно и тактично, не придираясь, не уклоняясь въ сторону и съ такою неумолимою логикой доказывая свою правоту, что въ концѣ концовъ Трофимовъ каждый разъ искренно соглашался съ нимъ. По мѣрѣ того, какъ продолжался разговоръ, Вася продолжалъ все сильнѣе удивляться уже не только уму собесѣдника, а его исключительнымъ познаніямъ. Этому человѣку могло быть, по виду, немногимъ болѣе тридцати лѣтъ, а между тѣмъ казалось, что онъ успѣлъ овладѣть всѣмъ грандіознымъ матеріаломъ современнаго человѣческаго познанія. Казалось, что онъ знаетъ все. Въ области естественныхъ наукъ, философіи, искусствѣ, техники онъ высказывался такъ, какъ это можетъ дѣлать лишь дѣйствительно знающій человѣкъ. Въ немъ не было и тѣни поверхностнаго цеголянна обрывками разностороннихъ знаній, какимъ любятъ „блистать“ дилетанты, нахватавшіеся верховъ и, въ сущности, не знающіе ничего; онъ дѣйствительно зналъ всѣ тѣ области, о которыхъ говорилъ,—зналъ насквозь, отъ мельчайшихъ конкретныхъ свѣдѣній до наиболѣе широкихъ и отвлеченныхъ обобщеній, какія успѣла создать культура современнаго человѣчества. Разговоръ переходилъ съ одного предмета на другой, и Трофимовъ съ невыразимымъ изумленіемъ убѣждался, что не было такой темы, о которой Боголюбовъ не могъ бы высказываться, какъ настоящій специалистъ. Онъ чувствовалъ, что этотъ человѣкъ господствуетъ надъ нимъ силою своихъ знаній не потому, что самъ онъ, еще неопытный школьникъ въ наукѣ, не можетъ правильно оцѣнить всего ихъ объема; напротивъ, именно объ исключительномъ богатствѣ и силѣ этихъ знаній свидѣтельствовало то обстоятельство, что даже онъ, не знающій, сразу, противъ воли, получалъ такое неотразимое представленіе объ ихъ громадности. Ни одинъ профессоръ, ни одинъ изъ извѣстныхъ ученыхъ, лекціи которыхъ Трофимову случалось слышать въ столицѣ, не производилъ на него впечатлѣнія такой колоссальной эрудиціи, безъ всякаго намека на научную рисовку... Ему становилось почти жутко съ этимъ всезнающимъ собесѣдникомъ; тѣмъ болѣе, что въ теченіе разговора въ послѣднемъ все замѣтнѣе обнаруживалось одно свойство, вызывавшее у Трофимова безотчетное смущеніе: удивительная холодность, съ которою Боголюбовъ говорилъ обо всемъ. Несмотря на свою оживленную, образную рѣчь, онъ не выказывалъ ни малѣйшихъ признаковъ увлеченія по отношенію къ какой бы то ни было изъ многочисленныхъ темъ, которыхъ касался разговоръ. Слово все это, столь хорошо ему знакомое, такъ основательно продуманное имъ, было ему чуждо.

Одинаково спокойно, точно излагая математическую теорему, говорил он о прекраснейших созданиях поэзии, о картинах знаменитых итальянских галлерей, о древних порфировых рельефах, собореноручно открытых им при раскопках на развалинах Вавилона и Ниневии; о модели летательного аппарата, надь которым он работал вмѣстѣ съ знаменитымъ американскимъ ученымъ; объ удивительныхъ опытахъ гипнозизма въ клиникѣ парижскаго психіатра; объ интересныхъ моллюскахъ, которыхъ ему приходилось видѣть во время путешествія на острова Тихаго океана, — и объ ужасающихъ картинахъ чумы въ Индіи, о страшныхъ вулканическихъ катастрофахъ въ одномъ изъ южно-американскихъ государствъ, недавно еще наполненныхъ ужасомъ весь цивилизованный міръ и имѣвшихъ его очевидцемъ, описываемыхъ имъ такими красками, что у слушателя волосы становились дыбомъ... Самому говорившему словно не было дѣла до всего этого. Онъ все зналъ, все видѣлъ, и оставался безразличнымъ ко всему, холоднымъ, любопытнымъ свидѣтелемъ. Напрасно Трофимовъ старался уловить въ его голосѣ ноту внутренняго волненія, въ глазахъ — отраженіе непосредственнаго чувства. Только холодное воодушевленіе рассказчика, только неумолимая пылливость мыслителя. И чѣмъ больше рассказы Боголюбовъ захватывали и волновали его своимъ содержаниемъ, тѣмъ сильнѣе становилась его полубезсознательная работа передъ ледянымъ барьеромъ этого колоссальнаго ума.

„Неужели нѣтъ ничего, что бы захватывало его самого, что затрагивало бы въ немъ какія-нибудь душевныя струны — не только этого всепроникающій умъ, острый и холодный, какъ ланцетъ хирурга?“

Увлеченный разговоромъ Трофимовъ не чувствовалъ усталости отъ непривычно долгой бесѣды, позабылъ о своемъ нездоровьѣ. Онъ не замѣчалъ, какъ проходитъ время, и не помнилъ даже, какое это время проходить — онъ совершенно пересталъ сознавать, что наступаетъ пасхальная ночь...

Разговоръ былъ прерванъ приходомъ хозяйки, которая собиралась съ дочерью въ церковь и зашла спросить, не нужно ли чего.

— Нѣтъ, ничего, спасибо, — машинально отвѣтилъ Вася; мысли его еще всецѣло поглощены были разговоромъ и собесѣдникомъ.

Послѣ ухода старушки, молчаніе продолжалось нѣсколько мгновений. Донесся изъ коридора ея голосъ, произнесшій, очевидно, по адресу дочери:

— Съ куличомъ-то, смотри, осторожнѣе...

„Страстная суббота! — вспомнилъ Вася вдругъ живо и остро. — Свѣтлый праздник!“

И всѣ прежнія мысли о миломъ, пропавшемъ для него праздникѣ вернулись снова и на мгновеніе наполнили его душу тоскою сиротства и чужбины... Онъ невольно обратился къ гостю съ вопросомъ:

— А вы не хотите пойти въ церковь?

— Я? Нѣтъ. Я вообще тамъ бываю рѣдко

Васѣ показалось, что красивые холодные глаза собесѣдника слегка смягчились при этихъ словахъ.

— Я знаю много людей, — произнесъ онъ въ раздумьѣ, — которые почти никогда не бываютъ въ церкви, а на Свѣтлый праздникъ ходятъ туда.

— Да. Такіе есть. Но я...

Боголюбовъ помолчалъ и dokonчилъ съ внезапною рѣзкостью:

— Знаете ли, если бъ я вообще часто бывалъ въ церкви, то именно въ этотъ вечеръ ни въ какомъ случаѣ не пошелъ бы туда!

Вася насторожился. Эти слова были произнесены голосомъ, какого онъ еще не слышалъ отъ своего собесѣдника. Ему казалось, что въ немъ на этотъ разъ прозвучало волненіе... Можетъ-быть, только раздраженіе?.. Во всякомъ случаѣ, нѣчто новое, не мирившееся съ равнодушнымъ безстрастіемъ, отъ котораго такъ жутко было давеча слушателю...

— Я не совѣмъ васъ понимаю, — живо сказала Трофимовъ. — Почему вы говорите такимъ образомъ?

— Потому, что таково мое отношеніе къ этому празднику. Онъ въ высшей степени противорѣчитъ моимъ глубочайшимъ убѣжденіямъ.

Синіе глаза сверкнули подъ черными рѣсницами, сейчасъ же опустившимися, чтобы прикрыть слишкомъ замѣтный огонь взгляда. Выразительный голосъ зазвучалъ съ неожиданною силою.

„Значитъ, я не ошибся. Вотъ то, къ чему онъ относится горячо, что можетъ его волновать и захватывать; то, о чемъ у насъ не было рѣчи до сихъ поръ, — вопросы религіи!“

Въ головѣ Трофимова стремительно пронеслась эта мысль. Она и обрадовала его и какъ-то встревожила. — онъ самъ не зналъ, почему.

— Этотъ праздникъ, — продолжалъ Боголюбовъ, не дожидаясь вопроса, — представляетъ собою торжество грубѣйшаго изъ человѣческихъ заблужденій, оскверняющихъ святую религію! Это праздникъ, основанный на недоразумѣніи.

— Что вы хотите сказать?

— Что ученіе о воскресеніи Того, Кто искупилъ міръ — грубо и низменно, что оно противорѣчитъ всей божественности христіанскаго откровенія, разрушаетъ все то грандіозное духовное построеніе, которое воздвигнуто Его идеями.

Говорившій все больше воодушевлялся.

— Вотъ вы вѣрующій человекъ, — обратился онъ къ Васѣ, не въ видѣ вопроса, а совершенно категорически, хотя тотъ до сихъ поръ ни слова не сказалъ ему о своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. — Вы вѣрите въ божественность христіанскаго ученія и его Основателя. Неужели васъ никогда не поражалъ контрастъ между возвышеннымъ идеализмомъ этого ученія и грубымъ матеріализмомъ тѣхъ идей, которыя навязаны ему близорукими истолкователями? Тотъ, Кто олицетворяетъ высочайшую духовную мощь, божественную любовь, — Тотъ, по ихъ мнѣнію, спасаетъ міръ не духовною силою, а грубою матеріальною жертвою: крестнымъ страданіемъ и смертью. Въдъ тутъ огромное противорѣчіе, сильнѣйшее несоотвѣтствіе между цѣлью и средствомъ! Цѣль вѣчная, міровая; а средство переходящее, временное и бесконечно малое.

Трофимовъ хотѣлъ возразить, но собесѣдникъ предупредилъ его:

— Вы хотите сказать: „Неужели крестныя страданія — нѣчто бесконечно малое?“ И я вамъ отвѣчу: конечно, да. То, что велико для человека, не можетъ считаться великимъ для божества. Помните меня. Сотни, тысячи мучениковъ, десятки тысячъ людей переносили и переносятъ страданія, бесконечно болѣе тяжкія, чѣмъ римская казнь на крестѣ. *Всѣ* люди умираютъ. И такая сравнительно незначительная, всякому доступная жертва — приписывается Ему, Божеству, какъ искупительный подвигъ за цѣлый міръ! Развѣ вы не видите, какъ подобное ученіе унижаетъ этотъ подвигъ, подрываетъ его міровое значеніе?

Онъ говорилъ горячо и стремительно. Его удивительное лицо стало какъ будто еще красивѣе послѣ того, какъ огонь искренняго воодушевленія оживилъ строія черты.

„Какъ странно! — мысленно удивлялся Вася, — какъ это волнуетъ его. А я еще давеча подумалъ, что этотъ человекъ долженъ быть невѣрующимъ.“

Боголюбовъ точно прочиталъ его мысли.

— Вы думали, что я невѣрующій. На самомъ дѣлѣ, изъ насъ двоихъ, если кого можно назвать невѣрующимъ, такъ это васъ, а не меня. Да, да, васъ! Ваша вѣра, съ ея половинчатостью, съ ея уступками научнымъ теоріямъ, съ ея уклоненіями отъ той церкви, съ которою вы все-таки не рѣшились порвать, — это вѣра бездѣйствія, вѣра привычки, вѣра по инерціи. Она дана была вамъ съ дѣтства, и вы сохранили ее, потому что въ вашей натурѣ есть потребность въ ней... Моя вѣра куплена вѣчною борьбою и адскими муками. Все то, что вы получили готовымъ отъ другихъ и приняли на слово, — все это я выстрадалъ самъ, все это начертала въ моей душѣ неумолимая правда бытія, выжгла во мнѣ, какъ выжигаютъ клеймо раскаленнымъ желѣзомъ. Моя вѣра неразрывно слита съ моею жизнью. Вы не выстрадали ничего. Все, во что вы вѣрите, не выжжено въ васъ страданіемъ, а просто записано у васъ въ душѣ, какъ на листѣ бумаги. Я не сомнѣваюсь, что оно прочно и неприкосновенно, — но оно не можетъ быть такъ глубоко, какъ то, что входитъ въ душу великою мукою, отъ чего душа горѣла и разрывалась, принимая божескую печать. И поэтому въ вопросахъ вѣры я говорю съ

„Прости, Господи, грѣхи наши!“ Г. Мироземцевъ. Выставка еврейскихъ художниковъ въ Петроградѣ 1918 г.

Елисавета Петровна.

Передвижная выставка 1918 г.

В. Кучумовъ.

вами, какъ старшій: я вступилъ въ святилище храма, къ которому вы только приближаетесь!

Онъ всталъ при этихъ словахъ легкимъ, беззвучнымъ движениемъ и скрестилъ на груди руки. Трофимовъ не могъ оторвать глазъ отъ его лица, вдохновеннаго и страдающаго; взгляды глубокихъ сапфировыхъ глазъ съ властною убѣдительною силой устремленъ на него.

„Его зовутъ Ангелъ“,—невольно вспомнилось Трофимову.

— Не только въ этомъ,—проговорилъ онъ смущенно,—я знаю, что и вообще вы можете обращаться ко мнѣ только, какъ...

Онъ не находилъ выраженія, и Боголюбовъ съ легкой улыбкой подсказалъ ему:

— Какъ учитель?

— Да, какъ учитель, если угодно... И что касается вѣры, вы, конечно, правы въ томъ, что у меня есть известная, какъ вы говорите, половинчатость. Многое, чему учить церковь, а дѣйствительно отбросилъ... Но относительно догмата искупленія я скажу вамъ откровенно, что я самъ хорошенько не знаю, какъ онъ мирится у меня съ остальнымъ. То, что вы говорили давеча... или нѣчто въ этомъ родѣ—мнѣ пришлось уже прочитать гдѣ-то. Кажется, были вѣдь даже такіе богословы, которые отрицали реальное искупленіе міра смертью Искупителя...

— Я не отрицаю его!—выразительно и вѣско произнесъ гость.

— Какъ? Я понялъ ваши слова въ этомъ смыслѣ.

— Вы сдѣлали изъ нихъ неправильный выводъ. Я говорю: немисливо, недопустимо, чтобы Божество, искупающее цѣлый міръ,—вѣдь и вы такъ смотрите на Него,—осуществило бы это искупленіе при помощи обыденной земной жертвы. Для человѣческихъ силъ такая жертва была бы громадна; но для Него, для божеской силы, для божеской любви—она ничтожно мала. И вы можете вѣрить, что Онъ, величайшій изъ жившихъ на землѣ, искупилъ людей такимъ подвигомъ, на который способны многие и многие среди людей?

— Но вы же сами вѣрите, что Онъ искупилъ міръ.

Вася съ волнениемъ задалъ этотъ вопросъ. Какъ-то странно и знаменательно казался ему этотъ разговоръ, такой неожиданно-серьезный и откровенный, и завязавшійся именно въ эту святую ночь.

— Да, вѣрю. Но Онъ искупилъ міръ иначе, нежели это думаютъ тѣ, кто празднуетъ Его воскресеніе. Вѣдь онъ принесъ міру

вѣчное избавленіе... Онъ не могъ достичь его короткимъ страданіемъ и временною смертью.

— Чѣмъ же, если такъ?—спросилъ Трофимовъ, съ внезапною тревогою ожидая отвѣта, безотчетно готовясь услышать что-то страшное...

И все-таки онъ почти вздрогнулъ, когда собесѣдникъ произнесъ свой отвѣтъ тихимъ, проникновеннымъ голосомъ, медленно и отчетливо:

— Вѣчною смертью.

— Вы хотите сказать...—началъ Вася и не кончилъ. Холодъ пошелъ у него по душѣ.

— Развѣ вы до сихъ поръ не понимаете, что я хочу сказать?—проговорилъ гость, впиваясь въ его лицо сверкающимъ взглядомъ.—Онъ искупилъ живущихъ своею смертью. Да, „смертью смерть поправъ“, какъ запоютъ скоро въ вашихъ церквахъ! Онъ умеръ за міръ; но Онъ не воскресъ.

— То-есть не воскресъ... глѣзомъ?

— Нѣтъ. И духомъ тоже. Поймите же,—или нѣтъ, вы уже поняли, только боитесь признаться себѣ въ этомъ,—выразите ясно въ умѣ выводъ изъ моихъ словъ: Его нѣтъ. Онъ былъ—въ этомъ наша вѣра, въ этомъ весь ея ужасъ—и умеръ, чтобы избавить міръ, умеръ навсегда, *совсѣмъ*. Его нѣтъ въ мірѣ и никогда не будетъ.

Онъ произнесъ эти слова съ такою неотразимою силою, что чувство страха, скользящее давеча по душѣ собесѣдника, теперь обострилось и мучительно сжало его сердце. То, что онъ слышалъ, было такъ необычно, такъ дико... оно рѣзко противорѣчило его вѣрѣ и ужасало его; но самый ужасъ обладалъ притягательною силою. Хотѣлось возражать, и страшно было увидѣть свои доводы разбитыми. Хотѣлось просто оттолкнуть отъ себя эту странную, грозную мысль; но разъ возникшее предъставленіе не хотѣло исчезнуть. И самая возможность такой мысли уже была страшна: въ ней какъ будто таилась возможность ея справедливости...

Между тѣмъ собесѣдникъ словно пересталъ обращать вниманіе на Трофимова. Въ волненіи онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ быстрыми, стремительными шагами, легкими, какъ движенія тѣни. Потомъ сѣлъ на диванъ и снова заговорилъ, глядя прямо передъ собою широко раскрытыми лазурными глазами, вдохновенными и скорбными:

— Это такъ! И все христіанское ученіе, само того не зная,

помимо воли его носителей, подтверждает, что это такъ. Къ чему были бы скорбь и мука въ этомъ ученіи, если бы Онъ жилъ? Христіанство всегда было вѣрою скорби и муки. Сколько ни твердили ваши учителя о великой радости,—въ этой вѣрѣ всегда господствовала печаль, всегда струились слезы... Вѣчные стоны, рыданія, вѣчныя жалобы — вотъ чѣмъ полны молитвы отъ апостольскихъ временъ до нашихъ дней... вѣчный плачь о грѣхѣ. Къ чему же плакать, если Онъ побѣдилъ грѣхъ? Если Онъ, побѣдившій грѣхъ, еще живеть? Это вѣра въхъ скорбящихъ... Не даромъ римляне въ древности считали христіанъ ненавистниками человѣчества. Они ошибались въ этомъ, но ошибка была оттого, что христіане дѣйствительно ненавидѣли — только не человѣчество, а человѣческую радость. Понятно! Какая радость возможна, если погибло Божество? Скорбь этой религіи — это печаль по умершемъ Богѣ, который умеръ, долженъ былъ умереть, чтобы изъавить мѣръ... Умереть навѣки и всецѣло. Вѣдь Онъ сказалъ: „Мени вы не всегда будете имѣть съ собою“. А люди не поняли. Вашъ апостолъ говоритъ: „Если Онъ не воскресъ, напрасна наша вѣра“. Это безуміе, это кощунство! Наоборотъ: если бы Онъ воскресъ, вѣра была бы напрасна, потому что не было бы совершено великаго, нечеловѣческаго подвига искупленія: добровольной вѣчной смерти Божества за мѣръ.

Говорившій замолчалъ на мгновеніе. Трофимовъ ничего не возражалъ ему. Каждое слово пугало его, было полно невыразимымъ ужасомъ, но каждое дышало такимъ страннымъ величіемъ, что у него захватывало духъ отъ этого грознаго ученія о смерти Бога... И провозвѣстникъ этого ученія начиналъ ему казаться какимъ-то невѣдомымъ, нечеловѣчески могучимъ существомъ. Свѣтъ лампы не достигалъ туда, гдѣ онъ сидѣлъ. И въ полумракѣ его глаза сіяли, какъ синія звѣзды, и черныя кудри казались таинственною темною короною на гордой, царственно-прекрасной головѣ.

— Вотъ слушайте, — раздался снова глубокій, властно проникающій въ душу голосъ,—слушайте, какъ совершилось искупленіе. Вѣчный Отецъ хотѣлъ изъавить мѣръ и избралъ для этого Своего Сына. Сынъ долженъ былъ стать искупительной жертвой,—Онъ, равный Отцу по божественности и власти. Сынъ рѣшилъ умереть за мѣръ... Земною, временною смертью? О, нѣтъ. Абсолютною, страшною *вѣчною* смертью. Понимаете ли вы, это значитъ, что Божество рѣшило уничтожить себя ради мѣра. Не быть болѣе. Даже ограниченное земное существованіе, ничтожную человѣческую личность—и тѣ ужасно потерять навѣки. Но превратиться въ ничто Божеству, уничтожить божеское бытіе — это такъ ужасно, что человѣческій разумъ едва въ силахъ вмѣстить этотъ ужасъ. И Онъ сдѣлалъ это для мѣра. Оттого и страдалъ Онъ чудовищною, единственною во вселенной мукою, оттого и плакалъ Онъ кровавыми слезами. Оттого и простоналъ въ минуту колебанія: „Да минетъ Мени чаша сія“. Какъ можете вы, ничтожные люди, думать, что Онъ малодушно трепеталъ передъ вашею обыкновенною, временною смертью, передъ краткими страда-

ніями! Онъ дрогнулъ передъ неизмѣримымъ ужасомъ небывалой, всепоглощающей жертвы: Онъ шелъ на вѣчную смерть. И этотъ ужасъ, равнаго которому не можетъ быть, вырвалъ у него на крестѣ крикъ послѣдняго отчаянія: „Зачѣмъ Ты оставилъ меня?“ Но Онъ восхотѣлъ до конца, и совершилась жертва. Онъ уничтожилъ себя и спасъ мѣръ. И съ тѣхъ поръ весь мѣръ сталъ долиною скорби, потому что мѣръ — гробница Божества, которое было нѣкогда и котораго болѣе нѣтъ. Его нѣтъ—и въ этомъ Его высочайшее божественное величіе, такъ какъ Его воля, божественная воля была въ томъ, чтобы Его не стало.

Въ комнатѣ воцарилось молчаніе. Трофимовъ не могъ говорить, охваченный вихремъ тревожныхъ думъ. Онъ отвелъ взглядъ отъ своего собесѣдника: ему казалось, что строгіе, похожіе на звѣзды глаза жгутъ его насквозь своимъ глубокимъ холоднымъ пламенемъ...

Внезапно среди наступавшей тишины донесся снаружи гулкій раскатъ пушечнаго выстрѣла, гулко прокатившагося надъ городомъ. Двѣнадцать часовъ!

И тотчасъ же внитно, несмотря на разстояніе, загудѣлъ въ холодномъ и звучномъ ночномъ воздухѣ густой, ревучій звонъ большого соборнаго колокола. Въ слѣдующее мгновеніе безчисленные пѣвучіе колокольные голоса зазвучали, отгѣчая другъ другу, перекликаясь, сливаясь, вырастая въ одинъ громадный полнозвучный хоръ... Плавно и торжественно, словно побѣдное воздушное шествіе величавыхъ небесныхъ ратей, понесся надъ городомъ полуночный пасхальный благовѣстъ.

Точно какая-то тяжесть разомъ спала съ души Васи. Давняя, съ дѣтства родная радость теплою волною охватила его и вытѣснила всѣ недавнія ощущенія.

— Христосъ воскресъ!—сказалъ онъ просто и сердечно, быстро оборачиваясь къ своему гостю.

Никто не отвѣтилъ ему. Онъ былъ одинъ въ комнатѣ.

Когда утромъ старушка-хозяйка пришла христосоваться къ своему жильцу, онъ спросилъ ее, не видѣлъ ли кто-нибудь, когда ушелъ вчерашній посѣтитель. Она съ удивленіемъ отвѣтила, что никакого посѣтителя не видала.

— Что вы, Марья Власьевна, вѣдь онъ сидѣлъ, когда вы заходили вчера!

— Богъ съ вами, батюшка, тогда у васъ никого не было. Я еще подумала, кто это вамъ лампу зажегъ...

Когда же днемъ зашелъ Корчагинъ, то съ первыхъ же словъ весело обратился къ товарищу:

— А я вчера тебя только зря потревожилъ съ Боголюбнымъ. Пока ходилъ посыльный, неожиданно оказалось, что есть очень подходящее помѣщеніе въ нашемъ же домѣ. Тамъ его и водворили. Я хотѣлъ-было тебя извѣстить,—да думаю: и самъ сообразить, что мы иначе устроились.

Убитый запорожецъ.

Передвижная выставка 1918 г.

Л. Позень.

Портрет г-жи Л.

Передвижная выставка 1918 г.

А. Маковской.

* * *

„Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его“.

Пушкинъ.

Я хуже всѣхъ, я всѣхъ презрѣннѣй..

Какъ хорошо быть не въ чести,—

Идешь порой своей осенней

По одинокому пути,

Просторъ и тишь съ душою слиты,

Ушли друзья, ушли враги,

И тайной вѣчности обвиты

Мои послѣдніе шаги.

Передъ грядущей встрѣчей Бога,

Передъ завѣсой неземной

Мила мнѣ смертная дорога

Своей безлюдной тишиной.

И, укрываясь въ тѣнь померкшихъ

Поблекшихъ красокъ жизни дня,

Благословляю всѣхъ отвергшихъ

И всѣхъ покинувшихъ меня —

За радость быть отъ нихъ далекимъ,

За несоблазнъ земныхъ утѣхъ,

За счастье гаснуть одинокимъ,

Презрѣннѣй всѣхъ и хуже всѣхъ.

Л. Косуновичъ.

Я и собака.

Эпизодъ Б. Никонова.

Я былъ измученъ физически и нравственно. У меня не было работы, не было пристанища, потому что нѣсколько часовъ тому назадъ меня прогнали изъ меблированной комнаты за неплатежъ денегъ. Я былъ голоденъ и усталъ. Временами мнѣ начинало казаться, что я схожу съ ума. Я потерялъ всякую надежду выбиться изъ того положенія, въ которое попалъ въ Петербургъ, пріѣхавъ туда изъ далекой провинціи. И, не вида предъ собой никакого выхода, я рѣшился отправиться къ одному очень извѣстному писателю и профессору въ его имѣнье за городъ. Я чувствовалъ, что это очень походить на простое прошеніе милостыни, но, повторяю, я былъ слишкомъ измученъ.

Я не былъ знакомъ съ этимъ очень извѣстнымъ человекомъ. Я зналъ о немъ только по его произведеніямъ и по тому, что говорилось о немъ въ газетахъ. Мнѣ казалось, что онъ непременно поможетъ мнѣ. Нужно было только добраться до него и рассказать ему о себѣ.

У меня было около двухъ рублей. Это были мои послѣднія деньги. И я истратилъ ихъ на дорогу... Я думалъ, что профессоръ живетъ ближе, и что дорога обойдется дешевле... Когда я вышелъ изъ поѣзда на платформу маленькой станціи, и мнѣ сказали, что имѣніе профессора въ тринадцать верстахъ, я почувствовалъ почти отчаяніе. Нанять лошадь мнѣ было не на что. Итти пѣшкомъ у меня почти не хватало силъ — такъ ослабленъ былъ я голодомъ.

Но мнѣ все равно уже не было никакого другого выхода, какъ итти пѣшкомъ. И я побрелъ по бѣлой отъ пыли дорогѣ вдоль желѣзнодорожнаго полотна. Мнѣ сказали, что надо дойти до переѣзда, а потомъ свернуть налѣво въ лѣсъ. Переѣздъ былъ въ двухъ верстахъ отъ станціи: я видѣлъ его, но мнѣ казалось, что я никогда не дойду до него — такъ медленно подвигали меня мои отяжелѣвшія, словно налитыя свинцомъ, ноги. Я шелъ такъ тихо, что время и, какъ мнѣ казалось, сама жизнь пере-

гоняли меня. Солнце быстро склонялось къ горизонту. Я не рассчиталъ времени и выѣхалъ изъ города слишкомъ поздно. Но все равно надо было итти. Нельзя было не итти...

Надо мной съ внезапнымъ рѣзкимъ свистомъ прощесся по насыпи поѣздъ. На заходящемъ солнцѣ ярко сверкнули длинные ряды вагонныхъ оконъ. Черезъ мгновеніе дымъ и пыль закутали все: и поѣздъ и окна и солнце и, казалось, меня самого со всѣми моими смутными надеждами.

Вотъ и переѣздъ. А далѣе опять бѣлѣетъ пыльная дорога, прячась въ лѣсу. На багровомъ отъ заката небѣ четко вырисовывается сѣтка тонкихъ черныхъ стволонъ и вѣтокъ. Лѣсъ зачеркиваетъ небо, какъ разсерженный художникъ неудачную картину. И чѣмъ далѣе я иду, тѣмъ гуще сердитые черные штрихи, и все меньше и меньше остается закатаго багрянаго неба. И мнѣ кажется, что и моя жизнь сердито перечеркнута къ-то Невѣдомымъ... Закатная, неудачная жизнь! Такую жизнь, быть-можетъ, въ самомъ дѣлѣ слѣдуетъ зачеркнуть, какъ неудачную картину.

Мнѣ нужно пройти еще одиннадцать верстъ, и каждая верста для меня все возрастающее мученіе. Я иду тихо — иначе мнѣ не пройти и половины этого пути. Бѣлая дорога вьется по лѣсу. Одинъ поворотъ, другой, третій — конца имъ нѣтъ. Я иду по извилюющейся дорогѣ, и мнѣ кажется, что обманываетъ она меня, какъ обманываютъ меня люди и жизнь, и приведетъ меня въ безвыходный тупикъ. Я иду по одной колеѣ, стараясь не переходить на другую сторону дороги, чтобы не дѣлать лишнихъ движеній. Но меня постоянно обгоняютъ проѣзжіе, и я волей-неволей дѣлаю лишнія движенія, даю имъ дорогу, и меня охватываетъ безсильная злость къ тѣмъ, кто ѣдетъ. Пыль садится на мои ноги. Я дышу пылью. Пыль, усталость и голодь... А дорога безконечно вьется по лѣсу... Неужели она не приведетъ меня хоть къ какому-нибудь выходу? Писатель-профес-

сорь, къ которому я иду,—человѣкъ отзывчивый... Я знаю это по его произведеніямъ... Я знаю что онъ поможетъ мнѣ... Нужно только добраться до него.

Это путешествіе осталось навсегда въ моей памяти, какъ тяжелый кошмаръ. Такъ было оно безконечно и такъ насыщено усталостью и тяжкими ощущеніями. Я безъ конца брелъ по дорогѣ—сначала по чахлому лѣсу, потомъ по полю мимо корявыхъ изгородей. Постепенно темнѣло, и ночь наступила еще задолго до того, какъ я добрелъ наконецъ до своей цѣли. Изгородь, поле, чахлыя деревья, жалкія лачуги—все слилось съ дорогой въ темнотѣ въ одинъ мрачный и непріятный хаосъ, такъ походившій на мое мутное и безпросвѣтное существованіе. Гдѣ-то позади меня послышался грохотъ телеги и громкое, безтолковое пьяное пѣніе. Я на минутку остановился. Вскорѣ меня догналъ чухонецъ на возу. Онъ оралъ пѣнію во все горло, и я понялъ, что оралъ онъ просто отъ страха, чтобы веселье было. Онъ былъ вовсе не пьянъ и на мой вопросъ, какъ добраться къ профессору, отвѣтилъ:

— Все рямо, рямо, и тутъ будетъ самая дача.
— Подвези меня,—попросилъ я,—я усталъ.
— Та нѣтъ,—возразилъ онъ недовольнымъ тономъ.—Я передъ, а ты назадъ.

— Какъ назадъ?—съ ужасомъ воскликнулъ я.
— Та, назадъ. Все рямо, рямо, и тутъ будетъ дача.

Онъ стегнулъ лошадей и поѣхалъ дальше. И опять дикимъ голосомъ заиѣлъ во все горло свою пѣсню. Я опустился на землю, придавленный тоской: значить, мнѣ приходится возвращаться назадъ? Значить, я сбился съ дороги и прошелъ лишка? А вѣдь для меня мучительно каждый шагъ...

Я повернулъ обратно. И скорѣе случайно, чѣмъ сознательно, руководствуясь лишь двумя-тремя огоньками какихъ-то дачъ, словно вкрапленными въ густую, почти твердую темноту, я свернулъ съ дороги въ узенькій проселокъ. Мнѣ стали встрѣчаться еле ощутимые зрѣніемъ темные силуэты зданій и воротъ. Огоньки опять погасли.

Въ тьмѣ на меня набрела какая-то покачивающаяся фигура. И остановилась, повидимому, выйдя съ моей стороны какихъ-либо неприязненныхъ дѣйствій. Я спросилъ, гдѣ живетъ профессоръ.

— Вотъ тутъ!
— Здѣсь?
— Вонъ, въ эти ворота ступайте.

У меня забилось сердце. Быть-можетъ, мой тернистый путь сейчасъ закончится отдыхомъ и утѣшеніемъ... Я былъ почти счастливъ въ эту минуту.

— Тутъ собаки!—крикнулъ мнѣ вдогонку неизвѣстный.—Сердитыя собаки... Тутъ и выѣзка на воротахъ насчетъ собакъ—чтобы опасаться.

Но собаки меня не пугали. Меня грызли ниня собаки, отъ которыхъ я уже давно не видѣлъ спасенія. И отъ нихъ-то я и искалъ здѣсь спасенія...

Ворота не были заперты, и я свободно прошелъ куда-то во дворъ по смутно маячившей въ темнотѣ дорогѣ между двумя рядами темныхъ деревьевъ. Мнѣ было стыдно влѣзаться къ профессору въ такой поздній часъ. Но что жъ дѣлать? Онъ, конечно, пойметъ мое положеніе и извинитъ меня...

Во тьмѣ гдѣ-то впереди меня обрисовались, словно горы, какія-то таинственныя зданія съ нависшими надъ ними кучами сада. Нигдѣ не было ни огонька. Вѣроятно, было уже очень поздно... Все это походило на какую-то фантастическую жуткую декорацию потусторонней жизни, оторванной отъ солнечнаго свѣта и человѣческаго шума. Даже собаки не лаяли, которыми пугать меня проходилъ. Мнѣ показалось, что отъ усталости и голода я забобѣлъ и брежу, и что ничего этого въ дѣйствительности нѣтъ. Почему, въ самомъ дѣлѣ, такъ темно и пустынно вокругъ, и эти темныя зданія, къ которымъ я подхожу все ближе и ближе во мракѣ, вырисовываются на темномъ небѣ мертво и молчаливо, словно скалы необитаемаго острова?

Я вступилъ на пустынный дворъ или на что-то показавшееся мнѣ дворомъ—на какую-то площадку. И натолкнулся на заборъ. Затѣмъ я нащупалъ вторыя ворота и калитку. Они были заперты.

Я обошелъ заборъ справа и слѣва, но и тамъ и тутъ наткнулся на препятствія и едва не свалился въ ровъ. Невидимыя колючія растенія или колючая проволока цѣплялись за меня, разорвали мнѣ рукавъ и оцарапали руку. Я искалъ какихъ-нибудь лазеекъ, искалъ хотя бы рукоятки звонка у воротъ—и не могъ ничего найти. А тамъ, въ домѣ, было мертво и пустынно.

У меня подкашивались отъ усталости ноги. Мнѣ казалось, что я умираю. Мнѣ пришла жуткая мысль, что потому именно все вокругъ и кажется мнѣ мертвымъ и пустыннымъ, что я самъ умираю и впадаю въ темноту и безмолвіе... Мнѣ стало страшно. Сердце замирало.

Внезапно предо мной выросъ какой-то человѣкъ
— Вамъ что здѣсь надо?—крикнулъ онъ.
— Профессоръ дома?—спросилъ я, заикаясь отъ волненія.—Я приѣхалъ къ профессору. Мнѣ надо профессора...

Неизвѣстный грубо крикнулъ:

— Профессора нѣтъ!
— Какъ нѣтъ?—опѣшилъ я.—Гдѣ же онъ?
— Онъ за границей. Здѣсь никого нѣту.

Я опѣшилъ еще болѣе... У меня пробѣжалъ по спинѣ холодъ стчаянія... Въ самомъ дѣлѣ, какъ не догадался я уже по одному виду этой мертвой пустынной дачи, что здѣсь нѣтъ ни одной живой души?

— Уѣхали все за границу,—повторилъ неизвѣстный человѣкъ, глядя въ меня своими словами, какъ камнями.—Говорятъ вамъ, что никого здѣсь нѣтъ.

Онъ остановился предо мной въ выжидательной позѣ, ожидая, когда я уйду назадъ въ тьму дороги и безмолвіе ночи. Но я стоялъ, не двигаясь. Я не могъ представить, что же теперь со мной будетъ, послѣ того, какъ рушилась послѣдняя надежда?

Я опять сдѣлалъ шагъ къ дому. Мнѣ жутко было уходить въ тьму. Незвѣстный рѣзко и грубо наступалъ на меня.

— Уходи прочь!—крикнулъ онъ.—Много здѣсь шляется вашего брата, хулигановъ!

— Какъ ты смѣешь!—вспылилъ я.—Ты самъ хулиганъ!
— Я дворникъ,—продолжалъ тотъ, наступая на меня.—Убирайся по добру по здорову, а не то стрѣлять буду... Собаками завтра! Пошелъ вонъ!

Я молча повернулся и пошелъ обратно въ тьму.

Я брелъ словно во снѣ и думалъ о томъ, какъ хорошо было бы сейчасъ проснуться... Я такъ усталъ и ослабѣлъ, что въ самомъ дѣлѣ дремалъ, машинально переступая большими и затекшими ногами по сырому гравію. И мнѣ съ необыкновенной ясностью представлялось синее небо, ослѣпительный солнечный день и фантастическія растенія. Мнѣ казалось, что, если я сейчасъ проснусь, то меня мгновенно, какъ молнія, охватитъ этотъ свѣтъ и тепло...

Но я не проснулся, и тьма не смѣнялась свѣтомъ и тепломъ, но безпощадно угнетала все окружающее, какъ сама смерть. И то впадалъ въ полубытіе, то снова приходилъ въ себя и чувствовалъ, что дрожу отъ холода и пронизывающей сырости. Сталъ накрапывать мелкій осенній дождь. Въ сущности, я уже не зналъ, куда и гдѣ я иду—вышелъ ли на дорогу, или же все еще иду по дачному участку. Я даже не могъ бы теперь сообразить, въ какую сторону надо идти къ желѣзнодорожной станціи? И съ везалнымъ острымъ отчаяніемъ вспоминалъ, что мнѣ все равно невозможно ѣхать по желѣзной дорогѣ, потому что у меня нѣтъ ни гроша.

Дождь усиливался. Онъ шуршалъ въ темнотѣ, словно живое существо, и словно побуждалъ меня тревожнымъ шопотомъ: „Иди, иди!“ Дождь совершалъ въ темнотѣ свое великое таинство напоенія земля и гналъ прочь меня, оказавшагося здѣсь въ неуказанной частъ, недостойнаго присутствовать при тайнахъ природы... У меня не было пріюта даже здѣсь, въ этой дорожной тьмѣ...

„Горе безпріютнымъ!“ Эти слова какого-то дѣтскаго стихотворенія пришли мнѣ на умъ и вдругъ получили свое настоящее страшное значеніе, котораго я никогда не могъ постигнуть въ нное, болѣе благополучное время... Какъ счастливы безсловесныя твари, животныя, насѣкомыя, приспособленныя природой для такой безпріютности! Въ эту проклятую ночь холода, голода и одиночества я позналъ возможность счастья быть существомъ низшаго порядка.

Я не знаю, долго ли я брелъ такъ въ полуснѣ, въ полувнѣ. Какъ-то незаметно я набрелъ на какое-то пустынное строеніе. Я увидѣлъ его или, точнѣе, ощутилъ только тогда, когда натолкнулся на стѣну. Я ощупалъ стѣну, нащелъ въ ней отверстіе въ родѣ двери и влѣзъ сквозь отверстіе внутрь. Дождь пересталъ мочить меня. Значить, я находился подъ крышей.

Но здѣсь уже былъ кто-то. Какое-то живое существо заворочилось поблизости. И заворчалъ.

Это была собака. Изнемогая отъ усталости, я не обратилъ на нее вниманія и повалился въ кучу соломы и мягкихъ стружекъ. Собака сердитымъ и испуганнымъ тономъ тявкнула нѣсколько разъ, затѣмъ встала и подошла ко мнѣ. Я лежалъ неподвижно. Вѣроятно, она рѣшила, что въ такомъ видѣ—почти полумертвый—я совершенно безопасенъ. Она перестала ворчать и лаять и обнюхала меня со всѣхъ сторонъ, быстро втягивая въ себя воздухъ. Болѣе близкое знакомство со мной еще болѣе успокоило ее: она отошла въ сторону, повозилась въ стружкахъ, фыркнула и зѣвнула. И затихла.

Лежать было мягко. Усталость взяла свое, и я заснулъ.

Меня разбудила дрожь озноба. Было такъ холодно, что у меня зашлели руки и ноги, и меня всего било, какъ въ лихорадкѣ. Долго ли я спалъ—я не могъ сообразить. Во всякомъ случаѣ, еще стояла глубокая ночь, потому что было попрежнему совершенно темно. И попрежнему барабанилъ въ крышу дождь. Тряслась отъ холода, я приподнялся на своемъ ложѣ и попытался собрать оханку стружекъ побольше, чтобы зарыться въ нихъ. Но стружки не грѣли. Я съежился, стараясь какъ можно меньшую поверхность тѣла подставлять холоду и не шевелиться, потому что каждое хотя бы ничтожное движеніе вызвало бы новый припадокъ озноба. И все-таки холодъ пронизывалъ меня, охватывая меня своими ледяными зубами.

Вдруг что-то онять зашуршало около меня, и я почувствовал на своем лице теплое дыхание. Это была опять собака.

Должно-быть, холод кусать ее так же свирьно, как и меня. Она звянула съ визгивым нерным подвиганьем—и улеглась около меня. И прижалась ко мнѣ вплотную всѣм тѣлом.

Я сразу почувствовал ее животную теплоту, и мнѣ стало теплѣе. Смѣшно сказать, но мнѣ въ тѣ горькіе минуты и часы стало почти весело отъ ощущенія этой теплоты и отъ сознания, что я не одинокъ. И я почувствовалъ благодарность и почти нѣжность къ этому безвѣстному псу, угадавшему своимъ животнымъ инстинктомъ, что слѣдуетъ соединить два очага теплоты въ одинъ общій очагъ, чтобы хоть какъ-нибудь спастись отъ всепроникающаго, грызущаго кести, холода... Мнѣ несколько не было противно лежать бокъ о бокъ съ бездомной собакой. Я не брезговалъ ею и не думалъ объ ея грязи. Я самъ былъ жалкій нищій песь, мыкавшійся по дорогамъ и искавшій куска хлѣба.

Понемногу я задремалъ. Я теперь уже не свалъ, несмотря на усталость и слабость. Я только дремалъ и грезилъ всю ночь: спать я уже не могъ отъ холода и, именно, отъ усталости. Бываетъ такая степень утомленія, когда болятъ и ноютъ всѣ члены, и эта противная, вудная, томящая боль не даетъ покоя. Такая именно усталость была у меня теперь. Я не зналъ, куда мнѣ дѣвать мои ноги и руки: онѣ болѣли у меня, какъ болятъ зубы. Когда я погружался въ мутную дремоту, эта боль казалась мнѣ какимъ-то тяжелымъ постороннимъ предметомъ, въ родѣ привязаннаго къ ногамъ чурбана. Иногда же она представлялась мнѣ назойливымъ и злымъ животнымъ, присосавшимся къ моей ногѣ. Уснуть я не могъ... Но я то погружался въ дремоту съ грезами и сонными видѣніями, не теряя однако сознания, что я не сплю, то совершенно просыпался и ясно ощущалъ шершавую шерсть неизвѣстнаго лежащаго около меня пса и чувствовалъ его теплоту. Въ то же время я испытывалъ холодъ съ другого бока, словно я грѣлся у костра въ осеннюю холодную ночь.

Когда я приходилъ въ сознание, все кругомъ меня и во мнѣ было по-старому: тьма, ночь, тишина такая, что слышно бѣненіе пульса въ ушахъ, холодъ, спокойно и ровно дышащая около меня собака—и сознание чего-то непоправимо-тяжкаго, сознание полной безвыходности... Но когда я впадалъ въ полусонъ, я ощущалъ нѣчто въ родѣ страннаго спокойствія и удовольствія, что я не одинокъ, и что рядомъ со мной находится какое-то близкое существо, съ которымъ я связанъ общими интересами, тяготами и горестями. И временами, когда я глубже впадалъ въ дрему, мнѣ представлялось, что это кто-то изъ очень близкихъ мнѣ людей—мой братъ, мой другъ, мой хорошій знакомый, и что мы бесѣдуемъ другъ съ другомъ и взаимно жалуемся на холодъ и тоску. Потомъ я догадывался, что около меня не человекъ, а собака, но это не мѣняло дѣла: я не чувствовалъ никакой разницы между человекомъ и собакой. Что такое собака? Что такое человекъ? И тотъ и другая—просто живыя существа, нуждающіяся въ теплѣ, въ единеніи и одинаково страдающія отъ усталости, холода и одиночества.

Мнѣ казалось, что я лежу здѣсь въ сарайчикѣ уже цѣлую вѣчность, и что я давнымъ давно подружился съ этимъ невѣдомымъ псомъ. Такъ иногда, въ дорогѣ или въ общемъ страданіи, мы сближаемся съ совершенно посторонними людьми—и уже вскорѣ они становятся близкими и почти родными намъ, и мы удивляемся, что было такое время, когда мы ихъ не знали.

Въ моменты забытія мнѣ казалось, что я разговариваю съ собакой, какъ съ человекомъ. Иногда она поднималась, отходила отъ меня къ дверямъ и негромко рычала на кого-то испуганнымъ тономъ. Какъ будто въ непроглядной темнотѣ къ намъ неслышно подкрадывался кто-то страшный—быть-можетъ, болѣзнь или даже сама смерть и, какъ воръ, хотѣла укусать у насъ здоровье и жизнь... Своимъ тонкимъ чутьемъ, болѣе пронизательнымъ, чѣмъ моя склонная къ предчувствіямъ душа, собака слышала, какъ мнѣ казалось, приближеніе страшной ночной гостьи и тревожно давала мнѣ знать объ опасности. Но мнѣ сейчасъ было безразлично, жить или умирать, хворать или быть здоровымъ. Я лишь страдалъ отъ холода, а безъ собаки мнѣ было вдвое холоднѣе. И я звалъ ее обратно и успокаивалъ.

И она возвращалась ко мнѣ успокоенная, подваливалась ко мнѣ своимъ теплымъ бокомъ и клала морду мнѣ на плечо. Сквозь дрему мнѣ казалось, что она рассказываетъ мнѣ о своихъ страданіяхъ и злоключеніяхъ и о томъ, что она бонтея смерти и хочетъ жизни и солнца... Я внимательно слушалъ ее, и опять она превращалась въ близкаго мнѣ человека, съ которымъ я уже цѣлые годы веду теплое сердечное общеніе.

Грезы—одна другой ярче—опускались на мой больной и усталый мозгъ. Я онять видѣлъ сіяющія солнцемъ и лазурью моря, южныя страны, пальмы, ослѣпительный просторъ океана. Рядомъ со мной на скалѣ, въ зелени олеандровъ и пиній, сидѣлъ кто-то близкій, безконечно милый и желанный, и я чувствовалъ теплоту его тѣла и его дыханіе. Надъ нами съ высокой каменной стѣны сплывались, какъ несгнвыи ковчегъ, цѣлующія розы, бѣ-

лая, пурпурная и желтая. Цвѣтокъ кактуса, прямой и жесткій, какъ сосна, вздымался изъ насти колючаго, фантастическаго, какъ сказка, растенія... Широкіе глянцевитые, словно вырѣзанные изъ желѣза, листья пальмы и банановъ раскидывались пнаторомъ вокругъ сухихъ шершавыхъ стволовъ... Мимо насъ бѣгали бойкія, какъ ящерицы, смуглыя дѣти. Шелъ нищій съ покорнымъ маленькимъ осликомъ... А небо и солнце и море шептали намъ о вѣчномъ счастьѣ. Временами море и небо темнѣли отъ набѣжавшей тучки, и во мнѣ рождалась мысль о неизбѣжности разлуки, о смерти, о тьмѣ...

Но любовь сіяла ярче моря и солнца и отгоняла тьму и темныя мысли... Кто былъ этотъ близкій и любимый человекъ? Моя мать, умершая въ Ментонѣ? Моя старшая сестра, у которой я однажды жилъ на югѣ Италіи? Или та барышня-англичанка, съ которой я познакомился тамъ же?.. Или это былъ тотъ милый и несчастный художникъ, котораго болѣзнь обрекла на неизбывную ссылку въ страну пиній, кактусовъ и олеандровъ?

Я приходилъ въ сознание—и слышалъ, что рядомъ со мной дышитъ тяжелыми вехрапываніями безвѣстная и бездомная собака. И меня охватывала мысль о томъ, что всѣ живыя существа—нѣчто единое, и что всѣхъ ихъ объединяетъ и отождествляетъ сознание жизни и стремленіе къ любви и единенію.

Я онять погружался въ грезы. Мнѣ казалось, что я сижу на парходной скамейкѣ рядомъ съ моимъ братомъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ уѣхалъ въ Америку. Я зналъ, что парходъ сейчасъ отходить, и я буду принужденъ вернуться на берегъ, а братъ уѣдетъ. Мнѣ было грустно. А онъ, шути, звалъ меня съ собой, клалъ мнѣ руку на плечо и говорилъ: „Ѣдемъ вмѣстѣ!“ И я чувствовалъ тепло его руки.

Я приходилъ въ себя и видѣлъ, что кругомъ ночь и тьма, а я лежу на стружкахъ въ пустомъ и холодномъ сараѣ, и что рядомъ со мной лежитъ и грѣетъ меня безвѣстная собака.

Такъ въ полусонѣ и въ полуяви и невольно все ярче и ярче отождествлялъ ее съ близкими мнѣ существами, и когда наступалъ моментъ погруженія въ полусонъ, я путался и не могъ предтанить себѣ съ достаточной ясностью, кто же рядомъ со мной: близкій человекъ, или чужая собака, и эта чужая собака становилась для меня все болѣе и болѣе близкимъ существомъ.

Что же это такое? Почему мы сливаемъ въ своей любви такъ много живыхъ существъ? Почему сейчасъ я уже не нахожу различія между человекомъ и животнымъ и испытываю къ животному такое же чувство, какъ и къ человеку? Не значить ли это, что существуетъ всемірная любовь и всемірный разумъ? Быть-можетъ, впоследствии, когда рѣшится всѣ міровыя проблемы, а самое небо, какъ отслужившій и изветшавшій свитокъ, до конца неписанный повѣстью золь и благъ міра, свернется и исчезнетъ въ вѣчномъ огнѣ, быть-можетъ, тогда міровая любовь и міровой разумъ одинаково освѣтятъ людей и все живое и объединятъ ихъ въ одну братскую любовь... Такъ можно ли отгонять безсловесную тварь, когда она въ тьмѣ и холодѣ жизни приходитъ къ намъ и по мѣрѣ своего сознанія выказываетъ и свою долю желанія общенія и любви?.. Она тогда такъ же грезить о будущемъ, какъ и человекство, жаждущее обновленной и ослнпчой жизни въ вѣкахъ вѣчности.

Разбудилъ меня чей-то голосъ.

Я открылъ глаза и сразу почувствовалъ рѣзкій холодъ и яркій, ослѣплявшій меня, свѣтъ. Выходило солнце и било мнѣ прямо въ глаза своими красными осенними лучами. Дверь была, какъ и ночью, распахнута настежь. Въ дверяхъ стоялъ старый чухонецъ и кого-то ругалъ хриплымъ простуженнымъ голосомъ. Мало-по-малу я понялъ, что руганъ относился ко мнѣ.

Я оглянулся. Собаки уже не было. Чухонецъ прогналъ ее, или же она сама убралась еще до моего пробужденія. Такъ я и не увидаль ея... Мнѣ стало такъ грустно, что я едва не заплакалъ.

— Сево тебѣ тутъ надо?—кричатъ старикъ съ бритымъ сморщеннымъ и темнымъ, какъ свекольная шелуха, лицомъ.—Сево ти тутъ дѣлаешь? Ти кто такая?

Я съ усиліемъ поднялся. Ноги болѣли еще сильнѣе, чѣмъ вчера. Въ желудкѣ была странная тупая боль. Меня тошнило, и сильно кружилась голова. Болѣла поясница, словно кто-то насильно перегаулъ меня назадъ, и я никакъ не могъ выпрямиться надлежащимъ образомъ. Я ничего не отвѣтилъ сердитому старику и молча вышелъ изъ сарайчика на дорогу.

И, съ усиліемъ передвигая затекшія больныя ноги, я пошелъ по прибитой дождемъ и росой дорогѣ, куда глядятъ глаза. Солнце поднималось все выше и выше. На дугу, сбоку дороги, волнистыми пятнами стлался бѣлый туманъ. Страя изгородь была испятнана полосами непросохшей росы. На дужайкѣ лѣса по другой сторону дороги бѣлѣла серебристая пелена иней.

Я самъ не зналъ, куда иду. На станцію желѣзной дороги? Въ первое попавшееся, неизвѣстное мнѣ село? Въ больницу? Въ сумасшедшій домъ? Бродячія собаки тоже идутъ, куда пошло—и иногда находить и кусекъ хлѣба и пріютъ...

„Сказка моря“. Царевна и житель подводных глубинь.

С. Соломко

Сказка моря.

Акварели.

Царевнѣ наскучили стѣны дворцовъ,
Деревъ позолоченныхъ краски,
И пѣсни, и звоны пустыхъ бубенцовъ,
И флейты, и копыя, и маски.

Царевна крадется къ заливу одна,
На берегъ песчаный ложится.
Волну подгоняетъ дремотно волна
За облакомъ облако мчится...

И вдругъ передъ нею звучитъ голосокъ:
— О чемъ заскучала, царевна?—
Рукою она ударяетъ песокъ
И смотритъ надменно и гнѣвно

Кто смѣлъ помѣшать ея сладкимъ мечтамъ,
Въ ея молчаливомъ капризѣ?
Предъ нею звѣрекъ,—не повѣришь глазамъ,—
Въ невиданной, сказочной ризѣ...

На спинкѣ изъ раковинъ бѣлый уборъ
Горитъ перламутромъ, какъ льдина,
Печаленъ и вдумчивъ опаловый взоръ
А тѣло краснѣе кармина.

— Я—житель подводной, глубинной страны,
Гнусить это чудище-крошка...
Царевна припомнила сказки и сны,
Въ душѣ испугавшись немножко.

Она говоритъ:—Я скучаю и жду
Чего-нибудь жизни чудеснѣй,
Мнѣ скучны и птицы въ тѣнистомъ саду,
И люди, и звѣри, и пѣсни.

И вотъ я хотѣла отдаться волнамъ,
На дно опуститься царицей,
Увлечься, забьешься и царствовать тамъ
Въ прекрасной зеленой столицѣ.

— Но ты опоздала,—ей крошка въ отвѣтъ,—
У насъ есть краса-чародѣйка,
Въ глазахъ ея солнца подводнаго свѣтъ
А волосы черны, какъ змѣйка.

И каждое утро и каждую ночь
Мы славимъ ее богомольно,
Но молча она удаляется прочь,
Печалью пронзенная больно...

Вчера же она подозвала меня
И тихо и глухо сказала:
„Я видѣла ночью блистанье огня
И пѣсни матросовъ слыхала.

Туда, гдѣ всѣ служатъ огню и мечу,
Любви и величью подвластны,—
На землю, на милую землю хочу
Вернуться я, слышишь, несчастный?“

И плакала сладко, и слезы въ кораллѣ,
Въ сверкавшей кораллѣ превращались,—
Но чѣмъ ей помочь, я, ничтожный, не зналъ,
И молча мы съ нею разстались.

И вотъ я сижу предъ тобой на пескѣ.
Скажи мнѣ, царевна, чѣмъ можно
Помочь нашей феѣ, что плачетъ въ тоскѣ
О томъ, что для насъ невозможно?..

... Царевна молчала, вплетая рубинъ
Въ свои золотистыя косы,
И вѣтеръ, бѣжавшій съ лазурныхъ равнинъ,
Прилежъ на песчаныхъ откосахъ.

Когда же царевна взглянула впередъ—
Чудесный звѣрекъ-невеличка
Ужъ плылъ въ полукругѣ пѣнящихся водъ,
Съ дельфиномъ веда перекличку...

И долго царевна смотрѣла вослѣдъ...
Подруги ее отыскали,
Когда уже царь,—скушавъ поздній обѣдъ,—
И всѣ приближенные спали;

И ночь ужъ стояла надъ старымъ дворцомъ,
И звѣзды качались, какъ розы,
И кто-то тихонько звенѣлъ бубенцомъ
Въ кустахъ осторожной мимозы...

Н. Багрянецъ.

„Сказка моря“. Фля подводнаго міра.

С. Соломко.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условіямъ разорочки, подписная плата за „Ниву“ 1918 года должна быть внесена **полностью къ 1-му августа сего года**. Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ поэтовъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ сполна подписныхъ денегъ, озаботиться **немедленною присылкою** остальной причитающейся съ нихъ суммы, **во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала**. Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копію печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ и непременно указывать**, что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ**.

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **1 рубль и печатный адресъ**.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Квартира № 66. Разсказъ Г. Яблочкова.— Гость. Разсказъ С. Свиридико.— Стихотвореніе Л. Косиновича.— Я и собака. Эпизодъ Б. Никонова.— Сказка моря. Акварели Н. Багрянцева.— Заявленіе.
РИСУНКИ: Выставка польскихъ художниковъ въ Петроградѣ 1918 г. Картины Ю. Коссака (отца), В. Коссака (сына), Ю. Рудницкаго, Агисы Берсонъ.—

Выставка еврейскихъ художниковъ въ Петроградѣ 1918 г. Работы М. Блохъ, Натана Альтмана, Г. Мироземцева.— Передвижная выставка 1918 г. Картины В. Кучумова, Л. Позена, А. Жковскаго.— Иллюстраціи С. Соломко къ Акварелямъ Н. Багрянцева „Сказка моря“.
Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій М. Горькаго“ книга 22.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

Библиотека "Руниверс"

ЖИВНА

1918 г.

XLIX г.
издания.

№ 32

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. НАРЪЕВА („Великая Французская Революція“).

Выданъ 10 августа 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—36 р., на 1/2 г.—18 р., на 1/4 г.—9 р. Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 к.

Главная Контора и Редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Открыта подписка на „НИВУ“ 1918 г.

Сфинксъ XX вѣка.

Исторія выставки Общества Купиджи 1918 г.

Л. Дитрихъ.

Священная роща.

Разсказъ празднаго челоуька.

Льва Пасынкова.

Мнѣ сорокъ два года, а съ девятнадцати лѣтъ я брожу по русской землѣ. Земля велика, а я малъ, и, должно-быть, потому-то я плохо въ своей душѣ разобрался, хотя, прямо скажу, достаточно себя опротивѣлъ.

Льнь теперь ворошить душевную ветошь. Одно замѣчу: мученій духа испытать не мало, жить же сносно совсѣмъ не научился.

Успокоился я послѣ случая, о которомъ сейчасъ рѣчь поведу. Просто махнулъ рукой. Чортъ съ нимъ.

Человѣкъ—загадка даже въ банѣ, когда голехонекъ и въ банное зеркало глядится. Ну-съ... Человѣкъ, бутылочку съ прохладой! Философшн этой самой будетъ съ васъ, а приступимъ къ сути вещей, то-есть къ дѣлу.

Жилъ я той порой въ Тифлисѣ. Зачастилъ я въ одинъ кабачокъ, по-ихнему, по-кавказски—духанъ. Подружился съ кабатчикомъ.

Не то, чтобы я нилъ много—нилъ, главная причина, мутно, безнадежно, скверно.

А меня приласкали. Въ долгъ—пожалуйста. Дали понять, что я тоже человѣкъ, не хуже другихъ, въ чемъ я горько сомнѣвался.

Такъ вотъ вамъ начало исторшн моей души. Началась исторшн издалека: сынъ кабатчика Асатура Шахбазьяна, Осканъ, женился, а на утро азъ, вабъ грѣшннй, со старикомъ собирався въ дорогу.

У старика Шахбазьяна небольшой, мрачннй кабакъ. Дѣло шумное, безпокойное. Полищя отъ дверей не отгииваетъ.

На однѣ взятки и хорошшй могорычъ сколько денегъ потрашишь; а все оттого, что молодежь здорова пить и сеориться, за кинжалы въ буйномъ, задорномъ хмелю хвататься.

Сколько разъ мертвецовъ таскали изъ угла поды влажннми арками, съ которыхъ капаятъ муноватныя капли, похожшя на ногъ натрудившагося челоуька.

Городовые, мерзко ругаясь, оттаскивали убитыхъ поды единственное оконце, за которымъ видна неясная полоска свѣта, а въ ней—поспѣшныя ноги прохожннхъ. Лежатъ молодцы съ распавутой немойтой грудью.

Въ дальнемъ углу у огромнаго буйволоуой шкуры бурдюка съ молодымъ опаловымъ виномъ, бывало, въ удачлвые разы отлеживались до полуночи мертвцы, дожидаясь того, когда заснутъ безпокойныя улицы. За ноги и бухъ въ воду. Только бы городской, врагъ добрыхъ людей, не увидалъ.

Протоколовъ этихъ самыхъ не оберешься; вино вздоржало; фруктовая водка пошла совсѣмъ съ гниллымъ запахомъ, и ее въ самую пьяную компаншю не подсунешь.

Аренда тоже такая, что нужно искать новыхъ, привольныхъ мѣстъ. Пусть теперь молодое поработаетъ со старое.

На мѣстѣ Асатура за мокрой, пахнущей скипшнмъ виномъ, стойкой остается Осканъ, бѣлозубый, въ глубокнхъ, золотого отгѣнка рябинахъ паренъ, съ мясистою грудью женщины и съ женскнмъ не совсѣмъ прштнымъ голосомъ.

Свадьбу справили на старый, хорошшй образецъ, безъ этихъ штукъ, бѣзъ фаты французскаго сорта, безъ восковыхъ свѣчей въ галантерейныхъ коробкахъ и съ бѣлыми, неломкнми муаровыми лентами и парафиновыми головками поддѣльнаго номеранца, прильнувшаго къ сусальнымъ ушкамъ свѣчи.

Заливалась синдлая, пронзительныя зурна, большше бубны глухоймнми голосами наполняли узкую улицу. Ползли шумныя звуки вверхъ къ знойно-сверкающему небу по грязнымъ стѣнамъ домовъ.

Ва, очень, очень хорошо!

Асатуръ торжествующе глядѣлъ на мальчннокъ съ ренейнымъ масломъ на сине-черныхъ волосахъ и огненнми лицами,—мальчнки несли преды собой факелы, трещавшше такъ, что веселый трескъ сливался съ музыкой.

Впрочемъ, и гости помогали зурначу и факеламъ съ бубнами чѣмъ могли и твердо стучали въ ладони, разомъ и съ надеждой.

Невѣста отъ густыхъ мужскнхъ бровей до бѣлыхъ парусиновыхъ туфель закутана въ бумажнаго шелка плащъ, и восточная мелкая вуаль прикрывала ее вспухшшй отъ слезъ и горбатый отъ природы носъ.

Только тому, кто пристально посмотришь, видно, какъ чувственно раздуваются ся толстыя ноздри, а краснвые глаза мерцаютъ черннмъ, загадочнмъ, маящнмъ пламенемъ.

У мальчншекъ красныя, освѣщенныя факелами лица,—отвсели въ сторону пылше факелы, пожалуй, и тогда огненнй отгѣнокъ останется на широкихъ, здоровыхъ щекахъ, на лицахъ, въ которыхъ столько первобытнй, хорошей простоты.

Лѣтъ по двѣнадцати, а отъ загорѣлыхъ, лонуннстыхъ ушей къ челюстямъ тянется густо и увѣренно бачки жесткихъ волосъ; на подбородкѣ слабый пушокъ, а усы смолнстыми полосками пролетли по губамъ.

Блага атласа кафтаны въ поясахъ съ серебряннми бля-

хами, на шеяхъ кучерскшя, двойныя, серебряныя цѣпи съ кшсточками изъ серебряныхъ проволокъ, бумажныя розы на груди.

Трещитъ и въ саду вьется огонь, стучать мозолисто пеустанныя ладони.

Пьеро.

М. Бобышззъ.

Вторая выставка Общества Куншджи 1918 г.

Каштановая колоть то взорвется, легко оторванншсь отъ пламени, то слова низко сядетъ на огненныя вершинки неопрытнхъ факеловъ, вѣющихъ тепломъ на всѣхъ, кто плетется сзади, торжественно отстукивая въ ладони.

Вахъ, вахъ!.. Хорошая жизнь, совсѣмъ хорошая будетъ у новобрачныхъ. Оба костра пирамидальныхъ желто-каштановыхъ огня горятъ такъ правильно, такъ спокойно.

Будутъ торговать съ доходомъ. Будьте благословенны, дѣти, и стойте крѣпко за стойкой. Бѣднымъ людямъ ничего больше не остается, какъ растаскивать пьяницъ и надъ труномъ, изъ котораго бѣжитъ крошъ, сводить мирныя счеы съ участковыми дежурннми.

Асатуръ гордъ знакомствомъ съ моею трепанной личностью и, чтобы показать гостямъ, какъ близки мы, наклоняется и шепчетъ первое, что наверхулось на языкъ:

— Ааа, хорошая, здоровал женщина. Такихъ невѣстъ нбуь теперь, нбуь. Теперь все цивилизация, корсеты, молоко пропадаетъ, чтобы вся вашъ, извините, цивилизация, скажи пожалуйста, съ корсетами пропадала... Посмотри, пожалуйста, какая женщина! Бровь, ва, взгляни, пожалуйста, бровь какая! Апельцынъ-баба... Хха-ха!..

Я привыкъ къ милой, простой безцеремонности Асатура. Въ большомъ городѣ онъ сохранилъ дикшя привычки, простоту сердца.

Такими словами хвалить онъ невѣсту сына.

Вечером послѣ вина, пролитого въ жадныя горла и на столы, на полосатые маты на полу, послѣ жареной баранины, шампыльковъ подъ паприкой, тяжкихъ блюдъ съ пловомъ, розоваго дагестанскаго варенья на стеклянныхъ, пупырчатыхъ, зеленатоватыхъ „розеткахъ“, перидекаго хани съ чесночнымъ язвющимъ запахомъ, слѣдовавшимъ за вареньемъ изъ розъ, галетъ на топленомъ бараньемъ салтѣ, фабричнаго мармелада, миндаля въ патоку и опять вина въ чурекахъ и кувшинахъ, я съ Асатуромъ крѣпко поцѣловали Оскана и удалились. Предъ дорогой вздремнуть нужно. Но спать я не могъ.

Слабо дымился ароматомъ грустныхъ хвой край неба. Разлазная гора стояла въ древнемъ туманѣ надъ пестрымъ ковромъ крынь.

Въ такомъ туманѣ, розовомъ и пахучемъ, туманѣ туй, нагрѣтыхъ тепломъ земли, орѣшинъ, анемоновъ, всходили на такія горы пророки, и гремѣлъ громъ, и шеходили законы и каменное слово скрижалей на землю.

Пьяная усталость и ночная глубокая грусть охватили меня.

Я сидѣлъ у распахнутаго окна, глядѣлъ на дали за городомъ, на слабый блескъ зеркалецъ, вдѣланныхъ въ грузинскіе кресты на церквахъ, на дымку, словно потекшую безпредѣльно во всѣ стороны отъ тысячъ свадебныхъ факеловъ, загашенныхъ надъ сладостными одами бѣшеной, полувзвѣриной, дикарской страсти.

О, Кавказъ, милый, дикій, прародительскій!

Асатуръ спитъ у стѣны на жесткомъ диванѣ, поставивъ ноги торчкомъ—старая привычка трактирщика, спящаго урывками и готового летѣть къ гостямъ по первому пьяному оклику.

Скучная у него комнатенка. Мухи жужжатъ въѣдливо, пахнетъ затхлостью, сухими, пыльными крошками хлѣба, усыпавшаго столъ, оплесками вина.

Утромъ насъ унесетъ на сѣверо-западъ поѣздъ.

Асатуръ, заспанный, съ бѣлыми пленками „сонками“ въ глазахъ, поминутно зѣвующій, глядитъ въ окно, нагрѣтое нѣжно солнцемъ, и съ солиднымъ хрипомъ откашливается, чтобы потомъ, разомъ перегнувшись, плюнуть за окно на бѣгущую стремглавъ дорожную бровку.

Асатуръ въ дорогѣ любитъ основательно покушать и на вокзалахъ покупаетъ виноградъ въ плетушкахъ, жареныхъ куръ, съ которыхъ золотисто стекаетъ подсолнечное масло, баранину, и уписываетъ тутъ же, стоя подъ окномъ вагона, а потомъ лѣзетъ, солидно хрипя, въ вагонъ.

Онъ, видимо, хочетъ походить на богатаго, беззаботнаго купца, на маклера, торгующаго бакинскими заявками, и ему кажется, что онъ съ виду богатъ, пресыщенъ, лѣнивъ, какъ котъ.

— Хррр...—Плюнулъ скибкой косточекъ, ежеванныхъ вмѣстѣ съ виноградными шкурками.—Хрр... Здоровая женщина! Га!

— О чемъ вы, Шахбазьянъ?

— А?!—разсѣянно, съ нѣкоторымъ притворствомъ глядитъ онъ на меня и опять жуетъ виноградъ,—здоровая, сытная женщина. Надолго хватить!

— Вы о женѣ Оскана?..

— О ней. Здоровая, очень здоровая женщина. У меня была такая: Марьяша!..

Онъ умолкаетъ и скользитъ глазами по лицамъ пассажировъ, по небу за окномъ, буйволамъ на болотинахъ, синѣющихъ подъ жаркимъ солнцемъ.

Мысли Асатура принимаютъ другое направление. Это видно по его оживившемуся лицу. Въ глазахъ проступаетъ искренность.

Онъ сбрасываетъ съ себя восточное наивное притворство и трогаетъ меня за колѣно:

— Послушай. Какой мѣсто тамъ, пожалуйста. Рррай!.. Рай, гебѣ говоримъ. Такой мѣсто, такой мѣсто!

— Хорошее, что ли?

Ммм.—заводитъ онъ сладостно, какъ сонная курица, крупные, выпуклые глаза,—ммм... Рррай, пожалуйста, вотъ какой мѣсто. Святое, старое мѣсто. Пускай плохой будетъ торговля. Тамъ никакой духанчикъ не продержится. Народу мало, плохой народъ. Вина не пьютъ, ѣдятъ, какъ воробьюшекъ. Ничего, пожалуйста. Я могу жить на двадцать копеекъ. Старый я. Чего мнѣ нужно? Ничего не нужно, пожалуйста. Совсѣмъ дешево проживу. Зато воздухъ, покой. Главное старому человѣку... это покой. Дай мнѣ покой, и я безъ плова гладкій стану и хорошій.

— А изъ Гергетъ,—спрашиваю,—народъ ходить не будетъ?

— Нѣту, не будетъ. Не жду. На ледникъ только ваши ходятъ, изъ городовъ. Стану бутербродомъ торговать, чай держать, самоваръ. Варенья банку поставлю. Немного дороже возьму: ему не обидно, а мнѣ—жизнь. Жить надо, пожалуйста. Я никого не обижу.

Повѣвъ, наговорившись, онъ лѣзетъ на свою полку, долго ворочается, вздыхая солидно, подъ бараньимъ тулупомъ, и тихо засыпаетъ, чтобы черезъ минуту захрапѣть съ отчаяннымъ свистомъ.

Я ѣхалъ съ мнѣмъ Асатуромъ къ гергетскому леднику. Хотѣлось посмѣрѣть на древнія мѣста, гдѣ въ основномъ угрюмомъ лѣскѣ, роцѣ древнихъ временъ, стояло когда-то капище.

Отъ временъ парсовъ, отъ солнечнаго божества съ круглымъ лицомъ, тамъ среди сизыхъ, жесткихъ осинъ стояло капище съ каменной чашей, въ которой пузырилась и кисла человѣческая кровь, отданная радостному, привѣтливому Митрѣ.

Теперь тамъ, въ сторонѣ, дремлетъ на вершинѣ церковь Цминда-Самеба.

Такихъ древнихъ, сумрачно-древнихъ, усталыхъ отъ бѣга временъ храмовъ я не видалъ нигдѣ на русскихъ поляхъ. Мирожскій монастырь съ семисотлѣтними фресками на берегу рѣки Великой въ Псковѣ, и тотъ—розовый, въ ямочкахъ младенцевъ предъ Самеба...

Теперь тутъ пустынно вокругъ храма. Только въ отдаленіи струисто и жестко шумятъ осины священной роци. Дрожатъ листочки, клонятся вѣтви.

Вечеромъ покинули душный вагонъ и съ маленькаго станка поѣхали въ сторону ледника въ плетеномъ коробкѣ, запряженномъ двумя бодрыми лошадиными скелетами.

Асатуръ заплѣлъ, глядя на темные буераки, долины съ чернотѣлыми бусинками овечьихъ тѣлъ, на парчевые края—бахрому далекаго ледника.

Казбекъ радостной легкой тѣнью всталъ, поднимая сѣдины въ синее небо. Когда-то онъ самъ, поди, служилъ круглолицему Митрѣ, бросалъ огонь изъ своихъ кратеровъ, которыхъ мнѣ такъ и не пришлось увидать.

Теперь его голова не объята огненнымъ потокомъ мыслей жертовнымъ восторгомъ. Онъ старъ и благодушенъ.

Что ни годъ англичане въ пледахъ, съ носогрѣлками въ бритыхъ губахъ и альпійскими палками, поднимаются на его вершину, топчутъ голубые его снѣга и надменно глядятъ внизъ, гдѣ земля лежитъ подобострастно на брюхѣ предъ сѣдоголовымъ великаномъ.

Умеръ великій богъ свѣта и не проситъ молитвеннаго огня у Казбека. Тихо и самъ Казбекъ подергивается саваномъ, складка за складкой ползутъ снѣга внизъ.

Поцѣлуй.

Б. Микшинъ.

Вторая выставка Общества Куниджи 1918 г.

Прачечный мостъ въ Петроградѣ. *М. Бобщицевъ*
Вторая выставка Общества Куниджи 1918 г.

Ледники сияютъ остро и свѣтло, торжествующая бѣлизна смерти глядитъ на безпредѣльный доль, безкрайные юры и лоцины, на двухколесныя мелкія арбы, дремлющія въ стени, склонившись на оглобли, на желѣзныя однофермовыя мосты и рядомъ другой мостикъ, на овечьи стада и пастуховъ, забывшихъ старыхъ боговъ, старыя капища, неприступныя роици осипь, окровавленные камни въ полудорогѣ отъ земли къ небу...

Асатуръ поетъ, крутя узкой головой со стесаннымъ, глунымъ затылкомъ. Словъ не разобрать.

Я чувствую, что на душѣ у Асатура спокойно и легко. Онъ отделился отъ жизни.

Что ему искать среди неспокойныхъ людей? Конечно!

Старое отрѣзано и брошено на каменный полъ духана. Пусть молодое за стойкой постоитъ и выручку считаетъ.

Асатуру остаются горы, покойная, полуголодная жизнь, суровые дни и ночи. Когда-то онъ увидѣлъ, давно-давно, свѣтъ этого вотъ неба въ селѣхъ Гергетахъ, среди ласковыхъ грузинъ, среди ибсеней, улыбокъ, дикой свободы.

Теперь того нѣтъ. Другая жизнь пошла, неспокойная, завистливая, юркая, а все же отъ стараго здѣсь больше сохранилось, чѣмъ въ городахъ.

Асатуръ любить пѣсно и рассказывать миѣ, задумчиво глядя на зеленую траву:

— Когда-то, душа моя, здѣсь жилъ знаменитый охотникъ на туровъ... Турій охотникъ, пожалуйста. Не простой человѣкъ былъ. Изъ князей. Нну, а звали его Батломомъ—ими, пожалуйста, такой. Ружье старое въ рваную бурку закутаетъ, порохъ туда же сунетъ подъ полу, чтобы не отсырѣлъ, и пойдетъ по цвѣтамъ и льду на туровъ. Трехъ туровъ на себѣ разомъ таскалъ, а самъ лавани только ѣлъ да кукурузу—общалъ ничего хорошаго не ѣтъ. Мясо вдовамъ отдавалъ, сиротамъ отдавалъ. Бесплатно! Понялъ? Миѣ хочется пошутить, но такъ, чтобы немудреную шутку понялъ и Асатуръ, и я говорю:

— Князья всѣ непрактичныя. Нвыгодно даромъ-то...

Асатуръ поднимаетъ брови и обдумываетъ мои слова. Задалъ ему работу.

Асатуръ легко на сто рублей пятаковъ сосчитаетъ и не ошибется. Но проворство, данное его рукамъ, и торговалъ сметка мало коснулись всей головы.

Онъ тупо обдумываетъ все, что хотя немного въ старое отъ торговли, отъ вина въ бурдюкахъ, отъ взятокъ грознымъ, привередливымъ городовымъ, которые ни одного убитаго не обидутъ, чтобы не взять за него.

На станціи, откуда выѣхали, прежде, говорятъ, весело бывало. Лѣниво шли счастливицы кахетинское, ѣли козье мясо, молодую форель. Теперь тутъ не бываетъ старыхъ, усастыхъ офицеровъ въ узкихъ кителяхъ, мингрельскихъ безшабашно кутящихъ красавцевъ въ нарядныхъ шапочкахъ-салфеткахъ на твердыхъ, синесмолевыхъ кудряхъ, молодцовъ съ женскимъ румянцемъ на фарфоровыхъ щекахъ и объемистыми дужеными желудками, вмѣщающими столько же кислаго вина, сколько вбираетъ небольшой бурдюкъ, изготовленный изъ поросичьей кожи.

За стойкой дремлетъ мужчина съ сѣдовой бородкой, заглаженной въ клинышекъ, и съ ястребинымъ, поздрыстымъ носомъ. Асатура онъ сразу же узналъ:

— Камаръ джоба... Здравствуй!

Асатуръ жадно посмотрѣлъ на стойку, затянутую клеенкой, разрисованной подъ мраморъ, уставленную скудно тарелками съ запотѣвшими ломтями сыру, пожелтѣвшей въ кремовый отбѣнокъ александропольской брынзой, лежащей въ мутной водѣ, скверной усохлой колбасой подъ синими проволочными сѣтками и стеклянными колпаками, на которыхъ мухи оставили золотисто-смуглые свои слѣды.

Асатуръ видимо опечалился. Если на большой станціи, въ двухэтажномъ домѣ, гдѣ за день столько народу потолчется, мимо буфета пройдетъ—такъ плоха торговля, такъ чего наторгуешь въ горахъ!

Пыль на стѣнахъ, паутина, свисающая фестонами съ козкихъ плоскихъ и мощныхъ роговъ. Ужъ не добродѣтельный ли князь, кормившій турымъ мясомъ вдовъ да сиротъ, прибилъ надъ низкими дверями эти костяныя вѣтви?..

Все же, по пути въ горы, Асатуръ пѣлъ, беззаботно болталъ. Онъ ѣхалъ въ заточенные горы, отдавалъ свою старость роднымъ мѣстамъ.

Бодро бѣжали лошади, ѣдко пахнуція потомъ.

То блеснетъ на пути изломъ ручья, напятавшагося ледяными канлями на горахъ, то снова пропадетъ.

Издали видны остатки небольшихъ водяныхъ мельничекъ, встряхивающихся отъ каждаго толчка тяжелыхъ, прохладныхъ струй.

Такія мельницы разбросаны по всей землѣ у всѣхъ народовъ. Въ глуши пустынныхъ первобытныхъ полей дремлютъ деревянные карлики, перерабатывающіе зерно, сыпавшіе муку по пахучимъ полированнымъ желобамъ. Донъ-Кихотъ, предокъ подбыхъ миѣ шапуновъ, сражался съ вѣтрякомъ такого же роста, чуть повыше. Въ давніе годы всякъ только на себя, на семью хлѣба готовилъ, и мельницы были немногимъ выше человѣка.

Отъ унылыхъ мыслей о прошломъ всего человѣчества, всѣхъ поколѣній, молившихся богу-солнцу въ такихъ поляхъ, почувствовалъ я, что, какъ ни говорятъ, а мала и грустна земля, что нищъ человѣкъ, что мало радости въ его полускотской, не гордой жизни.

Дрожать мельнички надъ свѣтлыми струями. Ледники льютъ ясныя слезы въ ручьи, а приници Асатуры и сбили четыре стѣнки, поставили жернова и кормятся у слезъ могучихъ ледниковъ.

Я пристально гляжу опухшими отъ слезъ глазами на попутчика—у него такихъ мыслей не бывало; онъ счастливъ, и у него родина именно тамъ, гдѣ онъ родился, ни на вершокъ влѣво, ни на вершокъ вправо.

Узкая его голова безъ затылка въ бараньей, въ желтое крашенной папахѣ качается усыпительно.

Скоро намъ вставать и пѣшкомъ подниматься вверхъ. Дорога, впрочемъ, какъ увѣряли насъ, очень хороша. Танцуй, можно подняться на вершину, шутя, можно взойти на верхнюю точку земли и льдовъ и стать подъ небомъ!

Митра—тебя и тамъ нѣтъ!

Умеръ богъ свѣта, а мельнички трюхаютъ полегоньку—трюхъ, трюхъ, мучицы тепловатой натираютъ на лавани, на плоскіе рогатые чуреки, похожіе на пару турскихъ роговъ.

Уже задропала рѣка въ берегахъ, потонули синенькой немощной паутинкой фермы моста, растаялъ бѣлый домъ станціи.

Только жаворонки тѣ же,—сверлятъ воздухъ хрустальными, монотонно-приятными возгласами, точно бутылочку откупориваютъ...

По дорогѣ бросилась, полукольцами собираясь, жирная змѣя, и кони мотнули испуганно гривами.

Вдалекѣ мелькнулъ и опять пригнулся доломитовыми крышами плоскій аулъ, самъ похожій на змѣю, лукаво причушующая среди каменель.

— Вонъ!—тянетъ руку Асатуръ,—надъ ауломъ церковь видна! Святое мѣсто.

— Чѣмъ же святое?

Асатуръ думаетъ, но вспомнить не можетъ. Не все ли равно. Если знать будущее, святости отъ того не прибавитъ. Святое и только!

На вершинѣ четкой, надвинувшейся горы еле мелькаютъ, когда солнце за тучку западаетъ, два темныхъ силуэта, словно сложенные изъ кубиковъ.

Кому, молящемуся, пожелалось видѣть просторы и благословить ихъ немощной рукой? Кто захотѣлъ стать къ Богу ближе на крохотную пядь, преодолеваяему съ такимъ трудомъ?

Мы расплатились съ возчикомъ, лѣнивымъ парнемъ, который однако просіялъ, когда послѣ моихъ скудныхъ рублей Асатуръ подаль бутылку, завернутую въ розовую оберточную бумагу. Хо-

рошо на обратномъ пути не нахлестывать нагруженныхъ коней и, лежа на холщевой обивкѣ внутри экипажа, потгивать кисленькую струйку, одобренную таниномъ, но все же приятно вяжущую.

Обычно берутъ верховыхъ коней либо на станцію, либо въ сельцѣ у подошвы, но мы, сберегая деньги, рѣшили спокойно подняться пѣшкомъ, не торопясь.

Въ Гергеты думали взглянуть на обратномъ пути.

Асатуръ не волнуется при видѣ родного села. Что же, дѣловой человѣкъ долженъ знать порядокъ: раньше дѣло, а потомъ отдыхъ, сладкія воспоминанія.

Наверху, недалекѣ отъ храма, очень святого и очень уважаемаго, поставитъ Асатуръ легкія стѣны лавочки и духана.

Хлѣбъ и мясо будутъ приносить изъ Гергетъ мальчишки. Молочья ноги хорошо носить и по горамъ.

Асатуръ мурлычетъ котомъ, и только по жалобному придыханію и тому, что изъ мурлыканья вдругъ вырываются нотки фальцетомъ, можно различить въ этомъ пѣсню.

Асатуръ не замѣчаетъ горныхъ луговъ, по которымъ никогда не ступало раздвоенное копыто сельской смиренной овцы. Много корму и внизу.

Отдохнули мы, поднявшись выше луговъ. Кругомъ насъ лежали альпійскія пространства въ пестрыхъ цвѣтахъ.

Я растерялъ грамотность и не знаю, какъ зовутъ ученые люди этотъ цвѣтокъ—сиреневый съ молочными жилками, цвѣтокъ, еле пахнущій чѣмъ-то, напоминающимъ вывѣтренные духи на женской груди, да—на груди, съ которой нескромныя губы любовника сбѣловали запахъ крѣпкихъ эссенцій, оставивъ отъ нихъ нѣчто неудовимое и потому волнуемое до слезъ.

Я засушилъ такой цвѣтокъ; чѣмъ тверже становились его лепестки, тѣмъ гуще и увѣреннѣй онъ пахъ.

Колокольчики сбѣгали живо вокругъ нашихъ тѣлъ внизъ, падали въ голубое, мягкое пространство, за которымъ, если не глядѣть, не чувствуешь земли, мельничекъ на ледяной водѣ, хлѣбныхъ полей, каменныхъ крышъ грязнаго аула.

Только течетъ голубизна, теплая, счастливая, ласковая, баюкающая. О, просторъ!

Просторъ, въ которомъ нѣтъ газовыхъ рожковъ, рекламъ пивомедоваренныхъ заводовъ, толстыхъ портерщиковъ съ мокрымъ штопоромъ въ рукахъ, дружескихъ шутокъ, всей несносной фальши, при которой ни одно слово не искренне.

Съ жутью и удивленіемъ я часто приподнимался на локтѣ и озиралъ Асатура. Онъ медленно поворачивалъ ко мнѣ свой толстый носъ и нѣжно улыбался, не понимая моей тревоги.

— Ты чего? Болятъ ноги, га?

— Нѣтъ, ноги не болятъ.

— Усталъ ходить?

— Нѣтъ, совсѣмъ не усталъ!

— Ну... тогда лежи, пожалуйста. Къ полдню тамъ будетъ и мѣсто высмотримъ. Ты же мнѣ обѣщала... Помнишь, душа моя? — Помню!—кивнула я, тоже улыбувшись.

Еще въ городѣ, за сотни верстъ отъ этихъ мертвыхъ, снѣжныхъ горъ, я посулилъ показать ему свои землемѣрные способности и вырѣзать на землѣ четырехугольникъ, потребный для постройки. Нужно будетъ сбить немудреный приборъ, заготовить вѣшки.

Я выкрою изъ всего простора крохотное пятнышко, а остальное беретъ на себя старикъ. Онъ живо испачкаетъ, унавозитъ этотъ клочокъ, покроетъ его бараньей требухой, пивными и винными пробками, осколками глиняныхъ чурекъ.

Пьяные люди между небомъ и землей станутъ въ его дощатомъ, вывѣленномъ духанѣ кривляться и, шагаясь, бродить вокругъ да около. Обнявшись, они спустятся въ священную рощу и среди жестко-свистящихъ на горномъ вѣтрѣ осинѣ облетчатся съ удовольствіемъ и нѣгой пьяныхъ животныхъ.

Эта ненужная пустая мысль меня теперь не столько мучитъ, сколько, признаться, тѣшитъ.

Что же, не говорить ли это о томъ, что вся земля мала и скучна. Когда на землѣ было меньше человѣка, на ней было больше Бога. Это ясно.

Отпейте изъ бутылки—вина станетъ меньше, а пустоты прибавится. Человѣчество—не пустота ли въ бутылкѣ, еще не совсѣмъ допитой? Когда посудина будетъ опорожнена до послѣдней капли, чья-то рука, небрежно размахнувшись, швырнетъ ее подъ столь мірозданья.

Тутъ я припомнилъ все мое прошлое, и мнѣ захотѣлось страстно, вотъ здѣсь же, присѣсть на траву, собрать вокругъ себя великое множество усталыхъ и неусталыхъ людей и повести предъ ними такую рѣчь, послѣ которой все признались бы, какъ имъ живется на семь свѣтъ: дурно ли, хорошо ли.

Вспомнилъ я жену. Бросила, и не нужно. Язва во мнѣ не отъ того, что я посѣдѣлъ въ одиночествѣ и отъ природы, говорятъ, не казистъ. Не въ томъ язва, что бабѣ меня бросаетъ, еле раскусивъ, не въ томъ, что друзей у меня нѣтъ, а случайные знакомые бываютъ ко мнѣ насмѣшливы.

Не было того дурака, который послѣ встрѣчи со мной не кивалъ понативно головой и не улыбался прозрачной, дурацкой улыбкой, такой прозрачной и бѣсящей улыбкой, какая бываетъ только у записныхъ праведниковъ и набитыхъ дураковъ:

— Дорогой мой, я вижу васъ насквозь!..

Это меня-то онъ, дуракъ, видитъ насквозь.

Пусть никто не подумаетъ, что я горжусь чѣмъ-то неслыханнымъ. Ясно, что я—тля. Только, если снять остороженько тлю съ листочка и подавить, она пуститъ зеленый, нѣжно-бирюзовый сокъ, а меня подавить—пушу красный... Только-то.

Да, я обыденный, пустой. Но почему я такъ ишу этихъ пространствъ, ищу былыхъ капищъ, осиновыхъ роцъ, въ которыхъ старые боги пили человѣческую смачную, парную кровь?

Асатуръ, какъ я ни плохъ, не лучше меня. Это понятно. Но онъ доволенъ. Я съ улыбкой вспоминаю, какъ онъ объѣдалъ куриный хлупъ, политый подсоленнымъ масломъ, какъ важно хрипѣлъ и своей солидностью переполнялъ весь вагонъ до самаго потолка, затянутаго линолеумомъ...

Асатуръ не лучше меня и живетъ счастливо, а я живу плохо и спасаюсь отъ себя, и шатаюсь, шатунъ жалкій, по землѣ, оттого, что презираю себя.

Мариетта!.. Поглядѣли бы вы, Мариетта, на меня вотъ здѣсь, между небомъ и землей.

Я святотатственно прижимаю поношеннымъ пиджакомъ и полосатыми, внизу потертыми брюками сиреневые цвѣтки съ молочными жилками. Я пачкаю рисунки природы, ея акварельные шаловливые наброски, сдѣланные на чистомъ полотнѣ ледниковыхъ свѣговъ.

Бываютъ несчастные люди, которымъ кажется, что всюду они лишніе, ненужные, оскорбляющіе.

Въ дѣтствѣ у меня былъ кошмаръ. Мнѣ казалось, что изо рта у меня очень скверно пахнетъ. Это было неправдой, вздоромъ. Вы понимаете: я не открывалъ рта и былъ молчаливъ, какъ звѣрь. Я не давалъ себя старшимъ поцѣловать. Я страшился, что они почувствуютъ гнилой запахъ...

Я съелъ со вздохомъ и сталъ переобуваться. Потомъ сосчиталъ деньги. Мало...

Чувствовать, что со мной плохо. Бѣсъ терзаній опять овладѣлъ моей душой. О, это, не смѣйте, это очень сложная штука, и се не обдумалъ ни одинъ мудрецъ.

Сначала все хорошо бываетъ. Въ Тифлисѣ я былъ почти беззаботенъ. Пилъ въ незнакомомъ духанѣ вино и былъ такъ привѣтливъ съ окружающими, съ самимъ духанщикомъ, что вотъ даже духанщикъ, важный Асатуръ Шахбазьянъ, обратилъ на меня благосклонный взоръ и подружился—да такъ, что въ горы навсегда, навѣкъ взялъ. Но теперь меня беретъ мой бѣсъ.

Скучно, ахъ, какъ скучно, какъ подло и стыдно. Ничего хорошего въ жизни не дѣлалъ, а вертѣлся безцѣльно, какъ лопнувшая нитка въ ремнѣ, тянущемъ шкивъ... Ниточка—кому сна нужна?

Менѣ всего, во всякомъ случаѣ, я нуженъ себѣ.

Портретъ артистки Е. А. Орловой. М. Бобышевъ. Вторая выставка Общества Куинджи 1918 г.

Мнѣ иногда стыдно за Россію. Въ ней много такихъ, какъ я. Вотъ въ Америкѣ, поди, всёмъ сыщется настоящая работа.

А тутъ по русской землѣ бродить много насъ, неприкаянныхъ, съ послѣдними рублями въ потертыхъ ластиковыхъ карманахъ.

Свой костюмъ я ношу въ лѣто и зиму девятый годъ, и его подлый узоръ такъ запомнился, что, когда погляжу, въ глазахъ рябитъ, и слезы выступаютъ.

Я невольно застоналъ, и такъ противно, злобно, что Асатуръ съль и внимательно, сдерживая сладкій зѣвокъ, оглядѣлъ меня съ головы до кончиковъ поношенныхъ сапогъ.

— Душа моя... Тебѣ плохо?

Я опустилъ глаза и не могъ удержаться отъ жалобныхъ, клейкихъ, совсѣмъ безцѣльныхъ словъ:

— Плохо, Шахбазьянъ... Очень плохо!

— Га... Это, пожалуйста, нехорошо. Надо—такъ: вухъ!.. Вотъ какъ надо.

— Это чего же?

— Ты не думай. Ни о чемъ не надо. Все само будетъ. Га... На конѣ, пожалуйста, бывалъ, подъ конемъ. Многого, ахъ, многого горя выдалъ. Ничего! Надо впередъ смотрѣть. А что позади—какъ не было.

— Не могу, Шахбазьянъ, голубчикъ. Тошнехонько. Мутить чортъ хвостомъ въ душѣ!

Онъ испугался и туно заморгалъ круглыми глазами, а потомъ—вотъ чего не ожидать—наклонился и мокро чмокнулъ меня въ щеку. Я затрепеталъ... Не отъ нѣжности и благодарности.

Я вѣдь черствъ, какъ кусъ хлѣба за сибирскимъ окномъ—шатунамъ въ подарокъ. Нервы во мнѣ заговорили.

Ужъ когда такое бревно съ поцѣдуйми и жалостью ко мнѣ полѣзло, значить, плохи, плохи мои дѣла.

Пересилилъ себя, всталъ и показалъ пальцемъ вверхъ: на минуту слово отшибло. Асатуръ понялъ, и мигомъ собралнсь. Такъ и пошли молча.

Сзади остались два влажныхъ пятна: прямятые нами грузно альпійскіе цвѣточки пустили слезу внизъ. Оскорбленная человѣкомъ, плакала природа...

Мнѣ показалось, что мой слѣдъ на цвѣтахъ мокрѣй и грязнѣй. Чтобы разсѣяться, я заговорилъ о томъ, какъ построить духанъ.

— Разумѣется, камней нужно побольше собрать: я помогу.

— Зачѣмъ тебѣ?—удивился Асатуръ. — Ты мнѣ только планъ разбей.

— Хорошо. Но у меня почти денегъ нѣтъ. Понялъ, Шахбазьянъ? Мнѣ некуда итти, и ты меня покормишь, а я помогу и въ постройкѣ.

Онъ сконфузился совсѣмъ по-городскому и жалобно поглядѣлъ мнѣ въ глаза.

— Зачѣмъ, зачѣмъ такъ говоришь? Рѣшили вмѣстѣ жить...— съ укоромъ молвилъ Асатуръ.— Ты мнѣ, пожалуйста, кто будешь? Хочешь—братомъ назову, га? Я простой человѣкъ, цивилизаціи, мимилізаціи вашей, скажи, пожалуйста, совсѣмъ не знаемъ. И не надо. Хочешь—другомъ будешь, братомъ будешь, ну?

— Хочу!

Онъ схватилъ меня за руку и еще горячѣй зашепталъ:

— Мало знаю тебя, а больше сердца люблю. А почему люблю? Потому ты молодой, а какъ старый. Мнѣ покой нуженъ, и тебѣ покой, большой покой нуженъ. Не на хорошую жизнь со мной пойдешь. Голодно живемъ тутъ, плохо... Эхъ! Въ Тиф-

лисѣ—знаешь, какъ жили? Баринъ! Вотъ какъ. Карсейчикъ зажарилъ, дорогой вино пьешь— сколько хочешь. Баринъ!.. А тутъ снѣгъ мететь, пустота. Будемъ вмѣстѣ голодать—все равно. Вѣрными говорю, га?

Я не отвѣтилъ; мнѣ этотъ кроткій звѣрь сразу прискуцнулъ. Но куда, съ кѣмъ отъ него уйдешь?

Плохо, что на землѣ живутъ разные люди. Шахбазьянъ—человѣкъ времени давнихъ, не онъ ли ставилъ внизу мельницы, а наверху въ каменную чашку нагочилъ человѣческой крови? Онъ—человѣкъ давнихъ, сказочныхъ, тупыхъ времени.

А я пережилъ всякое здоровое подобіе. Хорошо бы мнѣ быть равнымъ Асатуру и жить безпечно и вѣрнѣ въ священныя роши. А и хорошо бы Асатуру быть, какъ я—отчальникомъ. Отчаявшіеся люди либо помираютъ скверно, либо новаго Бога при- зываютъ.

За что я обиженъ? Почему всё мои бѣды? Какъ отъ каравана отбившійся человѣкъ перестаетъ быть самимъ собой, такъ и я. Люди или отстали отъ меня или перегнали, только я одинокъ и долженъ погибнуть нежалостной, стеной, одинокой смертью. Когда за Ташкентомъ бродилъ, выдалъ подобное. Жутко.

Бодро шагаль въ гору Асатуръ—сле я успѣвалъ за нимъ. Упорная тишина преслѣдовала насъ, заглядывала въ глаза, пряталась въ жесткихъ обрывкахъ скаль.

Чѣмъ выше,—рѣзче становились уступы горы; падалъ безцѣльно къ теплымъ долинамъ мягкой покровъ цвѣтовъ и травъ.

Синеватыми плѣшинками, какъ лысинки католическихъ монаховъ, собравшихся въ толпу, свѣжили всюду снѣга.

Съ каждымъ шагомъ все меньше цвѣтовъ и больше снѣга. Снѣгъ разрастается въ кругляшки, потомъ въ острова, потомъ въ холодно-блистающія озера и, наконецъ, тамъ, куда хватаетъ взоръ, лежитъ океаномъ, морознымъ, страшнымъ, неприступнымъ.

Оттуда срываетъ, съ наста, колкія иглы и проноситъ ихъ невидимо у лицъ, освѣжая запаренное, измученное тѣло.

На одномъ изъ легкихъ поворотовъ Асатуръ насторожился и свистнулъ такъ, какъ охотникъ собакамъ.

— Что вы?

— Видишь?

— Нѣтъ, ничего не вижу.

— Человѣкъ наверху.

Я не могъ различить ничего, кромѣ пятнышка, и только черезъ полчаса не столько зрѣніемъ схватилъ, сколько понялъ, что пятнышко тоже устало движется вверхъ. Человѣкъ!

У меня забилось сердце.

Грѣло лѣтнее солнце облачнаго раздолья снѣговъ. Хруститъ мерзлая тропка, поетъ камень, падая по ледяной, отзывчивой коркѣ. Дззз...

Теперь мы, кажется, на мѣстѣ вулкана или немного ниже. Здѣсь стекала внизъ и дымилась лава, какъ тѣ вѣчные факелы въ узенькой улицѣ. Теперь на пемзѣ, что ли, лежатъ снѣга. Не вспыхнетъ ли огонь, не растопитъ ли старость, не сожжетъ ли сдѣланы, не освѣтитъ ли рошу боговъ, брошенныхъ хитрыми людьми?

Вотъ онъ—человѣкъ наверху... Теперь ясно вижу. Черезъ часъ будемъ говорить съ нимъ. Неужели эта точка дрогнетъ на высотѣ, страдаетъ отъ голода и одиночества, скверныхъ мыслей, непрочныхъ мечтаній?.. Увидимъ!

(Окончаніе слѣдуетъ).

Сколько нужно земли, чтобы разбогатѣть?

(Сельское хозяйство на $\frac{1}{6}$ десятины).

Очеркъ П. А. Антропова.

Случай интенсивнаго хозяйства въ Россіи крайне рѣдки. Обиліе земли, недостатокъ сельскохозяйственныхъ машинъ и бѣдное, малокультурное население—плохіе для него союзники. Но тѣмъ пріятнѣе отмѣчать встрѣчающіеся и у насъ случаи превосходнаго интенсивнаго хозяйства.

Самолубіе мое, какъ русскаго, нѣсколько уязвлено только тѣмъ обстоятельствомъ, что хозяйство, о которомъ я пишу, ведется не русскимъ, а нѣмцемъ на русской землѣ.

Путешествуя по Кавказу, я набрелъ, на краю Желѣзноводскаго парка, на замѣчательно интересное хозяйство трудолюбиваго нѣмца-колониста. Лѣтъ 25 тому назадъ ему удалось приобрести въ собственность отъ казны небольшой клочокъ земли — всего 400 кв. саж., т.-е. шестую часть десятины.

На купленномъ Карломъ Ивановичемъ участкѣ было все, за исключеніемъ почвы. Здѣсь росли, въ густой чащѣ, переплетаясь вѣтвями, дубы, букъ, липа, ясенъ и бузина съ плющемъ и другими вьющимися породами. Огромные камни преграждали дорогу, и, казалось, человѣческая нога никогда не ступала въ эти непроходимыя дебри. Мнѣ еще въ этомъ году пришлось слышать серьезные увѣренія старожилловъ этой мѣстности, что лѣтъ 25 тому назадъ на Желѣзной горѣ, какъ и на рядомъ стоящей съ ней Змѣиной, водились трехсаженные змѣи. Желѣзная

гора въ нижней своей части теперь представляетъ роскошный паркъ; верхняя же покрыта еще густымъ дѣлкимъ лѣсомъ. Змѣиная же гора и теперь остается необитаемой и пользуется дурной славою. Надо было имѣть много смѣлости, энергии и увѣренности въ своихъ силахъ, чтобы, безъ всякаго капитала и полагаясь только на свои сильныя руки, вступить въ борьбу съ природой. И онъ не только вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ, но еще заставилъ природу сдѣлаться своей вѣрной и щедрой данницей, вскормившей и обогатившей его семью.

Когда, пройдя безпорядочно и дико растущій паркъ (правильнѣе, просто лѣсъ), вы вступите на цвѣтущій участокъ Карла Ивановича,—вамъ тотчасъ же бросится въ глаза замѣчательная во всемъ планомѣрность, расчетанность и богатая производительность каждой ляди земли. Все это видно на планѣ (стр. 503).

Прямо у входа стоитъ деревянный домикъ въ шесть комнатъ, онъ сдается внаймы. Нѣсколькими шагами далѣе помѣщается небольшой, чистенькій, двухэтажный домикъ самого хозяина. Подъ домомъ устроено помѣщеніе для двухъ коровъ, которые пасутся на станичномъ пастбищѣ.

Въ десяти шагахъ отъ домика устроена высокая и просторная бесѣдка изъ винограда въ 3—4 кв. саж.—мѣсто сбора, работъ и отдыха для семьи хозяина.

Вокруг этих построек расположен фруктовый сад из яблонь, груш и слив. Между фруктовыми деревьями, посаженными в шахматном порядке, цветут кусты роз, высотой в сажень. За садом находится огород, засаженный любимыми на Кавказе овощами: помидорами, кабачками, болгарским перцем и проч. Над входом посажены кусты малины, смородины, крыжовника и кизила. За этими кустами стоит пасека из 60 ульев. Так как недостаток места не допускал обыкновенной расстановки ульев, то расчетливый хозяин устроил пасеку совершенно новым способом. У него ульи стоят в два яруса, стбнка к стбнк, при чем, конечно, второй ярус нбсколько отодвинут назад (на поларшина).

Птичьего царства здбсь тоже достаточно. Между птицами особенно замбчательны двб совершенно ручные утки.

— Это мои собаки!—сказал мнб Карл Иванович, показывая па уток,—онб цблый день неотлучно слбдуют за мной, и я их прбучил помогать мнб в моих работах.

Мое недоумбние по поводу того, как это можно прбучить уток работать, скоро разбясилось, когда мы с хозяином направились к розовым кустам. Утки тотчас же последовали за нами и с открытыми ртами ожидали подачки жуков, сбрасываемых Карлом Ивановичем с роз. Утки приносят огромную пользу саду, пожирая вредных жуков, личинок и гусениц. Точно сознавая важность занимаемого ими в хозяйствб положения и неотступно слбдуя за хозяином, онб ни перед кем не сворачивали с дороги.

Когда мы вошли в сад, воздух был напоен ароматом цветущих роз и плодовых деревьев. Запах цветов привлекал сюда множество бабочек и жуков самых причудливых форм и цветов. Пред нами были груды только-что сорванных роз — особенно пышные и предназначенные в продажу были уложены в корзины, а другие, болбе скромные, лежали на травб. Здбсь впервые на Кавказб мнб пришлось увидеть рбдкие сорта роз без шипов, трудной культурой которых справедливо гордится Карл Иванович. Когда я спросил Карла Ивановича, что онб дблает с отцветающими розами, онб дал мнб прозаическй отвбт:—онб кормит ими коров.

Пчелы кружились вокруг меня и ползали по моему костюму, но кавказская пчела добрая и жалит лишь в исключительных случаях самообороны. Я смбло слбдовал за хозяином, и, несмотря на то, что мы проходили сквозь цблыя тучи пчел, ни одна из них меня не тронула.

Несмотря на то, что обойти весь участок было недолго, впечатлбние подучалось такое, как будто я побывал в огромном благоустроенном старом саду. Во всем видна была на рбдкость умблая и трудолюбивая рука.

Хозяин, угадав мои мысли, сказал мнб:

— Здбсь был дикй лбсь! Все, что вы видбли, создал я самь вотг этими руками! — И онб показал мнб свои загорблые мозолистые руки.—Богб благословил меня обилем плодов, как вы видите, а я ими вскормил и поднял на ноги свою семью, но если бы вы знали, какого труда все это стоило! Теперь у меня взрослый сын, и я могб бы уйти на покой, но я не могу не работать,—привычка жизни...

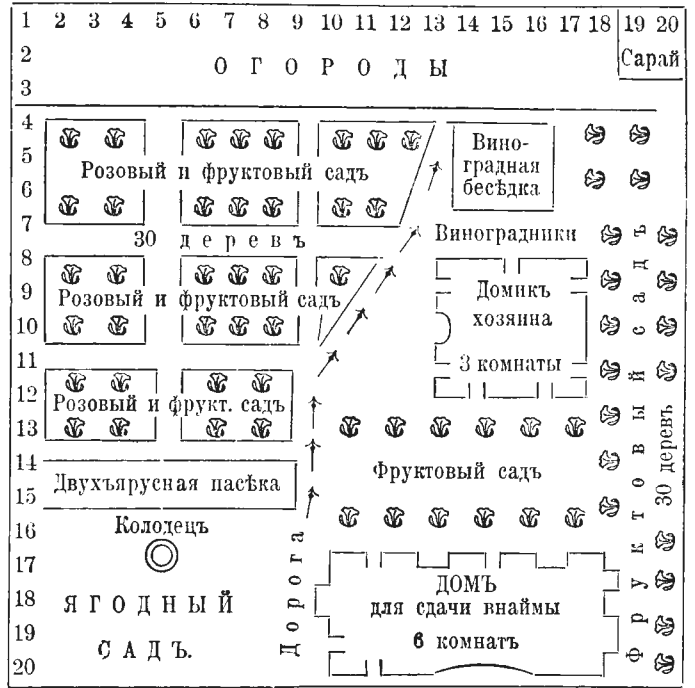
И глаза старика засветились счастливой улыбкой поббдителя, свбтлой радостью завершенного труда. И дбйствительно, поббда его над дикой природой была настолько велика и очевидна, что ею могб бы гордиться не только простой крестьянин-колонист, но и ученый агроном.

Интересно, однако, сблать хотя бы приблизительный подсчет того, что давало Карлу Ивановичу его крошечное хозяйство. Мы указываем цбны, существовавшя в мирное время. У Карла Ивановича двб молочные коровы, приносящя ежедневно 40 бутылок молока. При существовавшей цбнб по 20 коп. за бутылку за три только лбтних мбсяца онб получал 720 руб. Вычитая из этой суммы на содержание коров по 20 руб. в мбсяц, получим чистого дохода от продажи молока 600 руб. Осенью и зимой избыток молока обращается в масло, доход с котораго, за покрытие расходов по содержанию коров, составляет чистую прибыль хозяйства.

Далбе интересно отвбтить на вопрос: что может дать хозяину даже крошечный фруктовый сад?

Здбсь, конечно, большую роль играет урожай. Но на Кавказб неурожай фруктов, в виду отличных климатических и почвенных условий, очень рбдки.

В сбверных губерниях и в средне-черноземной полосб Россй лбто часто бывает холодное и дождливое, с числом теплых дней ниже среднего, на Кавказб же в большинствб случаев повсембстно стоит жаркая погода, благоприятная для фруктов. Даже в концб сентября жара достигает 25° Р.

Благодаря этому, на сбверном Кавказб могут произрастать абрикосы и нбжные сорта груш и яблбк.

Не то мы наблюдаем в садах сбвера. Нбкоторые сорта яблбн (ранет) в Псковской губернии дают плод величиную в некрупный картофель, и даже хорошо акклиматизированная антоновка во многих мбстах в концб августа снимается недозрблой.

У Карла Ивановича 60 превосходно содержимы груш их яблбн, дающих ежегодно не менбе 60 пудов плодов высокого качества. Считаю по мбстным, сравнительно высоким цбнам, в среднем по пяти руб. за пуд, получим чистого годового дохода 300 руб.

В этом же саду имбется до 250 кустов роз. При высокой культурб этого сада с неурожаем считается почти не приходится. Если каждый куст даст в течение лбта только 50 роз, то весь сбор составит 12.500 штук роз. Часть сбора идет в корм скоту, другая, лучшая, продается в парк по пяти коп. за штуку. Если допустить, что изъ всего сбора только пятая часть (2.500 шт.) будет продана, то и тогда хозяин с розоваго сада получит дохода 125 руб. Ягоды, виноград и овощи в продажу не идут.

Остановим теперь внимание читателя на доходе с пчельника. Как известно, кавказскй мед обладает превосходными качествами и по справедливости признан лучшим в Россй.

Доходность пчеловодства, выражающаяся в процентах на затраченный капитал, различными авторами опредбляется весьма различно.

Бутлеровъ дает 20—30%, Писаревъ 30%, а Цесельскй 100% (валовой доход). Чефрановъ среднй доход с улья в Россй, при современных способах ведения пчел, опредбляет только в 1 р. 67 коп. в год.

При опредблении доходности пасбки по системб Чефранова найдем, что 60 ульев принесут годового дохода 100 р. 20 к. В дбйствительности на Кавказб доход от пчел гораздо значителнбе.

Как видим из приведенного обзора крошечного хозяйства на одной шестой десятины, оно дает дохода только от сада с пасбкой—525 руб., а с молочным промыслом—1.125 руб. Но это еще не все! От сдачи внаймы домика из шести комнат, считая по 25 руб. за комнату, получается за сезон в три лбтние мбсяца 450 руб. Таким образом всего дохода Карл Иванович извлекает из своего участка 1.575 рублей. Опустив послбднй доход, как исключительный и условный, все же 1.125 руб. дохода с 1/6 десятины, что составит 6750 р. с одной десятины, надо считать поразительным.

Эмблемы, аллегории и карикатуры великой французской революции.

Очеркъ профессора Н. И. Карѣва.

(Съ 27-ю рисунками).

I. Эмблемы и аллегории.

Рис. 1.

Отъ великой французской революціи осталась масса документовъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, документовъ писанныхъ и печатныхъ, хранящихся въ архивахъ и бібліотекахъ и разрабатываемыхъ многочисленными историками этой эпохи. Къ числу этихъ источниковъ для познанія эпохи относится также и большой графическій матеріалъ, я разумѣю подъ нимъ все, что тогда было нарисовано и притомъ и воспроизведено при помощи гравировальнаго искусства и литографіей, или осталось въ неизданномъ видѣ. Подобно тому, какъ и многое изъ того, что было тогда написано и напечатано, впоследствии вновь издавалось, точно такъ же воспроизводилась впоследствии и рисунки эпохи: портреты и изображенія разныхъ сценъ революціи, а также всякія эмблемы, аллегоріи и карикатуры, въ которыхъ запечатлѣлся общій духъ революціи и отразились ея отдѣльные явленія и настроенія. Въ настоящемъ очеркѣ читатель найдетъ наиболѣе важныя свѣдѣнія, касающіяся этого предмета, и рядъ иллюстрацій эмблематическаго, аллегорическаго и карикатурнаго содержания *).

Эмблемами, какъ извѣстно, называются условныя изо-

Рис. 2.

* По исторіи карикатуры въ эпоху великой французской революціи есть страницы въ общихъ исторіяхъ карикатуры (Champfleury, Grand-Carteret „Les moeurs et la caricature en France“ и др.) съ образами современныхъ карикатуръ, но многія изъ нихъ воспроизводятся и въ такихъ хронографическихъ издаваніяхъ, какъ извѣстный альбомъ Дайо (Dayot), или въ иллюстрированныхъ исторіяхъ революціи (напр., въ „Histoire socialiste“ Жюреса, въ итм. и рус. переводахъ Карлейля и т. п.).

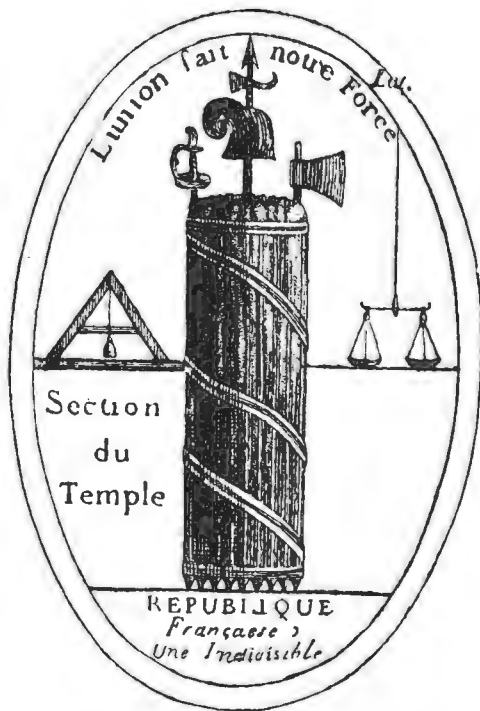

Рис. 3.

браженія, - которыми разъ навсегда приданъ опредѣленный смыслъ, не подлежащій какому-либо новому толкованіямъ, чѣмъ онѣ отличаются отъ символовъ, также воплощающихъ въ себѣ идеи, но допускающихъ при этомъ толкованія, независимыя отъ намѣренія, какое было у художника.

Первоначально эмблемами назывались одни только рельефныя украшенія на разныхъ предметахъ, притомъ сдѣланныя изъ другого матеріала, но потомъ названіе это распространилось и на рисунки. Аллегорія, равнымъ образомъ, есть видъ иносказанія, могущій быть и словеснымъ (что недоступно для эмблемы), но также бывающей и изобразительнымъ, отличающейся отъ эмблемы только болѣею сложностью композиціи: это уже не изображеніе отдѣльнаго предмета, а цѣлой сцены. Въ эпоху революціи вообще очень любили эмблемы и аллегорическія картинки, нерѣдко переходившія въ карикатуры, подобно тому, какъ и портреты часто превращались въ шаржи. Въ области словесныхъ выраженій мысли эмблемамъ — нравочученія, карикатурамъ — сатиры, и всего этого въ эпоху революціи было нарисовано и сочинено великое множество, причемъ новыя эмблемы должны были, между прочимъ, замѣнить собою прежніе монархическіе и аристократическіе гербы и другіе условные знаки „старого порядка“.

Вотъ нѣсколько наиболѣе популярныхъ въ то время эмблемъ. Ватерпасъ, при помощи котораго плотники устанавливаютъ горизонтальный уровень, былъ эмблемою равенства, циркуль, отмѣривающій равныя пространства, — справедливости, пукъ прутьевъ съ сѣкирою — силы, образуемой единеніемъ, отягсъ — тоже справедливости и т. п. (рис. 3). Охотно изображали еще пику, оружіе свободнаго человѣка, пчелиный улей, эмблему трудолюбія, и т. п. (рис. 1—3). Свободу изображали въ видѣ молодой женщины, держащей сломанное ярмо и пику со вздымающимся на нее фригійскимъ колпакомъ (рис. 2). Равенство и братство тоже представлялись въ видѣ женскихъ фигуръ со своими атрибутами (ватерпасомъ или отягсомъ и пукомъ прутьевъ). Такими же женскими фигурами были: Сила въ дубовомъ вѣнкѣ и съ палицею въ рукѣ, Побѣда съ вѣнками, пальмовыми вѣтвями и трубами, Истина съ зеркаломъ въ рукѣ. Законъ представляли въ видѣ обнаженнаго и крылатаго генія, совсѣмъ притомъ еще юнаго и съ пламенемъ на макушкѣ. Послѣ 9-го термидора въ ходъ пошла Фортуна на катящемся колесѣ: она начала даже какъ бы

Рис. 4.

вытѣснять другія эмблемы, пока въ наполеоновскую эпоху не стали царить эмблемы преимущественно славы. Иногда этимъ условнымъ изображеніямъ придавался комической отгѣнокъ. Купидонъ или Амуръ прежнихъ художниковъ особенно часто превращался къ „Купидона, національнаго тамбурь-мажора“, т. е. барабанщика, въ „Амура-Волонтера“, т. е. добровольца, въ „Амура-Патріота“, въ „Революціоннаго Амура“ и т. п. Очень распространено было изображеніе „Амура-Савкюлота“; вокругъ него было двусмысленное, скрытый смыслъ котораго основанъ на игрѣ словъ: „когда Амуръ въ колпакѣ оказывается безъ штанишекъ, свобода ему нравится, и онъ дѣлаетъ изъ нея (или изъ нихъ) свой конекъ или свою игрушку, а также, быть-можетъ, дурацкій колпакъ“).

Революционными эмблемами принято было украшать ювелирные вещи, жетоны, посуду и проч. и проч., а также изображать ихъ на бланкахъ, на билетахъ, на объявленіяхъ и вообще, гдѣ только представлялась возможность. Между прочимъ, игральные карты во время революціи замѣнены были новыми, на которыхъ тоже были разныя революціонныя эмблемы. Такъ, въ картахъ одного образца короли были замѣнены „философами“ (Вольтеромъ, Руссо, Лафонтеномъ и Мольеромъ), дамы — республиканскими добродѣтелями, валеты — республиканскими реквизиционерами, но, кажется, въ дѣйствительности такихъ картъ въ употребленіи не было. Въ ходу были карты, придуманныя гражданами Жюлемъ и Дюгуромъ, съ „законами“ вмѣсто тузовъ, „геніями“ вмѣсто королей, „свободами“ вмѣсто дамъ и „равенствами“ вмѣсто валетовъ: были напри- мѣръ; „законъ червей“, „сво-

*) Quand l'Amour en bonnet se trouve sans culotte, la liberté lui plaît, il en fait sa marotte. Eu можетъ отнестись и къ culotte и къ liberté, а marotte имѣетъ разный смыслъ: конекъ или игрушка и дурацкаго колпака.

бода трефъ“, „геній бубень“, „равенство пикъ“ и т. д. Въ ноябрѣ 1793 г. артисты французскаго театра поднесли Коммунѣ колоду картъ, въ которой королей замѣняли „мудрецы“, дамъ — неизбѣжныя „добродѣтели“, „а тѣ, — прибавилъ предсѣдатель, принимая подарокъ, — которые будутъ держать эти карты въ рукахъ, сами будутъ являться пороками“. Въ Собраніи эта шутка вызвала смѣхъ и рукоплесканія. Наибольшею извѣстностью пользовались карты по рисункамъ знаменитаго живописца Давида (рис. 5), который въ данномъ случаѣ исполнилъ только порученіе правительства: королей онъ замѣнилъ геніями войны, искусствъ, торговли и мира, дамъ — женскими фигурами (свободѣ религіи, печати, промышленности и брака), валетовъ — юношами, олицетворявшими четыре вида равенства (обязанностей, состояній, расъ и правъ). Замѣнившіе королей геніи, вмѣсто коронъ, имѣли на головахъ фригійскіе колпаки, какъ это и полагалось по духу времени, когда этотъ головной уборъ сдѣлался признакомъ республиканизма.

Рис. 5.

Новыя революціонныя эмблемы во многих случаях играли роль прежних гербовъ. Когда, например, городъ Парижъ былъ раздѣленъ въ 1790 году на сорокъ восемь секцій (участковъ), пользовавшихся извѣстнымъ самоуправленіемъ, каждая секція присвоила себѣ особую эмблему, а также тотъ или другой популярный девизъ*). Эти эмблемы и другіе рисунки воспроизводились на плакатахъ, билетахъ и т. п. Такъ, секція Вильгельма Телля пользовалась изображеніями этого легендарнаго героя, равно какъ сцены, когда Телль сбивалъ стрѣлой яблоко съ головы своего сына, а секція Муція Сцевола — двумя рисунками-медальонами, изъ которыхъ на одномъ было изображено убіеніе этимъ мифическимъ римскимъ республиканцемъ этрускаго царя Порсенны, а на другомъ — профиль Муція между изображеніями книжала и кисти руки, положенной въ огонь (подвигъ Муція). Такими изображеніями республиканскихъ героевъ древняго и новаго міра думали воспитывать народъ въ чувствахъ гражданской доблести и любви къ отечеству, идея котораго, какъ извѣстно, играла большую роль у тогдашняго поколѣнія французевъ.

При томъ господствѣ классицизма, которое характеризуетъ литературу и искусство XVIII вѣка, художники революціи охотно пользовались образами античной мифологіи или вообще классическаго искусства. Нужно было, напримеръ, на аллегорической картинкѣ изобразить Время: для этого былъ готовый образъ, и на сцену являлся

*) См. мою замѣтку (съ иллюстраціями) «Клите парижскихъ секцій времени великой революціи» въ «Рус. Библиографъ» за 1914 годъ, кн. VII.

Рис. 6.

классическій Хроносъ въ французской перелицовкѣ и со своими атрибутами: песочными часами, косой (для „жатвы жизни“) и молоткомъ (эмблемой разрушенія), какъ мы это видимъ на воспроизводимой нами картинкѣ. Олицетворенія понятій вообще давались въ томъ же условно-античномъ стилѣ, какъ это было на той же картинкѣ, гдѣ мы видимъ природу, поверженную на землю Тиранией, или Дискордію (раздоръ), вооруженную факеломъ (конечно, для поджога, а не для освѣщенія) и змѣями. Костюмы и вооруженіе на инсказательныхъ рисункахъ тоже являются подражаніями классическимъ образцамъ. Не нужно забывать, что и въ политическихъ своихъ проявленіяхъ революція вдохновлялась примѣрами античнаго республиканства, вслѣдствіе чего такъ охотно и воспроизводились фигуры такихъ героевъ древности, какъ Муцій Сцевола или Брутъ.

Очень нерѣдко отдѣльныя книги иллюстрировались аллегорическими картинками. Приводимъ одну такую гравюру (рис. 7), приложенную къ появившейся въ 1791 году книгѣ Лавиконтери „Преступленія королей Франціи отъ Хлодвига до Людовика XVI“. Въ ней на 310 страничкахъ даны характеристики шестидесяти двухъ королей Франціи, включая сюда и Людовика XVI, который тогда еще царствовалъ, и къ которому авторъ обращается съ предостереженіемъ, чтобы онъ не былъ впредь похожъ на своихъ предшественниковъ, но явился добродѣтельнымъ и уважающимъ свободу, ибо иначе обрушится его тронъ. Содержаніе книжки очень любопытно, потому что она представляетъ собою одну изъ раннихъ публикацій въ республиканскомъ духѣ, „посвященную тѣнямъ (mânes) Катона и Брута“: книжка вышла въ свѣтъ еще до принятія Людовикомъ XVI конституціи 1791 года и особенно заслуживаетъ вниманія вслѣдствіе необычайной популярности, какую приобрѣлъ ея авторъ, благодаря ея появленію. Между прочимъ, въ 1792 году Лавиконтери былъ въ награду избранъ въ члены Конвента, гдѣ занялъ мѣсто среди монтаньяровъ. Воспроизводимая у насъ гравюра изъ его книги очень характерна для эпохи. Приводимъ въ переводѣ и данное въ книгѣ ея объясненіе (explication de la gravure):

„Подвергшаяся насилію природа падаетъ на ступеньки дворца подъ мечомъ тиранніи. Тщетно пыгается природа подняться и избѣжать ярости тиранніи: фанатизмъ съ крестомъ въ рукѣ и раздоръ, вооруженный факеломъ и змѣями, прибѣгаютъ на помощь къ этому неумолимому чудовищу. Позади рабы смиренно подносятъ короны и скипетры, а одинъ изъ нихъ повергъ себя при этомъ въ прахъ. Вдали видны ужасы войны и голода. Война представлена солдатами, избивающими матерей, дѣтей, стариковъ у пороговъ ихъ жилищъ. Голодь изображенъ въ видѣ пожираемыхъ пламенемъ сноповъ. Въ глубинѣ дворца, за торжественнымъ столомъ королей, ихъ куртизаны и ихъ фаворитки предаются наслажденіямъ, а солдаты отгоняютъ народъ. Дальше крѣпость, сооруженная деспотизмомъ и угнетеніемъ, угрожаетъ каждому, кто вздумалъ бы жаловаться, и на самомъ дѣлѣ тамъ уже влекутъ въ тюрьму гражданъ. Время, разрушающее дворецъ королей, доказываетъ, что рано или поздно излишества злоупотребленій и угнетенія поднимаютъ возстанія народовъ“. Внизу мы читаемъ: „какимъ чудовищамъ, великій Боже, ты отдаешь вселенную!“

Рис. 7.

Рис. 8.

могли быть плоховаты и даже мало остроумны, но вся соль заключалась не в них самих, а в томъ, какими словесными объяснениями они сопровождалась. Изготавливались карикатуры в обоих лагеряхъ, т.-е. и въ „національномъ“ и въ „роялистическомъ“, когда еще была нѣкоторая свобода печати. Чѣмъ ближе время подвигалось къ террору, сдѣланному свободу печати во Франціи невозможною, тѣмъ все болѣе и болѣе карикатура мельчала и опускалась, потому что однимъ стали зажимать ротъ, другіе и сами не осмѣливались задѣвать людей, стоявшихъ у власти. Знаюки дѣла отмѣчаютъ еще и другое обстоятельство—технической упадокъ и рисунка и гравированія по мѣрѣ того, какъ за рисованіе брались всякій, кому только не было дѣнь, и какъ возрасталъ массовый спросъ на произведенія этого рода. Тонкіе рисунки перваго времени, часто раскрашенные очень изящно, уступили потомъ мѣсто грубому дубку, остроуміе—бранимымъ словамъ и непристойностямъ*).

Какъ бы, однако, ни оцѣнивать карикатуры времени революціи со стороны рисовальнаго искусства и остроумія, все онѣ представляютъ собою цѣлую сатирическую исторію эпохи. Все сколько-нибудь выдающіеся тогдашніе дѣятели дѣлались предметомъ карикатуръ или шаржей, все особенно важныя событія—предметомъ аллегорическихъ или сатирическихъ рисунковъ.

Особенно было въ началѣ революціи популярно все, что касалось взаимныхъ отношеній старыхъ трехъ сословій. Ихъ неравенство аллегорически изображено было въ цѣломъ рядѣ ри-

*) Многія карикатуры отличались грубостью, дѣлающею ихъ прямо неприемлемыми и потому неудобными для воспроизведенія.

Рис. 9.

Рис. 10.

II. Карикатуры 1789—1794 годовъ.

Братья Гонкуры въ своей „Исторіи французскаго общества во время революціи“ высказались не въ очень выгодномъ смыслѣ о карикатурахъ той эпохи, не находя въ нихъ ни сатирической силы, ни мастерства рисунка, ни смѣлости и изобрѣтательности выдумки. Эти карикатуры казались имъ чѣмъ-то въ родѣ плоскихъ водевильныхъ припѣвовъ или уличныхъ шутокъ, подобранныхъ шаблонными рисовальщиками, которые постоянно копировали самихъ себя и другъ друга. При старомъ порядкѣ во Франціи политическая карикатура не могла получить развитія, и поэтому у французовъ не выработалось ни широкаго размаха сатирическихъ изображеній ни умѣнія весело смѣяться, вызывая тѣмъ самымъ столь же веселый смѣхъ и у другихъ. Французская карикатура времени революціи была, прежде всего, оружіемъ въ политической борьбѣ, средствомъ наглядно, графически, высказать тотъ или другой, всегда притомъ партійный взглядъ на событія, на обстоятельства и на людей переживавшагося момента. Съ художественной стороны рисунки

Рис. 11.

сунковъ. Три сословія ѣдутъ въ собраніе Генеральныхъ Штатовъ (рис. 6): дворянинъ со львомъ и духовная особа съ волкомъ сидятъ въ высокомъ экипажѣ, а человекъ изъ третьяго сословія сидитъ на козлахъ, имѣя подъ собою овечку. Очень популярна была картинка, изображающая испугъ знатнаго господина и священника при видѣ „пробужденія третьяго сословія“ *).

Уравненіе числа представителей третьяго сословія въ Генеральныхъ Штатахъ съ числомъ духовныхъ и дворянскихъ депутатовъ было отмѣчено картинкой, на которой министр Неккеръ ставилъ три сословія на одинъ уровень или выравнивалъ ихъ. Въ духѣ знаменитой брошюры аббата Сьейеса была картинка съ подписью: „я изъ третьяго сословія; я депутатъ третьяго сословія; quid sum? **) Я—гражданинъ“. Объявленіе гражданского равноправія въ ночномъ засѣданіи 4-го августа было комментировано рисункомъ (рис. 8), изображающимъ

Рис. 12.

вались сидящими въ кофейной за общимъ столикомъ. Благодаря тому же самому единенію сословія обычный танецъ вдвоемъ (pas de deux) превратился въ „новый національный французскій танецъ втроемъ“ (pas de trois), хотя подъ однимъ рисункомъ такого содержанія и стоялъ скептический вопросъ: „будетъ ли такъ или не будетъ продолжаться?“

Извѣстно, что такъ не продолжалось, и позднѣйшіе рисунки, уже начиная съ 1790 года, нападаютъ на „аристократовъ“ и на неприсяжныхъ священниковъ. Главнымъ образомъ доставалось эмигрантамъ, которые покидали родину, чтобы интриговать противъ отечества при иностранныхъ дворахъ *).

*) См. рис. на стр. LVI моей „Великой французской революціи“.

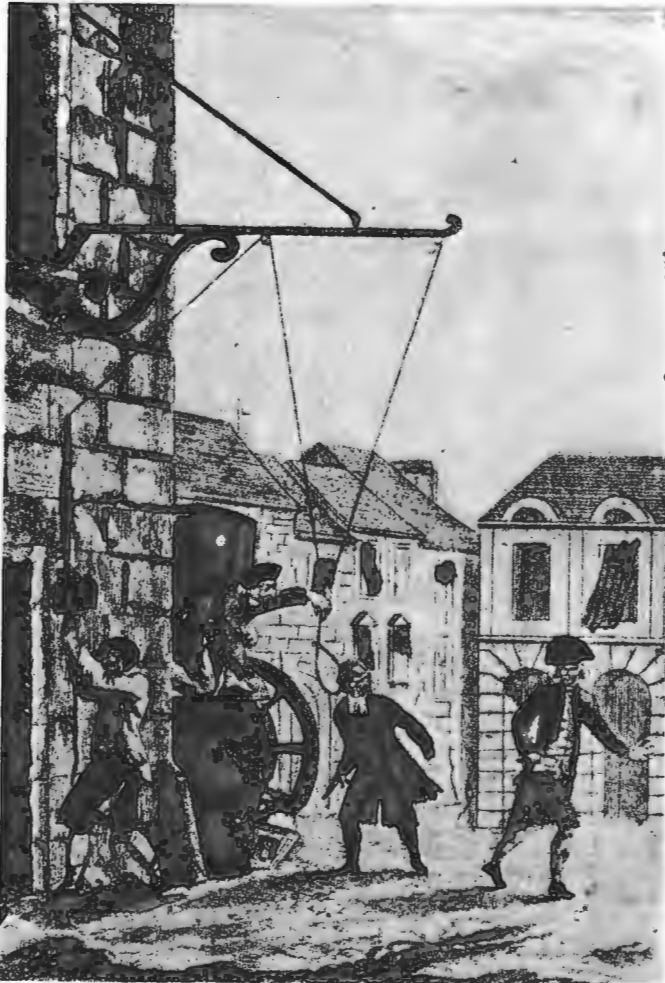

Рис. 13.

дворянина и духовное лицо, которые какъ бы собираются помочь третьему сословію нести бремя государственныхъ налоговъ, символизированныхъ въ видѣ шара, на которомъ изображены стилизованная лилія королевскаго герба. Раньше аналогичной картинкой подчеркивалось, что платить налоги только третье сословіе. Медовый мѣсяцъ революціи отразился на цѣломъ рядѣ рисунковъ на тему примиренія или солидарности сословія. О содержаніи многихъ можно судить только по тому, что подъ ними подписывалось, но были и сами по себѣ очень краснорѣчивые рисунки, когда, напримѣръ, три головы покрывала одна и та же шапка, или когда за однимъ и тѣмъ же дѣломъ изображались представители трехъ сословія (рис. 9), или же послѣдніе оказы-

*) См. рис. на стр. LV моей „Великой французской революціи“. (Приложеніе къ „Нивъ“ с. г.).

**) Что я такое? О брошюры Сьейеса см. стр. 106 моей „Великой французской революціи“.

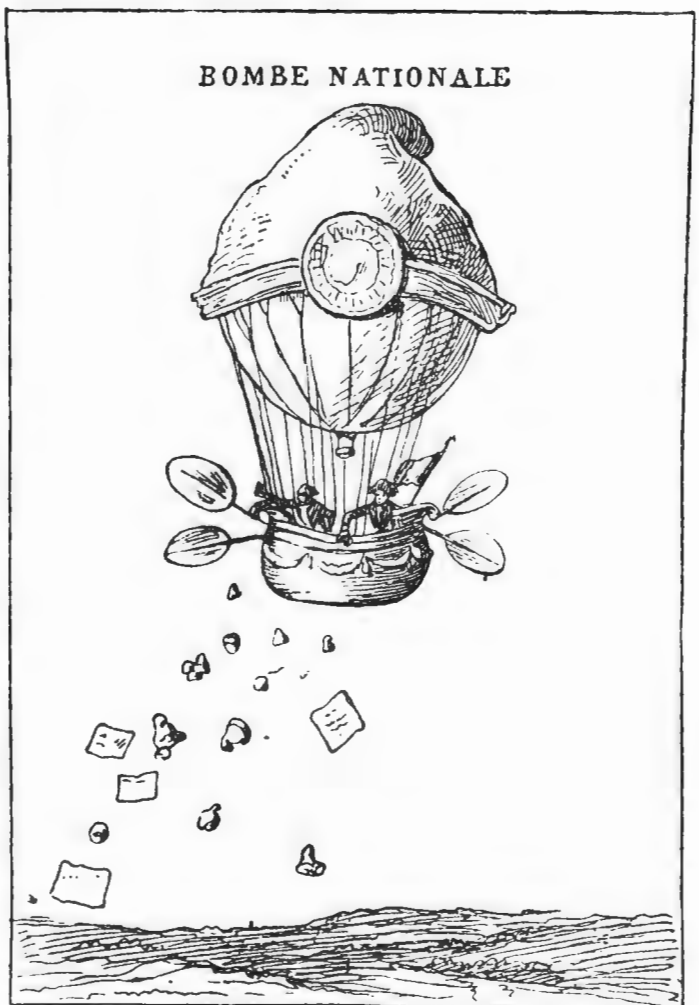

Рис. 14.

Въ карикатурахъ на духовенство сначала большею частью воспроизводились очень старыя насмѣшки, мотивы народного юмора и литературной сатиры: монахъ возвращается въ свою обитель послѣ сбора подаяній съ женщиной въ охапкѣ соломы, которую онъ несетъ съ собою; духовные отцы съ китовымъ чревомъ и жаждой Бахуса угощаются всякими яствами и питиями и т. п.; не новымъ сюжетомъ было и выжиманіе ихъ нѣхъ жира, приуроченное къ секуляризациі имуществъ духовенства (рис. 12). Но во всемъ этомъ

Рис. 15

клоненіемъ передъ гильотиной, нужно обращаться не къ французскимъ, а къ иностраннымъ карикатурамъ того времени, главнымъ образомъ, къ английскимъ и нѣмецкимъ *).

На тему новой конституціи также было не мало рисунковъ. На одномъ изъ нихъ (рис. 15), какъ это тутъ же пояснено надписью, „Неккеръ даетъ человѣку изъ третьяго сословія снять мѣрку для новаго одѣянія Франціи“. Было время, когда въ высшей степени была популярна конституціонная монархія. На одной большой картинѣ была воспроизведена

J'ai écarté les Cœurs,
il a les Piques
Je suis Capot

Рис. 16.

Рис. 17.

было сначала больше простой насмѣшки, нежели явной враждебности, которая проявилась въ многочисленныхъ карикатурахъ, вызванныхъ отказомъ большей части духовенства принести конституціонную присягу, и поддержкою, какую неприяжные священники нашли въ папѣ. Въ этой серіи рисунковъ уже были прямыя угрозы, которыя, къ сожалѣнію, перешли потомъ изъ картинокъ въ самую жизнь: въ нихъ духовенство обвинялось въ возбужденіи гражданской войны, и одною изъ нихъ темъ было изображеніе способовъ заставить непокорныхъ принести установленную присягу. Новѣйшія иллюстрированные изданія часто воспроизводятъ такой рисунокъ (рис. 13): аббатъ съ завязанными глазами натывается на своемъ пути на веревочную петлю, спускающуюся съ горизонтальной поддержки уличнаго фонаря. Для объясненія этого рисунка стоитъ только вспомнить столь часто раздававшійся во время революціи страшный крикъ: „на фонарь!“ **) На контръ-революціонныхъ (между прочимъ, и иностранныхъ) карикатурахъ вражда крайнихъ революціонеровъ къ духовенству и къ самой церкви нашла очень яркія изображенія въ рисункахъ, съ цѣлью внушать отвращеніе къ грубости и дикости, проявлявшимся въ этой борьбѣ съ католическою церковью. Чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какія чувствавывозывалъ къ себѣ терроръ у людей, не бывшихъ зараженными пре

евангельская нагорная проповѣдь, при чемъ Спасителю влагались въ уста такія слова: „возлюбите короля, какъ собственное свое сердце, и чтите decretы мудрецовъ, которыхъ онъ собралъ ради вашего счастья“.

Но скоро пачались политическія тревня, своего рода тяжба монархія и демократіи. Вотъ рисунокъ (рис. 16), на которомъ Людовикъ XVI представленъ играющимъ въ карты съ народомъ въ видѣ простолюдина. Внизу написано: „я емъ черви, а у него пики; мнѣ капуть“ **), такъ что Капетъ превратился въ капуть. Еще позднѣе на одномъ рисункѣ (рис. 17) Людовика XVI въ коронѣ и порфирѣ выпираетъ съ его мѣста республика во фригійскомъ колпакѣ, а объясненіе находится въ стоящихъ внизу словахъ, которыя можно передать по-русски такъ: король какъ бы гово-

Рис. 19.

Рис. 18.

*) „Великая французская революція“, стр. 363.

*) Известныя английскія карикатуры Джилльрея: „Вечерняя трагедія въ санкютогской семьѣ послѣ дневной работы“, изображенная, какъ пиришество каннибаловъ, и „Прощаніе съ вѣрой, правдой, законностью и другими иллюзіями непросвѣщенныхъ умовъ“, гдѣ бичуется французское „безбожіе“.

**) Собственно: je suis capot, и не изъять ни одной взятки. Для сохраненія чисты словъ мы нѣсколько измѣнили фразу

речь, что „не выйдет“, а республика возражает, что „выйдет“. Напомним, что это „выйдет“ или „пойдет“ (са іга) дало им одной революционной пбсеиі съ такимъ припѣвомъ**).

Карикатурныхъ изображеній Людовика XVI было великое множество, при чемъ на первыхъ порахъ были въ ходу еще медали и гравюры въ честь „короля-освободителя“. Сначала болѣе добродушно, чѣмъ зло, подшучивали надъ его страстью хорошо покушать и изображали его въ видѣ знаменитаго своимъ обжорствомъ Гаргантюа изъ сатирическаго романа Рабле, но потомъ, послѣ попытки бѣгства въ 1791 г., рисунки стали дѣлаться одинокорбительнѣе другого, когда и самъ король и члены его семьи изображались уже въ видѣ разныхъ животныхъ (рис. 19). Даже послѣ казни его не оставляли въ покоѣ и продолжали изображать въ томъ же родѣ. Въ наиболѣе грубыхъ картинкахъ фигурировала и отрубленная голова Людовика XVI. Пожалуй, еще болышая ненависть проявлялась къ Маріи-Антуанеттѣ, которая являлась на рисункахъ того времени въ образахъ тигрицы, волчицы, пантеры (рис. 18). На одномъ рисункѣ мы видимъ королеву въ роли поджигательницы Национальнаго Собранія**).

Иначе изображался Людовикъ XVI на роляническихъ картинкахъ. Даже еще при его жизни былъ сдѣланъ рисунокъ, подъ названіемъ „Новая Голгова“, на которомъ король былъ представленъ распятымъ, а рядомъ съ нимъ Робеспьеръ, верхомъ на конституціи, подносящій ему „губку, напитанную желчью царубійственныхъ націй“. Нѣкоторые рисунки, вызванные казнью Людовика XVI, были какъ бы своего рода иконографическою цолемикою. Если якобинцы пустили въ ходъ „пріемъ, оказанный Людовичку Капету въ аду большимъ числомъ бывшихъ коронованныхъ разбойниковъ“, то ролялисты отвѣтили на это „пріемомъ, встреченнымъ Людовикомъ XVI въ Елисейскихъ поляхъ со стороны Религин и Милосердія“.

Война съ Австріей и Пруссіей, начавшаяся въ 1792 году, конечно, давала обильную пищу для рисовальщиковъ. Въ этой

* „Великая французская революція“, стр. 379.

** См. тамъ же, рисунокъ ил. стр. LVII

Рис. 20.

войнѣ французы занимались революціонной пропагандой въ сосѣднихъ странахъ, что было, напримѣръ, аллегорически представлено въ видѣ аэростата, съ котораго разбрасывались прокламаціи, кокарды, фригійскіе колпаки (рис. 14). Нѣтъ надобности говорить, что австрійцевъ, пруссаковъ, англичанъ французскіе карикатуристы представляли всегда въ смѣшномъ и позорномъ видѣ (рис. 20). Иностранные карикатуристы отличались французамъ тсю же монетою, въ особенности изображая ихъ революцію въ самомъ отвратительномъ и ужасномъ видѣ, ея дѣятелей въ видѣ страшныхъ чудовищъ или смѣхотворныхъ уродовъ. Со времени итальянскихъ походовъ генерала Бонапарта къ члелу виѣшнихъ враговъ, на которыхъ нападала французская карикатура, прибавился еще и папа. Франція на этихъ картинкахъ фигурировала обыкновенно въ образѣ пѣтуха, а папа—въ видѣ кошки или лисицы. Объ одной такой карикатурѣ рѣчь будетъ еще впереди, но въ большинствѣ случаевъ на этихъ рисункахъ Французская республика такъ или иначе наказываетъ враждебнаго звѣрька, напримѣръ, отрубая у лисицы ея пышный хвостъ.

Въ общемъ, карикатуристы эпохи останавливались сравнительно рѣдко на отдѣльныхъ лицахъ или на общихъ типахъ. Если въ началѣ революціи были очень часты карикатуры на главныхъ ораторовъ третьяго сословія, въ частности на Мирабо и на Спейеса, а изъ ихъ противниковъ на аббата Мори, то потомъ какъ-то охота изображать отдѣльныхъ лицъ ослабѣла. На Мирабо нападали и справа и слѣва. Ролялисты охотно представляли его въ видѣ разъяреннаго быка (какъ одного изъ братьевъ Ламетовъ въ видѣ бульдога, Байльи въ видѣ пѣтуха, и т. п.). Когда, послѣ взятія народомъ 10-го августа 1792 года Тюильрійскаго дворца, нашли въ немъ тайной шкапъ, въ которомъ Людовикъ XVI хранилъ секретные документы, и обнаружили при этомъ тайныя сношенія Мирабо съ дворомъ, это дало поводъ нарисовать картинку (рис. 21), на которой мы видимъ принципіальнѣе въ образѣ скелета съ головою Мирабо, выходящее изъ только-что открытаго шкапа. У знаменитаго трибуна была младшій братъ, виконтъ, тоже членъ Учредительнаго Собранія, но крайній реакціонеръ, проявившій необычайную несдержанность въ своихъ выступленіяхъ и кончившій тѣмъ, что послѣдовалъ примѣру первыхъ эмигрантовъ. Его необычайная полнота при маломъ ростѣ и страсть выпить дали поводъ прозвать его Мирабо-Бочка (Mirabeau-Tonneau) и сдѣлали изъ него мишень для эпиграммъ, сатирическихъ куплетовъ и карикатуръ (рис. 25).

На общіе типы французская карикатура временъ революціи была довольно скупа. Было только ограниченное число такихъ олице-

Рис. 21.

Рис. 22.

Рис. 23.

творней свирѣпаго республиканизма, какъ „Гроньяръ, по прозванію кровавый генераль якобинцевъ“, „Бризь-Феръ, полковникъ кордельеровъ“ и др. Это были, разумѣется, фигуры, созданныя контръ-революціонерами, изъ круговъ которыхъ вышли и двѣ картинки, изображающія председателя революціоннаго комитета передъ снятіемъ печати, которая была наложена на какое-то помѣщеніе, и послѣ этого снятія: на одной картинкѣ герой ея, членъ революціоннаго комитета, идетъ снимать печати съ какого-то помѣщенія, а на другой онъ уже оттуда уходитъ, нагруженный слововымъ серебромъ и посудой. Конечно, такія карикатуры сдѣлались возможными только со второй половины 1794 года, когда революція пошла на убыль. Одна изъ любопытныхъ чертъ карикатуры во время термидоріанской реакціи, это—возвращеніе къ болѣе раннимъ мотивамъ, но съ перемѣною ролей по латинской пословицѣ: „hodie mihi, cras tibi“ (сегодня мнѣ, а завтра тебѣ). Какъ прежде доставалось изъ картинокъ аристократамъ отъ санкюлотовъ, такъ теперь, наоборотъ, мюскадинъ *) „задаетъ“ якобинцу.

III. Карикатуры эпохи Директоріи.

Эпохѣ террора, т. е., главнымъ образомъ, 1793 году было особнне не до карикатуръ, но во время Директоріи онѣ опять пошли въ ходъ. Хотя въ это время продолжали еще вести борьбу съ розлизмомъ, изображая королевскую власть въ видѣ поросенка, покрытаго геральдическими лиліями, украшеннаго орденомъ Людовика Святого и топчущаго права человѣка и гражданина, но и само республиканское правительство,—пять директоровъ,—было постоянно мишенью для насмѣшекъ. Кое-что въ этихъ насмѣшкахъ было основано на игрѣ словъ, благодаря, напримѣръ, тому, что слово, обозначающее пять (cinq), произносится почти такъ же, какъ обозначающее святой (saint), и т. п. Хотя составъ этого правительства мѣнялся, оно за четыре года своего существованія держалось одной и той же политики—колебаній вправо, въ сторону реакціи, и влево, въ смыслѣ возвращенія къ террору **). Эту особенность политики Директоріи охотно отмѣчали карикатуристы эпохи.

Рисунокъ, названный „между двумя стульями задомъ на землѣ“ (рис. 26), изображаетъ Директорію, унавшую между королевскимъ

трономъ и курульнымъ кресломъ *) вслѣдствіе потери равновѣсія доскою, на которой фигура качалась, а впереди раскрывается пропасть. Нѣкоторые толкуютъ рисунокъ въ смыслѣ карикатурнаго изображенія Барраса. На одномъ эстампѣ, хранящемся въ музеѣ Карнавале, Директорія представлена въ видѣ пяти мартышекъ, а подпись подъ нею такая: „большинство и меньшинство Директоріи“ (рис. 23). Очень можетъ быть, картинка относится къ тому времени, когда въ составъ Директоріи былъ свой „трумвиратъ“ **).

Были въ эпоху Директоріи и карикатуры на тогдашніе политическіе клубы. Напримѣръ (рис. 24), консервативный и католическій клубъ Клиши былъ представленъ въ видѣ собранія, участники котораго сидятъ въ церковныхъ колоколахъ, тогда какъ ораторъ занимаетъ мѣсто въ особенно большомъ колоколѣ, поддерживаемомъ фанатизмомъ, и имѣетъ надъ собою еще колоколь, который „звонилъ въ Вареломеевскую ночь“. При этомъ у каждаго участника въ одной рукѣ колокольное било, чтобы ударить въ набатъ, въ другой—кинжалъ. Подпись подъ картин-

*) Официальное сѣдлаще республиканскихъ сановниковъ деревяго Рима.
**) „Великая французская революція“, стр. 380—381. j

Рис. 24.

AVEC AUTANT DE MATIÈRE
ON PEUT FAIRE DES DÉJEUNERS

Рис. 25.

*) „Великая французская революція“, стр. 338.

**) Тамъ же, стр. 375.

Рис. 26.

кой такая: „отдайте намъ наши колокола, а не то...“ Книжки досказываютъ остальное. Смыслъ понятенъ всемъ знакомымъ съ эпохой *). Вопросъ о колоколахъ былъ вообще предметомъ многихъ сатирическихъ картинокъ.

Или вотъ рисунокъ (рис. 22), изображающій республиканскій клубъ въ отелѣ Сальмъ: это — собраніе республиканцевъ, занятыхъ оттачиваніемъ своихъ книжаловъ. Центральною фигурою является предсѣдатель, получающій мѣшокъ съ деньгами. Шляпа дающаго, украшенная перьями, указываетъ на происхождение этихъ денегъ: это было украшение головного убора директоровъ, какъ то можно видѣть и на другихъ карикатурахъ, изображающихъ тогдашнихъ правителей Франціи.

Надежды французскихъ католиковъ на возможность примиренія съ папою и временное осуществленіе этой надежды Бонапартомъ въ 1797 г. ***) вызвали цѣлый рядъ карикатуръ, изъ которыхъ отмѣтимъ одну подъ заглавіемъ „Мирный договоръ съ папою“ (рис. 27): Франція, олицетворяемая пѣтухомъ (gallus — пѣтухъ и галль), подноситъ коту, увѣнчанному папской тиарой, пучокъ розогъ, говоря, какъ это написано сверху: „поцѣлуйте-ка это, папаша, и спрячьте свои коготки“ (или буквально: сдѣлайте бархатныя лапки).

Осмѣивая роялистовъ и папистовъ, рисовальщики карикатуръ вмѣстѣ съ тѣмъ безпощадно нападали на тогдашнія экстравагантныя моды и на манеры франтовъ и франтихъ, обозначавшихся названіемъ „невѣроятныхъ“, „чудесницъ“ и т. п. ***).

*) „Великая французская революція“, стр. 283, 313, 363 и 380.

**) Тамъ же, стр. 408.

***) Тамъ же, стр. 338 и 381.

Успѣхи внѣшней политики Франціи при Директоріи давали также большой матеріалъ для сатирическихъ рисунковъ. Напримеръ, одинъ подъ названіемъ „Республиканскіе грибы“ изображаетъ ужасъ прусскаго, русскаго и австрійскаго государей передъ появленіемъ столькихъ республикъ: Французской, Римской, Батавской и т. д. Прусскій король восклицаетъ: „Боже мой! какъ они вырастаютъ! Даже страшно дѣлается“, на что второй говоритъ: „хорошо было бы ихъ покушать“. „Что вы, — возражаетъ третій, — развѣ ихъ можно ѣсть? Вѣдь они ядовитые“ *).

Съ паденіемъ Директоріи пала во Франціи и политическая карикатура. Рисунки, неблагоприятные для перваго консула, были чѣмъ-то очень рѣдкимъ и мало оригинальнымъ, за исключеніемъ одной картинки 1802 года, на которой будущій императоръ былъ представленъ бросающимъ пылъ въ глаза собраннаго имъ народа. Впрочемъ, уже въ эпоху Директоріи французская карикатура начала отказываться отъ своего прежняго значенія, какъ агрессивнаго орудія борьбы, и сосредоточивать свое вниманіе на смѣшной сторонѣ частной и общественной жизни, на смѣшной сторонѣ нравовъ и пороковъ, человѣческихъ типовъ, обычаевъ, модъ и т. п. Послѣдніе годы XVIII вѣка, послѣ эпохи террора, какъ извѣстно, были временемъ погони за легкой наживой и за удовольствіями, временемъ очень нестрогихъ нравовъ, мелкихъ интригъ и экстравагантныхъ обычаевъ и модъ, но и карикатура этой эпохи нерѣдко принимала характеръ простаго зубоскальства, хотя бы и при помощи остроумнаго шаржа. То, что въ этомъ отношеніи началось для карикатуры въ 1795 г., продолжалось затѣмъ и при консульствѣ, и при имперіи, и при возстановленныхъ Бурбонахъ, хотя и былъ моментъ, когда политическая карикатура снова начинала возрождаться въ 1814—1815 годахъ). Новый расцвѣтъ политической карикатуры начался только послѣ іюльской революціи 1830 года.

Рис. 27.

*) A. Blum, „La caricature en France sous la Directoire“ (a Révolution française“, 1917, №№ 85—86).

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условіямъ разорочки, подписная плата за „Ниву“ 1918 года должна быть внесена **полностью къ 1-му августа сего года**. Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ поэтому гг. подписчиковъ, не внесшихъ сполна подписныхъ денегъ, озаботиться **немедленною присылкою** остальной причитающейся съ нихъ суммы, **во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала**. Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копию печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ** и **непремѣнно указывать**, что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ**.

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **1 рубль** и **печатный адресъ**.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Священная роща. Разсказъ празднаго чело- вѣка. Льва Пасынова. — Сколько нужно земли, чтобы разбогатѣть? Очеркъ П. А. Антонова. — Эмблемы, аллегоріи и карикатуры вели- кой французской революціи. Очеркъ профессора Н. И. Карѣева. — Заявленіе. РИСУНКИ: Вторая выставка Общества Кумиди 1918 г. Работы Л. Дитриха,

М. Бобышева, Б. Микѣшина. — Двадцать семь рисунковъ къ очерку профессора Н. И. Карѣева „Эмблемы, аллегоріи и карикатуры великой французской революціи“. Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Герцена“ книга 13.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

1918 г.

№ 33.

XLIX г.

издания.

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРЬЕВА („Великая Французская Революція“).
Выданъ 17 августа 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—36 р., на ½ г.—18 р., на ¼ г.—9 р. Цѣна этого № (безъ прилож.)—49 к., съ перес. 50 к.

Главная Контора и Редакція: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1918 г.

Съ приложеніемъ 52 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, въ которыя войдетъ:

А. И. ГЕРЦЕНЪ (первая серія книгъ)

В. КОРОЛЕНКО (запрещенныя военною цензурою сочиненія)

М. ГОРЬКІЙ (вторая серія книгъ)

П. БЕРАНЖЕ (полное собраніе ПЪСЕНЪ)

Проф. Н. КАРЬЕВЪ. (Исторія Французской Революціи съ иллюстраціями).

Въ поискахъ сокола.

Вторая выставка Общества Куинджи 1918 г.
(Собственность Ю. М. Варягина).

М. Авилловъ.

Ангель Смерти.

Памяти друга.

Рассказ В. Свѣтлова.

Шумъ битвы отходилъ.

Пронесся, какъ ураганъ, надъ полемъ смерти и постепенно замирая вдали.

Крики „ура“, рвущіеся изъ тысячи глотокъ, лязгъ и звонъ холоднаго оружія, жужжаніе ружейныхъ пуль, грохотъ разрывовъ, тяжелое дыханіе бѣгущихъ воиновъ, конскій топотъ, негодующій крикъ, крѣпкое бранное слово, жалобный стонъ раненаго, слабый вздохъ умирающаго, громъ ручныхъ гранатъ, нервная команда, трескотня пулеметовъ, полетъ шрапнели или гранаты—вотъ та полифоническая симфонія боя, которая такъ знакома, такъ близка и такъ обыденна для уха каждаго изъ его участниковъ.

Неудержимый стихійный порывъ несетъ эту толпу людей куда-то вдалѣ, къ какой-то невѣдомой цѣли, къ какому-то смутно постигаемому достиженію. Уноситъ, какъ неудержимый вихрь... Думаетъ ли въ это время человѣкъ о чемъ-нибудь? Вспоминаетъ ли прошлое, надѣется ли на будущее или творитъ молитву въ этотъ моментъ озвѣрѣнія и одичанія? И что уноситъ его впередъ, что толкаетъ его къ достиженію? Что устремляетъ его туда, гдѣ ждетъ его Смерть?

Трудно отвѣтить на это. Если сказать „храбрость“, то это ровно ничего не объясняетъ. Это слово придуманное, и придумано оно для того, чтобы какимъ-то ничемъ не говорящимъ знакомъ или условнымъ выраженіемъ „когда“ вкратцѣ опредѣлить ту сложную психологическую ткань души, которая заставляетъ человѣка стремиться отъ Жизни къ Смерти. Но изъ какого матеріала соткана эта невидимая, но прекрасная ткань, врядъ ли кто знаетъ. Можетъ-быть, даже изъ трусости, изъ сознанія неизбѣжности, изъ мучительнаго желанія поскорѣ прійти къ опредѣленности положенія. А можетъ-быть, изъ высокихъ порывовъ любви къ ближнему и къ родинѣ, изъ сознанія долга, изъ самолюбія или актерскаго стремленія доиграть съ честью взятую на себя роль до конца.

Никто, я думаю, опредѣленно не скажетъ, въ чемъ тутъ дѣло, и гдѣ главное, явное и повелительное, и гдѣ второстепенное, тайное и добровольное.

Поручикъ Михайловъ бѣжалъ впередъ другихъ съ револьверомъ въ рукахъ. Сердце билось такъ, что казалось, будто хочешь освободиться изъ неволи. Темные круги вертѣлись, какъ колеса, передъ глазами. Мучительны были это сердцебіеніе и недостатокъ дыханія. Вотъ-вотъ что-то лопнетъ, и онъ свалится въ безславной агоніи, не будучи раненъ, ничего не сдѣлавъ опредѣленнаго. О, только не это! Хотя бы поскорѣ пуля ударила въ какую-нибудь часть тѣла... Конечно, лучше бы въ руку или въ ногу, а не въ животъ и не въ грудь. Или въ голову, по крайней мѣрѣ, сразу легъ бы на мѣстѣ, и все навсегда было бы кончено. Вотъ только Таня... да! Ну ничего, развѣ не позаботятся? Да маленькая Ира... И почему пули легаютъ, какъ мухи, а не задрѣваютъ? Одна какъ-то чиркнула даже по краю уха, а можетъ-быть, это только показалось? Летать, жужжать, а не трогаютъ. Вотъ и снарядъ разорвался въ нѣсколькихъ шагахъ, а осколки отнесло куда-то въ сторону. Ну ничего, не задрѣло. Надо бѣжать, вотъ что ужасно. Ноги-то несутъ, но сердце, сердце не выдерживаетъ.

Онъ несся впередъ. И рядомъ съ нимъ бѣжали и впередъ бѣжали и назадъ бѣжали; и его опережали, и никто, рѣшительно никто, не обращалъ на него никакого вниманія, какъ будто его не было или это была его тѣнь. И онъ никого не узнавалъ. Онъ что-то кричалъ: „Ура! Впередъ! Ребята, впередъ!“ и думалъ, что вотъ въ этомъ крикѣ, въ этомъ порывѣ и есть то главное, къ чему онъ призванъ, и о чемъ пишутъ въ наградныхъ репортажахъ: „личнымъ примѣромъ мужества увлекъ за собою роту“... Но рѣшительно никто не обращалъ вниманія на его крики, потому что всѣ, кто его обгонялъ, и сами что-то выкрикивали, держа ружья наперевѣсь, и если бы онъ упалъ, то навѣрное никто не обратилъ бы вниманія на это черезчуръ обычное явленіе и продолжалъ бы въ неудержимомъ и непонятномъ порывѣ бѣжать и бѣжать, перепрыгивая черезъ его тѣло.

Вокругъ него падали люди. Бѣжить—и вдругъ шлепнется оземь и замретъ. Онъ оставался и къ этому глубоко равнодушнымъ. Куда-то надо было спѣшить, а если не успѣть куда-то, то будетъ плохо. А что какой-то рядовой вдругъ свалился около него и замеръ въ безобразно скрюченной, точно нарочно придуманной, позѣ, такъ вѣдь такихъ очень много, и все кочковатое поле усеяно такими фигурами.

Неудержимо хотѣлось выстрѣлить изъ револьвера. Зачѣмъ? Неприятель еще далеко—чуть виднѣется полуразрушенная артиллерій проволока, а за нею чернѣютъ окопы, прикрытые по наружному гребню соломой, — невинная уловка для маскировки ихъ. А выстрѣлить хочется. Странно же, если бы вдругъ, послѣ атаки револьверъ оказался не разряженнымъ. И потомъ этотъ вопросъ наивныхъ тыловыхъ людей: „вы сколько ихъ убили?“ Но рѣшительно нѣтъ повода стрѣлять. Еще убьешь

своего, бѣгущаго впередъ. Вотъ, если бы Таня увидѣла его, какъ-нибудь со стороны, будучи сама въ полной безопасности, бѣгущимъ по полю въ атаку! Какимъ бы героемъ онъ сталъ въ ея глазахъ. Но онъ два года на войнѣ, и даже не раненъ. Чортъ знаетъ что, какое же это геройство? Тыловые люди будутъ спрашивать: „вы участвовали въ бояхъ? И ни разу не были ранены?“ Имъ это непонятно. Но развѣ можно представить себѣ такой случай, чтобы Таня могла присутствовать при „этомъ“ въ качествѣ зрительницы? Какой вздоръ лѣзетъ въ голову! Какъ же это можно себѣ представить? Разсказать потомъ? Это можно. Но, пробуя мысленно разсказъ, какъ-то ничего не выходило. Все ярко, вздуто, напыщенно и страшно, а на самомъ дѣлѣ все такъ обыкновенно и просто, и ordinarily. Нѣтъ ужъ, лучше обойтись безъ всякихъ героическихъ разсказовъ, чтобы тыловые люди не сказали: „вретъ все, да и вретъ-то нескладно“. Получить бы бѣленькій крестикъ—онъ самъ за себя бы и говорилъ. Впрочемъ, тыловыхъ людей и крестикомъ не всегда убѣдишь. Вотъ деревянному кресту они охотно повѣрятъ—тутъ ужъ сомнѣваться не приходится, и скептицизмъ людей, работающихъ на „самооборону“, улетучивается.

А сердце... сердце...

Что-то стукнуло, точно палкой, по бедру. Что-то вдругъ вылилось откуда-то. Липкой горячей струйкой потекло по бедру, по колену, по икрѣ, добѣжало до большого пальца лѣвой ноги. Защекотало. Ужасно неприятно... И еще и еще... Все течетъ и течетъ. И бедро сдѣлалось тяжелое, тяжелое, точно не свое, а какой-то чуждый придатокъ. И горячее, горячее.

Ноги погнулись. Какой-то странный взмахъ руками въ воздухѣ. Револьверъ выпалъ изъ судорожно сжатыхъ пальцевъ, повисъ на шнурѣ, больно ударилъ по здоровой ногѣ.

Что такое? Развѣ онъ упалъ? Что-то огромное и темное пронеслось надъ нимъ. Люди бѣгутъ черезъ него, что ли? И еще и еще... Кто-то отпихнулъ его ногой.

Свѣтъ словно меркнетъ. Голова кружится. Сердце бьется, но спокойнѣе... Проволока идетъ къверху, окопы поднимаются и описываютъ кругъ надъ головой, а земля, напротивъ, изъ-подъ него уходитъ куда-то, и онъ проваливается въ пропасть. Тошнитъ. Безумно хочется пить. Мучительная, какая-то безпощадная, смертельная жажда. Бедро становится чуждымъ. Въ глазахъ темные круги, потомъ зеленые круги, потомъ красныя и желтыя прыгающія пятна. Окопы и проволока опять на мѣстѣ, и опять медленно плывутъ они куда-то вверхъ, и опять земля уходитъ внизъ, и опять тошнитъ и сердце замираетъ, и уже вся нога мокрая, что очень, очень неприятно. И съ боковъ, къ ребрамъ подкрадывается холодокъ, какіе-то ползающіе холодные муравьи, и вотъ уже лихорадочная дрожь охватываетъ его, несмотря на то, что по ногѣ бѣгутъ горячія струи. Пить, пить, пить! Единственная мечта, единое желаніе. И ничего, ничего больше не нужно, какъ только бы фляжку.

Да вѣдь она гдѣ-то есть на немъ, сбоку. Съ котораго боку? Все вертится вокругъ него, гдѣ же тутъ найти? И какъ найти? Руки, какъ плети. Не поднимаются. Бедро становится еще тяжелѣе и уже какъ-то давить на все тѣло, на ноги, на грудь, на голову, на самый мозгъ, и муравьи бѣгаютъ, и холоды охватываютъ его, а можетъ-быть жаръ... потому что пить хочется.

И несутся люди надъ нимъ, какъ тучи въ осеннюю непогоду.

Онъ что-то кричитъ, но самъ не слышитъ никакого звука.

Какъ странно! Вѣдь онъ же знаетъ, что кричитъ. Отчего же его никто не слышитъ, да и онъ самъ себя не слышитъ.

Ахъ, прокляты! Окопы опять развертѣлись. Отъ ихъ вращенія усиливается, кажется, жажда. Теперь замелькали темно-лиловые съ голубыми огоньки на бездонно-черномъ фонѣ. Да гдѣ же это? Въ природѣ или въ сознаніи?

Да что же это, смерть, что ли? Вздоръ какой! Онъ не хочетъ умирать, онъ не можетъ, не долженъ умереть. Да и почему умирать? Вѣдь нигдѣ ничего не болитъ. Вотъ нога что-то становится тяжелой, какъ бедро; уже ея не приподнять, чтобы измѣнить направленіе текущей жидкости. Ну что жъ, пусть мокнетъ. И вообще пусть все! Кто-то ударилъ его палкой по бедру, и вотъ онъ ничего уже не въ состояніи сдѣлать. Ничего. Какъ странно и безконечно глупо лежать вотъ такъ, какимъ-то чурбаномъ. Какая же это смерть? Вѣдь онъ еще въ сознаніи. Потому что попрежнему кружатся окопы и проволока, и попрежнему надъ нимъ, какъ ураганъ, пронесится что-то огромное и тяжелое, иногда задрѣвающее его. И онъ это видитъ, и чувствуетъ, и сознаетъ и вотъ же разсуждаетъ объ этомъ. Да онъ ли разсуждаетъ? Кто-то за него, и гдѣ-то далеко-далеко внѣ его. Нѣтъ это не палкой его ударило... а навѣрное пулей. А что онъ лежитъ на сырой землѣ, это нехорошо. Когда его подымутъ, — развѣ можно въ этомъ сомнѣваться? — когда его подымутъ и отнесутъ на перевязочный передовой пунктъ, то у него сдѣлается столбнякъ. Тамъ въ тылу, гдѣ-нибудь далеко, онъ будетъ на чистой постели перегибаться мостомъ отъ проклятаго столбняка. Видѣлъ онъ много такихъ. Но развѣ ему добраться до чистой

постели? Можетъ-быть, вотъ тутъ, сейчасъ, на этомъ грязномъ и грозномъ полѣ онъ и умретъ передъ этими окопами и проволоками? Такъ что жъ? Не все равно? Но лишь бы дали пить, въ послѣдній разъ передъ смертью ощутить это блаженство...

Неизреченный свѣтъ. Вдругъ разверзлось небо. Голубоватое сіяніе. Свѣтло, какъ днемъ, и онъ купается въ этомъ свѣтѣ, и свѣтъ рѣжетъ ему глаза, и въ беспокойствѣ онъ мечется, и некуда дѣваться и некуда спрятаться отъ этого свѣта. Онъ пріятель и назойливъ. Это путь радости въ тотъ край, откуда нѣтъ возврата? Неужели уходящимъ въ тотъ край весь путь будетъ освѣщаться такимъ чудеснымъ сіяніемъ?

Меркнетъ свѣтъ, простоявъ надъ полемъ нѣкоторое время. Онъ слабѣетъ; и онъ потушенъ, и этотъ свѣтъ, и скоро на полѣ становится въ десять разъ темнѣе и въ десять разъ жутче.

Это просто неприятельская ракета.

Да не все ли, наконецъ, равно, что это такое? Вотъ, если бы оторвать ненужную одеревянившую ногу съ очугуненнымъ бедромъ! Онъ поползъ бы тогда на рукахъ и здоровой ногѣ куда-нибудь по полю и, можетъ-быть, доползъ бы до чистой постели...

Далеко отошелъ шумъ боя и затихъ.

Смеркалось. Уже ни окоповъ ни проволочныхъ загражденій не видно. Сѣрѣло, синѣло и чернѣло небо. Подымалась и расплывалась тьма и наполняла собою природу. Почернѣло поле битвы, слилось съ небомъ, и тьма залила это поле, скрывъ въ себя и подъ собою отдѣльныя детали. Бездонною, безстѣнною пропастью казалось все вокругъ. Вдали темное небо вспыхивало изрѣдка зарницами войны—голубоватыми ракетами, и стоялъ тогда свѣтъ надъ тьмою, но не раздвигалъ тьмы, а дѣлалъ ее только еще гуще, еще жутче, вѣвъ предѣловъ этого свѣта.

Изнемогла, казалось, земля отъ этого дня тяжелыхъ оскверненій. Залило кровью ее, кормилицу. И отъ этой густой, липкой, горячей крови оступѣла она, какъ корою растлѣнной покрылась. Группы воинновъ въ скрюченныхъ позахъ, застывшіе въ послѣдней мучительной агоніи, валялись по лицу ея, какъ выброшенные за негодностью осколки человѣчества. Сколько ихъ? Развѣ счесть? Развѣ свѣситъ и вымѣритъ все то горе, которое такъ широко разлилось по челу міру въ эту годину страшныхъ убійствъ?

Темнѣла ночь, и подымались густые туманы. Смокли шумы боя, и наступила тишина. Жуткая, безмолвная тишина. Какъ въ гробу, какъ въ могилѣ. И стонувъ раненыхъ больше не стало слышно. Прикончились они, замолкли навѣки въ этой земной юдоли.

Но гдѣ-то далеко, въ самой глубинѣ сознанія поручика Михайлова ронились образы безъ образовъ и мысли безъ мыслей. Смутныя, оборванные, облачные, какъ эти туманы. Безобразно и бессмысленно цѣплялись они другъ за друга, слабо держась какими-то гранями. точно боясь, что вотъ-вотъ разсыплются и разодураются по полю въ одиночку, какъ испаренія. Живъ онъ или мертвъ? Спитъ онъ или грезитъ? Кончилась ли земная жизнь и началась ли та, другая?

И вотъ туманное облако сгустилось надъ нимъ и вытянулось въ длину. Что-то страшное и жуткое было въ этомъ видѣніи или привидѣніи—никакъ не разберешься, что это такое. Можетъ-быть, Ангелъ Смерти склоняется надъ нимъ, чтобы выслушать его послѣднюю вѣлю или благословить его на новый дальній путь?

И увидѣлъ онъ какъ бы сквозь густую сѣть строгое и блѣдное лицо съ выраженіемъ печали и суровости въ лучезарныхъ глазахъ. И блескъ этихъ глазъ обжигалъ его сознаніе холоднымъ огнемъ.

Страшная, мучительная тоска овладѣла имъ: гораздо болѣе страшная и мучительная, чѣмъ жажда, когда-то мучившая его. А теперь уже нѣтъ этой жажды, и все было бы хорошо, если бы не этотъ холодный блескъ, обжигающій его сознаніе.

Ему захотѣлось крикнуть, но, сдѣлавъ усиліе, онъ вновь понималъ, что ничего изъ этого не выйдетъ. И опять безмолвіе навалилось на него всею своею тяжестью. И темная ночь окружила его всею своею жутью. Какъ придорожная вѣха, маячилъ въ этомъ безмолвіи и въ этой тьмѣ сѣдой призракъ. Изъ усть его шли какія-то нити. Онъ ихъ не видѣлъ, но чувствовалъ. И нити эти вдругъ оборвались, и тогда онъ прозрѣлъ. Клубочками скатывались они по полю, и каждый клубочекъ превратился въ цвѣточекъ, и тысячи тысячъ этихъ цвѣточковъ, алыхъ, какъ маки, покрыли поле. Когда-то онъ видѣлъ такую долину, когда бѣжалъ на позиціи,—долину, всю покрытую сплошь красными маками. Она походила на чудный коверъ. Онъ любовался этой долиной. Ему вспоминалось, что макъ—символъ сна. И онъ прозвалъ эту долину „долиной сновидній“. Вотъ онъ видитъ теперь ее снова. Но тогда она казалась ему причудливымъ и сказочнымъ ковромъ, а вотъ это поле кажется ему страшнымъ и печальнымъ. Цвѣты ли это или ступки крови? Не собралась ли на этомъ полѣ вся кровь, пролитая здѣсь, вся человѣческая кровь, пролитая за родину?

Но отчего вдругъ нарушается безмолвіе этой ночи? Вотъ онъ уже слышитъ какой-то шорохъ: какъ будто ночной вѣтеръ прокрадывается по полю, боясь разбудить воинновъ, навѣки уснувшихъ среди кровавыхъ цвѣтовъ. И цвѣты зашелестѣли, зашуршали, зашептались, а онъ услышалъ ихъ и жадно внималъ имъ, радуясь, что отверзся слухъ его, какъ и очи.

Какъ хорошо, какъ сладко лежать здѣсь, среди этихъ страшныхъ цвѣтовъ, окутаннымъ мягкимъ туманомъ, словно одѣяломъ, и видѣть всю эту странную красоту и слышать эту странную музыку.

На землѣ ли онъ? Или въ далекой таинственной долинѣ сновидній, гдѣ высокой туманный призракъ охраняетъ повелительницу долины, царицу сна и дочь ея Грезу? Вотъ ихъ дворецъ, волшебный дворецъ изъ бѣлаго камня, заросшій густымъ садомъ. Какіхъ цвѣтовъ только здѣсь нѣтъ! И какими благоуханіями они насытили воздухъ. И какъ сладко-сладко спать среди цвѣтовъ, среди благоуханій, среди видній, среди звуковъ.

Какъ сладко спать и грезить!..

Но нѣжный звонъ колокольчиковъ затихаетъ. Сладкая, слегка опьяняющая мелодія обрывается. Что-то гдѣ-то рокошетъ низкими, тяжелыми звуками. И свѣтъ исчезаетъ, будто луна, которой онъ не замѣчалъ раньше, прячется за облака. Вотъ набѣжали тучи, и стало темно... Голубые огни вспыхиваютъ и потухаютъ среди цвѣтовъ. Крѣпчаетъ вѣтеръ. Чудовища безъ образовъ выглядываютъ изъ-за кустовъ—сѣрыя, какъ стражъ-привидѣніе, и машутъ длинными руками и опять дрячутся, точно дразнятъ его. Съ ужаснымъ крикомъ пролетѣли надъ полемъ ночныя птицы, точно испугались чего-то... И вновь вернулись и зловѣще закружились надъ скорченными тѣлами убитыхъ воинновъ.

И вотъ онъ не знаетъ, лежитъ ли онъ въ благоухающемъ саду долины сновидній или на страшномъ полѣ смерти, по которому онъ такъ недавно, задыхаясь, бѣжалъ съ револьверомъ въ рукахъ, бѣжалъ къ какой-то цѣли, неудержимо рвался къ ней, пока не упалъ, какъ скошенный...

Фиолетовый свѣтъ... фиолетовый свѣтъ заливааетъ поле.

И среди этого свѣта онъ видитъ какого-то страннаго и страшнаго старика. Онъ силится вспомнить—и то, что было когда-то тѣмъ, что называлось его сознаніемъ, подсказываетъ ему, что этотъ старикъ былъ недавно сѣрымъ, что родился онъ изъ густоты тумана, подняшагося надъ полемъ угасшей битвы. Это кошмаръ. За нимъ двигаются фантомы, рожденные тѣмъ же туманомъ, и всѣ бѣгутъ къ нему, машутъ на него длинными-длинными руками своихъ хламидъ.

И ему явно слышится, какъ старикъ говоритъ:

— Усыпите его, усыпите его. Онъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать. Онъ сдѣлалъ все, что долженъ былъ сдѣлать. Его жизнь понадобилась родинѣ, и онъ отдалъ ее просто, спокойно. И теперь ему нужно умереть такъ же просто и спокойно, какъ умираютъ русскіе люди... Почему онъ не хочетъ уснуть? Ему здѣсь больше нечего дѣлать. Почему жизнь все еще не уходитъ изъ этого тѣла? Зачѣмъ она такъ цѣпко держится за эту тюрьму и не хочетъ высвободиться изъ нея? Усыпите его! Усыпите его!

И фантомы, рожденные туманомъ, отвѣтили старику:

— Мы не можемъ усыпить его. Мы не въ силахъ усыпить его. Жизнь его сильнѣе сна, который мы можемъ дать. Мы духи тяжелыхъ сновъ. Позови безпробудный сонъ, и онъ дастъ ему вѣчное успокоеніе.

— Хорошо,—отвѣтилъ старикъ.—Приведите же его.

Фантомы исчезли какими-то кольцами тумана. Потомъ они явились вновь.

Среди нихъ кто-то черный и великій, безликій и все-таки страшный шелъ прямо къ нему. Руки его были сложены на груди крестообразно, а на спинѣ его были черныя крылья, длинныя и блестящія, до самой земли.

И послышался умирающему въ шагахъ Ангела Смерти мѣрный, протяжный и гулкій колокольный звонъ.

И подошелъ къ нему Ангелъ Смерти—Безпробудный Сонъ, и распростеръ надъ нимъ руки въ длинныхъ черныхъ рукавахъ, и ликъ его сталъ вдругъ видимъ. Блеснулъ острый блескъ его черныхъ глазъ на блѣдномъ-блѣдномъ лицѣ.

И повѣло на умирающаго вѣніемъ холода, особаго холода, остраго и рѣзкаго, замогильнаго.

— Усни навѣки! —медленно сказалъ Ангелъ Смерти,—усни безпробуднымъ и бессмертнымъ сномъ. Да не смутятъ тебя большае земныя грезы. Выйди, Жизнь, изъ него! Земля тебя не забудетъ. Твой прахъ будетъ покоиться въ ней и сольется съ ней, и новая жизнь родится изъ него. Ты будешь выше земли и ближе къ той жизни, которая есть настоящая. И ты забудешь о земной жизни, которая есть тѣнь, только тѣнь и призракъ жизни дѣйствительной. Усни же сномъ безпробуднымъ, сномъ безмятежнымъ, сномъ безконечнымъ...

И опять зазвучали колокола.

И почувствовалъ умирающій, какъ бедро перестало тяготить его своей чугушной тяжестью, какъ ему сдѣлалось отъ этого легко и свободно...

Темнѣла ночь передъ зарею. Подымались съ поля туманы, клубились, закружились, унеслись высоко къ поднебесью. Ожгло мертвое поле человѣческими голосами. Санитары ходили съ ручными фонарями отъ одного трупа къ другому и собирали ихъ и укладывали на носилки эти полевые цвѣты смерти.

— Да вѣдь это никакъ поручикъ Михайловъ! —проговорилъ врачъ, наклоняясь надъ трупомъ и направивъ свѣтъ своего фонарика на его лицо.—Точно спитъ! И какъ спокойно...

Священная роца.

Разсказъ празднаго челоѣка.

Льва Пасынкова.

(Окончаніе).

Когда мы догнали наконецъ его, я былъ удивленъ и даже, прямо скажу, подавленъ, я не думалъ, что онъ будетъ... такимъ.

Представьте себѣ пухлаго, опившагося сквернымъ пивомъ, въ которомъ много питательныхъ осадковъ, челоѣчка, на короткихъ, кривоватыхъ ногахъ.

Больше всего меня поразило пенснэ, запотѣвшее отъ ледниковаго могучаго дыханія.

Пенснэ сидѣло на короткой пипочкѣ, добродушномъ носу, съ слегка вывернутыми ноздрями.

Черепашья оправка, шелковая, порванная и въ нѣсколькихъ мѣстахъ небрежно завязанная ленточка.

Широкополая шляпа, къ какимъ отвержены художники и неудачные литераторы.

Русый, кудреватый, сальный волосъ, цвѣтомъ и кудрявиной похожій на волосы, подрисовываемые на круглыхъ головахъ херувимовъ. У него тоже круглая херувимская голова, чувственно выпяченныя губы, русая борода, — щеки побриты, а горло заросло. Видать, самъ бреется и безъ зеркала.

Любопытный его трактирнаго лица костюмъ и рабочій снрядъ.

Сѣрые пуховые штаны, обмотанныя суконной покрывкой изъ солдатскаго шинельнаго сукна, накидка-плащъ, съ застежками въ видѣ головы льва, гарусный долгій шарфъ, прирученной змѣей трижды обвившій съдобное горло, заросшее херувимскими золотенными волосиками.

О, несчастный челоѣкъ—кто ты? Впрочемъ, можно и не спрашивать. Ясно.

На лѣвомъ боку болтается складное ателье, сбитое изъ фанеръ, отодранныхъ отъ лимоннаго ящика,—палитра тамъ, кисти и краски съ мастихиномъ. Въ рукѣ альпійская палка съ мольбертной дощечкой посреди.

Бродяга-пейзажистъ.

Онъ холодно поглядѣлъ на насъ, что-то пробормоталъ и, поднявъ слегка шляпу, хотѣлъ забиться въ гору стороной. Мнѣ стало весело.

Почему? Не знаю! Теплая, насмѣшливая увѣренность поплыла мягко по сердцу.

Да, я понялъ, кажется, свое превосходство надъ несчастнымъ бродягой.

Чортъ возьми, на мнѣ костюмъ куда приличнѣй, свѣжѣй бѣлье. Вонъ воротникъ на немъ съ потекшимъ отъ влаги крахмаломъ, грязный, жеванный.

Я подошелъ и, не снимая шляпы, поклонился. Онъ испуганно заморгалъ и пробормоталъ:

— Семигинъ!..

Я разслышалъ, но притворился, что не разобралъ фамиліи и заставилъ его повторить громче.

— Семигинъ!..

— Такъ. А кто вы будете?

— Художникъ. Вотъ...

Онъ зашарилъ беспорядочно за лацканомъ и даже изогнулся слегка, точно невѣсть изъ какихъ глубинъ приходилось добывать карточку.

Я улыбнулся. Интересно между небомъ и землей взглянуть на карточку такого челоѣка. Много ли титуловъ нажилъ?

Такъ и есть. Я не ошибся. Титулы довольно пестрые и внушительные.

„Власъ Андреевичъ Семигинъ, художникъ-альпинистъ, членъ бернской ассоціаціи, постоянный участникъ женевской и московской выставокъ пейзажистовъ, директоръ передвижной народной выставки, популяризирующей искусство въ народѣ“.

— Все?!—спросилъ я, кажется, довольно ядовито.

Пиръ.

Вторая выставка Общества Купиджи 1918 г.

В. Цербаковъ.

Въ сумерки.

Вторая выставка Общества Куинджи 1918 г.
(Собственность Ю. М. Варягина).

Р. Савицкий.

Онъ жалобно замигалъ рыжими вѣками и поправилъ сыромят-
ный ремень на плечѣ.

— Все-съ...

— Такъ! Расскажите!

И сдѣлалъ при этомъ краткое, такъ сказать, приглашающее
движеніе рукой.

Мы снова, втроемъ, зашагали вверхъ. Сердце въ новомъ по-
путчикѣ, должно-быть, пьяное, ожирѣвшее. Дышалъ, всхлипывая,—
разговору мѣшалъ.

Онъ не удивился моему приглашенію рассказать о себѣ все,
что есть за душой. Такихъ людей, повѣрьте, знаю отлично.

Они ничего не могутъ скрыть, не по откровенности, понятно,
а такъ—изъ дряблости, скучнаго безволія.

Въ полчаса я узналъ о Властѣ Андреевичѣ Семигинѣ немногимъ
меньше, чѣмъ онъ самъ зналъ.

Ходилъ въ народъ, былъ посаженъ, откресилъ Кресты,—тюрьма
есть такая въ Питерѣ надъ Невой,—потомъ взялся за кисть.

Прежде только баловалъ красками, а теперь понесъ въ толпу,
въ деревню свои полотна. Гдѣ чаю напьется, гдѣ тухлыхъ щецъ
похлебаеъ—выставка-то бесплатна. Тѣмъ и живъ.

— А отчего вы такой?

— Какой?—поднялъ онъ за потными стеклышками безцвѣт-
ныя брови.

— Толстый!?—безцеремонно спросилъ я и отъ своей безцере-
монности радостное тепло ощутилъ въ груди.

Онъ замаялся и что-то пробормоталъ.

— Пьете. Здорово, а?

— Бываетъ такъ: выпиваю. Сердце во мнѣ... запаренное.

— Запаренное, а по горамъ ходите.

Махнулъ рукой и просто, кажется, даже съ благородствомъ,
медленно произнесъ.

— А это, знаете, все равно-съ. Я смерть беру просто. Разъ умирать.

— А если бы не разъ?

Тогда что же? Тогда еще легче. Привычка въ земной юдоли—
это все. Для меня-то, по крайней мѣрѣ. Самое трудное—привык-
нуть къ людямъ.

— Вы не любите ихъ?

Это кого? Людей-то? Нѣтъ, отчего же! Только у нихъ свои
привычки. Люди цѣнятъ-себя, хорошую жизнь, постель, жену,
а я... не возлюбилъ. Мнѣ и безъ всего хорошо. Только, когда
съ людьми поведешься, такъ... муть такая по-сердцу поиде-
тъ. Раздумываеъш надъ тѣмъ, почему тебѣ ничего не хочется,
и тогда начинается, знаете, хотѣться.

— Продолжайте!

— Чего же тутъ продолжать! Ясно-съ. Бореніе поднимается.

— Самолюбіе, что ли?—молвилъ я небрежно, такъ небрежно,
словно самъ никогда не испытывалъ бѣшеныхъ укусовъ са-
молюбія.

— Да, самолюбіе. Собственно... нѣтъ, даже не самолюбіе, а
такъ. Муть, однимъ словомъ. Начинаеъш разбираться. Людямъ
все нужно, а тебѣ, молъ, ничего не нужно. Въ какомъ это смы-
слѣ тебѣ ничего не нужно? Можешь ли ты ничего не хотѣть?
Кто тебѣ право далъ не жадничать? Всѣ жадны! Жадность жизнь
двигаетъ. А ты...

Онъ закашлялся, раздувая красныя простуженныя ноздри, а
потомъ, оборвавъ кашель и только хрипя монотонно одной жа-
лобной ноткой въ груди, отвернулся и высморкался въ нѣчто
неуловимое, кажется, въ грязнѣйшій голубой платокъ.

— А ты,—продолжалъ онъ,—ничего не желаешь. Такъ-то...

Долго онъ говорилъ, задыхаясь и поворачивая въ сторону го-
лову, чтобы неуловимо, стыдясь грязнаго платка, чистить про-
стуженный носъ.

Ледникъ сверкалъ предъ нами огромно и чисто. Внизу заклу-
блились облака съ графитными косыми прослойками.

Асатуръ хмурился и насъ не слушалъ.

Когда графитныя жилки замершихъ на мѣстѣ облаковъ то-
ненько закурились вверхъ, онъ воскликнулъ, словно радуясь тому,
что можетъ оборвать нашъ разговоръ:

— А тамъ дождь, внизу!

Я поглядѣлъ вверхъ, бросилъ взглядъ внизъ. Непривычна была
мысль, что дождь сбѣчетъ подъ ногами, что въ ливень не нужно
раскрывать зонта или забиваться подъ стеклянную крышку подъ-
зда.

Задумавшись о дождѣ, я уже не слушалъ Семигина. Слѣдую-
щей моей мыслью былъ опять онъ, съ его мутью. Я сравнивалъ
его съ собой, его жалкое, робкое чувство, тоску предъ жизнью,
его муть съ моимъ самолюбіемъ, бѣшеной злобой къ сытымъ и
устроеннымъ.

Никогда не думалъ, что зависть высокое чувство, а теперь,
сравнивъ ее съ мутью, рѣшилъ, что все же лучше будетъ, по-
чище, повыше, знаете. Ну!..

Одно скажу, теплѣло съ каждой минутой во мнѣ измученное
сердце. Была въ немъ радость за себя и боль за Семигина, то-
есть та подлая боль, отъ которой снова радостно становитеъ и
спать, замѣчу вскользь, за себя же.

Это очень сложно, хоги и просто. Сложно, понимаете, и просто.

Кто знает обиды, долги и сплошные обиды, растянутые лѣтнями на годы, тотъ отлично пойметъ меня. А вамъ, счастливые и безпечные, ничего объяснять не хочу: не поймете.

Семигинъ былъ ко мнѣ явно безразличенъ, а я къ нему прикипѣлъ. Рѣшилъ ни за что не разставаться. Въ такомъ смыслѣ и сказалъ ему.

Онъ выслушалъ и кисло улыбнулся.

— Хорошо-съ. Я очень радъ...

— Вы куда?

— Пройду наверхъ, а потомъ къ храму и въ рощу...

— Знаю—священная роща.

— Спишу ее къ себѣ на полотенчико.

— На полотно, что ли?

— Это я такъ ласково называю-съ. На полотенчико. Понесу въ народъ. Вы не можете представить, какъ убого русскій мужикъ въ дѣлахъ вѣры. Ничего не смыслить.

— Мнѣ кажется,—возразилъ я съ превеликой важностью, точно новую мудрость открывалъ,—мнѣ кажется, что въ религіи ничего понимать и не нужно. Нужна вѣра, чувство такое... когда вѣрится.

— Знаю,—взглянулъ онъ на меня бочкомъ,—мысль ваша вѣрная. Но я о другомъ. Мужикъ мажетъ въ воскресенье сапогъ саломъ, остатки съ сапога несетъ на голову, а потомъ идетъ въ церковь, гдѣ изъ молитвъ и слова понятнаго не выхватить. Нашъ мужикъ смутный дикарь. Поймите, всякій дикарь перво-наперво жрецомъ былъ, личностью, можно сказать, дикарь—фигура, а не пустякъ, у нашего же мужичка ничего нѣтъ. Гдѣ-то синопъ и архіереи въ муаровыхъ рясахъ. Только. Сказочный, но

— Здѣсь?

— Здѣсь, пожалуйста!

Говорю Семигину:

— Кстани. Вы къ намъ. Составимъ триумвиратъ. Здѣсь раскинется кабачокъ. Лѣтнее Монрено съ горячительными. Я, видите ли, рѣшилъ-было съ почтеннымъ Асатуромъ остаться, да изъ дружбы къ вамъ готовъ за вами идти, а если соблаговолите остаться, такъ и я останусь. Зимой Асатуръ въ аулъ, и мы за нимъ...

Асатуръ хмуро выслушалъ мое предложеніе. Онъ ревновалъ по-настоящему.

Если бы я былъ свѣжѣй духомъ, я затрепеталъ бы,—столько неподдѣльной, восхитительной свѣжести было въ асатуровомъ взорѣ изъ-подъ клочковатыхъ, густыхъ бровей.

Старикъ былъ хорошимъ первобытнымъ человѣкомъ: зналъ цѣну дружбѣ и ревности, любви къ одному и ненависти къ другому.

А я и передвижной академикъ оба были блудливы, двѣ продажныхъ души, которымъ все равно, на какихъ простыняхъ разоблачать свои тайныя душевныя складки.

Асатуръ отвелъ меня въ сторону. Я улыбнулся.

Понять, что сейчасъ разыграется шутка, можетъ-быть, даже дикая шутка...

Вѣдный, помятый женевско-москoвскій альпинистъ мѣшалъ нашему семейному счастью.

Изъ суровой, глуповатой, честной головѣ Шахбазьяна сложилось наше будущее въ привлекательныхъ чертахъ: онъ живетъ

Декоративное панно.

Вторая выставка Общества Купиджи 1918 г.

Р. Савицкій.

пустой мѣръ. Дикарь же въ основномъ лѣсу самъ Бога призываетъ. Самъ крoсь для Бога лилъ. Я и хочу мужику полотенчико съ божествомъ показать.

— Это интересно. Чашку съ кровью нарисуете?

— Рощу напишу... жертвенникъ. Я выше поднялся. Роща внизу—да свѣту хочу, для картинки-то, больше увидеть. Въ храмѣ, поди, не были?

— Нѣтъ, намъ выше лежитъ дорога.

— Жаль. Сходите, посмотрите... Тамъ иконы и тутъ же идолъ. Не показали мнѣ, а знаю, гдѣ-то въ придѣлѣ идолъ, подъ половицами лежитъ, пожалуй. Впрочемъ, можетъ-быть, идолъ и есть серебряный туръ, лежащій на гранитномъ престолѣ, покрытый епитрахилью. Кланяются ему дикари изъ ауловъ. Я хотѣлъ бы это нашему мужику показать!

— Что — это?

— Мѣсто, откуда много вѣры пошло. Религіи много. Бываетъ, одинъ кусокъ земли родитъ пшеницу самъ-три, а рядомъ, если удобрено, самъ-сто. Вотъ тутъ удобрено. Душа тутъ развертывается. Христиане, язычники, солндепоклонники. Тутъ отъ всѣхъ народовъ вѣра. Персы и грузины... Дааа!

Семигинъ замолчалъ, поправилъ на боку деревянный ящикъ и опустил голову.

Пришли скоро на мѣсто. Асатуръ ревниво посматривалъ всѣ три часа болтливаго пути на художника, передвижного директора, альпиниста и прочее. Чистая душа его обижалась: зачѣмъ и не съ нимъ, а съ Семигинимъ разговариваю?

Асатуръ не понималъ, какъ можно такъ дрянно шататься, то къ одному на грудь припасть, то съ другимъ связаться. Я ему, должно-быть, казался подобнымъ лукавой, измѣнчивой женщицѣ. Мнѣ стало жаль его. Не искушенъ человѣкъ. Не пойметъ... Хлопнулъ по плечу.

со мной, забывъ дольній мѣръ съ кабаками, взятками, городовымъ, сыномъ Осканомъ, стоящимъ за шеренгой бутылей съ фруктовой водкой.

Мы оба голодны, оба дики, оба влюблены въ свободу и, значитъ, другъ въ друга.

Все лѣто мы ждемъ гостей у себя на высотѣ и молчимъ, глядя мигающими глазами на ледники, горящіе на солнцѣ.

И вотъ этотъ въ мягкой шляпѣ, оползшихъ воротничкахъ, жалкій-жалкій, помѣшалъ...

— Послушай, — прерывисто зашепталъ Асатуръ, — зачѣмъ ты его оставляешь?

— А что? Плохъ развѣ?

— Ммм... Совсѣмъ нехорошій человѣкъ. Не надо, пожалуйста. Вдвоемъ рѣшили, вдвоемъ и будемъ.

— Я и его хочу!

Старикъ крѣпче стиснулъ мое плечо. Его глаза сверкнули ревнивымъ огнемъ.

— Не надо, говоримъ. Чаа... Я и ты. Никого не надо. Сынь придетъ — его гнать тоже будемъ.

— Спасибо. Не знаю, чѣмъ правлюсь вамъ.

— Не твоя дѣло. Нрависься, не нрависься. Нашъ дѣло. Понялъ. Пусть уходитъ.

— Неловко вѣдь! — лукаво замылся я.

Позвольте вамъ въ точности доложить, какія чувства меня обуревали. Рѣшите сами, правъ ли я былъ или нѣтъ. Конечно, рѣшайте такъ, какъ рѣшили бы, будучи на моемъ мѣстѣ.

Я выдалъ предъ собой двухъ различныхъ людей. Одинъ меня теперь любилъ всей свѣжестью звѣриной, доброй, немного сумасшедшей отъ дикости души.

Другой ко мнѣ былъ вялъ, безразличенъ.

Одинъ для меня готовъ былъ, пожалуй, полизать въ самое жерло

Въ старомъ паркѣ.

Вторая выставка Общества Куинджи 1918 г.
(Собственность Ю. М. Варягина).

Р. Савицкій.

ледниковъ и заморозиться, бросить сына, скупо собранное хозяйство, словомъ, все. А другой, и не взглянувъ, готовъ былъ уйти отъ меня.

Кого выбрать?

Я знаю, что такое здравый разумъ, и смѣю думать, что не советѣмъ обдѣленъ имъ.

Всякій здравый человѣкъ уцѣпился бы за сатиновую чоху Асатура и плюнулъ бы въ слѣдъ мятаго человѣчка въ потномъ пенснѣ.

А я не могъ. Я взвѣсилъ и рѣшилъ, что съ Асатуромъ мнѣ подойти съ тоски и угрызений, а съ Семигинымъ жить и барахтаться, ждать иной доли.

Неудобства падшей души, какъ намекнулъ я уже вскользь, очень походятъ на трагедію падшей дѣвицы. Ни за что такой душѣ не удержаться у хорошаго, чистаго.

Дружба моей падшей душѣ—то же оскорбленіе.

Что я могъ добыть изъ дружбы Асатура? Откликнуться честно не смогъ бы, притворяться — тошно, играть предъ собой — глупо.

Совсѣмъ иначе съ Семигинымъ. Я его въ первые пять минутъ раскусилъ, какъ пустой орѣхъ. Ничтожество. Наплевать, что въ народѣ полотнички съ божествами и безъ оныхъ носить. Ничтожество!

Если я съ нимъ сживусь, подъ сапогъ возьму.

Здоровый, толковый человѣкъ глупо спросилъ бы меня:

— А зачѣмъ Семигина подъ сапогъ? Какая въ томъ прелесть?

Я скажу тутъ, что обыкновенно въ такихъ деликатныхъ вопросахъ падшей дѣвицы, то-есть человѣческой души, люди плохо разбираются, и чѣмъ умнѣе человѣкъ, тѣмъ, честное слово, хуже.

Размышленіемъ всей этой исторіи не обнять. Я самъ не погѣрилъ бы ни за что, если бы тамъ, стоя подъ сине-бѣлымъ пологомъ вѣчно замороженныхъ водъ, попирая разношерстнымъ сапогомъ стихіи,—дождь, лившій, какъ изъ помойнаго ведра на аулы внизу, я не ощутилъ очень ясно того, что стрѣлка моего сества клонится въ сторону Семигина и пренебрегаетъ Асатуромъ.

Одному я былъ благодаренъ, какъ могъ. Другого презиралъ и только собирался какъ-нибудь въ сторонку съ нимъ отойти, чтобы насмѣяться вдоволь и при этомъ открыть ему свою игру. „Молъ, презираю, а къ себѣ привязываю, не смѣй безъ меня“.

Видите, какая подлая путаница была во мнѣ. Но я не позволю очень снисходительно относиться ко всему этому. Я вѣдь не искалъ выгоды, какъ вы уже замѣтили. Семигинъ меня не могъ кормить и хотя севернымъ виномъ, но понтъ. Съ Асатуромъ я все имѣлъ бы.

Вотъ это-то безкорыстіе и окрылило меня, придало небывалую силу, упорство несказанное.

Пока шель споръ о Семигинѣ, свѣ, догадываясь о причинѣ нашего сдержаннаго, но горячаго разговора, скромно и необидчиво стоялъ въ отдаленіи и бивалъ наикосъ своею палку въ почву и пританцовывалъ огромными ботинками—видать, съ чужой ноги,—мѣстечко предъ мольбертомъ.

Я косилъ на него глаза и, говоря съ Асатуромъ, соображалъ—на что же усядется нашъ академикъ.

Разнявъ деревянный снарядъ свой, онъ вытряхнулъ на свѣтъ грязную, неуклюжую палитру въ подчищенныхъ и залитыхъ скипидаромъ пятнахъ и зажегъ маленькую спиртовку, бережно прикрывъ ее сиреневый алкогодный огонекъ, въ видѣ лепестка фіалки, обѣими трясущимися ладонями.

Зналъ онъ, что неприятель первому среди насъ—Асатуру, но была въ немъ терпѣливость и покорность собаки, у которой глаза, а съ глазомъ и льстивое собачье сердце зорко вбокъ глядятъ: все видятъ,—презрѣніе, злобу.

Какъ собака, ждущая пинка, но медлящая до послѣдней минуты, пока въ воздухѣ не мелькнетъ носокъ сапога, академикъ показывалъ, что онъ усердно занятъ своимъ дѣломъ и окружающаго не видитъ.

Онъ могъ отойти на двадцать шаговъ въ сторону, и ревность Асатура удеглась бы.

Но Семигинъ явно неспособенъ былъ бороться съ обстоятельствами, каковы бы они ни были. Его моль-

бертъ-палка хорошо чувствовалъ бы себя и въ другомъ клоку свѣга, вокругъ котораго морозными отвалами сіяли ледники, розово дробилось въ морщинкахъ льда и черныхъ прсталинахъ солнце, носились вѣтры, кутающіеся въ чадру распыленныхъ свѣговъ.

Но этотъ толстякъ зналъ хорошо свою судьбу. Ему нигдѣ не полагалось пристанища; даже въ пустынь, между горой и безоблачнымъ небомъ.

Портретъ оперной артистки Петренко. *В. Кузнецовъ.*
Вторая выставка Общества Куинджи 1918 г.

Цвѣтущій май.

Вторая выставка Общества Куинджи 1918 г.
(Собственность И. Л. Вахтеля).

М. Далькевичъ.

Я подошелъ къ нему и сурово сказалъ:

— Послушайте, Семигинъ... Вотъ видите, какая штука. Мѣсто это, кажется, никому изъ насъ не принадлежитъ, но господинъ Шахбазьянъ сердится, что вы заняли это мѣсто. Здѣсь мы будемъ строиться.

Асатуръ что-то забормоталъ и отвернулся. Семигинъ покорно всталъ и дернулъ, расшатывая, свой мольбертъ, понесъ его въ сторону, а потомъ, когда вернулся за синимъ огонькомъ спиртовой лампочки, за мѣшкомъ съ тюбами и альфрейной, грубой палитрой, осторожно сказалъ:

— Я, собственно...

— Что такое? — громко поощрилъ я его.

— Собственно, говорю я, мнѣ и тамъ не плохо. Освѣщеніе даже лучшее.

— Лучшее?

— Эффективнѣй!

— Семигинъ, не хитрите. Вѣдь это глупо и недостойно даже васъ. Ясно, — раздражительно сказалъ я, — что подъ небомъ всѣмъ мѣста хватить. А свѣтъ на высотѣ многихъ тысячъ футовъ хорошо дѣйствуетъ на любомъ разстояніи отъ...—Я показалъ пальцемъ на Шахбазьяна.—Отъ него...

Асатуръ усмѣхнулся, пристально и злобно взглянувъ на бѣднаго человѣка въ потныхъ стеклышкахъ на близорукихъ, мутно-бирюзовыхъ глазкахъ.

Семигинъ пробормоталъ, кутаясь въ шарфъ:

— Я не зналъ, что помѣшаю. Но, кажется... вы сами меня пригласили.

— Что же. Извините. Теперь не могу васъ удерживать. Такъ вышло. Художникъ съ сожалѣніемъ взглянулъ на выгорѣвшій спиртъ и задулъ лепесточекъ жалкаго огня. Я понималъ, какъ нехорошо это.

Потухъ огонь на мокромъ фитилькѣ, и, казалось, солнце свѣтитъ сумрачнѣй и скупѣй.

Обидѣли мы съ Асатуромъ человѣка, но я подумалъ, что понимаю эту обиду только я.

Асатуръ былъ серьезенъ и важно, съ злобой наивностью глядѣлъ на уходящаго Семигина. Я же отвернулся, растерянно и глупо усмѣхаясь.

Душа нынѣшняго человѣка раскрывается вовсе не въ крупныхъ большихъ дѣлахъ, а все больше—такъ, въ пустякахъ. Наполеонъ дрался подъ Ватерло, а англійскіе адмиралы, кажется, въ красныхъ штанахъ, сожгли тысячу пудовъ порошу подъ Трафальгаромъ. Кто скажетъ, что они не показали свой духъ во всю высоту его, вдоль и поперекъ! Но мы, мы-то, ежедневные, такъ сказать, люди, показываемъ себя не кому иному, какъ себѣ же.

Миръ нами совѣмъ не заинтересованъ. Насъ не видятъ подчасъ и окружающіе. Оттого мы только и дѣлаемъ, что заглядываемъ въ свое естество, въ самую глубину или мелкоту его, какъ въ колодець.

Асатуръ ничего не понималъ, кромѣ того, что ревнуетъ меня, и поставилъ ревность себѣ въ заслугу. Семигинъ, кажется, не разбирался, а только жалѣлъ о напрасно потраченномъ спиртѣ. Я же... этого не передать.

Боль, тяжкая боль навалилась мнѣ на сердце, хотѣлось приласкать толстяка, расшевелить въ немъ злобность, бросить съ ножомъ въ рукѣ на стараго трактирщика.

У такихъ людей, какъ я, остаются одни пустыя угрызенія, и, чѣмъ глубже угрызаешь себя, тѣмъ больше хочется проказить, выкидывать этакія штуки.

Однако я сдержался и принялся за работу. Сбилъ угломѣръ свой, вбилъ по четыремъ угламъ колышки, потомъ еще два колышка для погребка, сзади намѣченной стѣны.

Работа меня увлекла. Я видѣлъ предъ собой домикъ со стекляннымъ балкономъ, съ нумерками по бокамъ, крохотное веселое помѣщеніе, по которому ползаютъ, сорвавшись съ наста, маленькіе, колкіе, сіяющіе вихри.

Дерево Асатуръ собирался къ вечеру на арбахъ до полугоры поднять, а тамъ на вершинѣ, конями — почти до площадки.

Семигинъ разогрѣвалъ на лампочкѣ тюбы съ красками и то огонь поправлялъ, то на пальцы дулъ. Пенсэ на его носикѣ сползало, и онъ только потряхивалъ кудрявой головой, поправляя стекла у глазъ.

Отошелъ онъ неподалеку и сѣлъ къ намъ спиной. Минутами онъ горько задумывался. Кисть опускалась къ снѣгу, и лопушистая шляпа опадала вянущимъ грибомъ.

Это были, очевидно, метительныя минуты, когда Семигинъ живиѣ ощущать нанесенное ему оскорбленіе и пытался почувствовать злобу, отчаяніе, боль. Но всѣ волненія были давно изжиты пухлымъ человѣчкомъ съ лимонной бородкой Вандика и безвольными, грязно-голубыми глазками.

Я шепталъ бессознательно:

— Онъ хорошій. Лучше тебя, свинья. Господи, за что же, зъ что? Надо подойти, извиниться, пожать руку. Можетъ-быть, почитательно склониться.

Я хотѣлъ представить себя цѣлующимся съ Семигинимъ и не могъ. Его никто не цѣловалъ, развѣ пьяные мужики у заѣзжей избѣ.

Асатуръ успокоился и ходилъ вокругъ колышковъ, съ воображеніемъ шуря большіе, влажные глаза-миндали, и приговаривалъ:

— Скажи, какъ хорошо, га! Прямо алибухара... Замѣчательно, пожалуйста. Тутъ... стойку поставимъ. Надъ дверями — рѣга прибью, а среди роговъ лампу газокалильную повѣшу. Два флага, вѣтки туй отъ флаговъ на концы крыши. На Желѣзной горѣ Мамаянцъ держалъ кіоски, такъ даже народъ пугалъ. Вахъ, какъ пугалъ... Замазалъ въ бутылку ругъ, и когда вѣтеръ, — какъ шайтанка въ бутылкѣ кричалъ. Знаешь, какъ крикъ дѣлать?

— Не знаю!

— Не знаешь? Жаль. Не спросилъ его, Мамаянца. Въ аптеку зайдемъ, спросимъ.

Асатуръ развеселился. торговля, чувствовать, на ладъ пойдеть. Наклонился ко мнѣ и шепчетъ, хотя Семигинъ и далеко — не услышитъ.

— Закусывать будемъ, понеси и ему.

— Неудобно, Шахбазьянъ.

— Почему неудобно, га? Мы угощаемъ! Отъ насъ можно ѣсть!

Цинник! — захохотал он польщено, показывая пеньки изъеденных зубов отгника вороненой стали.

— Вы не врите, Семигинь, что необходимо изучать душу себя равных?

— Нить причин. Никто ничего не изучить.

— Это почему?

— Просто. Вот вы думаете, что знаете меня. А я вам залечу, что — отнюдь.

Я поморщился. Семигинь замтно нагльть, правда, съ при- мьсью робости и хитрости, но все же нагльть. Я ршить одер- нуть его и очень сухо отчеканилъ:

— Ну, это вы врите, милостивый государь, ридна моя маты. Врите, как сивѣйшій меринъ. Я васъ, какъ себя, вижу.

Онъ снятъ пенснэ, выпрямился такъ, что въ нагруженной мясистой груди мягко трюхнул хряцкъ, и смрлял меня не- покрытыми стекломъ, а потому неприятными, глазами:

У зеркала. Вторая выставка Общества Куинджи 1918 г.

— Себя вы полагаете, что знаете?

— Думаю, что достаточно.

— Не оспариваю. Не смью. Но меня вы не знаете. А я васъ, извините за смѣлость, изучилъ въ натуральную величину. Хоть раму багетную на вашъ портретъ наставлю.

— Это интересно, — пробормоталъ я.

И вотъ тутъ, отгмчу, впервые предъ нимъ, котораго въ нуль, въ пустяки засчиталъ, почувствовалъ я то стѣненіе въ груди, которое у меня бываетъ предъ тѣмъ, какъ крѣпко мнѣ смутиться.

Я понималъ, что берегу свое достоинство, если замну разгово- рить, размѣюсь, безопасно засвищу или просто, извините, въ морду ему дамъ.

Но я предпочелъ лѣнливо усмѣхнуться и разрѣшить ему пого- ворить. Онъ почувствовалъ это и сказалъ:

— Такъ что же? Обѣдомъ угощаете?

— Прощу васъ за мной!

Я повелъ его по свѣгу, какъ по коврамъ своего дома.

Солнце поднялось высоко, и рябья полоса въ снѣгахъ го- дернулись вѣжно-низымъ пушкомъ, — такъ мутнѣеть алыча, созрѣвшая на темныхъ вѣтвяхъ.

Асатуръ разостлалъ двѣ газеты, открылъ кривой ножъ въ ро-

говомъ прозрачномъ черенкѣ, положилъ перерѣзанные пополамъ кукурузные чуреки и лепешки изъ отсѣвной муки на курдюч- номъ жиру съ сахаромъ.

Баранье долгое полотно зажареннаго мяса на перерубленномъ хребтѣ, сѣвшемъ фаянсовымъ бѣлымъ, нѣжнымъ цвѣтомъ костей, лежало посреди, возбуждая аппетитъ.

Я горѣлъ нетерпѣніемъ и не замѣтилъ, какъ пріять Асатуръ гостя. Кивнулъ ли навстрѣчу головой, или сидѣлъ суровымъ изваяніемъ, какъ гранитный идолъ Митры въ храмѣ, внизу.

Помню одно, что Семигинь ѣлъ жадно, и его гнилые, мелкіе зубы, пропитанные спиртомъ, оказались крѣпче костей барана. Онъ слизывалъ жиръ съ пальцевъ и отиралъ ихъ. А я посиѣшно обдумывалъ то, съ чего онъ вдругъ осмѣлѣлъ такъ сразу и увѣ- ренно.

Кажется, я былъ съ нимъ, какъ необходимо съ такими людьми, грубъ, рѣзокъ и насмѣшливъ. Я сталъ его повелите- лемъ и готовъ былъ надъ нимъ отводить душу. Онъ понималъ это и терпѣлъ.

Значить, Семигинь почувствовалъ теперь во мнѣ, по-лиси высмотрѣлъ прикровенный, тай- ный уголокъ, нѣжное мѣсто и готовился вонзить въ него свои стѣдненные, отвратительные, ку- кольно-маленькіе зубки.

Меня передергивалъ и наливалъ холодъ, и я чувствовалъ то неопредѣленное томленіе, когда надвигается болѣзнь, и ты гонишь ее, притво- ряешься здоровымъ, не хочешь ей поддаться.

Семигинь не спѣшилъ насладиться и хрустѣлъ, ползая усами по костямъ, сосалъ, вздыхалъ.

Повѣвъ, онъ оторвалъ кусокъ газеты, сложилъ вдвое и провелъ по усамъ, счищая жиръ.

— Теперь поговоримъ, — поднялъ онъ на меня неприкрытые стеклами глаза.

Думаю, что Семигинь зналъ силу своихъ мерт- выхъ глазъ, зрачковъ, опустошенныхъ и видѣ- вшихъ на семигинскомъ вѣку такое, отъ чего всякаго человѣка съ горячей кровью и кипяча- щимся, гнѣвливымъ, достойнымъ сердцемъ, ото- ропь за горло хватаетъ.

— Говорите, — безопасно пожалъ я плечами и принялся ѣсть.

Схитрилъ. Со ртомъ, набитымъ непрожеван- нымъ мясомъ, удобнѣй глухо и невнятно гово- рить, комкая со словами и мыслью.

— Видите ли, — произнесъ онъ медленно, вы- сасывая съ шумомъ и чувствомъ изъ скверныхъ своихъ зубовъ волокна мокраго, наслоненнаго мяса, — видите ли, я васъ знаю по простой, по простѣйшей причинѣ, съ которой вамъ бороться не пристало.

— Это нехорошо! — слабо возразилъ я сквозь кусокъ на языкѣ. — Вы мнѣ, голубчикъ, заранѣе руки въ бесѣдѣ вяжете. Это нечестно и... при- берегите для другихъ, а мнѣ только свои наблю- денія выкладывайте.

Я горячо стукнулъ кулакомъ по газетѣ. Можеть-быть, я нѣсколько меньше горячился, чѣмъ показывалъ. Это не ускользнуло отъ Семигина.

Онъ самодовольно усмѣхнулся. Я понялъ и еще горячѣй заговорилъ, дразня его горячностью.

— Прощу только — напрямикъ. Словечекъ и тумана не напускайте. Дѣйствуйте фактами. Что вы увидели во мнѣ такого, что считаете основ- нымъ? Видѣли — такъ скажите. Я все приму. Пожалуйста! О, Господи, развѣ я противъ того? Пожалуйста...

— Мнѣ, — медленно и внимательно молвилъ онъ, — и нечего вамъ сказать. Понятно, такого... главнаго я не увидѣлъ въ васъ...

И. Дроздовъ.

— Это почему?

— А потому, сударь, что главное въ комъ есть, а въ комъ и не бываетъ. Въ васъ ничего такого нѣтъ. Вы безъ главнаго.

— Это вы врите. Извините на словѣ!

— Ничего. Я всякія слова слышалъ, и мнѣ лѣнь на нихъ откликаться. Въ васъ, говорю вамъ, главнаго нѣтъ, а все дру- гое присутствуетъ. Это плохо-съ. Самолюбія въ васъ, какъ въ лѣсу бурелома: утонешь въ немъ. Только самолюбіе при талан- тахъ хорошо. Для насъ съ вами самолюбіе — плохая добродѣтель.

— Нѣтъ, — рванулъ я горячо по живой боли, — нѣтъ, вы меня можете принижать, но съ собой, пожалуйста...

— Хорошо, не буду сравнивать. Я ниже сравненія даже съ вами. У васъ есть хотя бы самолюбіе, а у меня его нѣтъ. Я вамъ жалокъ. Вижу! Нечего съ меня брать. Погодите, сегодня я въ разговорномъ ударѣ. Я многое еще наговорю. Неприятное... Да, жалокъ, подль, малъ, какъ птица-пинголиця. Да вѣдь я съ себя по векселямъ Господа Бога не ищу проторей и убытковъ, а вы съ себя — ищите. Вы гордець, а я гордость презрѣлъ, боль самолюбія — презрѣлъ и ничего не ищу. Вы думаете обо мнѣ, что я, молъ, о себѣ думаю: „Бѣдный неудачникъ, но съ искрой. Смѣшно картинки въ народъ таскать, какъ крышки гробовыя.

П. В. Делазовъ. П. А. Брюловъ. Е. В. Кавось. В. В. Матъ. И. Е. Рьгинъ.

Изъ прошлаго. Вторая выставка Общества Куинджи 1918 г.

Ө. Бухгольцъ.

Да, судьба*. Такъ вотъ вамъ—нѣтъ, нѣтъ-съ!.. Ничего этакаго не думаю!

— Врете, —разсѣялся я сердито и покраснѣлъ.

— Нѣтъ, не вру. Песъ вреть, а я разучился врать.

— Врете.

— Нѣтъ, не вру. Ань и не вру. Что-съ!

— А я утверждаю, — сказала я грубымъ, угрожающимъ голосомъ, — что вы именно такъ о себѣ и смыслите. Вы думаете, что жалки изъ-за судьбы, изъ-за коварныхъ людей, а не изъ-за себя. Вы думаете еще, что вы, какъ выразились, съ искрой, а въ васъ и пеплу нѣтъ.

— Совершенно правильно! — наклонилъ Семигинъ голову, — и пеплу нѣтъ...

— Не притворяйтесь только, что испытываете отъ моихъ словъ удовольствіе.

— Удовольствія во мнѣ нѣтъ. Этого я лишился давно. Не удовольствіе, а покой, клянусь Мадонной... Вы вотъ меня погнали, а мнѣ всюду покойно. Гора, разумѣется, не ваша. А я рѣшилъ вамъ доставить удовольствіе и отъ грѣха отонелъ. Вы мнѣ ничего хорошаго не дали, а я вамъ далъ, разрѣшилъ то-есть повеличаться надо мною. Значить, я вамъ доставилъ соотвѣтствующее удовольствіе. Что? Вы молчите! Вы мнѣ ничего не дали, а я вамъ далъ. Я, значить, богаче васъ. Одарилъ казной несчетной... И онъ зацѣлъ медвянымъ, противнымъ голоскомъ:

Дамъ тебѣ я казну
И бешметъ голубой..

Не буду передавать путанными своими словами то, что дальше стыднаго и открытаго, явнаго—было межъ нами говорено.

Договорились до такой огоденности, что и бани не нужно. Ахъ, какой стыдъ!

Вспомню и, хотя вмѣстѣ съ Власомъ живу, а при немъ хихикну, лицо теплющее кровью со стыда прикрою и такъ, боясь дыханіе въ воздухъ уронить, сижу долго, долго.

Бываетъ въ любви человѣка къ человѣку разное.

Сначала чистая вѣра, свѣтозарная, хорошая, любовь—пѣсня, любовь—счастье, а потомъ начинается бореніе. Глаза видятъ, а умъ, подлый умъ подсказываетъ много такого, отчего отъ любимаго на край свѣта забѣжалъ бы.

Мучишься, кровью исходишь, а ни за что, ни за что, знаете ли, не отойдешь. Въ любовной полосѣ къ человѣку это самое тяжкое, мрачное, изувѣрное.

А потомъ перекалишься, пепломъ, окалиной желѣзной зазвенишь: ничего тебѣ не нужно. Смертный покой послѣ бшенства и подозрѣній любви.

Хорошо,—какъ въ лѣсу подъ поющими деревьями, послѣ того, какъ тебя трепало по глинистымъ дорогамъ страстей подъ бурнымъ, грозовымъ небомъ.

Вотъ я-то былъ во второй, скажу вамъ, части любви и жизни а Семигинъ все преодолѣлъ и покоемъ подъ деревьями усладился.

Жизнь онъ вонетину презрѣлъ и только насмѣхался надо мной, моимъ величіемъ надъ его ничтожествомъ, да какимъ—завѣдомымъ ничтожествомъ.

Трудно теперь, когда много времени прошло и много думалось надъ этимъ, все припомнить, какъ и что было въ твоей душѣ. Одно вспоминаю.

Словно послѣднимъ мучительнымъ огнемъ меня зажгли, и я горѣлъ, ровно тотъ свадебный факелъ, обернутый въ сторону мертвецкаго гроба.

Асатуръ дремалъ, помахиваясь всемъ тѣломъ: сидя, крѣпко задремалъ и только красную нижнюю губу вслѣдъ за вздохами высунетъ и, всхрапнувъ, обратно уберетъ.

Семигинъ сидѣлъ за сальной бумагой съ бараньими костями, держа пенену въ пухлыхъ, противныхъ пальцахъ, и глядѣлъ предъ собой мирно, очевидно, съ удовольствіемъ переваривая даровое угощеніе.

Я прервалъ тяжелый разговоръ, открывавшій во мнѣ очень многое, во что не слѣдъ человѣку изъ послѣдняго уваженія къ себѣ заглядывать.

Помню, день всемъ загорѣлся отъ приспускавшагося за снѣговой крижъ солнца. Какой ясный воздухъ. А даль какая!

Господи, молодость гдѣ моя, куда подѣвалъ я лучшее?

До Семигина, — грубо, конечно, жизнь свою дѣлю, — былъ молодъ и жаждалъ и терзался, а послѣ него — сразу поддался дряхлости, сонливости, когда засыпаешь подъ смѣхъ молодости за тѣмъ столомъ, за которымъ она пышно пируетъ. Любилъ, хотя въ мукахъ, жизнь до Семигина, а поговорилъ съ нимъ, его потухшими зрачками въ душу къ себѣ поглядѣлъ и понялъ, что не зачѣмъ, не къ чему трудить себя, а лучше поддаться и къ дну, къ тинѣ и покою, пойти внизъ головой. Ученые люди вонъ говорятъ что-то о смерти и старости, о томъ, что наукой можно стогнать старость.

Портретъ Е. В. Благовѣщенской. И. Дроздовъ. Вторая выставка Общества Куинджи 1918 г. (Собственность В. В. Благовѣщенскаго).

На Аничковомъ мосту. А. Вахрамьевъ.
Вторая выставка Общества Куниджи 1918 г.

Спросили бы меня,—безъ гордости скажу: въ ту минуту, когда кончилъ разговоръ съ толстякомъ, высасывавшимъ мясо изъ червивыхъ зубовъ, и когда понялъ все, изъ чего жизнь составлена. Я, можетъ-быть, поя себѣ отходную, многое правильное смогъ бы тогда о старости сказать.

Теперь этого я лишень. Ничего не смогу сказать. Потухло. Словъ нѣту, чувства слняли до невыразимости.

Припоминаю только ясную вѣру свою въ тотъ часъ: я хочу и, борясь изъ всѣхъ силъ снова, молъ, приманю къ себѣ вѣру въ жизнь, въ то, что счастье не закатилось, и я могу быть любимъ, какъ любятъ молодыхъ.

А захочу, и острия муки сброшу съ себя, какъ скверную ве-гошь, разомъ освѣжусь, да съ ветошью потеряю право на молодость.

Позволю себѣ сказать вотъ что. Можете вѣрить или не вѣрить—какъ хотите, но съ того дня я гуще засѣдѣлъ, кашлять съ на-сადой и мокротой стариковской началъ, погорбился въ лопаткахъ.

Допусти только ее, какъ тотъ рыцарь говорилъ, ее—курносую. Ходить около меня, а я и пальцемъ не пошевелю.

Готовъ умереть ежечасно и съ полнымъ всепрощеніемъ и Мариеточкѣ и другимъ. Описъ своимъ чувствамъ я на бумажку занесъ, и въ часъ кончины описъ эта пойдетъ почтой къ родственникамъ—пусть по принадлежности пустятъ. Каждому свое чувство къ нему изобразилъ.

Больше, собственно, и нечего мнѣ вамъ сказать. Не подумайте только, что я вамъ сказалъ все.

Всего нельзя сказать. Потому что, если въ моей дохлой и глупой волѣ было бы каждому встрѣчному, простите на такомъ словѣ, все завѣтное выбалтывать, такъ я бы и зналъ все, изъ чего выльплень и чѣмъ дышитъ человѣкъ. А сія тайна велика есть.

Господи, Господи, легко теперь живу. Одинъ трудъ трудный во мнѣ: въ Тебя, Господи, что-то не вѣрю. А не вѣрю, пожалуй, отъ того, что всякая вѣра—отъ молодости.

Праотцы вѣрили. На горѣ Аеонѣ, гдѣ побывалъ, въ каменной щели заточниковъ я видалъ—всѣмъ за сто, и бороды далеко за грудь свисаютъ. Вѣрять. А вѣрять—молоды, и борода—обманъ.

Наградилъ меня Семигинъ покоемъ—благодарень ему.

Простите! Все спросить порываюсь: не надобѣ ли вамъ своей повѣстью? Дальше все просто сложилось. Разрѣшите бѣгло доложить.

Семигина вы не далѣе какъ черезъ полчаса увидите. Онъ портерныхъ не посѣщаетъ, а за мной заходитъ. Отъ пива отвратился. Вѣдь въ искоркахъ пива тоже грезы, хоть захудалыя, а грезы. Онъ теперь факиромъ такимъ въ священныхъ роцахъ живеть.

Ну-съ, въ тотъ вечеръ пошелъ съ горы Асатуръ, за лѣсомъ спустился. А мы рѣшили заглянуть въ храмъ. Говорили, что кости женщинъ въ доспѣхахъ хранятся. Есть такой горекій обычай—въ родѣ амазонокъ. Въ день святого Ильи—отличный праздникъ!—и теперь грузинскія бабы косы подъ папаху подберутъ, ружья подъ локоть и на лошадяхъ—есть какъ. Джигитовка называется.

Въ честь старика Ильи палать—летять пыжи, словно борода огненная огненного старца, улетающаго на пламенной колесницѣ въ небо. Можетъ, перепуталъ, такъ простите. Не Илья, можетъ, легѣлъ?

Пошли мы съ Семигинимъ смотрѣть скелеты у церкви, въ погребкѣ, съ заржавленными отъ времени Шамилевыхъ ружьями Ничего не увидѣли.

Въ храмъ сунулись, пыль и грусть.

Разговорились тихо и, того не замѣчая—все внизъ, все внизъ, пошли то-есть. Когда на много отошли, вспомнили о духанѣ въ ледникахъ, утѣхѣ альпинистовъ.

— Что же,—засмѣялся своими червоточными зубами Семигинъ,—имъ мошрепо, а намъ—санрепо. Имъ отдыхъ, а намъ маята. Пойдемъ, что ли!

У меня загорѣлось сердце. Остро, орломъ, ей-Богу, въ вершины воззрися. Сіяютъ паникадилами. Боже, за что такая красота непознанная. Чѣмъ передъ Тобой провинился, что вижу и понимаю, а въ сердце майскимъ бальзамомъ не проливается и тихости не получаю.

Терзала меня дольная жизнь, терзали альпійскіе просторы, терзалъ заоблачный полетъ. А съ Семигинимъ уютно, какъ въ колыбелькѣ.

Чортъ, а не человѣкъ. Забаюкалъ, затишилъ, замирилъ. Ходимъ мы съ нимъ... Погодите...

И годы растерялъ. А много. Лѣтъ семь, восемь. Какъ птицы небесныя.

Не сѣмъ, не жнемъ, а сыты тоже не бываемъ.

— Человѣкъ, обратите и на нашъ столикъ вниманіе. Бутылочку! Нѣ-сть, больше не въ состояніи. Одну-единственную. И такъ, какъ жаба, намокъ. Теперь буду сухарикъ въ соли сосать и дружка поджидать. Охъ, не онъ ли?

Вонъ у дверей. Такъ и есть.

За чтеніемъ. А. Вахрамьевъ.
Вторая выставка Общества Куниджи 1918 г.

— Человѣкъ... Послушай, молодецъ, не нужно. Я бутылочку заказывалъ—такъ не нужно.

Пришелъ онъ за мной. Спатьнать меня поведеть--баю-баю Подъ однимъ одѣяломъ, вѣрите ли, сплю, передрогнешь и прижмешься. А средь ночи съ глухихъ просонокъ чувствуешь--Маріетточка... Привычка.

Иду, иду. Видите, знакъ рукой подаеть. Что, не вѣрно описалъ его?

Да, да, теперь въ сѣдину его ударило и безъ пенснэ. А безъ пенснэ—по причинѣ вышло.

Вель меня выпившаго, и я его свалилъ, затеряли мы стеклышки. Такъ горевали, ужъ такъ!

Съ капиталомъ теперь все не сложимся—пенснэ купить. Ходить онъ теперь, какъ пѣтухъ послѣ куриной слѣпоты. Вотъ она, дружба. Ну-съ, всего, всего хорошаго.

Еще слово прибавлю. И такъ муравьиную кучу словесъ насыпалъ. Хочу сказать, что началъ говорить гордо, кончилъ слабо. Разказчикъ я плохой, больше отъ робости на книжку сбиваю рѣчь. Такъ вы, пожалуйста, началу не вѣрите, а концу... правдѣ моей доверьтесь.—Иду же. Вотъ нетерпѣніе разбираеть.

Ужъ простимъ ему. Безъ стеколь—слѣпенькій!

* *
*

Моя тоска не знаетъ мѣры,
А сердце мечется въ бреду,
И у моей забытой двери
Я никого уже не жду.
Дразня, какъ сны, звучать копыта
По утомленной мостовой...
Мнѣ все равно, что я забыт
Тобой.
Мнѣ все равно, что слезы боли
Стальнымъ кольцомъ сжимають грудь...
Вѣдь одиночество и воля-
Мой путь.

Наталія Грушко.

Портретъ художника Ф. В. Дмоховскаго. А. Вахрамьевъ.
Вторая выставка Общества Куинджи 1918 г.

Мольба.

Изъ Сюлли Прюдома.

О, если бѣ вѣдома была вамъ и знакома
Грусть одиночества, навѣрное, тогда
Близъ моего ходили бы вы дома
Хоть иногда.

И если бѣ вѣдома была вамъ сердца тайна,
— О, свѣтлый взоръ, когда въ душѣ темно!—
Свой взглядъ порой вы бросили бѣ случайно
Въ мое окно.

И если бѣ знали вы, какъ можетъ сердце много
Доставить сердцу бѣдному добра,
Пришли бы състь у моего порога
Вы, какъ сестра.

Но если бѣ знали вы, какое къ вамъ влеченье
Таю въ моей сердечной глубинѣ,
Быть-можетъ, вы тогда безъ размысленья
Вошли бѣ ко мнѣ.

Зинаида Ц.

Портретъ художника Н. П. Химона. А. Вахрамьевъ.
Вторая выставка Общества Куинджи 1918 г.

Съ визитомъ. (Сплетницы).

Вторая выставка Общества Купиджи 1918 г.
(Собственность М. Л. Вахтель).

Л. Мардеросовъ

Бумажныя деньги французской революціи.

Очеркъ проф. Н. И. Карѣва.

(Съ 5 рис. на стр. 526 и 527).

Въ исторіи французской революціи сыграли большую роль бумажныя деньги,—роль экономическую, съ одной стороны, и политическую, съ другой. Выпускъ ихъ былъ финансовою мѣрою, которая не только ничего, въ концѣ концовъ, не улучшила, а только принесла громадѣйшій вредъ, такъ какъ чрезмѣрный ихъ выпускъ повлекъ за собою страшное ихъ обезцѣненіе, а слѣдовательно и непомѣрный ростъ цѣнъ на всѣ товары, съ которымъ пробовали бороться закономъ о максимумѣ, т.е. введеніемъ такса на разные товары и на заработную плату. Это паденіе цѣнности бумажныхъ денегъ и вздорожаніе жизни, въ значительной мѣрѣ, если не главнымъ образомъ имъ обусловленное, были одною изъ причинъ недовольства населенія, въ свою очередь подрывавшаго прочность новаго порядка вещей.

Эти бумажныя деньги назывались преимущественно ассигнатами, подъ каковымъ именемъ преимущественно и извѣстны, но, кромѣ того, были еще такъ называемыя земельныя свидѣтельства (территориальныя мандаты) и, наконецъ, всякіе „боны“, записки на полученіе денегъ, или расписки въ ихъ полученіи, разныя квитанціи (напримѣръ, при реквизиціяхъ). Какъ извѣстно, одна изъ причинъ, заставившая Людовика XVI созвать въ 1789 г. государственныя чины (Генеральные Штаты), заключалась въ разстройствѣ финансовъ при существованіи громаднаго долга. Возникшее изъ этого учрежденія

старой Франціи Национальное Собраніе отвергло съ самаго же начала всякую мысль объ объявленіи государственнаго банкротства и осенью 1789 г. обезпечило уплату національнаго долга имуществами церкви, которыя потомъ рѣшено было пустить въ продажу уже въ качествѣ имуществъ національныхъ, при чемъ въ составъ послѣднихъ вошли потомъ и королевскіе домены и конфискованныя имѣнія эмигрантовъ-дворянъ. Вскорѣ послѣ того, какъ государство наложило руку на собственность духовенства, 19-го декабря 1789 г. и были созданы ассигнаты или ассигнаціи.

Сначала это не были бумажныя деньги въ тѣсномъ смыслѣ, а государственныя облигаціи, приносившія 5% въ годъ и предназначавшіяся преимущественно для уплаты за покупаемыя національныя имущества и для другихъ чрезвычайныхъ платежей въ казну. На первыхъ порахъ рѣшено было пустить въ продажу недвижимыхъ имуществъ на четыреста милліоновъ ливровъ *) и на эту же сумму выпустить и ассигнатовъ, но черезъ четыре мѣсяца (въ апрѣлѣ 1790 г.) процентъ, приносившійся этими облигаціями, былъ пониженъ до 3, а черезъ

годъ послѣ перваго декрета объ ассигнатахъ, т.е. въ декабрѣ 1790 г. и совсѣмъ отмѣненъ. Первые ассигнаты выпускались такъ, что наименьшая купюра была въ десять тысячъ ливровъ, а въ апрѣлѣ 1790 г. она опредѣлялась уже только въ двѣсти ливровъ съ установленіемъ для ассигнатовъ принудительнаго курса, въ самомъ же концѣ года рѣшено было выпускать билеты и въ пятьдесятъ ливровъ. Одновременно максимальный предѣлъ былъ повышенъ съ четырехсотъ милліоновъ до одного милліарда двѣхсотъ тысячъ ливровъ, т.е. въ три раза выше.

На этомъ первое Национальное Собраніе (Учредительное) не остановилось, выпустивъ ассигнатовъ въ общемъ на 1.800 милліоновъ, Законодательное—на 900 милліоновъ, Конвентъ—уже болѣе чѣмъ на семь милліардовъ, а Директорія—на 35½ милліардовъ, что въ общей сложности составляетъ сорокъ пять съ половиною милліардовъ. Выходитъ такимъ образомъ, что первоначальный предѣлъ былъ превзойденъ болѣе чѣмъ въ сто разъ!

*) Ливръ—денежная единица, превращенная впоследствии въ франкъ; въ ливрѣ было 20 су (или солей), въ су—12 денне.

Рис. 1.

Рис. 2.

По мѣрѣ того, какъ увеличивалось количество выпущенныхъ ассигнатовъ, цѣна ихъ на звонкую монету постепенно падала. Въ 1790 г. за сто ливровъ ассигнатами давали 95 ливровъ золотомъ, въ началѣ 1791 г.—90, къ концѣ—85, въ исходѣ 1792 г.—63, въ 1793 г.—около 40, въ 1794 г. курсъ падалъ до 35% и ниже, пока въ началѣ 1795 г. не достигъ всего только 18%. Затѣмъ паденіе курса пошло особенно быстро: въ іюлѣ того же года онъ достигъ только 3%, а въ ноябрѣ менѣе одного процента, все равно, какъ если бы у насъ одинъ рубль сталъ стоить меньше одной копейки! Именно, осенью 1795 г. ассигнаты расцѣнивались въ 0,87% своей номинальной стоимости. Въ 1796 г. пониженіе пошло дальше: въ январѣ курсъ былъ въ полпроцента (0,54%), въ концѣ февраля меньше, чѣмъ въ треть (0,29%). Немудрено, что въ 1795—1796 гг. особенно давала себя чувствовать непомерная дороговизна всего, что покупалось на обезцѣненные ассигнаты. Приводимъ нѣсколько примѣровъ, которые могутъ дать понятіе о томъ, какъ низко пала покупательная сила этихъ бумажныхъ денегъ французской революціи. Въ 1795 г. чашка кофе стоила 15 франковъ, что при переводѣ на рубли, при курсѣ, бывшемъ до 1914 г., составляло бы около 5½ рублей. Въ январѣ въ Парижѣ фунтъ хлѣба стоилъ 50 франковъ (болѣе 18 р.), фунтъ муки 60 фр. (т.-е. 22 р. 50 к.), бутылка обыкновеннаго вина 100 фр., фунтъ свѣчей—180 фр. (67 р. 50 к.), пара башмаковъ—200 фр. (75 р.). При переводѣ этихъ цѣнъ на русскія, конечно, большого значенія не имѣетъ нѣсколько большая величина французскаго фунта (½ килограмма) сравнительно съ русскимъ (приблизительно на одну пятую нашего фунта). Обычный денежный ростъ до революціи былъ отъ 4 до 6 процентовъ въ годъ, а при Директоріи онъ возросъ до 4—6 процентовъ въ мѣсяць, а случалось—и до 7%, да и то подъ залогъ.

Операции съ бумажными деньгами для многихъ служили средствомъ обогащенія вмѣстѣ съ торговымъ барышничествомъ, поставками въ армію, покупкою національныхъ имуществъ и т. п. Ассигнаты и созданы-то были въ связи съ распродажей національныхъ имуществъ, которая притомъ для ускоренія хода операций оцѣнивались ниже ихъ дѣйствительной стоимости. Правительство боролось съ „ажиотажемъ“ самыми строгими мѣрами, но, нуждаясь въ финансистахъ, въ поставщикахъ и т. п., на многое смотрѣло сквозь пальцы, особенно въ эпоху Директоріи.

Рис. 3.

Мѣры противъ обезцѣненія ассигнатовъ ни къ чему не приводили, такъ какъ бумажные деньги выпускались сверхъ всякой мѣры, а тутъ еще въ большомъ количествѣ появились фальшивые ассигнаты. Съ осени 1793 до зимы 1794 г. дѣйствовать, какъ извѣстно, законъ о наивысшихъ цѣнахъ на предметы потребленія („максимумъ“), но и его пришлось отменить, потому что никто не хотѣлъ производить и торговать себѣ въ убытокъ.

Дѣлались и попытки уменьшенія количества находившихся въ обращеніи ассигнатовъ. Въ іюлѣ 1793 г. были объявлены подлежащими обмѣну ассигнаты съ портретомъ короля и дороже ста ливровъ, срокомъ же обмѣна назначено 1-е января 1794 г. Изъ 558 милліоновъ было обмѣнено 354 милліона, а 204 милліона

Рис. 4.

такимъ образомъ оказались аннулированными. Въ декабрѣ 1795 г. былъ изданъ декретъ о прекращеніи дальнѣйшаго изготовленія ассигнатовъ и объ уничтоженіи самыхъ граверныхъ досокъ, съ которыхъ производилось ихъ печатаніе, но исполнено было послѣднее только мѣсяца черезъ два, 19-го февраля 1796 г. (30-го плювіоза IV года), за этотъ же промежутокъ времени Директоріей было выпущено еще на 12 милліардовъ. Вотъ тогда-то и появились новыя бумажныя деньги, „территориальные мандаты“, на которыя можно было покупать конфискованныя земли эмигран-

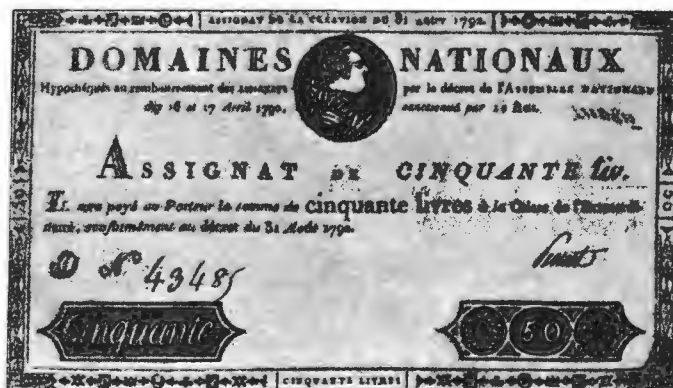

Рис. 5.

товъ и обмѣнивать ассигнаты, конечно, съ громадной потерей на обмѣнѣ. Но и эти бумажки стали быстро обезцѣниваться: вскорѣ послѣ выпуска своего онѣ уже стояли на 18% ниже золота, а осенью 1796 г. и мандаты стоили сначала только 5% и наконецъ тоже 1%. Между тѣмъ, когда выпускали эти земельныя свидѣтельства, они стоили въ тридцать разъ дороже ассигнатовъ. Такъ и съ мандатами произошло то же самое, что и съ ассигнатами. Финансовая система французской революціи кончилась государственнымъ банкротствомъ, изъ котораго страна вышла только при Наполеонѣ, благодаря въ значительной мѣрѣ тому, что еще со времени итальянскаго похода побѣжденные правительства и населенія должны были расплачиваться большими контрибуціями въ звонкой монетѣ. Нужно прибавить, что золото во время революціи все-таки оставалось въ обращеніи, а серебра было много добыто путемъ продажи церковной утвари.

Ассигнаты и мандаты такъ-таки и остались неоплаченными, а получили кое-что только держатели „бонговъ“, выпущенныхъ вмѣсто ренты, но такъ, что золотомъ выдавалась только одна

треть, а двѣ трети въ размѣрѣ 50%, такъ что, напримѣръ, бонъ въ 150 франковъ оплачивался лишь 55 франками.

Отъ той эпохи осталось такое громадное количество бумажныхъ денежныхъ знаковъ, что до сихъ поръ у антикваровъ и букинистовъ ихъ можно имѣть по очень низкимъ цѣнамъ, по какимъ ихъ и приобретаютъ разные любители старины. Часто они воспроизводятся и въ иллюстрированныхъ изданіяхъ исторіи революціи, а также на открытыхъ письмахъ. Мы даемъ здѣсь три образца.

На нихъ (рис. 2 и 4) изображены аллегорическія фигуры Свободы и Равенства съ ихъ атрибутами и скижалью „Правъ человѣка“. Надписи гласятъ: „Законъ караетъ смертью поддѣлывателя“ и „Нація вознаграждаетъ доносителя“. На одномъ ассигнатѣ предъявителю обѣщана уплата 15 су (около 28 коп.), на другомъ—50 су (около 1 р. 87 коп.). Третій образецъ въ 50 ливровъ (рис. 5) съ портретомъ короля имѣетъ дату 31-го августа 1792 г., когда монархіи во Франціи уже не существовало; штампъ былъ изготовленъ раньше событія 10-го августа.

По этимъ образцамъ печатали свои „бонъ“ и роялисты, когда

организовали контръ-революціонную армию въ Бретани и нуждались въ своихъ денежныхъ знакахъ. Отмѣтимъ еще, что у роялистовъ вошло въ обычай складывать такъ революціонные ассигнаты (рис. 1), чтобы въ серединѣ выходили изъ двухъ разныхъ надписей слова: „смерть республики“. Между прочимъ, по этому способу складывать ассигнаты они узнавали о принадлежности другъ друга къ партіи.

Въ видѣ курьеза приводимъ еще снимокъ (рис. 3)—шутливый „Мандатъ на уплату предъявителю двадцати пяти поцѣлуевъ“ съ помѣтками: „Серія сердецъ. Годъ счастья“ (нагѣво) и „Зарегистровано въ будуарѣ граціи“ (направо). Наверху значится: „Домены (владѣнія) любви“ (или Амура), внизу—„Двадцать пять поцѣлуевъ“, а по бокамъ въ бордюръ стоятъ слова: „Амуръ (или любовь) караетъ смертью равнодушіе“ и „Амуръ (или любовь) вознаграждаетъ вѣрность“. Такія „вольныя подражанія“ ассигнатамъ были вообще въ ходу у французовъ, которыхъ и въ тяжелыя времена не оставляла присущая имъ привычка шутить и забавляться.

Морской гротъ.

Р. Сидтъ.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условіямъ разорочки, подписная плата за „Ниву“ 1918 года должна быть внесена **полностью къ 1-му августа сего года**. Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ поэтому гг. подписчиковъ, не внесшихъ сполна подписныхъ денегъ, озаботиться **немедленно присылкою** остальной причитающейся съ нихъ суммы, **во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала**. Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ **обозначать на видномъ мѣстѣ копию печатнаго адреса** съ бандероли или **прилагать самый адресъ** и **непремѣнно указывать**, что деньги высылаются **въ доплату за получаемый уже журналъ**.

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать **1 рубль** и **печатный адресъ**.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Ангель смерти. Разсказъ В. Свѣтлова.— Священная роща. Разсказъ празднаго человѣка. Льва Насынкова.— Стихотвореніе Наталіи Грушко.— Мольба. Изъ Сюлліа Прюдома Стихотвореніе Зинаиды Ц.— Бумажныя деньги французской революціи. Очеркъ проф. Н. И. Карѣева.—Заявленіе.

РИСУНКИ: Вторая выставка Общества Купиджи 1918 г. Картины М. Ави-

лова, В. Щербакъ, Р. Савицкаго, В. Кузнецова, М. Далькевича, И. Дроздова, О. Бухгольда, А. Вахрамѣева, Л. Мардеросова.— Пять рисунковъ къ очерку проф. Н. И. Карѣева „Бумажныя деньги французской революціи“.—Морской гротъ. Р. Сидтъ.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Герцена“ книга 14.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. 15 29.

Библиотека "Руниверс"

ЖИЗНЬ

1918 г.

XLIX г.

№ 34.

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРЬЕВА („Великая Французская Революція“).

Выданъ 24 августа 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—36 р., на ½ г.—18 р., на ¼ г.—9 р. Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 к.

Главная Контора и Редакція; Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Открыта подписка на „НИВУ“ 1918 г.

Съ приложеніемъ 52 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, въ которыя войдетъ:

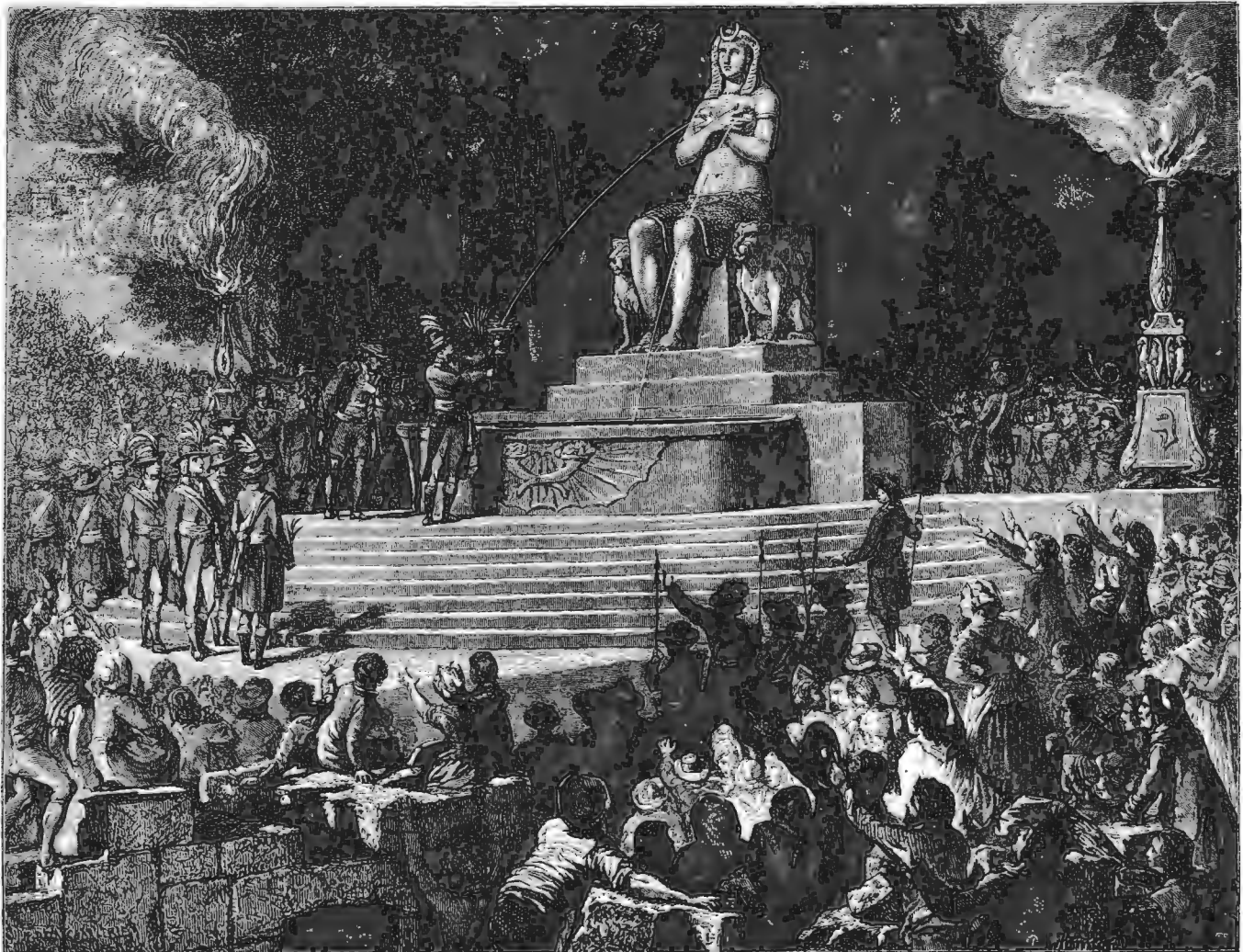
А. И. ГЕРЦЕНЪ (первая серія книгъ)

В. КОРОЛЕНКО (запрещенныя военною цензурою сочиненія)

М. ГОРЬКІЙ (вторая серія книгъ)

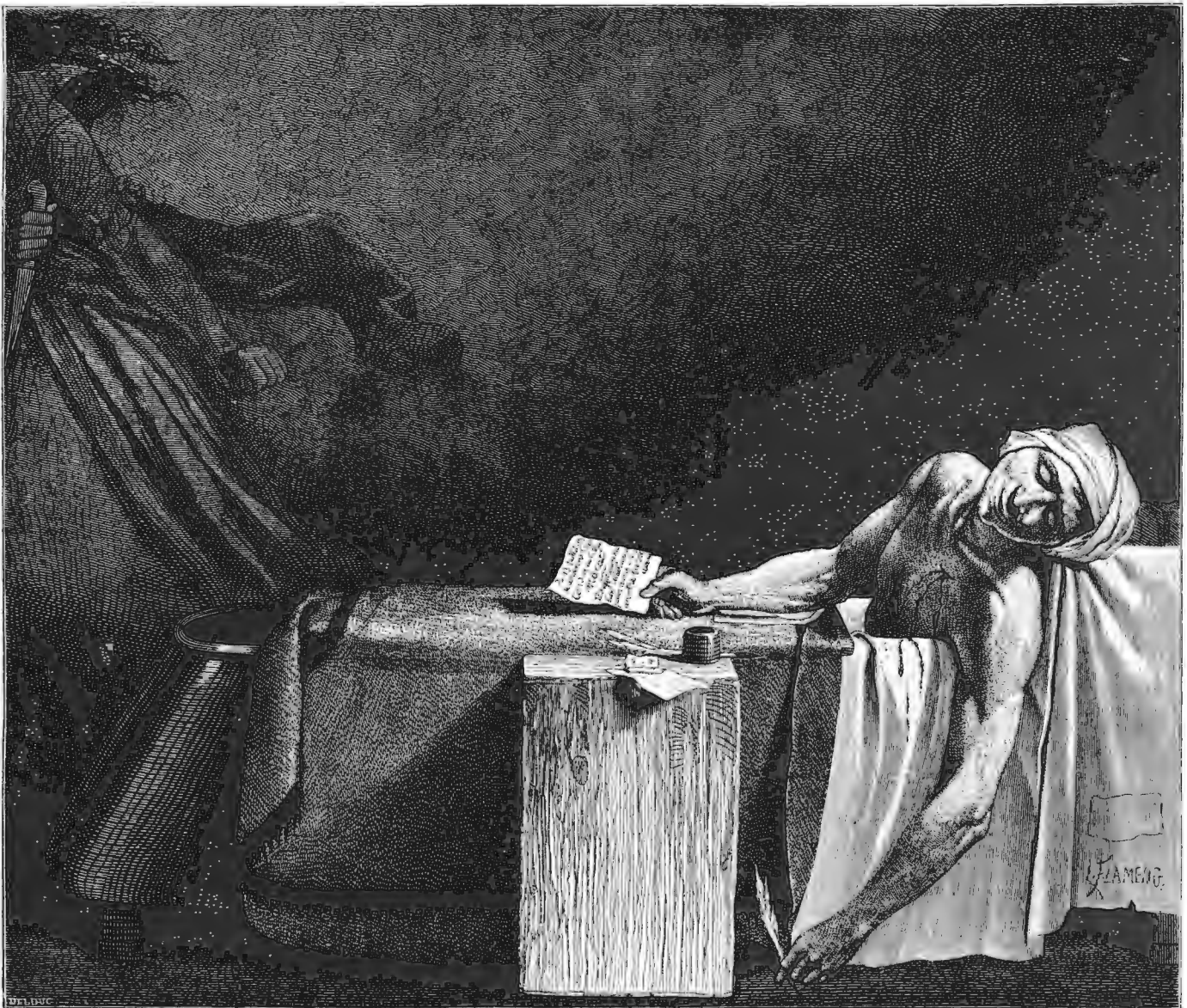
П. БЕРАНЖЕ (полное собраніе ПЬСЕНЪ)

Проф. Н. КАРЬЕВЪ. (Исторія Французской Революціи съ иллюстраціями).

Французская революція. Празднество въ честь установленія федеративной республики въ Парижѣ, на площади Бастилии.

Де-ля-Шарлери.

Смерть Марата.

Фламенгъ.

Журналисты великой французской революціи.

Очеркъ В. М. Дорошевича.

I.

Эпиграфомъ къ статьѣ о журналистахъ великой французской революціи пусть служитъ одинъ изъ самыхъ яркихъ фактовъ эпохи террора. Это не массовыя казни 2-го, 3-го и 4-го сентября 1792 г., это не казнь короля, не казнь королевы, не казнь Робеспьера, не казнь самого Дантона, когда была обезглавлена республика и революція.

Это казнь... одной кухарки.

Разгаръ террора: „Дрожали и заставляли дрожать“.

Этой формулой Тацита опредѣляется сущность террора. Казнили десять невиновныхъ, чтобы только не упустить одного опаснаго. Люди дрожали за себя, имъ всюду мерещились интриги, заговоры, контръ-революціонеры, — „аристократы“, — и они били безъ разбора, убивали отъ страха.

Терроръ—это человѣкъ, отъ ужаса потерявшій голову; который, не помня себя, замуривъ глаза, съ ножомъ кидается впередъ, бьетъ направо, налево, бьетъ кого ни попадя, бьетъ своихъ, чужихъ, враговъ, друзей, виновныхъ, невиноватыхъ. Это помѣшательство отъ ужаса.

Въ это время на рынкѣ Сентъ-Онорэ кухарка прицѣплялась къ уткамъ.

— Сколько стѣдятъ вотъ эта?

— Двадцать ливровъ (20 франковъ), гражданка.

Кухарка вышла изъ себя:

— Двадцать ливровъ за такую дряннъ?! Кожа да кости! Чортъ бы васъ взялъ со всей вашей революціей! Стоило дѣлать революцію, чтобы умирать съ голоду! При королѣ руанская утка — руанская! — стоила восемь ливровъ. Можно было ливръ положить даже себѣ въ карманъ. Вотъ, постойте! Придутъ нѣмцы и англичане, перевѣшаютъ всѣхъ вашихъ якобинцевъ и наведутъ вамъ порядокъ.

Во время голода рынокъ — плохое мѣсто для политическихъ бесѣдъ. Кругомъ толпа, озлобленная стояніемъ въ очередяхъ, которая парижане прозвали „хвостами“. Голодная толпа, озлобленная высокими цѣнами. Взвинченныя истерическія торговки, „les dames des Halles“. Потомъ, черезъ много десятилѣтій, изъ нихъ создается веселый образъ „Madame Angot“, „Дочери Рынка“..

Неучтива и бранчива,

Не боится никого,

Черный волосъ, звонкій голосъ,

Вотъ портретъ madame Angot.

Все хорошо, что минуло. Но тогда-то было съ ними говорить не совсѣмъ легко и удобно. Это были „мегеры революціи“. Имъ кричали, что онѣ мародерствуютъ и грабятъ голодныхъ. Онѣ кричали, что это спекулянты припрятаваютъ припасы и взвинчиваютъ цѣны.

И вдругъ среди нихъ такая кухарка съ такой рѣчью. .

— А! Ждетъ прихода нѣмцевъ! Хвалить старый режимъ! За аристократовъ! Контръ-революционерка!

Торговки схватили кухарку и отвели въ ближайшую секцію, — тогдашній комиссариатъ, — какъ „аристократку“. Секція ее отравила въ Комитетъ общественнаго спасенія. Комитетъ предалъ революціонному суду по обвиненію въ аристократическомъ образѣ мыслей, замыслахъ противъ республики и публичномъ произнесеніи контръ-революціонныхъ рѣчей. Такихъ дѣлъ было масса. Одинъ изъ помощниковъ общественнаго обвинителя привычной, наметавшейся рукой составилъ коротенькій обвинительный актъ.

Антуанъ-Кэнтень Фуке-Тэнвилль, общественный обвинитель, этотъ спокойный, какъ механизмъ, чиновникъ революціи, скрѣпившій своей подписью обвинительные акты и противъ короля и противъ герцога Орлеанскаго, приговорившаго къ смерти короля, и противъ Дантона въ угоду Робеспьеру, и противъ самого Робеспьера — и противъ кого угодно, скрѣпилъ своей подписью обвинительный актъ противъ кухарки, обвиняемой въ аристократизмѣ. Судъ въ революцію — всегда судъ скорый. Въ медленности его упрекнуть нельзя. Дѣло пошло въ Революціонный Трибуналъ. Кухарка и не думала упираться.

— Двадцать ливровъ за дохлую утку? Кожа да кости! Разумѣется, при королѣ руанская утка — настоящая руанская! — стояла не дороже восьми. И сейчасъ скажу! Разумѣется, мы очень много выиграли съ этой революціей! Разумѣется, придутъ союзники и наведутъ порядокъ! Развѣ такъ можно жить?

Цѣлая контръ-революціонная рѣчь на судѣ. Не аристократка? Какіихъ еще нужно доказательствъ? „Аристократка“ была приговорена къ единственному, равному для всѣхъ, высшему наказанію avoir la tête tranchée sur une place publique de Paris, — къ отрубленію головы на одной изъ общественныхъ площадей Парижа.

Но на судѣ было нѣсколько человекъ, которыхъ возмутила и ужаснула эта нелѣпость. Обвиненіе кухарки въ аристократизмѣ! Смертная казнь за нѣсколько глупыхъ, неосторожныхъ словъ! Они побѣжали въ Конвентъ. Очень легко нашли въ кулуарахъ депутата, — Мазюе, отъ Сены и Луары, — который, конечно, принялъ участіе въ этомъ возмутительномъ дѣлѣ.

— Какое же можетъ быть сомнѣніе? Разумѣется, Конвентъ отмѣнить такой приговоръ! Представители народа — это мозгъ и сердце націи. Сама природа возмущается такимъ приговоромъ. Человѣчность и философія не могутъ примириться съ нимъ. Это судебная ошибка. Не безпокойтесь, граждане! Я вступлюсь за эту женщину, какъ Вольтеръ вступился за Каласа.

Онъ отправился къ президенту Конвента, потребовалъ слова виѣ очереди по дѣлу, не терпящему отлагательства.

Je suis le véritable pere Duchesne, foutez LA MINE ÉVENTÉE.

ou La Grande Colere DU PERE DUCHESNE,

A la découverte d'un nouveau projet de contre-révolution, annoncé pour le 25 Août.

Le plus difficile à écorcher, c'est la queue, dit le proverbe. Je m'étois toujours douté que la fin de la Conflitation nous ameneroit quelque foutue

70

„Pere Duchesne“ — одинъ изъ журналовъ революціонной Франціи, издававшийся Эберомъ.

VIVRE LIBRE (N°. 1er.) OU MOURIR.

LE VIEUX CORDELLIER;

JOURNAL

RÉDIGÉ par CAMILLE DESMOULINS, Deputé à la Convention, et Doyen des Jacobins.

Quintidi Frimaire, 1er Décade, l'an II de la République, une et indivisible.

Des que ceux qui gouvernement seront hais, leurs concurrents ne tarderont pas à les admirer. (MACHIAVEL.)

O P I T T ! Je rends hommage à ton génie ! Quels nouveaux débarqués de France en Angleterre t'ont donné de si bons conseils, et des moyens si sûrs de perdre ma patrie ? Tu as vu que tu échouerois éternellement contre elle, si tu ne t'attachois à perdre, dans l'opinion publique, ceux qui, depuis cinq ans, ont déjoué tous tes projets. Tu as compris que ce sont ceux qui t'ont toujours vaincu qu'il falloit

N°. 1er A

„Le vieux Cordeller“ — одинъ изъ журналовъ революціонной Франціи, редактированный Камилломъ Демуленомъ.

— Ибо, что можетъ быть дороже человеческой жизни? Что можетъ быть священнѣе для республики, гдѣ царятъ свобода, равенство и братство, — жизни гражданина? Какое дѣло можетъ быть важнѣе для гражданъ, чѣмъ исправленіе судебной ошибки, возстановленіе попоранной справедливости, — ибо „пораніе справедливости, — какъ говорить Монтескьё, — особенно возмутительно, когда оно прикрывается по виду законными формами“. Развѣ не должны мы руководствоваться не буквой, а „духомъ законовъ“?

Предсѣдатель, „подслышный голосу природы“, поставилъ вопросъ для немедленнаго виѣочереднаго разсмотрѣнія.

Мазюе произнесъ передъ Конвентомъ горячую рѣчь.

Конечно, онъ только привѣтствуетъ ту быстроту, съ которой Революціонный Трибуналъ рѣшаетъ дѣла. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о безопасности республики и завоеваній революціи, каждая минута, каждая секунда промедленія можетъ грозить неисчислимыми бѣдствиями. Тутъ быстрота есть высшая мудрость. Конечно, у него не повернется языкъ обвинять Революціонный Трибуналъ, день и ночь стоящій на стражѣ республики и общественной безопасности, если бы у этого трибунала случайно и проскочило неправильное рѣшеніе. Требовать отъ людей сверхчеловѣческаго было бы противно природѣ! Разумѣется, не онъ будетъ протестовать противъ гильотины, противъ спасительнаго дѣйствія „меча правосудія“, который своимъ блескомъ, какъ молнія, поражаетъ враговъ народа, какъ лучъ солнца озаряетъ надеждой сердца добрыхъ гражданъ. Пусть Революціонный Трибуналъ судить быстро! Пусть мечъ правосудія разить нещадно!

Въ тѣ времена говорить въ Революціонномъ Трибуналѣ о гильотинѣ надо было съ осторожностью. И прежде чѣмъ помолиться за невинно осужденнаго, надо было покадить, и хорошенько покадить иконамъ...

— Но, граждане, кого же сейчасъ готовится поразить мечъ правосудія, отточенный противъ враговъ народа? Дочь народа... жертву деспотизма... Да, деспотизма, предумышленно державшаго въ тѣмѣ невѣжества этотъ бѣдный народъ!.. Одну изъ тѣхъ, которымъ тьма невѣжества, застилающая имъ глаза, не даетъ видѣть благодѣяній революціи... Одну изъ тѣхъ, борясь за кого, мы испровергли тронъ деспотизма и разрушили алтарь фанатизма!

Человѣкъ великой французской революціи, онъ, разумѣется, цитировалъ Плутарха, потому что Плутархъ былъ ихъ Библией. Онъ, конечно, цитировалъ Жанъ-Жака Руссо, потому что Руссо былъ ихъ Евангелиемъ

Онъ пустилъ въ ходъ всѣ приемы словесности, которые были въ его распоряженіи. Онъ употреблялъ метафоры, сыпалъ сравненіями, сверкалъ уподобленіями, прибѣгалъ къ гиперболамъ.

доказывал просто, доказывал отъ противнаго, доводилъ всё противоположные взгляды до абсурда, прибѣгалъ къ *captatio benevolentiae*, не жалѣлъ сарказма, не экономилъ на паѳосѣ, — и блестящимъ *regain*, въ которомъ онъ взывалъ къ лучшимъ чувствамъ и вѣчнымъ идеаламъ, черезъ два часа закончилъ свою рѣчь.

А въ это время кухарку успѣли казнить.

Въ то время, какъ пламенный защитникъ „правъ челоѣка и гражданина“, депутатъ Конвента въ Тюльрійскомъ дворцѣ проносилъ двухчасовую защитительную рѣчь, въ какихъ-нибудь 200—300 саженьяхъ его подзащитной отрубили голову.

И на бульварѣ Nausmann, за сѣрой и мрачной стѣной такъ называемаго „памятника искуленія“, стѣной, ограждающей кладбище гильотинированныхъ во время террора, рядомъ съ костями жирондистовъ, Камилла Дэмюлена, Дантона, Робеспьера, Сель-Жюста и самого Фуке-Тэнвилля, среди костей принцессы Елисаветы, герцогинь, маркизъ и графинь тлѣютъ и кости кухарки, какъ... „аристократки“.

Этотъ маленькій фактъ я считаю самымъ характернымъ для великой французской революціи.

Она была страшно болтлива, великая французская революція! Во время нея было пролито много крови и, — Боже мой! — сколько словъ. Ненужной крови и лишнихъ словъ. Она тонула, — она утонула въ крови и словахъ.

Вотъ передъ нами журналы великой французской революціи. Подлинники тѣхъ журналовъ. Этихъ страницъ касались дрожація руки людей того страшнаго времени. Эти страницы пробѣгались такими же лихорадочными взглядами, какими сейчасъ пробѣгаются наши газеты.

Вотъ „L'ami du peuple“ („Другъ народа“), — журналъ кроваваго Марата.

Вотъ „Révolutions de France et de Brabant“, Камилла Дэмюлена, перваго республиканца Франціи, челоѣка, призвавшаго къ разрушенію Бастилии, одного изъ творцовъ великой французской революціи. Ея энтузіаста, ея поэта, ея рыцаря.

Вотъ его же „Le vieux Cordelier“, гдѣ онъ, уже подъ ножомъ гильотины, борется, какъ левъ. Борется за себя, за свою благородную, умную голову. Напрасный трудъ! Въ революціи можно бороться за другихъ. Борются за себя, за свою жизнь — бесполезно.

Вотъ иллюстрированный журналъ Prud'homme'a „Révolutions de Paris“.

Вотъ единственный контръ-революціонный журналъ великой французской революціи, носящій странное названіе „Les actes des Apôtres“ („Дѣянія Апостоловъ“).

Камилль Дэмюленъ, первый журналистъ великой французской революціи.

Люсиль Дэмюленъ, жена Камилла Дэмюлена.

Вотъ гордость всякаго коллекціонера, — нѣсколько номеровъ „Le père-Duchesne“. Полнаго собранія всѣхъ номеровъ этого кроваваго пасквиля нѣтъ нигдѣ въ мірѣ. Даже въ „Національныхъ архивахъ“ Франціи нѣтъ полнаго комплекта. Когда наступила реакція, а съ нею неизбѣжный бѣлый терроръ, — одна находка при обыскѣ „ужаснѣйшаго изъ журналовъ“ была уже билетомъ хорошо, если только въ тюрьму. — „А! Вы храните „Père-Duchesne!“ — въ этомъ звучалъ смертный приговоръ. Можете судить, какъ тщательно уничтожались всѣ имѣвшіеся номера этого журнала. Эти полные грязя и крови листки сбиваются сейчасъ больше, чѣмъ па въсь брильянтовъ.

Журналы того времени, — ежедневные, какъ журналъ Марата, еженедѣльные, какъ журналъ Камилла Дэмюлена, выходившіе въ неопредѣленные промежутки времени, какъ „Le père-Duchesne“, — издавались въ форматѣ тетрадокъ. Ежедневный „Другъ Народа“ выходилъ въ 8 страницъ — одинъ печатный листъ. Еженедѣльные въ 40—48 страницъ — пять-шесть печатныхъ листовъ. Они очень бѣдны съ вида. У каждаго журнала своя собственная типографія, — тоже очень бѣдная, потому что типографію онъ долженъ покупать на свои деньги. У Марата, на примѣръ, не хватало одного шрифта для цѣлой статьи. Когда вышелъ весь корпусъ, онъ продолженіе статьи печатаетъ петитомъ. Это журналисты-кустари. Онъ самъ пишетъ весь номеръ съ начала до конца, печатаетъ въ собственной типографіи, и номеръ складываютъ, брошюруютъ и продаютъ газетчикамъ у него же на квартирѣ. Шарлотта Кордэ, поднявшись къ Марату по грязной и пахучей кошкѣ — это она хорошо запомнила — лѣстницѣ, въ первой же комнатѣ застала женщину, которая складывала номера „Друга Народа“.

— Гражданинъ Маратъ дома?

— Онъ въ ваннѣ.

— Мнѣ нужно его видѣть. Я пришла по дѣлу, касающемся блага республики.

— Если ты пришла по дѣлу, касающемся блага республики, „другъ народа“ тебя приметъ.

Прюдомъ печатаетъ иллюстраціи въ своемъ журналѣ, но какія это жалкія и нищенскія иллюстраціи! А это было время расцвѣта гравюры. Гравюры времени великой французской революціи съ картинъ Давида, гравюры „республиканскаго содержания“, гравюры, изображающія Лукрецію, поражающую себя кинжаломъ, Брута, приговаривающаго къ смерти своихъ сыновей, — эти гравюры великолѣпны, изумительны.

Содержание тогдашних журналов?

Терроръ въ полномъ разгарѣ. Гильотина, сначала съ одной стоі, оны Тюльріійскаго дворца—на площади Каррусель, потомъ съ другой его стороны—на площади Революціи, работаетъ съ утра до ночи. „Красныя обѣдни“ служатся съ утра до ночи. Палачъ Сансонъ и его помощники жалуются, что невозможно работать. Они поскальзываются. До того помость гильотины зальтъ кровью...

Кто вчера казненъ? Кто объявленъ внѣ закона?

Вопросы, отъ которыхъ сжимается сердце у парижанина. Но ни въ одномъ изъ журналовъ нѣтъ на это отвѣта.

Вы должны идти въ Тюльріійскій дворецъ, на лѣстницу этого страшнаго Конвента. Тамъ толстая женщина раскинула свою палатку. У нея продаются революціонныя пѣсенки, официальныя изданія Конвента, „Бумаги, найденныя въ желѣзномъ шкафу“ (на основаніи которыхъ гражданинъ Людовикъ Капетъ, „бывшій король“, и былъ приговоренъ къ смерти), поздиѣ—бумаги, найденныя при обыскѣ у Максимилиана Робеспьера. И среди этихъ пѣсенокъ и документовъ и листки „приговоренныхъ къ отрубленію головы“ и объявленныхъ внѣ закона. Или же ихъ продаютъ на улицѣ мальчишки, кричащіе во все горло:

— Тиражъ выигршей лотереи Святой Гильотины!

Что вчера случилось въ Парижѣ? Почему въ Hôtel de Ville стрѣляли каждые полчаса изъ пушки? Почему ночью гудѣлъ надъ городомъ набатъ? По поводу чего гудѣли барабаны во всѣхъ секціяхъ, сзывая всѣхъ вооруженныхъ санкюлотовъ? Почему требовали, чтобы во всѣхъ домахъ всю ночь были освѣщены окна, такъ, чтобы можно было видѣть, что происходитъ въ комнатахъ (тогда въ тревожныя минуты приказывали весь городъ освѣщать)?

—Что произошло? Что происходитъ?

Узнать можно, сбѣгавъ въ секцію. Узнать можно въ политическихъ клубахъ. Узнать можно, если на углахъ расклеены объявленія. Узнать можно отъ городскихъ грамотеевъ, которые барабаномъ сзываютъ публику и на перекресткахъ читаютъ новыя декреты. Но, главнымъ образомъ, всѣ и все узнаютъ по слухамъ. Городъ живетъ, мятется, впадаетъ въ ужасъ и убиваетъ на основаніи слуховъ.

Газеты фактовъ не сообщаютъ. Газеты выше фактовъ. Газеты печатаютъ только мнѣнія. Мнѣнія ихъ редакторовъ

Нумеръ въ 48 страницъ, шесть печатныхъ листовъ, еженедѣльно заключаетъ въ себѣ только статью,—одну статью!—Камилла Дамулена. Не забывайте, что онъ, такъ же, какъ и Маратъ, состоитъ депутатомъ Национальнаго Конвента и тамъ говоритъ,—что онъ говоритъ безпрестанно въ клубѣ якобинцевъ,—что онъ долженъ выступать и говорить въ клубѣ Корделье. И, кромѣ того, чтобы высказаться вполнѣ, онъ пишетъ еженедѣльно по шести печатныхъ листовъ! Тѣнь бѣдной „аристократки“-кухарки, павшей жертвой краснорѣчія своего защитника, ты иронически витаешь надъ прессой великой французской революціи, такъ же, какъ и надъ Конвентомъ!

Для историка великой французской революціи тогдашніе журналы очень интересны, въ смыслѣ тогдашнихъ настроеній, тогдашнихъ думъ,—даже въ бытовомъ отношеніи, благодаря массѣ писемъ къ редактору, которыя въ этихъ газетахъ печатались. Но въ смыслѣ фактовъ даетъ матеріалъ только одно официальное ежедневное изданіе „Moniteur“. Эта лучшая, безпристрастная, протокольная исторія великой французской революціи.

Каково содержаніе нумера?

Девять десятыхъ нумера—это точный, полный отчетъ о засѣданіяхъ Законодательнаго Собранія. Стенографія тогда не было. Брались люди, умѣвше скоро писать. Къ тому же большинство ораторовъ,—какъ, напримѣръ, Робеспьеръ,—самыя пылкія, самыя страстныя свои рѣчи читали по бумажкѣ. Рѣчами зальтъ „Монитѣръ“. Въ мѣсяцъ не успѣваютъ напечатать того, что успѣютъ наговорить въ одно засѣданіе.

Второй главный отдѣлъ „Монитѣра“—это вѣсти изъ-за границы. Это самый трагическій отдѣлъ официальной революціонной газеты. Онъ напоминаетъ страницу изъ сказки о рыцарѣ Раулѣ Синей Бородѣ и его женахъ. Помните вы эту сцену, когда дама въ предсмертной тоскѣ, въ ужасѣ предъ гибелью, позоромъ, смертью, ждущая избавителя, посылаетъ свою сестру на высокую башню?

— Сестра Анна! Видишь ли ты что-нибудь?

— Я вижу, сестра. Я вижу. Я вижу. Онъ скачетъ, окруженный своими латниками! Вонъ пыль! Вонъ пыль, поднятая ихъ конями! Онъ приближается!.. Они..

— Сестра Анна! Сестра Анна! Что же ты замолчала? Сестра Анна! Видишь ли ты что-нибудь?

— То вѣтеръ поднялъ пыль на дорогѣ. То былъ вѣтеръ. И нѣтъ никого... Никого...

Вѣдь это же такъ просто, такъ понятно, такъ человѣчно.

Chaque être a le droit d'être libre. (Всякій человѣкъ имѣетъ право быть свободнымъ). Всѣ люди рождаются равными. Зачѣмъ же одни должны только терпѣть, а другіе могутъ угнетать? Одни должны только повиноваться, а другіе рождаются командовать? Сдѣлайте, какъ мы. Провозгласите права человѣка и гражданина. Свергните тирановъ,—и завтра братскимъ станетъ родъ людской. Да развѣ въ другихъ странахъ не зрѣютъ тѣ же идеи? Развѣ въ Германіи Фридрихъ Шиллеръ, благородный Шиллеръ, не полонъ тѣхъ же самыхъ идей?

И Конвентъ провозглашаетъ Фридриха Шиллера, благороднаго Шиллера, гражданиномъ французской республики.

Короля Людовика XVI больше нѣтъ. Въ Тамплѣ сидитъ безвредный какой-то Людовикъ Капетъ, толстый, жирный, жалкій человѣкъ, который вѣтъ за двоихъ, обѣдаегъ съ величайшимъ аппетитомъ въ тотъ самый день, когда его лишили царства и свободы. Онъ даже мало интересенъ. Но Конвентъ все-таки рѣшаетъ его казнить.

— Почему?

— Мы должны,—отвѣчаетъ журналистъ великой французской революціи,—мы должны бросить эту голову въ лицо всѣмъ деспотамъ. Эта окровавленная голова—красное раскаленное ядро, которое разобьетъ цѣпи деспотизма. Мы должны показать примѣръ всѣмъ народамъ. Вотъ какъ надо поступать съ деспотами! Присоединяйтесь къ намъ. Поступайте, какъ мы!

Это говоритъ Маратъ, и,—въ этомъ его сила,—онъ думаетъ, какъ вся великая французская революція.

Эти чувства, эти чаянія, эти надежды отражаются въ иностранномъ отдѣлѣ „Монитѣра“. Онъ сообщаетъ о томъ страхѣ, который возбуждаетъ у иностранныхъ правительствъ „среди деспотовъ и тирановъ“ побѣдоносный ходъ французской рево-

Художникъ Жакъ-Луи Давидъ.

Автопортретъ
(Луврскій музей).

люди. Какъ они боятся, чтобы огонь не перекинуло къ нимъ. Какія интриги, козни готовятъ противъ революціонной Франціи. О тѣхъ революціонныхъ движеніяхъ, которыя вспыхиваютъ въ Польшѣ; о томъ, что въ Шотландіи, по слухамъ, уже собрался Національный Конвентъ, и что вскорѣ власть въ Англіи перейдетъ въ руки возставшаго народа; о томъ, что великая демократія Америки, — опять-таки, по слухамъ, — идетъ на помощь революціонной Франціи, и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты готовы оказать финансовую поддержку французской республикѣ. И ножъ врага уже у горла: нѣмцы и англичане въ Верденѣ, всего нѣсколько переходовъ до Парижа, — „Мониторъ“ сообщаетъ, что даже прусскій народъ отказывается идти противъ революціоннаго французскаго народа, и „только Бранденбургскіе гусары, самый аристократическій полкъ, идутъ противъ насъ“.

Обманываютъ ли они? Ошибаются ли сами?

Позвольте отвѣтить на это китайской пословицей.

Въ моихъ скитаньяхъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ китайскимъ революціонеромъ Кангъ-Ю-Уэемъ, знаменитымъ реформаторомъ Китая. Мы бесѣдовали съ нимъ черезъ переводчика.

— Надѣется ли Кангъ-Ю-Уэй, что мечты его скоро сбудутся?

Кангъ-Ю-Уэй отвѣтилъ что-то со смѣхомъ, — съ типичнымъ смѣхомъ, съ которымъ китайцы говорятъ одинаково и о радостяхъ и о печаляхъ. „Мертвымъ смѣхомъ“, какъ зовутъ этотъ китайскій смѣхъ.

— Кангъ-Ю-Уэй, — сказала переводчица, — просилъ перевести вамъ нашу китайскую посло ицу: „когда ждешь друга, то стукъ своего сердца часто принимаешь за топотъ его коня“. Вотъ, онъ говоритъ, отвѣть на вопросъ.

Обязательнымъ отдѣломъ въ каждомъ номерѣ „Монитѣра“ является анонсъ о спектакляхъ. Что бы ни происходило въ Парижѣ, одно неизмѣнно: спектакли идутъ каждый день. Льется ли по улицамъ кровь, — буквально льется по улицамъ, течетъ по канавкамъ во время сентябрьской бойни, — казнятъ ли короля, падаетъ ли голова Робеспьера, — для театровъ находится публика. И одна изъ рецензій „Монитѣра“ въ отчаяніи восклицаетъ:

— Кто нынче не пишетъ пьесы? Кто не написалъ „своей пьесы“? Двадцать театровъ едва успеваютъ поставить все, что имъ приносятъ!

Когда строится новая жизнь, декреты Національнаго Конвента сыплются, какъ изъ рога изобилія. Декреты о новыхъ названіяхъ мѣсяцевъ. Декреты о новыхъ мѣрахъ вѣса, длины, о новомъ исчисленіи времени: — часъ въ 100 минутъ. Декреты безъ конца. Ихъ расклеиваютъ на улицахъ, но въ „Мониторѣ“ декретовъ не печатаютъ. Мы изрѣдка только встрѣчаемъ коротенькія административныя распоряженія, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго, напечатаннаго въ номерѣ отъ 21-го января 1793 г.:

„Временный исполнительный совѣтъ, во исполненіе декретовъ Національнаго Конвента отъ 15, 17 и 19-го января 1793 г., постановляетъ:

1) „Приведеніе въ исполненіе приговора надъ Людовикомъ Капетомъ произойдетъ 21-го января.

2) „Мѣстомъ исполненія приговора будетъ площадь Революціи, бывшая площадь Людовика XV, между пьедесталомъ и Елисейскими полями.

3) „Людовикъ Капетъ будетъ отправленъ изъ Тампля въ 8 час. утра, дабы исполненіе приговора могло быть совершено въ полдень.

4) „Комиссары департамента Парижа, комиссары муниципалитета, два члена уголовнаго суда будутъ присутствовать при исполненіи приговора. Секретарь означеннаго суда составитъ протоколъ, и вышеозначенные комиссары и члены трибунала немедленно послѣ того, какъ приговоръ будетъ приведенъ въ исполненіе, явятся дать отчетъ во временный исполнительный комитетъ, который будетъ непрерывно засѣдать весь этотъ день“

Таковъ официальный журналъ великой французской революціи.

На крайнемъ правомъ флангѣ тогдашней печати стоятъ „Les actes des Apôtres“ („Дѣянія Апостоловъ“), на самомъ лѣвомъ — журналъ „L'Espion de Paris“ („Шпионъ Парижа“).

„Дѣянія Апостоловъ“ — журналъ сатирической, въ прозѣ и стихахъ. Его сотрудники называютъ себя „апостолами королевской демократіи“. Журналъ кончается съ началомъ террора. 10-го августа 1792 года, при взятіи народомъ Тюльрійскаго дворца, нѣсколько его сотрудниковъ гибнутъ во дврцѣ вмѣстѣ съ наемной швейцарской стражей. Печальная смерть для журналистовъ! Быть убитыми вмѣстѣ съ наемниками. И эти писатели не возбуждаютъ уваженія даже среди контръ-революціонеровъ. Всѣ знаютъ, что журналъ издается на деньги королевы и аристокра-

Марія-Антуанетта.

товъ, что журналъ пишется продажными перьями. Авторѣ не уважаютъ, но ихъ писанія читаютъ съ удовольствіемъ. Отводить душу. Ихъ писанія признаются тогда блестящими.

Признается перломъ остроумія „декретъ о полномъ равенствѣ“:

§ 1.—„Съ наступающаго 14-го іюля дни и ночи должны быть равны на всемъ пространствѣ земного шара. Солнце должно всходить вездѣ въ 5 часовъ утра.

§ 2.—„Какъ только окончится день, должна начать свѣтить луна, и обязуется свѣтить вплоть до восхода солнца.

§ 3.—„На всемъ пространствѣ земного шара температура должна быть постоянно одинаковая и умѣренная.

§ 4.—„Гроза и градъ не должны разражаться иначе, какъ надъ лѣсами. Населеніе должно быть навсегда освобождено отъ наводнений, и земля, на всемъ ея протяженіи, будетъ орошаться только благотворной росой на благо всѣхъ обитателей, безъ исключенія.

§ 5.—„Настоящій декретъ долженъ быть разосланъ для исполненія всѣмъ муниципалитетами и опубликованъ въ обоихъ полушаріяхъ“.

Имѣеть огромный успѣхъ стихотвореніе, которое мы переведемъ прозой:

„Какъ измѣнился нашъ языкъ! Бывшій Богъ, бывшее духовенство, бывшій король, бывшая королева, бывшіе подданные, бывшіе герцоги, бывшіе маркизы — и даже бывшія наши провинціи! Бывшія высочества, бывшіе преподобія, бывшій кредитъ, бывшее богатство, бывшая торговля, бывшія ремесла, бывшія знамена, бывшая слава Франціи, бывшіе матросы, бывшіе солдаты! И если это безуміе не остановится, скоро Европа сможетъ сказать: „бывшій французскій народъ!“

Но, въ общемъ, теперь на нашъ взглядъ, статьи „Дѣяній Апостоловъ“ кажутся скучными, однообразными. Это все личные нападки противъ видныхъ якобинцевъ. Это обычная психологія той части населенія, которая перепугана революціей. Случалось

ли вамъ терять кого-либо изъ близкихъ? Если да, — вы знаете это чувство. Близкій человекъ мертвъ, передъ вами трупъ, — но вы не хотите вѣрить, — умъ отказывается вѣрить. Этого не можетъ быть! Не можетъ быть! Не можетъ быть, чтобы онъ умеръ... Люди, живущіе во время великой французской революціи, даже не представляютъ себѣ, что они живутъ во время революціи. Пьеръ де-Вессьеръ издалъ „Письма аристократовъ“. Это частная переписка дворянъ, оставшихся въ Парижѣ, съ родственниками и друзьями-эмигрантами. Интересная и поучительная книга. Вотъ письмо отъ 22-го января 1793 г. На завтра послѣ казни короля. Авторъ пишетъ о казни „этого несчастнаго“ безъ особаго сожалѣнія. Людовикъ XVI не возбуждаетъ особаго сочувствія въ аристократахъ. Безхарактерный. Тряпка въ рукахъ своей жены, онъ лучшаго и не заслуживаетъ. Онъ самъ погибъ, да и насъ погубилъ, благодаря своей безхарактерности! Его казнили, — и Богъ съ нимъ. „Но вотъ что ужасно, — говорится въ письмѣ, — если такъ пойдетъ и дальше, это можетъ кончиться революціей“. Уже короля казнили, а имъ все еще не вѣрится, не хочется вѣрить, что старый порядокъ умеръ! Имъ все еще кажется, что это не революція. Все это такъ ужасно, что долго продолжаться не можетъ. Недѣли двѣ, мѣсяць, и все это кончится, должно кончиться само собой! Народъ поднялся, вся страна. А имъ кажется, что это все только кучка якобинцевъ. Прогнать эту кучку, этихъ якобинцевъ, — и все будетъ кончено. И ихъ любимый журналъ тѣшить ихъ душу, наадавая на якобинцевъ, увѣряя, что вожди революціи дѣйствуютъ „на деньги англичанъ“, на деньги про-

Дофинъ и принцесса Елисавета, сестра короля Людовика XVI.

странцевъ, высмѣивая зло, высмѣивая грубо этихъ парвеню, этихъ Камилловъ Дамуленовъ, этихъ гг. Дантоновъ, которымъ вчера еще нечего было „жрать“, и которые сегодня обѣдаютъ въ ресторанахъ по 10 ливровъ „par tête“, выраженіе, которое, судя по тону статьи, слѣдуетъ перевести: „по 10 франковъ съ рыла“.

Это сотрудники „Дѣяній“ выдумали для представителей народа кличку „собачьихъ депутатовъ“, напечатавъ благодарность Национальному Собранію за уничтоженіе хозяевъ-аристократовъ, мучившихъ собакъ охотой, отъ имени „собачьихъ депутатовъ“ Азора, Медора и др. Это авторамъ „Дѣяній Апостоловъ“ принадлежитъ названіе революціонеровъ sans culottes, „безпорточниками“. Названіе, которое революціонные журналисты, а за ними и весь революціонный Парижъ приняли съ гордостью.

— Да, мы безъ портокъ. Это вѣрно. Такъ же вѣрно, какъ вы будете безъ головъ.

На самомъ лѣвомъ флангѣ революціонной прессы слѣдуетъ поставить журналъ, который прямо и откровенно называетъ себя „Шпіономъ“. Даже въ то время, когда человекъ, не надѣвший на шляпу трехцвѣтной кокарды, подвергался обвиненію въ контръ-революціонности; когда женщины на улицахъ, тѣ же „дамы рынка“ провѣряли, какая у кого на шляпѣ кокарда, даже въ это время, когда доносъ на „аристократа“ считался гражданскимъ подвигомъ, — журналъ, самъ титуловавшій себя „Шпіономъ“, возбудилъ общее отвращеніе. Это было ужъ слишкомъ.

Онъ прямо указывалъ пальцемъ: „вотъ, вотъ, вотъ кого слѣдуетъ казнить“. Называлъ по именамъ, давалъ адреса. Характерно, что всѣхъ изобличаемыхъ онъ звалъ: „les mouchards“. Сыщиками, сыщиками аристократіи. „Шпіонъ“ охотился за сыщиками. Это было отвратительное зрѣлище, ни въ комъ не вызывавшее симпатіи и тогда. Но на гильотину „Шпіонъ“ отправилъ многихъ. Журналь „Дѣянія Апостоловъ“ былъ журналомъ слетень. Журналь „Шпіонъ“—журналомъ доносовъ. Все, что находилось между этими двумя полюсами, было журналами мнѣній

Я уже сказалъ, что на три четверти эти журналы были статьями, вѣрнѣе, одной статьей самого редактора. Остальную четверть нумера занимали письма къ редактору. Письмо изъ публики и сейчасъ же отвѣтъ на него гражданина редактора. Самыя интересныя, самыя характерныя для того времени письма въ редакцію печатались въ „Другъ Народъ“, и мы еще встрѣтимся съ ними, когда будемъ говорить о Маратѣ, а сейчасъ позвольте процитировать вамъ необыкновенное письмо, письмо единственное. Единственное за все время существованія журналистики, — письмо въ редакцію... палача.

Журналь „Thermomètre du jour“ издѣвался надъ казнью и казненнымъ и описывалъ съ площадной руганью, какъ низко, какимъ презрѣннымъ трусомъ умеръ Людовикъ XVI. Постушокъ журналиста возмутилъ палача. Гражданинъ Шарль Сансонъ, „исполнитель высшихъ приговоровъ правосудія“, — его официальный титуль, — выступилъ съ письмомъ въ редакцію. Палачъ вступился за честь того, кого онъ казнилъ.

Описавъ, какъ была совершена казнь, палачъ заканчиваетъ свое письмо:

„Чтобы отдать должное истинѣ, я долженъ добавлять, что онъ встрѣтилъ и перенесъ все это съ хладнокровіемъ и твердостью, которыя всѣхъ насъ удивили. И я увѣренъ, что онъ по-

черпнулъ эту твердость въ религиозныхъ принципахъ, которыми никто не былъ проникнуть глубже, чѣмъ онъ. Вы можете быть увѣрены, гражданинъ, что все, изложенное въ этомъ письмѣ— истина, одна только истина во всемъ ея свѣтѣ

„Сансонъ“.

Справедливость для всѣхъ, господа.

Выступить во время террора въ защиту казеннаго, да еще въ защиту казеннаго короля, не такъ-то безопасно. Противъ Шарля Сансона и такъ уже были подозрѣнія въ аристократическомъ образѣ мыслей. Онъ привлекался къ дѣлу объ устройствѣ контръ-революціонной типографіи у себя въ домѣ (кто станеть дѣлать обыскъ у палача!) Это былъ „аристократъ“, старый королевскій палачъ. Казнивъ короля, онъ отошелъ отъ дѣла, больше никого не пожелалъ казнить и передалъ свою должность сыну Ари („Во Франціи король и палачъ были династическими“, — какъ выразился въ одной изъ своихъ статей журналистъ Коммуны и ея „министръ барикады“ Ари Рошфоръ). Сансонъ очень рисковалъ, печатая такое письмо. Но онъ его напечаталъ. Въ его рукахъ умеръ человекъ, и онъ счелъ долгомъ вступить за честь того, кого казнилъ. Что сказать о народѣ, гдѣ даже палачъ способенъ на жестъ благородства?

Итакъ мы видѣли, въ общихъ чертахъ, что такое была печать великой французской революціи. Среди этой печати отдѣльными вершинами поднимаются три журналиста: Камилль Дамуленъ, Жанъ-Поль Маратъ и „пэръ-Дюшэнъ“.

Съ разными чувствами приблизимся къ этимъ тремъ вершинамъ революціонной прессы.

II.

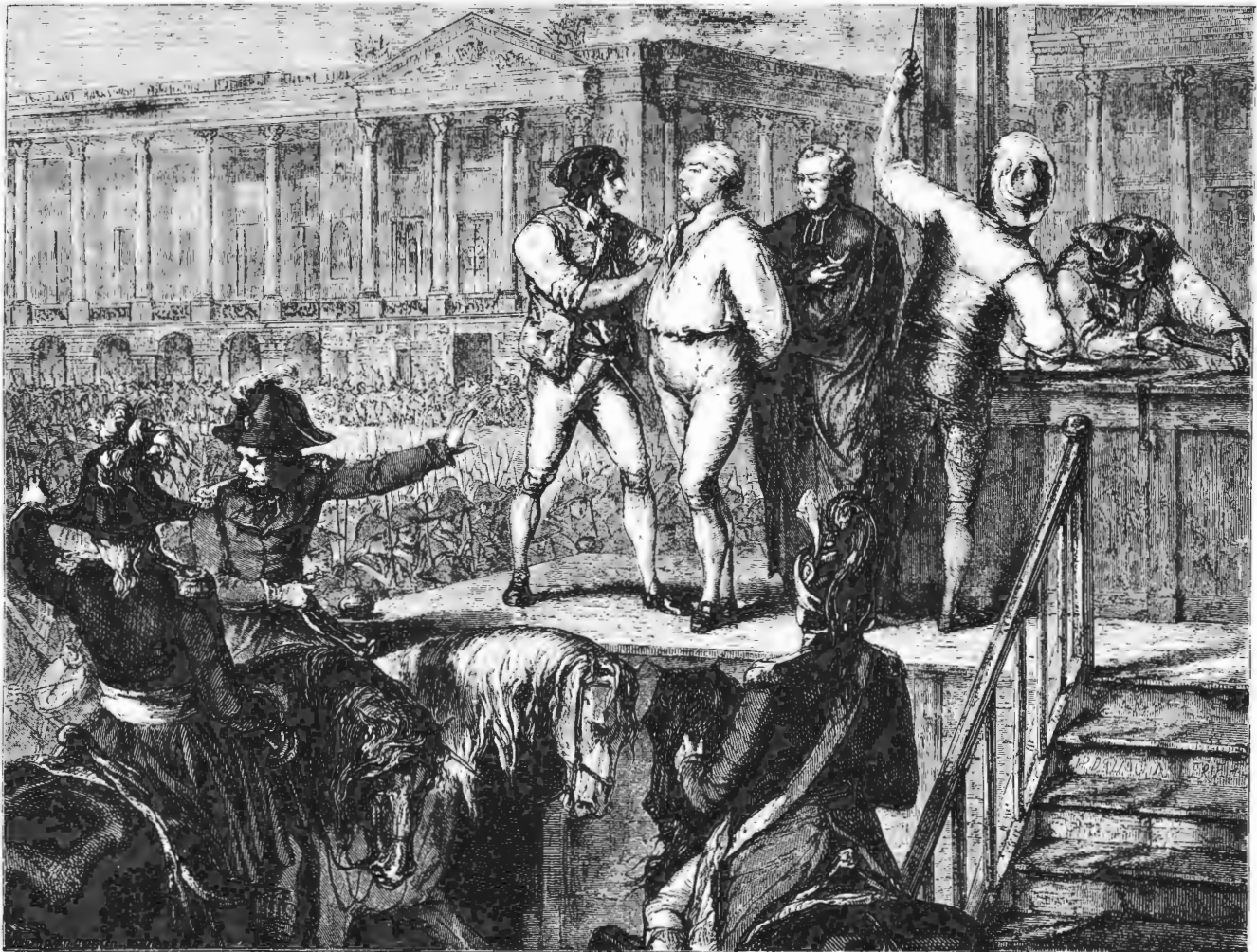
14-е жерминаля года II республики единой и нераздѣльной. 2-е апрѣля 1794 г.

Революціонный Трибуналь.

Арестъ королевской семьи.

Де-ля-Шарлери.

21-е января 1793 г. Последнія минуты Людовика XVI.

Де-ля-Шарлери.

На возвышеніи судьбы. Съ одной стороны — постоянные присяжные съ ихъ почти безсмысленнымъ старшиной, гражданиномъ Дюплэ, столяромъ, у котораго живетъ квартирантомъ Робеспьеръ. Съ другой — мѣста для обвиняемыхъ. Ихъ сегодня тринадцать. Среди нихъ огромная фигура Дантона.

Общественный обвинитель Фуке-Тэнвилль дѣлаетъ перекличку подсудимымъ.

— Слѣдующій. Встань. Твое имя:

— Камилль Демуленъ.

— Возрастъ?

— Критическій возрастъ для революціонеровъ. Я въ томъ же возрастѣ, въ которомъ былъ приговоренъ къ смерти санкюлотъ Исусъ. Мнѣ 33 года.

Онъ отъ природы немного заикается.

Онъ человекъ XVIII вѣка, т.-е. рябой. Если бы мы вошли въ Конвентъ, мы увидали бы себя въ обществѣ рябыхъ людей. Большинство персонажей великой французской революціи рябые. Демуленъ, Мирабо, Дантонъ. У самой Маріи-Антуанетты легкія рябинки на лицѣ. Но къ этому такъ привыкли, что это несколько не портитъ. Вспомните, что оспрививаніе только-что открыто, и первымъ во Франціи была привита оспа — чтобы „подать примѣръ и побѣдить предрасудокъ въ народѣ“ — дѣтямъ Людовика XVI.

Камилль Демуленъ, — будемъ звать его такъ, какъ его зоветъ съ любовью весь Парижъ, „Камилль“, „нашъ Камилль“, — Камилль женатъ и счастливъ.

„Я всегда вѣрилъ въ бессмертіе души, — пишетъ онъ изъ тюрьмы въ своемъ послѣднемъ, въ своемъ предсмертномъ письмѣ, — я думалъ, что, если здѣсь такъ много страданій, — настъ ждетъ награда тамъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ я женился на тебѣ, моя Люсиль, моя Лолоттъ, я думаю, что я уже здѣсь вознагражденъ за все. Что рай здѣсь, на землѣ“.

Его жена, Люсиль, очаровательное существо. Грациозное, воз-

душное. Она дѣлитъ идеи своего мужа, его мечты. Она такая же горячая республиканка, какъ Камилль. И обожаетъ своего Камилля.

Они десять лѣтъ любили другъ друга, и десять лѣтъ monsieur и madame Дюплесси, добрые буржуа, не хотѣли выдавать своей дочери за маленькаго заикающагося адвоката безъ практики. Люсиль дѣлается масса предложеній, — и блестящихъ. Она ни за кого не хочетъ идти замужъ. Она вѣритъ въ своего заикающагося маленькаго адвоката безъ практики.

— Я знаю. Вы увидите. Онъ гений.

И когда Камилль въ одинъ день дѣлается знаменитостью Парижа. Героемъ. Великимъ человекомъ. Когда онъ становится первымъ публицистомъ Франціи, Дюплесси побѣждены и мирятся наконецъ съ „капризомъ“ ихъ хорошенькой дочери, — капризъ, дліящийся 10 лѣтъ, — съ ихъ трогательной любовью и соглашаются на бракъ Люсиль съ Камилломъ.

У нихъ есть сынъ. Его зовутъ, конечно, Горацій. Разумѣется, Горацій! Какъ же иначе вы хотите, чтобы его звали?

Камилль латинистъ, Камилль классикъ. „Молодой римлянинъ“, — какъ его называютъ. Онъ учился въ лицѣ Людовика Великаго. Сидѣлъ за партой рядомъ съ ученикомъ Максимилианомъ Робеспьеромъ. И когда Людовикъ XVI посѣтилъ лицей, Максимилианъ и Камилль читали ему привѣтственные латинскіе стихи.

Камилль — сынъ конца XVIII вѣка, когда воздухъ былъ напоенъ культомъ республиканскихъ героевъ древности. Онъ сынъ революціи, которая была вызвана среди интеллигенціи стремленіемъ къ античной добродѣтели.

Его путеводная звѣзда — „Жизнеописаніе великихъ мужей“ Плутарха. Когда надъ его головой взвился уже позжъ гильотинны, онъ утѣшается чтеніемъ Сенеки. Онъ громитъ своихъ ничтожныхъ враговъ, въ родѣ какого-нибудь „пэръ-Дюэна“, словами Катона. Въ полемикѣ онъ цитируетъ Цицерона. Мечталъ о респу-

бликанскомъ счастьѣ Франціи, повторяетъ стихи Виргилія. Идя на судъ, на смертный судъ, пишетъ въ своемъ журналѣ:

„Пусть! Мы будемъ послѣдними римлянами“.

Онъ духомъ Брута,—въ этомъ его трагедія.

Трагедія всѣхъ большихъ революціонеровъ. Всѣхъ великихъ вождей всѣхъ революцій всѣхъ эпохъ и всѣхъ народовъ. Всѣхъ, стоявшихъ во главѣ великихъ революцій, всѣхъ предпринимавшихъ грандіозные перевороты—это трагедія Брута.

Бруту казалось, что кругомъ всѣ думаютъ и чувствуютъ, какъ онъ. Что весь Римъ—республиканцы. Убить Цезаря,—и завтра же Римъ станетъ республикой, прекраснѣйшей изъ республикъ. А кругомъ были жалкіе, мелкіе, ничтожные людшки, думавшіе только о своихъ маленькихъ интересахъ, о своихъ выгодахъ, о томъ, чтобы воспользоваться случаемъ урвать, что можно. И Брута всѣхъ временъ, всѣхъ народовъ съ ужасомъ видѣли, что они ошиблись въ толпѣ, видѣли, какъ они сами, своими руками, готовили царство ничтожнаго Октавія, кроваваго Наполеона.

Все, что было великаго въ революціи, тянулось къ Камиллу. Его поддержкой пользовался Мирабо, съ нимъ рука объ руку работалъ Дантонъ.

Онъ былъ „первымъ республиканцемъ Франціи“.

Революція уже началась. Но о республикѣ во Франціи еще не думалъ никто. Маратъ провозглашалъ, перефразируя выраженіе Вольтера о Богѣ:

— Если бы Людовика XVI не было, его надо было бы выдумать.

Дальше конституціонной монархіи, „по подобію англійской“, не шли ничьи мечты. А Камилль въ 1789 г. выпустилъ памфлетъ, въ которомъ доказывалъ, что „единственная достойная форма государственнаго бытія для людей, которые желаютъ быть свободными—это республика“. Его брошюра была осуждена Национальнѣмъ Собраніемъ и приговорена къ сожженію рукой палача.

Босецъ по натурѣ, какъ настоящій, расовый журналистъ, онъ подхватилъ брошенную перчатку и на осужденіе всего Законодательнаго Собранія отвѣтилъ памфлетомъ „Рѣчь фонаря къ парижанамъ“,—гдѣ еще съ большей силой доказывалъ необходимость республики.

Какъ онъ представлялъ себѣ республику?

Возьмемъ его слова:

— Республика—это не доведеніе всѣхъ до равенства пшечты, какъ думаютъ многіе. Нѣтъ. Республика—это общее благо, это справедливость. Это распредѣленіе благъ цивилизаціи и культуры между всѣми. Я люблю республику потому, что только республика можетъ осуществить тотъ идеаль, о которомъ лицемерно мечтала монархія,—чтобы у каждаго крестьянина была въ суиѣ курица.

Онъ имѣлъ право передъ смертью крикнуть въ своемъ журналѣ Парижу, Франціи, Конвенту, своимъ обвинителямъ, палачамъ, всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ:

— Вы, республиканцы сейчасъ! Республиканцы двухъ лѣтъ отъ роду! Въ то время, какъ вы еще пресмыкались у ногъ „горячо любимаго“ монарха и самую мысль о республикѣ считали преступленіемъ,—я былъ республиканцемъ уже тогда!

Какъ онъ имѣлъ право тогда сказать:

— Вы не можете прицѣпить къ своей шляпѣ національной кокарды безъ того, чтобы не подумать обо мнѣ.

Онъ былъ „человѣкомъ Бастиліи“. Онъ былъ инициаторомъ этого дня 14-го іюля, который Франція празднуетъ, какъ свой національный праздникъ, какъ день своего національнаго рожденія. Который весь міръ чтитъ, какъ день рожденія Свободы.

О, Парижъ! Виолеемъ и Іерусалимъ свободы! Гдѣ ты родилась, гдѣ ты была распята и гдѣ воскресла въ третій день по писанію! Въ твоемъ сердцѣ память Камиллу Демулену.

Это было тамъ, гдѣ сейчасъ стоитъ его памятникъ. Въ самомъ

Рѣчь Камилла Демулена въ Палэ-Роялѣ, 12-го іюля 1789 г.

Де-ля-Шарлери.

центр великаго города, въ тиломъ гешерь и полузабытомъ, — самомъ бурномъ тогда уголкѣ Парижа, — въ Палэ-Роялѣ. Тогда здѣсь были лучшіе рестораны, кафе, игорные дома и книжныя лавки. Порокъ и гражданская доблесть, — все билось здѣсь, въ этомъ сердцѣ Парижа. Здѣсь собирались всѣ, — кокетки, политики, ораторы, вожди. Здѣсь узнавали послѣднія новости, составляли заговоры, здѣсь происходили митинги, рождались движенія. Это была „агора“ Парижа.

12-е іюля 1789 г.

Настроеніе тревожное. Всѣ подавлены. Всѣ растеряны. Въ воздухѣ свинець. Всѣ чувствуютъ, что надъ только-что родившейся революціей нависла туча. Что „свобода будетъ задушена въ колыбели“, — какъ выражались тогда. Но что дѣлать?

Нѣтъ героя, который собралъ бы въ себѣ всѣ мысли и всѣ чувства толпы, который выразилъ бы ихъ, который сказалъ бы ясно, ярко то, что чувствуютъ всѣ, который поднялъ бы, зажегъ, повелъ, толкнулъ.

И этотъ герой находится. Это Камилль. Но пусть рассказываетъ онъ самъ.

— Было 2¹/₂ часа дня. Я съ отчаяніемъ всматривался въ окружающуюся. Я видѣлъ людей взволнованныхъ, людей угнетенныхъ, но не видѣлъ никого, готоваго къ возстанію. Трое молодыхъ людей мнѣ показались людьми рѣшительными. Они шли, держа другъ друга за руку. Мнѣ показалось, что они пришли въ Палэ-Рояль съ тѣмъ же намѣреніемъ, что и я. Нѣсколько гражданъ, пассивныхъ и равнодушныхъ, шли за ними вслѣдъ.

„— Господа, — сказалъ я имъ, — вотъ моментъ поднять возстаніе. Надо, чтобы одинъ изъ насъ рискнулъ собой и поднялся на столъ съ рѣчью къ народу.

„— Поднимайтесь вы...

„— Я согласенъ.

„Въ одинъ моментъ я скорѣе былъ поднять на столъ, чѣмъ поднялся самъ. Какъ только я появился на столѣ, я былъ окруженъ несмѣтной толпой.

„Вотъ моя краткая рѣчь, которой я не забуду никогда.

„— Граждане. Нельзя терять ни одного мгновенья. Я только-что изъ Версаля. Неккеръ больше не министръ. Его отставка — это набатъ Варооломеевской ночи для патриотовъ. Сегодня вечеромъ швейцарскіе и нѣмецкіе батальоны выйдутъ изъ баракковъ Марсоваго поля, чтобы насъ передуть. Намъ остается одно, — взяться за оружіе и надѣть кокарды, чтобы мы могли узнавать своихъ.

„У меня были слезы на глазахъ, и я говорилъ съ энергіей, которой мнѣ вновь ужъ больше не найти и не описать. Мой призывъ былъ принятъ безконечными аплодисментами. Я продолжалъ:

„— Какой цвѣтъ для кокарды хотите вы?

„Кто-то крикнулъ мнѣ:

„— Выбирайте вы!

„— Хотите ли вы зеленый, — цвѣтъ надежды? Или голубой — любимый цвѣтъ Цицианата, цвѣтъ свободы Америки и демократіи?

„Поднялись крики:

„— Зеленый! Цвѣтъ надежды!

„Тогда я воскликнулъ:

„— Друзья, сигналъ къ возстанію данъ. Я вижу въ толпѣ шпионовъ и агентовъ полиціи, которые слѣдятъ за мной. Но я не дамъ живымъ въ руки!

„Я вынулъ пару пистолетовъ изъ кармановъ и сказалъ:

„— Пусть всякій послѣдуетъ моему примѣру.

„Я сошелъ, полузадушенный объятіями. Меня обнимали, рыдая. Одинъ гражданинъ изъ Тулузы объявилъ, что, боясь за мою

Мегера революціи.

жизнь, онъ не отступитъ отъ меня ни на шагъ.

„Въ это время принесли зеленую ленту, я первымъ прикрѣпилъ кокарду къ своей шляпѣ и раздалъ остатки ленты окружающимъ“.

12-го іюля движеніе вспыхнуло въ Палэ-Роялѣ и, какъ огонь, разлилось по Парижу: 13-го народъ бросился къ арсеналу съ оружіемъ, 14-го пала Бастилія.

Съ этой минуты Камилль становится самымъ популярнымъ человекомъ въ Парижѣ. Первымъ публицистомъ Франціи. Его пламенный журналъ „Революціи Франціи и Брабанта“ дѣлается свѣточемъ революціоннаго движенія. Онъ воплощаетъ въ себѣ все, что есть благороднаго, смѣлаго, возвышеннаго въ революціи. Послѣ переворота 10-го августа 1792 г., когда монархъ пала, Парижъ посылаетъ своего „перваго республиканца“ депутатомъ въ Національный Конвентъ.

Камилль — боецъ и отличался тишиной „благодарностью“ журналиста. Онъ другъ Мирабо. Но когда все прошлое Мирабо, всѣ его привычки, — атаквизмъ, наконецъ! — все же тянутъ великаго Мирабо въ сторону монархіи, республиканецъ Камилль превращается въ его яраго противника. Преслѣдуетъ его, бьетъ на смерть вчерашняго друга обвиненіями, безжалостными обличеніями, сарказмами. Онъ полемизируетъ со всѣми, со всемогущимъ Маратомъ. Со всеильнымъ „пэръ-Дюшэномъ“, своей полемикой, своими обличеніями доводитъ его до Революціоннаго Трибунала, до гильотины... Правда, и „пэръ-Дюшэнъ“, какъ издыхающая гадина, жалитъ Камилла на смерть и передъ смертью выдумываетъ и „открываетъ“ заговоръ въ тюрьмахъ, — 1001-й за время революціи „заговоръ въ тюрьмахъ!“ — въ который запутывается жена Дамулена, его Люсилъ. Ей придется залатить за этотъ оговоръ головой.

А сколько процессовъ! То его сочиненія сжигаютъ рукой палача, то Сансонъ тянетъ къ суду за оскорбленіе, за то, что Камилль Дамуленъ назвалъ его въ статьѣ:

— Палачомъ.

Сансонъ оскорбился.

24-го декабря 1790 г., — въ ночь подъ Рождество, — Національное Собраніе имѣло сужденія о гражданскихъ правахъ представителей двухъ профессій, — объ актеряхъ и палачахъ. И актеры и палачи при старомъ режимѣ были лишены всѣхъ гражданскихъ правъ. Національное Собраніе, „руководясь принципами справедливости и идеями свободы“, признало объ эти профессии необходимыми для общества, такими же, какъ и всякая другая. Рѣшило распространить на актеровъ и палачей всѣ гражданскія права, въ томъ числѣ и право на христіанское погребеніе, право на ношеніе шпаги. И подтвердило, что впредь устанавливается званіе „исполнителей высокихъ дѣлъ правосудія“, и что никто не смѣетъ „исполнителя“ клеймить позорнымъ именемъ палача.

Дамуленъ назвалъ палача палачомъ и за это поплатился штрафомъ и обязательствомъ напечатать приговоръ.

Прослѣдить всю журнальную карьеру Дамулена намъ нѣтъ никакой возможности. Для этого потребовались бы десятки статей. Нѣтъ событія въ революціи, въ которомъ Камилль не принималъ бы участія своими статьями, своей полемикой. Нѣтъ боя, въ которомъ онъ не выступалъ бы бойцомъ. То онъ борется съ умѣренностью, задерживающею революцію, въ лицѣ жирондистовъ, то отчаянно борется съ крайностями террора. Онъ носитель смѣлаго и высокаго идеала революціи.

Возьмемъ нѣсколько образчиковъ его стиля.

Какъ онъ представляетъ себѣ революцію?

Одни — и въ ихъ числѣ Робеспьеръ — увлекаются символическими революціонными празднествами, „возвышающими духъ“. Для другихъ, какъ для Марата, идеаль — всѣмъ превратиться въ

санкюлотовъ; грязь, лохмотья—лучшая аттестація гражданскихъ чувствъ.

Слово принадлежитъ Камиллу Дамулену:

— Полагаютъ, что свобода, какъ люди, должна пройти періодъ дѣтства и юности, прежде чѣмъ достигнуть зрѣлаго возраста. Но это противно самой природѣ свободы. Чтобы обладать ею, ея надо только пожелать. Народъ свободенъ съ того дня, какъ онъ желаетъ стать свободнымъ. Онъ входитъ во все свои права съ 14-го іюля. У свободы нѣтъ ни старости ни дѣтства. У нея одинъ возрастъ. Могущества и силы. Въ этомъ возрастѣ она сразу родится. Мы бьемся за тѣ блага, которыми свобода немедленно вознаграждаетъ тѣхъ, кто къ ней стремится. Эти блага—провозглашеніе правъ человѣка и гражданина, радость и ясность республиканскихъ идей, братство, святое равенство, незыблемость этихъ принциповъ. Вотъ тѣ слѣды, по которымъ узнаютъ богиню. Вотъ ея слѣды, по которымъ я узнаю народъ, среди котораго она живетъ. И по какимъ другимъ признакамъ, хотите вы, чтобы я узналъ божественную свободу? Это не актриса оперы, которую носятъ на вашихъ праздникахъ въ красномъ фригійскомъ колпакѣ. Это не статуя въ 45 футовъ высотой, которую предлагаетъ соорудить художникъ Давидъ. Если подъ свободой вы разумѣте не принципы, какъ я, а ея каменную статую,—то поистинѣ еще не было никогда идолопоклонства болѣе глупаго и болѣе стойшаго народу, чѣмъ ваше! Нѣтъ, свобода,—эта свобода, сошедшая съ неба,—это не оперная нимфа, это не красный фригійскій колпакъ, это не грязная рубаха, это не лохмотья вмѣсто одежды. Свобода—это счастье, это разумъ, это радость, это справедливость, это

исповѣдываніе правъ человѣка, это ваша республиканская конституція. Хотите ли вы, чтобы я узналъ среди васъ ее, эту свободу? Чтобы я палъ къ ея ногамъ? Чтобы я отдалъ ей всю свою кровь?—Откройте тюрьмы тѣмъ 200 тысячамъ гражданъ, которыхъ вы называете „подозрительными“! Ибо „правами человѣка и гражданина“ не предусмотрены тюрьмы для подозрительныхъ. Есть тюрьмы для виновныхъ. „Подозрительныхъ“ не существуетъ. Есть обвиняемые въ дѣяніяхъ, ясно и точно указанныхъ въ законахъ. И не думайте, что освободить „подозрительныхъ“ опасно или гибельно для республики. Напротивъ. Это будетъ мѣрой самой революціонной, какую только можно предпринять. Уничтожить тюрьмы для подозрительныхъ—какая революція въ правосудіи! Во имя свободы прекратите терроръ. Вы хотите уничтожить всѣхъ вашихъ враговъ посредствомъ гильотины? Видано ли въ мірѣ большее безуміе? Можете ли вы гильотинировать одного человѣка безъ того, чтобы не создать свободѣ десятокъ новыхъ враговъ среди его семьи, среди его друзей?

Вотъ сюжетъ еще болѣе близкій для насъ. Что онъ думаетъ о свободѣ печати?

— Чѣмъ отличается республика отъ монархіи? Однимъ: свободой говорить и писать. Пусть завтра свобода прессы будетъ... въ Москвѣ, и Москва завтра будетъ республикой! И это вѣрно. Несмотря на Людовика XVI, несмотря на его правительство, правительство заговорщиковъ противъ народа, несмотря на всѣ интриги роялистовъ, свобода печати, только свобода печати привела насъ къ 10 августа и разрушила 15-вѣковую монархію почти безъ пролитія крови. Какая лучшая защита свободнаго народа отъ покушеній деспотизма? Свобода печати. А еще лучшее средство? Свобода печати. А еще лучшее приближеніе? Свобода печати. Кому не ясно, что свобода печати лучшее устраниеніе для негодаевъ, для честолюбцевъ, для деспотовъ,—но что она не несетъ съ собой никакихъ неудобствъ для народнаго блага! Бояться, что свобода печати опасна для республики—это такъ же глупо, какъ если бы кто-нибудь сказалъ, что красота можетъ бояться зеркала! Человѣкъ ошибается, или человѣкъ правъ. Человѣкъ справедливъ, добродѣтеленъ, патриотъ,— или онъ ни то, ни другое, ни третье. Если человѣкъ не правъ, онъ долженъ исправиться. И для этого необходимо, чтобы журналы указывали вамъ ваши ошибки. Но если вы добродѣтельны, чего же вамъ бояться журналовъ, говорящихъ о несправедливостяхъ, о порокахъ, противъ тираніи? Это не ваше зеркало!

Нельзя жить на бойнѣ не мяснику. Республиканецъ такого образа мыслей не можетъ дышать во время дикаго террора. И онъ задохнется. Проклятая привычка Камилла называть палача палачомъ приведетъ его въ руки палача.

Видя, какъ гибнуть на гильотинѣ тѣ, кто вчера еще вмѣстѣ сражался за свободу, что борьба партій перешла во взаимное истребленіе, что Франція обезкровливается на радость враговъ свободы и революціи,—Камилль осмѣлился въ самый разгаръ террора поднять голосъ противъ террора.

У разъяреннаго звѣря вырывать изъ пасти окровавленную добычу. Толпа завопила:

— А! Умѣренный! Снисходительный!—закричали „Маратовы жрецы“ и поклонники „пэръ-Дюэна“. — За аристократовъ?! Потакаешь?! Измѣнникъ революціи!

Къ тому же аристократія, ничего не слышавшая, кромѣ криковъ ненависти, обрадовалась, услышавъ человѣчное слово.

Общественный обвинитель Фуксъ-Тонвилль.

И это окончательно добило Дамулена. „Ему аплодирует аристократія!“ Смертный приговор для революціонера.

Он и его единомышленники были преданы суду Революціоннаго Трибунала. На скамью подсудимых сѣло все, что было наиболее возвышеннаго, не палаческаго во французской революціи. Съ этимъ судомъ, съ этой казнью революція обезлюдѣла. Съ этого момента, потерявъ своихъ лучшихъ, идейныхъ, возвышенныхъ, благородныхъ вождей, она пошла подъ гору, на пѣтъ. Революція не только, какъ Хроносъ, съѣдаетъ своихъ дѣтей,—она съѣдаетъ своихъ лучшихъ дѣтей!

На мѣстахъ подсудимыхъ сѣло 13 человекъ. И среди нихъ Дантонъ, огромный, безобразный, изрытый оспой, съ шрамомъ на лицѣ, съ громовымъ голосомъ. Настоящій левъ, когда онъ поднимался и начиналъ говорить.

Бѣдный Дантонъ! Въ революціи люди всегда гибнутъ жертвой тѣхъ несправедливостей и жестокостей, которыя они выдумываютъ для своихъ противниковъ. Министръ юстиціи Дантонъ замянулъ свое имя въ процессѣ жирондистовъ. Желая легче избавиться отъ политическихъ враговъ, это онъ допустилъ жестокой и несправедливый законъ:

„Судебное слѣдствіе прекращается, если присяжные заявятъ, что для нихъ достаточно ясны обстоятельства дѣла“.

Лишь только дѣло дошло до допроса свидѣтелей защиты, поднялся старшина присяжныхъ:

— Обстоятельства дѣла для насъ достаточно ясны. Въ допросѣ свидѣтелей надобности не встрѣчается.

Дантонъ зарычалъ отъ ярости. Онъ самъ палъ жертвой собственнаго закона.

Безъ судебного слѣдствія, безъ допроса свидѣтелей судъ прямо перешелъ къ преніямъ. Дантонъ защищался, какъ левъ. День былъ жаркій. Окна открыты. Не только толпа, стоявшая подъ окнами, слышала каждое его слово,—до толпы, стоявшей на другомъ берегу Сены, долетали раскаты его громоваго голоса. Толпа волновалась. Онъ ее зажигалъ. Она склонялась въ его сторону. Можно было ожидать возмущенія, возстанія.

Фукье-Тэнвилль былъ уничтоженъ. Присяжные дрожали отъ страха.

Ночь прервала рѣчь Дантона. На утро онъ долженъ былъ продолжать защитительную рѣчь. Но Фукье-Тэнвилль,—кстати сказать, онъ былъ родственникомъ Камилла Дамулена и получилъ мѣсто „общественнаго обвинителя“ по его протекціи,—Фукье-Тэнвилль вечеромъ сбѣгалъ въ Комитетъ общественнаго спасенія. И когда на слѣдующій день открылось засѣданіе, въ судѣ былъ оглашенъ декретъ Конвента:

— Если обвиняемые позволяютъ себѣ оскорблять судъ, они лишаются слова.

— Дантонъ, ты и твои сообщники оскорбляете судъ и лишаетесь слова.

Съ нихъ сдирали кожу и имъ затыкали ротъ грязной тряпкой. На казнь Дантонъ и Дамуленъ вѣхали въ одной charrette, въ одной повозкѣ. Дантонъ вѣхалъ стоя. Онъ былъ спокоенъ, грозенъ и мраченъ. Его громовый голосъ возвышался надъ ревомъ толпы.

Проѣзжая мимо дома, гдѣ жилъ Робеспьеръ, онъ воскликнулъ: — Робеспьеръ! Гдѣ ты? Причешься такъ же, какъ прятался 10-го августа? Ты толкаешь меня на гильотину. Но тебя ждетъ та же участь! Я увлекаю тебя за собою!

И, обратившись къ толпѣ, онъ сказалъ:

— Сейчасъ обезглавятъ не только меня. Обезглавятъ республику и революцію.

Вѣзжая на площадь Революціи, онъ обратился къ Сансону:

— Палачъ! У тебя тоже есть самка и дѣтеныши. Отрѣжь прядь моихъ волосъ и отнеси моей женѣ.

Вступая на первую ступеньку эшафота, онъ приказалъ Сансону:

— Покажи мою голову народу. Не каждый день ему придется видѣть такія головы.

И когда осужденные хотѣли поцѣловаться, но палачъ сказалъ, что это нельзя,—Дантонъ расхохотался:

— Дуракъ! Какъ будто черезъ нѣсколько минутъ наши уста не коснутся другъ друга въ корзинѣ!

А Камилль?

Казалось, что онъ просто не понимаетъ, что происходитъ кругомъ. Все происходящее ему кажется какимъ-то кошмаромъ.

Онъ бился. Онъ рвался. Онъ кричалъ:

— Да вѣдь это я! Я! Камилль Дамуленъ! Я! „Человѣкъ Бастили!“! Который поднялъ Парижъ на возстаніе! Я! Человѣкъ 12-го іюля! О, Люсиль! моя Люсиль!

Дантонъ остановилъ его:

— Перестань. Не обращай къ этой vile canaille! Развѣ она что-нибудь понимаетъ?

Люсиль пережила своего мужа всего на нѣсколько дней. Передъ смертью „пэръ-Дюшанъ“, постоянный литературный противникъ ея мужа, замѣшалъ ея въ заговоръ, который якобы готовится среди заключенныхъ въ тюрьмахъ. Но къ дѣлу привлекли и его жену Жакелину.

Двухъ вдовъ двухъ полемизировавшихъ между собою журналистовъ, двухъ политическихъ и литературныхъ враговъ,—Жакелину Эберъ и Люсиль Дамуленъ въ одной повозкѣ повезли на эшафотъ. Жакелина рыдала. Люсиль цѣловала и утѣшала вдову человека, который привелъ ея мужа на гильотину.

И вотъ послѣдній отзвукъ трагедіи.

Смолкъ терроръ. Госпожа Дюлесси, теща Камилла, обратилась въ Конвентъ, въ качествѣ опекуни сироты Горація Дамулена, съ просьбой „не продавать съ аукціона въ пользу государства бібліотеки казеннаго писателя“.

И Конвентъ постановилъ:

— Просьбу удовлетворить. Конфискацію отмѣнить. Библіотеку передать въ пользу малолѣтняго Горація, сына нашего несчастнаго товарища Камилла Дамулена, мученика за свободу.

Кромѣ бібліотеки,—по преимуществу латинскихъ классиковъ,—послѣ Камилла ничего не осталось.

Такъ умеръ Камилль Дамуленъ, первый журналистъ великой французской революціи.

А всего было казнено журналистовъ за время террора двадцать пять.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Дантонъ.

Топливо и тепло.

Очеркъ инженера В. В. Рюмина.

Человѣчество съ сѣдой старины знаетъ огонь, но сущность этого явления постигло оно только съ открытія, сѣланнаго знаменитымъ Лавуазье, показавшаго въ 1774 году, что, при горѣніи, съ горящимъ тѣломъ соединяется одинъ изъ газовъ воздуха—кислородъ—и продукты горѣнія вѣсятъ больше, чѣмъ вѣсило тѣло до сгорания. Раньше полагали, что при горѣніи отъ горячаго отдѣляется нѣкоторое гипотетическое вещество—флогистонъ.

Послѣдователи этой теоріи были сначала озадачены тѣмъ фактомъ, что послѣ отдѣленія флогистона остатокъ вѣситъ больше, чѣмъ вѣсило само сгорѣвшее тѣло, но они скоро нашлись и стали утверждать, что флогистонъ обладаетъ отрицательнымъ вѣсомъ и потому тѣла, насыщенные имъ, легче, чѣмъ лишенные флогистона.

Такова сила привычки къ принятымъ теоріямъ, такова косность человѣческаго мышленія.

Теперь вопросъ о горѣніи выясненъ въ совершенствѣ, точно опредѣлены условія горѣнія, изслѣдованы его продукты и не только для разныхъ сортовъ топлива, но и вообще для тѣлъ, способныхъ горѣть, и доказано, что горѣніе—только особенно быстрое окисленіе, при которомъ появляются теплота и свѣтъ.

Теплота получается при всякомъ окисленіи, но при медленномъ окисленіи и теплота выделяется такъ медленно, что обнаружить ее можно только при внимательномъ наблюденіи. Иногда, если медленное окисленіе протекаетъ при такихъ условіяхъ, что теплота не теряется, а остается, напримѣръ, въ кучѣ влажныхъ тряпокъ, въ сѣнѣ и т. п., то температура подымается до возгорания, и появляется пламя.

Продукты горѣнія могутъ быть или твердыми или жидкими, или въ состояніи пара, т.-е. газообразными, или же настоящими газами. Сжигая, напримѣръ, магній и собирая тотъ бѣлый продуктъ горѣнія, который частью образуетъ бѣлый дымъ, частью остается въ видѣ бѣлаго же кусочка, мы по взвѣшиваніи убѣждаемся, что этого окисла магнія, магнезій, получилось больше вѣса взятаго магнія, и, мало того, мы, взвѣсивъ магній, предназначенный къ сжиганію, впередъ можемъ сказать, что 1 граммъ магнія дастъ 1,68 граммовъ магнезій, такъ какъ она есть окись магнія, а химически тѣла соединяются только въ строго опредѣленныхъ пропорціяхъ.

Чтобы убѣдиться въ томъ же при сжиганіи свѣчи, надо употребить довольно сложный приборъ. Зная, что стеаринъ состоитъ изъ 9 частей водорода, 8 кислорода и 54 углерода и что по сгоранію изъ него получится газъ—двуокись углерода—и пары воды, при чемъ первого должно получиться отъ 1 грамма стеарина 2,5 гр., а второй—1 граммъ, и зная, что воду можно собрать въ видѣ пара или поглотить веществомъ, съ нею жадно соединяющимся, а также поглотить и двуокись углерода, которая соединяется съ многими веществами, пропускаютъ продукты горѣнія свѣчи черезъ сосуды, наполненные веществами, поглощающими ихъ, и затѣмъ, взвѣсивая, находятъ прибавку въ вѣсѣ, притомъ строго соотвѣтствующую вычисленію.

Сорта топлива, обычно употребляющіеся, въ главной массѣ состоятъ изъ тѣхъ же элементовъ, какъ и стеаринъ, и продукты его полнаго сгорания тѣ же, т.-е. угольный газъ и пары воды. Если горѣніе идетъ при недостаточномъ притоцѣ воздуха, то горѣніе не полно и могутъ получаться другіе продукты, сами обладающіе горючестью.

Для полнаго сгорания одной вѣсовой части углерода нужно 2,6 вѣсовыхъ частей кислорода или около 11 частей воздуха.

Воздухъ самъ по себѣ вѣситъ около 30 фунтовъ кубическая сажень, и для сжиганія пуда углерода надо провести черезъ печь не меньше 11 пудовъ воздуха, т.-е. около 15 кубическихъ саженей.

Этотъ подсчетъ показываетъ, какъ хорошо дѣйствуетъ на смѣну воздуха въ комнатахъ топка печи.

Продукты горѣнія топлива хотя и газообразны, хотя ихъ и не видно глазомъ, но все же поддаются улавливанію, взвѣшиванію, и мы съ ними хорошо знакомы—они вещественны; не такъ обстоитъ дѣло съ теплотой.

Теплота—нѣчто яено ощутительное, но не вещественное. Теплоту, какъ тѣло, собрать нельзя, ея невещественность подтверждается тѣмъ, что съ нагреваніемъ любого тѣла вѣсъ его не измѣняется. Теплота одинъ изъ видовъ энергіи, а что такое энергія, въ сущности, до сихъ поръ совершенно не извѣстно, да едва ли когда и будетъ извѣстно. Энергіей называютъ то, что вызываетъ какое-либо дѣйствіе, какое-либо явленіе.

Людей называютъ энергичными; почти въ томъ же значеніи можно примѣнить и въ физикѣ слово „энергія“. Это—что-то болѣе или менѣе напряженное, болѣе или менѣе мощное, и, какъ человѣкъ энергичный проявляетъ свою энергію въ разныхъ видахъ, такъ и въ мірѣ физическомъ единая энергія можетъ проявляться въ разныхъ видахъ, а также находится въ скрытомъ состояніи въ любомъ тѣлѣ, нисколько не измѣняя его основныхъ свойствъ. Такъ, гиря часовъ, находящаяся на самомъ высокомъ

своемъ положеніи, способна приводить въ движеніе часы, она же, опустившись до конца цѣпочки, эту способность утратила. Стоитъ приложить къ ней мускульную энергію или какую другую и поднять ее опять до верха, она снова пріобрѣтетъ энергію. Такой видъ энергіи называется энергіей положенія.

Энергія положенія способна перейти въ любой видъ энергіи и въ томъ числѣ въ тепловую энергію.

Въ жизни энергія нужна намъ на каждомъ шагу, и наша собственная жизнь поддерживается химической энергіей, вносимой въ организмъ посредствомъ пищи. Чтобы произвести какую-нибудь механическую работу, необходимо затратить больше или меньше энергіи.

Пока люди не умѣли пользоваться громадными запасами міровой энергіи, а располагали только энергіей собственныхъ мускуловъ, они не были такъ сильны, какъ теперь.

Обращая химическую энергію каменнаго угля въ топкахъ паровыхъ котловъ въ механическую, мы производимъ громадное количество работы, какое не въ состояніи были бы выполнить соединенными усилиями всѣ люди, живущіе на земномъ шарѣ.

Успѣхи нашей техники возможны только при условіи умѣнія пользоваться природными запасами энергіи и получать ее въ томъ или иномъ видѣ, смотря по надобности.

Покупая топливо, мы покупаемъ не самое вещество топлива, оно намъ не нужно. Намъ нужна только та энергія, которая можетъ быть получена при сгораніи топлива. Но, покупая что-либо, мы должны же знать, сколько мы покупаемъ. Сколько пудовъ дровъ мы купили, опредѣлить очень легко, взвѣсивъ дрова, но намъ интересно знать, сколько же въ купленномъ количествѣ дровъ энергіи того или другого вида, и этотъ вопросъ современными техниками рѣшенъ вполне точно и опредѣленно. Большія учрежденія, покупающія топливо, какъ-то: заводы, желѣзныя дороги и проч., при покупкѣ угля оговариваютъ, какую теплотворную способность долженъ имѣть покупаемый матеріалъ.

Какъ ни странно на первый взглядъ возможность опредѣлить количество невещественной самой по себѣ энергіи, но это дѣлается и даже очень просто.

Сжигаютъ въ особомъ приборѣ—калориметрѣ-тепломѣрѣ—взвѣшенное небольшое количество испытываемаго топлива. Приборъ устроенъ такъ, что вся получившаяся теплота идетъ на нагреваніе воды, помѣщенной въ приборѣ; зная вѣсъ воды и опредѣляя ея температуру, сравниваютъ между собою разныя вещества, сжигаемыя въ тепломѣрѣ, и устанавливаютъ, насколько градусовъ нагреваютъ воду равныя по вѣсу, но разныя вещества. За единицу сравненія взяли то количество тепла, которое нужно для нагреванія одной вѣсовой части воды отъ 0° до 1° Цельсія.

Такъ: чистый углеродъ, сгорая, даетъ 8.080 единицъ теплоты. Это значитъ, что 1 фунтъ углерода, сгорая, даетъ столько теплоты, сколько нужно для нагреванія 8.080 фунтовъ воды отъ 0 до 1° или 808 фунтовъ отъ 0 до 100°.

Во Франціи принято считать теплотворную способность на калоріи, при чемъ большая калорія равна количеству теплоты, потребной для нагреванія одного килограмма воды на 1°, малая калорія относится не къ килограмму, а къ грамму. У насъ обыкновенно принимаютъ калоріи, но можно обходиться и русскими мѣрами. Если топливо даетъ 7.000 единицъ тепла, то это значитъ, что нѣкоторая вѣсовая единица топлива нагреваетъ 7.000 такихъ же вѣсовыхъ единицъ воды на 1°.

Какъ въ приведеніи въ движеніе разныхъ тѣлъ одного и того же объема бываетъ нужно разное количество механической энергіи, такъ и для нагреванія одного и того же вѣса разныхъ тѣлъ до равной температуры идетъ не одинаковое, а разное количество тепловой энергіи, теплоты. Вода для своего нагреванія требуетъ наибольшаго количества теплоты, и потому цифры, выражающія *теплоемкость* тѣлъ, всѣ меньше единицы. Такъ, напримѣръ, для нагреванія воздуха надо всего около 0,25 единицы теплоты.

Познакомившись съ понятіемъ о единицѣ теплоты, мы уже можемъ судить о выгодности того или другого сорта топлива, зная его *теплотворную* способность. Если пудъ хорошаго антрацита, сгорая, можетъ дать 7.500 единицъ теплоты, при цѣнѣ (въ нормальное время) въ 30 коп., то дрова, дающія 3.250 единицъ теплоты, должны стоить лишь 15 копеекъ, или, иначе говоря, 1.000 единицъ теплоты антрацита будутъ стоить 4 копейки, а отъ дровъ, стоящихъ 10 копеекъ, будутъ стоить 2,8 копейки, значитъ, при этихъ цѣнахъ дрова выгоднѣе.

Но при покупкѣ дровъ громадную роль играетъ ихъ сухость. Такъ, дрова сухія, заключающія 15% влаги, даютъ 3.640 единицъ тепла, съ 25% уже 3.130, а съ 45% только 2.130.

Если бы можно было использовать всю теплотворную способность топлива на нагреваніе воздуха въ квартирѣ, то для жилища объемомъ въ 75 кубическихъ саженей, чтобы воздухъ, имѣющійся въ квартирѣ, нагрѣть отъ 0° до 18° Цельсія или 14,4° Реомюра, надо бы сжечь всего 2,8 фунта хорошихъ дровъ, но

къ сожалѣнію, это при отопленіи печами невозможно. Потери тепла обыкновенно очень велики.

Въ обыкновенныхъ голландскихъ и другихъ печахъ пропадетъ тепла бесполезно для дѣла обыкновенно около $\frac{1}{3}$.

Откуда же берутся эти потери, нельзя ли ихъ устранить? Вотъ вопросы, которые, естественно, возникнутъ у каждаго, но, къ сожалѣнію, при пользованіи энергіей почти всегда приходится нести нѣкоторыя потери, онѣ могутъ быть меньше или больше, и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ можно использовать всю энергію, но при этомъ являются другіе недостатки, уравнивающие неизбежныя потери энергіи.

При пользованіи печами потери топлива зависятъ отъ двухъ главныхъ причинъ: несовершеннаго горѣнія и неправильнаго устройства печей; мы говоримъ о потеряхъ устранимыхъ, но есть еще и неустраняемая причина, это—необходимость образования въ печахъ тяги, т.-е. движенія по трубѣ продуктовъ горѣнія, уносящихъ съ собою тепло.

Для правильнаго горѣнія нужно точно опредѣленное количество воздуха; тогда черезъ печь не проходитъ лишняго воздуха и не уносится тепло съ избыткомъ этого воздуха, нагрѣтаго до температуры около 300° (ненужнаго для горѣнія азота въ воздухѣ $\frac{4}{5}$, онъ тоже долженъ быть нагрѣтъ), при недостаткѣ же воздуха возникаютъ другія потери, горѣніе не идетъ до конца, вместо углекислаго газа и паровъ воды получаютъ промежуточные продукты, дымъ, какъ ихъ называютъ. Этотъ дымъ самъ способенъ горѣть, и съ нимъ уходитъ въ трубу часть топлива, которая могла бы въ печи сгорѣть и отдать свою тепловую энергію. Достигнуть идеальнаго правильнаго горѣнія на практикѣ невозможно даже тамъ, гдѣ на тонку обращено большое вниманіе, гдѣ печи обслуживаются знающими людьми подъ контролемъ инженеровъ, на большихъ заводахъ и фабрикахъ.

Недостижимо это уже потому, что вѣсъ воздуха въ равныхъ объемахъ постоянно мѣняется отъ вліянія температуры и количества влаги, находящейся въ воздухѣ, да и составъ самаго топлива не бываетъ всегда совершенно одинаковъ. Остается только какъ можно больше регулировать горѣніе заслонками, то увеличивая, то уменьшая тягу.

Печи бываютъ двухъ родовъ: такія, которыя нагрѣваются сами во время топки; будучи массивными и тяжелыми, онѣ поглощаютъ тепло и притомъ тѣмъ больше, чѣмъ сами онѣ больше, и когда топливо уже прогорѣло, огня въ топкахъ нѣтъ, закрываютъ трубу, т.-е. разобщаютъ съ атмосферой всѣ дымоходы и самую топку. Печь остываетъ, отдавая поглощенное тепло воздуху комнаты.

Печи другого рода, это—небольшія металлическія печи, съ тонкими стѣнками, быстро нагрѣвающіяся и быстро остывающія, онѣ дѣйствуютъ только въ то время, пока въ нихъ горитъ топливо.

Точно такъ же, какъ и большія печи, онѣ снабжены трубой и должны быть закрываемы по окончаніи топки.

Въ печахъ массивныхъ, съ длинными дымоходами, горячій дымъ успѣваетъ передать свою теплоту полнѣе, чѣмъ въ печахъ металлическихъ, гдѣ дымоходовъ внутри печей нѣтъ, а пламя прямо уходитъ въ трубу. Гораздо полнѣе можно пользоваться теплотой, если дымъ изъ такихъ металлическихъ печей пропускать по комнатамъ длинными желѣзными трубами, но это крайне некрасиво и допустимо лишь въ мастерскихъ и т. п., но не въ комнатахъ.

Кромѣ того, такія печи настолько сильно прогрѣваются, что на ихъ поверхности начинаетъ горѣть попадающая изъ воздуха пыль, и онѣ распространяютъ непріятный и вредный запахъ.

Смотря по системѣ, достоинству исполненія печи и отъ правильности ея употребленія, печь отдаетъ больше или меньше тепла, выдѣленнаго топливомъ. Такимъ образомъ разныя печи отдаютъ отъ 65 до 80% теплотворной способности топлива.

Теплота стремится всегда къ равновѣсію. Положимъ въ стаканъ съ горячимъ чаемъ металлическую ложечку—она быстро нагрѣется, и тѣмъ быстрѣе, чѣмъ горячѣе чай. Горячій чай остываетъ, нагрѣвая соприкасающийся съ нимъ воздухъ. Теплота не теряется, а только разливается въ пространство. Цѣнна не сама теплота, а разность напряженія ея въ печи и комнатномъ воздухѣ. Въ бочкѣ воды, вѣсомъ въ 30 пудовъ (около 40 ведеръ), имѣющей температуру 14° , содержится столько же тепловой энергіи, сколько дадутъ $1\frac{1}{2}$ пуда хорошаго угля, но для цѣлей отопленія теплота этой воды не имѣетъ ни малѣйшаго значенія, даже внесенная въ комнату съ температурой выше 14° вода эта осядетъ комнату *).

Стало-быть, кромѣ самаго количества единицъ теплоты, важны еще и другія условія—разность напряженія энергіи, въ настоящемъ случаѣ—температура какъ самаго горѣнія, такъ и приборовъ, нагрѣвающихъ воздухъ и нагрѣваемого воздуха.

Нагрѣваніе совершается тѣмъ быстрѣе и полнѣе, чѣмъ больше разница температуръ тѣла нагрѣвающаго и нагрѣваемого, а при отопленіи есть предѣлъ температуры нагрѣвающаго тѣла, не выше $100-120^{\circ}$ —иначе начинается пригораніе пыли.

Металлическая ложечка нагрѣвается при опусканіи въ горячую жидкость быстро, а деревянная очень медленно, металлъ проводитъ тепловую энергію хорошо, а дерево дурно. Это свойство теплоты имѣетъ въ жизни большое значеніе. Оно показы-

ваетъ, что стѣны должно строить изъ дурныхъ проводниковъ тепла. Теплопроводность зависитъ и отъ толщины стѣны.

Путь, проходимый теплотой по разнымъ проводникамъ, требуетъ разнаго времени и притомъ прямо пропорціональнаго скорости проводимости.

Надо замѣтить еще, что теплота передается отъ тѣла къ тѣлу двумя путями. Первый—непосредственное соприкосновеніе и второй посредствомъ лучистой энергіи. Прежде говорили лучистая теплота; этотъ терминъ оставленъ потому, что лучистая энергія можетъ быть обращена не только въ теплоту, но и въ другіе ея виды.

Нагрѣтая тѣла испускаютъ лучистую энергію, проходящую сквозь воздухъ, не нагрѣвая его. Солнце даетъ громадное количество такой лучистой энергіи, она проходитъ черезъ атмосферу и обращается въ теплоту, только падая на поверхность земли, твердыхъ или жидкихъ тѣлъ, попадающихся ей на пути. Воздухъ остается холоднымъ и нагрѣвается лишь непосредственнымъ соприкосновеніемъ съ нагрѣтой землей.

Этимъ и объясняется, почему термометръ въ тѣни показываетъ меньше, чѣмъ подъ лучами солнца, падающими на него непосредственно.

Въ тѣни термометръ показываетъ дѣйствительную температуру воздуха, а на солнцѣ—температуру свою; ртуть нагрѣвается непосредственно отъ превращенія падающей на его шарикъ лучистой энергіи въ тепловую.

Въ нашемъ вопросѣ это свойство имѣетъ значеніе въ томъ смыслѣ, что лучистая энергія нагрѣтой поверхности печей не можетъ согрѣвать воздуха комнаты, онъ долженъ нагрѣваться только непосредственнымъ соприкосновеніемъ.

Камины на этомъ основаніи представляютъ собою самые непосредственные приборы для отопленія. Они, правда, пріятны, хорошо вентилируютъ помѣщенія, но для цѣлей отопленія мало практичны, слишкомъ дорого обходится та теплота, которую они передаютъ помѣщенію, процентъ отдаваемой ими полезной теплоты слишкомъ малъ.

Условія хорошаго, выгоднаго дѣйствія печи, стало-быть, довольно сложны, но во всякомъ случаѣ они распадаются на двѣ группы: на тѣ, которыя должны быть соблюдены при постройкѣ, и на зависящія отъ ухода за печами. Только эти послѣднія въ рукахъ лицъ, пользующихся печами, въ рукахъ тѣхъ, отъ кого зависитъ топка, отъ выбора сорта топлива, наиболее подходящаго по цѣнѣ и условіямъ горѣнія, и мы разсмотримъ лишь эти условія.

Обыкновенно отапливаютъ печи въ городахъ дровами и углемъ, преимущественно тѣмъ его сортомъ, который называется антрацитомъ.

Для каждаго изъ этихъ видовъ топлива существуютъ свои приемы, но общія правила топки остаются тѣ же. Правила эти состоятъ въ тщательномъ наблюденіи, чтобы не входило въ печь слишкомъ много воздуха, что узнается по черзчуръ быстрому его току, уносящему съ собою длинное пламя, при дровяной топкѣ, и при топкѣ углемъ обнаруживающееся тоже быстрымъ горѣніемъ. Помимо того, что нагрѣвается лишній воздухъ, быстрое прохожденіе дыма по дымоходамъ не позволяетъ ему передать столько своего тепла, сколько онъ передалъ бы, проходя медленно. Регулировать токъ воздуха, тягу печи можно задвижками, помѣщаемыми въ дымоходѣ, или топчаными дверцами. При топкахъ, имѣющихъ поддувало, т.-е. у которыхъ подъ не сплошной кирпичный, а рѣшетка чугунная, желѣзная или же кирпичная и подъ нею есть особое помѣщеніе для золы (зольникъ), тамъ дверца топки во время горѣнія топлива должна быть закрыта, а дверца поддувала открыта болѣе или менѣе, а если есть задвижка, то дверца поддувала открывается сполна и тяга уравнивается задвижкой.

Горѣніе должно идти полно, не должно быть въ топкѣ мѣсть съ негорящимъ топливомъ, при дровахъ надо во время топки помѣшивать въ печи, подкладывать головешки на жарь, и за этимъ надо слѣдить хорошо, такъ какъ иначе придется дожидаться возможности закрыть трубу слишкомъ долго, угли успѣютъ прогорѣть и печь остыть. Закрывать печь при отопленіи дровами надо тогда, когда въ ней нѣтъ головешекъ (не прогорѣвшихъ кусковъ дерева), когда угли ровно покрылись пленкой золы и по нимъ не перебѣгаютъ синіе огоньки, а всѣ они равномерно чуть красны.

При топкѣ углемъ, антрацитомъ, мѣшать во время топки не надо, затопившая печь, слѣдуетъ сначала приготовить нужный уголь, растопки, т.-е. сухія, мелко наколотыя полѣшки, которыхъ по вѣсу должно быть около 0,1 вѣса угля.

Указанія относительно времени, когда можно закрыть трубу при топкѣ углемъ, тѣ же, какъ и при дровахъ, т.-е. достаточно охлажденіе угля и отсутствіе синихъ огоньковъ.

Въ нѣкоторыхъ печахъ съ такъ называемыми герметическими дверцами трубы закрывать не нужно, печи эти, при условіи полной исправности дверецъ, достаточно хорошо сохраняютъ тепло и при открытой трубѣ.

Указаніе на огоньки, при которыхъ нельзя закрывать трубу, чрезвычайно серьезно, оно основано на слѣдующемъ: при полномъ сгораніи, какъ уже сказано было, получаютъ только въ видѣ летучихъ продуктовъ пары воды и углекислый газъ, и при топкѣ каменнымъ углемъ (антрацитомъ, коксомъ) немного сѣрнистаго газа.

*) Считаю отъ абсолютнаго нуля.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

По условиям разорочки, подписная плата за „Ниву“ 1918 года должна быть внесена **полностью к 1-му августа сего года.** Контора журнала „Нива“ покорнейше просит поэтому гг. подписчиков, не внесших сполна подписных денег, озаботиться **немедленно присылкою** остальной причитающейся с них суммы, **во избежание остановки в высылке журнала с № 36.** Гг. иногородные подписчики при высылке денег благоволят **обозначать на видном месте копию печатного адреса** с бандероли или **прилагать самый адрес** и **непремѣнно указывать,** что деньги высылаются **в доплату за получаемый уже журналъ.**

При перемѣнѣ адреса слѣдует прилагать **1 рубль и печатный адресъ.**

Углекислый газъ иначе называется двуокисью углерода, онъ, хотя и не поддерживает дыханія, но не ядовитъ, въ воздухѣ его можетъ въ исключительныхъ случаяхъ находиться много больше, чѣмъ въ нормальной атмосферѣ (гдѣ его всегда бываетъ около 0,004), не принося особаго вреда находящимся въ такомъ воздухѣ людямъ, но, при неполномъ сгораніи углерода или при разложеніи накалившимся углемъ двуокиси углерода, получается газъ, называемый окисью углерода. Этотъ газъ ядовитъ въ значительной степени, онъ горючъ, и цвѣтъ его пламени синій; вотъ отсюда и берутся синіе огоньки, указывающіе на то, что закрывать трубу нельзя.

Окись углерода можетъ образоваться не только въ печи, но и въ самоварѣ, если въ его трубѣ слишкомъ много угля и весь онъ раскаленъ.

Къ несчастію, окись углерода не имѣетъ запаха, вкуса и цвѣта. Забѣгнуть ея присутствіе въ воздухѣ можно только при химическомъ изслѣдованіи воздуха. Тотъ запахъ, который называютъ угарнымъ, принадлежитъ не самой, производящей угаръ, окиси углерода, а сопутствующимъ ей смолистымъ продуктамъ неполнаго горѣнія, и онъ можетъ указывать, но не всегда, на сопутствующую ему окись углерода.

Еще разъ повторимъ, въ виду сильной ядовитости окиси углерода, что иногда можетъ быть запахъ, но не быть ядовитаго газа и, наоборотъ, ядовитая окись углерода можетъ находиться въ воздухѣ, а запаха можетъ и не быть.

Выше было указано, сколько образуется при сгораніи углерода продукта его полнаго горѣнія, углекислаго газа; одна часть углерода при образованіи окиси углерода даетъ его по вѣсу $2\frac{1}{3}$ части, а присутствіе ея въ воздухѣ всего въ количествѣ 0,03% уже оказываетъ вредное вліяніе, а 0,1% дѣлаетъ воздухъ совершенно негоднымъ для дыханія, люди въ такомъ воздухѣ быстро отравляются. Но надо еще замѣтить, что окись углерода и въ малыхъ количествахъ, при постоянномъ вдыханіи, производитъ хроническое отравленіе (въ табачномъ дымѣ есть окись углерода и въ очень замѣтномъ количествѣ). При пользованіи печами надо всегда быть очень осмотрительнымъ при закрываніи трубъ.

На поверхностный взглядъ ложныя удобства,—а иногда полная необходимость,—заставляютъ пользоваться такими видами топлива, которые обычно не употребляются, а именно газомъ, спиртомъ и керосиномъ.

Прекрасны, удобны и не дороги печи, отопляемая городскимъ газомъ, но при непремѣнномъ условіи выхода продуктовъ горѣнія въ атмосферу.

Давно уже спиртъ и керосинъ служили въ особыхъ лампахъ для освѣщенія, затѣмъ начали приспосабливать эти лампы къ нагрѣванію на нихъ небольшихъ количествъ кушаній, затѣмъ стали готовить кушанья на такихъ керосиновыхъ и спиртовыхъ печахъ, и отсюда былъ уже всего одинъ шагъ до примѣненія печей прямо къ отопленію.

Единственное, что еще говорить за такія печи, это полная отдача всей теплоты въ воздухъ, но зато противъ употребленія, какъ топлива, керосина и спирта есть очень много серьезныхъ возраженій.

Приведемъ нѣкоторыя, и начнемъ съ слабѣйшихъ:

1) цѣна такого отопленія значительно выше, 2) оно опасно въ пожарномъ отношеніи, 3) горѣнія должно поддерживаться все время, такъ какъ по прекращеніи горѣнія прекращается и притокъ теплоты, а съ нимъ вмѣстѣ начинается остываніе и 4) самое существенное, это—страшная порча воздуха. Печи, отопляемая керосиномъ, не имѣя трубъ, всѣ продукты горѣнія

отдають въ воздухъ жилыхъ помѣщеній, а продукты этихъ получается много.

Допустимъ, что печи не даютъ продуктовъ неполнаго горѣнія, что невозможно, на практикѣ всегда наблюдается большій или меньшій запахъ при употребленіи керосиновыхъ печей, а при спиртовыхъ лампахъ, не говоря уже о денатуратѣ, который жгутъ въ нихъ, даже чистый спиртъ даетъ всегда запахъ.

Теплотворная способность спирта около 7.000, а керосина отъ 8.000 до 10.000. Но, сгорая, одинъ фунтъ спирта (приблизительно, въ зависимости отъ различныхъ качествъ чистаго спирта или, какъ говорятъ, отъ его крѣпости) даетъ въ воздухъ около 3-хъ фунтовъ углекислаго газа, а фунтъ керосина (химической составъ керосина не одинаковъ для разныхъ сортовъ, но всегда онъ состоитъ изъ углерода и водорода, при чемъ перваго значительно больше) даетъ до 4-хъ фунтовъ углекислаго газа. Вѣсъ этого газа въ полтора раза больше вѣса воздуха, а уже 4% содержания въ воздухѣ углекислаго газа дѣлають такую смѣсь совершенно негодной для дыханія.

Такимъ образомъ печи, выпускающія продукты горѣнія не въ атмосферу, а въ воздухъ тѣхъ помѣщеній, гдѣ онѣ поставлены, абсолютно недопустимы, и должно бороться всеми мѣрами противъ ихъ употребленія.

Но есть способъ отоплять жилища, заслуживающій всякаго поощренія, это—способъ обращенія энергій падающей воды, или вообще механической энергій въ тепловую съ переходомъ въ электрическую энергію.

Полученіе электрической энергій отъ машинъ, приводимыхъ въ движеніе какой-либо иной энергіей, достаточно извѣстно, а полученіе тепла отъ электрической энергій тоже давно извѣстная вещь, пожары отъ молніи всегда были первыми примѣрами такого полученія тепла, теперь же съ постояннымъ и быстрымъ распространеніемъ электрическихъ приборовъ всякаго рода и назначенія появились въ употребленіи въ повседневной жизни приборы для варки кофе, кипяченія воды, жаренія и вообще приготовленія пищи помощью того электрическаго тока, который служитъ для освѣщенія.

Сначала приборы эти дѣлали въ видѣ небольшихъ плитокъ, изянчато вида, на высокихъ ножкахъ, позволявшихъ ставить плитки на столы въ той же столовой, гдѣ и приготавливаютъ несложныя кушанья или подогревають холодныя. Затѣмъ стали дѣлать сковородки и кастрюльки съ грѣющимъ приспособленіями въ днѣ, такимъ же образомъ дѣлають водонагреватели и пр. Стоимость такихъ приборовъ теперь очень велика, да и расходъ энергій при нашихъ цѣнахъ весьма значителенъ, и только состоятельные люди могутъ позволить себѣ такой способъ пользованія тепломъ.

Электрическія печи не обладаютъ отрицательными сторонами печей безъ трубъ. Въ нихъ горѣнія нѣтъ, гдѣ-то далеко жгутъ уголь, или силою воды вращающіе мощные генераторы тока и по проводамъ отводятъ энергію за много верстъ.

О пользованіи электричествомъ въ смыслѣ теплоты говорится обстоятельно въ недавно вышедшей книгѣ автора этого очерка: „Чудеса электротехники“ *).

При распространеніи такого отопленія въ городахъ исчезнетъ дымъ, перестанутъ громять тѣлѣги, везущія дрова и уголь для нашихъ печей, засаривающія улицы черной пылью, значительно сократятся несчастные случаи, ожоги, взрывы, и т. п., перѣдко сопровождающіеся смертью.

* Инженеръ В. Рюмиль. „Чудеса электротехники“—примѣненіе электричества во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности. Г. Николаевъ, Херсонской губ., издательство „Электричество и Жизнь“.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Журналисты великой французской революціи. Очеркъ В. М. Дорешевича.—Топливо и тепло. Очеркъ инженера В. В. Рюмиль.—Заявленіе.
Р И С У Н К И: Французская революція. Празднество въ честь установленія федеративной республики въ Парижѣ, на площади Бастили. Де-ля-Шарлери.—Смерть Жарата. Фламенгъ.—„Père-Duchesse“—одинъ изъ журналовъ революціонной Франціи, издававшійся Эберомъ.—„Le vieux Cordelier“—одинъ изъ журналовъ революціонной Франціи, редактированныхъ Камилломъ Демуленомъ.—Камилла Демуленъ, первый журналистъ великой французской революціи.—Люсия Демуленъ, жена

Камилла Демуленъ.—Художникъ Жакъ-Луи Давидъ. Автопортретъ (Луврскій музей).—Марія-Антуанетта.—Дюфинъ и принцесса Елисавета, сестра короля Людовика XVI.—Адресъ королевской семьи. Де-ля-Шарлери.—21-е января 1793 г. Последнія минуты Людовика XVI. Де-ля-Шарлери.—Рѣчь Камилла Демуленъ въ Палатѣ Рояль, 12 го іюля 1789 г. Де-ля-Шарлери.—Мегера революціи.—Общественный обвинитель Фуке-Тэнвилль.—Давтонъ.

Къ этому № прилагается „Полное собраніе сочиненій А. И. Герцена“ книга 15.

Издатель Т-во А. Ф. Марксъ.

Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

ЖЖВА

1918 г.

№ 35.

Выходитъ ежедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 52 книгъ „Сборника“, содержащихъ сочиненія А. М. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. М. КАРЬЕВА („Великая Французская Революція“).
Выдастъ 31 августа 1918 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—38 р., на 1/2 г.—18 р., на 1/4 г.—9 р. Цѣна этого № (безъ прилож.)—40 к., съ перес. 50 ч.

XLIX г.
изданія.

Главная Контора и Редакция: Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

Перепечатка иллюстраціи и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Журналисты великой французской революціи.

Очеркъ В. М. Дорошевича.

(Окончаніе).

Передо мною книга:

— Объ уголовныхъ наказаніяхъ.

Перечисливъ различные роды наказанія, авторъ говоритъ:

„Остается сказать о высшемъ наказаніи. Но вся моя пристрастия вопить отъ ужаса. Сердце мое сжимается. И перо падаетъ изъ рукъ“.

Что это за авторъ, который даже не рѣшается произнести слово: „Смертная казнь“?

Авторъ книги—Жанъ-Поль Марать.

Книга издана въ 1790 г. Въ 1790 г. онъ не можетъ произнести даже слово „Смертная казнь“. А въ 1793 г. онъ потребуетъ 270 тысячъ головъ. Какой, съ Божьей помощью, поворотъ въ мысляхъ! Какой прогрессъ!

Его полный титулъ, какъ онъ самъ себя называетъ:

— Филантропъ Жанъ-Поль Марать, другъ народа, докторъ и философъ.

Изъ всѣхъ этихъ эпитетовъ васъ, конечно, поразитъ „филантропъ“. Но все нужно разсматривать въ рамкахъ той эпохи, въ которую происходитъ дѣйствіе. Бываютъ эпохи, когда отъ слова „филантропъ“ морозъ пробѣгаетъ по кожѣ. Докторъ Гюлотэнъ, отецъ гильотины, былъ извѣстенъ, какъ „филантропъ“. Его иначе не звали. Это былъ нашъ докторъ Гаазъ, только XVIII вѣка. Ужасы прежней казни, „варварское“ отрубленіе головы мечомъ, когда палачъ, случалось, рубилъ голову только съ двухъ, трехъ ударовъ, ужасы колесованія, разрываніе человѣка на части при помощи четырехъ лошадей, — онъ замѣнилъ казнь быстрой, наименѣе мучительной, „едной и равной для всѣхъ“, при помощи изобрѣтенной имъ машины. И современники съ восторгомъ утвердили за добрымъ и жалостливымъ докторомъ титулъ филантропа. Да и кандалы, которые еще такъ недавно насъ ужасали, — вѣдь это были кандалы изобрѣтенія святого доктора Гааза, „облегченные гаазовскіе кандалы“, которыми онъ, — и съ такимъ трудомъ, — замѣнилъ прежніе, тяжелыми желѣзными прутами соединенные съ кандалами сосѣда. Вы читали у А. Ө. Кони, какъ добрый докторъ

Гаазъ самъ носилъ, въ видѣ опыта, свои филантропическіе „облегченные кандалы“. И то, что приводило въ ужасъ насъ, еще нашимъ дѣдамъ, даже отцамъ казалось ужасно филантропичнымъ. Все относительно въ этомъ мѣрѣ.

Апофеозъ свободы. Торжество истины и разума.

Марать

Какое зловѣщее имя, Марать! Говорить о Марать—это говорить объ осужденномъ. Инполитъ Тэнъ, этотъ прокуроръ великой революціи, втаптываетъ его имя въ грязь:

— Онъ граничить съ безуміемъ. И мы находимъ у него всѣ типичныя черты сумасшествія. Въшеную экзальтацію. Непрерывное возбужденіе. Безсознательный автоматизмъ мысли подъ вліяніемъ навязчивыхъ идей. Всѣ чисто-физическіе симптомы душевно-больного: бессонницу, свинцовый цвѣтъ лица, постоянное лихорадочное состояніе, отвратительную нечистоплотность. Физически это какой-то недоносокъ, выкидышъ. Умственно—это вѣчный претендентъ. Претендентъ на самую крупную роль. Освістаный писатель. Сомнительный ученый. Философъ, никому неизвѣстный. Публицистъ третьяго сорта. Претендентъ на знаменитость, на всевозможныя почести, — кандидатъ вѣчный на все и вѣчно неудачный. Лишенный таланта, неспособный къ критикѣ, ничтожный умъ. Разница между его амбіціей и его способностями слишкомъ велика.

И даже Мишлэ, адвокатъ великой французской революціи, ей пѣвецъ, не находить добраго слова для Марата.

— Д-да, сумасшедшій...

Но съ тѣхъ поръ прошло много времени, а время несетъ за собой открытія и справедливость. За это время найдена и опубликована полностью переписка Марата, неизвѣстная въ ихъ время ни Тэну ни Мишлэ.

Одна изъ наиболѣ помѣшанныхъ на справедливости литература—русская литература. И въ ней появилась маленькая, — въ десять страниць, — брошюра покойнаго профессора В. В. Подвысоцкаго, большаго ученаго, котораго Мечниковъ считалъ не только талантливымъ, но, быть-можетъ, гениальнымъ. Познакомившись съ ученой дѣятельностью доктора Марата, Подвысоцкій приходитъ къ убѣжденію, что это было далеко не ничтожество.

— На основаніи всѣхъ данныхъ, раскрывающихся намъ теперь, — говоритъ Подвысоцкій, — можно съ увѣренностью утверждать, что, не понади Марать въ революціонный потокъ, изъ него образовался бы блестящій ученый, съ именемъ котораго было бы связано не мало великихъ научныхъ приобрѣтеній.

И если мы внимательно и безпристрастно сейчасъ посмотримъ на то, что мы знаемъ объ ученыхъ трудахъ Марата, мы увидимъ, что Подвысоцкій болѣе правъ, чѣмъ Тэнъ.

Авторъ трудовъ объ электричествѣ, объ огнѣ, о свѣтѣ, объ оптикѣ, — вовсе не разбрасывающееся претенціозное ничтожество.

Правда, надъ нимъ посмѣялся Вольтеръ, но врядъ ли ничтожеству Вольтеръ даже удѣлилъ бы вниманіе.

Врядъ ли, прежде всего, Марать ужъ такой плохой докторъ. Герцогъ Д'Артуа беретъ его своимъ придворнымъ врачомъ. А врядъ ли герцогъ Д'Артуа сталъ бы вѣрять свою драгоценную жизнь какому-нибудь плохонькому докторишкѣ. У Марата огромная аристократическая практика, и онъ очень извѣстенъ, какъ знающій и искусный врачъ.

Его опытами по электричеству интересуется самъ Франклинъ. Мы имѣемъ два письма Франклина, бывшаго въ 1782 г. въ Парижѣ, въ которыхъ онъ выражаетъ свой огромный интересъ къ опытамъ Марата.

Журналъ „Le Courrier de l'Europe“, отъ 15-го марта 1782 г., говоритъ о немъ:

— Monsieur Марать, которому физика уже обязана многими крупными открытіями, совершаетъ теперь не своротъ въ области электричества, какъ онъ уже раньше создалъ переворотъ въ области оптики.

„Journal de Paris“ 1779 г. пишетъ:

— Открытія г. Марата относительно огня несомнѣнно такого рода, что создадутъ эпоху въ исторіи знанія.

Одинъ изъ журналовъ такъ очерчиваетъ Марата:

— Если въ число оригинальныхъ авторовъ, ищущихъ новыхъ путей въ наукѣ, слѣдуетъ включать только тѣхъ, кто, не обращая вниманія на опыты другихъ, идетъ самъ самостоятельнымъ путемъ къ источникамъ знанія и умѣетъ бросить яркій свѣтъ въ самую темную неизвѣданную область, — то г. Марать несомнѣнно заслуживаетъ виднаго мѣста среди такихъ оригинальныхъ самостоятельныхъ ученыхъ. Въ частности, среди авторовъ, занимающихся вопросомъ объ электричествѣ, — этой прекрасной отрасли физики, — если нужно особенно отличать тѣхъ, кто дѣлаетъ изъ этой области точную науку, умѣетъ внести въ эту область ясность и сдѣлать ее полезной для насъ, — то г. Марать, безъ сомнѣнія, долженъ занять мѣсто въ самыхъ первыхъ рядахъ.

И Марать ищетъ, смѣло ищетъ новыхъ путей въ наукѣ. Въ XVIII вѣкѣ, — замѣтите, въ XVIII вѣкѣ! — онъ въ медицинѣ выступаетъ ярымъ сторонникомъ экспериментальнаго метода изслѣдованій и занимается вивисекціей. Характерное занятіе для Марата!

Въ 1782 г. онъ пишетъ своему другу, англійскому ученому мистеру Дэли (Марать въ XVIII вѣкѣ — французъ, отлично владеющій англійскимъ языкомъ. Онъ докторъ медицины Эдинбургскаго университета). Я позволю себѣ не только процитировать это письмо, но прошу обратить на него особое вниманіе. Оно многое объяснитъ намъ въ Маратѣ.

„Въ новой моей квартирѣ, — пишетъ онъ, — я приспособилъ двѣ комнаты специально для производства вскрытій и хирургическихъ опытовъ надъ живыми животными. Чтобы стать хорошимъ хирургомъ и вообще правильно вѣрять болѣзни, необходимо много упражняться въ вивисекціи и въ опытахъ надъ живыми животными. Я уговорился съ однимъ мясникомъ, который будетъ доставлять мнѣ живыхъ кроликовъ, овецъ, козъ и, если окажется нужнымъ, то и болѣе крупныхъ животныхъ. По минованіи надобности и по окончаніи опытовъ, я ему буду возвращать убитое животное, при чемъ буду уплачивать лишь за испорченныя во время вивисекціи части. Вы пишете, что не можете видѣть, какъ рѣжутъ невинныхъ животныхъ. Повѣрьте мнѣ, что мое сердце такъ же чувствительно, какъ и ваше, и я такъ же, какъ и вы, не нахожу удовольствія смотрѣть на страданія животныхъ. Но вѣдь невозможно понять тайны природы и постигнуть удивительныя свойства человѣческаго тѣла, если не углубиться въ самую сущ-

ность живой природы. Желая оказать много добра однимъ, приходится причинить нѣсколько зла другимъ, только такимъ образомъ можно сдѣлаться благодѣтелемъ человѣчества. Я никогда не могъ бы произвести всѣхъ своихъ наблюдений и открытій надъ мышцами и кровью, если бы не отрѣзалъ головы и конечностей большому числу животныхъ. Долженъ признаться, что сначала мнѣ было больно это дѣлать, и я испытывалъ даже отвращеніе. Но я постепенно привыкъ къ этому и утѣшаю себя тѣмъ, что дѣйствую такъ во имя блага человѣчества. Если вы долго проживете, то въ концѣ концовъ увидите, что изученіе медицины при помощи вивисекціи получить широкое распространеніе въ Англии и Франціи“.

И вотъ уже совѣтъ маратовская мысль:

„Если бы я былъ законодателемъ, то настоялъ бы, во имя блага моей родины и всего человѣчества, чтобы на преступникахъ, приговоренныхъ къ смертной казни, врачи производили трудныя и новыя операціи, и, въ случаѣ удавшейся операціи, приговоренные къ смерти были бы помилованы или присуждены къ болѣе слабой наказанію“.

Нѣтъ, этотъ человѣкъ, который самъ про себя пишетъ: „Рожденный съ душой воспримчивой, пламеннымъ воображеніемъ, съ пылкимъ характеромъ, прямой, упрямый, я былъ одаренъ сердцемъ, открытымъ для всѣхъ страстей, а главное, для любви къ славѣ. Съ самаго ранняго дѣтства меня снѣдала любовь къ славѣ. Эта страсть мѣняла свой характеръ соответственно различнымъ возрастамъ, но ни на мгновенье меня не покидала. Въ 5 лѣтъ я хотѣлъ быть школьнымъ учителемъ, въ 15—профессоромъ, въ 18 лѣтъ — писателемъ, въ 20 — гениальнымъ изобрѣтателемъ, какъ сейчасъ хочу одинъ — погнѣбнуть за отечество“. Этотъ человекъ необычайнаго самолюбія, провозглашающій себя „врачомъ неизлѣчимыхъ болѣзней“, „ученымъ, ниспровергающимъ всѣ существовавшіе до него авторитеты“. Этотъ человѣкъ, похожій

на истеричную женщину. Одѣтый, „какъ грязный извозчикъ“. Покрытый лишаями. Больной какой-то загадочной болѣзью, одни говорятъ — проказой, другіе — люэсомъ. Этотъ человѣкъ, отвратительный и ужасный, — все-таки не ничтожество.

Мы, журналисты, отмѣтимъ въ Маратѣ двѣ черты.

Маратъ подвергается за свои писанія преслѣдованіямъ.

Недѣлями онъ долженъ прятаться въ квартирѣ у знакомой актрисы, — это бы еще ничего! — и мѣсяцами въ темномъ и сыромъ погребѣ. И онъ не выпускаетъ пера изъ рукъ. Онъ пишетъ отъ строки до строки свой журналъ. Пишетъ при свѣтѣ коптящей масляной лампы. Пишетъ, когда письменнымъ столомъ ему служатъ колѣни. Онъ боленъ. У него мучительнѣйшія головныя боли. Онъ „не можетъ дышать“, если голова у него не повязана полотенцемъ, намоченнымъ въ уксусѣ. Единственное облегченіе отъ боли, отъ чесотки ему доставляютъ ванны. Но онъ продолжаетъ писать. Онъ не въ состояніи посѣщать Конвента. Но пера не бросаетъ. Онъ не въ силахъ писать статьи. Онъ наполняетъ свой журналъ только письмами въ редакцію и даетъ краткіе отвѣты на нихъ. Но онъ выпускаетъ ежедневно свой журналъ. И даже смерть застаётъ его за работой писателя и редактора. Когда Шарлотта Кордэ входитъ, чтобы его убить, Маратъ сидитъ въ ваннѣ. Поперекъ ванны лежитъ доска, чтобы Маратъ могъ работать, и онъ готовится слѣдующій номеръ (см. рис. въ № 28, на стр. 434).

И когда въ похоронномъ шествіи, страшномъ, отвратительномъ, триумфальномъ и чудовищномъ, везуть по Парижу на колесницѣ разлагающійся трупъ Марата, съ нагримированнымъ лицомъ, — потому что тлѣніе уже исказило его, — съ открытой грудью, на которой зияетъ рана, съ открытой изъ-подъ краснаго покрывала рукой, держащей желѣзное перо, въ этомъ ужасномъ карнавалѣ смерти эта подробность — заслуженная почеть. Его можно было хоронить съ желѣзнымъ перомъ въ рукѣ, — потому что этотъ журналистъ умеръ съ перомъ въ рукѣ.

Триумфъ Марата. Толпа несетъ оправданнаго судомъ Марата изъ Революціоннаго Трибунала въ Конвентъ. *Фламенгъ.*

Робеспьеръ.

Мы не должны забывать еще одной черты.

Въ революціонное время, когда столько народа готово половить рыбки въ мутной водѣ, когда Робеспьеру, — одному только Робеспьеру, — дается, какъ нѣчто необыкновенное, исключительное, титулъ „неподкупнаго“ — Маратъ не имѣлъ возможности даже купить себѣ ванну. Онъ беретъ на прокатъ ванну поденно у лавочника на углу. Онъ умеръ нищимъ. Можетъ ли быть лучшей некрологъ для служителя прессы?

Это не ничтожество.

Это не садистъ, какъ полагали одни. Этотъ человѣкъ, который говоритъ, что ему „больно причинять страданія“.

Это не сумасшедшій, какъ думаютъ. Даже, когда онъ выкрикиваетъ въ 1791 г. сумасшедшія фразы:

— Шесть мѣсяцевъ тому назадъ требовалось всего 500-600 головъ, чтобы спасти васъ отъ гибели. Сейчасъ, когда вы, какъ дураки, дали возможность вашимъ врагамъ сговориться и организовать въ огромную силу, потребуется отрубить, быть-можетъ, 5-6 тысячъ головъ. Но это ничего не значить! Хотя бы двадцать тысячъ, только не слѣдуетъ терять ни одного мгновенія!

Это не безуміе. Это послѣдовательность съ его стороны. Это его логика. Это послѣдовательно проведенная та же мысль, которая руководила имъ въ его опытахъ вивисекціи:

„Желая оказать много добра однимъ, приходится причинять нѣсколько зла другимъ“.

Это чрезвычайно способный, болѣзненный, замученный физи-

ческими страданіями, озлобленный преслѣдованіемъ, заморенный лишеніями, съ огромнымъ самоубійствомъ, прямолинейный фанатикъ, — какъ всѣ большіе расовые революціонеры, — готовый приносить человѣческія жертвоприношенія, потому что:

„Только такимъ образомъ можно сдѣлаться благодѣтелемъ человѣчества“. Все же остальное — сентиментальность!

Это страшное явленіе, но это не ничтожество.

Мы не собираемся оправдывать Марата. Мы оправдываемъ то, что дорого намъ, — Парижъ и революцію.

Парижъ увлекался не ничтожествомъ.

А увлеченіе Маратомъ не имѣло границъ. Когда его судили въ Революціонномъ Трибуналѣ и оправдали, его съ триумфомъ несли на рукахъ до Конвента. Въ письмахъ къ нему обращались не иначе, какъ „великій учитель“, „дорогой пророкъ“, „великій мудрецъ“. Когда онъ былъ убитъ, тѣло его было погребено въ Пантеонѣ (черезъ три мѣсяца выброшено). Сердце его, какъ сердца королей Франціи, было заключено въ вазу изъ одного цѣльнаго куска агата, украшенную драгоценными камнями. И ваза эта повѣшена подъ потолкомъ въ клубѣ Корделье. На перекресткахъ Парижа красовались гипсовые бюсты Марата, „друга народа и отца отечества“. На одной изъ улицъ Парижа, — rue aux Ours, — бюстомъ Марата была замѣнена статуя Мадонны. Марата звали не иначе, какъ „божественнымъ Маратомъ“. Ему была сочинена молитва, начинавшаяся словами: „О, святое сердце Іисуса! О, святое сердце Марата!“ Пушкинъ, говоря про Андрѣ Шенье:

Онъ пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
Кинжалъ и дѣву Эвмениду —

былъ только точенъ. У Марата были свои жрецы. Культъ и идолы:

Женщины носили брошки съ портретомъ Марата, мужчины — булавки. Театры давали десятки пьесъ на „Смерть Марата“. Болѣе ста городовъ Франціи „посвятили себя“ Марату и прибавили къ своимъ названіямъ имя Марата. Дѣтямъ давали имена „Санкюлотъ-Марать“. Марату посвящали дѣтей. Одна мать писала въ Конвентъ: „Мы съ мужемъ поклялись вырастить столько Маратовъ, сколько у насъ будетъ дѣтей. Евангелиемъ для нихъ будетъ собраніе сочиненій этого великаго человѣка“. Одинъ патриотъ приносить въ клубъ Корделье ребенка. Президентъ беретъ его на руки, цѣлуетъ и передаетъ четыремъ молодымъ дѣвушкамъ, одѣтымъ въ бѣлое. Его завертываютъ въ трехцвѣтное знамя. Два республиканскихъ священника, женатыхъ и присягнувшихъ республикѣ, крестятъ его во имя Вышшаго Существа и Свободы. Ребенку даютъ имя Вругъ-Марать. На „площади Пико“ (Вандомской площади) „юныя гражданки“, изъ которыхъ старшей было 8-9 лѣтъ, читали стихи въ честь Марата. Всѣ, кто ихъ слушалъ, были въ восторгѣ. Ихъ спрашивали: „Кто васъ этому выучилъ?“ — „Это нашъ папа“. Маленькіе мальчики, завидуя имъ, говорили: „Мама, насъ надо выучить говорить такъ же“. Марата „пѣли“ дѣти, — и маркизь де-Садъ, освобожденный изъ Вастилли, какъ „политическій“ заключенный, посвящалъ бюсту Марата стихи:

— О, единственный дорогой идолъ истиннаго республиканца! Твое изображеніе, Марать, служить намъ утѣшеніемъ въ горѣ. Кто чтитъ великаго человѣка, — слѣдуетъ его добродѣтелямъ. Изъ праха Сцеволы родится Вругъ!

Въ Конвентъ было внесено предложеніе: набальзамировать Марата и возить его по всей Франціи, по всѣмъ ея департаментамъ.

— Что говорю я! — воскликнулъ авторъ предложенія. — Возить по всему міру. Весь земной шаръ долженъ видѣть останки Марата.

Въ чемъ же секретъ этого неслыханнаго успѣха, этого невѣроятнаго обаянія? Въ чемъ сила Марата?

Очевидно въ томъ, что онъ и масса — одно. Онъ живетъ одной жизнью съ толпою, съ націей. Онъ, который объявлялъ, что, „если бы Людовика XVI не было, его надо было бы выдумать“, въ то время, какъ толпа, нація называла Людовика „горячо любимымъ“ и вѣрила ему и въ него, — онъ пережилъ вмѣстѣ съ толпой, съ націей всю эволюцію влѣво — до террора. Онъ вмѣстѣ съ толпой, съ націей вѣрилъ въ революціонныхъ вождей. Вмѣстѣ съ ней дошелъ до того, что пересталъ вѣрить кому бы то ни было. Онъ — воплощеніе террора. Какъ масса, онъ дрожитъ и заставляетъ

дрожать. Как м сел онъ всюду видит козни, заговоры, контр-революционеро́въ, предателей, продажныхъ людей, готовыхъ каждаго и всякаго отправить на эшафотъ.

Читатель, откровенной этой мучительной маніей преслѣдованія, этимъ массовымъ безуміемъ, которое называется терроромъ, прочитавъ „Друга Народа“, можетъ только воскликнуть:

— Слово въ слово то, что думаю я!

Въ этомъ сила Марата.

Вотъ образчикъ его стиля:

„Смертнй сонъ парижанинъ“. Граждане. Я говорю вамъ въ послѣднй разъ. Если сегодня же вы не назначите диктатора. Не какого-нибудь лицемѣра, лизоблюда, замаскированного лакея стараго режима, — но человека народа, кого-нибудь извѣстнаго своими знаніями, своей предусмотрительностью, своей преданностью отечеству, своей твердостью въ трудныя времена. (Вспомните самоубійца Марата, — вы узнаете, чей портретъ онъ рисуетъ). Если вы его не назначите, дабы онъ шелъ во главѣ васъ и указывалъ вамъ измѣнниковъ, которыхъ надо истребить, — ваша гибель обезпечена, и я больше ничего не имѣю вамъ сказать. Въ ожиданіи, пока вы меня своей ничѣмъ непобѣдимой апатіей доведете до молчанія, я чувствую, что мои внутренности разрываются отъ горя, и мое рвеніе о вашемъ спасеніи заставляетъ меня сдѣлать послѣднее усиліе васъ спасти. Несчастнй народъ! Национальное Собраніе, главный штабъ, муниципалитетъ, министры — тебя продаютъ и предають, а ты спишь спокойно! Спишь, положивъ голову на грудь этимъ предателямъ! Словно ты далъ обѣтъ не выйти изъ этой летаргіи, какъ только въ тотъ моментъ, когда съ тебя стануть сдирать кожу. Да проснитесь же отъ вашей летаргіи, граждане, трусливые, подлые и глупые! Хватайтесь за оружіе! Пусть каждый, кто въ состояніи носить оружіе, силой вырветъ его у муниципалитета, — и бѣгите занимать посты на 5 — 6 лье вокругъ столицы. Чтобы остановить врага. Не ждите, чтобы онъ приблизился къ вашимъ стѣнамъ, чтобы онъ занялъ высоты, командующія надъ городомъ, установилъ тамъ свои батареи, чтобы каменными ядрами разрушить ваши дома и похоронить васъ подъ пылающими развалинами, если вы не сдадитесь на милость побѣдителя.“

Такъ пишетъ онъ самъ. Но одинъ изъ главнѣйшихъ отдѣловъ его журнала — это письма въ редакцію и его отвѣты на нихъ.

„Другу Народа“, во имя „общественнаго блага“, можно писать все. Онъ все напечатаетъ.

Какой-то субъектъ сообщаетъ ему о заговорѣ аристократовъ и сознается, что самъ принималъ въ этомъ заговорѣ участіе, чтобы „лучше все пронюхать“. Другой редакторъ, скептикъ, бросить такое письмо съ презрѣніемъ въ корзину. „Другъ Народа“ его напечатаетъ съ примѣчаніемъ, что онъ:

— Поздравляетъ автора. Его доносъ — заслуга передъ отечествомъ. Противъ аристократовъ дозволено все, и, принимая на себя видъ заговорщика, гражданинъ только приноситъ себя въ жертву отечеству.

Кто-то жалуется ему, что его ограбили ночью на улицѣ:

— Увѣдомьте, пожалуйста, о тѣхъ опасностяхъ, которыя грозятъ по ночамъ прохожимъ въ нашемъ кварталѣ Ville Juive. Пятнадцатаго настоящаго мѣсяца я былъ остановленъ около улицы Бисетръ шестью разбойниками, которые объявили, что убьютъ меня, если я шкуну хоть слово. Они отняли у меня 18 ливровъ, носовой платокъ и галстукъ. Это почти все, чѣмъ я обладаю для себя и для своихъ дѣтей. Я съкопимилъ эти деньги въ теченіе двухъ

недѣль, и вотъ сейчасъ я доведенъ до полнаго отчаянія. Делэтръ, столяръ.

Марать отвѣчаетъ такъ, что это можетъ дать полное удовлетвореніе и доставить полное удовольствіе и ограбленному и всей публикѣ:

— Если бы тѣ, кому о семь вѣдать надлежитъ въ кварталѣ Ville Juive, не дрыгли и не жрали бы на общественный счетъ, вмѣсто того, чтобы думать о безопасности гражданъ, — кварталъ Ville Juive не былъ бы переполненъ грабителями, и гражданинъ Делэтръ съ дѣтьми не былъ бы лишень послѣдняго достоинства. Если бы у насъ была справедливость, — то тѣ, въ чьемъ вѣдѣніи находится безопасность квартала Ville Juive, должны были бы изъ своего кармана заплатить гражданину его убытки

Кто-то сообщаетъ Марату сплетню:

— Апостолъ свободы, защитникъ отечества, доведите до свѣдѣнія публики, что нѣкто ля-Флессель, служащій у директора монетнаго двора Куто на жалованьи въ 5 тысячъ ливровъ, живетъ, какъ принцъ, и тратитъ въ годъ по 40 тысячъ на квартиру, столъ и лошадей. Да еще откладываетъ каждый годъ по 50 тысячъ, а на-дняхъ купилъ себѣ дачу въ 75 тысячъ. Замѣтите, что этотъ Флессель сынъ извозчика и женатъ на дочери маляра, которая не принесла ему ни сантима. Это не мѣшаетъ ей тратить на туалеты по 10 тысячъ ливровъ, хотя она и получила въ приданое всего двѣ рубашки и одну полотняную юбку. Этотъ Флессель въ послѣднее время занимаетъ деньги, гдѣ только можетъ, по 15%. Ясно, что онъ собирается удрать за границу. Онъ живетъ на rue Basse № 18. Я хотѣлъ бы, чтобы вы предложилъ нашимъ „дамамъ рынка“ обратить на эту парочку вниманіе, слѣдить за ними хорошенько и арестовать, если они вздумаютъ скрыться. Подписано: Б.

Парижъ въ это время страдаетъ перепроизводствомъ денежныхъ знаковъ и страхомъ паденія цѣнностей денегъ. Марать снабжаетъ письмо примѣчаніемъ:

— Нѣтъ ничего удивительнаго, что Флессель и его супруга дѣлають такія траты и такія сбереженія. Вѣдь онъ служитъ на монетномъ дворѣ! Онъ свидѣтель того грабежа, который тамъ происходитъ съ печатаніемъ денегъ! Ясно, что Куто, у котораго въ рукахъ клише для печатанія ассигнацій, время отъ времени даетъ ему нѣсколько тысячъ, чтобы замазать ротъ. Что же уди-

Свобода печати.

Современная цвѣтная литографія.

вительнаго, если мы такимъ образомъ дойдемъ до полнаго банкротства?!

Прослѣдимъ судьбу этого Флесселя. Первое письмо напечатано 31-го мая; 5-го юня полагается второе:

— Секретарь Флесселя, увидавъ своего патрона пропечатаннымъ въ вашей газетѣ, мечеть громы и молніи. Онъ говоритъ, что васъ надо хватить полѣномъ по головѣ за то, что вы такимъ образомъ отзываетесь о порядочныхъ людяхъ, и собирается вамъ писать, чтобы вы назвали имя доносчика. Увѣдомляю васъ, что Флессель и его жена собираются уѣхать на-дняхъ. Не знаю куда. Я видѣлъ, какъ укладывали чемоданы этой ничтожной выскочки, которая корчитъ изъ себя герцогиню. Я былъ скандализованъ ея гардеробомъ, а въ особенности ея бѣльемъ. Я видѣлъ нѣсколько дюжинъ батистовыхъ рубашекъ, обшитыхъ великолѣпными кружевами, точно также, какъ нѣсколько дюжинъ панталонъ самаго кокетливаго характера!.. Ея горничная говорила мнѣ, что Флесселиха старается подражать бывшей королеви!.. Подумайте, — дочь малюра, сноха какого-то извозчика! Судите, какой же долженъ происходить грабежъ на монетномъ дворѣ! Вѣдь всѣ эти чудесныя вещи куплены на тѣ клочки бумаги, клише для которыхъ находится въ рукахъ у патрона Флесселя. Подпись: В. Р. С. Фонтэнъ, секретарь Флесселя, такъ горячо его защищаетъ, что я думаю, что онъ тоже его сообщникъ по расхищенію ассигнацій.

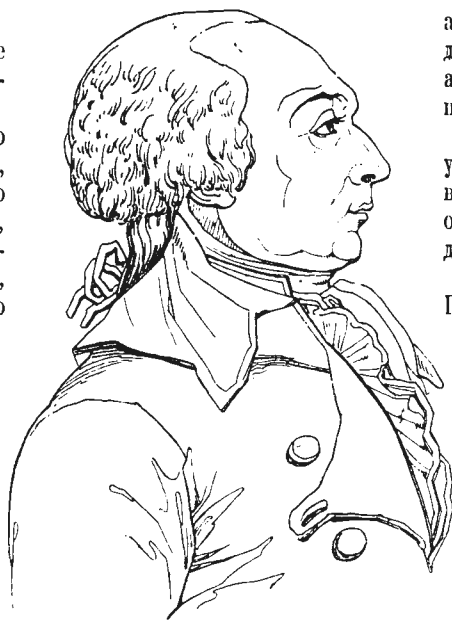
Письма возымѣли свое дѣйствіе. 20-го юня тотъ же В. сообщаетъ въ газетѣ Марата въ письмѣ къ „другу народа“:

— Флессель и его жена, прочитавъ доносы въ вашемъ листкѣ, испугались, чтобы народу не вздумалось произвести у нихъ обыскъ и пошупать его бумажникъ съ крадеными ассигнаціями. Они раннимъ утромъ вывезли всѣ бумаги, серебро, деньги и все цѣнное къ себѣ на дачу, гдѣ у нихъ собирается много гостей, и гдѣ они находятся и сейчасъ.

Конецъ этихъ писемъ? Имена Флесселя и его жены мы найдемъ въ спискѣ казенныхъ во время террора. Вотъ куда ведутъ письма въ редакцію „Друга Народа“.

Предъ Маратомъ дрожать, какъ предъ терроромъ, какъ предъ разъяренной толпой. Онъ не стѣняется, — не стѣняется, какъ толпа въ своихъ обвиненіяхъ, въ своихъ характеристикахъ.

Ему не нравится кто-то изъ избирателей, и онъ даетъ ему такую характеристику:

Жакъ-Ренэ Эберъ („Père-Duchesse“).

— Камбрэ, живеть на улицѣ Миромениль, аристократъ по убѣжденіямъ и очень покладистый супругъ: его жена живеть съ однимъ актеромъ Французскаго театра съ его вѣдома и согласія.

Для него, какъ для толпы, нѣтъ никакихъ условностей. Онъ пишетъ „прямо“, что толпа въ немъ и цѣнитъ. Фанатизмъ, съ которымъ онъ преслѣдуетъ неугодныхъ людей, доходитъ до смѣшнаго.

Что сказать про Гудона, знаменитаго Гудона?

— Гудонъ. Скульпторъ. Большой аристократъ и сторонникъ аристократовъ. Сдѣлалъ нѣсколько бюстовъ Байи, которому онъ по низости и изъ лести всегда уменьшалъ его длинный носъ.

Маратъ — волющеніе толпы, полной ужаса, подозрительности и жестокости. Онъ — фанатикъ, какъ фанатична толпа.

Въ музеѣ Карнавала вы можете видѣть ужасный трупъ этого страшнаго человѣка. Это картина Давида, великаго Давида, одного изъ основателей клуба якобинцевъ, декоратора всѣхъ революціонныхъ празд-

никовъ. (Впослѣдствіи онъ будетъ писать коронованіе Наполеона). Давидъ писалъ этотъ зеленѣющій трупъ ночью, когда на улицѣ передъ домомъ Марата ревѣла толпа. И спѣшилъ писать. Трупъ быстро разлагался. Была сильная гроза.

Страшная гроза разразилась и въ тотъ день, когда Шарлотту Кордэ везли на эшафотъ въ красной рубашкѣ, какъ казнили только отцеубійцъ.

Лѣто террора было жаркое и грозовое лѣто.

Если кто-нибудь видѣлъ смертную казнь во Франціи, онъ до конца своей жизни не забудетъ этого страшнаго момента, когда среди брезжущаго разсвѣта отворяется дверь тюрьмы и въ группѣ людей, подталкиваемый ими, появляется связанный человѣкъ съ обнаженной шеей, съ вырѣзаннымъ воротомъ рубахи. Напрасно передъ нимъ стоитъ священникъ, стараясь высоко поднятымъ крестомъ заслонить отъ него гильотину. Взглядъ человѣка прикованъ къ ея ножу, ничего не видитъ кромѣ этого ножа. Ударяютъ барабаны. Солдаты берутъ на караулъ. Окружающіе снимаютъ шляпы.

— Ея величество Смерть.

И представьте себѣ, что въ эту минуту въ толпѣ нашелся бы хулиганъ, который, смѣясь, крикнуть бы:

— А! Рыло! Ну-ка загляни въ окошечко гильотины! Что видишь? Небо въ овчинку показалось?

Эту роль въ революціонной печати игралъ Жакъ-Ренэ Эберъ.

*Les barbares ont voulu que vous fussiez
le bouc émissaire de leur malice dans vos bagnes, j'en profite
pour vous le raconter avec toute l'indignité que je puis
écrire sur tout ce qui est arrivé dans votre prison
pendant ces jours de malheur de nos amis.
Portez le en mémoire à moi
à vous jusqu'à mon dernier soupir*
MARAT

Автографъ письма Марата.

Среди помощников палача Сансона появился шут, по имени Легро, бывший плотник. Казни проходили монотонно. Одних, как Марию-Антуанетту, вносили на эшафот полумертвыми. Другие, как графиня Дю-Барри, кричали: „Еще секундочку, г. палач, еще секундочку!“ Третий, как Анахарис Клоссъ, „трибунъ рода человѣческаго“, „личный врагъ Вога“, входили гордо и умирали съ крикомъ: „да здравствуетъ единая республика всѣхъ народовъ!“ Четвертые, как жирондисты, умирая, пѣли Марсельезу. Но все это стало толпѣ прѣдаться. Легро рѣшилъ, что надо оживить казни. Сдѣлать зрѣлище повеселѣе. Онъ сталъ шуткомъ гильотины. Онъ ломался, коверкался на подмогкахъ, облитыхъ человѣческой кровью. Гримасничалъ, острилъ, насмѣхался надъ людьми, лежавшими уже на плахѣ, въ ожиданіи удара. Онъ сдѣлался любимцемъ толпы, любимцемъ этихъ „фурій гильотины“, которыя съ самаго ранняго утра дежурили на лѣстницѣ „Дворца Правосудія“, ожидая, когда изъ находящейся рядомъ тюрьмы Консьержери повезутъ тѣлѣги осужденныхъ на казнь. Это онъ, Легро, когда отрубили голову Шарлоттѣ Кордэ, схватилъ за волосы эту милую голову, поднялъ ее, развернулся и далъ ей пощечину. И тутъ же создалась легенда. Всѣ видѣли, — всѣ, своими глазами! — что щека Шарлотты Кордэ покраснѣла.

То амплуа, которое занималъ на эшафотѣ Легро, въ революціонной прессѣ избралъ себѣ Эберъ, издатель „Père-Duchesne“.

Онъ издѣвался надъ привлеченными, надъ осужденными, надъ казнимыми, надъ казненными. — „Лизалъ кровь“, какъ заклеилъ его Камилль Демюлень. И требовалъ казней, казней еще и еще.

Онъ былъ извѣстенъ, весь Парижъ его зналъ не иначе, какъ его псевдонимомъ „пэръ-Дюшэнъ“. Обыкновенно его памфлеты, написанные въ формѣ фельетона, назывались „Les colères du père-Duchesne“. Чтобы передать не букву, а смыслъ этого названія, его лучше пере вести такъ: „Ворчанье куманька Дюшэна“. Эти фельетоны-памфлеты писались отъ имени Дюшэна, печника и трубочиста, который, хлопнувъ стаканчикъ-другой вина, закуривалъ трубочку и начиналъ разсуждать на злобы дня, ругаться по поводу текущихъ дѣлъ.

Какъ это ни странно, но мы имѣли журналъ „пэръ-Дюшэна“ у насъ въ Россіи, и даже въ официальномъ изданіи! Это — растопчинскія афиши двѣнадцатаго года. Несомнѣнно, что московскій генераль-губернаторъ Растопчинъ, — отецъ будущей графини де-Сегюръ, извѣстной французской писательницы, — какъ всѣ аристократы того времени, гораздо лучше знакомый съ французской литературой, чѣмъ съ русской, ища популярной формы, копировалъ „пэръ-Дюшэна“, когда начиналъ свои знаменитыя афиши такъ:

— Московскій мѣщанинъ, бывший въ ратникахъ Корюшка Чихиринъ, выпивъ лишній крючокъ, на тычкѣ услышалъ, что будто Бонапартъ хочетъ итти въ Москву, разсердился и, разругавъ скверными словами всѣхъ французозъ, вышелъ изъ питейнаго дома, заговорилъ подъ Орломъ такъ...

Да вѣдь это обычное начало „пэръ-Дюшэна“! Забѣните только французозъ „аристократами“ и Орла — трехцвѣтнымъ знаменемъ.

О, демагогія! До чего ты доводишь! Московскій генераль-губернаторъ, обкрадывающій французскаго якобинца...

„Foutre“ — этимъ грязнымъ, невозможнымъ для перевода восклицаніемъ, которое даже Маратъ, не особенно стѣсняющійся въ выраженіяхъ, не рѣшается печатать цѣликомъ, а ограничивается только первой буквой и многоточіемъ, — этимъ выраженіемъ начинаются монологи „пэръ-Дюшэна“.

Перевести 10—5 строкъ Дюшэна цѣликомъ невозможно. Для этого надо опуститься на дно, это жаргонъ портерныхъ, кабаковъ, сутенеровъ, убійцъ и палачей. Кажется, какъ будто для такой публички и пишетъ „пэръ-Дюшэнъ“, а онъ имѣетъ огромный, колоссальный, не поддающійся описанію успѣхъ. Нѣкоторые изъ нумеровъ „Пэръ-Дюшэна“ расходятся въ количествѣ 600 тысячъ экземпляровъ! Тиражъ неслыханный по тому времени. „Пэръ-Дюшэнъ“ — идолъ Парижа. Посмотрѣть на

„пэръ-Дюшэна“, — а онъ состоитъ совѣтникомъ парижскаго муниципалитета — собираются толпы. Каждое его слово встрѣчается громомъ аплодисментовъ. Таково безуміе террора. „Les dieux ont soif!“ — „Боги мучатся жаждой!“ — какъ опредѣляетъ терроръ поэтъ революціи, Камилль Демюлень. И люди жаждутъ крови, и человѣкъ, „лижущій кровь“, — кумиръ этихъ охваченныхъ жаждой крови людей.

„Les colères du père-Duchesne“ имѣютъ обыкновенно очень длинное заглавіе. Напримѣръ: — Торжественный визитъ „пэръ-Дюшэна“ къ гражданинѣ Роланъ въ тюрьму Лябеи, чтобы повытаскать ей всѣхъ червей изъ носу (узнать отъ нея всю подноготную) и раскрыть всѣ замыслы заговорщиковъ противъ республики. Его бесѣда съ этой старой беззубой тварью, которая разстегнулась передъ нимъ на всѣ пуговицы и открыла ему весь смрадъ контрреволюціонныхъ заговоровъ жирондистовъ, бриссонистовъ, бюзотистовъ, петіонистовъ, въ связи съ замыслами разбойниковъ Вандейцевъ, а главное, мерзавцевъ-англичанъ.

„Пэръ-Дюшэнъ“ умѣлъ оскорблять своихъ жертвъ.

Это благодаря ему madame Роланъ выступила передъ Революціоннымъ Трибуналомъ съ распушенными волосами, золотымъ каскадомъ покрывшими ея плечи. Она опровергала этимъ „пэръ-Дюшэна“. Травя ее изъ номера въ номеръ, ведя ее на эшафотъ, „пэръ-Дюшэнъ“ увѣрялъ, что у нея не свои волосы. Madame Роланъ, — эта „римлянка, переодѣтая парижанкой“ — знала, что голова ея должна пасть. Но она не хотѣла, чтобы думали, что у нея фальшивые волосы. Madame Роланъ не защищалась на судѣ. Она обвиняла обвинителей. Она не спасала своей головы. Но волосы! Волосы у нея свои! И какіе...

Чтобы все-таки дать нѣкоторое понятіе объ языкѣ „пэръ-Дюшэна“, я — заранѣе извиняясь за грубости и непристойности — переведу отрывки изъ его profession de foi — исповѣданія вѣры, — опуская тѣ мѣста, которыя цитировать окончателно невозможно.

Онъ обращается къ клубу якобинцевъ, куда его допустили: — Друзья и братья! Вы, конечно, кое-что слышали обо мнѣ среди свѣтскихъ разговоровъ! Вы знаете мой патріотизмъ, мою честность и мой стиль. Я готовъ соединиться съ вами, чтобы ра-

Шарлотта Кордэ.

ботать вмѣстѣ на благо нашей страны и стереть въ порошокъ эту собаку - аристократію. Проклятая тварь еще достаточно сильна, но клянусь бородами тысячи Магометовъ! — удвоимъ наши усилія и разобьемъ ей рыло! Господа, вы сдѣлали много хорошаго, и нація цѣлуетъ вамъ руки. Но, foutre, вы были иногда слишкомъ трусами и прохвостами. Ваши языки бывали часто молчаливы, какъ моя постель, на которой жена моя ставитъ мнѣ рога. Вашъ патриотизмъ часто застывалъ, какъ страсть у женщины послѣ года замужества. Вы были снисходительны, чтобы чортъ побралъ меня вмѣстѣ съ вами! Нѣтъ, господа, сердце патріота не должно быть мягко, какъ грудь старой твари.

Стиль — это человѣкъ.

Мы познакомились со стилемъ. Теперь познакомимся съ человѣкомъ.

Насъ ждетъ сюрпризъ. Вмѣсто полупьянаго трубочиста „пэръ-Дюшэна“ мы встрѣтимъ представительнаго, — правда, очень маленькаго роста, — элегантнаго, почтеннаго буржуа. Красиваго малаго. Онъ со вкусомъ одѣтъ. Франтомъ. По тогдашней модѣ, у него по жилету нѣсколько цѣпочекъ и въ карманахъ нѣсколько часовъ. У него очень миленькая жена Франсуаза, которую онъ зоветъ Жакелинъ. Молодая и очень остроумная. Она ярая республиканка. А еще три года тому назадъ была монашенкой въ монастырѣ Святого Зачатія. Она на собраніяхъ проповѣдуетъ женщинамъ равенство, ссылаясь на тексты Евангелія. И ея духовникъ не знаетъ духовной дочери, болѣе усердной къ церкви, и исповѣдницы, болѣе частой. Въ этомъ домѣ, тѣхъ хозяйки боится съ „фанатизмомъ“, хозяйка — самая ревностная католичка.

У нея въ спальнѣ на самомъ видномъ мѣстѣ гравюра: „Иисусъ Христосъ, послѣ Воскресенія являющийся ученикамъ своимъ въ Эммаусѣ“.

А „пэръ-Дюшэнъ“, на всякій случай, — а вдругъ обыскъ, „ночной визитъ патріотамъ!“ — на поляхъ гравюры написалъ:

— Санкюлотъ Иисусъ, ужинающій съ двумя учениками въ замкѣ бывшаго аристократа.

Общество, которое бываетъ у Эбера, — совсѣмъ не санкюлоты, далеко не санкюлоты! Это, по большей части, поставщики на казну, крупные спекулянты, съ которыми онъ поддерживаетъ какія-то сношенія. Меча въ „Пэръ-Дюшэнъ“ громы и молніи на голову спекулянтовъ, „агентовъ контръ-революціи“, которые „морятъ голодомъ революціонный Парижъ“, онъ проповѣдуетъ, что нужно отказываться себѣ во всемъ ради блага отечества, — и въ то время, какъ Парижъ, дѣйствительно, умираетъ съ голода, Эберъ даетъ превосходные, блестящіе обѣды, потому что любитъ поѣсть, любить пожить.

Этотъ ругатель въ печати — въ жизни человѣкъ мягкій, пріятный, обходительный, прямо очаровательный. Настоящій свѣтскій человѣкъ, какихъ онъ рекомендуетъ отправлять на гильотину.

Ему 37 лѣтъ. Онъ родился въ Алансонѣ и 23 лѣтъ долженъ былъ оставить свой родной городъ. У него тамъ было судебное дѣло. Совсѣмъ не политическое. Далеко не политическое! Послѣ этого дѣла ему было неудобно вернуться къ себѣ на родину (онъ имѣлъ несчастье „столкнуться съ уголовнымъ судомъ“). Въ Парижѣ онъ былъ биллетеромъ въ театрѣ. Въ журналистику онъ пустился въ 1790 г., когда никто, кромѣ Камилла Дамулена и Дантона, не думалъ о республикѣ. Онъ дебютировалъ памфле-

Madame Роланъ.

томъ съ энергичнымъ названіемъ „Стекла вдребезги“ и затѣмъ сталъ издавать „Пэръ-Дюшэна“. О, онъ тогда не шель дальше конституціи! И въ своемъ „Пэръ-Дюшэнъ“ со своей обычной грубостью, со своими „foutre“ и „милліонами дьяволовъ“ называлъ короля „славнымъ малымъ“, королеву называлъ „штучкой съ умомъ и весьма любезной“, а маленькаго дофина — прелестнымъ карапузомъ.

Но революція, разрастаясь въ ураганъ, уносила все лѣвѣе и лѣвѣе, все быстрѣе и быстрѣе. И съ нею уносился Эберъ, стараясь быть впереди, стараясь быть якобинцемъ изъ якобинцевъ, террористомъ изъ террористовъ. Онъ напоминаетъ собаку, которая мчится за лошадыю, стараясь ее обогнать, подпрыгнуть и укусить за морду. Въ этомъ стремленіи обогнать революцію, обогнать всѣхъ и все онъ дошелъ до геркулесовыхъ столповъ.

Это Эберу удалось чудо — вызвать на моментъ сочувствіе даже къ ненавидимой всѣми Маріи-Антуанеттѣ, „австріячкѣ“, какъ звали ее народъ. Это Эберъ явился на судъ въ качествѣ свидѣтеля и бросилъ ей чудовищное обвиненіе:

— Однажды дофина, — заявилъ на судѣ Эберъ, — застали за тѣмъ, что онъ предавался извѣстному пороку. Мы спросили его: кто его

этому научилъ? Сынъ Капета отвѣтилъ, что его этому научила его мать. Я полагаю, — заключилъ Эберъ, — что это дѣлалось не изъ разврата, а по политическимъ соображеніямъ. Австріячка хотѣла извести дофина, погубить его, чтобы тронъ достался ей.

Вы помните, какъ отвѣтила на это подсудимая.

Она схватилась рукою за грудь, словно ее ударили въ сердце.

— Это чудовищно! Противъ этого протестуетъ природа матери. Я ссылаюсь на всѣхъ здѣсь, кто былъ матерью! Можно ли этому повѣрить?

Показаніе Эбера, вмѣсто сенсаци, было встрѣчено ледянымъ молчаніемъ всего зала. Въ клубѣ якобинцевъ оно вызвало негодованіе. Максимилианъ Робеспьеръ съ презрѣніемъ отбросилъ это показаніе.

— Какъ глупо! Развѣ мало, что она была женой ничтожнаго Клавдія. Для чего ему потребовалось дѣлать изъ нея еще и Агриппину? — сказалъ, понюхавъ цвѣты, присланные одной изъ поклонницъ, „человѣкъ въ голубомъ фракѣ“, какъ тогда звали Робеспьера

Неистовству Эбера не было границъ. Не было головы въ Конвентѣ, которой бы онъ не грозилъ. Онъ имѣлъ свою партію „эбертистовъ“, стоялъ во главѣ коммуны Парижа и именемъ ея требовалъ казней, казней и казней. Онъ всѣхъ обвинялъ въ предательствѣ, въ снисходительности къ контръ-революціонерамъ, въ измѣнѣ. Онъ грозилъ поднять возстаніе противъ Конвента. Развѣ онъ не идолъ, не кумиръ Парижа? Развѣ „Пэръ-Дюшэнъ“ не расходится въ 600 тысячахъ нумеровъ? Онъ уже представлялъ опасность для Конвента, — и его схватили. Его и 17 человѣкъ съ нимъ. Ихъ обвиняли въ томъ, что они „получали деньги изъ-за границы“, въ томъ, что они „хотѣли заговоромъ погубить республику, поднять мятежъ, арестовать Конвентъ, раздѣлить между собой золотой фондъ государства“ и провозгласить какое-то регентство.

Президентъ Революціоннаго Трибунала, обращаясь къ подсудимымъ, перечисляетъ ихъ „титулы“:

— Негодяи, разбойники, измѣнники, презрѣнныя орудія контръ-революціи, подлая души, убійцы, палачи, варвары, лице-

мѣры, душители свободы, морильщики голодомъ, убійцы отцовъ отечества, жестокіе рабы, узурпаторы, агенты тирановъ, лакеи иностранцевъ, ложные патриоты, роялисты!

Въ такой обстановкѣ ихъ судили. Врядъ ли обвиненію кто-нибудь вѣрилъ. Но смертный приговоръ былъ извѣстенъ заранѣе. Не прошло получаса, какъ его произнесли, — а мальчишки по улицамъ уже неслись съ готовымъ, отпечатаннымъ официальнымъ листкомъ:

— Смертный приговоръ „пэръ-Дюшэну“ „Пэръ-Дюшэнтъ“ взглянуть въ окошечко святой гильотины. „Пэръ-Дюшэна“ побреютъ національной бритвой.

Очевидно, — по тогдашнимъ типографскимъ условіямъ, — этотъ приговоръ былъ уже отпечатанъ заранѣе.

На безконечно длинной улицѣ Saint-Hippolyte, по которой везли осужденныхъ изъ Консьержери на площадь Революціи, всѣ окна были заняты заранѣе. Всѣмъ хотѣлось посмотрѣть, какъ будутъ везти на казнь „пэръ-Дюшэна“. Улица была запружена народомъ. На площади была давка. Весь Парижъ въ этотъ день, 4-го жерминаля, 24-го марта 1793 г., пришелъ посмотрѣть на казнь вчерашняго идола и кумира. Такъ топятъ боговъ. Въ толпѣ распѣвали только-что сочиненную пѣсенку:

— А! Знаменитый писатель! А! Авторъ „choberep“! А! Печникъ и трубочистъ! Развѣ ты не знаешь, что, если слишкомъ топить печку, то приходится въ концѣ концовъ высунуть носъ въ окошко!

Продавцы журналовъ нарасхватъ продавали изданную кѣмъ-то пародію на „пэръ-Дюшэна“: „Des colères du peuple“. — „Гнѣвъ народа противъ презрѣннаго „пэръ-Дюшэна“.

И толпа хохотала, читая всѣ эти „foutré“ и площадныя ругательства противъ „пэръ-Дюшэна“. Кто-то предложилъ устроить изъ этого шествія на казнь цѣлую карнавальную процессію. Впереди телѣги, на которой повезутъ Эбера, нести печку:

— Какъ же, — „пэръ-Дюшэнтъ“ и безъ печки?!

И вотъ въ 4 часа яснаго, прозрачнаго весенняго дня ворота Консьержери отворились, и показались страшныя повозки. На первой ѣхалъ Эберъ. Его встрѣтили гуканьемъ, криками, хохотомъ. Онъ былъ безъ кровинки въ лицѣ. Казалось, не понималъ, не видѣлъ, не сознавалъ, что происходитъ кругомъ.

Толпа была такъ велика, что телѣгамъ приходилось безпрестанно останавливаться и стоять по нѣскольку минутъ. Толпа кругомъ орала:

— Ну, что же, „пэръ-Дюшэнтъ“?! Что же не закуриваешь своей трубочки?

— Онъ забылъ ее на печкѣ!

— Попроси у Сансона!

— Эй, „пэръ-Дюшэнтъ“! Сегодня, наконецъ, и ты взглянешь въ окошечко гильотины! Расскажи намъ завтра въ своемъ листкѣ, что ты тамъ увидишь?

Когда повозки поравнялись съ домомъ Дюплэ, на углу улицы Сентъ-Онорэ и улицы Св. Флорентина, гдѣ жилъ Робеспьеръ, — раздался громъ аплодисментовъ, крики:

— Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ нація! Да здравствуетъ Робеспьеръ!

Это толпа благодарила Робеспьера за то, что онъ избавляетъ Парижъ отъ „пэръ-Дюшэна“

Эбера должны были снять съ повозки. Онъ не держался на ногахъ. Его посадили около эшафота на мостовую. Какъ главный виновникъ „заговора“, онъ долженъ былъ быть казненъ послѣднимъ. Упало 16 головъ. Эберъ сидѣлъ, словно ничего не вида, ничего не понимая... Осталось двое: Анахарсисъ Клоссъ и Эберъ. Палачъ подошелъ: „очередь за вами“. Къ Эберу снова вернулось сознаніе:

— Нѣтъ еще! Рано! Рано! Я послѣдній!

Арестъ Шарлотты Кордэ, 13-го іюля 1793 г.

Анахарсисъ Клоссъ спокойно поднялся на ступеньки эшафота. Эбера почти внесли.

Усталый Сансонъ стоялъ въ сторонѣ.

Казнить долженъ былъ его помощникъ Легро, шутъ эшафота.

Два скормороха гильотины остались съ глаза на глаза. Такая казнь! Это былъ бенефисъ Легро.

Голова Эбера была уже въ отверстіи гильотины.

Толпа гоготала:

— Смотрите! „Пэръ-Дюшэнъ“ глядятъ въ окошечко!

Шутъ подмигнулъ и краснымъ фригійскимъ колпакомъ утеръ Эберу носъ.

Толпа была въ восторгѣ. Легро схватился за веревку, опустил ножъ гильотины... и вдругъ удержалъ его надъ самой шеей Эбера.

...И такъ до трехъ разъ. Подъ хохотъ, ревъ и гикъ толпы.

Пока, наконецъ, Сансонъ не кинулся, схватилъ веревку и опустил ножъ гильотины.

Раздался взрывъ аплодисментовъ.

Итакъ, передъ нами прошли журналисты великой французской революціи. Ея Патроклы и Терситы, герои и жертвы. Мы видѣли три типа журналистовъ революціи: ея энтузиаста и поэта, ея фанатика и ея прихвостня.

Но прежде, чѣмъ разстаться съ журналистами великой французской революціи, жаль было бы не упомянуть еще объ одномъ, маленькомъ тогдашнемъ журналистѣ. Очень маленькомъ журналистѣ. Но который сдѣлалъ потомъ очень большую карьеру. Правда, на другомъ поприщѣ.

Его зловѣщая тѣнь носится надъ всей великой французской революціей. Словно хищная птица надъ полемъ сраженія. Летаетъ кровь, и когда бойцы падаютъ въ смертномъ снѣ, хищникъ спустится на умолкшее поле, — и начнется его пиръ. Нѣтъ возможности заняться исторіей великой французской революціи, чтобы всюду не натолкнуться на эту мрачную фигуру. Словно какой-то Спарфучилле, брави, бродитъ по темнымъ закоулкамъ и выглядываетъ изъ-за угла.

На самомъ дѣлѣ. 10-е августа 1792 г. Утро. На площади Людовика XV передъ Тюльрійскимъ дворцомъ возставшій народъ. Ворота Тюльрійскаго сада отворяются, и оттуда выходитъ національная гвардія. Солдаты не желаютъ стрѣлять въ народъ. Участъ французской монархіи — и не одной только французской монархіи! — рѣшена. Оглушительные крики радости, торжества.

— Да здравствуетъ свобода!

Въ это время на углу rue Royale, ведущей отъ церкви Мадленъ къ площади Людовика XV, — тамъ, гдѣ сейчасъ помѣщается морское министерство (въ двухъ шагахъ отъ знаменитаго „Максима“) стоитъ небольшая кучка любопытныхъ. Среди нея молодой офицеръ, невысокаго роста, очень худой, въ сильно поношенномъ капитанскомъ мундирѣ, съ оливковымъ цвѣтомъ лица, длинными волосами, падающими до плечъ. Не французскій типъ. Онъ презрительно смотритъ на толпу, и у него срывается:

— Дали бы мнѣ пару пушекъ и батальонъ солдатъ, и я бы въ двѣ минуты разогналъ всю эту сволочь.

Этотъ человѣкъ носить имя, которое для французскаго уха звучитъ такъ же странно, какъ для насъ, напримѣръ, Экзакустиданъ или Павсикакій. Его зовутъ, какъ никого не зовутъ!.. Не Жанъ, не Жакъ, но Исидоръ На-по-де-онъ. Drôle de nom! Забавное имя!

Капитанъ артиллеріи Наполеонъ Бонапартъ.

Въ тюрьмѣ Аббэи въ предсмертной тоскѣ томится нѣсколько женщинъ — „аристократокъ“. Были еще недавно счастливыя — и такія спокойныя! — времена. Утромъ рано не позовутъ, — значить цѣлый день жить. Еще одинъ день. А теперь! Могутъ явиться каждую минуту, даже передъ самымъ вечеромъ. Жди каждую секунду. Одна изъ женщинъ, стоявшая у окна, съ негодованіемъ отходитъ:

— Какой негодай!

— Что такое?

— Тамъ, на улицѣ. Какой-то негодай. Еще издѣвается надъ нами. Смотритъ въ окно, показываетъ, что намъ отрубятъ голову. Какая гнусность!

Но женщина — женщина и всегда любопытна. Другая изъ заключенныхъ съ тоскующимъ лицомъ подходитъ къ окну поглядѣть. Смотритъ внимательно. Что-то ее заинтересовываетъ. Ея лицо оживаетъ.

— Смотрите! Смотрите! Это совсѣмъ не то! Смотрите, что онъ дѣлаетъ! Онъ показываетъ на платье — robe, на мостовую — riègге. Онъ показываетъ, какъ отрубятъ голову. Robes et riègге казнь! Робеспьеръ казнь! Робеспьеръ казнь! Спасеніе, свобода!

Эта женщина, возвѣстившая конецъ террора, ее звали Марія-Роза-Жозефина виконтесса Богарнэ, баронесса Банвилль. Будущая императрица Франціи. Будущая супруга Наполеона Бонапарта...

„Камо бѣгу отъ лица твоего!“

Если вы заинтересуетесь ролью актеровъ въ великой французской революціи, — рядомъ съ красивой фигурой Тальма, „національнаго актера“, какъ его звали, великаго трагика, яраго революціонера, одного изъ основателей клуба якобинцевъ, — вы увидите того же тщедушнаго офицерика, которому Тальма покровительствуетъ, котораго онъ вводитъ въ клубъ всемогущихъ якобинцевъ, — Наполеона Бонапарта.

Если вы займетесь журналистикой той эпохи, вы наталкнетесь на писанья этого офицера. Его мелкія произведенія разбросаны въ альманахахъ. Онъ пишетъ въ прозѣ и стихахъ. Въ прозѣ онъ пишетъ въ модномъ стилѣ... Вольтеръ создалъ моду

на восточныя сказки. Онъ пишетъ восточныя сказки. И очень милыя восточныя сказки.

Онъ, большой любитель театра (по протекціи Тальма ходящій по контрамаркамъ),—онъ, человекъ XVIII вѣка, пишетъ очень галантные мадригалы въ стихахъ актрисамъ.

Въ 1792 г., въ страшномъ 1792 г., въ оперѣ даютъ „Дидону“, произведеніе моднаго тогда Пиччини, соперника Глюка. Весь Парижъ кричитъ о триумфѣ, настоящемъ триумфѣ, гражданинъ Юберти, въ роли Дидоны,—и Наполеонъ Бонапартъ пишетъ ей мадригалъ, который я позволю себѣ, за немѣнимъ поэтическаго таланта, перевести презрѣнной прозой:

— Рямляне! Вы, которые гордитесь своимъ знатнымъ происхожденіемъ,—отъ самого Энея. Посмотрите же, отъ чего зависѣло ваше могущество! У Дидоны просто не было достаточно притягательной силы, чтобы удержать своего любовника. И только!.. Но если бы другая Дидона,—краса нашихъ мѣстъ,—была царицей Кароагена,—о, тогда бы Эней забылъ обо всемъ, чтобы служить только ей! И ваша чудная страна оставалась бы и до сихъ поръ дикою пустыней.

Тутъ есть, какъ видимъ, все:—и „античная“ напыщенность революціоннаго времени и галантная любезность XVIII вѣка.

Къ нашей коллекціи революціонныхъ журналистовъ мы должны добавить еще журналиста практика, журналиста „реалиста“, журналиста карьериста.

Такимъ карьеристомъ былъ Наполеонъ Бонапартъ. Въ журналистикѣ онъ выступилъ памфлетомъ „Ужинъ въ Бокэрѣ“. Памфлетомъ, который произвелъ тогда пріятное впечатлѣніе на якобинцевъ. Въ памфлетѣ онъ аттестовалъ себя убѣжденнѣйшимъ якобинцемъ. Убѣжденнѣйшимъ единомышленникомъ и ихъ поклонникомъ. Нѣтъ болѣе якобинскаго памфлета, чѣмъ этотъ „Ужинъ въ Бокэрѣ“.

Памфлетъ написанъ въ 1793 г. и за свое якобинство былъ изданъ на государственныя счеты. Это потомъ—скоро!—Наполеонъ женится на Жозефинѣ Богарно, любовницѣ всецельнаго Барраса. Теперь, въ 1793 г., онъ мечтаетъ жениться на Шарлоттѣ Робеспьеръ, некрасивой дѣвушкѣ, сестрѣ всецельнаго Робеспьера, и считается уже ея женихомъ.

Наполеонъ—прекрасный журналистъ. Онъ беретъ такую жгучую тему, что у автора должна горѣть земля подъ ногами. Рѣчь идетъ о гражданской войнѣ, которая кипитъ тогда,—какъ почему-то всегда гражданскія войны,—между сѣверомъ и югомъ... Парижъ дерется съ Провансомъ. Конвентъ борется съ Марселемъ. Наполеонъ дерется въ рядахъ конвентскихъ войскъ.

Изъ-за чего гражданская война?

— Мы, марсельцы,—говоритъ въ памфлетѣ марседецъ,— всегда были за свободу, за республику. Въ борьбѣ за свободу, мы, марсельцы, не мало орошали своей кровью священную землю отечества... Мы съ нашей пѣсню, марсельезой, первыми пришли въ Парижъ на борьбу съ деспотизмомъ. Но мы противъ анархіи. Мы не желаемъ новаго деспотизма! Деспотизма Конвента! Потому что надъ Конвентомъ царитъ деспотизмъ одной партіи якобинцевъ. Мы не хотимъ деспотизма одной партіи надъ всей страной!

— Кто „вы“?—отвѣчаетъ ему Наполеонъ.

И объявляетъ марсельское правительство, марсельскія воиска... буржуазными.

— Вы посылаете сыновей торговцевъ, которымъ бы лучше сидѣть за конторками и считать барыши. А санкюлоты Марселя за вами не пойдутъ. Потому что санкюлоты всюду и вездѣ на сторонѣ якобинцевъ. Васъ мутитъ кучка аристократовъ, которые бѣжали къ вамъ отъ насъ съ сѣвера, и которые толкаютъ васъ въ контръ-революцію, увѣряя, будто посылаютъ сражаться противъ „тираніи одной партіи“, сражаться за свободу. Борьба за свободу! Борьба противъ тираніи! Это только пышныя ткани, въ которыхъ драпируется, прячется, контръ-революція... Но мы срываемъ эти ткани одну за другой. Платье стало уже прозрачнымъ, какъ газъ! И сквозь этотъ газъ мы уже видимъ голую контръ-революцію!..

— Вы отзываетесь такъ о нашихъ бойцахъ.—отвѣчаетъ марседецъ,—а у васъ что за армія? Развѣ это регулярная армія 1789 г.? Та армія не хотѣла драться со своими братьями, обра-

щать оружія противъ народа. Она растаяла, ея не существуетъ! Развѣ это солдаты? Эти набранныя вами съ борку да съ сосенки банды? Это банды разбойниковъ, которые умѣютъ только грабить, безчинствовать, нести съ собою анархію!

— Это неправда! Это ложь!—протестуетъ Наполеонъ.—Тѣ, кто называетъ разбойниками армію Конвента, вамъ лгутъ! Мы поддерживаемъ желѣзную революціонную дисциплину. Мы преслѣдуемъ за самочинные обыски, мы жестоко караемъ за кражи у мирныхъ гражданъ... Это ваши солдаты, солдаты аристократин и марсельскихъ толстосумовъ, убиваютъ, грабятъ, наполняютъ тюрьмы невинными—подъ предлогомъ, что тѣ сторонники якобинцевъ. Но мы побѣдимъ васъ! Побѣдимъ! Потому что за якобинцевъ всѣ санкюлоты всей Франціи.

— Мы обратимся для борьбы съ якобинскимъ деспотизмомъ къ помощи Австріи!—въ отчаяніи восклицаетъ марседецъ.—Мы обратимся къ помощи Испаніи!

— Франція никогда не проститъ вамъ этой измѣны!—отвѣчаетъ Наполеонъ.

„Ужинъ въ Бокэрѣ“... Бокэръ—это крошечный городокъ на берегу Роны vis-à-vis другого крошечнаго, но знаменитаго городка Тараскова. Припомните „Тартарэна“, и вы вспомните Бокэръ. Это тотъ Бокэръ, въ который удался великій Тартарэнъ, когда отрясъ отъ ногъ своихъ прахъ Тараскона, рискуя для этого перейти даже (на четверенькахъ) мостъ, котораго ни одинъ изъ храбрыхъ тарасконцевъ не рѣшался переходить „по причинѣ очень сильнаго вѣтра“...

Наполеонъ для своего политическаго памфлета выбралъ форму фельетона. Передаетъ сужденія о гражданской войнѣ въ формѣ спора за ужиномъ между марсельцемъ, жителемъ Нима, фабрикантомъ Монпелье и военнымъ—авторомъ. Живо, интересно, образно. Тамъ есть очень интересныя опредѣленія. Напримѣръ, опредѣленіе гражданской войны.

— Люди раздражаютъ другъ друга, люди ненавидятъ, люди убиваютъ другъ друга,—и при этомъ другъ друга не понимаютъ! Вотъ что такое гражданская война.

Тамъ есть интересныя замѣчанія, какъ вести гражданскую войну.

— Вы будете побѣждены!—говоритъ марседецъ.—У насъ есть тяжелая артиллерія, и скоро ея будетъ еще больше!

— Печальное заблужденіе,—отвѣчаетъ Наполеонъ,—вульгарное мнѣніе, будто побѣждаетъ тотъ, у кого тяжелая артиллерія. Спросите специалистовъ, и они отвѣтятъ вамъ, что въ легкой войнѣ легкая артиллерія такъ же дѣйствительна, какъ и тяжелая. Гражданская война въ тяжелой артиллеріи не нуждается.

Въ „Ужинѣ въ Бокэрѣ“ есть даже шутка. Вольная. Въ вольтеровскомъ стилѣ шутка.

Марседецъ рассказываетъ о тѣхъ ужасахъ, которые продѣлываютъ конвентскія войска. Солдатъ убилъ гражданина. Разграбилъ его домъ, изнасиловалъ его жену и еще предварительно заставилъ ее выпить стаканъ крови ея мужа.

— Какой ужасъ!—восклицаетъ Наполеонъ.—Но вѣрно ли это? Я немножко сомнѣваюсь, тѣмъ болѣе, что, знаете... въ изнасилованіе-то въ наши дни не особенно вѣрятъ...

Чѣмъ не скептическая шутка въ стилѣ вольтеровскаго „Кандида“?

Но главное, чѣмъ посыпанъ весь памфлетъ—это крупная якобинская соль. Весь словарь тогдашняго патріота, все краснорѣчіе добраго санкюлота.

Тутъ и „преступные аристократы“, и „республика, которая диктуетъ свои законы всей Европѣ“, и „ниспроверженіе тирановъ“.

Сколько потомъ будетъ стоить императору Наполеону его „Ужинъ въ Бокэрѣ“! Императоръ—авторъ якобинской брошюры!.. Его министръ полиціи герцога Отрантскій, рожденный Фушэ, долженъ будетъ всюду разыскивать и уничтожать эту проклятую брошюру. А въ Голландіи найдется шантажистъ-издатель, который начнетъ издавать, безъ конца издавать „Ужинъ въ Бокэрѣ“,—и Фушэ, по высочайшему повелѣнію, будетъ скупать и жечь изданіе за изданіемъ, изданіе за изданіемъ. Скупать и жечь. Безъ конца!.. Императору придется дорого заплатить за маленькаго журналиста великой французской революціи.

Лебеди.

А. Рыловъ.

Дикарь.

Разсказъ И. Н. Потапенко.

Художникъ Карнавинъ, высокій, худой, съ длиннымъ блѣднымъ лицомъ святаго съ иконы древняго письма, поднялся во второй этажъ ресторана, гдѣ помѣщались отдѣльные кабинеты.

Швейцары съ привѣтственными лицами и словами снимали съ него длинное широкое лѣтнее пальто, такъ какъ это было въ концѣ мая, когда въ Петербургѣ послѣ ненастья вдругъ установились теплые мягкіе дни.

— Сырцовъ здѣсь? — спросилъ онъ у швейцаровъ, но тѣ не успѣли отвѣтить, какъ подбѣжалъ лакей во фракѣ и бѣломъ жилетѣ, смуглолицый, черноголовый, широкоплечій татаринъ Ганей.

— Иванъ Семеновичъ ждутъ уже съ четверть часа-съ! Они въ вашемъ кабинетѣ-съ. Пожалуйста, Викторъ Андреевичъ.

Это была странная фантазія—завтракать въ отдѣльномъ кабинетѣ вдвоемъ со скульпторомъ Сырцовымъ. И Сырцовъ тоже находилъ, что это странно. Но такъ было условлено.

Утромъ онъ получилъ отъ Карнавина записку: „Хочется поболтать. Не позавтракаемъ ли въ отдѣльной каютѣ у добраго Оскара? Приглашаю. Тамъ и встрѣтятся“.

Скульптору Сырцову было не по средствамъ завтракать въ ресторанѣ, особенно въ отдѣльномъ кабинетѣ, хотя и „добраго“, но все же безсовѣстно дерущаго Оскара: заработки у него были скромные, и жизнь онъ велъ расчетливую. Карнавинъ это зналъ, потому и прибавилъ: приглашаю, т.-е. угощаю.

Они были товарищи по академіи, обоимъ теперь было подъ тридцать пять, оба были выпущены съ большими надеждами. Но живописцу Карнавину легко было осуществить надежды, и онъ очень быстро завоевалъ положеніе. На картины его установились спросъ и большія цѣны.

Сырцовъ же, несмотря на талантъ, съ трудомъ пробивалъ себѣ дорогу. Скульптура въ Россіи—неблагодарное искусство.

А Карнавинъ въ ресторанѣ нерѣдко оставлялъ значительныя суммы, и его здѣсь знали хорошо. Татаринъ же Ганей, искусный, ловкій, корректный и пріятный лакей, умѣвшій угождать на всѣ вкусы, всегда подавалъ ему и, получая щедро на чай, окружалъ его какой-то особенной почитательностью.

Онъ побѣждалъ впередъ, а Карнавинъ шелъ неторопливо, тяжело ступая по ковру узкаго коридора своими длинными ногами. Ганей растворилъ передъ нимъ дверь.

Сырцовъ сидѣлъ за пианино и однимъ пальцемъ, видимо, отъ скуки, извлекалъ изъ него беспорядочные звуки.

— Извини, голубчикъ, заставилъ ждать, — пожимая его руку, сказалъ Карнавинъ.

— Ничего. Мы люди маленькіе...—шутя, отвѣтилъ Сырцовъ.

Онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ небольшого роста и не толстый, но какой-то крѣпкій, точно изъ стали. Лицо у него было бритое, а русые волосы на головѣ длинные, не густые, слегка волнистые.

— Что же? — промолвилъ онъ. — Такъ поболтать, или имѣется сюжетъ?

— Къ сожалѣнію, найдется и сюжетъ.

— Къ сожалѣнію?

— Да, но это не помѣшаетъ намъ сперва заказать Ганею наши обычныя любимыя блюда. Ты ихъ знаешь, Ганей?

— Эфъ-париженъ, телячья головка съ винегромъ... — началъ перечислять Ганей.

— Вѣрно... и такъ далѣе.

Ганей вышелъ исполнять порученія.

— А какой же сюжетъ?—спросилъ Сырцовъ.

— Сюжетъ домашній, хотя и довольно драматическій. Надежда Марковна...

— Твоя жена?

— Да, моя жена, къ которой ты всегда относился отрицательно.

— Ну, почему же отрицательно? Мы просто люди разной лѣпки и почти ни въ чемъ не сходимся. Но я, конечно, уважаю Надежду Марковну...

— Ну, такъ вотъ: съ уважаемой тобою Надеждой Марковной мы и расходимся.

Сырцовъ опѣшилъ. Этого онъ ни по какимъ даннымъ не могъ предугадать и былъ совершенно не готовъ къ воспріятію подобной новости.

Карнавинъ женился года два тому назадъ и, по общему признанію, женился глупо и неподходящимъ образомъ. Надежда Марковна была очень красивая особа. Ей тогда было лѣтъ двадцать пять. Ни для кого, въ томъ числѣ и для Карнавина, не было тайной, что у нея было романическое прошлое и довольно разнообразное. Но онъ встрѣтилъ ее въ обществѣ и сразу влюбился, да такъ неотступно, что чуть ли не по первому знакомству заговорилъ о бракѣ.

Но это было принято не сразу. Что касается чувства, то за этимъ съ ея стороны не было остановки. Карнавинъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ интересная фигура. И наружность у него была своеобразная и талант несомнѣнный и положеніе видное. Да и заработки превосходные.

Но Надежда Марковна должна была измѣнить своему основному принципу: она стояла за свободу и не признавала брачныхъ узъ. Однако, по нѣкоторомъ размышленіи, признала, и вотъ—супружество.

Холодное отношеніе къ ней Сырцова и еще нѣсколькихъ пріятелей, искренно любившихъ Карнавина, съ этого и началось. Надежда Марковна раньше очень настаивала на своихъ свободныхъ принципахъ, гордилась ими и даже до извѣстной степени рекламировалась. Но какъ только бракъ оказался выгоднымъ, она сейчасъ же отбѣнила ихъ и начала широко пользоваться всѣми выгодами его.

Дорогіе наряды, многолюдные приемы, все это непомѣрно взвинтило бюджетъ Карнавина, и ему пришлось усиленно работать, и на рынокъ появилось слишкомъ много картинъ, подписанныхъ его именемъ, благодаря чему имя это нѣсколько потеряло въ цѣнѣсти.

Кромѣ того, она стремилась заводить и поддерживать зна-

кометва въ кругу, не стѣнявшемся въ средствахъ, это тоже требовало отъ Карнавина усилій. Но онъ былъ влюбленъ и, кажется, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, и все это переносилъ съ терпѣніемъ. И вдругъ такая новость...

— Но почему же, Викторъ? Что же случилось? — спросилъ Сырцовъ.

Карнавинъ сильно нахмурилъ брови и нервно забарабанилъ пальцами по столу. Видно было, что о томъ, что случилось, ему не легко было говорить.

— Случилась простая, шаблонная вещь.

— Но не измѣна же?

— Почему же нѣтъ? А если измѣна?

Сырцовъ отверлъ свои глаза отъ его пристального взгляда. Ему было неловко, потому что вопросъ его былъ поставленъ неискренно, — въ дѣйствительности онъ допускалъ со стороны Надежды Марковны измѣну и притомъ самую легкую и пошлую.

Но на вопросъ Карнавина онъ не успѣлъ отвѣтить, потому что вошелъ Ганей съ огромнымъ подносомъ и началъ производить шумъ, разставляя тарелки съ закусками, ножи, вилки.

А Карнавинъ, точно не замѣчая его присутствія, продолжалъ:

— А если измѣна? Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, интересный вопросъ: если жена, которую ты безумно любишь и про которую ты былъ увѣренъ, что и она тебя любитъ, вдругъ измѣняетъ съ ничтожествомъ, у котораго много денегъ... Что же тогда дѣлать?

Когда были произнесены эти слова, вдругъ раздался звонъ отъ упавшей на полъ посуды, — стакана и нѣсколькихъ вилокъ. Карнавинъ и Сырцовъ вздрогнули и обернулись въ сторону Ганей. Татаринъ, только-что уронившій посуду, стоялъ впол-оборота къ нимъ, лицо его было блѣдно, а кулаки почему-то сжаты.

— Что это ты, Ганей? — спросилъ Карнавинъ.

— Уронилъ, Викторъ Андреевичъ, — глухо произнесъ Ганей, и маленькіе черные глаза его прищурились, какъ будто хотѣли спрятать подальше своей горячей блескъ.

— Такъ подними. Ты разстроился, какъ будто уронилъ не посуду, а какую-нибудь драгоценность...

— Я, Викторъ Андреевичъ, не отъ посуды, а отъ вашихъ словъ... Извините, нечаянно слышалъ...

— А! Это еще интереснѣе. Что же?

Ганей повернулся къ нему всѣмъ корпусомъ:

— Спрашиваете, ежели измѣнила, что дѣлать? Я знаю, что...

— Ну, такъ говори...

— Убить. Горло перерѣзать...

— Кому? — какъ-то поспѣшно и ужасно неспокойно спросилъ Карнавинъ.

— Обѣимъ...

И онъ сейчасъ же послѣ этого нагнулся, подобралъ уроненную посуду и, не взглянувъ больше на нихъ, вышелъ изъ комнаты. Оба молчали, точно придавленные какой-нибудь тяжестью. Первый заговорилъ Карнавинъ.

— Вотъ, братъ, какъ просто это рѣшается. Запутанный вопросъ. Одинъ изъ самыхъ запутаннѣйшихъ, а онъ двумя словами...

— Дикарь во фракъ и бѣломъ жилетѣ, — сказалъ Сырцовъ. А Карнавинъ будто и не слышалъ его.

— И какія выразительныя слова: горло перерѣзать...

— Но, послушай, — перебилъ его скульпторъ, — въ чемъ же все-таки дѣло?

— А вотъ мы сперва закусимъ балычкомъ, — проговорилъ Карнавинъ.

Заморивъ червяка, Карнавинъ продолжалъ:

— Ты знаешь вѣдь Марадулина...

— Купеческій сынъ Марадулинъ, любитель искусствъ, коллекционеръ, не умѣющій отличить Ванъ-Дейка отъ Рѣпина. Это тотъ, который въ порывѣ восторга собирался заказать Фидію свой собственный бюстъ и освѣдомился объ его адресѣ?

— Тотъ самый, мой милый Сырецъ, только онъ ужъ не купеческій сынъ, а купецъ, ибо родитель его мѣсяца три тому назадъ скончался. Ну, такъ вотъ тебѣ герой.

— Неужели Надежда Марковна предпочла его...

— Но почему же нѣтъ? Вѣдь былъ моментъ, когда она предпочла меня кому-то... Ты, мой другъ, неискрененъ. Въ сущности, въ душѣ ты это допускаешь и допускалъ раньше. Развѣ не правда?

— Можетъ-быть. Но это вѣдь сейчасъ неинтересно.

— Такъ вотъ видишь ли, совершилось это очень просто. Нѣсколько времени тому назадъ я замѣтилъ исключительное предпочтеніе, оказываемое моей женой этому господину. Это меня задѣло, но я промолчалъ. Я не деспотиченъ. Предпочтеніе это — еще не измѣна. Но вчера просто ко мнѣ пришли и заявили: „я больше не люблю тебя, а люблю другого. Хочешь знать когдѣ? Марадулина. Я желаю выйти за него замужъ, и мнѣ нуженъ разводъ“. Вотъ и все. Понимаешь?

— Ну и что же ты на это сказалъ?

— Развѣ на это говорятъ что-нибудь? И развѣ дадутъ время сказать? Я успѣлъ только поблѣднѣть, затрясти головой, а когда поднялъ глаза, ея уже не было. Я вскочилъ и сталъ бѣгать по комнатѣ. Я воображалъ, что обдумываю положеніе, но въ сущности мои мысли топтались на одномъ мѣстѣ. И знаешь, что мнѣ хотѣлось сдѣлать? Страстно, неотступно, мучительно... А

вотъ именно то, что сейчасъ сказалъ Ганей: схватить бритву и перерѣзать имъ горло... „Обѣимъ“, какъ онъ говорить. Да, именно, обѣимъ...

— Ты съ ума сошелъ! Развѣ подобныя вопросы рѣшаются такими средствами?

— Вопросы? Да вѣдь это для тебя вопросъ, а для меня это было переживаніе, страданіе... Но ты успокойся. Конечно, я этого не сдѣлалъ. Я же человекъ культурный, не дикарь во фракъ и бѣломъ жилетѣ. Я побѣжать къ ней, но... ея уже не было. Она уѣхала изъ дома, чтобы больше не возвращаться. А-а, дикарь во фракъ и бѣломъ жилетѣ! — воскликнулъ онъ, когда опять вошелъ Ганей съ горячими кушаньями.

Но Ганей, въ противность обыкновенію, не улыбался, не старался быть пріятнымъ, а смотрѣлъ какъ-то исподлобья. Онъ видимо былъ еще взволнованъ. Поставилъ кушанья на надлежащія мѣста, сдѣлалъ все, что нужно, и вышелъ.

Нѣкоторое время они ѣли молча. Сырцову казалось недовкимъ побуждать его къ разсказу о такомъ интимномъ и мучительномъ обстоятельстве, а Карнавинъ не начиналъ. И странныя мысли вдругъ поднялись въ головѣ скульптора. Онъ видѣлъ передъ собой двухъ столь различныхъ людей: художникъ, человекъ большой культуры, образованный, воспитанный, съ широкимъ міросозерцаніемъ, родившійся въ культурной семьѣ, которой предшествовало рядъ культурныхъ поколѣній, — и этотъ узколобый татаринъ, вся жизнь котораго протекла на пространствѣ отъ ресторанной кухни до столикочья.

Карнавинъ, которому знакомы моменты высокаго вдохновенія, душа котораго испытывала подъемъ въ горнія и соприкасалась съ божествомъ, — и у нихъ нашлась точка соприкосновенія съ Ганеемъ. Какъ недалеко, значить, ушелъ культурный человекъ отъ дикаря, и какъ это выпукло проявляется въ моментъ, когда затронута нутро.

Въ ту минуту, когда Карнавинъ, по его словамъ, бѣгалъ по комнатѣ, съ него, очевидно, спали всѣ культурныя наслоенія и онъ былъ такимъ же дикаремъ во фракъ, какъ и Ганей. И у него явилось такое же желаніе: зарѣзать.

Но было для Сырцова загадкой, почему вопросъ объ измѣнѣ такъ близко коснулся примитивной души Ганей, хотя вовсе и не было обращенъ къ нему. Какъ онъ былъ въ ту минуту блѣденъ, какъ дрожали его руки со сжатыми кулаками, уронившія на полъ посуду, какъ горѣли его черные глаза.

И онъ, корректный, сдержанный слуга, умѣющій почтительно молчать при самыхъ щекотливыхъ и вызывающихъ обстоятельствахъ, вдругъ не выдержалъ и такъ опредѣленно высказался.

— Такъ-съ! — сказалъ Карнавинъ, отодвигая отъ себя тарелку, и этимъ положилъ конецъ его мыслямъ. — Вотъ культурный человекъ и поѣлъ эфъ-париженъ во то время, какъ въ груди у него бушуетъ „буря ревности жестокой...“ И такъ, что же, потвоему, въ подобныхъ случаяхъ надо дѣлать?

Сырцовъ чуть замѣтно сдвинулъ плечами.

— Что же тутъ дѣлать? Надо стать лицомъ къ лицу съ житейскимъ фактомъ и считаться съ нимъ. Если Надежда Марковна сдѣлала тебѣ такое заявленіе, то надо думать, что она предварительно строго взвѣсила и обсудила, и это является ея послѣднимъ рѣшеніемъ. Отсюда слѣдуетъ...

— Да, вотъ интересно, въ самомъ дѣлѣ, что отсюда слѣдуетъ...

— Да вѣдь это зависитъ отъ темперамента, отъ взглядовъ, отъ философіи человека. Одинъ способенъ отнестись къ этому съ презрѣніемъ и съ высоты своего презрѣнія дать вѣсь, что отъ него требуютъ.

— То-есть разводъ?

— Въ настоящемъ случаѣ да. Не станешь же ты насильно удерживать при себѣ жену, которая тебя не любитъ, а любить другого?

— Нѣтъ, не стану. Это говорю тебѣ съ убѣжденіемъ.

— Другой почувствуетъ жажду возмездія...

— То-есть попросту мести?

— Да, если онъ дикарь во фракъ и въ бѣломъ жилетѣ. А если онъ культурный человекъ, какъ ты, то именно возмездія... нравственнаго удовлетворенія, — и потребуешь къ барьеру.

— Ага! Ужъ это мнѣ болѣе по вкусу... Значить, и ты за это стонишь?

— Нисколько. Всей душой противъ этого.

— Почему же?

— Когда оскорбленный человекъ вызываетъ оскорбителя къ барьеру, ему почему-то кажется, что онъ непременно отомститъ, что уберетъ именно онъ. Но въ дѣйствительности ровно столько же шансовъ за то, что убьютъ его. И что же, ты, оскорбленный, ставши на карту свою жизнь и предоставляешь оскорбителю въ дополненіе къ своей чести еще и свою голову...

— Боже мой! До чего ты культуренъ, Сырецъ! До ужаса! — воскликнулъ Карнавинъ и, не обративъ вниманія на то, что опять явился Ганей, который принесъ вторыя блюда и разставлялъ ихъ по надлежащимъ мѣстамъ, продолжалъ: — Выходитъ, что я, культурный человекъ, въ силу своей культурности, не могу послѣдовать ни одному своему искреннему душевному движенію. Каждый искренній порывъ я долженъ сперва положить на вѣсы и хорошенько взвѣсить. Но тогда культурность есть не что иное, какъ цѣпи.

— Да, цѣпи. Золотыя цѣпи, и, только благодаря этимъ цѣпямъ,

Родныя хризантемы.

К. Вроблевскій.

люди могут сколько-нибудь прилично и спокойно жить, и без этих цѣпей они ежеминутно поѣдали бы другъ друга. О, эти искренніе порывы!.. Каждый изъ насъ знаетъ ихъ, испытываетъ ихъ каждую минуту, но именно, благодаря культурности, не приводитъ въ исполненіе. И я тебѣ скажу, что даже дикарь, разъ ужъ онъ не въ африканскихъ лѣсахъ, а здѣсь, среди насъ, надѣлъ фракъ и бѣлый жилетъ, онъ тоже въ концѣ концовъ не приведетъ въ исполненіе, хотя это ему будетъ стоить гораздо дороже, чѣмъ тебѣ.

— Приведетъ... Исполнитъ! — вдругъ какимъ-то сухимъ горловымъ голосомъ пробормоталъ Ганей, отойдя отъ стола и остановившись въ позѣ, какъ будто нѣсколько вызывающей.

Опять оба обернулись къ нему.

— Ганей,—сказалъ—Карнавиль, ты женатъ?

— Какъ же. Женатъ, Викторъ Андреевичъ.

— Но у тебя, вѣроятно, нѣсколько женъ. Вѣдь ты магометанинъ.

— Нѣтъ, одна. Одна жена у меня... Это которые богатые — имѣютъ нѣсколько женъ, а у бѣднаго всегда одна.

— И дѣти есть?

— Нѣтъ дѣтей... Богъ не далъ.

— И что же? Жена тебя любитъ?

— Можетъ—любить, можетъ—нѣтъ... Почему узнаешь? Душа у женщины колодець, смотришь и видишь, только блеститъ сверху вода, а что на днѣ — не видишь. Когда бралъ жену, говорила, что любитъ. А теперь... не знаю...

Но сказалъ онъ все это какимъ-то неискреннимъ тономъ; что-то пряталъ. Повидимому, уже пожалѣлъ о своемъ порывѣ и рѣшилъ какъ-нибудь замазать истину.

— Кофе прикажете въ машинкѣ, Викторъ Андреевичъ?—спросилъ онъ.

— Да, да, конечно...

И Ганей вышелъ.

— Не вѣрю я ему,—промолвилъ Карнавиль.

— У него что-то не ладно. Весь онъ сегодня на себя не похожъ.

И все какъ-то незвольно откликается на извѣстные слова. Онъ

былъ искрененъ только тогда, когда сказалъ: „горло перерѣзать“ Золотыя слова!

— Почему золотыя? Что за вздор!

— Потому золотыя, что отъ сердца, а остальное ужъ отъ хитроумія и лукавства.

Приходилъ опять Ганей, но молчалъ. Пробовалъ Карнавиль еще заговорить съ нимъ, наводилъ его на извѣстные мысли, но онъ точно окаменѣлъ. „Точно такъ, Викторъ Андреевичъ“. „Этого не могу сказать“,—вотъ были его отвѣты. И, принеся что-нибудь, старался сейчасъ же уйти, какъ будто боялся, что отъ него что-нибудь выпытаютъ.

Выпили кофе. Карнавиль всталъ изъ-за стола, заложилъ руки въ карманы брюкъ и ходилъ по комнатѣ, нервный, беспокойный, иногда роняя многозначительныя слова.

— Такъ-то, другъ, культурный человѣкъ,—наконецъ заговорилъ онъ,—недоволенъ я собой, ужасно недоволенъ.

— Чѣмъ именно?

— А вотъ тѣмъ, что я культурный человѣкъ. Чортъ возьми, это обязываетъ. Будь я дикарь, я поступилъ бы по первому движенію души: перерѣзалъ бы горло „объимъ“ и этимъ доставилъ бы себѣ величайшее удовлетвореніе.

— У дикаря не оказалось бы бритвы.

— Такъ я перекусилъ бы имъ горло... „Объимъ“...

— Перестань, Викторъ, глупо. И не къ лицу тебѣ.

— Конечно, глупо и не къ лицу. Лицо у меня — святого съ старинной иконы, этимъ славлюсь, и, кажется, за это полюбила меня Надежда Марковна. А у Марадудина лицо напоминаетъ подошву моего сапога, но это не помѣшало ей полюбить и его.

— Извини, что я это скажу: у Марадудина два милліона, кажется.

— Да, ну вотъ, наконецъ-то ты сталъ искрененъ, а раньше все клалъ на вѣсы и взвѣшивалъ. Да, конечно. Твоя правда. Это горькая истина. Но вѣдь я люблю ее, чортъ возьми! Какая она ни есть, а люблю...

Последнія слова онъ произнесъ почти со стономъ и, подойдя къ креслу, тяжело опутился въ него.

Минуть через пять они выходили из ресторана. Ганей, получивший на чай больше обыкновенного, провожал их тёмным и мрачным взглядом. Карнавину, сходя по лестнице, говорил:

— А все-таки золотые это слова: перерезать горло... Оббить... Особенно „оббить“, чорт возьми...

Потом Сырцов усадил его на извозчика и простился с ним. На следующий день он зашел к Карнавину. Он немного тревожился по поводу его настроения. Здесь был какой-то незнакомый господин, который оказался адвокатом по бракоразводным делам. Карнавин давал ему поручение вести развод, условливался в подробностях.

— А что касается денег, то об этом вы поговорите с той стороной и при этом не стесняйтесь, заламывайте как можно больше. Там ведь миллионы,— говорил он почти шутливым голосом. — Ну, право же, чем больше сдерете, тем больше доставите мне удовольствия.

Когда адвокат ушел, он обратился к Сырцову.

— Вот и свершилось. Я даю развод и даже беру на себя вину. Какое великодушие! Чорт с ними, пусть наслаждаются жизнью, у меня же остается утешение, что я поступил, как культурный человек... Ха-ха... Не правда ли, милый Сырец? Ты должен быть очень доволен, и по этому случаю я приглашаю тебя сегодня обедать. Мы туда же, под эгиду нашего милого дикаря во фрак и белом жилете.

И они действительно вечером направились в ресторан „добраго Оскара“, поднялись наверх и взяли направление в

обычный отдельный кабинет Карнавина. Довольно долго никто из служащих не приходил, они позвонили. Вошел старый лакей Махмуд, с рябым лицом и каким-то точно ерзаным носом.

— Ганей позови,— сказал ему Карнавин,— развѣ не знаешь, что мне всегда служить Ганей?

У Махмуда лицо как-то перекошилось и задрожала нижняя губа.

— Ганей больше не будет служить! — низким скрипучим голосом отозвался он.

— Как не будет? Почему?

— С Ганеем вышло несчастье. В эту ночь он зарезал свою жену и одного человека, который ходил к ней.

— Что ты говоришь? Ганей? Зарезал? — воскликнули оба в один голос.

— Зарезал. Так... Взял бритву и перерезал горло... Оббить...

— Оббить... — с выражением ужаса повторил Карнавин и отвернулся к окну.

Обед им подавал старый Махмуд, который служил им с мрачным видом. Да и они никак не могли разговориться, все как-то ничего не выходило.

Обоим припоминался вчерашний Ганей, его слова, его лицо и дрожащая рука с сжатыми кулаками и горящие глаза.

— Нѣтъ, нѣтъ... — вырвалось у Карнавина послѣ долгаго томительнаго молчанія. — безумно радуюсь тому, что я культурный человек. Это благо... Высокое, неоценимое благо.

* *
*

Кружевом акации заплели окно:
Их узор причудливый мне знаком давно...
С детства, как припомню: у сдых колонн
Я любила листьев их зеленый сон...
Их цветов плакучих трепетный узор

И стручков трескучих неумолчный спор...
Разбьются ветер — спутает листки...
Распадется зноем — сыплет лепестки...
Помнишь сон их чуткий, аромат ночной?
Помнишь, как пьянели сладкою волной?..

С. Мезерницкая.

Горькая участь.

А. Ионсонъ.

Вѣрный другъ.

С. Соломко.

Равнина.

Улеглась безъ края сизая равнина,
Путь по ней безбрежень, горекъ и уныль,—
Точно полотенце изъ холстины длинной
Кто-то съ горъ полночныхъ къ морю разстелилъ.
Много жизней жилъ я въ суетной дремотѣ,
Много жизней сжегъ на трепетныхъ кострахъ,
Развѣ не лежалъ я въ горѣ и заботѣ
Въ пыль равнины сонно брошенныхъ шатрахъ?
Развѣ не узналъ я полевые храмы,
Чары чернозема, курьей слѣпоты?
На лицѣ суровомъ холодѣютъ шрамы,

Слѣдъ привольной жизни, бури и мечты...
Развѣ теплой ночью, когда пахнетъ гарью,
Не слѣдилъ съ волками въ полѣ табуны?
Въ часъ, когда ты мучишь сухотью и жарью,
Развѣ мнѣ не снились золотые сны?

И до горъ полночныхъ путь я твой измѣрю
И вернусь къ морю—къ синимъ берегамъ,
Чтобъ узнать, что нужно людямъ, птицѣ, звѣрю,—
А что нужно Богу—Богъ мнѣ скажетъ Самъ!

Н. Тихоновъ.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Журналисты великой французской революціи. Очеркъ В. М. Догосевича. (Окончаніе). — Дикарь. Разсказъ Н. Н. Потапенко. — Стихотвореніе С. Мезерницкой. — Равнина. Стихотвореніе Н. Тихонова.

РИСУНКИ: Апоеозъ свободы. Торжество истины и разума. — Маратъ. — Триумфъ Марата. Толпа несетъ оправданнаго судомъ Марата изъ Революціоннаго Трибунала въ Конвентъ. Фламингъ. — Робеспьеръ. — Свобода печати. Современная

цвѣтная литографія. — Жакъ-Ренэ Эберъ („Père-Duchesne“). — Автографъ письма Марата. — Шарлотта Кордэ. — Madame Роланъ. — Арестъ Шарлотты Кордэ, 13-го іюля 1793 г. — Капитанъ артиллеріи Наполеонъ Бонапартъ. — Лебеди. А. Рыловъ. — Родняи хризантемы. К. Вроблевскій. — Горькая участь. А. Юнсонъ. — Вѣрный другъ. С. Соломко.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Герцена“ книга 16.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ.

Редакторъ И. М. Желѣзновъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

ЖИЗНЬ

1918 г.

XLIX г.
издания.

№ 36.

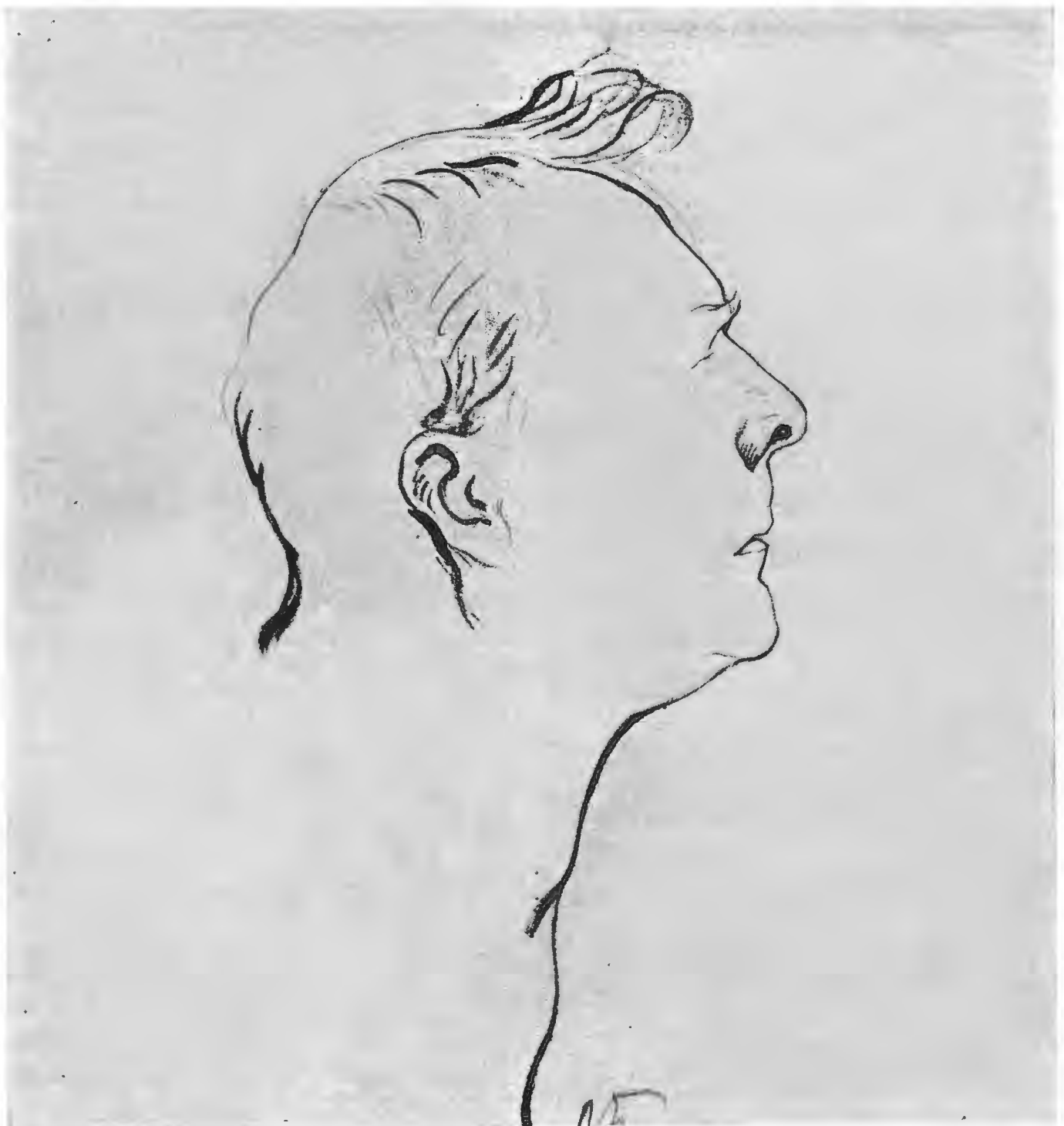
Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 52 книг „Сборника“, содержащих сочинения А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКОГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРЬЕВА („Великая Французская Революция“).

Выдан 7 сентября 1918 г. Подписная цена с дост. и перес. на год—36 р., на 1/2 г.—18 р., на 1/4 г.—9 р. Цена этого № (без прилож.)—40 к., с перес. 50 к.

Обязательное постановление. Согласно предварительным переговорам совместно с товарищами печатниками о практическом введении упрощенного правописания, Комиссариат печати, агитации и пропаганды объявляет узаконенное комиссаром по просвещению правописание обязательным для всех периодических изданий.

Практическое осуществление этой реформы предлагается к выполнению с 15-го августа с. г.

Комиссар печати, агитации и пропаганды *Н. Кузьмин.*

Ф. И. Шаляпин.

П. Бучкаж.

Ф. И. Шаляпин.

Творчество.

Монография Леонида Добронравова. Иллюстрации Петра Бучкина.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Певец.

I.

Однажды увидел я книгу о Шаляпине. Это был прекрасно изданный том, опечатанный на отличной бумаге, со множеством иллюстраций.

Я прочитал в этой книге биографию Шаляпина; была описана здесь история его карьеры, путь его к славе, даже путешествия к пирамидам; приведены были отзывы театральных критиков об исполнении Шаляпиным его ролей, при чем отзывы не весьма похвальные порицались наравне с авторами их.

Конечно, и такие иллюстрированные формуляры интересны. Но, отдавая должное таким работам, нельзя не пожалеть, что касаются они лишь внешней стороны творчества артиста, внешних обстоятельств его жизни и карьеры, по существу случайных и несколько не характерных для самого творчества.

Кроме внешней, блестящей стороны творчество имеет внутренний прекрасный свой лик, имеет внутреннюю свою историю, углубляющую наше наслаждение прекрасным.

Только эта сторона творчества, познание его целей и его достижений даст нам подлинное знание и понимание художественной сущности артиста, полным светом освещает его работу.

Каждый зритель выносит свое суждение о Шаляпине по той роли, в какой довелось его слышать и видеть. Но судить о Шаляпине только по одному Мефистофелю, по Дон-Кихоту или Борису Годунову—значит погрешать относительно полноты суждения. Конечно, в каждой роли проявляются характерные, ему одному присущие черты художественного таланта, но только изучение всех сценических образов дает нам возможность ознакомиться с художественной стихией артиста, определить основные свойства ее.

Шаляпин двадцать восемь лет работает на сцене, но и на двадцать восьмом году своей деятельности он не изучен и не понят.

Это не парадокс.

К созданным Шаляпина небрежны и невнимательны. О, разумеется, о них пишут восторженные статьи, но весь пафос их и содержание целиком укладываются в рамки дежурного восхищения, изложенного штампованными фразами. Кроме „великолепно“ и „превосходно“ дальше присяжные хвалители не идут.

Вот пример: в прошлом году Шаляпин показал нам новое свое создание — короля Филиппа II в опере „Дон-Карлос“.

Я собрал все статьи, посвященные этому выступлению Шаляпина. Было в них много восхищения, еще больше общих фраз, но никто не потрудился вздуматься в новый шаляпинский образ, в то, что хотел Шаляпин им сказать и что сказал.

Наши театральные судьи и ценители проглядели художественный и философский смысл нового шаляпинского создания. Невероятно?

Невероятно.

Второй пример: один из музыкальных критиков, восхищаясь Шаляпиным в опере „Моцарт и Сальери“, находит, что Шаляпин гениально изобразил мрачного пушкинского героя, но тут же строкою ниже, пишет о другом исполнителе оперы, зауряд-оперном певце, что он был равным Шаляпину и достойным партнером.

Мне очень приятно, что критик сделал такое необыкновенное открытие, я рад за него, но больше я не прочитаю ни строки из критических его писаний.

Привел я этот пример для того, чтобы показать, как неразборчивы, как нерешливы в своих суждениях и словах те, кто должен быть зорким и внимательным исследователем художественной истины.

Неудивительно, что о творчестве Шаляпина существует представление часто поверхностное и не глубокое, полное вежливости, иногда — невежества и непонимания.

II.

Среди лиц, пишущих о театре, укоренился пагубный обычай — судить артиста по „премьере“, по первому его выступлению в роли. Однако „премьера“ — это лишь рождение художественного образа, начало творческого процесса, начало роста. С каждым новым спектаклем художник вносит в свой замысел новые черты, углубляет их; многие из прежних отбрасывает.

Только внимательное изучение этого процесса создает истинное представление о творчестве художника. Мы должны работать вместе с ним, изучать его методы, найти те волшебные нити, какие соединяют данный изучаемый образ со всем творчеством художника во всем его объеме, от внешнего птти к внутреннему, от видимого к невидимому, ибо работа художника, по словам Оскара Уайльда, состоит в воплощении видимых форм и красок и в воплощении невидимых страстей и мыслей.

Мы хотим исследовать творчество Шаляпина. С чего начать? Что изучать прежде и что — потом?

Музыкант начнет с его пения, с исполнения им „партии“ в опере. Живописец остановится прежде всего на его гриме и костюме; ваятель займется его пластикой; драматический актер станет изучать изображение „характера“ того или иного „лица“.

Но что же, в сущности, характерно для Шаляпина? В чем заключается основная черта, стержень его творчества?

Вдумываясь в его свойства, как артиста и певца, мы видим, что драматический и музыкальный его таланты являются, каждый порознь, не только самодовлеющим началом его творчества, но в то же время и средством для достижения им своих целей, для наиболее яркого и сильного выражения им его художественной сущности, его замечательного дара.

Художественный дар представляет „одно из самых поразительных явлений в области художественного творчества“ — способность „поэта, музыканта, живописца, скульптора, певца или актера перевоплощаться в несходную с ним индивидуальность“. (Проф. И. Лапшин).

Всякий, кто видел Шаляпина на сцене, знает, что эта способность развита у него необыкновенно.

Вдумаемся в ее содержание.

Что значит перевоплотиться?

Во-первых, надо проникнуть в чужое „я“, во все извилины его сознания, во все уголки и морщинки его чувств и настроений, принять его в себя, во всей полноте его мыслей, чувств, желаний, намерений, привычек.

Во-вторых, воссоздать это чужое „я“, выразить его в чертах наглядных и ярких.

Чем талантливее, чем одареннее артист, художник, тем глубже проникает он в чужое „я“ и тем мощнее создает его заново.

Как часто мы слышим слова: „коронная роль“. Что они обозначают?

Только то, что среди образов, созданных артистом, есть один, который особенно близок ему, его духовному миру, складу его мыслей и чувств; что только при создании этого образа артист достиг ступени полного перевоплощения в создаваемое им чужое „я“, в его характер и лицо.

Все остальные образы артиста суть только вариации к этому основному „коронному“ типу, самому совершенному и полнозвучному из его созданий.

Но есть артисты, у которых каждая роль их „коронная“, каждый образ — новое создание, не похожее на прежние, ни на одно из прежних.

Способность их к перевоплощению не ограничена пределами одного типа, одной какой-либо индивидуальности.

Что общего между Мефистофелем и Дон-Кихотом, между Сальери и королем Филиппом II? Между смиренным Сусаниным и Демоном?

Огонь и вода! Земля и небо. Как они противоположны во всем и неслиянны!

Но творящий гений артиста одинаково полно и убедительно раскрывает пред нами и душу царственного страдальца Годунова, и сердце мечтательного рыцаря из Ламанчи, и смиренное сердце Сусанина.

Как создал художник эти образы? Как проник в их сущность, в сокровенные изгибы их души?

III.

О способности перевоплощения в литературе судят разное.

Одни — представители интеллектуалистической точки зрения — утверждают, что художник воспроизводит чужое „я“, пользуясь данными опыта, наблюдая чужую жизнь по внешним, телесным признакам и создавая ее научным методом.

Представители этой теории творчество художника сводят исключительно к рассудочной, головной работе.

Отрицать важность и необходимость опыта, эксперимента в области художественного творчества безразлично. Но замыкать творческую работу в рамки только одного опыта и им одним объяснять таинственный процесс творчества равносильно отрицанию самого творчества, сущность которого — вдохновение и экстаз, неразложимые и неопределимые никакими словами.

Следует заметить, что сами представители этой теории Э. Золя и Э. По не следовали ей в своем творчестве.

Вторая теория — мистическая — предполагает, что художнику врождено знание чужого „я“, что ему свойственно знание чужих душ, данное как бы озарением свыше.

Этот взгляд, зародившийся в философской школе новоплатоников, разделяли Шеллинг и Шопенгауэр, Гёте, Гейне и Рихард Вагнер.

Гейне говорит, что при создании художественного образа в душе художника „так, как будто он, согласно Пифагорову учению о переселении душ, вел предварительную жизнь после странствования на земле под разными видами; его вдохновение имеет все свойства воспоминания“, (Г. Гейне. „Мысли и Заметки“).

Рихард Вагнер писал, что в творчестве поэта, художника живет „нечто субстанциальное, сверхъопытные идеи“.

„Пошлый мир думает, что удивительно отчетливые образы поэта возникли прямо из опыта и запечатлелись в его памяти... Все эти Летучие Голландцы, Тангейзеры, Лоэнгрины, Нибелунги. Вотаны возникли в моем сознании раньше, чем „в опыте“... (Р. Вагнер. „Мемуары“). Или, как говорит Гаус Сакс в „Мейстерзингерах“:

... „И все искусство, о, лет сомненья,
Есть вещей слов изображение“...

Кто прав?

Какою из этих двух теорий станем объяснять создание шаляпинского „Дон-Кихота“?

Наблюдение, ум художника или же одно нитие свыше создали этот прекрасный, возвышенный и трогательный образ?

Мы сделаем ошибку, приняв одну из теорий и отвергнув другую.

В каждой из них есть правда, озаряющая творчество художника.

Говоря, что Шаляпин создавал Дон-Кихота не из опыта, а интуитивно, мы скажем правду в том смысле, что в натуре его, в его внутреннем мире есть такие наклонности, которые помогли ему проникнуть в этот образ.

Но эта правда не полная, ибо в Дон-Кихоте, кроме интуиции, заметны следы богатого жизненного опыта, знания и изучения, сделавшие образ Дон-Кихота настолько рельефным, что, когда впервые появился он на сцене в Монте-Карло, кто-то из публики громко крикнул:

— Это он!

Конечно, в творчестве художника трудно указать границу, отделяющую опыт от вдохновения. Внезапные вспышки вдохновения создают столь яркие и выразительные черты, что их можно принять за результат долгого, упорного обдумывания и труда. И в то же время многие, сосредоточенно продуманные детали так вдохновенны, что кажутся только сейчас возникшими, в процессе творчества.

Что-то шекспировское чувствуется в точности, выпуклости и индивидуальности шаляпинских образов.

Шаляпин проникает в души чужих народов, впитывает в себя их поэзию, постигает их душу так же глубоко, как душу своего земляка. Иногда кажется, что этот Борис Годунов жил в Кремле и правил Россией, что этот Дон-Кихот вместе с толстым Санчо-Пансой бороздил опаленные солнцем долины Андалузии и Кастилии.

IV.

Многообразие перевоплощений говорит о всеотзывчивой душе художника. „Художник живет одной жизнью, — пишет Антокольский в одном из своих писем, — но она наполнена другими жизнями: он чувствует чувства других людей. Люди — это его арфы, нервы их — для него струны“.

Эта „всеотзывчивость“ определяет широту творчества, размах его, его объем. Одно перечисление образов, созданных Шаляпиным, вызывает в памяти столь яркие и различные фигуры, что невольно удивляешься неиссякаемой, кипучей силе творчества, богатству красок, пышной фантазии, смелости исканий и красоте достижений.

Не следует забывать, что творческий артист поставлен в неизмеримо худшие условия по сравнению с писателем, живописцем, скульптором, музыкантом.

В то время, как живописец рисует, писатель пишет наедине с самим собой, не завися в своей работе ни от кого, артист вынужден творить рядом с товарищами, очень часто лишенными всякого художественного чутья, в атмосфере всевозможных досадных случайностей, среди которых даже громкий разговор за кулисами занимает не последнее место.

Необходима особенная сосредоточенность, напряженность, самоуглубленность, чтобы не замечать того, что нарушает настроение, мешая, назойливо вторгается в душу.

В. В. Садовский вспоминает о первом своем дебюте в опере Межюля „Иосиф“:

„Покуда я еще был один на сцене, я мог забыться, мог вообразить себе, что я — настоящий Иосиф, что рассказываю не по театральным подмосткам, а попираю ногами настоящую землю египетскую, что я окружен роскошными растениями богатой природы, а не намалеванными кулисами, изображающими

Ф. И. Шаляпин.

Автопортрет.

деревья. Дав волю фантазии и увлечению, я бы еще долго мог воображать себя неподдельным сподвижником фараона египетского, если бы не явился на сцену новый актер (Ефремов), отличавшийся, как нарочно, плохим и в особенности ненатуральным исполнением своих ролей. Я точно свалился с неба в пренеподную. Увидел я, что я не Иосиф Прекрасный, а он — далеко не приверженец мой, и что оба мы в настоящую минуту потешаем публику“.

Глубина художника, многострунность его творчества множит кричащие и терзающие противоречия между ним и окружающей обстановкой.

Кто может исчислить, сколько острых шипов и колючих терний скрыто в лаврах триумфального венка!

Без перевоплощения нет артиста и нет искусства. Есть некто, вымазанный гримировальными красками и притворяющийся то тем, то другим лицом, но никогда не творящий и не создающий.

V.

Когда люди произносят слова: „сценическое искусство“, они думают, что такое искусство существует на самом деле, имеет самостоятельное бытие, как поэзия, музыка, живопись, ваияне, представляя особый какой-то вид, особую категорию искусства.

Это глубокое и давнишнее заблуждение, возникшее от неточности выражений.

По какому признаку, какой специфической особенностью одно искусство отличается от другого? Поэзия от живописи? Музыка от ваияния?

По материалу, каким пользуется художник. В поэзии — слово, в живописи — краски, в музыке — звуки и т. д.

Но сценическое искусство... Где его самостоятельный, одному ему присущий материал?

Создавая сценический образ, артист пользуется всеми искусствами, от каждого из них заимствуя его материал: от живописи он берет краски — грим, костюм; ваияне дает ему жест, телодвижение и телоположение; в поэзии он находит слово и оттенки слов.

Может ли так называемое „сценическое искусство“ существовать самостоятельно и существует ли?

Конечно, нет.

Вместо несуществующего сценического искусства надо говорить об искусстве актера, в творчестве которого отдельные искусства гармонически сливаются, равномерно подчиняясь главной идее художественного замысла.

Талантливость артиста сказывается именно в богатстве и разнообразии сочетаний всех тех изобразительных средств, какие может он почерпнуть в отдельных искусствах.

Сливаясь в одном образе, как радиусы, сосредоточенные в центре, элементы различных искусств как бы заимствуют нечто от сущности смежных с ними, словно переходя из одного рода в другой, но не растворяясь в нем и сохраняя типические свои индивидуальные черты.

Когда Шаляпин в „Князе Игоре“ поет: „А народу бочку вина выкатить“ и делает ударение на слове „вы“ — звук его переходит в живопись: голосом он рисует картину: вот катится бочка с вином, тяжелая, большая, глухо перекатываясь по деревянному настилу.

Или в „Дон-Кихоте“: — умирающий Дон-Кихот поет: „Вот звездочка“...

Хочется, подняв голову, посмотреть вверх. Чудится, что там, вверху, над освещенным софитом замерцала первая, нежная, вечерняя звезда.

Артист должен быть разнообразно талантлив. И, прежде всего, он должен уметь рисовать. Известно, что знаменитый Тальма очень хорошо рисовал. Сарра Бернар занимается живописью и скульптурой. Шаляпин делает наброски тех образов, какие потом создает на сцене, варьируя первоначальный рисунок в сторону глубины, законченности и выразительности.

Не умея рисовать, не зная законов живописи, артист не создаст точного, индивидуального образа. Стоит ли приводить примеры?

В нашей опере все Фаусты похожи один на другого, как близнецы, все Валентины и Русланы размазаны по одному образцу, созданному вкусом универсального театрального парикмахера.

Я много раз видел „Ликовую даму“, но ни разу не видел Германа, похожего на Наполеона. Конечно, театральному парикмахеру извинительно не знать Пушкина, но для театров, для артистов такая невежественность не совсем удобна. Пушкин несколько раз подчеркнул сходство Германа с Наполеоном.

Впрочем, довольно о шаблонах. Они общеизвестны.

VI.

Искусство артиста, понимаемое не в узких пределах актерской техники, но именно как гармоническое сочетание элементов многих искусств, требует богатой одаренности художника, предоставляя ему громадный, неисчерпаемый материал для художественных построений.

Глубина и ценность творчества определяются не только средствами, какими владеет художник, но и охватом его замысла, целями его и намерениями.

Я не сторонник взгляда: „в искусстве важно не *что*, а *как*“. Это однобокое, кривое воззрение давно пора сдать в архив родственных ему теорий. В искусстве важно и *что* и *как*. Замысел определяет собою исполнение, дает ему глубину и вещь значительность. Для кого искусство — забава, развлечение, „градиозная ненужность“, для того — да! — важно „как“. Пусть будет мизерен сюжет, но он так мило выполнен. Ах, очень, очень мило!

Художник, отмеченный Богом, во всем находит глубину, и как только прикасается к вещи обыденной и даже незаметной, — отношение его к ней является сюжетом, проникновение в предмет или явление вырастает до пределов грандиозной темы.

Создавая короля Филиппа II, Шаляпин превращает оперное „лицо“ в явление сверх-театральное. Тут творчество артиста перестает быть творчеством рамы, „искусством авансцены“: недостаточно обычной театральной критики для уразумения его смысла, значения, его красоты и глубины; необходимо применять другие приемы; этот образ должно рассматривать с точек зрения исторической, литературной, философской.

Увы, с этим своим созданием Шаляпин очутился в положении человека, пришедшего на бал танцовать и встретившего там только хромых людей.

Перевоплощаясь в иное лицо, Шаляпин не только воссоздает внешний образ, яркий и выразительный: он показывает еще „нечто“, что скрыто внешними линиями и красками, сущность образа, беспредельное, безграничное его содержание.

В этом смысле искусство Шаляпина не имеет границ, в чем каждый может удостовериться, посмотрев его несколько раз под ряд в одной и той же роли. С каждым новым выступлением открывает он новые и новые черты в своем образе. Изучать этот процесс — то же самое, что пройти хороший курс эстетики, отличающийся от прочих курсов тем, что дает подлинное знание и понимание творческого процесса.

„Не тот большой художник, — писал В. Стасов М. Мусоргскому, — кто только фуги, руки и ноги знает и умеет, а у кого внутри растет и зреет правда, у кого внутри ревнивое и беснокойное, никогда не замолкающее чувство истины на все, на все“... (Письмо от 1876 г.).

Значение Шаляпина не в том заключается, что он создает образы яркие и совершенные, создает живых людей, не только в этом; но в том, что каждое созданное им лицо, при всей

своей реальности, символично по внутреннему своему содержанию: из-за определенного лица выглядывает лицо человека вообще, пробуждая в нас гармоническое чувство нетленной красоты.

В этом лице — мне хотелось сказать: в лице человеческого — Шаляпин показывает новые, неведомые людям черты и заставляет любить их, навсегда вревая их в наше сердце. Видевший его Дон-Кихота или Бориса никогда уже не расстанется с ними, не может расстаться, ощущая веяние неизъяснимой духовной красоты.

Вспоминаю я слова одного из величайших гениев наших — М. Мусоргского, сказанные им в переписке с В. Стасовым, представляющей глубокое и пламенное сгедо неукротимого и неутомимого искателя: „художественное изображение одной красоты, в материальном ее значении, — грубое ребячество, детский возраст искусства, — писал М. Мусоргский. — *Тончайшие черты природы человека и человеческих масс, назойливое ковыряние в этих малозвезданных странах и завоевание их* — вот настоящее призвание художника. „К новым берегам“ бесстрашно сквозь бурю, мели и подводные камни, „к новым берегам!“... В человеческих массах, как в отдельном человеке, всегда есть тончайшие черты, ускользающие от хватки, черты никем не тронутые: подметать и изучать их в чтении, в наблюдении, по догадкам, всем нутром изучать и кормить ими человечество, как здоровым блюдом, которого еще не пробовали. Вот задача-то! Восторг! и присно восторг!“ (Письмо от 1872 г. Курсив везде — Мусоргского).

Несколько лет спустя, Мусоргский еще раз повторяет свою мысль, говоря об оправдании. Задача художника: „*Жизнь*, где бы ни оказалась; *правда*, как бы ни была солона; смелая, искренняя речь *к людям* — à bout portant“...

Эти задачи присущи творчеству Шаляпина, не изменяя ему никогда и ни в чем, но и жизнь и правда служат лишь подножием для тех его замыслов, где пред зрителем открывается какая-то особая жизнь, по отношению к которой жизнь видимая есть лишь слабое отражение.

VII.

Шаляпин — оперный артист, то-есть — певец и актер, следовательно, творчество его определяется соединением двух художественных категорий: музыки (пения) и драмы, слиянием их в неразложимую целостность в моменты творческого процесса.

Эти же категории намечают пути, какими должен идти изучающий творчество Шаляпина.

Остановлюсь на музыкальной стороне его гения.

— Что такое музыка?

Предложите этот вопрос нескольким лицам, и вы услышите:

— Музыка — это когда играют на рояле.

— Музыка — ноты.

Также еще говорят:

— Сыграй на музыке.

Большинство понимает музыку в смысле звуков, извлекаемых из музыкальных инструментов, смешивая форму музыки с содержанием. К этому большинству принадлежит не только широкая публика, но и многое множество специалистов, презрительно окрещенных Мусоргским „канцелярии немецкого музыкального цеха вахтерами“.

Ложное представление о музыке глубоко укоренилось, и изменить его очень трудно, тем более, что оно санкционировано многими специалистами-профессионалами или, точнее, — ремесленниками музыкального цеха.

— Что же такое музыка?

Случалось ли вам, сидя в своей комнате у открытого окна, прислушиваться к городскому шуму?

Закройте глаза и прислушайтесь: сначала вы будете различать каждый звук в отдельности. Вот, с грохотом и звоном, мчится по улице трамвай; вот гудок автомобиля; стук на мостовой извозчичьих дрожек, шаги прохожих; крик разносчика, или бабы: „спелая ягода малина“, в которой чуткий слух Мусоргского уловил „септиму не русского происхождения“.

Продолжайте слушать. Постепенно отдельные звуки теряют свою окраску, тускнеют, очертания их сглаживаются, стираются; они удаляются и удаляются, сливаясь в нестройный гул; чем дальше, тем становится он стройнее.

Уже можно в нем уловить определенный тон и в нем — основную ноту, звук, выделяющийся из хаоса прежних нестройных, резких шумов, новый и несколько не похожий на них.

Звук этот — звук города, звук жизни, звук движения, ибо жизнь есть непрерывное движение. Один из исследователей природы музыки, Иосиф Берглингер, в „Восточном сказании о силе музыки“ называет этот основной звук движения звуком „обращения великого колеса времени“.

Можно ли этот звук назвать музыкой? О, конечно, нет. Но музыку образует бесконечное и разнообразное сочетание всех звуков, слышимых в природе.

Весь мир отражается в музыке.

Певучесть есть в морских волнах,

Гармония в стихийных спорах.

И стройный музыкальный шурш

Ф. И. Шаляпин.

П. Бучкин.

Струится в зыбких камышах.
Невозмутимый строй во всем,
 Созвучье полное в природе... (Ф. Тютчев).

Кому случалось бывать в степи, тот знает, что степь поет тысячами звуков и их оттенков, почти неуловимых. Все в природе звучит, все поет. Поет ночь, поет тишина, поет родник в лесу. Всюду звуки, звуки предвечной тайны, всюду и во всем слышен ее вещий голос.

На мир дневной спустилася завеса;
 Изнемогло движенье; труд уснух;

Над спящими градом, как в вершинах леса,
 Проснулся чудный, еженощный гул...
 Откуда он, сей гул *непостижимый?*
 Иль *смертных дум*, освобожденных сном,
 Мир *бестелесный, слышимый, но незримый*,
 Теперь роится в хаосе ночном?.. (Ф. Тютчев).

В звуках бьется не только жизнь мира в тот миг, когда мы прислушиваемся к ним, в них сокрыто все прошлое и будущее, сокрыта вечность; в них слышится звон цепи, соединяющей прошлое с настоящим.

Дано услышать это лишь тому, кто может, забыв день сегодняшней, погрузиться в созерцание звуков хотя бы на краткий миг.

Я там заслушивался пенья
Великих средиземных волн.
И песнь их, как во время оно,
Полна гармонии была,
Когда из их родного лона
Киприда светлая пльма... (Ф. Тютчев).

Эта стихия вечности чувствуется в пении Шаляпина, когда он поет древние напевы, как, например, еврейский гимн на древне-еврейском языке. Он пробуждает в нас воспоминания о сожженной солнцем пустыне иудейской, о древней истории древнего народа, о тех людях, которые давно когда-то пели такие же напевы.

Музыка слышится не только во внешней природе, в видимом мире. Музыка таится в самой душе человека, в сокровенных тайниках ее.

Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их заглушит наружный шум,
Дневные ослепят лучи:
Внимай их пенью и молчи!.. (Ф. Тютчев).

Музыка всюду сопровождает нас. В колыбели дитя слышит баякающий напев матери или няни; вырастая и мужая, с песней живет свой век до могилы, и даже в самую могилу провожают его надгробным пением.

В нашей памяти часто живут одни мотивы, без слов, неизвестно, где слышанные, а может-быть, и не слышанные, но врожденные нам. Всюду какой-нибудь мотив — и он тронет за душу; на мгновение вздохнется и грустно и легко; словно легкое дуновение овеяло ласково наше сердце, и на миг мы стали лучше, чище, просветленнее.

Музыка наполняет нашу душу то радостью, то печалью, беспредметною, невыразимую словом, но реальною и осязаемою до боли.

Тайна есть в этом влиянии музыки на сердце человеческое. „Музыка, — говорит Иосиф Берглингер, — то единое искусство, которое сводит все противоречивые движения души на одни стройные созвучия, коими живописует и радость, и скорбь, и отчаяние, и благоговение... создает то светлое состояние души, когда все в природе для нас естественно, истинно, прекрасно... когда мы роднимся со всем живущим и... смотрим на мир, как будто сквозь сумрак приятного сновидения“...

VIII.

Чем же объяснить влияние музыки на нашу душу? Почему в нас заложена такая потребность, жажда музыкальных звуков? Почему даже квартира, где мы не видим музыкального инструмента, кажется нам пустынной, не живой?

...гармонических орудий
Власть беспредельна над душой,
И любят все живые люди
Язык их темный, но родной... (Ф. Тютчев).

Глубочайшие мыслители задумывались над вопросом о влиянии музыки на людей, об ее природе.

Как объяснить таинственную силу созвучий, их связь с нашей душой?

По мнению Шопенгауэра, музыка повествует о сокровенной сущности вещей, говоря о ней всему человечеству единым понятным и прекрасным языком.

Она раскрывает нам извечные тайны мира и человеческого духа, его мучительные терзания, его порывы и взлеты к далекому небу; сверкающей молнией озаряет сокровенные тайники и неведомые бездны души.

„Если все отложить в сторону, — говорит Р. Вагнер в письме Ф. Листу, — если всецело погрузиться в музыку, то пусть же отразится в звуке то, чего нельзя видеть глазами, но что доступно слуху“.

Те чувства, какие выражает музыка, воплощая их в звуке, через это воплощение углубляются, утончаются и, претворенные музыкой и в музыке, — восходят на степень мировых чувств, приближают нас к мировой жизни, к вечности.

Музыку надо переживать; слушать ее нельзя. И тот, кто дает нам возможность, кто помогает нам, кто заставляет нас в мелодии почувствовать тайную стихию музыки, того мы называем великим музыкантом, великим певцом.

„Как самое существо человека, — говорит Шопенгауэр, — в том состоит, что воля его стремится, удовлетворяется и снова стремится, и так непрестанно, даже в этом только и состоит его счастье и благополучие, что такой переход от желания к удовлетворению и от него к новому желанию надвигается быстро... то, соответственно этому, существо мелодии состоит в постоянном уклонении, заблуждении от основного тона, на тысячу путей... но под конец всегда следует возвращение к основному тону“... (А. Шопенгауэр. „Мир, как воля и представление“. Т. I, 269—70).

В музыке мы находим претворение в гармонию борющихся элементов человеческого духа, полноточность душевных движений.

Эта полноточность слышна в голосе Шаляпина.

Звук его голоса — не один какой-либо звук, взятый в отдельности. По внешним своим очертаниям он не представляет различия от звука вообще. Но содержание, вложенное в схему звука, есть полнота гармонии.

В каждом звуке шаляпинского голоса слышатся гармонический аккорд, выражающий полноту и многослиянность мирового духа.

Звук этот красноречив и многозначителен. В нем — трепет стихии, веет в нем дыхание вечности. Он неисчерпаем, бездонен. В нем

...что-то стонет, что-то бьется,
Как в узах заключенный дух,
На волю просится и рвется
И хочет высказаться велух...

Беспрерывная текучесть чувствуется в голосе Шаляпина, текучесть животоворящей, мировой материи, вечно сущей и никогда не иссякающей.

В этом смысле к нему вполне применим данный ему эпитет: „мировой голос“. Да, это — мировой голос. Но не потому мировой, что его знают во всем мире, но потому, что он выражает душу мира, парящую над странами и народами. Англичанин слушает его так же, как и итальянец, находя в нем нечто для себя, как таковое. Американцы, французы, немцы находят в этом голосе родственное своей душе содержание.

Этот характер шаляпинского голоса делает его несравнимым, исключая мерки сравнения. Ошибаются те, кто сравнивают, например, по признаку „силы голоса“:

— У такого-то сильнее.

Что же из этого? А у соборного протодьякона еще сильнее, чем у такого-то.

Впрочем, разумеется, каждый судит по-своему

IX.

Человеческая психика, ее полнота, глубина, ее богатство и разнообразие определяются не только теми мыслями и чувствами, какие могут быть выражены словами, но и той темной, таинственной жизнью, которая скрывается за мыслями и чувствами, питая их, углубляя и укрепляя, — сферой подсознательного.

Как часто мы не все можем сказать, что думаем; не все выразить, что чувствуем, не хватает слов, нет нужных выражений, те же, какие у нас имеются, могут обесценить, обеднить или вовсе исказить наши мысли и чувства.

Быть-может, самое глубокое и самое драгоценное в нас это то, что не может быть выражено даже в самом богатом, пышном и многоцветном словесном узоре.

„Мы все должны умереть, не высказавшись, — передает А. О. Смирнова в своих „Записках“ слова Пушкина. — Какой язык человеческий может выразить то, что предвидит и отгадывает душа?“

У глубоких писателей мы очень много читаем „между строк“, читаем то, что хотели они выразить, но не выразили.

„Твердо установлен один существенный факт, — говорит Иванов-Разумник, касаясь творчества Толстого: — в процессе всякого художественного творчества сознательное и часто ввергает себя руководству подсознательных элементов. Я даже так скажу: быть-может, чем больше влияние этих подсознательных элементов, тем больше художественная и всякая иная значимость произведения“. („Творчество и критика“. Т. I, 2.).

Работу подсознательных элементов мы находим и в музыкально-творческом гении Шаляпина.

В его голосе живет та темная стихия, что пробуждает наши полумысли, полочувства, вернее, мысли-чувства и чувства-мысли и эфирные оттенки тонких и сложных сочетаний их.

Богатство обертонов в его голосе соответствует богатству духовных переживаний самых проникновенных и изысканных его слушателей.

Художественное значение музыкальной стороны шаляпинского творчества рельефнее всего выступает в партиях известных и „запетых“.

Слушая Шаляпина в какой-нибудь знакомой нам партии, слышанной уже нами десять раз, мы вдруг начинаем прозревать новое и неожиданное в том, что нам так знакомо и казалось таким обыкновенным и затертым. Простое в его исполнении становится сложным, поверхностное — глубоким, полным значительных мыслей.

Напомню „Сцену в корчме“ из „Бориса Годунова“.

Вы слышали песенку пьяного, белуго монаха Варлаама: „Едет ён, погоняет ён, ён... Так просто, кажется, так обыкновенно это полудремотное, пьяное, бессмысленное бормотанье, которым гг. артисты сопровождают диалог Варлаама с Самозванцем.

Самозванец. Пей, да про себя разумеи.

Варлаам. Что мне про себя разумеи! (Пауза). Э-эх!

Садится к столу и начинает: „едет ён“...

„Что мне про себя разуместь! Э—эх!“

Ф. И. Шляпин (Варлаам) в „Борисе Годунове“.

П. Бучкин

Эту краткую реплику „Что мне про себя разуместь“ Шляпин произносит с едкой горечью порешенного человека. Еще больше горечи во вздохе: „Э—эх!“ И после паузы начинает петь каким-то хватающим за душу, унылым голосом: „Едет ён, погоняет ён, ён“...

И вдруг в этих, таких бессмысленных, по видимости, словах открывается глубокий, жуткий, мистический смысл.

„Ён“ — да ведь это он, черный, лукавый, нечистый, — лихо одноглазое. Он „погоняет“, он гонит по корчам, по проезжим дорогам, на распутья, в холод, в голод, в стужу, в черную ночь.

Он же и загнал несчастных бродяг сюда, на край родной земли, к Литовской границе, где для них, собственно, и край света.

И вот, на наших глазах, пьяный Варлаам, изображаемый обычно комическим персонажем, превращается в лицо трагическое, покорное, подобно героям греческой трагедии, веляниям неотвратимого Рока, — „горя-злосчастья“.

Варлаам-Шляпин не возбуждает смеха. Его горькая судьба начинает щемить сердце. Этот переворот в наших представлениях произведен только звуком его голоса, в котором все слышится, вся биография Варлаама: бездолье, вой ветра на дорогах, голод, холод, неприютность, жалоба и тоска — исконная русская биография всех наших бездомовников и скитальцев.

Но, кроме того, еще что-то слышится в звуках шляпинского голоса, не одна тоска, не одно уныние. Это „что-то“ сам Мусоргский определил как „зарождение смутного времени в бродягах“ (Письмо к Стасову от 6-го сент. 1873 г.).

Шляпинское толкование, углубление темы — не вольность артиста, но прозорливость, отвечающая замыслу композитора. О песенке Варлаама Мусоргский писал Стасову: „Обдумывается бродяжная новость и новость, из новостей новость“. (Письмо от 11-го сент. 1871 г.).

Чтобы понять Варлаама, надо знать народ, надо постигать душу его, и тогда только откроется какая-то правда о нем.

„Черноземные силы проявятся, когда до самого днища ковырнешь“, не познакомиться с народом, а побрататься жаждет: страшно, а хорошо... (Мусоргский).

Существуют произведения, десятками лет ждущие своего комментатора. К таким художественным созданиям принадлежит и Варлаам, не понятый в год его создания даже П. Чайковским, не говоря уже о прочих. (Письмо к Стасову от 26-го сент. 1871 г.).

Почему мы, слушая песню Варлаама в исполнении других певцов, не испытали ничего такого, что переживаем, слушая Шалаяпина? Почему?

Потому, что мы слышим в его голосе музыку, которую напел партитура Мусоргского, создавшего „в живой музыке живых людей“, а музыка „в чувстве, выраженном словами или в действии, представляемом оперою...“ открывает глубочайшие, последние и сокровеннейшие истины,—высказывает их действительную и истинную сущность и открывает нам *затаенную душу событий*, только оболочку и тело которых представляет сцена... (А. Шопенгауэр. „Мир, как воля и представление“. Т. II, 547).

Затаенную душу событий прежде всего и изображает Шалаяпин, погружая слушателей в подсознательный мир и композитора и свой.

Это в нем „изнутри“.

В одном из писем к Листу Вагнер писал:

„Творчество—музыкальный талант—представляется мне колоколом, который издает полный звук только тогда, когда его раскачает соответственная сила. Сила эта внутренняя, и там, где она исходит изнутри, там она вовсе не существует“

X.

Варлаам—одно из замечательных созданий Мусоргского. Изучая его и изучая воссоздание его Шалаяпиным, мы можем постигнуть истинный смысл творчества обоих наших великих художников, взаимно освещающих друг друга.

Определяя характер творчества Мусоргского, В. Стасов писал ему: „Вы ищете... не *техники*, не *музыки*, а глубокого внутреннего склада...“ (Письмо Стасова от 16-го авг. 1876 г.).

„Глубокий внутренний склад“ — это же и есть шопенгауэровская „затаенная душа событий“, которая так наглядно может быть иллюстрирована Варлаамом.

Однажды мне возразили:

— Хорошо. Но эта „затаенная душа“ Варлаама дана в музыке Мусоргского. В чем же заслуга Шалаяпина?

Правда, Мусоргский постиг и выразил эту душу, но только Шалаяпин проник в нее и воссоздал ее во всей глубине мистической ее природы. Мусоргский совершил первично-творческий акт. Шалаяпин—вторично-творческий, столь же углубленный и значительный, как и первый. Оба они равноценны.

Если мы захотим найти аналогию в литературе, мы вспомним тему о Дон-Жуане, разработанную Тирсо де-Молино, де-Понте, Байроном, Мольером, Гольдони, Пушкиным, Алексеем Толстым и проч.

Одна тема — но различные способы и средства ее выражения, насколько не умаляющие других, противоположных.

К Мусоргскому и Шалаяпину можно одинаково применить слова Вагнеродера: „Одаренные высшими взорами видят в искусстве не одну простую задачу—из данных звуков составить правильно стройное здание, и не в этом высочайшая цель их искусства:—они движут огромными составами звуков и, как чудесными красками, живописуют ими слуху“... („Размышления отшельника, чюбителя изящного“).

Всякая мелодия (я разумею подлинно-музыкальную мелодию) представляет собою не чередование звуков разной высоты и тональности, подчиненное законам музыки, но выражение некоторой тайной сущности вещей, явлений и событий, она—„квинт-эссенция жизни“.

Поэтому и задача музыканта и певца не в том только состоит, чтобы передать внешнюю сторону мелодии, именно, чередование звуков, соединенных в определенном музыкальном рисунке, но показать нам то чувство, то настроение, какие скрыты в звуках мысль, одухотворяющую их.

Мы знаем изысканных виртуозов, блестящая игра которых оставляет нас спокойными; знаем таких же певцов и певиц. Мы, конечно, отдаем должную дань их трудолюбию и искусству признавая высокое совершенство их техники, но душа наша остается спокойной. Она не взволнована. Не потрясена. Она холодна. В ней не задета ни одна струна.

Также знаем мы музыкантов и певцов, которые в техническом отношении не могут соперничать с виртуозами, но в исполнении их есть что-то, что западает в наше сердце, что уносим мы с собою, и что постоянно живет с нами и в нас. Это „что-то“ одни называют „теплотой“, другие „задушевностью“ третьи—„чувством“. Этими, столь обыкновенными, обиходными житейскими словами люди выражают великий дух музыки, не выразимый словом.

В шалаяпинском голосе соединились: совершенство виртуоза и то, „что западает в душу“.

Голос его — безукоризненный благородный инструмент, доведенный им до последнего совершенства.

У большинства певцов техника—цель их вокального развития. Я знаю людей даже среди них и музыкальных критиков, которые восхищаются трелями Баттистини. „Помилуйте, баритон — и втрое — трели. Это прямо замечательно“, хотя, по совести, ничего замечательного в этом нет.

Техника Шалаяпина настолько изощрена и утончена, что она незаметна. Ее трудно сразу разгадать. Этим свойством она сближается с техникой Чехова, которую даже Толстой не мог сразу уловить, но, уловив, пришел в восторг.

Вокальная техника Шалаяпина не цель, но средство, одно из тех могучих средств, какими пользуется он, создавая свои образы. Она — способ его художественного выражения, проводник его художественной мысли.

Многие до сих пор не могут понять его техники и говорят, что Шалаяпин заменяет пение речитативами, декламацией.

Возражать против этого не стоит: всегда есть люди, до которых „поздно доходит“. Разве в свое время присяжные критики не писали о „Князе Игоре“ Бородина, что некоторые места в нем написаны „шваброю или помелом“. Ведь и недавно умерший Ц. Кюи писал же о „Борисе Годунове“, что в нем „рубленный речитатив и разрозненность музыкальных мыслей, делающая местами оперу попуриобразной“

XI.

Когда Шалаяпин поет, то слова, произносимые им, представления и образы, рождаемые словом, даны уже, существуют в голосе, силуэты их очерчиваются в многоцветной окраске тембра.

В „Русалке“ он поет:

— Была когда-то родная дочь, отрада жизни, утеха дней. Ее любил я, вот видит Бог...

И эта самая любовь несчастного отца и мука воспоминания предшествуют слову в звуке, в тембре голоса, являясь фоном, на котором слово выступает с выпуклой выразительностью.

Слово становится необыкновенно пластичным, рождая яркий образ.

Это свойство шалаяпинского гения может быть объяснено философией музыки. „Из близкого отношения музыки к действительной сущности всех вещей,—говорит Шопенгауэр,—можно объяснить и то, что, когда при какой-либо сцене, действии, событии, обстоятельстве, звучит соответственная музыка, то последняя словно раскрывает нам сокровеннейший смысл оного, являясь к нему вернейшим и яснейшим комментарием“. („Мир, как воля и представление“. Т. I, 272).

Певец всегда сотворит, сотрудничает с композитором. Чем выше, совершеннее дар композитора, чем значительнее его произведение, тем большие и труднейшие задачи назначено осуществлению певцу.

Каждый певец — комментатор композитора; но он может или углубить его замысел, или сделать его плоским, банальным, поступить, как „малаяр презренный“, что „пачкает картину Рафаэля“.

Н. А. Римский-Корсаков пишет о представлении „Псковитячки“, в Москве у Мамонтова: „Псковитячка“ имела успех, благодаря высокодаровитому Шалаяпину, несравненно создавшему царя Ивана“. („Летопись моей музыкальной жизни“. 2-е изд., стр. 305).

И, еще несколько раз упоминая о „Псковитянке“, он неизменно называет Шалаяпина.

Исследуя вопрос об отношении артиста к данному ему материалу, именно, к партитуре композитора, можно выяснить, помимо стихийных, лежащих вне воли артиста, и индивидуальные его свойства, присущие ему одному.

Мне приходилось слышать такие рассуждения:

— Шалаяпин не сам поет. Это у него — слыше. А он сам не при чем. Талант. Если бы мне такой талант—и я запел бы.

Таков часто встречающийся обывательский взгляд.

Вдохновение—вдохновением, талант—талантом, но выражение таланта и цели, им достигаемые или, по крайней мере, поставленные—зависят от художника.

Напомню о бесчисленных черновых тетрадах Пушкина; о том, что Толстой семь раз переписал „Войну и мир“ прежде, чем опубликовать роман. А уж Толстой ли не гений? Казалось бы: так просто—сел и написал.

Необыкновенная трудность творчества, „муки творчества“ и заключаются в напряженной работе над выявлением тех звуков и штрихов, что скрыты в подсознательной области художника.

Одно только „уже наблюдение,—замечает проф. И. Лапшин,— в процессе перевоплощаемости включает в себя *активный момент*“ (курсив И. Лапшина).

Представим, что Шалаяпин творит только под внушением слыше, что на него нисходит вдохновение, что он слепой исполнитель велений неведомой силы.

Как же мы объясним в этом случае не только новое толкование мелодии, но и проникновение ею, ее содержанием сценического действия и мельчайших оттенков его? Как достигнуто им то, что Вагнер называл „пластическим отношением между музыкой, текстом и сценическим действием“?

Возьмем для примера „Закливание цветов“ из „Фауста“

До Шаяпина эта сцена проходила незаметно даже в исполнении такого большого мастера сцены, как Стравинский.

Шаяпин выдвинул ее на первое место, дав ей новое освещение.

Пусть выполнено это стихийно, бессознательно. Но то, что сцену заклинания надо было выдвинуть, — ибо она — центральная в „Фаусте“: с нее начинается падение Маргариты, переворот в душе Фауста при ярко выраженном посредничестве Мефистофеля — показывает, что обработка этой сцены есть результат сознательной деятельности артиста, его рассуждения, размышления, работы его ума, вкуса и художественной зоркости.

По меткому выражению Владимира Соловьева, — „гений действует не от ума, но с умом“

Какие бы стороны шаяпинского гения ни участвовали в создании им его образов, сознательные ли или бессознательные — не все ли это равно в конце концов?

Мы видим образы необыкновенной глубины, силы и красоты.

Хотел ли Шаяпин так спеть пролог в „Паяцах“, как пел, или же „спелось“?

Пусть решают эти вопросы те, кто хочет музыку „разять, как труп“, и кого Мусоргский раздраженно обозвал „симфоническими попами“.

Сила музыкально-творческого таланта Шаяпина проявляется с особенной наглядностью, когда приходится ему давать жизнь немощным, в музыкальном отношении, созданиям, как, например, в „Дон-Кихоте“.

Бледные и тусклые музыкальные фразы, в исполнении Шаяпина, получают новую, прекрасную жизнь.

В этом могуществе таланта — величье Шаяпина-певца.

Своим пением он населяет нашу душу тончайшими, эфирными переживаниями, он показывает нам музыку такой реальной, такой бесспорной, что она начинает казаться почти доказуемой, подобно геометрической теореме.

В его пении нам как бы открывается окно в вечность; в его голосе мы ощущаем точку прикосновения к миру иным, к невыразимо-задушевному музыки. Она „предносится пред нами, как вполне знакомый и тем не менее вечно далекий рай, создавая... все движения нашего сокровеннейшего существа, но без всякой действительности и вдали от ее мучений“ (Шопенгауэр).

Однако, пение Шаяпина требует от слушателя не простого слушания — „сидим и слушаем“, но высшей формы погружения в звуки, какую Римский-Корсаков назвал „звукосозерцанием“.

Только в звукосозерцании открывается тайна вокального искусства Шаяпина, гармонических созвучий его голоса, рожденных божественной стихией музыки, все богатство обертонов его голоса, в которых мыслимый хаос мирового движения превращается в гармоническую стихию.

XII.

Какой голос у Шаяпина? Как его назвать?

Многие называют его басом. Профессора пения — „basso cantante“.

На вопрос о том, какой у него голос, Шаяпин ответил: — Не знаю. Некоторые говорят, что бас. Кто его знает, какой?

В XXXIX главе второго тома „Мир, как воля и представление“, названной: „К метафизике музыки“, Шопенгауэр определяет четыре основных голоса, т.е. бас, тенор, альт и сопрано, говоря, что они соответствуют четырем степеням

„О, Санхо, остров тот — мечта!“

Ф. И. Шаяпин в „Дон-Кихоте“.

П. Бучкин.

в ряду существ — царству минералов, растений, животных и человека.

Согласно физической теории, лежащей в основе музыки, — „музыкальный элемент звуков заключается в пропорции быстроты их вибрации, а не в их относительной силе“. Вследствие того, что „музыкальный слух в гармонии всегда следит преимущественно за самым высоким звуком, а не за самым сильным, — поэтому, даже при сильном аккомпанементе оркестра, наше внимание останавливает на себе сопрано; поэтому сопрано получает естественное право на развитие мелодии... Его противоположностью, по тем же самым причинам в обратной постановке, является тяжелый и мало подвижный бас... Как такой и в своей собственной природе, никогда не может вести мелодию... Неестественность мелодии, которая ведется басом, приводит к тому, что басовые арии с полным аккомпанементом никогда не дают нам такого чистого и безмятежного наслаждения, как арии сопрано“...

Мнение Шопенгауэра можно принять, поскольку речь идет о басах и сопрано, как таковых, как о замкнутых, определенных категориях голосов, с присущими им функциями.

Когда же мы спросим себя, к какой категории относится голос Шаяпина, мы очутимся в положении чеховского героя, желавшего создать в своем воображении образ красавицы, которую он только-что поцеловал в темной комнате, не успев разглядеть ее лица: глядя на сидевших за столом женщин,

он думал: если у этой взять нос, у этой — глаза, у той — виски, а у этой вот — руки, у той — голос — и соединить все вместе, — тогда получится та самая красавица, которой он не видел.

Так и с голосом Шалаяпина. Соединить вместе глубину баса, подвижность сопрано, мягкость тенора — будет его голос.

Если я назову его только басом, как я смогу, не погрешая против истины, применить к нему слова Шопенгауэра: „басовые арии с полным аккомпанементом никогда не дают нам такого чистого и безмятежного наслаждения, как арии сопрано“?

А серенада Дон-Кихота?

Но сказать, что Шопенгауэр не прав — я тоже не могу: его теория покоится на физическом законе Гельмгольца. Отвергать мнение Шопенгауэра равносильно отрицанию физического закона, что не сделает мои слова особенно убедительными и Шалаяпину славы не прибавит.

„Amicus Plato“...

Дело в том, что у Шалаяпина вовсе не бас, не бас с баритоновым оттенком и не баритон с басовым или, как еще там называют, а просто человеческий голос, vox humana.

В. В. Розанов, услышав Шалаяпина, писал, что „про тенора можно сказать, что он „заливается“, когда поет, а про баса этого не скажешь. А я в концерте слушал Шалаяпина, который — „бас“ и заливался больше, чем любой тенор. Не слышал еще таких голосов. Сила баса и мягкость тенора“.

Действительно, иногда невозможно определить, каким голосом поет Шалаяпин? Каким голосом он поет серенаду Дон-Кихота? Или же „смерть Бориса“? Что это? Бас? Баритон? Тенор?

Ни одно из этих определений не годится. Мы слышим человеческий голос, и этот голос прекрасен. Он поет не только на сцене; он поет в душе слушателя. Кажется, самый воздух поет, пронизанный светлыми лучами.

Голос Шалаяпина — палитра художника, владеющего всеми стилями великих мастеров, всеми способами письма. Его вокальное искусство — живопись звуками, которые так же ярки, как и краски, видимые глазом.

XIII.

Пение Шалаяпина тесно соединено со словом. Звук и слово в его творчестве неразрывны, нераздельны, одинаково ценны и выразительны.

Шалаяпин ревниво хранит ясность и чистоту слова, ценя его самодовлеющую сущность. Он резко очерчивает границы слова, пользуясь им, как совершенной формой выражения.

Он, великий мастер ясной формы, выразительных, запоминающихся линий, четких рисунков, чеканит словесную форму, гранит ее, обтачивает, доводит до кристальной чистоты и прозрачности.

У него нет пустых, неясных слов, но каждое — скульптурно.

В его пении мы не услышим:

На земле весь род людской
Щит один кумир священный...

Но всегда: „читт один кумир“.

В его произношении мы слышим два *н*, когда они встречаются, слышим *м*, *н*, — „нам“, „он“, а никак не „на“ и „о“.

Его буквы все „мускульно воспитаны“. Каждое слово поэтому ясно, светло, кругло и четко, как бусы ожерелья.

Он дает почувствовать всю красоту и звучность и образность русской речи.

Блеск его произношения сияет особенно, когда ему приходится произносить слова великих мастеров, например, Пушкина. Драгоценная словесная ткань поэта разворачивается во всей красоте ее узоров, во всей пышности цветов. Пушкинский стих, произнесенный Шалаяпиным, звучит еще обворожительнее, еще прекраснее и музыкальнее.

„Перезвонности звуков у Пушкина несравнимы, — пишет Андрей Белый, — огромны; и, входя в жизнь согласных и гласных, поэзия Пушкина, отступая в немом изумлении: грандиозны, воистину титаничны, прозрачны по смыслу созвучия Пушкина“.

Перезвонность пушкинских звуков, гармония его стиха естественно слышится, когда Шалаяпин поет:

... Ребенком будучи, когда высоко
Звучал орган в старинной церкви нашей,
Я слушал и заслушивался, слезы
Невольные и тайные текли...

Музыкальная стихия Пушкина, соприкасаясь с музыкальной стихией Шалаяпина, выражается в необыкновенно-гармонических, глубинных звуках.

Точность и ясность шалаяпинского произношения служит для него одним из богатых средств, какими вводит он нас во внутренний мир его образов.

Слово и звук сливаются в божественную стройность, дополняя взаимно друг друга, пронизывая, пронизывая своими лучами.

Нашими оперными певцами мы приучены к противоположному. О них можно сказать то же самое, что говорил Вагнер о современных ему немецких оперных артистах: они „приучились совершенно упускать из виду связь между словом и музыкой и с акцентированной нотой мелодии соединить самые безразличные слоги, а слова, имеющие важнейшее значение, сочетать с второстепенными в ритмическом смысле нотами. Они до такой степени привыкли к этой бессмыслице, что часто для нас уже совершенно безразлично, произносят ли они, вообще, что-нибудь или нет“. (Письмо к Листу от 1850 г.).

В природе слова, как и в природе звука музыки заложена глубокая тайна. „В начале было Слово“. В настоящее время появились даже работы, считающие слово началом, первоначальной, основной формой всех искусств.

Большинство ассоциаций, вызванных музыкой и рожденных словом, родственны между собою.

Родственны они в их философской сущности, родственны и в творчестве Шалаяпина. Его музыка (ценне) обладает красноречием самого выразительного слова; слово его хранит безбрежную стихию музыки.

Своим словом Шалаяпин создает неуловимые, неопределимые почти черты определенного стиля; в слове его иногда веет дыхание минувших столетий, характерные особенности эпохи.

В монахи царь идет...

„В монахи“ — Шалаяпин произносит сильно на „о“, давая слову церковно-славянский оттенок. Так, только так мог произносить царь, живший в допетровскую эпоху; „в монахи“ — торжественный конец земной жизни, отрешение от прошлого; в этом слове Шалаяпин показывает сумрак монашеской кельи, строгость длинных монашеских одежд.

Или в „Князе Игоре“:

Только бы мне да эту долю...

И все тут. И ухарство, и пьяная усмешка князя Галицкого, и лукавые морщинки возле прищуренных глаз, и весь этот веселый циник, не лишенный, однако, по признанию А. Бородина, своеобразной элегантности, — встает пред нами; и не только сам он, но и то летописное время, когда князья в пирах со своей челядью в угарном пьянстве вместе с нею почерпали основы государственной мудрости.

Еще один пример: „Песня о блохе“.

Жил-был король когда-то...

Слову „когда-то“ Шалаяпин придает налет отдаленной старины; „когда-то“ — это незапамятные, легендарные времена, о каких повествовал Мефистофель веселым студентам в погребке Ауэрбаха.

XIV.

Есть чувства, мысли и настроения, не выразимые ни словом ни звуком. Их выражает молчание, пауза, этот тонкий художественный прием многозначительного умолчания, которым пользуются, начиная с Эсхила и Аристофана и кончая Ибсенем и Чеховым.

В музыке пауза есть перерыв музыкально-поэтической фразы, молчание, отдающее одну фразу от другой.

В исполнении артиста пауза может быть или простым механическим перерывом, облегчающим вокальную технику, давая возможность в ожидании „нового вступления“ „перевести дыхание“, что мы наблюдаем слишком часто; или красноречивым изобразительным средством, столь же мощным, как и пение.

Паузы Шалаяпина стоят на уровне его пения. В его молчании не прекращается ни на минуту движение жизни, не прерывается творческий процесс, но, напротив, молчанием подчеркивается его течение.

Паузы Шалаяпина выражают и глубокий перелом настроения и тончайшие оттенки психологического рисунка.

Пауза представляет неизмеримо трудную задачу, быть-может, более трудную, нежели выразительное пение. Содержание паузы определяется не той или иной длительностью молчания, но предшествующими и последующими интонациями артиста. Последующая — всегда иная, всегда богаче, полнее предшествующей; в ней есть что-то новое, приобретенное, заимствованное в молчании, новая сложность, новый оттенок.

Достойны примечания и изучения паузы в „Борисе Годунове“.

Шалаяпин-Борис поет:

Как с облаков, единым взором
Ты можешь обозреть границы, реки, грады...

Пауза. Она хранит державный восторг пред могуществом знания: „Как с облаков“... Но отвлеченное чувство радости, рожденной силой науки, сменяется сумрачными мыслями о себе, о своем царстве, о тяжести власти, которую может облегчить наука.

Все эти чувства проходят в молчании Шалыпина-Бориса. Он показывает их новой интонацией:

Учись, Федор...

И после паузы, во время которой сгущаются мрачные тучи в душе Бориса при мысли о близком конце и о своем наследнике, новым, глухим голосом полным мрачных предчувствий, Шалыпин поет:

Когда-нибудь—и скоро, может-быть,
Тебе все это царство достанется...

Пауза. Тут Борис как бы вспоминает о слабости, о неопытности, о молодости сына и, отвлекаясь от себя, с грустной лаской замечает:

Учись, дитя...

Та же содержательность пауз выдвинута Шалыпиным в сцене смерти Бориса, где из пауз и пения он набрасывает сложный, потрясающий своей глубиной и правдой, психологический рисунок последних минут несчастного царя.

Замечательны его паузы в „Дон-Карлосе“, эти безмолвные лейт-мотивы в характеристике сурового повелителя Испании, в „Псковитянке“, в „Моцарте и Сальери“, в „Паяцах“.

Иногда Шалыпину приходится лавировать между необходимостью паузы и логической и психологической и между отсутствием ее в произведении композитора и наоборот. В качестве примера для первого случая укажу на арию царя Ивана в „Псковитянке“, где два различные настроения не отделены одно от другого необходимой паузой. Здесь Шалыпин отсутствие паузы заменяет сильным переделом интонации.

Второй случай иллюстрирует „Анчар“ Римского-Корсакова. Тут в первом издании была лишняя удлиненная пауза после слов: „Анчар, как грозный часовой, стоит“... Пауза. Тогда как логическое ударение требовало паузы после слова „один“: „стоит один... (пауза) во всей вселенной“

Шалыпин пользуется паузой, как тонким средством для углубления настроения, для нарастания психологического эффекта.

Но в данном случае ему приходит на помощь его актерский гений: мимика, жест, поза — все соединяется, чтобы придать паузе необыкновенную силу и выразительность.

XV.

Для того, чтобы узнать вкус вина, нет надобности выпить целую бочку. Достаточно и стакана. Поэтому я не буду говорить о всех образах, нарисованных голосом Шалыпина, а остановлюсь на одном, в котором рельефно выступают все свойства его, как певца.

Когда говорят о Шалыпине, как о певце, т.-е., как о камерном исполнителе, перечисляют крупные вещи, баллады, музыкальные картины, как, например, „Судьба“ Рахманинова, все те арии и романсы, какие значатся в каталогах грампластинки.

Я остановлюсь на одном произведении Даргомыжского, очень хорошо известном всем в качестве „комической песни“—на „Титулярном советнике“

Он был титулярный советник,
Она—генеральская дочь...

Шалыпин тонко оттеняет кажущуюся заурядность, простоту начала. Что может быть проще, обыденнее? Есть титулярный советник и есть генеральская дочь.

И вдруг одним неожиданным мастерским мазком, одной интонацией Шалыпин в этой обыденности открывает глубокую драму:

Он робко в любви ей признался,
Она прогнала его прочь...

Что ни слово, что ни звук—то морщинка робости, страдания и последней решимости—„хватило духу“

Какая же это „комическая песня“?

Тут веет дыхание Достоевского. Ведь этот титулярный советник—один из его „Бедных людей“, из „Униженных и оскорбленных“. Ведь это его герой—Макар Девушкин. Или еще страшнее: гоголевский Акакий Акакиевич в роли Ромео.

Тип по преимуществу петербургский, петербургского периода нашей истории, порождение канцелярии и тумана на болоте Смешон, но и грустен, но и страшен этот канцелярский роман:

Она прогнала его прочь...

Скука, удивление, негодование, насмешка, презрительная, брезгливая гримаска петербургской барышни—таковы те оттенки, какими расцветивает Шалыпин четыре слова, такие обыкновенные, такие заурядные: „она прогнала его прочь“.

И дальше со щемящей сердце, грустной усмешкой рисует голосом Шалыпин понуро бредущего неудачного канцелярского Ромео. Кажется, видишь его сутулые, робкие плечи. Еще меньше в росте своем стал он, съежился, сгорбился.

Пошел титулярный советник
И пьянствовала целую ночь ?!..)

Сколько отчаяния, горя и тоски вкладывает Шалыпин в эти слова!

И вслед затем загадочно-таинственным тоном досказывает он конец этой истории:

И в винном тумане носилась
Пред ним генеральская дочь...

Мы видим винный угар, дышим ядовитыми испарениями зелена-вина, радикального исконно-русского средства от всякого страдания, чувствуем этот пьяный, страшный полубред, полужив, в котором так много нашего близкого, родного.

Сколько певцов исполняет эту „комическую песню“, не подзревая истинного ее содержания и в простоте душевной и впрямь считая ее комической!

И только Шалыпин, этот романтик нашей сцены, увидел сквозь смешную оболочку лицо страдающего человека, раненого на-смерть мукой неразделенной и отвергнутой любви.

Так же, как в пьяном Варлааме увидели мы трагическое лицо, так и в „Титулярном советнике“ спадает, как шелуха, смешная маска и прямо на нас смотрит измученное лицо человека.

Наша это трагедия, русская, часто такая смешная и нелепая для поверхностного взора. Наше это — „горьким смехом моим посмеюся“.

Чуткость и зоркость артиста проникли вглубь, за те пределы, где кончается для других тема, где она исчерпана вся, но где начинается созерцание и прозорливое „испытую“.

Восприятие Шалыпина выводит его из ряда певцов и приобретает его к нашим литературным печальникам, хранящим благородную традицию любовного внимания ко всем страждущим и угнетенным.

(Окончание следует).

*) Цитировано по романсу Даргомыжского.

* *
*

Дни избранья,
Обаянья,
Дни всезнанья,
Счастья дни!
Вы в молчанья,
В осиянья,
Вы в страданья,
Как огни!
Ваши звенья
И сплетенья,—
Как творенья
Жизни сна.
Вы—прозренья,
Воскрыленья,
Озаренья, —
Как она!

Николай Морозов.

* *
*

Если были бы крылья,
Унеслась бы далеко...
Но напрасны усилья—
Есть веления Рока.
Да, мой круг заколдован,
И давно в нем стою я.
Кто был Роком не скован,
Прожил жизнь, не тоскуя?
Что ж любовью своею
Не снимаешь заклятья?
Ведь я гасну, бледнею,
Близки смерти объятья...
Или тоже ты скован
Злою волею Рока?
И твой круг заколдован?
И душой ты далеко?

Ксения Морозова.

Отец Паделла.

Из рассказов Луниджаны *).

Александра Амфитеатрова.

Отец Паделла, до Леричи, был приходским священником в маленьком горном селении. Надоело ему там и жить и служить. Вот он и придумал штуку. Каждое воскресенье взойдет на кафедру, произнесет с важностью:

— Мессу! Вечерню! И время от времени катихизис!

И службе конец. Улизнет из церкви и—пропай до будущего воскресенья!

Так гулял он неделю за неделю. Наконец прихожане обозлились и послали депутацию — жаловаться на священника архиепископу.

— Чем именно вы недовольны? — спросил архиепископ.

— Помилуйте, ваше преосвященство! Он ничего не делает и совсем не пасет наши души. Каждое воскресенье скажет нам „Мессу, вечерню и время от времени катихизис“, — и был таков, и гуляет потом целую неделю...

— Друзья мои, вы сами не знаете, чего просите. Если ваш священник каждое воскресенье скажет вам мессу, вечерню и время от времени катихизис — этого более чем достаточно для такого маленького прихода, как ваш.

Депутация ушла ни с чем, страшно недовольная архиепископом и замышляя отомстить. Вот, объезжая свою епархию, архиепископ пожаловал однажды и в это захолустье. Прихожане, им обиженные, взяли да и налили в чашу со святою водою самого крутого кипятку. Архиепископ, конечно, как вошел в церковь, сейчас же окунул пальцы в святую воду. А синдако (ста роста, голова), шедший за ним следом, как подтолкнет его. Вся рука по локоть ушла в кипяток. Обварился архиепископ. Как закричит:

— Ай! ай! ай!

А отец Паделла не потерял удобного случая:

— Ваше преосвященство, теперь сами видите, каков здесь народец. А я вот должен жить с ними — и даже не жажду.

— Ты совершенно прав, друг мой, — сказал архиепископ. — Пора вознаградить тебя за все твое долготерпение. Даю тебе приход в Леричи. Ну, а вы не скоро дождетесь от меня другого священника!..

В Леричи отец Паделла тоже сперва не угодил прихожанам. Они тоже ходили на него жаловаться и тоже вернулись с носом. Архиепископ-то ведь уже знал, какое сокровище имеет он в отце Паделле. А Паделла проведаль об их неудаче и, в следующее воскресенье, произнес проповедь:

— Любезные братья, нет человека, который был бы по вкусу всем и каждому. Сдается мне, что я не нравлюсь некоторым из прихожан. Эти добрые люди жаловались на меня архиепископу. Они сказали ему, что я дурак. Архиепископ знал это, друзья мои. Именно потому он и назначил меня к вам в Леричи. Будь я хоть чуточку поумнее, он назначил бы меня к более порядочным людям. Но, глуп ли, умен ли, я здесь по воле архиепископа и—будь я хоть сам дьявол—вы обязаны уважать во мне представителя Божия!

Однажды отец Паделла произнес воскресную проповедь на тему об искушении Иисуса Христа дьяволом в пустыне.

— Итак, любезные братья, — повествовал он, — дьявол вознес Господа на высокую-превысокую гору и показал Ему все царства земные. „Поклонись мне, — воскликнул он, — и я все отдам Тебе! Бери Европу, бери Азию, Африку и Америку. Бери Милан и Рим. Бери Геную и Специю. Бери всю Луниджану: Портовенере, Фенцано и Марола. Только Леричи не отдам: надо же и мне где-нибудь жить, а это самая любимая моя вотчина!“

*) Область Луниджана—обширная береговая полоса по Средиземному морю, которую Лигурия передается в Тоскану, — начинается там, где кончается Восточная Ривьера, и кончается там, где начинается Тосканское побережье. Название свое Луниджана берет от римского города Луни, в эпоху империи славившегося своими мраморными ломками, а сейчас представляющего собою живописную горную деревушку близ мало исследованных развалин. Народное название Специйского залива—до сих пор римское: Golfo di Luni, Golfo Lunese. Население в Луниджане очень интересное, смешанное, гораздо более итальянское, т. е. латинское, чем в северной Лигурии. Итальянский язык здесь уже более чист, чем господствующее на Ривьере генуэзское наречие (Zenesè), хотя до тосканской речи ему, конечно, очень далеко. Народ земледельческий, самостоятельный, скупой и сдержанный, но довольно веселый и остроумный. Большие и добродушные насмешники; каждая община рассказывает про другую самые удивительные истории, хранит колкие поговорки, поговорки и присловья. Особенно достается жителям Леричи. довольно известного местечка на берегу Специйского залива, прославленного тем, что в нем когда-то жил Байрон. Леричи—место большой красоты, но дурной славы. Пожалеть кому-нибудь жильца из Леричи равносильно напему — „амченна вам во двор!“ Репутация леричаи, одновременно, и плутовская (в роде: „Орел да Кромы первые воры“), и дурацкая (в роде „пошехонцев“). Спросить лигурийца: „Вы родом не из Леричи?“ — равносильно тому, чтобы вежливо обругать жулика. Сверх того, почему-то с счастливым местом этим связано множество анекдотов о духовенстве — в особенности, враждующих около полудеяндарной, полуйсторической личности какого-то отца Паделлы (Dom Padella; Padella значит скворода), будто бы священствовавшего здесь лет пятьдесят тому назад. Это любимая комическая фигура луниджанского фольклора.

(Существует почти дословный русский вариант:

„Когда дьявол искушал Иисуса Христа в пустыне, то уступал ему все города земные, а Тулу да Рязань хвостом прикрыв. Потому, говорит, ребята уж больно хороши, самому нужны!“)

В другой раз, отец Паделла проповедывал о страшном суде.

— Итак, любезные братья мои, всем нам будет суд в Иосафатовой долине. Да слушайте вы там, дьяволы! Ведь всех, всех будут судить, несчастная вы пшаль! Скверная штука, братья мои, — уж поверьте мне на слово: прескверная штука! И меня, который вам проповедует, тоже ждет суд, как и других. Господь Бог воззовет ко мне:

— Эй, поп из Леричи! Ну-ка, где ты? Эй!

„А я, братья, ни гу-гу в ответ, а забьюсь куда-нибудь в самую, что ни есть, глухую нору“.

(Отец Паделла, присев, прячется за кафедрой).

— Эй! Поп из Леричи! Эй! Эй! Эй!

„А я, любезные братья, сижу в норе да молчу.“

— Постой же ты! — скажет Господь Бог. — Ты думаешь, Я тебя не вижу? Вот Я тебя!

„Тут он, любезные братья, протянет десницу, да и вытащит меня за волосы“.

(Отец Паделла вырастает на кафедре, представляя человека, которого тащат за волосы).

„И уж тут, братья мои, дело совсем табак, потому что Господь Бог скажет мне:

— Ну, поп из Леричи, отвечай-ка, что ты сделал из твоей паствы?

„А я, любезные братья, отвечу:

— Господи, скотами Ты вручил мне их, скотами я Тебе их и возвращаю!“

Кафедра в церкви была расположена так, что, взойдя на нее, отец Паделла видел в окно внутренность своего дома и все, что делается на кухне. А покушать он любил. Вот однажды—уже на кафедре—видит он ужасное зрелище: кухарка его задремала у очага, и поросенок, которого она жарит на вертеле, сейчас подгорит. Не долго думая, отец Паделла сочинил следующую проповедь:

— Любезные братья, я знаю, что все вы честные люди и ни один из вас не способен так вот просто взять, да и стибрить что-либо у ближнего своего. Но есть, братья, много косвенных способов пользоваться чужим добром. Вот в прошлый понедельник видел я: один из прихожан пустил своего поросенка на соседний огород. Сосед, понятно, рассердился, бегаёт да кричит:

— Эй! Эй! Эй! Порросенок! порросенок! порросенок!

Так рывкнул отец Паделла, что кухарка на кухню услышала, проснулась и давай скорее поворачивать свой вертел.

Однажды отец Паделла был в большом затруднении. Он ответил понамаря в сторону:

— Друг мой, — сказал он ему, — ты знаешь, что на этих днях у нас в Леричи кололи много свиней. Мои добрые прихожане засыпали меня приношениями: ушами, сосисками, колбасами, вырезками и т. д. Теперь пришел мой черед резать свинью. Значит—придется отдаривать. Но если я верну хоть четвертую часть того, что получил, то у меня самого не останется ни кусочка.

Понамарь захохотал.

— Ваше преподобие, нашли о чем беспокоиться! Сегодня же я заколю вам вашу свинью. Разнимать ее я отложу до завтра, а на всю ночь повешу тушу перед церковной оградой. Никто ее не тронет. У нас в приходе все люди порядочные. В полночь вы встанете и потихоньку унесете свинью; а я ее тоже потихоньку разниму. Завтра утром вы закричите караул, поднимете гвалт, что вас обокрали. Все вас будут жалеть, и вам никого не придется отдаривать.

— А и в самом деле, друг мой!

Сказано—сделано. Понамарь заколот свинью, ободрал, выпотрошил и повесил на воротах. Все проходящие останавливались полюбоваться великолепной тушей.

— Вот так свинья, ваше преподобие. Ну, и свинья!

— Да, добрые люди. Недурна-таки. И каждому из вас достанется по кусочку.

— Благодарим покорно, ваше преподобие. Но напрасно вы оставляете тушу на всю ночь на улице. Вдруг какой-нибудь негодяй на нее польстится?

— Никто не тронет, друзья мои. В приходе нет негодяев.

— Все-таки, ваше преподобие. Побереглись бы.

С вечера, после ужина, отец Паделла прилег, а в полночь встал потихоньку. Но понамарь перехитрил попа: он еще раньше выкрал свинью.

Отец Паделла пришел в отчаяние.

— О, злодеи! Обокрали меня! Ограбили! Свинья моя! Бедная свинья моя!

До самой зари отец Паделла плакал и мычал, как телянок. Пришло время звонить к заутрене. Приходит понамарь.

— Друг мой, меня обокрали. Ограбили! Свинья моя! Бедная моя свинья!

Понамарь хохочет.

— Отлично, отлично, ваше преподобие. Именно так и надо! Громче, громче плачьте и жалуйтесь! Теперь вам никого не придется отдаривать!

— Убирайся к чорту! Меня, и в самом деле, обокрали. Ограбили меня! Свинья моя! Бедная моя свинья!

А понамарь еще пуше хохочет.

— Великолепно, ваше преподобие! Чудесно! Как раз то, что нужно. Вам никого не придется отдаривать! Никому — ничего!

Как-то раз была страшная засуха. Крестьяне пришли просить отца Паделлу, чтобы он молебствовал о дожде.

— Нет ничего легче, — отвечал отец Паделла, — я знаю одну молитву: стоишь прочитать ее, дождь сейчас же так и хлынет. Одно лишь непременно условие: чтобы весь ваш мир, как одна душа, желал дождя. Пойдите-ка, вот я сейчас опрошу народ.

Взошел на кафедру и говорит:

— Миряне, вот собираюсь я помочь вам — прочитаю молитву, которая сейчас же низведет дождь. Так назначайте сами, когда я должен прочитать ее. Хотите сегодня?

— Нет, батюшка, что вы! — закричали парни. — Нам только и погулять, что в воскресенье.

— Угодно завтра?

— Нет, батюшка, — завопили женщины, — мы только вчера постирали. Сохрани Бог от дождя, покуда белье не высохло.

— Ну, так во вторник?

— Ай, нет, — залипали девушки, — во вторник в Сарзане храмовый праздник и ярмарка.

— В среду, может-быть?

— Ни в каком случае! — закричали хозяева. — На среду мы сговорились начать сенокос.

— В четверг?

— Помилуйте, батюшка, — заплакали школьники, — в четверг у нас не бывает занятий; нам побегать хочется...

— Что вы скажете насчет пятницы?

— Я протестую, — заявил кирпичник, — у меня на субботу заказ черепицы. Если будет дождь в пятницу, я пропал!

— Ну, наконец, предлагаю субботу?

— Невозможно, батюшка, — отозвался синдако (голова). — В субботу я должен отправиться в выезд по деревням в интересах выборной кампании.

— Ну, вот видите, братья, — сказал священник. — Никак всех вас не согласишь. А моя молитва действует только, когда весь мир желает, как одна душа. Стало-быть, вы не приставайте ко мне, я не буду приставать к Господу Богу, а будем смиренно сидеть да ждать, покуда задождит.

Была в приходе отца Паделлы женщина, по имени Суперба, (по-русски „гордая“, „надменная“). По шерсти и кличка. И вот взяла она себе в голову — попасть в акафист. В одно воскресенье, после обедни, приходит Суперба к отцу Паделле.

— Здравствуйте, ваше преподобие.

— Здравствуйте, Суперба.

— Ваше преподобие, у меня к вам большая просьба.

— Говорите, Суперба. В чем дело?

— Ваше преподобие, я бы желала попасть в акафист. „Святая Суперба“! По-моему, больно красиво звучит. Я заплачу, сколько следует.

— Суперба, это очень большая честь. Это вам будет стоить вашего заливного дуга.

— По рукам, ваше преподобие. Отныне луг ваш. В будущее воскресенье я вас прошу помянуть меня в акафисте.

— Я вам обещаю это, Суперба.

Суперба пошла домой. Но псаломщик стоял за дверью и все слышал. И в воскресенье, когда отец Паделла, читая акафист, дошел до святой Супербы, псаломщик, вместо того, чтобы отвечать: „моли Бога за нас“, — промолчал. Удивился отец Паделла, повторил еще раз:

Остров любви (Софиевка, в Умани, Киевской губ.).

К. Вроблевский

— Воздадим святой Супербе славу!

А псаломщик ему:

— Стала она святой за траву! *)

Отец Паделла был мастер заклинать грозу и градобитие. Научил этим молитвам и понамаря своего. Однажды ему не было времени заклинать самому, — он приказал понамарю. Заклинание не подействовало. Отец Паделла удивлен.

— Да ты пред какой статуей читал молитвы? — спрашивает он понамаря.

Понамарь говорит:

— Конечно, пред статуей Мадонны.

Паделла вышел из себя:

— Он воображает, что Мадонна станет ему унимать грозу! Ну, сам посудите: женское ли это дело?

Хотя отец Паделла и не очень-то ладил со своими прихожанами, однако, всякий раз, когда умирал кто-нибудь из прихожан, добродушный поп не упускал случая, в ближайшее воскресенье, воздать покойному публичную хвалу с кафедры.

Однажды он поминал беднягу Рапе.

Сидя у подножья кафедры, вдова отвечала ему на каждое слово.

— Дорогие мои братья, — говорил Паделла, — бедняга Рапе умер.

— Да, ваше преподобие. Уж такое несчастье! Этакое горе.

— Смолоду Рапе был красавец.

— Рыжий, ваше преподобие. Рыжий, как груша. Толстый, как дыня.

— Бедняга Рапе был добрым христианином и шел всегда прямым путем. И семью свою направлял на путь истинный.

— Дубиной, ваше преподобие, дубиной.

— И к бедным милостив был бедняга Рапе.

— И как еще, ваше преподобие. Как, бывало, хлеб заплесневев, всегда велит: „Эти корки — нищим!“

— А уж какой он был трудолюбивый!

— Ну, еще бы, ваше преподобие. День и ночь я на него работала, не покладая рук!

— Хороший хозяин был Рапе, славный огородник.

— Да уж, ваше преподобие, нагорало мне, если я забывала полить капусту.

— А как он любил свою жену!

— Истинно так, ваше преподобие. Однажды ел он яйцо в сметку. Так скорлупу мне отдал.

Отец Паделла все просил прихожан, чтобы они сделали ему приличную кафедру. Прихожане пожертвовали старый чан, привертели его к колонне, — на! проповедуй! Отец Паделла обиделся и произнес проповедь о страшном суде.

— Да-с, там всех рассудят, и каждый получит свое место. Вы, мошенники, понятное дело, в аду, а я — в раю, оде-

*) — Santa Superba.

— Per dell'erba.

зную Господа Бога. И вот, как примутся за вас черти, вы и савопите ко мне:

— Отец Паделла! Отец Паделла! моли Бога за нас!

«А я, одесную Господа, буду потирать руки да стыдить:

— Нечего, мол, нечего! Надо было слушать меня, когда я вам проповедывал из чана, который вы, скоты, дали мне вместо кафедры!..»

Известно, что бабы к церкви прилежны, а мужчин в нее не очень-то заманишь. Но вот случилось отцу Паделле уговорить нескольких леричан прийти на исповедь.

Покуда он исповедывал их, сидя в своем чану, пришли в церковь прихожанки, — штук пятнадцать, все в белом, — репетировать хор для процессии в ближайший праздник.

И затянули:

В обетованной земле
И увижу Моисея...

Паделла, от визга их, перестал слышать своих исповедников. Он высунулся из чана, замахал певуньям:

— Тес! тес!

А они—еще громче:

В обетованной земле
И увижу Моисея...

Опять Паделла поднял голову из чана:

— Уйметесь вы, окаянные, или нет?

Певуны притихли-было, но потом, собравшись с духом, как грянут вновь про своего Моисея.

Тут уж Паделла не вытерпел. Как выскочит из чана,—и давай приседать пред певунями, придерживая свою сутану, как дама юбку.

Певуны орут:

В обетованной земле
И увижу Моисея...

А Паделла им в ответ, на тот же голос:

Ну, п, черт бы брал вас, кланяйтесь ему!
Ну, и, дери вас дьявол, кланяйтесь ему!.

В церкви отца Паделлы была чтимая статуя: епископ в золотых одеждах, в митре, с жезлом в руке. Праздник этого святого собирал много народа. Поэтому отец Паделла очень

заботился, чтобы статуя всегда была чистенькая и ее одеяния горели, как жар. Накануне одного праздника он нанял поденниц, чтобы они привели в порядок церковь, а, главное, хорошенько вычистили бы статую святого епископа. Поденницы постарались. Святой так и заснял. Но, когда, вымыв и вычистив статую, бабы ставили ее обратно в нишу, тяжеловесный святой выскользнул у них из рук и разбился на несколько кусков. Бабы пришли в ужас. Починить бы и можно, да некогда: завтра праздник!

Вот они и надумали:

— Как ни как, а святой в нише необходим. Уберем эти осколки, покуда никто не видал. Статую починим после праздника. А на завтра найдем какого-нибудь парня и нарядим его, чтобы он отстоял в нише мессу, за святого.

Охотник нашелся. И всего-то за пять лир. Только потребовал, чтобы перед мессою дали ему тройную порцию макарон и фиаску тосканского вина.

Одели парня в епископское облачение, нахлобучили ему митру на голову, дали посох в руки. Стоит он в нише, не движется. Люди ему туфлю целуют. Служба идет.

На беду, отец Паделла, чтобы почтить святого, затянул службу. И парню, после тройной порции макарон и фиаски тосканского вина, сделалось стоять в нише натужно.

А Паделла все служит да служит,—и конца не видать

Вот парень выбрал минутку, когда на него никто не смотрел, да потихоньку спустил ноги из ниши на помост церковный и—на утек.

Услыхали прихожане шум, пообернулись:

— Ай! святой уходит!

И—за ним!

А он—от них.

Они шагом, а он рысью, они рысью, а он галопом, они галопом, а он через забор, да кубарем, кубарем... Потому что ему не стало уже никакой возможности.

Всех опередил, как самая лучшая скаковая лошадь, забежал на чей-то чужой виноградник,—только там и почувствовал себя счастливым.

А грихожане в церкви печально говорили:

— Соскучился, видно, у нас наш святой. Оно и впрямь: как-то стоять вечно одному да одному в своей нише? Взял да и вернулся в рай. Известно: ему там, в своей компании, веселее.

Осеннее.

Падают желтые листья осенние,

Как бы в раздумье кружась над землей.

Как же случилось, что сказки весенние

Скрылись во мгле, без следа за собой?

Где вы, дни летние, теплые, ясные,

Солнца живительный, радостный свет?

Хмурится небо, и ветры ненастные

Скорбную песню поют мне в ответ.

Листья поблекшие, листья опавшие!

Вы совершили свой жизненный путь!

Тяжко мне. Знаю я, сердце уставшее

Силы для жизни не сможет вернуть.

Ксения Морозова.

Страстоцвет.

Рассказ Л. Пасынкова.

У Невы в церкви Бориса и Глеба открыты все три двери. Теплый, благовоно-душный воздух течет из дверей тремя квадратными столбами. Тени голов резко вырезаются на плитах. Зыбучий свет свечей золотом окаймляет силуэты бабьих круглых плеч, примасленных голов мужчин. Позднее вечернее время. Небо белесое; бледная немочь светлых ночей таинственно заливает весь охтенский невысокий берег; свинцовые тучи нахледились исполинскими насадками над трубами, парходными кожухами, громадами домов, пристанями финляндского легкого пароходства.

В церкви густо поют мужские голоса. Басы отстают и тяжело наступают. Только изредка ангельским крылом взвывается тенор, унесется под купол, расписанный сусальными планетами на клееном небе. Подберутся баритоны, вступят твердо басы, а октава вьется шмелем над голубоватыми плитами, над возженными свечами, тускло, словно задыхаясь, рвущими сутемки узкого, как скала, храма.

После восьмого Евангелия поют „Разбойника“. Трогательные слова увлекают голодных людей, и в толпе сонными голосами подпевают:

„Разбойника блаа-аразумного во едино-оом часе“, — тянет хор.

В дыме свечей вижу белой северной ночью пронизанное тело правого благоаразумного разбойника.

Он плачет, судорожно раскрывая рот в сукровице. Его черные, мрачные глаза с любовью и боязнью ловят взоры

Распятого посреди. Толпа шатается от усталости, от того, что мало съедено, что кругом выстрелы.

Где-то трещит кратко и выразительно пулемет. Страстной четверг, Страстная ночь — дикая, величественно странная.

Я вижу и его, левого разбойника.

Его неловко подвесили на кресте. Ржавые шляпки гвоздей раздражают ладони, затвердевшие над рукоятью меча. У левого — рыжие волосы, вьющиеся жирными беспокойными змеями. Тетеревинные брови с пучающимися волосками, с бородой, растущей противно из-под кадыка.

То в обмороке, то снова собрав злобу свою и ожив от злобы, он пытается доплюнуть в поникшую голову Христа, и не может доплюнуть и азвиз обмершим, безумным, хриповатым голосом:

— Если Ты Сын Божий, сойди со креста... Спаси нас и Себя...

Толпа задорно хохочет, толпа зверей, сборище низких, мягких лбов.

— Снимите его с креста. Левого! Левого дайте нам! Он наш...

А правый поднимает синее натужное лицо и голосом никому неслышным шепчет:

— Помяни мя Господи, егда приидеши во Царствие Твое...

Эти два разбойника живут в этой голодной толпе. Кто здесь правый, кто левый? Кого толпа поглотит, как мутное море мутную волну?

Кому Распятый посреди скажет:

— Истинно говорю тебе: сегодня будешь со Мной в раю...

Я потрясен видением. Не верю ни в молитвы, ни в свет свечей, ни в оперный, ученый, школьный хор, ни в рясы, а верю в правое, в левое, верю в Свет, распятый посреди.

Со мной из церкви в церковь бродит Куставинов, старичок, волжский житель.

Он приехал в столицу повидать сына, поющего на меньшем окладе в митрополичьем хоре.

В лавре Куставинов все время подталкивал меня под руку и почтительно и нежно нашептывал:

— Эх, мой-то Петенька старается. Прямо соловьем залетным стелется. От природы так уж зыскан, так зыскан. Все жалованье нам, умница, пересылает, а сам, добрая душа, только пенем душу отводит... Эх!..

Куставинов—непоседа. И постоять толком не может. Привык за сорок приказчиных лет летать среди штабелей над Волгой, на лесотаске бревна считать, на восход солнца молиться, на волжском затоне, одной рукой крестя и свой лоб, и сизые просторы, прогретые солнцем, а другой рукой конасамент чернильным карандашиком подмахивая... Такой человек! Все в нем кипение и противоречие.

Так часто бывает с не очень грамотными, но очень живыми, до чрезвычайности живыми людьми.

И лицо у Куставинова оригинальное, не простое. Ноздря с трепетом, так и ходит, играет, насквозь красный хрящ в благородном носу светится.

Лоб огромный, полусельный, в седине; глаза блестят любовью ко всему живущему.

Он теперь все любит и все душой объемлет. Приятно ему, до невыразимого, и в лавре, среди пышных риз и серебра, на плинтах графских и княжских усыпальниц; приятно и в Балаамской коричневой часовенке с скромными образами святителям валаамским Герману и Сергию.

Купил у монаха дюжину резных липовых ложек в лиловых, рисованных иконописно, розах и синих резных листочках. На черенках с одной стороны вязью написано: „Валаамской обители“, а с другой „благословенные“.

— Вот благословя и стану со всех ложек хлебать!

Днем все сыну показывал, хвастал. А сын набивал папиросы и поглядывал на отца мужественным, взрослым, опекающим взором:

— Тут у нас в городе Петербурге не расхлебашься... Голодаем!..

— Это ничего, — развязывая салфетку и вынимая, — вот еще грех! — печеные яйца, — сиял Куставинов, — будет все хорошо. Россия спасется, верю.

— До той поры передохнем! — отвечал сын и, приняв яйцо, спрятав его в ореховую шкатулку:—После съем, когда проголодаюсь.

— Да ты вот хлеба-то белого поешь. Всего вдоволь навез. У нас в Ельшанке, слава Богу, обилие...

— А мы с голоду подыхаем...

Но веселого Куставинова нельзя было смутить. Он кроил хлеб, сдобный, на лимонном масле, подкладывал, на чистом клочке бумаги, соленую деревянную, плохо приготовленную ветчину, жареную рыбу, буженину

— Кушайте!

Сын отодвинул пищу. Я к пице не прикасался. Мы оба, питерца, сидели, поникнув.

Куставинов вскочил с табурета, резво побежал в угол казенной лаврской комнатки, по стариковской привычке заложив обе ладони за спину, прижался к кафелям голландки.

— Греешься!—нежным тенором засмеялся сын.—Вот с хлебом насущным у нас так же: столько же сытости видим, как от этой печки тепла.

Гляжу на сына. Перевожу глаза на отца. Вижу, что-то невысказанное тенью легло между ними—не понимают друг друга.

Отец все толкует о том, как хорошо, сытно, привольно у них в Ельшанке, на берегу Волги. Сын печалуется об утесненности, скудости жизни.

Еще не охватило старика пониманием. Не видит, как мучится здесь народ.

Вернулись мы после Страстей в горенку сына.

Дом, где живут митрополичьи певчие, тут же насупротив белой стены, полукругом осплывшей площадь.

В лавре—все чисто, метлами разметено, приятно.

Белье, как из писчей бумаги, березки сияют.

Небо и то не пыльное.

Стены храмов свежие, как скорлупа на пасхальном, укусом вытертом, яйце.

А тут в двух шагах—юдоль. Дома желтые. Вошли во двор—мусор, вонь, открыта под окнами на цепи крышка помойки. По выбоинам жижа стекает, в подворотне киснет.

Пошли низким коридором. Канареечного цвета двери, кое-где тронутые драной клеенкой.

Тут живут семейные певчие.

Перебиваются с воды на воду—делят остатки „кружки“

В оконце глядит умытая, строгая нищета. Кисейная занавеска, край рыжего рояля или фисгармони, ухват у притолоки, на голбчике—крынка допитого до донышка молока.

— Ох, тесно живут у вас!—морщится веселый старик Куставинов.

Пришли к сыну.

Столик в крошках табаку. Литография „Стамбульский рынок“, гитара с потертым следом кисти руки, узкая койка, покрытая зимним теплым одеялом.

В окно вьется и липнет вонь. Затхлостью неопределенной тает.

Сын сел за папиросы—табаком гильзы набивать, а отец стал съестное раскладывать, еще больше показал.

— Ты не подумай, что все тут!—лукаво и мило похвастал он и, веселая ради, одну бровь высоко занес.—У меня кое-что еще запасено. Ну, на другой раз оставим. Сыт будешь! А хорошо у вас „Разбойника“ исполняют. Благолепно!.. Я хотя и не очень, бывает, верю, а тут как не поверить. Странно моя душа устроена. Странно...

— А как твоя душа устроена?—кладет сын стеклянную палочку, которой начинал гильзы.

— Не верю, не верю, а бывает к сердцу подкатит, и опять верю, да так, что все насквозь вижу...

— И Бога-то видишь?—усмехнулся строго сын.

— И Бог видится мне.

— На небеси?

— А то как же!—засмеялся старик и показал пеньки темных, мелких, веселых зубов.

Оторвавшись от холодных кафлей голландки, он стремительно подошел к сыну и осторожно спросил:

— А как твои дела с Богом, Петенька?

— Да никак!—равнодушно и гордо ответил молодой певчий.—Повар сыт духом бывает. Все пою, вот, акафисты, в хвост и гриву задуваю—где тут верить! Всю кухню вижу. Церковь тоже есть...

— А все-таки верить нужно,—осторожно и деликатно произнес старик.

— Да ты-то не веришь?—удивился сын.

— Я не верю. А тебе следует. Я мирянин, а ты почти духовное все же лицо. Тебе по штату полагается верить...

Лицо старика раскраснелось, и он возбужденно, с укором, глядел в спокойные, темные глаза сына.

— Странно моя душа устроена! — повторил с усмешкой сын слова отца.

Больше в этот вечер не говорили о том, к чему нельзя приходить с одними словами, пред чем бессильна мысль.

Старик попросил разрешения у сына прилечь на койку, и видно было, что нежную радость дает ему отдых на постели его Петеньки.

Как часто бывает между людьми, которые не переговаривали всего и раньше оборвали слова о тех мыслях, что еще живут, множатся и расцветают таинственно в духе, мы трое только переговаривались и, скрепя взгляды, понимали, что общая работа идет, что мы должны понять главное и нужное.

Далеко за Невой, за Полюстровским, видать, стреляли беспорядочно из ружей.

Сын снял гитару, отбросил лиловый забавный бант с грифа и тронул струну за струной.

Отец вздохнул и подложил поуютней ладонь под щеку.

Там стреляют. Тут гитара вздрагивает струнами.

Гитара от старого мира, а ружья—от нового.

— Папа,—тихо позвал Петя, — а тебе не странно, что на гитаре я играю?

Отец присел на койке и улыбнулся спокойно:

— Ничуть. Я люблю гитару. Утешает!

— А выстрелы слышишь?

— Слышу...

— И гитару слышишь?

— И гитару-матушку слышу

— Разве тебе не кажется, что в другое время живем, что пора разбить все веселое и взяться за все кровавое?

— Э, пустое. Постреляют и перестанут.

Сын покачал головой и поставил гитару меж колен, на нечистый пол.

— Нет. Эта штука, со струнами, от ваших времен, и тебе она близка и понятна. Наша музыка, со свинцом, выстрелы, стоны, скрежет зубовой, голодные вопли... Тебе кажется, что ружья замолкнут, а митрополичьи хоры, студенческие гитары, садовые оркестры будут умилять и увеселять публику. Нет. Все умолкнет, а ружья гуще заиграют, за всех нас на все голоса спуют... Такое время пришло...

Молодой певчий вздохнул, пристально поглядывая спокойно улыбающегося отца и повесил гитару на стену.

Вышли меня провожать. За окнами в квартирных митрополичьих певчих огни приглашены. Спят, или притаились.

Белая, вся в золе и грязи, кошка сидит на порожке и слушает сыплющийся полнотонный грохот ружей. Понимает ли она?

Пошли берегом. Вода темно и тепло катит к граниту...

На пристани желтым угольничком мерцает коптилка, в воде дробится, и от водяных искорок освещается кил зеленого пароходника, уснувшего до утра. Куставинов подошел к пустым сходням Валаамского пароходства и громко прочел:

— „В виду отсутствия хлеба в обители, пароходы не ходят“.

— Да, — сказал он, снимая очки, — у вас тут и верно что голодно. Ни за что бы здесь не жил...

— А ты поживи, — усмехнулся сын, — не грех пожить. Многие узнаешь. Новое...

— Новое нынешнее, кажется, везде одинаково. Закон один-то новый...

— Закон один, а голод не один, а тоска и одиночество — не одни!

Нежно и чисто пахло от спокойной, задремавшей воды. Изредка косо пролетит зеленая зарница по небу и на миг покажет гряды облаков, далекие, за рекой, кровли.

Так мирно. Ничто не изменилось от тех времен, когда по-старому люди жили.

На другой день, в пятницу, опять встретились. Куставинов все бежал и прибежал радостный. Принес гостинец жене стезви.

Показал нам. Деревянная лещадка, с углублением круглым, а под выуклым стеклом, в синеватом спирту, плавают не-красивый поморщенный цветок.

— Страстоцвет. Вот твоей матери подарю. Я в подворье купил... На обороте все написано. Бумажка наклеена!

Перевернул я лещадку, а там изображено литографическими бледными буквами:

„Страстоцвет (кавалерник или пассифлор). Цвет Господня Страдания“.

Куставинов спешит объяснить:

— Видите, как затейно устроен. Все в нем от мук Христовых. Мне мнашек подробно объяснил. Надо записать, чтобы не перепутать.

Мы улыбнулись, а старик увлеченно заторопился:

— Вот, только взгляните: все, чем пытали и казнили Христа, собрано между лепестков. Вот три гвоздя, головки, как у гвоздя...

— Христа четырьмя гвоздями пронзили! — говорит сын.

— Это неизвестно. На старых иконах обе ноги вместе пригвождены и одним длинным гвоздем. Вот тут так оно и есть: один длинный цветущий гвоздь. На тычинках — молотки. Гвозди вбивали в тело Его. А зазубринки кругом внутри лепестков. Как голову окаймляют — венец терновый!.. И на голову тень похожа... Веревками вязали тело Господне — вот усики вяжутся и серые, как пенька. Вот все... А листья на стебле крестом сложились. Монах рассказывал все, как было...

— Это когда было? — хладнокровно спросил сын, горько намекая на дни нынешние, да так хладнокровно спросил, что отец остолбенело поглядел и слово проглотил.

— Да тогда же...

— Когда?

— В то время... Без малого две тысячи лет. Ты только послушай: утончили римские латники место для креста, а один жесткий цветочек так и не затоптали и крест водрузили пред ним. Мучился Христос, опустил голову и узрел тот пыльный стебелек, скучный, неаппетитный. Последнюю любовь свою земную пролил из плачущих глаз на тот стебелек, и стебель стал расти, виться, зеленеть. Подскокнули с мечами, хотели срубить — толпе мертвое тело не видачь, а страстоцвет поцеловал густыми ветвями бледные ноги, пополз выше, чресла прикрыл, к груди прижался, плечи одел и опустился, при громких криках людей, на голову Христа ветвями, показавшими красные цветы, красные, как кровь...

В эту минуту где-то поблизости, за домом митрополичьих певчих, рванул выстрел.

— Пассифлор! — вздрогнув, сказал сын.

— Что ты? — спросил Куставинов, отрываясь от любования причудой цветка, веревками, гвоздями, молотками, терновым венцом...

— Пассифлор! — повторил сын, — Страстоцвет расцветает...

— Господь с тобой! — перекрестил испуганно сына Куставинов. — Что ты, о ком ты?

— Я... О России. Над челом России — страстоцвет. Разве ты не слышишь... Стреляют! Кровь на белые цветы льют. Все было. Старое злое время дало нам и веревки, и молоты палачей, и гвозди друзей. Теперь все уступило место цветам над челом распятой свободы. Страстоцвет дал свои красные цветы...

— Я не понимаю тебя! — бессильно опустился старик на койку и положил лещадку со страстоцветом на подушку.

— Трудно тебе нас понять, — сказал сын, — вот ты несколько дней с нами живешь, а не видишь, как мы умираем. Все тебе по-старому верится, что с креста под камень положат, а отвалит камень — и воскреснет Родина. Мы разделены и голодом, и отчаянием, и усталостью... Вы сыты у себя по углам, в За-волжье, а мы голодны. Одни в других стреляют из-за угла, кровь песком присыпают. Другие на хлебе сидят и глумятся над темным голодом. Всякий хлеб под судом. Почему вы молчите? Вся Россия молчит, а мы изнываем без спасительной мысли! Все тело еще живет, а голова опустилась, и глаза увидели русский страстоцвет. Скоро тело наше покроет цветок страданий. Кровь на голове. Питер умирает. Пассифлор опускается на макку...

Сын умолк и потер переносье, словно сиюсь выжать ты-сячи раз передуманную и оттого потухшую мысль.

Отец в волнении вскопчил на ноги. Его сухоощавое, бодрое, стариковское тело ходило каждым мускулом; и, если бы нужно было изобразить его душу, то пришлось бы, верности ради, опять показать его тело: вся душа была наружу. Подавлен, смят. Наконец понял.

— Неужели гибнем?

— Да! — отвечал сын. — Вот ты давеча меня о Боге спрашивал, а я отвечал, что и моя душа странно устроена. Прежде в твой цветок не поверил бы и посмеялся... А теперь вижу его. И Бога вижу... Грозного Саваофа. Мы наказаны. Ты-то век своей сыто прожил. А мы-то как?..

Куставинов подбежал смущенно к сыну, поцеловал его в лоб, что-то пробормотал и вдруг отрывисто спросил:

— Твое окно куда выходит? На улицу?

— Да!

Схватил нож, с яростью накромял рыбы, буженины, выгасил из чемодана полендицу, нарезал хлеба белого, открыл форточку и стал метать, как камень...

Сын пожал плечами. Я рассмеялся.

— Все пасхальные подарки...

— Все! Пусть едят! Беднякам пища! — с пылающим лицом сказал старик.

— Да, — вздохнул сын, пожимая руку гостя, — теперь вижу, во всем-то широк, во всем, русский... Что бы раньше спросить, а потом душу отводить? Ведь там крышка с помойки на цепь поднята. Все добро в дрянн нашьвырял...

Куставинов жалобно возгласил:

— Да?... Ну что же, останемся при страстоцвете.

И прижал цветок Господень к старому сердцу...

* * *

Святая смерть!.. Она придет,
Как долгожданная подруга,
И от сжигающего круга
К покою тихо позовет...
Она наклонится, как мать,
Над мукой гаснущего тела

И примирения печать
Положит ласково и смело...
И станут скорбные черты
Безмерно радостны и святы,
И чувство горькое утраты
Сольется с чувством красоты!.

Зоя Бухарова.

Содержание. ТЕКСТ: Ф. И. Шалыпин. Творчество. Монография Леонида Добронравова. — Стихотворение Николая Морозова. — Стихотворение Ирины Морозовой. — Отец Падеда. Из рассказов Луи-Жанна Александра Амфитеатрова. — Осеннее. Стихотворение Ирины Морозовой. — Страстоцвет. Рассказ Л. Пасынкова. — Стихотворение Зои Бухаровой.

РИСУНКИ: Автопортрет Ф. И. Шалыпина. — Иллюстрации П. Бучкина к монографии Леонида Добронравова „Ф. И. Шалыпин“. — Остров любви (Софиевск, в Умани, Киевской губ.). К. Вроблевского. К этому № прилагается „Полного собрания сочинений А. И. Герцена“ книга 17.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКС.

Редактор И. М. Железнов.

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. МАРКС, Петроград, Измайловский проспект, д. № 29.

Библиотека "Руниверс"

ЖИЗНЬ

1918 г.

XLIX г.

издания.

№ 37.

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 52 книг „Сборника“, содержащих сочинения А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКОГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРЬЕВА („Великая Французская Революция“).

Выдан 14 сентября 1918 г. Подписная цена с дост. и перес. на год—36 р., на 1/2 г.—18 р., на 1/4 г.—9 р. Цена этого № (без прилож.)—40 к., с перес. 50 к.

Главная Контора и Редакция: Петроград, улица Гоголя, № 22.

Перепечатка иллюстраций и текста воспрещается. (Закон 20-го марта 1911 г.).

*„И от края и до края,
Все, друг друга пожирая,
Издыхают“...*

П. Бучкин.

Ф. И. Шалапин в „Мefистофеле“ А. Бойто.

Ф. И. Шаляпин.

Творчество.

Монография Леонида Добронравова. Иллюстрации Петра Бучкина.

(Окончание).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Антер.

I.

Можно ли изучать творчество писателя, не обращая внимания на несколько разных редакций одного и того же его произведения? Уясним ли мы рост гоголевского, например, творчества, пользуясь последней редакцией „Тараса Бульбы“ и не сравнивая ее с предшествующей?

Конечно, нет. И не напрасно появляются работы, занятые именно таким сравнением, сличением разных редакций. Они объясняют нам мастерство писателя, рост его искусства.

Каждое выступление Шаляпина в одной и той же роли есть новая редакция ее. Правда, изменения касаются мелочей, деталей; многие готовы считать их неважными, несущественными. Однако, в искусстве нет существенного и несущественного, но все одинаково важно и значительно. И чем выше создание искусства, тем неразложимее оно в своих составных частях, в своих элементах.

Вспомним в „Анне Карениной“ уши ее мужа. Кажется, пустяк. Что особенного в ушах? Можно о них не говорить. Но художник соединяет эту мелкую подробность с сложными переживаниями Карениной, в которых уши Каренина являются моментом решающим.

Возьмем платки Шаляпина в „Борисе Годунове“. Да на эту мелочь никто и внимания не обращал. Не все ли равно, какой платок? Разве это так важно?

Но попробуем вдуматься в переживания Бориса в те часы, когда ему сообщают о появлении самозванца, угрожающего ему и его царству, когда просыпаются в нем терзания совести, когда зловещие предчувствия давят сердце, — и мы поймем: да, только такого цвета платок, темно-вишневого, густого, сдержанного, мрачного, как потемневшая кровь, как пятна ее на царском пурпуре, — только такой цвет гармонирует с переживаниями несчастного царя.

Или же белый платок во время смерти Бориса, мелькающий, как белая подстреленная птица.

В праве ли мы не обращать внимания на такие детали, признавая их несущественными?

Думаю, что нет. Наоборот, мы должны заниматься ими, ибо они показывают, насколько каждая мелочь живет, тесно спаянная с общим замыслом художника.

Понять художественный образ можно, лишь описав и объяснив его.

В теме о Шаляпине, как актере, мы лишены этой возможности: это очень увеличило бы нашу работу, — в его художественной галерее несколько десятков образов.

Поэтому среди созданных им образов мы изберем один, наиболее типичный, наиболее характерный для его творчества; изберем образ, наименее понятый и освещенный критикой, даже больше, — мимо которого критика прошла равнодушно; изберем образ, при создании которого действовали все стороны шаляпинского творчества.

Я разумею роль короля Филиппа II в опере Верди „Дон-Карлос“.

По времени создания — это последняя роль Шаляпина, созданная заново. Когда-то он выступал в ней на сцене в Монте-Карло, но то выступление по отношению к позднейшему то же самое, что асфикс по отношению к законченной картине.

Этим же мы избежим странного деления его образов на „главные“ и „не главные“, — деления, проводимого некоторыми со слишком наивной добросовестностью.

Мы хотим понять *творчество* Шаляпина. Для творчества же нет „главного и „неглавного“, или все одинаково „главно“, или „неглавно“ ничто.

II.

Изучая шаляпинское творчество, можно уловить линию его развития, которая определяется формулой: от частного к общему, от случайного и временного — к постоянному и вечному, от реального к символическому.

Все это мы находим в „Короле Филиппе“

Для более полного уяснения творчества художника необходимо познакомиться с тем материалом, какой находился в его распоряжении.

В опере Верди пред Шаляпиным был разнообразный материал, — исторический, литературный (Шиллер) и музыкальный. Филипп II...

Из густого сумрака средневековья глядит он; в отблесках огней святейшей инквизиции, в дымном зареве бесчисленных

костров, воздвигнутых по всей Испании ad majorem Dei gloriam, черным призраком стоит его зловещая фигура. Из-за черных монашеских сутан, обступивших тесною толпой мрачный королевский трон, из пустынных, спаленных солнцем просторов, окружавших Эскуриал, этот полумонастырь, полудворец, полутюрьму, что „воздымается, как побелевшая гроб-

Л. М. Добронравов.

Шарж П. Бучкина

лица Библии“ — оттуда приближается к нам черная тень этого повелителя и короля Испании.

На пышном кладбище столетий стоит неподвижно он, подобно жуткому монументу, воздвигнутому на страх и удивление потомков. Черный чад распространяется вокруг него, как вокруг погребального факела, дымящего во время пышного, мрачного погребения.

Королевский титул его пышен, как торжественная королевская мантия.

Филипп II, Божией милостью, король Испании, двух Кастилий, Андалузии, Арагонии, Валенсии, Каталонии и Гранады; повелитель Португалии, Голландии, Руссильона и Франш-Конте; король Неаполитанский, герцог Миланский, властитель Сардинии, Сицилии и Фландрии.

Его короне принадлежат: огромный берег в Африке, царство Азия со всем побережьем Индийского океана; американские области — Мексика, Неру, Бразилия, Парагвай, Юкатан, Новая Испания; бесчисленные, среди океанов и морей, острова: Балеарские, Азорские, Канарские, Филиппинские, Мадера, Куба, Порту-Рико, Сан-Доминго и проч. и проч.

Его Испания стоит, как исполин, „опираясь ногами на оба мира“, грозная для врагов, могущественная и зловещая для всех народов.

Но внутри она — ящик Пандоры, полный кишачих ядовитых змей.

Кастилия — море пламени, ибо костры святейшей инквизиции пылают непрерывно день и ночь.

Десять тысяч людей сожжены живыми; семь тысяч — заочно, в изображениях.

В Андалузии пять тысяч домов пусты и безмолвны: обитатели их сожжены на костре.

„Статуи Апостолов, воздвигнутые на четырех углах каменного костра Севильи, — повествует историк, — покрылись толстым слоем жирной сажи от сгоревших тел“.

Вступив на престол, Филипп II отдал в руки инквизиции своего учителя, Варфоломея де-Карранца, архиепископа Толедского, сказав при этом:

— Если у меня самого в жилах будет кровь еретика, то я сам отдам свою кровь.

Ближайшим советником своим и помощником он избрал великого инквизитора, севильского архиепископа Фернандо Вальдес.

21-го мая 1559 года состоялось первое торжественное, так сказать, коронационное ауто-да-фе. Однако, не все еретики были казнены в этот день; многих из них назначили для более торжественного сожжения, по приезде Филиппа II из Нидерландов.

8-го октября 1559 года состоялось торжественное истребление еретиков, совершенное в присутствии 200.000 зрителей.

Вынув шпагу, король поклонялся и впредь защищать святейшую инквизицию:

— Если мой сын впадет в ересь, я сам принесу хворост, чтобы сжечь его.

Во владениях испанского короля, как на кладбище, царил мертвая тишина.

Святейшая инквизиция навалила на Испанию надгробную плиту, и эта плита стала подножием королевского трона.

III.

„Филипп II создал испанский двор по своему образу и подобию: недвижимый, как монастырь, охраняемый, как гарем: в регламентах его этикета чувствуется и монах и евнух... Посреди того века, который был им потрясен, в сосредоточии интриг, им приводимых в движение, он (Филипп) создал себе искусственное и недостижимое уединение... Эскуриал, построенный в злодейской местности, по плану орудия пытки, является не столько дворцом, сколько гробницей... Филипп II превратился в монаха в этом политическом монастыре... Земной шар его — мертвая голова, государственные бумаги — его Библия. День и ночь он присутствует там, читает, пишет, делает справки и отметки на письмах и денешах, приходящих к нему тысячами с четырех стран света. Вступая в Эскуриал, он как бы дал обет молчания... Среди молчания ужаснувшейся и испепеленной Испании слышишь только перо Филиппа II, скрипящее по бумаге... Его мрачный облик является как бы каноном, установленным священниками, по которому высекались все идолы Египта“... (С. Виктор).

Таков облик грозного короля.

„История Филиппа II Испанского“, принадлежащая перу Прескотта, напоминает бесконечный погребальный перезвон колоколов.

Но в этом мертвеном, мрачном величии, насыщающем залы испанского двора, из-за каменной маски Филиппа II явственно проступает что-то более общее, нежели Филипп II, смотрит древнее лицо повелителя и суверена, особого существа, покорного, по его словам, только Богу и только от Него принимающего свою власть.

Филипп II король Испании — символ отвлеченной идеи государя, рожденной политико-схоластическими трактатами средневековья.

Его образ надо искать в пожелтевших пергаментях Фомы Аквинского, на страницах „De regimine principum“ в „Six livres de la république“ Бодэна, этого апостола идеи суверенитета, которая в умах людей так прочно утверждала троны императоров и королей, как если бы они опирались на первозаданную, несокрушимую скалу.

Король Испании Филипп II — частное явление в истории, ограниченное местом и временем.

Филипп II — государь, суверен — явление, живущее во всех веках, странах и народах.

Филипп II, прошедший сквозь огонь художественного восприятия Шиллера и преломленный в музыкальном созерцании Верди — не тот король, которого знает история, как и Дон-Карлос — пламенный шиллеровский герой — не безвольный, идиотический наследник испанского престола, о котором столько саркастических и едких замечаний рассеяно в мемуарах современников.

Либреттист оперы „Дон-Карлос“, беззаботный по части истории и литературы, не поцеремонился ни с тою ни с другою, оставив обрывки из шиллеровского „Дон-Карлоса“, по поводу которого Шиллер пишет, что выяснению отношений между маркизом Поза и Филиппом он, „сообразуясь с общей экономией пьесы... мог посвятить... лишь одну единственную сцену“.

(„Письма о „Дон-Карлосе“. Письмо первое).

IV.

Шалапин не ограничился рамками оперного либретто и создал нечто большее, нежели мрачный шиллеровский король Филипп II.

В образе, им созданном, воплощена самая идея суверена, государя, взлелеянная в глубинах средневековой философии, закаленная в горниле схоластических диспутов.

Пред нами стоял государь, как бы сошедший со страниц Бодэна; в пышном величии и в блеске, вызывающем жуткое чувство, ожила сокровенная сущность монархизма.

Ослепительные краски живописи Шалапина выразили символический характер образа с необычайной яркостью.

Дух, облеченный плотью, призрак, принявший материальные формы, тысячи оттенков в холодной неподвижности гранита, человеческое, кажущееся странным и страшным в лучах безграничной власти над миром, мертвое в живом и живое в мертвом, одухотворенный труп, веющий холодом и сумраком гробницы, — таков Шалапин в роли короля Филиппа. Он выразил

Ту царственную силу, что так долго

Пускала в рост лишь блеск один престола...

Шиллер. „Дон-Карлос“

И эта царственность, нездешнее какое-то величие, только ярко подчеркивают символический характер нового шалапинского создания.

Он поставил себе задачу, на которой останавливался Шиллер: „вести в область изящных искусств истины, бывшие до сих пор лишь достоянием научного знания“. („Письма о „Дон-Карлосе“. Письмо десятое).

Графически можно представить создание Шалапина в виде треугольника: вершина его — суверен, государь, Sire, верховное существо, правящее „Божией милостью“, один над всеми, один над миром, вне времени, вне пространства, черный призрак, черный орел, сидящий наверху острой скалы. Нижние углы треугольника. Левый — Филипп II, король испанский; правый — король Филипп — отец и муж.

С вершины льется мрачный ровный свет; в нем, в этом мертвенном свете, еще безотраднее, еще грознее два Филиппа — король и семьянин, еще глубже их личная трагедия.

С необыкновенной силой выражения творит Шалапин тяжкий и величественный в суровом величии образ монарха, выдвигая в нем общее, вневременное, внепространственное, как бы подтверждающая мысль Шиллера: „художник пусть стремится к созданию идеала из союза возможного с необходимым. Пусть он создаст идеал из показности и истины, запечатлеет его в игре своей фантазии, и в серьезной своей деятельности, пусть выразит во всех чувственных и духовных формах“... („Письма об эстетическом воспитании человека“).

Тяжелые, мрачные аккорды оркестра — медленная поступь короля — готовят приближение Филиппа II.

Вот уже за деревьями его черная фигура, и он медленно входит, опираясь на палку, огромный, весь в черном, в белых перчатках, с цепью ордена Золотого Руна на груди, давящий и своим гигантским ростом, и каменной неподвижностью бесстрашного лица, поросшего рыжей бородой, сидящего по краям, и могильным холодом, веющим от него.

Пред нами державный хозяин и создатель Эскуриала.

И мы видим одну из тайн шалапинского творчества: вместе с лицом, с Филиппом II на сцену входит незримо его эпоха; от него веет гнетом испанских подземелий, сумраком католических соборов, дымом костров святейшей инквизиции.

И еще что-то неуловимое, неопределимое чувствуется в этой грозной фигуре, обитающей в уединении Эскуриала, какой-то ответ, о котором говорят золотой бороды и царственного ордена на груди.

Сдержанным, глубоким, холодным голосом, которым сразу дан очерк мрачного, безмолвного короля, спрашивает он:

— Почему вы одна, королева?

Острый, зоркий, подозрительный взгляд обводит деревья, весь сад.

Рука в белой перчатке повелительно стучит палкой о землю.

Появляются испуганные придворные дамы.

Та, что должна была находиться при королеве, подходит и приседает пред королем.

Вспоминаются слова историка: „В регламентах его этикета чувствуется и монах и евнух“.

Неподвижное лицо Шалапина-Филиппа бесстрастно: в нем нет ни тени гнева; светится непреодолимая, непреклонная воля, изрекающая однажды правило, звучащее, как непреложный закон, и карающая за нарушение его, как за нарушение закона Бога.

— Графиня, завтра же с зарею вы отправитесь во Францию.

Голос короля так же холоден, спокоен, бесстрастен, как его лицо, как его движения, застывшие движения самодержца; каждая нота звучит подобно колоколу, возвещающему наступление кары.

Филипп садится на скамейку. Медленно достает молитвенник в черном переплете и скрюченными большими пальцами рук, словно когтями, перекладывает страницы, отыскивая молитву. Пронзительный взгляд его время-от-времени останавливается на придворных. Алая ленточка-закладка краснеет на черном фоне молитвенника и костюма подобно пятну крови. Поля высокой черной шляпы отбрасывают тень на холодно-спокойное лицо, лицо бронзовой статуи в глубокой нише королевской усыпальницы.

Да, это тот самый Филипп II, чья злобная тень оседала полмира, великий истребитель еретиков, самый могущественный государь Европы, друг римских пап, Павла IV, Пия V, Григория XIII, держащий в одной руке меч, а в другой — кропильницу, от власти которого нельзя было скрыться ни в Сво-

бодную Женеву, ни в Германию, ни в Англию; тот самый испанский король, пред которым почтительно склонялись европейские монархи и их дворы.

V.

Филипп II остается вдвоем с маркизом Поза. Диалог их — одно из великодушных шалаяпинских достижений — и вокальных и делкамационных.

Голос бесстрастный и мощный, насыщенный мрачными интонациями подозрительного царственного отшельника, произносит фразу за фразой, отделяя их многозначительными паузами.

Молчание Шалаяпина-Филиппа так же красноречиво, как и его голос. В молчании сгустилась жуть грозного образа: в этих паузах чернела мрачная мысль монарха, приблизиться к которому, по замечанию историка, можно было только одетым в черн.

Молчание Филиппа II — это „молчание ужаснувшейся и испепеленной Испании“.

Паузы Шалаяпина — стиль Эскуриала, больше, это — стиль диастем в стране, где „каждый считал свои слова, потому что знал, что они будут взвешены“.

Горячая речь маркиза вызывает лишь медленный, величавый поворот головы. В этом почти неуловимом движении Шалаяпин дает именно того Филиппа II, о котором современники рассказывали, что „во время разговора с ним они никогда не замечали, чтобы он изменял позу или движение, и что он принимал, выслушивал и отвечал с тем же самым выражением лица, и во всем его теле двигались только губы и язык“. (С. Виктор).

Но вслед за этим Шалаяпин показывает лицо другого человека, того, кому Шиллер вложил в уста:

Теперь дай человека мне, Создатель!
Ты много дал мне — только человека
Ты дай теперь мне! Ты, о Ты один!
Ты сокровенное все видишь Оком.
Молю Тебя о друге...
Мне правды надо... О, пошли
Мне мужа редкого, с открытым сердцем,
С прямым умом и неподкупным взглядом...

Шиллер. „Дон-Карлос“.

Шалаяпин открывает все одиночество зловещего создателя Эскуриала, возле которого „птицы замолкают, пролетая“.

Глухо он признается, что „корона давит его мозг“.

И палка, на которую опирается Филипп, кажется символом одиночества.

Страшный, тяжелый дар предлагает он маркизу:
— Возьми мое сердце...

Шиллер и Верди рассказали о том, чего не было в истории. Шалаяпин заставил поверить, что это было, что о странной дружбе зловещего властителя Европы с мальтийским рыцарем, испанским грандом и „гражданином вселенной“ можно прочитать в пыльных архивах королевских дворцов и на пожелтевших страницах монастырских пергаментов.

Зловещей угрозой звучит предостережение, произнесенное королем:

— Слов твоих король здесь не слышал, но бойся, чтобы их не слышал инквизитор.

Слово „инквизитор“ прозвучало, как тяжелый железный засов тюремной двери:

— Помни... и бойся!

Рука Филиппа медленно поднимается; скрюченный указательный палец говорит больше, чем слово.

И когда он медленно протягивает руку маркизу, — в этом знаке королевской милости чувствуется мистическое приобщение маркиза к мраку и тайнам королевской души

VI.

Сцена с маркизом — только введение, пролог к главной части к центральному замыслу шалаяпинского образа.

Он показал нам Филиппа II, переживающим уже сознание последнего расцвета своей власти и могущества, тягостное чувство полного одиночества на высокой, спаленной Божиим громом, вершине.

Шалаяпин заставил почувствовать и глубину, и беспросветность земного могущества, и, когда он скрывается за деревьями, кажется, что пред нами стоял некто больший, чем король, больший, нежели человек, в чем-то своем, особенном, сокровенном, нимало не похожий на всех людей в мире.

Занавес снова поднялся, открывая площадь пред собором

У паперти толпится народ, ожидая выхода короля. Его суровый образ веет над толпой, наполняя воздух внигетным ожиданием и тревогой.

Проводят еретиков на казнь, в шутовских колпаках, со свечами в руках, в сопровождении монахов и членов святейшей инквизиции.

Несут Распятия, перевитые лентами, изображения Мадонны, все — по ритуалу грозного Торквемады.

Процессия скрывается в толпе народа.

С паперти собора подходит королева, ожидая выхода своего повелителя.

Гремят трубы, гудит орган, и, наконец, в темных дверях собора показывается король.

Это не тот Филипп, которого видели мы в саду, в черной шляпе, с молитвенником в руках.

Гигантское золотое божество, напоминающее золотого колосса Библии, не идет, а приближается к народу, попирая ногами каменные плиты паперти. Чудится, будто камень чувствует беспредельную тяжесть стопы этого золотого идола, олицетворяющего полноту человеческой власти на земле.

Шалаяпин так выразил давящую, непреодолимую силу, что это золотое существо показалось воплощением Левиафана: показалось, что у него вместо человеческих ступней — перепончатые лапы.

Это не земной король, владыка своей страны. Это — зверь из бездн, принявший облик монарха и утвердивший над миром страшную свою власть.

В золотой короне, в золотой мантии, со скипетром золотым в руках, Шалаяпин-Филипп II напомнил того библейского истукана, которого видел во сне Навуходоносор: „огромный был этот истукан, в чрезвычайном блеске стоял он... и страшен был вид его. У этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его — из серебра, чрево его и бедра его — медные... Он стоял так, доколе камень не оторвался от горы... ударил в истукана, в железные и глиняные ноги его, и разбил их“ (Даниил, II, 31—34).

Золотой скипетр в руках его — не атрибут королевской власти, но жезл, сокрушающий царства...

Все, что окружает его, — и свита, и королева, и весь народ, — все блекнет, становится неважным, мелким, случайным в золотых лучах, исходящих от золотого истукана.

Шалаяпин заставляет верить, что этот золотой колосс — вне времени и пространства.

В этой сцене он дал как бы синтез всех средневековых теорий королевской власти, напомнив своим образом слова Боссюэ, что короли суть наместники Юга, а престол их в действительности престол Божий.

Шалаяпин пошел еще дальше: его властитель, точно выкованный из одного, цельного куска золота, — сам Бог и земной престол его — равен престолу Бога.

Шалаяпин завершил идею Боссюэ, сделав из нее конечный вывод.

С большой тонкостью он соединил этот абстрактный образ с образом короля Филиппа II, при чем так соединил, что Филипп II является выводом из главной идеи земного божества.

Этот вывод несколько не противоречит истории, ибо о Филиппе II сказано: „он мнит, что может обмануть Бога“.

Шалаяпин выходит из собора в королевской мантии. Сделанная по особому рисунку, она яснее всего выражает идею земного могущества. Золотая мантия состоит из гербов. Все государства, объединенные под скипетром Филиппа II, нашиты, в символах своих, на одежду земного Бога. Когда-то независимые, раздавленные железною пятою божественного деспота, нашли приют на парадной, торжественной мантии его. Завоеванная Португалия, сожженная Кастилия, окровавленная Арагония, Каталония, Валенсия, Наварра, Нидерланды, Милан, Неаполь, Фландрия — это не более, как куски драгоценной мантии, подножие трона, вознесенного под самое небо.

Первые слова, произнесенные Филиппом с паперти собора, веют несокрушимой силой и холодом беспредельной власти.

— Народ! Богом нам дарована корона — карать измену.

Он сходит по ступеням, протягивая руку маленькой, жалкой королеве, и вдруг из толпы бросаются пред ним на колени четыре человека, моля о пощаде. Рядом с ними становится инфант, Дон Карлос.

Золотой идол останавливается, как осмеливаются нарушить торжественное шествие!

Удивление его не становится больше, когда Дон-Карлос обнажает шпагу, требуя себе часть страны.

Золотой идол почти спокоен: недаром он „привыкший власть от самого Бога“, Филипп II, колебавший мановением руки троны других монархов.

Спокойным голосом и спокойным движением руки он приказывает страже обезоружить принца.

И когда никто из толпы не решается этого сделать, в глосе его рождаются раскаты отдаленного грома.

— Отнимите шпагу!

Грозовые тучи нависли над всеми. Маркиз Поза, подоидя к Дон-Карлосу и взяв от него шпагу, подносит ее королю.

И золотой идол, с высоты своего гигантского роста, величественно и бесстрастно произносит:

— Маркиз, отныне будете вы герцог.

Слова эти Шалаяпин произносит таким тоном, что чудится, будто маркиз должен стать и стал уже другим, будто прибавилось к нему высшее достоинство — столько величия и могущества, способного осчастливить человека, вложил Шалаяпин в интонацию своего короля.

„Достиг я высшей власти...“

П. Бучкин.

Ф. И. Шаляпин в „Борисе Годунове“

Подав руку королеве, он продолжает свое шествие, и на встречу ему уже поднимаются черные клубы дыма от костров, зажженных, как жертвенный огонь на жертвеннике в честь золотого Молоха.

А сам идол, стоя на возвышении, движением руки величаво приветствует свой народ, раздавленный золотым игмом власти.

Многие недоумевали, почему Шалаяпин сделал Филиппа II рыжим.

Сцена появления коронованного Молоха отвечает на этот вопрос: золотой идол должен быть золотым весь.

Артист, по справедливому замечанию Поссарта, должен гримироваться не как профессор истории, но как художник.

„Значительным (произведение) будет в том случае, если в предмете изображения он (художник) сумеет найти самое интересное, отделить случайное от необходимого, лишь еле помстит незначительное и передаст все значительное...“ (Шиллер. „Мысли об употреблении пошлого и низкого в искусстве“).

VII.

Мы видим Филиппа II в ночной тишине, в сумрачном кабинете, в котором молитвенник, раскрытый на аналое, хранит как бы следы недавних прикосновений.

Филипп II, весь в черном, сидит в кресле у окна, изнеможенно запрокинув голову на спинку кресла. Его лицо, мягко озаренное первым нежным лучом солнца, словно светится еще отблеском костров и золотым сиянием торжественных одежд.

Шиллер и Верди создали романтический рассказ о несчастной любви Филиппа II к молодой жене, а Шалаяпин придумал этой повести невыразимое и жуткое очарование.

— В сердце ее любви не было и следа...

В голосе его, недавно звеневшем холодным золотом в минуту обращения к народу, — грусть и печаль неразделенной любви и отчаяние одинокого человека, искавшего в ней единственной отрады на земле.

— О, не забуду никогда, как она поглядела печально на мои седины в день нашей первой встречи!

В золотом монолитном колоссе мы видим лицо стареющего человека, с человеческой жаждой любви и с тоскою человеческих разочарований.

— И так ползут дни печально за днями... А ночь настает — нет мне ни сна, ни покоя.

В полупримирии, в полуточаянии поет он о том, что найдет покой „под сводами Эскуриала“.

На блестящем фоне пышной королевской мантии, испещренной гербами покоенных и унаследованных земель, уродливее и страшнее судорога человеческого страдания, искажающая царственное лицо.

Сердцем Филипп умер, но, прежде чем затвориться „в склепе с окном, у подножия главного алтаря церкви“, прежде чем сойти в погребальное подземелье Эскуриала, которое дворец таит в себе, как „последний смысл всей своей постройки“, ему надо заняться заботами и тревогами, что подтачивают его могущественный трон.

Встречая пришедшего к нему для совета великого инквизитора, Шалаяпин тонко выразил в грозном короле смирение верного и преданного сына католической церкви.

— Карлос, мятежный сын, облил мне сердце ядом, — открывает Филипп инквизитору свою тревогу, — на своего отца дерзнул поднять он руку.

— Как думаешь его ты наказать?

— О, сурово! В изгнание, или, — Шалаяпин делает многозначительную паузу, готовясь закончить свою мысль, и вдруг голосом золотого идола, вещавшего народу о своей божественной власти, произносит, — или на плаху!

— Изменник, кто б он ни был, всегда достоин смерти, — подтверждает инквизитор.

Но Филипп словно только-что понял страшный смысл произнесенных им слов. С удивлением, сомнением, нерешительностью, с тайным ужасом, быть-может, внезапно проснувшимся при мысли о сыноубийстве, он глухо спрашивает: — Благословишь ли ты, коль сына предаю смерти я, христианин?

И, выслушав одобрение, надломленным голосом произносит:

— Пусть будет так

Сцена Филиппа с женой, когда он удостоверяется в ее измене, дышит неисчерпаемым богатством оттенков, расположенных так мастерски и таких тонких, что каждый из них стоит изучать в отдельности. Все они группируются вокруг основного замысла роли, и он отражается в деталях, свидетельствующих о глубокой продуманности этого гениального создания.

В „Дон-Карлосе“ Шалаяпин наметил художественную задачу необыкновенной трудности и сложности и разрешил ее с ослепительным мастерством.

И оценить его достижение можно лишь знакомясь с тем материалом, из которого он создал свой образ.

Для него еще придет время надлежащей оценки.

VIII.

Существуют писатели „unius libri“, артисты — одной роли. Художественным достижениям таких артистов как бы положен определенный предел, перейдя через который, творчество их лишается животворящей силы.

В этом смысле мы можем говорить о диапазоне творчества, о широте его охвата.

Мы ставим художнику в заслугу и в особое достоинство многообразие его перевоплощений. Мы восхищаемся Толстым, проникавшим в мысли Кутузова и Платона Каратаева, читавшим в сердцах Александра I и капитана Тушина.

Для могучего художника нет тайн, и, быть-может, это „нет тайн“ и рождает великого художника.

Чтобы оценить творчество Шалаяпина, мы должны всегда помнить о том, какие диаметрально-противоположные образы создал он.

Только-что мы познакомились с его королем Филиппом II. Но этот образ, при всем своем великолепии, лишь открывает галерею шалаяпинских образов, столь различных по содержанию, по эпохе, которой они принадлежат, по национальности, наконец, по замыслу художника.

Вот один из подданных короля Филиппа II — Дон-Кихот, рыцарь Ламанчский, этот вечный „кавалер человечества“, задуманный Сервантесом „в раскатах смеха и законченный с улыбкой умиления“.

Шалаяпин создает рыцаря „не от мира сего“. И если король Филипп II — зверь из бездны, то Дон-Кихот — ангел, посланный Богом на грешную землю, чтобы рассказать ей о благородстве и святости человека.

С первого своего появления, когда, с улыбкой одинаково ласковой для всех, поет он о прекрасной молодости и о светлых мечтаньях, и до той минуты, когда пошлость и житейская грязь рассеяли всю его радость, — пред нами он, этот „рыцарь Господень“, умиляющий человечество уже несколько столетий.

В минуту смерти его Санхо жалуется:

— Господин... Вы умираете... Но вы обещали мне остров...

И умирающий рыцарь надломленным голосом, с грустью человека, узнавшего жизнь, отвечает:

— Санхо... Остров тот — мечта...

Ореолом святости окружил Шалаяпин этот образ. И, глядя на него, словно перечитываешь страницы Сервантеса.

Каждый жест, каждая поза Дон-Кихота — Шалаяпина веют необыкновенным изяществом и тем душевным благородством, какое нисходит на человека, как дар, посланный для того, чтобы выделить его из миллионов ему подобных.

Таков он был, вооруженный против всякой неправды, странствовавший на тощем своем Россинанте по полям и долинам Андалузии, открытый сердцем для любви и погибший жертвой обмана.

Всю его незлобивую и чистую душу освещает Шалаяпин последней предсмертной интонацией:

— Я, рыцарь Твой, за правду был всегда. Господи! Прими дух мой!

Он умирает стоя, как рыцарь, и только из мертвых рук вываливается его копьё.

IX.

С вершин романтизма Шалаяпин опускается в недра темной души Еремки во „Вражьей силе“, — этого, по выражению Мусоргского, „русского Бертрама“.

Все темно, все загадочно в этом пьяном кузнеце. Не то сам он несчастен, плывя по течению, куда судьба несет, пьяный, безвольный, не то воплощает он в себе какую-то черную силу и действует „с умом“, с тайным каким-то замыслом, подстрекая Петра на преступление.

Еремка — не Мефистофель; Мефистофель — определеннее. В Еремке одинаково живут и Бог и черт. Он необыкновенно сложен; переливы его души — неуловимы.

Шалаяпин создает лохматого, полупьяного кузнеца, с необыкновенно замысловатым выражением лица.

Он щурится все время и не разобрать — от добродушия ли, оттого ли, что от пьянства глаза у него запылились, или оттого, что один он знает что-то такое, чего никто не знает.

Когда он веселым пьяным голосом поет Петру:

— Ты купец на меня не сердись, а Еремке-то понижай поклонись, — в веселье его страшное что-то чувствуется, какая-то особенная власть и сила. Сверкнув глаза его диким огнем — и потухнут. И снова лицо его кривится блаженно-пьяной улыбкой, за которой, однако, светится что-то, особенный свет.

Сидит он у печки, почесывается, переговаривается с девушками, и, кажется, ничего ему больше не нужно — и пьян и весел.

Но глаза — нет-нет — зорко нащупывают в толпе Петра, будто привораживают его.

В сцене проводов масленицы он, огромный, нескладный в своем полущубке и странно-подвижный вертится в веселой толпе, то словно становясь меньше ростом, то вырастая над нею.

*„Почему вы не стремитесь быть ближе к королю?
Вознаградить умею...“*

П. Бучкин.

Ф. И. Шаляпин—король Филипп II в „Дон-Карлосе“.

Библиотека "Руниверс"

Ни одно из настроений его, ни одну из интонаций Шаляпин не доводит до полной определенности; простота мимом переходит в загадочность; загадочность—едва внимание насторожилось его—превращается в добродушие, но до поры, до времени, пока в веселом лице не проступит что-то жесткое, нечеловеческое.

Понимаешь Еремку, что-то открываешь в нем, когда один идет он по пустой площади к кабаку.

Идет, приплясывая и потряхивая деньгами в руке.

Ну, конечно, это он—темный, страшный герой наш—Зеленый Змей, опутавший всю Россию своей крепкой сетью, он—великий паук, выткавший неразрываемую свою паутину.

В его речах, по внешности таких обыкновенных, таится непреодолимо очарование зла, которое праведники наши назвали соблазном.

Это не простой кузнец. По виду кузнец, но на самом деле кует он недолую людскую. Высокое мастерство Шаляпина здесь сказалось в необыкновенно-сложной живописи полутонов, полунастроений, противоположных, неожиданных, но в целом сливающихся в одно гармоническое и прекрасное создание.

Еремка, быть-может, наиболее загадочный, нерасшифрованный его образ.

При создании Еремки, как и при создании Варлаама в „Борисе Годунове“, Шаляпин раскрывает мистицизм быта, те тайные силы, что живут за внешним, прочным укладом жизни.

И Еремка и Варлаам — два художественных, различных решения одной загадки, чрезвычайно национальной и только в России возможной, в стране, где возможны и о. Сергей Толстого, и юродивые, и внезапные праведники, и такие же грешники.

Шаляпин, как русский артист, заглянул в самые недра русской души, и те тайны, какие он постиг, выявил в своих сценических созданиях.

X.

Какой бы из образов Шаляпина мы ни взяли — в каждом из них мы встречаемся с характерной для его творчества чертой: оно не знает сценических ролей, но создает только типы, которые, по условиям сценического действия, оживают в обстановке „трех стен“.

В каждом из своих созданий Шаляпин выдвигает общие черты, существенные, главные, располагая черты второстепенные в строгой подчиненности главным.

Поэтому мы не видим у него лишних жестов, этих ужасных театральных „общих мест“; соблюдая художественную экономию, он дает максимум впечатления при minimum'e линий и штрихов.

Его творчество объективно, в лучшем смысле, что видели мы, изучая его короля Филиппа II. Оно пробуждает в нашем сознании богатство ассоциаций, что сопутствует каждому совершенному художественному произведению.

Я не говорю о таких, широко известных его созданиях, как Борис Годунов, Мефистофель, Мельник. Но и в них, при устойчивости основного замысла, при неизменяемости его—форма выражения каждый раз иная; каждый раз мы видим не точную копию одного, отлитого образа, но новую редакцию его.

Это свидетельствует о непрерывном росте художника и о неисчерпаемости его фантазии.

К некоторым образам Шаляпин возвращается редко, как, например, к Сальери. Но тем ярче выступает тогда невыразимое совершенство пушкинской поэзии, ибо с каждым новым выступлением артист показывает углубление формы и изощрение тех средств, при помощи которых блеск пушкинского стиха является во всей своей красоте.

Работа над Сальери—тонкая, филигранная работа, совершенство которой постигаешь, изучая параллельно текст „Моцарта и Сальери“.

„Сальери“ — самое изысканное из шаляпинских созданий; оно поражает богатством и красотой оттенков, воспроизводящих чистую поэзию, и потому Шаляпин редко выступает в этом своем творении пред публикой, ищущей в театре прежде всего внешней интересности действия, ярких красок, эффектных положений.

„Сальери“, мне кажется, выигрывает при исполнении на концертной эстраде больше, нежели в оперном театре.

Все образы Шаляпина, по преимуществу, образы трагические; трагедия отцовской любви (Мельник, Пилаканта в „Лакме“), безумие единой мечты (Досифей в „Хованщине“), исторические герои (Олоферн, Иоанн Грозный, Борис Годунов, король Филипп II)—все его лица веют суровым дыханием трагедии.

Шаляпин—актер трагический. Эта репутация за ним установилась давно и прочно. Но иногда, как бы для того, чтобы выйти из сумерек трагедии в ясный день жизни, с ее смехом и радостью, он создает комического Фарлафа или чистого Дон-Базилио, этого героя Бомарше и Россини.

Видя его в „Севильском цирюльнике“, вспоминаешь совет Бомарше, данный Сальери: „Перечти „Женитьбу Фигаро“.

Шаляпинский юмор меток, ярок, остер. И в нем так же, как и во всех других свойствах его творчества, отражается внимательное изучение природы, что делает и комических его героев столь близкими нам, как будто мы однажды видели их где-то, и впрямь часто вспоминаем их, как старых, милых и смешных наших знакомых, (смешных—в смысле веселых, а не достойных осмеяния).

Создания артиста живут и умирают вместе с ним. И только образы его, закрепленные художниками, грядущим поколениям дадут лишь неполное представление о том, какое богатство творений создал артист могучим гением своим, глубоким замыслом и равным ему совершенством исполнения.

Общественные мотивы в художественном творчестве В. Г. Короленко.

Очерк В. Евгеньева-Максимова.

Недавно исполнилось сорокалетие литературной деятельности Владимира Галактионовича Короленко (его первое печатное произведение появилось летом 1878 г. в газете „Новости“): 15/28-го июля исполнилось шестидесятилетие жизни писателя. И сорокалетие и шестидесятилетие не являются, строго говоря, „юбилейными“ годовщинами. Тем не менее, некоторые общественные и просветительные организации, как, например, общество „Культура и Свобода“, постановили чествовать Короленко 28-го июля с. г. литературно-артистическим вечером в Петрограде, в зале Тенишевского училища, и послать с особым делегатом маститому писателю в Полтаву приветственный адрес.

Короленко, как очень крупный представитель русского художественного слова, как писатель-гражданин, ни разу не изменявший в течение своего долгого литературного служения благородным лозунгам одного из интереснейших и своеобразнейших течений русской общественности — народничества, давно уже заслужил себе бесспорное право на общественное внимание и интерес. Но, может-быть, никогда еще за последние три-четыре десятилетия не хотелось так говорить и думать о Короленко, как хочется говорить о нем и думать сейчас. Текущий момент характеризуется тем, что среди широких кругов русского общества поколебались две веры, служившие для него путеводной звездой в течение многих десятилетий, — вера в народ и вера в интеллигенцию. Современная действительность чуть ли не каждый день приносит факты, свидетельствующие, с одной стороны, об ужасающей темноте народной среды, с другой стороны, о душевной дряблости и неспособности к творческой работе интеллигентных слоев. Из этих фактов делаются выводы столь общего характера, что если согласиться с ними, то придется к безотраднейшему пессимизму, к полному отрицанию всякой возможности какого-либо выхода из того рокового тупика, в который забрела наша несчастная родина. Короленко как раз принадлежит к числу тех русских писателей, которые с

наибольшей убежденностью верили и в народ и в интеллигенцию, строя все свои надежды на лучшее будущее на результатах совместной работы народных масс и интеллигентного меньшинства во имя претворения в жизнь идеалов свободы, равенства и братства. Не ошибался ли Короленко, а вместе с ним и вся блестящая плеяда наших писателей народников? Вот роковой вопрос, неотвязно предстоящий нашему сознанию. Действительно ли сердце народное, несмотря на многовековое рабство, осталось „золотым“, сохранило и „совесть спокойную и правду живучую“? Точно ли наша интеллигенция способна „сеять разумное, доброе, вечное“ и искренно молить у Бога сил „честное дело делать умело“? А что, если это сплошной обман и бред? А что если душевные потемки старого режима убили и в народе и интеллигенции все, кроме животного, на физиологических основах возросшего, а потому и непреодолимого влечения к убогаторворению своих узко-эгоистических потребностей и appetitов, хотя бы для этого пришлось перервать глотку не малому количеству себе подобных? Великие писатели народолюбцы 60-х и 70-х гг. не дожили до наших смутных дней и не разрешат наших сомнений. Короленко—последний могикиан, последнее светило их блестящей плеяды — жив; он—наш современник; он переживает то, что и мы переживаем; наши боли и отчаяние являются и его болями и отчаянием, а потому неудержимо тянет в живой беседе с ним излить все то, что скопилось на душе, гнетет ее, и услышать от него желанный ответ. Но увы! Короленко живет на территории другого государства (какой грустной иронией звучат эти слова!), проехать в которое почти невозможно, а потому единственная доступная для нас форма беседы с ним — это раскрыть его книги и перечитать их благоухающие цветами истинной поэзии страницы.

Итог впечатлениям, вынесенным из такого чтения, предпринятого с целью проследить отношение Короленко к народу и интеллигенции, и подводит настоящий очерк.

Характерною чертою крестьянских героев Короленко является неукротимый дух протеста, источник которого коренится обычно не в стихийном бунтарстве, а в готовности бороться за попранную справедливость, за нарушенный нравственный закон. Даже в темные времена крепостничества крестьянин, по Короленко, не отступал перед протестом и борьбой, когда права его личности или личности близких ему людей попирались помещиками.

Так, например, Роман, герой рассказа „Лес шумит“, сумел защитить жену от сластолюбия развратного пана, и его кровавая месть была не столько вспышкой ревности оскорбленного мужа, сколько справедливою защитою правого дела.

В рассказе „В облачный день“ перед нами, как живой, встает подусумасшедший помещик Панкратов, решивший за измену жены-крестьянки показать себя всему ее племени. „Хуже собак мне мужики теперь“... говорил он. В своей необузданной злобе против крестьян он доходил до настоящего изуверства, заставляя, например, крепостных женщин выкармливать свою грудь барских щенят. Молодой крестьянин Алексей, глубоко возмущенный насилиями помещика, пришел к мысли о том, что „этого и закону-то, покуль свет стоит, не бывало, чтобы животную тварь женским молоком воспитывать. Этого и Господь не может терпеть, так может ли барский закон стать выше Божьего?“ Протест смельчака имел ужасные результаты. Разъяренный помещик толкнул его в котел с кипящей овсянкой, однако смерть Алексея превысила меру терпения крестьян, и они убили тирана.

В этом же рассказе встречается описание мирского „бунта“. Помещик, вместо положенной трехдневной барщины, принуждает крестьян работать четыре дня. Сознание незаконности этого образа действий возбуждает среди них сильное негодование. „Всем солнышко Божье светит, — говорят они, — всем и закон дается... Почему же такое: для всех закон триденная барщина, а нас все по-старому гоняют?“

Попытка крестьян отстаивать свои права влечет за собою жестокое наказание „зачинщиков“.

Еще более интересна история Василевского бунта, рассказанная в „Голодном году“. Крестьяне села Василев Майдан с самого освобождения не платят выкупных платежей. Их убеждали, приводили к покорности, секли и все-таки не добились ничего. Темное предание видит причину бунта в „золотой грамоте“, привезенной в Майдан какими-то таинственными личностями, которую крестьяне поняли, как своего рода закон, освобождающий их от платежей, и р-шили, во что бы то ни стало, держаться этого закона.

В приведенных примерах народный протест направлен против конкретных правонарушений, конкретных посягательств на крестьянские интересы. У наиболее глубоких и вдумчивых натур крестьянской среды он имеет в виду уже не только частные случаи, но и весь уклад государственной и общественной жизни. Интересен в этом отношении герой рассказа

*„Ты, купец, на меня не сердись,
А Еремке-то пониже поклонись!“...*

Ф. И. Шаляпин (Еремка) во „Вражьей силе“.

П. Бучкин.

„В подследственном отделении“, пермский крестьянин Яков. Заключенный в тюрьму, повидимому, за непризнание власти, он при каждом появлении в коридоре тюремного начальства начинает неистово колотить ногами в дверь, производя таким образом страшный шум. Лицо, от имени которого ведется рассказ, спросило Якова, для чего он это делает. „Стою за Бога, за великого государя, за Христов закон, за святое крещение, за все отечество и за всех людей!“ — нямало не смущаясь, ответил он и прибавил, в пояснение своей мысли: „начальников неправильных обличаю“. Яков не ищет осознательных реальных последствий своего стучания; „пользу“ от своего образа действий он видит в самом факте „стояния“ за Бога, великого государя и отечество“. Поведение его граничит с героизмом, ибо суровое тюремное начальство не остановится перед самыми жестокими мерами, чтобы заставить замолчать непреклонного протестанта. „Побежденный физически, он считал себя не сдавшимся победителю, пока еще „Господь поддерживает его“ в единственной форме борьбы: „Стучу вот!“ В этом он привык уже видеть свою миссию, свое торжество.

Общественное мировоззрение этого фанатика идеи не имеет строго определенного характера. С освобождения крестьян русская жизнь, по его мнению, распалась на два начала: истинное — государственное и незаконное — земское. Великий государь пребывает в старом „прав-законе“, а царь Польский и князь Финляндский в новом. Слуги земского начала, иначе слуги антихриста, насильно стали приневоливать народ под свою руку. Новые порядки, введенные ими, грозят неминуемою бедою всему строю жизни. Однако господству незаконникам придет конец: „Поработают, да и погибнут. А только долго ждать. Не увидать нам с тобою правды“ — уверенно пророчит Яков. Яков слишком темный человек, чтобы правильно судить о гражданском и государственном начале, он скорее чувством, чем разумом, сознает аномалии общественного строя и, проникнувшись однажды обличительным настроением, крепко держится за него всю жизнь.

Не мало общего с Яковым имеет камышинский мещанин (тот же рассказ), принадлежащий к тому слою мещанства, который сливается с серым крестьянским людом. Подобно Якову, он не признает за начальством права судить его и бесстрашно остается верен своим убеждениям. Последние сводятся у него к чистейшему отрицанию. Он не верит в существование Бога, так как никто не видел его, отрицает существование чего бы то ни было.

Не ограничиваясь указанием на свойственный русскому человеку дух протеста и оппозиции против всего, что является по его понятиям несправедливым и незаконным, Короленко не упускает случая подчеркнуть и выдвинуть тягу народа на сторону удовлетворения высших потребностей духа. В его рассказах перед нами проходит целый ряд простых крестьян, жаждущих правды, ищущих ответа на свои сомнения, рвущихся всей душой на вольный свет. Таков ямщик „убивец“ в „Очерках сибирского туриста“, который покинул свое хозяйство и пошел искать праведных людей, чтобы избавиться от тоски и грызущих его сомнений. Таков в значительной степени и Микеша в рассказе „Государевы ямщики“, всей душой стремящийся вырваться из среды односельчан. прикрепленных к своему станку и обязанных нести ямскую повинность. К этому же типу отчасти принадлежит Степан из рассказа „Марусина заимка“, неудовлетворенный тихой и спокойной жизнью хозяина, жаждущий новизны и сильных ощущений.

Третьей характерной чертой русского мужика в произведениях Короленко является его любовь к труду вообще и к земле в частности. Типичны в этом отношении фигуры Тимохи и Маруси (рассказ „Марусина заимка“). Общественник и пахарь по натуре, попавший в Сибирь за мир и землю, Тимоха не знает наслаждения выше земледельческого труда; пассивный и даже сонный обычно, он преображается, рассказывая о том, как они со ссыльным Ермолаевым пахали землю в якутской стороне. Земля для него все: мать, кормилица, источник забвения, отдыха от житейских тревог и волнений. То же тяготение к крестьянской жизни, к крестьянскому делу наблюдается в красивой Марусе. На своей заимке она усердно хозяйничает, стараясь придать ей даже внешний вид малороссийского хутора. Автор характеризует ее такими словами: „изломанная, смятая какой-то бурей, она стремится восстановить в себе женщину и хозяйку. Для этого ей нужно было ее хозяйство, этот уголок. Для хозяйства нужен хозяин. Все это — лишь внешняя оболочка, в которую, как улитка, пряталась большая женская душа“.

Героические усилия Маруси не пропали даром: брак с Тимохой дал ей желаемое удовлетворение. Гаврила в рассказе „Не страшное“ также является ярким образцом столь многочисленного в русском народе типа вечного труженика. В непрестанном труде такие люди видят как бы свое предназначение, и если можно говорить о гениальности в области физической работы, то они именно и представляют собой таких гениев.

Рассказы Короленко, посвященные изображению крестьянского быта и крестьянских типов, совершенно чужды тенденции идеализировать их. Писатель не закрывает глаз на темные стороны народного характера, не отступает перед их воспроизведением. Однако сила воодушевляющей его любви к народу помогает ему возвышаться до понимания истинных причин недостатков нашего крестьянства, как бы существенны они иной раз ни были. Наиболее ярко указанная черта творчества Короленко сказалась в его дивном рассказе „Сон Макара“. Чалганский крестьянин Макара, до-пьяна напившись водки, едет в лес осматривать звериные ловушки. Пройдя, прежде всего, по чужим ловушкам, он сворачивает к своим, в одну из которых попала лисица. Враг и сосед Макара — Алешка — тут как тут, он также желает завладеть пойманной добычей. Происходит ссора, во время которой чалганцы вытаскают зверя. Увлечшись преследованием своего врага, Макара углубляется в лес, теряет дорогу и под конец замерзает. Когда, по его представлению, он уже умер, к нему подходит покойный попик Иван, поднимает его и ведет на суд к верховному судье Тойону. Спрошенный последним о том, что он делал в своей жизни, Макара перечисляет свои работы, при-

бавляя много лишнего. Узнав об обмане, рассерженный Тойон присуждает его служить мерником у церковного трапезника, но вмешательство Тойонова сына дает Макару возможность оправдаться.

По приведенному короткому пересказу можно судить, что нравственные качества Макара очень невысоки. Он большой любитель выпить, не прочь присвоить себе чужую собственность, не задумается при случае приврать. Несомненно, что эти пороки Макара автор считает, в большей или меньшей мере, не чуждыми всему русскому крестьянству. Можно ли однако строго осуждать его за них? Помещенная в конце рассказа страстная апология Макара служит ответом. Свои оправдания чалганец начинает с заявления, что отдать его в мерники к трапезнику неправильно, потому что его и так гоняли целую жизнь. „Гоняли старосты и старшины, заседатели и исправники, требуя подати; гоняли попы, требуя ругу; гоняли нужда и голод; гоняли морозы и жары, дожди и засуха; гоняла промерзшая земля и злая тайга... Скотина идет вперед и смотрит в землю, не зная, куда ее гонят... И он так же... Разве он знает, что пош читает в церкви и за что ему идет руга? Разве он знал, зачем и куда увели его старшего сына, которого взяли в солдаты, и где он умер, и где теперь лежат его бедные кости?“

„Говорят, он пил много водки? Конечно, это правда: его сердце просило водки... Хорошо! Но разве это была водка? Три четверти было воды и только четверть настоящей водки, да еще настоя табаку... Он прибавил три тысячи жердей? Пусть так! Пусть он нарубил только шестнадцать тысяч! А разве этого мало? И, притом, две тысячи он рубил, когда у него была больна его первая жена... И у него было тяжело на сердце, и он хотел сидеть у своей старухи, а нужда его гнала в тайгу... И в тайге он плакал, и слезы мерзли у него на ресницах, и от горя холод проникал до самого сердца... А он рубил!“

„А после старуха умерла. Ее надо было хоронить, а у него не было денег. И он нанялся рубить дрова, чтобы заплатить за старухин дом на том свете. А купец увидел, что ему нужна, и дал только по десяти копейк, и старуха лежала одна в нетопленной мерзлой избе, а он опять рубил и плакал...“

„Когда он испытал от кого-нибудь ласку, привет или радость? Где его дети? Когда они умирали, ему было горько и тяжело, а когда вырастали, они уходили от него, чтобы в одиночку биться с тяжелой нуждой. И он состарился один со своею второй старухой и видел, как его оставляют силы и подходит злая бесприютная дряхлость. Они стояли одинокие, как стоят в степи две сиротливые елки, которых бьют отовсюду жестокие мятели“.

Слова Макара смягчили старого Тойона, одно лишь казалось ему странным: лица праведников светлы, глаза их ясны, ризы чисты, а чалганец некрасив, грязен и оборван. Тяжело и стыдно стало Макару, стыдно за самого себя, но он подал голову и заговорил снова: „О каких это праведниках говорит Тойон? Если о тех, что жили на земле в одно время с Макаром в богатых хоромах, то Макара их знает. Глаза их ясны, потому что не проливали слез столько, сколько их пролил Макара, и лица их светлы, потому что обмыты духами, а чистые ризы сотканы чужими руками“.

Суд окончился оправданием Макара, нашедшего в царстве старого Тойона любовь и милосердие, которых не было для него на земле.

Только один вывод можно сделать из этого рассказа, исключительного по своей художественности и теплоте чувства. Нужда, горе и надрывающая силы работа вполне оправдывают и объясняют темные стороны в характере русского крестьянства, и да будет стыдно тому, кто решится за них бросить в него камень осуждения.

Перехожу к другой стороне общественного мирозерцания Короленко: к отношению его к культурному классу. К тем представителям его, которые, будучи по условиям своей общественной и служебной деятельности близки к народу, игнорируют народные нужды и потребности, используют свою власть для глупых и диких экспериментов, Короленко беспощаден.

Вот „молодой деятель“ Смурыгин (рассказ „В облачный день“), который для блага вверенного ему участка сделал распоряжение обсадить безрезками проселочные дороги и отвечал на возражения смущенных крестьян семидневными арестами старост и старшин, не отступая также для более успешного воздействия на народ и перед мордобитием. Отмена этой нелепой меры вызывает осуждение в местных чиновниках: „раз уже сделано... нельзя же так ронять авторитет власти“.

Вот бывший радикал и энтузиаст Заливной, требовавший когда-то фортепиано для народных школ, а теперь настаивающий на полном упразднении этих последних. Подобные господа доходят иногда до полного мужиконавистического. На страницах „Голодного года“ Короленко описывает земских деятелей Лукояновского уезда, не желавших воспользоваться назначенной для крестьянского населения продовольственной ссудой

и отрицавших самый голод в своем уезде, тогда как в действительности он достигал угрожающих размеров.

Такой образ действий чиновников и местных деятелей в роде лукояновских земцев приводит в некоторых случаях крестьян к суеверному убеждению: „начальники не верят в Бога, отчего ни одного из них земля после смерти не принимает в свои недра. Что губернаторы, что исправники, что заседатели — все одно... Положав его в домовину, он так сквозь землю и пойдет и пойдет... в самые, видно, гартарары“.

Гораздо мягче отношение Короленко к тем „слабым духом“ представителям интеллигенции, которые не устояли против засасывающего влияния монотонной жизни провинциальных городов и городишек. Писатель знает, как трудно бороться с „не страшным“, на первый взгляд, демоном будничности и повседневности. Картину постепенного поглощения жизненными мелочами всего духовного в человеке дает потрясающий рассказ „Не страшное“. Семен Николаевич Будников, молодой, искренно преданный идейному мирозерцанию человек, мечтающий работать на благо народа, приезжает в провинциальный городок кончать тяжбу по оставшемуся от отца наследству. Мало-помалу заботы по хозяйству, мелкие интересы серенькой жизни города захватывают его, и он остается в городке навсегда. Процесс духовного увядания продолжается в нем с неослабевающей силой. Вот как характеризует его учитель Падорин: „Понемногу стало все отвлеченностью. Цель-то жизни, мечта эта молодая отделилась от самой жизни, отодвинулась куда-то, а в буднях остались одни средства: квартиранты там, штукатурка, плата, осмотр дворов, потом нарастающие накопления. Ну и затопляет... затопляет это все, понимаете, уголки души... И остается человек, как бы сказать... Ну, одним словом, без святости...“

В конце концов Будников дошел до того, что стал записывать в графу прихода выпитые им у квартирантов стаканы чаю и считать свои шаги, желая узнать, на сколько верст могут служить подметки. Подобных типов не мало в русской жизни: в том же городке, например, живет учитель зоолог Каллистов, который сначала говорит: „только бы диссертацию написать, и вонь из этого болота“, а кончил тем, что женился, и, сделавшись исконным провинциалом, перестал уже порываться на вольный свет. Влияние среды коснулось несколько и Павла Семеновича Падорина, от лица которого ведется рассказ. Начальство запретило происходившие у него сборища гимназистов, на которых читались свежие журналы, обсуждались общественные вопросы, стало почтнее заглядывать к нему на уроки, показывая этим свое несочувствие всяким отступлениям от программы. Падорин, хотя и принужден был сначала пойти на компромиссы, оказался слишком искренним и честным человеком, чтобы раз навсегда помириться с пошлостью провинциальной жизни. Он, к удивлению своих сослуживцев, считавших его чудачком, а теперь пришедших к убеждению, что у него „положительно... не все дома“, бросил гимназию и занялся частными уроками.

К счастью, не вся русская интеллигенция состоит из Будниковых, Каллистовых и им подобных, и Короленко более, чем кто-либо другой, не склонен замалчивать ее положительные стороны: в его рассказах длиною чередою проходят те люди из среды образованного общества, без которых, по вещему слову поэта, „заглохла бы нива жизни“, подвижники идеи, фанатики долга перед народом. Но такова грустная ирония недавней русской действительности, все они — ссыльные, каторжане, одним словом, „политические преступники“. В основе их деятельности, по глубокому убеждению Короленко, лежит возвышеннейший и благороднейший альтруизм, который не на словах, а на деле заставляет „полагать душу свою за други своя“. Восторженный дифирамб в честь такого альтруизма пропет Короленко в чудном рассказе „Мороз“. Центральное место в нем занимает ссыльный поляк Игнатович. Жестокая сибирская стужа, в которую однажды пришлось ему ехать с товарищами, воздействуя на организмы путников чисто физиологически, привела их в какое-то полусонное состояние и помешала им помочь замерзающему прохожему, попавшемуся им навстречу. Ночью, вне себя от ужаса, Игнатович сознает, какие результаты может иметь их равнодушие. Он будит своего товарища и, не слушая его оправданий, говорит с какой-то дикой энергией: „Вы будете подыскивать оправдания... Совесть замерзла. О, конечно, это всегда так бывает: стоит понизиться на два градуса температуре тела, и совесть замерзает — закон природы... Не замерзает только соображение о своих удобствах и подлое фарисейское лицемерие... О, какая низость!“ Рассказ оканчивается трагически. Пока идут переговоры с ямщиками, не соглашавшимися выезжать ночью, Игнатович, никем не замеченный, один бросается в лес, сбивается с пути и гибнет.

То же альтруистическое настроение свойственно другому ссыльному — Ермолаеву (рассказ „Марусина заимка“), сумевшему

В. Г. Короленко.

И. И. Бродский.

сразу стать на равную ногу с простым крестьянином Тимохой. Симпатичны фигуры старого гарibaldiнца Максима и молодых студентов Ставрученко, искренних и честных идеалистов, в повести „Слепой музыкант“. Общими, но не лишены яркости, штрихами очерчен один из наиболее интересных героев рассказа „Без языка“ Евгений Нилов. Черты его биографии крайне поучительны. Получив в наследство от отца имение и старую тяжбу с крестьянами, Нилов по всем пунктам уступает последним и едет в Америку. За океан его влечет любовь к свободной и независимой жизни. Своему земляку крестьянину Матвею Лозинскому он объясняет, что ему особенно симпатично в американской жизни: „за то одно, что мы здесь встретились с вами... и с другими, как равные... как братья, а не как враги... я буду вечно благодарен этой стране“. В Америке Нилов со своим идеалистическим мировоззрением представляет исключительное явление: даже умные люди, в роде судьи Диксона, плохо понимают его. Соединенные Штаты однако не сделали его отечеством: Россия продолжает притягивать Нилова: последние известия оттуда, о характере которых можно лишь смутно догадываться, заставляют его бросить все и вернуться на родину. Не подлежит сомнению, что он не останется там праздным и бездеятельным, но будет работать, сколько хватит сил, во имя лучшего будущего. Едва ли однако не самый пленительный тип человека, всем пожертвовавшего идее, дает рассказ „Чудная“, долго находившийся под цензурным запретом. Изображенная в нем ссыльная Морозова совмещает в себе лучшие черты русской женщины. Даже ее „сектантство“, в котором упрекнул ее один из товарищей по ссылке, проистекает из чистого и благородного источника. В условиях русской действительности любовь и ненависть идут рука об руку. Беззаветно любя народ, нельзя не ненавидеть ту несправедливую власть, которая ведет его к гибели. Этим и объясняется „сектантство“ Морозовой.

Вот обрисованные кратко и схематично картины русского общества по произведениям Короленко. Обобщая изложенное, возможно прийти лишь к одному выводу о сущности общественного мировоззрения писателя. Хотя народ невежествен и темен, склонен к пьянству и обману, находится во власти начальства, далеко не стоящего на высоте, все же в нем сильно стремление к „закону“, к „справедливости“ и неутомимый дух протеста. Если мы добавим сюда постоянно отмечаемую писателем изумительную трудоспособность русского крестьянства, то глубокая вера Короленко в победу светлых начал в народной жизни делается для нас несомненной... Интели-

генция, погребаящая иногда благие порывы и желание быть полезной в омуте повседневной и будничной жизни, все же носит в себе ясно выраженные задатки альтруистического мировоззрения и часто выдвигает из своих рядов самоотверженных борцов во имя народного блага.

„Надежды на лучшее будущее, на то будущее, когда настанет день на святой Руси“ сказались в чудном стихотворении Короленко „Огоньки“. В нем поэт описывает свою поездку по мрачной сибирской реке, окаймленной угрюмыми нависшими скалами. Приветные огоньки ночлега, блиставшие так близко и многообещающе, оказались на деле очень далеко. „Много огней и раньше и после,—заканчивает Короленко,—манили не одного меня своею близостью. Но жизнь течет все в тех же угрюмых берегах, и огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла..“

„Но все-таки... все-таки впереди—огни!“

Что же значит на языке Короленко слова „налегать на весла“? Какими путями, иначе говоря, надо идти, какими средствами бо-

чем прозябать в тюрьме, и смело пустился в бушующее море на утлой лодке рыбака. Неземной восторг наполнил его существо в эти минуты, так как „он знал, что он свободен, что никто в целом мире теперь не сравняется с ним, потому что все хотят жизни... А он... Он хочет только свободы“.

Еще шире вопрос о свободе и способах ее достижения поставлен в известном „Сказании о Флоре, Агриппе и Менахеме, сыне Иегуды“. Эпоха, которую рисует автор, — расцвет римского владычества, место действия—Иудея, действующие лица—римский наместник Флор, иудейский царь—Агриппа и учитель народа—Гамалиот Менахем. Содержание—борьба иудеев за свою политическую свободу. Первая часть рассказа посвящена характеристике Рима, завладевшего целым миром. По мере того, как слабели силы поработенных народов, в его сердце росло высокомерие и гордость. Плоды насилия оказались губительными для насильников, от них яд распространился по всему народу. Исправить недостатки общественного строя не предста-

Н. Ф. Анненский.

Ант. П. Чехов.

А. И. Куприн.

В. Г. Короленко.

В. Г. Короленко в кругу родных и друзей.

рогся, чтобы приблизились эти долгожданные и страстно желанные огни? На этот вопрос отвечают три замечательных рассказа Короленко: „Тени“, „Мгновение“, „Сказание о Флоре, Агриппе и Менахеме, сыне Иегуды“.

В первом из них с одушевлением, доходящим до экстаза, автор рисует гениальную личность Сократа и его огромное значение в общественной жизни Афин. „Я твой овод, — говорит философ народу, — я больно жалею твою совесть, чтобы ты не заснул. Не спи, не спи, бодрствуй, ищи правду, афинский народ!“ Искание правды — девиз и цель жизни Сократа; в своем стремлении к ней он не останавливается ни перед чем: отвергает привычных богов, разрушает веками установившиеся авторитеты и освященные стариною мнения. Его не смущает надменный упрек Кронида в том, что, уничтожая старые алтари, он не в силах создать новых. Работа мусорщика, запачканного пылью разрушения, неблагодарна, но она необходима для будущего храма. В этом ее польза и оправдание. Нужно ли говорить, что воодушевлявшее Сократа стремление к истине и борьбе во имя ее возбуждают горячее сочувствие писателя, так как составляют основу его собственного общественного сгедо.

В небольшом рассказе „Мгновение“ заключается целый дириамб свободе. Испанский инсургент Мигуель Диас много лет томился в заключении на небольшом острове, затерянном в океане. Бурною ночью ему представилась возможность бежать, хотя и мало было надежды добраться до противоположного берега. Диас предпочел пойти навстречу свободной смерти,

взялось возможным, так как священнейшее право свободного человека — воля слова — было отнято. Лучшие из римлян, бесстрашные в опасности и сечи, делались рабами в душе, так как боялись немилости тирана. „Таковы сердца тех, кто служит насилию“. Жестокости Флора разжигали недовольство у иудейского народа, но „священники и вельможи и все, кормившиеся от храма и богатства, боявшиеся потерять богатство“, старались успокоить народный гнев. Наконец чаша терпения переполнилась, и страшное восстание вспыхнуло против римлян. Гамалиот Менахем, философ и учитель народа, отец которого умер в борьбе за свободу, становится во главе движения. Однако некоторые недовольные войною иудеи горько упрекают Менахема за подстрекательство, купцы, например, говорили, что он не имеет ничего и потому не дорожит жизнью; ессеи утверждали, что борьба—зло и гибели можно избегнуть только кротостью. Гамалиот, в ответ на их доводы, изложил свой общественный символ веры, основанный на трех основоположениях:

если бы народ не оставлял без поддержки своих борцов за свободу, то насилие никогда не могло бы торжествовать; насильники, не встречая никакого сопротивления, ожесточаются и избивают всех без различия; если они и оказывают милость побежденным, то только потому, что оказавшие сопротивление навлекли на них весь гнев и свою гибелью купили мир и спокойствие оставшимся;

борьба против насилия не есть зло, так как „сила руки не зло и не добро, а сила, зло же или добро в ее применениях.“

Сила руки—зло, когда она поднята для грабежа и обиды слабейшего; когда же она поднята для труда и защиты ближнего,—она добро“.

Свои мысли Менахем подкрепил притчей, в которой рассказал о смерти хозяина дома, защищавшего своего гостя от насильников, и о превосходстве „скорбного понимания“ над „неведением зла“.

Заканчивая свою речь, Менахем обращается со страстной мольбою ко Всевышнему. Он просит его дать защитникам свободы силу до конца послужить делу справедливости, до конца сохранить веру в торжество истины и добра. „Когда же пробьет час Твоей воли,—говорит он,—и мы погибнем, пусть Ангел Скорби осенит своим крылом наши могилы и поведаст о нас нашим детям и детям врагов наших, чтобы и наша смерть служила правому делу“.

Не будет преувеличением сказать, что нигде революционная идеология русской интеллигенции не сказала в более ярких и в более художественных образах, чем в этом рассказе.

Итак, для того, чтобы приблизить царство „огней“, царство света и свободы, надо, по мнению писателя:

неуклонно стремиться к истине, хотя бы ради нея пришлось отвергнуть все старые установившиеся мнения („Тени“); беззаветно, вплоть до готовности пожертвовать самым дорогим, что есть у человека,—жизнью, любить свободу („Мгновение“); безбоязненно бороться во имя блага поработченного и униженного народа против торжествующего насилия („Сказание о Менахеме“).

Заветы Короленко не потеряли своего значения и для нашего времени. Еще так недавно мы думали, что уже приблизились к вождьенному берегу, что уже достигли желанных огней. Думали, но ошиблись: истинные огни оказались еще далеко. Снова приходится „налегать на весла“. Будем же налегать, каких бы усилий нам это ни стоило. В здоровом оптимизме Короленко, в никогда не покидающей его вере в народ и интеллигенцию постараемся найти опору и утешение в моменты самых тяжелых испытаний.

„Все-таки... все-таки впереди огни!“

„У лукоморья дуб зеленый...“

Аполлинарий Васнецов.

Обезьяна и Медуза.

Сказка

Жил-был на дне моря-океана Дракон.

Он был владыкою над всеми что ни на есть в мире рыбами. Могущественнее и главнее его не было в океане никого; и его чтили, как Дракона-царя, Дракона-бога *). Дракон был одинок; супруги у него не было.

Как ни как, а владыке над всем рыбьим царством негоже было оставаться без супруги. Холостому и почета меньше.

Выбрал себе Дракон невесту Дракониху и порешил сыграть свадьбу.

Поднялась в море страшная суета. Все рыбы, какие только были в океане, начиная с громадного кита и кончая мелкоплавающей рыбешкой, все до единой отправились с поклоном во дворец Дракона, поздравили его, поднесли дары и пропели Дракону долголетие.

А затем Дракон и молодая супруга его зажили себе, как нельзя лучше; мир и согласие были между ними. Все шло по-хорошему. На удивление счастливая жизнь была у них!

*) Рио — дракон-царь, Риодзюв-дрюдзюв — дракон-бог; два синонимические названия бога морей, который представлялся в виде дракона.

Так прошел месяц, прошли два. Но вот случилось, что молодая новобрачная, царица-Дракониха, заболела.

Слегла ненаглядная супруга Дракона, души в которой не чаял он, и беспокойство и тревога охватили его.

Призвал он во дворец врача, бородавчатого Осьминога-отшельника, и приказал ему лечить больную; а кроме того, назначил безотлучно бодрствовать и дежурить при ней фрейлину и дворцовую прислугу.

Но как ни ухаживали за больной Драконихой, как ни старались, а она все не поправлялась. Ей становилось все хуже и хуже. Дракон совсем потерял голову. И вот как-то обратился он к врачу Осьминогу с такой речью:

— Послушай, Осьминог! Ведь ты же врач! А если врач, так почему не лечишь ты, как подобает настоящему врачу? Ты, я вижу, умеешь только покачивать своей огромной головой да глупокомысленно вытягивать губы, а знаний и умения у тебя, видно, нет ровно-таки никаких.

Дракон говорил с сердцем. Осьминог перетрусил.

— Виноват! — почтительно и смиренно отвечал он. — Я и сам от всей души желаю излечить болезнь как можно скорее, но что я ни делаю, как ни стараюсь, выходит совсем не так, как мне хочется; болезнь не излечивается. Есть только

„Обезьяна и Медуза“. Но как ни ухаживали за больной Драконихой, как ни старались, а она все не поправлялась.

одно лекарство, которое может излечить эту болезнь, но нет его здесь, в наших местах.

— Что такое? Здесь нет того лекарства, которое нужно именно против этой болезни? — прервал его Дракон недовольным тоном.

— Нет, к несчастью!

— Что же это за лекарство такое?

— Самая обыкновенная вещь: живая печень обезьяны!

— Что?.. Живая печень обезьяны? Ну, конечно, ее не найти здесь, в наших местах.

— А будь только она, пресветлейшая супруга твоя сразу же вылечилась бы.

— Неужели? Ну, если это такое хорошее лекарство, то непременно надо достать его. А где же его можно бы найти?

— Вот где. На юг отсюда есть остров Саругадзима *) На этом острове живет м ожество обезьян. Надо только отправиться туда и захватить живьем одну из них. Вот и все!

— Так! Но ведь обезьяны живут на суше, а наши подданные таковы, что им не совсем-то по себе без воды. Вряд ли найдется из них кто-нибудь такой, что мог бы отправиться на остров для захвата обезьяны.

— Да, если так, то я уж не знаю, как и быть... Впрочем, ведь у тебя так много подданных! А может, и найдется кто-нибудь, способный ходить по суше? По-моему, непременно надо поискать кого-нибудь подходящего и поручить ему это дело.

Осьминог говорил от всей души, с преданностью и почтительностью.

— Будь по-твоему! — сказал Дракон и потребовал к себе министра д'ора, красного Тая, с которым стал держать совет.

Долго думал Тай, склонив набок голову. Вдруг его осенила мысль.

— Да что же это я! — воскликнул он. — Есть! Медуза Хопенаи! Кто же больше, как не она? Безобразна Медуза на вид, это правда. Но зато она, как сама уже издавна хвастается, может свободно двигаться по суше, потому, мол, что у нее четыре лапы, как у черепахи. Вот, вот! Ей именно и поручить это!

Дракон кивнул головою.

— Прекрасно! Ей и прикажу я, — сказал он и повелел при звать к себе Медузу.

Явилась Медуза и, недоумевая, зачем это ее требуют во дворец, предстала пред Драконом.

Дракон приказал ей отправиться на остров Саругадзима и захватить там живьем одну из обезьян, живая печень которой необходима для лекарства от болезни его супруги. При этом Дракон пообещал щедро наградить Медузу, если она выполнит поручение толково и успешно.

Не отличающаяся умом и сообразительностью Медуза пришла в замешательство от такого поручения.

— Слушаю! — отвечала она, — но мне никогда еще до сих пор не приходилось захватывать живьем того, что называется обезьяной. Как это сделать, чтобы захватить ее живьем?

Тут выступил Тай.

— Видишь ли... Как бы ты там ни старалась, но захватить живьем обезьяну при помощи одной только силы — дело трудное. Надо как-нибудь обмануть ее! — сказал он.

— Обмануть? А как же обмануть?

— Вот как! Когда ты доберешься до обезьяны, приветствуй ее вежливо и почтительно; наговори ей кучу любезностей, и когда она придет в хорошее расположение духа, когда ты расположишь ее к себе, ты скажи ей: „А кстати, госпожа Обезьяна, не хочешь ли ты прогуляться со мною в наши края? У нас есть там дворец Дракона. Уж и штука же это, скажу я тебе! Что за красота, что за прелесть. Загляденье да и голько! Я покажу тебе, конечно, весь его.“ Вот, расхваливая так на разные лады дворец, завлечи ты ее и доставь сюда.

— Но обезьяна ведь, кажется, не умеет плавать?

— Что же делать? Придется тебе везти ее на своей спине.

„Обезьяна и Медуза“. — Придется тебе везти обезьяну на своей спине, — сказал Тай Медузе.

— Тяжела, пожалуй, будет очень.

— Вот в этом-то и вся штука. Тяжеленька-то она тяжеленька. Ну, перетерпи уж!

— Хорошо! Я все так и сделаю; доставлю ее сюда.

— Смотри же! Будь внимательна; не промахнись на чем-нибудь.

— Постараюсь!

Медуза хорошенько заучила преподанные ей наставления.

— Ну, я отправляюсь, — сказала она и, всплыв на волны, легонько покачиваясь на них, направилась примехонько к острову Саругадзима.

Долго ли, коротко ли, но вот прибыла она на Саругадзима. Огляделась хорошенько кругом.

Глядь! А как раз против нее на сосне, тут как тут, огромная Обезьяна.

„Прекрасно! Ну-ка попробую прежде всего наговорить ей любезностей, как учил меня Таемон *), польстить ей“, — заговорила сама с собой Медуза, увидав Обезьяну, и неторопливо, бесшумно подошла к подножию дерева, на котором сидела она.

— Здравствуй, госпожа Обезьяна! — сказала она громко. — удивительно хороша погода сегодня!

— Мое почтение! Да, погода действительно прекрасная. Но я как будто не видела тебя никогда прежде на нашем острове. Откуда, собственно, пожаловала ты сюда?

— Я? Я из подданных Дракона. Зовут меня Медуза Хопенаи. Слышала я, что этот остров Саругадзима, на котором ты живешь, такое дивное, такое уж хорошее место!.. Ну, вот и собралась нарочно поглядеть его.

— Вот как? Ну, добро пожаловать! — отвечала Обезьяна с дребеза. — Милости просим!

— Благодарю! А приходилось ли тебе, госпожа Обезьяна, видеть когда-нибудь дворец Дракона, в котором я живу?

— Нет; слышать я слышала о нем, но видеть не приходилось.

— Да что ты? Какая жалость! Дворец Дракона... Да знаешь ли, как ни хорошо рисуют его на картинах, но куда же всему этому до того, настоящего, дворца! Нигде во всем свете не сыщешь такой прелесть!

— В самом деле? Ужели так хорош?

*) Обезьяний остров.

*) Емон — нареченье для образования собственных имен; здесь оно наречено к названию рыбы — Тай.

— И-и!.. Да что и говорить! Красота-то уж, такая-то красота! Выходит сад: там и персики, там и каштаны, там и яблоки. Да и как много их! Спят себе круглый год без перерыва; иви сколько хочешь. Эх, хорошее, чудное место дворец этот!

Медуза расхваливала дворец, как только умела; и мало-помалу Обезьяна начала идти на приманку. Она спустилась с дерева на землю и с удовольствием, внимательно слушала Медузу, стараясь не проронить ни слова.

Медуза сообразила, что наступил подходящий момент, и обратилась к Обезьяне:

— Ну, так вот, госпожа Обезьяна, я сейчас отправляюсь обратно, домой к себе. Если ты не видала никогда еще дворца, так это как раз удобный случай. Я могу быть тебе проводником. А? Как думаешь?

— Да видишь ли... Отправиться, отчего не отправиться? Я бы с удовольствием! Только я ведь не умею ходить по воде.

— Ну, это пустое. Тебе и думать не стоит об этом; я отлично доставлю тебя туда на своей спине.

— Совестно мне, право, утруждать тебя.

— Ничего! Тяжеленька ты, правда, но все равно, перетерплю уж как-нибудь.

— Если ты так любезна, то я с удовольствием; хотя, право, мне совестно...

Тут Обезьяна уселась Медузе на спину, и они тронулись в путь по морским волнам.

— Не шевелись, Обезьяна! Свалишься.

— Осторожнее! Плыви, пожалуйста, потихоньку.

Понемногу да понемногу все подвигались они вперед; вот уже и половина пути. Тут Медуза обратилась к Обезьяне:

— А что, Обезьяна, есть у тебя штука, которая называется живой печенью?

Такой неожиданный вопрос удивил Обезьяну.

— Есть-то есть. Да что тебе вздумалось спрашивать об этом?

— А как же! Это очень важно; потому и спрашиваю.

— Очень важно?

— Ну, конечно! Да ты сама скоро узнаешь.

— Скоро узнаю? Но это ужасно! Скажи, пожалуйста, в чем дело? Я очень беспокоюсь.

— Так уж и быть; скажу все тебе; разжалобила ты меня. Дело в том, что у нас опасно заболела светлейшая Дракониха, супруга Дракона. Как там ее ни лечили, она все никак не может поправиться. И вот врач решил, что единственным лекарством против этой болезни может быть живая печень обезьяны. Он говорит, что, будь только эта печень, болезнь мигом можно излечить совершенно. Поэтому-то мне и приказано захватить тебя живьем и доставить во дворец. Теперь, значит, когда ты придешь во дворец Дракона, врач сх а-

тит тебя и вырвет у тебя заживо печень. Жаль мне тебя, беднягу! Право, жаль!

В ужас пришла Обезьяна, прослушав рассказ Медузы. Она вся стала дрожать от страха при мысли об ожидавшей ее участи.

— Так вот оно что! — подумала она. — Такой страшный замысел! Значит, Медуза являлась единственно с целью завлечь меня обманом? Но что делать теперь? Как выйти из этого положения? Ведь я как раз на сере-

„Обезьяна и Медуза“. Дракон приказал ей отправиться на остров Саругадзима...

дне моря. Ладно же! Надо взять себя в руки. Спаситься можно только при помощи какой-нибудь хитрости. Посмотрим, чья возьмет!

Решив на этом, она приняла спокойный, хладнокровный вид и сказала Медузе:

— Только и всего? Благодарю, что сказала. Но отчего все-таки не сказала ты мне об этом раньше?

— Как бы не так! Скажи я тебе раньше, ты ни за что не отправилась бы со мною.

— Глупости говоришь! Такая ли я Обезьяна, чтобы пожалеть одну или даже две из своих печеней. А тут тем более; дело касается супруги Дракона! Да я сама стала бы просить, чтобы мне позволено было преподнести ей печень. Жаль, жаль, что не сказала раньше! Я ведь оставила все свои печени на дереве.

— Как так? Ты оставила печени?..

— Очень просто! Таскать их постоянно с собою, — так мне мешают. Ну, вот, я и вынимаю их на день и вешаю на ветвях дерева. Знаю я только раньше, что нужна печень, я, конечно, захватила бы ее при отправлении, но ты молчала, а мне самой не пришло это в голову; я совсем позабыла про них.

— Вот беда еще! Ну зачем я привезу тебя туда, если при тебе нет печени? На что ты сдалась без нее?

— Что же делать! Видишь, как вышло?.. Как ни жаль мне тебя, но придется вернуться назад.

— Еще раз на остров?

— Да, еще раз. Иначе ведь и печени никак не достанешь.

— Э-эх! Ну ладно; вернемся уж! А верно, что они там, на прежнем месте?

— Там, там! Там есть прекраснейшая, огромная печень!

— Так ты ее именно и захвати!

Глупая Медуза! Не мало труда стоил ей и передний путь, а она опять повернула назад, опять поплыла к острову Саругадзима. Добрались наконец. В один миг вскарабкалась Обезьяна на сосну и, насмешливо глядя с вершины дерева на Медузу, сказала:

— Спасибо, спасибо тебе, госпожа Медуза, за труды! Кланяйся, пожалуйста, от меня Дракону, когда вернешься домой.

— Что ты говоришь, Обезьяна? А печень? Как же так?

Обезьяна презрительно засмеялась.

— Да так же! Неужели-таки я соглашусь, чтобы у меня заживо вырвали печень?

— А условие наше?

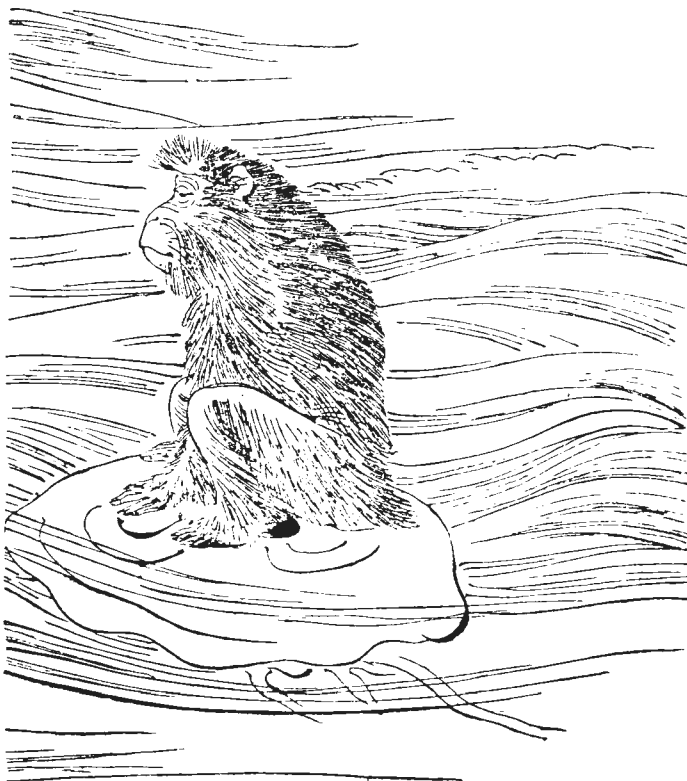
— Чепуха, конечно!

— Как чепуха?

— Да так. Печень внутри у меня, как и надо ей быть; и если ее вырвать, то я должна умереть. Нет, извини, пожалуйста! Не согласна я на это; не отдам! Если уж так хочешь тебе ее, полезай сюда, на дерево. Не залезть только тебе, к сожалению!

Повернув к Медузе свой красный зад и похлопывая по нему, Обезьяна начала насмехаться и издеваться над Медузой, которая тут только поняла, что она попала впросак, обманута Обезьяной.

В бешенстве билась она о берег, но Обезьяна сидела на высоком дереве, и ничего с ней нельзя было поделать.

„Обезьяна и Медуза“. — Не шевелись, Обезьяна! Свалишься.

— Тварь т.д., негодная тварь! Ловко меня обманула. Ладно же! Попомнишь ты меня. Я наждаюсь на тебя Дракону, как только вернусь домой! — кричала Медуза, и со слезами на глазах, с печалью в душе направилась в обратный путь, во дворец Дракона.

А там, во дворце, Дракон совсем потерял терпение, давно

уже до половины пути, но тут она в свою очередь обманула меня наговорив мне, будто она позабыла захватить свою печень и разное такое... — отвечала Медуза, доложив подробно все, как было.

В бешенство пришел Дракон. Оскатил он клыки свои и грозно зарычал:

— Все кости вышибить из тебя! Таким идиотам, как ты, можно жить и без костей. Эй, слуги! Сюда! Вышибить все кости из этой твари и раздробить их, а ее вышвырнуть вон!

Мигом сбежались на грозный окрик властелина слуги и окружили Медузу.

— Пощадите, пощадите меня! — кричала она.

— Дракон приказал. Крепись, мужайся!

Собравшись вокруг Медузы, они выколотили из нее все

„Обезьяна и Медуза“ — Дракон приказал. Крепись, мужайся!

уже ожидая Медузу. Вытнув шею, выглядывал он ее, рассчитав, что уже давно бы пора ей вернуться.

Но вот появилась Медуза, грустная, унылая.

— А! Медуза! Благодарю, благодарю! Захватила Обезьяну? Привезла? Где же она, где? — заговорил Дракон, торопясь и волнуясь.

Медуза пала ниц пред ним.

— Сначала я очень ловко обманула Обезьяну и довезла-было ее

кости и начали дробить их дубинками так, что только хряск пошел. А затем выбросили Медузу вон из дворца.

Сама виновата Медуза! Своей собственной несообразительностью и глупостью вызвала она гнев властелина своего Дракона. И с этого времени стала она действительно Хопенай, т.е., бескостной. Нет у нее ни глаз, нет у нее ни рта.

Так с тех пор и плавает она, вечно колыхаясь на морских волнах.

Дорога

Гнилая нищета страны унынья,
Без света солнце, дали без смерчей,
В седое небо тучи вбили клинья
Туманно-сломанных мечей...
Я еду темный, грустный, злой и вялый,
С тоскливой злостью бью ногой коня,

Плывут ко мне фаланги мокрых галок
И бурый лес в больном сияньи дня...
Коня загнал, разбил, он сдохнет скоро, —
В его глазах, слезясь, синее мгла,
Я желтой кровью тихо крашу шпоры,
В пустынных ветрах слышен крик орла!

Н. Тихонов.

Содержание. ТЕКСТ: Ф. И. Шляпин. Творчество Леонида Добноравова. (Окончание). — Общественные мотивы в художественном творчестве В. Г. Короленко. Очерк В. Евгеньева-Максимова. — Обезьяна и Медуза. Сказка. — Дорога. Стихотворение Н. Тихонова.

РИСУНКИ: Иллюстрация П. Бучкина к монографии Леонида Добноравова „Ф. И. Шляпин“. — Л. М. Добноравов. Шарж П. Бучкина. — В. Г. Короленко.

Портрет работы И. И. Бродского. — В. Г. Короленко в кругу родных и друзей. — „У лукоморья дуб зеленый...“ — Аполлинария Васнецова. — Иллюстрация к сказке „Обезьяна и Медуза“.

Н этому № прилагается „Полного собрания сочинений М. Горького“ книга 23.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКС.

Редактор И. М. Железнов.

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. МАРКС, Петроград, Измайловский проспект, д. № 29.

Библиотека "Руниверс"

ЖИВНА

1918 г.

№ 38.

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 52 книг „Сборника“, содержащих сочинения А. М. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКОГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. М. КАРЬЕВА („Великая Французская Революция“).
Выдан 21 сентября 1918 г. Подписная цена с дост. и перес. на год—36 р., на ½ г.—18 р., на ¼ г.—9 р. Цена этого № (без прилож.)—49 к., с перес. 50 к.

XLIX г.

издания.

Главная Контора и Редакция: Петроград, улица Гоголя, № 22.

Перепечатка иллюстраций и текста воспрещается. (Закон 20-го марта 1911 г.).

Статуя.

из-за ветвей, как призрак
бледный

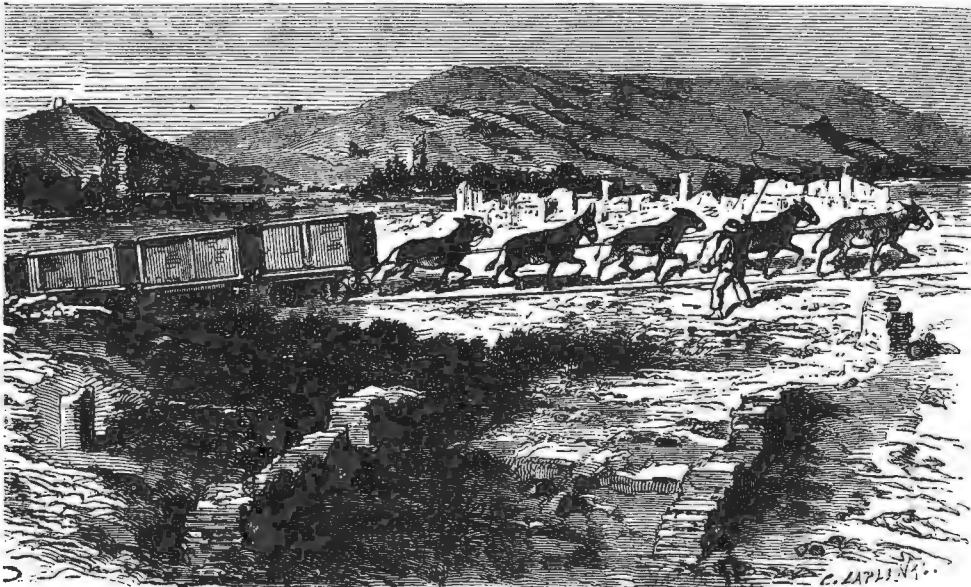
Глядела статуя на нас,
Мятежный день ушел бесследно,
Зари спокойный луч угас,
Любви и счастья гимн победный
Звучал в сердцах в свиданья час...
А меж ветвей, как призрак бледный
Глядела статуя на нас

Полна безмолвного участия,
Но одинока и грустна,
Как день осенний, день ненастья,
Уныла, сумрачна, бледна,
На праздник наш, на наше счастье
Смотрела горестно она—
Полна безмолвного участия,
Но одинока и грустна.

Минули дни... Мечтам и грезам,
Мы с грустью говорим:—прости!
Весенних дней душистым розам
Для нас отныне не цвести:
В немую даль навстречу грозам
Нам порознь суждено идти,
И в час разлуки счастья грезам
Мы с грустью говорим:—прости!

Как призрак бледный, что когда-то
Глядел на нас из-за ветвей,
Ты предо мной, тоской объята
Стоишь без слез и без речей!
И, словно небо в час заката,
Ты все печальней, все бледней,
Как призрак грустный, что когда-то
Глядел на нас из-за ветвей!

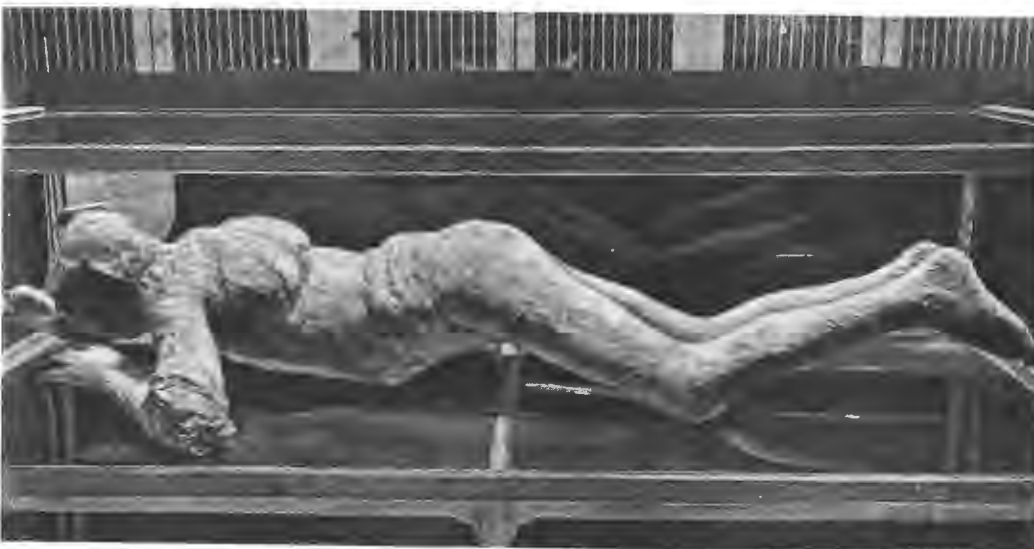
Георгий Аркатов.

Раскопки Помпеи. Рис. 1. Вывозка пепла и шлака. С гравюры 60-х годов.

Рис. 2. Памятник археологу Фиорелли.

Помпеи. Раскопки. Рис. 3. Зацементированный труп женщины.

Помпеи.

Как жили 2.000 лет тому назад.

Очерк Татьяны Варшер.

(С 47 иллюстрациями).

Здесь осеняли недавно Везувия
зеленые лозы,
Здесь благородный их сок влаж-
ные чаны давили.
Здесьние края милее были
Вахху, чем нязы вершин,
Здесь на горе хоровод лихо
сатиры вели.
Нравился больше Венере здесь
храм, чем в Лаконии граде,
Здесь сохранил и Геракл сла-
вное имя свое.
Иные ж засыпано все печаль-
ным пламенем пеплом.
Боги, о следе своей сами жа-
дете вы *).
Марциал.

Помпеи получили всемирную из-
вестность уже после гибели, благо-
даря раскопкам. При своей жизни

Помпеи не играли столь значительной роли, чтобы древние авторы уделяли им много места. Сведения о Помпеях, что называется, приходится вылавливать, — сведения случайные, отрывочные, но и эти сообщения иногда играют роль путеводной нити, хотя, кажется, чаще бывает обратное: раскопки освещают нам данные авторов.

Помпеи расположены у самого подножия Везувия, почти при впадении в море реки Сарно; в настоящее время Сарно незначительная река, из которой окрестные земледельцы получают воду для искусственного орошения рисовых полей, но в древности Сарно была судоходной рекой.

То, что город был „на вулкане“, мало беспокоило жителей: ведь о Везувии было мнение, что он навсегда потух: „Над этими местностями поднимается гора Везувий, покрытая прекрасными полями, кроме вершины; последняя большей частью ровна, но вся бесплодна и на вид похожа на кучу пепла; на ней есть позреватые ложбины между красными, как бы огнем изъеденными камнями; поэтому можно предполагать, что место это некогда горело и в кратерах содержало огонь, но потом потухло, когда не стало горючего материала. Быть-может, это и есть причина плодородия местности“. (Страбон — I в. по Р. X.). Но в 63 году, при Нероне, помпеянцы получили первое предостережение: произошло землетрясение, центром которого были Помпеи. Все же жители не покинули города, а принялись за его восстановление. Окончательная катастрофа наступила, когда строительные работы еще не были закончены.

Извержение Везувия, нанесшее смертельный удар Помпеям, Геркулануму, Стабиям и ряду поселков, описано очевидцем — Плинием Младшим.

Плинию тогда было всего лишь 18 лет, но описал он пережитое уже в зрелом возрасте по просьбе Тацита; великий историк обратился к нему с просьбой описать ему гибель его дяди — Плиния Старшего, командовавшего тогда флотом в Мизенах.

Мать Плиния Младшего — сестра Старшего — обратила внимание последнего на странное облако; оно было похоже на пинию с очень длинным стволом и широко раскиданными ветвями. Немедленно Плиний отдал приказание приготовить для него либурну (яхту) для ближайшего наблюдения над редким явлением природы. Но тут он получил известие, что жителям местечек, расположенных по склонам Везувия, грозит опасность. „Это обстоятельство еще больше утвердило дядю в намерении пуститься в путь: поездка, предпринятая сперва из любознательности, теперь уже становилась подвигом мужества и сострадания к несчастным... Густо падал пепел на корабли: вокруг летали камни, закоптелые и перегорелые,

*) Перевод проф. А. И. Маленга специально сделанный для очерка.

берег становился час от часу неприступнее от скопления глыб и обломков, скатившихся с горы и выброшенных ею. Думали уже о возвращении, но тут дядя заявил: „судьба благоприятствует храбрым, отправляемся к Помпониану“.

Помпониан, друг Плиния, жил в Стабиях; Стабиям еще не грозила непосредственная опасность, но все же он нагрузил лодки своим добром и ждал попутного ветра. Плиний старался ободрить упавших духом, за ужином старался быть веселее, лег спать и тотчас уснул. Он спал, а двор, — единственное место, через которое оставалось возможным пройти в его спальню, — заносило пеплом и кусками пемзы, и если бы он оставался дольше в комнате, ему был бы отрезан выход.

Плиния разбудили и стали обсуждать, как спастись. Решили выбраться. Наступил час рассвета, но была еще ночь, самая темная, самая мрачная. Море бушевало и было совершенно недоступно. Плиний попросил пить, и, лишь только он лег на разостланный плащ, как всех обдал нестерпимый запах серы; с Плинием остались лишь двое рабов; опираясь на них, он приветал, но тут же снова упал и испустил дух. „Когда рассеялся мрак, то был уже третий день — бездыханное тело дяди было найдено нетронутым, прикрытым той одеждой, которая была на нем при отъезде из дома. Он имел скорее вид человека, вкушающего покой, чем мертвого“.

В другом письме Плиний описывает Тациту свои личные переживания во время катастрофы. Он отказался ехать с дядей и оставался в Мизенах. Подземные удары обеспокоили Плиния и его мать, было опасно оставаться во дворе, и они решили выбраться на простор, за город. Толпа горожан отправилась за ними. Повозки подкакивали на ходу, пришлось положить камни, но это не помогало; море отступило от берега, и на песчаном обнаженном дне лежали морские животные. В другом направлении нависла туча, изредка прорезываемая молнией... Затем наступил непроницаемый мрак, не мрак безлунной и облачной ночи, а мрак неосвещенной, плотно замкнутой комнаты. Тогда послышались вопли женщин, плач детей, крики мужчин. Одни звали детей, другие родителей, супруги узнавали друг друга по голосу. Одни оплакивали свою судьбу, другие — судьбу близких. Нашлись люди, которые из страха смерти призывали ее. Одни молились богам, другие утверждали, что богов нет, что для вселенной наступила последняя ночь... Сверху же сыпался пепел, который приходилось постоянно стряхивать с себя. Мало-по-малу мрак начал рассеиваться, показалось и солнце, но столь тусклое, как бывает во время затмений, а вся местность была засыпана толстым слоем пепла.

Помпеи. Раскопки. Рис. 4. Дом Лукреция Фронтона.

Помпеи. Новейшие раскопки. Рис. 6. Скелеты.

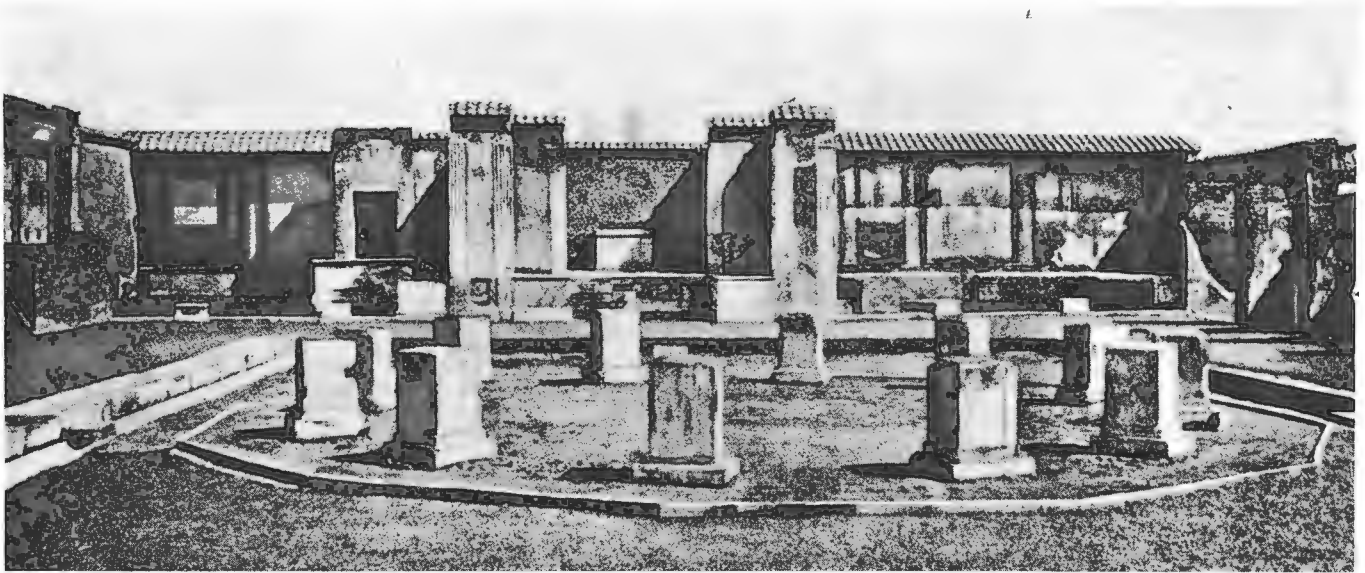
Когда весть о страшном несчастье дошла до Рима, то император Тит назначил двух сенаторов с титулом *Curatores Campaniae restituendae* — „восстановителей Кампании“. Но о восстановлении городов не могло быть и речи: Геркуланум был стерт с лица земли, — грязь, образовавшаяся из пепла и горячей вулканической воды, залила его слоем в несколько метров толщины. Помпеи до верхушек самых высоких зданий были засыпаны пеплом и шлаками. Вероятно, все же комиссии

Помпеи. Рис. 5. Кратер Везувия после извержения в апреле 1906 г.

Помпеи. Рис. 7. Извержение Везувия.

Помпеи. Рис. 8. Мясной рынок (*macellum*).

Помпеи. Рис. 9. Мясной рынок (*macellum*). Реставрация.

сенаторов постаралась помочь жителям спастись, что было возможно, из засыпанного города. Большинство жителей бежало из города до его гибели: ведь катастрофа наступила далеко не так неожиданно, как это принято думать. Историк Дион Кассий, писавший о событии через два века, рассказывает,

Помпеи. Рис. 10. Главный вход в *macellum* с форума.

что в момент катастрофы жители собрались на представлении в амфитреатре, но это несомненно принадлежит к области фантазии. Между тем рассказ этот перешел не только в полубеллетристические произведения, посвященные Помпеям, но и в сочинения, претендующие на научность. Из письма Плиния мы знаем, что уже за несколько дней до катастрофы по всей местности слышались подземные удары, колебались дома, падали вещи, а ведь всему взрослому населению было памятно землетрясение 5-го февраля 63 года. В городах оставались или те, которые все же не верили в опасность, или те, которые не хотели покинуть своих домов, своего добра.

Несколько лет тому назад открыта пристань Помпей: здесь найдено несколько скелетов и около них много монет и

Рис. 11. *Macellum* в Пут еолах.

драгоценностей; вероятно, это были запоздавшие беглецы. Скелеты в самом городе насчитываются сотнями, а ведь, если бы жители оставались в городе, их были бы тысячи: ведь в Помпеях было до двадцати тысяч жителей. Оставшимся в живых жителям пришлось искать новые места для поселения: из одной надписи мы знаем, что судьба забросила помпеянскую семью в далекую Добруджу.

Первыми, кто стал раскапывать засыпанный город, конечно, были его хозяева; надо же было им спастись хотя бы что-либо из движимого имущества. Они рыли целые шахты и штольни, пробивали стены и извлекали все, что только можно было извлечь: забытые при бегстве драгоценности, мраморные статуи, мебель. Таким образом многое безвозвратно исчезло для нас. А за хозяевами пошла и грабитель, в которых никогда не бывает недостатка во время несчастий. Некоторые из них заплатились жизнью: так, найден скелет, придавленный обвалившейся стеной, около него лежит светильник.

А затем в свои права вступила природа. На месте Помпей образовался холм, очень скоро покрывшийся зеленью, а в скором времени засаженный виноградниками. Но какое-то смут-

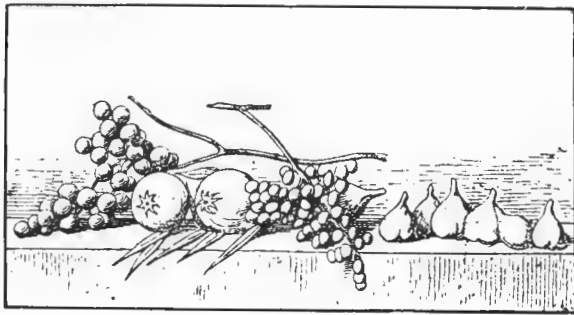

Рис. 12.

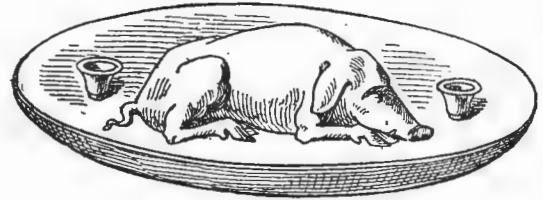

Рис. 13.

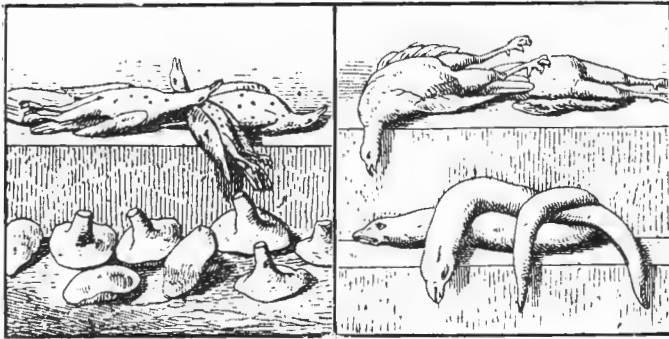

Рис. 14.

Рис. 15.

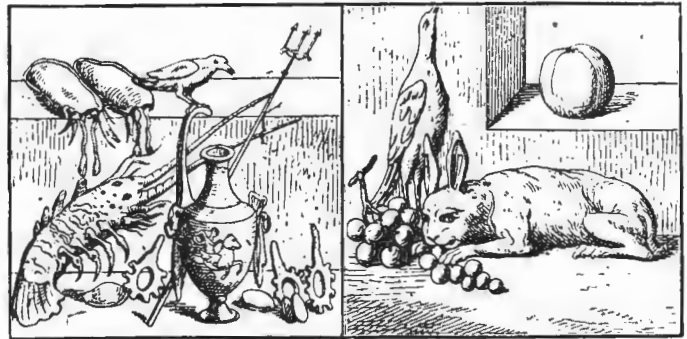

Рис. 16.

Рис. 17.

Помпеи. Фрески в Мясном рынке (macellum).

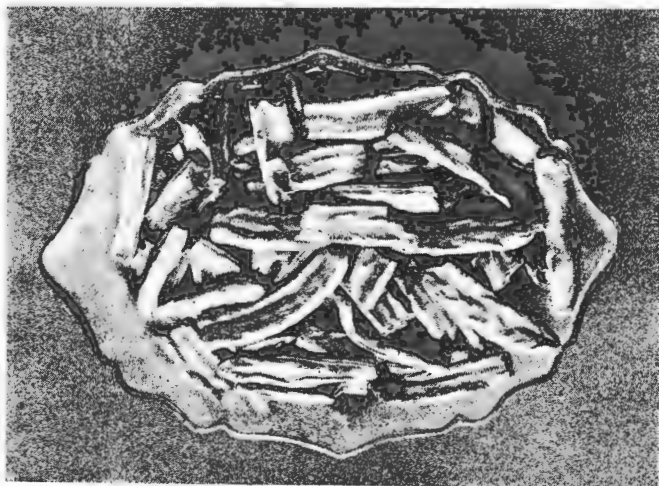

Рис. 18.

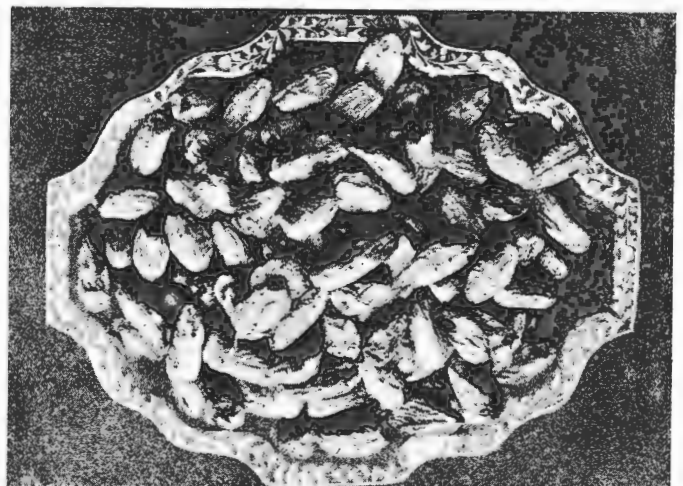

Рис. 19.

Рис. 20.

Рис. 21

Помпеи. Найденные при раскопках и сохранившиеся в обуглившемся виде пищевые продукты, фрукты, плоды (Неаполитанский музей).

ное воспоминание о том, что здесь погребен какой-то город, оставалось. В средние века местность называлась — *civitto* — город. Но, когда, в самом конце XVI века, архитектор Фонтана провел подземный канал для водопровода из Саро в городок Торре Аннунциата, и провел его через всю длину Помпей, он не заметил погребенного города. Впрочем, это и к лучшему: и так приходится жалеть, что раскопки начали производить слишком рано, когда не умели еще достаточно ценить найденного.

Раскопки начали производить не с Помпей, а с Геркуланума, где участок земли приобрел себе маркиз д'Эльбе, а затем перепродал его правительству. Когда же в 1848 году крестьяне, расчищая виноградники, наткнулись на обломки статуй и целый ряд колонн, то король Неаполя и обеих Сицилий Карл III Бурбонский распорядился купить землю у владельцев и поручил дело раскопок испанскому инженеру Алькубери. Эти раскопки производились самым варварским способом; без всякого плана рыли то в одном, то в другом месте, находили предметы искусства, вещи домашнего обихода, наполняли извлеченным добром королевский музей, а открытые здания вновь засыпали мусором. Несколько раз раскопки приостанавливали, находя результаты слишком незначительными, не оправдывающими затраченных трудов и средств. В 1862 году Винкельман встретил всего лишь все семь рабочих, занятых раскопками. Затем число их довели до 30: это большей частью были арстанты и арабы из Туниса. Винкельман, между прочим, заявил, что, если работы будут продолжаться таким медлен-

ным темпом, то только разве четвертое поколение увидит раскопки в законченном виде. Медленность и бестолковость работ вызвали гнев Иосифа II, который обрушился на своего шурина 18-летнего короля Фердинанда, доказывая ему, что раскопки Помпей могли бы придать столько блеска его царствованию... Раскопками заинтересовались и французы; во время шестимесячного существования „Республики Партенопейской“ генерал Шампюнье отрыл два дома. Во время кратковременной реакции неаполитанских Бурбонов было не до раскопок, но, с 1806 г., т.-е. с Иосифа Бонапарта, раскопки стали производить более интенсивно. В 1808 г., т.-е. когда королем Неаполитанским был уже Мюрат, раскопки стали вестись более планомерно, — план выработал Ардити, число же рабочих довели до нескольких сот; особенно интересовалась раскопками супруга Мюрата, королева Каролина, чуть ли не ежедневно посещавшая раскопки.

Сложные судьбы Италии в первой половине XIX века отражались и на ходе раскопок. В бурные годы, в роде 1848 г., конечно, раскопки прекращались. Дело пошло на лад с присоединением Неаполитанского королевства к Италии в 1860 г. Директором раскопок был назначен Джузеппе Фиорелли (рис. 2). Это было началом новой эры для раскопок. Фиорелли исходил из того положения, что Помпеи не рудник для наполнения витрин музеев, а что весь город, как таковой, есть музей. Первым делом надо было расчистить улицы от холмов мусора, оставшихся от прежних раскопок, затем составить план, разделить город на районы. Раскопки с тех пор ведутся

Помпеи. Рис. 22. Мозаика. (Неаполитанский музей).

Помпей. Рис. 23. Мозаика. (Неаполитанский музей).

систематически, шаг за шагом, конечно, очень медленно: прошло уже полтора века с тех пор, как Винкельман посетил Помпеи, а еще приблизительно две пятых города находятся под землей. Зато теперь не может уже так случиться, как случилось раньше, что вместе с мусором выбросили прелестную гемму, зато теперь город действительно воскресает из недр земли. Только то, что рискованно оставлять на месте, переносят в Неаполитанский Национальный музей, например, большинство мозаик; статуи тоже переносят в музей, но на месте их нахождения ставят точные копии. Фрески по возможности оставляют на месте, принимая меры для защиты их от влияния непогоды. В 90-х годах закончили раскопки дома Веттиев, почти целиком восстановив его,—дом этот получил большую известность благодаря бесчисленным воспроизведениям. Также восстановлен и „Дом золоченых амуров“. За самые последние годы восстановлен целый переулок с домами, лавками... И когда от новейших раскопок переходишь к прежним раскопкам, становится невыразимо больно, что так много непоправимо испорчено.

„Открытие Помпей дало впервые реальное обоснование для нашего понимания античного бытия“, — говорит один из исследователей раскопок. В самом деле, материал, который

дает этот „город-консерва“ для познания античной жизни неисчерпаем, нет такого вопроса быта из эпохи приблизительно от VI века до Р. X. по II век по Р. X., который не получил бы того или иного освещения из раскопок Помпей: религиозные культы и искусство, городское самоуправление и частная жизнь, торговля и промышленность, театры, уличная жизнь, чисто-технические вопросы, в роде устройства канализации и водопровода. Но, разрешив не мало вопросов (например, некоторые отделы сочинения „Об архитектуре“ Витрувия, начальника строительных работ при Августе, стали понятны только при изучении домов в Помпеях), Помпеи не раз ставили перед исследователями трудные задачи, не раз вводили их в заблуждение.

Одной из характерных ошибок было неверное определение здания, рисунок которого перед глазами читателя (рис. 8). Даже Фиорелли и тот в данном случае ошибся. В самом деле разве могло сразу прийти в голову, что здание с мраморными колоннами, статуями, с фресками, покрывающими стены вокруг здания—что это „Мясной рынок“ (macellum, мацеллум)—прообраз наших „Сенной“, „Охотного“ и „Обжорного рядов“? Не естественнее ли было предположить, что на двенадцати четырехугольных цоколях, занимающих середину двора и составляющих правильный двенадцатиугольник, стояли двенадцать статуй главных божеств? Так это и предположили, и здание это было

определено, как „Пантеон“. А между тем доколы эти поддерживали не двенадцать статуй, а двенадцать деревянных столбов с таким же навесом (рис. 9), как то ясно видно на рисунке реставрации. Эти круглые строения в роде наших „ротонд“ в общественных садах имели вполне определенное название „толос“ (греческое слово tholos). Есть монета с изображением толоса. Такое же здание было и в Путеолах, развалины его неправильно называют „храм Сераписа“ (рис. 11). Навес над крапом водопровода, где продавцы, хозяйки и их прислужники мыли мясо, чистили рыбу, — в большом количестве здесь найдены кости и рыба чешуя. Вокруг двора шли в два этажа лавки со съестными припасами. Верхний этаж был деревянный и, как таковой, не сохранился. Нет никаких следов лестницы, которая вела бы на второй этаж лавок: повидимому, пользовались приставными деревянными. Зато архитекторы в одном отношении были весьма предусмотрительны: для скоропортящихся товаров было бы неудобно, если бы лавки открывались на юг, потому целый ряд лавок построили так, что они открывались не во внутренний двор рынка, а на север, на так называемую „улицу Августалов“. В лавках нашли монеты, стеклянные бутылочки в огромном количестве, всевозможные глиняные сосуды, наконец, остатки съестных припасов (рис. 18—21).

Рис. 24.
Медья перед убийством своих детей.
Фреска из Геркуланума, сохранившаяся
лучше помпейской.

Рынок находился под особым покровительством императорской фамилии: в глубине здания находился не большой храм (на наших рынках тоже построены часовни), в храме этом сохранились прекрасно две статуи: Октавии, сестры Августа, в одежде жрицы, с жертвенной чашей, палатерой, в руках, и сына ее Маркелла (рис. 27 и 28). Маркелл одно время считался наследником Августа, но он не дождался престола, так как умер 22 лет при жизни Августа. Смерть его оплакивает Вергилий в VI книге Энеиды:

Чадо, молчи, не пытай
о печали неслыханной
рода,
Только покажут сего
лебеса и затем не
дозволят
Быть на земле. Видно
слишком уж оильным бы
мское племя
Вам показалось, о, боги,
когда б вы даров не
отняли.

(Перевод *Квашнина-Самарина*).

От статуи императора Клавдия найдена лишь рука, держащая глобус. Статуи из других двух ниш капеллы, вероятно, унесены жителями. Думают, что это были статуи Агриппины и Нерона, т.е. опять матери и сына. Унесены статуи, украшавшие портик рынка, связывающий рынок с форумом. Хорошо сохранились травертиновые колонны главного входа и особая кладка кирпича ворот, так называемая „сетчатая“.

Медья.

О, заплачешь ты скоро
И запылаешь огнем пуще Медьи самой.
Знай, пока есть на земле и булат, и отрапа, и пламя—
Мести лихой ни один враг не избегнет моей.

Овидий. «Послание Медьи к Ясону».

(Перевод Ф. Ф. Зелинского).

Помпеи. Рис. 25. Стена в macellum, покрытая фресками.

Но не только статуи и колонны украшали мацеллум; лучшим украшением его были фрески (рис. 12—17 и 25). Часть фресок мифологического содержания—Пенелопа, не узнающая Одиссея по возвращении его на Итаку (рис. 28), Медея, в момент, когда она собирается на свое страшное дело—убить своих детей (рис. 24). Фреска на (рисунке 30) изображает праздник Весты, особой покровительницы мельников; потому-то центр картины и занимает большой жернов; в ее праздник давали отдых даже ослам и украшали их венками.

Целый ряд фресок непосредственно связывается с торговлей в мацеллуме: битая птица, дичь, рыба, грибы, все это так нам знакомо по украшениям столовых.

Раскопки воссоздают яркую картину жизни помпейского рынка. Жизнь отлетела, но вся обстановка ее, даже люди, не исчезла, а лишь застыла, обуглилась, и теперь, спустя почти 2.000 лет, по тому, что откопано, по надписям и памятникам искусства, можно живо представить себе, как тогда жили люди, и как сравнительно мало изменились за истекшие два тысячелетия интересы жизни.

С раннего утра было шумно илюдно в мацеллуме. Первыми прибывали крестьяне; они пригоняли скот, особенно свиней и ягнят, приводили навьюченных ослов или же приезжали на телегах-двукошках с плодами своего земледельческого труда. Подъезжали они с улицы Августалов; главный вход, портик которого составлял как бы одно целое с портиком форума, был закрыт для экипажей, так как на форум допускались только пешеходы. Часть крестьян оставалась до вечера, торгуя сама, часть же сбывала свой товар торговцам рынка. Торговцы приводили в порядок лавки, мыли их (воды было вдоволь из водопровода), украшали лавки цветами, привезенными тоже крестьянами, и старались красивее расположить товары.

Капуста нескольких сортов, всевозможный салат, цикорий, латук, щавель, мальва, затем свекла, репа, морковь, чеснок и лук, петрушка, всего было в изобилии. Более предприимчивые хозяева разводили не только тыкву и огурцы, но спаржу и артишоки. Знали уже много приправ: анис, тмин, кардамон, корицу, перец. В конце республики и в начале империи особенно интересовались акклиматизацией привозных фруктовых деревьев: яблок знали до 50 сортов, груш до 30 *). С легкой руки Лукулла, привезшего вишневое дерево из Понта, вишня получила широкое распространение в Италии; давно уже знали и тутовое дерево. Орехи привозили в Помпеи из ближайших местностей; в Кампании много было ореховых рощ, особенно в Пренесте и в Авелле. Стали появляться и фисташки, вывезенные из Средней Азии.

Оживленный торг шел у большой лавки рядом с храмом Клавдия: это была самая большая мясная. Прилавок был так устроен, что вода, которой вымывали мясо, стекала по желобкам вниз и уходила в канализацию. Мясник доказывает крестьянам, что они слишком повысили цену на свиней. Правда, свинина самое любимое блюдо, да и вообще свинья тем хороша, что все идет в дело: печенька, ножки, вымя, — из всего повара умеют готовить тонкие блюда, да все же уж очень дорого запрашивают крестьяне! Крестьяне же возражают, что за цену, которую им предлагает мясник, не стоит и откармливать свиней: это не малый труд. Свинья была жертвенным животным: ни одно семейное торжество не обходилось без жертвоприношения домашним божествам, ларам. Было принято во время званых пиршеств подавать кабана или свинью зажаренными целиком; император Тиберий доводил свою скупость до того, что у него подавали пол-кабана, зато и смеялись же над ним.

Хорошо шел торг и дичиной: много покупали зайцев — известное дело, от употребления заячьего мяса хорошеют. Лакомыми блюдами считалось мясо дикой козы и дикого осли; давно

*) В древности в Италии не было ни апельсинов, ни лимонов, ни помидоров.

Помпеи. Рис. 26. Статуя Маркелла, племянника Августа.

уже некоторые предприниматели стали разводить их в особых парках.

Очень много было и птицы: откормленные гуси, куры, утки, голуби продавались попарно, дрозды пучками по десятку, аисты и журавли поштучно... Цесарки из северной Африки, фазаны с далекого Каспийского моря, павлины из Мидии сначала были редкими птицами, их покупали, как птицу декоративную, для украшения садов, но они так размножились в Италии, что их стали откармливать каштанами и фигами и употреблять в пищу.

Конечно, в Помпеях, как в городе приморском, особенно много было рыбы. Тот же Луккул, который познакомил Италию с вишней, и слава которого, как гастронома, затмила славу его, как крупного полководца, первый завел у себя в Неаполитанской вилле рыбные садки—*piscina vivaria*. Садки эти наполнялись водой морской при

К рис. 28. „Одиссей и Пенелопа“.

Возвращение Одиссея.

Хоть бы знать мне отсутствия повод,
Знать, какой угол земли держит жестокий, тебя.
Лишь я услышу, что гость к нам приплыл из земли
чуждедальней—

Не отпущу, про тебя не расспросивши его,
Не отпущу, не вручивши исписанной хартии длинной,
Чтобы при встрече с тобой мог передать он ее.
Уж послала я в Пилос, почтенного Нестора царство,
Но лишь глухую молву Пилос в ответ мне
вернул;
Уж послала и в Спарту — и Спарте неведома правда,
Где ты блуждаешь, в какой медлишь ты долго земле.

Овидий. «Послание Пенелопы Одиссею»

(Перевод Ф. Ф. Зелинского).

Помпеи. Рис. 28. Одиссей и Пенелопа.

Помпеи. Рис. 27. Статуя Октавии.

помощи водопровода или же устранялись в самом море, при чем небольшой участок у самого берега моря отделялся молом. В мацеллуме был большой выбор рыбы, от самой простой, в роде меры (таега), пискарей, голюпов, шук, камбалы, до более тонких сортов— тунцов, налимов, скумбрии, макрели, краснорыбицы. Море и озера снабжали не только рыбой: еще за 100 лет до Р. Х. предприимчивый Сергей Орат, прославившийся впоследствии изобретением особого рода отопления бань, устроил в Лукринском озере устричный садок. Дела у него пошли великолепно, и у него явились подражатели. Недороги были и краббы, langoustы же были доступны только состоятельным. Всякие ракушки, „морская капуста“, морские жолуди“, все то, что в таком громадном количестве истребляет современный неаполитанец, все это употреблялось и в древности. Красота представителей морской фауны заинтересовала художников, и они нередко брали их, как мотивы для

Помпеи. Рис. 29. Фреска.

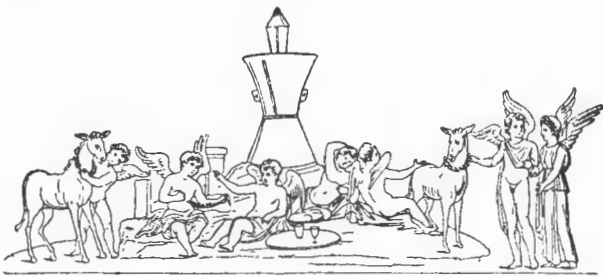

Рис. 30. Праздник Весты. Жернова. (Фреска).

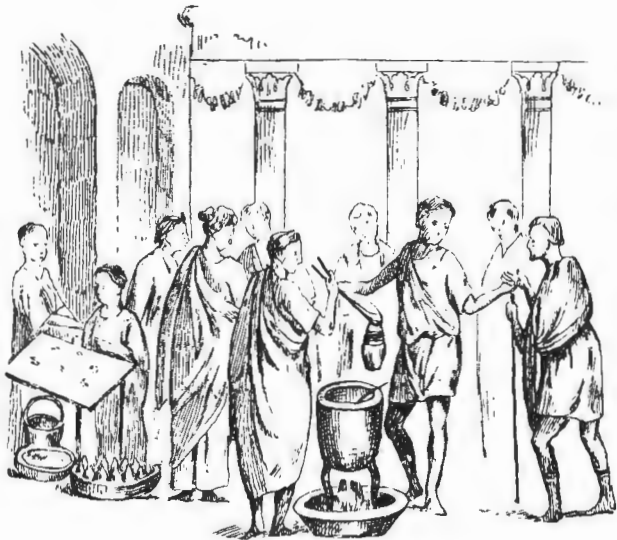

Рис. 31. Продавцы горячих напитков и фруктов. (Фреска).

Рис. 32. Котельщик. (Фреска—Неаполитанский музей).

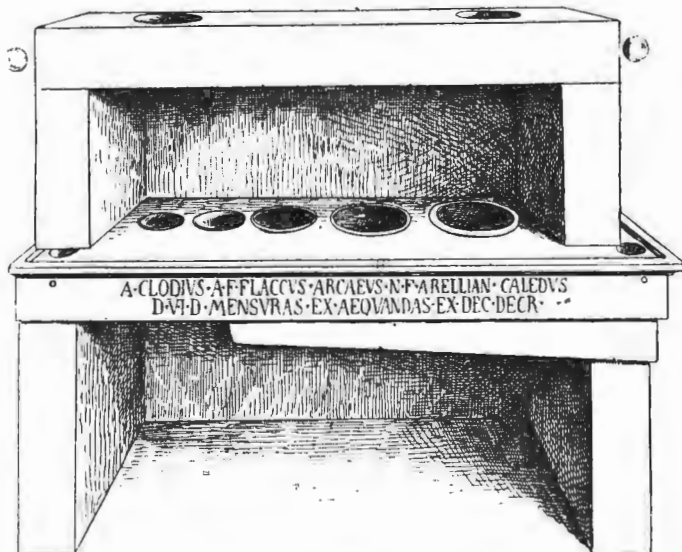

Рис. 33. Стол с мерами.

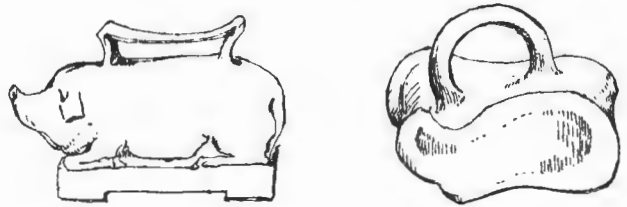

Рис. 34. Бронзовые весы. (Неаполитанский музей).

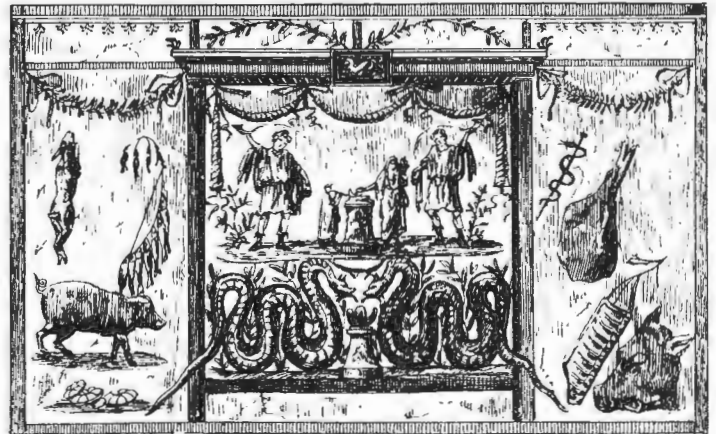

Рис. 35.

Рис. 36. Бронзовые весы. (Неаполитанский музей)

К рис. 33. Сначала меры были окские, заимствованные от греков, но когда Август издал распоряжение об единообразии всех мер по всей империи, то совет помпейских декуронов поручил двум дуумвирам Авду Клодию Флакку и Нумерию Арцею Ареллиану Каледу перевести эти меры на римские; их пришлось увеличить, что и указывает надпись на столе.

Помпеи. Раскопки рынка. Базар.

декоративного искусства, изображали их и на фресках и на мозаиках (рис. 22). Мозаика принадлежит к лучшему, что дали Помпеи.
Рынок наполнялся с раннего утра покупате-

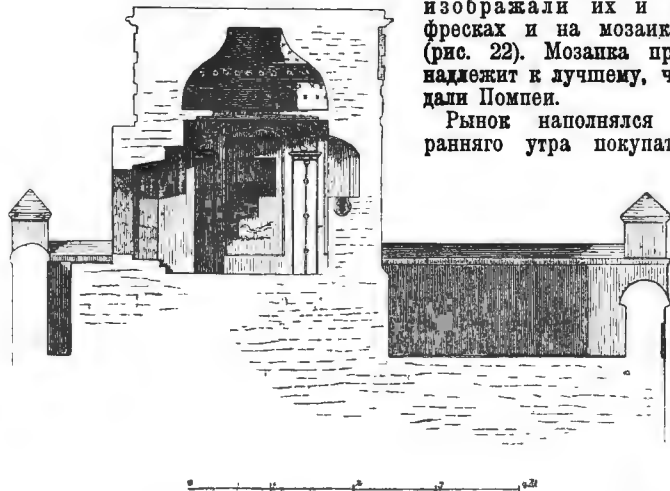

Рис. 37. Гробница Умбриция Скавра.

лями, входившими в него с трех сторон. Становилось все шумнее, крики людей смешивались с блеянием овец, хрюканьем свиней и невыносимым ревом ослов. Хозяйки торговались из-за каждого асса и зорко следили, чтобы их не обвесили и не

Рис. 40. Дом булочника Пакувия Прокла.

Рис. 38. Амфоры.

Рис. 41. Каменный пресс (давильня) для оливок

Рис. 39. Долии—хранилища оливкового масла.

обмерили. Вот одной показалось, что продавец дал ей неполную меру пшеницы, продавец просит проверить его; ведь не даром же на форуме есть стол с установленными мерами сыпучих и жидких тел (рис. 33), и если покупательница его уличит, он не только потеряет доверие покупателей, но подвергнется взысканию со стороны городских властей.

Хорошо идут дела у медника: лишний котел всегда пригодится в хозяйстве, только надо купить умеючи: хорошенько постучать палкой о стенки горшка (рис. 32).

У фруктовой лавки совсем еще молодая хозяйка, недавно попавшая в Помпеи из Ателлы, городка в Кампании, заинтересовалась невиданными ею фруктами; до сих пор она знала „армянское яблоко“ (абрикос) и „персидское“ (персик), а тут ей предлагают „пуническое“ (гранат) и „сидонское“ (айва). Пуническое яблоко само за себя говорит, когда торговец разрежет его и дал ей попробовать; а что же делать с этим некрасивым, зеленым, твердым, как камень, сидонским яблоком? Продавец убеждает ее купить, чтобы отварить с медом. Нет, уж лучше купить хорошего винограду, прессованных фиг и иудейских фиников. Кроме того, ей надо купить шампиньонов и яиц.. У яичной лавки слышится хохот: хозяин показывает громадное яйцо, это—страусовое, ему привезли их вместе с хлебным грузом из Александрии.

Рынок посещают и хозяева: одному нужно разменять деньги, а лавки менял тут же у главного входа, другой, не доверяя жене, пришел нанять дня на два повара по случаю предстоящего праздника, третий — любитель покупать с аукциона, а здесь в мацеллуме есть и аукционная камера.

Вот пришел и хозяин сукновальни. Он хочет переговорить с знакомым ему зажиточным крестьянином, не возьмется ли тот поставить ему на всю зиму сухих бобов для рабов его мастерской. Он говорил вчера с начальником гладиаторской школы, и тот уверял его, что самое выгодное кормить рабов бобами: ничто так не укрепляет мускулов, как бобы, да и дешевле они обойдутся ему, чем каша (puls). А тут подвернулся комиссионер из Путеол: туда прибыл большой груз сушеной рыбы, и хотя рыбу привезли издалека, с Понта Эвксинского, она обойдется дешевле местной. Комиссионер услуж-

Помпеи. Виноделие и маслоделие.

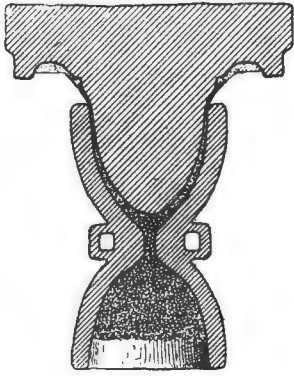

Рис. 42. Жернов
(в разрезе).

Но суконщик решил, что Умбрицем Скавром, розничная лавка которого находится в

Рис. 43. Жернов, приводимый
в движение ослом.

ливо показывает ему образцы и рекомендует самому съездить в Пугеолы, далеко ли тут?

сначала надо посоветоваться с

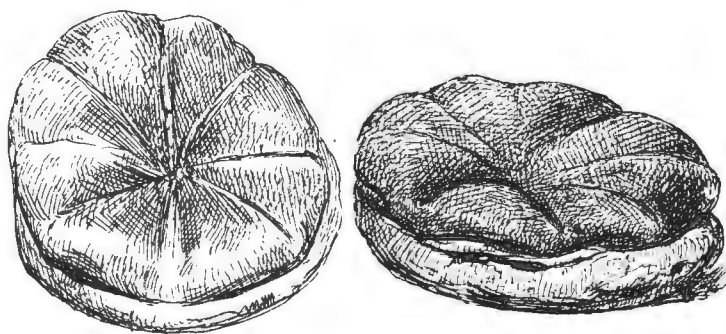

Рис. 44. Хлебы, сохранившиеся в обуглившемся виде.
(Неаполитанский музей).

мацеллуме. Ведь Скавр ему не конкурент, следовательно приятель до известной степени, а кто же лучше понимает толк в рыбе, как не Скавр? Его фирма рыбных соусов далеко известна за пределами Помпей. Особенно славился гарум (garum), который можно было найти на столе записных римских гурманов. Приготавливали его из внутренностей рыб на крепком соляном растворе, давали месяца два бродить, а затем процеживали; что оставалось в сите, тоже шло в продажу, это так называемый алексе (alex), тоже острая приправа хотя бы к мясным блюдам. Целый ряд амфор с клеймами фирмы были выстроены по стенке лавки. Кроме гарума, изготовляли и рыбы консервы на оливковом масле. *Liquamen optimum* (лучший соус), *oliva alba* (белый соус). Торговля у Скавров шла блестяще, с каждым поколением фирма богатела. Отец, переживший своего сына, поставил ему пышный памятник с изображением гладиаторских игр, но отметил, что

сына похоронили на счет города (рис. 37). Очевидно, Скавры были благотворителями города.

Оливковое масло шло не только для рыбных консервов: вся кухня была на нем. Коровье масло было пищей варваров-эракийцев, их в насмешку называли (*buturofagi*) „маслоедцами“. Правда, приходилось иногда и римлянам употреблять коровье масло, но как лекарство: и горлу оно помогало и уши великолепно вылечивало. Вот оливковое масло — без него не сделаешь ни одного хорошего блюда. Да и для технических целей оно было нужно, на нем растирали краски художники, а сколько его шло в бани! Здесь в мацеллуме небольшой магазин его, где кроме того торгуют сыром, уксусом, а в самом городе большие склады, где масло сохраняется в громадных дольях. (рис. 39).

Суконщик подошел поговорить и с булочником: что он думает относительно предстоящих городских выборов, но хитрый булочник дает уклончивый ответ, он спит и видит себя сначала декурионом (гласным), затем эдилом (в роде выборного полицеймейстера), а там и дуумвиром (городским головой). Он уже многого достиг, хлеб его считается лучшим, сбыт находит большой. Он и в мацеллум пришел не столько, чтобы проверить своего приказчика в лавке, как чтобы собрать новости, да кстати справиться, нет ли у кого про-

Рис. 46.

Прокл, раздающий хлеба согражданам в благодарность за избрание его в декурионы. (Фреска).

дажного штрафного раба для его мельницы?

Мельниц-пекарен в Помпеях пока найдено около тридцати, только в трех домах, занимающих чуть ли не целый квартал („*insula*“ остров),—свои пекарни и мельницы, огромное же большинство покупало хлеб уже выпеченным. Рисунок 45 изображает мельницу-пекарню. Жернова (рис. 42 и 43) делались из особого сорта твердой лавы. Помпей славился своими жерновами и торговали ими. Жернов состоял из двух частей: нижний камень, неподвижный, конусообразный, назывался *meta*, подвижный верхний *catillus*, последний по форме напоминает песочные часы: две воронки, соединенные узкими концами вместе. В верхнюю воронку сыпалось зерно, нижняя прикрывала мету. При помощи деревянных рычагов и железных шкивов „*катилл*“ приводился во вращение, и зерно, попавшее между „метой“ и „*катиллом*“, превращалось в муку.

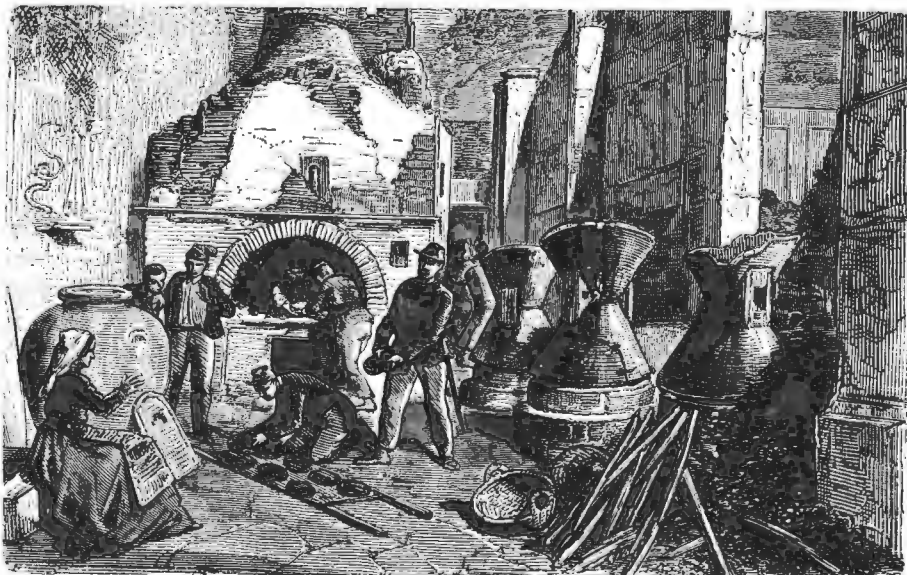

Рис. 45. Хлебы, пролежавшие 2.000 лет под пеплом. С гравюры 60-х годов

Помпеи. Мукомольни и хлебопечение.

Помпеи. Рис. 47. Булочник Пакувий Прокл и его жена.

В I веке по Р. X. только начинали работать при помощи водяной силы и пользовались почти исключительно силой мускульной — рабов и животных. В дышло жернова впрягались раб и осел. В крепостное время в России проштрафившихся дворовых ссылали на птичий двор, в Риме же наказанием рабов была ссылка на мельницы.

В мельницах, соединенных с пекарнями, при чем печь напоминает нашу русскую печь, сохранились квашни, месилки, цистерны. Но самая интересная находка, это — обуглившийся хлеб (рис. 44). При некоторых булочных были и кондитерские отделения: найдены металлические формочки, кружочки тонко нарезанного хлеба. Даже печать была у фирмы, изготовлявшей печения. На одном из хлебов отпечатаны слова *siligo grani*, особый сорт муки, на другом *ciseg*, — гороховую муку подмешивали к пшеничной.

Сдобные хлебы готовились на молоке и меду: тростниковый сахар был известен, как привозный товар из Аравии и Индии, но его употребляли подобно коровьему маслу только, как лекарство. Все сладкое — из фруктов, из теста делалось на меду.

Еще от Катона сохранились рецепты, как делать „*placenta*“, нечто в роде слоеной ватрушки. Но во времена последних десятилетий существования Помпей уже можно было купить кондитерское печение в лавках; во всяком случае пирожники, *libonarii*, *sibonarii* фигурируют в избирательных предвыборных плакатах.

Нажившийся Пакувий Прокл был избран в декурионы, дальнейший ход его карьеры нам неизвестен. Но и выборы в декурионы его весьма порадовали, по этому случаю он раздавал хлебы своим согражданам (рис. 46). Это его не разорило: ведь его дом принадлежит к числу самых богатых и самых изящных в Помпеях (рис. 40). Занятие мельницами, булочными и общественными делами оставляло все же ему досуг: судя по тому, что дом его украшен мраморными копиями с тех масок, в которых артисты играли трагедии, можно предположить, что он был большим театралом, в частности, поклонником греческой драмы. Да и портретом своим (рис. 47) он как бы хочет показать, что хотя он всего лишь булочник, но они с женой не чужды литературы...

Трезвон.

Рассказ И. Н. Потапенко.

I.

Давно началось это, еще тогда, когда в губернский город приехал новый архиерей. Был он из молодых, — и пятидесяти лет ему еще не было, и это почему-то не повяло наставе. Привыкли уж так, что архиереи всегда бывали старые, с белыми бородами, и это узаконилось в представлении всех. А этот, не достигнув еще и пятидесятилетнего возраста, был к тому же еще и молодец: ни одного седого волоса. И борода небольшая — темная, густым кустом. Подчиненные ему духовные лица, особенно из губернской духовной знати, прямо-таки обиделись и между собой тихонько свободомысличали: „что это, так, в насмешку, что ли, к нам прислали эдакого молокососа?“

Но подобные определения можно было произносить очень тихо, так, чтобы даже и слушатель не вполне был уверен, что он именно это слышал. К тому же, обида несколько не помешала всему составу городского духовенства показать новому начальству всю преданность и все смирение. И когда архиерей в первый раз служил в соборе, то к молебствию по случаю его прибытия, после обедни, пришли поголовно все иерей и дьяконы из всех городских и предместных приходов, привезя с собою и облачения, и приняли участие в служении.

Прибыл и о. Амвросий, настоятель небольшого предместья, лежавшего по ту сторону реки, отчего оно и называлось: „Заречное“, — прибыл и принимал участие в молебствии. Архиереем он остался ужасно недоволен, но по другой причине. Молодость и недостаточно старый возраст не казались ему большими недостатками, даже просто недостатками. Что ж, что молод? Значит, заслужил, вот и все.

Но архиерей сказал речь, и эта-то речь и отвратила его. Она относилась собственно к духовенству, хотя соборная церковь была полна штатских прихожан. И надо сказать, что архиерей взял тон престранный и, что называется, хватил через край. Зачем-то ему нужно было показать себя вершиной строгости и неумолимости. Он говорил добрых полчаса, и все это было что-то в роде обвинительного акта против местного духовенства и объявлением всенародным, что он не потерпит и беспощадно будет преследовать нерадение, леность, распушенность и всякие другие преступления.

Батюшки слушали эту речь, потупив очи, и даже головами не покачивали. Где ж тут, еще заметит... И потом, когда вышли из церкви, говорили между собой о чем угодно, только не об архиерее и не о его речи. Мысли у всех были одинаковы, но высказывать их никто не решался даже на ушко. Самые закадычные приятели, во всем доверявшие друг другу, в этом случае воздержались.

А о. Амвросий высказался совершенно открыто. Оттого ли, что такой уж у него был нрав и он не мог переменить его для этого случая, или оттого, что приход его находился по ту сторону реки и он как бы полагал, что там его гнев архиерейский не достанет, но он прямо так и говорил:

— Откуда это он так узнал, что мы все такие грешники? Уж не прозорливец ли он? Помилуй Бог, три дня, как приехал из Петербурга, это, примерно, тысячи за полторы верст, — и уж познал, что мы и лентяи, и нерадивцы, и распушенные. А может, мы святые, в роде ангелов?

Слушали это другие отцы и только головами качали. Думали: „Ох, уж этот отец Амвросий! Ничто ему не страшно, прямо на рожон лезет“.

А о. Амвросий и не думал лезть на рожон. Он был такой же иерей, как и все остальные; была у него семья, состоявшая из пощады и, как водится в духовном быту, множества детей обоего пола, из коих старшие уже повыводили в люди, а младшие еще учились и следовательно нуждались в его заботах. И он несколько не меньше, чем другие, дорожил своим приходом, как единственным источником для прокормления семейства. При таких условиях человеку не до того, чтобы лезть на рожон. А просто у него был такой нрав, что не мог он не высказаться то, что думал. Главное же — совершенно необъяснимая и неискоренимая вера в то, что человек имеет право свободно высказывать то, что думает.

На своем довольно долгом веку, — так как ему было уже добрых пятьдесят пять лет, — он видел многие примеры, доказывающие противное. Скольких упорных иереев за слишком явное пользование своим собственным мнением на его памяти перевели из города в деревню, скольких послали в монастырь на покаяние, скольким воспретили служение, а были случаи даже лишения сана. И все они были не злодеи и не пьяницы, а только имели смелость „противу рожна прати“ — каждый по-своему.

А он вот неукоснительно продолжал верить в это право. Оно-рой его было — честное исполнение обязанностей. „Я честно исполняю свои иерейские обязанности. А что я думаю и говорю, это ни до кого не касается, лишь бы не было противно божеским и человеческим законам.“

Таков был о. Амвросий Кипридийский, сидевший на своем Заречном приходе уже лет тридцать. Высокий, плечистый, крепкий, он представлял собой заметную фигуру, выделяющуюся во всякой толпе. На плечах у него была своеобразная голова — лысая до половины, а оттуда вниз кудрявая. Кудри тонкие, уже посеребрившие, крупными завитками богато ложились по плечам и по спине, а борода у него была недлинная, но широкая и густая, и было в ней, всегда стремящейся несколько вперед, какое-то выражение энергии и внутренней силы.

В городе среди духовенства к нему относились с симпатией, за немногими исключениями — людей могущественных и сильных, которые имели основание считать себя задетыми его отзывами. Ведь все передавалось; так, просто, без злого умысла, приятно бывает передать острое и удачное словцо по адресу ближнего. А о. Амвросий любил прикладывать печати, особенно к именитым протоиереям, вертящим и консисторией и самим архиереем. Так, про кафедрального протоиерея, который отличался необыкновенно объемистым животом и тяжелым весом, он сказал, что его надо бы посадить на соборную крышу, чтобы он там, по образу Господню, попустился сорок дней и сорок ночей, а секретаря консистории Исапова подпустить к нему заместо дьявола, чтобы искушал. Ну, разумеется, это подхватили и носили по городу, пока не дошло до самого кафедрального и — ясное дело, — что после этого о. Амвросий не приобрел в нем себе друга. Про семинарского эконома, рыжего дьякона Авлова, который кормил семинаристов в спасовку и петровку тухлой рыбой и червивой капустой, он высказался, что ежели его, после кончины, назначить экономом во аде, — а уж без сомнения, там ему казенное место уготовано, — то все бесы разбегутся из ада и от его пищи раскаются и станут проситься в ангелы.

Что подделаете с таким человеком, который никак не может отказать себе в удовольствии сказать красное слово?

И так как за это на него дулись и он всегда, можно сказать, висел на волоске, то сочувствующее ему огромное большинство не решалось слишком явно становиться на его сторону, боясь, чтобы гнев, обрушенный на него, не отразился и на них.

Благодаря этому, он в своем духовном кругу не имел друзей, кроме одного — протоиерея Аргусова, его товарища по школе, человека выпивавшего, но, благодаря обладанию несравненным басом, считавшего себя неприкосновенным. Протоиерей искренно любил о. Амвросия и именно за то, ради чего он был лишен друзей. Сам он был человек ума недалекого, что и признавал полностью, и не речист и мнений никогда никаких не высказывал. Ревел себе полагающиеся возгласы и ектении, наполняя высокие своды соборной церкви раслапаленным золотом своего баса, а в свободные часы тянул понемногу чай, наполовину унащенный ромом, что в городе и называлось: „чай по-протоиерейски“. Он часто переходил по мосту речку и навещал о. Амвросия, который хоть и не мог унять за ним по части порции рому, но все же от некоторой примеси его к чаю не отказывался.

II.

И это мнение, высказанное о. Амвросием об архиерее, конечно, несколько не отразилось на его судьбе. Архиерей не узнал о нем. Он знакомился с делами епархии и не имел даже понятия о том, что существует некое предместье Заречное и в нем живет и действует о. Амвросий Кипридийский.

Но, по истечении нескольких месяцев, он узнал это. В Заречье был храмовый праздник и, как ни скромно был приход и сам пригород, заселенный почти исключительно городскими мещанами среднего и малого достатка, но все же прихожане пожелали в этот день видеть в своей небольшой старой церкви архиерейское служение со всею, ему сопутствующею торжественностью. И ходили к архиерею именитые граждане предместья Заречного и просили его, и он согласился.

И было торжественное служение с архиерейским хором и со всем составом, и протоиерей Аргусов потрясал своды предместной церкви своим густым могучим басом. И тогда архиерей узнал, что существует предместье Заречье и в нем на приходе состоит иерей с лысой головой, которая в то же время и кудрявая, и зовут его — о. Амвросий Кипридийский.

Больше ничего не узнал архиерей, так как не успел ни разглядеть его поближе ни познакомиться с его взглядами.

А о. Амвросий во время этого события вел себя, как самый настоящий член архиерейской пасты, решительно ничем не проявляя какой-либо крамольности, бегал, хлопотал, устраивал, старался, чтобы все было получше и чтобы архиерей был доволен. Это и понятно: он был, по существу, настоящий иерей, и сердце его ликовало по случаю торжественного служения. По той же причине он уважал архиерейский сан несколько не менее, чем другие, и, уж конечно, у него не было времени высказать какие-либо замечания по поводу архиерея, хотя

ему, например, не нравилось, как тот служит — слишком просто, без всякого подъема, молитвы читает отрывисто, невнятно, тогда как переполнявшая церковь толпа молящихся ловила каждое слово архиерейское.

Но вышло обстоятельство, которое заставило так о. Амвросия высказаться. Дело в том, что хлопотал не только он, но и попадя его, ей-то досталось хлопот больше, чем ему, и притом деликатного свойства. Она готовила трапезу для всех прибывших из города именитых духовных и светских лиц, а также и близких к церкви прихожан. О, сколько ей пришлось потрудиться над решением этой задачи! Приглашенных было не мало, далеко переваливало за полсотню, и нужно было всех накормить, напоить и главное — всем угодить. Были закуплены в городе горы закусок, а дома изготовлены пироги и птицы, добыта изумляющая своими размерами и достоинствами стерлядь и многое еще другое.

Понятно, что при этом имелось в виду прежде всего монашеское состояние архиерея, и для него были приготовлены особые блюда. Уж уха была такая, какой он наверно никогда в жизни не ел.

И вот, когда после обедни о. Амвросий осмелился, пригласив всех остальных, предложить и архиерею разделить общую трапезу в его доме, архиерей поблагодарил, но сейчас же после службы укатил в своей карете домой. Это произвело на прихожан нехорошее впечатление. О. Амвросий не выразил недовольства, но мнение его на этот счет было таково, что не все слова, коиими оно выражалось, могли быть даже произнесены вслух.

И все были неприятно изумлены и смущены. Даже кафедральный, имевший зуб против о. Амвросия, не решился последовать примеру архиерея, а пришел в дом настоятеля возглавлять трапезу и прелюбезно беседовал с о. Амвросием и его попадью.

Все обошлось прекрасно. Труды и познания попади были всеми оценены по заслугам, пириество затянулось до ночи, об архиерее никто даже и не вспоминал, но о. Амвросий все же был уязвлен. Незаслуженным казалось ему такое пренебрежение — не столько даже к нему лично, как главным образом к обществу. Архиерей проявил гордыню. Если бы еще он привел какие-нибудь причины, но и этого не было: просто, ничего не объяснив, сел в карету и уехал.

Потом кружным путем объяснилось, что архиерей обладает слабым желудком и потому бережется всякого объедения. Но на это о. Амвросий возразил:

— Мы и не собирались насильно закармливать его преосвященство. Он мог бы своевременно и уехать. Но войти в дом и благословить трапезу, — это не обязанность, конечно, а дело такта, — ему надлежало бы.

Но и это событие последствий никаких не имело. Жизнь в Заречье продолжалась обычным порядком.

Шла жизнь и в городе и во всей епархии, но про это нельзя сказать, чтобы тут порядок был обычный. Духовенство, за исключением немногих, стоящих наверху, стонало. Строгости от архиерейского жезла были необыкновенные.

Молодой архиерей, только-что получивший власть и не имевший никакого понятия об условиях жизни своей паствы, очень скоро, сам того не замечая, сделался послушным орудием партии, окружившей его и не пропускавшей к нему голосов настоящей жизни.

Положение архиерея вообще таково, что он может быть или милостив до поущения или несправедлив. Середины для него нет. Если он по природе мягок и добросердечен, он ко всему будетнисходителен и будет прощать всякие провинности —вольные и невольные; если же он активен и задается строгими исправительными целями и желает карать, то он принужден все это делать на основании докладов и разъяснений консистории и разных духовных сановников. Сам он обыденной жизни духовенства видеть и знать не может, она от него слишком далека, а он от нее слишком изолирован своим исключительным саном, своим „архиерейским домом“, куда имеют доступ немногие, своей каретой, из окна которой он благословляет людей, идущих по улице.

И тут он на каждом шагу бывает несправедлив. Питая самые лучшие намерения, он неизменно осуществляет чужие, далеко не лучшие. Этот архиерей именно в такое положение и был поставлен. Его окружали высшие духовные лица, а главным образом секретарь консистории Исапов, тонкая бестия, тот самый, которого о. Амвросий рекомендовал подпустить к кафедральному для искушения заместо дьявола. Исапов делал, что хотел. Архиерей доверился ему вполне. Кажется, они оказались старыми знакомыми и чуть ли даже не товарищами по академии. И, конечно, Исапов был не из тех, что прощают обиды. Он никогда не забывал, что о. Амвросий Кипридский сравнил его с искушающим дьяволом и что это сравнение ходило из уст в уста и имело успех. Но в то же время он был и не из тех, что дают волю своему чувству. Осторожный до последней степени, он терпеливо выжидал самого удобного случая. Наносить удар — так уж верный. А о. Амвросий в своей деятельности настоятеля Заречьевской церкви был безупречен. Обязанности свои исполнял образцово. Правда, язык у него был длинный и острый, но ни

в каких консисторских и иных правилах не дано лазейки, чтоб карать человека за таковые качества языка.

Но вот выпал случай, из которого можно было сделать кой-что. Случай действительно необыкновенный, не имевший в жизни духовных лиц прецедентов, заставивший и все местное духовенство, несмотря на то, что оно уже видело со стороны о. Амвросия многие выходки, ахнуть.

Были именины архиерея, день — единственный в году. Уж это велось с незапамятных времен и при всех архиереях, которых на кафедре переменялось множество, что в этот день, после обедни во всех городских церквах, все иереи спешили в архиерейский дом и там, в приемной зале, приносили архиерею свои поздравления.

Так было и на сей раз: все поспешили. Надели лучшие праздничные рясы, все выслуженные ордена и камилавки, и прибыли в архиерейский дом. И никто, конечно, не заметил, — а архиерей меньше всех, — что из всего состава городского духовенства не прибыл только один о. Амвросий Кипридский.

Но секретарь Исапов заметил. Боясь опшибиться, он, до приема, обошел все ряды и осмотрел все лица. И, чтобы подчеркнуть и иметь свидетельство, озабоченно спрашивал у иереев: а почему же отсутствует о. Амвросий Кипридский? Находится ли он в добром здравье? Не случилось ли чего с ним? Помилуйте: такой день и вдруг...

Таким образом все обратили внимание на то, что о. Амвросий отсутствовал. Когда же вышел архиерей и начались приветственные речи, секретарь тоже сказал речь, начав ее с того, что вот, так, прибыли решительно все иереи города принести приветствие его преосвященству в сей знаменательный день, за исключением одного иерея — из предместья Заречья, почтенного Амвросия Кипридского, что, без сомнения, объясняется либо внезапной болезнью, либо каким-нибудь непреодолимым препятствием...

Торжество кончилось. Архиерей не пригласил свою паству ни к закуске ни к чаю, да на это никто и не рассчитывал. С одной стороны, архиерей успел уже обнаружить по отношению к пастве достаточно высокомерия и сухости, а с другой — архиерейское угощение, архиерейская закуска — Бог с ними. Ни тебе выпить как следует, ни наестся от души. Ведь неловко же. Архиерей ограничился кратким благодарственным словом и отпустил гостей.

Когда потом духовенство узнало, что о. Амвросий не был болен, а совершенно здоров и даже служил в этот день обедню, хотя праздника церковного не было, то очень удивились. Многие спрашивали его, почему же он не был у архиерея. Он на это ответил довольно странно и, как всегда, необычно:

— А чего я там не видал?

И больше никакого пояснения не прибавил. И секретарь стороной узнал, что о. Амвросий не был болен и ничего экстренного у него не случилось в этот день. Это подало ему надежду, и он решил начать расследование. И сам, через неделю после архиерейских именин, о. Амвросий получил из консистории бумагу, которая показалась ему сперва невероятной, но потом он подумал: а впрочем, все может быть.

В бумаге консистория, за подписью секретаря, приглашала его дать объяснение своего неприбытия в архиерейский дом в день памятный святого ангела его преосвященства.

Повертел в руках бумагу о. Амвросий, подумал, и вдруг на него нашло то настроение, когда он, никого не щадя, изрекал красное слово. И захотелось сказать его в бумаге консистории. Сел и написал:

„На запрос консистории сим имею честь объяснить, что, как верный и покорный член духовной паствы его преосвященства, считал бы за высокую честь приглашение быть скромным участником празднования памятного дня святого ангела Владыки, но такового приглашения не был удостоен и посему не счел себя в праве в тот день беспокоить его преосвященство своим посещением“.

И подписался и отослал в консисторию.

Ответ поразил даже секретаря.

„Вот уж подлинно на рожон лезет человек, — подумал секретарь и прибавил, — и пусть лезет, а мы из сего сделаем надлежащее употребление“.

И сделал. На первом же докладе он познакомил архиерея с странным ответом о. Амвросия и сумел дать ему самое злостное объяснение, при чем не преминул охарактеризовать о. Амвросия, как обладателя вредного ума и ядовитого языка, который не щадит самых почтенных начальствующих особ.

Архиерей вполне воспринял и усвоил впущенный в его душу секретарский яд и очень рассердился.

— Такие иереи не должны портить духовное стадо, они должны быть выброшены из него! — сказал он и приказал вызвать к нему о. Амвросия.

О. Амвросий не ждал от этого свидания никакого добра, но у него и в мыслях не было того, что в конце концов из этого вышло.

Увидев его и узнав, что он именно о. Амвросий Кипридский, архиерей прямо набросился на него.

— Какого приглашения ты мог ждать? Как ты смеешь ставить себя на одну доску с архиереем? Не о себе говорю, мне

тично не надобно никаких поздравлений, они меня, монаха, голько стесняют, но сам мой обижает меня.

О. Амвросий выдержал этот первый натиск, а затем спокойно сказал:

— Ваше преосвященство не соблаговолили удостоить мой дом посещением трапезы после храмового праздника церкви Заречья. Не о себе говорю, ибо я слишком скромн и, может-быть, недостойн, но были обижены все лучшие представители прихода. После сего я должен был думать, что и вашему преосвященству не доставит удовольствия видеть меня у себя в доме на вашем празднике...

Архиерей остолбенел от такой речи. Никогда в жизни не слышал он ничего подобного от иерея. И ничего не нашелся сказать, а просто презрительно отвернулся и направился к какому-то просителю. Но гнев его был велик. У него дрожали руки и глаза мигали.

О. Амвросию оставалось уйти, что он и сделал. Но ответ его произвел сенсацию. Когда в городе узнали, что сказал о. Амвросий архиерею, все решили, что его за это непременно лишат сана.

Но до этого не дошло. Иерей Амвросий Киприцкий был предан консисторскому суду, а пока, во время нахождения под судом, ему было воспрещено совершать богослужение. В Заречье был прислан какой-то sereneкий малограмотный иеромонах, который и замещал о. Амвросия.

Пришлось о. Амвросию подчиниться. Попробовали-было изгнать его из занимаемого дома, но тут обожглись. Оказалось, что жил он не в церковном доме, а в своем собственном, который лет пять тому назад, в день празднования двадцатипятилетия его службы на приходе, был поднесен ему прихожанами.

III.

Сильно заскучал о. Амвросий. За тридцать лет службы привык он совершать вечерни, обедни и требы, это сделалось его потребностью. А секретарь, не ожидавший, чтобы суд, все-таки состоявшийся из местных духовных лиц, непременно строго покарал о. Амвросия, нарочно всеми способами тянул дело без конца.

Да и материальное положение о. Амвросия пошатнулось. Он лишился всяких доходов. Прихожане поддерживали его по мере сил, но не могли же они воспитывать и его детей.

Страдал он также и от одиночества. Теперь товарищи из города боялись его, как огня. Всякое близкое общение с ним могло быть поставлено на счет. И единственный человек, не боявшийся секретаря консистории, это был протодьякон Аргузов, который неизменно посещал его и всячески утешал.

— Ты погоди,—говорил он,—потерпи, Амвросий: придет и на них кара, уж непременно придет. Я, брат, заметил, что это всегда приходит. Попляшут они, попляшут, а там, смотришь, и уберут всех куда-нибудь подальше... Особенно секретаря—о, его ждет туз бубновый!..

Но это было плохое утешение. Дело не двигалось. Прихожане подавали коллективные прошения, в которых сообщали архиерею о необыкновенных добродетелях своего пастыря, но наверху к ним оставались совершенно глухи. Посещения же протодьякона Аргузова в последнее время стали о. Амвросию даже тяжелы. Он все заметней изменял в своем стакане соотношение между ромом и чаем, в пользу рома, конечно, и стал форменно наливаться. А подпивши, городил вздор, орал, надрыл голос. Это было неприятно и несколько уже не утешало его.

А однажды протодьякон Аргузов выкинул неожиданную штуку. Осушив дома несколько стаканов своего напитка, пошел на всенощную и там, во время служения, вдруг подошел к архиерею, который обычно стоял в алтаре, и своим гремящим голосом выпалил:

— Владыко-о! Говорю вам, владыко... Несправедливо поступлено с Амвросием Киприцким... Амвросий—честнейшей души иерей, а секретарь Исалов—по-одлеч...

Его, конечно, схватили под руки и увели куда-то в другой притвор, там сняли с него облачение и отвели его домой. Всенощную кончил за него другой дьякон. А на другой день вышел приказ о зачислении его за штат. После этого, при посещениях о. Амвросия, он стал еще несноснее. Пропорция в его стакане еще больше изменилась в пользу рома, голова его становилась еще туманнее, а речи вздорнее. К прежнему вздору прибавилась новая мысль, которая прямо-таки досаждала о. Амвросию.

— Ха! За штат! Слово такое — приличное... Даже пенсион дали!.. А в существе дела — прогнали! А что? Разве нет? Го-

лос, что ли, спал у меня? Как бы не та-ак! Вот слушай: Га-а-га-а-а! — ревел он что было мочи, а затем вдруг поворачивался к о. Амвросию:—А ведь это, брат Амвросий, я ради тебя пострадал! Ты это, брат, помни... По-омни! Не за-бы-ва-ай!

Не раз о. Амвросий готов был поссориться с ним, разойтись хоть навсегда, но старое товарищество и многолетнее приятие удерживали. Он, положим, пьяный, распустился человек вконец и без особой причины. Первое — поделом. Нельзя в пьяном виде служить всенощную. Это неуважение к своему сану и к святому месту. А второе — и архиерею нельзя в таком тоне говорить. Ну, а все-таки — жаль старика. Ему и пойти-то не к кому, кроме как к нему. Кто станет выслушивать его вздорные пьяные разговоры?

Так тянулось время — несколько месяцев. Секретарь Исалов наслаждался низкой местью и выдерживал бумаги по его делу под сукном.

Но случилось нечто невероятное, небывалое, невообразимое. Далеко на севере умирал старый мир и нарождался новый, но здесь, в губернском городе, никто еще ничего не понимал.

Наконец, дошло и сюда. Словно порыв урагана повалил дома, заборы, деревья и церкви, все смешалось, все понеслось на улицу, раздались новые песни, неслыханные слова. И в то время, как обыватели еще только прихотили в себя, великое дело уже совершилось. Не стало губернатора, исчез грозный полицмейстер, убежали с своих вечных и незыблемых постов городовые, полетели в пропасть старые—дума, управа, разные управления и канцелярии, а на их месте выросло что-то совсем новое, невиданное.

Духовенство не знало, как ему быть, но его никто не трогал, и архиерей, этот строгий блюститель нравов и каратель пороков, сидел на своем месте. Еще сидел, но почему-то дрожал и, вместо того, чтобы, пользуясь своим неприкосновенным положением, высоким авторитетом и саном, подержать дух своей смутившейся паствы, влить в нее бодрость и показать путь, которого ей следует держаться, он спрятался, заперся в своих покоях, ни к кому не выходил, никого не впускал к себе.

Но несколько иначе отнесся к событиям о. Амвросий Киприцкий. Он первый из губернского духовенства почувал в событиях живой дух. Пришел он в церковь и велел сторожу взлезть на колокольню и звонить. И поднялся трезвон — долгий, радостный, веселый, как в день Пасхи. И странно было слышать этот звон. Вот уже несколько дней, как колокола онемели на всех колокольнях губернского города. И вдруг трезвон и где же? В Заречье. Оттуда несутся волны радостно потрясенного воздуха, оттуда идут звуки—волнующие, будящие, зовущие.

И на этот зов люди шли. Торопливо перебежали по мосту и собирались к небольшой церкви предместья. Вот уже полна церковь и ограда, наполняется площадь около церкви. О. Амвросий выходит на паперть в светлой пасхальной ризе, а за ним появляется — в стихаре с орарем, так необыкновенно перекрещенным на груди, — протодьякон Аргузов. Все знают его. Нет в церкви ни одного человека, который не знал бы протодьякона Аргузова, чей изумительный голос так много лет в соборной церкви возглашал хвалу Богу. И они оба—запрещенные — явились перед народом в светлых одеяниях, чтобы сказать ему—да вот о. Амвросий и говорит, напрягая голос изо всех сил, чтобы его слышали:

— Братья-христиане! Народ православный! Бог послал родине нашей великое благо — свободу! И я призвал вас колокольным звоном, чтобы вы знали, что и церковь славит Бога за этот великий дар. Вот и я и брат мой—мы оба томилась в неволе, отставленные от алтаря Господня, коему служили честно и нелицемерно по тридцать лет каждый, и мы получили свободу служить Богу и вере! Возблагодарим же Господа за дарованную нам свободу...

Он повернулся лицом к церковной двери, а протодьякон густым своим басом возгласил:

— Благослови, владыко...

И началось благодарственное за свободу молебствие, в котором хором был весь собравшийся народ. Зрелище было изумительное. О нем потом долго говорил весь город, и о. Амвросию начали подражать иерей в других церквях.

Уехал куда-то архиерей, исчезла консистория, а с нею и секретарь; вышел за штат толстый кафедральный протоиерей, а о. Амвросий с протодьяконом, изгнав sereneкого монаха, восстановили себя во всех правах и служат службы.

Содержание. ТЕКСТ: Статуя. Стихотворение Георгия Аркатова. — Помпей. Как жили 2.000 лет тому назад. Очерк Татьяны Варшер. (С 47 иллюстрациями).—Трезвон. Рассказ И. Н. Потапенко.

РИСУНКИ: Иллюстрация Н. Самокиш к стихотворению Георгия Аркатова „Статуя“.—Иллюстрация к очерку Татьяны Варшер „Помпей“. К этому № прилагается „Полного собрания сочинений М. Горького“ книга 24.

ЖЖВА

1918 г.

№ 39.

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложениями 52 книг „Сборника“, содержащих сочинения А. И. ГЕРЦЕНА, М. ГОРЬКАГО, В. Г. КОРОЛЕНКО, П. БЕРАНЖЕ и Н. И. КАРЬЕВА („Великая Французская Революция“).
Выдан 28 сентября 1918 г. Подписная цена с дост. и перес. на год—36 р., на 1/2 г.—18 р., на 1/4 г.—9 р. Цена этого № (без прилож.)—40 к., с перес. 50 к.

XLIX г.

издания.

Главная Контора и Редакция: Петроград, улица Гоголя, № 22.

Перепечатка иллюстраций и текста воспрещается. (Закон 20-го марта 1911 г.)

Париж времен великой революции.

Очерк проф. Н. И. Кареева.

(С 18 иллюстрациями).

I.

Читатели книг по истории французской революции постоянно встречаются в них с названиями разных местностей Парижа, его кварталов, улиц, площадей, а также отдельных зданий, так или иначе связанных с происходившими тогда событиями. Люди, никогда не бывавшие в Париже или не знакомые, по крайней мере, с описаниями Парижа, с его планом, с изображениями его архитектурных памятников, вынуждены довольствоваться названиями, мало что им говорящими, а от этого для громадного большинства читателей описания событий много теряют в своей наглядности.

Наш очерк Парижа в эпоху революции 1789—1799 гг. и иллюстрирующие его рисунки имеют целью восполнить этот пробел.

По пространству Париж в конце XVIII века был приблизительно вдвое меньше теперешнего. Он весь заключался внутри так называемых в настоящее время Внешних Бульваров, при чем пространство, занимавшееся Парижем, разделялось на центральную часть, или „город“ в тесном смысле, и на „предместья“. Границей, отделявшей предместья от города, была линия внутренних бульваров, заменивших средневековую городскую стену.

„Город“, это — древнейшая часть Парижа, вокруг которой, за пределами прежних укреплений, замененных бульварами, лишь с течением времени возникли непосредственно примыкавшие к ним слободы, нечто в роде древнерусского посада, и всею своею совокупностью составившие парижские предместья. Так принято у нас переводить французское слово „faubourgs“ (фобур), пользуясь польским термином „przedmieście“ (пред-

месьце), т.-е. передместье, как бы передгородье (по-польски город — място, место). И в теперешнем Париже не совсем еще изгладилось из памяти это старое деление: большие улицы, идущие из центра к окраинам, за внутренними бульварами уже обозначаются, как улицы предместий; например, улица св. Иакова (Сен-Жак) за бульваром называется уже „улицей предместья св. Иакова“, улица св. Дионисия (Сен-Дени) — „улицей предместья св. Дионисия“, улица св. Мартина — „улицей предместья св. Мартина“ и т. п. Там, где улица „города“ переходила в улицу „предместья“, в прежней городской стене были ворота, из которых до нашего времени сохранились двое: св. Дионисия (Сен-Дени) и св. Мартина (Сен-Мартен — стр. 610).

В данном отношении Париж — типичный представитель города, возникшего в средние века; его очень напоминает наша Москва, в которой тоже имеется окружающая центральную часть линия бульваров, соответствующая внутренним парижским (или „Большим“, как они теперь называются), затем дальше от центра Садовая улица (парижские Внешние Бульвары) и наконец так называемый Камер-Коллежский Вал (теперешние парижские фортификации). В Москве даже сохранилось обозначение воротами (Арбатские ворота, Никитские ворота и т. д.) площадей, прерывающих собою линию бульваров *).

От XVIII века сохранилось очень много планов Парижа, по которым можно судить, как мало были застроены предместья сравнительно с центральной частью города. Там улиц было немного, и большие пространства были заняты пустырями, огородами, садами, складами строевого дерева и дров и т. п. Особенно хорошее представление о Париже XVIII века (1734—1739 гг.) дает знаменитый план Тюрга (не министра, а его деда) на 20 больших листах, покрывающих собою пространство длиной в 3 аршина 12 вершков, шириною же в 3 аршина без полувершка, так что вся площадь, занимаемая этим планом, составляет более 11 квадратных аршин. Замечательная еще особенность этого плана заключается в том, что на нем, как на картине, изображены самые здания (дома, церкви, дворцы), а также сады, цветники, огороды **, что можно видеть на воспроизведенном на стр. 610 образце, составляющем только около 1/200 части всего плана. Здесь изображена часть правого берега Сены и рукава между этим берегом и островом Ситэ. Из зданий отмечу Отель-де-вилль (Ратушу, наверху) и церковь св. Иакова (Сен-Жак, внизу), а также заслуживает внимания мост Нотр-Дам с построенными на нем домами. Обо всем этом подробнее сказано ниже.

В то время, как в центральных районах Парижа на каждой тысяче квадратных туазов (приблизительно равных саженам) жило более 300—500, а в иных местах 100—200 душ, на предместья, составлявшие большую часть площади Парижа, приходилось менее 100 и 50 душ на том же пространстве в одну тысячу кв. туазов. Даже знаменитые кварталы на ю.-в. Парижа, св. Антония (на правом берегу Сены) и св. Марцелла (на левом берегу) были населены очень слабо (менее 50 человек на тысячу кв. т.), а между тем они-то и играли особенно видную роль в событиях революции. Немало их выступлений мешало то обстоятельство, что между обоими этими предместьями не было моста через реку.

* В моей „Великой французской революции“ (прилож. к „Ниве“ с. г., стр. X) дан схематический план Парижа, по которому можно наглядно проверить сказанное.

** Подробное описание этого плана было мною дано в „Русском Библиографе“ за 1915 г., вып. I.

Знаменитая Бастилия (стр. 611) находилась между внутренним городом и предместьем Сент-Антуан, а несколько севернее ее, тоже между городом и предместьем, был другой замок, Тампль (стр. 611), куда был заключен Людовик XVI. Самую центральную часть города составляли оба берега Сены с большим островом между ними, носящим название Ситэ. На этом острове из зданий, упоминаемых в истории революции, находятся собор Парижской Богоматери (Нотр-Дам де-Пари) (стр. 612) с дворцом архиепископа (Аршевешэ) и Консьержери (стр. 613), место заключения многих деятелей революции, а также Мари-Антуанеты. Против острова на правом берегу стояло здание Ратуши (Отель-де-вилль—(стр. 615), а немного ниже по течению Сены, т. е. к западу на правом берегу реки находится великолепный дворец Лувр (стр. 612 и 613), несколько же дальше, но в ближайшем соседстве был ныне не существующий больше (с 1871 г.) Тюильрийский дворец (стр. 614). Здесь же около них (к северу) был и дворец герцога Орлеанского, столь часто упоминаемый Пале-Рояль со своим публичным садом (стр. 614). К западу от Тюильри был большой сад того же имени, еще дальше площадь Людовика XV, переименованная в площадь Революции и сделавшаяся местом публичных казней, а еще дальше до самого края Парижа находились Елисейские поля со своими великолепными аллеями.

Нотр-Дам, Аршевешэ, Консьержери на острове, Отель-де-вилль, Лувр, Тюильри, Пале-Рояль на северном берегу,—все это находилось вблизи одно от другого на расстоянии каких-нибудь полутора верст между крайними пунктами. На южном (левом) берегу Сены, как раз против Лувра находился дворец Мазарини, где помещалась прежде дворянская школа „четырех надий“. Прямо к югу от него, на очень небольшом расстоянии, около старинного монастыря Сен-Жермен де-Пре была построенная его монахами тюрьма, известная под именем Аббатства (Аббэй) и бывшая местом заключения, например, Шарлотты Кордэ и г-жи Ролан. Еще дальше к югу и на близких расстояниях одно от другого были такие здания, как Люксембургский дворец (стр. 614) с большим садом, сделавшийся местом пребывания Директории, Французский театр (ныне Одеон), университет (Сорбонна) и только-что построенная новая церковь св. Женеьевы, превращенная во время революции в „Пантеон“ (стр. 615)—место вечного упокоения великих людей. В сущности, и эта группа зданий отстояла от правобережной не очень далеко: расстояние от Пантеона до Нотр-Дам менее одной версты. Так в тогдaшнем Париже было все сосредоточено на сравнительно небольшом пространстве. Только Дом Инвалидов (стр. 616), тоже игравший роль в истории революции, был на

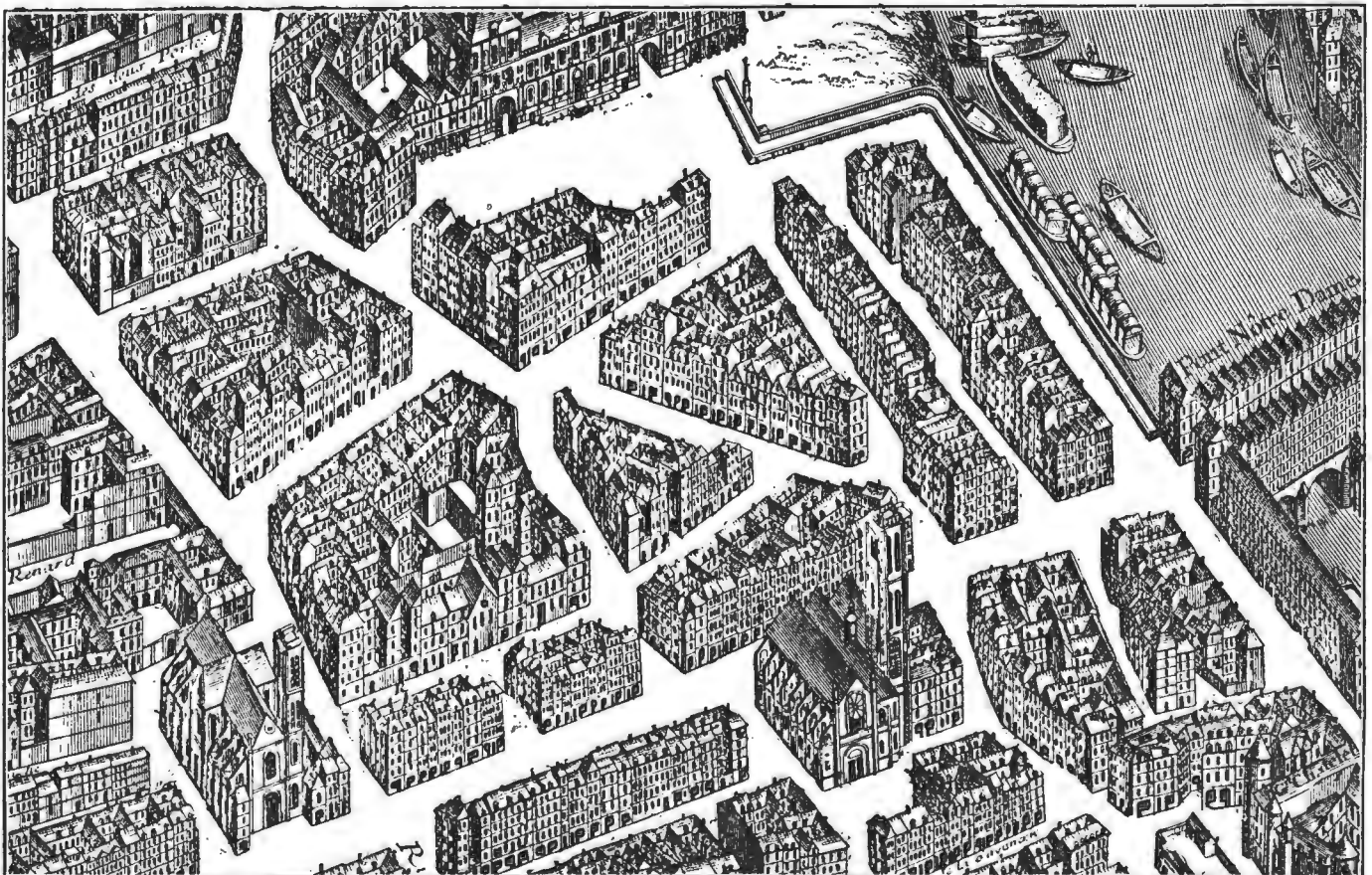

Ворота св. Мартина (Сен-Мартен).

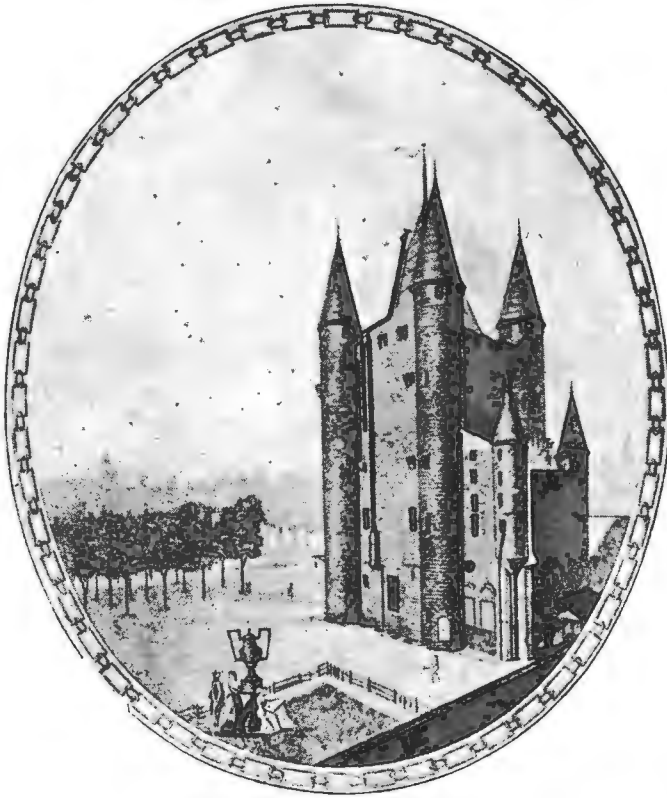
отлете, в очень мало населенной западной части города, где, еще ближе к краю, находится и теперь Марсово поле, с именем которого связаны воспоминания о празднике Федерации 14-го июля 1790 г. и о боине 17-го июля 1791 г. *).

Центральные кварталы Парижа довольно резко отличались иногда один от другого по характеру своего населения. Когда Париж был разделен в 1790 г. на сорок восемь участков (сек-

* См. рисунки на стр. XXXVI и XXXVIII „Великой французской революции, (прилож. к „Ниве“ с. г.).

План Парижа, составленный во времена Тюрго (1/200 часть). Правый берег р. Сены и рукава между берегом и островом Ситэ.

Париж. Тампль—место заключения Людовика XVI.

ций), они оказались настроенными далеко неодинаково в политическом отношении: одни были радикальные, другие консервативные, конечно, в зависимости от состава населения *). Были кварталы с большим количеством аристократических особняков, начавших, однако, пустеть с усилением эмиграции, или где жило особенно много либо судебных (судей, прокуроров, стряпчих, адвокатов, нотариусов), либо богатых представителей промышленности и торговли, кварталы с ремесленным или чисто-рабочим населением, наконец знаменитый Латинский квартал (около Сорбонны, Пантеона и Люксембургского дворца), населенный профессорами, студентами, книгопродавцами, держателями мебелированных комнат, владельцами ла-

*) Ср. главу XI моей „Великой французской революции“.

вок с письменными принадлежностями или переплетных заведений и т. п. Везде, конечно, можно было найти в населении отдельных секций демократические элементы, но не везде они были одинаково многочисленны и влиятельны. Об отношении отдельных секций к революции можно судить по тем названиям, которые они себе давали *), но многие назывались так или иначе вне всякой зависимости от политики, — по тем замечательным зданиям, которые находились на их территориях. Таковы были секции Тюильри, Пале-Рояля (временно Горы), Лувра (временно Музейская), Тампля, Ратуши (временно Общинного Дома), Нотр-Дам, Инвалидов, Французского Театра (временно Марата), Люксембурга (временно Муция Сцевола), св. Женевьевы (или Французского Пантеона) и т. п. Другие секции сохраняли (хотя и не всегда) названия, данные им по каким-либо улицам или площадям и т. п.: одна, например, называлась секцией Ботанического Сада, а временно секцией Санкулотов. Если секция называла себя секцией Мирабо или Марата, секцией Общественного Договора или Прав Человека, секцией Братства или Разума, Республики или Революционной, то этим самым подчеркивала свои политические симпатии.

Что касается цифры населения Парижа, то вполне точных сведений на этот счет мы не имеем для периода революции. Современники и новейшие ученые определяли ее для первых лет революции то в 522—524 тысячи, то в 640—660 тысяч, что составляет разницу чуть не в полтораста тысяч. Первый точный подсчет, произведенный в 1800 году, дал цифру 547.756 душ, так что население Парижа едва ли превосходило шестьсот тысяч человек, хотя и это для того времени составляло необычайно громадную цифру.

II

Исходным пунктом революционного движения в Париже, начавшегося в середине июля **), был Пале-Рояль. Название его значит „Королевский дворец“, но он принадлежал одному из „принцев крови“, родственнику Людовика XVI, герцогу Филиппу Орлеанскому. Пале-Рояль занимал во время революции большой продолговатый четырехугольник, внутри которого был сад, замкнутый с трех сторон галереями-арками, с великим множеством магазинов, кофеен, ресторанов, и здесь всегда было много гуляющих до самого позднего часа ***). Тут же помещалось несколько небольших театральных и концертных зал, где потом происходили заседания некоторых клубов. С момента открытия Генеральных Штатов публичка толпилась в Пале-Рояле день и ночь, чтобы узнавать новости, слушать ораторов, устраивать разные демонстрации. Отсюда 12-го июля 1789 года началось революционное движение, приведшее ко взятию Бастилии, как и впоследствии здесь же происходило много бурных оборотов, а иногда и драк между приверженцами разных партий. Когда владелец Пале-Рояля стал называть себя „гражданином

*) „Великая французская революция“, стр. 163.

**) Там же, стр. 139.

***) Кроме рисунка, изображающего сад Пале-Рояля в теперешнем виде (стр. 614) см. рис. на стр. XXXII „Великой французской революции“

Париж. Бастилия.

Эгалитэ" (Равенство), сам дворец тоже переименован был в Пале-Эгалитэ. После казни герцога все это громадное здание, уже раньше проданное его займодавцами, сделалось государственным достоянием. При Директории сад, галлерей и залы дворца стали средоточием реакционных выступлений.

Пале-Рояль сохранил в общем свой вид и доныне, но уже без шумной толпы, которая отхлынула на Большие Бульвары. В его саду теперь красуется памятник Камиллу Демулену, произнесшему здесь свою знаменитую революционную речь, — момент, который был запечатлен на многих картинах того времени: на пьедестале, едва возвышающемся над землю, бронзовый Демулен представлен влезавшим на садовый стул, чтобы сказать с него свою речь.

Другим центром народных движений в Париже был Отель-де-вилль, или Ратуша, здание городского совета, место заседаний Коммуны. Перед ним находилась так называемая Гревская площадь, бывшая местом народных сборищ, и именно отсюда 14-го июля 1789 года двинулась толпа к Дому Инвалидов, чтобы овладеть имевшимся там складом оружия, да и вообще с Ратушей связано много событий революции. В 1871 году это здание сгорело во время восстания Коммуны, но на его месте выстроено новое в том же архитектурном стиле, но более обширное и величественное.

14-го июля 1789 года народной толпе, желавшей запастись оружием, пришлось совершить путешествие за три с лишним версты к Дому Инвалидов, но когда пришла туда эта толпа, здание уже было захвачено соседними жителями, и брать с бою его не пришлось. Это была громадная военная богадельня, в которой содержалось от 4 до 5 тысяч больных и увечных воинов, которые, однако, тоже вмешивались в политику. В 1799 году инвалиды даже примкнули к перевороту 18-го брюмера. Секция Инвалидов, занимавшая западную окраину Парижа на левом берегу Сены, заключала вообще в своем населении, очень редком, много военных; там же находилась громадная военная школа, где стояли большие кавалерийские отряды, а воспитанников давно уже не было. Между этою школою и Сеной лежало Марсово поле, — площадь с версту в длину и немного менее полуверсты в ширину.

От Дома Инвалидов до Бастилии было по воздушной линии около четырех верст, на протяжении которых находились самые населенные кварталы Парижа. Знаменитая „твердыня деспотизма“ была первоначально сторожевою башнею (бастидой) у городских ворот св. Антония до образования еще предместья этого имени, пока во второй половине XIV века эта „бастида св. Антония“ не превратилась в более солидный замок, состоявший уже из шести башен, соединенных между собою высокою стеною, к которым в середине XVI века были пристроены еще две башни, и когда, кроме того, все это громадное здание было окружено глубоким рвом. Сначала Бастилия служила убежищем для короля и для знатных лиц во время междоусобий и неприятельских нашествий, а с конца XV века превратилась в государственную тюрьму, продолжая по временам быть и военным оплотом, который был способен оказывать долгое сопротивление. С внешним миром Бастилия сообщалась подъемным мостом через ров в 12 — 13 сажень глубины и в 4 сажени

Париж. Луврская колоннада.

ширины и имела большой внутренний двор, окруженный восемью башнями, между которыми были толстые стены. „Твердыня деспотизма“ была так ненавидима в обществе, что уже за пять лет до революции был проект срыть ее до основания и на ее месте устроить площадь Людовика XVI. После взятия Бастилии 14-го июля 1789 года эта мысль стала приводиться в исполнение, но работы над разрушением всего здания продолжались около двух лет. Здесь, действительно, образовалась большая площадь, получившая название Бастильской, сохраняемое ею и теперь. Открыта она была летом 1792 года и сделалась местом многих народных празднеств. Впоследствии на ней был воздвигнут памятник в память июльской революции 1830 года. С именами Пале-Рояля, Отель-де-вилля, Дома Инвалидов и Бастилии связаны события первых недель революции, когда король и Национальное Собрание находились еще в Версале, в полутора-двух десятках верст от Парижа. В октябре 1789 года парижское население принудило их переселиться в самый город.

Более ста лет королевской резиденцией был не Париж, а Версаль, — этот город-дворец, построенный Людовиком XIV. В Париже, между тем, были старые королевские дворцы Лувр и Тюильри, занимавшие со своими дворами площадь длиною сажень в четыреста. Лувр, заложенный еще в середине XVI века, отстраивался и расширялся в течение целых столетий с более или менее значительными перерывами. Перед революцией в различных помещениях этого громадного дворца, между прочим, хранились разные произведения искусства, устраивались художественные выставки, происходили заседания академий и даже были квартиры и мастерские придворных живописцев

Париж. Собор Парижской Богоматери. (Нотр-Дам до-Парр).

Париж. Лувр.

ваятелей, архитекторов, а в мае 1791 года Национальное Собрание постановило превратить Лувр в музей, каким он является и в настоящее время. Тогда же предполагалось, что в этом дворце будет находиться и королевское жилище, но еще в октябре 1789 года Людовик XVI поселился в другом дворце, носившем название Тюильри, и здесь дважды подвергся нападению народной толпы (20-го июня и 10-го августа 1792 года). При Тюильрийском дворце был манеж, в котором происходили заседания Учредительного и Законодательного Собраний и Национального Конвента, но последний в мае 1793 года перешел в самый дворец, где потом происходили и заседания Совета старейшин. Здесь же некоторое время, в манеже, происходили заседания и Совета пятисот, пока для него не построили особый зал в Пале-Бурбон на левом берегу Сены; в последнем и теперь помещается Палата депутатов.

Таким образом, Тюильрийский дворец (просуществовавший до 1871 года, когда он сгорел во время восстания Коммуны) в течение трех лет был королевской резиденцией и во все время революции местом пребывания представительных собраний Франции. Людовик XVI покинул его, когда им овладел восставший народ, после чего король уже был пленником, и местом его заключения сделался Тампль.

Замок Тампль был как бы второй Бастилией, только меньших размеров. Это было также средневековое укрепление неподалеку от ворот, когда-то ведших во внутренний город. Название свое замок получил от того, что был когда-то (еще в XIII веке) построен рыцарями-храмовниками, или тамплиерами, защитниками св. храма (по-французски Тампль) в Иерусалиме. С начала XIV века до самой революции здание было занято монастырем, упраздненным в 1790 году, во время революции было одним из мест заключения, снова становилось (1815—1848) женской монастырской обителью, и было разрушено только в пятидесятых годах прошлого века. До сих пор соседние улицы, бульвар и предместье носят название Тампля. В Тампле заключен был Людовик XVI, а после его казни — еще более двух лет его малолетний сын, дофин, там и умерший. Мария-Антуанета была переведена перед казнью в другую тюрьму, известную под названием Консьержери.

Здание, известное под этим именем, существует и в настоящее время и тоже служит местом заключения. Оно находится на северном берегу острова Сита и сохранило свой внешний вид. Рядом с ним сохранилась и старинная башня с большими часами, а оба эти здания примыкают к Пале-де-Жюстис, т.е. к Дворцу Правосудия, где до революции происходили заседания Парижского парламента (высшей судебной палаты), а во время республики — революционного суда. В тюрьме Консьержери, кроме Марии-Антуанеты, были заключены из деятелей революции Эбер и Дантон. Еще раньше, в ужасные сентябрьские дни 1792 года, была перебита большая часть узников, сидевших в этой тюрьме.

Как известно, сцены избиения заключенных происходили в эти кровавые дни и в других тюрьмах Парижа, из которых следует назвать еще Аббатство. Она примыкала к одному из стариннейших и знаменитейших французских монастырей св. Германа (Сен-Жермен) в Полях, главная церковь которого, имеющая вид крепости, сохранилась и до настоящего времени.

Париж. Тюрьма Консьержери, в которой была заключена Мария-Антуанета.

Тюильрийский дворец.

В тюрьму был во время революции обращен и дворец (коллеж) Мазарини, очищенный, однако, в 1793—1794 годах для заседаний Комитета общественного спасения. Впоследствии это

Париж. Сад Пале-Рояля.

здание было занято Национальным институтом, который в 1795 году был создан Конвентом из соединения прежних академий.

К числу зданий, превращенных во время революции в тюрьмы, относится и второй по красоте во всем тогдашнем Париже Люксембургский дворец с великолепным садом. Он в начале революции принадлежал брату короля, графу Прованскому, но после его эмиграции сделался национальною собственностью. Местом заключения он стал во время террора, но в 1795 году Директория превратила его в жилище своих членов, а после переворота 18-го брюмера в нем временно поселились все трое консулов республики. При Директории Люксембургский дворец был местом, где устраивались роскошные официальные праздники (например, 10-го декабря 1797 г. в честь генерала Наполеона Бонапарта). Неподалеку от Люксембурга находился Французский театр (ныне Одеон), сдела-

вшийся одним из центров борьбы с Конвентом перед восстанием 13-го вандемьера *).

Из парижских зданий, тесно связанных с историей революции, особого внимания заслуживает Пантеон, построенный на одном из самых высоких мест левого берега Сены. Здесь прежде стояла церковь во имя св. Женеьевы, покровительницы Парижа. Когда этот храм пришел в ветхость, Людовик XV приказал его разрушить и начать постройку нового по планам архитектора Суффло. Новый храм задуман был грандиозных размеров, более 50 сажен длины, около 40 ширины и без малого 45 сажен в высоту. Хотя фундамент был заложен еще в 1757 г., а первый камень — в 1764, в начале революции он не был еще окончен и только в 1799 г. мог считаться достроенным. В 1791 г. Национальное Собрание постановило превратить здание во „Французский Пантеон“, усыпальницу „великих людей, прославившихся своими талантами, доблестями и заслу-

*) „Великая французская революция“, стр. 331 и след.

Париж. Люксембургский дворец.

Париж. Пантеон усыпальница великихъ людей Франціи.

гами перед отечеством". Первым удостоился этой чести Мирабо, но впоследствии останки его были удалены, когда похоронили там Марата, а из прежних деятелей сюда был перенесен прах Вольтера и Руссо. В 1822 — 1830 и в 1855 — 1885 гг. Пантеон был снова церковью св. Женевиевы. По имени Пантеона назывались секция, где находилось это здание, и знаменитый клуб второго периода революции *).

Нам остается сказать еще о парижском соборе во имя Божьей Матери (Нотр-Дам де-Пари). Начатый постройкою еще в середине XII века, он был окончен только в начале XIV столетия и, конечно, был сооружен в готическом стиле. Его внешнему виду повредили, с одной стороны, пожары, с другой, неудачные

реставрации и переделки, в одной из которых был повинен и упомянутый архитектор Суффло. Революция с ее нелюбовью ко всему средневековому, как варварскому („готическому“), была особенно неблагоприятна для памятников старины, каким был этот парижский храм. В 1793 г. Коммуна даже постановила его разрушить, после чего началось удаление многих его украшений (например, целого ряда статуй королей). Собор, однако, уцелел, но в нем, в течение многих лет, не совершалось католического богослужения. Он даже был объявлен храмом Разума, и в его стенах 10-го ноября 1793 г. было торжественное чествование разума в образе красивой дамы *). Сама секция Нотр-Дам одно время именовалась секцией Разума. Окончательно католическому культу церковь была возвращена в 1802 году.

Рядом с Нотр-Дам находился дворец парижского архиепископа (с 1790 г. епископа); в нем временно, от октября до декабря 1789 г., происходили заседания Национального Собрания. Кроме того, этот дворец (или епископство, эвфемизм), было местом, где собирались делегаты отдельных секций и некоторые общества.

III.

Уже перед революцией Париж был городом, привлекавшим иностранцев своею красотою, своею веселою жизнью, своим умственным, литературным и художественным движением. В городе было много парков и садов, бульваров и аллей, площадей и фонтанов и т. п. Многие, однако, во время революции пострадало, в особенности церкви в период якобинских гонений на католицизм **). Одна из самых старых церквей Парижа, Сен-Жермен-д'Оксерруа, в течение 10 лет была селитренным складом. Подобная же судьба постигла и некоторые другие церкви. Были и такие, которые продавались на слом и вообще разрушались. Так погибла церковь св. Иакова в Мясниках из времен готики, и от нее осталась только одна башня, служащая и теперь одним из украшений центра города (Тур Сен-Жак—стр. 616). Более всего погибло разных зданий, принадлежавших монастырям: — даже собор Богоматери находился под угрозою быть снесенным с лица земли.

Разрушены были во время революции и некоторые памятники. На Новом мосту через два рукава Сены и западную оконечность острова Ситэ стояла конная статуя „добротного короля“ Генриха IV, которую в 1792 г. перелили в пушки, но которая была восстановлена в 1818 г. и до сих пор украшает мост. Таким же образом были разрушены конные статуи Людовика XIII на Королевской площади, Людовика XIV на площади Побед,

*) „Великая французская революция“, стр. 384.

*) „Великая французская революция“, стр. 283.

***) Там же, стр. 283.

Париж. Ратуша. (Отель-де-виль).

Париж. Дом Инвалидов.

Людовика XV на площади его имени, переименованной в площадь Революции. Из них статуя Людовика XIV была восстановлена в 1821 г. Своих памятников, сколько-нибудь прочных, революция соорудить не успела, хотя в этом отношении и делались кое-какие попытки. Большею частью это были наскоро сооружавшиеся колонны, которые не пережили своей эпохи. Часто ограничивались возведением временных декоративных построек или посадкою „деревьев свободы“.

Некоторые здания старого Парижа в эту эпоху исчезли и независимо от революционной вражды к старому порядку. Одной из особенностей дореволюционного Парижа были дома на мостах через Сену, как это можно еще видеть на упоминавшемся выше плане Тюрго (стр. 610). Парижские мосты до 1789 г. были большею частью деревянные и держали на себе дома с окнами, выходящими и на реку, но уже до 1789 г. их начинали сносить. На двух мостах, соединявших остров Сита с правым берегом Сены, стояли дома в 6—7 этажей. В 1788 г. было ассигновано более миллиона ливров для того, чтобы их купить на снос, но работа эта была произведена позднее. Мост св. Михаила между островом и левым берегом был из камня и держал на себе 32 дома до 1809 г. На другом мосту, соединявшем остров с левым берегом, дома держались еще в 1835 году. На третьем—дома сгорели еще в 1818 г. и более не возобновлялись. Во время ледохода жители уходили из своих квартир, опасаясь непрочности таких деревянных сооружений. Незадолго до революции начали строить каменный мост Людовика XVI (к югу от площади Людовика XV), для чего пользовались потом с 1789 г. камнями Бастилии, к разрушению которой приступили после 14-го июля.

Эти дома на мостах показывают, как население Парижа теснилось к центру города. Здесь уже давно строились многоэтажные дома, хотя большею частью с очень низкими потолками и крайне маленькими комнатками. Каждый дом по фасаду занимал притом очень небольшое пространство, да и не шел также далеко в глубину от улицы, так что число жильцов в каждом было не очень большим. Уже в XVIII веке многие жили в Париже без своего хозяйства, прокармливались в многочисленных ресторанах и кофейных. В своих маленьких квартирках рабочие занимались своим делом, так как сколько-нибудь обширных промышленных заведений тогда сравнительно было мало, и даже более крупные предприниматели раздавали работу на дом. Маленьких мастерских ремесленного типа было, наоборот, великое множество.

Старый Париж состоял из очень узких улиц, часто кривых, пересекавшихся одни с другими самым причудливым образом, с переулками, пассажами, тупиками *). Всех улиц насчитывали около девяносто, так как часто отдельные кусочки улицы носили разные названия. Названия эти, отчасти сохранившиеся и теперь, были иногда довольно курьезные: например, улица Кошки, уходящей рыбу, улица Дурных мальчиков, улица Нехороших слов и т. п. Во время революции не только секции, но и улицы меняли свои названия, принимая имена Марата, Эбера и т. п., или такие обозначения, как улица Горы, улица Друга Народа и т. п., а также и более замысловатые, в роде улицы Отмщенной Лукреции. После революции улицам возвращались большею частью старые названия или давались новые. В теперешних названиях сохранилось гораздо более воспоминаний из наполеоновской эпохи, нежели из времен революции. Только при нынешней третьей республике стали давать улицам имена деятелей великой революции. Так, в современном Париже есть улицы Байльи, Карно, Кондорса, Дантона, Лафайета, Мирабо, Неккера и т. п., при чем отсутствуют имена таких людей, как Марат или Робеспьер. Только при третьей же республике начали ставить в Париже и памятники некоторым деятелям революции. Выше уже был отмечен памятник Камиллу Демулену, но есть и другие (Байльи, Дантону и т. п.). Но и без этих названий и статуй многое в Париже напоминает о событиях, разыгравшихся в нем в конце XVIII века.

*) На стр. 618 воспроизводим вид Старой Храмовой улицы (Rue Vieille du Temple), сохранившейся в прежнем почти виде доньше; на первом плане—дом, построенный еще в 1528 г.

К числу памятников, посвященных этой эпохе, нужно отнести еще один специальный музей, в котором собрано великое множество книг, брошюр, плакатов, рисунков и разного рода предметов, оставшихся от времен революции. Он помещается в так называемом Отеле Карнавале, барском особняке, построенном еще в конце XVI века. Другая такая же, но гораздо меньшая, коллекция хранится в Версале, в зале того самого манежа Жёде-пом, в котором депутаты третьего сословия принесли свою знаменитую присягу 20-го июня 1789 г. *).

*) „Великая французская революция“, стр. 134. На стр. 617 даем теперешний вид этой залы, которую украшает большая картина, воспроизведенная на стр. XXX „Великой французской революции“.

Париж. Башня св. Иакова. (Тур Сен-Жак).

Париж. Здание, в котором помещался клуб якобинцев.

Париж. Версаль. Зала Жё-де-Пом (в настоящее время).

Париж. Старая Храмовая улица (Rue Vieille du Temple).
Угловой дом построен в 1528 г.

революции происходили в Париже, кроме начала и конца ее. В Версале депутаты поклялись друг другу не расходиться, пока не дадут Франции нового государственного устройства, и только уступить силе штыков, если от них потребуют разойтись. Такая сила штыков и была через десять лет употреблена против народного представительства генералом Бонапартом, для чего, однако, потребовалось перенести заседания Законодательного корпуса в городок Сен-Клу.

Потомки парижан конца XVIII века с гордостью вспоминают о героических подвигах и заслугах своих предков.

* * *

Песни мои, мои соколы ясные,
К небу несут вас мечты беспокойные,
К небу, где сдвинулись тучи ненастные,
Где разгулялись молнии знойные!
Хочется ль гроз вам?..—Но грозы могучее,
Ярче у нас на земле разражаются.
Дождь ли вас манит струею кипучею!..—
Кровь здесь и слезы страшной проливаются...
Нет, вы ошиблись своею дорогою,
Песни мои, мои соколы вольные!
Мчитесь к земле,—там с безумной тревогою
Ждут вас уставшие, ждут вас бездельные,—
Ждут, чтобы силы вдохнули вы новые,
Чтобы рассеяли горечь сомнения,
Чтобы пошли они в битвы суровые
С вашею верой в зарю возрождения!..

Елизавета Исполатова.

Пряжки на башмаках отца Геннадия.

Рассказ П. П. Гнедича.

I.

Князь Александр Михайлович Половчанинов завел дневник, и стал в него вписывать.

„Маия 29-го. Кто ездил ныне у меня по двору,—писал он,—того человека плетью. Дворников всех взять в кнуты—пересечь до смерти, а Дмитрия дворника—отдать в смиренный дом.

„Маия 30-го. Того, кто драл детей за уши, того самого отодрать до крови. Двух собак бездомных, что во двор утром забежали, накормить и оставить жить при доме. Постройку бани скончали.

„Маия 31-го. Почему голубям и воробьям не дают корму? Они принуждены клевать навоз. Как бы моему мажордому Тарас Иванычу не пришлось клевать чего подобного!

„Июния 1-го. За поднесенный священником Азариевым стихотворный панегирик, озаглавленный „Князю и философу Половчанинову“,—дать тройку вяток и крест с аметистами.

„Июния 3-го. Кушлен портрет папы Пия седьмого, кисти Камучини, и Богоматерь работы Долче,—последняя несколько более натуральной величины. Продавал курьер из Рима—Стобеусов. Перед домом в парке разбил лабиринт. Императрица спрашивала: „зачем?“ Ответил: „Это служит эмблемою препятствий и трудностей, встречаемых на пути жизни“.

„Июния 4-го. А голуби все клюют пакость. Выбран повар Емельян Сычуга. А садовника Пивкина—в солдаты.

„Июния 5-го. Освящение новой бани. Строил италианский зодчий в мавританском стиле, с золоченым куполом. Освящал наместник из Пустыни—Геннадий. При нем—крещеный турка. Хвалил. „Вот бы попариться“.

„Июния 7-го. Пригласить Геннадия на пятницу в баню. Купил густоцсового пса—кличка Мамелюк.“

II.

Геннадий был молод годами для своего важного поста. Но пышность и великолепие, неразлучное с своим саном, поддерживал. Получив приглашение от князя попариться в новой бане, он заметил:

— Приятно будет в таких термах омыть свою плоть. Нарочито приятно.

— Особливо, ежели, после омовения, в передбаннике марсалы испить,—поддакнул казначей, отец Варлаам, человек ученый, говоривший по-гречески так же свободно, как и по-русски, и обладавший странным приростком на носу: такие бывают белые грибы двойчатки: сбоку выходит приросток пушпырышком.

— Не токмо марсалы, а и прочего,—согласился Геннадий.—Одолжаться его сиятельству мы не будем, а ежели он пожалует, то и его попросим соприсовокупиться. Вообще, отче, ты бы озаботился, чтобы в одноколку положили всего, что полагается.

Отец Варлаам погладил грудь и сказал:

— Озабочусь.

В назначенный час, к крыльцу архимандрита подан был шестерик. Впереди на коне сидел верхом дьякон Авдий. Он был в стихаре и в руках держал посох. Конь был под ним серый, а так как сам Авдий был родом с Дона, то в седле он сидел молодецки и посох держал на подобие пика. За ним, по церемонии, должна была следовать одноколка, запряженная рыжим меринком, с Варлаамом и таинственным грузом в куляках и корзинах. Далее шел шестерик и сам владыка в колымаге, при чем на козлах, рядом с кучером Саввой, сидел крещеный турка, который должен был мыть Геннадия по-восточному, обливая его пеной из какого-то пузыря. За владыкой, в открытых дрогах, следовали избранные представители братии, которые удостоились приглашения, так как мыльня была обширная и там за раз могло мыться человек пятнадцать без стеснения.

До имении Половчанинова, называвшегося по-новому мызой, было всего от монастыря две версты. Широкая дорога шла в некотором расстоянии от морского залива, и по ней катились длинной вереницей кареты цугом и скакали гвардейцы на опенных конях. Изредка попадались вереницы обозов: из столицы везли больше бутылки, а в столицу—овощи и молоко. Иные, завидя выезд Геннадия, еще издали снимали шапки, а Геннадий истоиво благословлял проезжих и все повторял про себя:

— Хорошо попариться в термах в такую погоду,—ах, хорошо!

Доехав до ворот мызы, кортеж повернул влево и вступил в аллею стриженных гротегусов и молодых кленов. Золотой плоский купол бани мелькнул между кустов зелени. Ниже просвечивало бе-

лое тело постройки. Форейторы не рассчитали, и колымага на аршин проехала далее крыльца, несмотря на крики мажордома Тараса Ивановича:

— Стой, варвары! Держи лошадей, росомаха! Осаживай, слюнтяи!

Дышиловых осаждали. Владыка вылез, сошел по рассыпавшейся от дверцы раскидной лестнице и, дав облобызать руку Тарасу Ивановичу, спросил с явным неудовольствием:

— А его сиятельство у себя?

— Их императрица к себе вытребовала, потому они в отъезде и приказали принять ваше высокопреосвященство и сказать, что беспрерывно будут.

Это владыку несколько успокоило. Он сказал „А!“ и последовал кафельными сенями в передбанник.

Ш.

Геннадий любил, чтоб на нем все было шелковое и бархатное снаружи и все шелковое снизу. Рубашку он носил шелковую; исподние—шелковые; чулки тоже шелковые, высокие, на подобие женских. Пряжки на башмаках были серебряные, но по праздникам он надевал даже униженные драгоценными камнями. И теперь он распорядился взять их с собою. Пряжки были сделаны весьма искусно и были подарены ему ко дню ангела, повидимому, одной из духовных дочерей. Присланы неведомо от кого, но как будто от девственницы Серафимы, девицы княжеского рода, достигшей уже тридцатипятилетнего возраста и имевшей под щекками некоторую одуловатость. По утверждению наперсницы ее, Берты, служившей при ней камерфрау, одуловатость эта происходила от неумеренного употребления французского пенного вина, вывозившегося из Шампани и никогда не переводившегося в погребах Серафимы. Она весьма одобряла чистоту, а также привычки к роскоши Геннадия, и говорила:

— Поступающий в иноческий чин перестает быть мужчиной. И, ходя в одежде, более схожей с женской, приближается по привычкам и нравам к слабой полу. Потому, владыко, мне вас ни чуточки не стыдно. И то, что я офицеру гвардии не дозволила бы,—вам разрешу охотно.

Геннадий подтверждал ее мысли.

— Через меня спасешься,—говорил он.—Если не согрешишь,—в чем же ты будешь каяться? А ежели тебе каяться не в чем, то как же может проявиться милосердие Божие, и в чем надлежит прощать, коли нет греха?

Эта логика Геннадия нравилась очень многим светским дамам и даже их мужьям. Они говорили своим женам:

— Дупечка,—прав владыка. И советую тебе последовать его предначертаниям и зовам.

И в свой черед намекали Геннадия:

— Открылся пост товарища министра. Коли я достоин, то, быть-может, владыко, вы зайкнулись бы...

И владыка заикался. Новая получалась овца его паствы и каялась потом в Великом посту со слезами:

— Позаямствовался... был не в силах, обуреваем был страстями.

— А много?—интересовался Геннадий.

— Много, владыко, очень много...

IV.

С белых ног Геннадия осторожно снимали чулки. Отец Варлаам распаковывал кульки и корзинки, при чем старался сорить как можно меньше. Турка взял свой пузырь и пошел в мыльню готовиться к мытью.

Очевидно, владыку ждали. Пол в передбаннике и в самой бане усыпан был душистыми травами и цветами. Тарас Иванович указал на боченок венгерского, стоявший в жаркой бане, и сказал:

— Это для поддавания на каменку, дабы пар был благовонный, и для окачивания владыки после омовения.

— Человек серьезный князь Александр Михайлович—заметил Варлаам и, вида Геннадия совсем обнаженным, прибавил:—Думаю, таким Адам был в раю. Очень, владыко, у вас приятное сложение.

Владыка пошлепал себя по бедрам.

— Потому я не похож на Адама,—заговорил он,—что у Адама одной подробности не было, свойственной всем людям, как женска, так и мужеска пола.

Варлаам дернул головой.

— Вы говорите—подробности? И питом—общей обоим полам? Что же это за подробности?

Но вновь послышался троекратный стук в дверь, и Тарас Иванович вновь что-то говорить начал.

— Невозможно,—возразил ему в щелку Варлаам,—ибо владыка уже без покровов.

Тем не менее Тарас Иванович настоятельно шептал:

— Его сиятельство прибыли и желают видеть владыку по не терпящему отлагательства делу.

Владыка уже направлялся в мыльню, когда ему передали желание хозяина. Он нахмурился.

— Пушай после того, как я помоюсь, приходит,—сказал он,—а теперь мне невозможно.

Опять что-то зажурчал Тарас. И до владыки долетело одно слово: „императрица“.

— Императрица едет, сейчас здесь будет!—испуганно загово-

рил Варлаам.—Потому им и надлежит без промедления иметь коллоквиум с вашим высокопреосвященством.

Его высокопреосвященство сжал губы, задумался, и потом приказал:

— Подать срачицу.

На него накинули сорочку длинную, до пят. Он выправил волосы, попавшие под ворот, и, стоя босиком на цветах среди предбанника, приказал:

— Впустить!

V.

Князь Александр Михайлович пыльный и потный, в мундире и орденах, ввалился в двери и, тяжело отдуваясь, спешно сунулся под благословение владыки.

— Не по месту!—сказал Геннадий, вместо благословения подставил свою щеку для поцелуя и сделал вид, что сам целует в слюнявые уста хозяина.

— Через час будет здесь императрица,—залепетал князь.—А потому я пристяжную загнал и оставил ее на дороге. Обедать и во дворце. Вечером в город мимо меня должны следовать и заявляли: „слыхала я, что вы новой конструкции баню выстроили,—то желаю оную постройку осмотреть.“

Князь Александр Михайлович сбросил с себя кафтан и камзол. Он начал расстегивать и все дальнейшее.

— Полагаю —сказал владыка,—что вам надлежит в том же убранстве остаться для встречи высокой гостьи, а отнюдь не сбрасывать ее с себя.

— Мне необходимо, владыко, окунуться в ванну, так как меня от жары размягчило всего. Я вам помехой не буду, ибо, сколь вы помните, три мраморных вместилища у меня поставлено. Да и, много-много, я через четверть часа уже буду готов.

Владыка сел.

— Я обожду, пска вы помоетесь,—холодно сказал он,—дабы не мешать вам.

Князь Александр Михайлович, освобожденный от мокрых, прилипших к нему одежд, которые стаскивали с него, как шкуру с угря, стоял перед владыкою во всем своем тучном великолении. Волосатая грудь его тяжело дышала.

— Владыко!—жалостливо моргая, залепетал он.—Необходимо, через час чтобы все здесь было убрано, проветрено, дабы императрица могла вступить и вольно дышать.

Геннадий посмотрел на великодушный золотой толстый брегет, лежавший на туалетном столе, и спокойно промолвил:

— Сомневаюсь, чтоб в течение часа я покончил с омовением, тем паче, что вы еще более своим присутствием останавливаете ход действий.

— Но ведь императрица...—начал-было хозяин.

— Всемиловейшая государыня посмотрит сие сооружение завтра на обратном пути из города,—не смущаясь, продолжал Геннадий.—А, впрочем, поторопитесь окунуть ваше тело в водные хляби,—быть-может, мы и сегодня поспеем..

— Поспеем, владыко, поспеем..

Он зашлепал босыми ногами по цветам и побежал к душистой ванне, приготовленной для владыки, и по дороге махнул Тарасу Ивановичу, чтобы он следовал за ним: сидя в ванне, он должен был отдавать приказания о приеме императрицы.

VI.

— И у досточтимого хозяина дома здешнего подробность, о коей вы заметили, имеется?—не отставал Варлаам.

— Ох, помолчи, отец!—посоветовал Геннадий.—Говоришь ты слишком много и праздно. Суесловие.

Но Варлааму трудно было остановиться.

— Что ж, владыко,—заговорил он,—и евангелист сказал „эн архэ эн то логос“,—„в начале бе слово“.

— Кай то логос эн прос тон Феон“,—продолжал Геннадий.—Так ведь то слово у Бога было, а не у тебя, нечестивого.

— Почему же я нечестивый!—обиделся Варлаам.—Едва ли я подал повод к такой номенклатуре?

А князь Александр Михайлович приказывал из ванны:

— Три дюжины чтоб было заморожено. Фрухтов чтоб было в изобилии. Чтоб мороженое было пяти разрядов. Чтоб фисташковое было, малиновое, сливочное, земляничное, ананасное. Чтоб кофей был, чтоб бенедиктин подали... Шкуру спущу, коли что не так будет.

— Вон слышите, владыко, как сей Лукулл старается,—говорил Варлаам,—думаю, что и вас он оставит на сей банкет, да и меня, хотя бы за музыкантским столом, угостят пельсянками?

Геннадий сел в кресло, скрестив свои босые ноги, и поднял с полу цветок.

— Ты бы пошел к Лукуллу,—посоветовал он,—и поторопил, чтоб чрево свое скорее он промывал.

— Там два челединца его протирают,—возразил Варлаам, заглянув в мыльню.—Губками грекскими трут. Запах как бы от лавандового масла идет. А Тарас Иванов уже уходит.

Тарас Иванович, точно, иноходью пронесся мимо, стараясь при этом как можно менее занять свою червообразную персоную пространства и проскочить мимо владыки, как полудночное видение.

— Скоро?—спросил ч него владыка.

Тарас Иванович в согбенном положении замер.

— Тотчас омовение кончат, — ответил он.

Через высокое, открытое окно лились золотисто-румяные лучи вечернего солнца. Зеленая листва тихо шевелилась, и узор ее тени скользил по белому мрамору стен. Тонкие колонки венчались наверху причудливыми группами сталактитов, точно соты какого-то райского улья нависали над людьми. Низенький фонтанчик в мраморной раковине журчал невысокой струей. Восточные диваны с подушками широкими ложами пестрели вдоль стен. Все было еще ново и переносило мысль на далекий юг.

— Сколь велик гений ума человеческого! — заговорил Геннадий, обводя все вокруг себя взором. — Давно ли сии места представляли топь болотную, с хижинами рыбаков, мокрыми неводами на берегу и смоляным запахом убогих челнов? А что мы видим ныне? Великолепные мавзолеи воздвиглись среди благоустроенных парков. Рафаэль и Мурильо висят на стенах палат. Изысканные французские вина шипят в бокалах. Ароматы востока услаждают наши ноздри. По широким дорогам влекут нас быстронагие кони в венских колесницах. И все сие — в краткий срок, в какие-нибудь полстолетия создано человеком. Как же не сказать, что он сотворен по образу Божию и подобию, и что, подобно божественному началу своему, он способен на творчество новых форм и созданий?

Все присутствующие, застав дыхание, слушали импровизацию великого проповедника, восседавшего перед ними в одной срачце. А из соседней залы доносилось:

— Сильнее три, олух! Так, так, — да не сухой: помочи, каналья, губку, помочи, стервец!

VII.

Солнечные пятна на мраморе стены давно уже потускнели и пропали. Восковые свечи в высоких шандалах уже были зажжены. Уже владыка натянул фиолетовые чулки и вдел ступни в башмаки с сверкающими пряжками, когда послышалось на дворе сматывание и шум, гиканье, лязг оружия и хлопанье бичей. Варлаам, наполовину одетый и выглянувший за дверь, сообщил:

— Въезжают. Карьегард уж приехал.

Трудно сказать, что, собственно, подразумевал Варлаам под карьегардом. Но, во всяком случае, гусарский эскадрон прискакал во двор и выстроился у подъезда.

— Я так полагаю, — говорил Варлаам, — что вам, владыко, теперь не подобает воспринять марсалы, как было нами предугазано по росписи, дабы винного аромата не шло из уст. Да и вдобавок, ежели пенные французские вина там подадут, то едва ли нужно подобное смещение?

— Тем не менее ты мне стакан марсалы подашь, — сказал владыка.

Варлаам покорно склонил голову и начал наливать густую жидкость, привезенную владыке в дар откуда-то издалека. Еще стакан не весь был выпит, хотя Геннадий тянул его, не отрывая уст, как подали ему записку от хозяина.

«Владыко, — значилось там, — сожалюте пожаловать в компанию нашу».

— Вели подавать мою колымагу! — сказал владыка, расчесывая бороду душистой щеткой. — Не пешком ли пойду я?

Но он был не в духе. Что же мешало Геннадию светло и ясно смотреть на мир Божий? Крещеный турка вымыл его чудесно, и весь он затонул, как в пуху, в мыльной пене, что была выпущена из пузыря. Марсала была превосходная. Пастильки в перламутровой круглой коробке, для уничтожения винного запаха, тоже были на высоте своего достоинства, — а какал-то соринка мешала духовному созерцанию владыки. Ужели то были башмаки с драгоценными пряжками? Не было ли преднамеренности в том, что владыка взял эту обувь? Ведь почему же, поехав в баню, захватил он ее? Хотел похвастаться ею перед князем?

Опять он пошел в карету. Уже темно, и четыре смоляных факела горело по углам двора, то вспыхивая, то замирая, и тени ходили от них по толпе пестрых холопов. Проехав несколько сажень, колымага остановилась. Опять челядь бросилась высаживать приехавшего. Торжественно и истоно, благословляя склонившиеся перед ним головы, следовал гость по ковровой дорожке поперек обширной залы с колоннами на широкую открытую веранду, всю залитую цветами, прихотливо рассыпавшимися вязями из больших китайских ваз. На одном конце террасы был смех, переливались пятна золоченых кафтанов, белели широкие юбки и пудренные парики. И первая, кого Геннадий заметил, была девица Серафима, бывшая впереди всех и точно поджидавшая его прихода.

Но, отыскав глазами императрицу, он направился прямо к ней и левую руку уже предупредительно подложил под панягну, дабы дать ей приложиться, если она после благословения обнаружит склонность к лобызанию.

— А, владыка! — сказала она. Она никогда не могла выговорить ни грубого русского ла, ни еры. Она улыбнулась, сделала вид, что шагнула ему навстречу, первая протянула руку и продолжала: — Помилость? Хорошо помилость? А ми вас ждем, пока вы там полоскались!

— Да, да, мы вас ждем, — подтвердила девица и тоже подошла под благословение. — Как от вас, владыко, всегда хорошо пахнет! — прибавила она, нюхая ему грудь и бороду.

— Так не каждый петиметр ароматен, — подтвердила государыня и столь благосклонно посмотрела на Геннадия, что тот как будто и ощутил, что ненапрасен был его приход, и даже наряд его уместен.

— А мы вот здесь на гаснущий закат глядим, — продолжала она. — Здесь восхитительно, очаровательно! Вид какой на залив!

VIII.

— А что, владыко, ведь Христос не носил на башмаках таких пряжек! — сказала вдруг Серафима, смотря на сверкающую туфлю Геннадия.

Государыня тоже соизволила перевести глаза вниз и тоже сказала:

— Думаю, что нет. Стрекоза наша истину сказала.

Серафиму звали в придворных кругах стрекозой. Но в глаза одна только государыня изволила ее так называть. Серафима не обижалась и любила немного разыгрывать шутиху. Прикрываясь шуткой, она позволяла себе многое, что не допускалось в придворном кругу, и все ей прощалось, так как она в сумерках, сидя у ног царицы, смешила ее деланной наивностью и, цитируя фливорные французские стишки, восклицала:

— Как это глупо и неповнятно!

И теперь, говоря о пряжках Геннадия, она знала, что только веселит общество, и самого владыку не рассердит.

Он не рассердился, а притворно вздохнув, проговорил:

— Да, Господь наш не ходил в такой обуви. Но ведь и его последовательницы не ездили в дворцовых колымагах и не приносили ему в дар подобных сям драгоценных пряжек. А не надеть — обидеть дарящих.

Брови государыни изволили чуть-чуть дрогнуть.

— Как будто намек? — спросила она, не выходя из черты светского разговора. — Кто же она особа, подарившая эти пряжки отцу духовному?

Она посмотрела на владыку испуганно. Владыка посмотрел на нее, скользнув глазами по девице, невинно разглаживавшей ленту от корсажа.

— Этого имени, государыня, я назвать не могу, ибо оно мне неизвестно, — ответил он. — Прислано мне в день ангела моего неизвестной.

— А ежели я попрошу вас сообщить мне сие имя на ушко? — спросила императрица.

Геннадий развел руками.

— Все же я этого сделать не могу, ибо имени сам не знаю.

Князь, заметя, что брови у высокой гостьи все больше и больше дергаются, и увидя, что внесли мороженое, спросил:

— Земляничное, фисташковое... Которое соблаговолите?

Но высокая гостья как будто его не слышала.

— Ежели я желаю, даже приказываю, то всякие клятвы нарушаются... Я жду, владыко.

А князь шептал:

— Может, сливочного?

IX.

Геннадий стаял среди веранды, и блестящая свита наблюдала, чем кончится этот неприятный эпизод. Геннадий как будто несколько побледнел, но так же ровно заговорил вновь:

— Какой же пример будет соблазнительный, ежели я, представитель церкви, солгу? Выдумав перед вами, всемилолюбившая государыня, имя жертвовательницы, я вместе с сим сниму свое звание, ибо буду считать себя носить его недостойным и буду просить Святейший Синод об увольнении.

— Это уж ваше дело, — запальчиво, но видимо сдерживаясь, сказала императрица. Ноздри ее воздымались и опускались, как мехи, когда ими раздувают уголья.

Наступило молчание — неловкое, томительное. Легучая мышь чиркнула над собранием, но императрица ее по близорукости не заметила, а прочие не заметили ее по этикету.

Вдруг девица наивно подняла свои маленькие карие глазки и сказала:

— Владыке совсем не надо на ушко об этом передавать ее величеству, — я могу вслух при всех сказать: это я подарила ему пряжки.

Геннадий встретился с ней взглядом. Он понимал, что она спасти его хочет, и думал, следует ли сказать: «Сия девица хочет по чистоте своей» — и прочее. Но Серафима продолжала:

— Потому облекла я мой подарок таинственностью, чтобы у нас все шиворот навыворот не поняли. Ведь уж так у нас любят сплетни, так любят сплетни! А я подарила владыке эти пряжки, потому что он совсем не мужчина, и ходит подобно даме, в юбочке, что я ему много раз говорила. Потому я могу не только ему пряжки дарить, но и позволять целовать меня, что он не однажды и делал.

Геннадий овладел собою совсем, но проговорил:

— Этого я что-то не припомню...

Государыня подняла голову и сказала строго:

— Снимать вам сана, владыко, не подобает, а перевестись отсюда в другую обитель надлежит.

И обращаясь к хозяину, еще строже прибавила:

— Велите подавать экипаж.

К. Сожов.

Галажный разговор.

X.

Это всех поразило, как громом, и вновь воцарилась тишина—жуткая, зловещая.

— А осматривать...—начал робко хозяин.

— Не желаем.

— А фиешашкового?.

— Не желаем.

— Может, ананаса?

— Ничего не желаем. Велите подавать экинаж.

Поднялась суета. Опять захлестали бичи. Гусары, наскоро допивая недопитое, сажались на коней. Факелов вместо четырех зачало десятка два, хотя еще было светло. Люди надеялись напиться, и намерение их было разрушено. Они были озлоблены и вымещали злость на лошадях, — били их по мордам и держали за мундштуки.

— Охота, многоценная, из-за пустяков таких волноваться, да разве они стоят того?—шептала Серафима.

Но государыня, сжав губы, смотрела на залив, затягивавшийся туманной вечерней пеленой, и говорила:

— Отстань, пошла прочь.

— И что Геннадий в юбочке слово держит, это весьма даже одобрительно,—продолжала девиственница.

— Молчи, — почти крикнула государыня и ручкой так раз-

махнулась, как будто хотела дать всемирноизвестную оплеухину.

А князь метался среди свиты. В голову его как молотом било. Он боялся подходить к владыке, который отошел к балюстраде террасы и стоял неподвижно, смотря на синие облака, что плыли тяжелыми чудовищами по светло-зеленой прогалине неба. Карсельские лампы, как будто недоумевая, светили в мраморных пролетах залы, среди цветов террасы. Высокий гвардейский офицер с большими черными глазами один был покоен и, держа в выхоленной руке полутотпый бокал аи, как-то насмешливо смотрел на весь переполох, на сновивших перепуганных людей.

Низкий толстый капитан, гремя серебряными шпорами, доложил, что все готово. Покрасневшая, тяжело-дышавшая императрица протянула руку хозяину и, не глядя на него, сказала:

— Мы не шдали от вас этого...

С владыкой она не удостоила проститься, даже головой ему не кивнула. Только девиственница, проходя мимо, шепнула ему:

— Я все устрою!

На дворе слышалась команда. Опять лязг оружия, храп коней. И садясь в карету, императрица снова кинула хозяину, метнув глазами:

— Не ошдала я от вас этого,—не ошдала!

(Окончание следует).

Голубок.

Дни проходят, проходят недели,
Вот и праздник осенний—Покров,
И заботливо поле одели
Чьи-то руки холстами снегов.
А царевна грустит над шелками,—
Взор печален и светел и тих.
Далеко, далеко за морями—
Князь любимый, желанный, жених.
Может, скоро теперь и вернется,—
Обещался на самый Покров,
А холодное солнце смеется
Над холстами холодных снегов.
Прилетел голубок сизокрылый,
В слюдяное окно постучал.
Улыбнулась царевна:—Мой милый
Из-за моря поклон мне прислал.
— Милый помнит меня, вспоминает,—
Голубок ты мой сизый, родной...
Только старая мамка вздыхает:
— Со святыми его упокой...

Николай Ашукин.

Старый замо́к.

Как тоскливы колоннады, как пустынно в гулком зале,
Как туманно выступает потускневший ряд картин,
А когда-то здесь смеялись, а когда-то здесь рыдали
Под звенящие аккорды золоченых клавесин.
Позолота потускнела на орнаментах карнизов
Сквозь закопченные окна тускло льется блеклый свет,
А когда-то в этих залах расфранченные маркизы
Так жеманно, так манерно танцовали менуэт.
Ветер в щели заметался. У большой оконной рамы
Проскользнул по полу залы и метнулся с воем в печь,
А когда-то клали гордо здесь к ногам Прекрасной Дамы
У соперника ударом ловко вышибленный меч.
Под поблекшей позолотой обвалившихся карнизов
В уголке пред зеркалами у разбитых клавесин
Никогда уже не встанет расфранченная маркиза
И жеманно не поправит свой широкий кринолин.

Конст. Ванюков.

Элегия.

Поблекшим золотом, холодной синею
Осенний вечер светит над Невой.
Кидают фонари на волны блеск неяркий
И зыблются слегка у набережной барки
Угрюмый лодочник, оставь свое весло!
Мне хочется, чтоб нас течение несло;
Отдаться сладостно вполне душою смутной
Заката блеклого гармонии минутной.
И волны плещутся о темные борта,
Слилась с действительностью легкая мечта.
Шум города замолк. Тоски распались узы
И чувствует душа прикосновенье Музы.

Георгий Иванов.

* *
*

Девушки пляшут на ферме в уборах зеленых и алых
В честь молодого вина, бродящего в темных подвалах.
Скрипки их гонят стремительным метром.—
Кто их догонит?
Пестрые фартуки вскинуты ветром.
Щедрая осень в них золото сыплет.
Новый боченок несут, старый уж выпит.
Девушки пляшут на ферме в уборах зеленых и алых
В честь молодого вина, бродящего в темных подвалах.
Смотрят мужчины. От шуток нескромных
Нету отбоя.
Смех и желание в лицах их темных.
Здесь поцелуй, а там перебранка.
Завтра и пить и плясать вновь спозаранка.
Девушки пляшут на ферме в уборах зеленых и алых
В честь молодого вина, бродящего в темных подвалах.
Звуки свирелят задорно и плавно
Отзвуком в горы.
Не услышали бы только их фавны!—
Ведь прибегут, все разграбят в подвалах
И увлекут за собой женщин усталых.

Т. Ефименко.

Главные военные деятели французской революции.

Очерк проф. Н. И. Кареева

I.

История великой французской революции имеет свою военную сторону. В 1792 году между революционной Францией и Европой старого порядка началась война, которая продолжалась и тогда, когда республика во Франции уступила место единовластия величайшего полководца не только эпохи, но и всех времен. Отделяя 1799 годом эпоху консульства и империи Наполеона I от революционного периода, охватывающего десятилетие 1789 — 1799 гг., мы можем сказать, что в военной истории этого периода, как и в политической его истории, блещет несколько имен, которые даже попали на страницы школьных учебников. Настоящий очерк имеет задачей дать о них некоторое общее представление в дополнении к тому, что говорится на страницах „Великой французской революции“ (Приложение к „Ниве“ с. г.) о деятелях политических.

Что особенно бросается в глаза при ближайшем знакомстве с отдельными выдающимися военными деятелями революции, это — молодые годы многих из них. Всем хорошо известно, что в год начала революции будущему владыке Франции Наполеону Бонапарту исполнилось только 20 лет, но у гениального полководца были и сверстники, родившиеся в одном с ним году, как Жубер, Марсо, Ней, или в предшествовавшем году, как Гош и Дезэ. Когда началась война, никому из них не было еще 25 лет. Не многим старше были Бернадотт, будущий король Швеции, Журдан, Макдональд, Моро, Пишегрю, которые все родились в первой половине шестидесятых годов и все, следовательно, были моложе 30 лет, когда началась революция. Массенá, Лафайету, Ожеро и Клебару было 31, 32 и 35 лет в 1789 году, и лишь немногие были старше этого возраста, как Дюмурье и Кюстин, имевшие лет по 50, или Келлерман 54 лет.

Очень рано военная молодежь достигала и высших чинов в армии. Бонапарт был уже генералом, не достигнув полных 25 лет, а через два года был уже главнокомандующим армии, посланной на завоевание Италии. Жубер заслужил генеральский чин 26 лет, Гош — 25 лет. Карьера Гоша была даже необычайно быстрой: на протяжении каких-нибудь семи недель он был сделан сначала бригадным, потом дивизионным генералом и, наконец, главнокомандующим мозельской армией. Дезэ командовал рейнской армией 28 лет, Жубер — голландской армией 29 лет и т. п. Военные карьеры делались быстро потом и при Наполеоне.

Достижение высших военных чинов и должностей было во Франции возможно в молодых годах и при старом порядке, но, конечно, только благодаря очень знатному происхождению, а не по личным заслугам. Молодые генералы и полководцы революции были часто очень демократического происхождения. Начавший службу еще в годы революции Мюрат, впоследствии зять Наполеона и король неаполитанский, восемнадцатилетний юноша в год начала революции, был сыном трактирщика и сам служил „гарсоном“ в кофейне. Гош, вступивший в военную службу шестнадцатилетним мальчиком, что было за пять лет до революции, был сыном смотрителя королевской псарни. Ней был сыном бочара. Другие были детьми мелких чиновников и, самое большее, захудалых дворян, при чем многие тоже не могли получить сколько-нибудь сносного образования, тем более, что еще подростками поступали на службу. Гошу было 16 лет, когда он сделался солдатом, но в таком же возрасте при поступлении на военную службу был и Марсо, которому его отец, мелкий провинциальный чиновник, не дал никакого образования. Такого же возраста был и Журдан, когда в 1778 году отправился воевать в Америку. Были среди них и такие, которые преждевременно бросали учение. Мюрата отец отдал — было в духовную семинарию, откуда его, однако исключили за шалости, после чего он и сделался слугой в кафе. Впрочем, и те, которые получали образование в школе, кончали его очень рано. Наполеон был офицером, имея от роду только 16 лет, окончив курс в Парижской военной школе в 1785 году.

Нечего говорить, что столь отличавшаяся военная молодежь Франции душой и телом была предана революции. Некоторые и на службу-то поступали, чтобы ей служить. Более сомнительно было отношение к революции представителей старших поколений. Дюмурье, который был военным человеком еще до революции, уже тогда готов был служить, что называется, и нашим и вашим, когда, например, предлагал свои услуги то корсиканскому патриоту Паоли против генуэзцев, то этим последним против первого. Прикнув к революции, он сначала дружил с жирондистами, потом перекинулся на сторону якобинцев, и, хотя он и признал республику, но,

как известно, изменил ей, вступив в переговоры с внешними врагами Франции с целью произвести монархическую реставрацию. В том же стремлении обвинялся и Кюстин, к которому относились с недоверием, и который кончил жизнь на эшафоте. Но особенно ненадежным отношением к революции известен Пишегрю. Сначала он даже думал защищать старый порядок и даже хотел примкнуть к эмигрантам, для чего ездил в Кобленц, где была их главная квартира. Оказав Франции в 1793 — 1794 годах крупные военные услуги, Пишегрю очень скоро соблазнился лестными предложениями принца Конде, одного из вождей эмигрантов, и покинул Францию подобно Дюмурье. Последний так и кончил свои дни за пределами отечества, но Пишегрю тайно возвратился во Францию, был арестован и умер в тюрьме.

Впрочем, отшатнувшись от революции пришлось и столь искренно бывшему ей преданным Лафайету. Высказавшись против событий 20-го июня и 10-го августа 1792 года, приведших к падению конституционной монархии, которой он служил, он ради спасения своей жизни покинул родину, протомился несколько лет в австрийской крепости и возвратился во Францию только после совершенного генералом Бонапартом переворота 18-го брюмера. Однако, он не примкнул к победителю и отказался принять от него звание сенатора, оставшись верен либеральным идеям, которым служил и в американской революции и на родине в 1787 — 1792 годах, а впоследствии и при Бурбонах вплоть до революции 1830 года.

Таких военных деятелей революции, которые, подобно Лафайету, отказались от службы новому порядку вещей, избранному своим происхождением перевороту 18-го брюмера, было очень немного. Некоторые, кое-кто из названных нами лиц, и не дожили до единовластия Наполеона. Марсо был смертельно ранен в 1796 г., не имея еще полных 27 лет. Гош умер в 1797 г., не достигнув тридцатилетнего возраста. Тридцатилетнего Жубера убила вражеская пуля в битве при Нови в 1799 году. Дезэ и Клебер, сопровождавшие Наполеона в египетской экспедиции, были в отсутствии из Франции, когда произошел государственный переворот, и оба они погибли в следующем году: Дезэ — в битве при Маренго в Италии, а Клебер — от руки мусульманского фанатика в Египте, притом почти в одно и то же время (18-го и 14-го июня).

Убитый в 1799 году Жубер у политических деятелей эпохи был в виду, как возможный кандидат на ту роль, которая в том же году выпала на долю Бонапарту. После кончины Жубера в том же смысле имелся в виду и Моро, но он уклонился от сделанного ему предложения, что, однако, не помешало ему помочь Бонапарту при совершении переворота 18-го брюмера, хотя и не без колебаний. Вскоре, впрочем, Моро обнаружил намерение не уступать Бонапарту первенства в государстве, начал против него интриговать и даже вступил в сношения с прежним своим начальником Пишегрю, что имело последствием отдачу Моро под суд, приговоривший его к тюремному заключению, которое Наполеон заменил изгнанием. К числу генералов, не бывших расположенными к Наполеону, был и Бернадотт, не пожелавший участвовать в перевороте. Журдан даже был прямым противником переворота и чуть не попал в проскрипционный список, что, впрочем, не помешало ему впоследствии быть на службе у империи.

Другие принимали большее или меньшее участие в перевороте или, по крайней мере, сочувствовали ему и служили новому господину Франции. В числе их был известный Ожеро, который был главным деятелем переворота 18-го брюмера, когда объявлены были действительными выборы в законодательный корпус из целого ряда департаментов. При Наполеоне он сделался маршалом и получил титул герцога Кастильоне. Такие награды выпали на долю и других республиканских генералов, служивших императору. Так, Массенá тоже был маршалом и герцогом Ривольским, Ней — маршалом, герцогом Эльхингенским, князем Московским (de Moscow) и пр. После падения Наполеона некоторые продолжали служить и Людовику XVIII, хотя бы и не в качестве военных, как Келлерман (тоже маршал и герцог Вальвийский), бывший членом палаты пэров. Массенá и Макдональд (маршал и герцог Тарентский) равным образом служили и при Людовике XVIII. Перешел на его сторону и маршал Ней, которому новое правительство даже поручило важное командование, но, как известно, Ней ему изменил, когда Наполеон вторично воцарился во Франции, за что после окончательного падения империи Ней был по приговору суда расстрелян. Та же участь постигла тогда же и Мюрата, сначала отрекшегося от Наполеона для спасения своего неаполитанского трона, а потом опять перешедшего на сторону Наполеона.

II.

В истории революционных войн с именами этих военных вождей связаны наиболее важные победы и завоевания Франции в эту эпоху.

Начало подвигам революционной армии было положено Дюмурье. Когда после падения монархии Лафайет оставил свою армию на произвол судьбы, преемником его был назначен Дюмурье, которому исполнительный совет предписал только не подпустить неприятеля к Парижу. Генерал решил, однако, пойти к врагу навстречу, овладел Аргонским проходом и битвой при Вальми (20-го сентября 1792) остановил нашествие. После этого (6-го ноября) он разбил неприятеля при Жеммапе, после чего завоевал Бельгию. Одновременно Кюстин взял в Германии Шпейер, Вормс, Майнц и Франкфурт на Майне. В этих походах отличился и Келлерман, которому в 1793 году была поручена альпийская армия. Уже упомянуто было, что Дюмурье исчез со сцены, а Кюстин в 1793 году был казнен, обвиненный в измене. Казнен был также и генерал Ушар, победитель при Гондомосте, за то, что не сумел воспользоваться своей победой. Та же участь грозила и Келлерману, но он отделался только тринадцатимесячным тюремным заключением и после 9-го термидора был оправдан.

Первые завоевания Франции были непрочны, что дорого обошлось не только Кюстину, но и генералам Богарне и Бройлю, казненным в 1794 году за измену. В 1793 году военное положение Франции ухудшилось, и настоящий поворот к лучшему начался для французов только в середине 1794 года после битвы при Флерюсе (26-го июня), в которой отличился Журдан, под начальством которого были, между прочим, Массена и Клебер. Победа при Флерюсе *) над коалиционной армией имела такое же значение, как победы при Вальми и при Жеммапе: она спасла Францию от нашествия и привела к завоеванию Бельгии. Вместе с этим перед Журданом открылась возможность возобновить дело Кюстина на Рейне, через который он совершил переход 6-го сентября 1794 года. Через эту реку французам приходилось во время революции переправляться неоднократно. Кроме того, в следующие годы блестящие переправы через Рейн совершали со своими войсками Клебер, Дезз, Моро, Гош.

Гош в это время уже был на вершине своей славы, а через пять месяцев его уже не было в живых: при страшном переутомлении, какому он себя подвергал, достаточно было незначительной болезни, чтобы свести его в могилу. И его жизненный путь был усеян терниями. Когда в 1793 году его непосредственного начальника арестовали, за неосторожные слова по этому поводу и сам он был арестован, но суд его оправдал. В следующем году он был вторично арестован по доносу Сен-Жюста, привезен в Париж и посажен в тюрьму Консьержери, откуда его спас только переворот 9-го термидора. После этого ему поручили умиротворить Вандею, что ему и удалось не одними военными мероприятиями, и сделать высадку в Ирландии, совершенно не удавшуюся. Гош стяжал репутацию рыцарственно благородного и гуманного человека и пользовался большим почетом и у неприятеля. Во время его похорон было перемирие, и враги оказали его праху воинские почести. Так как враги Директории обвиняли ее в том, будто она была причиной смерти Гоша, то по нем устроены были на Марсовом поле торжественные поминки с пением гимна Жозефа-Мария Шенье на музыку Керубини.

После того, как Журдан открыл путь к вторичному завоеванию Бельгии, Пишегрю, назначенный главнокомандующим северной армией в 1794 году, в короткое время овладел Голландией. Но, подобно первому завоевателю Бельгии, т.-е. Дюмурье, он запятнал впоследствии свою военную славу изменою отечеству.

С весны 1796 года главным театром революционных войн делается Италия, путь в которую перед войсками Французской республики проложил гений Бонапарта. Когда он был назначен главнокомандующим южной армией, генералы, которые были старше его годами, были недовольны тем, что должны будут подчиняться приказам такого молодого начальника, но после первого же военного совета, в котором тот развил свой план, один из генералов сказал другому: „ну, теперь у нас

есть господин“. Победы и завоевания Бонапарта в Италии слишком общеизвестны. В итальянских походах второй половины девяностых годов XVIII века отличились и Ожеро, и Макдональд, действовавший раньше в Бельгии, в Голландии и на Рейне, и Массена, потом боровшийся с нами Суворовым в Швейцарии, и Жубер, нашедший смерть в битве при Нови с тем же Суворовым, и Моро, уже успевший прославиться своими военными подвигами в Бельгии и на Рейне.

В 1799 году, пока Бонапарт был в Египте, Жубер, уже раньше совершавший чудеса в Тироле, через который пробираться по горам и ущельям было очень трудно, заменил его в должности главнокомандующего итальянской армией, имея своим ближайшим помощником Моро, который и принял на себя главное начальствование, когда Жубер пал в битве при Нови. Смерть Жубера произвела во Франции такое же впечатление, как и смерть Гоша. И его память чествовалась всенародно на Марсовом поле, при чем в числе ораторов, говоривших похвальные речи, был и Сьейес, в то время председательствовавший в Директории. Сердце Жубера было привезено в Тулон, один из фортов которого получил его имя.

Вообще в личностях обоих молодых полководцев, — в Гоше и Жубере, — было много сходного, и оба они привлекали к себе симпатии всех, кто их знал. В них не было той грубости, которая отличала, например, Ожеро и была присуща в такой степени самому Бонапарту. Судьба обоих получила романтический оттенок. Едва Гош женился на любимой девушке, как был арестован и увезен в Париж, где его ждал революционный суд. Молодой вдове досталось сомнительное утешение присутствовать на чествовании его памяти на Марсовом поле в Париже. После Жубера тоже осталась молодая вдова, которой Директория послала после известия о его смерти выражение своего соболезнования. Жубер вступил в брак всего за шесть дней до своего последнего отъезда в армию. Влюбленный в оставленную дома молодую жену, он постоянно имел при себе ее портрет и, смотря на него, говорил офицерам: „я обещаю республике и ей или победить или умереть, и я победил или умер“. Память о Гоше и о Жубере окружена поэтическим ореолом.

В египетской экспедиции 1798 — 1799 гг. вместе с Наполеоном участвовали Клебер, нашедший в Каире свою кончину, Дезз, Мюрат и некоторые другие, из которых назовем только Мену, который, желая угодить своему главному начальнику, находившему полезным всячески улаживать мусульман, сам принял магометанство и стал называться Абдалла-Иаков, но вызвал только насмешки и не имел подражателей. После смерти Клебера Мену принял на себя командование экспедиционным отрядом, с остатками которого возвратился во Францию в 1801 году.

Во внутренней истории Франции генерал Мену известен по участию в событиях последнего периода Национального Конвента. Когда после 9-го термидора началось сильное брожение в революционном предместье Св. Антония, генералу Мену было поручено подавить его с применением самых суровых мер, но отличавшийся вообще умеренностью Мену не захотел воспользоваться своею властью с беспощадною суровостью и проявил в этом деле известную мягкость. В должности командующего внутренней армией он был заменен, в связи с событием 13-го вандемьера, генералом Бонапартом, равным образом и в данном случае не обнаружив распорядительности *). Его поведение по отношению к восставшим против Конвента секциям было настолько двуусмысленно, что только заступничество Бонапарта спасло его от худшего, чем простое отставление от должности. Зато в деле усмирения восстания Бонапарт нашел подходящего помощника в лице Мюрата, который потом и 18-го брюмера оказал ему большие услуги. В эпоху империи Наполеон не оставил Мену своими милостями и даже назначал его генерал-губернатором в Пьемонте и в Венеции.

В этом очерке военных деятелей революции имелись в виду одни боевые генералы. Поэтому мы обошли молчанием такого человека, как Карно, справедливо названного „организатором победы“. Он был, как известно, не боевым генералом, но был выдающимся министром **).

*) „Великая французская революция“, стр. 334.

***) См. о нем в „Великой французской революции“, где имеется и его портрет.

*) „Великая французская революция“, стр. 325.

Содержание. ТЕКСТ: Париж времен великой революции. Очерк проф. Н. И. Кареева (с 18 иллюстрациями). — Стихотворение Елизаветы Исполотовой. — Прижим на башмаках отца Геняля. Рассказ И. П. Гнедича. — Голубок. Стихотворение Николая Ашукни. — Старый замок. Стихотворение Константина Ванюкова. — Элегия. Стихотворение Георгия Иванова. —

Стихотворение Т. Ефименко — Главные военные деятели французской революции. Очерк проф. Н. И. Кареева.
РИСУНКИ: Иллюстрации к очерку проф. Н. И. Кареева „Париж времен великой революции“. — Галактический разговор. К. Сомова.
К этому № прилагается „Полное собрание сочинений М. Горького“ книга 25.